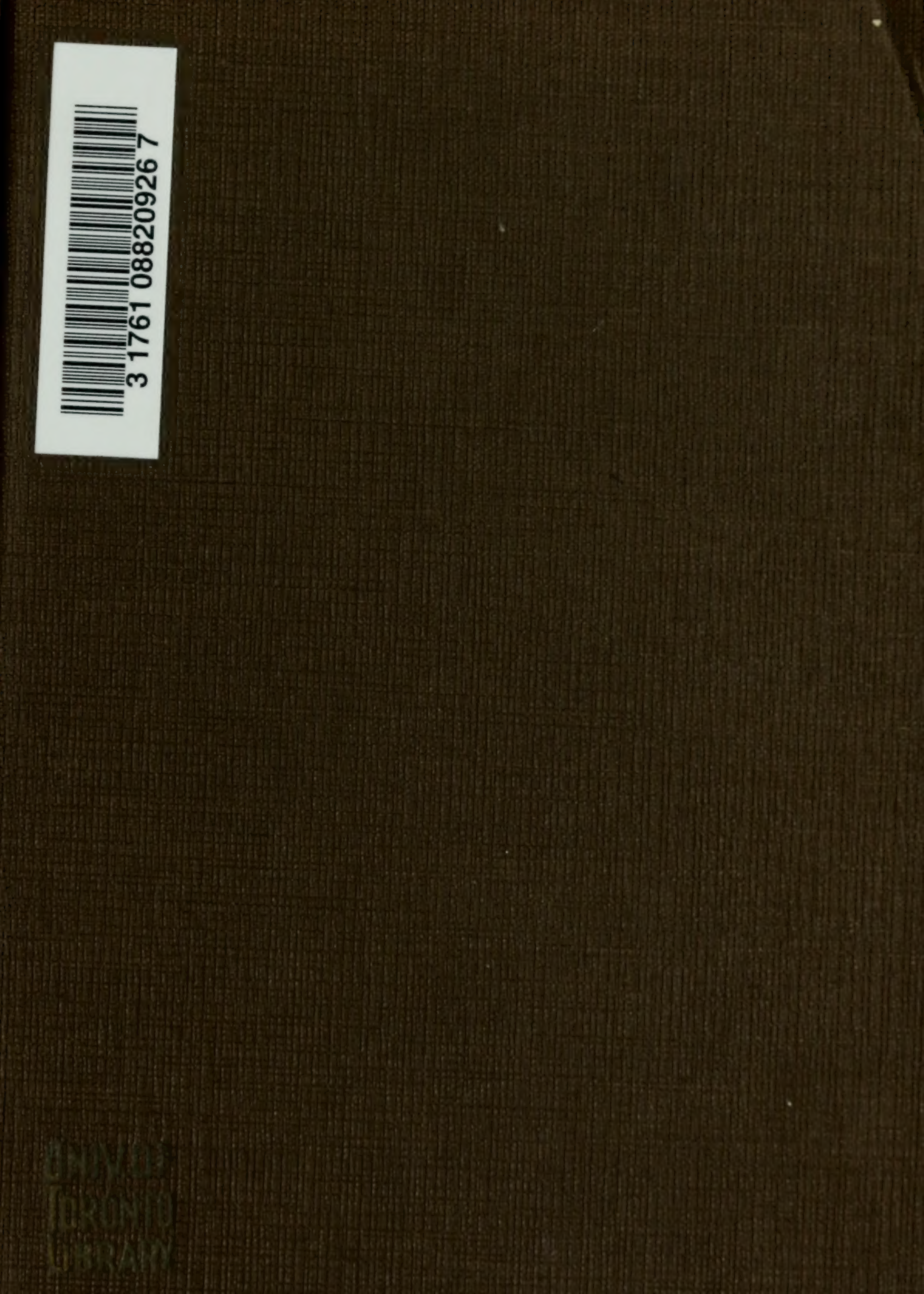
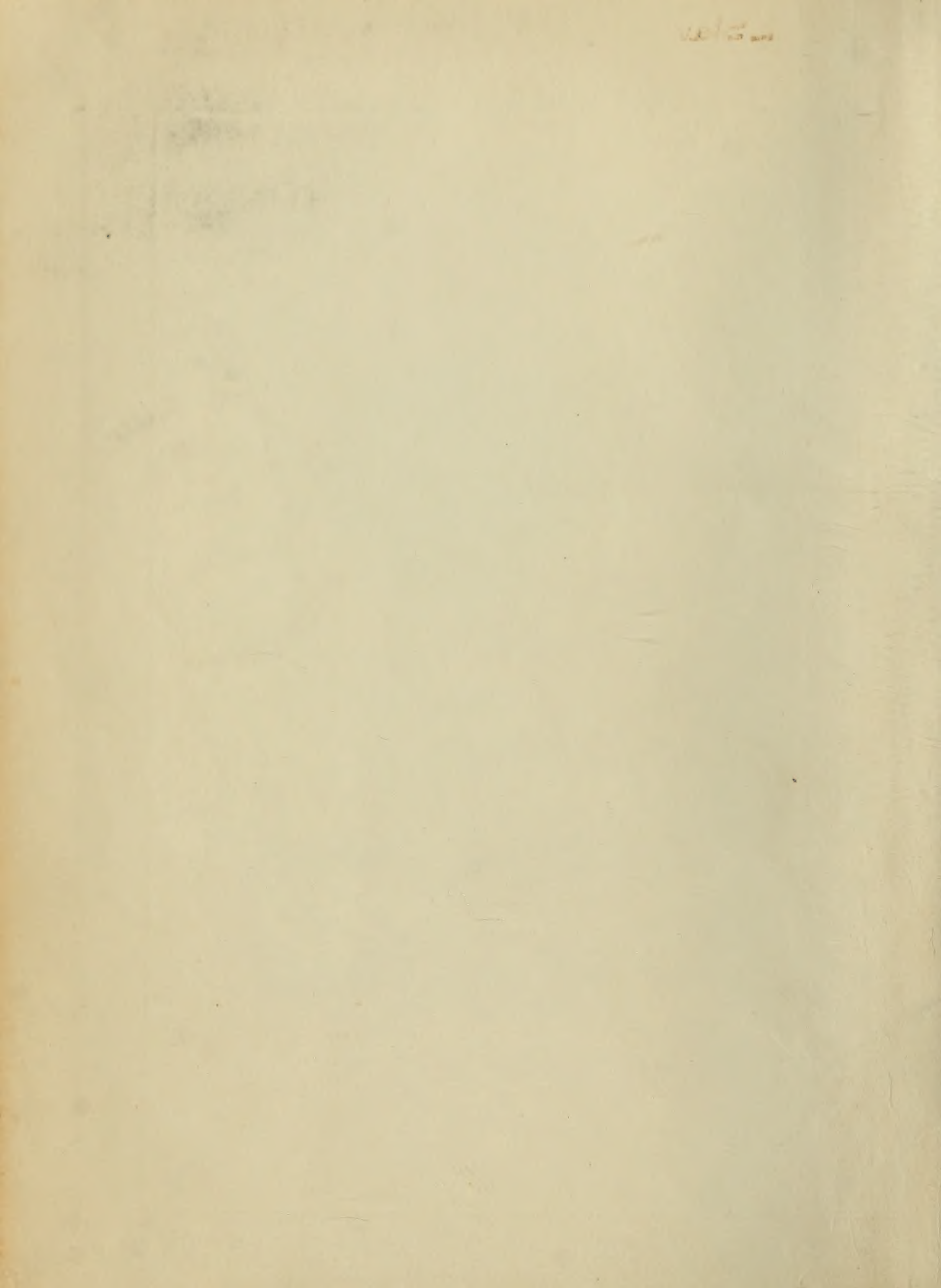

3 1761 08820926 7

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

АННА КАРЕНИНА.

Томъ I.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1889.

АННА КАРЕНИНА.

1873—1876.

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

АННА КАРЕНИНА.

1873—1876.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ. Жена узнала, что мужъ былъ въ связи съ бывшею въ ихъ домѣ француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не можетъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ. Положеніе это продолжалось уже третій день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всѣми членами семьи и домочадцами. Всѣ члены семьи и домочадцы чувствовали, что нѣтъ смысла въ ихъ сожительствѣ, и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой, чѣмъ они, члены семьи и домочадцы Облонскихъ. Жена не выходила изъ своихъ комнатъ, мужа третій день не было дома. Дѣти бѣгали по всему дому какъ потерянныя;

англичанка поссорилась съ экономкой и написала записку пріятельницѣ, прося пріискать ей новое мѣсто; поваръ ушелъ еще вчера со двора, во время обѣда; черная кухарка и кучеръ просили расчета.

На третій день послѣ ссоры князь Степанъ Аркадьевичъ Облонскій, — Стива, какъ его звали въ свѣтѣ, — въ обычный часъ, то-есть въ 8 часовъ утра, проснулся не въ спальнѣ жены, а въ своемъ кабинетѣ, на сафьянномъ диванѣ. Онъ повернулъ свое полное, выхоленное тѣло на пружинахъ дивана, какъ бы желая опять заснуть надолго, съ другой стороны крѣпко обнялъ подушку и прижался къ ней щекой; но вдругъ вскочилъ, сѣлъ на диванъ и открылъ глаза.

„Да, да, какъ это было?—думалъ онъ, вспоминая сонъ.— Да, какъ это было... Да, Алабинъ давалъ обѣдъ въ Дармштадтѣ; нѣтъ, не въ Дармштадтѣ, а что-то американское. Да, но тамъ Дармштадтъ былъ въ Америкѣ. Да, Алабинъ давалъ обѣдъ на стеклянныхъ столахъ, да, — и столы пѣли: Il mio tesoro, и не Il mio tesoro, а что-то лучшее, и какіе-то маленькіе графинчики, они же женщины“, вспоминалъ онъ.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли, и онъ задумался, улыбаясь. „Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще тамъ было отличнаго, да не скажешь словами, и мыслями даже на-яву не выразишь“. И замѣтивъ полосу свѣта, пробившуюся съ боку одной изъ суконныхъ сторъ, онъ весело скинулъ ноги съ дивана, отыскалъ ими шитыя женой (подарокъ ко дню рожденія въ прошломъ году), обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли и, по старой, девятилѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой

къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него висѣлъ халатъ. И тутъ онъ вспомнилъ вдругъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ; улыбка исчезла съ его лица, онъ сморщилъ лобъ.

„Ахъ, ахъ, ахъ! Аа!..." замычалъ онъ, вспоминая все, что было. И его воображенію представились опять всѣ подробности ссоры съ женою, вся безвыходность его положенія, и мучительнѣе всего собственная вина его.

„Да, она не проститъ и не можетъ простить. И всего ужаснѣе то, что виной всему я, — виной я, а не виноватъ. Въ этомъ-то вся драма,—думалъ онъ.—Ахъ, ахъ, ахъ!" приговаривалъ онъ съ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой ссоры.

Непріятнѣе всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселый и довольный, съ огромною грушей для жены въ рукѣ, не нашелъ жены въ гостиной, къ удивленію не нашелъ ея и въ кабинетѣ, и наконецъ увидалъ ее въ спальнѣ съ несчастною, открывшею все, запиской въ рукѣ.

Она, эта вѣчно озабоченная и хлопотливая, и недалекая, какою онъ считалъ ее, Долли, неподвижно сидѣла съ запиской въ рукѣ и, съ выраженіемъ ужаса, отчаянія и гнѣва, смотрѣла на него.

— Что это... это? —спрашивала она, указывая на записку.

И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучило Степана Аркадьевича не столько самое событіе, сколько то, какъ онъ отвѣтилъ на эти слова жены.

Съ нимъ случилось въ эту минуту то, что случается съ людьми, когда они неожиданно уличены въ чемъ-нибудь слишкомъ постыдномъ. Онъ не сумѣлъ приготовить свое

лицо къ тому положенію, въ которое онъ становился предъ женой послѣ открытія его вины. Вмѣсто того, чтобъ оскорбиться, отрекаться, оправдываться, просить прощенія, оставаться даже равнодушнымъ,—все было бы лучше того, что онъ сдѣлалъ, — его лицо совершенно невольно („рефлексы головнаго мозга", подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, который любилъ физіологію), совершенно невольно вдругъ улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку онъ не могъ простить себѣ. Увидавъ эту улыбку, Долли вздрогнула, какъ отъ физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потокомъ жесткихъ словъ и выбѣжала изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ она не хотѣла видѣть мужа.

„Всему виной эта глупая улыбка", думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

„Но что же дѣлать, что дѣлать?" съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ и не находилъ отвѣта.

II.

Степанъ Аркадьевичъ былъ человѣкъ правдивый въ отношеніи къ себѣ самому. Онъ не могъ обманывать себя и увѣрять себя, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ, что онъ, тридцати-четырехлѣтній, красивый, влюбчивый человѣкъ не былъ влюбленъ въ жену, мать пяти живыхъ и двухъ умершихъ дѣтей, бывшую только годомъ моложе его. Онъ раскаивался только въ томъ, что не умѣлъ лучше скрыть отъ жены. Но онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и жалѣлъ жену, дѣтей и себя. Можетъ-быть онъ

сумѣлъ бы лучше скрыть свои грѣхи отъ жены, еслибъ ожидалъ, что это извѣстіе такъ на нее подѣйствуетъ. Ясно онъ никогда не обдумывалъ этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что онъ не вѣренъ ей, и смотритъ на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарѣвшаяся, уже некрасивая женщина и ничѣмъ не замѣчательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости, должна быть снисходительна. Оказалось совсѣмъ противное.

„Ахъ, ужасно! ай, ай, ай, ужасно!—твердилъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и ничего не могъ придумать.—И какъ хорошо все это было до этого, какъ мы хорошо жили! Она была довольна, счастлива дѣтьми, я не мѣшалъ ей ни въ чемъ, предоставлялъ ей возиться съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, какъ она хотѣла. Правда, не хорошо, что *она* была гувернанткой у насъ въ домѣ, не хорошо! Есть что то тривіальное, пошлое въ ухаживаньи за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Онъ живо вспомнилъ черные плутовскіе глаза m-lle Roland и ея улыбку). Но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. И хуже всего то, что она уже... Надо же это все какъ нарочно! Ай, ай, ай! Но что̀ же, что же дѣлать?“

Отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ самые сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностями дня, то-есть забыться. Забыться сномъ уже нельзя, по крайней мѣрѣ до ночи, нельзя уже вернуться къ той музыкѣ, которую пѣли графинчики-женщины; стало-быть надо забыться сномъ жизни.

„Тамъ видно будетъ“, сказалъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и, вставъ, надѣлъ сѣрый халатъ на голубой шелковой подкладкѣ, закинулъ кисти узломъ и, вдоволь забравъ воздуха въ свой широкій грудной ящикъ, привычнымъ, бодрымъ шагомъ вывернутыхъ ногъ, такъ легко носившихъ его полное тѣло, подошелъ къ окну, поднялъ стору и громко позвонилъ. На звонокъ тотчасъ же вошелъ старый другъ, камердинеръ Матвѣй, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслѣдъ за Матвѣемъ вошелъ и цирюльникъ съ припасами для бритья.

— Изъ присутствія есть бумаги?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, взявъ телеграмму и садясь къ зеркалу.

— На столѣ,—отвѣчалъ Матвѣй, взглянулъ вопросительно, съ участіемъ на барина и, подождавъ немного, прибавилъ съ хитрою улыбкой: — Отъ хозяина-извощика приходили.

Степанъ Аркадьевичъ ничего не отвѣтилъ и только въ зеркало взглянулъ на Матвѣя; во взглядѣ, которымъ они встрѣтились въ зеркалѣ, видно было, какъ они понимаютъ другъ друга. Взглядъ Степана Аркадьевича какъ будто спрашивалъ: это зачѣмъ ты говоришь? развѣ ты не знаешь?

Матвѣй положилъ руки въ карманы своей жакетки, отставилъ ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрѣлъ на своего барина.

— Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не безпокоили васъ и себя понапрасну,—сказалъ онъ видимо приготовленную фразу.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что Матвѣй хотѣлъ пошутить и обратить на себя вниманіе. Разорвавъ телеграм-

му, онъ прочелъ ее, догадкой поправляя перевранныя, какъ всегда, слова, и лицо его просіяло.

— Матвѣй, сестра Анна Аркадьевна будетъ завтра,—сказалъ онъ, остановивъ въ минуту глянцевитую, пухлую ручку цирюльника, расчищавшаго розовую дорогу между длинными, кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу,—сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ такъ же, какъ и баринъ, значеніе этого пріѣзда, то-есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьевича, можетъ содѣйствовать примиренію мужа съ женой.

— Однѣ, или съ супругомъ?—спросилъ Матвѣй.

Степанъ Аркадьевичъ не могъ говорить, такъ какъ цирюльникъ занятъ былъ верхнею губой, и поднялъ одинъ палецъ. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Однѣ. На верху приготовить?

— Дарьѣ Александровнѣ доложи, гдѣ прикажутъ.

— Дарьѣ Александровнѣ?—какъ бы съ сомнѣніемъ повторилъ Матвѣй.

— Да, доложи. И вотъ возьми телеграмму, передай, что онѣ скажутъ.

„Попробовать хотите“, понялъ Матвѣй, но онъ сказалъ только:—Слушаю съ.

Степанъ Аркадьевичъ уже былъ умытъ и расчесанъ и сбирался одѣваться, когда Матвѣй, медленно ступая поскрипывающими сапогами, съ телеграммой въ рукѣ, вернулся въ комнату. Цирюльника уже не было.

— Дарья Александровна приказали доложить, что онѣ уѣзжаютъ. Пускай дѣлаютъ какъ имъ, вамъ то-есть, угодно,—сказалъ онъ, смѣясь только глазами, и, положивъ ру-

ки въ карманы и склонивъ голову на бокъ, уставился на барина. Степанъ Аркадьевичъ помолчалъ. Потомъ, добрая и нѣсколько жалкая улыбка показалась на его красивомъ лицѣ.

— А? Матвѣй?—сказалъ онъ, покачивая головой.

— Ничего, сударь, образуется,—сказалъ Матвѣй.

— Образуется?

— Такъ точно-съ.

— Ты думаешь? Это кто тамъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, услыхавъ за дверью шумъ женскаго платья.

— Это я-съ,—сказалъ твердый и пріятный женскій голосъ, и изъ-за двери высунулось строгое, рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

— Ну что, Матреша?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя къ ней въ дверь.

Несмотря на то, что Степанъ Аркадьевичъ былъ кругомъ виноватъ передъ женой и самъ чувствовалъ это, почти всѣ въ домѣ, даже нянюшка, главный другъ Дарьи Александровны, были на его сторонѣ.

— Ну, что?—сказалъ онъ уныло.

— Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Богъ дастъ. Очень мучаются, и смотрѣть жалости, да и все въ домѣ вынтараты пошло. Дѣтей, сударь, пожалѣть надо. Повинитесь, сударь. Что дѣлать! Люби кататься...

— Да вѣдь не приметъ...

— А вы свое сдѣлайте. Богъ милостивъ, Богу молитесь, сударь, Богу молитесь.

— Ну, хорошо, ступай,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ покраснѣвъ.—Ну, такъ давай одѣваться,—обратился онъ къ Матвѣю и рѣшительно скинулъ халатъ.

Матвѣй уже держалъ, сдувая что то невидимое, хомутомъ приготовленную рубашку и съ очевиднымъ удовольствіемъ облекъ въ нее холеное тѣло барина.

III.

Одѣвшись, Степанъ Аркадьевичъ прыснулъ на себя духами, выправилъ рукава рубашки, привычнымъ движеніемъ разсовалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двойною цѣпочкой и брелоками, и встряхнувъ платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и физически веселымъ, несмотря на свое несчастіе, вышелъ, слегка подрагивая на каждой ногѣ, въ столовую, гдѣ уже ждалъ его кофе и, рядомъ съ кофеемъ, письма и бумаги изъ присутствія.

Онъ прочелъ письма. Одно было очень непріятное —отъ купца, покупавшаго лѣсъ въ имѣніи жены. Лѣсъ этотъ необходимо было продать; но теперь, до примиренія съ женой, не могло быть о томъ рѣчи. Всего же непріятнѣе тутъ было то, что этимъ подмѣшивался денежный интересъ въ предстоящее дѣло его примиренія съ женой. И мысль, что онъ можетъ руководиться этимъ интересомъ, что онъ для продажи этого лѣса будетъ искать примиренія съ женой,— эта мысль оскорбляла его.

Окончивъ письма, Степанъ Аркадьевичъ придвинулъ къ себѣ бумаги изъ присутствія, быстро перелистовалъ два дѣла, большимъ карандашомъ сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ и, отодвинувъ дѣла, взялся за кофе; за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую, утреннюю газету и сталъ читать ее.

Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либеральную

газету, не крайнюю, но того направленія, котораго держалось большинство. И несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ эти предметы, какихъ держалось большинство и его газета, и измѣнялъ ихъ только когда большинство измѣняло ихъ, или лучше сказать—не измѣнялъ ихъ, а они сами въ немъ незамѣтно измѣнялись.

Степанъ Аркадьевичъ не избиралъ ни направленія, ни взглядовъ, а эти направленія и взгляды сами приходили къ нему, точно такъ же, какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука, а бралъ тѣ, которыя носятъ. А имѣть взгляды ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при потребности нѣкоторой дѣятельности мысли, развивавшейся обыкновенно въ лѣта зрѣлости, было такъ же необходимо, какъ имѣть шляпу. Если и была причина, почему онъ предпочиталъ либеральное направленіе консервативному, какого держались тоже многіе изъ его круга, то это произошло не отъ того, чтобъ онъ находилъ либеральное направленіе болѣе разумнымъ, но потому, что оно подходило ближе къ его образу жизни. Либеральная партія говорила, что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно, у Степана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно не доставало. Либеральная партія говорила, что бракъ есть отжившее учрежденіе и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно семейная жизнь доставляла мало удовольствія Степану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было такъ противно его натурѣ. Либеральная партія говорила, или лучше подразумѣвала, что религія есть только узда для варварской части населенія,

и дѣйствительно Степанъ Аркадьевичъ не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять, къ чему всѣ эти страшныя и высокопарныя слова о томъ свѣтѣ, когда и на этомъ жить было бы очень весело. Вмѣстѣ съ этимъ, Степану Аркадьевичу, любившему веселую шутку, было пріятно иногда́ озадачить смирнаго человѣка тѣмъ, что если уже гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отрекаться отъ перваго родоначальника — обезьяны. Итакъ, либеральное направленіе сдѣлалось привычкой Степана Аркадьевича, и онъ любилъ свою газету, какъ сигару послѣ обѣда, за легкій туманъ, который она производила въ его головѣ. Онъ прочелъ руководящую статью, въ которой объяснялось, что въ наше время совершенно напрасно поднимается вопль о томъ, будто бы радикализмъ угрожаетъ поглотить всѣ консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять мѣры для подавленія революціонной гидры, что напротивъ, „по нашему мнѣнію, опасность лежитъ не въ мнимой революціонной гидрѣ, а въ упорствѣ традиціонности, тормозящей прогрессъ“ и т. д. Онъ прочелъ и другую статью, финансовую, въ которой упоминалось о Бентамѣ и Миллѣ и подпускались шпильки министерству. Со свойственною ему быстротой соображенія, онъ понималъ значеніе всякой шпильки: отъ кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, какъ всегда, доставляло ему нѣкоторое удовольствіе. Но сегодня удовольствіе это отравлялось воспоминаніемъ о совѣтахъ Матрены Филимоновны и о томъ, что въ домѣ такъ неблагополучно; онъ прочелъ и о томъ, что графъ Бейстъ, какъ слышно, проѣхалъ въ Висбаденъ, и о томъ, что нѣтъ

болѣе сѣдыхъ волосъ, и о продажѣ легкой кареты, и предложеніе молодой особы; но эти свѣдѣнія не доставляли ему, какъ прежде, тихаго, ироническаго удовольствія.

Окончивъ газету, вторую чашку кофе и калачъ съ масломъ, онъ всталъ, стряхнулъ крошки калача съ жилета и, расправивъ широкую грудь, радостно улыбнулся,—не отъ того, чтобъ у него на душѣ было что-нибудь особенно пріятное,—радостную улыбку вызвало хорошее пищевареніе.

Но эта радостная улыбка сейчасъ же напомнила ему все, и онъ задумался.

Два дѣтскіе голоса (Спепанъ Аркадьевичъ узналъ голоса Гриши, меньшаго мальчика, и Тани, старшей дѣвочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили.

— Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажировъ, кричала по-англійски дѣвочка:—вотъ подбирай!

„Все смѣшалось,—подумалъ Степанъ Аркадьевичъ,—вонъ дѣти одни бѣгаютъ". И, подойдя къ двери, онъ кликнулъ ихъ. Они бросили шкатулку, представлявшую поѣздъ, и вошли къ отцу.

Дѣвочка, любимица отца, вбѣжала смѣло, обняла его и, смѣясь, повисла у него на шеѣ, какъ всегда радуясь на знакомый запахъ духовъ, распространявшійся отъ его бакенбардъ. Поцѣловавъ его наконецъ въ покраснѣвшее отъ наклоненнаго положенія и сіяющее нѣжностью лицо, дѣвочка разняла руки и хотѣла бѣжать назадъ; но отецъ удержалъ ее.

— Что мама? — спросилъ онъ, водя рукой по гладкой, нѣжной шейкѣ дочери. — Здравствуй! — сказалъ онъ, улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Онъ сознавалъ, что меньше любилъ мальчика, и всегда

старался быть ровенъ; но мальчикъ чувствовалъ это и не отвѣтилъ улыбкой на холодную улыбку отца.

— Мама? Встала,—отвѣчала дѣвочка.

Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ.

„Значитъ, опять не спала всю ночь“, подумалъ онъ.

— Что, она весела?

Дѣвочка знала, что между отцомъ и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отецъ долженъ знать это, и что онъ притворяется, спрашивая объ этомъ такъ легко. И она покраснѣла за отца. Онъ тотчасъ же понялъ это и также покраснѣлъ.

— Не знаю,—сказала она.—Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ миссъ Гуль къ бабушкѣ.

— Ну, иди, Танчурочка моя. Ахъ, да, постой,—сказалъ онъ, все-таки удерживая ее и гладя ея нѣжную ручку.

Онъ досталъ съ камина, гдѣ вчера поставилъ, коробочку конфетъ и далъ ей двѣ, выбравъ ея любимыя, шоколатную и помадную.

— Гришѣ?—сказала дѣвочка, указывая на шоколатную.

— Да, да.—И еще погладивъ ея плечико, онъ поцѣловалъ ее въ корни волосъ и шею и отпустилъ ее.

— Карета готова, — сказалъ Матвѣй.— Да просительница,—прибавилъ онъ.

— Давно тутъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Съ полчасика.

— Сколько разъ тебѣ приказано сейчасъ же докладывать!

— Надо же вамъ дать хоть кофею откушать, — сказалъ Матвѣй тѣмъ дружески-грубымъ тономъ, на который нельзя было сердиться.

— Ну, проси же скорѣе,—сказалъ Облонскій, морщась отъ досады.

Просительница, штабсъ-капитанша Калинина, просила о невозможномъ и безтолковомъ; но Степанъ Аркадьевичъ, по своему обыкновенію, усадилъ ее, внимательно, не перебивая, выслушалъ ее и далъ ей подробный совѣтъ, къ кому и какъ обратиться, и даже бойко и складно, своимъ крупнымъ, растянутымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ, написалъ ей записочку къ лицу, которое могло ей пособить. Отпустивъ штабсъ-капитаншу, Степанъ Аркадьевичъ взялъ шляпу и остановился, припоминая, не забылъ ли чего. Оказалось, что онъ ничего не забылъ кромѣ того, что хотѣлъ забыть—жену.

„Ахъ, да! — Онъ опустилъ голову, и красивое лицо его приняло тоскливое выраженіе.—Пойдти, или не пойдти?“ говорилъ онъ себѣ. И внутренній голосъ говорилъ ему, что ходить не надобно, что кромѣ фальши тутъ ничего быть не можетъ, что поправить, починить ихъ отношенія невозможно, потому что невозможно сдѣлать ее опять привлекательною и возбуждающею любовь, или его сдѣлать старикомъ неспособнымъ любить. Кромѣ фальши и лжи ничего не могло выдти теперь; а фальшь и ложь были противны его натурѣ.

„Однако когда-нибудь же нужно; вѣдь не можетъ же это такъ остаться“, сказалъ онъ, стараясь придать себѣ смѣлости. Онъ выпрямилъ грудь, вынулъ папироску, закурилъ, пыхнулъ два раза, бросилъ ее въ перламутровую раковину-пепельницу, быстрыми шагами прошелъ гостиную и отворилъ другую дверь—въ спальню жены.

IV.

Дарья Александровна, въ кофточкѣ и съ пришпиленными на затылкѣ косами уже рѣдкихъ, когда-то густыхъ и прекрасныхъ волосъ, съ осунувшимся худымъ лицомъ и большими, выдававшимися отъ худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанныхъ по комнатѣ вещей предъ открытою шифоньеркой, изъ которой она выбирала что-то. Услыхавъ шаги мужа, она остановилась, глядя на дверь и тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выраженіе. Она чувствовала, что боится его и боится предстоящаго свиданія. Она только-что пыталась сдѣлать то, что пыталась сдѣлать уже десятый разъ въ эти три дня: отобрать дѣтскія и свои вещи, которыя она увезетъ къ матери,—и опять не могла на это рѣшиться; но и теперь, какъ въ прежніе раза, она говорила себѣ, что это не можетъ такъ остаться, что она должна предпринять что-нибудь, наказать, осрамить его, отомстить ему хоть малою частью той боли, которую онъ ей сдѣлалъ. Она все еще говорила, что уѣдетъ отъ него, но чувствовала, что это невозможно; это было невозможно потому, что она не могла отвыкнуть считать его своимъ мужемъ и любить его. Кромѣ того, она чувствовала, что если здѣсь, въ своемъ домѣ, она едва успѣвала ухаживать за своими пятью дѣтьми, то имъ будетъ еще хуже тамъ, куда она она поѣдетъ со всѣми ими. И то, въ эти три дня, меньшой заболѣлъ отъ того, что его накормили дурнымъ бульономъ, а остальныя были вчера почти безъ обѣда. Она чувствовала, что уѣхать невозможно; но, обманывая себя, она все-таки отбирала вещи и притворялась, что уѣдетъ.

Увидавъ мужа, она опустила руки въ ящикъ шифоньерки, будто отыскивая что то, и оглянулась на него только когда онъ совсѣмъ вплоть подошелъ къ ней. Но лицо ея, которому она хотѣла придать строгое и рѣшительное выраженіе, выражало потерянность и страданіе.

— Долли!—сказалъ онъ тихимъ, робкимъ голосомъ. Онъ втянулъ голову въ плечи и хотѣлъ имѣть жалкій и покорный видъ, но онъ все-таки сіялъ свѣжестью и здоровьемъ. Она быстрымъ взглядомъ оглядѣла съ головы до ногъ его сіяющую свѣжестью и здоровьемъ фигуру.—„Да, онъ счастливъ и доволенъ!—подумала она:—а я?... И эта доброта противная, за которую всѣ такъ любятъ его и хвалятъ,—я ненавижу эту его доброту“, подумала она. Ротъ ея сжался, мускулъ щеки затрясся на правой сторонѣ блѣднаго, нервнаго лица.

— Что вамъ нужно?—сказала она быстрымъ, не своимъ, груднымъ голосомъ.

— Долли!—повторилъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ,— Анна пріѣдетъ сегодня.

— Ну, что же мнѣ? Я не могу ее принять!—вскрикнула она.

— Но надо же, однако, Долли...

— Уйдите, уйдите, уйдите!—не глядя на него, вскрикнула она, какъ будто крикъ этотъ былъ вызванъ физическою болью.

Степанъ Аркадьевичъ могъ быть спокоенъ, когда онъ думалъ о женѣ, могъ надѣяться, что все *образуется*, по выраженію Матвѣя, и могъ спокойно читать газету и пить кофе; но когда онъ увидалъ ея измученное, страдальческое лицо, услыхалъ этотъ звукъ голоса, покорный судь-

бѣ и отчаянный, ему захватило дыханіе, что-то подступило къ горлу и глаза его заблестѣли слезами.

— Боже мой, что я сдѣлалъ! Долли, ради Бога!... Вѣдь...

Онъ не могъ продолжать,—рыданіе остановилось у него въ горлѣ.

Она захлопнула шифоньерку и взглянула на него.

— Долли, что я могу сказать?... Одно: прости... Вспомни, развѣ девять лѣтъ жизни не могутъ искупить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что онъ скажетъ, какъ будто умоляя его о томъ, чтобы онъ какъ-нибудь разувѣрилъ ее.

— Минуты увлеченья...—выговорилъ онъ и хотѣлъ продолжать, но при этомъ словѣ, будто отъ физической боли, опять поджались ея губы и опять запрыгалъ мускулъ щеки на правой сторонѣ лица.

— Уйдите, уйдите отсюда! — закричала она еще пронзительнѣе,—и не говорите мнѣ про ваши увлеченія и про ваши мерзости.

Она хотѣла уйдти, но пошатнулась и взялась за спинку стула, чтобъ опереться. Лицо его расширилось, губы распухли, глаза налились слезами.

— Долли!—проговорилъ онъ, уже всхлипывая:—ради Бога, подумай о дѣтяхъ, они не виноваты! Я виноватъ, и накажи меня, вели мнѣ искупить свою вину. Чѣмъ я могу, я все готовъ! Я виноватъ, нѣтъ словъ сказать, какъ я виноватъ... Но, Долли, прости!

Она сѣла. Онъ слышалъ ея тяжелое, громкое дыханіе, и ему было невыразимо жалко ее. Она нѣсколько разъ хотѣла начать говорить, но не могла. Онъ ждалъ.

— Ты помнишь дѣтей, чтобъ играть съ ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь,—сказала она видимо одну изъ фразъ, которыя она за эти три дня не разъ говорила себѣ.

Она сказала ему „ты“, и онъ съ благодарностью взглянулъ на нее и тронулся, чтобы взять ея руку, но она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него.

— Я помню про дѣтей, и поэтому все въ мірѣ сдѣлала бы, чтобы спасти ихъ; но я сама не знаю, чѣмъ я спасу ихъ: тѣмъ ли, что увезу отъ отца, или тѣмъ, что оставлю съ развратнымъ отцомъ,—да, съ развратнымъ отцомъ... Ну, скажите, послѣ того, что было... развѣ возможно намъ жить вмѣстѣ? Развѣ это возможно? Скажите же, развѣ это возможно?—повторяла она возвышая голосъ.— Послѣ того, какъ мой мужъ, отецъ моихъ дѣтей, входитъ въ любовную связь съ гувернанткой своихъ дѣтей...

— Но что-жъ дѣлать? Что дѣлать? — говорилъ онъ жалкимъ голосомъ, самъ не зная, что онъ говоритъ, и все ниже и ниже опуская голову.

— Вы мнѣ гадки, отвратительны!—закричала она, горячась все болѣе и болѣе. — Ваши слезы—вода! Вы никогда не любили меня; въ васъ нѣтъ ни сердца, ни благородства! Вы мнѣ мерзки, гадки, чужой,—да, чужой совсѣмъ!— съ болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово *чужой*.

Онъ поглядѣлъ на нее, и злоба, выразившаяся на ея лицѣ, испугала и удивила его. Онъ не понималъ того, что его жалость къ ней раздражала ее. Она видѣла въ немъ къ себѣ сожалѣнье, но не любовь. „Нѣтъ, она ненавидитъ меня. Она не проститъ“, подумалъ онъ.

— Это ужасно, ужасно!—проговорилъ онъ.

Въ это время, въ другой комнатѣ, вѣроятно упавши, закричалъ ребенокъ; Дарья Александровна прислушалась и лицо ея вдругъ смягчилось.

Она видимо опомнилась нѣсколько секундъ, какъ бы не зная, гдѣ она и что ей дѣлать, и, быстро вставши, тронулась къ двери,

„Вѣдь любитъ же она моего ребенка,—подумалъ онъ, замѣтивъ измѣненіе ея лица при крикѣ ребенка,—*моего* ребенка; какъ же она можетъ ненавидѣть меня?“

— Долли, еще одно слово, — проговорилъ онъ, идя за нею.

— Если вы пойдете за мной, я позову людей, дѣтей! Пускай всѣ знаютъ, что вы—подлецъ! Я уѣзжаю нынче, а вы живите здѣсь съ своей любовницей!

И она вышла, хлопнувъ дверью.

Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, отеръ лицо и тихими шагами пошелъ изъ комнаты. „Матвѣй говоритъ: образуется; но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ, какой ужасъ! И какъ тривіально она кричала, — говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая ея крикъ и слова: подлецъ и любовница.—И можетъ-быть дѣвушки слышали... Ужасно тривіально, ужасно!“ Степанъ Аркадьевичъ постоялъ нѣсколько секундъ одинъ, отеръ глаза, вздохнулъ и, выпрямивъ грудь, вышелъ изъ комнаты.

Была пятница, и въ столовой часовщикъ-нѣмецъ заводилъ часы. Степанъ Аркадьевичъ вспомнилъ свою шутку объ этомъ аккуратномъ плѣшивомъ часовщикѣ, что нѣмецъ „самъ былъ заведенъ на всю жизнь, чтобы заводить часы“, и улыбнулся. Степанъ Аркадьевичъ любилъ хорошую шут-

ку. „А можетъ-быть и образуется! Хорошо словечко: *образуется*“, подумалъ онъ. Это надо разсказать.

— Матвѣй!—крикнулъ онъ. — Такъ устрой же все тамъ съ Марьей, въ диванной, для Анны Аркадьевны,—сказалъ онъ явившемуся Матвѣю.

— Слушаю-съ.

Степанъ Аркадьевичъ надѣлъ шубу и вышелъ на крыльцо.

— Кушать дома не будете?—сказалъ провожавшій Матвѣй.

— Какъ придется. Да вотъ возьми на расходы,—сказалъ онъ, подавая десять рублей изъ бумажника.—Довольно будетъ?

— Довольно ли, не довольно,—видно обойтись надо,—сказалъ Матвѣй, захлопывая дверку и отступая на крыльцо.

Дарья Александровна между тѣмъ, успокоивъ ребенка и по звуку кареты понявъ, что онъ уѣхалъ, вернулась опять въ спальню. Это было единственное убѣжище ея отъ домашнихъ заботъ, которыя обступали ее, какъ только она выходила. Уже и теперь, въ то короткое время, когда она выходила въ дѣтскую, англичанка и Матрена Филимоновна успѣли сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ не терпѣвшихъ отлагательства и на которые она одна могла отвѣтить. Что надѣть дѣтямъ на гулянье? Давать ли молоко? Не послать ли за другимъ поваромъ?

— Ахъ, оставьте, оставьте меня!—сказала она и, вернувшись въ спальню, сѣла на то же мѣсто, гдѣ она говорила съ мужемъ, сжавъ исхудавшія руки съ кольцами, спускавшимися съ костлявыхъ пальцевъ, и принялась перебирать въ воспоминаніи весь бывшій разговоръ. „Уѣхалъ! Но чѣмъ же кончилъ онъ съ *нею*?—думала она.—Неужели онъ видаетъ ее? Зачѣмъ я не спросила его? Нѣтъ, нѣтъ, сойтись

нельзя. Если мы и останемся въ одномъ домѣ, мы—чужіе, навсегда чужіе!—повторила она опять съ особеннымъ значеніемъ это страшное для нея слово.—А какъ я любила, Боже мой, какъ я любила его!... Какъ я любила! И теперь развѣ я не люблю его? Не больше ли, чѣмъ прежде, я люблю его? Ужасно главное то...“ начала она, но не докончила своей мысли, потому что Матрена Филимоновна высунулась изъ двери.

— Ужъ прикажите за братомъ послать, — сказала она,— все онъ изготовитъ обѣдъ; а то, по-вчерашнему, до шести часовъ дѣти не ѣвши.

— Ну, хорошо, я сейчасъ выйду и распоряжусь. Да послали ли за свѣжимъ молокомъ?

И Дарья Александровна погрузилась въ заботы дня и потопила въ нихъ на время свое горе.

V.

Степанъ Аркадьевичъ въ школѣ учился хорошо, благодаря своимъ хорошимъ способностямъ, но былъ лѣнивъ и шалунъ и потому вышелъ изъ послѣднихъ; но, несмотря на свою всегда разгульную жизнь, небольшіе чины и нестарые годы, онъ занималъ почетное и съ хорошимъ жалованьемъ мѣсто начальника въ одномъ изъ московскихъ присутствій. Мѣсто это онъ получилъ черезъ мужа сестры Анны, Алексѣя Александровича Каренина, занимавшаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ министерствѣ, къ которому принадлежало присутствіе; но еслибы Каренинъ не назначилъ своего шурина на это мѣсто, то, черезъ сотню другихъ лицъ, братьевъ, сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, дядей, те-

токъ, Стива Облонскій получилъ бы это мѣсто или другое подобное, тысячъ въ шесть жалованья, которыя ему были нужны, такъ какъ дѣла его, несмотря на достаточное состояніе жены, были разстроены.

Половина Москвы и Петербурга была родня и пріятели Степана Аркадьевича. Онъ родился въ средѣ тѣхъ людей, которые были и стали сильными міра сего. Одна треть государственныхъ людей, стариковъ, были пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ; другая треть были съ нимъ на „ты", а третья — были хорошіе знакомые; слѣдовательно, раздаватели земныхъ благъ — въ видѣ мѣстъ, арендъ, концессій и тому подобнаго—были всѣ ему пріятели и не могли обойдти своего; и Облонскому не нужно было особенно стараться, чтобы получить выгодное мѣсто; нужно было только не отказываться, не завидовать, не ссориться, не обижаться, чего онъ, по свойственной ему добротѣ, никогда и не дѣлалъ. Ему бы смѣшно показалось, еслибъ ему сказали, что онъ не получитъ мѣста съ тѣмъ жалованьемъ, которое ему нужно, тѣмъ болѣе, что онъ и не требовалъ чего-нибудь чрезвычайнаго; онъ хотѣлъ только того, что получали его сверстники, а исполнять такого рода должность могъ онъ не хуже всякаго другаго.

Степана Аркадьевича не только любили всѣ знавшіе его за его добрый, веселый нравъ и несомнѣнную честность, но въ немъ — въ его красивой, свѣтлой наружности, блестящихъ глазахъ, черныхъ бровяхъ, волосахъ, бѣлизнѣ и румянцѣ лица — было что-то физически дѣйствовавшее дружелюбно и весело на людей, встрѣчавшихся съ нимъ. „Ага! Стива! Облонскій! Вотъ и онъ!" почти всегда съ радостною улыбкой говорили, встрѣчаясь съ нимъ. Если и случалось иногда,

т. послѣ разговора съ нимъ оказывалось, что ничего особенно радостнаго не случилось,—на другой день, на третій, опять точно такъ же всѣ радовались при встрѣчѣ съ нимъ.

Занимая третій годъ мѣсто начальника одного изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ, Степанъ Аркадьевичъ пріобрѣлъ, кромѣ любви, и уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главныя качества Степана Аркадьевича, заслужившія ему это общее уваженіе по службѣ, состояли, вопервыхъ, въ чрезвычайной снисходительности къ людямъ, основанной въ немъ на сознаніи своихъ недостатковъ; вовторыхъ, въ совершенной либеральности,—не той, про которую онъ вычиталъ въ газетахъ, но той, которая у него была въ крови и съ которою онъ совершенно равно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были; и втретьихъ—главное—въ совершенномъ равнодушіи къ тому дѣлу, которымъ онъ занимался, вслѣдствіе чего онъ никогда не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ.

Пріѣхавъ къ мѣсту своего служенія, Степанъ Аркадьевичъ, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфелемъ, прошелъ въ свой маленькій кабинетъ, надѣлъ мундиръ и вошелъ въ присутствіе. Писцы и служащіе всѣ встали, весело и почтительно кланяясь. Степанъ Аркадьевичъ поспѣшно, какъ всегда, прошелъ къ своему мѣсту, пожалъ руки членамъ и сѣлъ. Онъ пошутилъ и поговорилъ, ровно столько это было прилично, и началъ занятія. Никто вѣрнѣе Степана Аркадьевича не умѣлъ найдти ту границу свободы, простоты и оффиціальности, которая нужна для пріятнаго занятія дѣлами. Секретарь весело и почтительно, какъ и всѣ въ присутствіи Степана Аркадьевича, подошелъ съ

бумагами и проговорилъ тѣмъ фамильярно-либеральнымъ тономъ, который введенъ былъ Степаномъ Аркадьевичемъ:

— Мы таки добились свѣдѣнія изъ пензенскаго губернскаго правленія. Вотъ, не угодно ли...

— Получили наконецъ? — проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, закладывая пальцемъ бумагу. — Ну-съ, господа... — И присутствіе началось.

„Еслибъ они знали, — думалъ онъ, съ значительнымъ видомъ склонивъ голову при слушаніи доклада, — какимъ виноватымъ мальчикомъ полчаса тому назадъ былъ ихъ предсѣдатель!...“ И глаза его смѣялись при чтеніи доклада. До двухъ часовъ занятія должны были идти не прерываясь, а въ два часа перерывъ и завтракъ.

Еще не было двухъ часовъ, когда большія стеклянныя двери залы присутствія вдругъ отворились и кто-то вошелъ. Всѣ члены изъ-подъ портрета и изъ-за зерцала, обрадовавшись развлеченію, оглянулись на дверь; но сторожъ, стоявшій у двери, тотчасъ же изгналъ вошедшаго и затворилъ за нимъ стеклянную дверь.

Когда дѣло было прочтено, Степанъ Аркадьевичъ всталъ, потянувшись, и, отдавая дань либеральности времени, въ присутствіи досталъ папироску и пошелъ въ свой кабинетъ. Два товарища его, старый служака Никитинъ и камеръ-юнкеръ Гриневичъ, вышли съ нимъ.

— Послѣ завтрака успѣемъ кончить, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Какъ еще успѣемъ! — сказалъ Никитинъ.

— А плутъ порядочный долженъ быть этотъ Ѳоминъ, — сказалъ Гриневичъ объ одномъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, которое они разбирали.

Степанъ Аркадьевичъ поморщился на слова Гриневича, давая этимъ чувствовать, что неприлично преждевременно составлять сужденіе, и ничего ему не отвѣтилъ.

— Кто это входилъ?—спросилъ онъ у сторожа.

— Какой-то, ваше превосходительство, безъ спросу влѣзъ, только я отвернулся. Васъ спрашивали. Я говорю: когда выйдутъ члены, тогда...

— Гдѣ онъ?

— Нешто вышелъ въ сѣни, а то все тутъ ходилъ. Этотъ самый,—сказалъ сторожъ, указывая на сильно-сложеннаго широкоплечаго человѣка съ курчавою бородой, который, не снимая бараньей шапки, быстро и легко взбѣгалъ на верхъ по стертымъ ступенькамъ каменной лѣстницы. Одинъ изъ сходившихъ внизъ съ портфелемъ, худощавый чиновникъ, пріостановившись, неодобрительно посмотрѣлъ на ноги бѣгущаго и потомъ вопросительно взглянулъ на Облонскаго.

Степанъ Аркадьевичъ стоялъ надъ лѣстницей. Добродушно сіяющее лицо его изъ-за шитаго воротника мундира просіяло еще болѣе, когда онъ узналъ вбѣгавшаго.

— Такъ и есть! Левинъ, наконецъ!—проговорилъ онъ съ дружескою, насмѣшливою улыбкой, оглядывая подходившаго къ нему Левина.—Какъ это ты не побрезгалъ найдти меня въ этомъ *вертепѣ*?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, не довольствуясь пожатіемъ руки и цѣлуя своего пріятеля.— Давно ли?

— Я сейчасъ пріѣхалъ и очень хотѣлось тебя видѣть,— отвѣчалъ Левинъ, застѣнчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ сердито и безпокойно оглядываясь вокругъ.

— Ну, пойдемъ въ кабинетъ,—сказалъ Степанъ Аркадье-

вичъ, знавшій самолюбивую и озлобленную застѣнчивость своего пріятеля, и, схвативъ его за руку, онъ повлекъ его за собой, какъ будто проводя между опасностями.

Степанъ Аркадьевичъ былъ на „ты" почти со всѣми своими знакомыми: со стариками шестидесяти лѣтъ, съ мальчиками двадцати лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ купцами и съ генералъ-адъютантами, такъ что очень многіе изъ бывшихъ съ нимъ на „ты" находились на двухъ крайнихъ пунктахъ общественной лѣстницы и очень бы удивились, узнавъ, что имѣютъ черезъ Облонскаго что-нибудь общее. Онъ былъ на „ты" со всѣми, съ кѣмъ пилъ шампанское, а пилъ онъ шампанское со всѣми, и поэтому, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ, встрѣчаясь съ своими *постыдными* „ты", какъ онъ называлъ шутя многихъ изъ своихъ пріятелей, онъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, умѣлъ уменьшать непріятность этого впечатлѣнія для подчиненныхъ. Левинъ не былъ постыдный „ты", но Облонскій съ своимъ тактомъ почувствовалъ, что Левинъ думаетъ, что онъ предъ подчиненными можетъ не желать выказать свою близость съ нимъ, и потому поторопился увести его въ кабинетъ.

Левинъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Облонскимъ и съ нимъ на „ты" не по одному шампанскому. Левинъ былъ его товарищемъ и другомъ первой молодости. Они любили другъ друга, несмотря на различіе характеровъ и вкусовъ, какъ любятъ другъ друга пріятели, сошедшіеся въ первой молодости. Но, несмотря на это, какъ часто бываетъ между людьми, избравшими различные роды дѣятельности, каждый изъ нихъ, хотя разсуждая и оправдывалъ дѣятельность другаго, въ душѣ презиралъ ее. Каждому казалось, что та жизнь, которую онъ самъ ведетъ, есть одна настоя-

щая жизнь, а которую ведетъ пріятель—есть только призракъ. Облонскій не могъ удержать легкой, насмѣшливой улыбки при видѣ Левина. Ужъ который разъ онъ видѣлъ его пріѣзжавшимъ въ Москву изъ деревни, гдѣ онъ что-то дѣлалъ, но что именно, того Степанъ Аркадьевичъ никогда не могъ понять хорошенько, да и не интересовался. Левинъ пріѣзжалъ въ Москву всегда взволнованный, торопливый, немножко стѣсненный и раздраженный этою стѣсненностью, и большею частью съ совершенно-новымъ, неожиданнымъ взглядомъ на вещи. Степанъ Аркадьевичъ смѣялся надъ этимъ и любилъ его. Точно такъ же и Левинъ въ душѣ презиралъ и городской образъ жизни своего пріятеля, и его службу, которую считалъ пустяками, и смѣялся надъ этимъ. Но разница была въ томъ, что Облонскій, дѣлая что всѣ дѣлаютъ, смѣялся самоувѣренно и добродушно, а Левинъ несамоувѣренно и иногда сердито.

— Мы тебя давно ждали,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, войдя въ кабинетъ и выпустивъ руку Левина, какъ бы этимъ показывая, что тутъ опасностъ кончились.—Очень, очень радъ тебя видѣть,—продолжалъ онъ.—Ну, что ты? Какъ? Когда пріѣхалъ?

Левинъ молчалъ, поглядывая на незнакомыя ему лица двухъ товарищей Облонскаго, и въ особенности на руку элегантнаго Гриневича, съ такими бѣлыми длинными пальцами, съ такими длинными, желтыми, загибавшимися въ концѣ ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашкѣ, что эти руки видимо поглощали все его вниманіе и не давали ему свободы мысли. Облонскій тотчасъ замѣтилъ это и улыбнулся.

— Ахъ, да, позвольте васъ познакомить,—сказалъ онъ.— Мои товарищи: Филиппъ Иванычъ Никитинъ, Михаилъ Станиславичъ Гриневичъ,—и обратившись къ Левину:—земскій дѣятель, новый, земскій человѣкъ, гимнастъ, поднимающій одною рукою пять пудовъ, скотоводъ и охотникъ и мой другъ, Константинъ Дмитріевичъ Левинъ, братъ Сергѣя Ивановича Кознышева.

— Очень пріятно,—сказалъ старичокъ.

— Имѣю честь знать вашего брата, Сергѣя Ивановича,— сказалъ Гриневичъ, подавая свою тонкую руку съ длинными ногтями.

Левинъ нахмурился, холодно пожалъ руку и тотчасъ же обратился къ Облонскому. Хотя онъ имѣлъ большое уваженіе къ своему, извѣстному всей Россіи, одноутробному брату-писателю, однако онъ терпѣть не могъ, когда къ нему обращались не какъ къ Константину Левину, а какъ къ брату знаменитаго Кознышева.

— Нѣтъ, я уже не земскій дѣятель. Я со всѣми разбранился и не ѣзжу больше на собранія,—сказалъ онъ, обращаясь къ Облонскому.

— Скоро же!—съ улыбкой сказалъ Облонскій.—Но какъ? отчего?

— Длинная исторія. Я разскажу когда-нибудь,—сказалъ Левинъ, но сейчасъ же сталъ разсказывать.—Ну, коротко сказать, я убѣдился, что никакой земской дѣятельности нѣтъ и быть не можетъ,—заговорилъ онъ, какъ будто кто-то сейчасъ обидѣлъ его:—съ одной стороны игрушка, играютъ въ парламентъ, а я ни достаточно молодъ, ни достаточно старъ, чтобы забавляться игрушками; а съ другой стороны (онъ заикнулся), это—средство для уѣздной coterie нажи-

вать деньжонки. Прежде были опеки, суды, а теперь земство, не въ видѣ взятокъ, а въ видѣ незаслуженнаго жалованья,—говорилъ онъ такъ горячо, какъ будто кто-нибудь изъ присутствовавшихъ оспаривалъ его мнѣніе.

— Эге! Да ты, я вижу, опять въ новой фазѣ, въ консервативной,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Но, впрочемъ, послѣ объ этомъ.

— Да, послѣ. Но мнѣ нужно было тебя видѣть,—сказалъ Левинъ, съ ненавистью вглядываясь въ руки Гриневича.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Какъ же ты говорилъ, что никогда больше не надѣнешь европейскаго платья?—сказалъ онъ, оглядывая его новое, очевидно отъ французскаго портнаго, платье.—Такъ! я вижу: новая фаза.

Левинъ вдругъ покраснѣлъ, но не такъ, какъ краснѣютъ взрослые люди; слегка, сами того не замѣчая, но такъ, какъ краснѣютъ мальчики, чувствуя, что они смѣшны своей застѣнчивостью, и вслѣдствіе того стыдясь и краснѣя еще больше, почти до слезъ. И такъ странно было видѣть это умное, мужественное лицо въ такомъ дѣтскомъ состояніи, что Облонскій перестадъ смотрѣть на него.

— Да, гдѣ-жъ увидимся? Вѣдь мнѣ очень, очень нужно поговорить съ тобой,—сказалъ Левинъ.

Облонскій какъ будто задумался:

— Вотъ что: поѣдемъ къ Гурину завтракать и тамъ поговоримъ. До трехъ я свободенъ.

— Нѣтъ,—подумавъ отвѣчалъ Левинъ,—мнѣ еще надо съѣздить.

— Ну, хорошо, такъ обѣдать вмѣстѣ.

— Обѣдать? Да мнѣ вѣдь ничего особеннаго, только два слова сказать, спросить, а послѣ потолкуемъ.

— Такъ сейчасъ и скажи два слова, а бесѣдовать за обѣдомъ.

— Да слова вотъ какія,—сказалъ Левинъ:—впрочемъ, ничего особеннаго.

Лицо его вдругъ приняло злое выраженіе, происходившее отъ усилія преодолѣть свою застѣнчивость.

— Что Щербацкіе дѣлаютъ? Все по-старому?—сказалъ онъ.

Степанъ Аркадьевичъ, знавшій уже давно, что Левинъ былъ влюбленъ въ его свояченицу Кити, чуть замѣтно улыбнулся и глаза его весело заблестѣли.

— Ты сказалъ два слова, а я въ двухъ словахъ отвѣтить не могу, потому что... Извини, на минутку...

Вошелъ секретарь, съ фамильярною почтительностью и нѣкоторымъ, общимъ всѣмъ секретарямъ, скромнымъ сознаніемъ своего превосходства надъ начальникомъ въ знаніи дѣлъ, подошелъ съ бумагами къ Облонскому и сталъ, подъ видомъ вопроса, объяснять какое-то затрудненіе. Степанъ Аркадьевичъ, не дослушавъ, положилъ ласково свою руку на рукавъ секретаря.

— Нѣтъ, вы ужъ такъ сдѣлайте, какъ я говорилъ,—сказалъ онъ, улыбкой смягчая замѣчаніе, и, кратко объяснивъ, какъ онъ понимаетъ дѣло, отодвинулъ бумаги и сказалъ:— Такъ и сдѣлайте, пожалуйста такъ, Захаръ Никитичъ!

Сконфуженный секретарь удалился. Левинъ, во время совѣщанія съ секретаремъ совершенно оправившись отъ своего смущенія, стоялъ облокотившись обѣими руками на стулъ, и на лицѣ его было насмѣшливое вниманіе.

— Не понимаю, не понимаю,—сказалъ онъ.

— Чего ты не понимаешь?—такъ же весело улыбаясь и доставая папироску, сказалъ Облонскій. Онъ ждалъ отъ Левина какой-нибудь странной выходки.

— Не понимаю, что вы дѣлаете,—сказалъ Левинъ, пожимая плечами.—Какъ ты можешь серьёзно это дѣлать?

— Отчего?

— Да оттого, что... нечего дѣлать.

— Ты такъ думаешь, но мы завалены дѣломъ.

— Бумажнымъ. Ну, да у тебя даръ къ этому,—прибавилъ Левинъ.

— То-есть, ты думаешь, что у меня есть недостатокъ чего-то?

— Можетъ-быть и да,—сказалъ Левинъ.—Но все-таки я любуюсь на твое величіе и горжусь, что у меня другъ такой великій человѣкъ. Однако, ты мнѣ не отвѣтилъ на мой вопросъ,—прибавилъ онъ, съ отчаяннымъ усиліемъ прямо глядя въ глаза Облонскому.

— Ну, хорошо, хорошо. Погоди еще, и ты придешь къ этому. Хорошо, какъ у тебя три тысячи десятинъ въ Каразинскомъ уѣздѣ, да такіе мускулы, да свѣжесть, какъ у двѣнадцатилѣтней дѣвочки,—а придешь и ты къ намъ. Да, такъ о томъ, что ты спрашивалъ: перемѣны нѣтъ, но жаль, что ты такъ давно не былъ.

— А что?—испуганно спросилъ Левинъ.

— Да ничего,—отвѣчалъ Облонскій.—Мы поговоримъ. Да ты зачѣмъ собственно пріѣхалъ?

— Ахъ, объ этомъ тоже поговоримъ послѣ,—опять до ушей покраснѣвъ, сказалъ Левинъ.

— Ну, хорошо. Понятно,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Такъ видишь ли: я бы позвалъ тебя къ себѣ, но жена не

совсѣмъ здорова. А вотъ что: если хочешь ихъ видѣть, онѣ навѣрное нынче въ Зоологическомъ саду отъ четырехъ до пяти. Кити на конькахъ катается. Ты поѣзжай туда, а я заѣду и вмѣстѣ куда-нибудь обѣдать.

— Прекрасно, до свиданія же.

— Смотри же, ты вѣдь, я тебя знаю, забудешь, или вдругъ уѣдешь въ деревню!—смѣясь прокричалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Нѣтъ, вѣрно.

И, вспомнивъ о томъ, что онъ забылъ поклониться товарищамъ Облонскаго, только когда онъ былъ уже въ дверяхъ, Левинъ вышелъ изъ кабинета.

— Должно-быть очень энергическій господинъ,—сказалъ Гриневичъ, когда Левинъ вышелъ.

— Да, батюшка,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, покачивая головой,—вотъ счастливецъ! Три тысячи десятинъ въ Каразинскомъ уѣздѣ, все впереди и свѣжести сколько! Не то что нашъ братъ.

— Что-жъ вы-то жалуетесь, Степанъ Аркадьевичъ!

— Да скверно, плохо,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, тяжело вздохнувъ.

VI.

Когда Облонскій спросилъ у Левина, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ, Левинъ покраснѣлъ и разсердился на себя за то, что покраснѣлъ, потому что онъ не могъ отвѣтить ему: „я пріѣхалъ сдѣлать предложеніе твоей свояченицѣ“, хотя онъ пріѣхалъ только за этимъ.

Дома Левиныхъ и Щербацкихъ были старые, дворянскіе, московскіе дома и всегда были между собою въ близкихъ и

дружескихъ отношеніяхъ. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Онъ вмѣстѣ готовился и вмѣстѣ поступилъ въ университетъ съ молодымъ княземъ Щербацкимъ, братомъ Долли и Кити. Въ это время Левинъ часто бывалъ въ домѣ Щербацкихъ и влюбился въ домъ Щербацкихъ. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Константинъ Левинъ былъ влюбленъ именно въ домъ, въ семью, въ особенности въ женскую половину семьи Щербацкихъ. Самъ Левинъ не помнилъ своей матери, и единственная сестра его была старше его, такъ что въ домѣ Щербацкихъ онъ въ первый разъ увидалъ ту самую среду стараго дворянскаго, образованнаго и честнаго семейства, которой онъ былъ лишенъ смертью отца и матери. Всѣ члены этой семьи, въ особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственною, поэтическою завѣсой, и онъ не только не видѣлъ въ нихъ никакихъ недостатковъ, но подъ этою поэтическою, покрывавшею ихъ, завѣсой предполагалъ самыя возвышенныя чувства и всевозможныя совершенства. Для чего этимъ тремъ барышнямъ нужно было говорить черезъ день по-французски и по-англійски; для чего онѣ въ извѣстные часы играли по-перемѣнкамъ на фортепіано, звуки котораго слышались у брата наверху, гдѣ занимались студенты; для чего ѣздили эти учителя: французской литературы, музыки, рисованья, танцевъ; для чего въ извѣстные часы всѣ три барышни съ m-lle Linon подъѣзжали въ коляскѣ къ Тверскому бульвару, въ своихъ атласныхъ шубкахъ: Долли — въ длинной, Натали въ полудлинной, Кити въ совершенно короткой, такъ что статныя ножки ея въ туго-натянутыхъ красныхъ чулкахъ были на всемъ виду; для чего имъ, въ сопровожденіи лакея съ зо-

лотою кокардой на шляпѣ, нужно было ходить по Тверскому бульвару? Всего этого и многаго другаго, что дѣлалось въ ихъ таинственномъ мірѣ, онъ не понималъ, но зналъ, что все, что тамъ дѣлалось, было прекрасно, и былъ влюбленъ именно въ эту таинственность совершавшагося.

Во время своего студенчества онъ чуть было не влюбился въ старшую Долли, но ее вскорѣ выдали замужъ за Облонскаго. Потомъ онъ началъ влюбляться во вторую. Онъ какъ будто чувствовалъ, что ему надо влюбиться въ одну изъ сестеръ, только не могъ разобрать, въ какую именно. Но и Натали, только-что показалась въ свѣтъ, вышла замужъ за дипломата Львова. Кити еще была ребенокъ, когда Левинъ вышелъ изъ университета. Молодой Щербацкій, поступивъ во флотъ, утонулъ въ Балтійскомъ морѣ, и сношенія Левина съ Щербацкими, несмотря на дружбу его съ Облонскимъ, стали болѣе рѣдки. Но когда въ нынѣшнемъ году, въ началѣ зимы, Левинъ пріѣхалъ въ Москву послѣ года въ деревнѣ и увидалъ Щербацкихъ, онъ понялъ, въ кого изъ трехъ ему дѣйствительно суждено было влюбиться.

Казалось бы, ничего не могло быть проще того, чтобы ему, хорошей породы, скорѣе богатому, чѣмъ бѣдному человѣку, тридцати двухъ лѣтъ, сдѣлать предложеніе княжнѣ Щербацкой; по всѣмъ вѣроятностямъ, его тотчасъ признали бы хорошею партіей. Но Левинъ былъ влюбленъ, и поэтому ему казалось, что Кити была такое совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, такое существо превыше всего земнаго, а онъ такое земное, низменное существо, что не могло быть и мысли о томъ, чтобы другіе и она сама признали его достойнымъ ея.

Пробывъ въ Москвѣ какъ въ чаду два мѣсяца, почти

каждый день видаясь съ Кити въ свѣтѣ, куда онъ сталъ ѣздить, чтобы встрѣчаться съ нею, онъ внезапно рѣшилъ, что этого не можетъ быть, и уѣхалъ въ деревню.

Убѣжденіе Левина въ томъ, что этого не можетъ быть, основывалось въ томъ, что въ глазахъ родныхъ онъ невыгодная, недостойная партія для прелестной Кити, а сама Кити не можетъ любить его. Въ глазахъ родныхъ онъ не имѣлъ никакой привычной, опредѣленной дѣятельности и положенія въ свѣтѣ, тогда какъ его товарищи теперь, когда ему было тридцать два года, были уже — который полковникъ и флигель-адъютантъ, который профессоръ, который директоръ банка и желѣзныхъ дорогъ, или предсѣдатель присутствія, какъ Облонскій; онъ же (онъ зналъ очень хорошо, какимъ онъ долженъ былъ казаться для другихъ) былъ помѣщикъ, занимающійся разведеніемъ коровъ, стрѣляніемъ дупелей и постройками, то-есть бездарный малый, изъ котораго ничего не вышло, и дѣлающій, по понятіямъ общества, то самое, что дѣлаютъ никуда не годившіеся люди.

Сама же таинственная, прелестная Кити не могла любить такого некрасиваго, какимъ онъ считалъ себя, человѣка и главное—такого простаго, ничѣмъ не выдающагося человѣка. Кромѣ того, его прежнія отношенія къ Кити,— отношенія взрослаго къ ребенку, вслѣдствіе дружбы съ ея братомъ, — казались ему еще новою преградой для любви. Некрасиваго, добраго человѣка, какимъ онъ себя считалъ, можно, полагалъ онъ, любить какъ пріятеля, но чтобы быть любимымъ тою любовью, какою онъ самъ любилъ Кити, нужно было быть красавцемъ, а главное — особеннымъ человѣкомъ.

Слыхалъ онъ, что женщины часто любятъ некрасивыхъ,

простыхъ людей, но не вѣрилъ этому, потому что судилъ по себѣ, такъ какъ самъ онъ могъ любить только красивыхъ, таинственныхъ и особенныхъ женщинъ.

Но, пробывъ два мѣсяца одинъ въ деревнѣ, онъ убѣдился, что это не было одно изъ тѣхъ влюбленій, которыя онъ испытывалъ въ первой молодости, что чувство это не давало ему минуты покоя; что онъ не могъ жить, не рѣшивъ вопроса: будетъ или не будетъ она его женой, и что его отчаяніе происходило только отъ его воображенія, что онъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ того, что ему будетъ отказано. И онъ пріѣхалъ теперь въ Москву съ твердымъ рѣшеніемъ сдѣлать предложеніе и жениться, если его примутъ. Или... онъ не могъ думать о томъ, что съ нимъ будетъ, если откажутъ.

VII.

Пріѣхавъ съ утреннимъ поѣздомъ въ Москву, Левинъ остановился у своего старшаго брата по матери, Кознышева, и, переодѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ, намѣреваясь тотчасъ же разсказать ему, для чего онъ пріѣхалъ, и просить его совѣта; но братъ былъ не одинъ. У него сидѣлъ извѣстный профессоръ философіи, пріѣхавшій изъ Харькова собственно затѣмъ, чтобы разъяснить недоразумѣніе, возникшее между ними по весьма важному философскому вопросу. Профессоръ велъ жаркую полемику противъ матеріалистовъ, а Сергѣй Кознышевъ съ интересомъ слѣдилъ за этою полемикой и, прочтя послѣднюю статью профессора, написалъ ему въ письмѣ свои возраженія; онъ упрекалъ профессора за слишкомъ большія ус-

тупки матеріалистамъ. И профессоръ тотчасъ же пріѣхалъ, чтобы столковаться. Рѣчь шла о модномъ вопросѣ: есть ли граница между психическими и физіологическими явленіями въ дѣятельности человѣка, и гдѣ она?

Сергѣй Ивановичъ встрѣтилъ брата своею обычною для всѣхъ ласково-холодною улыбкой и, познакомивъ его съ профессоромъ, продолжалъ разговоръ.

Маленькій человѣкъ въ очкахъ, съ узкимъ лбомъ, на мгновеніе отвлекся отъ разговора, чтобы поздороваться, и продолжалъ рѣчь, не обращая вниманія на Левина. Левинъ сѣлъ въ ожиданіи, когда уѣдетъ профессоръ, но скоро заинтересовался предметомъ разговора.

Левинъ встрѣчалъ въ журналахъ статьи, о которыхъ шла рѣчь, и читалъ ихъ, интересуясь ими, какъ развитіемъ знакомыхъ ему, какъ естественнику по университету, основъ естествознанія, но никогда не сближалъ этихъ научныхъ выводовъ о происхожденіи человѣка какъ животнаго, о рефлексахъ, о біологіи и соціологіи, съ тѣми вопросами о значеніи жизни и смерти для него самого, которые въ послѣднее время чаще и чаще приходили ему на умъ.

Слушая разговоръ брата съ профессоромъ, онъ замѣчалъ, что они связывали научные вопросы съ задушевными, нѣсколько разъ почти подходили къ этимъ вопросамъ, но каждый разъ, какъ только они подходили близко къ самому главному, какъ ему казалось, они тотчасъ же поспѣшно отдалялись и опять углублялись въ область тонкихъ подраздѣленій, оговорокъ, цитатъ, намековъ, ссылокъ на авторитеты, и онъ съ трудомъ понималъ, о чемъ рѣчь.

— Я не могу допустить, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ

съ обычною ему ясностью и отчетливостью выраженія и изяществомъ дикціи:—я не могу ни въ какомъ случаѣ согласиться съ Кейсомъ, чтобы все мое представленіе о внѣшнемъ мірѣ вытекало изъ впечатлѣній. Самое основное понятіе *бытія* получено мною не черезъ ощущеніе, ибо нѣтъ и спеціальнаго органа для передачи общаго понятія.

— Да, но они—Вурстъ, и Кнаустъ, и Припасовъ—отвѣтятъ вамъ, что ваше сознаніе бытія вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ ощущеній, что это сознаніе бытія есть результатъ ощущеній. Вурстъ даже прямо говоритъ, что коль скоро нѣтъ ощущенія, нѣтъ и понятія бытія.

— Я скажу наоборотъ,—началъ Сергѣй Ивановичъ...

Но тутъ Левину опять показалось, что они, подойдя къ самому главному, опять отходятъ, и онъ рѣшился предложить профессору вопросъ.

— Стало-быть, если чувства мои уничтожены, если тѣло мое умретъ, существованія никакого уже не можетъ быть?—спросилъ онъ.

Профессоръ, съ досадой и какъ будто умственною болью отъ перерыва, оглянулся на страннаго вопрошателя, похожаго болѣе на бурлака, чѣмъ на философа, и перенесъ глаза на Сергѣя Ивановича, какъ бы спрашивая: что-жъ тутъ говорить? Но Сергѣй Ивановичъ, который далеко не съ тѣмъ усиліемъ и односторонностью говорилъ, какъ профессоръ, и у котораго въ головѣ оставался просторъ для того, чтобъ и отвѣчать профессору, и вмѣстѣ понимать ту простую и естественную точку зрѣнія, съ которой былъ сдѣланъ вопросъ, улыбнулся и сказалъ.

— Этотъ вопросъ мы не имѣемъ еще права рѣшать...

— Не имѣемъ данныхъ,—подтвердилъ профессоръ и про-

должалъ свои доводы.—Нѣтъ,—говорилъ онъ,—я указываю на то, что если, какъ прямо говоритъ Припасовъ, ощущеніе и имѣетъ своимъ основаніемъ впечатлѣвіе, то мы должны строго различать эти два понятія.

Левинъ не слушалъ больше и ждалъ, когда уѣдетъ профессоръ.

VIII.

Когда профессоръ уѣхалъ, Сергѣй Ивановичъ обратился къ брату.

— Очень радъ, что ты пріѣхалъ. Надолго? Что хозяйство?

Левинъ зналъ, что хозяйство мало интересуетъ старшаго брата и что онъ, только дѣлая ему уступку, спросилъ его объ этомъ, и потому отвѣтилъ только о продажѣ пшеницы и деньгахъ.

Левинъ хотѣлъ сказать брату о своемъ намѣреніи жениться и спросить его совѣта, онъ даже твёрдо рѣшился на это; но когда онъ увидалъ брата, послушалъ его разговоръ съ профессоромъ, когда услыхалъ потомъ этотъ невольно покровительственный тонъ, съ которымъ братъ расврашивалъ его о хозяйственныхъ дѣлахъ (материнское имѣніе ихъ было недѣленное, и Левинъ завѣдывалъ обѣими частями), Левинъ почувствовалъ, что не можетъ почему-то начать говорить съ братомъ о своемъ рѣшеніи жениться. Онъ чувствовалъ, что братъ его не такъ, какъ ему бы хотѣлось, посмотритъ на это.

— Ну, что у васъ земство, какъ?—спросилъ Сергѣй Ивановичъ, который очень интересовался земствомъ и приписывалъ ему большое значеніе.

— А право не знаю...

— Какъ? Вѣдь ты членъ управы?

— Нѣтъ, ужъ не членъ; я вышелъ,—отвѣчалъ Левинъ,— и не ѣзжу больше на собранія.

— Жалко! — проговорилъ Сергѣй Ивановичъ, нахмурившись.

Левинъ въ оправданіе сталъ разсказывать, что дѣлалось на собраніяхъ въ его уѣздѣ.

— Вотъ это всегда такъ! — перебилъ его Сергѣй Ивановичъ.—Мы, русскіе, всегда такъ. Можетъ-быть это и хорошая наша черта—способность видѣть свои недостатки, но мы пересаливаемъ, мы утѣшаемся ироніей, которая у насъ всегда готова на языкѣ. Я скажу тебѣ только, что дай эти же права, какъ наши земскія учрежденія, другому европейскому народу,—нѣмцы и англичане, выработали бы изъ нихъ свободу, а мы вотъ только смѣемся.

— Но что же дѣлать?—виновато сказалъ Левинъ. — Это былъ мой послѣдній опытъ. И я отъ всей души пытался... Не могу. Неспособенъ.

— Неспособенъ!— сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Ты не такъ смотришь на дѣло.

— Можетъ-быть,—уныло отвѣчалъ Левинъ.

— А ты знаешь, братъ Николай опять тутъ.

Братъ Николай былъ родной и старшій братъ Константина Левина и одноутробный братъ Сергѣя Ивановича, погибшій человѣкъ, промотавшій большую долю своего состоянія, вращавшійся въ самомъ странномъ и дурномъ обществѣ и поссорившійся съ братьями.

— Что ты говоришь?—съ ужасомъ вскрикнулъ Левинъ.— Почему ты знаешь?

— Прокофій видѣлъ его на улицѣ.

— Здѣсь, въ Москвѣ? Гдѣ онъ? Ты знаешь?—Левинъ всталъ со стула, какъ бы собираясь тотчасъ же идти.

— Я жалѣю, что сказалъ тебѣ это,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, покачивая головой на волненіе меньшаго брата.—Я посылалъ узнать, гдѣ онъ живетъ, и послалъ ему вексель его Трубину, по которому я заплатилъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ.

И Сергѣй Ивановичъ подалъ брату записку изъ-подъ пресспапье.

Левинъ прочелъ написанное страннымъ, роднымъ ему почеркомъ: „Прошу покорно оставить меня въ покоѣ. Это одно, чего я требую отъ своихъ любезныхъ братцевъ. Николай Левинъ".

Левинъ прочелъ это и, не поднимая головы, съ запиской въ рукахъ стоялъ передъ Сергѣемъ Ивановичемъ.

Въ душѣ его боролись желаніе забыть теперь о несчастномъ братѣ и сознаніе того, что это будетъ дурно.

— Онъ очевидно хочетъ оскорбить меня,—продолжалъ Сергѣй Ивановичъ,—но оскорбить меня онъ не можетъ, и я всей душой желалъ бы помочь ему, но знаю, что этого нельзя сдѣлать.

— Да, да,—повторилъ Левинъ.—Я понимаю и цѣню твое отношеніе къ нему; но я поѣду къ нему.

— Если тебѣ хочется, съѣзди, но я не совѣтую,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—То-есть, въ отношеніи ко мнѣ, я этого не боюсь, онъ тебя не поссоритъ со мной; но для тебя, я совѣтую, тебѣ лучше не ѣздить. Помочь нельзя. Впрочемъ, дѣлай какъ хочешь.

— Можетъ-быть и нельзя помочь, но я чувствую, осо-

бенно въ эту минуту,—ну, да это другое,—я чувствую, что я не могу быть спокоенъ.

— Ну, этого я не понимаю,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Одно я понимаю,—прибавилъ онъ: — это урокъ смиренія. Я иначе и снисходительнѣе сталъ смотрѣть на то, что называется подлостью, послѣ того, какъ братъ Николай сталъ тѣмъ, что онъ есть... Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ...

— Ахъ, это ужасно, ужасно!—повторялъ Левинъ.

Получивъ отъ лакея Сергѣя Ивановича адресъ брата, Левинъ тотчасъ же собрался ѣхать къ нему, но, обдумавъ, рѣшилъ отложить свою поѣздку до вечера. Прежде всего, для того, чтобы имѣть душевное спокойствіе, надо было рѣшить то дѣло, для котораго онъ пріѣхалъ въ Москву. Отъ брата Левинъ поѣхалъ въ присутствіе Облонскаго, и, узнавъ о Шербацкихъ, поѣхалъ туда, гдѣ ему сказали, что онъ можетъ застать Кити.

IX.

Въ 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, Левинъ слѣзъ съ извощика у Зоологическаго сада и пошелъ дорожкой къ горамъ и катку, навѣрное зная, что найдетъ ее тамъ, потому что видѣлъ карету Щербацкихъ у подъѣзда.

Былъ ясный, морозный день. У подъѣзда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы. Чистый народъ, блестя на яркомъ солнцѣ шляпами, кишѣлъ у входа и по расчищеннымъ дорожкамъ, между русскими домиками съ рѣзными князьками; старыя, кудрявыя березы сада, обвисшія

всѣми вѣтвями отъ снѣга, казалось, были разубраны въ новыя, торжественныя ризы.

Онъ шелъ по дорожкѣ къ катку и говорилъ себѣ:—„Надо не волноваться, надо успокоиться. О чемъ ты? Чего ты? Молчи, глупое!“ обращался онъ къ своему сердцу. И чѣмъ больше онъ старался себя успокоить, тѣмъ все хуже захватывало ему дыханіе. Знакомый встрѣтился и окликнулъ его, но Левинъ даже не узналъ, кто это былъ. Онъ подошелъ къ горамъ, на которыхъ гремѣли цѣпи спускаемыхъ и поднимаемыхъ салазокъ, грохотали катившіяся салазки и звучали веселые голоса. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, и передъ нимъ открылся катокъ, и тотчасъ же, среди всѣхъ катавшихся, онъ узналъ ее.

Онъ узналъ, что она тутъ, по радости и страху, охватившимъ его сердце. Она стояла разговаривая съ дамой, на противоположномъ концѣ катка. Ничего, казалось, не было особеннаго ни въ ея одеждѣ, ни въ ея позѣ, но для Левина такъ же легчо было узнать ее въ этой толпѣ, какъ розанъ въ крапивѣ. Все освѣщалось ею. Она была улыбка, озарявшая все вокругъ.—„Неужели я могу сойдти туда на ледъ, подойдти къ ней?“ подумалъ онъ. Мѣсто, гдѣ она была, показалось ему недоступною святыней, и была минута, что онъ чуть не ушелъ: такъ страшно ему стало. Ему нужно было сдѣлать усиліе надъ собой и разсудить, что около нея ходятъ всякаго рода люди, что и самъ онъ могъ придти туда кататься на конькахъ. Онъ сошелъ внизъ, избѣгая подолгу смотрѣть на нее, какъ на солнце, но онъ видѣлъ ее, какъ солнце, и не глядя.

На льду собирались въ этотъ день недѣли и въ эту пору дня люди одного кружка, всѣ знакомые между собою.

Были тутъ и мастера кататься, щеголявшіе искусствомъ, и учившіеся за креслами съ робкими, неловкими движеніями, и мальчики, и старые люди, катавшіеся для гигіеническихъ цѣлей; всѣ казались Левину избранными счастливцами, потому что они были тутъ, вблизи отъ нея. Всѣ катавшіеся, казалось, совершенно равнодушно обгоняли, догоняли ее, даже говорили съ ней, и совершенно независимо отъ нея веселились, пользуясь отличнымъ льдомъ и хорошею погодой.

Николай Щербацкій, двоюродный братъ Кити, въ коротенькой жакеткѣ и узкихъ панталонахъ, сидѣлъ съ коньками на ногахъ на скамейкѣ и, увидавъ Левина, закричалъ ему:

— А, первый русскій конькобѣжецъ! Давно ли? Отличный ледъ, надѣвайте же коньки.

— У меня и коньковъ нѣтъ,—отвѣчалъ Левинъ, удивляясь этой смѣлости и развязности въ ея присутствіи, и ни на секунду не теряя ея изъ вида, хотя и не глядѣлъ на нее. Онъ чувствовалъ, что солнце приближалось къ нему. Она была на углѣ и, тупо поставивъ узкія ножки въ высокихъ ботинкахъ, видимо робѣя, катилась къ нему. Отчаянно махавшій руками и пригибавшійся къ землѣ мальчикъ, въ русскомъ платьѣ, обгонялъ ее. Она катилась не совсѣмъ твердо; вынувъ руки изъ маленькой муфты, висѣвшей на снуркѣ, она держала ихъ наготовѣ и, глядя на Левина, котораго она узнала, улыбалась ему и своему страху. Когда поворотъ кончился, она дала себѣ толчокъ упругою ножкой, подкатилась прямо къ Щербацкому и, ухватившись за него рукой, улыбаясь кивнула Левину. Она была прекраснѣе, чѣмъ онъ воображалъ ее.

Когда онъ думалъ о ней, онъ могъ себѣ живо представить ее всю, въ особенности прелесть этой, съ выраженіемъ дѣтской ясности и доброты, небольшой бѣлокурой головки, такъ свободно поставленной на статныхъ дѣвичьихъ плечахъ. Дѣтскость выраженія ея лица въ соединеніи съ тонкою красотой стана—составляли ея особенную прелесть, которую онъ хорошо понималъ; но что всегда, какъ неожиданность, поражало въ ней, это было выраженіе ея глазъ—кроткихъ, спокойныхъ и правдивыхъ, и въ особенности ея улыбка, всегда переносившая Левина въ волшебный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя умиленнымъ и смягченнымъ, какимъ онъ могъ запомнить себя въ рѣдкіе дни своего ранняго дѣтства.

— Давно ли вы здѣсь?—сказала она, подавая ему руку.— Благодарствуйте,—прибавила она, когда онъ поднялъ платокъ, выпавшій изъ ея муфты.

— Я?—я недавно, вчера... нынче то-есть... пріѣхалъ,— отвѣчалъ Левинъ, не вдругъ отъ волненія понявъ ея вопросъ.—Я хотѣлъ къ вамъ ѣхать,—сказалъ онъ и тотчасъ же, вспомнивъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ искалъ ее, смутился и покраснѣлъ.—Я не зналъ, что вы катаетесь на конькахъ, и прекрасно катаетесь.

Она внимательно посмотрѣла на него, какъ бы желая понять причину его смущенія.

— Вашу похвалу надо цѣнить. Здѣсь сохранились преданія, что вы лучшій конькобѣжецъ,—сказала она, стряхивая маленькою ручкой въ черной перчаткѣ иглы инея, упавшія на муфту,

— Да, я когда-то со страстью катался; мнѣ хотѣлось дойти до совершенства.

— Вы все кажется дѣлаете со страстью,—сказала она, улыбаясь.—Мнѣ такъ хочется посмотрѣть, какъ вы катаетесь. Надѣвайте же коньки и давайте кататься вмѣстѣ.

„Кататься вмѣстѣ! Неужели это возможно?“ думалъ Левинъ, глядя на нее.

— Сейчасъ надѣну,—сказалъ онъ.

И онъ пошелъ надѣвать коньки.

— Давно не бывали у насъ, сударь,—говорилъ катальщикъ, поддерживая ногу и навинчивая каблукъ.—Послѣ васъ никого изъ господъ мастеровъ нѣту. Хорошо ли такъ будетъ?—говорилъ онъ, натягивая ремень.

— Хорошо, хорошо, поскорѣй пожалуйста,—отвѣчалъ Левинъ, съ трудомъ удерживая улыбку счастія, выступавшую невольно на его лицѣ.—„Да,—думалъ онъ,—вотъ это жизнь, вотъ это счастіе. *Вмѣстѣ*, сказала она, *давайте кататься вмѣстѣ*. Сказать ей теперь? Но вѣдь я оттого и боюсь сказать, что теперь я счастливъ, счастливъ хоть надеждой... А тогда?... Но надо же... надо, надо! Прочь слабость!“

Левинъ сталъ на ноги, снялъ пальто и, разбѣжавшись по шершавому у домика льду, выбѣжалъ на гладкій ледъ и покатился безъ усилія, какъ будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бѣгъ. Онъ приблизился къ ней съ робостью, но опять ея улыбка успокоила его.

Она подала ему руку, и они пошли рядомъ, прибавляя хода, и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ крѣпче она сжимала его руку.

— Съ вами я бы скорѣе выучилась, я почему-то увѣрена въ васъ,—сказала она ему.

— И я увѣренъ въ себѣ, когда вы упираетесь на меня,— сказалъ онъ, но тотчасъ же испугался того, что сказалъ, и покраснѣлъ. И дѣйствительно, какъ только онъ произ-

несъ эти слова, вдругъ, какъ солнце зашло за тучи, лицо ея утратило всю свою ласковость, и Левинъ узналъ знакомую игру ея лица, означавшую усиліе мысли: на гладкомъ лбу ея вспухла морщинка.

— У васъ нѣтъ ничего непріятнаго? Впрочемъ, я не имѣю права спрашивать,—быстро проговорилъ онъ.

— Отчего же?... Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ непріятнаго,—отвѣчала она холодно и тотчасъ же прибавила: — Вы не видѣли m-lle Linon?

— Нѣтъ еще.

— Подите къ ней, она такъ васъ любитъ.

„Что это? Я огорчилъ ее. Господи, помоги мнѣ!“ подумалъ Левинъ и побѣжалъ къ старой француженкѣ съ сѣдыми букольками, сидѣвшей на скамейкѣ. Улыбаясь и выставляя свои фальшивые зубы, она встрѣтила его какъ стараго друга.

— Да, вотъ растемъ,—сказала она ему, указывая глазами на Кити,—и старѣемъ. Tiny bear уже сталъ большой!—продолжала француженка смѣясь и напомнила ему его шутку о трехъ барышняхъ, которыхъ онъ называлъ тремя медвѣдями изъ англійской сказки.—Помните, вы бывало такъ говорили?

Онъ рѣшительно не помнилъ этого, но она уже лѣтъ десять смѣялась этой шуткѣ и любила ее.

— Ну, идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли?

Когда Левинъ подбѣжалъ къ Кити, лицо ея уже было не строго, глаза смотрѣли такъ же правдиво и ласково, но Левину показалось, что въ ласковости ея былъ особенный, умышленно-спокойный тонъ. И ему стало грустно. Погово-

ривъ о своей старой гувернанткѣ, о ея странностяхъ, она спросила его объ его жизни.

— Неужели вамъ не скучно зимою въ деревнѣ?—сказала она.

— Нѣтъ, не скучно, я очень занятъ,—сказалъ онъ, чувствуя, что она подчиняетъ его своему спокойному тону, изъ котораго онъ не въ силахъ будетъ выйдти, такъ же, какъ это было въ началѣ зимы.

— Вы надолго пріѣхали?—спросила его Кити.

— Я не знаю,—отвѣчалъ онъ, не думая о томъ, что говоритъ. Мысль о томъ, что если онъ поддастся этому ея тону спокойной дружбы, то онъ опять уѣдетъ ничего не рѣшивъ, пришла ему, и онъ рѣшился возмутиться.

— Какъ не знаете?

— Не знаю. Это отъ васъ зависитъ,—сказалъ онъ, и тотчасъ же ужаснулся своимъ словамъ.

Не слыхала ли она его словъ, или не хотѣла слышать, но она какъ бы споткнулась, два раза стукнувъ ножкой, и поспѣшно покатилась прочь отъ него. Она подкатилась къ m-lle Linon, что-то сказала она ей и направилась къ домику, гдѣ дамы снимали коньки.

— Боже мой, что я сдѣлалъ! Господи Боже мой! помоги мнѣ, научи меня,—говорилъ Левинъ, молясь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя потребность сильнаго движенія, разбѣгаясь и выписывая внѣшніе и внутренніе круги.

Въ это время одинъ изъ молодыхъ людей, лучшій изъ новыхъ конькобѣжцевъ, съ папиросой во рту, въ конькахъ, вышелъ изъ кофейной и, разбѣжавшись, пустился на конькахъ внизъ по ступенямъ, громыхая и подпрыгивая.

Онъ влетѣлъ внизъ и, не измѣнивъ даже свободнаго положенія рукъ, покатился по льду.

— Ахъ, это новая штука!—сказалъ Левинъ и тотчасъ же побѣжалъ на верхъ, чтобы сдѣлать эту новую штуку.

— Не убейтесь, надо привычку!—крикнулъ ему Николай Щербацкій.

Левинъ вошелъ на приступки, разбѣжался сверху сколько могъ, и пустился внизъ, удерживая въ непривычномъ движеніи равновѣсіе руками. На послѣдней ступени онъ зацѣпился, но, чуть дотронувшись до льда рукой, сдѣлалъ сильное движеніе, справился и смѣясь покатился дальше.

„Славный, милый, — подумала Кити въ это время, выходя изъ домика съ m-lle Linon и глядя на него съ улыбкою тихой ласки, какъ на любимаго брата.— И неужели я виновата, неужели я сдѣлала что-нибудь дурное? Они говорятъ: кокетство. Я знаю, что я люблю не его, но мнѣ всетаки весело съ нимъ, и онъ такой славный. Только зачѣмъ онъ это сказалъ?...“ думала она.

Увидавъ уходившую Кити и мать, встрѣчавшую ее на ступенькахъ, Левинъ, раскраснѣвшійся послѣ быстраго движенія, остановился и задумался. Онъ снялъ коньки и догналъ у выхода сада мать съ дочерью.

— Очень рада васъ видѣть,—сказала княгиня.—Четверги, какъ всегда, мы принимаемъ.

— Стало-быть нынче?

— Очень рады будемъ видѣть васъ,— сухо сказала княгиня.

Сухость эта огорчила Кити, и она не могла удержаться отъ желанія загладить холодность матери. Она повернула голову и съ улыбкой проговорила:

— До свиданія.

Въ это время Степанъ Аркадьевичъ, со шляпой на боку, блестя лицомъ и глазами, веселымъ побѣдителемъ входилъ въ садъ. Но, подойдя къ тещѣ, онъ съ грустнымъ, виноватымъ лицомъ отвѣчалъ на ея вопросы о здоровьѣ Долли. Поговоривъ тихо и уныло съ тещей, онъ выпрямилъ грудь и взялъ подъ руку Левина.

— Ну, что-жъ, ѣдемъ?—спросилъ онъ.—Я все о тебѣ думалъ, и я очень, очень радъ, что ты пріѣхалъ, — сказалъ онъ, съ значительнымъ видомъ глядя ему въ глаза.

— Ѣдемъ, ѣдемъ,—отвѣчалъ счастливый Левинъ, не перестававшій слышать звукъ голоса, сказавшій: до свиданія, и видѣть улыбку, съ которою это было сказано.

— Въ Англію, или въ Эрмитажъ?

— Мнѣ все равно.

— Ну, въ Англію, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выбравъ Англію потому, что онъ въ Англіи былъ болѣе долженъ, чѣмъ въ Эрмитажѣ. Онъ потому считалъ нехорошимъ избѣгать этой гостиницы. — У тебя есть извощикъ? Ну, и прекрасно, а то я отпустилъ карету.

Всю дорогу пріятели молчали. Левинъ думалъ о томъ, что означала эта перемѣна выраженія на лицѣ Кити, и то увѣрялъ себя, что есть надежда, то приходилъ въ отчаяніе и ясно видѣлъ, что его надежда безумна, а между тѣмъ чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того, какимъ онъ былъ до ея улыбки и словъ: *до свиданія*.

Степанъ Аркадьевичъ дорогой сочинялъ *меню* обѣда.

— Ты вѣдь любишь тюрбо?—сказалъ онъ Левину подъѣзжая.

— Что?—переспросилъ Левинъ. — Тюрбо? Да, я *ужасно* люблю тюрбо.

X.

Когда Левинъ вошелъ съ Облонскимъ въ гостиницу, онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой особенности выраженія, какъ бы сдержаннаго сіянія, на лицѣ и во всей фигурѣ Степана Аркадьевича. Облонскій снялъ пальто и со шляпой на бекрень прошелъ въ столовую, отдавая приказанія липнувшимъ къ нему татарамъ во фракахъ и съ салфетками. Кланяясь направо и налѣво нашедшимся и тутъ, какъ вездѣ, радостно встрѣчавшимъ его знакомымъ, онъ подошелъ къ буфету, закусилъ водку рыбкой и что-то такое сказалъ раскрашенной, въ ленточкахъ, кружевахъ и завитушкахъ, француженкѣ, сидѣвшей за конторкой, что даже эта француженка искренно засмѣялась. Левинъ же только оттого не выпилъ водки, что ему оскорбительна была эта француженка, вся составленная, казалось, изъ чужихъ волосъ, poudre de riz и vinaigre de toilette. Онъ, какъ отъ грязнаго мѣста, поспѣшно отошелъ отъ нея. Вся душа его была переполнена воспоминаніемъ о Кити, и въ глазахъ его свѣтилась улыбка торжества и счастія.

— Сюда, ваше сіятельство, пожалуйте, здѣсь не обезпокоятъ ваше сіятельство, — говорилъ особенно липнувшій старый, бѣлесый татаринъ съ широкимъ тазомъ и расходившимися надъ нимъ фалдами фрака.—Пожалуйте, ваше сіятельство,—говорилъ онъ Левину, въ знакъ почтенія къ Степану Аркадьевичу, ухаживая и за его гостемъ.

Мгновенно разостлавъ свѣжую скатерть на покрытый уже скатертью круглый столъ подъ бронзовымъ бра, онъ подо-

двинулъ бархатные стулья и остановился передъ Степаномъ Аркадьевичемъ съ салфеткой и карточкой въ рукахъ, ожидая приказаній.

— Если прикажете, ваше сіятельство, отдѣльный кабинетъ сейчасъ опростается: князь Голицынъ съ дамой. Устрицы свѣжія получены.

— А! устрицы.

Степанъ Аркадьевичъ задумался.

— Не измѣнить ли планъ, Левинъ?— сказалъ онъ, остановивъ палецъ на картѣ. И лицо его выражало серьёзное недоумѣніе.—Хороши ли устрицы? Ты смотри.

— Фленсбургскія, ваше сіятельство, остендскихъ нѣтъ.

— Фленсбургскія-то фленсбургскія, да свѣжи ли?

— Вчера получены-съ.

— Такъ что-жъ, не начать ли съ устрицъ, а потомъ ужъ и весь планъ измѣнить, а?

— Мнѣ все равно. Мнѣ лучше всего щи и каша; но вѣдь здѣсь этого нѣтъ.

— Каша а-ла рюссъ, прикажете?—сказалъ татаринъ, какъ няня надъ ребенкомъ, нагибаясь надъ Левинымъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, что ты выберешь, то и хорошо. Я побѣгалъ на конькахъ и ѣсть хочется. И не думай,—прибавилъ онъ, замѣтивъ на лицѣ Облонскаго недовольное выраженіе,—чтобы я не оцѣнилъ твоего выбора. Я съ удовольствіемъ поѣмъ хорошо.

— Еще бы! Что ни говори, это одно изъ удовольствій жизни,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Ну, такъ дай ты намъ, братецъ ты мой, устрицъ два, или мало... три десятка; супъ съ кореньями. .

— Прентаньеръ,—подхватилъ татаринъ. Но Степанъ Ар-

кадьевичъ видно не хотѣлъ ему доставлять удовольствіе называть по-французски кушанья..

— Съ кореньями, знаешь? потомъ тюрбо подъ густымъ соусомъ, потомъ... ростбифу; да смотри, чтобы хорошъ былъ. Да каплуновъ что ли, ну и консервовъ.

Татаринъ, вспомнивъ манеру Степана Аркадьевича называть кушанья по французской картѣ, не повторялъ за нимъ, но доставилъ себѣ удовольствіе повторить весь заказъ по картѣ: „супъ прентаньеръ, тюрбо сосъ Бомарше, пулардъ а лестрагонъ, маседуанъ де фрюи...“ и тотчасъ, какъ на пружинахъ, положивъ одну переплетенную карту и подхвативъ другую, карту винъ, поднесъ ее Степану Аркадьевичу.

— Что же пить будемъ?

— Я что хочешь, только немного; шампанское,—сказалъ Левинъ.

— Какъ, сначала? А впрочемъ правда, пожалуй. Ты любишь съ бѣлою печатью?

— Каше бланъ,—подхватилъ татаринъ.

— Ну, такъ этой марки къ устрицамъ подай, а тамъ видно будетъ.

— Слушаю-съ. Столоваго какого прикажете?

— Нюи подай. Нѣтъ, ужъ лучше классическій шабли.

— Слушаю съ. Сыру *вашего* прикажете?

— Ну да, пармезану. Или ты другой любишь?

— Нѣтъ, мнѣ все равно,—не въ силахъ удерживать улыбки, говорилъ Левинъ.

И татаринъ, съ развѣвающимися фалдами, побѣжалъ и черезъ пять минутъ влетѣлъ съ блюдомъ открытыхъ, на

перламутровыхъ раковинахъ, устрицъ и съ бутылкой между пальцами.

Степанъ Аркадьевичъ смялъ накрахмаленную салфетку, засунулъ ее себѣ за жилетъ и, положивъ покойно руки, взялся за устрицы.

— А недурны,—говорилъ онъ, сдирая серебряною вилочкой съ перламутровой раковины шлюпающихъ устрицъ и проглатывая ихъ одну за другой. — Недурны, — повторялъ онъ, вскидывая влажные и блестящіе глаза то на Левина, то на татарина.

Левинъ ѣлъ и устрицы, хотя бѣлый хлѣбъ съ сыромъ былъ ему пріятнѣе. Но онъ любовался на Облонскаго. Даже татаринъ, отвинтившій пробку и разливавшій игристое вино по разлатымъ тонкимъ рюмкамъ, съ замѣтною улыбкой удовольствія, поправляя свой бѣлый галстукъ, поглядывалъ на Степана Аркадьевича.

— А ты не очень любишь устрицы? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выпивая свой бакалъ,—или ты озабоченъ, а?

Ему хотѣлось, чтобы Левинъ былъ веселъ. Но Левинъ не то что былъ не веселъ, онъ былъ стѣсненъ. Съ тѣмъ, что̀ было у него въ душѣ, ему жутко и неловко было въ трактирѣ, между кабинетами, гдѣ обѣдали съ дамами, среди этой бѣготни и суетни; эта обстановка бронзъ, зеркалъ, газа, татаръ—все это было ему оскорбительно. Онъ боялся запачкать то, что переполняло его душу.

— Я? Да, я озабоченъ; но, кромѣ того, меня это все стѣсняетъ,—сказалъ онъ.—Ты не можешь представить себѣ, какъ для меня, деревенскаго жителя, все это дико, какъ ногти того господина, котораго я видѣлъ у тебя...

— Да, я видѣлъ, что ногти бѣднаго Гриневича тебя

очень заинтересовали, — смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Не могу,—отвѣчалъ Левинъ.—Ты постарайся, войди въ меня, стань на точку зрѣнія деревенскаго жителя. Мы въ деревнѣ стараемся привести свои руки въ такое положеніе, чтобъ удобно было ими работать; для этого обстригаемъ ногти, засучиваемъ иногда рукава. А тутъ люди нарочно отпускаютъ ногти, насколько они могутъ держаться, и прицѣпляютъ въ видѣ запонокъ блюдечки, чтобъ ужъ ничего нельзя было дѣлать руками.

Степанъ Аркадьевичъ весело улыбался.

— Да это признакъ того, что грубый трудъ ему не нуженъ. У него работаетъ умъ...

— Можетъ быть. Но все-таки мнѣ дико, такъ же, какъ мнѣ дико теперь то, что мы, деревенскіе жители, стараемся поскорѣе наѣсться, чтобы быть въ состояніи дѣлать свое дѣло, а мы съ тобой стараемся какъ можно дольше не наѣсться, и для этого ѣдимъ устрицы.

— Ну, разумѣется,—подхватилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Но въ этомъ-то и цѣль образованія—изо всего сдѣлать наслажденіе.

— Ну, если это цѣль, то я желалъ бы быть дикимъ.

— Ты и такъ дикъ. Вы всѣ Левины дики.

Левинъ вздохнулъ. Онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ, и ему стало совѣстно и больно, и онъ нахмурился; но Облонскій заговорилъ о такомъ предметѣ, который тотчасъ же отвлекъ его.

— Ну, что-жъ, поѣдешь нынче вечеромъ къ нашимъ, къ Щербацкимъ то-есть?—сказалъ онъ, отодвигая пустыя шер-

шавыя раковины, придвигая сыръ и значительно блестя глазами.

— Да, я непремѣнно поѣду,—отвѣчалъ Левинъ. — Хотя мнѣ показалось, что княгиня не охотно звала меня.

— Что ты! Вздоръ какой! Это ея манера... Ну давай же, братецъ, супъ!... Это ея манера, grande dame, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Я тоже прiѣду, но мнѣ на спѣвку къ графинѣ Бониной надо. Ну, какъ же ты не дикъ? Чѣмъ же объяснить то, что ты вдругъ исчезъ изъ Москвы? Щербацкiе меня спрашивали о тебѣ безпрестанно, какъ будто я долженъ знать. А я знаю только одно: ты дѣлаешь всегда то, чего никто не дѣлаетъ.

— Да,—сказалъ Левинъ медленно и взволнованно.—Ты правъ, я дикъ. Но только дикость моя не въ томъ, что я уѣхалъ, а въ томъ, что я теперь прiѣхалъ. Теперь я прiѣхалъ...

— О, какой ты счастливецъ!—подхватилъ Степанъ Аркадьевичъ, глядя въ глаза Левину.

— Отчего?

— Узнаю коней ретивыхъ по какимъ-то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ,—продекламировалъ Степанъ Аркадьевичъ. У тебя все впереди.

— А у тебя развѣ ужъ назади?

— Нѣтъ, хоть не назади, но у тебя будущее, а у меня настоящее, и настоящее—такъ, въ пересыпочку.

— А что?

— Да не хорошо. Ну, да я о себѣ не хочу говорить, и къ тому же объяснить всего нельзя,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Такъ ты зачѣмъ же прiѣхалъ въ Москву?... Эй, принимай!—крикнулъ онъ татарину.

— Ты догадываешься?—отвѣчалъ Левинъ, не спуская со Степана Аркадьевича своихъ во глубинѣ свѣтящихся глазъ.

— Догадываюсь, но не могу начать говорить объ этомъ. Ужъ по этому ты можешь видѣть, вѣрно или не вѣрно я догадываюсь,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ тонкою улыбкой глядя на Левина.

— Ну, что же ты скажешь мнѣ?—сказалъ Левинъ дрожащимъ голосомъ и чувствуя, что на лицѣ его дрожатъ всѣ мускулы.—Какъ ты смотришь на это?

Степанъ Аркадьевичъ медленно выпилъ свой стаканъ шабли, не спуская глазъ съ Левина.

— Я,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ:—ничего такъ не желалъ бы, какъ этого—ничего! Это лучшее, что могло бы быть.

— Но ты не ошибаешься? Ты знаешь, о чемъ мы говоримъ?—проговорилъ Левинъ, впиваясь глазами въ своего собесѣдника.—Ты думаешь, что это возможно?

— Думаю, что возможно. Отчего же не возможно?

— Нѣтъ, ты точно думаешь, что это возможно? Нѣтъ, ты скажи все, что ты думаешь! Ну, а если... если меня ждетъ отказъ?... И я даже увѣренъ...

— Отчего же ты это думаешь?—улыбаясь на его волненіе, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Такъ мнѣ иногда кажется. Вѣдь это будетъ ужасно и для меня, и для нея.

— Ну, во всякомъ случаѣ для дѣвушки тутъ ничего ужаснаго нѣтъ,—всякая дѣвушка гордится предложеніемъ.

— Да, всякая дѣвушка, но не она.

Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Онъ такъ зналъ это чувство Левина, зналъ, что для него всѣ дѣвушки въ мірѣ

раздѣляются на два сорта: одинъ сортъ—это всѣ дѣвушки въ мірѣ кромѣ ея, и эти дѣвушки имѣютъ всѣ человѣческія слабости, и дѣвушки очень обыкновенныя; другой сортъ—она одна, не имѣющая никакихъ слабостей и превыше всего человѣческаго.

— Постой, соуса возьми,—сказалъ онъ, удерживая руку Левина, который отталкивалъ отъ себя соусъ.

Левинъ покорно положилъ себѣ соуса, но не далъ ѣсть Степану Аркадьевичу.

— Нѣтъ, ты постой, постой,—сказалъ онъ.—Ты пойми, что это для меня вопросъ жизни и смерти. Я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ. И ни съ кѣмъ я не могу говорить объ этомъ, какъ съ тобой. Вѣдь, вотъ, мы съ тобой по всему чужіе: другіе, вкусы, взгляды, все; но я знаю, что ты меня любишь и понимаешь, и отъ этого я тебя ужасно люблю. Но, ради Бога, будь вполнѣ откровененъ.

— Я тебѣ говорю, что я думаю, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ улыбаясь. — Но я тебѣ больше скажу: моя жена—удивительнѣйшая женщина... — Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ съ женою, и, помолчавъ съ минуту, продолжалъ:—У нея есть даръ предвидѣнія. Она насквозь видитъ людей; но этого мало—она знаетъ, что будетъ, особенно по части браковъ. Она напримѣръ предсказала, что Шаховская выйдетъ за Брентельна. Никто этому вѣрить не хотѣлъ, а такъ вышло. И она—на твоей сторонѣ.

— То-есть какъ?

— Такъ, что она мало того, что любитъ тебя,—она говоритъ, что Кити будетъ твоею женой непремѣнно.

При этихъ словахъ лицо Левина вдругъ просіяло улыбкой,—тою, которая близка къ слезамъ умиленія.

— Она это говоритъ?!—воскликнулъ Левинъ.— Я всегда говорилъ, что она прелесть, твоя жена. Ну, и довольно, довольно объ этомъ говорить,—сказалъ онъ, вставая съ мѣста.

— Хорошо, но садись же.

Но Левинъ не могъ сидѣть. Онъ прошелся два раза своими твердыми шагами по клѣточкѣ-комнатѣ, помигалъ глазами, чтобы не видно было слезъ, и тогда только сѣлъ опять за столъ.

— Ты пойми,—сказалъ онъ,—что это не любовь. Я былъ влюбленъ, но это не то. Это не мое чувство, а какая-то сила внѣшняя завладѣла мной. Вѣдь я уѣхалъ, потому что рѣшилъ, что этого не можетъ быть, понимаешь?—какъ счастія, котораго не бываетъ на землѣ; но я бился съ собой и вижу, что безъ этого нѣтъ жизни. И надо рѣшить...

— Для чего же ты уѣзжалъ?

— Ахъ, постой! Ахъ, сколько мыслей! Сколько надо спросить! Послушай. Ты вѣдь не можешь представить себѣ, что ты сдѣлалъ для меня тѣмъ, что сказалъ. Я такъ счастливъ, что даже гадокъ сталъ; я все забылъ. Я нынче узналъ, что братъ Николай... знаешь, онъ тутъ... я и про него забылъ. Мнѣ кажется, что и онъ счастливъ. Это въ родѣ сумасшествія. Но одно ужасно... Вотъ ты женился, ты знаешь это чувство... ужасно то, что мы—старые, уже съ прошедшимъ... не любви, а грѣховъ... вдругъ сближаемся съ существомъ чистымъ, невиннымъ; это отвратительно, и поэтому нельзя не чувствовать себя недостойнымъ.

— Ну, у тебя грѣховъ не много.

— Ахъ, все-таки,—сказалъ Левинъ,—все-таки, съ отвра-

щеніемъ читая жизнь мою, трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь... Да.

— Что-жъ дѣлать, такъ міръ устроенъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Одно утѣшеніе, какъ въ этой молитвѣ, которую я всегда любилъ, что не по заслугамъ прости меня, а по милосердію. Такъ и она только проститъ можетъ.

XI.

Левинъ выпилъ свой бакалъ, и они помолчали.

— Одно еще я тебѣ долженъ сказать. Ты знаешь Вронскаго?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ Левина.

— Нѣтъ, не знаю. Зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Подай другую,—обратился Степанъ Аркадьевичъ къ татарину, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ, именно когда его не нужно было.—Затѣмъ тебѣ знать Вронскаго, что это одинъ изъ твоихъ конкуррентовъ.

— Что такое Вронскій?—сказалъ Левинъ, и лицо его изъ того дѣтски-восторженнаго выраженія, которымъ только-что любовался Облонскій, вдругъ перешло въ злое и непріятное.

— Вронскій — это одинъ изъ сыновей графа Кирилла Ивановича Вронскаго и одинъ изъ самыхъ лучшихъ образцовъ золоченой молодежи петербургской. Я его узналъ въ Твери, когда я тамъ служилъ, а онъ пріѣзжалъ на рекрутскій наборъ. Страшно богатъ, красивъ, большія связи, флигель-адъютантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—очень милый, добрый малый. Но болѣе, чѣмъ просто добрый малый.

Какъ я его узналъ здѣсь, онъ и образованъ, и очень уменъ: это человѣкъ, который далеко пойдетъ.

Левинъ хмурился и молчалъ.

— Ну съ, онъ появился здѣсь вскорѣ послѣ тебя, и, какъ я понимаю, онъ по уши влюбленъ въ Кити, и ты понимаешь, что мать...

— Извини меня, но я не понимаю ничего,— сказалъ Левинъ, мрачно насупливаясь. И тотчасъ же онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ и о томъ, какъ онъ гадокъ, что могъ забыть о немъ.

— Ты постой, постой,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь и трогая его руку.—Я тебѣ сказалъ то, что я знаю, и повторяю, что въ этомъ тонкомъ и нѣжномъ дѣлѣ, сколько можно догадываться, мнѣ кажется, шансы на твоей сторонѣ.

Левинъ откинулся назадъ на стулъ, лицо его было блѣдно.

— Но я бы совѣтовалъ тебѣ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе,—продолжалъ Облонскій, доливая ему бокалъ.

— Нѣтъ, благодарствуй, я больше не могу пить,—сказалъ Левинъ, отодвигая свой бокалъ:—я буду пьянъ... Ну, ты какъ поживаешь? - продолжалъ онъ, видимо желая перемѣнить разговоръ.

— Еще слово: во всякомъ случаѣ, совѣтую рѣшить вопросъ скорѣе. Нынче не совѣтую говорить,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Поѣзжай завтра утромъ классически дѣлать предложеніе, и да благословитъ тебя Богъ...

— Что жъ ты все хотѣлъ на охоту ко мнѣ пріѣхать. Вотъ пріѣзжай весной,—сказалъ Левинъ.

Теперь онъ всею душой раскаивался, что началъ этотъ разговоръ со Степаномъ Аркадьевичемъ. Его *особенное* чув-

ство было осквернено разговоромъ о конкурренціи какого-то петербургскаго офицера, предположеніями и совѣтами Степана Аркадьевича.

Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Онъ понималъ, что дѣлалось въ душѣ Левина.

— Пріѣду когда-нибудь,—сказалъ онъ.—Да, братъ, женщины—это винтъ, на которомъ все вертится. Вотъ и мое дѣло плохо, очень плохо. И все отъ женщинъ. Ты мнѣ скажи откровенно,—продолжалъ онъ, доставъ сигару и держась одною рукой за бокалъ,—ты мнѣ дай совѣтъ.

— Но въ чемъ же?

— Вотъ въ чемъ. Положимъ, ты женатъ, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

— Извини, но я рѣшительно не понимаю этого, какъ бы... все равно, какъ не понимаю, какъ бы я теперь, наѣвшись, тутъ же пошелъ мимо калачной и укралъ бы калачъ.

Глаза Степана Аркадьевича блестѣли больше обыкновеннаго.

— Отчего же? Калачъ иногда такъ пахнетъ, что не удержишься.

Himmlisch ist's, wenn ich bezwungen
Meine irdische Begier;
Aber doch wenn's nicht gelungen,
Hatt' ich auch recht hübsch Plaisir!

Говоря это, Степанъ Аркадьевичъ тонко улыбался. Левинъ тоже не могъ не улыбнуться.

— Да, но безъ шутокъ, — продолжалъ Облонскій. — Ты пойми, что женщина, милое, кроткое, любящее существо, бѣдная, одинокая, и всѣмъ пожертвовала. Теперь, когда

уже дѣло сдѣлано,—ты пойми, неужели бросить ее? Положимъ: разстаться, чтобы не разрушить семейную жизнь, но неужели не пожалѣть ее, не устроить, не смягчить?

— Ну, ужъ извини меня. Ты знаешь, для меня всѣ женщины дѣлятся на два сорта... то есть нѣтъ... вѣрнѣе: есть женщины, и есть... Я прелестныхъ падшихъ созданій не видалъ и не увижу, а такія, какъ та крашеная француженка у конторки, съ завитками, это для меня гадины, и всѣ падшія—такія же.

— А евангельская?

— Ахъ, перестань! Христосъ никогда бы не сказалъ этихъ словъ, еслибы зналъ, какъ будутъ злоупотреблять ими. Изо всего Евангелія только и помнятъ эти слова. Впрочемъ, я говорю не то, что думаю, а то, что чувствую. Я имѣю отвращеніе къ падшимъ женщинамъ. Ты пауковъ боишься, а я этихъ гадинъ. Ты вѣдь навѣрно не изучалъ пауковъ и не знаешь ихъ нравовъ: такъ и я.

— Хорошо тебѣ такъ говорить; это все равно, какъ этотъ Диккенсовскій господинъ, который перебрасываетъ лѣвою рукой черезъ правое плечо всѣ затруднительные вопросы. Но отрицаніе факта—не отвѣтъ. Что жъ дѣлать, ты мнѣ скажи, что дѣлать? Жена старѣется, а ты полонъ жизни. Ты не успѣешь оглянуться, какъ уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, какъ бы ты ни уважалъ ее. А тутъ вдругъ подвернется любовь, и пропалъ, пропалъ!—съ унылымъ отчаяніемъ проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Левинъ усмѣхнулся.

— Да, и пропалъ,—продолжалъ Облонскій.—Но что же дѣлать?

— Не красть калачей.

Степанъ Аркадьевичъ разсмѣялся.

— О, моралистъ! Но ты пойми, есть двѣ женщины: одна настаиваетъ только на своихъ правахъ, и права эти твоя любовь, которой ты не можешь ей дать; а другая жертвуетъ тебѣ всѣмъ—и ничего не требуетъ. Что тебѣ дѣлать? Какъ поступить? Тутъ страшная драма.

— Если ты хочешь мою исповѣдь относительно этого, то я скажу тебѣ, что не вѣрю, чтобы тутъ была драма. И вотъ почему. По-моему, любовь... обѣ любви, которыя, помнишь?—Платонъ опредѣляетъ въ своемъ *Пирѣ*,—обѣ любви служатъ пробнымъ камнемъ для людей. Одни люди понимаютъ только одну, другіе другую. И тѣ, которые понимаютъ только неплатоническую любовь, напрасно говорятъ о драмѣ. При такой любви не можетъ быть никакой драмы. „Покорно васъ благодарю за удовольствіе, мое почтенье", вотъ и вся драма. А для платонической любви не можетъ быть драмы, потому что въ такой любви все ясно и чисто, потому что...

Въ эту минуту Левинъ вспомнилъ о своихъ грѣхахъ и о внутренней борьбѣ, которую онъ пережилъ. И онъ неожиданно прибавилъ:

— А впрочемъ, можетъ-быть, ты и правъ. Очень можетъ-быть... Но я не знаю, рѣшительно не знаю.

— Вотъ видишь ли,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ,—ты очень цѣльный человѣкъ. Это твое качество и твой недостатокъ. Ты самъ—цѣльный характеръ и хочешь, чтобы вся жизнь слагалась изъ цѣльныхъ явленій, а этого не бываетъ. Ты вотъ презираешь общественную служебную дѣятельность, потому что тебѣ хочется, чтобы дѣло по-

стоянно соотвѣтствовало цѣли, а этого не бываетъ. Ты хочешь тоже, чтобы дѣятельность одного человѣка всегда имѣла цѣль, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно, — этого не бываетъ. Все разнообразіе, вся прелесть, вся красота жизни слагается изъ тѣни и свѣта.

Левинъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ. Онъ думалъ о своемъ и не слушалъ Облонскаго.

И вдругъ они оба почувствовали, что хоть они и друзья, хотя они обѣдали вмѣстѣ и пили вино, которое должно было бы еще болѣе сблизить ихъ, но что каждый думаетъ только о своемъ и одному до другаго нѣтъ дѣла. Облонскій уже не разъ испытывалъ это, случающееся послѣ обѣда, крайнее раздвоеніе вмѣсто сближенія и зналъ, что̀ надо дѣлать въ этихъ случаяхъ.

— Счетъ! — крикнулъ онъ и вышелъ въ сосѣднюю залу, гдѣ тотчасъ же встрѣтилъ знакомаго адъютанта и вступилъ съ нимъ въ разговоръ объ актрисѣ и ея содержателѣ. И тотчасъ же, въ разговорѣ съ адъютантомъ, Облонскій почувствовалъ облегченіе и отдохновеніе отъ разговора съ Левинымъ, который вызывалъ его всегда на слишкомъ большое умственное и душевное напряженіе.

Когда татаринъ явился со счетомъ въ двадцать шесть рублей съ копѣйками и съ дополненіемъ на водку, Левинъ, котораго въ другое время, какъ деревенскаго жителя, привелъ бы въ ужасъ счетъ на его долю въ четырнадцать рублей, теперь не обратилъ вниманіе на это, расплатился и отправился домой, чтобы переодѣться и ѣхать къ Щербацкимъ, гдѣ рѣшится его судьба.

XII.

Княжнѣ Кити Щербацкой было восьмнадцать лѣтъ. Она выѣзжала первую зиму. Успѣхи ея въ свѣтѣ были больше, чѣмъ обѣихъ ея старшихъ сестеръ, и больше, чѣмъ даже ожидала княгиня. Мало того, что юноши, танцующіе на московскихъ балахъ, почти всѣ были влюблены въ Кити, уже въ первую зиму представились двѣ серьёзныя партіи: Левинъ и, тотчасъ же послѣ его отъѣзда, графъ Вронскій.

Появленіе Левина въ началѣ зимы, его частыя посѣщенія и явная любовь къ Кити были поводомъ къ первымъ серьёзнымъ разговорамъ между родителями Кити о ея будущности и къ спорамъ между княземъ и княгиней. Князь былъ на сторонѣ Левина, говорилъ, что онъ ничего не желаетъ лучшаго для Кити. Княгиня же, со свойственною женщинамъ привычкой обходить вопросъ, говорила, что Кити слишкомъ молода, что Левинъ ничѣмъ не показываетъ, что имѣетъ серьёзныя намѣренія, что Кити не имѣетъ къ нему привязанности, и другіе доводы; но не говорила главнаго — того, что она ждетъ лучшей партіи для дочери, что Левинъ не симпатиченъ ей и что она не понимаетъ его. Когда же Левинъ внезапно уѣхалъ, княгиня была рада и съ торжествомъ говорила мужу: „видишь, я была права“. Когда же появился Вронскій, она еще болѣе была рада, утвердившись въ своемъ мнѣніи, что Кити должна сдѣлать не просто хорошую, но блестящую партію.

Для матери не могло быть никакого сравненія между Вронскимъ и Левинымъ. Матери не нравились въ Левинѣ

и его странныя и рѣзкія сужденія, и его неловкость въ свѣтѣ, основанная, какъ она полагала, на гордости, и его, по ея понятіямъ, дикая какая-то жизнь въ деревнѣ, съ занятіями скотиной и мужиками; не нравилось очень и то, что онъ, влюбленный въ ея дочь, ѣздилъ въ домъ полтора мѣсяца, чего-то какъ будто ждалъ, высматривалъ, какъ будто боялся, не велика ли будетъ честь, если онъ сдѣлаетъ предложеніе, и не понималъ, что, ѣздя въ домъ, гдѣ дѣвушка невѣста, надо было объясниться. И вдругъ, не объяснившись, уѣхалъ. „Хорошо, что онъ такъ не привлекателенъ, что Кити не влюбилась въ него“, думала мать.

Вронскій удовлетворялъ всѣмъ желаніямъ матери. Очень богатъ, уменъ, знатенъ, на пути блестящей военно-придворной карьеры и обворожительный человѣкъ. Нельзя было ничего лучшаго желать.

Вронскій на балахъ явно ухаживалъ за Кити, танцовалъ съ нею и ѣздилъ въ домъ, — стало-быть, нельзя было сомнѣваться въ серьёзности его намѣреній. Но, несмотря на то, мать всю эту зиму находилась въ страшномъ безпокойствѣ и волненіи.

Сама княгиня вышла замужъ тридцать лѣтъ тому назадъ по сватовству тетушки. Женихъ, о которомъ было все уже впередъ извѣстно, пріѣхалъ, увидалъ невѣсту, и его увидали; сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатлѣніе; впечатлѣніе было хорошее; потомъ, въ назначенный день, было сдѣлано родителямъ и принято ожидаемое предложеніе. Все произошло очень легко и просто. По крайней мѣрѣ, такъ казалось княгинѣ. Но на своихъ дочеряхъ она испытала, какъ не легко и не просто это, кажущееся обыкновеннымъ, дѣло — выдавать

дочерей замужъ. Сколько страховъ было пережито, сколько мыслей передумано, сколько денегъ потрачено, сколько столкновеній съ мужемъ при выдачѣ замужъ старшихъ двухъ, Дарьи и Натальи! Теперь, при вывозѣ меньшой, переживались тѣ же страхи, тѣ же сомнѣнія и еще большія, чѣмъ изъ-за старшихъ, ссоры съ мужемъ. Старый князь, какъ и всѣ отцы, былъ особенно щепетиленъ насчетъ чести и чистоты своихъ дочерей; онъ былъ неблагоразумно ревнивъ къ дочерямъ и особенно къ Кити, которая была его любимица, и на каждомъ шагу дѣлалъ сцены княгинѣ за то, что она компрометируетъ дочь. Княгиня привыкла къ этому еще съ первыми дочерьми, но теперь она чувствовала, что щепетильность князя имѣетъ больше основаній. Она видѣла, что въ послѣднее время многое измѣнилось въ пріемахъ общества, что обязанности матери стали еще труднѣе. Она видѣла, что сверстницы Кити составляли какія-то общества, отправлялись на какіе-то курсы, свободно обращались съ мужчинами, ѣздили однѣ по улицамъ, многія не присѣдали и, главное, были всѣ твердо увѣрены, что выбрать себѣ мужа есть ихъ дѣло, а не родителей. „Нынче ужъ такъ не выдаютъ замужъ, какъ прежде“, думали и говорили всѣ эти молодыя дѣвушки и всѣ даже старые люди. Но какъ же нынче выдаютъ замужъ? — княгиня ни отъ кого не могла узнать. Французскій обычай — родителямъ рѣшать судьбу дѣтей — былъ не принятъ, осуждался. Англійскій обычай — совершенной свободы дѣвушки — былъ тоже не принятъ и невозможенъ въ русскомъ обществѣ. Русскій обычай сватовства считался чѣмъ-то безобразнымъ, надъ нимъ смѣялись всѣ и сама княгиня. Но какъ надо выходить и вы-

давать замужъ, никто не зналъ. Всѣ, съ кѣмъ княгинѣ случалось толковать объ этомъ, говорили ей одно: „Помилуйте, въ наше время ужъ пора оставить эту старину. Вѣдь молодымъ людямъ въ бракъ вступать, а не родителямъ,—стало быть, и надо оставить молодыхъ людей устраиваться какъ они знаютъ“. Но хорошо было говорить такъ тѣмъ, у кого не было дочерей, а княгиня понимала, что при сближенiи дочь могла влюбиться, и влюбиться въ того, кто не захочетъ жениться, или въ того, кто не годится въ мужья. И сколько бы ни внушали княгинѣ, что въ наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу, она не могла вѣрить этому, какъ не могла бы вѣрить тому, что въ какое бы то ни было время для пятилѣтнихъ дѣтей самыми лучшими игрушками должны быть заряженные пистолеты. И потому княгиня безпокоилась съ Кити больше, чѣмъ со старшими дочерьми.

Теперь она боялась, чтобы Вронскiй не ограничился однимъ ухаживаньемъ за ея дочерью. Она видѣла, что дочь уже влюблена въ него, но утѣшала себя тѣмъ, что онъ честный человѣкъ и потому не сдѣлаетъ этого. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она знала, какъ, съ нынѣшнею свободой обращенiя, легко вскружить голову дѣвушки, и какъ вообще мужчины легко смотрятъ на эту вину. На прошлой недѣлѣ Кити разсказала матери свой разговоръ во время мазурки съ Вронскимъ. Разговоръ этотъ отчасти успокоилъ княгиню; но совершенно спокойною она не могла быть. Вронскiй сказалъ Кити, что они, оба брата, такъ привыкли во всемъ подчиняться своей матери, что никогда не рѣшаются предпринять что-нибудь важное, не посовѣтовавшись съ нею. „И теперь я жду, какъ особен-

наго счастія, пріѣзда матушки изъ Петербурга“ сказалъ онъ.

Кити разсказала это, не придавая никакого значенія этимъ словамъ. Но мать поняла это иначе. Она знала, что старуху ждутъ со дня на день, знала, что старуха будетъ рада выбору сына, и ей странно было, что онъ, боясь оскорбить мать, не дѣлаетъ предложенія; однако, ей такъ хотѣлось и самого брака, и, болѣе всего, успокоенія отъ своихъ тревогъ, что она вѣрила этому. Какъ ни горько было теперь княгинѣ видѣть несчастіе старшей дочери Долли, сбиравшейся оставить мужа, волненіе о рѣшавшейся судьбѣ меньшой дочери поглощало всѣ ея чувства. Нынѣшній день, съ появленіемъ Левина, прибавилось еще новое безпокойство. Она боялась, чтобы дочь, имѣвшая, какъ ей казалось, одно время чувство къ Левину, изъ излишней честности не отказала Вронскому и, вообще, чтобы пріѣздъ Левина не запуталъ, не задержалъ дѣла столь близкаго къ окончанію.

— Что онъ, давно ли пріѣхалъ? — сказала княгиня про Левина, когда онѣ вернулись домой.

— Нынче, maman.

— Я одно хочу сказать... — начала княгиня, и, по серьёзно оживленному лицу ея, Кити угадала, о чемъ будетъ рѣчь.

— Мама,—сказала она, вспыхнувъ и быстро поворачиваясь къ ней,—пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

Она желала того же, чего желала и мать, но мотивы желанія матери оскорбляли ее.

— Я только хочу сказать, что, подавъ надежду одному..,

— Мама, голубчикъ, ради Бога, не говорите. Такъ страшно говорить про это!

— Не буду,—сказала мать, увидавъ слезы на глазахъ дочери; - но одно, моя душа: ты мнѣ обѣщала, что у тебя не будетъ отъ меня тайны. Не будетъ?

— Никогда, мама, никакой,—отвѣчала Кити, покраснѣвъ и взглянувъ прямо въ лицо матери.—Но мнѣ нечего говорить теперь. Я... я... еслибы хотѣла, я не знаю, что сказать и какъ... я не знаю...

„Нѣтъ, неправду не можетъ она сказать съ этими глазами“, подумала мать, улыбаясь на ея волненіе и счастіе. Княгиня улыбалась тому, какъ огромно и значительно кажется ей, бѣдняжкѣ, то, что происходитъ теперь въ ея душѣ.

XIII.

Кити испытывала послѣ обѣда и до начала вечера чувство подобное тому, какое испытываетъ юноша передъ битвой. Сердце ея билось сильно, и мысли не могли ни на чемъ остановиться.

Она чувствовала, что нынѣшній вечеръ, когда они оба въ первый разъ встрѣчаются, долженъ быть рѣшительный въ ея судьбѣ. И она безпрестанно представляла себѣ ихъ, то каждаго порознь, то вмѣстѣ обоихъ. Когда она думала о прошедшемъ, она съ удовольствіемъ, съ нѣжностью, останавливалась на воспоминаніяхъ своихъ отношеній къ Левину. Воспоминанія дѣтства и воспоминанія о дружбѣ Левина съ ея умершимъ братомъ придавали особенную, поэтическую прелесть ея отношеніямъ къ нему. Его любовь къ ней, въ которой она была увѣрена, была лестна и радостна ей.

И ей легко было вспоминать о Левинѣ. Въ воспоминанія же о Вронскомъ примѣшивалось что-то неловкое, хотя онъ былъ въ высшей степени свѣтскій и спокойный человѣкъ; какъ будто фальшь какая-то была... не въ немъ,— онъ былъ очень простъ и милъ,—но въ ней самой, тогда какъ съ Левинымъ она чувствовала себя совершенно простою и ясною. Но за то, какъ только она думала о будущемъ съ Вронскимъ, передъ ней вставала перспектива блестяще-счастливая; съ Левинымъ же будущность представлялась туманною.

Взойдя на верхъ одѣться для вечера и взглянувъ въ зеркало, она съ радостью замѣтила, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ дней и въ полномъ обладаніи всѣми своими силами, а это ей такъ нужно было для предстоящаго: она чувствовала въ себѣ внѣшнюю тишину и свободную грацію движеній.

Въ половинѣ восьмаго, только-что она сошла въ гостиную, лакей доложилъ: „Константинъ Дмитричъ Левинъ". Княгиня была еще въ своей комнатѣ, и князь не выходилъ. „Такъ и есть", подумала Кити, и вся кровь прилила ей къ сердцу. Она ужаснулась своей блѣдности, взглянувъ въ зеркало.

Теперь она вѣрно знала, что онъ затѣмъ и пріѣхалъ раньше, чтобы застать ее одну и сдѣлать предложеніе. И тутъ только въ первый разъ все дѣло представилось ей совсѣмъ съ другой, новой стороны. Тутъ только она поняла, что вопросъ касается не ея одной,—съ кѣмъ она будетъ счастлива и кого она любитъ,—но что сію минуту она должна оскорбить человѣка, котораго она любитъ, и оскорбить жестоко... За что? За то, что онъ, милый, лю-

бить ее, влюбленъ въ нее. Но, дѣлать нечего, такъ нужно, такъ должно.

„Боже мой, неужели это я сама должна сказать ему?— подумала она.—Неужели я скажу ему, что я его не люблю? Это будетъ неправда. Что-жъ я скажу ему? Скажу, что люблю другаго? Нѣтъ, это невозможно. Я уйду, уйду!“

Она уже подходила къ дверямъ, когда услыхала его шаги.—„Нѣтъ, нечестно! Чего мнѣ бояться? Я ничего дурнаго не сдѣлала. Что̀ будетъ то будетъ! Скажу правду. Да съ нимъ не можетъ быть неловко. Вотъ онъ!“ сказала она себѣ, увидавъ всю его сильную и робкую фигуру съ блестящими, устремленными на нее, глазами. Она прямо взглянула ему въ лицо, какъ бы умоляя его о пощадѣ, и подала руку.

— Я не вòвремя, кажется, слишкомъ рано,—сказалъ онъ, оглянувъ пустую гостиную. Когда онъ увидалъ, что его ожиданія сбылись, что ничто не мѣшаетъ ему высказаться, лицо его сдѣлалось мрачно.

— О, нѣтъ,—сказала Кити и сѣла къ столу.

— Но я только того и хотѣлъ, чтобы застать васъ одну,—началъ онъ, не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смѣлости.

— Мама сейчасъ выйдетъ. Она вчера очень устала. Вчера...

Она говорила, сама не зная, что говорятъ ея губы, и не спуская съ него умоляющаго и ласкающаго взгляда.

Онъ взглянулъ на нее; она покраснѣла и замолчала.

— Я сказалъ вамъ, что не знаю, надолго ли я пріѣхалъ... что это отъ васъ зависитъ...

Она все ниже и ниже склоняла голову, не зная сама, что будетъ отвѣчать на приближавшееся.

— Что это отъ васъ зависитъ,—повторилъ онъ.—Я хотѣлъ сказать... я хотѣлъ сказать... Я за этимъ пріѣхалъ... что... быть моею женой!—проговорилъ онъ, не зная самъ, что говорилъ; но почувствовавъ, что самое страшное сказано, остановился и посмотрѣлъ на нее.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторгъ. Душа ея была переполнена счастіемъ. Она никакъ не ожидала, что высказанная любовь его произведетъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Но это продолжалось только одно мгновеніе. Она вспомнила Вронскаго. Она подняла на Левина свои свѣтлые, правдивые глаза и, увидавъ его отчаянное лицо, поспѣшно отвѣтила:

— Этого не можетъ быть... простите меня.

Какъ за минуту тому назадъ она была близка ему, какъ важна для его жизни! И какъ теперь она стала чужда и далека ему!

— Это не могло быть иначе,—сказалъ онъ, не глядя на нее.

Онъ поклонился и хотѣлъ уйдти.

XIV.

Но въ это самое время вышла княгиня. На лицѣ ея изобразился ужасъ, когда она увидѣла ихъ однихъ и ихъ разстроенныя лица. Левинъ поклонился ей и ничего не сказалъ. Кити молчала, не поднимая глазъ.—„Слава Богу, отказала“, подумала мать, и лицо ея просіяло обычною улыбкой, съ которою она встрѣчала по четвергамъ гостей. Она сѣла и начала распрашивать Левина о его жизни въ деревнѣ. Онъ сѣлъ опять, ожидая пріѣзда гостей, чтобъ уѣхать незамѣтно.

Черезъ пять минутъ вошла подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, графиня Нордстонъ.

Это была сухая, желтая, съ черными блестящими глазами, болѣзненная и нервная женщина. Она любила Кити, и любовь ея къ ней, какъ и всегда любовь замужнихъ къ дѣвушкамъ, выражалась въ желаніи выдать Кити по своему идеалу счастія замужъ; она желала выдать ее за Вронскаго. Левинъ, котораго она въ началѣ зимы часто у нихъ встрѣчала, былъ всегда непріятенъ ей. Ея постоянное и любимое занятіе при встрѣчѣ съ нимъ состояло въ томъ, чтобы шутить надъ нимъ.

— Я люблю, когда онъ съ высоты своего величія смотритъ на меня: или прекращаетъ свой умный разговоръ со мной, потому что я глупа, или снисходитъ до меня. Я это очень люблю: снисходитъ! Я очень рада, что онъ меня терпѣть не можетъ,— говорила она о немъ.

Она была права, потому что дѣйствительно Левинъ терпѣть ее не могъ и презиралъ за то, чѣмъ она гордилась и что ставила себѣ въ достоинство: за ея нервность, за ея утонченное презрѣніе и равнодушіе ко всему грубому и житейскому.

Между Нордстонъ и Левинымъ установилось то нерѣдко встрѣчающееся въ свѣтѣ отношеніе, что два человѣка, оставаясь по внѣшности въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, презираютъ другъ друга до такой степени, что не могутъ даже серьёзно обращаться другъ съ другомъ и не могутъ даже быть оскорблены одинъ другимъ.

Графиня Нордстонъ тотчасъ же накинулась на Левина.

— А! Константинъ Дмитріевичъ, опять пріѣхали въ нашъ развратный Вавилонъ?—сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая его слова, сказанныя какъ-

то въ началѣ зимы, что Москва есть Вавилонъ. — Что, Вавилонъ исправился, или вы испортились? — прибавила она, съ усмѣшкой оглядываясь на Кити.

— Мнѣ очень лестно, графиня, что вы такъ помните мои слова, — отвѣчалъ Левинъ, успѣвшій оправиться и сейчасъ же по привычкѣ входя въ свое шуточно - враждебное отношеніе къ графинѣ Нордстонъ. — Вѣрно они на васъ очень сильно дѣйствуютъ.

— Ахъ, какъ же! Я все записываю... Ну что, Кити, ты опять каталась на конькахъ?...

И она стала говорить съ Кити. Какъ ни неловко было Левину уйдти теперь, ему все-таки легче было сдѣлать эту неловкость, чѣмъ остаться весь вечеръ и видѣть Кити, которая изрѣдка взглядывала на него и избѣгала его взгляда. Онъ хотѣлъ встать, но княгиня, замѣтивъ, что онъ молчитъ, обратилась къ нему.

— Вы надолго пріѣхали въ Москву? Вѣдь вы, кажется, мировымъ земствомъ занимаетесь и вамъ нельзя надолго.

— Нѣтъ, княгиня, я не занимаюсь болѣе земствомъ, — сказалъ онъ. — Я пріѣхалъ на нѣсколько дней.

„Что-то съ нимъ особенное, — подумала графиня Нордстонъ, вглядываясь въ его строгое, серьёзное лицо; что-то онъ не втягивается въ свои разсужденія. Но я ужъ выведу его. Ужасно люблю сдѣлать его дуракомъ передъ Кити, и сдѣлаю“.

— Константинъ Дмитричъ, — сказала она ему, — растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что такое значитъ, вы все это знаете: у насъ въ Калужской деревнѣ всѣ мужики и всѣ бабы все пропили, что у нихъ было, и теперь ничего намъ не платятъ. Что это значитъ? Вы такъ хвалите всегда мужиковъ.

Въ это время еще дама вошла въ комнату, и Левинъ всталъ.

— Извините меня, графиня, но я право ничего этого не знаю и ничего не могу вамъ сказать,—сказалъ онъ и оглянулся на входившаго вслѣдъ за дамой военнаго.

„Это долженъ быть Вронскій“, подумалъ Левинъ и, чтобъ убѣдиться въ этомъ, взглянулъ на Кити. Она уже успѣла взглянуть на Вронскаго и оглянулась на Левина И, по одному этому взгляду невольно-просіявшихъ глазъ ея, Левинъ понялъ, что она любила этого человѣка,—понялъ такъ же вѣрно, какъ еслибъ она сказала ему это словами. Но что же это за человѣкъ?

Теперь,—хорошо ли это, дурно ли, — Левинъ не могъ не остаться; ему нужно было узнать, что за человѣкъ былъ тотъ, кого она любила.

Есть люди, которые, встрѣчая своего счастливаго въ чемъ бы то ни было соперника, готовы сейчасъ же отвернуться отъ всего хорошаго, что есть въ немъ, и видѣть въ немъ одно дурное; есть люди, которые, напротивъ, болѣе всего желаютъ найдти въ этомъ счастливомъ соперникѣ тѣ качества, которыми онъ побѣдилъ ихъ, и ищутъ въ немъ, со щемящею болью въ сердцѣ, одного хорошаго. Левинъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Но ему не трудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронскомъ. Оно сразу бросилось ему въ глаза. Вронскій былъ невысокій, плотно сложенный брюнетъ, съ добродушно-красивымъ, чрезвычайно спокойнымъ и твердымъ лицомъ. Въ его лицѣ и фигурѣ—отъ коротко-обстриженныхъ черныхъ волосъ и свѣже-выбритаго подбородка до широкаго, съ иголочки новаго мундира — все было просто и вмѣстѣ изящно. Давъ

дорогу входившей дамѣ, Вронскій подошелъ къ княгинѣ и потомъ къ Кити.

Въ то время, какъ онъ подходилъ къ ней, красивые глаза его особенно нѣжно заблестѣли, и, съ чуть-замѣтною, счастливою и скромно-торжествующею улыбкой (такъ показалось Левину), почтительно и осторожно наклоняясь надъ нею, онъ протянулъ ей свою небольшую, но широкую руку.

Со всѣми поздоровавшись и сказавъ нѣсколько словъ, онъ сѣлъ, ни разу не взглянувъ на не спускавшаго съ него глазъ Левина.

— Позвольте васъ познакомить, — сказала княгиня, указывая на Левина: — Константинъ Дмитріевичъ Левинъ. Графъ Алексѣй Кирилловичъ Вронскій.

Вронскій всталъ и, дружелюбно глядя въ глаза Левину, пожалъ ему руку.

— Я нынче зимой долженъ былъ, кажется, обѣдать съ вами,—сказалъ онъ, улыбаясь своею простою и открытою улыбкой,—но вы неожиданно уѣхали въ деревню.

— Константинъ Дмитричъ презираетъ и ненавидитъ городъ и насъ, горожанъ,—сказала графиня Нордстонъ.

— Должно-быть мои слова на васъ сильно дѣйствуютъ, что вы ихъ такъ помните,—сказалъ Левинъ и, вспомнивъ, что онъ уже сказалъ это прежде, покраснѣлъ.

Вронскій взглянулъ на Левина и графиню Нордстонъ и улыбнулся.

— А вы всегда въ деревнѣ?—спросилъ онъ. — Я думаю, зимой скучно?

— Не скучно, если есть занятія, да и съ самимъ собой не скучно,—рѣзко отвѣчалъ Левинъ,

— Я люблю деревню,—сказалъ Вронскій, замѣчая и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ тона Левина.

— Но надѣюсь, графъ, что вы бы не согласились жить всегда въ деревнѣ,—сказала графиня Нордстонъ.

— Не знаю, я не пробовалъ подолгу. Я испыталъ странное чувство,—продолжалъ онъ:—я нигдѣ такъ не скучалъ по деревнѣ, русской деревнѣ, съ лаптями и мужиками, какъ проживъ съ матушкой зиму въ Ниццѣ. Ницца сама по себѣ скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хороши только на короткое время. И именно тамъ особенно живо вспоминается Россія, и именно деревня. Они точно какъ...

Онъ говорилъ обращаясь и къ Кити, и къ Левину, и переводя съ одного на другаго свой спокойный и дружелюбный взглядъ, — говорилъ, очевидно, что приходило въ голову.

Замѣтивъ, что графиня Нордстонъ хотѣла что то сказать, онъ остановился, не досказавъ начатаго, и сталъ внимательно слушать ее.

Разговоръ не умолкалъ ни на минуту, такъ что старой княгинѣ, всегда имѣвшей про запасъ, на случай неимѣнія темы, два тяжелыя орудія: классическое и реальное образованіе и общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать ихъ, а графинѣ Нордстонъ не пришлось подразнить Левина.

Левинъ хотѣлъ и не могъ вступить въ общій разговоръ; ежеминутно говоря себѣ: „теперь уйдти“,—онъ не уходилъ, чего то дожидаясь.

Разговоръ зашелъ о вертящихся столахъ и духахъ, и гра-

фиия Нордстонъ, вѣрившая въ спиритизмъ, стала разсказывать чудеса, которыя она видѣла.

— Ахъ, графиня, непремѣнно свезите,—ради Бога, свезите меня къ нимъ! Я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю,—улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Хорошо, въ будущую субботу,—отвѣчала графиня Нордстонъ.—Но вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите?—спросила она Левина.

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете? Вѣдь вы знаете, что я скажу.

— Но я хочу слышать ваше мнѣніе.

— Мое мнѣніе только то,—отвѣчалъ Левинъ, — что эти вертящіеся столы доказываютъ, что такъ-называемое образованное общество не выше мужиковъ. Они вѣрятъ въ глазъ, и въ порчу, и въ привороты, а мы...

— Что-жъ, вы не вѣрите?

— Не могу вѣрить, графиня!

— Но если я сама видѣла?

— И бабы разсказываютъ, какъ онѣ сами видѣли домовыхъ.

— Такъ вы думаете, что я говорю неправду?

И она невесело засмѣялась.

— Да нѣтъ, Маша, Константинъ Дмитричъ говоритъ, что онъ не можетъ вѣрить,—сказала Кити, краснѣя за Левина, и Левинъ понялъ это, и, еще болѣе раздражившись, хотѣлъ отвѣчать, но Вронскій, со своею открытою, веселою улыбкой, сейчасъ же пришелъ на помощь разговору, угрожавшему сдѣлаться непріятнымъ.

— Вы совсѣмъ не допускаете возможности? — спросилъ

онъ.—Почему же? Мы допускаемъ существованіе электричества, котораго мы не знаемъ; почему же не можетъ быть новая сила, еще намъ неизвѣстная, которая...

— Когда найдено было электричество,—быстро перебилъ Левинъ, — то было только открытое явленіе, и неизвѣстно было, откуда оно происходитъ и что оно производитъ, и вѣка прошли прежде, чѣмъ подумали о приложеніи его. Спириты же, напротивъ, начали съ того, что столики имъ пишутъ и духи къ нимъ приходятъ, а потомъ уже стали говорить, что это есть сила неизвѣстная.

Вронскій внимательно слушалъ Левина, какъ онъ всегда слушалъ, очевидно интересуясь его словами.

— Да, но спириты говорятъ: теперь мы не знаемъ, что это за сила, но сила есть, и вотъ при какихъ условіяхъ она дѣйствуетъ. А ученые пускай раскроютъ, въ чемъ состоитъ эта сила. Нѣтъ, я не вижу, почему это не можетъ быть новая сила, если она...

— А потому,—опять перебилъ Левинъ,—что при электричествѣ каждый разъ, какъ вы потрете смолу о шерсть, обнаруживается извѣстное явленіе, а здѣсь не каждый разъ, стало-быть это—не природное явленіе. natural phenomenon

Вѣроятно чувствуя, что разговоръ принимаетъ слишкомъ серьёзный для гостиной характеръ, Вронскій не возражалъ, а стараясь перемѣнить предметъ разговора, весело улыбнулся и повернулся къ дамамъ.

— Давайте сейчасъ попробуемъ, графиня, —началъ онъ; но Левинъ хотѣлъ досказать то, что онъ думалъ.

— Я думаю,—продолжалъ онъ, — что эта попытка спиритовъ объяснять свои чудеса какою-то новой силой—са-

мая неудачная. Они прямо говорятъ о силѣ духовной и хотятъ ее подвергать матеріальному опыту.

Всѣ ждали, когда онъ кончитъ, и онъ чувствовалъ это.

— А я думаю, что вы будете отличный медіумъ,—сказала графиня Нордстонъ:—въ васъ есть что-то восторженное.

Левинъ открылъ ротъ, хотѣлъ сказать что-то, покраснѣлъ и ничего не сказалъ.

— Давайте сейчасъ, княжна, испытаемъ столы, пожалуйста!—сказалъ Вронскій.—Княгиня, вы позволите?

И Вронскій всталъ, отыскивая глазами столикъ.

Кити встала за столикомъ и, проходя мимо, встрѣтилась глазами съ Левинымъ. Ей всею душой было жалко его, тѣмъ болѣе, что она жалѣла его въ несчастіи, котораго сама была причиною. „Если можно меня простить, то простите,—сказалъ ея взлядъ,—я такъ счастлива“.

„Всѣхъ ненавижу, и васъ, и себя“, отвѣчалъ его взглядъ, и онъ взялся за шляпу. Но ему не судьба была уйдти. Только-что хотѣли устраиваться около столика, а Левинъ уйдти, какъ вошелъ старый князь и, поздоровавшись съ дамами, обратился къ Левину.

— А!—началъ онъ радостно.—Давно ли? Я и не зналъ, что ты тутъ. Очень радъ васъ видѣть.

Старый князь иногда *ты*, иногда *вы* говорилъ Левину. Онъ обнялъ Левина и, говоря съ нимъ, не замѣчалъ Вронскаго, который всталъ и спокойно дожидался, когда князь обратится къ нему.

Кити чувствовала, какъ, послѣ того, что произошло, любезность отца была тяжела Левину. Она видѣла также, какъ холодно отецъ ея наконецъ отвѣтилъ на поклонъ Вронскаго, и какъ Вронскій съ дружелюбнымъ недоумѣ-

ніемъ посмотрѣлъ на ея отца, стараясь понять и не понимая, какъ и за что можно было быть къ нему недружелюбно расположеннымъ, и она покраснѣла.

— Князь, отпустите намъ Константина Дмитрича,—сказала графиня Нордстонъ.—Мы хотимъ опытъ дѣлать.

— Какой опытъ? столы вертѣть? Ну, извините меня, дамы и господа, но, по-моему, въ колечко веселѣе играть,—сказалъ старый князь, глядя на Вронскаго и догадываясь, что онъ затѣялъ это.—Въ колечкѣ еще есть смыслъ.

Вронскій посмотрѣлъ съ удивленіемъ на князя своими твердыми глазами и, чуть улыбнувшись, тотчасъ же заговорилъ съ графиней Нордстонъ о предстоящемъ на будущей недѣлѣ большомъ балѣ.

— Я надѣюсь, что вы будете?—обратился онъ къ Кити.

Какъ только старый князь отвернулся отъ него, Левинъ незамѣтно вышелъ, и послѣднее впечатлѣніе, вынесенное имъ съ этого вечера, было улыбающееся, счастливое лицо Кити, отвѣчавшей Вронскому на его вопросъ о балѣ.

XV.

Когда вечеръ кончился, Кити разсказала матери о своемъ разговорѣ съ Левинымъ, и, несмотря на всю жалость, которую она испытала къ Левину, ее радовала мысль, что ей было сдѣлано *предложеніе.* У нея не было сомнѣнія, что она поступила какъ слѣдовало. Но въ постели она долго не могла заснуть. Одно впечатлѣніе неотступно преслѣдовало ее. Это было лицо Левина съ насупленными бровями и мрачно-уныло смотрящими изъ-подъ нихъ добрыми глазами, какъ онъ стоялъ, слушая отца и взглядывая на нее и на Вронскаго. И ей такъ жалко стало его, что слезы

навернулись на глаза. Но тотчасъ же она подумала о томъ, на кого она промѣняла его. Она живо вспомнила это мужественное, твердое лицо, это благородное спокойствіе и свѣтящуюся во всемъ доброту ко всѣмъ; вспомнила любовь къ себѣ того, кого она любила, и ей опять стало радостно на душѣ, и она съ улыбкой счастія легла на подушку. „Жалко, жалко, но что же дѣлать? Я не виновата", говорила она себѣ; но внутренній голосъ говорилъ ей другое. Въ томъ ли она раскаивалась, что завлекла Левина, или въ томъ, что отказала,—она не знала. Но счастіе ея было отравлено сомнѣніями. „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!" говорила она про себя, пока заснула.

Въ это время, внизу, въ маленькомъ кабинетѣ князя, происходила одна изъ часто повторявшихся между родителями сценъ за любимую дочь.

— Что? Вотъ что!—кричалъ князь, размахивая руками и тотчасъ же запахивая свой бѣличій халатъ.—То, что въ васъ нѣтъ гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этимъ сватовствомъ, подлымъ, дурацкимъ!

— Да помилуй, ради самого Бога, князь, что я сдѣлала?—говорила княгиня, чуть не плача.

Она, счастливая, довольная послѣ разговора съ дочерью, пришла къ князю проститься по обыкновенію, и хотя она не намѣрена была говорить ему о предложеніи Левина и отказѣ Кити, но намекнула мужу на то, что ей кажется дѣло съ Вронскимъ совсѣмъ конченнымъ, что оно рѣшится, какъ только пріѣдетъ его мать. И тутъ-то, на эти слова, князь вдругъ вспыхнулъ и началъ выкрикивать неприличныя слова.

— Что вы сдѣлали? А вотъ что: вопервыхъ, вы заманиваете жениха, и вся Москва будетъ говорить, и резонно. Если вы дѣлаете вечера, такъ зовите всѣхъ, а не избранныхъ женишковъ. Позовите всѣхъ этихъ *тютьковъ* (такъ князь называлъ московскихъ молодыхъ людей), позовите тапера, и пускай пляшутъ, а не такъ, какъ нынче, — женишковъ, и сводить. Мнѣ видѣть мерзко, мерзко, и вы добились, вскружили голову дѣвчонкѣ. Левинъ въ тысячу разъ лучше человѣкъ. А это франтикъ петербургскій, ихъ на машинѣ дѣлаютъ, они всѣ на одну стать, всѣ дрянь. Да хоть бы онъ принцъ крови былъ, моя дочь ни въ комъ не нуждается.

— Да что же я сдѣлала?

— А то...—съ гнѣвомъ вскрикнулъ князь.

— Знаю я, что если тебя слушать,—перебила княгиня,—то мы никогда не отдадимъ дочь замужъ. Если такъ, то надо въ деревню уѣхать.

— И лучше уѣхать.

— Да постой. Развѣ я заискиваю? Я нисколько не заискиваю. А молодой человѣкъ, и очень хорошій, влюбился, и она кажется...

— Да, вотъ вамъ кажется! А какъ она въ самомъ дѣлѣ влюбится, а онъ столько же думаетъ жениться, какъ я?... Охъ, не смотрѣли бы мои глаза!... „Ахъ, спиритизмъ, ахъ Ницца, ахъ на балѣ!...“—И князь, воображая, что онъ представляетъ жену, присѣдалъ на каждомъ словѣ. — А вотъ, какъ сдѣлаемъ несчастіе Катеньки, какъ она въ самомъ дѣлѣ заберетъ въ голову...

— Да почему же ты думаешь?

— Я не думаю, а знаю; на это глаза есть у насъ, а

не у бабъ. Я вижу человѣка, который имѣетъ намѣренія серьёзныя—это Левинъ, и вижу перепела, какъ этотъ, щелкопёръ, которому только повеселиться.

— Ну, ужъ ты заберешь въ голову...

— А вотъ вспомнишь, да поздно, какъ съ Дашенькой.

— Ну, хорошо, хорошо, не будемъ говорить,—остановила его княгиня, вспомнивъ про несчастную Долли.

— И прекрасно, и прощай.

И, перекрестивъ другъ друга и поцѣловавшись, но чувствуя, что каждый остался при своемъ мнѣніи, супруги разошлись.

Княгиня была сперва твердо увѣрена, что нынѣшній вечеръ рѣшилъ судьбу Кити и что не можетъ быть сомнѣвія въ намѣреніяхъ Вронскаго; но слова мужа смутили ее. И, вернувшись къ себѣ, она, точно такъ же, какъ и Кити, съ ужасомъ передъ неизвѣстностью будущаго, нѣсколько разъ повторила въ душѣ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!“

XVI.

Вронскій никогда не зналъ семейной жизни. Мать его была въ молодости блестящая свѣтская женщина, имѣвшая во время замужства, и въ особенности послѣ, много романовъ, извѣстныхъ всему свѣту. Отца своего онъ почти не помнилъ и былъ воспитанъ въ Пажескомъ корпусѣ.

Выйдя очень молодымъ, блестящимъ офицеромъ изъ школы, онъ сразу попалъ въ колею богатыхъ петербургскихъ военныхъ. Хотя онъ и ѣздилъ изрѣдка въ петербургскій свѣтъ, всѣ любовные интересы его были внѣ свѣта.

Въ Москвѣ въ первый разъ онъ испыталъ, послѣ роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближенія со свѣтскою, милою и невинною дѣвушкой, которая полюбила его. Ему и въ голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное въ его отношеніяхъ къ Кити. На балахъ онъ танцовалъ преимущественно съ нею; онъ ѣздилъ къ нимъ въ домъ. Онъ говорилъ съ нею то, что обыкновенно говорятъ въ свѣтѣ: всякій вздоръ, но вздоръ, которому онъ невольно придавалъ особенный для нея смыслъ. Несмотря на то, что онъ ничего не сказалъ ей такого, чего не могъ бы сказать при всѣхъ, онъ чувствовалъ, что она все болѣе и болѣе становилась въ зависимость отъ него, и чѣмъ больше онъ это чувствовалъ, тѣмъ ему было пріятнѣе, и его чувство къ ней становилось нѣжнѣе. Онъ не зналъ, что его образъ дѣйствія относительно Кити имѣетъ опредѣленное названіе, что это есть заманиванье барышень безъ намѣренія жениться, и что это заманиванье есть одинъ изъ дурныхъ поступковъ, обыкновенныхъ между блестящими молодыми людьми, какъ онъ. Ему казалось, что онъ первый открылъ это удовольствіе, и онъ наслаждался своимъ открытіемъ.

Еслибъ онъ могъ слышать, что говорили ея родители въ этотъ вечеръ, еслибъ онъ могъ перенестись на точку зрѣнія семьи и узнать, что Кити будетъ несчастна, если онъ не женится на ней, онъ бы очень удивился и не повѣрилъ бы этому. Онъ не могъ повѣрить тому, чтобы то, что доставляло такое большое и хорошее удовольствіе ему, а главное—ей, могло быть дурно. Еще меньше онъ могъ бы повѣрить тому, что онъ долженъ жениться.

Женитьба для него никогда не представлялась возмож-

ностью. Онъ не только не любилъ семейной жизни, но въ семьѣ, и въ особенности въ мужѣ, по общему взгляду холостаго міра, въ которомъ онъ жилъ, онъ представлялъ нѣчто чуждое, враждебное, а всего болѣе — смѣшное. Но хотя Вронскій и не подозрѣвалъ того, что говорили родители, онъ, выйдя въ этотъ вечеръ отъ Щербацкихъ, почувствовалъ, что та духовная тайная связь, которая существовала между нимъ и Кити, утвердилась нынѣшній вечеръ такъ сильно, что надо предпринять что-то. Но, что̀ можно и что должно было предпринять, онъ не могъ придумать.

„То и прелестно, — думалъ онъ, возвращаясь отъ Щербацкихъ и вынося отъ нихъ, какъ и вседа, пріятное чувство чистоты и свѣжести, происходившее отчасти и отъ того, что онъ не курилъ цѣлый вечеръ, и вмѣстѣ новое чувство умиленія предъ ея къ себѣ любовью, — то и прелестно, что ничего не сказано ни мной, ни ею, но мы такъ понимали другъ друга въ этомъ невидимомъ разговорѣ взглядовъ и интонацій, что нынче яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, она сказала мнѣ, что любитъ. И какъ мило, просто и главное—довѣрчиво! Я самъ себя чувствую лучше, чище. Я чувствую, что у меня есть сердце и что есть во мнѣ много хорошаго. Эти милые влюбленные глаза! Когда она сказала: „*и очень...*“

„Ну, такъ что-жъ? — Ну, и ничего. Мнѣ хорошо и ей хорошо“. И онъ задумался о томъ, гдѣ ему кончить нынѣшній вечеръ.

Онъ прикинулъ воображеніемъ мѣста, куда онъ могъ бы ѣхать. „Клубъ, партія безика, шампанское съ Игнатовымъ? Нѣтъ, не поѣду. Château des fleurs, тамъ найду

Облонскаго, куплеты, cancan? Нѣтъ, надоѣло. Вотъ именно за то я люблю Щербацкихъ, что самъ лучше дѣлаюсь. Поѣду домой". Онъ прошелъ прямо въ свой номеръ у Дюссо, велѣлъ подать себѣ ужинать и потомъ, раздѣвшись, только успѣлъ положить голову на подушку, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XVII.

На другой день, въ 11 часовъ утра, Вронскій выѣхалъ на станцію Петербургской желѣзной дороги встрѣчать мать, и первое лицо, попавшееся ему на ступенькахъ большой лѣстницы, былъ Облонскій, ожидавшій съ этимъ же поѣздомъ сестру.

— А, ваше сіятельство! — крикнулъ Облонскій. — Ты за кѣмъ?

— Я за матушкой, — улыбаясь, какъ и всѣ, кто встрѣчался съ Облонскимъ, отвѣчалъ Вронскій, пожимая ему руку, и вмѣстѣ съ нимъ взошелъ на лѣстницу. — Она нынче должна быть изъ Петербурга.

— А я тебя ждалъ до двухъ часовъ. Куда же ты поѣхалъ отъ Щербацкихъ?

— Домой, — отвѣчалъ Вронскій. — Признаться, мнѣ такъ было пріятно вчера послѣ Щербацкихъ, что никуда не хотѣлось.

— Узнаю коней ретивыхъ по какимъ то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, — продекламировалъ Степанъ Аркадьевичъ точно такъ же, какъ прежде Левину.

Вронскій улыбнулся съ такимъ видомъ, что онъ не отрекается отъ этого, но тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— А ты кого встрѣчаешь?—спросилъ онъ.

— Я?—я хорошенькую женщину,—сказалъ Облонскій.

— Вотъ какъ!

— Honni soit qui mal y pense! Сестру Анну.

— Ахъ, это Каренину!—сказалъ Вронскій.

— Ты ее вѣрно знаешь?

— Кажется знаю! Или нѣтъ... Право, не помню,—разсѣянно отвѣчалъ Вронскій, смутно представляя себѣ при имени Карениной что-то чопорное и скучное.

— Но Алексѣя Александровича, моего знаменитаго зятя, вѣрно знаешь? Его весь міръ знаетъ.

— То-есть знаю по репутаціи и по виду. Знаю, что онъ умный, ученый, божественный что-то... Но ты знаешь, это не въ моей... not in my line,—сказалъ Вронскій.

— Да, онъ очень замѣчательный человѣкъ; немножко консерваторъ, но славный человѣкъ, — замѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ,—славный человѣкъ.

— Ну, и тѣмъ лучше для него,—сказалъ Вронскій, улыбаясь.—А, ты здѣсь!—обратился онъ къ высокому старому лакею матери, стоявшему у двери,—войди сюда.

Вронскій въ это послѣднее время, кромѣ общей для всѣхъ пріятности Степана Аркадьевича, чувствовалъ себя привязаннымъ къ нему еще тѣмъ, что онъ въ его воображеніи соединялся съ Кити.

— Ну, что-жъ, въ воскресенье сдѣлаемъ ужинъ для *дивы*?—сказалъ онъ ему, съ улыбкой взявъ его подъ руку.

— Непремѣнно. Я сберу подписку. Ахъ, познакомился ты вчера съ моимъ пріятелемъ Левинымъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Какъ же. Но онъ что-то скоро уѣхалъ.

— Онъ славный малый, — продолжалъ Облонскій. — Не правда ли?

— Я не знаю,—отвѣчалъ Вронскій,—отчего это во всѣхъ москвичахъ... разумѣется, исключая тѣхъ, съ кѣмъ говорю,— шутливо вставилъ онъ,—есть что-то рѣзкое. Что-то они все на дыбы становятся, сердятся, какъ будто все хотятъ дать почувствовать что-то...

— Есть это, правда, есть...—весело смѣясь, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Что, скоро ли?—обратился Вронскій къ служащему.

— Поѣздъ вышелъ,—отвѣчалъ служитель.

Приближеніе поѣзда все болѣе и болѣе обозначалось движеніемъ приготовленій на станціи, бѣганьемъ артельщиковъ, появленіемъ жандармовъ и служащихъ и подъѣздомъ встрѣчающихъ. Сквозь морозный паръ виднѣлись рабочіе въ полушубкахъ, въ мягкихъ валеныхъ сапогахъ, переходившіе черезъ рельсы загибающихся путей. Слышался свистъ паровика на дальнихъ рельсахъ и передвиженіе чего-то тяжелаго.

— Нѣтъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, которому очень хотѣлось разсказать Вронскому о намѣреніяхъ Левина относительно Кити.—Нѣтъ, ты не вѣрно оцѣнилъ моего Левина. Онъ очень нервный человѣкъ и бываетъ непріятенъ, правда, но за то иногда онъ бываетъ очень милъ. Это такая честная, правдивая натура и сердце золотое. Но вчера были особенныя причины,—съ значительною улыбкой продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ, совершенно забывая то искреннее сочувствіе, которое онъ вчера испытывалъ къ своему пріятелю, и теперь испытывая такое же, только къ Вронскому.—

Да, была причина, почему онъ могъ быть или особенно счастливъ, или особенно несчастливъ.

Вронскій остановился и прямо спросилъ:—То-есть что же? Или онъ вчера сдѣлалъ предложеніе твоей belle soeur?...

— Можетъ быть,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Что-то мнѣ показалось такое вчера. Да, если онъ рано уѣхалъ и былъ еще не въ духѣ, то это такъ... Онъ такъ давно влюбленъ, и мнѣ его очень жаль.

— Вотъ какъ!... Я думаю, впрочемъ, что она можетъ расчитывать на лучшую партію,—сказалъ Вронскій и, выпрямивъ грудь, опять принялся ходить.—Впрочемъ, я его не знаю,—прибавилъ онъ.—Да, это тяжелое положеніе! Отъ этого-то большинство и предпочитаетъ знаться съ Кларами. Тамъ неудача доказываетъ только, что у тебя не достало денегъ, а здѣсь—твое достоинство на вѣсахъ. Однако, вотъ и поѣздъ.

Дѣйствительно, вдали уже свистѣлъ паровозъ. Черезъ нѣсколько минутъ платформа задрожала, и, пыхая сбиваемымъ книзу отъ мороза паромъ, прокатился паровозъ, съ медленно и мѣрно нагибающимся и растягивающимся рычагомъ средняго колеса и съ кланяющимся, обвязаннымъ, заиндивѣлымъ машинистомъ; а за тендеромъ, все медленнѣе и болѣе потрясая платформу, сталъ проходить вагонъ съ багажомъ и съ визжавшей собакой; наконецъ, подрагивая передъ остановкой, подошли пассажирскіе вагоны.

Молодцеватый кондукторъ, на ходу давая свистокъ, соскочилъ, и вслѣдъ за нимъ стали по одному сходить нетерпѣливые пассажиры: гвардейскій офицеръ, держась прямо и строго оглядываясь, вертлявый купчикъ съ сумкой, весело улыбаясь, мужикъ съ мѣшкомъ черезъ плечо.

Вронскій, стоя рядомъ съ Облонскимъ, оглядывалъ вагоны и выходившихъ и совершенно забылъ о матери. То, что онъ сейчасъ узналъ про Кити, возбуждало и радовало его. Грудь его невольно выпрямлялась и глаза блестѣли. Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ.

— Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи,—сказалъ молодцеватый кондукторъ, подходя къ Вронскому.

Слова кондуктора разбудили его и заставили вспомнить о матери и предстоящемъ свиданіи съ ней. Онъ въ душѣ своей не уважалъ матери и, не отдавая себѣ въ томъ отчета, не любилъ ея, хотя, по понятіямъ того круга, въ которомъ жилъ, по воспитанію своему, не могъ себѣ представить другихъ къ матери отношеній, какъ въ высшей степени покорныхъ и почтительныхъ, и тѣмъ болѣе внѣшне покорныхъ и почтительныхъ, чѣмъ менѣе въ душѣ онъ уважалъ и любилъ ее.

XVIII.

Вронскій пошелъ за кондукторомъ въ вагонъ и при входѣ въ отдѣленіе остановился, чтобы дать дорогу выходившей дамѣ.

Съ привычнымъ тактомъ свѣтскаго человѣка, по одному взгляду на внѣшность этой дамы, Вронскій опредѣлилъ ея принадлежность къ высшему свѣту. Онъ извинился и пошелъ было въ вагонъ, но почувствовалъ необходимость еще разъ взглянуть на нее,—не потому, что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной граціи, которыя видны были во всей ея фигурѣ, но потому, что въ выраженіи миловиднаго лица, когда она прошла мимо него, было

что-то особенно ласковое и нѣжное. Когда онъ оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящіе, казавшіеся темными отъ густыхъ рѣсницъ, сѣрые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лицѣ, какъ будто она признавала его, и тотчасъ же перенеслись на проходившую толпу, какъ бы ища кого-то. Въ этомъ короткомъ взглядѣ Вронскій успѣлъ замѣтить сдержанную оживленность, которая играла въ ея лицѣ и порхала между блестящими глазами и чуть замѣтной улыбкой, изгибавшею ея румяныя губы. Какъ будто избытокъ чего-то такъ переполнялъ ея существо, что мимо ея воли выражался то въ блескѣ взгляда, то въ улыбкѣ. Она потушила умышленно свѣтъ въ глазахъ, но онъ свѣтился противъ ея воли въ чуть замѣтной улыбкѣ.

Вронскій вошелъ въ вагонъ. Мать его, сухая старушка съ черными глазами и букольками, щурилась, вглядываясь въ сына, и слегка улыбалась тонкими губами. Поднявшись съ диванчика и передавъ горничной мѣшочекъ, она подала маленькую сухую руку сыну и, поднявъ его голову отъ руки, поцѣловала его въ лицо.

— Получилъ телеграмму? Здоровъ?... Слава Богу.

— Хорошо доѣхали?—сказалъ сынъ, садясь подлѣ нея и невольно прислушиваясь къ женскому голосу изъ-за двери. Онъ зналъ, что это былъ голосъ той дамы, которая встрѣтилась ему при входѣ.

— Я все-таки съ вами несогласна,—говорилъ голосъ дамы.

— Петербургскій взглядъ, сударыня!

— Не петербургскій, а просто женскій,—отвѣчала она.

— Ну-съ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

— До свиданья, Иванъ Петровичъ. Да посмотрите, не тутъ ли братъ, и пошлите его ко мнѣ,—сказала дама у самой двери и снова вошла въ отдѣленіе.

— Что-жъ, нашли брата?—сказала Вронская, обращаясь къ дамѣ.

Вронскій вспомнилъ теперь, что это была Каренина.

— Вашъ братъ здѣсь,—сказалъ онъ, вставая.—Извините меня, я не узналъ васъ, да и наше знакомство было такъ коротко,—сказалъ Вронскій, кланяясь,—что вы вѣрно не помните меня.

— О, нѣтъ,—сказала она,—я бы знала васъ, потому что мы съ вашею матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о васъ,—сказала она, позволяя, наконецъ, просившемуся наружу оживленію выразиться въ улыбкѣ.—А брата моего все-таки нѣтъ.

— Позови же его, Алеша,—сказала старая графиня.

Вронскій вышелъ на платформу и крикнулъ:—Облонскій! Здѣсь!

Но Каренина не дождалась брата, а увидавъ его, рѣшительнымъ, легкимъ шагомъ вышла изъ вагона. И какъ только братъ подошелъ къ ней, она, движеніемъ, поразившимъ Вронскаго своею рѣшительностью и граціей, обхватила брата лѣвою рукой за шею, быстро притянула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Вронскій, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее и, самъ не зная чему, улыбался. Но, вспомнивъ, что мать ждала его, онъ опять вошелъ въ вагонъ.

— Не правда ли, очень мила?—сказала графиня про Каренину.—Ее мужъ со мною посадилъ, и я очень рада была. Всю дорогу мы съ ней проговорили. Ну, а ты, го-

ворятъ... vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant mieux.

— Я не знаю, на что вы намекаете, maman,—отвѣчалъ сынъ холодно.—Что-жъ, maman, идемъ.

Каренина опять вошла въ вагонъ, чтобы проститься съ графиней.

— Ну, вотъ, графиня, вы встрѣтили сына, а я брата,—весело сказала она.—И всѣ исторіи мои истощились; дальше нечего было бы разсказывать.

— Ну, нѣтъ,—сказала графиня, взявъ ее за руку,—я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась бы. Вы одна изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. А о сынѣ вашемъ, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться.

Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза ея улыбались.

— У Анны Аркадьевны,—сказала графиня, объясняя сыну,—есть сынокъ, восьми лѣтъ, кажется, и она никогда съ нимъ не разлучалась, и все мучается, что оставила его.

— Да, мы все время съ графиней говорили: я о своемъ, она о своемъ сынѣ,—сказала Каренина, и опять улыбка освѣтила ея лицо,—улыбка ласковая, относившаяся къ нему.

— Вѣроятно, это вамъ очень наскучило,—сказалъ онъ, сейчасъ, на лету, подхватывая этотъ мячъ кокетства, который она бросила ему. Но она, видимо, не хотѣла продолжать разговора въ этомъ тонѣ и обратилась къ старой графинѣ:

— Очень благодарю васъ. Я и не видала, какъ провела вчерашній день. До свиданья, графиня.

— Прощайте, мой дружокъ,—отвѣчала графиня.—Дайте

поцѣловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по-старушечьи, прямо говорю, что полюбила васъ.

Какъ ни казенна была эта фраза, Каренина, видимо, отъ души повѣрила и порадовалась этому. Она покраснѣла, слегка нагнулась, подставила свое лицо губамъ графини, опять выпрямилась и съ тою же улыбкой, волновавшеюся между губами и глазами, подала руку Вронскому. Онъ пожалъ маленькую ему поданную руку и, какъ чему-то особенному, обрадовался тому энергическому пожатію, съ которымъ она крѣпко и смѣло тряхнула его руку. Она вышла быстрою походкой, такъ странно легко носившею ея довольно полное тѣло.

— Очень мила,—сказала старушка.

То же самое думалъ ея сынъ. Онъ провожалъ ее глазами до тѣхъ поръ, пока не скрылась ея граціозная фигура, и улыбка остановилась на его лицѣ. Въ окно онъ видѣлъ, какъ она подошла къ брату, положила ему руку на руку и что-то оживленно начала говорить ему, очевидно, о чемъ-то не имѣющемъ ничего общаго съ нимъ, съ Вронскимъ, и ему это показалось досаднымъ.

— Ну, что, maman, вы совершенно здоровы? - повторилъ онъ, обращаясь къ матери.

— Все хорошо, прекрасно. Alexandre очень былъ милъ. И Marie очень хороша стала. Она очень интересна.

И опять начала разсказывать о томъ, что болѣе всего интересовало ее, о крестинахъ внука, для которыхъ она ѣздила въ Петербургъ, и про особенную милость государя къ старшему сыну.

— Вотъ и Лаврентій,—сказалъ Вронскій, глядя въ окно;— теперь пойдемте, если угодно.

Старый дворецкій, ѣхавшій съ графиней, явился въ вагонъ доложить, что все готово, и графиня поднялась, чтобъ идти.

— Пойдемте, теперь мало народа,— сказалъ Вронскій.

Дѣвушка взяла мѣшокъ и собачку, дворецкій и артельщикъ—другіе мѣшки. Вронскій взялъ подъ руку мать; но когда они уже выходили изъ вагона, вдругъ нѣсколько человѣкъ съ испуганными лицами пробѣжали мимо. Пробѣжалъ и начальникъ станціи въ своей необыкновеннаго цвѣта фуражкѣ. Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народъ отъ поѣзда бѣжалъ назадъ.

— Что?... Что?... Гдѣ?... Бросился!... Задавило!...—слышалось между проходившими.

Степанъ Аркадьевичъ съ сестрой подъ руку, тоже съ испуганными лицами, вернулись и остановились, избѣгая народа, у входа въ вагонъ.

Дамы вошли въ вагонъ, а Вронскій со Степаномъ Аркадьевичемъ пошли за народомъ узнавать подробности несчастія.

Сторожъ, былъ ли онъ пьянъ, или слишкомъ закутанъ отъ сильнаго мороза, не слыхалъ отодвигаемаго задомъ поѣзда, и его раздавили.

Еще прежде, чѣмъ вернулись Вронскій и Облонскій, дамы узнали эти подробности отъ дворецкаго.

Облонскій и Вронскій оба видѣли обезображенный трупъ. Облонскій, видимо, страдалъ. Онъ морщился и, казалось, готовъ былъ плакать.

— Ахъ, какой ужасъ! Ахъ, Анна, еслибы ты видѣла! Ахъ, какой ужасъ!—приговаривалъ онъ.

Вронскій молчалъ, и красивое лицо его было серьёзно, но совершенно спокойно.

— Ахъ, еслибы вы видѣли, графиня,—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ.—И жена его тутъ... Ужасно видѣть ее... Она бросилась на тѣло. Говорятъ, онъ одинъ кормилъ огромное семейство. Вотъ ужасъ!

— Нельзя ли что-нибудь сдѣлать для нея?—взволнованнымъ шепотомъ сказала Каренина.

Вронскій взглянулъ на нее и тотчасъ же вышелъ изъ вагона.

— Я сейчасъ приду, maman,— прибавилъ онъ, оборачиваясь въ дверяхъ.

Когда онъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ, Степанъ Аркадьевичъ уже разговаривалъ съ графиней о новой пѣвицѣ, а графиня нетерпѣливо оглядывалась на дверь, ожидая сына.

— Теперь пойдемте,—сказалъ Вронскій, входя.

Они вмѣстѣ вышли. Вронскій шелъ впереди съ матерью. Сзади шла Каренина съ братомъ. У выхода къ Вронскому подошелъ догнавшій его начальникъ станціи.

— Вы передали моему помощнику двѣсти рублей. Потрудитесь обозначить, кому вы назначаете ихъ?

— Вдовѣ,—сказалъ Вронскій, пожимая плечами.— Я не понимаю, о чемъ спрашивать.

— Вы дали?—крикнулъ сзади Облонскій и, прижавъ руку сестры, прибавилъ:—Очень мило, очень мило! Не правда ли, славный малый? Мое почтеніе, графиня.

И онъ съ сестрой остановился, отыскивая ея дѣвушку.

Когда они вышли, карета Вронскихъ уже отъѣхала. Выхо-

дившіе люди все еще переговаривались о томъ, что случилось.

— Вотъ смерть-то ужасная! — сказалъ какой-то господинъ, проходя мимо.—Говорятъ, на два куска.

— Я думаю, напротивъ, самая легкая, мгновенная,—замѣтилъ другой.

— Какъ это не примутъ мѣръ...—говорилъ третій.

Каренина сѣла въ карету, и Степанъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ увидалъ, что губы ея дрожатъ и она съ трудомъ удерживаетъ слезы.

— Что съ тобой, Анна? — спросилъ онъ, когда они отъѣхали нѣсколько сотъ саженъ.

— Дурное предзнаменованіе,—сказала она.

— Какіе пустяки!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Ты пріѣхала—это главное. Ты не можешь представить себѣ, какъ я надѣюсь на тебя.

— А ты давно знаешь Вронскаго?—спросила она.

— Да. Ты знаешь, мы надѣемся, что онъ женится на Кити.

— Да?—тихо сказала Анна.—Ну, теперь давай говорить о тебѣ, — прибавила она, встряхивая головой, какъ будто хотѣла физически отогнать что-то лишнее и мѣшавшее ей. — Давай говорить о твоихъ дѣлахъ. Я получила твое письмо, и вотъ пріѣхала.

— Да, вся надежда на тебя, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Ну, разскажи мнѣ все.

И Степанъ Аркадьевичъ сталъ разсказывать.

Подъѣхавъ къ дому, Облонскій высадилъ сестру, вздохнулъ, пожалъ ея руку и отправился въ присутствіе.

XIX.

Когда Анна вошла въ комнату, Долли сидѣла въ маленькой гостиной съ бѣлоголовымъ, пухлымъ мальчикомъ, уже теперь похожимъ на отца, и слушала его урокъ изъ французскаго чтенія. Мальчикъ читалъ, вертя въ рукѣ и стараясь оторвать чуть державшуюся пуговицу курточки. Мать нѣсколько разъ отнимала руку, но пухлая ручонка опять бралась за пуговицу. Мать оторвала пуговицу и положила ее въ карманъ.

— Успокой руки, Гриша,—сказала она и опять взялась за свое одѣяло, давнишнюю работу, за которую она всегда бралась въ тяжелыя минуты, и теперь вязала нервно, закидывая пальцемъ и считая петли. Хотя она и велѣла вчера сказать мужу, что ей дѣла нѣтъ до того, пріѣдетъ или не пріѣдетъ его сестра, — она все приготовила къ ея пріѣзду и съ волненіемъ ждала золовку.

Долли была убита своимъ горемъ, вся поглощена имъ. Однако она помнила, что Анна, золовка, была жена одного изъ важнѣйшихъ лицъ въ Петербургѣ и петербургская grande dame. И, благодаря этому обстоятельству, она не исполнила сказаннаго мужу, то-есть не забыла, что пріѣдетъ золовка. „Да, наконецъ, Анна ни въ чемъ не виновата,—думала Долли.—Я о ней ничего кромѣ самаго хорошаго не знаю и въ отношеніи къ себѣ я видѣла отъ нея только ласку и дружбу“. Правда, сколько она могла запомнить свое впечатлѣніе въ Петербургѣ у Карениныхъ, ей не нравился самый домъ ихъ: что-то было фальшивое во всемъ складѣ ихъ семейнаго быта. „Но за что же я не приму ее?

Только бы не вздумала она утѣшать меня! — думала Долли: — всѣ утѣшенія, и увѣщанія, и прощенія христіанскія, все это я ужъ тысячу разъ передумала, и все это не годится".

Всѣ эти дни Долли была одна съ дѣтьми. Говорить о своемъ горѣ она не хотѣла, а съ этимъ горемъ на душѣ говорить о постороннемъ она не могла. Она знала, что, такъ или иначе, она Аннѣ выскажетъ все, и то ее радовала мысль о томъ, какъ она выскажетъ, то злила необходимость говорить о своемъ униженіи съ ней, его сестрой, и слышать отъ нея готовыя фразы увѣщанія и утѣшенія.

Она, какъ часто бываетъ, глядя на часы, ждала ее каждую минуту и пропустила именно ту, когда гостья пріѣхала, такъ что не слыхала звонка.

Услыхавъ шумъ платья и легкихъ шаговъ уже въ дверяхъ, она оглянулась, и на измученномъ лицѣ ея невольно выразилась не радость, а удивленіе. Она встала и обняла золовку.

— Какъ, ужъ пріѣхала?—сказала она, цѣлуя ее.

— Долли, какъ я рада тебя видѣть!

— И я рада,—слабо улыбаясь и стараясь по выраженію лица Анны узнать, знаетъ ли она, сказала Долли. „Вѣрно, знаетъ", подумала она, замѣтивъ соболѣзнованіе на лицѣ Анны.—Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату,—продолжала она, стараясь отдалить, сколько возможно, минуту объясненія.

— Это Гриша? Боже мой, какъ онъ выросъ! — сказала Анна и, поцѣловавъ его, не спуская глазъ съ Долли, остановилась и покраснѣла.—Нѣтъ, позволь никуда не ходить.

Она сняла платокъ, шляпу и, зацѣпивъ ею за прядь сво-

ихъ черныхъ, вездѣ вьющихся, волосъ, мотая головой, отцѣпляла волоса.

— А ты сіяешь счастіемъ и здоровьемъ!—сказала Долли почти съ завистью.

— Я?... Да,—сказала Анна. — Боже мой, Таня! Ровестница Сережѣ моему,—прибавила она, обращаясь къ вбѣжавшей дѣвочкѣ. Она взяла ее на руки и поцѣловала.—Прелестная дѣвочка, прелесть! Покажи же мнѣ всѣхъ.

Она называла ихъ и припоминала не только имена, но года, мѣсяцы, характеры, болѣзни всѣхъ дѣтей, и Долли не могла не оцѣнить этого.

— Ну, такъ пойдемъ къ нимъ, — сказала она. — Вася спитъ теперь, жалко.

Осмотрѣвъ дѣтей, онѣ сѣли, уже однѣ, въ гостиной, предъ кофеемъ. Анна взялась за подносъ... и потомъ отодвинула его.

— Долли,—сказала она,—онъ говорилъ мнѣ.

Долли холодно посмотрѣла на Анну. Она ждала теперь притворно-сочувственныхъ фразъ; но Анна ничего такого не сказала.

— Долли, милая!—сказала она,—я не хочу ни говорить тебѣ за него, ни утѣшать; это нельзя. Но, душенька, мнѣ просто жалко, жалко тебя всею душой!

Изъ-за густыхъ рѣсницъ ея блестящихъ глазъ вдругъ показались слезы. Она пересѣла ближе къ невѣсткѣ и взяла ея руку своею энергическою маленькою рукой. Долли не отстранилась, но лицо ея не измѣняло своего сухаго выраженія. Она сказала:

— Утѣшить меня нельзя. Все потеряно послѣ того, что было, все пропало!

И, какъ только она сказала это, выраженіе лица ея вдругъ смягчилось. Анна подняла сухую, худую руку Долли, поцѣловала ее и сказала:

— Но, Долли, что же дѣлать, что же дѣлать? Какъ лучше поступить въ этомъ ужасномъ положеніи—вотъ о чемъ надо подумать.

— Все кончено, и больше ничего,—сказала Долли. — И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить: дѣти, я связана. А съ нимъ жить я не могу: мнѣ мука видѣть его.

— Долли, голубчикъ, онъ говорилъ мнѣ, но я отъ тебя хочу слышать, скажи мнѣ все.

Долли посмотрѣла на нее вопросительно.

Участіе и любовь непритворныя видны были на лицѣ Анны.

— Изволь,—вдругъ сказала она.—Но я скажу съ начала. Ты знаешь, какъ я вышла замужъ. Я съ воспитаніемъ maman не только была наивна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорятъ, я знаю, мужья разсказываютъ женамъ свою прежнюю жизнь, но Стива... — Она поправилась:—Степанъ Аркадьичъ ничего не сказалъ мнѣ. Ты не повѣришь, но я до сихъ поръ думала, что я одна женщина, которую онъ зналъ. Такъ я жила восемь лѣтъ. Ты пойми, что я не только не подозрѣвала невѣрности, но что я считала это невозможнымъ, и тутъ, представь себѣ, съ такими понятіями узнать вдругъ весь ужасъ, всю гадость... Ты пойми меня: быть увѣренной вполнѣ въ своемъ счастіи, и вдругъ... — продолжала Долли, удерживая рыданья, — и получить письмо... письмо его къ своей любовницѣ, къ моей гувернанткѣ. Нѣтъ, это слишкомъ ужас-

но!—Она поспѣшно вынула платокъ и закрыла имъ лицо.— Я понимаю еще увлеченье, — продолжала она помолчавъ,— но обдуманно, хитро обманывать меня... съ кѣмъ же?... Продолжать быть моимъ мужемъ вмѣстѣ съ нею... это ужасно! Ты не можешь понять...

— О, нѣтъ, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю,—говорила Анна, пожимая ея руку.

— И ты думаешь, что онъ понимаетъ весь ужасъ моего положенія?—продолжала Долли.—Нисколько! Онъ счастливъ и доволенъ.

— О, нѣтъ!—быстро перебила Анна.—Онъ жалокъ, онъ убитъ раскаяньемъ...

— Способенъ ли онъ къ раскаянью? — перебила Долли, внимательно вглядываясь въ лицо золовки.

— Да, я его знаю. Я не могла безъ жалости смотрѣть на него. Мы его обѣ знаемъ. Онъ добръ, но онъ гордъ, а теперь такъ униженъ. Главное, что меня тронуло...—(и тутъ Анна угадала главное, что могло тронуть Долли)—его мучаютъ двѣ вещи: то, что ему стыдно дѣтей, и то, что онъ, любя тебя... да, да, любя больше всего на свѣтѣ,— поспѣшно перебила она хотѣвшую возражать Долли:—сдѣлалъ тебѣ больно, убилъ тебя. „Нѣтъ, нѣтъ, она не проститъ“, все говоритъ онъ.

Долли задумчиво смотрѣла мимо золовки, слушая ея слова.

— Да, я понимаю, что положеніе его ужасно; виноватому хуже, чѣмъ невинному,—сказала она,—если онъ чувствуетъ, что отъ вины его все несчастіе. Но какъ же простить, какъ мнѣ опять быть его женою послѣ нея?... Мнѣ жить съ нимъ теперь будетъ мученье, именно потому, что я люблю свою прошедшую любовь къ нему...

И рыданія прервали ея слова.

Но какъ будто нарочно, каждый разъ, какъ она смягчалась, она начинала опять говорить о томъ, что раздражало ее.

— Она вѣдь молода, вѣдь она красива, — продолжала она.—Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кѣмъ?—Имъ и его дѣтьми. Я отслужила ему, и на этой службѣ ушло все мое, и ему теперь, разумѣется, свѣжее, пошлое существо пріятнѣе. Они, вѣрно, говорили между собою обо мнѣ, или, еще хуже, умалчивали,—ты понимаешь?

Опять ненавистью зажглись ея глаза.

— И послѣ этого онъ будетъ говорить мнѣ... Что-жъ, я буду вѣрить ему?—Никогда. Нѣтъ, уже кончено все, все, что составляло утѣшенье, награду труда, мукъ... Ты повѣришь ли, я сейчасъ учила Гришу: прежде это бывало радость, теперь мученье. Зачѣмъ я стараюсь, тружусь? Зачѣмъ дѣти? Ужасно то, что вдругъ душа моя перевернулась, и вмѣсто любви, нѣжности, у меня къ нему одна злоба,—да, злоба. Я бы убила его и...

— Душенька, Долли, я понимаю, но не мучь себя. Ты такъ оскорблена, такъ возбуждена, что ты многое видишь не такъ.

Долли затихла, и онѣ минуты двѣ помолчали.

— Что дѣлать, подумай, Анна, помоги. Я все передумала и ничего не вижу.

Анна ничего не могла придумать, но сердце ея прямо отзывалось на каждое слово, на каждое выраженіе лица невѣстки.

— Я одно скажу, начала Анна, — я его сестра, я знаю

его характеръ, эту способность все, все забыть (она сдѣлала жестъ передъ лбомъ), эту способность полнаго увлеченія, но за то и полнаго раскаянія. Онъ не вѣритъ, не понимаетъ теперь, какъ онъ могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ.

— Нѣтъ, онъ понимаетъ, онъ понималъ!—перебила Долли.—Но я... ты забываешь меня... развѣ мнѣ легче?

— Постой. Когда онъ говорилъ мнѣ, признаюсь тебѣ, я не понимала еще всего ужаса твоего положенія. Я видѣла только его, и то, что семья разстроена; мнѣ его жалко было, но, поговоривъ съ тобой, я, какъ женщина, вижу другое: я вижу твои страданія, и мнѣ... не могу тебѣ сказать, какъ жаль тебя! Но, Долли, душенька, я понимаю твои страданія вполнѣ, только одного я не знаю, я не знаю... я не знаю, насколько въ душѣ твоей есть еще любви къ нему,— это ты знаешь,—настолько ли есть, чтобы можно было простить. Если есть, то прости!

— Нѣтъ, — начала Долли; но Анна прервала ее, цѣлуя еще разъ ея руку.

— Я больше тебя знаю свѣтъ,—сказала она. — Я знаю этихъ людей, какъ Стива, какъ они смотрятъ на это. Ты говоришь, что онъ съ ней говорилъ о тебѣ. Этого не было. Эти люди дѣлаютъ невѣрности, но свой домашній очагъ и жена—это для нихъ святыня. Какъ-то у нихъ эти женщины остаются въ презрѣніи и не мѣшаютъ семьѣ. Они какую-то черту проводятъ непроходимую между семьей и этимъ. Я этого не понимаю, но это такъ.

— Да, но онъ цѣловалъ ее...

— Долли, постой, душенька. Я видѣла Стиву, когда онъ былъ влюбленъ въ тебя. Я помню это время, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и плакалъ, говоря о тебѣ, и какая поэзія

и высота была ты для него, и я знаю, что чѣмъ больше онъ съ тобой жилъ, тѣмъ выше ты для него становилась. Вѣдь мы смѣялись бывало надъ нимъ, что онъ къ каждому слову прибавлялъ: „Долли—удивительная женщина“. Ты для него божество всегда была и осталась, а это увлеченіе не души его...

— Но если это увлеченіе повторится?

— Оно не можетъ, какъ я понимаю...

— Да, но ты простила бы?

— Не знаю, не могу судить... Нѣтъ, могу,—сказала Анна, подумавъ, и, уловивъ мыслью положеніе и свѣсивъ его на внутреннихъ вѣсахъ, прибавила: — Нѣтъ, могу, могу, могу. Да, я простила бы. Я не была бы тою же—да, но простила бы, и такъ простила бы, какъ будто этого не было, совсѣмъ не было.

— Ну, разумѣется,—быстро прервала Долли, какъ будто она говорила то, что не разъ думала: — иначе бы это не было прощеніе. Если простить, то совсѣмъ, совсѣмъ. Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату, — сказала она, вставая, и по дорогѣ обняла Анну. — Милая моя, какъ я рада, что ты пріѣхала! Мнѣ легче, гораздо легче стало.

XX.

Весь день этотъ Анна провела дома, то есть у Облонскихъ, и не принимала никого, такъ какъ ужъ нѣкоторые изъ ея знакомыхъ, успѣвъ узнать о ея прибытіи, пріѣзжали въ этотъ же день. Анна все утро провела съ Долли и съ дѣтьми. Она только послала записочку къ брату, чтобъ

онъ непремѣнно обѣдалъ дома. „Пріѣзжай, Богъ милостивъ“, писала она.

Облонскій обѣдалъ дома, разговоръ былъ общій, и жена говорила съ нимъ, называя его „ты“, чего прежде не было. Въ отношеніяхъ мужа съ женой оставалась та же отчужденность; но уже не было рѣчи о разлукѣ, и Степанъ Аркадьевичъ видѣлъ возможность объясненія и примиренія.

Тотчасъ послѣ обѣда пріѣхала Кити. Она знала Анну Аркадьевну, но очень мало, и ѣхала теперь къ сестрѣ не безъ страха предъ тѣмъ, какъ ее приметъ эта петербургская свѣтская дама, которую всѣ такъ хвалили. Но она понравилась Аннѣ Аркадьевнѣ,—это она увидѣла сейчасъ. Анна, очевидно, любовалась ея красотою и молодостью, и не успѣла Кити опомниться, какъ она уже чувствовала себя не только подъ ея вліяніемъ, но чувствовала себя влюбленною въ нее, какъ способны влюбляться молодыя дѣвушки въ замужнихъ и старшихъ дамъ. Анна не похожа была на свѣтскую даму, или на мать восьмилѣтняго сына, но скорѣе походила бы на двадцатилѣтнюю дѣвушку по гибкости движеній, свѣжести и установившемуся на ея лицѣ оживленію, выбивавшемуся то въ улыбку, то во взглядъ, еслибы не серьёзное, иногда грустное выраженіе ея глазъ, которое поражало и притягивало къ себѣ Кити. Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что въ ней былъ другой, какой-то высшій міръ недоступныхъ для нея интересовъ, сложныхъ и поэтическихъ.

Послѣ обѣда, когда Долли вышла въ свою комнату, Анна быстро встала и подошла къ брату, который закуривалъ сигару.

— Стива, — сказала она ему, весело подмигивая, крестя его и указывая на дверь глазами. — Иди, и помогай тебѣ Богъ.

Онъ бросилъ сигару, понявъ ее, и скрылся за дверью.

Когда Степанъ Аркадьевичъ ушелъ, она вернулась на диванъ, гдѣ сидѣла окруженная дѣтьми. Отъ того ли, что дѣти видѣли, что мама любила эту тётю, или отъ того, что они сами чувствовали въ ней особенную прелесть; но старшія два, а за ними и меньшія, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, еще до обѣда прилипли къ новой тетѣ и не отходили отъ нея. И между ними составилось что-то въ родѣ игры, состоящей въ томъ, чтобы какъ можно ближе сидѣть подлѣ тети, дотрогиваться до нея, держать ея маленькую руку, цѣловатъ ее, играть съ ея кольцомъ, или хоть дотрогиваться до оборки ея платья.

— Ну, ну, какъ мы прежде сидѣли,—сказала Анна Аркадьевна, садясь на свое мѣсто.

И опять Гриша подсунулъ голову подъ ея руку и прислонился головой къ ея платью, и засіялъ гордостью и счастіемъ.

— Такъ теперь когда же балъ?—обратилась она къ Кити.

— На будущей недѣлѣ, и прекрасный балъ. Одинъ изъ тѣхъ баловъ, на которыхъ всегда весело.

— А есть такіе, гдѣ всегда весело?—съ нѣжною насмѣшкой сказала Анна.

— Странно, но есть. У Бобрищевыхъ всегда весело, у Никитиныхъ тоже, а у Межковыхъ всегда скучно. Вы развѣ не замѣчали?

— Нѣтъ, душа моя, для меня ужъ нѣтъ такихъ баловъ, гдѣ весело,—сказала Анна, и Кити увидѣла въ ея глазахъ

тотъ особенный міръ, который ей не былъ открытъ.—Для меня есть такіе, на которыхъ менѣе трудно и скучно...

— Какъ можетъ быть *вамъ* скучно на балѣ?

— Отчего же *мнѣ* не можетъ быть скучно на балѣ?—спросила Анна.

Кити замѣтила, что Анна знала, какой послѣдуетъ отвѣтъ.

— Отъ того, что вы всегда лучше всѣхъ.

Анна имѣла способность краснѣть. Она покраснѣла и сказала:

— Вопервыхъ, никогда; а вовторыхъ, еслибъ это и было, то зачѣмъ мнѣ это?

— Вы поѣдете на этотъ балъ?—спросила Кити.

— Я думаю, что нельзя будетъ не ѣхать. Вотъ это возьми,—сказала она Танѣ, которая стаскивала легко сходившее кольцо съ ея бѣлаго, тонкаго въ концѣ пальца.

— Я очень рада буду, если вы поѣдете. Я бы такъ хотѣла васъ видѣть на балѣ.

— По крайней мѣрѣ, если придется ѣхать, я буду утѣшаться мыслью, что это сдѣлаетъ вамъ удовольствіе... Гриша, не тереби пожалуйста, они и такъ всѣ растрепались,—сказала она, поправляя выбившуюся прядь волосъ, которою игралъ Гриша.

— Я васъ воображаю на балѣ въ лиловомъ.

— Отчего же непремѣнно въ лиловомъ?—улыбаясь спросила Анна.—Ну, дѣти, идите, идите. Слышите ли? Миссъ Гуль зоветъ чай пить,—сказала она, отрывая отъ себя дѣтей и отправляя ихъ въ столовую.—А я знаю, отчего вы зовете меня на балъ. Вы ждете много отъ этого бала, и вамъ хочется, чтобы всѣ тутъ были, всѣ принимали участіе.

— Почемъ вы знаете? Да.

— О, какъ хорошо ваше время,—продолжала Анна.— Помню и знаю этотъ голубой туманъ, въ родѣ того, что на горахъ въ Швейцаріи,—этотъ туманъ, который покрываетъ все въ блаженное то время, когда вотъ-вотъ кончится дѣтство, и изъ этого огромнаго круга, счастливаго, веселаго, дѣлается путь все уже и уже, и весело и жутко входить въ эту анфиладу, хотя она, кажется, и свѣтлая, и прекрасная... Кто не прошелъ черезъ это?

Кити молча улыбалась. „Но какъ же она прошла черезъ это? Какъ бы я желала знать весь ея романъ!" подумала Кити, вспоминая непоэтическую наружность Алексѣя Александровича, ея мужа.

— Я знаю кое-что, Стива мнѣ говорилъ, и поздравляю васъ, онъ мнѣ очень нравится,—продолжала Анна:—я встрѣтила Вронскаго на желѣзной дорогѣ.

— Ахъ, онъ былъ тамъ?—спросила Кити покраснѣвъ.— Что же Стива сказалъ вамъ?

— Стива мнѣ все разболталъ. И я очень была бы рада... Я ѣхала вчера съ матерью Вронскаго,—продолжала она,— и мать не умолкая говорила мнѣ про него, это ея любимецъ; я знаю, какъ матери пристрастны, но...

— Что-жъ мать разсказала вамъ?

— Ахъ, много! И я знаю, что онъ ея любимецъ, но все-таки видно, что это рыцарь... Ну, напримѣръ, она разсказывала, что онъ хотѣлъ отдать все состояніе брату, что онъ въ дѣтствѣ еще что-то необыкновенное сдѣлалъ, спасъ женщину изъ воды. Словомъ, герой,—сказала Анна, улыбаясь и вспоминая про эти двѣсти рублей, которые онъ далъ на станціи.

Но она не разсказала про эти двѣсти рублей. Почему-то ей непріятно было вспоминать объ этомъ. Она чувствовала, что въ этомъ было что-то касающееся до нея и такое, чего не должно было быть.

— Она очень просила меня поѣхать къ ней,—продолжала Анна,—и я рада повидать старушку, и завтра поѣду къ ней. Однако, слава Богу, Стива долго остается у Долли въ кабинетѣ, — прибавила Анна, перемѣняя разговоръ и вставая, какъ показалось Кити, чѣмъ-то недовольная.

— Нѣтъ, я прежде! Нѣтъ, я!—кричали дѣти, окончивъ чай и выбѣгая къ тетѣ Аннѣ.

— Всѣ вмѣстѣ?—сказала Анна и смѣясь побѣжала имъ навстрѣчу, и обняла, и повалила всю эту кучу копошащихся и визжащихъ отъ восторга дѣтей.

XXI.

Къ чаю большихъ Долли вышла изъ своей комнаты. Степанъ Аркадьевичъ не выходилъ. Онъ, должно-быть, вышелъ изъ комнаты жены заднимъ ходомъ.

— Я боюсь, что тебѣ холодно будетъ на верху,—замѣтила Долли, обращаясь къ Аннѣ,—мнѣ хочется перевести тебя внизъ и мы ближе будемъ.

— Ахъ, ужъ, пожалуйста, обо мнѣ не заботьтесь,—отвѣчала Анна, вглядываясь въ лицо Долли и стараясь понять, было или не было примиренія.

— Тебѣ свѣтло будетъ здѣсь,—отвѣчала невѣстка.

— Я тебѣ говорю, что я сплю вездѣ и всегда какъ сурокъ.

— О чемъ это?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ кабинета и обращаясь къ женѣ.

По тону его, и Кити, и Анна сейчасъ поняли, что примиреніе состоялось.

— Я Анну хочу перевести внизъ, но надо гардины перевѣсить. Никто не сумѣетъ сдѣлать, надо самой,—отвѣчала Долли, обращаясь къ нему.

„Богъ знаетъ, вполнѣ ли помирились?“ подумала Анна, услышавъ ея тонъ, холодный и спокойный.

— Ахъ полно, Долли, все дѣлать трудности, — сказалъ мужъ.—Ну, хочешь, я все сдѣлаю?...

„Да, должно-быть помирились“, подумала Анна.

— Знаю, какъ ты все сдѣлаешь,—отвѣчала Долли:—скажешь Матвѣю сдѣлать то, чего нельзя сдѣлать, а самъ уѣдешь, а онъ все перепутаетъ,—и привычная насмѣшливая улыбка морщила концы губъ Долли, когда она говорила это.

„Полное, полное примиренье, полное,—подумала Анна,—слава Богу!“—и, радуясь тому, что она была причиной этого, она подошла къ Долли и поцѣловала ее.

— Совсѣмъ нѣтъ, отчего ты такъ презираешь насъ съ Матвѣемъ?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь чуть замѣтно и обращаясь къ женѣ.

Весь вечеръ, какъ всегда, Долли была слегка насмѣшлива по отношенію къ мужу, а Степанъ Аркадьевичъ доволенъ и веселъ, но настолько, чтобы не показать, что онъ, будучи прощенъ, забылъ свою вину.

Въ половинѣ десятаго особенно радостная и пріятная вечерняя семейная бесѣда за чайнымъ столомъ у Облонскихъ была нарушена самымъ, повидимому, простымъ событіемъ,

но это простое событіе почему-то всѣмъ показалось страннымъ. Разговорившись объ общихъ петербургскихъ знакомыхъ, Анна быстро встала.

— Она у меня есть въ альбомѣ,—сказала она,—да и кстати я покажу моего Сережу,—прибавила она съ гордою материнскою улыбкой.

Къ десяти часамъ, когда она обыкновенно прощалась съ сыномъ и часто сама, передъ тѣмъ, какъ ѣхать на балъ, укладывала его, ей стало грустно, что она такъ далеко отъ него; и о чемъ бы ни говорили, она нѣтъ-нѣтъ и возвращалась мыслью къ своему кудрявому Сережѣ. Ей захотѣлось посмотрѣть на его карточку и поговорить о немъ. Воспользовавшись первымъ предлогомъ, она встала и своею легкою, рѣшительною походкой пошла за альбомомъ. Лѣстница на верхъ, въ ея комнату, выходила на площадку большой входной теплой лѣстницы.

Въ то время, какъ она выходила изъ гостиной, въ передней послышался звонокъ.

— Кто это можетъ быть?—сказала Долли.

— За мной рано, а еще кому-нибудь поздно,—замѣтила Кити.

— Вѣрно, съ бумагами, — прибавилъ Степанъ Аркадьевичъ, и, когда Анна проходила мимо лѣстницы, слуга взбѣгалъ на верхъ, чтобы доложить о пріѣхавшемъ, а самъ пріѣхавшій стоялъ у лампы. Анна, взглянувъ внизъ, узнала тотчасъ же Вронскаго, и странное чувство удовольствія и вмѣстѣ страха чего-то вдругъ шевельнулось у нея въ сердцѣ. Онъ стоялъ, не снимая пальто, и что-то доставалъ изъ кармана. Въ ту минуту, какъ она поровнялась съ серединой лѣстницы, онъ поднялъ глаза, увидалъ ее, и въ выраженіи

его лица сдѣлалось что-то пристыженное и испуганное. Она, слегка наклонивъ голову, прошла, а вслѣдъ за ней послышался громкій голосъ Степана Аркадьевича, звавшаго его войдти, и негромкій, мягкій и спокойный голосъ отказывавшагося Вронскаго.

Когда Анна вернулась съ альбомомъ, его уже не было, и Степанъ Аркадьевичъ разсказывалъ, что онъ заѣзжалъ узнать объ обѣдѣ, который они завтра давали пріѣзжей знаменитости.—И ни за что не хотѣлъ войти. Какой-то онъ странный,—прибавилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Кити покраснѣла. Она думала, что она одна поняла, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ и отчего не вошелъ. „Онъ былъ у насъ,—думала она,—и не засталъ, и подумалъ, я здѣсь; но не вошелъ оттого, что, думалъ, поздно, и Анна здѣсь“.

Всѣ переглянулись, ничего не сказавъ, и стали смотрѣть альбомъ Анны.

Ничего не было ни необыкновеннаго, ни страннаго въ томъ, что человѣкъ заѣхалъ къ пріятелю въ половинѣ десятаго узнать подробности затѣваемаго обѣда и не вошелъ; но всѣмъ это показалось странно. Болѣе всѣхъ странно и нехорошо это показалось Аннѣ.

XXII.

Балъ только-что начался, когда Кити съ матерью входила на большую, уставленную цвѣтами и лакеями въ пудрѣ и красныхъ кафтанахъ, залитую свѣтомъ лѣстницу. Изъ залъ несся стоявшій въ нихъ равномѣрный, какъ въ ульѣ, шорохъ движенія, и, пока онѣ на площадкѣ между деревьями оправляли передъ зеркаломъ прически и платья,

изъ залы послышались осторожно-отчетливые звуки скрипокъ оркестра, начавшаго первый вальсъ. Штатскій старичокъ, оправившій свои сѣдые височки у другаго зеркала и изливавшій отъ себя запахъ духовъ, столкнулся съ ними на лѣстницѣ и посторонился, видимо любуясь незнакомою ему Кити. Безбородый юноша, одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ юношей, которыхъ старый князь Щербацкій называлъ *тютьками*, въ чрезвычайно открытомъ жилетѣ, оправляя на ходу бѣлый галстукъ, поклонился имъ и, пробѣжавъ мимо, вернулся, приглашая Кити на кадриль. Первая кадриль была уже отдана Вронскому, она должна была отдать этому юношѣ вторую. Военный, застегивая перчатку, сторонился у двери и, поглаживая усы, любовался на розовую Кити.

Несмотря на то, что туалетъ, прическа и всѣ приготовленія къ балу стоили Кити большихъ трудовъ и соображеній, она теперь, въ своемъ сложномъ тюлевомъ платьѣ на розовомъ чехлѣ, вступала на балъ такъ свободно и просто, какъ будто всѣ эти розетки, кружева, всѣ подробности туалета не стоили ей и ея домашнимъ ни минуты вниманія, какъ будто она родилась въ этомъ тюлѣ, кружевахъ, съ этою высокою прической, съ розой и двумя листками на верху ея.

Когда старая княгиня предъ входомъ въ залу хотѣла оправить на ней завернувшуюся ленту пояса, Кити слегка отклонилась. Она чувствовала, что все само собою должно быть хорошо и граціозно на ней и что поправлять ничего не нужно.

Кити была въ одномъ изъ своихъ счастливыхъ дней. Платье не тѣснило нигдѣ, нигдѣ не спускалась кружевная

берта, розетки не смялись и не оторвались; розовыя туфли на высокихъ, выгнутыхъ каблукахъ не жали, а веселили ножку. Густыя бандо бѣлокурыхъ волосъ держались какъ свои на маленькой головкѣ. Пуговицы всѣ три застегнулись не порвавшись на высокой перчаткѣ, которая обвила ея руку, не измѣнивъ ея формы. Черная бархотка медальона особенно нѣжно окружила шею. Бархотка эта была прелесть и, дома глядя въ зеркало на свою шею, Кити чувствовала, что эта бархотка говорила. Во всемъ другомъ могло еще быть сомнѣнье, но бархотка была прелесть. Кити улыбнулась и здѣсь на балѣ, взглянувъ на нее въ зеркало. Въ обнаженныхъ плечахъ и рукахъ Кити чувствовала холодную мраморность,—чувство, которое она особенно любила. Глаза блестѣли, и румяныя губы не могли не улыбаться отъ сознанія своей привлекательности. Не успѣла она войдти въ залу и дойдти до тюлево-лентокружевно-цвѣтной толпы дамъ, ожидавшихъ приглашенія танцовать (Кити никогда не стаивала въ этой толпѣ), какъ ужъ ее пригласили на вальсъ, и пригласилъ лучшій кавалеръ, главный кавалеръ по бальной іерархіи, знаменитый дирижеръ баловъ, церемоніймейстеръ, женатый красивый и статный мужчина Егорушка Корсунскій. Только-что оставивъ графиню Банину, съ которой онъ протанцовалъ первый туръ вальса, онъ, оглядывая свое хозяйство, то-есть пустившихся танцовать нѣсколько паръ, увидѣлъ входившую Кити и подбѣжалъ къ ней тою особенною, свойственною только дирижерамъ баловъ, развязною иноходью, и, поклонившись, даже не спрашивая, желаетъ ли она, занесъ руку, чтобъ обнять ея тонкую талію. Она оглянулась, кому передать вѣеръ, и, улыбаясь ей, хозяйка взяла его.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали во время,—сказалъ онъ ей, обнимая ея талію,—а то, что за манера опаздывать.

Она положила, согнувши, лѣвую руку на его плечо, и маленькія ножки въ розовыхъ башмакахъ быстро, легко и мѣрно задвигались въ тактъ музыки по скользкому паркету.

— Отдыхаешь, вальсируя съ вами,—сказалъ онъ ей, пускаясь въ первые небыстрые шаги вальса.—Прелесть какая легкость, précision,—говорилъ онъ ей то, что говорилъ почти всѣмъ хорошимъ знакомымъ.

Она улыбнулась на его похвалу и черезъ его плечо продолжала разглядывать залу. Она была не вновь-выѣзжающая, у которой на балѣ всѣ лица сливаются въ одно волшебное впечатлѣніе; она и не была затасканная по баламъ дѣвушка, которой всѣ лица бала такъ знакомы, что наскучили; но она была на серединѣ этихъ двухъ,—она была возбуждена, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладала собой настолько, что могла наблюдать. Въ лѣвомъ углу залы, она видѣла, сгруппировался цвѣтъ общества. Тамъ была до невозможнаго обнаженная красавица Лиди, жена Корсунскаго, тамъ была хозяйка, тамъ сіялъ своей лысиной Кривинъ, всегда бывшій тамъ, гдѣ цвѣтъ общества; туда смотрѣли юноши, не смѣя подойдти; и тамъ она нашла глазами Стиву, и потомъ увидала прелестную фигуру и голову Анны въ черномъ бархатномъ платьѣ. И *онъ* былъ тутъ. Кити не видала его съ того вечера, когда она отказала Левину. Кити своими дальнозоркими глазами тотчасъ узнала его, и даже замѣтила, что онъ смотрѣлъ на нее.

— Что-жъ, еще туръ? Вы не устали? — сказалъ Корсунскій, слегка запыхавшись.

— Нѣтъ, благодарствуйте!

— Куда же отвести васъ?

— Каренина тутъ, кажется... отведите меня къ ней.

— Куда прикажете.

И Корсунскій завальсировалъ, умѣряя шагъ, прямо на толпу въ лѣвомъ углу залы, приговаривая: „Pardon, mesdames! Pardon, pardon, mesdames“, и лавируя между моремъ кружевъ, тюля и лентъ, и, не зацѣпивъ ни за перышко, повернулъ круто свою даму, такъ что открылись ея тонкія ножки въ ажурныхъ чулкахъ, а шлейфъ разнесло опахаломъ и закрыло имъ колѣни Кривину. Корсунскій поклонился, выпрямилъ открытую грудь и подалъ руку, чтобы провести ее къ Аннѣ Аркадьевнѣ. Кити, раскраснѣвшись, сняла шлейфъ съ колѣнъ Кривина и, закруженная немного, оглянулась, отыскивая Анну. Анна была не въ лиловомъ, какъ того непремѣнно хотѣла Кити, а въ черномъ, низко срѣзанномъ бархатномъ платьѣ, открывавшемъ ея точеныя, какъ старой слоновой кости, полныя плечи и грудь и округлыя руки, съ тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венеціанскимъ гипюромъ. На головѣ у нея, въ черныхъ волосахъ—своихъ, безъ примѣси—была маленькая гирлянда анютиныхъ глазокъ и такая же на черной лентѣ пояса между бѣлыми кружевами. Прическа ея была незамѣтна. Замѣтны были только, украшая ее, эти своевольныя короткія колечки курчавыхъ волосъ, всегда выбивавшіяся на затылкѣ и вискахъ. На точеной крѣпкой шеѣ была нитка жемчугу.

Кити видѣла каждый день Анну, была влюблена въ нее и представляла себѣ ее непремѣнно въ лиловомъ. Но теперь, увидавъ ее въ черномъ, она почувствовала, что не понимала всей ея прелести. Она теперь увидала ее совер-

шенно новою и неожиданною для себя. Теперь она поняла, что Анна не могла быть въ лиловомъ, и что ея прелесть состояла именно въ томъ, что она всегда выступала изъ своего туалета, что туалетъ никогда не могъ быть виденъ на ней. И черное платье съ пышными кружевами не было видно на ней; это была только рамка, и была видна только она, простая, естественная, изящная и вмѣстѣ веселая и оживленная.

Она стояла, какъ и всегда, чрезвычайно прямо держась, и, когда Кити подошла къ этой кучкѣ, говорила съ хозяиномъ дома, слегка поворотивъ къ нему голову.

— Нѣтъ, я не брошу камня,—отвѣчала она ему на что-то,—хотя я не понимаю,—продолжала она, пожавъ плечами, и тотчасъ же съ нѣжною улыбкой покровительства обратилась къ Кити. Бѣглымъ женскимъ взглядомъ окинувъ ея туалетъ, она сдѣлала чуть замѣтное, но понятное для Кити, одобрительное ея туалету и красотѣ движенье головой.—Вы и въ залу входите танцуя,—прибавила она.

— Это одна изъ моихъ вѣрнѣйшихъ помощницъ,—сказалъ Корсунскій, кланяясь Аннѣ Аркадьевнѣ, которой онъ не видалъ еще.—Княжна помогаетъ сдѣлать балъ веселымъ и прекраснымъ... Анна Аркадьевна, туръ вальса,—сказалъ онъ нагибаясь.

— А вы знакомы?—спросилъ хозяинъ.

— Съ кѣмъ мы не знакомы? Мы съ женой какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ,—отвѣчалъ Корсунскій.—Туръ вальса, Анна Аркадьевна.

— Я не танцую, когда можно не танцовать,—сказала она.

— Но нынче нельзя,—отвѣчалъ Корсунскій.

Въ это время подходилъ Вронскій.

— Ну, если нынче нельзя не танцовать, такъ пойдемте,— сказала она, не замѣчая поклона Вронскаго, и быстро подняла руку на плечо Корсунскаго.

„За что она недовольна имъ?..." подумала Кити, замѣтивъ, что Анна умышленно не отвѣтила на поклонъ Вронскаго. Вронскій подошелъ къ Кити, напоминая ей о первой кадрили и сожалѣя, что все это время не имѣлъ удовольствія ее видѣть. Кити смотрѣла любуясь на вальсировавшую Анну и слушала его. Она ждала, что онъ пригласитъ ее на вальсъ, но онъ не пригласилъ, и она удивленно взглянула на него. Онъ покраснѣлъ и поспѣшно пригласилъ вальсировать, но только-что онъ обнялъ ея тонкую талію и сдѣлалъ первый шагъ, какъ вдругъ музыка остановилась. Кити посмотрѣла на его лицо, которое было на такомъ близкомъ отъ нея разстояніи, и долго потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ взглядъ, полный любви, которымъ она тогда взглянула на него и на который онъ не отвѣтилъ ей, мучительнымъ стыдомъ рѣзалъ ея сердце.

— Pardon, pardon! Вальсъ, вальсъ!—закричалъ съ другой стороны залы Корсунскій и, подхвативъ первую попавшуюся барышню, сталъ самъ танцовать.

XXIII.

Вронскій съ Кити прошелъ нѣсколько туровъ вальса. Послѣ вальса Кити подошла къ матери, и едва успѣла сказать нѣсколько словъ съ Нордстонъ, какъ Вронскій уже пришелъ за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительнаго не было сказано, шелъ прерывистый разговоръ то о Корсунскихъ, мужѣ и женѣ, которыхъ онъ

очень забавно описывалъ, какъ милыхъ сорокалѣтнихъ дѣтей, то о будущемъ общественномъ театрѣ, и только одинъ разъ разговоръ затронулъ ее за живое, когда онъ спросилъ о Левинѣ, тутъ ли онъ, и прибавилъ, что онъ очень понравился ему. Но Кити и не ожидала бо́льшаго отъ кадрили. Она ждала съ замираніемъ сердца мазурки. Ей казалось, что въ мазуркѣ все должно рѣшиться. То, что онъ во время кадрили не пригласилъ ее на мазурку, не тревожило ея. Она была увѣрена, что она танцуетъ мазурку съ нимъ, какъ и на прежнихъ балахъ, и пятерымъ отказала мазурку, говоря, что танцуетъ. Весь балъ до послѣдней кадрили былъ для Кити волшебнымъ сновидѣніемъ радостныхъ цвѣтовъ, звуковъ и движеній. Она не танцовала только когда чувствовала себя слишкомъ усталою, и просила отдыха. Но, танцуя послѣднюю кадриль съ однимъ изъ скучныхъ юношей, которому нельзя было отказать, ей случилось быть vis-à vis съ Вронскимъ и Анной. Она не сходилась съ Анной съ самаго пріѣзда, и тутъ вдругъ увидала ее опять совершенно новою и неожиданною. Она увидала въ ней, столь знакомую ей самой, черту возбужденія отъ успѣха. Она видѣла, что Анна пьяна виномъ возбуждаемаго ею восхищенія. Она знала это чувство, и знала его признаки, и видѣла ихъ на Аннѣ, — видѣла дрожащій, вспыхивающій блескъ въ глазахъ и улыбку счастія и возбужденія, невольно изгибающую губы, и отчетливую грацію, вѣрность и легкость движеній.

„Кто?—спросила она себя.—Всѣ или одинъ?“ И, не помогая мучившемуся юношѣ, съ которымъ она танцовала, въ разговорѣ, нить котораго онъ упустилъ и не могъ поднять, и наружно подчиняясь весело-громкимъ, повелитель-

нымъ крикамъ Корсунскаго, то бросающаго всѣхъ въ grand rond, то въ chaine, она наблюдала, и сердце ея сжималось больше и больше. „Нѣтъ, это не любованье толпы опьянило ее, а восхищеніе одного. И этотъ одинъ... неужели это онъ?“ Каждый разъ, какъ онъ говорилъ съ Анной, въ глазахъ ея вспыхивалъ радостный блескъ, и улыбка счастія изгибала ея румяныя губы. Она какъ будто дѣлала усиліе надъ собой, чтобы не выказывать этихъ признаковъ радости, но они сами собой выступали на ея лицѣ. „Но что же онъ?“ Кити посмотрѣла на него и ужаснулась. То, что Кити такъ ясно представлялось въ зеркалѣ лица Анны, она увидѣла на немъ. Куда дѣлась его всегда спокойная, твердая манера и безпечно-спокойное выраженіе лица? Нѣтъ, онъ теперь, каждый разъ, какъ обращался къ ней, немного сгибалъ голову, какъ бы желая пасть передъ ней, и во взглядѣ его было одно выраженіе покорности и страха. „Я не оскорбить хочу,—каждый разъ какъ будто говорилъ его взглядъ,—но спасти себя хочу, и не знаю какъ“. На лицѣ его было такое выраженіе, котораго она никогда не видала прежде.

Они говорили объ общихъ знакомыхъ, вели самый ничтожный разговоръ, но Кити казалось, что всякое сказанное ими слово рѣшало ихъ и ея судьбу. И странно то, что, хотя они дѣйствительно говорили о томъ, какъ смѣшонъ Иванъ Ивановичъ своимъ французскимъ языкомъ, и о томъ, что для Елецкой можно было бы найти лучше партію, а между тѣмъ эти слова имѣли для нихъ значеніе, и они чувствовали это такъ же, какъ и Кити. Весь балъ, весь свѣтъ - все закрылось туманомъ въ душѣ Кити. Только пройденная ею строгая школа воспитанія поддерживала ее

и заставляла дѣлать то, чего отъ нея требовали, то-есть танцовать, отвѣчать на вопросы, говорить, даже улыбаться. Но передъ началомъ мазурки, когда уже стали разставлять стулья и нѣкоторыя пары двинулись изъ маленькихъ въ большую залу, на Кити нашла минута отчаянія и ужаса. Она отказала пятерымъ, и теперь не танцовала мазурки. Даже не было надежды, чтобъ ее пригласили именно потому, что она имѣла слишкомъ большой успѣхъ въ свѣтѣ, и никому въ голову не могло придти, чтобъ она не была приглашена до сихъ поръ. Надо было сказать матери, что она больна, и уѣхать домой, но на это у нея не было силы. Она чувствовала себя убитою.

Она зашла въ глубь маленькой гостиной и опустилась на кресло. Воздушная юбка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана; одна обнаженная, худая, нѣжная дѣвичья рука, безсильно опущенная, утонула въ складкахъ розоваго тюника; въ другой она держала вѣеръ и быстрыми, короткими движеніями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но вопреки этому виду бабочки, только-что уцѣпившейся за травку и готовой вотъ-вотъ, вспорхнувъ, развернуть радужныя крылья, страшное отчаяніе щемило ей сердце.

„А можетъ-быть я ошибаюсь, можетъ-быть этого не было?“ И она опять вспоминала все, что она видѣла.

— Кити, что-жъ это такое?—сказала графиня Нордстонъ, по ковру неслышно подойдя къ ней.—Я не понимаю этого.

У Кити дрогнула нижняя губа; она быстро встала.

— Кити, ты не танцуешь мазурку?

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала Кити дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Онъ при мнѣ звалъ ее на мазурку,—сказала Нордстонъ, зная, что Кити пойметъ, кто онъ и она.—Она сказала: развѣ вы не танцуете съ княжной Щербацкой?

— Ахъ, мнѣ все равно!—отвѣчала Кити.

Никто кромѣ ея самой не понималъ ея положенія, никто не зналъ того, что она вчера отказала человѣку, котораго она можетъ-быть любила, и отказала потому, что вѣрила въ другаго.

Графиня Нордстонъ нашла Корсунскаго, съ которымъ она танцовала мазурку, и велѣла ему пригласить Кити.

Кити танцовала въ первой парѣ, и къ ея счастію ей не надо было говорить, потому что Корсунскій все время бѣгалъ, распоряжаясь по своему хозяйству. Вронскій съ Анной сидѣли почти противъ нея. Она видѣла ихъ своими дальнозоркими глазами, видѣла ихъ и вблизи, когда они сталкивались въ парахъ, и чѣмъ больше она видѣла ихъ, тѣмъ больше убѣждалась, что несчастіе ея совершилось. Она видѣла, что они чувствовали себя наединѣ въ этой полной залѣ. И на лицѣ Вронскаго, всегда столь твердомъ и независимомъ, она видѣла то поразившее ее выраженіе потерянности и покорности, похожее на выраженіе умной собаки, когда она виновата.

Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Она задумывалась, и онъ становился серьёзенъ. Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити къ лицу Анны. Она была прелестна въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, прелестны были ея полныя руки съ браслетами, прелестна твердая шея съ ниткой жемчуга, прелестны вьющіеся волосы разстроившейся прически, прелестны граціозныя, легкія движенія маленькихъ ногъ и рукъ, прелестно это кра-

сивое лицо въ своемъ оживленіи, но было что-то ужасное и жестокое въ ея прелести.

Кити любовалась ею еще болѣе, чѣмъ прежде, и все больше и больше страдала. Кити чувствовала себя раздавленною, и лицо ея выражало это. Когда Вронскій увидалъ ее, столкнувшись съ ней въ мазуркѣ, онъ не вдругъ узналъ ее,—такъ она измѣнилась.

— Прекрасный балъ!—сказалъ онъ ей, чтобы сказать что нибудь.

— Да,—отвѣчала она.

Въ серединѣ мазурки, повторяя сложную фигуру, вновь выдуманную Корсунскимъ, Анна вышла на середину круга, взяла двухъ кавалеровъ и подозвала къ себѣ одну даму и Кити. Кити испуганно смотрѣла на нее, подходя. Анна прищурившись смотрѣла на нее и улыбнулась, пожавъ ей руку. Но замѣтивъ, что лицо Кити только выраженіемъ отчаянія и удивленія отвѣтило на ея улыбку, она отвернулась отъ нея и весело заговорила съ другой дамой.

„Да, что-то чуждое, бѣсовское и прелестное есть въ ней“, сказала себѣ Кити.

Анна не хотѣла оставаться ужинать, но хозяинъ сталъ просить ее.

— Полно, Анна Аркадьевна,—заговорилъ Корсунскій, забирая ея обнаженную руку подъ рукавъ своего фрака.— Какая у меня идея котильона! Un bijou!

И онъ понемножку двигался, стараясь увлечь ее. Хозяинъ улыбался одобрительно.

— Нѣтъ, я не останусь,—отвѣтила Анна, улыбаясь, но, несмотря на улыбку, и Корсунскій, и хозяинъ поняли по

рѣшительному тону, съ какимъ она отвѣчала, что она не останется.

— Нѣтъ, я и такъ въ Москвѣ танцовала больше на вашемъ одномъ балѣ, чѣмъ всю зиму въ Петербургѣ,—сказала Анна, оглядываясь на подлѣ нея стоявшаго Вронскаго.—Надо отдохнуть передъ дорогой.

— А вы рѣшительно ѣдете завтра?—спросилъ Вронскій.

— Да, я думаю,—отвѣчала Анна, какъ бы удивляясь смѣлости его вопроса; но неудержимый дрожащій блескъ глазъ и улыбки обжегъ его, когда она говорила это.

Анна Аркадьевна не осталась ужинать и уѣхала.

XXIV.

„Да, что-то есть во мнѣ противное, отталкивающее", думалъ Левинъ, вышедши отъ Щербацкихъ и пѣшкомъ направляясь къ брату. „И не гожусь я для другихъ людей. Гордость, говорятъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ и гордости. Если бы была гордость, я не поставилъ бы себя въ такое положеніе". И онъ представлялъ себѣ Вронскаго, счастливаго, добраго, умнаго и спокойнаго, никогда, навѣрное, не бывавшаго въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ онъ былъ нынче вечеромъ. „Да, она должна была выбрать его. Такъ надо, и жаловаться мнѣ не на кого и не за что. Виноватъ я самъ. Какое право имѣлъ я думать, что она захочетъ соединить свою жизнь съ моею? Кто я, и что я? Ничтожный человѣкъ, никому и не для кого ненужный". И онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ и съ радостью остановился на этомъ воспоминаніи. „Не правъ ли онъ, что все на свѣтѣ дурно и гадко? И едва ли мы справедливо

судимъ и судили о братѣ Николаѣ. Разумѣется, съ точки зрѣнія Прокофья, видѣвшаго его въ оборванной шубѣ и пьянаго, онъ презрѣнный человѣкъ; но я знаю его иначе. Я знаю его душу и знаю, что мы похожи съ нимъ. А я, вмѣсто того, чтобы ѣхать отыскать его, поѣхалъ обѣдать и сюда". Левинъ подошелъ къ фонарю, прочелъ адресъ брата, который у него былъ въ бумажникѣ, и подозвалъ извощика. Всю длинную дорогу до брата Левинъ живо припоминалъ себѣ всѣ извѣстныя ему событія изъ жизни брата Николая. Вспоминалъ онъ, какъ братъ въ университетѣ и годъ послѣ университета, несмотря на насмѣшки товарищей, жилъ какъ монахъ, въ строгости исполняя всѣ обряды религіи, службы, посты, и избѣгая всякихъ удовольствій, въ особенности женщинъ; и потомъ какъ вдругъ его прорвало, онъ сблизился съ самыми гадкими людьми и пустился въ самый безпутный разгулъ. Вспоминалъ потомъ про исторію съ мальчикомъ, котораго онъ взялъ изъ деревни, чтобы воспитывать, и въ припадкѣ злости такъ избилъ, что началось дѣло по обвиненію въ причиненіи увѣчья. Вспоминалъ потомъ исторію съ шулеромъ, которому онъ проигралъ деньги, далъ вексель, и на котораго самъ подалъ жалобу, доказывая, что тотъ его обманулъ. (Это были тѣ деньги, которыя заплатилъ Сергѣй Ивановичъ.) Потомъ вспоминалъ, какъ онъ ночевалъ ночь въ части за буйство. Вспоминалъ затѣянный имъ постыдный процессъ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ за то, что тотъ будто бы не выплатилъ ему долю изъ материнскаго имѣнія, и послѣднее дѣло, когда онъ уѣхалъ служить въ Западный край и тамъ попалъ подъ судъ за побои, нанесенные старшинѣ... Все это было ужасно гадко, но Левину это представлялось совсѣмъ не такъ

гадко, какъ это должно было представляться тѣмъ, которые не знали Николая, не знали всей его исторіи, не знали его сердца.

Левинъ помнилъ, какъ въ то время, когда Николай былъ въ періодѣ набожности, постовъ, монаховъ, службъ церковныхъ, когда онъ искалъ въ религіи помощи, узды на свою страстную натуру, никто не только не поддержалъ его, но всѣ, и онъ самъ, смѣялись надъ нимъ. Его дразнили, звали его Ноемъ, монахомъ; но когда его прорвало, никто не помогъ ему, а всѣ съ ужасомъ и омерзѣніемъ отвернулись.

Левинъ чувствовалъ, что братъ Николай въ душѣ своей, въ самой основѣ своей души, несмотря на все безобразіе своей жизни, не былъ болѣе неправъ, чѣмъ тѣ люди, которые презирали его. Онъ не былъ виноватъ въ томъ, что родился съ своимъ неудержимымъ характеромъ и стѣсненнымъ чѣмъ-то умомъ. Но онъ всегда хотѣлъ быть хорошимъ. „Все выскажу ему, все заставлю его высказать, и покажу ему, что я люблю и потому понимаю его“, рѣшилъ самъ съ собою Левинъ, подъѣзжая въ одиннадцатомъ часу къ гостиницѣ, указанной на адресѣ.

— На верху 12-й и 13-й,—отвѣтилъ швейцаръ на вопросъ Левина.

— Дома?

— Должно дома.

Дверь 12-го нумера была полуотворена, и оттуда, въ полосѣ свѣта, выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табаку и слышался незнакомый Левину голосъ, но Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ; онъ услыхалъ его покашливанье.

Когда онъ вошелъ въ дверь, незнакомый голосъ говорилъ:

— Все зависитъ отъ того, насколько разумно и сознательно поведется дѣло.

Константинъ Левинъ заглянулъ въ дверь и увидѣлъ, что говоритъ съ огромной шапкой волосъ молодой человѣкъ въ поддевкѣ, а молодая рябоватая женщина, въ шерстяномъ платьѣ безъ рукавчиковъ и воротничковъ, сидитъ на диванѣ. Брата не видно было. У Константина больно сжалось сердце при мысли о томъ, въ средѣ какихъ чужихъ людей живетъ его братъ. Никто не услыхалъ его, и Константинъ, снимая калоши, прислушивался къ тому, что говорилъ господинъ въ поддевкѣ. Онъ говорилъ о какомъ-то предпріятіи.

— Ну, чортъ ихъ дери, привилегированные классы,—прокашливаясь проговорилъ голосъ брата.—Маша! добудь ты намъ поужинать и дай вина, если осталось, а то пошли.

Женщина встала, вышла за перегородку и увидала Константина.

— Какой-то баринъ, Николай Дмитричъ,—сказала она.

— Кого нужно? — сердито сказалъ голосъ Николая Левина.

— Это я,—отвѣчалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ.

— Кто *я?* — еще сердитѣе повторилъ голосъ Николая. Слышно было, какъ онъ быстро всталъ, зацѣпивъ за что-то, и Левинъ увидалъ передъ собой въ дверяхъ столь знакомую и все-таки поражающую своею дикостью и болѣзненностью огромную, худую, сутуловатую фигуру брата, съ его большими испуганными глазами.

Онъ былъ еще худѣе, чѣмъ три года тому назадъ, когда Константинъ Левинъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. На немъ былъ короткій сюртукъ. И руки, и широкія кости казались еще огромнѣе. Волосы стали рѣже, тѣ же прямые усы закрывали губы, тѣ же глаза странно и наивно смотрѣли на вошедшаго.

— А, Костя!—вдругъ проговорилъ онъ, узнавъ брата, и глаза его засвѣтились радостью. Но въ ту же секунду онъ оглянулся на молодаго человѣка и сдѣлалъ столь знакомое Константину судорожное движеніе головой и шеей, какъ будто галстукъ жалъ его; и совсѣмъ другое—дикое, страдальческое и жестокое выраженіе остановилось на его исхудаломъ лицѣ.

— Я писалъ и вамъ и Сергѣю Иванычу, что я васъ не знаю и не хочу знать. Что тебѣ, что вамъ нужно?

Онъ былъ совсѣмъ не такой, какимъ воображалъ его Константинъ. Самое тяжелое и дурное въ его характерѣ,—то, что дѣлало столь труднымъ общеніе съ нимъ,—было позабыто Константиномъ Левинымъ, когда онъ думалъ о немъ; и теперь, когда онъ увидѣлъ его лицо, въ особенности его судорожное поворачиваніе головы, онъ вспомнилъ все это.

— Мнѣ ни для чего не нужно видѣть тебя,—робко отвѣчалъ онъ,—я просто пріѣхалъ тебя видѣть.

Робость брата видимо смягчила Николая. Онъ дернулся губами.

— А, ты такъ?—сказалъ онъ.—Ну, входи, садись. Хочешь ужинать? Маша, три порціи принеси. Нѣтъ, постой. Ты знаешь, кто это? — обратился онъ къ брату, указывая на господина въ поддевкѣ:—это господинъ Крицкій, мой

другъ еще изъ Кіева, очень замѣчательный человѣкъ. Его, разумѣется, преслѣдуетъ полиція, потому что онъ не подлецъ.

И онъ оглянулся по своей привычкѣ на всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Увидавъ, что женщина, стоявшая въ дверяхъ, двинулась было идти, онъ крикнулъ ей: „Постой, я сказалъ". И съ тѣмъ неумѣньемъ, съ тою нескладностью разговора, которыя зналъ Константинъ, онъ, опять оглядывая всѣхъ, сталъ разсказывать брату исторію Крицкаго: какъ его выгнали изъ университета за то, что онъ завелъ общество вспоможенія бѣднымъ студентамъ и воскресныя школы, и какъ потомъ онъ поступилъ въ народную школу учителемъ, и какъ его оттуда также выгнали, и какъ потомъ судили за что-то.

— Вы Кіевскаго университета? — сказалъ Константинъ Левинъ Крицкому, чтобы прервать установившееся неловкое молчаніе.

— Да, Кіевскаго былъ,—насупившись, сердито проговорилъ Крицкій.

— А эта женщина,—перебилъ его Николай Левинъ, указывая на нее,—моя подруга жизни, Марья Николаевна. Я взялъ ее изъ дома...—и онъ дернулся шеей, говоря это. — Но люблю ее и уважаю, и всѣхъ кто меня хочетъ знать,—прибавилъ онъ, возвышая голосъ и хмурясь, — прошу любить и уважать ее. Она все равно, что моя жена, все равно. Такъ вотъ, ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если думаешь, что ты унизишься, такъ вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

И опять глаза его вопросительно обѣжали всѣхъ.

— Отчего же я унижусь, я не понимаю.

— Такъ вели, Маша, принести ужинать: три порціи, водки и вина... Нѣтъ, постой... Нѣтъ, не надо... Иди.

XXV.

— Такъ видишь,—продолжалъ Николай Левинъ, съ усиліемъ морща лобъ и подергиваясь.

Ему видимо трудно было сообразить—что сказать и сдѣлать.

— Вотъ видишь ли... —Онъ указалъ въ углу комнаты какіе-то желѣзные бруски, завязанные бичевками.—Видишь ли это? Это начало новаго дѣла, къ которому мы приступаемъ. Дѣло это есть производительная артель...

Константинъ почти не слушалъ. Онъ вглядывался въ его болѣзненное, чахоточное лицо, и все больше и больше ему жалко было его, и онъ не могъ заставить себя слушать то, что братъ разсказывалъ ему про артель. Онъ видѣлъ, что эта артель есть только якорь спасенія отъ презрѣнія къ самому себѣ. Николай Левинъ продолжалъ говорить:

— Ты знаешь, что капиталъ давитъ работника,—работники у насъ, мужики, несутъ всю тягость труда и поставлены такъ, что сколько бы они ни трудились, они не могутъ выдти изъ своего скотскаго положенія. Всѣ барыши заработной платы, на которые они могли бы улучшить свое положеніе, доставить себѣ досугъ и вслѣдствіе этого образованіе, всѣ излишки платы—отнимаются у нихъ капиталистами. И такъ сложилось общество, что чѣмъ больше они будутъ работать, тѣмъ больше будутъ наживаться купцы, землевладѣльцы, а они будутъ скоты рабочіе всегда.

И этотъ порядокъ нужно измѣнить,—кончилъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на брата.

— Да, разумѣется, — сказалъ Константинъ, вглядываясь въ румянецъ, выступившій подъ выдающимися костями щекъ брата.

— И мы вотъ устраиваемъ артель слесарную, гдѣ все производство, и барышъ, и главныя орудія производства— все будетъ общее.

— Гдѣ же будетъ артель? — спросилъ Константинъ Левинъ.

— Въ селѣ Воздремѣ, Казанской губерніи.

— Да отчего же въ селѣ? Въ селахъ, мнѣ кажется, и такъ дѣла много. Зачѣмъ въ селѣ слесарная артель?

— А затѣмъ, что мужики теперь такіе же рабы, какими были прежде, и отъ этого-то вамъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ и непріятно, что ихъ хотятъ вывести изъ этого рабства, — сказалъ Николай Левинъ, раздраженный возраженіемъ.

Константинъ Левинъ вздохнулъ, оглядывая въ это время комнату, мрачную и грязную. Этотъ вздохъ, казалось, еще болѣе раздражилъ Николая.

— Знаю ваши съ Сергѣемъ Ивановичемъ аристократическія воззрѣнія. Знаю, что онъ всѣ силы ума употребляетъ на то, чтобъ оправдать существующее зло.

— Нѣтъ, да къ чему ты говоришь о Сергѣѣ Ивановичѣ?— проговорилъ улыбаясь Левинъ.

— Сергѣй Иванычъ? А вотъ къ чему! — вдругъ при имени Сергѣя Ивановича вскрикнулъ Николай Левинъ, — вотъ къ чему... Да что говорить? Только одно... Для чего ты пріѣхалъ ко мнѣ? Ты презираешь это, и прекрасно,

и ступай съ Богомъ, ступай! — кричалъ онъ, вставая со стула,—и ступай, и ступай!

— Я нисколько не презираю, — робко сказалъ Константинъ Левинъ.— Я даже и не спорю.

Въ это время вернулась Марья Николаевна. Николай Левинъ сердито оглянулся на нее. Она быстро подошла къ нему и что-то прошептала.

— Я нездоровъ, я раздражителенъ сталъ,—проговорилъ, успокоиваясь и тяжело дыша, Николай Левинъ,—и потомъ, ты мнѣ говоришь о Сергѣ Иванычѣ и его статьѣ. Это такой вздоръ, такое вранье, такое самообманыванье. Что можетъ писать о справедливости человѣкъ, который ее не знаетъ? Вы читали его статью? — обратился онъ къ Крицкому, опять садясь къ столу и сдвигая съ него до половины насыпанныя папиросы, чтобъ опростать мѣсто.

— Я не читалъ, — мрачно сказалъ Крицкій, очевидно не хотѣвшій вступать въ разговоръ.

— Отчего?—съ раздраженіемъ обратился теперь къ Крицкому Николай Левинъ.

— Потому что не считаю нужнымъ терять на это время.

— То есть, позвольте, почему-жъ вы знаете, что вы потеряете время? Многимъ статья это недоступна, то-есть выше ихъ. Но я, другое дѣло, я вижу насквозь его мысли, и знаю, почему это слабо.

Всѣ замолчали. Крицкій медлительно всталъ и взялся за шапку.

— Не хотите ужинать? Ну, прощайте. Завтра приходите со слесаремъ.

Только-что Крицкій вышелъ, Николай Левинъ улыбнулся и подмигнулъ.

— Тоже плохъ,—проговорилъ онъ.—Вѣдь я вижу...

Но въ это время Крицкій въ дверяхъ позвалъ его.

— Что еще нужно?—сказалъ онъ и вышелъ къ нему въ корридоръ. Оставшись одинъ съ Марьей Николаевной, Левинъ обратился къ ней:

— А вы давно съ братомъ?—сказалъ онъ ей.

— Да вотъ ужъ второй годъ. Здоровье ихъ очень плохо стало. Пьютъ много,—сказала она.

— То-есть какъ пьетъ?

— Водку пьютъ, а имъ вредно.

— А развѣ много?—прошепталъ Левинъ.

— Да,—сказала она, робко оглядываясь на дверь, въ которой показался Николай Левинъ.

— О чемъ вы говорили?—сказалъ онъ, хмурясь и переводя испуганные глаза съ одного на другаго.—О чемъ?

— Ни о чемъ,—смутясь отвѣчалъ Константинъ.

— А не хотите говорить, какъ хотите. Только нечего тебѣ съ ней говорить. Она дѣвка, а ты баринъ,—проговорилъ онъ, подергиваясь шеей.—Ты, я вѣдь вижу, все понялъ и оцѣнилъ и съ сожалѣніемъ относишься къ моимъ заблужденіямъ,—заговорилъ онъ, опять возвышая голосъ.

— Николай Дмитричъ, Николай Дмитричъ,—прошептала опять Марья Николаевна, приближаясь къ нему.

— Ну, хорошо, хорошо!... Да что-жъ ужинъ? А, вотъ и онъ,—проговорилъ онъ, увидавъ лакея съ подносомъ.—Сюда, сюда ставь,—проговорилъ онъ сердито, и тотчасъ взялъ водку, налилъ рюмку и жадно выпилъ.—Выпей, хочешь?—обратился онъ къ брату, тотчасъ же повеселѣвъ.—Ну, будетъ о Сергѣѣ Иванычѣ. Я все-таки радъ тебя видѣть. Что тамъ ни толкуй, а все не чужіе. Ну, выпей же.

Разскажи, что ты дѣлаешь?—продолжалъ онъ, жадно пережевывая кусокъ хлѣба и наливая другую рюмку.—Какъ ты живешь?

— Живу одинъ въ деревнѣ, какъ жилъ прежде, занимаюсь хозяйствомъ, — отвѣчалъ Константинъ, съ ужасомъ вглядываясь въ жадность, съ которою братъ его пилъ и ѣлъ, и стараясь скрыть свое вниманіе.

— Отчего ты не женишься?

— Не пришлось,—покраснѣвъ отвѣчалъ Константинъ.

— Отчего? Мнѣ — кончено! Я свою жизнь испортилъ. Это я сказалъ и скажу, что еслибы мнѣ дали тогда мою часть, когда мнѣ она нужна была, вся жизнь моя была бы другая.

Константинъ поспѣшилъ отвести разговоръ.

— А ты знаешь, что твой Ванюшка у меня въ Покровскомъ конторщикомъ?—сказалъ онъ.

Николай дернулъ шеей и задумался.

— Да, разскажи мнѣ, что дѣлается въ Покровскомъ? Что, домъ все стоитъ, и березы, и наша классная? А Филиппъ, садовникъ, неужели живъ? Какъ я помню бесѣдку и диванъ!... Да смотри же, ничего не перемѣняй въ домѣ, но скорѣе женись, и опять заведи то же, что было. Я тогда пріѣду къ тебѣ, если твоя жена будетъ хорошая.

— Да пріѣзжай теперь ко мнѣ,—сказалъ Левинъ.—Какъ бы мы хорошо устроились!

— Я бы пріѣхалъ къ тебѣ, еслибы зналъ, что не найду Сергѣя Иваныча.

— Ты его не найдешь. Я живу совершенно независимо отъ него.

— Да, но какъ ни говори, ты долженъ выбрать между мною и имъ,—сказалъ онъ, робко глядя въ глаза брату.

Эта робость тронула Константина.

— Если хочешь знать всю мою исповѣдь въ этомъ отношеніи, я скажу тебѣ, что въ вашей ссорѣ съ Сергѣеемъ Иванычемъ я не беру ни той, ни другой стороны. Вы оба неправы. Ты неправъ болѣе внѣшнимъ образомъ, а онъ болѣе внутренно.

— А-а! Ты понялъ это, ты понялъ это?—радостно закричалъ Николай.

— Но я, лично, если ты хочешъ знать, больше дорожу дружбой съ тобой, потому что...

— Почему, почему?

Константинъ не могъ сказать, что онъ дорожитъ потому, что Николай несчастенъ и ему нужна дружба. Но Николай понялъ, что онъ хотѣлъ сказать именно это, и, нахмурившись, взялся опять за водку.

— Будетъ, Николай Дмитричъ!—сказала Марья Николаевна, протягивая пухлую обнаженную руку къ графинчику.

— Пусти! Не приставай! Прибью!—крикнулъ онъ.

Марья Николаевна улыбнулась кроткою и доброю улыбкой, которая сообщилась и Николаю, и приняла водку.

— Да ты думаешь, она ничего не понимаетъ?—сказалъ Николай:—она все это понимаетъ лучше всѣхъ насъ. Правда, что есть въ ней что-то хорошее, милое?

— Вы никогда не были прежде въ Москвѣ?—сказалъ ей Константинъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да не говори ей *вы*. Она этого боится. Ей никто, кромѣ мироваго судьи, когда ее судили за то, что она хотѣла уйдти изъ дома разврата, никто не говорилъ *вы*...

Боже мой, что это за безсмыслица на свѣтѣ!—вдругъ вскрикнулъ онъ,—Эти новыя учрежденія, эти мировые судьи, земство... что это за безобразіе!

И онъ началъ разсказывать свои столкновенія съ новыми учрежденіями.

Константинъ Левинъ слушалъ его, и то отрицаніе смысла во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, которое онъ раздѣлялъ съ нимъ и часто высказывалъ, было ему непріятно теперь изъ устъ брата.

— На томъ свѣтѣ поймемъ все это,—сказалъ онъ шутя.

— На томъ свѣтѣ? Охъ, не люблю я тотъ свѣтъ! Не люблю,—сказалъ онъ, остановивъ испуганные, дикіе глаза на лицѣ брата.—И вѣдь вотъ, кажется, что уйдти изо всей мерзости, путаницы—и чужой, и своей—хорошо бы было, а я боюсь смерти, ужасно боюсь смерти.—Онъ содрогнулся.—Да выпей что-нибудь. Хочешь шампанскаго? Или поѣдемъ куда-нибудь. Поѣдемъ къ цыганамъ! Знаешь, я очень полюбилъ цыганъ и русскія пѣсни.

Языкъ его сталъ мѣшаться и онъ пошелъ перескакивать съ одного предмета на другой. Константинъ съ помощью Маши уговорилъ его никуда не ѣздить и уложилъ спать совершенно пьянаго.

Маша обѣщала писать Константину въ случаѣ нужды и уговаривать Николая Левина пріѣхать жить къ брату.

XXVI.

Утромъ Константинъ Левинъ выѣхалъ изъ Москвы и къ вечеру пріѣхалъ домой. Дорогой, въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о новыхъ желѣзныхъ

дорогахъ, и, также какъ въ Москвѣ, его одолѣвала путаница понятій, недовольство собой, стыдъ передъ чѣмъ-то; но когда онъ вышелъ на своей станціи, узналъ криваго кучера Игната съ поднятымъ воротникомъ кафтана, когда увидалъ въ неяркомъ свѣтѣ, падающемъ изъ оконъ станціи, свои ковровыя сани, своихъ лошадей съ подвязанными хвостами, въ сбруѣ съ кольцами и мохрами, когда кучеръ Игнатъ, еще въ то время, какъ укладывались, разсказалъ ему деревенскія новости, о приходѣ рядчика и о томъ, что отелилась Пава,—онъ почувствовалъ, что понемногу путаница разъясняется и стыдъ, недовольство собой проходятъ. Это онъ почувствовалъ при одномъ видѣ Игната и лошадей; но когда онъ надѣлъ привезенный ему тулупъ, сѣлъ закутавшись въ сани и поѣхалъ, раздумывая о предстоящихъ распоряженіяхъ въ деревнѣ и поглядывая на пристяжную, бывшую верховою, донскую, надорванную, но лихую лошадь,—онъ совершенно иначе сталъ понимать то, что съ нимъ случилось. Онъ чувствовалъ себя собой и другимъ не хотѣлъ быть. Онъ хотѣлъ теперь быть только лучше, чѣмъ онъ былъ прежде. Вопервыхъ, съ этого дня онъ рѣшилъ, что не будетъ больше надѣяться на необыкновенное счастіе, какое ему должна была дать женитьба, и вслѣдствіе этого не будетъ такъ пренебрегать настоящимъ. Вовторыхъ, онъ уже никогда не позволитъ себѣ увлечься гадкою страстью, воспоминанье о которой такъ мучило его, когда онъ собирался сдѣлать предложеніе. Потомъ, вспоминая брата Николая, онъ рѣшилъ самъ съ собою, что никогда уже не позволитъ себѣ забыть его, будетъ слѣдить за нимъ и не выпустить его изъ виду, чтобы быть готовымъ на помощь, когда ему при-

дется плохо. А это будетъ скоро, онъ это чувствовалъ. Потомъ и разговоръ брата о коммунизмѣ, къ которому тогда онъ такъ легко отнесся, теперь заставилъ его задуматься. Онъ считалъ передѣлку экономическихъ условій вздоромъ; но онъ всегда чувствовалъ несправедливость своего избытка въ сравненіи съ бѣдностью народа, и теперь рѣшилъ про себя, что для того, чтобы чувствовать себя вполнѣ правымъ, хотя и прежде много работалъ и нероскошно жилъ, теперь будетъ еще больше работать и еще меньше будетъ позволять себѣ роскоши. И все это казалось ему такъ легко сдѣлать надъ собой, что всю дорогу онъ провелъ въ самыхъ пріятныхъ мечтаніахъ. Съ бодрымъ чувствомъ надежды на новую, лучшую жизнь, онъ въ девятомъ часу ночи подъѣхалъ къ своему дому.

Изъ оконъ комнаты Агаѳьи Михайловны, старой нянюшки, исполнявшей въ его домѣ роль экономки, падалъ свѣтъ на снѣгъ площадки передъ домомъ. Она не спала еще. Кузьма, разбуженный ею, сонный и босикомъ выбѣжалъ на крыльцо. Лягавая сука Ласка, чуть не сбивъ съ ногъ Кузьму, выскочила тоже и визжала, терлась объ его колѣни, поднималась, и хотѣла, и не смѣла положить переднія лапы ему на грудь.

— Скоро-жъ, батюшка, вернулись,—сказала Агаѳья Михайловна.

— Соскучился, Агаѳья Михайловна. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше,—отвѣчалъ онъ ей и прошелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ медленно освѣтился принесенною свѣчой. Выступили знакомыя подробности: оленьи рога, полки съ книгами, зеркало, печи съ отдушникомъ, который давно надо

было починить, отцовскій диванъ, большой столъ, на столѣ открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь съ его почеркомъ. Когда онъ увидалъ все это, на него нашло на минуту сомнѣніе въ возможности устроить ту новую жизнь, о которой онъ мечталъ дорогой. Всѣ эти слѣды его жизни какъ будто охватили его и говорили ему: „нѣтъ, ты не уйдешь отъ насъ и не будешь другимъ, а будешь такой же, каковъ былъ: съ сомнѣніями, вѣчнымъ недовольствомъ собой, напрасными попытками исправленія и паденіями и вѣчнымъ ожиданіемъ счастія, которое не далось и невозможно тебѣ“.

Но это говорили его вещи, другой же голосъ въ душѣ говорилъ, что не надо подчиняться прошедшему и что съ собой сдѣлать все возможно. И, слушаясь этого голоса, онъ подошелъ къ углу, гдѣ у него стояли двѣ пудовыя гири, и сталъ гимнастически поднимать ихъ, стараясь привести себя въ состояніе бодрости. За дверью заскрипѣли шаги. Онъ поспѣшно поставилъ гири.

Вошелъ прикащикъ и сказалъ, что все слава Богу благополучно, но сообщилъ, что греча въ новой сушилкѣ подгорѣла. Извѣстіе это раздражило Левина. Новая сушилка была выстроена и частью придумана Левинымъ. Прикащикъ былъ всегда противъ этой сушилки и теперь со скрытымъ торжествомъ объявлялъ, что греча подгорѣла. Левинъ же былъ твердо убѣжденъ, что если она подгорѣла, то потому только, что не были приняты тѣ мѣры, о которыхъ онъ сотни разъ приказывалъ. Ему стало досадно, и онъ сдѣлалъ выговоръ прикащику. Но было одно важное и радостное событіе: отелилась Пава, лучшая, дорогая, купленная съ выставки корова.

— Кузьма, дай тулупъ. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну,—сказалъ онъ прикащику.

Скотная для дорогихъ коровъ была сейчасъ за домомъ. Пройдя черезъ дворъ мимо сугроба у сирени, онъ подошелъ къ скотной. Пахнуло навознымъ теплымъ паромъ, когда отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивленныя непривычнымъ свѣтомъ фонаря, зашевелились на свѣжей соломѣ. Мелькнула гладкая, чернопѣгая, широкая спина голландки. Беркутъ, быкъ, лежалъ съ своимъ кольцомъ въ губѣ и хотѣлъ было встать, но раздумалъ, и только пыхнулъ раза два, когда проходили мимо. Красная красавица, громадная какъ гиппопотамъ, Пава, повернувшись задомъ, заслоняла отъ входившихъ теленка и обнюхивала его.

Левинъ вошелъ въ денникъ, оглядѣлъ Паву и поднялъ краснопѣгаго теленка на его шаткія длинныя ноги. Взволнованная Пава замычала было, но успокоилась, когда Левинъ подвинулъ къ ней телку, и, тяжело вздохнувъ, стала лизать ее шаршавымъ языкомъ. Телка, отыскивая, подталкивала носомъ подъ пахъ свою мать и крутила хвостикомъ.

— Да сюда посвѣти, Ѳедоръ, сюда фонарь,—говорилъ Левинъ, оглядывая телку.—Въ мать! Даромъ, что мастью въ отца. Очень хороша. Длинна и пашиста, Василій Ѳедоровичъ, вѣдь хороша?—обращался онъ къ прикащику, совершенно примиряясь съ нимъ за гречу подъ вліяніемъ радости за телку.

— Въ кого же дурной быть? А Семенъ рядчикъ на другой день вашего отъѣзда пришелъ. Надо будетъ порядиться

съ нимъ, Константинъ Дмитричъ,— сказалъ прикащикъ.— Я вамъ прежде докладывалъ про машину.

Одинъ этотъ вопросъ ввелъ Левина во всѣ подробности хозяйства, которое было большое и сложное, и онъ прямо изъ коровника пошелъ въ контору и, поговоривъ съ прикащикомъ и съ Семеномъ рядчикомъ, вернулся домой и прямо прошелъ на верхъ въ гостиную.

XXVII.

Домъ былъ большой, старинный, и Левинъ, хотя жилъ одинъ, но топилъ и занималъ весь домъ. Онъ зналъ, что это было глупо, зналъ, что это даже нехорошо и противно теперешнимъ новымъ планамъ, но домъ этотъ былъ цѣлый міръ для Левина. Это былъ міръ, въ которомъ жили и умерли его отецъ и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеаломъ всякаго совершенства и которую онъ мечталъ возобновить съ своею женой, съ своею семьей.

Левинъ едва помнилъ свою мать. Понятіе о ней было для него священнымъ воспоминаніемъ, и будущая жена его должна была быть въ его воображеніи повтореніемъ того прелестнаго, святаго идеала женщины, какимъ была его мать.

Любовь къ женщинѣ онъ не только не могъ себѣ представить безъ брака, но онъ прежде представлялъ себѣ семью, а потомъ уже ту женщину, которая дастъ ему семью. Его понятія о женитьбѣ поэтому не были похожи на понятія большинства его знакомыхъ, для которыхъ женитьба была однимъ изъ многихъ общежитейскихъ дѣлъ;

для Левина это было главнымъ дѣломъ жизни, отъ котораго зависѣло все его счастіе. И теперь отъ этого нужно было отказаться.

Когда онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ всегда пилъ чай, и усѣлся въ своемъ креслѣ съ книгою, а Агаѳья Михайловна принесла ему чаю и со своимъ обычнымъ: „А я сяду, батюшка“, сѣла на стулъ у окна, онъ почувствовалъ, что, какъ ни странно это было, онъ не разстался съ своими мечтами, и что онъ безъ нихъ жить не можетъ. Съ ней ли, съ другою ли, но это будетъ. Онъ читалъ книгу, думалъ о томъ, что̀ читалъ, останавливаясь, чтобы слышать Агаѳью Михайловну, которая безъ устали болтала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разныя картины хозяйства и будущей семейной жизни безъ связи представлялись его воображенію. Онъ чувствовалъ, что въ глубинѣ его души что-то устанавливалось, умѣрялось и укладывалось.

Онъ слушалъ разговоръ Агаѳьи Михайловны о томъ, какъ Прохоръ Бога забылъ и на тѣ деньги, что ему подарилъ Левинъ, чтобы лошадь купить, пьетъ безъ просыпу, и жену избилъ до-смерти; онъ слушалъ и читалъ книгу, и вспоминалъ весь ходъ своихъ мыслей, возбужденныхъ чтеніемъ. Это была книга Тиндаля о теплотѣ. Онъ вспоминалъ свои осужденія Тиндалю за его самодовольство въ ловкости производства опытовъ, и за то, что ему не достаетъ философскаго взгляда. И вдругъ всплывала радостная мысль: „Черезъ два года будутъ у меня въ стадѣ двѣ голландки, сама Пава еще можетъ быть жива, двѣнадцать молодыхъ Беркутовыхъ дочерей, да подсыпать на казовый конецъ этихъ трехъ—чудо!“ Онъ опять взялся за книгу. „Ну, хорошо, электичество и теплота одно и

то же; но возможно ли въ уравненіи для рѣшенія вопроса поставить одну величину вмѣсто другой? Нѣтъ. Ну, такъ что же? Связь между всѣми силами природы и такъ чувствуется инстинктомъ... Особенно пріятно, какъ Павина дочь будетъ уже краснопѣгою коровой, и все стадо, въ которое подсыпать этихъ трехъ... Отлично! Выдти съ женой и гостями встрѣчать стадо... Жена скажетъ: мы съ Костей какъ ребенка выхаживали эту телку.—Какъ это можетъ васъ такъ интересовать? скажетъ гость.—Все, что его интересуетъ, интересуетъ меня... Но кто она?" И онъ вспоминалъ то, что произошло въ Москвѣ... „Ну что же дѣлать?... Я не виноватъ. Но теперь все пойдетъ по-новому. Это вздоръ, что не допуститъ жизнь, что прошедшее не допуститъ. Надо биться, чтобы лучше, гораздо лучше жить..." Онъ приподнялъ голову и задумался. Старая Ласка, еще не совсѣмъ переварившая радость его пріѣзда и бѣгавшая, чтобы полаять на дворѣ, вернулась, махая хвостомъ и внося съ собою запахъ воздуха, подошла къ нему, подсунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая и требуя, чтобъ онъ поласкалъ ее.

— Только не говоритъ,—сказала Агаѳья Михайловна.— А песъ... Вѣдь понимаетъ же, что хозяинъ пріѣхалъ и ему скучно.

— Отчего же скучно?

— Да развѣ я не вижу, батюшка? Пора мнѣ господъ знать. Сызмальства въ господахъ выросла. Ничего, батюшка. Было бы здоровье да совѣсть чиста.

Левинъ пристально смотрѣлъ на нее, удивляясь тому, какъ она поняла его мысли.

— Что жъ, принесть еще чайку? — сказала она и, взявъ чашку, вышла.

Ласка все подсовывала голову подъ его руку. Онъ погладилъ ее, и она тутъ же у ногъ его свернулась кольцомъ, положивъ голову на высунувшуюся заднюю лапу. И въ знакъ того, что теперь все хорошо и благополучно, она слегка раскрыла ротъ, почмокала губами и, лучше уложивъ около старыхъ зубъ липкія губы, затихла въ блаженномъ спокойствіи. Левинъ внимательно слѣдилъ за этимъ послѣднимъ ея движеніемъ.

— Такъ-то и я!—сказалъ онъ себѣ. —Такъ-то и я! Ничего... Все хорошо.

XXVIII.

Послѣ бала, рано утромъ, Анна Аркадьевна послала мужу телеграмму о своемъ выѣздѣ изъ Москвы въ тотъ же день.

— Нѣтъ, мнѣ надо, надо ѣхать,—объясняла она невѣсткѣ перемѣну своего намѣренія такимъ тономъ, какъ будто она вспомнила столько дѣлъ, что не перечтешь: — нѣтъ, ужъ лучше нынче!

Степанъ Аркадьевичъ не обѣдалъ дома, но обѣщалъ пріѣхать проводить сестру въ семь часовъ.

Кити тоже не пріѣхала, прославъ записку, что у нея голова болитъ. Долли и Анна обѣдали однѣ съ дѣтьми и англичанкой. Потому ли, что дѣти не постоянны, или очень чутки и почувствовали, что Анна въ этотъ день совсѣмъ не такая, какъ въ тотъ, когда они такъ полюбили ее, что она уже не занята ими, — но только они вдругъ пре-

кратили свою игру съ теткой и любовь къ ней, и ихъ совершенно не занимало то, что она уѣзжаетъ. Анна все утро была занята приготовленіями къ отъѣзду. Она писала записки къ московскимъ знакомымъ, записывала свои счеты и укладывалась. Вообще Долли казалось, что она не въ спокойномъ духѣ, а въ томъ духѣ заботы, который Долли хорошо знала за собой и который находитъ не безъ причины и большею частью прикрываетъ недовольство собою. Послѣ обѣда Анна пошла одѣваться въ свою комнату и Долли пошла за ней.

— Какая ты нынче странная!—сказала ей Долли.

— Я?... Ты находишь? Я не странная, но я дурная. Это бываетъ со мной. Мнѣ все хочется плакать. Это очень глупо, но это проходитъ, — сказала быстро Анна и нагнула покраснѣвшее лицо къ игрушечному мѣшочку, въ который она укладывала ночной чепчикъ и батистовые платки. Глаза ея особенно блестѣли и безпрестанно подергивались слезами. — Такъ мнѣ изъ Петербурга не хотѣлось уѣзжать, а теперь отсюда не хочется.

— Ты пріѣхала сюда и сдѣлала доброе дѣло, — сказала Долли, внимательно высматривая ее.

Анна посмотрѣла на нее мокрыми отъ слезъ глазами.

— Не говори этого, Долли. Я ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать. Я часто удивляюсь, зачѣмъ люди сговорились портить меня. Что я сдѣлала и что могла сдѣлать? У тебя въ сердцѣ нашлось столько любви, чтобы простить...

— Безъ тебя, Богъ знаетъ, что̀ бы было! Какая ты счастливая, Анна,—сказали Долли.—У тебя все въ душѣ ясно и хорошо.

— У каждаго есть въ душѣ свои skeletons, какъ говорять англичане.

— Какой же у тебя skeleton? У тебя все такъ ясно.

— Есть! — вдругъ сказала Анна и, неожиданно послѣ слезъ, хитрая, смѣшливая улыбка сморщилла ея губы.

— Ну, такъ онъ смѣшной, твой skeleton, а не мрачный,— улыбаясь сказала Долли.

— Нѣтъ, мрачный. Ты знаешь, отчего я ѣду нынче, а не завтра? Это признаніе, которое меня давило, я хочу тебѣ его сдѣлать, — сказала Анна, рѣшительно откидываясь на креслѣ и глядя прямо въ глаза Долли.

И, къ удивленію своему, Долли увидала, что Анна покраснѣла до ушей, до вьющихся черныхъ косицъ на шеѣ.

— Да,—продолжала Анна.— Ты знаешь, отчего Кити не пріѣхала обѣдать? Она ревнуетъ ко мнѣ. Я испортила... я была причиною того, что балъ этотъ былъ для нея мученьемъ, а не радостью. Но, право, право, я не виновата, или виновата немножко, — сказала она, тонкимъ голосомъ протянувъ слово „немножко".

— О, какъ ты это похоже сказала на Стиву, — смѣясь сказала Долли.

Анна оскорбилась.

— О нѣтъ, о нѣтъ! Я не Стива,—сказала она хмурясь.— Я оттого говорю тебѣ, что я ни на минуту даже не позволяю себѣ сомнѣваться въ себѣ,—сказала Анна.

Но въ ту минуту, когда она выговаривала эти слова, она чувствовала, что они несправедливы; она не только сомнѣвалась въ себѣ, она чувствовала волненіе при мысли о Вронскомъ и уѣзжала скорѣе, чѣмъ хотѣла, только для того, чтобы больше не встрѣчаться съ нимъ.

— Да, Стива мнѣ говорилъ, что ты съ нимъ танцовала мазурку и что онъ...

— Ты не можешь себѣ представить, какъ это смѣшно вышло. Я только думала сватать, и вдругъ совсѣмъ другое... Можетъ-быть я противъ воли ..

Она покраснѣла и остановилась.

— О, они это сейчасъ чувствуютъ!—сказала Долли.

— Но я была бы въ отчаяніи, еслибы тутъ было что-нибудь серьёзное съ его стороны,—перебила ее Анна.—И я увѣрена, что это все забудется, и Кити перестанетъ меня ненавидѣть.

— Впрочемъ, Анна, по правдѣ тебѣ сказать, я не очень желаю для Кити этого брака. И лучше, чтобъ это разошлось, если онъ, Вронскій, могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день.

— Ахъ, Боже мой, это было бы такъ глупо!—сказала Анна, и опять густая краска удовольствія выступила на ея лицѣ, когда она услыхала занимавшую ее мысль, выговоренную словами.—Такъ вотъ я и уѣзжаю, сдѣлавъ себѣ врага въ Кити, которую я такъ полюбила. Ахъ, какая она милая! Но ты поправишь это, Долли, да?

Долли едва могла удерживать улыбку. Она любила Анну, но ей пріятно было видѣть, что и у ней есть слабости.

— Врага?... Это не можетъ быть.

— Я такъ бы желала, чтобы вы всѣ меня любили, какъ я васъ люблю; а теперь я еще больше полюбила васъ,—сказала Анна со слезами на глазахъ.—Ахъ, какъ я нынче глупа!

Она провела платкомъ по лицу и стала одѣваться.

Уже передъ самымъ отъѣздомъ пріѣхалъ опоздавшій Сте-

панъ Аркадьевичъ, съ краснымъ, веселымъ лицомъ и запахомъ вина и сигары.

Чувствительность Анны сообщилась и Долли, и, когда она въ послѣдній разъ обняла золовку, она прошептала:—Помни, Анна: что ты для меня сдѣлала, я никогда не забуду. И помни, что я любила и всегда буду любить тебя, какъ лучшаго друга!

— Я не понимаю, за что,—проговорила Анна, цѣлуя ее и скрывая слезы.

— Ты меня поняла и понимаешь. Прощай, моя прелесть!

XXIX.

„Ну, все конечно, и слава Богу!“ была первая мысль, пришедшая Аннѣ Аркадьевнѣ, когда она простилась въ послѣдній разъ съ братомъ, который до третьяго звонка загораживалъ собою дорогу въ вагонѣ. Она сѣла на свой диванчикъ, рядомъ съ Аннушкой, и оглядѣлась въ полусвѣтѣ спальнаго вагона. „Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексѣя Александровича, и пойдетъ моя жизнь, хорошая и привычная, по старому“.

Все въ томъ же духѣ озабоченности, въ которомъ она находилась весь этотъ день, Анна съ удовольствіемъ и отчетливостью устроилась въ дорогу; своими маленькими ловкими руками она отперла и заперла красный мѣшочекъ, достала подушечку, положила себѣ на колѣни и, аккуратно закутавъ ноги, спокойно усѣлась. Больная дама укладывалась уже спать. Двѣ другія дамы заговаривали съ Анной, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замѣчанія о топкѣ. Анна отвѣтила нѣсколько словъ дамамъ,

но, не предвидя интереса отъ разговора, попросила Аннушку достать фонарикъ, прицѣпила его къ ручкѣ кресла и взяла изъ своей сумочки разрѣзной ножикъ и англійскій романъ. Первое время ей не читалось. Сначала мѣшали возня и ходьба; потомъ, когда тронулся поѣздъ, нельзя было не прислушаться къ звукамъ; потомъ снѣгъ, бившій въ лѣвое окно и налипавшій на стекло, и видъ закутаннаго, мимо прошедшаго кондуктора, занесеннаго снѣгомъ, съ одной стороны, и разговоры о томъ, какая теперь страшная метель на дворѣ, развлекали ея вниманіе. Далѣе все было то же и то же: та же тряска съ постукиваньемъ, тотъ же снѣгъ въ окно, тѣ же быстрые переходы отъ пароваго жара къ холоду и опять къ жару, то же мельканіе тѣхъ же лицъ въ полумракѣ и тѣ же голоса, и Анна стала читать и понимать читаемое. Аннушка уже дремала, держа красный мѣшочекъ на колѣняхъ широкими руками въ перчаткахъ, изъ которыхъ одна была прорвана. Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей непріятно было читать, то есть слѣдить за отраженіемъ жизни другихъ людей. Ей слишкомъ самой хотѣлось жить. Читала ли она, какъ героиня романа ухаживала за больнымъ, ей хотѣлось ходить неслышными шагами по комнатѣ больнаго; читала ли она о томъ, какъ членъ парламента говорилъ рѣчь, ей хотѣлось говорить эту рѣчь; читала ли она о томъ, какъ леди Мери ѣхала верхомъ за стаей и дразнила невѣстку и удивляла всѣхъ своею смѣлостью, ей хотѣлось это дѣлать самой. Но дѣлать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкій ножичекъ, усиливалась читать.

Герой романа уже началъ достигать своего англійскаго

счастія, баронетства и имѣнія, и Анна желала съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ это имѣніе, какъ вдругъ она почувствовала, что ему должно быть стыдно, и что ей стыдно этого самаго. Но чего же ему стыдно? „Чего же мнѣ стыдно?“ спросила она себя съ оскорбленнымъ удивленіемъ. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крѣпко сжавъ въ обѣихъ рукахъ разрѣзной ножикъ. Стыднаго ничего не было. Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспомнила балъ, вспомнила Вронскаго и его влюбленное, покорное лицо, вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ: ничего не было стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ, на этомъ самомъ мѣстѣ воспоминаній, чувство стыда усиливалось, какъ будто какой-то внутренній голосъ именно тутъ, когда она вспомнила о Вронскомъ, говорилъ ей: „тепло, очень тепло, горячо“. „Ну, что же? — сказала она себѣ рѣшительно, пересаживаясь въ креслѣ. — Что же это значитъ? Развѣ я боюсь взглянуть прямо на это? Ну, что же? Неужели между мной и этимъ офицеромъ-мальчикомъ существуютъ и могутъ существовать какія-нибудь другія отношенія, кромѣ тѣхъ, какія бываютъ съ каждымъ знакомымъ?“ Она презрительно усмѣхнулась и опять взялась за книгу; но уже рѣшительно не могла понимать того, что читала. Она провела разрѣзнымъ ножомъ по стеклу, потомъ приложила его гладкую и холодную поверхность къ щекѣ и чуть вслухъ не засмѣялась отъ радости, вдругъ безпричинно овладѣвшей ею. Она чувствовала, что нервы ея, какъ струны, натягиваются все туже и туже на какіе-то завинчивающіеся колышки. Она чувствовала, что глаза ея раскрываются больше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно

движутся, что внутри что-то давитъ дыханіе и что всѣ образы и звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ необычайною яркостью поражаютъ ее. На нее безпрестанно находили минуты сомнѣнія, впередъ ли ѣдетъ вагонъ, или назадъ, или вовсе стоитъ. Аннушка ли подлѣ нея, или чужая? „Что тамъ, на ручкѣ, шуба ли это, или звѣрь? И что сама я тутъ? Я сама, или другая?“ Ей страшно было отдаваться этому забытью. Но что-то втягивало ее въ него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться. Она поднялась, чтобъ опомниться, откинула пледъ и сняла пелерину теплаго платья. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедшій худой мужикъ, въ длинномъ нанковомъ пальто, на которомъ не доставало пуговицы, былъ истопникъ, что онъ смотрѣлъ термометръ, что вѣтеръ и снѣгъ ворвались за нимъ въ дверь; но потомъ опять все смѣшалось... Мужикъ этотъ съ длинною таліей принялся грызть что-то въ стѣнѣ, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его чернымъ облакомъ; потомъ что то страшно заскрипѣло и застучало, какъ будто раздирали кого-то, потомъ красный огонь ослѣпилъ глаза и потомъ все закрылось стѣной. Анна почувствовала, что она провалилась. Но все это было не страшно, а весело. Голосъ окутаннаго и занесеннаго снѣгомъ человѣка прокричалъ что-то ей надъ ухомъ. Она поднялась и опомнилась; она поняла, что подъѣхали къ станціи, и что это былъ кондукторъ. Она попросила Аннушку подать ей снятую пелерину и платокъ, надѣла ихъ и направилась къ двери.

— Выходить изволите?—спросила Аннушка.

— Да, мнѣ подышать хочется. Тутъ очень жарко.

И она отворила дверь. Метель и вѣтеръ рванулись ей навстрѣчу и заспорили съ ней о двери. И это ей показалось весело. Она отворила дверь и вышла. Вѣтеръ какъ будто только ждалъ ее, радостно засвисталъ и хотѣлъ подхватить и унести ее, но она рукой взялась за холодный столбикъ и, придерживая платье, спустилась на платформу и зашла за вагонъ. Вѣтеръ былъ силенъ на крылечкѣ; но на платформѣ за вагонами было затишье. Съ наслажденіемъ, полною грудью, она вдыхала въ себя снѣжный морозный воздухъ и, стоя подлѣ вагона, оглядывала платформу и освѣщенную станцію.

XXX.

Страшная буря рвалась и свистѣла между колесами вагоновъ по столбамъ изъ-за угла станціи. Вагоны, столбы, люди—все, что было видно—было занесено съ одной стороны снѣгомъ и заносилось все больше и больше. На мгновенье буря затихла; но потомъ опять налетала такими порывами, что, казалось, нельзя было противостоять ей. Между тѣмъ какіе-то люди бѣгали, весело переговариваясь, скрипя по доскамъ платформы и безпрестанно створяя и затворяя большія двери. Согнутая тѣнь человѣка проскользнула подъ ея ногами и послышались звуки молотка по желѣзу. „Депешу дай!“—раздался сердитый голосъ съ другой стороны изъ бурнаго мрака. „Сюда пожалуйте, № 28!“ кричали еще разные голоса, и, занесенные снѣгомъ, пробѣгали обвязанные люди. Какіе-то два господина, съ огнемъ папиросъ во рту, прошли мимо нея. Она вздохнула еще разъ, чтобы надышаться, и уже вы-

нула руку изъ муфты, чтобы взяться за столбикъ и войдти въ вагонъ, какъ еще человѣкъ въ военномъ пальто, подлѣ нея самой, заслонилъ ей колеблющійся свѣтъ фонаря. Она оглянулась, и въ ту же минуту узнала лицо Вронскаго. Приложивъ руку къ козырьку, онъ наклонился передъ ней и спросилъ, не нужно ли ей чего-нибудь, не можетъ ли онъ служить ей. Она довольно долго, ничего не отвѣчая, вглядывалась въ него, и, несмотря на тѣнь, въ которой онъ стоялъ, видѣла или ей казалось, что видѣла, и выраженіе его лица и глазъ. Это было опять то выраженіе почтительнаго восхищенія, которое такъ подѣйствовало на нее вчера. Не разъ говорила она себѣ эти послѣдніе дни и сейчасъ только, что Вронскій для нея одинъ изъ сотенъ вѣчно однихъ и тѣхъ же, повсюду встрѣчаемыхъ молодыхъ людей, что она никогда не позволитъ себѣ и думать о немъ; но теперь, въ первое мгновеніе встрѣчи съ нимъ, ее охватило чувство радостной гордости. Ей не нужно было спрашивать, зачѣмъ онъ тутъ. Она знала это такъ же вѣрно, какъ еслибъ онъ сказалъ ей, что онъ тутъ для того, чтобы быть тамъ, гдѣ она.

— Я не знала, что вы ѣдете. Зачѣмъ вы ѣдете? — сказала она, опустивъ руку, которою взялась было за столбикъ. И неудержимая радость и оживленіе сіяли на ея лицѣ.

— Зачѣмъ я ѣду? — повторилъ онъ, глядя ей прямо въ глаза. — Вы знаете, я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы, — сказалъ онъ, — я не могу иначе.

И въ это же время, какъ бы одолѣвъ препятствія, вѣтеръ посыпалъ снѣгъ съ крышъ вагоновъ, затрепалъ какимъ-то желѣзнымъ оторваннымъ листомъ, и впереди, плачевно и мрачно, заревѣлъ густой свистокъ паровоза. Весь

ужасъ метели показался ей еще болѣе прекрасенъ теперь. Онъ сказалъ то самое, чего желала ея душа, но чего она боялась разсудкомъ. Она ничего не отвѣчала, и на лицѣ ея онъ видѣлъ борьбу.

— Простите меня, если вамъ непріятно то, что я сказалъ,—заговорилъ онъ покорно.

Онъ говорилъ учтиво, почтительно, но такъ твердо и упорно, что она долго не могла ничего отвѣтить.

— Это дурно, что вы говорите, и я прошу васъ, если вы хорошій человѣкъ, забудьте, что вы сказали, какъ и я забуду,—сказала она наконецъ.

— Ни одного слова вашего, ни одного движенія вашего я не забуду никогда и не могу...

— Довольно, довольно! — вскрикнула она, тщетно стараясь придать строгое выраженіе своему лицу, въ которое онъ жадно всматривался. И, взявшись рукой за холодный столбикъ, она поднялась на ступеньки и быстро вошла въ сѣни вагона. Но въ этихъ маленькихъ сѣняхъ она остановилась, обдумывая въ своемъ воображеніи то, что было. Не вспоминая ни своихъ, ни его словъ, она чувствомъ поняла, что этотъ минутный разговоръ страшно сблизилъ ихъ; и она была испугана и счастлива этимъ. Постоявъ нѣсколько секундъ, она вошла въ вагонъ и сѣла на свое мѣсто. То напряженное состояніе, которое ее мучило сначала, не только возобновилось, но усилилось и дошло до того, что она боялась, что всякую минуту порвется въ ней что-то слишкомъ натянутое. Она не спала всю ночь. Но въ томъ напряженіи и тѣхъ грёзахъ, которыя наполняли ея воображеніе, не было ничего непріятнаго и мрачнаго; напротивъ, было что-то радостное, жгучее и возбуждающее. Къ утру

Анна задремала, сидя въ креслѣ, и когда проснулась, то уже было бѣло, свѣтло, и поѣздъ подходилъ къ Петербургу. Тотчасъ же мысли о домѣ, о мужѣ, о сынѣ и заботы предстоящаго дня и слѣдующихъ обступили ее.

Въ Петербургѣ, только-что остановился поѣздъ и она вышла, первое лицо, обратившее ея вниманіе, было лицо мужа. „Ахъ, Боже мой! отчего у него стали такія уши?“— подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру и, особенно, на поразившіе ее теперь хрящи ушей, подпиравшіе поля круглой шляпы. Увидавъ ее, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, сложивъ губы въ привычную ему насмѣшливую улыбку и прямо глядя на нее большими усталыми глазами. Какое-то непріятное чувство щемило ей сердце, когда она встрѣтила его упорный и усталый взглядъ, какъ будто она ожидала увидѣть его другимъ. Въ особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрѣчѣ съ нимъ. Чувство то было домашнее, знакомое чувство, похожее на состояніе притворства, которое она испытывала въ отношеніяхъ къ мужу; но прежде она не замѣчала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его.

— Да, какъ видишь, нѣжный мужъ,—нѣжный, какъ на другой годъ женитьбы,—сгоралъ желаніемъ увидѣть тебя,— сказалъ онъ своимъ медлительнымъ тонкимъ голосомъ и тѣмъ тономъ, который онъ всегда почти употреблялъ съ ней, тономъ насмѣшки надъ тѣмъ, кто бы въ самомъ дѣлѣ такъ говорилъ.

— Серёжа здоровъ?—спросила она.

— И это вся награда,—сказалъ онъ,—за мою пылкость? Здоровъ, здоровъ...

XXXI.

Вронскій и не пытался заснуть всю эту ночь. Онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, то прямо устремивъ глаза впередъ себя, то оглядывая входившихъ и выходившихъ, и, если и прежде онъ поражалъ и волновалъ незнакомыхъ ему людей своимъ видомъ непоколебимаго спокойствія, то теперь онъ еще болѣе казался гордъ и самодовлѣющъ. Онъ смотрѣлъ на людей какъ на вещи. Молодой нервный человѣкъ, служащій въ окружномъ судѣ, сидѣвшій противъ него, возненавидѣлъ его за этотъ видъ. Молодой человѣкъ и закуривалъ у него, и заговаривалъ съ нимъ, и даже толкалъ его, чтобы дать ему почувствовать, что онъ не вещь, а человѣкъ, но Вронскій смотрѣлъ на него все такъ же, какъ на фонарь, и молодой человѣкъ гримасничалъ, чувствуя, что онъ теряетъ самообладаніе подъ давленіемъ этого непризнаванія его человѣкомъ.

Вронскій ничего и никого не видалъ. Онъ чувствовалъ себя царемъ, не потому, чтобъ онъ вѣрилъ, что произвелъ впечатлѣніе на Анну,—онъ еще не вѣрилъ этому,—но потому, что впечатлѣніе, которое она произвела на него, давало ему счастіе и гордость.

Что изъ этого всего выйдетъ, онъ не зналъ и даже не думалъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ его доселѣ распущенныя, разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшною энергіей были направлены къ одной блаженной цѣли. И онъ былъ счастливъ этимъ. Онъ зналъ только, что сказалъ ей правду, что онъ ѣхалъ туда, гдѣ была она, что все счастіе жизни, единственный смыслъ жизни

онъ находилъ теперь въ томъ, чтобы видѣть и слышать ее. И когда онъ вышелъ изъ вагона въ Бологовѣ, чтобы выпить сельтерской воды, и увидалъ Анну, невольно первое слово его сказало ей то самое, что онъ думалъ. И онъ радъ былъ, что сказалъ ей это, что она знаетъ теперь это и думаетъ объ этомъ. Онъ не спалъ всю ночь. Вернувшись въ свой вагонъ, онъ не переставая перебиралъ всѣ положенія, въ которыхъ ее видѣлъ, всѣ ея слова, и въ его воображеніи, заставляя замирать сердце, носились картины возможнаго будущаго.

Когда въ Петербургѣ онъ вышелъ изъ вагона, онъ чувствовалъ себя послѣ безсонной ночи оживленнымъ и свѣжимъ, какъ послѣ холодной ванны. Онъ остановился у своего вагона, ожидая ея выхода. „Еще разъ увижу,—говорилъ онъ себѣ, невольно улыбаясь,—увижу ея походку, ея лицо; скажетъ что-нибудь, поворотитъ голову, взглянетъ, улыбнется можетъ-быть“. Но прежде еще, чѣмъ онъ увидалъ ее, онъ увидалъ ея мужа, котораго начальникъ станціи учтиво проводилъ между толпою. „Ахъ, да! Мужъ“. Теперь только въ первый разъ Вронскій ясно понялъ то, что мужъ былъ связанное съ нею лицо. Онъ зналъ, что у ней есть мужъ, но не вѣрилъ въ существованіе его, и повѣрилъ въ него вполнѣ только когда увидалъ его, съ его головой, плечами и ногами въ черныхъ панталонахъ, въ особенности когда онъ увидалъ, какъ этотъ мужъ, съ чувствомъ собственности, спокойно взялъ ея руку.

Увидѣвъ Алексѣя Александровича съ его петербургски-свѣжимъ лицомъ и строго-самоувѣренною фигурой, въ круглой шляпѣ, съ немного выдающейся спиной, онъ повѣрилъ въ него и испыталъ непріятное чувство, подобное

тому, какое испыталъ бы человѣкъ мучимый жаждою, добравшійся до источника и находящій въ этомъ источникѣ собаку, овцу или свинью, которая и выпила, и взмутила воду. Походка Алексѣя Александровича, ворочавшаго всѣмъ тазомъ и тупыми ногами, особенно оскорбляла Вронскаго. Онъ только за собой признавалъ несомнѣнное право любить ее. Но она была все та же, и видъ ея все такъ же, физически оживляя, возбуждая и наполняя счастіемъ его душу, подѣйствовалъ на него. Онъ приказалъ подбѣжавшему къ нему изъ втораго класса нѣмцу-лакею взять вещи и ѣхать, а самъ подошелъ къ ней. Онъ видѣлъ первую встрѣчу мужа съ женою и замѣтилъ съ проницательностью влюбленнаго признакъ легкаго стѣсненія, съ которымъ она говорила съ мужемъ. „Нѣтъ, она не любитъ и не можетъ любить его“, рѣшилъ онъ самъ съ собою.

Еще въ то время, какъ онъ подходилъ къ Аннѣ Аркадьевнѣ сзади, онъ замѣтилъ съ радостью, что она чувствовала его приближеніе, и оглянулась было, но, узнавъ его, опять обратилась къ мужу.

— Хорошо ли вы провели ночь?—сказалъ онъ, наклоняясь передъ нею и передъ мужемъ вмѣстѣ и предоставляя Алексѣю Александровичу принять этотъ поклонъ на свой счетъ и узнать его или не узнать, какъ ему будетъ угодно.

— Благодарю васъ, очень хорошо,—отвѣчала она.

Лицо ея казалось усталымъ и не было на немъ той игры просившагося то въ улыбку, то въ глаза оживленія; но на одно мгновеніе, при взглядѣ на него, что-то мелькнуло въ ея глазахъ, и, несмотря на то, что огонь этотъ сейчасъ же потухъ, онъ былъ счастливъ этимъ мгновеніемъ. Она взглянула на мужа, чтобъ узнать, знаетъ ли онъ

Вронскаго. Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на Вронскаго съ неудовольствіемъ, разсѣянно вспоминая, кто это. Спокойствіе и самоувѣренность Вронскаго здѣсь, какъ коса на камень, наткнулись на холодную самоувѣренность Алексѣя Александровича.

— Графъ Вронскій,—сказала Анна.

— А! Мы знакомы, кажется,—равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ, подавая руку.—Туда ѣхала съ матерью, а назадъ съ сыномъ,—сказалъ онъ, отчетливо выговаривая, какъ рублемъ даря каждымъ словомъ. — Вы, вѣрно, изъ отпуска?—сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, обратился къ женѣ своимъ шуточнымъ тономъ:—что-жъ, много слезъ было пролито въ Москвѣ при разлукѣ?

Обращеніемъ этимъ къ женѣ онъ давалъ чувствовать Вронскому, что желаетъ остаться одинъ, и, повернувшись къ нему, коснулся шляпы; но Вронскій обратился къ Аннѣ Аркадьевнѣ:

— Надѣюсь имѣть честь быть у васъ,—сказалъ онъ.

Алексѣй Александровичъ усталыми глазами взглянулъ на Вронскаго.

— Очень радъ,—сказалъ онъ холодно,—по понедѣльникамъ мы принимаемъ.—Затѣмъ, отпустивъ совсѣмъ Вронскаго, онъ сказалъ женѣ:—И какъ хорошо, что у меня именно было полчаса времени, чтобы встрѣтить тебя, и что я могъ показать тебѣ свою нѣжность,—продолжалъ онъ тѣмъ же шуточнымъ тономъ.

— Ты слишкомъ уже подчеркиваешь свою нѣжность, чтобъ я очень цѣнила,—сказала она тѣмъ же шуточнымъ тономъ, невольно прислушиваясь къ звукамъ шаговъ Вронскаго, шедшаго за ними. „Но что мнѣ за дѣло?“ подумала

она и стала спрашивать мужа, какъ безъ нея проводилъ время Сережа.

— О, прекрасно! Mariette говоритъ, что онъ былъ милъ очень и... я долженъ тебя огорчить... не скучалъ о тебѣ, не такъ, какъ твой мужъ. Но еще разъ merci, мой другъ, что подарила мнѣ день. Нашъ милый Самоваръ будетъ въ восторгѣ. (Самоваромъ онъ называлъ знаменитую графиню Лидію Ивановну, за то, что она всегда и обо всемъ волновалась и горячилась.) Она о тебѣ спрашивала. И знаешь, если я смѣю совѣтовать, ты бы съѣздила къ ней нынче. Вѣдь у ней обо всемъ болитъ сердце. Теперь она, кромѣ всѣхъ своихъ хлопотъ, занята примиреніемъ Облонскихъ.

Графиня Лидія Ивановна была другъ ея мужа и центръ одного изъ кружковъ петербургскаго свѣта, съ которымъ по мужу ближе всѣхъ была связана Анна.

— Да вѣдь я писала ей!

— Но ей все нужно подробно. Съѣзди, если не устала, мой другъ. Ну, тебѣ карету подастъ Кондратій, а я ѣду въ комитетъ. Опять буду обѣдать не одинъ,—продолжалъ Алексѣй Александровичъ уже не шуточнымъ тономъ.—Ты не повѣришь, какъ я привыкъ... habituated

И онъ, долго сжимая ей руку, съ особенною улыбкой посадилъ ее въ карету.

XXXII.

Первое лицо, встрѣтившее Анну дома, былъ сынъ. Онъ выскочилъ къ ней по лѣстницѣ, несмотря на крикъ гувернантки, и съ отчаяннымъ восторгомъ кричалъ: „мáма, мáма!“ Добѣжавъ до нея, онъ повисъ ей на шеѣ.

— Я говорилъ вамъ, что мама! — кричалъ онъ гувернанткѣ. — Я зналъ!

И сынъ также, какъ и мужъ, произвелъ въ Аннѣ чувство похожее на разочарованіе. Она воображала его лучше, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Она была должна опуститься до дѣйствительности, чтобы наслаждаться имъ такимъ, каковъ онъ былъ. Но и такой, каковъ онъ былъ, онъ былъ прелестенъ съ своими бѣлокурыми кудрями, голубыми глазами и полными, стройными ножками въ туго натянутыхъ чулкахъ. Анна испытывала почти физическое наслажденіе въ ощущеніи его близости и ласки и нравственное успокоеніе, когда встрѣчала его простодушный, довѣрчивый и любящій взглядъ и слышала его наивные вопросы. Анна достала подарки, которые посылали дѣти Долли, и разсказала сыну, какая въ Москвѣ есть дѣвочка Таня, и какъ Таня эта умѣетъ читать и учитъ даже другихъ дѣтей.

— Что же, я хуже ея? — спросилъ Сережа.

— Для меня лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Я это знаю, — сказалъ Сережа, улыбаясь.

Еще Анна не успѣла напиться кофе, какъ доложили про графиню Лидію Ивановну. Графиня Лидія Ивановна была высокая, полная женщина, съ нездорово-желтымъ цвѣтомъ лица и прекрасными задумчивыми черными глазами. Анна любила ее, но нынче она какъ будто въ первый разъ увидѣла ее со всѣми ея недостатками.

— Ну что, мой другъ, снесли оливковую вѣтвь? — спросила графиня Лидія Ивановна, только-что вошла въ комнату.

— Да, все это кончилось, но все это и было не такъ

важно, какъ мы думали, — отвѣчала Анна. — Вообще моя belle soeur слишкомъ рѣшительна.

Но графиня Лидія Ивановна, всѣмъ до нея некасавшимся интересовавшаяся, имѣла привычку никогда не слушать того, что ее интересовало; она перебила Анну:

— Да, много горя и зла на свѣтѣ, а я такъ измучена нынче.

— А что?—спросила Анна, стараясь удержать улыбку.

— Я начинаю уставать отъ напраснаго ломанія копій за правду и, иногда, совсѣмъ развинчиваюсь. Дѣло сестричекъ (это было филантропическое, религіозно - патріотическое учрежденіе) пошло было прекрасно, но съ этими господами ничего невозможно сдѣлать, — прибавила графиня Лидія Ивановна съ насмѣшливою покорностью судьбѣ. — Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно. Два-три человѣка, вашъ мужъ въ томъ числѣ, понимаютъ все значеніе этого дѣла, а другіе только роняютъ. Вчера мнѣ пишетъ Правдинъ...

Правдинъ былъ извѣстный панславистъ за границей, и графиня Лидія Ивановна разсказала содержаніе его письма.

Затѣмъ графиня разсказала еще непріятности и козни противъ дѣла соединенія церквей, и уѣхала, торопясь, такъ какъ ей въ этотъ день приходилось быть еще на засѣданіи одного общества и въ Славянскомъ комитетѣ.

„Вѣдь все это было и прежде; но отчего я не замѣчала этого прежде? — сказала себѣ Анна. — Или она очень раздражена нынче? А въ самомъ дѣлѣ смѣшно: ея цѣль—добродѣтель, она христіанка, а она все сердится, и все у нея враги, и все враги по-христіанству и добродѣтели“.

Послѣ графини Лидіи Ивановны пріѣхала пріятельни-

ца, жена директора, и разсказала всѣ городскія новости. Въ три часа и она уѣхала, обѣщаясь пріѣхать къ обѣду. Алексѣй Александровичъ былъ въ министерствѣ. Оставшись одна, Анна дообѣденное время употребила на то, чтобы присутствовать при обѣдѣ сына (онъ обѣдалъ отдѣльно) и чтобы привести въ порядокъ свои вещи, прочесть и отвѣтить на записки и письма, которыя у нея скопились на столѣ.

Чувство безпричиннаго стыда, которое она испытывала дорогой, и волненіе совершенно исчезли. Въ привычныхъ условіяхъ жизни она чувствовала себя опять твердою и безупречною.

Она съ удивленіемъ вспомнила свое вчерашнее состояніе. „Что же было? ничего. Вронскій сказалъ глупость, которой легко положить конецъ, и я отвѣтила такъ, какъ нужно было. Говорить объ этомъ мужу не надо и нельзя. Говорить объ этомъ значитъ придавать важность тому, что̀ ея не имѣетъ“. Она вспомнила, какъ она разсказала почти признаніе, которое ей сдѣлалъ въ Петербургѣ молодой подчиненный ея мужа, и какъ Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ, что, живя въ свѣтѣ, всякая женщина можетъ подвергнуться этому, но что онъ довѣряется вполнѣ ея такту и никогда не позволитъ себѣ унизить ее и себя до ревности. „Стало-быть не зачѣмъ говорить? Да, славу Богу, и нечего говорить“, сказала она себѣ.

XXXIII.

Алексѣй Александровичъ вернулся изъ министерства въ четыре часа, но, какъ это часто бывало, не успѣлъ войдти

къ ней. Онъ прошелъ въ кабинетъ принимать дожидавшихся просителей и подписать нѣкоторыя бумаги, принесенныя правителемъ дѣлъ. Къ обѣду (всегда человѣка три обѣдали у Карениныхъ) пріѣхали: старая кузина Алексѣя Александровича, директоръ департамента съ женой и одинъ молодой человѣкъ, рекомендованный Алексѣю Александровичу на службу. Анна вышла въ гостиную, чтобы занимать ихъ. Ровно въ пять часовъ, бронзовые часы „Петръ I“ не успѣли добить пятаго удара, какъ вышелъ Алексѣй Александровичъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ съ двумя звѣздами, такъ какъ сейчасъ послѣ обѣда ему надо было ѣхать. Каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распредѣлена. И для того, чтобъ успѣвать сдѣлать то, что ему предстояло каждый день, онъ держался строжайшей аккуратности. „Безъ поспѣшности и безъ отдыха“, было его девизомъ. Онъ вошелъ въ залу, раскланялся со всѣми и поспѣшно сѣлъ, улыбаясь женѣ.

— Да, кончилось мое уединеніе. Ты не повѣришь, какъ неловко (онъ ударилъ на словѣ *неловко*) обѣдать одному.

За обѣдомъ онъ поговорилъ съ женой о московскихъ дѣлахъ, съ насмѣшливою улыбкой спрашивалъ о Степанѣ Аркадьевичѣ; но разговоръ шелъ преимущественно общій, о петербургскихъ служебныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Послѣ обѣда онъ провелъ полчаса съ гостями и, опять съ улыбкой пожавъ руку женѣ, вышелъ и уѣхалъ въ совѣтъ. Анна не поѣхала въ этотъ разъ ни къ княгинѣ Бетси Тверской, которая, узнавъ о ея пріѣздѣ, звала ее вечеромъ, ни въ театръ, гдѣ нынче была у нея ложа. Она не поѣхала преимущественно потому, что платье, на которое она расчитывала, было не готово. Вообще, заняв-

шись послѣ отъѣзда гостей своимъ туалетомъ, Анна была очень раздосадована. Передъ отъѣздомъ въ Москву, она, вообще мастерица одѣваться не очень дорого, отдала модисткѣ для передѣлки три платья. Платья нужно было такъ передѣлать, чтобъ ихъ нельзя было узнать, и они должны были быть готовы уже три дня тому назадъ. Оказалось, что два платья были совсѣмъ не готовы, а одно передѣлано не такъ, какъ того хотѣла Анна. Модистка пріѣхала объясняться, утверждая, что такъ будетъ лучше, и Анна разгорячилась такъ, что ей потомъ совѣстно было вспоминать. Чтобы совершенно успокоиться, она пошла въ дѣтскую и весь вечеръ провела съ сыномъ, сама уложила его спать, перекрестила и покрыла его одѣяломъ. Анна рада была, что не поѣхала никуда и такъ хорошо провела этотъ вечеръ. Ей такъ легко и спокойно было, такъ ясно она видѣла, что все, что ей на желѣзной дорогѣ представлялось столь значительнымъ, былъ только одинъ изъ обычныхъ ничтожныхъ случаевъ свѣтской жизни, и что ей ни передъ кѣмъ, ни передъ собой стыдиться нечего. Анна сѣла у камина съ англійскимъ романомъ и ждала мужа. Ровно въ половинѣ десятаго послышался его звонокъ, и онъ вошелъ въ комнату.

— Наконецъ-то ты!—сказала она, протягивая ему руку.

Онъ поцѣловалъ ея руку и подсѣлъ къ ней.

— Вообще, я вижу, что поѣздка твоя удалась,—сказалъ онъ ей.

— Да, очень,—отвѣчала она и стала разсказывать ему все съ начала: свое путешествіе съ Вронскою, свой пріѣздъ, случай на желѣзной дорогѣ. Потомъ разсказала свое впечатлѣніе жалости къ брату сначала, потомъ къ Долли.

— Я не полагаю, чтобы можно было извинять такого человѣка, хотя онъ и твой братъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ строго.

Анна улыбнулась. Она поняла, что онъ сказалъ это именно затѣмъ, чтобы показать, что соображенія родства не могутъ остановить его въ высказываніи своего искренняго мнѣнія. Она знала эту черту въ своемъ мужѣ и любила ее.

— Я радъ, что все кончилось благополучно и что ты пріѣхала,—продолжалъ онъ. — Ну, что говорятъ тамъ про новое положеніе, которое я провелъ въ совѣтѣ?

Анна ничего не слышала объ этомъ положеніи, и ей стало совѣстно, что она такъ легко могла забыть о томъ, что для него было такъ важно.

— Здѣсь, напротивъ, это надѣлало много шума, — сказалъ онъ съ самодовольною улыбкой.

Она видѣла, что Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то сообщить ей пріятное для себя объ этомъ дѣлѣ, и она вопросами навела его на разсказъ. Онъ съ тою же самодовольною улыбкой разсказалъ объ оваціяхъ, которыя были сдѣланы ему вслѣдствіе этого проведеннаго положенія.

— Я очень, очень былъ радъ. Это доказываетъ, что наконецъ у насъ начинаетъ устанавливаться разумный и твердый взглядъ на это дѣло.

Допивъ со сливками и хлѣбомъ свой второй стаканъ чая, Алексѣй Александровичъ всталъ и пошелъ въ свой кабинетъ.

— А ты никуда не поѣхала? Тебѣ, вѣрно, скучно было?—сказалъ онъ.

— О, нѣтъ!—отвѣчала она, вставъ за нимъ и провожая его черезъ залу въ кабинетъ.—Что же ты читаешь теперь?—спросила она.

— Теперь я читаю Duc de Lille: *Poèsie des enfers,*—отвѣчалъ онъ.—Очень замѣчательная книга.

Анна улыбнулась, какъ улыбаются слабостямъ любимыхъ людей, и, положивъ свою руку подъ его, проводила его до двери кабинета. Она знала его привычку, сдѣлавшуюся необходимостью, вечеромъ читать. Она знала, что, несмотря на поглощавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ, появлявшимся въ умственной сферѣ. Она знала тоже, что дѣйствительно его интересовали книги политическія, философскія, богословскія, что искусство было по его натурѣ совершенно чуждо ему, но, несмотря на это, или лучше—вслѣдствіе этого, Алексѣй Александровичъ не пропускалъ ничего изъ того, что дѣлало шумъ въ этой области, и считалъ своимъ долгомъ все читать. Она знала, что въ области политики, философіи, богословія, Алексѣй Александровичъ сомнѣвался или отыскивалъ; но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія. Онъ любилъ говорить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ поэзіи и музыки, которыя всѣ были у него распредѣлены съ очень ясною послѣдовательностью.

— Ну, и Богъ съ тобой,—сказала она у двери кабинета, гдѣ ужъ были приготовлены ему абажуръ на свѣчѣ и графинъ воды у кресла.—А я напишу въ Москву.

Онъ пожалъ ей руку и опять поцѣловалъ ее.

„Все-таки, онъ хорошій человѣкъ, правдивый, добрый и замѣчательный въ своей сферѣ“, говорила себѣ Анна, вернувшись къ себѣ, какъ будто защищая его передъ кѣмъ-

то, кто обвинялъ его и говорилъ, что его нельзя любить. „Но что это, уши у него такъ странно выдаются! Или онъ обстригся?“.

Ровно въ двѣнадцать, когда Анна еще сидѣла за письменнымъ столомъ, дописывая письмо къ Долли, послышались ровные шаги въ туфляхъ, и Алексѣй Александровичъ, вымытый и причесанный, съ книгою подъ мышкой, подошелъ къ ней.

— Пора, пора,—сказалъ онъ, особенно улыбаясь, и прошелъ въ спальню.

„И какое право имѣлъ онъ такъ смотрѣть на него?“ подумала Анна, вспоминая взглядъ Вронскаго на Алексѣя Александровича.

Раздѣвшись, она вошла въ спальню, но на лицѣ ея не только не было того оживленія, которое въ бытность ея въ Москвѣ такъ и брызгало изъ ея глазъ и улыбки,—напротивъ, теперь огонь казался потушеннымъ въ ней, или гдѣ-то далеко припрятаннымъ.

XXXIV.

Уѣзжая изъ Петербурга, Вронскій оставилъ свою большую квартиру на Морской пріятелю и любимому товарищу Петрицкому.

Петрицкій былъ молодой поручикъ, не особенно знатный и не только не богатый, но кругомъ въ долгахъ, къ вечеру всегда пьяный и часто за разныя—и смѣшныя, и грязныя—исторіи попадавшій на гауптвахту, но любимый и товарищами и начальствомъ. Подъѣзжая въ двѣнадцатомъ часу съ желѣзной дороги къ своей квартирѣ, Вронскій уви-

далъ у подъѣзда знакомую ему извощичью карету. Изъ-за двери еще, на свой звонокъ, онъ услыхалъ хохотъ мужчинъ и лепетъ женскаго голоса и крикъ Петрицкаго: „Если кто изъ злодѣевъ, то не пускать!“ Вронскій не велѣлъ говорить о себѣ и потихоньку вошелъ въ первую комнату. Баронесса Шильтонъ, пріятельница Петрицкаго, блестя лиловымъ атласомъ платья и румянымъ бѣлокурымъ личикомъ и, какъ канарейка, наполняя всю комнату своимъ парижскимъ говоромъ, сидѣла передъ круглымъ столомъ и варила кофе. Петрицкій въ пальто и ротмистръ Камеровскій въ полной формѣ, вѣроятно со службы, сидѣли вокругъ нея.

— Браво! Вронскій! — закричалъ Петрицкій, вскакивая и гремя стуломъ. — Самъ хозяинъ! Баронесса, кофею ему изъ новаго кофейника! Вотъ не ждали! Надѣюсь, ты доволенъ украшеніемъ твоего кабинета, — сказалъ онъ, указывая на баронессу. — Вы вѣдь знакомы?

— Еще бы! — сказалъ Вронскій, весело улыбаясь и пожимая маленькую ручку баронессы. — Какже, старый другъ.

— Вы домой съ дороги, — сказала баронесса, — такъ я бѣгу. Ахъ, я уѣду сію минуту, если я мѣшаю.

— Вы дома тамъ, гдѣ вы, баронесса, — сказалъ Вронскій. — Здравствуй, Камеровскій, — прибавилъ онъ, холодно пожимая руку Камеровскаго.

— Вотъ, вы никогда не умѣете говорить такія хорошенькія вещи, — обратилась баронесса къ Петрицкому.

— Нѣтъ, отчего же? Послѣ обѣда и я скажу не хуже.

— Да послѣ обѣда нѣтъ заслуги! Ну, такъ я вамъ дамъ кофею, идите, умывайтесь и убирайтесь, — сказала баронесса, опять садясь и заботливо поворачивая винтикъ въ новомъ кофейникѣ. — Пьеръ, дайте кофе, — обратилась она къ Пе-

трицкому, котораго она называла Пьеръ, по его фамиліи Петрицкій, не скрывая своихъ отношеній съ нимъ. — Я прибавлю.

— Испортите!

— Нѣтъ, не испорчу! Ну, а ваша жена?—сказала вдругъ баронесса, перебивая разговоръ Вронскаго съ товарищемъ.— Мы здѣсь женили васъ. Привезли вашу жену?

— Нѣтъ, баронесса. Я рожденъ цыганомъ, и умру цыганомъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Давайте руку.

И баронесса, не отпуская Вронскаго, стала ему разсказывать, пересыпая шутками, свои послѣдніе планы жизни и спрашивать его совѣта.

— Онъ все не хочетъ давать мнѣ развода! Ну, что же мнѣ дѣлать? (*Онъ* былъ мужъ ея.) Я теперь хочу процессъ начинать. Какъ вы мнѣ посовѣтуете? Камеровскій, смотрите же за кофеемъ, — ушелъ; вы видите, я занята дѣлами! Я хочу процессъ, потому что состояніе мнѣ нужно мое. Вы понимаете ли эту глупость, что я ему будто бы невѣрна,— съ презрѣніемъ сказала она,— и отъ этого онъ хочетъ пользоваться моимъ имѣніемъ.

Вронскій слушалъ съ удовольствіемъ этотъ веселый лепетъ хорошенькой женщины, поддакивалъ ей, давалъ полушутливые совѣты и, вообще, тотчасъ же принялъ свой привычный тонъ обращенія съ этого рода женщинами. Въ его петербургскомъ мірѣ всѣ люди раздѣлялись на два совершенно противоположные сорта. Одинъ —низшій сортъ: пошлые, глупые и, главное, смѣшные люди, которые вѣруютъ въ то, что одному мужу надо жить съ одною женой, съ которою онъ обвѣнчанъ, что дѣвушкѣ надо быть

невинною, женщинѣ стыдливою, мужчинѣ мужественнымъ, воздержнымъ и твердымъ, что надо воспитывать дѣтей, зарабатывать свой хлѣбъ, платить долги, — и разныя тому подобныя глупости. Это былъ сортъ людей старомодныхъ и смѣшныхъ. Но былъ другой сортъ людей, настоящихъ, къ которому они всѣ принадлежали, въ которомъ надо быть, главное, элегантнымъ, великодушнымъ, смѣлымъ, веселымъ, отдаваться всякой страсти не краснѣя и надъ всѣмъ остальнымъ смѣяться.

Вронскій только въ первую минуту былъ ошеломленъ, послѣ впечатлѣній совсѣмъ другаго міра, привезенныхъ имъ изъ Москвы; но тотчасъ же, какъ будто всунулъ ноги въ старыя туфли, онъ вошелъ въ свой прежній веселый и пріятный міръ.

Кофе такъ и не сварился, а обрызгалъ всѣхъ и ушелъ, и произвелъ именно то самое, что было нужно, то-есть подалъ поводъ къ шуму и смѣху и залилъ дорогой коверъ и платье баронессы.

— Ну, теперь прощайте, а то вы никогда не умоетесь, а на моей совѣсти будетъ главное преступленіе порядочнаго человѣка—нечистоплотность. Такъ вы совѣтуете ножъ къ горлу?

— Непремѣнно, и такъ, чтобы ваша ручка была поближе отъ его губъ. Онъ поцѣлуетъ вашу ручку, и все кончится благополучно,—отвѣчалъ Вронскій.

— Такъ нынче во Французскомъ? — и, зашумѣвъ платьемъ, она исчезла.

Камеровскій поднялся тоже, а Вронскій, не дожидаясь его ухода, подалъ ему руку и отправился въ уборную. Пока онъ умывался, Петрицкій описалъ ему въ краткихъ

чертахъ свое положеніе, насколько оно измѣнилось послѣ отъѣзда Вронскаго. Денегъ нѣтъ ничего. Отецъ сказалъ, что не дастъ и не заплатитъ долговъ. Портной хочетъ посадить, и другой тоже непремѣнно грозитъ посадить. Полковой командиръ объявилъ, что если эти скандалы не прекратятся, то надо выходить. Баронесса надоѣла какъ горькая рѣдька, особенно тѣмъ, что все хочетъ давать деньги; а есть одна, онъ ее покажетъ Вронскому, чудо, прелесть, въ восточномъ строгомъ стилѣ, „genre *рабыни* Ребекки", понимаешь?" Съ Беркошевымъ тоже разбранился, и онъ хотѣлъ прислать секундантовъ, но, разумѣется, ничего не выйдетъ. Вообще же все превосходно и чрезвычайно весело. И, не давая товарищу углубляться въ подробности своего положенія, Петрицкій пустился разсказывать ему всѣ интересныя новости. Слушая столь знакомые разсказы Петрицкаго, въ столь знакомой обстановкѣ своей трехлѣтней квартиры, Вронскій испытывалъ пріятное чувство возвращенія къ привычной и беззаботной петербургской жизни.

— Не можетъ быть! — закричалъ онъ, отпустивъ педаль умывальника, которымъ онъ обливалъ свою красную, здоровую шею.—Не можетъ быть! — закричалъ онъ, при извѣстіи о томъ, что Лора сошлась съ Милеевымъ и бросила Фертингофа.—И онъ все такъ же глупъ и доволенъ? Ну, а Бузулуковъ что?

— Ахъ, съ Бузулуковымъ была исторія—прелесть! — закричалъ Петрицкій.—Вѣдь его страсть — балы, и онъ ни одного придворнаго бала не пропускаетъ. Отправился онъ на большой балъ въ новой каскѣ. Ты видѣлъ новыя каски? Очень хороши, легче. Только, стоитъ онъ... Нѣтъ, ты слушай.

— Да я слушаю, — растираясь мохнатымъ полотенцемъ, отвѣчалъ Вронскій.

— Проходитъ великая княгиня съ какимъ-то посломъ, и на его бѣду зашелъ у нихъ разговоръ о новыхъ каскахъ. Великая княгиня и хотѣла показать новую каску... Видятъ, нашъ голубчикъ стоитъ. (Петрицкій представилъ, какъ онъ стоитъ съ каской.) Великая княгиня попросила подать себѣ каску,—онъ не даетъ. Что такое? Только ему мигаютъ, киваютъ, хмурятся: подай,—не даетъ. Замеръ. Можешь себѣ представить!... Только этотъ... какъ его... хочетъ уже взять у него каску,—не даетъ!... Онъ вырвалъ, подаетъ великой княгинѣ. Вотъ это новая,—говоритъ великая княгиня. Повернула каску и, можешь себѣ представить, оттуда бухъ! груша, конфеты, два фунта конфетъ!... Онъ это набралъ, голубчикъ!

Вронскій покатился со смѣху. И долго потомъ, говоря уже о другомъ, закатывался онъ своимъ здоровымъ смѣхомъ, выставляя свои крѣпкіе сплошные зубы, когда вспоминалъ о каскѣ.

Узнавъ всѣ новости, Вронскій съ помощью лакея одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ являться. Явившись, онъ намѣренъ былъ съѣздить къ брату, къ Бетси и сдѣлать нѣсколько визитовъ, съ тѣмъ чтобъ начать ѣздить въ тотъ свѣтъ, гдѣ бы онъ могъ встрѣчать Каренину. Какъ и всегда въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ изъ дома съ тѣмъ, чтобы не возвращаться до поздней ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ концѣ зимы, въ домѣ Щербацкихъ происходилъ консиліумъ, долженствовавшій рѣшить, въ какомъ положеніи находится здоровье Кити и что̀ нужно предпринять для возстановленія ея ослабѣвающихъ силъ. Она была больна, и съ приближеніемъ весны здоровье ея становилось хуже. Домашній докторъ давалъ ей рыбій жиръ, потомъ желѣзо, потомъ ляписъ; но такъ какъ ни то, ни другое, ни третье не помогало, и такъ какъ онъ совѣтовалъ отъ весны уѣхать за границу, то приглашенъ былъ знаменитый докторъ. Знаменитый докторъ, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобъ еще не старый мужчина ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку. Онъ находилъ это естественнымъ, потому что дѣлалъ это каждый день и при этомъ ничего не чувствовалъ и не думалъ, какъ ему казалось, дурнаго, и поэтому стыдливость въ дѣ-

вушкѣ онъ считалъ не только остаткомъ варварства, но и оскорбленіемъ себѣ.

Надо было покориться, такъ какъ, несмотря на то, что всѣ доктора учились въ одной школѣ, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, знали одну науку, и несмотря на то, что нѣкоторые говорили, что этотъ знаменитый докторъ былъ дурной докторъ, въ домѣ княгини и въ ея кругу было признано почему-то, что этотъ знаменитый докторъ одинъ знаетъ что-то особенное и одинъ можетъ спасти Кити. Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванія растерянной и ошеломленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ, старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ. Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. Онъ, какъ пожившій, не глупый и не больной человѣкъ, не вѣрилъ въ медицину, и въ душѣ злился на всю эту комедію, тѣмъ болѣе, что едва ли не онъ одинъ вполнѣ понималъ причину болѣзни Кити. „То-то пустобрехъ!“ думалъ онъ, примѣняя въ мысляхъ это названіе изъ охотничьяго словаря къ знаменитому доктору и слушая его болтовню о признакахъ болѣзни дочери. Докторъ, между тѣмъ, съ трудомъ удерживалъ выраженіе презрѣнія къ этому старому баричу и съ трудомъ спускался до низменности его пониманія. Онъ понималъ, что со старикомъ говорить нечего и что глава въ этомъ домѣ—мать. Передъ нею-то онъ намѣревался разсыпать свой бисеръ. Въ это время княгиня вошла въ гостиную съ домашнимъ докторомъ. Князь отошелъ, стараясь не дать замѣтить, какъ ему смѣшна была вся эта комедія. Княгиня была растеряна и не знала что дѣлать. Она чувствовала себя виноватою передъ Кити.

— Ну, докторъ, рѣшайте нашу судьбу,—сказала княгиня.—Говорите мнѣ все... „Есть ли надежда?“—хотѣла она сказать, но губы ея задрожали, и она не могла выговорить этотъ вопросъ.—Ну что, докторъ?

— Сейчасъ, княгиня, переговорю съ коллегой и тогда буду имѣть честь доложить вамъ свое мнѣніе.

— Такъ намъ васъ оставить?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Княгиня, вздохнувъ, вышла.

Когда доктора остались одни, домашній врачъ робко сталъ излагать свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что есть начало туберкулезнаго процесса, но... и т. д. Знаменитый докторъ слушалъ его и въ серединѣ его рѣчи посмотрѣлъ на свои крупные золотые часы.

— Такъ,—сказалъ онъ.—Но...

Домашній врачъ замолкъ почтительно на серединѣ рѣчи.

— Опредѣлить, какъ вы знаете, начало туберкулезнаго процесса мы не можемъ; до появленія кавернъ нѣтъ ничего опредѣленнаго. Но подозрѣвать мы можемъ. И указанія есть: дурное питаніе, нервное возбужденіе и пр. Вопросъ стоитъ такъ: при подозрѣніи туберкулезнаго процесса, что̀ нужно сдѣлать, чтобы поддержать питаніе?

— Но вѣдь вы знаете, тутъ всегда скрываются нравственныя, духовныя причины,—съ тонкою улыбкой позволилъ себѣ вставать домашній докторъ.

— Да, это само собой разумѣется, — отвѣчалъ знаменитый докторъ, опять взглянувъ на часы.—Виноватъ: что, поставленъ ли Яузскій мостъ, или надо все еще кругомъ объѣзжать?—спросилъ онъ.—А! поставленъ. Да, ну такъ я въ двадцать минутъ могу быть... Такъ мы говорили, что вопросъ

такъ поставленъ: поддержать питаніе и исправить нервы. Одно въ связи съ другимъ,—надо дѣйствовать на обѣ стороны круга.

— Но поѣздка за границу?—спросилъ домашній докторъ.

— Я врагъ поѣздокъ за границу. Изволите видѣть: если есть начало туберкулезнаго процесса, чего мы знать не можемъ, то поѣздка за границу не поможетъ. Необходимо такое средство, которое бы поддерживало питаніе и не вредило.

И знаменитый докторъ изложилъ свой планъ лѣченія водами Соденскими, при назначеніи которыхъ главная цѣль, очевидно, состояла въ томъ, что онѣ повредить не могутъ.

Домашній докторъ внимательно и почтительно выслушалъ.

— Но въ пользу поѣздки за границу я бы выставилъ перемѣну привычекъ, удаленіе отъ условій, вызывающихъ воспоминанія. И потомъ... матери хочется,—сказалъ онъ.

— А! Ну, въ этомъ случаѣ, что-жъ, пускай ѣдутъ, только повредятъ эти нѣмецкіе шарлатаны... Надо, чтобы слушались... Ну, такъ пускай ѣдутъ.

Онъ опять взглянулъ на часы.

— О, уже пора!—и пошелъ къ двери.

Знаменитый докторъ объявилъ княгинѣ (чувство приличія подсказало это), что ему нужно видѣть еще разъ больную.

— Какъ, еще разъ осматривать?—съ ужасомъ воскликнула мать.

— О, нѣтъ, мнѣ нѣкоторыя подробности, княгиня.

— Милости просимъ.

И мать, сопутствуемая докторомъ, вошла въ гостиную къ Кити. Исхудавшая и румяная, съ особеннымъ блескомъ

въ глазахъ вслѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула и глаза ея наполнились слезами. Вся ея болѣзнь и лѣченіе представились ей такою глупою, даже смѣшною вещью! Лѣченіе ея представлялось ей столь же смѣшнымъ, какъ составленіе кусковъ разбитой вазы. Сердце ея было разбито. Что же, они хотятъ лѣчить ее пилюлями и порошками? Но нельзя было оскорблять мать, тѣмъ болѣе, что мать считала себя виноватою.

— Потрудитесь присѣсть, княжна,—сказалъ знаменитый докторъ.

Онъ съ улыбкой сѣлъ противъ нея, взялъ пульсъ и опять сталъ дѣлать скучные вопросы. Она отвѣчала ему и вдругъ, разсердившись, встала.

— Извините меня, докторъ, но это право ни къ чему не поведетъ. Вы у меня по три раза то же самое спрашиваете.

Знаменитый докторъ не обидѣлся.

— Болѣзненное раздраженіе,—сказалъ онъ княгинѣ, когда Кити вышла.—Впрочемъ, я кончилъ...

И докторъ передъ княгиней, какъ передъ исключительно умною женщиной, научно опредѣлилъ положеніе княжны и заключилъ наставленіемъ о томъ, какъ пить тѣ воды, которыя были ненужны. На вопросъ: ѣхать ли за границу?—докторъ углубился въ размышленія, какъ бы разрѣшая трудный вопросъ. Рѣшеніе наконецъ было изложено: ѣхать и не вѣрить шарлатанамъ, а во всемъ обращаться къ нему.

Какъ будто что-то веселое случилось послѣ отъѣзда доктора. Мать повеселѣла, вернувшись къ дочери, и Кити

притворилась, что она повеселѣла. Ей часто, почти всегда, приходилось теперь притворяться.

— Право, я здорова, maman. Но если вы хотите ѣхать, поѣдемте!—сказала она и, стараясь показать, что интересуется предстоящею поѣздкой, стала говорить о приготовленіяхъ къ отъѣзду.

II.

Вслѣдъ за докторомъ пріѣхала Долли. Она знала, что въ этотъ день долженъ быть консиліумъ, и, несмотря на то, что недавно поднялась отъ родовъ (она родила дѣвочку въ концѣ зимы), несмотря на то, что у ней было много своего горя и заботъ, она, оставивъ груднаго ребенка и заболѣвшую дѣвочку, заѣхала узнать объ участи Кити, которая рѣшалась нынче.

— Ну, что?—сказала она, входя въ гостиную и не снимая шляпы.—Вы всѣ веселыя. Вѣрно хорошо?

Ей попробовали разсказывать, что говорилъ докторъ, но оказалось, что хотя докторъ и говорилъ очень складно и долго, никакъ нельзя было передать того, что онъ сказалъ. Интересно было только то, что рѣшено ѣхать за границу.

Долли невольно вздохнула. Лучшій другъ ея, сестра, уѣзжала. А жизнь ея была не весела. Отношенія къ Степану Аркадьевичу послѣ примиренія сдѣлались унизительны. Спайка, сдѣланная Анной, оказалась непрочна, и семейное согласіе надломилось опять въ томъ же мѣстѣ. Опредѣленнаго ничего не было, но Степана Аркадьевича никогда почти не было дома, денегъ тоже никогда почти не было, и подозрѣнія невѣрностей постоянно мучили Долли,

и она уже ихъ отгоняла отъ себя, боясь испытаннаго страданія ревности. Первый взрывъ ревности, разъ пережитый, уже не могъ возвратиться, и даже открытіе невѣрности не могло бы уже такъ подѣйствовать на нее, какъ въ первый разъ. Такое открытіе теперь только лишило бы ее семейныхъ привычекъ, и она позволяла себя обманывать, презирая его, и больше всего себя, за эту слабость. Сверхъ того, заботы большаго семейства безпрестанно мучили ее: то кормленіе груднаго ребенка не шло, то нянька ушла, то, какъ теперь, заболѣлъ одинъ изъ дѣтей.

— Что, какъ твои?—спросила мать.

— Ахъ, maman, у насъ своего горя много. Лили заболѣла, и я боюсь, что скарлатина. Я вотъ теперь выѣхала, чтобъ узнать, а то засяду уже безвыѣздно, если, избави Богъ, скарлатина.

Старый князь, послѣ отъѣзда доктора, тоже вышелъ изъ своего кабинета и, подставивъ свою щеку Долли и поговоривъ съ ней, обратился къ женѣ:

— Какъ же рѣшили, ѣдете? Ну, а со мной что хотите дѣлать?

— Я думаю, тебѣ остаться, Александръ,—сказала жена.

— Какъ хотите.

— Maman, отчего же папа не поѣхать съ нами?—сказала Кити.—И ему веселѣе, и вамъ.

Старый князь всталъ и погладилъ рукой волосы Кити. Она подняла лицо и, насильно улыбаясь, смотрѣла на него. Ей всегда казалось, что онъ лучше всѣхъ въ семьѣ понимаетъ ее, хотя онъ мало говорилъ о ней. Она была, какъ меньшая, любимица отца, и ей казалось, что любовь его къ ней дѣлала его проницательнымъ. Когда ея взглядъ

встрѣтился теперь съ его голубыми добрыми глазами, пристально смотрѣвшими на нее, ей казалось, что онъ насквозь видитъ ее и понимаетъ все то нехорошее, что въ ней дѣлается. Она, краснѣя, потянулась къ нему, ожидая поцѣлуя, но онъ только потрепалъ ее по волосамъ и проговорилъ:

— Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери и не доберешься, а ласкаешь волосы дохлыхъ бабъ. Ну что, Долинька,—обратился онъ къ старшей дочери,—твой козырь что подѣлываетъ?

— Ничего, папа,—отвѣчала Долли, понимая, что рѣчь идетъ о мужѣ.—Все ѣздитъ, я его почти не вижу,—не могла она не прибавить съ насмѣшливою улыбкой.

— Что-жъ, онъ не уѣхалъ еще въ деревню—лѣсъ продавать?

— Нѣтъ, все собирается.

— Вотъ какъ!—проговорилъ князь.—Такъ и мнѣ собираться? Слушаю-съ,—обратился онъ къ женѣ, садясь.—А ты вотъ что, Катя,—прибавилъ онъ къ меньшей дочери:—ты когда-нибудь, въ одинъ прекрасный день, проснись и скажи себѣ: да вѣдь я совсѣмъ здорова и весела, и пойдемъ съ папа опять рано утромъ по морозцу гулять, а?

Казалось, очень просто было то, что сказалъ отецъ, но Кити при этихъ словахъ смѣшалась и растерялась, какъ уличенный преступникъ. „Да, онъ все знаетъ, все понимаетъ, и этими словами говоритъ мнѣ, что хотя и стыдно, а надо пережить свой стыдъ“. Она не могла собраться съ духомъ отвѣтить что-нибудь. Начала было, и вдругъ расплакалась, и выбѣжала изъ комнаты.

— Вотъ твои шутки!—напустилась княгиня на мужа.— Ты всегда...—начала она свою укоризненную рѣчь.

Князь слушалъ довольно долго упреки княгини и молчалъ, но лицо его все болѣе и болѣе хмурилось.

— Она такъ жалка, бѣдняжка, такъ жалка, а ты не чувствуешь, что ей больно отъ всякаго намека на то, что причиной. Ахъ, такъ ошибаться въ людяхъ! сказала княгиня, и по перемѣнѣ ея тона Долли и князь поняли, что она говорила о Вронскомъ.—Я не понимаю, какъ нѣтъ законовъ противъ такихъ гадкихъ, неблагородныхъ людей.

— Ахъ, не слушалъ бы!—мрачно проговорилъ князь, вставая съ кресла и какъ бы желая уйдти, но останавливаясь въ дверяхъ.—Законы есть, матушка, и если ты ужъ вызвала меня на это, то я тебѣ скажу, кто виноватъ во всемъ: ты и ты, одна ты. Законы противъ такихъ молодчиковъ всегда были и есть! Да-съ, еслибы не было того, чего не должно было быть, я—старикъ, но я бы поставилъ его на барьеръ, этого франта. Да, а теперь лѣчите, возите къ себѣ этихъ шарлатановъ.

Князь, казалось, имѣлъ сказать еще многое, но какъ только княгиня услыхала его тонъ, она, какъ это всегда бывало въ серьёзныхъ вопросахъ, тотчасъ же смирилась и раскаялась.

— Alexandre, Alexandre,—шептала она, подвигаясь, и расплакалась.

Какъ только она заплакала, князь тоже затихъ. Онъ подошелъ къ ней.

— Ну, будетъ, будетъ! И тебѣ тяжело, я знаю. Что дѣлать! Бѣды большой нѣтъ. Богъ милостивъ... благодарствуй...—говорилъ онъ, уже самъ не зная, что говоритъ, и

отвѣчая на мокрый поцѣлуй княгини, который онъ почувствовалъ на своей рукѣ. И князь вышелъ изъ комнаты.

Еще какъ только Кити въ слезахъ вышла изъ комнаты, Долли, со своею материнскою семейною привычкой, тотчасъ же увидала, что тутъ предстоитъ женское дѣло, и приготовилась сдѣлать его. Она сняла шляпку и, нравственно засучивъ рукава, приготовилась дѣйствовать. Во время нападенія матери на отца она пыталась удерживать мать, насколько позволяла дочерняя почтительность. Во время взрыва князя она молчала: она чувствовала стыдъ за мать и нѣжность къ отцу за его сейчасъ же вернувшуюся доброту; но когда отецъ ушелъ, она собралась сдѣлать главное, что было нужно — идти къ Кити и успокоить ее.

— Я вамъ давно хотѣла сказать, maman, вы знаете ли, что Левинъ хотѣлъ сдѣлать предложеніе Кити, когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ? Онъ говорилъ Стивѣ.

— Ну, что жъ? Я не понимаю...

— Такъ, можетъ-быть, Кити отказала ему?... Она вамъ не говорила?

— Нѣтъ, она ничего не говорила ни про того, ни про другаго — она слишкомъ горда. Но я знаю, что все отъ этого...

— Да, вы представьте себѣ, если она отказала Левину, — а она бы не отказала ему, еслибъ не было того, я знаю... И потомъ... этотъ такъ ужасно обманулъ ее.

Княгинѣ слишкомъ страшно было думать, какъ много она виновата передъ дочерью, и она разсердилась.

— Ахъ, я ужъ ничего не понимаю! Нынче все хотятъ своимъ умомъ жить, матери ничего не говорятъ, а потомъ вотъ и...

— Maman, я пойду къ ней.

— Поди. Развѣ я тебѣ запрещаю?—сказала мать.

III.

Войдя въ маленькій кабинетъ Кити, хорошенькую, розовенькую, съ куколками vieux saxe, комнатку, такую же моложенькую, розовенькую и веселую, какою была сама Кити еще два мѣсяца тому назадъ, Долли вспомнила, какъ убирали онѣ вмѣстѣ прошлаго года эту комнатку, съ какимъ весельемъ и любовью. У ней похолодѣло сердце, когда она увидѣла Кити, сидѣвшую на низенькомъ, ближайшемъ отъ двери стулѣ и устремившую неподвижные глаза на уголъ ковра. Кити взглянула на сестру, и холодное, нѣсколько суровое выраженіе ея лица не измѣнилось.

— Я теперь уѣду и засяду дома, и тебѣ нельзя будетъ ко мнѣ,—сказала Дарья Александровна, садясь подлѣ нея.— Мнѣ хочется поговорить съ тобой.

— О чемъ?—испуганно поднявъ голову, быстро спросила Кити.

— О чемъ, какъ не о твоемъ горѣ?

— У меня нѣтъ горя.

— Полно, Кити. Неужели ты думаешь, что я могу не знать? Я все знаю. И повѣрь мнѣ, это такъ ничтожно... Мы всѣ прошли черезъ это.

Кити молчала, и лицо ея имѣло строгое выраженіе.

— Онъ не стоитъ того, чтобы ты страдала изъ-за него,— продолжала Дарья Александровна, прямо приступая къ дѣлу.

— Да, потому что онъ мною пренебрегъ,—дребезжащимъ голосомъ проговорила Кити.—Не говори! Пожалуйста, не говори!

— Да кто же тебѣ это сказалъ? Никто этого не говорилъ. Я увѣрена, что онъ былъ влюбленъ въ тебя и остался влюбленъ, но...

— Ахъ, ужаснѣе всего мнѣ эти соболѣзнованія!—вскрикнула Кити, вдругъ разсердившись. Она повернулась на стулѣ, покраснѣла и быстро зашевелила пальцами, сжимая то тою, то другою рукой пряжку пояса, которую она держала.

Долли знала эту манеру сестры перехватывать руками, когда она приходила въ горячность; она знала, какъ Кити способна была, въ минуту горячности, забыться и наговорять много лишняго и непріятнаго, и Долли хотѣла успокоить ее, но было уже поздно.

— Что, что ты хочешь мнѣ дать почувствовать, что?—говорила Кити быстро.—То, что я была влюблена въ человѣка, который меня знать не хотѣлъ, и что я умираю отъ любви къ нему? И это мнѣ говоритъ сестра, которая думаетъ, что... что... что она соболѣзнуетъ!... Не хочу я этихъ сожалѣній и притворствъ!

— Кити, ты несправедлива.

— Зачѣмъ ты мучаешь меня?

— Да я, напротивъ... Я вижу, что огорчена...

Но Кити, въ своей горячкѣ, не слышала ея.

— Мнѣ не о чемъ сокрушаться и утѣшаться. Я настолько горда, что никогда не позволю себѣ любить человѣка, кокоторый меня не любитъ.

— Да я и не говорю... Одно—скажи мнѣ правду,—проговорила, взявъ ее за руку, Дарья Александровна,—скажи мнѣ, Левинъ говорилъ тебѣ?...

Упоминаніе о Левинѣ, казалось, лишило Кити послѣдняго

самообладанія; она вскочила со стула и, бросивъ пряжку о землю и дѣлая быстрые жесты руками, заговорила:

— Къ чему тутъ еще Левинъ? Не понимаю, зачѣмъ тебѣ нужно мучить меня. Я сказала и повторяю, что я горда, и никогда, *никогда* я не сдѣлаю того, что ты дѣлаешь, чтобы вернуться къ человѣку, который тебѣ измѣнилъ, который полюбилъ другую женщину. Я не понимаю этого! Ты можешь, а я не могу!

И сказавъ эти слова, она взглянула на сестру, и увидѣвъ, что Долли молчитъ, грустно опустивъ голову, Кити, вмѣсто того, чтобы выдти изъ комнаты, какъ намѣревалась, сѣла у двери и, закрывъ лицо платкомъ, опустила голову.

Молчаніе продолжалось минуты двѣ. Долли думала о себѣ. То свое униженіе, которое она всегда чувствовала, особенно больно отозвалось въ ней, когда о немъ напомнила ей сестра. Она не ожидала такой жестокости отъ сестры и сердилась на нее. Но вдругъ она услыхала шумъ платья и вмѣстѣ звукъ разразившагося сдержаннаго рыданья, и чьи-то руки снизу обняли ея шею. Кити на колѣняхъ стояла передъ ней.

— Долинька, я такъ, такъ несчастна! — виновато прошептала она.

И покрытое слезами милое лицо спряталось въ юбкѣ платья Дарьи Александровны.

Какъ будто слезы были та необходимая мазь, безъ которой не могла идти успѣшно машина взаимнаго общенія между двумя сестрами, — сестры послѣ слезъ разговаривали не о томъ, что занимало ихъ, но, и говоря о постороннемъ, онѣ поняли другъ друга. Кити поняла, что сказанное ею въ сердцахъ слово о невѣрности мужа и объ униженіи

до глубины сердца поразило бѣдную сестру, но что она прощала ей. Долли, съ своей стороны, поняла все, что она хотѣла знать; она убѣдилась, что догадки ея были вѣрны, что горе, неизлѣчимое горе Кити состояло именно въ томъ, что Левинъ дѣлалъ предложеніе и что она отказала ему, и Вронскій обманулъ ее, и что она готова была любить Левина и ненавидѣть Вронскаго. Кити ни слова не сказала объ этомъ, она говорила только о своемъ душевномъ состояніи.

— У меня нѣтъ никакого горя,—говорила она успокоившись,—но ты можешь ли понять, что мнѣ все стало гадко, противно, грубо и, прежде всего, я сама. Ты не можешь себѣ представить, какія у меня гадкія мысли обо всемъ.

— Да какія же могутъ быть у тебя гадкія мысли?—спросила Долли, улыбаясь.

— Самыя, самыя гадкія и грубыя; не могу тебѣ сказать. Это не тоска, не скука, а гораздо хуже. Какъ будто все, что было хорошаго во мнѣ, все спряталось, а осталось одно самое гадкое. Ну, какъ тебѣ сказать? — продолжала она, видя недоумѣніе въ глазахъ сестры:—папа сейчасъ мнѣ началъ говорить... мнѣ кажется, онъ думаетъ только, что мнѣ нужно выдти замужъ. Мама везетъ меня на балъ: мнѣ кажется, что она только затѣмъ везетъ меня, чтобы поскорѣе выдать замужъ и избавиться отъ меня. Я знаю, что это неправда, но не могу отогнать этихъ мыслей. Жениховъ такъ-называемыхъ я видѣть не могу. Мнѣ кажется, что они съ меня мѣрку снимаютъ. Прежде ѣхать куда-нибудь въ бальномъ платьѣ для меня было простое удовольствіе, я собой любовалась; теперь мнѣ стыдно, неловко. Ну, что хочешь! Докторъ... Ну...

Кити замялась; она хотѣла далѣе сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ съ ней сдѣлалась эта перемѣна, Степанъ Аркадьевичъ ей сталъ невыносимо непріятенъ и что она не можетъ видѣть его безъ представленій самыхъ грубыхъ и безобразныхъ.

— Ну да, все мнѣ представляется въ самомъ грубомъ, гадкомъ видѣ,—продолжала она.—Это моя болѣзнь. Можетъ быть это пройдетъ...

— А ты не думай...

— Не могу. Только съ дѣтьми мнѣ хорошо, только у тебя.

— Жаль, что нельзя тебѣ бывать у меня.

— Нѣтъ, я пріѣду. У меня была скарлатина, и я упрошу maman.

Кити настояла на своемъ и переѣхала къ сестрѣ и всю скарлатину, которая дѣйствительно пришла, ухаживала за дѣтьми. Обѣ сестры благополучно выходили всѣхъ шестерыхъ дѣтей, но здоровье Кити не поправилось, и великимъ постомъ Щербацкіе уѣхали за границу.

IV.

Петербургскій высшій кругъ собственно одинъ; всѣ знаютъ другъ друга, даже ѣздятъ другъ къ другу. Но въ этомъ большомъ кругѣ есть свои подраздѣленія. Анна Аркадьевна Каренина имѣла друзей и тѣсныя связи въ трехъ различныхъ кругахъ. Одинъ кругъ былъ служебный, оффиціальный кругъ ея мужа, состоявшій изъ его сослуживцевъ и подчиненныхъ, самымъ разнообразнымъ и прихотливымъ образомъ связанныхъ и разъединенныхъ въ общественныхъ условіяхъ. Анна теперь съ трудомъ могла вспомнить то

чувство почти набожнаго уваженія, которое она въ первое время имѣла къ этимъ лицамъ. Теперь она знала всѣхъ ихъ, какъ знаютъ другъ друга въ уѣздномъ городѣ: знала, у кого какія привычки и слабости, у кого какой сапогъ жметъ ногу; знала ихъ отношенія другъ къ другу и къ главному центру; знала, кто за кого, какъ и чѣмъ держится и кто съ кѣмъ и въ чемъ сходится и расходится,—но этотъ кругъ правительственныхъ мужскихъ интересовъ никогда, несмотря на внушенія графини Лидіи Ивановны, не могъ интересовать ее, и она избѣгала его.

Другой близкій Аннѣ кружокъ— это былъ тотъ, черезъ который Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру. Центромъ этого кружка была графиня Лидія Ивановна. Это былъ кружокъ старыхъ, некрасивыхъ, добродѣтельныхъ и набожныхъ женщинъ и умныхъ, ученыхъ, честолюбивыхъ мужчинъ. Одинъ изъ умныхъ людей, принадлежащихъ къ этому кружку, называлъ его „совѣстью петербургскаго общества“. Алексѣй Александровичъ очень дорожилъ этимъ кружкомъ, и Анна, такъ умѣвшая сживаться со всѣми, нашла себѣ, въ первое время своей петербургской жизни, друзей и въ этомъ кругѣ. Теперь же, по возвращеніи изъ Москвы, кружокъ этотъ ей сталъ невыносимъ. Ей показалось, что и она, и всѣ они — притворяются, и ей стало такъ скучно и неловко въ этомъ обществѣ, что она, сколько возможно, менѣе ѣздила къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

— Третій кругъ, наконецъ, гдѣ Анна имѣла связи, былъ собственно свѣтъ,—свѣтъ баловъ, обѣдовъ, блестящихъ туалетовъ, — свѣтъ, державшійся одною рукой за дворъ, чтобы не спуститься до полусвѣта, который члены этого круга

думали что презирали, но съ которымъ вкусы у него были не только сходные, но одни и тѣ же. Связь ея съ этимъ кругомъ держалась черезъ княгиню Бетси Тверскую, жену ея двоюроднаго брата, у которой было сто двадцать тысячъ дохода и которая, съ самаго появленія Анны въ свѣтъ, особенно полюбила ее, ухаживала за ней и втягивала въ свой кругъ, смѣясь надъ кругомъ графини Лидіи Ивановны.

— Когда стара буду и дурна, я сдѣлаюсь такая же,—говорила Бетси,—но для васъ, для молодой, хорошенькой женщины еще рано въ эту богадѣльню.

Анна первое время избѣгала, сколько могла, этого свѣта княгини Тверской, такъ какъ онъ требовалъ расходовъ выше ея средствъ, да и по душѣ она предпочитала первый; но послѣ поѣздки въ Москву сдѣлалось наоборотъ. Она избѣгала нравственныхъ друзей своихъ и ѣздила въ большой свѣтъ. Тамъ она встрѣчала Вронскаго и испытывала волнующую радость при этихъ встрѣчахъ. Особенно часто встрѣчала она Вронскаго у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронскій былъ вездѣ гдѣ только могъ встрѣчать Анну, и говорилъ ей, когда могъ, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый разъ, когда она встрѣчалась съ нимъ, въ душѣ ея загоралось то самое чувство оживленія, которое нашло на нее въ тотъ день въ вагонѣ, когда она въ первый разъ увидѣла его. Она сама чувствовала, что, при видѣ его, радость свѣтилась въ ея глазахъ и морщила ея губы въ улыбку, и она не могла затушить выраженіе этой радости.

Первое время Анна искренно вѣрила, что она недовольна

нимъ за то, что онъ позволяетъ себѣ преслѣдовать ее; но скоро, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, пріѣхавъ на вечеръ, гдѣ она думала встрѣтить его, а его не было, она по овладѣвшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преслѣдованіе не только не непріятно ей, но что оно составляетъ весь интересъ ея жизни.

Знаменитая пѣвица пѣла второй разъ, и весь большой свѣтъ былъ въ театрѣ. Увидавъ изъ своего кресла въ первомъ ряду кузину, Вронскій, не дождавшись антракта, вошелъ къ ней въ ложу.

— Что-жъ вы не пріѣхали обѣдать?—сказала она ему.— Удивляюсь этому ясновидѣнію влюбленныхъ,—прибавила она съ улыбкой, такъ, чтобы онъ одинъ слышалъ:—*она не была.* Но пріѣзжайте послѣ оперы.

Вронскій вопросительно взглянулъ на нее. Она нагнула голову. Онъ улыбкой поблагодарилъ ее и сѣлъ подлѣ нея.

— А какъ я вспоминаю ваши насмѣшки!—продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствіе въ слѣдованіи за успѣхомъ этой страсти.—Куда это все дѣлось! Вы пойманы, мой милый!

— Я только того и желаю, чтобы быть пойманнымъ,— отвѣчалъ Вронскій, съ своею спокойною, добродушною улыбкой.—Если я жалуюсь, то на то только, что слишкомъ мало пойманъ, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

— Какую-жъ вы можете имѣть надежду?—сказала Бетси, оскорбившись за своего друга: entendons nous... Но въ глазахъ ея бѣгали огоньки, говорившіе, что она очень хорошо

и точно такъ же, какъ и онъ, понимаетъ, какую онъ могъ имѣть надежду.

— Никакой,—смѣясь и выставляя свои сплошные зубы, сказалъ Вронскій.—Виноватъ,—прибавилъ онъ, взявъ изъ ея руки бинокль и принявшись оглядывать, чрезъ ея обнаженное плечо, противоположный рядъ ложъ.—Я боюсь, что становлюсь смѣшонъ.

Онъ зналъ очень хорошо, что въ глазахъ Бетси и всѣхъ свѣтскихъ людей онъ не рисковалъ быть смѣшнымъ. Онъ зналъ очень хорошо, что въ глазахъ этихъ лицъ роль несчастнаго любовника дѣвушки и, вообще, свободной женщины можетъ быть смѣшна; но роль человѣка, приставшаго къ замужней женщинѣ и, во что бы то ни стало, положившаго свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее въ прелюбодѣяніе, что роль эта имѣетъ что-то красивое, величественное, и никогда не можетъ быть смѣшна, и поэтому онъ съ гордою и веселою, игравшею подъ его усами, улыбкой опустилъ бинокль и посмотрѣлъ на кузину.

— А отчего вы не пріѣхали обѣдать?—сказала она, любуясь имъ.

— Это надо разсказать вамъ. Я былъ занятъ и чѣмъ? Даю вамъ это изо ста, изъ тысячи... не угадаете. Я мирилъ мужа съ оскорбителемъ его жены. Да, право!

— Что-жъ, и помирили?

— Почти.

— Надо, чтобы вы мнѣ это разсказали,—сказала она вставая.—Приходите въ тотъ антрактъ.

— Нельзя; я ѣду во Французскій театръ.

— Отъ Нильсонъ?—съ ужасомъ спросила Бетси, которая ни за что бы не распознала Нильсонъ отъ всякой хористки.

— Что-жъ дѣлать, мнѣ тамъ свиданіе, все по этому дѣлу моего миротворства.

— Блаженны миротворцы, они спасутся,—сказала Бетси, вспоминая что-то подобное, слышанное ею отъ кого-то.— Ну, такъ садитесь, разскажите, что такое?

И опять она сѣла.

V.

— Это немножко нескромно, но такъ мило, что ужасно хочется разсказать,—сказалъ Вронскій, глядя на нее смѣющимися глазами.—Я не буду называть фамилій.

— Но я буду угадывать, тѣмъ лучше.

— Слушайте же: ѣдутъ два веселые молодые человѣка...

— Разумѣется, офицеры вашего полка?

— Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшіе молодые человѣка.

— Переводите: выпившіе.

— Можетъ быть. Ѣдутъ на обѣдъ къ товарищу въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И видятъ, хорошенькая женщина обгоняетъ ихъ на извощикѣ, оглядывается и,—имъ по крайней мѣрѣ кажется,—киваетъ имъ и смѣется. Они, разумѣется, за ней. Скачутъ во весь духъ. Къ удивленію ихъ, красавица останавливается у подъѣзда того самаго дома, куда они ѣдутъ. Красавица взбѣгаетъ на верхній этажъ. Они видятъ только румяныя губки изъ-подъ короткаго вуаля и прекрасныя маленькія ножки.

— Вы съ такимъ чувствомъ это разсказываете, что мнѣ кажется, вы сами одинъ изъ этихъ двухъ.

— А сейчасъ вы мнѣ что говорили?... Ну, молодые люди входятъ къ товарищу; у него обѣдъ прощальный. Тутъ,

точно, они выпиваютъ, можетъ-быть лишнее, какъ всегда на прощальныхъ обѣдахъ. И за обѣдомъ распрашиваютъ, кто живетъ на верху въ этомъ домѣ. Никто не знаетъ, и только лакей хозяина, на ихъ вопросъ, живутъ ли на верху *мамзели*, отвѣчаетъ, что ихъ тутъ очень много. Послѣ обѣда молодые люди отправляются въ кабинетъ къ хозяину и пишутъ письмо къ неизвѣстной. Написали страстное письмо, признаніе, и сами несутъ письмо на верхъ, чтобы разъяснить то, что въ письмѣ оказалось бы не совсѣмъ понятнымъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ такія гадости разсказываете?... Ну?

— Звонятъ. Выходитъ дѣвушка, они даютъ письмо и увѣряютъ дѣвушку, что оба такъ влюблены, что сейчасъ умрутъ тутъ у двери. Дѣвушка въ недоумѣніи ведетъ переговоры. Вдругъ является господинъ съ бакенбардами-колбасиками, красный какъ ракъ, объявляетъ, что въ домѣ никого не живетъ, кромѣ его жены, и выгоняетъ обоихъ.

— Почему же вы знаете, что у него бакенбарды, какъ вы говорите, колбасиками?

— А вотъ слушайте. Нынче я ѣздилъ мирить ихъ.

— Ну, и что же?

— Тутъ-то самое интересное. Оказывается, что это счастливая чета титулярнаго совѣтника и титулярной совѣтницы. Титулярный совѣтникъ подаетъ жалобу, и я дѣлаюсь примирителемъ, и какимъ!... Увѣряю васъ, Талейранъ ничто въ сравненіи со мной.

— Въ чемъ же трудность?

— Да вотъ, послушайте... Мы извинились, какъ слѣдуетъ: „мы въ отчаяніи, мы просимъ простить за несчастное недоразумѣніе". Титулярный совѣтникъ съ колбасиками

начинаетъ таять, но желаетъ тоже выразить свои чувства, и какъ только онъ начинаетъ выражать ихъ, такъ наначинаетъ горячиться и говорить грубости, и опять я долженъ пускать въ ходъ всѣ свои дипломатическіе таланты. „Я согласенъ, что поступокъ ихъ нехорошъ, но прошу васъ принять во вниманіе недоразумѣніе, молодость; потомъ, молодые люди только-что позавтракали. Вы понимаете. Они раскаиваются отъ всей души, просятъ простить ихъ вину“. Титулярный совѣтникъ опять смягчается: „Я согласенъ, графъ, и готовъ простить, но понимаете, что моя жена, моя жена, честная женщина, подвергается преслѣдованіямъ, грубостямъ и дерзостямъ какихъ-нибудь мальчишекъ, мерз...“ А вы понимаете, мальчишка этотъ тутъ, и мнѣ надо примирять ихъ. Опять я пускаю въ ходъ дипломацію, и опять, какъ только надо закончить все дѣло, мой титулярный совѣтникъ горячится, краснѣетъ, колбасики поднимаются, и опять я разливаюсь въ дипломатическихъ тонкостяхъ.

— Ахъ, это надо разсказать вамъ!—смѣясь обратилась Бести ко входившей въ ея ложу дамѣ.—Онъ такъ насмѣшилъ меня.

— Ну, bonne chance,—прибавила она, подавая Вронскому палецъ, свободный отъ держанія вѣера, и движеніемъ плечъ опуская поднявшійся лифъ платья, съ тѣмъ чтобы, какъ слѣдуетъ, быть вполнѣ голою, когда выйдетъ впередъ, къ рампѣ, на свѣтъ газа и на всѣ глаза.

Вронскій поѣхалъ во Французскій театръ, гдѣ ему дѣйствительно нужно было видѣть полковаго командира, не пропускавшаго ни одного представленія во Французскомъ театрѣ, съ тѣмъ, чтобы переговорить съ нимъ о своемъ ми-

ротворствѣ, которое занимало и забавляло его уже третій день. Въ дѣлѣ этомъ былъ замѣшанъ Петрицкій, котораго онъ любилъ, и другой, недавно поступившій, славный малый, отличный товарищъ, молодой князь Кедровъ. А главное, тутъ были замѣшаны интересы полка.

Оба были въ эскадронѣ Вронскаго. Къ полковому командиру пріѣзжалъ чиновникъ, титулярный совѣтникъ Венденъ, съ жалобой на его офицеровъ, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, какъ разсказывалъ Венденъ,—онъ былъ женатъ полгода,—была въ церкви съ матушкой и, вдругъ почувствовавъ нездоровье, происходящее отъ извѣстнаго положенія, не могла больше стоять и поѣхала домой на первомъ попавшемся ей лихачѣ-извощикѣ. Тутъ за ней погнались офицеры, она испугалась и, еще болѣе разболѣвшись, взбѣжала по лѣстницѣ домой. Самъ Венденъ, вернувшись изъ присутствія, услыхалъ звонокъ и какіе-то голоса, вышелъ и, увидавъ пьяныхъ офицеровъ съ письмомъ, вытолкалъ ихъ. Онъ просилъ строгаго наказанія.

— Нѣтъ, какъ хотите,—сказалъ полковой командиръ Вронскому, пригласивъ его къ себѣ,—Петрицкій становится невозможенъ. Не проходитъ недѣли безъ исторіи. Этотъ чиновникъ не оставитъ дѣла, онъ пойдетъ дальше.

Вронскій видѣлъ всю неблагодарность этого дѣла, и что тутъ дуэли быть не можетъ, что надо все сдѣлать, чтобы смягчить этого титулярнаго совѣтника и замять дѣло. Полковой командиръ призвалъ Вронскаго именно потому, что зналъ его за благороднаго и умнаго человѣка, а главное—за человѣка, дорожащаго честью полка. Они потолковали и рѣшили, что надо ѣхать Петрицкому и Кедрову съ Вронскимъ къ этому титулярному совѣтнику извиняться. Полко-

вой командиръ и Вронскій оба понимали, что имя Вронскаго и флигель-адъютантскій вензель должны много содѣйствовать смягченію титулярнаго совѣтника. И дѣйствительно, эти два средства оказались отчасти дѣйствительны; но результатъ примиренія остался сомнительнымъ, какъ и разсказывалъ Вронскій.

Пріѣхавъ во Французскій театръ, Вронскій удалился съ полковымъ командиромъ въ фойе и разсказалъ ему свой успѣхъ или неуспѣхъ. Обдумавъ все, полковой командиръ рѣшилъ оставить дѣло безъ послѣдствій, но потомъ, ради удовольствія, сталъ распрашивать Вронскаго о подробностяхъ его свиданья, и долго не могъ удержаться отъ смѣха, слушая разсказъ Вронскаго о томъ, какъ затихавшій титулярный совѣтникъ вдругъ опять разгорался, вспоминая подробности дѣла, и какъ Вронскій, лавируя при послѣднемъ полусловѣ примиренія, ретировался, толкая впередъ себя Петрицкаго.

— Скверная исторія, но уморительная. Не можетъ же Кедровъ драться съ этимъ господиномъ! Такъ ужасно горячился? — смѣясь переспросилъ онъ. — А какова нынче Клеръ? Чудо,—сказалъ онъ про новую французскую актрису.—Сколько ни смотри, каждый день новая. Только одни французы могутъ это.

VI.

Княгиня Бетси, не дождавшись конца послѣдняго акта, уѣхала изъ театра. Только-что успѣла она войдти въ свою уборную, обсыпать свое длинное, блѣднсе лицо пудрой, стереть ее, оправиться и приказать чай въ большой гостиной, какъ ужъ одна за другою стали подъѣзжать кареты

къ ея огромному дому на Большой Морской. Гости выходили на широкій подъѣздъ, и тучный швейцаръ, читающій по утрамъ, для назиданія прохожихъ, за стеклянною дверью газеты, беззвучно отворялъ эту огромную дверь, пропуская мимо себя пріѣзжавшихъ.

Почти въ одно и то же время вошли: хозяйка, съ освѣженною прической и освѣженнымъ лицомъ, изъ одной двери и гости изъ другой, въ большую гостиную съ темными стѣнами, пушистыми коврами и ярко-освѣщеннымъ столомъ, блестѣвшимъ подъ огнями свѣчъ бѣлизною скатерти, серебромъ самовара и прозрачнымъ фарфоромъ чайнаго прибора.

Хозяйка сѣла за самоваръ и сняла перчатки. Передвигая стулья съ помощью незамѣтныхъ лакеевъ, общество размѣстилось, раздѣлившись на двѣ части: у самовара — съ хозяйкой и на противоположномъ концѣ гостиной — около красивой жены посланника, въ черномъ бархатѣ и съ черными рѣзкими бровями. Разговоръ въ обоихъ центрахъ, какъ и всегда въ первыя минуты, колебался, перебиваемый встрѣчами, привѣтствіями, предложеніемъ чая, какъ бы отыскивая, на чемъ остановиться.

— Она необыкновенно хороша, какъ актриса; видно, что она изучила Каульбаха, — говорилъ дипломатъ въ кружкѣ жены посланника.—Вы замѣтили, какъ она упала...

— Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить про Нильсонъ! Про нее нельзя ничего сказать новаго,—сказала толстая, красная, безъ бровей и безъ шиньона, бѣлокурая дама въ старомъ шелковомъ платьѣ. Это была княгиня Мягкая, извѣстная своей простотой, грубостью обращенія и прозванная enfant terrible. Княгиня Мягкая сидѣла посрединѣ между обоими кружками и, прислушиваясь, принимала уча-

стіе то въ томъ, то въ другомъ.—Мнѣ нынче три человѣка сказали эту самую фразу про Каульбаха, точно сговорились. И фраза... не знаю чѣмъ такъ понравилась имъ.

Разговоръ былъ прерванъ этимъ замѣчаніемъ, и надо было придумывать опять новую тему.

— Разскажите намъ что-нибудь забавное, но не злое,— сказала жена посланника, великая мастерица изящнаго разговора, называемаго по-англійски small talk, обращаясь къ дипломату, тоже не знавшему что̀ теперь начать.

— Говорятъ, что это очень трудно, что только злое смѣшно,—началъ онъ съ улыбкой.—Но я попробую. Дайте тему. Все дѣло въ темѣ. Если тема дана, то вышивать по ней уже легко. Я часто думаю, что знаменитые говоруны прошлаго вѣка были бы теперь въ затрудненіи говорить умно. Все умное такъ надоѣло...

— Давно ужъ сказано, — смѣясь перебила его жена посланника.

Разговоръ начался мило, но именно потому, что онъ былъ слишкомъ ужъ милъ, онъ опять остановился. Надо было прибѣгнуть къ вѣрному, никогда не измѣняющему средству— злословію.

— Вы не находите, что въ Тушкевичѣ есть что-то Louis XV? — сказалъ онъ, указывая глазами на красиваго бѣлокураго молодаго человѣка, стоявшаго у стола.

— О, да! Онъ въ одномъ вкусѣ съ гостиной, отъ этого онъ такъ часто и бываетъ здѣсь.

Этотъ разговоръ поддержался, такъ какъ говорилось намеками именно о томъ, чего нельзя было говорить въ этой гостиной, то-есть объ отношеніяхъ Тушкевича къ хозяйкѣ.

Около самовара и хозяйки разговоръ, между тѣмъ, точно также поколебавшись нѣсколько времени между тремя неизбѣжными темами: послѣднею общественною новостью, театромъ и осужденіемъ ближняго,—тоже установился, попавъ на послѣднюю тему, то-есть на злословіе.

— Вы слышали, и Мальтищева—не дочь, а мать—шьетъ себѣ костюмъ diable rose.

— Не можетъ быть!... Нѣтъ, это прелестно!

— Я удивляюсь, какъ съ ея умомъ,—она вѣдь не глупа,—не видѣть, какъ она смѣшна.

Каждый имѣлъ что сказать въ осужденіе и осмѣяніе несчастной Мальтищевой, и разговоръ весело затрещалъ, какъ разгорѣвшійся костеръ.

Мужъ княгини Бетси, добродушный толстякъ, страстный собиратель гравюръ, узнавъ, что у жены гости, зашелъ передъ клубомъ въ гостиную. Неслышно, по мягкому ковру, онъ подошелъ къ княгинѣ Мягкой.

— Какъ вамъ понравилась Нильсонъ?—сказалъ онъ.

— Ахъ, можно ли такъ подкрадываться? Какъ вы меня испугали!—отвѣчала она.—Не говорите, пожалуйста, со мной про оперу, вы ничего не понимаете въ музыкѣ. Лучше я спущусь до васъ и буду говорить съ вами про ваши маіолики и гравюры. Ну, какое тамъ сокровище купили вы недавно на Толкучкѣ?

— Хотите, я вамъ покажу? Но вы не знаете толку.

— Покажите. Я выучилась у этихъ, какъ ихъ зовутъ... банкиры... у нихъ прекрасныя есть гравюры. Они намъ показывали.

— Какъ, вы были у Шюцбургъ? — спросила хозяйка отъ самовара.

— Была, ma chère. Они насъ звали съ мужемъ обѣдать, и мнѣ сказывали, что соусъ на этомъ обѣдѣ стоилъ тысячу рублей,—громко говорила княгиня Мягкая, чувствуя, что всѣ ее слушаютъ,—и очень гадкій соусъ, что-то зеленое. Надо было ихъ позвать, и я сдѣлала соусъ на восемьдесятъ пять копѣекъ, и всѣ были очень довольны. Я не могу дѣлать тысячерублевыхъ соусовъ.

— Она единственна!—сказала хозяйка.

— Удивительна!—сказалъ кто-то.

Эффектъ, производимый рѣчами княгини Мягкой, всегда былъ одинаковъ, и секретъ производимаго ею эффекта состоялъ въ томъ, что она говорила хотя и не совсѣмъ кстати, какъ теперь, но простыя вещи, имѣющія смыслъ. Въ обществѣ, гдѣ она жила, такія слова производили дѣйствіе самой остроумной шутки. Княгиня Мягкая не могла понять, отчего это такъ дѣйствовало, но знала, что это такъ дѣйствовало, и пользовалась этимъ.

Такъ какъ, во время рѣчи княгини Мягкой, всѣ ее слушали, и разговоръ около жены посланника прекратился, хозяйка хотѣла связать все общество во-едино и обратилась къ женѣ посланника.

— Рѣшительно вы не хотите чаю? Вы бы перешли къ намъ.

— Нѣтъ, намъ очень хорошо здѣсь,—съ улыбкой отвѣчала жена посланника и продолжала начатый разговоръ.

Разговоръ былъ очень пріятный. Осуждали Карениныхъ, жену и мужа.

— Анна очень перемѣнилась съ своей московской поѣздки. Въ ней есть что-то странное,—говорила ея пріятельница.

— Перемѣна главная та, что она привезла съ собою тѣнь Алексѣя Вронскаго,—сказала жена посланника.

— Да что же? У Гримма есть басня: человѣкъ безъ тѣни, человѣкъ лишенъ тѣни. И это ему наказаніе за что-то. Я никогда не могу понять, въ чемъ наказанье. Но женщинѣ должно быть непріятно безъ тѣни.

— Да, но женщины съ тѣнью обыкновенно дурно кончаютъ,—сказала пріятельница Анны.

— Типунъ вамъ на языкъ,—сказала вдругъ княгиня Мягкая, услыхавъ эти слова.—Каренина прекрасная женщина. Мужа ея я не люблю, а ее очень люблю.

— Отчего же вы не любите мужа? Онъ такой замѣчательный человѣкъ,—сказала жена посланника.—Мужъ говоритъ, что такихъ государственныхъ людей мало въ Европѣ.

— И мнѣ то же говоритъ мужъ, но я не вѣрю,—сказала княгиня Мягкая.—Еслибы мужья наши не говорили, мы бы видѣли то, что есть; а Алексѣй Александровичъ, по-моему, просто глупъ. Я шепотомъ говорю это... Не правда ли, какъ все ясно дѣлается? Прежде, когда мнѣ велѣли находить его умнымъ, я все искала и находила, что я сама глупа, не видя его ума; а какъ только я сказала: *онъ глупъ*, но шепотомъ, все такъ ясно стало, не правда ли?

— Какъ вы злы нынче!

— Нисколько. У меня нѣтъ другаго выхода. Кто нибудь изъ двухъ глупъ. Ну, а вы знаете, про себя нельзя этого никогда сказать.

— Никто не доволенъ своимъ состояніемъ, и всякій доволенъ своимъ умомъ,—сказалъ дипломатъ французскій стихъ.

— Вотъ, вотъ, именно,—поспѣшно обратилась къ нему княгиня Мягкая. Но дѣло въ томъ, что Анну я вамъ не

отдамъ. Она такая славная, милая. Что же ей дѣлать, если всѣ влюблены въ нее и какъ тѣни ходятъ за ней?

— Да я и не думаю осуждать,—оправдывалась пріятельница Анны.

— Если за нами никто не ходитъ какъ тѣнь, то это не доказываетъ, что мы имѣемъ право осуждать.

И отдѣлавъ какъ слѣдовало пріятельницу Анны, княгиня Мягкая встала и, вмѣстѣ съ женой посланника, присоединилась къ столу, гдѣ шелъ общій разговоръ о прусскомъ королѣ.

— О чемъ вы тамъ злословили?—спросила Бетси.

— О Карениныхъ. Княгиня дѣлала характеристику Алексѣя Александровича,—отвѣчала жена посланника, съ улыбкой садясь къ столу.

— Жалко, что мы не слыхали,—сказала хозяйка, взглядывая на входную дверь.—А, вотъ и вы наконецъ!—обратилась она съ улыбкой ко входившему Вронскому.

Вронскій былъ не только знакомъ со всѣми, но видалъ каждый день всѣхъ, кого онъ тутъ встрѣтилъ, и потому онъ вошелъ съ тѣми спокойными пріемами, съ какими входятъ въ комнату къ людямъ, отъ которыхъ только-что вышли.

— Откуда я?—отвѣчалъ онъ на вопросъ жены посланника.—Что же дѣлать, надо признаться. Изъ Буффъ. Кажется, въ сотый разъ и все съ новымъ удовольствіемъ. Прелесть! Я знаю, что это стыдно; но въ оперѣ я сплю, а въ Буффахъ до послѣдней минуты досиживаю, и весело. Нынче...

Онъ назвалъ французскую актрису и хотѣлъ что-то разсказывать про нее; но жена посланника съ шутливымъ ужасомъ перебила его:

— Пожалуйста, не разсказывайте про этотъ ужасъ.

— Ну, не буду, тѣмъ болѣе, что всѣ знаютъ эти ужасы.

— И всѣ бы поѣхали туда, еслибъ это было такъ же принято, какъ опера,—подхватила княгиня Мягкая.

VII.

У входной двери послышались шаги, и княгиня Бетси, зная, что это Каренина, взглянула на Вронскаго. Онъ смотрѣлъ на дверь, и лицо его имѣло странное новое выраженіе. Онъ радостно, пристально и вмѣстѣ робко смотрѣлъ на входившую и медленно приподнимался. Въ гостиную входила Анна. Какъ всегда, держась чрезвычайно прямо и не измѣняя направленія взгляда, она сдѣлала своимъ быстрымъ, твердымъ и легкимъ шагомъ, отличавшимъ ее отъ походки другихъ свѣтскихъ женщинъ, тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и съ этою улыбкой оглянулась на Вронскаго. Вронскій низко поклонился и подвинулъ ей стулъ.

Она отвѣчала только наклоненіемъ головы, покраснѣла и нахмурилась. Но тотчасъ же, быстро кивая знакомымъ и пожимая протягиваемыя руки, она обратилась къ хозяйкѣ.

— Я была у графини Лидіи и хотѣла раньше пріѣхать, но засидѣлась. У ней былъ сэръ Джонъ. Очень интересный.

— Ахъ, это миссіонеръ этотъ?

— Да, онъ разсказывалъ про индѣйскую жизнь очень интересно.

Разговоръ, перебитый пріѣздомъ, опять замотался какъ огонь задуваемой лампы.

— Сэръ Джонъ! Да, сэръ Джонъ. Я его видѣла. Онъ хорошо говоритъ. Власьева совсѣмъ влюблена въ него.

— А правда, что Власьева меньшая выходитъ за Топова?

— Да, говорятъ, это совсѣмъ рѣшено.

— Я удивляюсь родителямъ. Говорятъ, это бракъ по страсти.

— По страсти? Какія у васъ антидилювіальныя мысли! Кто нынче говоритъ про страсти?—сказала жена посланника.

— Что дѣлать, эта глупая старая мода все еще не выводится,—сказалъ Вронскій.

— Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто держится этой моды. Я знаю счастливые браки только по разсудку.

— Да, но за то какъ часто счастіе браковъ по разсудку разлетается какъ пыль, именно отъ того, что появляется та самая страсть, которую не признавали,—сказалъ Вронскій.

— Но бракамн по разсудку мы называемъ тѣ, когда уже оба перебѣсились. Это какъ скарлатина, черезъ это надо пройдти.

— Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, какъ оспу.

— Я была въ молодости влюблена въ дьячка, — сказала княгиня Мягкая.—Не знаю, помогло ли мнѣ это.

— Нѣтъ, я думаю, безъ шутокъ, что для того, чтобъ узнать любовь, надо ошибиться и потомъ поправиться, — сказала княгиня Бетси.

— Даже послѣ брака?—шутливо сказала жена посланника.

— Никогда не поздно раскаяться, — сказалъ дипломатъ англійскую пословицу.

— Вотъ именно,—подхватила Бетси:—надо ошибиться и поправиться. Какъ вы объ этомъ думаете?—обратилась она къ Аннѣ, которая, съ чуть замѣтною твердою улыбкой на губахъ, молча слушала этотъ разговоръ.

— Я думаю,—сказала Анна, играя снятою перчаткой,—я думаю... если сколько головъ, столько умовъ, то и сколько сердецъ—столько родовъ любви.

Вронскій смотрѣлъ на Анну и съ замираніемъ сердца ждалъ, что она скажетъ. Онъ вздохнулъ, какъ бы послѣ опасности, когда она выговорила эти слова.

Анна вдругъ обратилась къ нему:

— А я получила изъ Москвы письмо. Мнѣ пишутъ, что Кити Щербацкая очень больна.

— Неужели?—нахмурившись сказалъ Вронскій.

Анна строго посмотрѣла на него.

— Васъ не интересуетъ это?

— Напротивъ, очень. Что именно вамъ пишутъ, если можно узнать?—спросилъ онъ.

Анна встала и подошла къ Бетси.

— Дайте мнѣ чашку чаю,—сказала она, останавливаясь за ея стуломъ.

Пока Бетси наливала ей чай, Вронскій подошелъ къ Аннѣ.

— Что же вамъ пишутъ?—повторилъ онъ.

— Я часто думаю, что мужчины не понимаютъ того, что не благородно, а всегда говорятъ объ этомъ,—сказала Анна, не отвѣчая ему.—Я давно хотѣла сказать вамъ,—прибавила она и, перейдя нѣсколько шаговъ, сѣла у угловаго стола съ альбомами.

— Я не совсѣмъ понимаю значеніе вашихъ словъ,—сказалъ онъ, подавая ей чашку.

Она взглянула на диванъ подлѣ себя, и онъ тотчасъ же сѣлъ.

— Да, я хотѣла сказать вамъ,—сказала она, не глядя на него.—Вы дурно поступили, дурно, очень дурно.

— Развѣ я не знаю, что я дурно поступилъ? Но кто причиной, что я поступилъ такъ?

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ это? — сказала она, строго взглядывая на него.

— Вы знаете зачѣмъ,—отвѣчалъ онъ смѣло и радостно, встрѣчая ея взглядъ и не спуская глазъ.

Не онъ, а она смутилась.

— Это доказываетъ только то, что у васъ нѣтъ сердца,— сказала она. Но взглядъ ея говорилъ, что она знаетъ, что у него есть сердце, и отъ этого-то боится его.

— То, о чемъ вы сейчасъ говорили, была ошибка, а не любовь.

— Вы помните, что я запретила вамъ произносить это слово, это гадкое слово,— вздрогнувъ сказала Анна; но тутъ же она почувствовала, что однимъ этимъ словомъ *запретила* она показывала, что признавала за собой извѣстныя права на него, и этимъ самымъ поощряла его говорить про любовь. — Я вамъ давно это хотѣла сказать, — продолжала она, рѣшительно глядя ему въ глаза и вся пылая жегшимъ ея лицо румянцемъ,—а нынче я нарочно пріѣхала, зная, что я васъ встрѣчу. Я пріѣхала сказать вамъ, что это должно кончиться. Я никогда ни передъ кѣмъ не краснѣла, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною въ чемъ-то.

Онъ смотрѣлъ на нее и былъ пораженъ новою духовною красотой ея лица.

— Чего вы хотите отъ меня? — сказалъ онъ просто и серьезно.

— Я хочу, чтобы вы поѣхали въ Москву и просили прощенья у Кити,—сказала она.

— Вы не хотите этого,—сказалъ онъ.

Онъ видѣлъ, что она говоритъ то, что принуждаетъ себя сказать не то, чего хочетъ.

— Если вы любите меня, какъ вы говорите,—прошептала она,—то сдѣлайте, чтобъ я была спокойна.

Лицо его просіяло.

— Развѣ вы не знаете, что вы для меня вся жизнь?... Но спокойствія я не знаю, и не могу вамъ дать. Всего себя, любовь... да. Я не могу думать о васъ и о себѣ отдѣльно. Вы и я для меня одно. И я не вижу впереди возможности спокойствія ни для себя, ни для васъ. Я вижу возможность отчаянія, несчастія... или я вижу возможность счастія, какого счастія!... Развѣ оно невозможно? — прибавилъ онъ однѣми губами; но она слышала.

Она всѣ силы ума своего напрягла на то, чтобы сказать то, что должно, но вмѣсто того она остановила на немъ свой взглядъ, полный любви, и ничего не отвѣтила.

„Вотъ оно!—съ восторгомъ думалъ онъ.—Тогда, когда я уже отчаявался и когда, казалось, не будетъ конца... вотъ оно! Она любитъ меня. Она признается въ этомъ".

— Такъ сдѣлайте это для меня, никогда не говорите мнѣ этихъ словъ, и будемъ добрыми друзьями,—сказала она словами; но совсѣмъ другое говорилъ ея взглядъ.

— Друзьями мы не будемъ, вы это сами знаете, а будемъ ли мы счастливѣйшими или несчастливѣйшими изъ людей—это въ вашей власти.

Она хотѣла сказать что то, но онъ перебилъ ее:

— Вѣдь я прошу одного, прошу права надѣяться, мучиться, какъ теперь; но если и этого нельзя, велите мнѣ исчезнуть, и я исчезну. Вы не будете видѣть меня, если мое присутствіе тяжело вамъ.

— Я не хочу никуда прогонять васъ.

— Только не измѣняйте ничего. Оставьте все, какъ есть,— сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Вотъ вашъ мужъ.

Дѣйствительно, въ эту минуту Алексѣй Александровичъ своею спокойною, неуклюжею походкой входилъ въ гостиную.

Оглянувъ жену и Вронскаго, онъ подошелъ къ хозяйкѣ и, усѣвшись за чашкой чая, сталъ говорить своимъ неторопливымъ, всегда слышнымъ голосомъ, въ своемъ обычномъ шуточномъ тонѣ, подтрунивая надъ кѣмъ-то.

— Вашъ Рамбулье въ полномъ составѣ,—сказалъ онъ, оглядывая все общество:—граціи и музы.

Но княгиня Бетси терпѣть не могла этого тона его, sneering, какъ она называла это, и, какъ умная хозяйка, тотчасъ же навела его на серьёзный разговоръ объ общей воинской повинности. Алексѣй Александровичъ тотчасъ же увлекся разговоромъ и сталъ защищать уже серьёзно новый указъ передъ княгиней Бетси, которая нападала на него.

Вронскій и Анна продолжали сидѣть у маленькаго стола.

— Это становится неприлично,—шепнула одна дама, указывая глазами на Каренину, Вронскаго и ея мужа.

— Что я вамъ говорила?—отвѣчала пріятельница Анны.

Но не однѣ эти дамы, почти всѣ, бывшія въ гостиной, даже княгиня Мягкая и сама Бетси, по нѣскольку разъ взглядывали на удалившихся отъ общаго кружка, какъ будто это мѣшало имъ. Только одинъ Алексѣй Александровичъ ни разу не взглянулъ въ ту сторону и не былъ отвлеченъ отъ интереснаго начатаго разговора.

Замѣтивъ производимое на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, княгиня Бетси подсунула на свое мѣсто для слушанія Алексѣя Александровича другое лицо и подошла къ Аннѣ.

— Я всегда удивляюсь ясности и точности выраженій вашего мужа,—сказала она.—Самыя трансцендентныя понятія становятся мнѣ доступными, когда онъ говоритъ.

— О, да!—сказала Анна, сіяя улыбкой счастія и не понимая ни одного слова изъ того, что говорила ей Бетси. Она перешла къ большому столу и приняла участіе въ общемъ разговорѣ.

Алексѣй Александровичъ, просидѣвъ полчаса, подошелъ къ женѣ и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ домой; но она, не глядя на него, отвѣчала, что останется ужинать. Алексѣй Александровичъ раскланялся и вышелъ.

Старый, толстый татаринъ, кучеръ Карениной, въ глянцевомъ кожанѣ, съ трудомъ удерживалъ прозябшаго лѣваго сѣраго, взвившагося у подъѣзда. Лакей стоялъ, отворивъ дверцу. Швейцаръ стоялъ, держа наружную дверь. Анна Аркадьевна отцѣпляла маленькою быстрою рукой кружева рукава отъ крючка шубки и, нагнувши голову, слушала съ восхищеніемъ, что говорилъ, провожая ее, Вронскій.

— Вы ничего не сказали, положимъ; я ничего и не требую,—говорилъ онъ;—но вы знаете, что не дружба мнѣ нужна, мнѣ возможно одно счастіе въ жизни, это слово, котораго вы такъ не любите,—да, любовь...

— Любовь...—повторила она медленно, внутреннимъ голосомъ, и вдругъ, въ то же время какъ она отцѣпила кружево, прибавила:—Я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишкомъ много значитъ, больше гораздо, чѣмъ вы можете понять,—и она взглянула ему въ лицо.—До свиданія!

Она подала ему руку и быстрымъ, упругимъ шагомъ прошла мимо швейцара и скрылась въ каретѣ. Ея взглядъ, прикосновеніе руки прожгли его. Онъ поцѣловалъ свою ладонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она тронула его, и поѣхалъ домой, счастливый сознаніемъ того, что въ нынѣшній вечеръ онъ приблизился къ достиженію своей цѣли болѣе, чѣмъ въ послѣдніе два мѣсяца.

VIII.

Алексѣй Александровичъ ничего особеннаго и неприличнаго не нашелъ въ томъ, что жена его сидѣла съ Вронскимъ у особаго стола и о чемъ-то оживленно разговаривала; но онъ замѣтилъ, что другимъ въ гостиной это показалось чѣмъ-то особеннымъ и неприличнымъ, и потому это показалось неприличнымъ и ему. Онъ рѣшилъ, что нужно сказать объ этомъ женѣ.

Вернувшись домой, Алексѣй Александровичъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ это дѣлалъ онъ обыкновенно, и сѣлъ въ кресло, развернувъ на заложенномъ разрѣзнымъ ножомъ мѣстѣ книгу о папизмѣ, и читалъ до часу, какъ обыкновенно дѣлалъ; только изрѣдка онъ потиралъ себѣ высокій лобъ и встряхивалъ голову, какъ бы отгоняя что-то. Въ обычный часъ онъ всталъ и сдѣлалъ свой ночной туалетъ. Анны Аркадьевны еще не было. Съ книгой подъ мышкой онъ пришелъ на верхъ; но въ нынѣшній вечеръ, вмѣсто обычныхъ мыслей и соображеній о служебныхъ дѣлахъ, мысли его были наполнены женою и чѣмъ-то непріятнымъ, случившимся съ нею. Онъ, противно своей привычкѣ, не легъ въ постель, но, заложивъ за спину сцѣпившіяся руки, принялся ходить взадъ и впередъ по комнатамъ.

Онъ не могъ лечь, чувствуя, что ему прежде необходимо обдумать вновь возникшее обстоятельство.

Когда Алексѣй Александровичъ рѣшилъ самъ съ собою, что нужно переговорить съ женою, ему казалось это очень легко и просто; но теперь, когда онъ сталъ обдумывать это вновь возникшее обстоятельство, оно показалось ему очень сложнымъ и затруднительнымъ.

Алексѣй Александровичъ былъ не ревнивъ. Ревность, по его убѣжденію, оскорбляетъ жену, и къ женѣ должно имѣть довѣріе. Почему должно имѣть довѣріе, то-есть полную увѣренность въ томъ, что его молодая жена всегда будетъ его любить, онъ себя не спрашивалъ; но онъ не испытывалъ недовѣрія, потому имѣлъ довѣріе и говорилъ себѣ, что надо его имѣть. Теперь же, хотя убѣжденіе его о томъ, что ревность есть постыдное чувство и что нужно имѣть довѣріе, и не было разрушено, онъ чувствовалъ, что стоитъ лицомъ къ лицу передъ чѣмъ-то нелогичнымъ и безтолковымъ, и не зналъ что̀ надо дѣлать. Алексѣй Александровичъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ жизнью, передъ возможностью въ его женѣ любви къ кому-нибудь кромѣ него, и это-то казалось ему очень безтолковымъ и непонятнымъ, потому что это была сама жизнь. Всю жизнь свою Алексѣй Александровичъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ служебныхъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни. И каждый разъ, когда онъ сталкивался съ самою жизнью, онъ отстранялся отъ нея. Теперь онъ испытывалъ чувство подобное тому, какое испыталъ бы человѣкъ, спокойно прошедшій надъ пропастью по мосту и вдругъ увидавшій, что этотъ мостъ разобранъ и что тамъ пучина. Пучина эта была сама жизнь, мостъ—та искусственная жизнь, которую прожилъ Алексѣй

Александровичъ. Ему въ первый разъ пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и онъ ужаснулся передъ этимъ.

Онъ, не раздѣваясь, ходилъ своимъ ровнымъ шагомъ взадъ и впередъ по звучному паркету освѣщенной одною лампой столовой, по ковру темной гостиной, въ которой свѣтъ отражался только на большомъ недавно сдѣланномъ портретѣ его, висѣвшемъ надъ диваномъ, и черезъ ея кабинетъ, гдѣ горѣли двѣ свѣчи, освѣщая портреты ея родныхъ и пріятельницъ и красивыя, давно близко знакомыя ему бездѣлушки ея письменнаго стола. Черезъ ея комнату онъ доходилъ до двери спальни и опять поворачивался.

На каждомъ протяженіи своей прогулки и, большею частію, на паркетѣ свѣтлой столовой онъ останавливался и говорилъ себѣ: „Да, это необходимо рѣшить и прекратить, высказать свой взглядъ на это и свое рѣшеніе“. И онъ поворачивался назадъ. „Но высказать что же, какое рѣшеніе?“ говорилъ онъ себѣ въ гостиной, и не находилъ отвѣта. „Да, наконецъ, — спрашивалъ онъ себя передъ поворотомъ въ кабинетъ,—что же случилось? Ничего. Она долго говорила съ нимъ. Ну, что же? Мало ли женщина въ свѣтѣ съ кѣмъ можетъ говорить? И потомъ... ревновать значитъ унижать и себя, и ее“, говорилъ онъ себѣ, входя въ ея кабинетъ; но разсужденіе это, прежде имѣвшее такой вѣсъ для него, теперь ничего не вѣсило и не значило. И онъ отъ двери спальной поворачивался опять къ залѣ; но, какъ только онъ входилъ назадъ въ темную гостиную, ему какой то голосъ говорилъ, что это не такъ, и что если другіе замѣтили это, то значитъ, что есть что-нибудь. И онъ опять говорилъ себѣ въ столовой: „Да, это необходи-

мо рѣшить и прекратить, и высказать свой взглядъ"... И опять въ гостиной, передъ поворотомъ, онъ спрашивалъ себя: какъ рѣшить? И потомъ спрашивалъ себя: что̀ случилось? И отвѣчалъ: ничего, и вспоминалъ о томъ, что ревность есть чувство унижающее жену; но опять въ гостиной убѣждался, что случилось что то. Мысли его, какъ и тѣло, совершали полный кругъ, не нападая ни на что новое. Онъ замѣтилъ это, потеръ себѣ лобъ и сѣлъ въ ея кабинетѣ.

Тутъ, глядя на ея столъ, съ лежащимъ на верху малахитовымъ бюваромъ и начатою запиской, мысли его вдругъ измѣнились. Онъ сталъ думать о ней, о томъ, что она думаетъ и чувствуетъ. Онъ впервые живо представилъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія, и мысль, что у нея можетъ и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему такъ страшна, что онъ поспѣшилъ отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть. Переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазёрствомъ.

„И ужаснѣе всего то,—думалъ онъ,—что теперь именно, когда подходитъ къ концу мое дѣло (онъ думалъ о проектѣ, который онъ проводилъ теперь), когда мнѣ нужно все спокойствіе и всѣ силы души, теперь на меня сваливается эта безсмысленная тревога. Но что-жъ дѣлать? Я не изъ такихъ людей, которые переносятъ безпокойство и тревоги и не имѣютъ силы взглянуть имъ въ лицо".

— Я долженъ обдумать, рѣшить и отбросить,—проговорилъ онъ вслухъ.

„Вопросы о ея чувствахъ, о томъ, что дѣлалось и можетъ дѣлаться въ ея душѣ, это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежитъ религіи“, сказалъ онъ себѣ, чувствуя облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежало возникшее обстоятельство.

„Итакъ, — сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, — вопросы о ея чувствахъ, и такъ далѣе, суть вопросы ея совѣсти, до которой мнѣ не можетъ быть дѣла. Моя же обязанность ясно опредѣляется. Какъ глава семьи, я — лицо обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное, я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я долженъ ей высказать“.

И въ головѣ Алексѣя Александровича сложилось ясно все, что онъ теперь скажетъ женѣ. Обдумывая, что онъ скажетъ, онъ пожалѣлъ о томъ, что для домашняго употребленія, такъ незамѣтно, онъ долженъ употребить свое время и силы ума; но, несмотря на то, въ головѣ его ясно и отчетливо, какъ докладъ, составилась форма и послѣдовательность предстоящей рѣчи. „Я долженъ сказать и высказать слѣдующее: вопервыхъ, объясненіе значенія общественнаго мнѣнія и приличія; вовторыхъ, религіозное объясненіе значенія брака; втретьихъ, если нужно, указаніе на могущее произойдти несчастіе для сына; вчетвертыхъ, указаніе на ея собственное несчастіе“. И, заложивъ пальцы за пальцы, ладонями книзу, Алексѣй Александровичъ потянулъ, и пальцы затрещали въ суставахъ.

Этотъ жестъ—дурная привычка: соединеніе рукъ и трещаніе пальцевъ — всегда успокоивалъ его и приводилъ въ аккуратность, которая теперь такъ нужна была ему. У подъ-

ѣзда послышался звукъ подъѣхавшей кареты. Алексѣй Александровичъ остановился посреди залы.

На лѣстницу всходили женскіе шаги. Алексѣй Александровичъ, готовый къ своей рѣчи, стоялъ, пожимая свои скрещенные пальцы и ожидая, не треснетъ ли еще гдѣ. Одинъ суставъ треснулъ. Articulation

Еще по звуку легкихъ шаговъ на лѣстницѣ онъ почувствовалъ ея приближеніе, и, хотя онъ былъ доволенъ своею рѣчью, ему стало страшно за предстоящее объясненіе...

IX.

Анна шла, опустивъ голову и играя кистями башлыка. Лицо ея блестѣло яркимъ блескомъ; но блескъ этотъ былъ не веселый,—онъ напоминалъ страшный блескъ пожара среди темной ночи. Увидавъ мужа, Анна подняла голову и, какъ будто просыпаясь, улыбнулась.

— Ты не въ постели? Вотъ чудо!—сказала она, скинула башлыкъ и, не останавливаясь, пошла дальше, въ уборную.—Пора, Алексѣй Александровичъ,—проговорила она изъ-за двери.

— Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— Со мной?—сказала она удивленно, вышла изъ двери и посмотрѣла на него.—Что же это такое? О чемъ это?—спросила она садясь.—Ну, давай переговоримъ, если такъ нужно. А лучше бы спать.

Анна говорила, что приходило ей на языкъ, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Какъ просты, естественны были ея слова, и какъ похоже было, что ей просто хочется спать. Она чувствовала себя одѣтою въ непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее.

— Анна, я долженъ предостеречь тебя,—сказалъ онъ.

— Предостеречь?—сказала она.—Въ чемъ?

Она смотрѣла такъ просто, такъ весело, что кто не зналъ ее, какъ зналъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго ее, знавшаго, что когда онъ ложился пятью минутами позже, она замѣчала и спрашивала о причинѣ, для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ сообщала ему, для него теперь—видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состояніе, что не хотѣла ни слова сказать о себѣ — означало многое. Онъ видѣлъ, что глубина ея души, всегда прежде открытая передъ нимъ, была закрыта отъ него. Мало того, по тону ея онъ видѣлъ, что она и не смущалась этимъ, а прямо какъ бы говорила ему: да, закрыта, и это такъ должно быть и будетъ впередъ. Теперь онъ испытывалъ чувство подобное тому, какое испытывалъ бы человѣкъ, возвратившійся домой и находящій домъ свой запертымъ. „Но можетъ-быть ключъ еще найдется“, думалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я хочу предостеречь тебя въ томъ,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—что по неосмотрительности и легкомыслію ты можешь подать въ свѣтѣ поводъ говорить о тебѣ. Твой слишкомъ оживленный разговоръ сегодня съ графомъ Вронскимъ (онъ твердо и съ спокойною разстановкой выговорилъ это имя) обратилъ на себя вниманіе.

Онъ говорилъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь для него своею непроницаемостью, глаза и, говоря, чувствовалъ всю безполезность и праздность своихъ словъ.

— Ты всегда такъ,—отвѣчала она, какъ будто совершен-

но не понимая его и изо всего того, что̀ онъ сказалъ, умышленно понимая только послѣднее.—То тебѣ непріятно, что я скучна, то тебѣ непріятно, что я весела. Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ?

Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ и загнулъ руки, чтобы трещать ими.

— Ахъ, пожалуйста, не трещи, я такъ не люблю!—сказала она.

— Анна, ты ли это? — сказалъ Алексѣй Александровичъ тихо, сдѣлавъ усиліе надъ собой и удержавъ движеніе рукъ.

— Да что-жъ это такое?—сказала она съ такимъ искреннимъ и комическимъ удивленіемъ.—Что тебѣ отъ меня надо?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ и потеръ рукою лобъ и глаза. Онъ видѣлъ, что вмѣсто того, что онъ хотѣлъ сдѣлать, то-есть предостеречь свою жену отъ ошибки въ глазахъ свѣта, онъ волновался невольно о томъ, что касалось ея совѣсти, и боролся съ воображаемою имъ какою то стѣной.

— Я вотъ что намѣренъ сказать, — продолжалъ онъ холодно и спокойно,—и я попрошу тебя выслушать меня. Я признаю, какъ ты знаешь, ревность чувствомъ оскорбительнымъ и унизительнымъ и никогда не позволю себѣ руководиться этимъ чувствомъ; но есть извѣстные законы приличія, которые нельзя преступать безнаказанно. Нынче не я замѣтилъ, но, судя по впечатлѣнію, какое было произведено на общество, всѣ замѣтили, что ты вела и держала себя не совсѣмъ такъ, какъ можно было желать.

— Рѣшительно ничего не понимаю,—сказала Анна, пожимая плечами. „Ему все равно,—подумала она.—Но въ обществѣ замѣтили, и это тревожитъ его“.—Ты не здоровъ,

Алексѣй Александровичъ,—прибавила она, встала и хотѣла уйдти въ дверь; но онъ двинулся впередъ, какъ бы желая остановить ее.

Лицо его было некрасиво и мрачно, какимъ никогда не видала его Анна. Она остановилась и, отклонивъ голову назадъ, на бокъ, начала своею быстрою рукой выбирать шпильки.

— Ну-съ, я слушаю, что будетъ,—проговорила она спокойно и насмѣшливо.—И даже съ интересомъ слушаю, потому что желала бы понять, въ чемъ дѣло.

Она говорила и удивлялась тому натурально-спокойному, вѣрному тону, которымъ она говорила, и выбору словъ, которыя она употребляла.

— Входить во всѣ подробности твоихъ чувствъ я не имѣю права и, вообще, считаю это безполезнымъ и даже вреднымъ,—началъ Алексѣй Александровичъ.—Копаясь въ своей душѣ, мы часто выкапываемъ такое, что тамъ лежало бы незамѣтно. Твои чувства — это дѣло твоей совѣсти; но я обязанъ передъ тобою, передъ собою и передъ Богомъ указать тебѣ твои обязанности. Жизнь наша связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе, и преступленіе этого рода влечетъ за собой кару.

— Ничего не понимаю. Ахъ, Боже мой, и какъ мнѣ на бѣду спать хочется!—сказала она, быстро перебирая рукой волосы и отыскивая оставшіяся шпильки.

— Анна, ради Бога, не говори такъ,—сказалъ онъ кротко.—Можетъ-быть я ошибаюсь, но повѣрь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, какъ и за тебя. Я мужъ твой и люблю тебя.

На мгновеніе лицо ея опустилось и потухла насмѣшливая искра во взглядѣ; но слово „люблю" опять возмутило ее. Она подумала: „любитъ? Развѣ онъ можетъ любить? Еслибъ онъ не слыхалъ, что бываетъ любовь, онъ никогда и не употреблялъ бы этого слова. Онъ и не знаетъ, что такое любовь".

— Алексѣй Александровичъ, право, я не понимаю,—сказала она.—Опредѣли, что ты находишь...

— Позволь, дай договорить мнѣ. Я люблю тебя. Но я говорю не о себѣ: главныя лица тутъ—нашъ сынъ и ты сама. Очень можетъ быть, повторяю, тебѣ покажутся совершенно напрасными и неумѣстными мои слова; можетъ-быть они вызваны моимъ заблужденіемъ. Въ такомъ случаѣ я прошу тебя извинить меня. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малѣйшія основанія, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебѣ говоритъ, высказать мнѣ...

Алексѣй Александровичъ, самъ не замѣчая того, говорилъ совершенно не то, что приготовилъ.

— Мнѣ нечего и говорить. Да и...—вдругъ быстро сказала она, съ трудомъ удерживая улыбку,—право, пора спать.

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ и, не сказавъ больше ничего, отправился въ спальню.

Когда она вошла въ спальню, онъ уже лежалъ. Губы его были строго сжаты и глаза не смотрѣли на нее. Анна легла на свою постель и ждала каждую минуту, что онъ еще разъ заговоритъ съ нею. Она и боялась того, что онъ заговоритъ, и ей хотѣлось этого. Но онъ молчалъ. Она долго ждала неподвижно и уже забыла о немъ. Она думала о другомъ, она видѣла его и чувствовала, какъ ея сердце при этой мысли наполнялось волненіемъ и преступ

ною радостью. Вдругъ она услыхала ровный и спокойный носовой свистъ. Въ первую минуту Алексѣй Александровичъ какъ будто испугался своего свиста и остановился; но, переждавъ два дыханія, свистъ раздался съ новою спокойною ровностью.

— Поздно, поздно ужъ,—прошептала она съ улыбкой. Она долго лежала неподвижно, съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

X.

Съ этого времени началась новая жизнь для Алексѣя Александровича и для его жены. Ничего особеннаго не случилось. Анна, какъ всегда, ѣздила въ свѣтъ, особенно часто бывала у княгини Бетси и встрѣчалась вездѣ съ Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ это, но ничего не могъ сдѣлать. На всѣ попытки его вызвать ее на объясненіе она противопоставляла ему непроницаемую стѣну какого-то веселаго недоумѣнія. Снаружи было то же, но внутреннія отношенія ихъ совершенно измѣнились. Алексѣй Александровичъ, столь сильный человѣкъ въ государственной дѣятельности, тутъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Какъ быкъ, покорно опустивъ голову, онъ ждалъ обуха, который, онъ чувствовалъ, былъ надъ нимъ поднятъ. Каждый разъ, какъ онъ начиналъ думать объ этомъ, онъ чувствовалъ, что нужно попытаться еще разъ, что добротою, нѣжностью, убѣжденіемъ еще есть надежда спасти ее, заставить опомниться, и онъ каждый день сбирался говорить съ нею. Но каждый разъ, какъ онъ начиналъ говорить съ ней, онъ чувствовалъ, что тотъ духъ зла и обмана, который овладѣлъ ею, овладѣлъ и имъ, и онъ говорилъ съ

ней совсѣмъ не то и не тѣмъ тономъ, какимъ хотѣлъ говорить. Онъ говорилъ съ ней невольно своимъ привычнымъ тономъ подшучиванья надъ тѣмъ, кто бы такъ говорилъ. А въ этомъ тонѣ нельзя было сказать того, что̀ требовалось сказать ей.

. . . .

. . . .

XI.

То, что почти цѣлый годъ для Вронскаго составляло исключительно одно желаніе его жизни, замѣнившее ему всѣ прежнія желанія; то, что для Анны было невозможною, ужасною и, тѣмъ болѣе, обворожительною мечтою счастія, это желаніе было удовлетворено. Блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью, онъ стоялъ надъ нею и умолялъ успокоиться, самъ не зная, въ чемъ и чѣмъ.

— Анна, Анна!—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,— Анна, ради Бога!...

Но чѣмъ громче онъ говорилъ, тѣмъ ниже она опускала свою, когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она вся сгибалась и падала съ дивана, на которомъ сидѣла, на полъ, къ его ногамъ; она упала бы на коверъ, еслибъ онъ не держалъ ея.

— Боже мой! Прости меня!—всхлипывая, говорила она, прижимая къ своей груди его руки.

Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощенія; а въ жизни теперь, кромѣ него, у ней никого не было, такъ что она и къ нему обращала свою мольбу о прощеніи. Она, глядя на него, физически чувствовала свое униженіе, и ни-

чего больше не могла говорить. Онъ же чувствовалъ то, что долженъ чувствовать убійца, когда видитъ тѣло, лишенное имъ жизни. Эго тѣло, лишенное имъ жизни, была ихъ любовь, первый періодъ ихъ любви. Было что-то ужасное и отвратительное въ воспоминаніяхъ о томъ, за что было заплачено этою страшною цѣной стыда. Стыдъ передъ духовною наготой своей давилъ ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужасъ убійцы передъ тѣломъ убитаго, надо рѣзать на куски, прятать это тѣло, надо пользоваться тѣмъ, что убійца пріобрѣлъ убійствомъ.

И съ озлобленіемъ, какъ будто со страстью, бросается убійца на это тѣло, и тащитъ, и рѣжетъ его; такъ и онъ покрывалъ поцѣлуями ея лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцѣлуи—то, что куплено этимъ стыдомъ. Да, и одна рука, которая будетъ всегда моею,—рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцѣловала ее. Онъ опустился на колѣни и хотѣлъ видѣть ея лицо; но она прятала его и ничего не говорила. Наконецъ, какъ бы сдѣлавъ усиліе надъ собой, она поднялась и оттолкнула его. Лицо ея было все такъ же красиво, но тѣмъ болѣе было оно жалко.

— Все кончено,—сказала она.—У меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя. Помни это.

— Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастія...

— Какое счастіе!—съ отвращеніемъ и ужасомъ сказала она, и ужасъ невольно сообщился ему.—Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала и отстранилась отъ него.

— Ни слова больше,—повторила она, и съ страннымъ для

него выраженіемъ холоднаго отчаянія на лицѣ она разсталась съ нимъ. Она чувствовала, что въ эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса передъ этимъ вступленіемъ въ новую жизнь, и не хотѣла говорить объ этомъ, опошливать это чувство неточными словами. Но и послѣ, и на другой, и на третій день, она не только не нашла словъ, которыми бы она могла выразить всю сложность этихъ чувствъ, но не находила и мыслей, которыми бы она сама съ собой могла обдумать все, что было въ ея душѣ.

Она говорила себѣ: „Нѣтъ, теперь я не могу объ этомъ думать; послѣ, когда я буду спокойнѣе“. Но это спокойствіе для мыслей никогда не наступало; каждый разъ, какъ являлась ей мысль о томъ, что она сдѣлала и что съ ней будетъ, и что она должна сдѣлать, на нее находилъ ужасъ, и она отгоняла отъ себя эти мысли.

— Послѣ, послѣ, — говорила она, — когда я буду спокойнѣе.

За то во снѣ, когда она не имѣла власти надъ своими мыслями, ея положеніе представлялось ей во всей безобразной наготѣ своей. Одно сновидѣніе почти каждую ночь посѣщало ее. Ей снилось, что оба вмѣстѣ были ея мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексѣй Александровичъ плакалъ, цѣлуя ея руки, и говорилъ: какъ хорошо теперь! И Алексѣй Вронскій былъ тутъ же, и онъ былъ также ея мужъ. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможнымъ, объясняла имъ, смѣясь, что это гораздо проще, и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидѣніе какъ кошмаръ давило ее, и она просыпалась съ ужасомъ.

XII.

Еще въ первое время по возвращеніи изъ Москвы, когда Левинъ каждый разъ вздрагивалъ и краснѣлъ, вспоминая позоръ отказа, онъ говорилъ себѣ: „такъ же краснѣлъ и вздрагивалъ я, считая все погибшимъ, когда получилъ единицу за физику и остался на второмъ курсѣ; такъ же считалъ себя погибшимъ послѣ того, какъ испортилъ порученное мнѣ дѣло сестры. И что-жъ?—теперь, когда прошли годы, я вспоминаю и удивляюсь, какъ это могло огорчать меня. То же будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдетъ время, и я буду къ этому равнодушенъ“.

Но прошло три мѣсяца, и онъ не сталъ къ этому равнодушенъ, и ему такъ же, какъ и въ первые дни, было больно вспоминать объ этомъ. Онъ не могъ успокоиться, потому что онъ, такъ долго мечтавшій о семейной жизни, такъ чувствовавшій себя созрѣвшимъ для нея, все-таки не былъ женатъ и былъ дальше, чѣмъ когда-нибудь, отъ женитьбы. Онъ болѣзненно чувствовалъ самъ, какъ чувствовали всѣ его окружающіе, что нехорошо въ его годы человѣку единому быти. Онъ помнилъ, какъ онъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному мужику, съ которымъ онъ любилъ поговорить: „Что, Николай, хочу жениться“,—и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: „и давно пора, Константинъ Дмитричъ“. Но женитьба теперь стала отъ него дальше, чѣмъ когда-либо. Мѣсто было занято, и когда онъ теперь, въ воображеніи, ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ дѣвушекъ, онъ чувствовалъ, что это было совершенно не-

возможно. Кромѣ того, воспоминаніе объ отказѣ и о роли, которую онъ игралъ при этомъ, мучило его стыдомъ. Сколько онъ ни говорилъ себѣ, что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, воспоминаніе это наравнѣ съ другими такого же рода стыдными воспоминаніями заставляло его вздрагивать и краснѣть. Были въ его прошедшемъ, какъ у всякаго человѣка, сознанные имъ дурные поступки, за которые совѣсть должна была бы мучить его; но воспоминаніе о дурныхъ поступкахъ далеко не такъ мучило его, какъ эти ничтожныя, но стыдныя воспоминанія. Эти раны никогда не затягивались. И наравнѣ съ этими воспоминаніями стояли теперь—отказъ и то жалкое положеніе, въ которомъ онъ долженъ былъ представляться другимъ въ этотъ вечеръ. Но время и работа дѣлали свое. Тяжелыя воспоминанія болѣе и болѣе застилались для него не видными, но значительными событіями деревенской жизни. Съ каждою недѣлей онъ все рѣже вспоминалъ о Кити. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ извѣстія, что она уже вышла или выходитъ на-дняхъ замужъ, надѣясь, что такое извѣстіе, какъ выдергиванье зуба, совсѣмъ вылѣчитъ его.

Между тѣмъ пришла весна, прекрасная, дружная, безъ ожиданія и обмановъ весны, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ веснъ, которымъ вмѣстѣ радуются растенія, животныя и люди. Эта прекрасная весна еще болѣе возбудила Левина и утвердила его въ намѣреніи отречься отъ всего прежняго, съ тѣмъ чтобъ устроить твердо и независимо свою одинокую жизнь. Хотя многіе изъ тѣхъ плановъ, съ которыми онъ вернулся въ деревню, и не были имъ исполнены, однако самое главное—чистота жизни была соблюдена имъ. Онъ не испытывалъ того стыда, который, обыкновенно, мучилъ его послѣ

паденія, и онъ могъ смѣло смотрѣть въ глаза людямъ. Еще въ февралѣ онъ получилъ письмо отъ Марьи Николаевны о томъ, что здоровье брата Николая становится хуже, но что онъ не хочетъ лѣчиться, и, вслѣдствіе этого письма, Левинъ ѣздилъ въ Москву къ брату и успѣлъ уговорить его посовѣтоваться съ докторомъ и ѣхать на воды за границу. Ему такъ хорошо удалось уговорить брата и дать ему взаймы денегъ на поѣздку, не раздражая его, что въ этомъ отношеніи онъ былъ собой доволенъ. Кромѣ хозяйства, требовавшаго особеннаго вниманія весною, кромѣ чтенія, Левинъ началъ этою зимой еще сочиненіе о хозяйствѣ, планъ котораго состоялъ въ томъ, чтобы характеръ рабочаго въ хозяйствѣ былъ принимаемъ за абсолютное данное, какъ климатъ и почва, и чтобы, слѣдовательно, всѣ положенія науки о хозяйствѣ выводились не изъ однихъ данныхъ почвы и климата, но изъ данныхъ почвы, климата и извѣстнаго неизмѣннаго характера рабочаго. Такъ что, несмотря на уединеніе или вслѣдствіе уединенія, жизнь его была чрезвычайно наполнена; только изрѣдка онъ испытывалъ неудовлетворенное желаніе сообщенія бродящихъ у него въ головѣ мыслей кому-нибудь, кромѣ Агаѳьи Михайловны, такъ какъ и съ нею ему случалось нерѣдко разсуждать о физикѣ, теоріи хозяйства и, въ особенности, о философіи, — философія составляла любимый предметъ Агаѳьи Михайловны.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу. Потомъ вдругъ, на второй день Святой, понесло теплымъ

вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные, вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную Горку, съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло и открылась настоящая весна. На утро, поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній ожившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная, облетавшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою, неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волну блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ребята по просыхающимъ, съ отпечатками босыхъ ногъ, тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

XIII.

Левинъ надѣлъ большіе сапоги и въ первый разъ не шубу, а суконную поддевку, и пошелъ по хозяйству, шагая че-

резъ ручьи, рѣжущіе глаза своимъ блескомъ на солнцѣ, ступая то на ледокъ, то въ липкую грязь.

Весна — время плановъ и предположеній. И, выйдя на дворъ, Левинъ, какъ дерево весною, еще не знающее, куда и какъ разрастутся его молодые побѣги и вѣтви, заключенные въ налитыхъ почкахъ, самъ не зналъ хорошенько, за какія предпріятія, въ любимомъ его хозяйствѣ, онъ примется теперь, но чувствовалъ, что онъ полонъ плановъ и предположеній самыхъ хорошихъ. Прежде всего онъ прошелъ къ скотинѣ. Коровы были выпущены на варокъ и, сіяя перелинявшею гладкою шерстью, пригрѣвшись на солнцѣ, мычали, просясь въ поле. Полюбовавшись знакомыми ему до малѣйшихъ подробностей коровами, Левинъ велѣлъ выгнать ихъ въ поле, а на варокъ выпустить телятъ. Пастухъ весело побѣжалъ собираться въ поле. Бабы-скотницы, подбирая паневы, босыми, еще бѣлыми, не загорѣвшими ногами шлепая по грязи, съ хворостинами бѣгали за мычавшими, ошалѣвшими отъ весенней радости телятами, загоняя ихъ на дворъ.

Полюбовавшись на приплодъ нынѣшняго года, который былъ необыкновенно хорошъ: ранніе телята были съ мужицкую корову, Павина дочь, трехъ мѣсяцевъ, была ростомъ съ годовыхъ, — Левинъ велѣлъ вынести имъ наружу корыто и задать сѣно за рѣшетки. Но оказалось, что на неупотребляемомъ зимой варкѣ сдѣланныя съ осени рѣшетки были поломаны. Онъ послалъ за плотникомъ, который по наряду долженъ былъ работать молотилку. Но оказалось, что плотникъ чинилъ бороны, которыя должны были быть починены еще съ масляницы. Это было очень досадно Левину. Досадно было, что повторялось это вѣчное неря-

шество хозяйства, противъ котораго онъ столько лѣтъ боролся всѣми своими силами. Рѣшетки, какъ онъ узналъ, ненужныя зимой, были перенесены въ рабочую конюшню и тамъ поломались, такъ какъ онѣ и были сдѣланы легко, для телятъ. Кромѣ того, изъ этого же оказывалось, что бороны и всѣ земледѣльческія орудія, которыя велѣно было осмотрѣть и починить еще зимой и для которыхъ нарочно взяты были три плотника, были не починены, и бороны все-таки чинили, когда надо было ѣхать скородить. Левинъ послалъ за прикащикомъ, но тотчасъ и самъ пошелъ отыскивать его. Прикащикъ, сіяя такъ же, какъ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, шелъ съ гумна, ломая въ рукахъ соломенку.

— Отчего плотникъ не на молотилкѣ?

— Да я хотѣлъ вчера доложить: бороны починить надо. Вѣдь, вотъ, пахать.

— Да зимой то что-жъ?

— Да вамъ насчетъ чего угодно плотника?

— Гдѣ рѣшетки съ телячьяго двора?

— Приказалъ снести на мѣста. Что прикажете съ этимъ народомъ!—сказалъ прикащикъ, махая рукой.

— Не съ этимъ народомъ, а съ этимъ прикащикомъ!—сказалъ Левинъ, вспыхнувъ.—Ну, для чего я васъ держу?—закричалъ онъ. Но вспомнивъ, что этимъ не поможешь, остановился на половинѣ рѣчи и только вздохнулъ.—Ну что, сѣять можно?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— За Туркинымъ завтра или послѣ-завтра можно будетъ.

— А клеверъ?

— Послалъ Василья съ Мишкой, разсѣваютъ. Не знаю только, пролѣзутъ ли,—топко.

— На сколько десятинъ?

— На шесть.

— Отчего же не на всѣ?—вскрикнулъ Левинъ.

Что клеверъ сѣяли только на шесть, а не на двадцать десятинъ, это было еще досаднѣе. Посѣвъ клевера,—и по теоріи, и по собственному его опыту—бывалъ только тогда хорошъ, когда сдѣланъ какъ можно раньше, почти по снѣгу. И никогда Левинъ не могъ добиться этого.

— Народу нѣтъ. Что прикажете съ этимъ народомъ дѣлать? Трое не приходили. Вотъ и Семенъ.

— Ну, вы бы отставили отъ соломы.

— Да я и то отставилъ.

— Гдѣ же народъ?

— Пятеро компотъ дѣлаютъ (это значило компостъ). Четверо овесъ пересыпаютъ,—какъ бы не тронулся, Константинъ Дмитричъ.

Левинъ очень хорошо зналъ, что „какъ бы не тронулся“ значило, что сѣменной англійскій овесъ уже испортили,—опять не сдѣлали того, что онъ приказывалъ.

— Да вѣдь я говорилъ еще постомъ, трубы!...—вскрикнулъ онъ.

— Не безпокойтесь, все сдѣлаемъ во-время.

Левинъ сердито махнулъ рукой, пошелъ къ амбарамъ взглянуть овесъ и вернулся къ конюшнѣ. Овесъ еще не испортился. Но рабочіе пересыпали его лопатами, тогда какъ можно было спустить его прямо въ нижній амбаръ, и, распорядившись этимъ и оторвавъ отсюда двухъ рабочихъ для посѣва клевера, Левинъ успокоился отъ досады на прикащика. Да и день былъ такъ хорошъ, что нельзя было сердиться.

— Игнатъ!—крикнулъ онъ кучеру, который, съ засученными рукавами, обмывалъ у колодца коляску.— Осѣдлай мнѣ...

— Кого прикажете?

— Ну, хоть Колпика.

— Слушаю съ.

Пока сѣдлали лошадь, Левинъ опять подозвалъ вертѣвшагося на виду прикащика, чтобы помириться съ нимъ, и сталъ говорить ему о предстоящихъ весеннихъ работахъ и хозяйственныхъ планахъ.

— Возку навоза начать раньше, чтобы до ранняго покоса все было кончено. А плугами пахать безъ отрыву дальнее поле, такъ чтобы продержать его чернымъ паромъ. Покосы убрать всѣ не исполу, а работниками.

Прикащикъ слушалъ внимательно и видимо дѣлалъ усилія, чтобъ одобрять предположенія хозяина; но онъ все-таки имѣлъ столь знакомый Левину, и всегда раздражающій его, безнадежный и унылый видъ. Видъ этотъ говорилъ: все это хорошо, да какъ Богъ дастъ.

Ничто такъ не огорчало Левина, какъ этотъ тонъ. Но такой тонъ былъ общій у всѣхъ прикащиковъ, сколько ихъ у него ни перебывало. У всѣхъ было то же отношеніе къ его предположеніямъ, и потому онъ теперь уже не сердился, но огорчался и чувствовалъ себя еще болѣе возбужденнымъ для борьбы съ этою какою-то стихійною силой, которую онъ иначе не умѣлъ назвать, какъ „что Богъ дастъ", и которая постоянно противопоставлялась ему.

— Какъ успѣемъ, Константинъ Дмитричъ,—сказалъ прикащикъ.

— Отчего же не успѣете?

— Рабочихъ надо непремѣнно нанять еще человѣкъ пятнадцать. Вотъ не приходятъ. Нынче были; по семидесяти рублей на лѣто просятъ.

Левинъ замолчалъ. Опять противопоставлялась эта сила. Онъ зналъ, что, сколько они ни пытались, они не могли нанять больше сорока, тридцати семи, тридцати восьми рабочихъ за настоящую цѣну; сорокъ нанимались, а больше нѣтъ. Но, все таки, онъ не могъ не бороться.

— Пошлите въ Суры, въ Чефировку, если не придутъ. Надо искать.

— Послать пошлю,—уныло сказалъ Василій Өедоровичъ.— Да вотъ и лошади слабы стали.

— Прикупимъ. Да вѣдь я знаю,—прибавилъ онъ смѣясь,— вы все поменьше да похуже; но я нынѣшній годъ ужъ не дамъ вамъ по-своему дѣлать. Все буду самъ.

— Да вы и то, кажется, мало спите. Намъ веселѣе, какъ у хозяина на глазахъ...

— Такъ за Березовымъ Доломъ разсѣваютъ клеверъ? Поѣду посмотрю,—сказалъ онъ, садясь на маленькаго буланаго Колпика, подведеннаго кучеромъ.

— Черезъ ручей не проѣдете, Константинъ Дмитричъ,— крикнулъ кучеръ.

— Ну, такъ лѣсомъ.

И бойкою иноходью доброй, застоявшейся лошадки, похрапывающей надъ лужами и попрашивающей поводья, Левинъ поѣхалъ по грязи двора за ворота и въ поле.

Если Левину весело было на скотномъ и животномъ дворахъ, то ему еще стало веселѣе въ полѣ. Мѣрно покачиваясь на иноходи добраго конька, впивая теплый со свѣжестью запахъ снѣга и воздуха, при проѣздѣ черезъ лѣсъ,

по оставшемуся кое-гдѣ праховому особывавшемуся снѣгу съ расплывшимися слѣдами, онъ радовался на каждое свое дерево, съ оживавшимъ на корѣ его мохомъ и съ напухшими почками. Когда онъ выѣхалъ за лѣсъ, передъ нимъ, на огромномъ пространствѣ, раскинулись ровнымъ бархатнымъ ковромъ зеленя, безъ одной плѣшины и вымочки, только кое-гдѣ въ лощинахъ запятнанныя остатками тающаго снѣга. Его не разсердили ни видъ крестьянской лошади и стригуна, топтавшихъ его зеленя (онъ велѣлъ согнать ихъ встрѣтившемуся мужику), ни насмѣшливый и глупый отвѣтъ мужика Ипата, котораго онъ встрѣтилъ и спросилъ: „Что, Ипатъ, скоро сѣять?“—„Надо прежде вѣдь вспахать, Константинъ Дмитричъ“, отвѣчалъ Ипатъ. Чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ веселѣе ему становились, и хозяйственные планы одинъ лучше другаго представлялись ему: обсадить всѣ поля лозинами по полуденнымъ линіямъ, такъ чтобы не залеживался снѣгъ подъ ними; перерѣзать на шесть полей навозныхъ и три запасныхъ съ травосѣяніемъ; выстроить скотный дворъ на дальнемъ концѣ поля и вырыть прудъ, а для удобренія устроить переносныя загороды для скота. И тогда 300 десятинъ пшеницы, 100 картофеля и 150 клевера и—ни одной истощенной десятины.

Съ такими мечтами, осторожно поворачивая лошадь межами, чтобы не топтать свои зеленя, онъ подъѣхалъ къ работникамъ, разсѣвавшимъ клеверъ. Телѣга съ сѣменами стояла не на рубежѣ, а на пашнѣ, и пшеничная озимь была изрыта колесами и ископана лошадью. Оба работника сидѣли на межѣ, вѣроятно, раскуривая общую трубку. Земля въ телѣгѣ, съ которою смѣшаны были сѣмена, была не размята, а слежалась или смерзлась комьями. Увидавъ хозяина,

Василій работникъ пошелъ къ телѣгѣ, а Мишка принялся разсѣвать. Это было не хорошо, но на рабочихъ Левинъ рѣдко сердился. Когда Василій подошелъ, Левинъ велѣлъ ему отвесть лошадь на рубежъ.

— Ничего, сударь, затянетъ,—отвѣчалъ Василій.

— Пожалуйста, не разсуждай,—сказалъ Левинъ,—а дѣлай, что говорятъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Василій и взялся за голову лошади. — А ужъ сѣвъ, Константинъ Дмитричъ, — сказалъ онъ, заискивая,—первый сортъ. Только ходить — страсть! По пудовику на лаптѣ волочешь.

— А отчего у васъ земля не просѣянная?— сказалъ Левинъ.

— Да мы разминаемъ, — отвѣчалъ Василій, набирая сѣмянъ и въ ладоняхъ растирая землю.

Василій не былъ виноватъ, что ему насыпали непросѣянной земли, но все-таки было досадно.

Ужъ не разъ испытавъ съ пользою извѣстное ему средство заглушать свою досаду и все кажущееся дурнымъ сдѣлать опять хорошимъ, Левинъ и теперь употребилъ это средство. Онъ посмотрѣлъ, какъ шагалъ Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ногѣ, слѣзъ съ лошади, взялъ у Василья сѣялку и пошелъ разсѣвать.

— Гдѣ ты остановился?

Василій указалъ на мѣтку ногой, и Левинъ пошелъ, какъ умѣлъ, высѣвать землю съ сѣменами. Ходить было трудно, какъ по болоту, и Левинъ, пройдя леху, запотѣлъ и, остановившась, отдалъ сѣялку.

— Ну, баринъ, на лѣто чуръ меня не ругать за эту леху,—сказалъ Василій.

— А что? — весело сказалъ Левинъ, чувствуя уже дѣйствительность употребленнаго средства.

— Да вотъ посмотрите на лѣто. Отличится. Вы гляньте-ка, гдѣ я сѣялъ прошлую весну. Какъ разсадилъ! Вѣдь я, Константинъ Дмитричъ, кажется, вотъ какъ отцу родному стараюсь. Я и самъ не люблю дурно дѣлать, и другимъ не велю. Хозяину хорошо—и намъ хорошо: какъ глянешь вонъ,—сказалъ Василій, указывая на поле, — сердце радуется.

— А хороша весна, Василій!

— Да ужъ такая весна, старики не запомнятъ. Я вотъ дома былъ, тамъ у насъ старикъ тоже пшеницы три осминника посѣялъ. Такъ сказываетъ, ото ржей не отличишь.

— А вы давно стали сѣять пшеницу?

— Да вы жъ научили позалѣтошній годъ; вы же мнѣ двѣ мѣры пожертвовали. Четверть продали, да три осминника посѣяли.

— Ну, смотри же, растирай комья-то,—сказалъ Левинъ, подходя къ лошади,—да за Мишкой смотри. А хорошій будетъ всходъ, тебѣ по пятидесяти копѣекъ за десятину.

— Благодаримъ покорно. Мы вами, кажется, и такъ много довольны.

Левинъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на поле, гдѣ былъ прошлогодній клеверъ, и на то, которое плугомъ было приготовлено подъ яровую пшеницу.

Всходъ клевера по жнивью былъ чудесный. Онъ ужъ весь ожилъ и твердо зеленѣлъ изъ-за посломанныхъ прошлогоднихъ стеблей пшеницы. Лошадь вязла по ступицу и каждая нога ея чмокала, вырываясь изъ полуоттаявшей земли. По плужной пахотѣ и вовсе нельзя было проѣхать:

только тамъ и держало, гдѣ былъ ледокъ, а въ оттаявшихъ бороздахъ нога вязла выше ступицы. Пахота была превосходная; черезъ два дня можно будетъ бороновать и сѣять. Все было прекрасно, все было весело. Назадъ Левинъ поѣхалъ черезъ ручей, надѣясь, что вода сбыла. И дѣйствительно, онъ переѣхалъ и вспугнулъ двухъ утокъ. „Должны быть и вальдшнепы", подумалъ онъ и, какъ разъ у поворота къ дому, встрѣтилъ лѣснаго караульщика, который подтвердилъ его предположеніе о вальдшнепахъ.

Левинъ поѣхалъ рысью домой, чтобъ успѣть пообѣдать и приготовить ружье къ вечеру.

XIV.

Подъѣзжая домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Левинъ услыхалъ колокольчикъ со стороны главнаго подъѣзда къ дому.

„Да, это съ желѣзной дороги,—подумалъ онъ:—самое время московскаго поѣзда... Кто бы это? Что, если это братъ Николай? Онъ вѣдь сказалъ: можетъ-быть уѣду на воды, а можетъ-быть къ тебѣ пріѣду". Ему страшно и непріятно стало въ первую минуту, что присутствіе брата Николая разстроитъ это его счастливое весеннее расположеніе. Но ему стало стыдно за это чувство, и тотчасъ же онъ какъ бы раскрылъ свои душевныя объятія и съ умиленною радостью ожидалъ и желалъ теперь всею душой, чтобъ это былъ братъ. Онъ тронулъ лошадь и, выѣхавъ за акацію, увидалъ подъѣзжавшую ямскую тройку съ желѣзнодорожной станціи и господина въ шубѣ. Это не былъ братъ. „Ахъ, еслибы кто-нибудь пріятный человѣкъ, съ кѣмъ бы поговорить!" подумалъ онъ.

— А!—радостно прокричалъ Левинъ, поднимая обѣ руки кверху.—Вотъ радостный-то гость! Ахъ, какъ я радъ тебѣ!—вскрикнулъ онъ, узнавъ Степана Аркадьевича.

„Узнаю вѣрно, вышла ли, или когда выходитъ замужъ“, подумалъ онъ.

И въ этотъ прекрасный весенній день онъ почувствовалъ, что воспоминаніе о ней совсѣмъ не больно ему.

— Что, не ждалъ? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вылѣзая изъ саней, съ комкомъ грязи на переносицѣ, на щекѣ и брови, но сіяющій весельемъ и здоровьемъ. — Пріѣхалъ тебя видѣть—разъ,—сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя его,—на тягѣ постоять—два и лѣсъ въ Ергушовѣ продать—три.

— Прекрасно! А какова весна? Какъ это ты на саняхъ доѣхалъ?

— Въ телѣгѣ еще хуже, Константинъ Дмитричъ,—отвѣчалъ знакомый ямщикъ.

— Ну, я очень, очень радъ тебѣ, — искренно улыбаясь дѣтски радостною улыбкой, сказалъ Левинъ.

Левинъ провелъ своего гостя въ комнату для пріѣзжихъ, куда и были внесены вещи Степана Аркадьевича: мѣшокъ, ружье въ чехлѣ, сумка для сигаръ,—и, оставивъ его умываться и переодѣваться, самъ пока прошелъ въ контору сказать о пахотѣ и клеверѣ. Агаѳья Михайловна, всегда очень озабоченная честью дома, встрѣтила его въ передней вопросами насчетъ обѣда.

— Какъ хотите дѣлайте, только поскорѣй,—сказалъ онъ и пошелъ къ прикащику.

Когда онъ вернулся, Степанъ Аркадьевичъ, вымытый, расчесанный и сіяя улыбкой, выходилъ изъ своей двери, и они вмѣстѣ пошли на верхъ.

— Ну, какъ я радъ, что добрался до тебя! Теперь я пойму, въ чемъ состоятъ тѣ таинства, которыя ты тутъ совершаешь. Но нѣтъ, право, я завидую тебѣ. Какой домъ, какъ славно все! Свѣтло, весело, — говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, забывая, что не всегда бываетъ весна и ясные дни, какъ нынче. — И твоя нянюшка какая прелесть! Желательнѣе было бы хорошенькую горничную въ фартучкѣ; но съ твоимъ монашествомъ и строгимъ стилемъ — это очень хорошо.

Степанъ Аркадьевичъ разсказалъ много интересныхъ новостей и въ особенности интересную для Левина новость, что братъ его Сергѣй Ивановичъ собирался на нынѣшнее лѣто къ нему въ деревню.

Ни одного слова Степанъ Аркадьевичъ не сказалъ про Кити и вообще Щербацкихъ, только передалъ поклонъ жены. Левинъ былъ ему благодаренъ за его деликатность и былъ очень радъ гостю. Какъ всегда у него, за время его уединенія, набралось пропасть мыслей и чувствъ, которыхъ онъ не могъ передать окружающимъ, и теперь онъ изливалъ въ Степана Аркадьевича и поэтическую радость весны, и неудачи и планы хозяйства, и мысли и замѣчанія о книгахъ, которыя онъ читалъ, и, въ особенности, идею своего сочиненія, основу котораго, хотя онъ самъ и не замѣчалъ этого, составляла критика всѣхъ старыхъ сочиненій о хозяйствѣ. Степанъ Аркадьевичъ, всегда милый, понимающій все съ намека, въ этотъ пріѣздъ былъ особенно милъ, и Левинъ замѣтилъ въ немъ еще новую, польстившую ему, черту уваженія и, какъ будто, нѣжности къ себѣ.

Старанія Агаѳьи Михайловны и повара, чтобъ обѣдъ

былъ особенно хорошъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ только то, что оба проголодавшіеся пріятеля, подсѣвъ къ закускѣ, наѣлись хлѣба съ масломъ, полотка и соленыхъ грибовъ, и еще то, что Левинъ велѣлъ подать супъ безъ пирожковъ, которыми поваръ хотѣлъ особенно удивить гостя. Но Степанъ Аркадьевичъ, хотя и привыкшій къ другимъ обѣдамъ, все находилъ превосходнымъ: и травникъ, и хлѣбъ, и масло, и, особенно, полотокъ, и грибки, и крапивныя щи, и курица подъ бѣлымъ соусомъ, и бѣлое крымское вино—все было превосходно и чудесно.

— Отлично, отлично,—говорилъ онъ, закуривая толстую паппросу послѣ жаркого.—Я къ тебѣ точно съ парохода послѣ шума и тряски на тихій берегъ вышелъ. Такъ ты говоришь, что самый элементъ рабочаго долженъ быть изучаемъ и руководить въ выборѣ пріемовъ хозяйства. Я вѣдь въ этомъ профанъ; но мнѣ кажется, что теорія и приложеніе ея будутъ имѣть вліяніе и на рабочаго.

— Да, но постой: я говорю не о политической экономіи, я говорю о наукѣ хозяйства. Она должна быть какъ естественныя науки и наблюдать данныя явленія, и рабочаго съ его экономическимъ, этнографическимъ...

Въ это время вошла Агаѳья Михайловна съ вареньемъ.

— Ну, Агаѳья Михайловна,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, цѣлуя кончики своихъ пухлыхъ пальцевъ,—какой полотокъ у васъ, какой травничокъ!... А что, не пора ли, Костя?—прибавилъ онъ.

Левинъ взглянулъ въ окно на спускавшееся за оголенныя макуши лѣса солнце.

— Пора, пора,—сказалъ онъ.—Кузьма, закладывать линейку!—и побѣжалъ внизъ.

Степанъ Аркадьевичъ, сойдя внизъ, самъ аккуратно снялъ парусинный чехолъ съ лакированнаго ящика и, отворивъ его, сталъ собирать свое дорогое, новаго фасона, ружье. Кузьма, уже чуявшій большую дачу на водку, не отходилъ отъ Степана Аркадьевича и надѣвалъ ему и чулки, и сапоги, что Степанъ Аркадьевичъ охотно предоставлялъ ему дѣлать.

— Прикажи, Костя, если пріѣдетъ Рябининъ купецъ,—я ему велѣлъ нынче пріѣхать,—принять и подождать...

— А ты развѣ Рябинину продаешь лѣсъ?

— Да. Ты развѣ знаешь его?

— Какъ же, знаю. Я съ нимъ имѣлъ дѣла „положительно и окончательно".

Степанъ Аркадьевичъ засмѣялся. „Окончательно и положительно" были любимыя слова купца.

— Да, онъ удивительно смѣшно говоритъ. Поняла, куда хозяинъ идетъ? — прибавилъ онъ, потрепавъ рукой Ласку, которая, подвизгивая, вилась около Левина и лизала то его руку, то его сапоги и ружье.

Долгуша стояла уже у крыльца, когда они вышли.

— Я велѣлъ заложить, хотя не далеко; а то пѣшкомъ пройдемъ?

— Нѣтъ, лучше поѣдемъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подходя къ долгушѣ. Онъ сѣлъ, обвернулъ себѣ ноги тигровымъ пледомъ и закурилъ сигару. — Какъ это ты не куришь! Сигара—это такое... не то что удовольствіе, а вѣнецъ и признакъ удовольствія. Вотъ это жизнь! Какъ хорошо! Вотъ бы какъ я желалъ жить!

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ?—улыбаясь сказалъ Левинъ

— Нѣтъ, ты счастливый человѣкъ. Все, что ты любишь,

у тебя есть. Лошадей любишь — есть, собаки — есть, охота — есть, хозяйство — есть.

— Можетъ-быть, оттого что я радуюсь тому, что у меня есть, и не тужу о томъ, чего нѣтъ,—сказалъ Левинъ, вспомнивъ о Кити.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, поглядѣлъ на него, но ничего не сказалъ.

Левинъ былъ благодаренъ Облонскому за то, что тотъ, со своимъ всегдашнимъ тактомъ, замѣтивъ, что Левинъ боялся разговора о Щербацкихъ, ничего не говорилъ о нихъ; но теперь Левину уже хотѣлось узнать то, что его такъ мучило, но онъ не смѣлъ заговорить.

— Ну, что твои дѣла, какъ?—сказалъ Левинъ, подумавъ о томъ, какъ нехорошо съ его стороны думать только о себѣ.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли.

— Ты вѣдь не признаешь, чтобы можно было любить калачи, когда есть отсыпной паекъ,—по-твоему это преступленіе; а я не признаю жизни безъ любви,—сказалъ онъ, понявъ по-своему вопросъ Левина. Что-жъ дѣлать, я такъ сотворенъ. И, право, такъ мало дѣлается этимъ кому-нибудь зла, а себѣ столько удовольствія...

— Что-жъ, или новое что-нибудь?—спросилъ Левинъ.

— Есть, братъ! Вотъ видишь ли, ты знаешь типъ женщинъ Оссіановскихъ,—женщинъ, которыхъ видишь во снѣ... Вотъ эти женщины бываютъ на яву... и эти женщины ужасны. Женщина, видишь ли, это такой предметъ, что сколько ты ни изучай ее, все будетъ совершенно новое.

— Такъ ужъ лучше не изучать.

— Нѣтъ. Какой-то математикъ сказалъ, что наслажденіе— не въ открытіи истины, но въ исканіи ея.

Левинъ слушалъ молча, и несмотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ надъ собой, онъ никакъ не могъ перенестись въ душу своего пріятеля и понять его чувства и прелесть изученія такихъ женщинъ.

XV.

Мѣсто тяги было недалеко надъ рѣчкой, въ мелкомъ осиннякѣ. Подъѣхавъ къ лѣсу, Левинъ слѣзъ и провелъ Облонскаго на уголъ мшистой и топкой полянки, уже освободившейся отъ снѣга. Самъ онъ вернулся на другой край, къ двойняшкѣ-березѣ, и, прислонивъ ружье къ развилинѣ сухаго нижняго сучка, снялъ кафтанъ, перепоясался и попробовалъ свободы движенія рукъ.

Старая, сѣдая Ласка, ходившая за ними слѣдомъ, сѣла осторожно противъ него и насторожила уши. Солнце спускалось за крупный лѣсъ и, на свѣтѣ зари, березки, разсыпанныя по осиннику, отчетливо рисовались своими висящими вѣтвями, съ надутыми, готовыми лопнуть, почками.

Изъ частаго лѣсу, гдѣ оставался еще снѣгъ, чуть слышно текла еще извилистыми узкими ручейками вода. Мелкія птицы щебетали и изрѣдка перелетали съ дерева на дерево.

Въ промежуткахъ совершенной тишины слышенъ былъ шорохъ прошлогоднихъ листьевъ, шевелившихся отъ таянія земли и отъ росту травъ.

„Каково! Слышно и видно какъ трава растетъ!“ сказалъ себѣ Левинъ, замѣтивъ двинувшійся грифельнаго цвѣта мокрый осиновый листъ подлѣ иглы молодой травы. Онъ стоялъ, слушалъ и глядѣлъ то внизъ, на мокрую мшистую землю, то на прислушивающуюся Ласку, то на разстилавшееся передъ нимъ подъ горою море оголенныхъ макушъ

лѣса, то на подернутое бѣлыми полосками тучъ тускнѣвшее небо. Ястребъ, неспѣшно махая крыльями, пролетѣлъ высоко надъ дальнимъ лѣсомъ; другой точно также пролетѣлъ въ томъ же направленіи и скрылся. Птицы все громче и хлопотливѣе щебетали въ чащѣ. Недалеко заухалъ филинъ, и Ласка, вздрогнувъ, переступила осторожно нѣсколько шаговъ и, склонивъ на бокъ голову, стала прислушиваться. Изъ-за рѣчки послышалась кукушка. Она два раза прокуковала обычнымъ крикомъ, а потомъ захрипѣла, заторопилась и запуталась.

— Каково, ужъ кукушка!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ-за куста.

— Да, я слышу,—отвѣчалъ Левинъ, съ неудовольствіемъ нарушая тишину лѣса своимъ непріятнымъ самому ему голосомъ.—Теперь скоро.

Фигура Степана Аркадьевича опять зашла за кустъ, и Левинъ видѣлъ только яркій огонекъ спички, вслѣдъ затѣмъ замѣнявшійся краснымъ углемъ папиросы и синимъ дымкомъ.

Чикъ, чикъ!... щелкнули взводимые Степаномъ Аркадьевичемъ курки.

— А это что кричитъ?—спросилъ Облонскій, обращая вниманіе Левина на протяжное гуканье, какъ будто тонкимъ голоскомъ, шаля, ржалъ жеребенокъ.

— А, это не знаешь? Это заяцъ-самецъ. Да будетъ говорить! Слушай, летитъ!—почти вскрикнулъ Левинъ, взводя курки.

Послышался дальній, тонкій свистокъ, и ровно, въ тотъ обычный тактъ, столь знакомый охотнику, черезъ двѣ секунды—другой, третій, и за третьимъ свисткомъ уже слышно стало хорканье.

Левинъ кинулъ глазами направо, налѣво, и вотъ передъ нимъ, на мутно-голубомъ небѣ, надъ сливающимися, нѣжными побѣгами макушекъ осинъ, показалась летящая птица. Она летѣла прямо на него; близкіе звуки хорканья, похожіе на равномѣрное наддираніе тугой ткани, раздались надъ самымъ ухомъ; уже виденъ былъ длинный носъ и шея птицы, и въ ту минуту, какъ Левинъ приложился, изъ-за куста, гдѣ стоялъ Облонскій, блеснула красная молнія, птица какъ стрѣла спустилась и взмыла опять кверху. Опять блеснула молнія и послышался ударъ, и, трепля крыльями, какъ бы стараясь удержаться на воздухѣ, птица остановилась, постояла мгновенье и тяжело шлепнулась о топкую землю.

— Неужели промахъ?—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ, которому изъ-за дыму не видно было.

— Вотъ онъ!—сказалъ Левинъ, указывая на Ласку, которая, поднявъ одно ухо и высоко махая кончикомъ пушистаго хвоста, тихимъ шагомъ, какъ бы желая продлить удовольствіе и какъ бы улыбаясь, подносила убитую птицу къ хозяину.—Ну, я радъ, что тебѣ удалось,—сказалъ Левинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уже испытывая чувство зависти, что не ему удалось убить этого вальдшнепа.

— Скверный промахъ изъ праваго ствола,—отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ, заряжая ружье.—Шш... летитъ.

Дѣйствительно, послышались пронзительные, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ свистки. Два вальдшнепа, играя и догоняя другъ друга, и только свистя, а не хоркая, налетѣли на самыя головы охотниковъ. Раздались четыре выстрѣла, и, какъ ласточки, вальдшнепы дали быстрый заворотъ и исчезли изъ виду.

. . . .

Тяга была прекрасная. Степанъ Аркадьевичъ убилъ еще двѣ штуки и Левинъ двухъ, изъ которыхъ одного не нашелъ. Стало темнѣть. Ясная серебряная Венера низко на западѣ уже сіяла изъ-за березокъ своимъ нѣжнымъ блескомъ, и высоко на востокѣ уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурусъ. Надъ головой у себя Левинъ ловилъ и терялъ звѣзды Медвѣдицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левинъ рѣшилъ подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдетъ выше его и когда ясны будутъ вездѣ звѣзды Медвѣдицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медвѣдицы съ своимъ дышломъ была уже вся видна на темносинемъ небѣ, но онъ все еще ждалъ.

— Не пора ли?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

Въ лѣсу уже было тихо и ни одна птичка не шевелилась.

— Постоимъ еще,—отвѣчалъ Левинъ.

— Какъ хочешь.

Они стояли теперь шагахъ въ пятнадцати другъ отъ друга.

— Стива!—вдругъ неожиданно сказалъ Левинъ,—что-жъ ты мнѣ не скажешь, вышла твоя свояченица замужъ или когда выходитъ?

Левинъ чувствовалъ себя столь твердымъ и спокойнымъ, что никакой отвѣтъ, онъ думалъ, не могъ бы взволновать его. Но онъ никакъ не ожидалъ того, что отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ,

— И не думала, и не думаетъ выходить замужъ, а она очень больна, и доктора послали ее за границу. Даже боятся за ея жизнь.

— Что ты!—вскрикнулъ Левинъ.—Очень больна?... Что же съ ней? Какъ она...

Въ то время, какъ они говорили это, Ласка, насторожившъ уши, оглядывалась вверхъ на небо и укоризненно на нихъ. „Вотъ нашли время разговаривать,—думала она. — А онъ летитъ. Вотъ онъ, такъ и есть. Прозѣваютъ...“ думала Ласка.

Но въ это самое мгновеніе оба вдругъ услыхали пронзительный свистъ, который какъ будто стегнулъ ихъ по уху, и оба вдругъ схватились за ружья, и двѣ молніи блеснули, и два удара раздались въ одно и то же мгновеніе. Высоко летѣвшій вальдшнепъ мгновенно сложилъ крылья и упалъ въ чащу, пригибая тонкіе побѣги.

— Вотъ отлично! Общій!—вскрикнулъ Левинъ и побѣжалъ съ Лаской въ чащу отыскивать вальдшнепа. „Ахъ да, о чемъ это непріятно было? — вспомнилъ онъ.—Да, больна Кити... Что-жъ дѣлать, очень жаль“, думалъ онъ.

— А, нашла! Вотъ умница,—сказалъ онъ, вынимая изо рта Ласки теплую птицу и кладя ее въ полный почти ягдташъ.—Нашелъ, Стива!—крикнулъ онъ.

XVI.

Возвращаясь домой, Левинъ распросилъ всѣ подробности о болѣзни Кити и планахъ Щербацкихъ, и хотя ему совѣстно бы было признаться въ этомъ, то, что онъ узналъ, было пріятно ему. Пріятно и потому, что была еще надежда, и еще болѣе пріятно потому, что больно было ей,—той, которая сдѣлала ему такъ больно. Но когда Степанъ Аркадьевичъ началъ говорить о причинахъ болѣзни Кити и упомянулъ имя Вронскаго, Левинъ перебилъ его.

— Я не имѣю никакого права знать семейныя подробности, по правдѣ сказать, и никакого интереса.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся, уловивъ мгновенную и столь знакомую ему перемѣну въ лицѣ Левина, сдѣлавшагося столь же мрачнымъ, сколько онъ былъ веселъ минуту тому назадъ.

— Ты уже совсѣмъ кончилъ о лѣсѣ съ Рябининымъ?—спросилъ Левинъ.

— Да, кончилъ. Цѣна прекрасная, тридцать восемь тысячъ: восемь впередъ, а остальныя на шесть лѣтъ. Я долго съ этимъ возился. Никто больше не давалъ.

— Это значитъ, ты даромъ отдалъ лѣсъ,—мрачно сказалъ Левинъ.

— То-есть почему же даромъ?—съ добродушною улыбкой сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, зная, что теперь все будетъ нехорошо для Левина.

— Потому что лѣсъ стóитъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ рублей за десятину,—отвѣчалъ Левинъ.

— Ахъ эти мнѣ сельскіе хозяева!—шутливо сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Этотъ вашъ тонъ презрѣнія къ нашему брату городскимъ!... А какъ дѣло сдѣлать, такъ мы лучше всего сдѣлаемъ. Повѣрь, что я все расчелъ,—сказалъ онъ,—и лѣсъ очень выгодно проданъ, такъ что я боюсь, какъ бы тотъ не отказался даже. Вѣдь это не обидной лѣсъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, желая словомъ *обидной* совсѣмъ убѣдить Левина въ несправедливости его сомнѣній,—а дровяной больше. И станетъ не больше тридцати саженъ на десятину, а онъ далъ мнѣ по двѣсти рублей.

Левинъ презрительно улыбнулся. „Знаю,—думалъ онъ,—эту манеру не одного его, но всѣхъ городскихъ жителей,

которые, побывавъ раза два въ десять лѣтъ въ деревнѣ и замѣтивъ два-три слова деревенскія, употребляютъ ихъ кстати и не кстати, твердо увѣренные, что они уже все знаютъ. *Обидной, станетъ 30 саженъ*, —говоритъ слова, а самъ ничего не понимать".

— Я не стану тебя учить тому, что ты тамъ пишешь въ присутствіи,—сказалъ онъ,—а если нужно, то спрошу у тебя. А ты такъ увѣренъ, что понимаешь всю эту грамоту о лѣсѣ. Она трудна. Счелъ ли ты деревья?

— Какъ счесть деревья? — смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все желая вывести пріятеля изъ его дурнаго расположенія духа.—„Сочесть пески, лучи планетъ, хотя и могъ бы умъ высокій..."

— Ну да, а умъ высокій Рябинина можетъ. И ни одинъ купецъ не купитъ не считая, если ему не отдаютъ даромъ, какъ ты. Твой лѣсъ я знаю. Я каждый годъ тамъ бываю на охотѣ, и твой лѣсъ стòитъ пятьсотъ рублей чистыми деньгами, а онъ тебѣ далъ двѣсти въ разсрочку. Значитъ, ты ему подарилъ тысячъ тридцать.

— Ну, полно увлекаться, — жалостно сказалъ Степанъ Аркадьевичъ:—отчего же никто не давалъ?

— Оттого, что у него стачка съ купцами; онъ далъ отступнаго. Я со всѣми ними имѣлъ дѣла, я ихъ знаю. Вѣдь это не купцы, а барышники. Онъ и не пойдетъ на дѣло, гдѣ ему предстоитъ десять-пятнадцать процентовъ, а онъ ждетъ, чтобы купить за двадцать копѣекъ рубль.

— Ну, полно! Ты не въ духѣ.

— Нисколько,—мрачно сказалъ Левинъ, когда они подъѣзжали къ дому.

У крыльца уже стояла туго обтянутая желѣзомъ и кожей телѣжка съ туго запряженною широкими гужами сытою лошадью. Въ телѣжкѣ сидѣлъ туго налитый кровью и туго подпоясанный прикащикъ, служившій кучеромъ Рябинину. Самъ Рябининъ былъ уже въ домѣ и встрѣтилъ пріятелей въ передней. Рябининъ былъ высокій, худощавый человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ усами и бритымъ, выдающимся подбородкомъ и выпуклыми мутными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ длиннополый синій сюртукъ, съ пуговицами ниже зада, и въ высокихъ, сморщенныхъ на щиколкахъ и прямыхъ на икрахъ, сапогахъ, сверхъ которыхъ были надѣты большія калоши. Онъ округло вытеръ платкомъ свое лицо и, запахнувъ сюртукъ, который и безъ того держался очень хорошо, съ улыбкой привѣтствовалъ вошедшихъ, протягивая Степану Аркадьевичу руку, какъ бы желая поймать что-то.

— А вотъ и вы пріѣхали, —сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подавая ему руку.—Прекрасно.

— Не осмѣлился ослушаться приказаній вашего сіятельства, хоть слишкомъ дурна дорога. Положительно всю дорогу пѣшкомъ шелъ, но явился въ срокъ... Константинъ Дмитричъ, мое почтеніе!—обратился онъ къ Левину, стараясь поймать и его руку. Но Левинъ, нахмурившись, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его руки, и вынималъ вальдшнеповъ.—Изволили потѣшаться охотой? Это какая птица, значитъ, будетъ?—прибавилъ Рябининъ, презрительно глядя на вальдшнеповъ:—вкусъ, значитъ, имѣетъ.—И онъ неодобрительно покачалъ головой, какъ бы сильно сомнѣваясь въ томъ, чтобъ эта овчинка стоила выдѣлки.

— Хочешь въ кабинетъ?—мрачно хмурясь, сказалъ Левинъ

по-французски Степану Аркадьевичу.—Пройдите въ кабинетъ, вы тамъ переговорите.

— Очень можно, куда угодно-съ, — съ презрительнымъ достоинствомъ сказалъ Рябининъ, какъ бы желая дать почувствовать, что для другихъ могутъ быть затрудненія какъ и съ кѣмъ обойдтись, но для него никогда и ни въ чемъ не можетъ быть затрудненій.

Войдя въ кабинетъ, Рябининъ осмотрѣлся по привычкѣ, какъ бы отыскивая образъ, но, найдя его, не перекрестился. Онъ оглядѣлъ шкапы и полки съ книгами, и съ тѣмъ же сомнѣніемъ, какъ и насчетъ вальдшнеповъ, презрительно улыбнулся и неодобрительно покачалъ головой, никакъ уже не допуская, чтобъ эта овчинка могла стоить выдѣлки.

— Что-жъ, привезли деньги?—спросилъ Облонскій.—Садитесь.

— Мы за деньгами не постоимъ. Повидаться, переговорить пріѣхалъ.

— О чемъ же переговорить? Да вы садитесь.

— Это можно,—сказалъ Рябининъ, садясь и самымъ мучительнымъ для себя образомъ облокачиваясь на спинку кресла.—Уступить надо, князь. Грѣхъ будетъ. А деньги готовы окончательно, до одной копѣйки. За деньгами остановки не бываетъ.

Левинъ, ставившій, между тѣмъ, ружье въ шкапъ, уже выходилъ изъ двери, но, услыхавъ слова купца, остановился.

— И такъ задаромъ лѣсъ взяли,—сказалъ онъ.—Поздно онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а то я бы цѣну назначилъ.

Рябининъ всталъ и молча, съ улыбкой, поглядѣлъ снизу вверхъ на Левина.

— Очен но скупы, Константинъ Дмитричъ,—сказалъ онъ

съ улыбкой, обращаясь къ Степану Аркадьевичу,—окончательно ничего не укупишь. Торговалъ пшеницу, хорошія деньги давалъ.

— Зачѣмъ мнѣ вамъ свое даромъ давать? Я вѣдь не на землѣ нашелъ и не укралъ.

— Помилуйте, по нонѣшнему времю воровать положительно невозможно. Все окончательно по нонѣшнему времю гласное судопроизводство, все нонче благородно; а не то, что воровать. Мы говорили по чести. Дорого кладутъ за лѣсъ, расчетовъ не сведешь. Прошу уступить хоть малость.

— Да кончено у васъ дѣло, или нѣтъ? Если кончено, нечего торговаться, а если не кончено,—сказалъ Левинъ,—я покупаю лѣсъ.

Улыбка вдругъ исчезла съ лица Рябинина. Ястребиное, хищное и жестокое выраженіе установилось на немъ. Онъ быстрыми костлявыми пальцами разстегнулъ сюртукъ, открывъ рубаху на выпускъ, мѣдныя пуговицы жилета и цѣпочку часовъ, и быстро досталъ толстый старый бумажникъ.

— Пожалуйте, лѣсъ мой,—проговорилъ онъ, быстро перекрестившись и протягивая руку. — Возьмите деньги, мой лѣсъ. Вотъ какъ Рябининъ торгуетъ, а не гроши считать,—заговорилъ онъ, хмурясь и размахивая бумажникомъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не торопился,—сказалъ Левинъ.

— Помилуй,—съ удивленіемъ сказалъ Облонскій,—вѣдь я слово далъ.

Левинъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Рябининъ, глядя на дверь, съ улыбкой покачалъ головой.

— Все молодость, окончательно ребячество одно. Вѣдь покупаю, вѣрьте чести, такъ, значитъ, для славы одной, что вотъ Рябининъ, а не кто другой, у Облонскаго рощу

купилъ. А еще какъ Богъ дастъ расчеты найти. Вѣрьте Богу. Пожалуйте-съ. Условьице написать...

Черезъ часъ купецъ, аккуратно запахнувъ свой халатъ и застегнувъ крючки сюртука, съ условіемъ въ карманѣ, сѣлъ въ свою туго-окованную телѣжку и поѣхалъ домой.

— Охъ эти господа! — сказалъ онъ прикащику: — одинъ предметъ.

— Это какъ есть,—отвѣчалъ прикащикъ, передавая возжи и застегивая кожаный фартукъ.—А съ покупочкой, Михаилъ Игнатьичъ?

— Ну, ну...

XVII.

Степанъ Аркадьевичъ, съ оттопыреннымъ карманомъ серій, которыя за три мѣсяца впередъ отдалъ ему купецъ, вошелъ на верхъ. Дѣло съ лѣсомъ было кончено, деньги въ карманѣ, тяга была прекрасная, и Степанъ Аркадьевичъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а потому ему особенно хотѣлось разсѣять дурное настроеніе, нашедшее на Левина. Ему хотѣлось окончить день за ужиномъ такъ же пріятно, какъ онъ былъ начатъ.

Дѣйствительно, Левинъ былъ не въ духѣ, и, несмотря на все свое желаніе быть ласковымъ и любезнымъ со своимъ милымъ гостемъ, не могъ преодолѣть себя. Хмѣль извѣстія о томъ, что Кити не вышла замужъ, понемногу начиналъ разбирать его.

Кити не замужемъ и больна, больна отъ любви къ человѣку, который пренебрегъ ею. Это оскорбленіе какъ будто падало на него. Вронскій пренебрегъ ею, а она пренебрегла имъ, Левинымъ. Слѣдовательно, Вронскій имѣлъ право пре-

зирать Левина, и потому былъ ему врагъ. Но этого всего не думалъ Левинъ. Онъ смутно чувствовалъ, что въ этомъ что-то есть оскорбительное для него, и сердился теперь не на то, что разстроило его, а придирался ко всему, что представлялось ему. Глупая продажа лѣса, обманъ, на который попался Облонскій и который совершился у него въ домѣ, раздражалъ его.

— Ну, кончилъ?—сказалъ онъ, встрѣчая на верху Степана Аркадьевича,—хочешь ужинать?

— Да, не откажусь. Какой аппетитъ у меня въ деревнѣ, чудо! Что-жъ ты Рябинину не предложилъ поѣсть?

— А чортъ съ нимъ!

— Однако, какъ ты обходишься съ нимъ! — сказалъ Облонскій.—Ты и руки ему не подалъ. Отчего же не подать ему руки?

— Оттого, что я лакею не подамъ руки, а лакей во сто разъ лучше.

— Какой ты, однако, ретроградъ! А сліяніе сословій?— сказалъ Облонскій.

— Кому пріятно сливаться—на здоровье, а мнѣ противно.

— Ты, я вижу, рѣшительно ретроградъ.

— Право, я никогда не думалъ, кто я. Я—Константинъ Левинъ, больше ничего.

— И Константинъ Левинъ, который очень не въ духѣ,— улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, я не въ духѣ, и знаешь отчего? Отъ,—извини меня,—твоей глупой продажи...

Степанъ Аркадьевичъ добродушно сморщился, какъ человѣкъ, котораго безвинно обижаютъ и разстраиваютъ.

— Ну, полно!—сказалъ онъ.—Когда бывало, чтобы кто-

нибудь что-нибудь продалъ, и ему бы не сказали сейчасъ же послѣ продажи: „это гораздо дороже стоитъ?“ А покуда продаютъ, никто не даетъ... Нѣтъ, я вижу, у тебя есть *зубъ* противъ этого несчастнаго Рябинина.

— Можетъ-быть и есть. А ты знаешь, за что? Ты скажешь опять, что я ретроградъ, или еще какое страшное слово; но все-таки мнѣ досадно и обидно видѣть это, со всѣхъ сторонъ совершающееся, обѣднѣніе дворянства, къ которому я принадлежу и, несмотря на сліяніе сословій, очень радъ, что принадлежу... И обѣднѣніе не вслѣдствіе роскоши, —это бы ничего: прожить по-барски—это дворянское дѣло, это только дворяне умѣютъ. Теперь мужики около насъ скупаютъ земли,—мнѣ не обидно. Баринъ ничего не дѣлаетъ, мужикъ работаетъ и вытѣсняетъ празднаго человѣка. Такъ должно быть. И я очень радъ мужику. Но мнѣ обидно смотрѣть на это обѣднѣніе по какой-то, не знаю какъ назвать, невинности. Тутъ арендаторъ полякъ купилъ за полцѣны у барыни, которая живетъ въ Ниццѣ, чудесное имѣніе. Тутъ отдаютъ купцу въ аренду за рубль десятину земли, которая стóитъ десять рублей. Тутъ ты безо всякой причины подарилъ этому плуту тридцать тысячъ.

— Такъ что же, считать каждое дерево?

— Непремѣнно считать. А вотъ ты не считалъ, а Рябининъ считалъ. У дѣтей Рябинина будутъ средства къ жизни и образованію, а у твоихъ, пожалуй, не будетъ!

— Ну, ужъ извини меня, но есть что-то мизерное въ этомъ считаньи. У насъ свои занятія, у нихъ свои, и имъ надо барыши. Ну, впрочемъ, дѣло сдѣлано—и конецъ. А вотъ и глазунья, самая моя любимая яичница. И Агаѳья Михайловна дастъ намъ этого травнику чудеснаго...

Степанъ Аркадьевичъ сѣлъ къ столу и началъ шутить съ Агаѳьей Михайловной, увѣряя ее, что такого обѣда и ужина онъ давно не ѣлъ.

— Вотъ вы хоть похвалите, — сказала Агаѳья Михайловна,—а Константинъ Дмитричъ, что ему ни подай, хоть хлѣба корку,—поѣлъ и пошелъ.

Какъ ни старался Левинъ преодолѣть себя, онъ былъ мраченъ и молчаливъ. Ему нужно было сдѣлать одинъ вопросъ Степану Аркадьевичу, но онъ не могъ рѣшиться и не находилъ ни формы, ни времени, какъ и когда его сдѣлать. Степанъ Аркадьевичъ уже сошелъ къ себѣ внизъ, раздѣлся, опять умылся, облекся въ гофрированную ночную рубашку и легъ, а Левинъ все медлилъ у него въ комнатѣ, говоря о разныхъ пустякахъ и не будучи въ силахъ спросить, что хотѣлъ.

— Какъ это удивительно дѣлаютъ мыло, — сказалъ онъ, оглядывая и развертывая душистый кусокъ мыла, который для гостя приготовила Агаѳья Михайловна, но который Облонскій не употреблялъ. — Ты посмотри, вѣдь это произведеніе искусства.

— Да, до всего дошло теперь всякое усовершенствованіе,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, влажно и блаженно зѣвая.—Театры, напримѣръ, и эти увеселительныя... а а-а!—зѣвалъ онъ.—Электрическій свѣтъ вездѣ... а-а!

— Да, электрическій свѣтъ,—сказалъ Левинъ.— Да. Ну, а гдѣ Вронскій теперь?—спросилъ онъ, вдругъ положивъ мыло.

— Вронскій?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, остановивъ зѣвоту:—онъ въ Петербургѣ. Уѣхалъ вскорѣ послѣ тебя и затѣмъ ни разу не былъ въ Москвѣ. И знаешь, Костя, я тебѣ правду скажу,—продолжалъ онъ, облокотившись на

столъ и положивъ на руку свое красивое румяное лицо, изъ котораго свѣтились, какъ звѣзды, масляные, добрые и сонные глаза.—Ты самъ былъ виноватъ. Ты испугался соперника. А я, какъ и тогда тебѣ говорилъ,—я не знаю, на чьей сторонѣ было болѣе шансовъ. Отчего ты не шелъ на проломъ? Я тебѣ говорилъ тогда, что...—Онъ зѣвнулъ одвѣми челюстями, не раскрывая рта.

„Знаетъ онъ или не знаетъ, что я дѣлалъ предложеніе? — подумалъ Левинъ, глядя на него.—Да, что-то есть хитрое, дипломатическое въ его лицѣ", и чувствуя, что краснѣетъ, онъ молча смотрѣлъ прямо въ глаза Степана Аркадьевича.

— Если было съ ея стороны что-нибудь тогда, то это было увлеченіе внѣшностью,—продолжалъ Облонскій.—Этотъ, знаешь, совершенный аристократизмъ и будущее положеніе въ свѣтѣ подѣйствовали не на нее, а на мать.

Левинъ нахмурился. Оскорбленіе отказа, черезъ которое онъ прошелъ, какъ будто свѣжею, только-что полученною раной, зажгло его въ сердцѣ. Но онъ былъ дома, а дома стѣны помогаютъ.

— Постой, постой, — заговорилъ онъ, перебивая Облонскаго.—Ты говоришь: аристократизмъ. А позволь тебя спросить, въ чемъ состоитъ этотъ аристократизмъ Вронскаго или кого бы то ни было, — такой аристократизмъ, чтобы можно было пренебречь мной? Ты считаешь Вронскаго аристократомъ, а я нѣтъ. Человѣкъ, отецъ котораго вылѣзъ изъ ничего пронырствомъ, мать котораго Богъ знаетъ съ кѣмъ не была въ связи... Нѣтъ, ужъ извини, но я считаю аристократомъ себя и людей, подобныхъ мнѣ, которые въ прошедшемъ могутъ указать на три - четыре честныя поколѣнія семей, находившихся на высшей степени образованія

(дарованье и умъ — это другое дѣло), и которые никогда ни передъ кѣмъ не подличали, никогда ни въ комъ не нуждались, какъ жили мой отецъ, мой дѣдъ. И я знаю много такихъ. Тебѣ низко кажется, что я считаю деревья въ лѣсу, а ты даришь тридцать тысячъ Рябинину; но ты получишь аренду и не знаю еще что, а я не получу, и потому дорожу родовымъ и трудовымъ... Мы—аристократы, а не тѣ, которые могутъ существовать только подачками отъ сильныхъ міра сего и кого купить можно за двугривенный.

— Да на кого ты? Я съ тобой согласенъ,—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ искренно и весело, хотя чувствовалъ, что Левинъ подъ именемъ тѣхъ, кого можно купить за двугривенный, разумѣлъ и его. Оживленіе Левина ему искренно нравилось.— На кого ты? Хотя многое и неправда, что ты говоришь про Вронскаго, но я не про то говорю. Я говорю тебѣ прямо: я на твоемъ мѣстѣ поѣхалъ бы со мной въ Москву и...

— Нѣтъ... я не знаю, знаешь ли ты, или нѣтъ, но мнѣ все равно. И я скажу тебѣ: я сдѣлалъ предложеніе и получилъ отказъ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминаніе.

— Отчего? Вотъ вздоръ!

— Но не будемъ говорить. Извини меня, пожалуйста, если я былъ грубъ съ тобой, — сказалъ Левинъ. Теперь, высказавъ все, онъ опять сталъ тѣмъ, какимъ былъ поутру. — Ты не сердишься на меня, Стива? Пожалуйста, не сердись,— сказалъ онъ и, улыбаясь, взялъ его за руку.

— Да нѣтъ, нисколько, и не за что. Я радъ, что мы объяснились. А знаешь, утренняя тяга бываетъ хороша.

Не поѣхать ли? Я бы такъ и не спалъ, а прямо съ тяги на станцію.

— И прекрасно.

XVIII.

Несмотря на то, что вся внутренняя жизнь Вронскаго была наполнена его страстью, внѣшняя жизнь его неизмѣнно и неудержимо катилась по прежнимъ привычнымъ рельсамъ свѣтскихъ и полковыхъ связей и интересовъ. Полковые интересы занимали важное мѣсто въ жизни Вронскаго и потому, что онъ любилъ полкъ, и еще болѣе потому, что его любили въ полку. Въ полку не только любили Вронскаго, но его уважали и гордились имъ,—гордились тѣмъ, что этотъ человѣкъ, огромно-богатый, съ прекраснымъ образованіемъ и способностями, съ открытою дорогой ко всякаго рода успѣху и честолюбія, и тщеславія, пренебрегалъ этимъ всѣмъ и изъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ ближе всего принималъ къ сердцу интересы полка и товарищества. Вронскій сознавалъ этотъ взглядъ на себя товарищей и, кромѣ того, что любилъ эту жизнь, чувствовалъ себя обязаннымъ поддерживать установившійся на немъ взглядъ.

Само собою разумѣется, что онъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ товарищей о своей любви, не проговаривался и въ самыхъ сильныхъ попойкахъ (впрочемъ, онъ никогда не бывалъ такъ пьянъ, чтобы терять власть надъ собой), и затыкалъ ротъ тѣмъ изъ легкомысленныхъ товарищей, которые пытались намекать ему на его связь. Но, несмотря на то, его любовь была извѣстна всему городу: всѣ болѣе или менѣе вѣрно догадывались объ его отношеніяхъ къ Карениной; большинство молодыхъ людей завидовали

ему именно въ томъ, что было самое тяжелое въ его любви, — въ высокомъ положеніи Каренина и, потому, въ выставленности этой связи для свѣта.

Большинство молодыхъ женщинъ, завидовавшихъ Аннѣ, которымъ уже давно наскучило то, что̀ ее *называютъ справедливою*, радовались тому, что̀ онѣ предполагали, и ждали только подтвержденія оборота общественнаго мнѣнія, чтобъ обрушиться на нее всею тяжестью своего презрѣнія. Онѣ приготавливали уже тѣ комки грязи, которыми онѣ бросятъ въ нее, когда придетъ время. Большинство пожилыхъ людей и люди высокопоставленные были недовольны этимъ готовящимся общественнымъ скандаломъ.

Мать Вронскаго, узнавъ о его связи, сначала была довольна—и потому, что ничто, по ея понятіямъ, не давало послѣдней отдѣлки блестящему молодому человѣку, какъ связь въ высшемъ свѣтѣ, и потому, что столь понравившаяся ей Каренина, такъ много говорившая о своемъ сынѣ, была все таки такая же, какъ и всѣ красивыя и порядочныя женщины, по понятіямъ графини Вронской. Но въ послѣднее время она узнала, что сынъ отказался отъ предложеннаго ему, важнаго для карьеры, положенія только съ тѣмъ, чтобъ оставаться въ полку, гдѣ онъ могъ видѣться съ Карениной, узнала, что имъ недовольны за это высокопоставленныя лица, и она перемѣнила свое мнѣніе. Не нравилось ей тоже то, что по всему, что она узнала про эту связь, это не была та блестящая, граціозная свѣтская связь, какую она бы одобрила, но какая-то Вертеровская, отчаянная страсть, какъ ей разсказывали, которая могла вовлечь его въ глупости. Она не видала его со времени его неожиданнаго отъѣзда изъ Москвы и че-

резъ старшаго сына требовала, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней.

Старшій братъ былъ тоже недоволенъ меньшимъ. Онъ не разбиралъ, какая это была любовь, большая или маленькая, страстная или нестрастная, порочная или непорочная (онъ самъ, имѣя дѣтей, содержалъ танцовщицу, и потому былъ снисходителенъ на это); но онъ зналъ, что это — любовь, ненравящаяся тѣмъ, кому нужно нравиться, и потому не одобрялъ поведенія брата.

Кромѣ занятій службы и свѣта, у Вронскаго было еще занятіе—лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

Въ нынѣшнемъ же году назначены были офицерскія скачки съ препятствіями. Вронскій записался на скачки, купилъ англійскую кровную кобылу и, несмотря на свою любовь, былъ страстно, хотя и сдержанно, увлеченъ предстоящими скачками...

Двѣ страсти эти не мѣшали одна другой. Напротивъ, ему нужно было занятіе и увлеченіе, независимое отъ его любви, на которомъ онъ освѣжался и отдыхалъ отъ слишкомъ волновавшихъ его впечатлѣній.

XIX.

Въ день Красносельскихъ скачекъ Вронскій раньше обыкновеннаго пришелъ съѣсть бифстексъ въ общую залу артели полка. Ему не нужно было очень строго выдерживать себя, такъ какъ вѣсъ его какъ разъ равнялся положеннымъ четыремъ пудамъ съ половиною; но надо было и не потолстѣть, и потому онъ избѣгалъ мучнаго и сладкаго. Онъ сидѣлъ въ разстегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукѣ, облокотившись обѣими руками на столъ, и, ожидая

заказаннаго бифстекса, смотрѣлъ въ книгу французскаго романа, лежавшаго на тарелкѣ. Онъ смотрѣлъ въ книгу только затѣмъ, чтобы не разговаривать со входившими и выходившими офицерами, и думалъ.

Онъ думалъ о томъ, что Анна обѣщала ему дать свиданье нынче, послѣ скачекъ. Но онъ не видалъ ея три дня и, вслѣдствіе возвращенія мужа изъ-за границы, не зналъ, возможно ли это нынче или нѣтъ, и не зналъ, какъ узнать это. Онъ видѣлся съ ней въ послѣдній разъ на дачѣ у кузины Бетси. На дачу же Карениныхъ онъ ѣздилъ какъ можно рѣже. Теперь онъ хотѣлъ ѣхать туда и обдумывалъ вопросъ, „какъ это сдѣлать“.

„Разумѣется, я скажу, что Бетси прислала меня спросить, пріѣдетъ ли она на скачки. Разумѣется, поѣду“, рѣшилъ онъ самъ съ собой, поднимая голову отъ книги. И, живо представивъ себѣ счастіе увидать ее, онъ просіялъ лицомъ.

— Пошли ко мнѣ на домъ, чтобы закладывали поскорѣй коляску тройкой,—сказалъ онъ слугѣ, подавшему ему бифстексъ на серебряномъ горячемъ блюдѣ, и, придвинувъ блюдо, сталъ ѣсть.

Въ сосѣдней билліардной слышались удары шаровъ, говоръ и смѣхъ. Изъ входной двери появились два офицера: одинъ—молоденькій, съ слабымъ тонкимъ лицомъ, недавно поступившій изъ Пажескаго корпуса въ ихъ полкъ; другой—пухлый старый офицеръ, съ браслетомъ на рукѣ и заплывшими маленькими глазами.

Вронскій, взглянувъ на нихъ, нахмурился и, какъ будто не замѣтивъ ихъ, косясь на книгу, сталъ ѣсть и читать вмѣстѣ.

— Что, подкрѣпляешься на работу? — сказалъ пухлый офицеръ, садясь подлѣ него.

— Видишь, — отвѣчалъ Вронскій, хмурясь, отирая ротъ и не глядя на него.

— А не боишься потолстѣть? — сказалъ тотъ, поворачивая стулъ для молоденькаго офицера.

— Что? — сердито сказалъ Вронскій, дѣлая гримасу отвращенія и показывая свои сплошные зубы

— Не боишься потолстѣть?

— Человѣкъ, хересу! — сказалъ Вронскій, не отвѣчая, и, переложивъ книгу на другую сторону, продолжалъ читать.

Пухлый офицеръ взялъ карту винъ и обратился къ молоденькому офицеру.

— Ты самъ выбери, что будемъ пить, — сказалъ онъ, подавая ему карту и глядя на него.

— Пожалуй, рейнвейну, — сказалъ молодой офицеръ, робко косясь на Вронскаго и стараясь поймать пальцами чуть отросшіе усики. Видя, что Вронскій не оборачивается, молодой офицеръ всталъ.

— Пойдемъ въ билліардную, — сказалъ онъ.

Пухлый офицеръ покорно всталъ, и они направились къ двери.

Въ это время въ комнату вошелъ высокій и статный ротмистръ Яшвинъ и, кверху, презрительно, кивнувъ головой двумъ офицерамъ, подошелъ къ Вронскому.

— А, вотъ онъ! — крикнулъ онъ, крѣпко ударивъ его своею большою рукой по погону. Вронскій оглянулся сердито, но тотчасъ же лицо его просіяло свойственною ему спокойною и твердою лаской.

— Умно, Алеша, — сказалъ ротмистръ громкимъ баритономъ.—Теперь поѣшь и выпей одну рюмочку.

— Да не хочется ѣсть.

— Вотъ неразлучные, — прибавилъ Яшвинъ, насмѣшливо глядя на двухъ офицеровъ, которые выходили въ это время изъ комнаты. И онъ сѣлъ подлѣ Вронскаго, согнувъ острыми углами свои, слишкомъ длинныя по высотѣ стульевъ, стегна и голени въ узкихъ рейтузахъ. — Что-жъ ты вчера не заѣхалъ въ красненькій театръ? Нумерова совсѣмъ недурна была. Гдѣ ты былъ?

— Я у Тверскихъ засидѣлся,—сказалъ Вронскій.

— А!—отозвался Яшвинъ.

Яшвинъ, игрокъ, кутила и не только человѣкъ безъ всякихъ правилъ, но съ безнравственными правилами, — Яшвинъ былъ въ полку лучшій пріятель Вронскаго. Вронскій любилъ его и за его необычайную физическую силу, которую онъ, большею частью, выказывалъ тѣмъ, что могъ пить какъ бочка, не спать и быть все такимъ же, и за большую нравственную силу, которую онъ выказывалъ въ отношеніяхъ къ начальникамъ и товарищамъ, вызывая къ себѣ страхъ и уваженіе, и въ игрѣ, которую онъ велъ на десятки тысячъ, и всегда, несмотря на выпитое вино, такъ тонко и твердо, что считался первымъ игрокомъ въ Англійскомъ клубѣ. Вронскій уважалъ и любилъ его въ особенности за то, что чувствовалъ, что Яшвинъ любилъ его не за его имя и богатство, а за него самого. И изъ всѣхъ людей съ нимъ однимъ Вронскій хотѣлъ бы говорить про свою любовь. Онъ чувствовалъ, что Яшвинъ одинъ, несмотря на то, что, казалось, презиралъ всякое чувство, — одинъ, казалось Вронскому, могъ понимать ту сильную страсть,

которая теперь наполнила всю его жизнь. Кромѣ того, онъ былъ увѣренъ, что Яшвинъ уже навѣрное не находитъ удовольствія въ сплетнѣ и скандалѣ, а понимаетъ это чувство какъ должно, то-есть знаетъ и вѣритъ, что любовь это не шутка, не забава, а что то серьёзнѣе и важнѣе.

Вронскій не говорилъ съ нимъ о своей любви, но зналъ, что онъ все знаетъ, все понимаетъ какъ должно, и ему пріятно было видѣть это по его глазамъ.

— А, да!—сказалъ онъ на то, что Вронскій былъ у Тверскихъ, и, блеснувъ своими черными глазами, взялся за лѣвый усъ и сталъ заправлять его въ ротъ, по своей дурной привычкѣ.

— Ну, а ты вчера что сдѣлалъ? Выигралъ? — спросилъ Вронскій.

— Восемь тысячъ. Да три не хороши: едва ли отдастъ.

— Ну, такъ можешь за меня и проиграть,—сказалъ Вронскій смѣясь. (Яшвинъ держалъ большое пари за Вронскаго.)

— Ни за что не проиграю. Одинъ Махотинъ опасенъ.

И разговоръ перешелъ на ожиданія нынѣшней скачки, о которой только и могъ думать теперь Вронскій.

— Пойдемъ, я кончилъ, — сказалъ Вронскій и, вставъ, пошелъ къ двери. Яшвинъ всталъ тоже, растянувъ свои огромныя ноги и длинную спину.

— Мнѣ обѣдать еще рано, а выпить надо. Я приду сейчасъ. Эй, вина!—крикнулъ онъ своимъ, знаменитымъ въ командованіи, густымъ и заставлявшимъ дрожать стекла голосомъ.— Нѣтъ, не надо,—тотчасъ же опять крикнулъ онъ.—Ты домой, такъ я съ тобой пойду.

И они пошли съ Вронскимъ.

XX.

Вронскій стоялъ въ просторной и чистой, разгороженной на-двое, чухонской избѣ. Петрицкій жилъ съ нимъ вмѣстѣ и въ лагеряхъ. Петрицкій спалъ, когда Вронскій съ Яшвинымъ вошли въ избу.

— Вставай, будетъ спать! — сказалъ Яшвинъ, заходя за перегородку и толкая за плечо уткнувшагося носомъ въ подушку взлохмаченнаго Петрицкаго.

Петрицкій вдругъ вскочилъ на колѣнки и оглянулся.

— Твой братъ былъ здѣсь, — сказалъ онъ Вронскому.— Разбудилъ меня, чортъ его возьми... Сказалъ, что придетъ опять.—И онъ опять, натягивая одѣяло, бросился на подушку.—Да оставь же, Яшвинъ,—говорилъ онъ, сердясь на Яшвина, тащившаго съ него одѣяло.—Оставь!—Онъ повернулся и открылъ глаза. — Ты лучше скажи, *что* выпить: такая гадость во рту, что...

— Водки лучше всего,—пробасилъ Яшвинъ.—Терещенко! водки барину и огурцовъ!—крикнулъ онъ, видимо любя слушать свой голосъ.

— Водки, ты думаешь, а?—спросилъ Петрицкій, морщась и протирая глаза.—А ты выпьешь? Вмѣстѣ, такъ выпьемъ! Вронскій, выпьешь?—сказалъ Петрицкій, вставая и закутываясь подъ руками въ тигровое одѣяло.

Онъ вышелъ въ дверь перегородки, поднялъ руки и запѣлъ по-французски: „Былъ король въ Ту-у-лѣ“.—Вронскій, выпьешь?

— Убирайся,—сказалъ Вронскій, надѣвавшій подаваемый лакеемъ сюртукъ.

— Это куда?—спросилъ его Яшвинъ.—Вотъ и тройка,—прибавилъ онъ, увидѣвъ подъѣзжавшую коляску.

— Въ конюшню, да еще мнѣ нужно къ Брянскому объ лошадяхъ,—сказалъ Вронскій.

Вронскій дѣйствительно обѣщалъ быть у Брянскаго, въ десяти верстахъ отъ Петергофа, и привезти ему за лошадей деньги; и онъ хотѣлъ успѣть побывать и тамъ. Но товарищи тотчасъ же поняли, что онъ не туда только ѣдетъ.

Петрицкій, продолжая пѣть, подмигнулъ глазомъ и надулъ губы, какъ бы говоря: знаемъ, какой это Брянскій.

— Смотри, не опоздай!—сказалъ только Яшвинъ, и, чтобы перемѣнить разговоръ:—Что, мой саврасый служитъ хорошо?—спросилъ онъ, глядя въ окно, про кореннаго, котораго онъ продалъ.

— Стой!—закричалъ Петрицкій уже уходившему Вронскому.—Братъ твой оставилъ письмо тебѣ и записку. Постой, гдѣ онѣ?

Вронскій остановился.

— Ну, гдѣ же онѣ?

— Гдѣ онѣ? Вотъ въ чемъ вопросъ! — проговорилъ торжественно Петрицкій, проводя кверху отъ носа указательнымъ пальцемъ.

— Да говори же, это глупо!—улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Камина я не топилъ. Здѣсь гдѣ-нибудь.

— Ну, полно врать! Гдѣ же письмо?

— Нѣтъ, право, забылъ. Или я во снѣ видѣлъ? Постой, постой. Да что-жъ сердиться! Еслибы ты, какъ я вчера, выпилъ четыре бутылки на брата, ты бы забылъ, гдѣ ты лежишь. Постой, сейчасъ вспомню!

Петрицкій пошелъ за перегородку и легъ на свою кровать.

— Стой! Такъ я лежалъ, такъ онъ стоялъ. Да-да-да-да... Вотъ оно!—и Петрицкій вынулъ письмо изъ-подъ матраца, куда онъ запряталъ его.

Вронскій взялъ письмо и записку брата. Это было то самое, что онъ ожидалъ,—отъ матери съ упреками за то, что онъ не пріѣзжалъ, и записка отъ брата, въ которой говорилось, что нужно переговорить. Вронскій зналъ, что это все о томъ же. „Что имъ за дѣло!“ подумалъ Вронскій, и, смявъ письма, сунулъ ихъ между пуговицъ сюртука, чтобы внимательно прочесть дорогой. Въ сѣняхъ избы ему встрѣтились два офицера: одинъ—ихъ, а другой другаго полка. Квартира Вронскаго всегда была притономъ всѣхъ офицеровъ.

— Куда?

— Нужно, въ Петергофъ.

— А лошадь пришла изъ Царскаго?

— Пришла, да я не видалъ еще.

— Говорятъ, Махотина Гладіаторъ захромалъ.

— Вздоръ! Только какъ вы по этой грязи поскачете? сказалъ другой.

— Вотъ мои спасители!—закричалъ, увидавъ вошедшихъ, Петрицкій, передъ которымъ стоялъ денщикъ съ водкой и соленымъ огурцомъ на подносѣ.—Вотъ Яшвинъ велитъ пить, чтобъ освѣжиться.

— Ну, ужъ вы намъ задали вчера,—сказалъ одинъ изъ пришедшихъ,—всю ночь не давали спать.

— Нѣтъ, каково мы окончили! — разсказывалъ Петрицкій —Волковъ залѣзъ на крышу и говоритъ, что ему грустно.

Я говорю: давай музыку, погребальный маршъ! Онъ такъ и заснулъ на крышѣ подъ погребальный маршъ.

— Выпей, выпей водки непремѣнно, а потомъ сельтерской воды и много лимона,—говорилъ Яшвинъ, стоя надъ Петрицкимъ какъ мать, заставляющая ребенка принимать лѣкарство,—а потомъ ужъ шампанскаго немножечко, такъ... бутылочку.

— Вотъ это умно. Постой, Вронскій, выпьемъ.

— Нѣтъ, прощайте, господа, нынче я не пью.

— Что-жъ, потяжелѣешь? Ну, такъ мы одни. Давай сельтерской воды и лимона.

— Вронскій!—закричалъ кто-то, когда онъ ужъ выходилъ въ сѣни.

— Что?

— Ты бы волоса обстригъ, а то они у тебя тяжелы, особенно на лысинѣ.

Вронскій дѣйствительно преждевременно начиналъ плѣшивѣть. Онъ весело засмѣялся, показывая свои сплошные зубы, и, надвинувъ фуражку на лысину, вышелъ и сѣлъ въ коляску.

— Въ конюшню!—сказалъ онъ и досталъ было письма, чтобы прочесть ихъ, но потомъ раздумалъ, чтобы не развлекаться до осмотра лошади.—Потомъ!...

XXI.

Временная конюшня, балаганъ изъ досокъ, была построена подлѣ самаго гипподрома, и туда вчера должна была быть приведена его лошадь. Онъ еще не видалъ ея. Въ эти послѣдніе дни онъ самъ не ѣздилъ на проѣздку, а по-

ручилъ тренеру, и теперь рѣшительно не зналъ, въ какомъ состояніи пришла и была его лошадь. Едва онъ вышелъ изъ коляски, какъ конюхъ его (грумъ), такъ-называемый мальчикъ, узнавъ еще издалека его коляску, вызвалъ тренера. Сухой англичанинъ въ высокихъ сапогахъ и въ короткой жакеткѣ, съ клочкомъ волосъ, оставленнымъ только подъ подбородкомъ, неумѣлою походкой жокеевъ, растопыривая локти и раскачиваясь, вышелъ на встрѣчу.

— Ну что, Фру-Фру?—спросилъ Вронскій по-англійски.

— All right, sir—все исправно, сударь, — гдѣ-то внутри горла проговорилъ голосъ англичанина. — Лучше не ходите,—прибавилъ онъ, поднимая шляпу. — Я надѣлъ намордникъ и лошадь возбуждена. Лучше не ходить, это тревожитъ лошадь.

— Нѣтъ, ужъ я войду. Мнѣ хочется взглянуть.

— Пойдемъ,—все также не открывая рта, нухмурившись, сказалъ англичанинъ, и, размахивая локтями, пошелъ впередъ своею развинченною походкой.

Они вошли въ дворикъ передъ баракомъ. Дежурный, въ чистой курткѣ, нарядный, молодцеватый мальчикъ, съ метлой въ рукѣ, встрѣтилъ входившихъ и пошелъ за ними. Въ баракѣ стояло пять лошадей по денникамъ, и Вронскій зналъ, что тутъ же нынче долженъ быть приведенъ и стоитъ его главный соперникъ, рыжій пятивершковый Гладіаторъ Махотина. Еще болѣе, чѣмъ свою лошадь, Вронскому хотѣлось видѣть Гладіатора, котораго онъ не видалъ; но Вронскій зналъ, что, по законамъ приличія конской охоты, не только нельзя видѣть его, но неприлично и распрашивать про него. Въ то время, когда онъ шелъ по корридору, мальчикъ отворилъ дверь во второй денникъ налѣво, и Врон-

скій увидѣлъ рыжую крупную лошадь и бѣлыя ноги. Онъ зналъ, что это былъ Гладіаторъ, но съ чувствомъ человѣка, отворачивающагося отъ чужаго раскрытаго письма, онъ отвернулся и подошелъ къ деннику Фру-Фру.

— Здѣсь лошадь Мак... Мак... никогда не могу выговорить это имя,—сказалъ англичанинъ черезъ плечо, указывая большимъ, съ грязнымъ ногтемъ, пальцемъ на денникъ Гладіатора.

— Махотина? Да, это мой одинъ серьёзный соперникъ,—сказалъ Вронскій.

— Еслибы вы ѣхали на немъ,—сказалъ англичанинъ, я бы за васъ держалъ.

— Фру-Фру нервнѣе, онъ сильнѣе, — сказалъ Вронскій, улыбаясь отъ похвалы своей ѣздѣ.

— Съ препятствіями все дѣло въ ѣздѣ и въ pluck,—сказалъ англичанинъ.

Pluck, то-есть энергіи и смѣлости, Вронскій не только чувствовалъ въ себѣ достаточно, но, что гораздо важнѣе, онъ былъ твердо убѣжденъ, что ни у кого въ мірѣ не могло быть этого pluck больше, чѣмъ у него.

— А вы, вѣрно, знаете, что не нужно было *большаго потнѣнія*?

— Не нужно,—отвѣчалъ англичанинъ.—Пожалуйста, не говорите громко. Лошадь волнуется,—прибавилъ онъ, кивая головой на запертый денникъ, передъ которымъ они стояли, и гдѣ слышалась перестановка ногъ по соломѣ.

Онъ отворилъ дверь, и Вронскій вошелъ въ слабо освѣщенный изъ одного маленькаго окошечка денникъ. Въ денникѣ, перебирая ногами по свѣжей соломѣ, стояла караковая лошадь съ намордникомъ. Оглядѣвшись въ полусвѣтѣ

денника, Вронскій опять невольно обнялъ однимъ общимъ взглядомъ всѣ стати своей любимой лошади. Фру-Фру была средняго роста лошадь и по статямъ не безукоризненная. Она была вся узка костью; хотя ея грудина и сильно выдавалась впередъ, грудь была узка. Задъ былъ немного свислый, и въ ногахъ переднихъ, и особенно заднихъ, была значительная косолапина. Мышцы заднихъ и переднихъ ногъ не были особенно крупны; но за то въ подпругѣ лошадь была необыкновенно широка, что̀ особенно поражало теперь, при ея выдержкѣ и поджаромъ животѣ. Кости ея ногъ ниже колѣнъ казались не толще пальца, глядя спереди, но за то были необыкновенно широки, глядя съ боку. Она вся, кромѣ реберъ, какъ будто была сдавлена съ боковъ и вытянута въ глубину. Но у ней въ высшей степени было качество, заставляющее забывать всѣ недостатки; это качество была *кровь*,—та кровь, которая *сказывается*, по англійскому выраженію. Рѣзко выступающія мышцы изъ-подъ сѣтки жилъ, растянутой въ тонкой, подвижной и гладкой, какъ атласъ, кожѣ, казались столь же крѣпкими, какъ кость. Сухая голова ея, съ выпуклыми блестящими веселыми глазами, расширялась у храпа въ выдающіяся ноздри, съ налитою внутри кровью перепонкой. Во всей фигурѣ, и въ особенности въ головѣ ея, было опредѣленное, энергическое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе. Она была одно изъ тѣхъ животныхъ, которыя, кажется, не говорятъ только потому, что механическое устройство ихъ рта не позволяетъ имъ этого.

Вронскому, по крайней мѣрѣ, показалось, что она поняла все, что онъ теперь, глядя на нее, чувствовалъ.

Какъ только Вронскій вошелъ къ ней, она глубоко втянула въ себя воздухъ и, скашивая свой выпуклый глазъ

такъ, что бѣлокъ налился кровью, съ противоположной стороны глядѣла на вошедшихъ, потряхивая намордникомъ и упруго переступая съ ноги на ногу.

— Ну, вотъ видите, какъ она взволнована,—сказалъ англичанинъ.

— О, милая! О!—говорилъ Вронскій, подходя къ лошади и уговаривая ее.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ ближе она волновалась. Только когда онъ подошелъ къ ея головѣ, она вдругъ затихла, и мускулы ея затряслись подъ тонкою, нѣжною шерстью. Вронскій погладилъ ея крѣпкую шею, поправилъ на остромъ загривкѣ перекинувшуюся на другую сторону прядь гривы и придвинулся лицомъ къ ея растянутымъ, тонкимъ, какъ крыло летучей мыши, ноздрямъ. Она звучно втянула и выпустила воздухъ изъ напряженныхъ ноздрей, вздрогнувъ, прижала острое ухо и вытянула крѣпкую черную губу ко Вронскому, какъ бы желая поймать его за рукавъ. Но, вспомнивъ о намордникѣ, она встряхнула имъ, и опять начала переставлять одну за другою свои точеныя ножки.

— Успокойся, милая, успокойся!—сказалъ онъ, погладивъ ее еще рукой по залу, и съ радостнымъ сознаніемъ, что лошадь въ самомъ хорошемъ состояніи, вышелъ изъ денника.

Волненіе лошади сообщилось и Вронскому; онъ чувствовалъ, что кровь приливала ему къ сердцу, и что ему такъ же, какъ и лошади, хочется двигаться, кусаться; было и страшно, и весело.

— Ну, такъ, я на васъ надѣюсь,—сказалъ онъ англичаниму:—въ шесть съ половиной на мѣстѣ.

— Все исправно,—сказалъ англичанинъ.—А вы куда ѣдете,

милордъ?—спросилъ онъ неожиданно, употребивъ это названіе my-lord, котораго онъ почти никогда не употреблялъ.

Вронскій съ удивленіемъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ, какъ онъ умѣлъ смотрѣть, не въ глаза, а на лобъ англичанина, удивляясь смѣлости его вопроса. Но понявъ, что англичанинъ, дѣлая этотъ вопросъ, смотрѣлъ на него не какъ на хозяина, но какъ на жокея, отвѣтилъ ему:

— Мнѣ нужно къ Брянскому, я черезъ часъ буду дома.

„Который разъ мнѣ дѣлаютъ нынче этотъ вопросъ!“ сказалъ онъ себѣ и покраснѣлъ, что съ нимъ рѣдко бывало. Англичанинъ внимательно посмотрѣлъ на него. И какъ будто онъ зналъ, куда ѣдетъ Вронскій, прибавилъ:

— Первое дѣло быть спокойнымъ передъ ѣздой,—сказалъ онъ,—не будьте не въ духѣ и ничѣмъ не разстраивайтесь.

— All right,—улыбаясь отвѣчалъ Вронскій и, вскочивъ въ коляску, велѣлъ ѣхать въ Петергофъ.

Едва онъ отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ туча, съ утра угрожавшая дождемъ, надвинулась, и хлынулъ ливень.

„Плохо!—подумалъ Вронскій, поднимая верхъ коляски.—И то грязно было, а теперь совсѣмъ болото будетъ“. Сидя въ уединеніи закрытой коляски, онъ досталъ письмо матери и записку брата и прочелъ ихъ.

Да, все это было то же и то же. Всѣ—его мать, его братъ—всѣ находили нужнымъ вмѣшиваться въ его сердечныя дѣла. Это вмѣшательство возбуждало въ немъ злобу,—чувство, которое онъ рѣдко испытывалъ. „Какое имъ дѣло? Почему всякій считаетъ своимъ долгомъ заботиться обо мнѣ? И отчего они пристаютъ ко мнѣ? Оттого, что они видятъ, что это что-то такое, чего они не могутъ понять. Еслибъ это была обыкновенная пошлая свѣтская связь,

они бы оставили меня въ покоѣ. Они чувствуютъ, что это что-то другое, что это не игрушка, и что эта женщина дороже для меня жизни. И это-то непонятно и потому досадно имъ. Какая ни есть и ни будетъ наша судьба, мы ее сдѣлали, и мы на нее не жалуемся,—говорилъ онъ, въ словѣ *мы* соединяя себя съ Анною.—Нѣтъ, имъ надо научить насъ, какъ жить. Они и понятія не имѣютъ о томъ, что такое счастіе, они не знаютъ, что безъ этой любви для насъ нѣтъ ни счастія, ни несчастія,—нѣтъ жизни", думалъ онъ.

Онъ сердился на всѣхъ за вмѣшательство именно потому, что онъ чувствовалъ въ душѣ, что они, эти всѣ, были правы. Онъ чувствовалъ, что любовь, связывавшая его съ Анной, не была минутное увлеченіе, которое пройдетъ, какъ проходятъ свѣтскія связи, не оставивъ другихъ слѣдовъ въ жизни того и другаго, кромѣ пріятныхъ или непріятныхъ воспоминаній. Онъ чувствовалъ всю мучительность своего и ея положенія, всю трудность, при той выставленности для глазъ всего свѣта, въ которой они находились, скрывать свою любовь, лгать и обманывать,—и лгать, обманывать, хитрить и постоянно думать о другихъ тогда, когда страсть, связывавшая ихъ, была такъ сильна, что они оба забывали обо всемъ другомъ, кромѣ своей любви.

Онъ живо вспоминалъ всѣ тѣ часто повторявшіеся случаи необходимости лжи и обмана, которые были такъ противны его натурѣ; вспомнилъ особенно живо, не разъ замѣченное въ ней, чувство стыда за эту необходимость обмана и лжи. И онъ испыталъ странное чувство, со времени его связи съ Анною, иногда находившее на него. Это было чувство омерзѣнія къ чему-то: къ Алексѣю ли Але-

ксандровичу, къ себѣ ли, ко всему ли свѣту—онъ не зналъ хорошенько. Но онъ всегда отгонялъ отъ себя это странное чувство. И теперь, встряхнувшись, продолжалъ ходъ своихъ мыслей:

„Да, она прежде была несчастлива, но горда и спокойна; а теперь она не можетъ быть спокойна и достойна, хотя она и не показываетъ этого. Да, это нужно кончить“, рѣшилъ онъ самъ съ собою.

И ему въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что необходимо прекратить эту ложь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. „Бросить все ей и мнѣ и скрыться куда-нибудь однимъ со своей любовью“, сказалъ онъ себѣ.

XXII.

Ливень былъ непродолжительный, и когда Вронскій подъѣзжалъ на всей рыси кореннаго, вытягивавшаго скакавшихъ уже безъ вожжей по грязи пристяжныхъ, солнце опять выглянуло, и крыши дачъ, старыя липы садовъ по обѣимъ сторонамъ главной улицы блестѣли мокрымъ блескомъ и съ вѣтвей весело капала, а съ крышъ бѣжала вода. Онъ не думалъ уже о томъ, какъ этотъ ливень испортитъ гипподромъ, но теперь радовался тому, что, благодаря этому дождю, навѣрное застанетъ ее дома, и одну, такъ какъ онъ зналъ, что Алексѣй Александровичъ, недавно вернувшійся съ водъ, не переѣзжалъ изъ Петербурга.

Надѣясь застать ее одну, Вронскій, какъ онъ и всегда дѣлалъ это, чтобы меньше обратить на себя вниманіе, слѣзъ, не переѣзжая мостика, и пошелъ пѣшкомъ. Онъ не пошелъ на крыльцо съ улицы, но пошелъ во дворъ.

— Баринъ пріѣхалъ? — спросилъ онъ у садовника.

— Никакъ нѣтъ.—Барыня дома. Да вы съ крыльца пожалуйте; тамъ люди есть, отопрутъ, — отвѣчалъ садовникъ.

— Нѣтъ, я изъ сада пройду.

И убѣдившись, что она одна, и желая застать ее врасплохъ, такъ какъ онъ не обѣщался быть нынче и она, вѣрно, не думала, что онъ пріѣдетъ передъ скачками, онъ пошелъ, придерживая саблю и осторожно шагая по песку дорожки, обсаженной цвѣтами, къ террасѣ, выходившей въ садъ. Вронскій теперь забылъ все, что онъ думалъ дорогой о тяжести и трудности своего положенія. Онъ думалъ объ одномъ, что сейчасъ увидитъ ее не въ одномъ воображеніи, но живую, всю, какая она есть въ дѣйствительности. Онъ уже входилъ, ступая во всю ногу, чтобы не шумѣть, по отлогимъ ступенямъ террасы, когда вдругъ вспомнилъ то, что̀ онъ всегда забывалъ, и то, что̀ составляло самую мучительную сторону его отношеній къ ней,— ея сына, съ его вопрошающимъ, противнымъ, какъ ему казалось, взглядомъ.

Мальчикъ этотъ чаще всѣхъ другихъ былъ помѣхой ихъ отношеній. Когда онъ былъ тутъ, ни Вронскій, ни Анна — не только не позволяли себѣ говорить о чемъ-нибудь такомъ, чего бы они не могли повторить при всѣхъ, но они не позволяли себѣ даже и намеками говорить то, чего бы мальчикъ не понялъ. Они не сговаривались объ этомъ, но это установилось само собою. Они считали бы оскорбленіемъ самихъ себя обманывать этого ребенка. При немъ они говорили между собой какъ знакомые. Но, несмотря на эту осторожность, Вронскій часто видѣлъ устремленный на него внимательный и недоумѣвающій взглядъ ре-

бенка и странную робость, неровность,—то ласку, то холодность и застѣнчивость въ отношеніи къ себѣ этого мальчика. Какъ будто ребенокъ чувствовалъ, что между этимъ человѣкомъ и его матерью есть какое-то важное отношеніе, значенія котораго онъ понять не можетъ.

Дѣйствительно, мальчикъ чувствовалъ, что онъ не можетъ понять этого отношенія, и силился и не могъ уяснить себѣ то чувство, которое онъ долженъ имѣть къ этому человѣку. Съ чуткостью ребенка къ проявленію чувства онъ ясно видѣлъ, что отецъ, гувернантка, няня — всѣ не только не любили, но съ отвращеніемъ и страхомъ смотрѣли на Вронскаго, хотя и ничего не говорили про него, а что мать смотрѣла на него какъ на лучшаго друга.

„Что же это значитъ? Кто онъ такой? Какъ надо любить его? Если я не понимаю, я виноватъ, или я глупый или дурной мальчикъ", думалъ ребенокъ; и отъ этого происходило его испытующее, вопросительное, отчасти непріязненное выраженіе, и робость, и неровность, которыя такъ стѣсняли Вронскаго. Присутствіе этого ребенка всегда и неизмѣнно вызывало во Вронскомъ то странное чувство безпричиннаго омерзѣнія, которое онъ испытывалъ послѣднее время. Присутствіе этого ребенка вызывало во Вронскомъ и въ Аннѣ чувство подобное чувству мореплавателя, видящаго по компасу, что направленіе, по которому онъ быстро движется, далеко расходится съ надлежащимъ, но что остановить движеніе не въ его силахъ, что каждая минута удаляетъ его больше и больше и что признаться себѣ въ отступленіи отъ должнаго направленія—все равно что признаться въ погибели.

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь

былъ компасъ, который показывалъ имъ степень ихъ отклоненія отъ того, что они знали, но не хотѣли знать.

На этотъ разъ Сережи не было дома, и она была совершенно одна, и сидѣла на террасѣ, ожидая возвращенія сына, ушедшаго гулять и застигнутаго дождемъ. Она послала человѣка и дѣвушку искать его, и сидѣла ожидая. Одѣтая въ бѣлое съ широкимъ шитьемъ платье, она сидѣла въ углу террасы за цвѣтами и не слыхала его. Склонивъ свою черно-курчавую голову, она прижала лобъ къ холодной лейкѣ, стоявшей на перилахъ, и обѣими своими прекрасными руками, со столь знакомыми ему кольцами, придерживала лейку. Красота всей ея фигуры, головы, шеи, рукъ, каждый разъ, какъ неожиданностью, поражала Вронскаго. Онъ остановился, съ восхищеніемъ глядя на нее. Но только-что онъ хотѣлъ ступить шагъ, чтобы приблизиться къ ней, она уже почувствовала его приближеніе, оттолкнула лейку и повернула къ нему свое разгоряченное лицо.

— Что съ вами? Вы нездоровы? — сказалъ онъ по-французски, подходя къ ней. Онъ хотѣлъ подбѣжать къ ней; но вспомнивъ, что могли быть посторонніе, оглянулся на балконную дверь и покраснѣлъ, какъ онъ всякій разъ краснѣлъ, чувствуя, что долженъ бояться и оглядываться.

— Нѣтъ, я здорова,—сказала она, вставая и крѣпко пожимая его протянутую руку.—Я не ждала... тебя.

— Боже мой, какія холодныя руки!—сказалъ онъ.

— Ты испугалъ меня,—сказала она.—Я одна и жду Сережу; онъ пошелъ гулять; они отсюда придутъ.

Но, несмотря на то, что она старалась быть спокойна, губы ея тряслись.

— Простите меня, что я пріѣхалъ, но не могъ провести

дня, не видавъ васъ,—продолжалъ онъ по-французски, какъ онъ всегда говорилъ, избѣгая невозможно-холоднаго между ними *вы* и опаснаго *ты* по-русски.

— За что-жъ простить? Я такъ рада!

— Но вы нездоровы или огорчены,—продолжалъ онъ, не выпуская ея руки и нагибаясь надъ нею. — О чемъ вы думали?

— Все объ одномъ,—сказала она съ улыбкой.

Она говорила правду. Когда бы, въ какую бы минуту ни спросили ее, о чемъ она думала, она безъ ошибки могла отвѣтить: объ одномъ, о своемъ счастіи и о своемъ несчастіи. Она думала теперь именно, когда онъ засталъ ее, вотъ о чемъ: она думала, почему для другихъ, для Бетси, напримѣръ (она знала ея скрытую для свѣта связь съ Тушкевичемъ), все это было легко, а для нея такъ мучительно? Нынче эта мысль, по нѣкоторымъ соображеніямъ, особенно мучила ее. Она спросила его о скачкахъ. Онъ отвѣчалъ ей, и видя, что она взволнована, стараясь развлечь ее, сталъ разсказывать ей самымъ простымъ тономъ подробности приготовленій къ скачкамъ.

„Сказать или не сказать? — думала она, глядя въ его спокойные, ласковые глаза.—Онъ такъ счастливъ, такъ занятъ своими скачками, что не пойметъ этого, какъ надо, не пойметъ всего значенія для насъ этого событія".

— Но вы не сказали, о чемъ вы думали, когда я вошелъ,—сказалъ онъ, перервавъ свой разсказъ,—пожалуйста, скажите!

Она не отвѣчала и, склонивъ немного голову, смотрѣла на него изъ подлобья вопросительно своими блестящими изъ-за длинныхъ рѣсницъ глазами. Рука ея, игравшая сорван-

нымъ листомъ, дрожала. Онъ видѣлъ это, и лицо его выразило ту покорность, рабскую преданность, которая такъ подкупала ее.

— Я вижу, что случилось что-то. Развѣ я могу быть минуту спокоенъ, зная, что у васъ есть горе, котораго я не раздѣляю? Скажите, ради Бога! — умоляюще повторилъ онъ.

„Да, я не прощу ему, если онъ не пойметъ всего значенія этого. Лучше не говорить, зачѣмъ испытывать?“ думала она, все такъ же глядя на него и чувствуя, что рука ея съ листкомъ все больше и больше трясется.

— Ради Бога!—повторилъ онъ, взявъ ея руку.

— Сказать?

— Да, да, да...

— Я беременна,—сказазала она тихо и медленно.

Листокъ въ ея рукѣ задрожалъ еще сильнѣе, но она не спускала съ него глазъ, чтобы видѣть, какъ онъ приметъ это. Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но остановился, выпустилъ ея руку и опустилъ голову. „Да, онъ понялъ все значеніе этого событія“, подумала она и благодарно пожала ему руку.

Но она ошиблась въ томъ, что онъ понялъ значеніе извѣстія такъ, какъ она, женщина, его понимала. При этомъ извѣстіи онъ съ удесятеренною силой почувствовалъ припадокъ этого страннаго, находившаго на него, чувства омерзѣнія къ кому-то; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понялъ, что тотъ кризисъ, котораго онъ желалъ, наступилъ теперь, что нельзя болѣе скрыть отъ мужа и необходимо, такъ или иначе, разорвать скорѣе это неестественное положеніе. Но, кромѣ того, ея волненіе физически сообщалось ему. Онъ взгля-

нулъ на нее умиленнымъ, покорнымъ взглядомъ, поцѣловалъ ея руку, всталъ и молча прошелся по террасѣ.

— Да,—сказалъ онъ, рѣшительно подходя къ ней,—ни я, ни вы не смотрѣли на наши отношенія какъ на игрушку, а теперь наша судьба рѣшена. Необходимо кончить,—сказалъ онъ, оглядываясь,—ту ложь, въ которой мы живемъ.

— Кончить? Какъ же кончить, Алексѣй? — сказала она тихо.

Она успокоилась теперь, и лицо ея сіяло нѣжною улыбкой.

— Оставить мужа и соединить нашу жизнь.

— Она соединена и такъ,—чуть слышно отвѣчала она.

— Да, но совсѣмъ, совсѣмъ.

— Но какъ, Алексѣй, научи меня, какъ? — сказала она съ грустной насмѣшкой надъ безвыходностью своего положенія.—Развѣ есть выходъ изъ такого положенія? Развѣ я не жена своего мужа?

— Изъ всякаго положенія есть выходъ. Нужно рѣшиться,—сказалъ онъ.—Все лучше, чѣмъ то положеніе, въ которомъ ты живешь. Я вѣдь вижу, какъ ты мучаешься всѣмъ: и свѣтомъ, и сыномъ, и мужемъ.

— Ахъ, только не мужемъ!—съ простою усмѣшкой сказала она.—Я не знаю, я не думаю о немъ. Его нѣтъ.

— Ты говоришь неискренно. Я знаю тебя. Ты мучаешься и о немъ.

— Да онъ и не знаетъ,—сказала она, и вдругъ яркая краска стала выступать на ея лицо; щеки, лобъ, шея ея покраснѣли и слезы стыда выступили ей на глаза. — Да и не будемъ говорить о немъ.

XXIII.

Вронскій уже нѣсколько разъ пытался, хотя и не такъ рѣшительно, какъ теперь, наводить ее на обсужденіе своего положенія, и каждый разъ сталкивался съ тою поверхностностью и легкостью сужденій, съ которою она теперь отвѣчала на его вызовъ. Какъ будто было что-то въ этомъ такое, чего она не могла или не хотѣла уяснить себѣ, какъ будто, какъ только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то въ себя, и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой онъ не любилъ и боялся и которая давала ему отпоръ. Но нынче онъ рѣшился высказать все.

— Знаетъ ли онъ или нѣтъ,—сказалъ Вронскій своимъ обычнымъ, твердымъ и спокойнымъ, тономъ,—знаетъ ли онъ или нѣтъ, намъ до этого дѣла нѣтъ. Мы не можемъ... вы не можете такъ оставаться, особенно теперь.

— Что же дѣлать, по вашему? — спросила она съ тою же легкою насмѣшливостью. Ей, которая такъ боялась, чтобъ онъ не принялъ легко ея беременность, теперь было досадно за то, что онъ изъ этого выводилъ необходимость предпринять что-то.

— Объявить ему все и оставить его.

— Очень хорошо; положимъ, что я сдѣлаю это,—сказала она.—Вы знаете, что изъ этого будетъ? Я впередъ все разскажу,—и злой свѣтъ зажегся въ ея за минуту передъ этимъ нѣжныхъ глазахъ:—„А, вы любите другаго и вступили съ нимъ въ преступную связь? (Она, представляя мужа, сдѣлала точно такъ, какъ это дѣлалъ Алексѣй Але-

ксандровичъ, удареніе на словѣ *преступную*). Я предупреждалъ васъ о послѣдствіяхъ въ религіозномъ, гражданскомъ и семейномъ отношеніяхъ. Вы не послушали меня. Теперь я не могу отдать позору свое имя...—и своего сына, хотѣла она сказать, но сыномъ она не могла шутить...—позору свое имя",—и еще что-нибудь въ такомъ родѣ,—добавила она.—Вообще, онъ скажетъ со своею государственною манерой, съ ясностью и точностью, что онъ не можетъ отпустить меня, но приметъ зависящія отъ него мѣры остановить скандалъ. И сдѣлаетъ спокойно, аккуратно то, что скажетъ. Вотъ что будетъ... Это не человѣкъ, а машина, и злая машина, когда разсердится, — прибавила она, вспоминая при этомъ Алексѣя Александровича со всѣми подробностями его фигуры, манеры говорить, и въ вину ставя ему все, что только могла она найдти въ немъ нехорошаго, не прощая ему ничего за ту страшную вину, которою она была передъ нимъ виновата.

— Но, Анна,—сказалъ Вронскій убѣдительнымъ, мягкимъ голосомъ, стараясь успокоить ее: — все - таки необходимо сказать ему, а потомъ ужъ руководиться тѣмъ, что онъ предприметъ.

— Что-жъ, бѣжать?

— Отчего-жъ и не бѣжать? Я не вижу возможности продолжать это. И не для себя,—я вижу, что вы страдаете.

— Да, бѣжать и мнѣ сдѣлаться вашей любовницей,— злобно сказала она.

— Анна,—укоризненно-нѣжно проговорилъ онъ.

— Да,—продолжала она,—сдѣлаться вашей любовницей и погубить все...

Она опять хотѣла сказать: сына, но не могла выговорить этого слова.

Вронскій не могъ понять, какъ она, со своею сильною, честною натурой, могла переносить это положеніе обмана и не желать выдти изъ него; но онъ не догадывался, что главная причина этого была то слово *сынъ*, котораго она не могла выговорить. Когда она думала о сынѣ и его будущихъ отношеніяхъ къ бросившей его отца матери, ей такъ становилось страшно за то, что она сдѣлала, что она не разсуждала, а, какъ женщина, старалась только успокоить себя лживыми разсужденіями и словами, съ тѣмъ чтобы все оставалось по-старому и чтобы можно было забыть про страшный вопросъ: что будетъ съ сыномъ.

— Я прошу тебя, я умоляю тебя,—вдругъ совсѣмъ другимъ, искреннимъ и нѣжнымъ тономъ сказала она, взявъ его за руку,—никогда не говори со мной объ этомъ!

— Но, Анна...

— Никогда. Предоставь мнѣ. Всю низость, весь ужасъ своего положенія я знаю; но это не такъ легко рѣшить, какъ ты думаешь. И предоставь мнѣ, и слушайся меня. Никогда со мной не говори объ этомъ. Обѣщаешь ты мнѣ?... Нѣтъ, нѣтъ, обѣщай!...

— Я все обѣщаю, но я не могу быть спокоенъ, особенно послѣ того, что ты сказала. Я не могу быть спокоенъ, когда ты не можешь быть спокойна.

— Я?—повторила она. — Да, я мучаюсь иногда; но это пройдетъ, если ты никогда не будешь говорить со мной объ этомъ. Когда ты говоришь со мной объ этомъ, тогда только это меня мучаетъ.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ.

— Я знаю,—перебила она его,—какъ тяжело твоей честной натурѣ лгать, и жалѣю тебя. Я часто думаю, ка́къ для меня ты погубилъ свою жизнь.

— Я то же самое сейчасъ думалъ,—сказалъ онъ:—какъ изъ-за меня ты могла пожертвовать всѣмъ? Я не могу простить себѣ то, что ты несчастлива.

— Я несчастлива? — сказала она, приближаясь къ нему и съ восторженною улыбкой любви глядя на него:—я—какъ голодный человѣкъ, которому дали ѣсть. Можетъ-быть ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно ему, но онъ не несчастливъ. Я несчастлива? Нѣтъ, вотъ мое счастіе...

Она услыхала голосъ приближающагося сына и, окинувъ быстрымъ взглядомъ террасу, порывисто встала. Взглядъ ея зажегся знакомымъ ему огнемъ, она быстрымъ движеніемъ подняла свои красивыя, покрытыя кольцами руки, взяла его за голову, посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ и, приблизивъ свое лицо съ открыми, улыбающимися губами, быстро поцѣловала его ротъ и оба глаза и оттолкнула. Она хотѣла идти, но онъ удержалъ ее.

— Когда?—проговорилъ онъ шепотомъ, восторженно глядя на нее.

— Нынче, въ часъ,—прошептала она и, тяжело вздохнувъ, пошла своимъ легкимъ и быстрымъ шагомъ навстрѣчу сыну.

Сережу дождь засталъ въ большомъ саду, и они съ няней просидѣли въ бесѣдкѣ.

— Ну, до свиданья, — сказала она Вронскому. — Теперь скоро надо на скачки. Бетси обѣщала заѣхать за мной.

Вронскій, взглянувъ на часы, поспѣшно уѣхалъ.

XXIV.

Когда Вронскій смотрѣлъ на часы на балконѣ Карениныхъ, онъ былъ такъ растревоженъ и занятъ своими мыслями, что видѣлъ стрѣлки на циферблатѣ, но не могъ понять, который часъ. Онъ вышелъ на шоссе и направился, осторожно ступая по грязи, къ своей коляскѣ. Онъ былъ до такой степени переполненъ чувствомъ къ Аннѣ, что и не думалъ о томъ, который часъ, и есть ли ему еще время ѣхать къ Брянскому. У него оставалась, какъ это часто бываетъ, только внѣшняя способность памяти, указывающая, что̀ вслѣдъ за чѣмъ рѣшено сдѣлать. Онъ подошелъ къ своему кучеру, задремавшему на козлахъ въ косой уже тѣни густой липы, полюбовался переливающимися столбами толкачиковъ мошекъ, вившихся надъ потными лошадьми, и, разбудивъ кучера, вскочилъ въ коляску и велѣлъ ѣхать къ Брянскому. Только отъѣхавъ верстъ семь, онъ настолько опомнился, что посмотрѣлъ на часы и понялъ, что было половина шестаго и что онъ опоздалъ.

Въ этотъ день было нѣсколько скачекъ: скачка конвойныхъ, потомъ двухверстная офицерская, четырехверстная, и та скачка, въ которой онъ скакалъ. Къ своей скачкѣ онъ могъ поспѣть, но если онъ поѣдетъ къ Брянскому, то онъ только-только пріѣдетъ, и пріѣдетъ, когда уже будетъ весь Дворъ. Это было нехорошо. Но онъ далъ Брянскому слово быть у него, и потому рѣшилъ ѣхать дальше, приказавъ кучеру не жалѣть тройки.

Онъ пріѣхалъ къ Брянскому, пробылъ у него пять минутъ и поскакалъ назадъ. Эта быстрая ѣзда успокоила его.

Все тяжелое, что было въ его отношеніяхъ къ Аннѣ, вся неопредѣленность, оставшаяся послѣ ихъ разговора,—все выскочило изъ его головы; онъ съ наслажденіемъ и волненіемъ думалъ теперь о скачкѣ, о томъ, что онъ все-таки поспѣетъ, и изрѣдка ожиданіе счастія свиданія нынѣшней ночи вспыхивало яркимъ свѣтомъ въ его воображеніи.

Чувство предстоящей скачки все болѣе и болѣе охватывало его, по мѣрѣ того какъ онъ въѣзжалъ дальше и дальше въ атмосферу скачекъ, обгоняя экипажи ѣхавшихъ съ дачъ и изъ Петербурга на скачки.

На его квартирѣ никого уже не было дома: всѣ были на скачкахъ, и лакей его дожидался у воротъ. Пока онъ переодѣвался, лакей сообщилъ ему, что уже начались вторыя скачки, что приходило много господъ спрашивать про него и изъ конюшни два раза прибѣгалъ мальчикъ.

Переодѣвшись безъ торопливости (онъ никогда не торопился и не терялъ самообладанія), Вронскій велѣлъ ѣхать къ баракамъ. Отъ бараковъ ему уже были видны море экипажей, пѣшеходовъ, солдатъ, окружавшихъ гипподромъ, и кипящія народомъ бесѣдки. Шли, вѣроятно, вторыя скачки, потому что въ то время, какъ онъ входилъ въ баракъ, онъ слышалъ звонокъ. Подходя къ конюшнѣ, онъ встрѣтился съ бѣлоногимъ рыжимъ Гладіаторомъ Махотина, котораго, въ оранжевой съ синимъ попонѣ, съ кажущимися огромными отороченными синимъ ушами, вели на гипподромъ.

— Гдѣ Кордъ?—спросилъ онъ у конюха.

— Въ конюшнѣ, сѣдлаютъ.

Въ отворенномъ денникѣ Фру-Фру уже была осѣдлана. Ее собирались выводить.

— Не опоздалъ?

— All right! All right! Все исправно, все исправно,—проговорилъ англичанинъ,—не будьте взволнованы.

Вронскій еще разъ окинулъ взглядомъ прелестныя любимыя формы лошади, дрожавшей всѣмъ тѣломъ, и, съ трудомъ оторвавшись отъ этого зрѣлища, вышелъ изъ барака. Онъ подъѣхалъ къ бесѣдкамъ въ самое выгодное время для того, чтобы не обратить на себя ничьего вниманія. Только-что кончилась двухверстная скачка и всѣ глаза были устремлены на кавелергарда впереди и лейбъ-гусара сзади, изъ послѣднихъ силъ погонявшихъ лошадей и подходившихъ къ столбу. Изъ середины и извнѣ круга всѣ тѣснились къ столбу и кавалергардская группа солдатъ и офицеровъ громкими возгласами выражала радость ожидаемаго торжества своего офицера и товарища. Вронскій незамѣтно вошелъ въ середину толпы, почти въ то самое время, какъ раздался звонокъ, оканчивающій скачки, и высокій, забрызганный грязью кавалергардъ, пришедшій первымъ, опустившись на сѣдло, сталъ спускать поводья своему сѣрому, потемнѣвшему отъ пота, тяжело дышащему жеребцу.

Жеребецъ, съ усиліемъ тыкаясь ногами, укоротилъ быстрый ходъ своего большаго тѣла, и кавалергардскій офицеръ, какъ человѣкъ проснувшійся отъ тяжелаго сна, оглянулся кругомъ и съ трудомъ улыбнулся. Толпа своихъ и чужихъ окружила его.

Вронскій умышленно избѣгалъ той избранной великосвѣтской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась передъ бесѣдками. Онъ узналъ, что тамъ была и Каренина, и Бетси, и жена его брата, и нарочно, чтобы не развлечься, не подходилъ къ нимъ. Но безпрестанно встрѣчавшіеся знакомые останавливали его, разска-

зывали ему подробности бывшихъ скачекъ и распрашивали его, почему онъ опоздалъ.

Въ то время, какъ скакавшіе были призваны въ бесѣдку для полученія призовъ и всѣ обратились туда, старшій братъ Вронскаго, Александръ, полковникъ съ эксельбантами, невысокій ростомъ, такой же коренастый, какъ и Алексѣй, но болѣе красивый и румяный, съ краснымъ носомъ и пьянымъ открытымъ лицомъ, подошелъ къ нему.

— Ты получилъ мою записку?—сказалъ онъ.—Тебя никогда не найдешь.

Александръ Вронскій, несмотря на разгульную, въ особенности пьяную жизнь, по которой онъ былъ извѣстенъ, былъ вполнѣ придворный человѣкъ.

Онъ теперь, говоря съ братомъ о непріятной весьма для него вещи, зная, что глаза многихъ могутъ быть устремлены на нихъ, имѣлъ видъ улыбающійся, какъ будто о чемъ-нибудь неважномъ шутилъ съ братомъ.

— Я получилъ и, право, не понимаю, о чемъ *ты* заботишься,—сказалъ Алексѣй.

— Я о томъ забочусь, что сейчасъ мнѣ было замѣчено, что тебя нѣтъ, и что въ понедѣльникъ тебя встрѣтили въ Петергофѣ.

— Есть дѣла, которыя подлежатъ обсужденію только тѣхъ, кто прямо въ нихъ заинтересованъ, и то дѣло, о которомъ ты такъ заботишься, такое...

— Да, но тогда не служатъ, не...

— Я тебя прошу не вмѣшиваться, и только.

Нахмуренное лицо Алексѣя Вронскаго поблѣднѣло, и выдающаяся нижняя челюсть его дрогнула, что съ нимъ бывало рѣдко. Онъ, какъ человѣкъ съ очень добрымъ серд-

цемъ, сердился рѣдко, но когда сердился и когда у него дрожалъ подбородокъ, то, какъ это и зналъ Александръ Вронскій, онъ былъ опасенъ. Александръ Вронскій весело улыбнулся.

— Я только хотѣлъ передать письмо матушки. Отвѣчай ей и не разстраивайся передъ ѣздой. Bonne chance, прибавилъ онъ, улыбаясь, и отошелъ отъ него.

Но вслѣдъ за нимъ опять дружеское привѣтствіе остановило Вронскаго.

— Не хочешь знать пріятелей! Здравствуй, mon cher!— заговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, и здѣсь, среди этого петербургскаго блеска, не менѣе чѣмъ въ Москвѣ, блистая своимъ румянымъ лицомъ и лоснящимися расчесанными бакенбардами.—Вчера пріѣхалъ, и очень радъ, что увижу твое торжество. Когда увидимся?

— Заходи завтра въ артель,—сказалъ Вронскій и, пожавъ его, извиняясь, за рукавъ пальто, отошелъ въ середину гипподрома, куда уже вводили лошадей для большой скачки съ препятствіями.

Потныя, измученныя, скакавшія лошади, провожаемыя конюхами, уводились домой и одна за другой появлялись новыя, къ предстоящей скачкѣ, свѣжія, большею частію англійскія лошади, въ капорахъ, со своими поддернутыми животами, похожія на странныхъ огромныхъ птицъ. Направо водили поджарую красавицу Фру-Фру, которая какъ на пружинахъ переступала на своихъ эластичныхъ и довольно длинныхъ бабкахъ. Недалеко отъ нея снимали попону съ лопоухаго Гладіатора. Крупныя, прелестныя, совершенно правильныя формы жеребца, съ чудеснымъ задомъ и необычайно короткими, надъ самыми копытами си-

дѣвшими бабками, невольно останавливали на себѣ вниманіе Вронскаго. Онъ хотѣлъ подойдти къ своей лошади, но его опять задержалъ знакомый.

— А, вотъ Каренинъ!—сказалъ ему знакомый, съ которымъ онъ разговаривалъ. — Ищетъ жену, а она въ серединѣ бесѣдки. Вы не видали ее?

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣчалъ Вронскій и, не оглянувшись даже на бесѣдку, въ которой ему указывали на Каренину, подошелъ къ своей лошади.

Не успѣлъ Вронскій посмотрѣть сѣдло, о которомъ надо было сдѣлать распоряженіе, какъ скачущихъ позвали къ бесѣдкѣ для вынимапія нумеровъ и отправленія. Съ серьёзными, строгими, многіе съ блѣдными лицами, семнадцать человѣкъ офицеровъ сошлись къ бесѣдкѣ и разобрали нумера. Вронскому достался 7-й нумеръ. Послышалось: „Садиться!“

Чувствуя, что онъ, вмѣстѣ съ другими скачущими, составляетъ центръ, на который устремлены всѣ глаза, Вронскій, въ напряженномъ состояніи, въ которомъ онъ обыкновенно дѣлался медлителенъ и спокоенъ въ движеніяхъ, подошелъ къ своей лошади. Кордъ для торжества скачекъ одѣлся въ свой парадный костюмъ, черный застегнутый сюртукъ, туго накрахмаленные воротнички, подпиравшіе ему щеки, и въ круглую черную шляпу и ботфорты. Онъ былъ, какъ и всегда, спокоенъ и важенъ и самъ держалъ за оба повода лошадь, стоя передъ нею. Фру-Фру продолжала дрожать какъ въ лихорадкѣ. Полный огня глазъ ея косился на подходившаго Вронскаго. Вронскій подсунулъ палецъ подъ подпругу. Лошадь покосилась сильнѣе, оскалилась и прижала ухо. Англичанинъ поморщился губами,

желая выразить улыбку надъ тѣмъ, что повѣряли его сѣдланье.

— Садитесь, меньше будете волноваться.

Вронскій оглянулся въ послѣдній разъ на своихъ соперниковъ. Онъ зналъ, что на ѣздѣ онъ уже не увидитъ ихъ. Двое уже ѣхали впередъ къ мѣсту, откуда должны были пускать. Гальцинъ, одинъ изъ опасныхъ соперниковъ и пріятель Вронскаго, вертѣлся вокругъ гнѣдаго жеребца, не дававшаго садиться. Маленькій лейбъ-гусаръ въ узкихъ рейтузахъ ѣхалъ галопомъ, согнувшись какъ котъ на крупу, изъ желанія подражать англичанамъ. Князь Кузовлевъ сидѣлъ блѣдный на своей кровной, Грабовскаго завода, кобылѣ, и англичанинъ велъ ее подъ-устцы. Вронскій и всѣ его товарищи знали Кузовлева и его особенность „слабыхъ“ нервовъ и страшнаго самолюбія. Они знали, что онъ боялся всего, боялся ѣздить на фронтовой лошади; но теперь, именно потому, что это было страшно, потому что люди ломали себѣ шеи и что у каждаго препятствія стояли докторъ, лазаретная фура съ нашитымъ крестомъ и сестрою милосердія, онъ рѣшился скакать. Они встрѣтились глазами, и Вронскій ласково и одобрительно подмигнулъ ему. Одного только онъ не видалъ, главнаго соперника, Махотина на Гладіаторѣ.

— Не торопитесь,—сказалъ Кордъ Вронскому,—и помните одно: не задерживайте у препятствій и не посылайте, давайте ей выбирать, какъ она хочетъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Вронскій, взявшись за поводья.

— Если можно, ведите скачку; но не отчаявайтесь до послѣдней минуты, еслибы вы были и сзади.

Лошадь не успѣла двинуться, какъ Вронскій гибкимъ и сильнымъ движеніемъ сталъ въ стальное зазубренное стремя и легко, твердо положилъ свое сбитое тѣло на скрипящее кожей сѣдло. Взявъ правою ногой стремя, онъ привычнымъ жестомъ уравнялъ между пальцами двойныя поводья, и Кордъ пустилъ руки. Какъ будто не зная, какою прежде ступить ногой, Фру-Фру, вытягивая длинною шеей поводья, тронулась, какъ на пружинахъ, покачивая сѣдока на своей гибкой спинѣ. Кордъ, прибавляя шагу, шелъ за нимъ. Взволнованная лошадь то съ той, то съ другой стороны, стараясь обмануть сѣдока, вытягивала поводья, и Вронскій тщетно, голосомъ и рукой, старался успокоить ее.

Они уже подходили къ запруженной рѣкѣ, направляясь къ тому мѣсту, откуда должны были пускать ихъ. Многіе изъ скачущихъ были впереди, многіе сзади, какъ вдругъ Вронскій услыхалъ сзади себя по грязи дороги звуки галопа лошади, и его обогналъ Махотинъ на своемъ бѣлоногомъ, лопоухомъ Гладіаторѣ. Махотинъ улыбнулся, выставляя свои длинные зубы, но Вронскій сердито взглянулъ на него. Онъ не любилъ его вообще, теперь же считалъ его самымъ опаснымъ соперникомъ, и ему досадно стало на него, что онъ поскакалъ мимо, разгорячивъ его лошадь. Фру-Фру вскинула лѣвую ногу на галопъ, сдѣлала два прыжка и, сердясь на натянутые поводья, перешла на тряскую рысь, вскидывавшую сѣдока. Кордъ тоже нахмурился и почти бѣжалъ иноходью за Вронскимъ.

XXV.

Всѣхъ офицеровъ скакало семнадцать человѣкъ. Скачки должны были происходить на большомъ четырехверстномъ

эллиптической формы кругу передъ бесѣдкой. На этомъ кругу были устроены девять препятствій: рѣка; большой, въ два аршина, глухой барьеръ, передъ самою бесѣдкой; канава сухая, канава съ водою, косогоръ, ирландская банкетка, состоящая (одно изъ самыхъ трудныхъ препятствій) изъ вала, утыканнаго хворостомъ, за которымъ, невидная для лошади, была еще канава, такъ что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствія или убиться; потомъ еще двѣ канавы съ водою и одна сухая, — и конецъ скачки былъ противъ бесѣдки. Но начинались скачки не съ круга, а за сто саженъ въ сторонѣ отъ него, и на этомъ разстояніи было первое препятствіе, запруженная рѣка въ три аршина шириною, которую ѣздоки по произволу могли перепрыгивать или переѣзжать въ бродъ.

Раза три ѣздоки выравнивались, но каждый разъ высовывалась чья-нибудь лошадь, и нужно было заѣзжать опять сначала. Знатокъ пусканія, полковникъ Сестринъ, начиналъ уже сердиться, когда наконецъ въ четвертый разъ крикнулъ: „пошелъ!“—и ѣздоки тронулись.

Всѣ глаза, всѣ бинокли были обращены на пеструю кучку всадниковъ въ то время, какъ они выравнивались.

„Пустили! Скачутъ!“ послышалось со всѣхъ сторонъ послѣ тишины ожиданія.

И кучки, и одинокіе пѣшеходы стали перебѣгать съ мѣста на мѣсто, чтобы лучше видѣть. Въ первую же минуту собранная кучка всадниковъ растянулась, и видно было, какъ они, по два, по три и одинъ за другимъ, близятся къ рѣкѣ. Для зрителей казалось, что они всѣ поскакали вмѣстѣ; но для ѣздоковъ были секунды разницы, имѣвшія для нихъ большое значеніе.

Взволнованная и слишкомъ нервная Фру Фру потеряла первый моментъ, и нѣсколько лошадей взяли съ мѣста прежде ея, но, еще не доскакивая рѣки, Вронскій, изо всѣхъ силъ сдерживая влегшую въ поводья лошадь, легко обошелъ трехъ, и впереди его оставался только рыжій Гладіаторъ Махотина, ровно и легко отбивавшій задомъ передъ самимъ Вронскимъ, и еще впереди всѣхъ прелестная Діана, несшая ни живаго, ни мертваго Кузовлева.

Въ первыя минуты Вронскій еще не владѣлъ ни собою, ни лошадью. Онъ до перваго препятствія, рѣки, не могъ руководить движеніями лошади.

Гладіаторъ и Діана подходили вмѣстѣ, и почти въ одинъ и тотъ же моментъ—разъ-разъ—поднялись надъ рѣкой и перелетѣли на другую сторону; незамѣтно, какъ бы летя, взвилась за ними Фру Фру; но въ то же самое время, какъ Вронскій чувствовалъ себя на воздухѣ, онъ вдругъ увидалъ, почти подъ ногами своей лошади, Кузовлева, который барахтался съ Діаной на той сторонѣ рѣки (Кузовлевъ пустилъ поводья послѣ прыжка, и лошадь полетѣла съ нимъ черезъ голову). Подробности эти Вронскій узналъ уже послѣ, теперь же онъ видѣлъ только то, что прямо подъ ноги, куда должна стать Фру-Фру, можетъ попасть нога или голова Діаны. Но Фру-Фру, какъ падающая кошка, сдѣлала на прыжкѣ усиліе ногами и спиной и, миновавъ лошадь, понеслась дальше.

„О, милая!“ подумалъ Вронскій.

Послѣ рѣки Вронскій овладѣлъ вполнѣ лошадью и сталъ удерживать ее, намѣреваясь перейдти большой барьеръ позади Махотина, и уже на слѣдующей, безпрепятственной дистанціи, саженей въ двѣсти, попытаться обойдти его.

Большой барьеръ стоялъ передъ самой царскою бесѣдкой. Государь, и весь Дворъ, и толпы народа, всѣ смотрѣли на нихъ — на него и на шедшаго на лошадь дистанціи впереди Махотина, когда они подходили къ чорту (такъ назывался глухой барьеръ). Вронскій чувствовалъ эти направленные на него со всѣхъ сторонъ глаза, но онъ ничего не видѣлъ, кромѣ ушей и шеи своей лошади, бѣжавшей ему навстрѣчу земли, и крупа, и бѣлыхъ ногъ Гладіатора, быстро отбивавшихъ тактъ впереди его и остававшихся все въ одномъ и томъ же разстояніи. Гладіаторъ поднялся, не стукнувъ ничѣмъ, взмахнулъ короткимъ хвостомъ и исчезъ изъ глазъ Вронскаго.

— Браво!—сказалъ чей-то одинъ голосъ.

Въ то же мгновеніе подъ глазами Вронскаго, передъ нимъ самимъ, мелькнули доски барьера. Безъ малѣйшей перемѣны движенія лошадь взвилась подъ нимъ; доски скрылись, и только сзади стукнуло что-то. Разгоряченная шедшимъ впереди Гладіаторомъ, лошадь поднялась слишкомъ рано передъ барьеромъ и стукнула о него заднимъ копытомъ. Но ходъ ея не измѣнился, и Вронскій, получивъ въ лицо комокъ грязи, понялъ, что онъ сталъ опять въ то же разстояніе отъ Гладіатора. Онъ увидалъ опять впереди себя его крупъ, короткій хвостъ, и опять тѣ же неудаляющіяся, быстро движущіяся бѣлыя ноги.

Въ то самое мгновеніе, какъ Вронскій подумалъ о томъ, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, понявъ уже то, что онъ подумалъ, безъ всякаго поощренія, значительно наддала и стала приближаться къ Махотину съ самой выгодной стороны, со стороны веревки. Махотинъ не давалъ веревку. Вронскій только подумалъ о томъ, что

можно обойдти и извнѣ, какъ Фру-Фру перемѣнила ногу и стала обходить именно такимъ образомъ. Начинавшее уже темнѣть отъ пота плечо Фру-Фру поровнялось съ крупомъ Гладіатора. Нѣсколько скачковъ они прошли рядомъ. Но передъ препятствіемъ, къ которому они подходили, Вронскій, чтобы не идти большой кругъ, сталъ работать поводьями, и быстро, на самомъ косогорѣ, обошелъ Махотина. Онъ видѣлъ мелькомъ его лицо, забрызганное грязью. Ему даже показалось, что онъ улыбнулся. Вронскій обошелъ Махотина, но онъ чувствовалъ его сейчасъ же за собой и не переставая слышалъ за самою спиной ровный поскокъ и отрывистое, совсѣмъ еще свѣжее, дыханіе ноздрей Гладіатора.

Слѣдующія два препятствія, канава и барьеръ, были перейдены легко, но Вронскій сталъ слышать ближе сапъ и скокъ Гладіатора. Онъ послалъ лошадь и съ радостью почувствовалъ, что она легко прибавила ходу, и звукъ копытъ Гладіатора сталъ слышенъ опять въ томъ же прежнемъ разстояніи.

Вронскій велъ скачку—то самое, что онъ и хотѣлъ сдѣлать и что ему совѣтовалъ Кордъ, и теперь онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Волненіе его, радость и нѣжность къ Фру-Фру все усиливались. Ему хотѣлось оглянуться назадъ, но онъ не смѣлъ этого сдѣлать, и старался успокоивать себя и не посылать лошади, чтобы приберечь въ ней запасъ равный тому, который, онъ чувствовалъ, оставался въ Гладіаторѣ. Оставалось одно, и самое трудное, препятствіе; если онъ перейдетъ его впереди другихъ, то онъ придетъ первымъ. Онъ подскакивалъ къ ирландской банкеткѣ. Вмѣстѣ съ Фру-Фру онъ еще издалека видѣлъ эту

банкетку, и вмѣстѣ имъ обоимъ, ему и лошади, пришло мгновенное сомнѣніе. Онъ замѣтилъ нерѣшимость въ ушахъ лошади и поднялъ хлыстъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что сомнѣніе было неосновательно: лошадь знала, что нужно. Она наддала и мѣрно, такъ точно, какъ онъ предполагалъ, взвилась и, оттолкнувшись отъ земли, отдалась силѣ инерціи, которая перенесла ее далеко за канаву; и въ томъ же самомъ тактѣ, безъ усилія, съ той же ноги, Фру-Фру продолжала скачку.

— Браво, Вронскій!—послышались ему голоса кучки людей,—онъ зналъ, его полка пріятелей,—которые стояли у этого препятствія; онъ не могъ не узнать голоса Яшвина, но онъ не видалъ его.

„О, прелесть моя!“ думалъ онъ о Фру-Фру, прислушиваясь къ тому, что происходило сзади. „Перескочилъ!“ подумалъ онъ, услыхавъ сзади поскокъ Гладіатора. Оставалась одна послѣдняя канава съ водой въ два аршина. Вронскій и не смотрѣлъ на нее, а желая придти далеко первымъ, сталъ работать поводьями кругообразно, въ тактъ скока поднимая и опуская голову лошади. Онъ чувствовалъ, что лошадь шла изъ послѣдняго запаса,—не только шея и плечи ея были мокры, но на загривкѣ, на головѣ, на острыхъ ушахъ каплями выступалъ потъ, и она дышала рѣзко и коротко. Но онъ зналъ, что запаса этого слишкомъ достанетъ на остающіяся 200 саженъ. Только потому, что онъ чувствовалъ себя ближе къ землѣ, и по особенной мягкости движенія, Вронскій зналъ, какъ много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетѣла, какъ бы не замѣчая. Она перелетѣла ее, какъ птица; но въ это самое время Вронскій, къ ужасу своему, почувство-

валъ, что, не поспѣвъ за движеніемъ лошади, онъ самъ, не понимая какъ, сдѣлалъ скверное, непростительное движеніе, опустившись на сѣдло. Вдругъ положеніе его измѣнилось, и онъ понялъ, что случилось что-то ужасное. Онъ не могъ еще дать себѣ отчета о томъ, что случилось, какъ уже мелькнули подлѣ самого него бѣлыя ноги рыжаго жеребца, и Махотинъ на быстромъ скаку прошелъ мимо. Вронскій касался одной ногой земли, и его лошадь валилась на эту ногу. Онъ едва успѣлъ выпростать ногу, какъ она упала на одинъ бокъ, тяжело хрипя и дѣлая, чтобы подняться, тщетныя усилія своей тонкою, потною шеей; она затрепыхалась на землѣ у его ногъ, какъ подстрѣленная птица. Неловкое движеніе, сдѣланное Вронскимъ, сломало ей спину. Но это онъ понялъ гораздо послѣ. Теперь же онъ видѣлъ только то, что Махотинъ быстро удалялся, а онъ, шатаясь, стоялъ одинъ на грязной неподвижной землѣ, и предъ нимъ, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнувъ къ нему голову, смотрѣла на него своимъ прелестнымъ глазомъ. Все еще не понимая того, что случилось, Вронскій тянулъ лошадь за поводъ. Она опять вся забилась, какъ рыбка, треща крыльями сѣдла, выпростала переднія ноги, но, не въ силахъ поднять зада, тотчасъ же замоталась и опять упала на бокъ. Съ изуродованнымъ страстью лицомъ, блѣдный и съ трясущеюся нижнею челюстью, Вронскій ударилъ ее каблукомъ въ животъ и опять сталъ тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнувъ храпъ въ землю, только смотрѣла на хозяина своимъ говорящимъ взглядомъ.

— Ааа!—промычалъ Вронскій, схватившись за голову.— Ааа, что я сдѣлалъ! — прокричалъ онъ. — И проигранная

скачка! И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь! Ааа, что я сдѣлалъ!

Народъ, докторъ и фельдшеръ, офицеры его полка, бѣжали къ нему. Къ своему несчастію, онъ чувствовалъ, что былъ цѣлъ и невредимъ. Лошадь сломала себѣ спину и рѣшено было ее пристрѣлить. Вронскій не могъ отвѣчать на вопросы, не могъ говорить ни съ кѣмъ. Онъ повернулся и, не поднявъ соскочившей съ головы фуражки, пошелъ прочь отъ гипподрома, самъ не зная куда. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ. Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ самое тяжелое несчастіе,—несчастіе неисправимое и такое, въ которомъ виною самъ.

Яшвинъ съ фуражкой догналъ его, проводилъ его до дома, и черезъ полчаса Вронскій пришелъ въ себя. Но воспоминаніе объ этой скачкѣ надолго осталось въ его душѣ самымъ тяжелымъ и мучительнымъ воспоминаніемъ въ его жизни.

XXVI.

Внѣшнія отношенія Алексѣя Александровича съ женою были такія же, какъ и прежде. Единственная разница состояла въ томъ, что онъ еще болѣе былъ занятъ, чѣмъ прежде. Какъ и въ прежніе годы, онъ съ открытіемъ весны поѣхалъ на воды за границу поправлять свое разстраиваемое ежегодно усиленнымъ зимнимъ трудомъ здоровье. И, какъ обыкновенно, вернулся въ іюлѣ и тотчасъ же съ увеличенною энергіей взялся за свою обычную работу. Какъ и обыкновенно, жена его переѣхала на дачу, а онъ остался въ Петербургѣ.

Со времени того разговора послѣ вечера у княгини Твер-

ской онъ никогда не говорилъ съ Анной о своихъ подозрѣніяхъ и ревности, и тотъ его обычный тонъ представленія кого-то былъ какъ нельзя болѣе удобенъ для его теперешнихъ отношеній къ женѣ. Онъ былъ нѣсколько холоднѣе къ женѣ. Онъ только какъ будто имѣлъ на нее маленькое неудовольствіе за тотъ первый ночной разговоръ, который она отклонила отъ себя. Въ его отношеніяхъ къ ней былъ оттѣнокъ досады, но не болѣе. „Ты не хотѣла объясниться со мной,—какъ будто говорилъ онъ, мысленно обращаясь къ ней,—тѣмъ хуже для тебя. Теперь уже ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тѣмъ хуже для тебя“, говорилъ онъ мысленно, какъ человѣкъ, который бы тщетно попытался потушить пожаръ, разсердился бы на свои тщетныя усилія и сказалъ бы: „такъ на же тебѣ, такъ сгоришь за это!“

Онъ, этотъ умный и тонкій въ служебныхъ дѣлахъ человѣкъ, не понималъ всего безумія такого отношенія къ женѣ. Онъ не понималъ этого, потому что ему было слишкомъ страшно понять свое настоящее положеніе, и онъ въ душѣ своей закрылъ, заперъ и запечаталъ тотъ ящикъ, въ которомъ у него находились его чувства къ семьѣ, т.-е. къ женѣ и сыну. Онъ, внимательный отецъ, съ конца этой зимы сталъ особенно холоденъ къ сыну и имѣлъ къ нему то же подтрунивающее отношеніе, какъ и къ женѣ. „А, молодой человѣкъ!“ обращался онъ къ нему.

Алексѣй Александровичъ думалъ и говорилъ, что ни въ какой годъ у него не было столько служебнаго дѣла, какъ въ нынѣшній; но онъ не сознавалъ того, что онъ самъ выдумывалъ себѣ въ нынѣшнемъ году дѣла, что это было одно изъ средствъ не открывать того ящика, гдѣ лежали

чувства къ женѣ и семьѣ и мысли о нихъ, и которыя дѣлались тѣмъ страшнѣе, чѣмъ дольше онѣ тамъ лежали. Еслибы кто-нибудь имѣлъ право спросить Алексѣя Александровича, что онъ думаетъ о поведенiи своей жены, то кроткiй, смирный Алексѣй Александровичъ ничего не отвѣтилъ бы, а очень бы разсердился на того человѣка, который у него спросилъ бы про это. Отъ этого-то и было въ выраженiи лица Алексѣя Александровича что-то гордое и строгое, когда у него спрашивали про здоровье его жены. Алексѣй Александровичъ ничего не хотѣлъ думать о поведенiи и чувствахъ своей жены, и дѣйствительно онъ объ этомъ ничего не думалъ.

Постоянная дача Алексѣя Александровича была въ Петергофѣ, и обыкновенно графиня Лидiя Ивановна жила лѣто тамъ же, въ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношенiяхъ съ Анной. Въ нынѣшнемъ году графиня Лидiя Ивановна отказалась жить въ Петергофѣ, ни разу не была у Анны Аркадьевны и намекнула Алексѣю Александровичу на неудобство сближенiя Анны съ Бетси и Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ строго остановилъ ее, высказавъ мысль, что жена его выше подозрѣнiя, и съ тѣхъ поръ сталъ избѣгать графини Лидiи Ивановны. Онъ не хотѣлъ видѣть и не видѣлъ, что въ свѣтѣ уже многiе косо смотрятъ на его жену, не хотѣлъ понимать и не понималъ, почему жена его особенно настаивала на томъ, чтобы переѣхать въ Царское, гдѣ жила Бетси, откуда недалеко было до лагеря полка Вронскаго. Онъ не позволялъ себѣ думать объ этомъ, и не думалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ глубинѣ своей души, никогда не высказывая этого самому себѣ и не имѣя на то никакихъ не только доказательствъ, но и по-

дозрѣній, зналъ несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ, и былъ отъ этого глубоко несчастливъ.

Сколько разъ во время своей восьмилѣтней счастливой жизни съ женой, глядя на чужихъ невѣрныхъ женъ и обманутыхъ мужей, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ: „Какъ допустить до этого? Какъ не развязать этого безобразнаго положенія?“ Но теперь, когда бѣда пала на его голову, онъ не только не думалъ о томъ, какъ развязать это положеніе, но вовсе не хотѣлъ знать его,—не хотѣлъ знать именно потому, что оно было слишкомъ ужасно, слишкомъ неестественно.

Со времени своего возвращенія изъ-за границы Алексѣй Александровичъ два раза былъ на дачѣ. Одинъ разъ обѣдалъ, другой разъ провелъ вечеръ съ гостями, но ни разу не ночевалъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это въ прежніе годы.

День скачекъ былъ очень занятой день для Алексѣя Александровича; но, съ утра еще сдѣлавъ себѣ росписаніе дня, онъ рѣшилъ, что тотчасъ послѣ ранняго обѣда онъ поѣдетъ на дачу къ женѣ и оттуда на скачки, на которыхъ будетъ весь Дворъ и на которыхъ ему надо быть. Къ женѣ же онъ заѣдетъ потому, что онъ рѣшилъ себѣ бывать у нея въ недѣлю разъ для приличія. Кромѣ того, въ этотъ день ему нужно было передать женѣ, къ пятнадцатому числу, по заведенному порядку, на расходъ деньги.

Съ обычною властью надъ своими мыслями, обдумавъ все это о женѣ, онъ не позволилъ своимъ мыслямъ распространяться далѣе о томъ, что касается ея.

Утро это было очень занятое у Алексѣя Александровича. Наканунѣ графиня Лидія Ивановна прислала ему брошюру

бывшаго въ Петербургѣ знаменитаго путешественника по Китаю съ письмомъ, прося его принять самого путешественника, человѣка, по разнымъ соображеніямъ, весьма интереснаго и нужнаго. Алексѣй Александровичъ не успѣлъ прочесть брошюры вечеромъ и дочиталъ ее утромъ. Потомъ явились просители, начались доклады, пріемы, назначенія, удаленія, распредѣленія наградъ, пенсій, жалованья, переписки,—то будничное дѣло, какъ называлъ его Алексѣй Александровичъ, отнимавшее такъ много времени. Потомъ было личное дѣло, посѣщеніе доктора и управляющаго дѣлами. Управляющій дѣлами не занялъ много времени. Онъ только передалъ нужныя для Алексѣя Александровича деньги и далъ краткій отчетъ о состояніи дѣлъ, которыя были не совсѣмъ хороши, такъ какъ случилось, что нынѣшній годъ, вслѣдствіе частыхъ выѣздовъ, было прожито больше, и былъ дефицитъ. Но докторъ, знаменитый петербургскій докторъ, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Алексѣю Александровичу, занялъ много времени. Алексѣй Александровичъ и не ждалъ его нынче, и былъ удивленъ его пріѣздомъ, и еще болѣе тѣмъ, что докторъ очень внимательно распросилъ Алексѣя Александровича про его состояніе, прослушалъ его грудь, постукалъ и ощупалъ печень. Алексѣй Александровичъ не зналъ, что его другъ, Лидія Ивановна, замѣтивъ, что здоровье Алексѣя Александровича нынѣшній годъ нехорошо, просила доктора пріѣхать и посмотрѣть больнаго. „Сдѣлайте это для меня“, сказала ему графиня Лидія Ивановна.

— Я сдѣлаю это для Россіи, графиня,—отвѣчалъ докторъ.

— Безцѣнный человѣкъ! — сказала графиня Лидія Ивановна.

Докторъ остался очень недоволенъ Алексѣемъ Александровичемъ. Онъ нашелъ печень значительно увеличенною, питаніе уменьшеннымъ и дѣйствія водъ никакого. Онъ предписалъ какъ можно больше движенія физическаго и какъ можно меньше умственнаго напряженія и, главное, никакихъ огорченій, то есть то самое, что было для Алексѣя Александровича такъ же невозможно, какъ не дышать, и уѣхалъ, оставивъ въ Алексѣѣ Александровичѣ непріятное сознаніе того, что что-то въ немъ нехорошо и что исправить этого нельзя.

Выходя отъ Алексѣя Александровича, докторъ столкнулся на крыльцѣ съ хорошо знакомымъ ему Слюдинымъ, правителемъ дѣлъ Алексѣя Александровича. Они были товарищами по университету, и хотя рѣдко встрѣчались, уважали другъ друга и были хорошіе пріятели, и оттого никому, какъ Слюдину, докторъ не высказалъ бы своего откровеннаго мнѣнія о больномъ.

— Какъ я радъ, что вы у него были, — сказалъ Слюдинъ.—Онъ нехорошъ, и мнѣ кажется... Ну, что?

— А вотъ что, — сказалъ докторъ, махая черезъ голову Слюдина своему кучеру, чтобъ онъ подавалъ, — вотъ что,— сказалъ докторъ, взявъ въ свои бѣлыя руки палецъ лайковой перчатки и натянувъ его: — не натягивайте струны и попробуйте перервать, очень трудно; но натяните до послѣдней возможности и наляжьте тяжестью пальца на натянутую струну, — она лопнетъ. А онъ по своей усидчивости, добросовѣстности къ работѣ, — онъ натянутъ до послѣдней степени; а давленіе постороннее есть, и тяжелое,— заключилъ докторъ, значительно поднявъ брови.—Будете на скачкахъ?—прибавилъ онъ, спускаясь къ поданной каретѣ.—

Да, да, разумѣется, беретъ много времени,—отвѣчалъ докторъ что-то такое на сказанное Слюдинымъ и не разслышанное имъ.

Вслѣдъ за докторомъ, отнявшимъ такъ много времени, явился знаменитый путешественникъ, и Алексѣй Александровичъ, пользуясь только-что прочитанной брошюрой и своимъ прежнимъ знаніемъ этого предмета, поразилъ путешественника глубиною своего знанія предмета и широтою просвѣщеннаго взгляда.

Вмѣстѣ съ путешественникомъ было доложено о пріѣздѣ губернскаго предводителя, явившагося въ Петербургъ и съ которымъ нужно было переговорить. Послѣ его отъѣзда нужно было докончить занятія будничныя съ правителемъ дѣлъ и еще надо было съѣздить, по серьёзному и важному дѣлу, къ одному значительному лицу. Алексѣй Александровичъ только успѣлъ вернуться къ пяти часамъ, времени своего обѣда, и, пообѣдавъ съ правителемъ дѣлъ, пригласилъ его съ собой вмѣстѣ ѣхать на дачу и на скачки.

Не отдавая себѣ въ томъ отчета, Алексѣй Александровичъ искалъ теперь случая имѣть третье лицо при своихъ свиданіяхъ съ женою.

XXVII.

Анна стояла на верху передъ зеркаломъ, прикалывая съ помощью Аннушки послѣдній бантъ на платье, когда она услыхала у подъѣзда звуки давящихъ щебень колесъ.

„Для Бетси еще рано“, подумала она, и, взглянувъ въ окно, увидала карету и высовывающуюся изъ нея черную шляпу и столь знакомыя ей уши Алексѣя Александровича.

„Вотъ некстати; неужели ночевать?“ подумала она, и ей такъ показалось ужасно и страшно все, что могло отъ этого выдти, что она, ни минуты не задумываясь, съ веселымъ и сіяющимъ лицомъ вышла къ нему навстрѣчу и, чувствуя въ себѣ присутствіе уже знакомаго ей духа лжи и обмана, тотчасъ же отдалась этому духу и начала говорить, сама не зная что̀ скажетъ.

— А, какъ это мило!—сказала она, подавая руку мужу и улыбкой здороваясь съ домашнимъ человѣкомъ, Слюдинымъ.—Ты ночуешь, надѣюсь?—было первое слово, которое подсказалъ ей духъ обмана,—а теперь ѣдемъ вмѣстѣ. Только жаль, что я обѣщала Бетси. Она заѣдетъ за мной.

Алексѣй Александровичъ поморщился при имени Бетси.

— О, я не стану разлучать неразлучныхъ,—сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ шутки.—Мы пойдемъ съ Михайломъ Васильевичемъ. Мнѣ и доктора велятъ ходить. Я пройдусь дорогой и буду воображать, что я на водахъ.

— Торопиться некуда,—сказала Анна.—Хотите чаю?

Она позвонила.

— Подайте чаю, да скажите Сережѣ, что Алексѣй Александровичъ пріѣхалъ. Ну, что, какъ твое здоровье? Михаилъ Васильевичъ, вы у меня не были; посмотрите, какъ на балконѣ у меня хорошо,—говорила она, обращаясь то къ тому, то къ другому.

Она говорила очень просто и естественно, но слишкомъ много и слишкомъ скоро. Она сама чувствовала это тѣмъ болѣе, что въ любопытномъ взглядѣ, которымъ взглянулъ на нее Михаилъ Васильевичъ, она замѣтила, что онъ какъ будто наблюдалъ ее.

Михаилъ Васильевичъ тотчасъ же вышелъ на террасу.

Она сѣла подлѣ мужа.

— У тебя не совсѣмъ хорошій видъ,—сказала она.

— Да,—сказалъ онъ,—нынче докторъ былъ у меня и отнялъ часъ времени. Я чувствую, что кто-нибудь изъ друзей моихъ прислалъ его: такъ драгоцѣнно мое здоровье...

— Нѣтъ, что-жъ онъ сказалъ?

Она спрашивала его о здоровьи и занятіяхъ, уговаривала отдохнуть и переѣхать къ ней.

Все это она говорила весело, быстро и съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ; но Алексѣй Александровичъ теперь не приписывалъ этому тону ея никакого значенія. Онъ слышалъ только ея слова и придавалъ имъ только тотъ прямой смыслъ, который они имѣли. И онъ отвѣчалъ ей просто, шутя и шутливо. Во всемъ разговорѣ этомъ не было ничего особеннаго, но никогда послѣ безъ мучительной боли стыда Анна не могла вспомнить всей этой короткой сцены.

Вошелъ Сережа, предшествуемый гувернанткой. Еслибъ Алексѣй Александровичъ позволилъ себѣ наблюдать, онъ замѣтилъ бы робкій, растерянный взглядъ, съ какимъ Сережа взглянулъ на отца, а потомъ на мать. Но онъ ничего не хотѣлъ видѣть, и не видалъ.

— А, молодой человѣкъ! Онъ выросъ. Право, совсѣмъ мужчина дѣлается. Здравствуй, молодой человѣкъ!

И онъ подалъ руку испуганному Сережѣ.

Сережа, и прежде робкій въ отношеніи къ отцу, теперь, послѣ того, какъ Алексѣй Александровичъ сталъ его звать молодымъ человѣкомъ и какъ ему зашла въ голову загадка о томъ, другъ или врагъ Вронскій, чуждался отца. Онъ, какъ бы прося защиты, оглянулся на мать. Съ одною

матерью ему было хорошо. Алексѣй Александровичъ между тѣмъ, заговоривъ съ гувернанткой, держалъ сына за плечо, и Сережѣ было такъ мучительно неловко, что Анна видѣла, что онъ собирается плакать.

Анна, покраснѣвшая въ ту минуту, какъ вошелъ сынъ, замѣтивъ, что Сережѣ неловко, быстро вскочила, подняла съ плеча сына руку Алексѣя Александровича и, поцѣловавъ сына, повела его на террасу и тотчасъ же вернулась.

— Однако, пора уже, — сказала она, взглянувъ на свои часы;—что это Бетси не ѣдетъ!...

— Да,—сказалъ Алексѣй Александровичъ и, вставъ, заложилъ руки и потрещалъ ими.— Я заѣхалъ еще привезть тебѣ денегъ, такъ какъ соловья баснями не кормятъ,—сказалъ онъ.—Тебѣ нужно, я думаю.

— Нѣтъ, не нужно... да, нужно,—сказала она, не глядя на него и краснѣя до корней волосъ. — Да ты, я думаю, заѣдешь сюда со скачекъ.

— О, да!—отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ. — Вотъ и краса Петергофа, княгиня Тверская,—прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно на подъѣзжавшій англійскій, въ шорахъ, экипажъ, съ чрезвычайно высоко поставленнымъ крошечнымъ кузовомъ коляски.—Какое щегольство! Прелесть! Ну, такъ поѣдемте и мы.

Княгиня Тверская не выходила изъ экипажа, а только ея, въ штиблетахъ, пелеринкѣ и черной шляпѣ, лакей соскочилъ у подъѣзда.

— Я иду, прощайте! — сказала Анна и, поцѣловавъ сына, подошла къ Алексѣю Александровичу и протянула ему руку.—Ты очень милъ, что пріѣхалъ.

Алексѣй Александровичъ поцѣловалъ ея руку.

— Ну, такъ до свиданья! Ты заѣдешь чай пить, и прекрасно! — сказала она и вышла, сіяющая и веселая. Но какъ только она перестала видѣть его, она почувствовала то мѣсто на рукѣ, къ которому прикоснулись его губы, и съ отвращеніемъ вздрогнула.

XXVIII.

Когда Алексѣй Александровичъ появился на скачкахъ, Анна уже сидѣла въ бесѣдкѣ рядомъ съ Бетси,—въ той бесѣдкѣ, гдѣ собиралось все высшее общество. Она увидала мужа еще издалека. Два человѣка:—мужъ и любовникъ—были для нея двумя центрами жизни, и безъ помощи внѣшнихъ чувствъ она чувствовала ихъ близость. Она еще издалека почувствовала приближеніе мужа и невольно слѣдила за нимъ въ тѣхъ волнахъ толпы, между которыми онъ двигался. Она видѣла, какъ онъ подходилъ къ бесѣдкѣ, то снисходительно отвѣчая на заискивающіе поклоны, то дружелюбно, разсѣянно здороваясь съ равными, то старательно выжидая взгляда сильныхъ міра и снимая свою круглую большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала всѣ эти пріемы, и всѣ они ей была отвратительны. „Одно честолюбіе, одно желаніе успѣть—вотъ все, что есть въ его душѣ,—думала она;—а высокія соображенія, любовь къ просвѣщенію, религія—все это только орудія для того, чтобъ успѣть".

По его взглядамъ на дамскую бесѣдку (онъ смотрѣлъ прямо на нее, но не узнавалъ жены въ морѣ кисеи, лентъ, перьевъ, зонтиковъ и цвѣтовъ) она поняла, что онъ искалъ ее; но она нарочно не замѣчала его.

— Алексѣй Александровичъ! — закричала ему княгиня Бетси:—вы, вѣрно, не видите жену; вотъ она!

Онъ улыбнулся своею холодною улыбкой.

— Здѣсь столько блеска, что глаза разбѣжались,—сказалъ онъ и пошелъ въ бесѣдку. Онъ улыбнулся женѣ, какъ долженъ улыбнуться мужъ, встрѣчая жену, съ которою онъ только-что видѣлся, и поздоровался съ княгиней и другими знакомыми, воздавъ каждому должное, то-есть пошутивъ съ дамами и перекинувшись привѣтствіями съ мужчинами. Внизу подлѣ бесѣдки стоялъ уважаемый Алексѣемъ Александровичемъ, извѣстный своимъ умомъ и образованіемъ, генералъ-адъютантъ. Алексѣй Александровичъ заговорилъ съ нимъ.

Былъ промежутокъ между скачками, и потому ничто не мѣшало разговору. Генералъ-адъютантъ осуждалъ скачки. Алексѣй Александровичъ возражалъ, защищая ихъ. Анна слушала его тонкій, ровный голосъ, не пропуская ни одного слова, и каждое слово его казалось ей фальшиво и болью рѣзало ея ухо.

Когда началась четырехверстная скачка съ препятствіями, она нагнулась впередъ и, не спуская глазъ, смотрѣла на подходившаго къ лошади и садившагося Вронскаго, и въ то же время слышала этотъ отвратительный, неумолкающій голосъ мужа. Она мучилась страхомъ за Вронскаго, но еще болѣе мучилась неумолкавшимъ, ей казалось, звукомъ тонкаго голоса мужа съ знакомыми интонаціями.

„Я дурная женщина, я погибшая женщина,—думала она,— но я не люблю лгать, я не переношу лжи, а *его* (мужа) пища—это ложь. Онъ все знаетъ, все видитъ; что же онъ чувствуетъ, если можетъ такъ спокойно говорить? Убей онъ меня, убей онъ Вронскаго, я бы уважала его. Но нѣтъ, ему нужны только ложь и приличіе“, говорила себѣ Анна,

не думая о томъ, чего именно она хотѣла отъ мужа, какимъ бы она хотѣла его видѣть. Она не понимала и того, что эта нынѣшняя особенная словоохотливость Алексѣя Александровича, такъ раздражавшая ее, была только выраженіемъ его внутренней тревоги и безпокойства. Какъ убившійся ребенокъ, прыгая, приводитъ въ движеніе свои мускулы, чтобы заглушить боль, такъ для Алексѣя Александровича было необходимо умственное движеніе, чтобы заглушить тѣ мысли о женѣ, которыя въ ея присутствіи и въ присутствіи Вронскаго, и при постоянномъ повтореніи его имени, требовали къ себѣ вниманія. А какъ ребенку естественно прыгать, такъ и ему естественно хорошо и умно говорить. Онъ говорилъ:

— Опасность въ скачкахъ военныхъ, кавалерійскихъ, есть необходимое условіе скачекъ. Если Англія можетъ указать въ военной исторіи на самыя блестящія кавалерійскія дѣла, то только благодаря тому, что она исторически развивала въ себѣ эту силу и животныхъ, и людей. Спортъ, по моему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе, и, какъ всегда, мы видимъ только самое поверхностное.

— Не поверхностное,—сказала княгиня Тверская.—Одинъ офицеръ, говорятъ, сломалъ два ребра.

Алексѣй Александровичъ улыбнулся своею улыбкой, только открывавшею зубы, но ничего болѣе не говорившею.

— Положимъ, княгиня, что это не поверхностное,—сказалъ онъ,—но внутреннее. Но не въ томъ дѣло,—и онъ опять обратился къ генералу, съ которымъ говорилъ серьёзно:—не забудьте, что скачутъ военные, которые избрали эту дѣятельность, и согласитесь, что всякое призваніе имѣетъ свою оборотную сторону медали. Это прямо входитъ въ обя-

занности военнаго. Безобразный спортъ кулачнаго боя или испанскихъ тореадоровъ есть признакъ варварства. Но специализованный спортъ есть признакъ развитія.

— Нѣтъ, я не поѣду въ другой разъ; это меня слишкомъ волнуетъ,—сказала княгиня Бетси.—Не правда ли, Анна?

— Волнуетъ, но нельзя оторваться,—сказала другая дама.—Еслибъ я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

Анна ничего не говорила и, не спуская бинокля, смотрѣла въ одно мѣсто.

Въ это время черезъ бесѣдку проходилъ высокій генералъ. Прервавъ рѣчь, Алексѣй Александровичъ поспѣшно, но достойно всталъ и низко поклонился проходившему военному.

— Вы не скачете?—пошутилъ ему военный.

— Моя скачка труднѣе,—почтительно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

И, хотя отвѣтъ ничего не значилъ, военный сдѣлалъ видъ, что получилъ умное слово отъ умнаго человѣка, и вполнѣ понимаетъ la pointe de la sauce.

— Есть двѣ стороны,—продолжалъ снова Алексѣй Александровичъ:—исполнителей и зрителей; и любовь къ этимъ зрѣлищамъ есть вѣрнѣйшій признакъ низкаго развитія для зрителей, я согласенъ, но...

— Княгиня, пари! — послышался снизу голосъ Степана Аркадьевича, обращавшагося къ Бетси. —За кого вы держите?

— Мы съ Анной за князя Кузовлева,—отвѣчала Бетси.

— Я за Вронскаго. Пара перчатокъ.

— Идетъ!

— А какъ красиво, не правда ли?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ, пока говорили около него, но тотчасъ опять началъ:

— Я согласенъ, не мужественныя игры... — продолжалъ было онъ.

Но въ это время пускали ѣздоковъ, и всѣ разговоры прекратились. Алексѣй Александровичъ тоже замолкъ, и всѣ поднялись и обратились къ рѣкѣ. Алексѣй Александровичъ не интересовался скачками, и потому не глядѣлъ на скакавшихъ, а разсѣянно сталъ обводить зрителей усталыми глазами. Взглядъ его остановился на Аннѣ.

Лицо ея было блѣдно и строго. Она очевидно ничего и никого не видала, кромѣ одного. Рука ея судорожно сжимала вѣеръ и она не дышала. Онъ посмотрѣлъ на нее и поспѣшно отвернулся, оглядывая другія лица.

„Да, вотъ и эта дама, и другія—тоже очень взволнованы; это очень натурально“, сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ. Онъ хотѣлъ не смотрѣть на нее, но взглядъ его невольно притягивался къ ней. Онъ опять вглядывался въ это лицо, стараясь не читать того, что такъ ясно было на немъ написано, и, противъ воли своей, съ ужасомъ читалъ на немъ то, чего онъ не хотѣлъ знать.

Первое паденіе Кузовлева на рѣкѣ взволновало всѣхъ, но Алексѣй Александровичъ видѣлъ ясно на блѣдномъ, торжествующемъ лицѣ Анны, что тотъ, на кого она смотрѣла, не упалъ. Когда, послѣ того, какъ Махотинъ и Вронскій перескочили большой барьеръ, слѣдующій офицеръ упалъ тутъ же на голову, и разбился замертво, и шорохъ ужаса пронесся по всей публикѣ,—Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что Анна даже не замѣтила этого и съ трудомъ поняла, о чемъ заговорили вокругъ. Но онъ все

чаще и чаще и съ бо́льшимъ упорствомъ вглядывался въ нее. Анна, вся поглощенная зрѣлищемъ скакавшаго Вронскаго, почувствовала сбоку устремленный на себя взглядъ холодныхъ глазъ своего мужа.

Она оглянулась на мгновеніе, вопросительно посмотрѣла на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась.

— „Ахъ, мнѣ все равно", какъ будто сказала она ему и уже болѣе ни разу не взглядывала на него.

Скачки были несчастливы,—изъ семнадцати человѣкъ попадало и разбилось больше половины. Къ концу скачекъ всѣ были въ волненіи, которое еще больше увеличилось тѣмъ, что Государь былъ недоволенъ.

XXIX.

Всѣ громко выражали свое неодобреніе, всѣ повторяли сказанную кѣмъ то фразу: „не достаетъ только цирка со львами", и ужасъ чувствовался всѣми, такъ что, когда Вронскій упалъ и Анна громко ахнула, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Но вслѣдъ затѣмъ въ лицѣ Анны произошла перемѣна, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться, какъ пойманная птица: то хотѣла встать и идти куда-то, то обращалась къ Бетси.

— Поѣдемъ, поѣдемъ,—говорила она.

Но Бетси не слыхала ея. Она говорила, перегнувшись внизъ, съ подошедшимъ къ ней генераломъ.

Алексѣй Александровичъ подошелъ къ Аннѣ и учтиво подалъ ей руку.

— Пойдемте, если вамъ угодно,—сказалъ онъ по-французски; но Анна прислушивалась къ тому, что говорилъ генералъ, и не замѣтила мужа.

— Тоже сломалъ ногу, говорятъ,—говорилъ генералъ.— Это ни на что не похоже.

Анна, не отвѣчая мужу, подняла бинокль и смотрѣла на то мѣсто, гдѣ упалъ Вронскій; но было такъ далеко, и тамъ столпилось столько народа, что ничего нельзя было разобрать. Она опустила бинокль и хотѣла идти; но въ это время подскакалъ офицеръ и что-то докладывалъ Государю. Анна высунулась впередъ, слушая.

— Стива! Стива!—прокричала она брату.

Но братъ не слыхалъ ея. Она опять хотѣла выходить.

— Я еще разъ предлагаю вамъ свою руку, если вы хотите идти,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, дотрогиваясь до ея руки.

Она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него и, не взглянувъ ему въ лицо, отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, я останусь.

Она видѣла теперь, что отъ мѣста паденія Вронскаго, черезъ кругъ, бѣжалъ офицеръ къ бесѣдкѣ. Бетси махала ему платкомъ. Офицеръ принесъ извѣстіе, что ѣздокъ не убился, но лошадь сломала себѣ спину.

Услыхавъ это, Анна быстро сѣла и закрыла лицо вѣеромъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что она плакала и не могла удержать не только слезъ, но и рыданій, которыя поднимали ея грудь. Алексѣй Александровичъ загородилъ ее собою, давая ей время оправиться.

— Въ третій разъ предлагаю вамъ свою руку,—сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени, обращаясь къ ней. Анна смотрѣла на него и не знала, что сказать. Княгиня Бетси пришла ей на помощь.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, я увезла Анну и обѣщалась отвезти ее,—вмѣшалась Бетси.

— Извините меня, княгиня,—сказалъ онъ, учтиво улыбаясь, но твердо глядя ей въ глаза,—но я вижу, что Анна не совсѣмъ здорова и желаю, чтобъ она ѣхала со мною.

Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа.

— Я пошлю къ нему, узнаю и пришлю сказать,—прошептала ей Бетси.

На выходѣ изъ бесѣдки, Алексѣй Александровичъ такъ же, какъ и всегда, говорилъ со встрѣчавшимися, и Анна должна была, какъ и всегда, отвѣчать и говорить; но она была сама не своя и какъ во снѣ шла подъ руку съ мужемъ.

„Убился, или нѣтъ? Правда ли? Придетъ, или нѣтъ? Увижу ли я его нынче?“ думала она.

Она молча сѣла въ карету Алексѣя Александровича и молча выѣхала изъ толпы экипажей. Несмотря на все, что онъ видѣлъ, Алексѣй Александровичъ все-таки не позволялъ себѣ думать о настоящемъ положеніи своей жены. Онъ только видѣлъ внѣшніе признаки. Онъ видѣлъ, что она вела себя неприлично, и считалъ своимъ долгомъ сказать ей это. Но ему очень трудно было не сказать болѣе, а сказать только это. Онъ открылъ ротъ, чтобы сказать ей, какъ она неприлично вела себя, но невольно сказалъ совершенно другое.

— Какъ однако мы всѣ склонны къ этимъ жестокимъ зрѣлищамъ,—сказалъ онъ.—Я замѣчаю...

— Что? Я не понимаю,—презрительно сказала Анна.

Онъ оскорбился и тотчасъ же началъ говорить то, что хотѣлъ.

— Я долженъ сказать вамъ,—проговорилъ онъ.

„Вотъ оно, объясненіе“, подумала она, и ей стало страшно.

— Я долженъ сказать вамъ, что вы неприлично вели себя нынче,—сказалъ онъ ей по-французски.

— Чѣмъ я неприлично вела себя?—громко сказала она, быстро поворачивая къ нему голову и глядя ему прямо въ глаза, но совсѣмъ уже не съ прежнимъ скрывающимъ что-то весельемъ, а съ рѣшительнымъ видомъ, подъ которымъ она съ трудомъ скрывала испытываемый страхъ.

— Не забудьте,—сказалъ онъ ей, указывая на открытое окно противъ кучера.

Онъ приподнялся и поднялъ стекло.

— Что вы нашли неприличнымъ?—повторила она.

— То отчаяніе, которое вы не умѣли скрыть при паденіи одного изъ ѣздоковъ.

Онъ ждалъ, что она возразитъ; но она молчала, глядя передъ собой.

— Я уже просилъ васъ держать себя въ свѣтѣ такъ, чтобъ и злые языки не могли ничего сказать противъ васъ. Было время, когда я говорилъ о внутреннихъ отношеніяхъ, я теперь не говорю про нихъ. Теперь я говорю о внѣшнихъ отношеніяхъ. Вы неприлично держали себя, и я желалъ бы, чтобъ это не повторялось.

Она не слышала половины его словъ, она испытывала страхъ къ нему и думала о томъ, правда ли то, что Вронскій не убился. О немъ ли говорили, что онъ цѣлъ, а лошадь сломала спину? Она только притворно-насмѣшливо улыбнулась, когда онъ кончилъ, и ничего не отвѣчала, потому что не слыхала того, что онъ говорилъ. Алексѣй Александровичъ началъ говорить смѣло, но когда онъ ясно по-

нялъ то, о чемъ онъ говоритъ,—страхъ, который она испытывала, сообщился ему. Онъ увидѣлъ эту улыбку, и странное заблужденіе нашло на него.

„Она улыбается надъ моими подозрѣніями. Да, она скажетъ сейчасъ то, что говорила мнѣ тотъ разъ,—что нѣтъ основаній моимъ подозрѣніямъ, что это смѣшно“.

Теперь, когда надъ нимъ висѣло открытіе всего, онъ ничего такъ не желалъ, какъ того, чтобъ она такъ же, какъ прежде, насмѣшливо отвѣтила ему, что его подозрѣнія смѣшны и не имѣютъ основанія. Такъ страшно было то что̀ онъ зналъ, что теперь онъ былъ готовъ повѣрить всему. Но выраженіе лица ея, испуганнаго и мрачнаго, теперь не обѣщало даже обмана.

— Можетъ-быть я ошибаюсь,—сказалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ я прошу извинить меня.

— Нѣтъ, вы не ошиблись,—сказала она медленно, отчаянно взглянувъ на его холодное лицо.—Вы не ошиблись. Я была, и не могу не быть въ отчаяніи. Я слушаю васъ и думаю о немъ. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу васъ... Дѣлайте со мной что̀ хотите.

И, откинувшись въ уголъ кареты, она зарыдала, закрываясь руками. Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямаго направленія взгляда. Но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго, и выраженіе это не измѣнилось во все время ѣзды до дачи. Подъѣзжая къ дому, онъ повернулъ къ ней голову все съ тѣмъ же выраженіемъ.

— Такъ! Но я требую соблюденія внѣшнихъ условій приличія до тѣхъ поръ,—голосъ его задрожалъ,—пока я приму мѣры, обезпечивающія мою честь, и сообщу ихъ вамъ.

Онъ вышелъ впередъ и высадилъ ее. Въ виду прислуги онъ пожалъ ей руку, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Петербургъ.

Вслѣдъ за нимъ пришелъ лакей отъ княгини Бетси и принесъ Аннѣ записку:

„Я послала къ Алексѣю узнать объ его здоровьѣ, и он мнѣ пишетъ, что здоровъ и цѣлъ; но въ отчаяніи“.

„Такъ *онъ* будетъ!—подумала она.—Какъ хорошо я сдѣлала, что все сказала ему“.

Она взглянула на часы. Еще оставалось три часа, и воспоминанія подробностей послѣдняго свиданія зажгли ей кровь.

„Боже мой, какъ свѣтло! Это страшно, но я люблю видѣть его лицо и люблю этотъ фантастическій свѣтъ. Мужъ.. ахъ да... Ну, и слава Богу, что съ нимъ все кончено“.

XXX.

Какъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собираются люди, такъ и на маленькихъ нѣмецкихъ водахъ, куда пріѣхали Щербацкіе, совершилась обычная какъ бы кристаллизація общества, опредѣляющая каждому его члену опредѣленное и неизмѣнное мѣсто. Какъ опредѣленно и неизмѣнно частица воды на холодѣ получаетъ извѣстную форму снѣжнаго кристалла, такъ точно каждое новое лицо, пріѣзжавшее на воды, тотчасъ же устанавливалось въ свойственное ему мѣсто.

Фюрстъ Щербацкій *замт гемалин унд тохтэр*, и по квартирѣ, которую заняли, и по имени, и по знакомымъ, которыхъ они нашли, тотчасъ же кристаллизовались въ свое опредѣленное и предназначенное имъ мѣсто.

На водахъ въ этомъ году была настоящая нѣмецкая фюрстинъ, вслѣдствіе чего кристаллизація общества соверша-

лась еще энергичнѣе. Княгиня непремѣнно пожелала представить принцессѣ свою дочь и на второй же день совершила этотъ обрядъ. Кити низко и граціозно присѣла въ своемъ выписанномъ изъ Парижа *очень простомъ*, то-есть очень нарядномъ лѣтнемъ платьѣ. Принцесса сказала: „Надѣюсь, что розы скоро вернутся на это хорошенькое личико", и для Щербацкихъ тотчасъ же твердо установились опредѣленные пути жизни, изъ которыхъ нельзя уже было выйдти. Щербацкіе познакомились и съ семействомъ англійской леди, и съ нѣмецкою графиней, и съ ея раненымъ въ послѣдней войнѣ сыномъ, и со шведомъ ученымъ, и съ M. Canut и его сестрой. Но главное общество Щербацкихъ невольно составилось изъ московской дамы, Марьи Евгеніевны Ртищевой съ дочерью, которая была непріятна Кити потому, что заболѣла такъ же, какъ и она, отъ любви, и московскаго полковника, котораго Кити съ дѣтства видѣла и знала въ мундирѣ и эполетахъ и который тутъ, со своими маленькими глазками и съ открытою шеей въ цвѣтномъ галстучкѣ, былъ необыкновенно смѣшонъ и скученъ тѣмъ, что нельзя было отъ него отдѣлаться. Когда все это такъ твердо установилось, Кити стало очень скучно, тѣмъ болѣе, что князь уѣхалъ въ Карлсбадъ и она осталась одна съ матерью. Она не интересовалась тѣми, кого знала, чувствуя, что отъ нихъ ничего уже не будетъ новаго. Главный же задушевный интересъ ея на водахъ составляли теперь наблюденія и догадки о тѣхъ, которыхъ она не знала. По свойству своего характера, Кити всегда въ людяхъ предполагала все самое прекрасное, и въ особенности въ тѣхъ, кого она не знала. И теперь, дѣлая догадки о томъ, кто это, какія между ними отношенія и какіе они люди, Кити

воображала себѣ самые удивительные и прекрасные характеры и находила подтвержденіе въ своихъ наблюденіяхъ.

Изъ такихъ лицъ въ особенности занимала ее одна русская дѣвушка, пріѣхавшая на воды съ больною русскою дамою, съ мадамъ Шталь, какъ ее всѣ звали. Мадамъ Шталь принадлежала къ высшему обществу, но она была такъ больна, что не могла ходить, и только въ рѣдкіе хорошіе дни появлялась на водахъ въ колясочкѣ. Но не столько по болѣзни, сколько по гордости, какъ объясняла княгиня, мадамъ Шталь не была знакома ни съ кѣмъ изъ русскихъ. Русская дѣвушка ухаживала за мадамъ Шталь и, кромѣ того, какъ замѣчала Кити, сходилась со всѣми тяжело-больными, которыхъ было много на водахъ, и самымъ натуральнымъ образомъ ухаживала за ними. Русская дѣвушка эта, по наблюденіямъ Кити, не была родня мадамъ Шталь и вмѣстѣ съ тѣмъ не была наемная помощница. Мадамъ Шталь звала ее Варенька, а другіе звали „m-lle Варенька“. Не говоря уже о томъ, что Кити интересовали наблюденія надъ отношеніями этой дѣвушки къ г-жѣ Шталь и къ другимъ незнакомымъ ей лицамъ, Кити, какъ это часто бываетъ, испытывала необъяснимую симпатію къ этой m-lle Варенькѣ и чувствовала, по встрѣчающимся взглядамъ, что и она нравится.

M-lle Варенька эта была не то, что не первой молодости, но какъ бы существо безъ молодости: ей можно было дать и девятнадцать, и тридцать лѣтъ. Если разбирать ея черты, она, несмотря на болѣзненный цвѣтъ лица, была скорѣе красива, чѣмъ дурна. Она была бы и хорошо сложена, еслибы не слишкомъ большая сухость тѣла и несоразмѣрная голова по среднему росту; но она не должна

была быть привлекательна для мужчинъ. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестковъ, но уже отцвѣтшій, безъ запаха, цвѣтокъ. Кромѣ того она не могла быть привлекательною для мужчинъ еще и потому, что ей недоставало того, чего слишкомъ много было въ Кити,—сдержаннаго огня жизни и сознанія своей привлекательности.

Она всегда казалась занятою дѣломъ, въ которомъ не могло быть сомнѣнія, и потому, казалось, ничѣмъ посторонпимъ не могла интересоваться. Этою противоположностью съ собой она особенно привлекла къ себѣ Кити. Кити чувствовала, что въ ней, въ ея складѣ жизни, она найдетъ образецъ того, чего теперь мучительно искала: интересовъ жизни, достоинства жизни—внѣ отвратительныхъ для Кити свѣтскихъ отношеній дѣвушки къ мужчинамъ, представлявшихся ей теперь позорною выставкой товара, ожидающаго покупателей. Чѣмъ больше Кити наблюдала своего неизвѣстнаго друга, тѣмъ болѣе убѣждалась, что эта дѣвушка есть то самое совершенное существо, какимъ она ее себѣ представляла, и тѣмъ болѣе она желала познакомиться съ ней.

Обѣ дѣвушки встрѣчались въ день по нѣскольку разъ, и при каждой встрѣчѣ глаза Кити говорили: „кто вы, что вы? Вѣдь правда, что вы то прелестное существо, какимъ я воображаю васъ? Но, ради Бога, не думайте,—прибавлялъ ея взглядъ, — что я позволяю себѣ навязываться въ знакомыя. Я просто любуюсь вами и люблю васъ“.—„Я тоже люблю васъ, и вы очень, очень милы. И еще больше любила бы васъ, еслибъ имѣла время“, отвѣчалъ ей взглядъ неизвѣстной дѣвушки. И дѣйствительно, Кити видѣла, что она всегда занята: или она уводитъ съ водъ дѣтей русскаго семейства, или несетъ пледъ для больной и укутываетъ ее,

или старается развлечь раздраженнаго больнаго, или выбираетъ и покупаетъ печенье къ кофею для кого-то.

Скоро послѣ пріѣзда Щербацкихъ, на утреннихъ водахъ появились еще два лица, обратившія на себя общее недружелюбное вниманіе. Это были: очень высокій, сутоловатый мужчина съ огромными руками, въ короткомъ, не по росту, и старомъ пальто, съ черными, наивными и вмѣстѣ страшными глазами, и рябоватая миловидная женщина, очень дурно и безвкусно одѣтая. Признавъ этихъ лицъ за русскихъ, Кити уже начала въ своемъ воображеніи составлять о нихъ прекрасный и трогательный романъ. Но княгиня, узнавъ по Kurliste, что это былъ Левинъ Николай и Марья Николаевна, объяснила Кити, какой дурной человѣкъ былъ этотъ Левинъ, и всѣ мечты объ этихъ двухъ лицахъ исчезли. Не столько потому, что мать сказала ей, сколько потому, что это былъ братъ Константина, для Кити эти лица вдругъ показались въ высшей степени непріятны. Этотъ Левинъ возбуждалъ въ ней теперь, своею привычкой подергиваться головой, непреодолимое чувство отвращенія.

Ей казалось, что въ его большихъ страшныхъ глазахъ, которые упорно слѣдили за ней, выражалось чувство ненависти и насмѣшки, и она старалась избѣгать встрѣчи съ нимъ.

XXXI.

Былъ ненастный день, дождь шелъ все утро, и больные съ зонтиками толпились въ галлереѣ.

Кити ходила съ матерью и съ московскимъ полковникомъ, весело щеголявшимъ въ своемъ европейскомъ, купленномъ готовымъ во Франкфуртѣ, сюртучкѣ. Они ходили по одной сторонѣ галлереи, стараясь избѣгать Левина, ходившаго

по другой сторонѣ. Варенька, въ своемъ темномъ платьѣ, въ черной, съ отогнутыми внизъ полями, шляпѣ, ходила со слѣпою француженкой во всю длину галлереи, и каждый разъ, какъ она встрѣчалась съ Кити, онѣ перекидывались дружелюбнымъ взглядомъ.

— Мама, можно мнѣ заговорить съ нею?—сказала Кити, слѣдившая за своимъ незнакомымъ другомъ и замѣтившая, что она подходитъ къ ключу, и что онѣ могутъ сойдтись у него.

— Да, если тебѣ такъ хочется, я узнаю прежде о ней и сама подойду,—отвѣчала мать.—Что ты въ ней нашла особеннаго? Компаньонка должно-быть. Если хочешь, я познакомлюсь съ мадамъ Шталь. Я знала ея belle-soeur,—прибавила княгиня, гордо поднимая голову.

Кити знала, что княгиня оскорблена тѣмъ, что г-жа Шталь какъ будто избѣгала знакомиться съ нею. Кити не настаивала.

— Чудо какая милая!—сказала она, глядя на Вареньку въ то время, какъ та подавала стаканъ француженкѣ.—Посмотрите, какъ все просто, мило.

— Уморительны мнѣ твои engouements,—сказала княгиня.—Нѣтъ, пойдемъ лучше назадъ,—прибавила она, замѣтивъ двигавшагося имъ навстрѣчу Левина съ своею дамой и съ нѣмецкимъ докторомъ, съ которымъ онъ что-то громко и сердито говорилъ.

Онѣ поворачивались, чтобъ идти назадъ, какъ вдругъ услыхали ужъ не громкій говоръ, а крикъ. Левинъ, остановившись, кричалъ, и докторъ тоже горячился. Толпа собиралась вокругъ нихъ. Княгиня съ Кити поспѣшно удалились, а полковникъ присоединился къ толпѣ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ нагналъ ихъ.

— Что это тамъ было?—спросила княгиня.

— Позоръ и срамъ!—отвѣчалъ полковникъ.—Одного боишься — это встрѣчаться съ русскими за границей. Этотъ высокій господинъ побранился съ докторомъ, наговорилъ ему дерзостей за то, что тотъ его не такъ лѣчитъ, и замахнулся палкой. Срамъ просто!

— Ахъ, какъ непріятно!—сказала княгиня.—Ну, чѣмъ же кончилось?

— Спасибо, тутъ вмѣшалась эта... эта въ шляпѣ грибомъ. Русская, кажется,—сказалъ полковникъ.

— M-lle Варенька?—радостно спросила Кити.

— Да, да. Она нашлась скорѣе всѣхъ: она взяла этого господина подъ руку и увела.

— Вотъ, мама,—сказала Кити матери,—вы удивляетесь, что я восхищаюсь ею!

Съ слѣдующаго дня, наблюдая неизвѣстнаго своего друга, Кити замѣтила, что m-lle Варенька и съ Левинымъ и его женщиной находится уже въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ и съ другими своими *protégés*. Она подходила къ нимъ, разговаривала, служила переводчицей для женщины, не умѣвшей говорить ни на одномъ иностранномъ языкѣ.

Кити еще болѣе стала умолять мать позволить ей познакомиться съ Варенькой. И, какъ ни непріятно было княгинѣ какъ будто дѣлать первый шагъ въ желаніи познакомиться съ г-жею Шталь, позволявшею себѣ чѣмъ-то гордиться,—она навела справки о Варенькѣ и, узнавъ о ней подробности, дававшія заключить, что не было ничего худаго, хотя и хорошаго мало, въ этомъ знакомствѣ, — сама первая подошла къ Варенькѣ и познакомилась съ нею.

Выбравъ время, когда дочь ея пошла къ ключу, а Ва-

ренька остановилась противъ булочника, княгиня подошла къ ней.

— Позвольте мнѣ познакомиться съ вами,—сказала она съ своею достойною улыбкой.—Моя дочь влюблена въ васъ,—сказала она.—Вы можетъ-быть не знаете меня. Я...

— Это больше, чѣмъ взаимно, княгиня,—поспѣшно отвѣчала Варенька.

— Какое вы доброе дѣло сдѣлали вчера нашему жалкому соотечественнику!—сказала княгиня.

Варенька покраснѣла.—Я не помню; я, кажется, ничего не дѣлала,—сказала она.

— Какъ же, вы спасли этого Левина отъ непріятности.

— Да, sa compagne позвала меня и я постаралась успокоить его: онъ очень боленъ и недоволенъ былъ докторомъ. А я имѣю привычку ходить за этими больными.

— Да, я слышала, что вы живете въ Ментонѣ съ вашею тетушкой, кажется, m-me Шталь. Я знала ея belle-soeur.

— Нѣтъ, она мнѣ не тетка. Я называю ее maman, но я ей не родня; я воспитана ею,—опять покраснѣвъ, отвѣчала Варенька.

Это было такъ просто сказано, такъ мило было правдивое и открытое выраженіе ея лица, что княгиня поняла, почему ея Кити полюбила эту Вареньку.

— Ну, что-жъ этотъ Левинъ?—спросила княгиня.

— Онъ уѣзжаетъ,—отвѣчала Варенька.

Въ это время, сіяя радостью о томъ, что мать ея познакомилась съ ея неизвѣстнымъ другомъ, отъ ключа подходила Кити.

— Ну вотъ, Кити, твое сильное желаніе познакомиться съ m-lle...

— „Варенькой“,—улыбаясь подсказала Варенька:—такъ всѣ меня зовутъ.

Кити покраснѣла отъ радости, и долго молча жала руку своего новаго друга, которая не отвѣчала на ея пожатіе, но неподвижно лежала въ ея рукѣ. Рука не отвѣчала на пожатіе, но лицо m-lle Вареньки просіяло тихою, радостною, хотя и нѣсколько грустною улыбкой, открывавшею большіе, но прекрасные зубы.

— Я сама давно хотѣла этого,—сказала она.

— Но вы такъ заняты...

— Ахъ, напротивъ, я ничѣмъ не занята,—отвѣчала Варенька, но въ ту же минуту должна была оставить своихъ новыхъ знакомыхъ, потому что двѣ маленькія русскія дѣвочки, дочери больнаго, бѣжали къ ней.

— Варенька, мама зоветъ!—кричали онѣ.

И Варенька пошла за ними.

XXXII.

Подробности, которыя узнала княгиня о прошедшемъ Вареньки и объ отношеніяхъ ея къ мадамъ Шталь и о самой мадамъ Шталь, были слѣдующія:

Мадамъ Шталь, про которую одни говорили, что она замучила своего мужа, а другіе говорили, что онъ замучилъ ее своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, была всегда болѣзненная и восторженная женщина. Когда она родила, уже разведясь съ мужемъ, перваго ребенка, ребенокъ этотъ тотчасъ же умеръ, и родные г-жи Шталь, зная ея чувствительность и боясь, чтобъ это извѣстіе не убило ея, подмѣнили ей ребенка, взявъ родившуюся въ ту же ночь и въ томъ же домѣ въ Петербургѣ дочь придворнаго повара.

Это была Варенька. Мадамъ Шталь узнала впослѣдствіи, что Варенька была не ея дочь, но продолжала ее воспитывать, тѣмъ болѣе, что очень скоро послѣ этого родныхъ у Вареньки никого не осталось.

Мадамъ Шталь уже болѣе десяти лѣтъ безвыѣздно жила за границей на югѣ, никогда не вставая съ постели. И одни говорили, что мадамъ Шталь сдѣлала себѣ общественное положеніе добродѣтельной, высоко-религіозной женщины; другіе говорили, что она была въ душѣ то самое высоко-нравственное существо, жившее только для добра ближняго, какимъ она представлялась. Никто не зналъ, какой она религіи: католической, протестантской или православной; но одно было несомнѣнно, — она находилась въ дружескихъ связяхъ съ самыми высшими лицами всѣхъ церквей и исповѣданій.

Варенька жила съ нею постоянно за границей, и всѣ, кто зналъ мадамъ Шталь, знали и любили m-lle Вареньку, какъ всѣ ее звали.

Узнавъ всѣ подробности, княгиня не нашла ничего предосудительнаго въ сближеніи своей дочери съ Варенькой, тѣмъ болѣе, что Варенька имѣла манеры и воспитаніе самыя хорошія: отлично говорила по-французски и по англійски, а главное—передала отъ г-жи Шталь сожалѣніе, что она, по болѣзни, лишена удовольствія познакомиться съ княгиней.

Познакомившись съ Варенькой, Кити все болѣе и болѣе прельщалась своимъ другомъ и съ каждымъ днемъ находила въ ней новыя достоинства.

Княгиня, услыхавъ о томъ, что Варенька хорошо поетъ, попросила ее придти къ нимъ пѣть вечеромъ.

— Кити играетъ и у насъ есть фортепіано, — не хоро-

шее, правда,—но вы намъ доставите большое удовольствіе,— сказала княгиня съ своею притворною улыбкой, которая особенно непріятна была теперь Кити, потому что она замѣтила, что Варенькѣ не хотѣлось пѣть. Но Варенька однако пришла вечеромъ и принесла съ собой тетрадь нотъ. Княгиня пригласила Марью Евгеньевну съ дочерью и полковника.

Варенька казалась совершенно равнодушною къ тому, что тутъ были незнакомыя ей лица, и тотчасъ же подошла къ фортепіано. Она не умѣла себѣ аккомпанировать, но прекрасно читала ноты голосомъ. Кити, хорошо игравшая, аккомпанировала ей.

— У васъ необыкновенный талантъ,—сказала ей княгиня послѣ того, какъ Варенька прекрасно спѣла первую пьесу.

Марья Евгеньевна съ дочерью благодарили и хвалили ее.

— Посмотрите,—сказалъ полковникъ, глядя въ окно,— какая публика собралась васъ слушать. — Дѣйствительно, подъ окнами собралась довольно большая толпа.

— Я очень рада, что это доставляетъ вамъ удовольствіе,— просто отвѣчала Варенька.

Кити съ гордостью смотрѣла на своего друга. Она восхищалась и ея искусствомъ, и ея голосомъ, и ея лицомъ, но болѣе всего восхищалась ея манерой,—тѣмъ, что Варенька очевидно ничего не думала о своемъ пѣніи и была совершенно равнодушна къ похваламъ; она какъ будто спрашивала только: нужно ли еще пѣть, или довольно?

„Еслибъ это была я,—думала про себя Кити,—какъ бы я гордилась этимъ! Какъ бы я радовалась, глядя на эту толпу подъ окнами! А ей совершенно все равно. Ее побуждаетъ только желаніе не отказать и сдѣлать пріятное *maman*. Что же въ ней есть? Что даетъ ей эту силу пренебрегать

всѣмъ, быть независимо-спокойною? Какъ бы я желала это знать и научиться отъ нея этому!“ вглядываясь въ это спокойное лицо, думала Кити. Княгиня попросила Вареньку спѣть еще, и Варенька спѣла другую пьесу такъ же ровно, отчетливо и хорошо, прямо стоя у фортепіано и отбивая по нимъ тактъ своею худою, смуглою рукой.

Слѣдующая затѣмъ въ тетради пьеса была итальянская пѣсня. Кити сыграла прелюдію и оглянулась на Вареньку.

— Пропустимъ эту,—сказала Варенька, покраснѣвъ.

Кити испуганно и вопросительно остановила свои глаза на лицѣ Вареньки.

— Ну, другое,—поспѣшно сказала она, перевертывая листы и тотчасъ же понявъ, что съ этою пьесой было соединено что-то.

— Нѣтъ,—отвѣчала Варенька, положивъ свою руку на ноты и улыбаясь, — нѣтъ, споемте это. И она спѣла это такъ же спокойно, холодно и хорошо, какъ и прежде.

Когда она кончила, всѣ опять благодарили ее и пошли пить чай. Кити съ Варенькой вышли въ садикъ, бывшій подлѣ дома.

— Правда, что у васъ соединено какое-то воспоминаніе съ этой пѣсней?—сказала Кити.—Вы не говорите,—поспѣшно прибавила она,—только скажите: правда?

— Нѣтъ, отчего? Я скажу,—просто сказала Варенька и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—да, это воспоминаніе, и было тяжелое когда-то. Я любила одного человѣка и эту вещь я пѣла ему.

Кити, съ открытыми большими глазами, молча, умиленно смотрѣла на Вареньку.

— Я любила его, и онъ любилъ меня; но его мать не-хотѣла, и онъ женился на другой. Онъ теперь живетъ не-

далеко отъ насъ, и я иногда вижу его. Вы не думали, что у меня тоже былъ романъ?—сказала она, и въ красивомъ лицѣ ея чуть брезжилъ тотъ огонекъ, который, Кити чувствовала, когда-то освѣщалъ ее всю.

— Какъ не думала? Еслибъ я была мужчина, я бы не могла любить никого, послѣ того, какъ узнала васъ. Я только не понимаю, какъ онъ могъ въ угоду матери забыть васъ и сдѣлать васъ несчастною; у него не было сердца.

— О, нѣтъ, онъ очень хорошій человѣкъ, и я не несчастна,—напротивъ, я очень счастлива. Ну, такъ не будемъ больше пѣть нынче?—прибавила она, направляясь къ дому.

— Какъ вы хороши, какъ вы хороши!—воскликнула Кити и, остановивъ ее, поцѣловала.—Еслибъ я хоть немножко могла быть похожа на васъ!

— Зачѣмъ вамъ быть на кого-нибудь похожей? Вы хороши, какъ вы есть,—улыбаясь своею кроткою и усталою улыбкой, сказала Варенька.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не хороша. Ну, скажите мнѣ... Постойте, посидимте,—сказала Кити, усаживая ее опять на скамейку подлѣ себя. — Скажите, неужели не оскорбительно думать, что человѣкъ пренебрегъ вашею любовью, что онъ не хотѣлъ?...

— Да онъ не пренебрегъ; я вѣрю, что онъ любилъ меня, но онъ былъ покорный сынъ...

— Да но еслибъ онъ не по волѣ матери, а просто самъ?—говорила Кити, чувствуя, что она выдала свою тайну и что лицо ея, горящее румянцемъ стыда, уже изобличило ее.

— Тогда бы онъ дурно поступилъ и я бы не жалѣла его,—отвѣчала Варенька, очевидно понявъ, что дѣло идетъ уже не о ней, а о Кити.

— По оскорбленіе?—сказала Кити.—Оскорбленія нельзя забыть, нельзя забыть, — говорила она, вспоминая свой взглядъ на послѣднемъ балѣ, во время остановки музыки.

— Въ чемъ же оскорбленіе? Вѣдь вы не поступили дурно?

— Хуже, чѣмъ дурно,—стыдно.

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

— Да въ чемъ же стыдно?—сказала она: — вѣдь вы не могли сказать человѣку, который равнодушенъ къ вамъ, что вы его любите?

— Разумѣется нѣтъ; я никогда не сказала ни одного слова, но онъ зналъ. Нѣтъ, нѣтъ; есть взгляды, есть манеры. Я буду сто лѣтъ жить, не забуду.

— Такъ что жъ? Я не понимаю. Дѣло въ томъ, любите ли вы его теперь, или нѣтъ? — сказала Варенька, называя все по имени.

— Я ненавижу его; я не могу простить себѣ.

— Такъ что-жъ?

— Стыдъ, оскорбленіе.

— Ахъ, еслибы всѣ такъ были, какъ вы, чувствительны, — сказала Варенька. — Нѣтъ дѣвушки, которая бы не испытала этого. И все это такъ неважно.

— А что же важно? — сказала Кити, съ любопытнымъ удивленіемъ вглядываясь въ ея лицо.

— Ахъ, многое важно!—улыбаясь сказала Варенька.

— Да что же?

— Ахъ, многое важнѣе,—отвѣчала Варенька, не зная чтò сказать. Но въ это время изъ окна послышался голосъ княгини: „Кити, свѣжо! Или шаль возьми, или иди въ комнаты“.

— Правда, пора!—сказала Варенька вставая.—Мнѣ еще надо зайдти къ m-me Berthe; она меня просила.

Кити держала ее за руки и съ страстнымъ любопытствомъ и мольбой спрашивала ее взглядомъ: „Что же, что же это самое важное, что̀ даетъ такое спокойствіе? Вы знаете, скажите мнѣ!“ Но Варенька не понимала даже того, о чемъ спрашивалъ ее взглядъ Кити. Она помнила только о томъ, что ей нынче нужно еще зайдти къ m-me Berthe и поспѣть домой къ чаю maman, къ 12-ти часамъ. Она вошла въ комнаты, собрала ноты и, простившись со всѣми, собралась уходить.

— Позвольте, я провожу васъ,—сказалъ полковникъ.

— Да, какъ же одной идти теперь ночью?—подтвердила княгиня.—Я пошлю хоть Парашу.

Кити видѣла, что Варенька съ трудомъ удерживала улыббу при словахъ, что ее нужно провожать.

— Нѣтъ, я всегда хожу одна, и никогда со мной ничего не бываетъ,—сказала она, взявъ шляпу. И поцѣловавъ еще разъ Кити и такъ и не сказавъ, что было важно, бодрымъ шагомъ, съ нотами подъ мышкой, она скрылась въ полутьмѣ лѣтней ночи, унося съ собой свою тайну о томъ, что̀ важно и что даетъ ей это завидное спокойствіе и достоинство.

XXXIII.

Кити познакомилась и съ г-жею Шталь, и знакомство это, вмѣстѣ съ дружбою къ Варенькѣ, не только имѣло на нее сильное вліяніе, но утѣшало ее въ ея горѣ. Она нашла это утѣшеніе въ томъ, что ей, благодаря этому знакомству, открылся совершенно новый міръ, не имѣющій

ничего общаго съ ея прошедшимъ, міръ возвышенный, прекрасный, съ высоты котораго можно было спокойно смотрѣть на это прошедшее. Открылось то, что кромѣ жизни инстинктивной, которой до сихъ поръ отдавалась Кити, была жизнь духовная. Жизнь эта открывалась религіей, но религіей не имѣющею ничего общаго съ тою, которую съ дѣтства знала Кити и которая выражалась въ обѣднѣ и всенощной во Вдовьемъ Домѣ, гдѣ можно было встрѣтить знакомыхъ, и въ изученіи съ батюшкой наизусть славянскихъ текстовъ,—это была религія возвышенная, таинственная, связанная съ рядомъ прекрасныхъ мыслей и чувствъ, въ которую не только можно было вѣрить, потому что такъ велѣно, но которую можно было любить.

Кити узнала все это не изъ словъ. Мадамъ Шталь говорила съ Кити какъ съ милымъ ребенкомъ, на котораго любуешься какъ на воспоминаніе своей молодости, и только одинъ разъ упомянула о томъ, что во всѣхъ людскихъ горестяхъ утѣшеніе даютъ лишь любовь и вѣра и что для состраданія къ намъ Христа нѣтъ ничтожныхъ горестей,— и тотчасъ же перевела разговоръ на другое. Но Кити въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ небесномъ, какъ называла Кити, взглядѣ ея, въ особенности во всей исторіи ея жизни, которую она знала черезъ Вареньку, во всемъ узнавала то, „что было важно“ и чего она до сихъ поръ не знала.

Но какъ ни возвышенъ былъ характеръ г-жи Шталь, какъ ни трогательна вся ея исторія, какъ ни возвышенна и нѣжна ея рѣчь, Кити невольно подмѣтила въ ней такія черты, которыя смущали ее. Она замѣтила, что, расспрашивая про ея родныхъ, мадамъ Шталь улыбнулась презри-

тельно, что было противно христіанской добротѣ. Замѣтила еще, что, когда она застала у нея католическаго священника, мадамъ Шталь старательно держала свое лицо въ тѣни абажура и особенно улыбалась. Какъ ни ничтожны были эти два замѣчанія, они смущали ее, и она сомнѣвалась въ мадамъ Шталь. Но за то Варенька, одинокая, безъ родныхъ, безъ друзей, съ грустнымъ разочарованіемъ, ничего не желавшая, ничего не жалѣвшая, была тѣмъ самымъ совершенствомъ, о которомъ только позволила себѣ мечтать Кити. На Варенькѣ она поняла, что стоило только забыть себя и любить другихъ—и будешь спокойна, счастлива и прекрасна. И такою хотѣла быть Кити. Понявъ теперь ясно, что̀ было *самое важное*, Кити не удовольствовалась тѣмъ, чтобы восхищаться этимъ, но тотчасъ же всею душой отдалась этой новой, открывшейся ей жизни. По разсказамъ Вареньки о томъ, что дѣлала мадамъ Шталь и другія, кого она называла, Кити уже составила себѣ планъ будущей жизни. Она такъ же, какъ и племянница г-жи Шталь, Aline, про которую ей много разсказывала Варенька, будетъ, гдѣ бы ни жила, отыскивать несчастныхъ, помогать имъ сколько можно, раздавать Евангеліе, читать Евангеліе больнымъ, преступникамъ, умирающимъ. Мысль чтенія Евангелія преступникамъ, какъ это дѣлала Aline, особенно прельщала Кити. Но все это были тайныя мечты, которыхъ Кити не высказывала ни матери, ни Варенькѣ.

Впрочемъ, въ ожиданіи поры исполнять въ большихъ размѣрахъ свои планы, Кити и теперь, на водахъ, гдѣ было столько больныхъ и несчастныхъ, легко нашла случай прилагать свои новыя правила, подражая Варенькѣ.

Сначала княгиня замѣчала только, что Кити находится

подъ сильнымъ вліяніемъ своего engouement, какъ она называла, къ госпожѣ Шталь и въ особенности въ Варенькѣ. Она видѣла, что Кити не только подражаетъ Варенькѣ въ ея дѣятельности, но невольно подражаетъ ей въ ея манерѣ ходить, говорить и мигать глазами. Но потомъ княгиня замѣтила, что въ дочери, независимо отъ этого очарованія, совершается какой-то серьёзный душевный переворотъ.

Княгиня видѣла, что Кити по вечерамъ читаетъ французское Евангеліе, которое ей подарила госпожа Шталь,—чего она прежде не дѣлала,—что она избѣгаетъ свѣтскихъ знакомыхъ и сходится съ больными, находившимися подъ покровительствомъ Вареньки, и въ особенности съ однимъ бѣднымъ семействомъ больнаго живописца Петрова. Кити очевидно гордилась тѣмъ, что исполняла въ этомъ семействѣ обязанности сестры милосердія. Все это было хорошо и княгиня ничего не имѣла противъ этого, тѣмъ болѣе, что жена Петрова была вполнѣ порядочная женщина и что принцесса, замѣтившая дѣятельность Кити, хвалила ее, называя ангеломъ-утѣшителемъ. Все это было бы очень хорошо, еслибы не было излишества. А княгиня видѣла, что дочь ея впадаетъ въ крайность, что̀ она и говорила ей.

— Il ne faut jamais rien outrer,—говорила она ей.

Но дочь ничего ей не отвѣчала; она только думала въ душѣ, что нельзя говорить объ излишествѣ въ дѣлѣ христіанства. Какое же можетъ быть излишество въ слѣдованіи ученію, въ которомъ велѣно подставить другую щеку, когда ударятъ по одной, и отдать рубашку, когда снимаютъ кафтанъ? Но княгинѣ не нравилось это излишество, и еще болѣе не нравилось то, что, она чувствовала, Кити

не хотѣла открыть ей всю свою душу. Дѣйствительно, Кити таила отъ матери свои новые взгляды и чувства. Она таила ихъ не потому, чтобъ она не уважала, не любила свою мать, но только потому, что это была ея мать. Она всякому открыла бы ихъ скорѣе, чѣмъ матери.

— Что то давно Анна Павловна не была у насъ,—сказала разъ княгиня про Петрову.—Я звала ее, а она что-то, какъ будто, недовольна.

— Нѣтъ, я не замѣтила, maman,—вспыхнувъ сказала Кити.

— Ты давно не была у нихъ?

— Мы завтра собираемся сдѣлать прогулку въ горы,—отвѣчала Кити.

— Что-жъ, поѣзжайте,—отвѣчала княгиня, вглядываясь въ смущенное лицо дочери и стараясь угадать причину ея смущенія.

Въ этотъ же день Варенька пришла обѣдать и сообщила, что Анна Павловна раздумала ѣхать завтра въ горы. И княгиня замѣтила, что Кити опять покраснѣла.

— Кити, не было ли у тебя чего-нибудь непріятнаго съ Петровыми?—сказала княгиня, когда онѣ остались однѣ.— Отчего она перестала присылать дѣтей и ходить къ намъ?

Кити отвѣчала, что ничего не было между ними и что она рѣшительно не понимаетъ, почему Анна Павловна, какъ будто, недовольна ею. Кити отвѣтила совершенную правду. Она не знала причины перемѣны къ себѣ Анны Павловны, но догадывалась. Она догадывалась въ такой вещи, которую она не могла сказать матери, которой она не говорила и себѣ. Это была одна изъ тѣхъ вещей, которыя знаешь, но которыя нельзя сказать даже самой себѣ;—такъ страшно и постыдно ошибиться.

Опять и опять перебирала она въ своемъ воспоминаніи всѣ отношенія свои къ этому семейству. Она вспомнила наивную радость, выражавшуюся на кругломъ, добродушномъ лицѣ Анны Павловны при ихъ встрѣчахъ; вспоминала ихъ тайные переговоры о больномъ, заговоры о томъ, чтобъ отвлечь его отъ работы, которая была ему запрещена, и увести его гулять, привязанность меньшаго мальчика, называвшаго ее „моя Кити“ и не хотѣвшаго безъ нея ложиться спать. Какъ все было хорошо! Потомъ она вспомнила худую-худую фигуру Петрова, съ длинною шеей, въ его коричневомъ сюртукѣ; его рѣдкіе, вьющіеся волосы, вопросительные, страшные въ первое время для Кити, голубые глаза и его болѣзненныя старанія казаться бодрымъ и оживленнымъ въ ея присутствіи. Она вспомнила свое усиліе въ первое время, чтобы преодолѣть отвращеніе, которое она испытывала къ нему, какъ и ко всѣмъ чахоточнымъ, и старанія, съ которыми она придумывала что̀ сказать ему. Она вспомнила этотъ робкій, умиленный взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее, и странное чувство сострадація и неловкости и потомъ сознанія своей добродѣтельности, которое она испытывала при этомъ. Какъ все это было хорошо! Но все это было въ первое время. Теперь же, нѣсколько дней тому назадъ, все вдругъ испортилось. Анна Павловна съ притворною любезностью встрѣчала Кити и, не переставая, наблюдала ее и мужа.

Неужели эта трогательная радость его при ея приближеніи была причиной охлажденія Анны Павловны?

„Да,—вспомнила она,—что-то было ненатуральное въ Аннѣ Павловнѣ и совсѣмъ непохожее на ея доброту, когда она третьяго дня съ досадой сказала:

— Вотъ, все дожидался васъ, не хотѣлъ безъ васъ пить кофе, хотя ослабѣлъ ужасно.

„Да можетъ-быть и это непріятно ей было, когда я подала ему пледъ. Все это такъ просто, но онъ такъ неловко это принялъ, такъ долго благодарилъ, что и мнѣ стало неловко. И потомъ этотъ портретъ мой, который онъ такъ хорошо сдѣлалъ. А главное—этотъ взглядъ, смущенный и нѣжный... Да, да, это такъ!—съ ужасомъ повторила себѣ Кити.—Нѣтъ, это не можетъ, не должно быть! Онъ такъ жалокъ!" говорила она себѣ вслѣдъ за этимъ.

Это сомнѣніе отравляло прелесть ея новой жизни.

XXXIV.

Уже передъ концомъ курса водъ князь Щербацкій, ѣздившій послѣ Карлсбада въ Баденъ и Кисингенъ къ русскимъ знакомымъ „набраться русскаго духа", какъ онъ говорилъ, вернулся къ своимъ.

Взгляды князя и княгини на заграничную жизнь были совершенно противоположные. Княгиня находила все прекраснымъ и, несмотря на свое твердое положеніе въ русскомъ обществѣ, старалась за границей походить на европейскую даму, чѣмъ она не была,—потому что она была русская барыня,—и потому притворялась, что ей было отчасти неловко. Князь же, напротивъ, находилъ за границей все сквернымъ, тяготился европейскою жизнью, держался своихъ русскихъ привычекъ и нарочно старался выказывать себя за границей менѣе европейцемъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Князь вернулся похудѣвшій, съ обвислыми мѣшками кожи на щекахъ, но въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Веселое расположенiе его еще усилилось, когда онъ увидалъ Китя совершенно поправившеюся. Извѣстiе о дружбѣ Кити съ госпожей Шталь и Варенькой и переданныя княгиней наблюденiя надъ какой-то перемѣной, происшедшей въ Кити, смутили князя и возбудили въ немъ обычное чувство ревности ко всему, что увлекало его дочь помимо него, и страхъ, чтобы дочь не ушла изъ-подъ его влiянiя въ какiя-нибудь недоступныя ему области. Но эти непрiятныя извѣстiя потонули въ томъ морѣ добродушiя и веселости, которыя всегда были въ немъ и особенно усилились Карлсбадскими водами.

На другой день по своемъ прiѣздѣ князь, въ своемъ длинномъ пальто, со своими русскими морщинами и одутловатыми щеками, подпертыми крахмаленными воротничками, въ самомъ веселомъ расположенiи духа пошелъ съ дочерью на воды.

Утро было прекрасное: опрятные, веселые дома съ садиками, видъ краснолицыхъ, красноруких, налитыхъ пивомъ, весело работающихъ нѣмецкихъ служанокъ и яркое солнце—веселили сердце; но чѣмъ ближе они подходили къ водамъ, тѣмъ чаще встрѣчались больные; и видъ ихъ казался еще плачевнѣе среди обычныхъ условiй благоустроенной нѣмецкой жизни. Кити уже не поражала эта противоположность. Яркое солнце, веселый блескъ зелени, звуки музыки были для нея естественною рамкой всѣхъ этихъ знакомыхъ лицъ и перемѣнъ къ ухудшенiю или улучшенiю, за которыми она слѣдила; но для князя свѣтъ и блескъ iюньскаго утра, и звуки оркестра, игравшаго модный веселый вальсъ, и особенно видъ здоровенныхъ служанокъ—казались чѣмъ-то неприличнымъ и уродливымъ,

въ соединеніи съ этими, собравшимися со всѣхъ концовъ Европы, уныло двигавшимися мертвецами.

Несмотря на испытываемое имъ чувство гордости и какъ бы возврата молодости, когда любимая дочь шла съ нимъ подъ руку, ему теперь какъ будто неловко и совѣстно было за свою сильную походку, за свои крупные, облитые жиромъ члены. Онъ испытывалъ почти чувство человѣка неодѣтаго въ обществѣ.

— Представь, представь меня своимъ новымъ друзьямъ,— говорилъ онъ дочери, пожимая локтемъ ея руку.—Я и этотъ твой гадкій Соденъ полюбилъ за то, что онъ тебя такъ справилъ. Только грустно, грустно у васъ. Это кто?

Кити называла ему тѣ знакомыя и незнакомыя лица, которыя они встрѣчали. У самаго входа въ садъ они встрѣтили слѣпую m-me Berthe съ проводницей, и князь порадовался на умиленное выраженіе старой француженки, когда она услыхала голосъ Кити. Она тотчасъ съ французскимъ излишествомъ любезности заговорила съ нимъ, хваля его за то, что у него такая прекрасная дочь, и въ глаза превознося до небесъ Кити, и называя ее сокровищемъ, перломъ и ангеломъ-утѣшителемъ.

— Ну, такъ она второй ангелъ,—сказалъ князь улыбаясь.—Она называетъ ангеломъ нумеръ 1-ый—m-lle Вареньку.

— Oh, m-lle Варенька—это настоящій ангелъ, allez,— подхватила m-me Berthe.

Въ галлереѣ они встрѣтили и самоё Вареньку. Она поспѣшно шла имъ навстрѣчу, неся элегантную красную сумочку.

— Вотъ и папа пріѣхалъ!—сказала ей Кити.

Варенька сдѣлала,—просто и естественно, какъ и все,

что она дѣлала, — движеніе, среднее между поклономъ и присѣданіемъ, и тотчасъ же заговорила съ княземъ, какъ она говорила со всѣми, нестѣсненно и просто.

— Разумѣется, я васъ знаю, очень знаю, — сказалъ ей князь съ улыбкой, по которой Кити съ радостью узнала, что другъ ея понравился отцу. — Куда же вы такъ торопитесь?

— Maman здѣсь, — сказала она, обращаясь къ Кити.— Она не спала всю ночь, и докторъ посовѣтовалъ ей выѣхать. Я несу ей работу.

— Такъ это ангелъ № 1-й,—сказалъ князь, когда Варенька ушла.

Кити видѣла, что ему хотѣлось посмѣяться надъ Варенькой, но что онъ никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что Варенька понравилась ему.

— Ну, вотъ и всѣхъ увидимъ твоихъ друзей,—прибавилъ онъ,—и мадамъ Шталь, если она удостоитъ узнать меня.

— А ты развѣ ее зналъ, папа?—спросила Кити со страхомъ, замѣчая зажегшійся огонь насмѣшки въ глазахъ князя, при упоминаніи о мадамъ Шталь.

— Зналъ ея мужа, и ее немножко, еще прежде, чѣмъ она въ піетистки записалась.

— Что такое піетистка, папа? — спросила Кити, уже испуганная тѣмъ, что то, что она такъ высоко цѣнила въ госпожѣ Шталь, имѣло названіе.

— Я и самъ не знаю хорошенько. Знаю только, что она за все благодаритъ Бога, за всякое несчастіе,—и за то, что у ней умеръ мужъ, благодаритъ Бога. Ну, и выходитъ смѣшно, потому что они дурно жили.

— Это кто? Какое жалкое лицо!—спросилъ онъ, замѣтивъ

сидѣвшаго на лавочкѣ невысокаго больнаго въ коричневомъ пальто и бѣлыхъ панталонахъ, дѣлавшихъ странныя складки на лишенныхъ мяса костяхъ его ногъ. Господинъ этотъ приподнялъ свою соломенную шляпу надъ вьющимися рѣдкими волосами, открывая высокій, болѣзненно-покраснѣвшій отъ шляпы, лобъ.

— Это Петровъ, живописецъ, — отвѣчала Кити, покраснѣвъ.—А это жена его,—прибавила она, указывая на Анну Павловну, которая, какъ будто нарочно, въ то самое время, какъ они подходили, пошла за ребенкомъ, отбѣжавшимъ по дорожкѣ.

— Какой жалкій, и какое милое у него лицо! — сказалъ князь.—Что же ты не подошла? Онъ что-то хотѣлъ сказать тебѣ.

— Ну, такъ пойдемъ!—сказала Кити, рѣшительно поворачиваясь. — Какъ ваше здоровье нынче?—спросила она у Петрова.

Петровъ всталъ, опираясь на палку, и робко посмотрѣлъ на князя.

— Это моя дочь,—сказалъ князь.—Позвольте быть знакомымъ.

Живописецъ поклонился и улыбнулся, открывая странно-блестящіе бѣлые зубы.

— Мы васъ ждали вчера, княжна, — сказалъ онъ Кити.

Онъ пошатнулся, говоря это, и, повторяя это движеніе, старался показать, что онъ это сдѣлалъ нарочно.

— Я хотѣла придти, но Варенька сказала, что Анна Павловна присылала сказать, что вы не поѣдете.

— Какъ не поѣдемъ?—покраснѣвъ и тотчасъ же закашлявшись, сказалъ Петровъ, отыскивая глазами жену.—Ане-

та, Анета! — проговорилъ онъ громко, и на тонкой бѣлой шеѣ его, какъ веревки, натянулись толстыя жилы.

Анна Павловна подошла.

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ, что мы не поѣдемъ?—потерявъ голосъ, раздражительно прошепталъ онъ ей.

— Здравствуйте, княжна,—сказала Анна Павловна съ притворною улыбкой, столь непохожею на прежнее ея обращеніе. — Очень пріятно познакомиться,—обратилась она къ князю.—Васъ давно ждали, князь!

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ, что мы не поѣдемъ?—хрипло прошепталъ еще разъ живописецъ еще сердитѣе, очевидно раздражаясь еще болѣе тѣмъ, что голосъ измѣняетъ ему и онъ не можетъ дать своей рѣчи того выраженія, какое бы хотѣлъ.

— Ахъ, Боже мой! Я думала, что мы не поѣдемъ,—съ досадой отвѣчала жена.

— Какъ же, когда...—Онъ закашлялся и махнулъ рукой.

Князь приподнялъ шляпу и отошелъ съ дочерью.

— О-охъ! — тяжело вздохнулъ онъ,—о, несчастные!

— Да, папа,—отвѣчала Кити Но надо знать, что у нихъ трое дѣтей, никого прислуги и почти никакихъ средствъ. Онъ что-то получаетъ отъ академіи,—оживленно разсказывала она, стараясь заглушить волненіе, поднявшееся въ ней вслѣдствіе странной въ отношеніи къ ней перемѣны Анны Павловны.—А вотъ и мадамъ Шталь,—сказала Кити, указывая на колясочку, въ которой, обложенное подушками, въ чемъ-то сѣромъ и голубомъ, подъ зонтикомъ лежало что-то. Это была г-жа Шталь. Сзади ея стоялъ мрачный, здоровенный работникъ нѣмецъ, катавшій ее. Подлѣ стоялъ бѣлокурый шведскій графъ, котораго знала по имени Кити. Нѣсколько

человѣкъ больныхъ медлили около колясочки, глядя на эту даму какъ на что-то необыкновенное.

Князь подошелъ къ ней, и тотчасъ же въ глазахъ его Кити замѣтила, смущавшій ее, огонекъ насмѣшки. Онъ подошелъ къ мадамъ Шталь и заговорилъ па томъ отличномъ французскомъ языкѣ, на которомъ столь немпогіе уже говорятъ теперь, чрезвычайно учтиво и мило.

— Не знаю, вспомните ли вы меня, но я долженъ напомнить себя, чтобы поблагодарить за вашу доброту къ моей дочери,—сказалъ онъ ей, снявъ шляпу и не надѣвая ея.

— Князь Александръ Щербацкій,—сказала мадамъ Шталь, поднимая на него свои небесные глаза, въ которыхъ Кити замѣтила неудовольствіе. — Очень рада. Я такъ полюбила вашу дочь.

— Здоровье ваше все не хорошо?

— Да, я ужъ привыкла,—сказала мадамъ Шталь и познакомила князя съ шведскимъ графомъ.

— А вы очень мало перемѣнились,—сказалъ ей князь.— Я не имѣлъ чести видѣть васъ десять или одиннадцать лѣтъ.

— Да, Богъ даетъ крестъ и даетъ силу нести его. Часто удивляешься, къ чему тянется эта жизнь?... Съ той стороны!—съ досадой обратилась она къ Варенькѣ, не такъ завертывавшей ей пледомъ ноги.

— Чтобы дѣлать добро, вѣроятно,—сказалъ князь, смѣясь глазами.

— Это не намъ судить,—сказала госпожа Шталь, замѣтивъ оттѣнокъ выраженія на лицѣ князя. — Такъ вы пришлете мнѣ эту книгу, любезный графъ? Очень благодарю васъ,—обратилась она къ молодому шведу.

— А!—вскрикнулъ князь, увидавъ московскаго полков-

ника, стоявшаго около, и, поклонившись госпожѣ Шталь, отошелъ съ дочерью и съ присоединившимся къ нимъ московскимъ полковникомъ.

— Это наша аристократія, князь! — съ желаніемъ быть насмѣшливымъ, сказалъ московскій полковникъ, который былъ въ претензіи на госпожу Шталь за то, что она не была съ нимъ знакома.

— Все такая же,— отвѣчалъ князь.

— А вы еще до болѣзни знали ее, князь, то-есть прежде, чѣмъ она слегла?

— Да. Она при мнѣ слегла,—сказалъ князь.

— Говорятъ, она десять лѣтъ не встаетъ...

— Не встаетъ, потому что коротконожка. Она очень дурно сложена...

— Папа, не можетъ-быть!—вскрикнула Кити.

— Дурные языки такъ говорятъ, мой дружокъ. А твоей Варенькѣ таки достается,—прибавилъ онъ.—Охъ, эти больныя барыни!

— О, нѣтъ, папа!—горячо возразила Кити: — Варенька обожаетъ ее. И потомъ она дѣлаетъ столько добра. У кого хочешь, спроси. Ее и Aline Шталь всѣ знаютъ.

— Можетъ-быть,—сказалъ онъ, пожимая локтемъ ея руку. — Но лучше, когда дѣлаютъ такъ, что, у кого ни спроси, никто не знаетъ.

Кити замолчала, не потому, что ей нечего было говорить, но она и отцу не хотѣла открыть свои тайныя мысли. Однако, странное дѣло, несмотря на то, что она такъ готовилась не подчиниться взгляду отца, не дать ему доступа въ свою святыню, она почувствовала, что тотъ божественный образъ госпожи Шталь, который она мѣсяцъ

цѣлый носила въ душѣ, безвозвратно исчезъ, какъ фигура, составившаяся изъ брошеннаго платья, исчезаетъ, когда поймешь, какъ лежитъ это платье. Осталась одна коротконогая женщина, которая лежитъ потому, что дурно сложена, и мучаетъ безотвѣтную Вареньку за то, что та не такъ подвертываетъ ей пледъ. И никакими усиліями воображенія нельзя уже было возвратить прежнюю мадамъ Шталь.

XXXV.

Князь передалъ свое веселое расположеніе духа и домашнимъ своимъ, и знакомымъ, и даже нѣмцу - хозяину, у котораго стояли Щербацкіе.

Вернувшись съ Кити съ водъ и пригласивъ къ себѣ къ кофе и полковника, и Марью Евгеньевну, и Вареньку, князь велѣлъ вынести столъ и кресла въ садикъ, подъ каштанъ, и тамъ накрыть завтракъ. И хозяинъ, и прислуга оживились подъ вліяніемъ его веселости. Они знали его щедрость, и черезъ полчаса больной гамбургскій докторъ, жившій на верху, съ завистью смотрѣлъ въ окно на эту веселую русскую компанію здоровыхъ людей, собравшуюся подъ каштаномъ. Подъ дрожащею кругами тѣнью листьевъ, у покрытаго бѣлою скатертью и установленнаго кофейниками, хлѣбомъ, масломъ, сыромъ, холодною дичью, стола, сидѣла княгиня въ наколкѣ съ лиловыми лентами, раздавая чашки и тартинки. На другомъ концѣ сидѣлъ князь, плотно кушая и громко и весело разговаривая. Князь разложилъ подлѣ себя свои покупки, рѣзные сундучки, бирюльки, разрѣзные ножики всѣхъ сортовъ, которыхъ онъ накупилъ кучу на всѣхъ водахъ, и раздаривалъ ихъ всѣмъ, въ томъ числѣ Лисхенъ, служанкѣ, и хозяину, съ кото-

рымъ онъ шутилъ на своемъ комическомъ дурномъ нѣмецкомъ языкѣ, увѣряя его, что не воды вылѣчили Кити, но его отличныя кушанья, въ особенности супъ съ черносливомъ. Княгиня подсмѣивалась надъ мужемъ за его русскія привычки, но была такъ оживлена и весела, какъ не была во все время на водахъ. Полковникъ, какъ всегда, улыбался шуткамъ князя; по насчетъ Европы, которую онъ внимательно изучалъ, какъ онъ думалъ, онъ держалъ сторону княгини. Добродушная Марья Евгеньева покатывалась со смѣху отъ всего, что говорилъ смѣшнаго князь и Варенька, чего еще Кити никогда не видала, раскисала отъ слабаго, но сообщающагося смѣха, который возбуждали въ ней шутки князя.

Все это веселило Кити, но она не могла не быть озабоченною. Она не могла разрѣшить задачи, которую ей невольно задалъ отецъ своимъ веселымъ взглядомъ на ея друзей и на ту жизнь, которую она такъ любила. Къ задачѣ этой присоединилась еще перемѣна ея отношеній къ Петровымъ, которая нынче такъ очевидно и непріятно высказалась. Всѣмъ было бы весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще болѣе мучило ее. Она испытывала чувство въ родѣ того, какое испытывала въ дѣтствѣ, когда подъ наказаніемъ была заперта въ своей комнатѣ и слушала веселый смѣхъ сестеръ.

— Ну, на что ты накупилъ эту бездну?—говорила княгиня, улыбаясь и подавая мужу чашку съ кофеемъ.

— Пойдешь ходить,—ну, подойдешь къ лавочкѣ, просятъ купить: „Эрлаухтъ, эсцеленцъ, дурхлаухтъ“. Ну, ужъ какъ скажутъ „Дурхлаухтъ“, ужъ я не могу: десяти талеровъ и нѣтъ.

— Это только отъ скуки,—сказала княгиня.

— Разумѣется, отъ скуки. Такая скука, матушка, что не знаешь, куда дѣться.

— Какъ можно скучать, князь? Такъ много интереснаго теперь въ Германіи,—сказала Марья Евгеньевна.

— Да я все интересное знаю: супъ съ черносливомъ знаю, гороховую колбасу знаю. Все знаю.

— Нѣтъ, но, какъ хотите, князь, интересны ихъ учрежденія,—сказалъ полковникъ.

— Да что же интереснаго? Всѣ они довольны какъ мѣдные гроши; всѣхъ побѣдили. Ну, а мнѣ-то чѣмъ же довольнымъ быть? Я никого не побѣдилъ, а только сапоги снимай самъ, да еще за дверь ихъ самъ выставляй. Утромъ вставай, сейчасъ же одѣвайся, иди въ салонъ чай скверный пить. То ли дѣло дома! Проснешься не торопясь, посердишься на что нибудь, поворчишь, опомнишься хорошенько, все обдумаешь, не торопишься.

— А время—деньги, вы забываете это,—сказалъ полковникъ.

— Какое время! Другое время такое, что цѣлый мѣсяцъ за полтинникъ отдашь, а то такъ; никакихъ денегъ за полчаса не возьмешь. Такъ ли, Катенька? Что ты такая скучная?

— Я ничего.

— Куда же вы? Посидите еще,—обратился онъ къ Варенькѣ.

— Мнѣ надо домой,—сказала Варенька, вставая, и опять залилась смѣхомъ. Оправившись, она простилась и пошла въ домъ, чтобы взять шляпу.

Кити пошла за нею. Даже Варенька представлялась ей

теперь другою. Она не была хуже, но она была другая, чѣмъ та, какою она прежде воображала ее себѣ.

— Ахъ, я давно такъ не смѣялась! — сказала Варенька, собирая зонтикъ и мѣшечекъ.—Какой онъ милый, вашъ папа!—Кити молчала.—Когда же увидимся?—спросила Варенька.

— Maman хотѣла зайдти къ Петровымъ. Вы не будете тамъ?—сказала Кити, испытывая Вареньку.

— Я буду,—отвѣчала Варенька. — Они собираются уѣзжать, такъ я обѣщалась помочь укладываться.

— Ну, и я приду.

— Нѣтъ, что вамъ...

— Отчего, отчего, отчего?—широко раскрывая глаза, заговорила Кити, взявшись, чтобы не выпускать Вареньку, за ея зонтикъ.—Нѣтъ, постойте, отчего?

— Такъ; вашъ папа пріѣхалъ, и потомъ... съ вами они стѣсняются.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, отчего вы не хотите, чтобъ я часто бывала у Петровыхъ? Вѣдь вы не хотите? Отчего?

— Я не говорила этого,—спокойно сказала Варенька.

— Нѣтъ, пожалуйста, скажите!

— Все говорить?—спросила Варенька.

— Все, все!—подхватила Кити.

— Да особеннаго ничего нѣтъ, а только то, что Михаилъ Алексѣевичъ (такъ звали живописца) прежде хотѣлъ ѣхать раньше, а теперь не хочетъ уѣзжать,—улыбаясь сказала Варенька.

— Ну, ну!—торопила Кити, мрачно глядя на Вареньку.

— Ну, и почему-то Анна Павловна сказала, что онъ не хочетъ оттого, что вы тутъ. Разумѣется, это было не-

кстати, но изъ-за этого, изъ-за васъ вышла ссора. А вы знаете, какъ эти больные раздражительны.

Кити, все болѣе хмурясь, молчала, и Варенька говорила одна, стараясь смягчить и успокоить ее и видя собиравшійся взрывъ... она не знала чего—слезъ или словъ.

— Такъ лучше вамъ не ходить... И вы понимаете, вы не обижайтесь...

— И по дѣломъ мнѣ, и по дѣломъ мнѣ!—быстро заговорила Кити, схватывая зонтикъ изъ рукъ Вареньки и глядя мимо глазъ своего друга.

Варенькѣ хотѣлось улыбнуться, глядя на дѣтскій гнѣвъ своего друга, но она боялась оскорбить ее.

— Какъ по дѣломъ? Я не понимаю,—сказала она.

— По дѣломъ за то, что все это было притворство, потому что это все выдуманное, а не отъ сердца. Какое мнѣ дѣло было до чужаго человѣка?—и вотъ вышло, что я причиной ссоры, и что я дѣлала то, чего меня никто не просилъ. Оттого что все притворство, притворство, притворство!...

— Да съ какою же цѣлью притворяться? — тихо сказала Варенька.

— Ахъ, какъ глупо, гадко! Не было мнѣ никакой нужды... Все притворство!—говорила она, открывая и закрывая зонтикъ.

— Да съ какою же цѣлью?

— Чтобы казаться лучше передъ людьми, передъ собой, передъ Богомъ,—всѣхъ обмануть. Нѣтъ, теперь я уже не поддамся на это! Быть дурною, но, по крайней мѣрѣ, не лживою, не обманщицей...

— Да кто же обманщица?—укоризненно сказла Варенька.—Вы говорите, какъ будто...

Но Кити была въ своемъ припадкѣ вспыльчивости. Она не дала ей договорить.

— Я не объ васъ, совсѣмъ не объ васъ говорю. Вы—совершенство. Да, да, я знаю, что вы всѣ—совершенство; но что же дѣлать, что я дурная? Этого бы не было, еслибъ я не была дурная. Такъ пускай я буду какая есть, но не буду притворяться. Что мнѣ за дѣло до Анны Павловны? Пускай они живутъ, какъ хотятъ, и я, какъ хочу. Я не могу быть другою... И все это не то, не то...

— Да что же не то?—въ недоумѣніи говорила Варенька.

— Все не то. Я не могу иначе жить, какъ по сердцу, а вы живете по правиламъ. Я васъ полюбила просто, а вы, вѣрно, только затѣмъ чтобы спасти меня, научить меня!

— Вы несправедливы,—сказала Варенька.

— Да я ничего не говорю про другихъ, я говорю про себя.

— Кити!—послышался голосъ матери:—поди сюда, покажи папа свои корольки.

Кити съ гордымъ видомъ, не помирившись съ своимъ другомъ, взяла со стола корольки въ коробочкѣ и пошла къ матери.

— Что съ тобой? Что ты такая красная?—сказали ей мать и отецъ въ одинъ голосъ.

— Ничего,—отвѣчала она,—я сейчасъ приду,—и побѣжала назадъ.

„Она еще тутъ! — думала она. — Что я скажу ей, Боже мой! Что я надѣлала, что я говорила! За что я обидѣла ее? Что мнѣ дѣлать? Что я скажу ей?“ думала Кити и остановилась у двери.

Варенька, въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, сидѣла

у стола, разсматривая пружину, которую сломала Кити. Она подняла голову.

— Варенька, простите меня, простите!—прошептала Кити, подходя къ ней.—Я не помню, что я говорила. Я...

— Я, право, не хотѣла васъ огорчать,—сказала Варенька, улыбаясь.

Миръ былъ заключенъ. Но съ пріѣздомъ отца для Кити измѣнился весь тотъ міръ, въ которомъ она жила. Она не отреклась отъ всего того, что узнала, но поняла, что она себя обманывала, думая, что можетъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть. Она какъ будто очнулась, почувствовалала всю трудность безъ притворства и хвастовства удержаться на той высотѣ, на которую она хотѣла подняться; кромѣ того, она почувствовала всю тяжесть этого міра горя, болѣзней, умирающихъ, въ которомъ она жила; ей мучительны показались тѣ усилія, которыя она дѣлала надъ собой, чтобы любить это, и поскорѣе захотѣлось на свѣжій воздухъ, въ Россію, въ Покровское, куда, какъ она узнала изъ письма, переѣхала ужъ ея сестра Долли съ дѣтьми.

Но любовь ея къ Варенькѣ не ослабѣла. Прощаясь, Кити упрашивала ее пріѣхать къ нимъ въ Россію.

— Я пріѣду, когда вы выйдете замужъ,—сказала Варенька.

— Я никогда не выйду.

— Ну, такъ я никогда не пріѣду.

— Ну, такъ я только для этого выйду замужъ. Смотрите же, помните обѣщаніе!—сказала Кити.

Предсказанія доктора оправдались. Кити возвратилась домой, въ Россію, излѣченная. Она не была такъ беззаботна и весела, какъ прежде, но была спокойна. Московскія горести ея стали воспоминаніемъ.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

АННА КАРЕНИНА.

Томъ II.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1889.

UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

АННА КАРЕНИНА.

1873—1876.

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

АННА КАРЕНИНА.

1873—1876.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ хотѣлъ отдохнуть отъ умственной работы и, вмѣсто того чтобы отправиться, по обыкновенію, за границу, пріѣхалъ въ концѣ мая въ деревню къ брату. По его убѣжденіямъ, самая лучшая жизнь была деревенская. Онъ пріѣхалъ теперь наслаждаться этою жизнью къ брату. Константинъ Левинъ былъ очень радъ, тѣмъ болѣе, что онъ не ждалъ уже въ это лѣто брата Николая. Но, несмотря на свою любовь и уваженіе къ Сергѣю Ивановичу, Константину Левину было въ деревнѣ неловко съ братомъ. Ему неловко, даже непріятно было видѣть отношеніе брата къ деревнѣ. Для Константина Левина деревня была мѣсто жизни, то-есть радостей, страданій, труда; для Сергѣя Ивановича деревня была, съ одной стороны, отдыхъ отъ труда, съ другой—полезное про-

тновядіе испорченности, которое онъ принималъ съ удовольствіемъ и сознаніемъ его пользы. Для Константина Левина деревня была тѣмъ хороша, что она представляла поприще для труда несомнѣнно полезнаго; для Сергѣя Ивановича деревня была особенно хороша тѣмъ, что тамъ можно и должно ничего не дѣлать. Кромѣ того, и отношеніе Сергѣя Ивановича къ народу нѣсколько коробило Константина. Сергѣй Ивановичъ говорилъ, что онъ любитъ и знаетъ народъ, и часто бесѣдовалъ съ мужиками, что̀ онъ умѣлъ дѣлать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и изъ каждой такой бесѣды выводилъ общія данныя въ пользу народа и въ доказательство, что зналъ этотъ народъ. Такое отношеніе къ народу не нравилось Константину Левину. Для Константина народъ былъ только главный участникъ въ общемъ трудѣ, и, несмотря на все уваженіе и какую-то кровную любовь къ мужику, всосанную имъ, какъ онъ самъ говорилъ, вѣроятно съ молокомъ бабы-кормилицы, онъ, какъ участникъ съ нимъ въ общемъ дѣлѣ, иногда приходившій въ восхищеніе отъ силы, кротости, справедливости этихъ людей, очень часто, когда въ общемъ дѣлѣ требовались другія качества, приходилъ въ озлобленіе на народъ за его безпечность, неряшливость, пьянство, ложь. Константинъ Левинъ, еслибъ у него спросили, любитъ ли онъ народъ, рѣшительно не зналъ бы, какъ на это отвѣтить. Онъ любилъ и не любилъ народъ такъ же, какъ и вообще людей. Разумѣется, какъ добрый человѣкъ, онъ больше любилъ, чѣмъ не любилъ людей, а потому и народъ. Но любить или не любить народъ, какъ что-то особенное, онъ не могъ, потому что не только жилъ съ народомъ, не только всѣ его интересы были связаны

съ народомъ, но онъ считалъ и самого себя частью народа, не видѣлъ въ себѣ и народѣ никакихъ особенныхъ качествъ и недостатковъ и не могъ противопоставлять себя народу. Кромѣ того, хотя онъ долго жилъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужикамъ, какъ хозяинъ и посредникъ, а главное—какъ совѣтчикъ (мужики вѣрили ему и ходили верстъ за сорокъ къ нему совѣтоваться), онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго сужденія о народѣ, и на вопросъ: знаетъ ли онъ народъ, былъ бы въ такомъ же затрудненіи отвѣтить, какъ на вопросъ: любитъ ли онъ народъ? Сказать, что онъ знаетъ народъ, было бы для него то же самое, что сказать, что онъ знаетъ людей. Онъ постоянно наблюдалъ и узнавалъ всякаго рода людей, и въ томъ числѣ людей-мужиковъ, которыхъ онъ считалъ хорошими и интересными людьми, и безпрестанно замѣчалъ въ нихъ новыя черты, измѣнялъ о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя. Сергѣй Ивановичъ—напротивъ. Точно такъ же, какъ онъ любилъ и хвалилъ деревенскую жизнь въ противоположность той, которой онъ не любилъ, точно такъ же и народъ любилъ онъ въ противоположность тому классу людей, котораго онъ не любилъ, и точно такъ же онъ зналъ народъ, какъ что-то противоположное вообще людямъ. Въ его методическомъ умѣ ясно сложились опредѣленныя формы народной жизни, выведенныя отчасти изъ самой народной жизни, но преимущественно изъ противоположенія. Онъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія о народѣ и сочувственнаго къ нему отношенія.

Въ случавшихся между братьями разногласіяхъ при сужденіи о народѣ Сергѣй Ивановичъ всегда побѣждалъ брата именно тѣмъ, что у Сергѣя Ивановича были опредѣ-

ленныя понятія о народѣ, его характерѣ, свойствахъ и вкусахъ; у Константина же Левина никакого опредѣленнаго и неизмѣннаго понятія не было, такъ что въ этихъ спорахъ Константинъ былъ уличаемъ въ противорѣчіи самому себѣ.

Для Сергѣя Ивановича меньшой братъ его былъ славный малый, съ сердцемъ, *поставленнымъ хорошо* (какъ онъ выражался по-французски), но съ умомъ хотя и довольно быстрымъ, однако подчиненнымъ впечатлѣніямъ минуты и потому исполненнымъ противорѣчій. Со снисходительностью старшаго брата онъ иногда объяснялъ ему значеніе вещей, но не могъ находить удовольствія спорить съ нимъ, потому что слишкомъ легко разбивалъ его.

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на брата какъ на человѣка огромнаго ума и образованія, благороднаго въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и одареннаго способностью дѣятельности для общаго блага. Но въ глубинѣ своей души, чѣмъ старше онъ становился и чѣмъ ближе узнавалъ своего брата, тѣмъ чаще и чаще ему приходило въ голову, что эта способность дѣятельности для общаго блага, которой онъ чувствовалъ себя совершенно лишеннымъ, можетъ-быть и не есть качество, а напротивъ—недостатокъ чего-то,—не недостатокъ добрыхъ, честныхъ, благородныхъ желаній и вкусовъ, но недостатокъ силы жизни,—того, что называютъ сердцемъ, того стремленія, которое заставляетъ человѣка изъ всѣхъ безчисленныхъ представляющихся путей жизни выбрать одинъ и желать этого одного. Чѣмъ больше онъ узнавалъ брата, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что и Сергѣй Ивановичъ, и многіе другіе дѣятели для общаго блага — не сердцемъ были приведены къ этой любви къ

общему благу, но умомъ разсудили, что заниматься этимъ хорошо, и только потому занимались этимъ. Въ этомъ предположенія утвердило Левина еще и то замѣчаніе, что братъ его нисколько не больше принималъ къ сердцу вопросы объ общемъ благѣ и о безсмертіи души, чѣмъ о шахматной партіи или объ остроумномъ устройствѣ новой машины.

Кромѣ того, Константину Левину было въ деревнѣ неловко съ братомъ еще и оттого, что въ деревнѣ, особенно лѣтомъ, Левинъ бывалъ постоянно занятъ хозяйствомъ, и ему недоставало длиннаго лѣтняго дня для того, чтобы передѣлать все, что нужно, а Сергѣй Ивановичъ отдыхалъ. Но хотя онъ и отдыхалъ теперь, то-есть не работалъ надъ своимъ сочиненіемъ, онъ такъ привыкъ къ умственной дѣятельности, что любилъ высказывать въ красивой, сжатой формѣ приходившія ему мысли и любилъ, чтобы было кому слушать. Самый же обыкновенный и естественный слушатель его былъ братъ. И потому, несмотря на дружескую простоту ихъ отношеній, Константину неловко было оставлять его одного. Сергѣй Ивановичъ любилъ лечь въ траву на солнцѣ и лежать такъ, жарясь, и лѣниво болтать.

— Ты не повѣришь, — говорилъ онъ брату,—какое для меня наслажденіе эта хохлацкая лѣнь. Ни одной мысли въ головѣ, хоть шаромъ покати.

Но Константину Левину скучно было сидѣть и слушать его, особенно потому, что онъ зналъ, что безъ него возятъ навозъ на неразлѣшенное поле и навалятъ Богъ знаетъ какъ, если не посмотрѣть, и рѣзцы въ плугахъ не завинтятъ, а поснимаютъ, и потомъ скажутъ, что плуги—выдумка пустая, и то ли дѣло соха Андреевна и т. п.

— Да будетъ тебѣ ходить по жарѣ,—говорилъ ему Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, мнѣ только на минутку забѣжать въ контору,—говорилъ Левинъ и убѣгалъ въ поле.

II.

Въ первыхъ числахъ іюня случилось, что няня и экономка Агаѳья Михайловна понесла въ подвалъ баночку съ только-что посоленными ею грибками, поскользнулась, упала и свихнула руку въ кисти. Пріѣхалъ молодой, болтливый, только-что кончившій курсъ студентъ, земскій врачъ. Онъ осмотрѣлъ руку, сказалъ, что она не вывихнута, наслаждался бесѣдой со знаменитымъ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ и разсказывалъ ему, чтобы выказать свой просвѣщенный взглядъ на вещи, всѣ уѣздныя сплетни, жалуясь на дурное положеніе земскаго дѣла. Сергѣй Ивановичъ внимательно слушалъ, распрашивалъ и, возбуждаемый новымъ слушателемъ, разговорился, высказалъ нѣсколько мѣткихъ и вѣскихъ замѣчаній, почтительно оцѣненныхъ молодымъ докторомъ, и пришелъ въ свое, знакомое брату, оживленное состояніе духа, въ которое онъ обыкновенно приходилъ послѣ блестящаго и оживленнаго разговора. Послѣ отъѣзда доктора онъ пожелалъ ѣхать съ удочкой на рѣку. Сергѣй Ивановичъ любилъ удить рыбу и какъ будто гордился тѣмъ, что можетъ любить такое глупое занятіе.

Константинъ Левинъ, которому нужно было на пахоту и на луга, вызвался довезти брата въ кабріолетѣ.

Было то время года, перевалъ лѣта, когда урожай ны-

нѣшняго года уже опредѣлился; когда начинаются заботы о посѣвѣ будущаго года и подошли покосы; когда рожь вся выколосилась и, сѣро-зеленая, не налитымъ, еще легкимъ колосомъ волнуется по вѣтру; когда зеленые овсы, съ расkиданными по нимъ кустами желтой травы, неровно выкидываются по позднимъ посѣвамъ; когда ранняя гречиха уже лопушится, скрывая землю; когда, убитые въ камень скотиной пары, съ оставленными дорогами, которыя не беретъ соха, вспаханы до половины; когда присохшія вывезенныя кучи навоза пахнутъ по зарямъ вмѣстѣ съ медовыми травами и на низахъ, ожидая косы, стоятъ сплошнымъ моремъ береженые луга съ чернѣющимися кучами стеблей выполотаго щавельника.

Было то время, когда въ сельской работѣ наступаетъ короткая передышка передъ началомъ ежегодно повторяющейся и ежегодно вызывающей всѣ силы народа уборки. Урожай былъ прекрасный, и стояли ясные, жаркіе лѣтніе дни, съ росистыми короткими ночами.

Братья должны были проѣхать черезъ лѣсъ, чтобы подъѣхать къ лугамъ. Сергѣй Ивановичъ любовался все время красотою заглохшаго отъ листвы лѣса, указывая брату то на темную съ тѣнистой стороны, пестрѣющую желтыми прилистниками, готовящуюся къ цвѣту, старую липу, то на изумрудомъ блестящіе молодые побѣги деревьевъ нынѣшняго года. Константинъ Левинъ не любилъ говорить и слушать про красоты природы. Слова снимали для него красоту съ того, что онъ видѣлъ. Онъ поддакивалъ брату, но невольно сталъ думать о другомъ. Когда они проѣхали лѣсъ, все вниманіе его поглотилось видомъ пароваго поля на бугрѣ, гдѣ желтѣющаго травой, гдѣ сбитаго и изрѣзаннаго клѣт-

ками, гдѣ уваленнаго кучами, а гдѣ и вспаханнаго. По полю ѣхали вереницей телѣги. Левинъ сосчиталъ телѣги и остался доволенъ тѣмъ, что вывезется все, что нужно, и мысли его перешли, при видѣ луговъ, на вопросъ о покосѣ. Онъ всегда испытывалъ что-то особенно забирающее за живое въ уборкѣ сѣна. Подъѣхавъ къ лугу, Левинъ остановилъ лошадь.

Утренняя роса еще оставалась внизу на густомъ подсѣдѣ травы, и Сергѣй Ивановичъ, чтобы не мочить ноги, попросилъ довезти себя по лугу въ кабріолетѣ до того ракитоваго куста, у котораго брались окуни. Какъ ни жалко было Константину Левину мять свою траву, онъ въѣхалъ въ лугъ. Высокая трава мягко обвивалась около колесъ и ногъ лошади, оставляя свои сѣмена на мокрыхъ спицахъ и ступицахъ.

Братъ сѣлъ подъ кустомъ, разобравъ удочки, а Левинъ отвелъ лошадь, привязалъ ее и вошелъ въ недвижимое вѣтромъ огромное сѣро-зеленое море луга. Шелковистая съ выспѣвающими сѣменами трава была почти по поясъ на заливномъ мѣстѣ.

Перейдя лугъ поперекъ, Константинъ Левинъ вышелъ на дорогу и встрѣтилъ старика со опухшимъ глазомъ, несшаго роевню со пчелами.

— Что, или поймалъ, Ѳомичъ?—спросилъ онъ.

— Какое поймалъ, Константинъ Митричъ! Только бы своихъ уберечь. Ушелъ вотъ второй разъ другакъ... Спасибо, ребята доскакали,—у васъ пашутъ,—отпрягли лошадь, доскакали...

— Ну, что скажешь, Ѳомичъ,—косить или подождать?

— Да что-жъ! По-нашему, до Петрова дня подождать,

а вы раньше всегда косите. Что-жъ, Богъ дастъ, травы добрыя. Скотинѣ просторъ будетъ.

— А погода, какъ думаешь?

— Дѣло Божье,—можетъ и погода будетъ.

Левинъ подошелъ къ брату.

Ничего не ловилось, но Сергѣй Ивановичъ не скучалъ и казался въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Левинъ видѣлъ, что, раззадоренный разговоромъ съ докторомъ, онъ хотѣлъ поговорить. Левину же, напротивъ, хотѣлось скорѣе домой, чтобы распорядиться о вызовѣ косцовъ къ завтраму и рѣшить сомнѣніе насчетъ покоса, которое сильно занимало его.

— Что-жъ, поѣдемъ,—сказалъ онъ.

— Куда же торопиться? Посидимъ. Какъ ты измокъ однако! Хоть не ловится, но хорошо. Всякая охота тѣмъ хороша, что имѣешь дѣло съ природой. Ну, что за прелесть эта стальная вода!—сказалъ онъ.—Эти берега луговые,—продолжалъ онъ, — всегда напоминаютъ мнѣ загадку,—знаешь? Трава говоритъ водѣ: а мы пошатаемся, пошатаемся.

— Я не знаю этой загадки,—уныло отвѣчалъ Левинъ.

III.

— А знаешь, я о тебѣ думалъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Это ни на что не похоже, что у васъ дѣлается въ уѣздѣ, какъ мнѣ поразсказалъ этотъ докторъ; онъ очень неглупый малый. И я тебѣ говорилъ и говорю: нехорошо, что ты не ѣздишь на собранія и вообще устранился отъ земскаго дѣла. Если порядочные люди будутъ удаляться, — разумѣется, все пойдетъ Богъ знаетъ какъ. Деньги мы пла-

тимъ, онѣ идутъ на жалованья, а нѣтъ ни школъ, ни фельдшеровъ, ни повивальныхъ бабокъ, ни аптекъ, ничего нѣтъ.

— Вѣдь я пробовалъ,—тихо и неохотно отвѣчалъ Левинъ,—не могу! Ну, что-жъ дѣлать?

— Да чего ты не можешь? Я, признаюсь, не понимаю. Равнодушія, неумѣнья—я не допускаю; неужели просто лѣнь?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я пробовалъ и вижу, что ничего не могу сдѣлать,—сказалъ Левинъ.

Онъ мало вникалъ въ то, что говорилъ братъ. Вглядываясь за рѣку на пашню, онъ различалъ что-то черное, но не могъ разобрать: лошадь это или прикащикъ верхомъ.

— Отчего же ты не можешь ничего сдѣлать? Ты сдѣлалъ попытку, и не удалось по-твоему, и ты покоряешься? Какъ не имѣть самолюбія!

— Самолюбія,—сказалъ Левинъ, задѣтый за живое словами брата,—я не понимаю. Когда бы въ университетѣ мнѣ сказали, что другіе понимаютъ интегральное вычисленіе, а я не понимаю, тутъ самолюбіе. Но тутъ надо быть убѣжденнымъ прежде, что нужно имѣть извѣстныя способности для этихъ дѣлъ, и главное—въ томъ, что всѣ эти дѣла важны очень.

— Такъ что-жъ, развѣ это не важно?—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, задѣтый за живое и тѣмъ, что братъ его находилъ неважнымъ то, что его занимало, и въ особенности тѣмъ, что онъ, очевидно, почти не слушалъ его.

— Мнѣ не кажется важнымъ, не забираетъ меня, что-жъ ты хочешь?—отвѣчалъ Левинъ, разобравъ, что то, что онъ видѣлъ, былъ прикащикъ, и что прикащикъ, вѣроятно, спустилъ мужиковъ съ пахоты. Они перевертывали сохи. „Неужели уже отпахались?“ подумалъ онъ

— Ну, послушай, однако,—нахмуривъ свое красивое, умное лицо, сказалъ старшій братъ,—есть границы всему. Это очень хорошо быть чудакомъ и искреннимъ человѣкомъ и не любить фальши,—я все это знаю; но вѣдь то, что ты говоришь, или не имѣетъ смысла, или имѣетъ очень дурной смыслъ. Какъ ты находишь неважнымъ, что тотъ народъ, который ты любишь, какъ ты увѣряешь...

„Я никогда не увѣрялъ“, подумалъ Константинъ Левинъ.

— ...Мретъ безъ помощи? Грубыя бабки замариваютъ дѣтей, и народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, и остается во власти всякаго писаря, а тебѣ дано въ руки средство помочь этому и ты не помогаешь, потому что по-твоему это неважно.

И Сергѣй Ивановичъ поставилъ ему дилемму: или ты такъ не развитъ, что не можешь видѣть всего, что можешь сдѣлать,—или ты не хочешь поступиться своимъ спокойствіемъ, тщеславіемъ, я не знаю чѣмъ, чтобъ это сдѣлать.

Константинъ Левинъ чувствовалъ, что ему остается только покориться или признаться въ недостаткѣ любви къ общему дѣлу. И его это оскорбило и огорчило.

— И то и другое,—сказалъ онъ рѣшительно;—я не вижу, чтобы можно было...

— Какъ? Нельзя, хорошо размѣстивъ деньги, дать врачебную помощь?

— Нельзя, какъ мнѣ кажется... На четыре тысячи квадратныхъ верстъ нашего уѣзда, съ нашими зажорами, метелями, рабочею порой, я не вижу возможности давать повсемѣстно врачебную помощь. Да и вообще не вѣрю въ медицину.

— Ну, позволь, это несправедливо... Я тебѣ тысячи примѣровъ назову... Ну, а школы?

— Зачѣмъ школы?

— Что ты говоришь? Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ образованія? Если оно хорошо для тебя, то и для всякаго.

Константинъ Левинъ чувствовалъ себя нравственно припертымъ къ стѣнѣ и потому разгорячился и высказалъ невольно главную причину своего равнодушія къ общему дѣлу.

— Можетъ быть все это хорошо; но мнѣ-то зачѣмъ заботиться объ учрежденіи пунктовъ медицинскихъ, которыми я никогда не пользуюсь, и школъ, куда я своихъ дѣтей не буду посылать, куда и крестьяне не хотятъ посылать дѣтей, и я еще не твердо вѣрю, что нужно ихъ посылать?—сказалъ онъ.

Сергѣя Ивановича на минуту удивило это неожиданное воззрѣніе на дѣло, но онъ тотчасъ составилъ новый планъ атаки.

Онъ помолчалъ, вынулъ одну удочку, перекинулъ и, улыбаясь, обратился къ брату.

— Ну, позволь... Вопервыхъ, пунктъ медицинскій понадобился. Вотъ мы для Агаѳьи Михайловны послали за земскимъ докторомъ.

— Ну, я думаю, что рука останется кривою.

— Это еще вопросъ... Потомъ грамотный мужикъ - работникъ тебѣ же нужнѣе и дороже.

— Нѣтъ, у кого хочешь спроси,—рѣшительно отвѣчалъ Константинъ Левинъ:—грамотный, какъ работникъ, гораздо хуже. И дорогъ починить нельзя, а мосты какъ поставятъ, такъ и украдутъ.

— Впрочемъ,—нахмурившись сказалъ Сергѣй Ивановичъ, не любившій противорѣчій и въ особенности такихъ, которыя безпрестанно перескакивали съ одного на другое и безъ всякой связи вводили новые доводы, такъ что нельзя было знать, на что отвѣчать,—впрочемъ, не въ томъ дѣло. По-

зволь. Признаешь ли ты, что образованіе есть благо для народа?

— Признаю,—сказалъ Левинъ нечаянно и тотчасъ же подумалъ, что онъ сказалъ не то, что думаетъ. Онъ чувствовалъ, что если онъ признаетъ это, ему будетъ доказано, что онъ говоритъ пустяки, не имѣющіе никакого смысла. Какъ это будетъ ему доказано, онъ не зналъ, но зналъ, что это несомнѣнно логически будетъ ему доказано, и онъ ждалъ этого доказательства.

Доводъ вышелъ гораздо проще, чѣмъ того ожидалъ Константинъ Левинъ.

— Если ты признаешь это благомъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—то ты, какъ честный человѣкъ, не можешь не любить и не сочувствовалъ такому дѣлу и, потому, не желать работать для него.

— Но я еще не признаю этого дѣла хорошимъ, — покраснѣвъ,—сказалъ Константинъ Левинъ.

— Какъ? Да ты сейчасъ сказалъ...

— То-есть я не признаю его ни хорошимъ, ни возможнымъ.

— Этого ты не можешь знать, не сдѣлавъ усилій.

— Ну, положимъ,—сказалъ Левинъ, хотя вовсе не полагалъ этого,—положимъ, что это такъ; но я все-таки не вижу, для чего я буду объ этомъ заботиться.

— То есть какъ?

— Нѣтъ, ужъ если мы разговорились, то объясни мнѣ съ философской точки зрѣнія,—сказалъ Левинъ.

— Я не понимаю, къ чему тутъ философія,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, какъ показалось Левину, такимъ тономъ, какъ будто онъ не признавалъ права брата разсуждать о философіи. И это раздражило Левина.

— Вотъ къ чему!—горячась заговорилъ онъ.—Я думаю, что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть все-таки личное счастіе.—Теперь въ земскихъ учрежденіяхъ я, какъ дворянинъ, не вижу ничего, что̀ бы содѣйствовало моему благосостоянію. Дороги не лучше, и не могутъ быть лучше; лошади мои везутъ меня и по дурнымъ. Доктора и пункта мнѣ не нужно. Мировой судья мнѣ не нуженъ,—я никогда не обращаюсь къ нему и не обращусь. Школы мнѣ не только не нужны, но даже вредны, какъ я тебѣ говорилъ. Для меня земскія учрежденія просто повинность платить восемнадцать копѣекъ съ десятины, ѣздить въ городъ, ночевать съ клопами и слушать всякій вздоръ и гадости, а личный интересъ меня не побуждаетъ.

— Позволь,—перебилъ съ улыбкой Сергѣй Ивановичъ:—личный интересъ не побуждалъ насъ работать для освобожденія крестьянъ, а мы работали.

— Нѣтъ!—все болѣе горячась, перебилъ Константинъ.—Освобожденіе крестьянъ было другое дѣло. Тутъ былъ личный интересъ. Хотѣлось сбросить съ себя это ярмо, которое давило насъ, всѣхъ хорошихъ людей. Но быть гласнымъ, разсуждать о томъ, сколько золотарей нужно и какъ трубы провести въ городѣ, гдѣ я не живу,—быть присяжнымъ и судить мужика, укравшаго ветчину, и шесть часовъ слушать всякій вздоръ, который мелютъ защитники и прокуроры, и какъ предсѣдатель спрашиваетъ у моего старика Алешки-дурачка: „признаете ли вы, господинъ подсудимый, фактъ похищенія ветчины?“—„Ась?“

Константинъ Левинъ уже отвлекся, сталъ представлять предсѣдателя и Алешку-дурачка; ему казалось, что это все идетъ къ дѣлу.

Но Сергѣй Ивановичъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ что ты хочешь сказать?

— Я только хочу сказать, что тѣ права, которыя меня... мой интересъ затрогиваютъ, я буду всегда защищать всѣми силами; что когда у насъ, у студентовъ, дѣлали обыскъ и читали наши письма жандармы, я готовъ былъ всѣми силами защищать эти права, защищать мои права образованія, свободы. Я понимаю военную повинность, которая затрогиваетъ судьбу моихъ дѣтей, братьевъ и меня самого; я готовъ обсуждать то, что меня касается, но судить, куда распредѣлить сорокъ тысячъ земскихъ денегъ, или Алешку-дурачка судить,—я не понимаю и не могу.

Константинъ Левинъ говорилъ такъ, какъ будто прорвало плотину его словъ. Сергѣй Ивановичъ улыбнулся.

— А завтра ты будешь судиться: что же, тебѣ пріятнѣе было бы, чтобы тебя судили въ старой уголовной палатѣ?

— Я не буду судиться. Я никого не зарѣжу, и мнѣ этого не нужно. Ну ужъ,—продолжалъ онъ, опять перескакивая къ совершенно неидущему къ дѣлу,—наши земскія учрежденія и все это похоже на березки, которыя мы натыкали, какъ въ Троицынъ день, для того, чтобы было похоже на лѣсъ, который самъ выросъ въ Европѣ,—и не могу я отъ души поливать и вѣрить въ эти березки.

Сергѣй Ивановичъ пожалъ только плечами, выражая этимъ жестомъ удивленіе тому, откуда теперь явились въ ихъ спорѣ эти березки, хотя онъ тотчасъ же понялъ то, что хотѣлъ сказать этимъ его братъ.

— Позволь, вѣдь этакъ нельзя разсуждать,—замѣтилъ онъ. Но Константину Левину хотѣлось оправдаться въ томъ не-

достаткѣ, который онъ зналъ за собой, въ равнодушіи къ общему благу, и онъ продолжалъ:

— Я думаю,—сказалъ Константинъ,—что никакая дѣятельность не можетъ быть прочна, если она не имѣетъ основы въ личномъ интересѣ. Это общая истина, философская,—сказалъ онъ, съ рѣшительностью повторяя слово *философская*, какъ будто желая показать, что онъ тоже имѣетъ право, какъ и всякій, говорить о философіи.

Сергѣй Ивановичъ еще разъ улыбнулся. „И у него тамъ тоже какая-то своя философія есть на службу своихъ наклонностей", подумалъ онъ.

— Ну, ужъ о философіи ты оставь,—сказалъ онъ.—Главная задача философіи всѣхъ вѣковъ состоитъ именно въ томъ, чтобы найдти ту необходимую связь, которая существуетъ между личнымъ интересомъ и общимъ. Но это не къ дѣлу, а къ дѣлу то, что мнѣ только нужно поправить твое сравненіе. Березки не натыканы; а которыя посажены, которыя посѣяны, и съ ними надо обращаться осторожнѣе. Только тѣ народы имѣютъ будущность, только тѣ народы можно назвать историческими, которые имѣютъ чутье къ тому, что важно и значительно въ ихъ учрежденіяхъ, и дорожатъ ими.

И Сергѣй Ивановичъ перенесъ вопросъ въ область философски-историческую, недоступную для Константина Левина, и показалъ ему всю несправедливость его взгляда.

— Что же касается до того, что тебѣ это не нравится, то извини меня,—это наша русская лѣнь и барство, а я увѣренъ, что у тебя это—временное заблужденіе, и пройдетъ.

Константинъ молчалъ. Онъ чувствовалъ, что онъ разбитъ со всѣхъ сторонъ, но онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ,

что то, что онъ хотѣлъ сказать, было не понято его братомъ. Онъ не зналъ только, почему это было не понято: потому ли, что онъ не умѣлъ сказать ясно то, что хотѣлъ, потому ли, что братъ не хотѣлъ, или потому, что не могъ его понять. Но онъ не сталъ углубляться въ эти мысли и, не возражая брату, задумался о совершенно другомъ, личномъ своемъ дѣлѣ.

Сергѣй Ивановичъ замоталъ послѣднюю удочку, отвязалъ лошадь и они поѣхали.

IV.

Личное дѣло, занимавшее Левина во время разговора его съ братомъ, было слѣдующее: въ прошломъ году, пріѣхавъ однажды на покосъ и разсердившись на прикащика, Левинъ употребилъ свое средство успокоенія—взялъ у мужика косу и сталъ косить.

Работа эта такъ понравилась ему, что онъ нѣсколько разъ принимался косить, выкосилъ весь лугъ передъ домомъ и нынѣшній годъ съ самой весны составилъ себѣ планъ—косить съ мужиками цѣлые дни. Со времени пріѣзда брата онъ былъ въ раздумьи: косить или нѣтъ? Ему совѣстно было оставлять брата одного по цѣлымъ днямъ, и онъ боялся, чтобы братъ не посмѣялся надъ нимъ за это. Но, пройдясь по лугу, вспомнивъ впечатлѣнія косьбы, онъ уже почти рѣшилъ, что будетъ косить. Послѣ же раздражительнаго разговора съ братомъ онъ опять вспомнилъ это намѣреніе.

„Нужно физическое движеніе, а то мой характеръ рѣшительно портится“, подумалъ онъ, и рѣшился косить, какъ ни неловко это будетъ ему передъ братомъ и народомъ.

Съ вечера Константинъ Левинъ пошелъ въ контору, сдѣлалъ распоряженія о работахъ и послалъ по деревнямъ

вызвать на-завтра косцовъ, съ тѣмъ чтобы косить Калиновый лугъ, самый большой и лучшій.

— Да мою косу пошлите, пожалуйста, къ Титу, чтобъ онъ отбилъ и вынесъ завтра: я можетъ-быть буду самъ косить тоже,—сказалъ онъ, стараясь не конфузиться.

Прикащикъ улыбнулся и сказалъ:

— Слушаю съ.

Вечеромъ за чаемъ Левинъ сказалъ и брату.

— Кажется, погода установилась,—сказалъ онъ.—Завтра я начинаю косить.

— Я очень люблю эту работу,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я ужасно люблю. Я самъ косилъ иногда съ мужиками и завтра хочу цѣлый день косить.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на брата.

— То-есть какъ? Наравнѣ съ мужиками, цѣлый день?

— Да, это очень пріятно,—сказалъ Левинъ.

— Это прекрасно, какъ физическое упражненіе, только едва ли ты можешь это выдержать,—безъ всякой насмѣшки сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я пробовалъ. Сначала тяжело, потомъ втягиваешься. Я думаю, что не отстану...

— Вотъ какъ! Но скажи, какъ мужики смотрятъ на это? Должно-быть посмѣиваются, что чудитъ баринъ.

— Нѣтъ, не думаю, но это такая веселая и вмѣстѣ трудная работа, что некогда думать.

— Но какъ же ты обѣдать съ ними будешь? Туда лафиту тебѣ прислать и индюшку жареную уже неловко.

— Нѣтъ, я только въ одно время съ ихъ отдыхомъ пріѣду домой.

На другое утро Константинъ Левинъ всталъ раньше обыкновеннаго, но хозяйственныя распоряженія задержали его, и когда онъ пріѣхалъ на покосъ, косцы шли уже по второму ряду.

Еще съ горы открылась ему подъ горою тѣнистая, уже скошенная часть луга, съ сѣрѣющими рядами и черными кучками кафтановъ, снятыхъ косцами на томъ мѣстѣ, откуда они зашли первый рядъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ подъѣзжалъ, ему открывались шедшіе другъ за другомъ растянутою вереницей и различно махавшіе косами мужики, кто въ кафтанахъ, кто въ однѣхъ рубахахъ. Онъ насчиталъ ихъ сорокъ два человѣка.

Они медленно двигались по неровному низу луга, гдѣ была старая запруда. Нѣкоторыхъ своихъ Левинъ узналъ. Тутъ былъ старикъ Ермилъ въ очень длинной бѣлой рубахѣ, согнувшись махавшій косой; тутъ былъ молодой малый Васька, бывшій у Левина въ кучерахъ, съ размаха бравшій каждый рядъ. Тутъ былъ и Титъ, по косьбѣ дядька Левина, маленькій, худенькій мужичокъ. Онъ не сгибаясь шелъ передомъ, какъ бы играя косой, срѣзывая свой широкій рядъ.

Левинъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее у дороги, сошелся съ Титомъ, который, доставъ изъ куста вторую косу, подалъ ее.

— Готова, баринъ, брѣетъ, сама коситъ,—сказалъ Титъ, съ улыбкой снимая шапку и подавая ему косу.

Левинъ взялъ косу и сталъ примѣриваться. Кончившіе свои ряды, потные и веселые косцы выходили одинъ за другимъ на дорогу и, посмѣиваясь, здоровались съ бариномъ. Они всѣ глядѣли на него, но никто ничего не говорилъ до тѣхъ поръ, пока вышедшій на дорогу высокій ста-

рикъ со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ, въ овчинной курткѣ, не обратился къ нему.

— Смотри, баринъ, взялся за гужъ, не отставать!—сказалъ онъ, и Левинъ услыхалъ сдержанный смѣхъ между косцами.

— Постараюсь не отстать,—сказалъ онъ, становясь за Титомъ и выжидая времени начинать.

— Мотри,—повторилъ старикъ.

Титъ освободилъ мѣсто, и Левинъ пошелъ за нимъ. Трава была низкая, придорожная, и Левинъ, давно не косившій и смущенный обращенными на себя взглядами, въ первыя минуты косилъ дурно, хотя и махалъ сильно. Сзади его послышались голоса:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь ему сгибаться какъ,—сказалъ одинъ.

— Пяткой больше налягай,—сказалъ другой.

— Ничего, ладно, настрыкается,—продолжалъ старикъ.— Вишь пошелъ... Широкъ рядъ берешь, умаешься... Хозяинъ, нельзя, для себя старается!... А вишь подрядье-то!... За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левинъ, слушая, но не отвѣчая, стараясь косить какъ можно лучше, шелъ за Титомъ. Они прошли шаговъ сто. Титъ все шелъ, не останавливаясь, не выказывая ни малѣйшей усталости; но Левину уже страшно становилось, что онъ не выдержитъ,—такъ онъ усталъ.

Онъ чувствовалъ, что махаетъ изъ послѣднихъ силъ, и рѣшился просить Тита остановиться. Но въ это самое время Титъ самъ остановился и, нагнувшись, взялъ травы, отеръ косу и сталъ точить. Левинъ расправился и, вздохнувъ, оглянулся. Сзади его шелъ мужикъ и очевидно также усталъ, потому что сейчасъ же, не доходя Левина, остановился и

принялся точить. Титъ наточилъ свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На второмъ пріемѣ было то же. Титъ шелъ махъ за махомъ, не останавливаясь и не уставая. Левинъ шелъ за нимъ, стараясь не отставать, и ему становилось все труднѣе и труднѣе: наступала минута, когда онъ чувствовалъ, что у него не остается болѣе силъ, но въ это самое время Титъ останавливался и точилъ.

Такъ они прошли первый рядъ. И длинный рядъ этотъ показался особенно труденъ Левину; но за то, когда рядъ былъ дойденъ и Титъ, вскинувъ на плечо косу, медленнымъ шагомъ пошелъ заходить по слѣдамъ, оставленнымъ его каблуками по прокосу, и Левинъ точно также пошелъ по своему прокосу,—несмотря на то, что потъ катилъ градомъ по его лицу и капалъ съ носа и вся спина его была мокра, какъ вымоченная въ водѣ,—ему было очень хорошо. Въ особенности радовало его то, что онъ зналъ теперь, что выдержитъ.

Его удовольствіе отравилось только тѣмъ, что рядъ его былъ нехорошъ. „Буду меньше махать рукой, больше всѣмъ туловищемъ", думалъ онъ, сравнивая какъ по ниткѣ обрѣзанный рядъ Тита со своимъ раскиданнымъ и неровно лежащимъ рядомъ.

Первый рядъ, какъ замѣтилъ Левинъ, Титъ шелъ особенно быстро, вѣроятно желая попытать барина, и рядъ попался длиненъ. Слѣдующіе ряды были уже легче, но Левинъ все-таки долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не отставать отъ мужиковъ.

Онъ ничего не думалъ, ничего не желалъ, кромѣ того, чтобы не отстать отъ мужиковъ и какъ можно лучше сра-

ботать. Онъ слышалъ только лязгъ косъ и видѣлъ передъ собою удалявшуюся прямую фигуру Тита, выгнутый полукругъ прокоса, медленно и волнисто склоняющіяся травы и головки цвѣтовъ около лезвія своей косы и впереди себя конецъ ряда, у котораго наступитъ отдыхъ.

Не понимая, что̀ это и откуда, въ серединѣ работы онъ вдругъ испыталъ пріятное ощущеніе холода по жаркимъ вспотѣвшимъ плечамъ. Онъ взглянулъ на небо во время натачиванья косы. Набѣжала низкая, тяжелая туча, и шелъ крупный дождь. Одни мужики пошли къ кафтанамъ и надѣли ихъ; другіе,—точно такъ же, какъ Левинъ, — только радостно пожимали плечами подъ пріятнымъ освѣженіемъ.

Прошли еще и еще рядъ. Проходили длинные, короткіе, съ хорошею, съ дурною травой ряды. Левинъ потерялъ всякое сознаніе времени и рѣшительно не зналъ, поздно или рано теперь. Въ его работѣ стала происходить теперь перемѣна, доставлявшая ему огромное наслажденіе. Въ серединѣ его работы на него находили минуты, во время которыхъ онъ забывалъ то, что дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти такъ же ровенъ и хорошъ, какъ и у Тита. Но только-что онъ вспоминалъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, и начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда и рядъ выходилъ дуренъ.

Пройдя еще одинъ рядъ, онъ хотѣлъ опять заходить, но Титъ остановился и, подойдя къ старику, что-то тихо сказалъ ему. Они оба поглядѣли на солнце. „О чемъ это они говорятъ и отчего онъ не заходитъ рядъ?“ подумалъ Левинъ, не догадываясь, что мужики не переставая косили уже не менѣе четырехъ часовъ, и имъ пора завтракать.

— Завтракать, баринъ,—сказалъ старикъ.

— Развѣ пора? Ну, завтракать.

Левинъ отдалъ косу Титу и, вмѣстѣ съ мужиками, пошедшими къ кафтанамъ за хлѣбомъ, черезъ слегка побрызганные дождемъ ряды длиннаго скошеннаго пространства, пошелъ къ лошади. Тутъ только онъ понялъ, что не угадалъ погоды, и дождь мочилъ его сѣно.

— Испортитъ сѣно,—сказалъ онъ.

— Ничего, баринъ, въ дождь коси, въ погоду греби!—сказалъ старикъ.

Левинъ отвязалъ лошадь и поѣхалъ домой пить кофе.

Сергѣй Ивановичъ только-что всталъ. Напившись кофею, Левинъ уѣхалъ опять на покосъ, прежде чѣмъ Сергѣй Ивановичъ успѣлъ одѣться и выйдти въ столовую.

V.

Послѣ завтрака Левинъ попалъ въ рядъ уже не на прежнее мѣсто, а между шутникомъ - старикомъ, который пригласилъ его въ сосѣди, и молодымъ мужикомъ, съ осени только женатымъ и пошедшимъ косить первое лѣто.

Старикъ, прямо держась, шелъ впереди, ровно и широко передвигая вывернутыя ноги, и точнымъ и ровнымъ движеніемъ, не стоившимъ ему, повидимому, болѣе труда, чѣмъ маханье руками на ходьбѣ, какъ бы играя, откладывалъ одинаковый, высокій рядъ. Точно не онъ, а одна острая коса сама вжикала по сочной травѣ.

Сзади Левина шелъ молодой Мишка. Миловидное, молодое лицо его, обвязанное по волосамъ жгутомъ свѣжей травы, все работало отъ усилій; но какъ только взглядывали

на него, онъ улыбался. Онъ видимо готовъ былъ умереть скорѣе, чѣмъ признаться, что ему трудно.

Левинъ шелъ между ними. Въ самый жаръ косьба показалась ему не такъ трудна. Обливавшій его потъ прохлаждалъ его, а солнце, жегшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крѣпость и упорство въ работѣ; и чаще и чаще приходили тѣ минуты безсознательнаго состоянія, когда можно было не думать о томъ, что дѣлаешь. Коса рѣзала сама собой. Это были счастливыя минуты. Еще радостнѣе были минуты, когда, подходя къ рѣкѣ, въ которую утыкались ряды, старикъ обтиралъ мокрою густою травой косу, полоскалъ ея сталь въ свѣжей водѣ рѣки, зачерпывалъ брусницу и угощалъ Левина.

— Ну-ка кваску моего! А, хорошъ?—говорилъ онъ, подмигивая.

И дѣйствительно, Левинъ никогда не пивалъ такого напитка, какъ эта теплая вода съ плавающею зеленью и ржавымъ, отъ жестяной брусницы, вкусомъ. И тотчасъ послѣ этого наступала блаженная, медленная прогулка съ рукой на косѣ, во время которой можно было отереть лившій потъ, вздохнуть полною грудью и оглядѣть всю тянущуюся вереницу косцовъ и то, что дѣлалось вокругъ, въ лѣсу и въ полѣ.

Чѣмъ долѣе Левинъ косилъ, тѣмъ чаще и чаще онъ чувствовалъ минуты забытья, при которомъ уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тѣло, и, какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней, работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты.

Трудно было только тогда, когда надо было прекращать

это, сдѣлавшееся безсознательнымъ, движеніе и думать, когда надо было окашивать кочку или невыполотый щавельникъ. Старикъ дѣлалъ это легко. Приходила кочка, онъ измѣнялъ движеніе и гдѣ пяткой, гдѣ концомъ косы подбивалъ кочку съ обѣихъ сторонъ коротенькими ударами. И, дѣлая это, онъ все разсматривалъ и наблюдалъ, что открывалось передъ нимъ: то онъ срывалъ кочетокъ и съѣдалъ его или угощалъ Левина, то отбрасывалъ носкомъ косы вѣтку, то оглядывалъ гнѣздышко перепелиное, съ котораго, изъ-подъ самой косы, вылетала самка, то ловилъ козюлю, попавшуюся на пути, и, какъ вилкой поднявъ ее косой, показывалъ Левину и отбрасывалъ.

И Левину, и молодому малому сзади его эти перемѣны движеній были трудны. Они оба, наладивъ одно напряженное движеніе, находились въ азартѣ работы и не въ силахъ были измѣнять движеніе и въ то же время наблюдать, что было передъ ними.

Левинъ не замѣчалъ, какъ проходило время. Еслибы спросили его, сколько времени онъ косилъ, онъ сказалъ бы, что полчаса,—а ужъ время подошло къ обѣду. Заходя рядъ, старикъ обратилъ вниманіе Левина на дѣвочекъ и мальчиковъ, которые съ разныхъ сторонъ, чуть видные, по высокой травѣ и по дорогѣ шли къ косцамъ, неся оттягивавшіе имъ ручонки узелки съ хлѣбомъ и заткнутые тряпками кувшинчики съ квасомъ.

— Вишь, козявки ползутъ! — сказалъ онъ, указывая на нихъ, и изъ-подъ руки поглядѣлъ на солнце.

Прошли еще два ряда; старикъ остановился.

— Ну, баринъ, обѣдать! — сказалъ онъ рѣшительно. И, дойдя до рѣки, косцы направились черезъ ряды къ кафта-

намъ, у которыхъ, дожидаясь ихъ, сидѣли дѣти, принесшія обѣды. Мужики собрались—дальніе подъ телѣги, ближніе—подъ ракитовый кустъ, на который накидали травы.

Левинъ подсѣлъ къ нимъ; ему не хотѣлось уѣзжать.

Всякое стѣсненіе передъ бариномъ уже давно исчезло. Мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись, молодые ребята купались въ рѣкѣ, другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба и, посыпавъ солью, сталъ на востокъ молиться.

— Ну-ка, баринъ, моей тюрьки,—сказалъ онъ, присаживаясь на колѣни передъ чашкой.

Тюрька была такъ вкусна, что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать. Онъ пообѣдалъ со старикомъ и разговорился съ нимъ о его домашнихъ дѣлахъ, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и сообщилъ ему всѣ свои дѣла и всѣ обстоятельства, которыя могли интересовать старика. Онъ чувствовалъ себя болѣе близкимъ къ нему, чѣмъ къ брату, и невольно улыбался отъ нѣжности, которую онъ испытывалъ къ этому человѣку. Когда старикъ опять всталъ, помолился и легъ тутъ же подъ кустомъ, положивъ себѣ подъ изголовье травы, Левинъ сдѣлалъ то же и, несмотря на липкихъ, упорныхъ на солнцѣ мухъ и козявокъ, щекотавшихъ его потное лицо и тѣло, заснулъ тотчасъ же и проснулся только когда солнце зашло на другую сторону куста и стало доставать его. Старикъ давно не спалъ и сидѣлъ, отбивая косы молодыхъ ребятъ.

Левинъ оглянулся вокругъ себя и не узналъ мѣста: такъ

все перемѣнилось. Огромное пространство луга было скошено и блестѣло особеннымъ, новымъ блескомъ, со своими уже пахнущими рядами на вечернихъ косыхъ лучахъ солнца. И окошенные кусты у рѣки, и сама рѣка, прежде не видная, а теперь блестящая сталью въ своихъ извивахъ, и движущійся и поднимающійся народъ, и крутая стѣна травы недокошеннаго мѣста луга, и ястреба, вившіеся надъ оголеннымъ лугомъ,—все это было совершенно ново. Очнувшись, Левинъ сталъ соображать, сколько скошено и сколько еще можно сдѣлать нынче.

Сработано было чрезвычайно много на сорокъ два человѣка. Весь большой лугъ, который при барщинѣ кашивали два дня въ тридцать косъ, былъ уже скошенъ. Нескошенными оставались углы съ короткими рядами. Но Левину хотѣлось какъ можно больше скосить въ этотъ день и досадно было на солнце, которое такъ скоро спускалось. Онъ не чувствовалъ никакой усталости; ему только хотѣлось еще и еще поскорѣе и какъ можно больше сработать.

— А что, еще скосимъ, какъ думаешь, Машкинъ Верхъ?— сказалъ онъ старику.

— Какъ Богъ дастъ, солнце не высоко. Нечто водочки ребятамъ?

Во время полдника, когда опять сѣли и курящіе закурили, старикъ объявилъ ребятамъ, что „Машкинъ Верхъ скосить—водка будетъ“.

— Эка, не скосить! Заходи, Титъ! Живо смахнемъ!

— Наѣшься ночью. Заходи!—послышались голоса и, доѣдая хлѣбъ, косцы пошли заходить.

— Ну, ребята, держись!—сказалъ Титъ, и почти рысью пошелъ передомъ.

— Иди, иди!—говорилъ старикъ, спѣя за нимъ и легко догоняя его,—срѣжу, берегись!

И молодые, и старые—какъ бы на перегонку косили. Но, какъ они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались такъ же чисто и отчетливо. Оставшійся въ углу уголокъ былъ смахнутъ въ пять минутъ. Еще послѣдніе косцы доходили ряды, какъ передніе захватили кафтаны на плечи и пошли черезъ дорогу къ Машкину Верху.

Солнце уже спускалось къ деревьямъ, когда они, побрякивая брусницами, вошли въ лѣсной овражекъ Машкина Верха.

Трава была по поясъ въ серединѣ лощины, нѣжная и мягкая, лопушистая, кое-гдѣ по лѣсу пестрѣющая Иваномъ-да-Марьей.

Послѣ короткаго совѣщанія: вдоль ли, поперекъ ли ходить,—Прохоръ Ермилинъ, тоже извѣстный косецъ, огромный черноватый мужикъ, пошелъ передомъ. Онъ прошелъ рядъ впередъ, повернулся назадъ и отвалилъ,—и всѣ стали выравниваться за нимъ, ходя подъ гору по лощинѣ и на гору подъ самую опушку лѣса. Солнце зашло за лѣсъ. Роса уже пала; косцы только на горкѣ были на солнцѣ, а въ низу, по которому поднимался паръ, и на той сторонѣ—шли въ свѣжей, росистой тѣни. Работа кипѣла.

Подрѣзаемая съ сочнымъ звукомъ и прямо, пахнущая трава ложилась высокими рядами. Тѣснившіеся по короткимъ рядамъ косцы со всѣхъ сторонъ, побрякивая брусницами и звуча то столкнувшимися косами, то свистомъ бруска по оттачиваемой косѣ, то веселыми криками, подгоняли другъ друга.

Левинъ шелъ все такъ же между молодымъ малымъ и ста-

рикомъ. Старикъ, надѣвшій свою овчинную куртку, былъ такъ же веселъ, шутливъ и свободенъ въ движеніяхъ. Въ лѣсу безпрестанно попадались березовые разбухшіе въ сочной травѣ грибы, которые рѣзались косами. Но старикъ, встрѣчая грибъ, каждый разъ сгибался, подбиралъ и клалъ за пазуху. „Еще старухѣ гостинцу“, приговаривалъ онъ.

Какъ ни было легко косить мокрую и слабую траву, но трудно было спускаться и подниматься по крутымъ косогорамъ оврага. Но старика это не стѣсняло. Махая все такъ же косой, онъ маленькимъ, твердымъ шажкомъ своихъ, обутыхъ въ большіе лапти, ногъ влѣзалъ медленно на кручи и, хоть и трясся всѣмъ тѣломъ и отвисшими ниже рубахи портками, не пропускалъ на пути ни одной травинки, ни одного гриба, и такъ же шутилъ съ мужиками и Левинымъ. Левинъ шелъ за нимъ и часто думалъ, что онъ непремѣнно упадетъ, поднимаясь съ косой на такой крутой бугоръ, куда и безъ косы трудно влѣзть; но онъ взлѣзалъ и дѣлалъ, что надо. Онъ чувствовалъ, что какая-то внѣшняя сила двигала имъ.

VI.

Машкинъ Верхъ скосили, додѣлали послѣдніе ряды, надѣли кафтаны и весело пошли къ дому. Левинъ сѣлъ на лошадь и, съ сожалѣніемъ простившись съ мужиками, поѣхалъ домой. Съ горы онъ оглянулся: ихъ не видно было въ поднимавшемся изъ низу туманѣ; были слышны только веселые, грубые голоса, хохотъ и звукъ сталкивающихся косъ.

Сергѣй Ивановичъ давно уже отобѣдалъ и пилъ воду съ лимономъ и льдомъ въ своей комнатѣ, просматривая

только что полученные съ почты газеты и журналы, когда Левинъ, съ прилипшими отъ пота ко лбу спутанными волосами и почернѣвшею мокрою спиной и грудью, съ веселымъ говоромъ ворвался къ нему въ комнату.

— А мы сработали весь лугъ! Ахъ, какъ хорошо, удивительно! А ты какъ поживалъ?—говорилъ Левинъ, совершенно забывъ вчерашній непріятный разговоръ.

— Батюшки, на что ты похожъ! — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, въ первую минуту недовольно оглядываясь на брата.—Да дверь-то, дверь-то затворяй!—вскрикнулъ онъ.—Непремѣнно впустилъ десятокъ цѣлый.

Сергѣй Ивановичъ терпѣть не могъ мухъ и въ своей комнатѣ отворялъ окна только ночью и старательно затворялъ двери.

— Ей-Богу ни одной. А если впустилъ, я поймаю. Ты не повѣришь, какое наслажденіе! Ты какъ провелъ день?

— Я хорошо. Но неужели ты цѣлый день косилъ? Ты, я думаю, голоденъ, какъ волкъ. Кузьма тебѣ все приготовилъ.

— Нѣть, мнѣ и ѣсть не хочется. Я тамъ поѣлъ. А вотъ пойду умоюсь.

— Ну, иди, иди, и я сейчасъ приду къ тебѣ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, покачивая головой глядя на брата.—Иди же, иди скорѣй,—прибавилъ онъ улыбаясь и, собравъ свои книги, приготовился идти. Ему самому вдругъ стало весело и не хотѣлось разставаться съ братомъ.—Ну, а во время дождя гдѣ ты былъ?

— Какой же дождь?—чуть покрапалъ. Такъ я сейчасъ приду. Такъ ты хорошо провелъ день? Ну, и отлично.—И Левинъ ушелъ одѣваться.

Черезъ пять минутъ братья сошлись въ столовой. Хотя

Левину и казалось, что не хочется ѣсть, и онъ сѣлъ за обѣдъ только чтобы не обидѣть Кузьму, но когда началъ ѣсть, то обѣдъ показался ему чрезвычайно вкусенъ. Сергѣй Ивановичъ улыбаясь глядѣлъ на него.

— Ахъ да, тебѣ письмо,—сказалъ онъ.—Кузьма, принеси пожалуйста снизу. Да смотри дверь затворяй.

Письмо было отъ Облонскаго. Левинъ вслухъ прочелъ его. Облонскій писалъ изъ Петербурга: „Я получилъ письмо отъ Долли, она въ Ергушовѣ и у ней все не ладится. Съѣзди пожалуйста къ ней, помоги совѣтомъ,—ты все знаешь. Она такъ рада будетъ тебя видѣть. Она совсѣмъ одна, бѣдная. Теща со всѣми еще за границей“.

— Вотъ отлично! Непремѣнно съѣзжу къ нимъ,—сказалъ Левинъ.—А то поѣдемъ вмѣстѣ. Она такая славная. Не правда ли?

— А они не далеко тутъ?

— Верстъ тридцать. Пожалуй и сорокъ будетъ. Но отличная дорога. Отлично съѣздимъ.

— Очень радъ,—все улыбаясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

Видъ меньшаго брата непосредственно располагалъ его къ веселости.

— Ну, аппетитъ у тебя!—сказалъ онъ, глядя на его склоненное надъ тарелкой буро-красно-загорѣлое лицо и шею.

— Отлично! Ты не повѣришь, какой это режимъ полезный противъ всякой дури. Я хочу обогатить медицину новымъ терминомъ: Arbeitscur.

— Ну, тебѣ-то это не нужно, кажется.

— Да, но разнымъ нервнымъ больнымъ.

— Да, это надо испытать. А я вѣдь хотѣлъ было прид-

ти на покосъ посмотрѣть на тебя, но жара была такая невыносимая, что я не пошелъ дальше лѣса. Я посидѣлъ и лѣсомъ прошелъ на слободу, встрѣтилъ твою кормилицу и зондировалъ ее насчетъ взгляда мужиковъ на тебя. Какъ я понялъ, они не одобряютъ этого. Она сказала: „не господское дѣло". Вообще, мнѣ кажется, что въ понятіи народномъ очень твердо опредѣлены требованія на извѣстную, какъ они называютъ, „господскую" дѣятельность. И они не допускаютъ, чтобы господа выходили изъ опредѣлившейся въ ихъ понятія рамки.

— Можетъ быть; но вѣдь это такое удовольствіе, какого я въ жизнь свою не испытывалъ. И дурнаго вѣдь ничего нѣтъ. Не правда ли?—отвѣчалъ Левинъ.—Что же дѣлать, если имъ не нравится. А впрочемъ, я думаю, что ничего, а?

— Вообще,—продолжалъ Сергѣй Ивановичъ,—ты, какъ я вижу, доволенъ своимъ днемъ.

— Очень доволенъ. Мы скосили весь лугъ. И съ какимъ старикомъ я тамъ подружился! Это ты не можешь себѣ представить что за прелесть!

— Ну, такъ доволенъ своимъ днемъ. И я тоже. Во-первыхъ, я рѣшилъ двѣ шахматныя задачи, и одна очень мила,—открывается пѣшкой. Я тебѣ покажу. А потомъ—думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Что, о вчерашнемъ разговорѣ?—сказалъ Левинъ, блаженно щурясь и отдуваясь послѣ оконченнаго обѣда и рѣшительно не въ силахъ вспомнить, какой это былъ вчерашній разговоръ.

— Я нахожу, что ты правъ отчасти. Разногласіе наше заключается въ томъ, что ты ставишь двигателемъ личный интересъ, а я полагаю, что интересъ общаго блага долженъ

быть у всякаго человѣка, стоящаго на извѣстной степени образованія. Можетъ-быть ты и правъ, что желательнѣе была бы заинтересованная матеріально дѣятельность. Вообще, ты натура слишкомъ primesautière, какъ говорятъ французы; ты хочешь страстной, энергической дѣятельности или ничего.

Левинъ слушалъ брата и рѣшительно ничего не понималъ и не хотѣлъ понимать. Онъ только боялся, какъ бы братъ не спросилъ его такой вопросъ, по которому будетъ видно, что онъ ничего не слышалъ.

— Такъ-то, дружокъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, трогая его по плечу.

— Да, разумѣется. Да что же! Я не стою за свое,—отвѣчалъ Левинъ съ дѣтскою, виноватою улыбкой.—„О чемъ, бишь, я спорилъ?—думалъ онъ.—Разумѣется, и я правъ, и онъ правъ, и все прекрасно. Надо только пойдти въ контору распорядиться". Онъ всталъ, потягиваясь и улыбаясь.

Сергѣй Ивановичъ тоже улыбнулся.

— Хочешь пройдтись, пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ онъ, не желая разставаться съ братомъ, отъ котораго такъ и вѣяло свѣжестью и бодростью.—Пойдемъ, зайдемъ и въ контору, если тебѣ нужно.

— Ахъ, батюшки!—вскрикнулъ Левинъ такъ громко, что Сергѣй Ивановичъ испугался.

— Что, что ты?

— Что рука Агаѳьи Михайловны?—сказалъ Левинъ, ударяя себя по головѣ.—Я и забылъ про нее.

— Лучше гораздо.

— Ну, все-таки я сбѣгаю къ ней. Ты не успѣешь шляпы надѣть, я вернусь.

И онъ какъ трещотка загремѣлъ каблуками, сбѣгая съ лѣстницы.

VII.

Въ то время, какъ Степанъ Аркадьевичъ проѣхалъ въ Петербургъ для исполненія самой естественной, извѣстной всѣмъ служащимъ, хотя и непонятной для неслужащихъ, нужнѣйшей обязанности, безъ которой нѣтъ возможности служить,—напомнить о себѣ въ министерствѣ,—и, при исполненіи этой обязанности, взявъ почти всѣ деньги изъ дому, весело и пріятно проводилъ время на скачкахъ и на дачахъ, Долли съ дѣтьми переѣхала въ деревню, чтобъ уменьшить, сколько возможно, расходы. Она переѣхала въ свою приданую деревню Ергушово, ту самую, гдѣ весной былъ проданъ лѣсъ и которая была въ пятидесяти верстахъ отъ Покровскаго Левина.

Въ Ергушовѣ большой старый домъ былъ давно сломанъ и еще княземъ былъ отдѣланъ и увеличенъ флигель. Флигель лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Долли была ребенкомъ, былъ помѣстителенъ и удобенъ, хоть и стоялъ, какъ всѣ флигеля, бокомъ къ выѣздной аллеѣ и къ югу. Но теперь флигель этотъ былъ старъ и гнилъ. Когда еще Степанъ Аркадьевичъ ѣздилъ весной продавать лѣсъ, Долли просила его осмотрѣть домъ и велѣть поправить чтò нужно. Степанъ Аркадьевичъ, какъ и всѣ виноватые мужья, очень заботившійся объ удобствахъ жены, самъ осмотрѣлъ домъ и сдѣлалъ распоряженіе обо всемъ, по его понятію, нужномъ. По его понятію, надо было перебить кретономъ всю мебель, повѣсить гардины, расчистить садъ, сдѣлать мостикъ у пруда и посадить цвѣты; но онъ забылъ много другихъ необхо-

цимыхъ вещей, недостатокъ которыхъ потомъ измучилъ Дарью Александровну.

Какъ ни старался Степанъ Аркадьевичъ быть заботливымъ отцомъ и мужемъ, онъ никакъ не могъ помнить, что у него есть жена и дѣти. У него были холостые вкусы и только съ ними онъ соображался. Вернувшись въ Москву, онъ съ гордостью объявилъ женѣ, что все приготовлено, что домъ будетъ игрушечка и что онъ ей очень совѣтуетъ ѣхать. Степану Аркадьевичу отъѣздъ жены въ деревню былъ очень пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ: и дѣтямъ здорово, и расходовъ меньше, и ему свободнѣе. Дарья же Александровна считала переѣздъ въ деревню на лѣто необходимымъ для дѣтей, въ особенности для дѣвочки, которая не могла поправиться послѣ скарлатины, и, наконецъ, чтобъ избавиться отъ мелкихъ униженій, отъ мелкихъ долговъ—дровенику, рыбнику, башмачнику, которые измучили ее. Сверхъ того, отъѣздъ былъ ей пріятенъ еще и потому, что она мечтала залучить къ себѣ въ деревню сестру Кити, которая должна была возвратиться изъ-за границы въ серединѣ лѣта и которой предписано было купанье. Кити писала съ водъ, что ничто ей такъ не улыбается, какъ провести лѣто съ Долли въ Ергушовѣ, полномъ дѣтскихъ воспоминаній для нихъ обѣихъ.

Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. Она живала въ деревнѣ въ дѣтствѣ, и у ней осталось впечатлѣніе, что деревня есть спасеніе отъ всѣхъ городскихъ непріятностей, что жизнь тамъ хотя и не красива (съ этимъ Долли легко мирилась), за то дешева и удобна: все есть, все дешево, все можно достать, и дѣтямъ хорошо. Но теперь, хозяйкой пріѣхавъ въ деревню, она увидѣла, что это все совсѣмъ не такъ, какъ она думала.

На другой день по ихъ пріѣздѣ пошелъ проливной дождь, и ночью потекло въ корридорѣ и въ дѣтской, такъ что кроватки перенесли въ гостиную. Кухарки людской не было; изъ девяти коровъ оказались, по словамъ скотницы, однѣ тельныя, другія первымъ теленкомъ, третьи стары, четвертыя тугосиси; ни масла, ни молока даже дѣтямъ недоставало. Яицъ не было. Курицу нельзя было достать; жарили и варили старыхъ, лиловыхъ, жилистыхъ пѣтуховъ. Нельзя было достать бабъ, чтобы вымыть полы,—всѣ были на картошкахъ. Кататься нельзя было, потому что одна лошадь заминалась и рвала въ дышлѣ. Купаться было негдѣ,—весь берегъ рѣки былъ истоптанъ скотиной и открытъ съ дороги; даже гулять нельзя было ходить, потому что скотина входила въ садъ черезъ сломанный заборъ, и былъ одинъ страшный быкъ, который ревѣлъ и потому должно-быть... бодался. Шкаповъ для платья не было. Какіе были, тѣ не закрывались и сами открывались, когда проходили мимо нихъ. Чугуновъ и корчагъ не было; котла для прачечной и даже гладильной доски для дѣвичьей не было.

Первое время, вмѣсто спокойствія и отдыха, попавъ на эти страшныя, съ ея точки зрѣнія, бѣдствія, Дарья Александровна была въ отчаяніи: хлопотала изо всѣхъ силъ, чувствовала безвыходность положенія и каждую минуту удерживала слезы, навертывавшіяся ей на глаза. Управляющій, бывшій вахмистръ, котораго Степанъ Аркадьевичъ полюбилъ и опредѣлилъ изъ швейцаровъ за его красивую и почтительную наружность, не принималъ никакого участія въ бѣдствіяхъ Дарьи Александровны, говорилъ почтительно: „никакъ невозможно, такой народъ скверный“, и ни въ чемъ не помогалъ.

Положеніе казалось безвыходнымъ. Но въ домѣ Облонскихъ, какъ и во всѣхъ семейныхъ домахъ, было одно незамѣтное, но важнѣйшее и полезнѣйшее лицо—Марья Филимоновна. Она успокоивала барыню, увѣряла ее, что все *образуется* (это было ея слово, и отъ нея перенялъ его Матвѣй), и сама, не торопясь и не волнуясь, дѣйствовала. Она тотчасъ же сошлась съ прикащицей и въ первый же день пила съ нею и съ прикащикомъ чай подъ акаціями и обсуждала всѣ дѣла. Скоро подъ акаціями учредился клубъ Марьи Филимоновны, и тутъ, черезъ этотъ клубъ, состоявшій изъ прикащицы, старосты и конторщика, стали понемногу уравниваться трудности жизни, и черезъ недѣлю дѣйствительно все *образовалось*. Крышу починили, кухарку нашли,—старостину куму,—куръ купили, коровы стали давать молока, садъ загородили жердями, катокъ сдѣлалъ плотникъ, къ шкапамъ придѣлали крючки, и они стали отворяться не произвольно, и гладильная доска, обернутая солдатскимъ сукномъ, легла съ ручки кресла на комодъ и въ дѣвичьей запахло утюгомъ.

— Ну, вотъ, а все отчаявались!—сказала Марья Филимоновна, указывая на доску.

Даже построили изъ соломенныхъ щитовъ купальню. Лили стала купаться, и для Дарьи Александровны сбылись, хотя отчасти, ея ожиданія хотя не спокойной, но удобной деревенской жизни. Спокойною съ шестью дѣтьми Дарья Александровна не могла быть. Одинъ заболѣвалъ, другой могъ заболѣть, третьему недоставало чего-нибудь, четвертый выказывалъ признаки дурнаго характера, и т. д. и т. д. Рѣдко, рѣдко выдавались короткіе спокойные періоды. Но хлопоты и безпокойства эти были для Дарьи Александровны

единственно-возможнымъ счастіемъ. Еслибы не было этого, она бы оставалась одна со своими мыслями о мужѣ, который не любилъ ея. Но кромѣ того, какъ ни тяжелы были для матери страхъ болѣзней, самыя болѣзни и горе въ виду признаковъ дурныхъ наклонностей въ дѣтяхъ,—сами дѣти выплачивали ей уже теперь мелкими радостями за ея горести. Радости эти были такъ мелки, что онѣ незамѣтны были, какъ золото въ пескѣ, и въ дурныя минуты она видѣла однѣ горести, одинъ песокъ; но были и хорошія минуты, когда она видѣла однѣ радости, одно золото.

Теперь, въ уединеніи деревни, она чаще и чаще стала сознавать эти радости. Часто, глядя на нихъ, она дѣлала всевозможныя усилія, чтобъ убѣдить себя, что она заблуждается, что она, какъ мать, пристрастна къ своимъ дѣтямъ; все-таки она не могла не говорить себѣ, что у нея прелестныя дѣти, всѣ шестеро, всѣ въ разныхъ родахъ, но такія, какія рѣдко бываютъ,—и была счастлива ими, и гордилась ими.

VIII.

Въ концѣ мая, когда уже все болѣе или менѣе устроилось, она получила отвѣтъ мужа на свои жалобы о деревенскихъ неустройствахъ. Онъ писалъ ей, прося прощенія въ томъ, что не обдумалъ всего, и обѣщалъ пріѣхать при первой возможности. Возможность эта не представилась и до начала іюня Дарья Александровна жила одна въ деревнѣ.

Петровками, въ воскресенье, Дарья Александровна ѣздила къ обѣднѣ причащать всѣхъ своихъ дѣтей. Дарья Александровна, въ своихъ задушевныхъ, философскихъ разговорахъ съ сестрой, матерью, друзьями, очень часто удив-

ляла ихъ своимъ вольнодумствомъ относительно религіи. У ней была своя странная религія метампсихозы, въ которую она твердо вѣрила, мало заботясь о догматахъ церкви. Но въ семьѣ она — и не для того только, чтобы показывать примѣръ, а отъ всей души — строго исполняла всѣ церковныя требованія, и то, что дѣти около года не были у причастія, очень безпокоило ее, и, съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ Марьи Филимоновны, она рѣшила совершить это теперь, лѣтомъ.

Дарья Александровна за нѣсколько дней впередъ обдумала, какъ одѣть всѣхъ дѣтей. Были сшиты, передѣланы и вымыты платья, выпущены рубцы и оборки, пришиты пуговки и приготовлены ленты. Одно платье на Таню, которое взялась шить англичанка, испортило много крови Дарьѣ Александровнѣ. Англичанка, перешивая, сдѣлала вытачки не на мѣстѣ, слишкомъ вынула рукава и совсѣмъ было испортила платье. Танѣ подхватило плечи такъ, что видѣть было больно. Но Марья Филимоновна догадалась вставить клинья и сдѣлать пелеринку. Дѣло поправилось, но съ англичанкой произошла было почти ссора. На утро, однако, все устроилось, и къ девяти часамъ, — срокъ, до котораго просили батюшку подождать съ обѣдней, — сіяющія радостью, разодѣтыя дѣти стояли у крыльца передъ коляской, дожидаясь матери.

Въ коляску, вмѣсто заминающагося Ворона, запрягли, по протекціи Марьи Филимоновны, прикащикова Бураго, и Дарья Александровна, задержанная заботами о своемъ туалетѣ, одѣтая въ бѣлое кисейное платье, вышла садиться.

Дарья Александровна причесывалась и одѣвалась съ заботой и волненіемъ. Прежде она одѣвалась для себя, что-

бы быть красивой и нравиться; потомъ, чѣмъ больше она старилась, тѣмъ непріятнѣе ей становилось одѣваться; она видѣла, какъ она подурнѣла. Но теперь она опять одѣвалась съ удовольствіемъ и волненіемъ. Теперь она одѣвалась не для себя, не для своей красоты, а для того, чтобъ она, какъ мать этихъ прелестей, не испортила общаго впечатлѣнія. И, посмотрѣвшись въ послѣдній разъ въ зеркало, она осталась довольна собой. Она была хороша, — не такъ хороша, какъ она, бывало, хотѣла быть хороша на балѣ, но хороша для той цѣли, которую она теперь имѣла въ виду.

Въ церкви никого, кромѣ мужиковъ, дворниковъ и ихъ бабъ, не было. Но Дарья Александровна видѣла или ей казалось, что она видѣла, восхищеніе, возбуждаемое ея дѣтьми и ею. Дѣти не только были прекрасны собой въ своихъ нарядныхъ платьецахъ, но они были милы тѣмъ, какъ хорошо они себя держали. Алеша, правда, стоялъ не совсѣмъ хорошо: онъ все поворачивался и хотѣлъ видѣть сзади свою курточку; но все-таки онъ былъ необыкновенно милъ. Таня стояла какъ большая и смотрѣла за маленькими. Но меньшая Лили была прелестна своимъ наивнымъ удивленіемъ передъ всѣмъ, и трудно было не улыбнуться, когда, причастившись, она сказала: „please, some more“.

Возвращаясь домой, дѣти чувствовали, что что-то торжественное совершилось, и были очень смирны.

Все шло хорошо и дома; но за завтракомъ Гриша сталъ свистать и, что было хуже всего, не послушался англичанки — и былъ оставленъ безъ сладкаго пирога. Дарья Александровна не допустила бы въ такой день до наказанія, еслибъ она была тутъ; но надо было поддержать распоряженіе англичанки, и она подтвердила ея рѣшеніе, что

Гришѣ не будетъ сладкаго пирога. Это испортило немного общую радость.

Гриша плакалъ, говоря, что Николенька свисталъ, но что вотъ его не наказали, и что онъ не отъ пирога плачетъ, — ему все равно, — но о томъ, что съ нимъ несправедливы. Это было слишкомъ уже грустно, и Дарья Александровна рѣшилась, переговоривъ съ англичанкой, простить Гришу и пошла къ ней. Но тутъ, проходя черезъ залу, она увидала сцену, наполнившую такою радостью ея сердце, что слезы выступили ей на глаза, и она сама простила преступника.

Наказанный сидѣлъ въ залѣ на угловомъ окнѣ; подлѣ него стояла Таня съ тарелкой. Подъ видомъ желанія обѣда для куколъ, она попросила у англичанки позволенія снести свою порцію пирога въ дѣтскую, и вмѣсто этого принесла ее брату. Продолжая плакать о несправедливости претерпѣннаго имъ наказанія, онъ ѣлъ принесенный пирогъ и сквозь рыданія приговаривалъ: „ѣшь сама, вмѣстѣ будемъ ѣсть... вмѣстѣ“.

На Таню сначала подѣйствовала жалость къ Гришѣ, потомъ сознаніе своего добродѣтельнаго поступка, и слезы у ней тоже стояли въ глазахъ; но она, не отказываясь, ѣла свою долю.

Увидавъ мать, они испугались, но, вглядѣвшись въ ея лицо, поняли, что они дѣлаютъ хорошо, засмѣялись и, съ полными пирогомъ ртами, стали обтирать улыбающіяся губы руками и измазали всѣ свои сіяющія лица слезами и вареньемъ.

— Матушки!! Новое, бѣлое платье! Таня! Гриша! —говорила мать, стараясь спасти платье, но со слезами на глазахъ улыбаясь блаженною, восторженною улыбкой.

Новыя платья сняли, велѣли надѣть дѣвочкамъ блузки, а мальчикамъ старыя курточки, и велѣли закладывать линейку, опять,—къ огорченію прикащика, — Бураго въ дышло, чтобъ ѣхать за грибами и на купальню. Стонъ восторженнаго визга поднялся въ дѣтской и не умолкалъ до самаго отъѣзда на купальню.

Грибовъ набрали цѣлую корзинку, даже Лили нашла березовый грибъ. Прежде бывало такъ, что миссъ Гуль найдетъ и покажетъ ей; но теперь она сама нашла большой березовый шлюпикъ, и былъ общій восторженный крикъ: „Лили нашла шлюпикъ!“

Потомъ подъѣхали къ рѣкѣ, поставили лошадей подъ березками и пошли въ купальню. Кучеръ Терентій привязалъ къ дереву отмахивающихся отъ оводовъ лошадей, легъ, приминая траву, въ тѣни березы и курилъ тютюнъ, а изъ купальни доносился до него неумолкавшій дѣтскій веселый визгъ.

Хотя и хлопотливо было смотрѣть за всѣми дѣтьми и останавливать ихъ шалости, хотя и трудно было вспомнить и не перепутать всѣ эти чулочки, панталончики, башмачки съ разныхъ ногъ и развязывать, растегивать и завязывать тесемочки и пуговки,—Дарья Александровна, сама для себя любившая всегда купанье, считавшая его полезнымъ для дѣтей, ничѣмъ такъ не наслаждалась, какъ этимъ купаньемъ со всѣми дѣтьми. Перебирать всѣ эти пухленькія ножки, натягивая на нихъ чулочки, брать въ руки и окунать эти голенькія тѣльца и слышать то радостные, то испуганные визги, видѣть эти задыхающіяся, съ открытыми, испуганными и веселыми глазами, лица этихъ брызгающихся своихъ херувимчиковъ,—было для нея большое наслажденіе.

Когда уже половина дѣтей были одѣты, къ купальнѣ подошли и робко остановились нарядныя бабы, ходившія за сныткой и молочаемъ. Марья Филимоновна кликнула одну, чтобы дать ей высушить уроненную въ воду простыню и рубашку, и Дарья Александровна разговорилась съ бабами. Бабы, сначала смѣявшіяся въ руку и не понимавшія вопроса, скоро осмѣлились и разговорились, тотчасъ же подкупивъ Дарью Александровну искреннимъ любованьемъ дѣтьми, которое онѣ выказывали.

— Ишь ты красавица, бѣленькая, какъ сахаръ, — говорила одна, любуясь на Таничку и покачивая головой. — А худая...

— Да, больна была.

— Вишь ты, знать тоже купали, — говорила другая на груднаго.

— Нѣтъ, ему только три мѣсяца, —отвѣчала съ гордостью Дарья Александровна.

— Ишь ты!

— А у тебя есть дѣти?

— Было четверо, двое осталось: мальчикъ и дѣвочка. Вотъ въ прошлый мясоѣдъ отняла.

— А сколько ей?

— Да другой годокъ.

— Что же ты такъ долго кормила?

— Наше обыкновеніе: три поста...

И разговоръ сталъ самый интересный для Дарьи Александровны: Какъ рожала? Чѣмъ былъ боленъ? Гдѣ мужъ? Часто ли бываетъ?

Дарьѣ Александровнѣ не хотѣлось уходить отъ бабъ,—такъ интересенъ ей былъ разговоръ съ ними, такъ совершенно

одна и тѣ же были ихъ интересы. Пріятнѣе же всего Дарьѣ Александровнѣ было то, что она ясно видѣла, какъ всѣ эти женщины любовались болѣе всего тѣмъ, какъ много было у нея дѣтей и какъ они хороши. Бабы и насмѣшили Дарью Александровну, и обидѣли англичанку тѣмъ, что она была причиной этого непонятнаго для нея смѣха. Одна изъ молодыхъ бабъ приглядывалась къ англичанкѣ, одѣвавшейся послѣ всѣхъ, и когда та надѣла на себя третью юбку, не могла удержаться отъ замѣчанія: „ишь ты, крутала, крутила, все не накрутитъ!“ сказала она, и всѣ разразились хохотомъ.

IX.

Окруженная всѣми выкупанными, съ мокрыми головами, дѣтьми, Дарья Александровна, съ платкомъ на головѣ, уже подъѣзжала къ дому, когда кучеръ сказалъ: „Баринъ какой-то идетъ, кажется Покровскій“.

Дарья Александровна выглянула впередъ и обрадовалась, увидавъ въ сѣрой шляпѣ и сѣромъ пальто знакомую фигуру Левина, шедшаго имъ навстрѣчу. Она и всегда рада ему была, но теперь особенно рада была, что онъ видитъ ее во всей ея славѣ. Никто лучше Левина не могъ понять ея величія.

Увидавъ ее, онъ очутился передъ одною изъ картинъ своего воображаемаго въ будущемъ семейнаго быта.

— Вы точно насѣдка, Дарья Александровна!

— Ахъ, какъ я рада!—сказала она, протягивая ему руку.

— Рады, а не дали знать. У меня братъ живетъ. Ужъ я отъ Стивы получилъ записочку, что вы тутъ.

— Отъ Стивы? — съ удивленіемъ спросила Дарья Александровна.

— Да, онъ пишетъ, что вы переѣхали, и думаетъ, что вы позволите мнѣ помочь вамъ чѣмъ-нибудь,— сказалъ Левинъ, и сказавъ это, вдругъ смутился и, прервавъ рѣчь, молча продолжалъ идти подлѣ линейки, срывая липовые побѣги и перекусывая ихъ. Онъ смутился вслѣдствіе предположенія, что Дарьѣ Александровнѣ будетъ непріятна помощь посторонняго человѣка въ томъ дѣлѣ, которое должно было быть сдѣлано ея мужемъ. Дарьѣ Александровнѣ дѣйствительно не нравилась эта манера Степана Аркадьевича навязывать свои семейныя дѣла чужимъ. И она тотчасъ же поняла, что Левинъ понимаетъ это. За эту-то тонкость пониманія, за эту деликатность и любила Левина Дарья Александровна.

— Я понялъ, разумѣется,—сказалъ Левинъ,—что это только значитъ то, что вы хотите меня видѣть, и очень радъ. Разумѣется, я воображаю, что вамъ, городской хозяйкѣ, здѣсь дико, и если что нужно, я весь къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ! — сказала Долли. — Первое время было неудобно, а теперь все прекрасно устроилось. Благодаря моей старой нянѣ,—сказала она, указывая на Марью Филимоновну, понимавшую, что говорятъ о ней, и весело, и дружелюбно улыбавшуюся Левину. Она знала его, и знала, что это хорошій женихъ барышнѣ, и желала, чтобы дѣло сладилось.

— Извольте садиться, мы сюда потѣснимся, — сказала она ему.

— Нѣтъ, я пройдусь. Дѣти, кто со мной на перегонки съ лошадьми?

Дѣти знали Левина очень мало, не помнили, когда видали его, но не выказывали въ отношеніи къ нему того

страннаго чувства застѣнчивости и отвращенія, которое испытываютъ дѣти такъ часто ко взрослымъ притворяющимся людямъ и за которое имъ такъ часто и больно достается. Притворство въ чемъ бы то ни было можетъ обмануть самаго умнаго, проницательнаго человѣка; но самый ограниченный ребенокъ, какъ бы оно ни было искусно скрываемо, узнаетъ его и отвращается. Какіе бы ни были недостатки въ Левинѣ, притворства не было въ немъ и признака, и потому дѣти выказали ему дружелюбіе такое же, какое они нашли на лицѣ матери. На приглашеніе его, два старшіе тотчасъ же соскочили къ нему и побѣжали съ нимъ такъ же просто, какъ бы они побѣжали съ няней, съ миссъ Гуль или съ матерью. Лили тоже стала проситься къ нему, и мать передала ее ему; онъ посадилъ ее на плечо и побѣжалъ съ ней.

— Не бойтесь, не бойтесь, Дарья Александровна! — говорилъ онъ, весело улыбаясь матери, — невозможно, чтобъ я ушибъ или уронилъ.

И глядя на его ловкія, сильныя, осторожно заботливыя и слишкомъ напряженныя движенія, мать успокоилась и весело и одобрительно улыбалась, глядя на него.

Здѣсь, въ деревнѣ, съ дѣтьми и съ симпатичною ему Дарьей Александровной, Левинъ пришелъ въ то, часто находившее на него, дѣтски-веселое расположеніе духа, которое Дарья Александровна особенно любила въ немъ. Бѣгая съ дѣтьми, онъ училъ ихъ гимнастикѣ, смѣшилъ миссъ Гуль своимъ дурнымъ англійскимъ языкомъ и разсказывалъ Дарьѣ Александровнѣ свои занятія въ деревнѣ.

Послѣ обѣда Дарья Александровна, сидя съ нимъ одна на балконѣ, заговорила о Кити.

— Вы знаете, Кити пріѣдетъ сюда и проведетъ со мною лѣто?

— Право?— сказалъ онъ, вспыхнувъ, и тотчасъ же, чтобы перемѣнить разговоръ, сказалъ: — Такъ прислать вамъ двухъ коровъ? Если вы хотите считаться, то извольте заплатить мнѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, если вамъ не совѣстно.

— Нѣтъ, благодарствуйте. У насъ устроилось.

— Ну, такъ я вашихъ коровъ посмотрю и, если позволите, распоряжусь какъ ихъ кормить. Все дѣло въ кормѣ.

И Левинъ, чтобы только отвлечь разговоръ, изложилъ Дарьѣ Александровнѣ теорію молочнаго хозяйства, состоящую въ томъ, что корова есть только машина для переработки корма въ молоко, и т. д.

Онъ говорилъ это—и страстно желалъ услыхать подробности о Кити, и вмѣстѣ боялся этого. Ему страшно было, что разстроится пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ спокойствіе.

— Да, но, впрочемъ, за всѣмъ этимъ надо слѣдить, а кто же будетъ?—неохотно отвѣчала Дарья Александровна.

Она такъ теперь паладила свое хозяйство черезъ Марью Филимоновну, что ей не хотѣлось ничего мѣнять въ немъ; да она и не вѣрила знанію Левина въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсужденія о томъ, что корова есть машина для дѣланія молока, были ей подозрительны. Ей казалось, что такого рода разсужденія могутъ только мѣшать хозяйству. Ей казалось все это гораздо проще,—что надо только, какъ объяснила Марья Филимоновна, давать Пеструхѣ и Бѣлопахой больше корму и пойла, и чтобы поваръ не уносилъ помои изъ кухни для прачкиной коровы. Это было ясно. А

разсужденія о мучномъ и трояномъ кормѣ были сомнительны и неясны. Главное же—ей хотѣлось говорить о Кити.

X.

— Кити пишетъ мнѣ, что ничего такъ не желаетъ, какъ уединенія и спокойствія, — сказала Долли послѣ наступившаго молчанія.

— А что здоровье ея, лучше?— съ волненіемъ спросилъ Левинъ.

— Слава Богу, она совсѣмъ поправилась. Я никогда не вѣрила, чтобъ у нея была грудная болѣзнь.

— Ахъ, я очень радъ! — сказалъ Левинъ, и что-то трогательное, безпомощное показалось Долли въ его лицѣ въ то время, какъ онъ сказалъ это и молча смотрѣлъ на нее.

— Послушайте, Константинъ Дмитричъ,—сказала Дарья Александровна, улыбаясь своею доброю и нѣсколько насмѣшливою улыбкой,—за что вы сердитесь на Кити?

— Я?... Я не сержусь,—сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, вы сердитесь. Отчего вы не заѣхали ни къ намъ, ни къ нимъ, когда были въ Москвѣ?

— Дарья Александровна,—сказалъ онъ, краснѣя до корней волосъ,—я удивляюсь даже, что вы, съ вашею добротой, не чувствуете этого. Какъ вамъ просто не жалко меня, когда вы знаете...

— Что я знаю?

— Знаете, что я дѣлалъ предложеніе и что мнѣ отказано,—проговорилъ Левинъ, и вся та нѣжность, которую минуту тому назадъ онъ чувствовалъ къ Кити, замѣнилась въ душѣ его чувствомъ злобы за оскорбленіе.

— Почему же вы думаете, что я знаю?

— Потому, что всѣ это знаютъ.

— Вотъ ужъ въ этомъ вы ошибаетесь; я не знала этого, хотя и догадывалась.

— А, ну такъ вы теперь знаете.

— Я знала только то, что что-то было, что̀ ее ужасно мучило, и что она просила меня никогда не говорить объ этомъ. А если она не сказала мнѣ, то она никому не говорила. Но что же у васъ было, скажите мнѣ?

— Я вамъ сказалъ, что было.

— Когда?

— Когда я былъ въ послѣдній разъ у васъ.

— А знаете, что я вамъ скажу,—сказала Дарья Александровна:—мнѣ ее ужасно, ужасно жалко. Вы страдаете только отъ гордости...

— Можетъ быть,—сказалъ Левинъ,—но...

Она перебила его.

— Но ее, бѣдняжку, мнѣ ужасно и ужасно жалко. Теперь я все понимаю.

— Ну, Дарья Александровна, вы меня извините, — сказалъ онъ вставая. — Прощайте, Дарья Александровна, до свиданья.

— Нѣтъ, постойте, — сказала она, схватывая его за рукавъ,—постойте, садитесь.

— Пожалуйста, пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ, — сказалъ онъ, садясь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что въ сердцѣ его поднимается и шевелится казавшаяся ему похороненною надежда.

— Еслибъ я васъ не любила, — сказала Дарья Александровна и слезы выступили ей на глаза,—еслибъ я васъ не знала, какъ я васъ знаю...

Казавшееся мертвымъ чувство оживало все болѣе и болѣе, поднималось и завладѣвало сердцемъ Левина.

— Да, я теперь все поняла, — продолжала Дарья Александровна.—Вы этого не можете понять: вамъ, мужчинамъ, свободнымъ и выбирающимъ, всегда ясно, кого вы любите; но дѣвушка въ положеніи ожиданія, — съ этимъ женскимъ, дѣвичьимъ стыдомъ, дѣвушка, которая видитъ васъ, мужчинъ, издалека, принимаетъ все на слово, — у дѣвушки бываетъ и можетъ быть такое чувство, что она не знаетъ что̀ сказать.

— Да, если сердце не говоритъ...

— Нѣтъ, сердце говоритъ, но вы подумайте: вы, мужчины, имѣете виды на дѣвушку, вы ѣздите въ домъ, вы сближаетесь, высматриваете, выжидаете, найдете ли вы то, что вы любите, и потомъ, когда вы убѣждены, что любите, вы дѣлаете предложеніе...

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

— Все равно, вы дѣлаете предложеніе, когда ваша любовь созрѣла, или когда у васъ между двумя выбираемыми совершился перевѣсъ. А дѣвушку не спрашиваютъ. Хотятъ, чтобъ она сама выбирала, а она не можетъ выбрать, и только отвѣчаетъ: „да и нѣтъ“.

„Да, выборъ между мной и Вронскимъ“, подумалъ Левинъ, и оживавшій въ душѣ его мертвецъ опять умеръ и только мучительно давилъ его сердце.

— Дарья Александровна,—сказалъ онъ,—такъ выбираютъ платье или... не знаю какую покупку, а не любовь. Выборъ сдѣланъ, и тѣмъ лучше... И повторенія быть не можетъ.

— Ахъ, гордость и гордость! — сказала Дарья Александровна, какъ будто презирая его за низость этого чувства

въ сравненіи съ тѣмъ другимъ чувствомъ, которое знаютъ однѣ женщины.—Въ то время, какъ вы дѣлали предложеніе Кити, она именно была въ томъ положеніи, когда она не могла отвѣчать,—въ ней было колебаніе. Колебаніе: вы или Вронскій. Его она видѣла каждый день, васъ давно не видала. Положимъ, еслибъ она была старше, — для меня, напримѣръ, на ея мѣстѣ, не могло бы быть колебанія. Онъ мнѣ всегда противенъ былъ, и такъ и кончилось.

Левинъ вспомнилъ отвѣтъ Кити. Она сказала: *Нѣтъ, это не можетъ быть.*

— Дарья Александровна, — сказалъ онъ сухо, — я цѣню вашу довѣренность ко мнѣ; я думаю, что вы ошибаетесь. Но правъ я, или неправъ, эта гордость, которую вы такъ презираете, дѣлаетъ то, что для меня всякая мысль о Катеринѣ Александровнѣ невозможна, — вы понимаете? — совершенно невозможна.

— Я только одно еще скажу: вы понимаете, что я говорю о сестрѣ, которую я люблю какъ своихъ дѣтей. Я не говорю, чтобъ она любила васъ, но я только хотѣла сказать, что ея отказъ въ ту минуту ничего не доказываетъ.

— Я не знаю!—вскакивая сказалъ Левинъ. — Еслибы вы знали, какъ вы больно мнѣ дѣлаете! Все равно, какъ у васъ бы умеръ ребенокъ, а вамъ бы говорили: а вотъ онъ былъ бы такой, такой, и могъ бы жить, и вы бы на него радовались. А онъ умеръ, умеръ, умеръ...

— Какъ вы смѣшны,—сказала Дарья Александровна, съ грустною усмѣшкой смотря на волненіе Левина.—Да, я теперь все больше и больше понимаю,—продолжала она задумчиво.—Такъ вы не пріѣдете къ намъ, когда Кити будетъ?

— Нѣтъ, не пріѣду. Разумѣется, я не буду избѣгать

Катерины Александровны, но, гдѣ могу, постараюсь избавить ее отъ непріятности моего присутствія.

— Очень, очень вы смѣшны,—повторила Дарья Александровна, съ нѣжностью вглядываясь въ его лицо. — Ну, хорошо, такъ какъ будто мы ничего про это не говорили. Зачѣмъ ты пришла, Таня?—сказала Дарья Александровна по-французски вошедшей дѣвочкѣ.

— Гдѣ моя лопатка, мама?

— Я говорю по-французски, и ты такъ же скажи.

Дѣвочка хотѣла сказать, но забыла какъ лопатка по-французски; мать ей подсказала, и потомъ по-французски же сказала, гдѣ отыскать лопатку. И это показалось Левину непріятнымъ.

Все теперь казалось ему въ домѣ Дарьи Александровны и въ ея дѣтяхъ совсѣмъ уже не такъ мило, какъ прежде.

„И для чего она говоритъ по-французски съ дѣтьми?— подумалъ онъ,—какъ это неестественно и фальшиво! И дѣти чувствуютъ это. Выучить по-французски и отучить отъ искренности“, думалъ онъ самъ съ собой, не зная того, что Дарья Александровна все это двадцать разъ уже передумала, и все-таки, хотя и въ ущербъ искренности, нашла необходимымъ учить этимъ путемъ своихъ дѣтей.

— Но куда же вамъ ѣхать? Посидите.

Левинъ остался до чая, но веселье его все исчезло, и ему было неловко.

Послѣ чая онъ вышелъ въ переднюю велѣть подавать лошадей, и когда вернулся, засталъ Дарью Александровну взволнованною, съ разстроенными лицомъ и слезами на глазахъ. Въ то время, какъ Левинъ выходилъ, случилось для

Дарьи Александровны событіе, разрушившее вдругъ все ея сегоднешнее счастіе и гордость дѣтьми. Гриша и Таня подрались за мячикъ. Дарья Александровна, услышавъ крикъ въ дѣтской, выбѣжала и застала ихъ въ ужасномъ видѣ. Таня держала Гришу за волосы; а онъ, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, билъ ее кулаками куда попало. Что-то оборвалось въ сердцѣ Дарьи Александровны, когда она увидала это. Какъ будто мракъ надвинулся на ея жизнь: она поняла, что тѣ ея дѣти, которыми она такъ гордилась, были не только самыя обыкновенныя, но даже нехорошія, дурно воспитанныя дѣти съ грубыми, звѣрскими наклонностями, злыя дѣти.

Она ни о чемъ другомъ не могла говорить и думать и не могла разсказать Левину своего несчастія.

Левинъ видѣлъ, что она несчастлива, и постарался утѣшить ее, говоря, что это ничего дурнаго не доказываетъ, что всѣ дѣти дерутся; но, говоря это, въ душѣ своей Левинъ думалъ: „нѣтъ, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими дѣтьми; но у меня будутъ не такія дѣти; надо только не портить, не уродовать дѣтей, и они будутъ прелестны. Да, у меня будутъ не такія дѣти“.

Онъ простился и уѣхалъ, и она не удерживала его.

XI.

Въ половинѣ іюля къ Левину явился староста сестриной деревни, находившейся за двадцать верстъ отъ Покровскаго, съ отчетомъ о ходѣ дѣлъ и о покосѣ. Главный доходъ съ имѣнія сестры получался за заливные луга. Въ прежніе годы покосы разбирались мужиками по двадцати рублей за десятину. Когда Левинъ взялъ имѣніе въ управленіе, онъ,

осмотрѣвъ покосы, нашелъ, что они стόятъ дороже, и назначилъ цѣну за десятину двадцать пять рублей. Мужики не дали этой цѣны и, какъ подозрѣвалъ Левинъ, отбили другихъ покупателей. Тогда Левинъ поѣхалъ туда самъ и распорядился убирать луга частью наймомъ, частью изъ доли. Свои мужики препятствовали всѣми средствами этому нововведенію, но дѣло пошло, и въ первый же годъ за луга было выручено почти вдвое. Въ третьемъ и прошломъ году продолжалось то же противодѣйствіе мужиковъ, и уборка шла тѣмъ же порядкомъ. Въ нынѣшнемъ году мужики взяли всѣ покосы изъ третьей доли, и теперь староста пріѣхалъ объявить, что покосы убраны и что онъ, побоявшись дождя, пригласилъ конторщика, при немъ раздѣлилъ и сметалъ уже одиннадцать господскихъ стоговъ. По неопредѣленнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ, сколько было сѣна на главномъ лугу, по поспѣшности старосты, раздѣлившаго сѣно безъ спросу, по всему тону мужика, Левинъ понялъ, что въ этомъ дѣлежѣ сѣна что-то нечисто, и рѣшился съѣздить самъ повѣрить дѣло.

Пріѣхавъ въ обѣдъ въ деревню и оставивъ лошадь у пріятеля-старика, мужа братниной кормилицы, Левинъ вошелъ къ старику на пчельникъ, желая узнать отъ него подробности объ уборкѣ покоса. Говорливый, благообразный старикъ Парменычъ радостно принялъ Левина, показалъ ему все свое хозяйство, разсказалъ всѣ подробности о своихъ пчелахъ и о роевщинѣ нынѣшняго года; но на вопросы Левина о покосѣ говорилъ неопредѣленно и неохотно. Это еще болѣе утвердило Левина въ его предположеніяхъ. Онъ пошелъ на покосъ и осмотрѣлъ стога. Въ стогахъ не могло быть по пятидесяти возовъ, и, чтобъ уличить мужиковъ, Ле-

винъ велѣлъ сейчасъ же вызвать возившія сѣно подводы, поднять одинъ стогъ и перевезти въ сарай. Изъ стога вышло только тридцать два воза. Несмотря на увѣренія старосты о пухлявости сѣна и о томъ, какъ оно улеглось въ стогахъ, на его божбу о томъ, что все было по-божески, Левинъ настаивалъ на своемъ, что сѣно дѣлили безъ его приказа и что онъ потому не принимаетъ этого сѣна за пятьдесятъ возовъ въ стогу. Послѣ долгихъ споровъ дѣло рѣшили тѣмъ, чтобы мужикамъ принять эти одиннадцать стоговъ, считая по пятидесяти возовъ, на свою долю, а на господскую долю выдѣлять вновь. Переговоры эти и дѣлежъ копенъ продолжались до полдника. Когда послѣднее сѣно было раздѣлено, Левинъ, поручивъ остальное наблюденіе конторщику, присѣлъ на отмѣченной тычинкой ракитника копнѣ, любуясь на кипящій народомъ лугъ.

Передъ нимъ, въ загибѣ рѣки за болотцемъ, весело треща звонкими голосами, двигалась пестрая вереница бабъ, и изъ растрясеннаго сѣна быстро вытягивались по свѣтло-зеленой отавѣ сѣрые извилистые валы. Слѣдомъ за бабами шли мужики съ вилами, и изъ валовъ выростали широкія, высокія, пухлыя копны. Слѣва, по убранному уже лугу, гремѣли телѣги, и одна за другою, подаваемыя огромными навилинами, исчезали копны, и на мѣсто ихъ навивались, нависающіе на зады лошадей, тяжелые воза душистаго сѣна.

— За погодку убрать, сѣно же будетъ!—сказалъ старикъ, присѣвшій подлѣ Левина.—Чай, не сѣно! Ровно утятамъ зерна разсыпь, какъ подбираютъ!—прибавилъ онъ, указывая на навиваемыя копны.—Съ обѣда половину добрую свезли... Послѣднюю, что-ль?—крикнулъ онъ на малаго, который, стоя

на переду телѣжнаго ящика и помахивая концами пеньковыхъ возжей, ѣхалъ мимо.

— Послѣдню, батюшка! — прокричалъ малый, придерживая лошадь, улыбаясь оглянулся на веселую, тоже улыбавшуюся, румяную бабу, сидѣвшую въ телѣжномъ ящикѣ, и погналъ дальше.

— Это кто же, сынъ?—спросилъ Левинъ.

— Мой меньшенькій,—съ ласковою улыбкой сказалъ старикъ

— Какой молодецъ!

— Ничего малый.

— Ужъ женатъ?

— Да, третій годъ пошелъ съ Филипповокъ.

— Что-жъ, и дѣти есть?

— Какія дѣти! Годъ цѣлый не понималъ ничего, да и стыдимъ,—отвѣчалъ старикъ.—Ну, сѣно! Чай настоящій!—повторилъ онъ, желая перемѣнить разговоръ.

Левинъ внимательнѣе присмотрѣлся къ Ванькѣ Парменову и его женѣ. Они недалеко отъ него навивали копну. Иванъ Парменовъ стоялъ на возу, принимая, разравнивая и отаптывая огромныя навилины сѣна, которыя сначала охапками, а потомъ вилами ловко подавала ему его молодая красавица-хозяйка. Молодая баба работала легко, весело и ловко. Крупное слежавшееся сѣно не бралось сразу на вилы. Она сначала расправляла его, всовывая вилы, потомъ упругимъ и быстрымъ движеніемъ налегала на нихъ всею тяжестью своего тѣла и тотчасъ же, перегибая перетянутую краснымъ кушакомъ спину, выпрямлялась, и выставляя полную грудь изъ-подъ бѣлой занавѣски, съ ловкою ухваткой перехватывала руками вилы и вскидывала навилину высоко на возъ. Иванъ поспѣшно, видимо ста-

раясь избавить ее отъ всякой минуты лишняго труда, подхватывалъ, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлялъ ее на возу. Подавъ послѣднее сѣно граблями, баба отряхнула засыпавшуюся ей за шею труху и, оправивъ сбившійся надъ бѣлымъ, незагорѣлымъ лбомъ красный платокъ, полѣзла подъ телѣгу увязывать возъ. Иванъ училъ ее, какъ цѣплять за лисицу, и чему-то сказанному ею громко расхохотался. Въ выраженіяхъ обоихъ лицъ была видна сильная, молодая, недавно проснувшаяся любовь.

XII.

Возъ былъ увязанъ. Иванъ спрыгнулъ и повелъ за поводъ добрую, сытую лошадь. Баба вскинула на возъ грабли и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, пошла къ собравшимся хороводомъ бабамъ. Иванъ, выѣхавъ на дорогу, вступилъ въ обозъ съ другими возами. Бабы съ граблями на плечахъ, блестя яркими цвѣтами и треща звонкими, веселыми голосами, шли позади возовъ. Одинъ грубый, дикій бабій голосъ затянулъ пѣсню и допѣлъ ее до повторенія, и дружно, въ разъ, подхватили опять сначала ту же пѣсню полсотни разныхъ, грубыхъ и тонкихъ, здоровыхъ голосовъ.

Бабы съ пѣснью приближались къ Левину, и ему казалось, что туча съ громомъ веселья надвигалась на него. Туча надвинулась, захватила его, и копна, на которой онъ лежалъ, и другія копны, и воза, и весь лугъ съ дальнимъ полемъ—все заходило и заколыхалось подъ размѣры этой дикой, развеселой пѣсни со вскриками, присвистами и ёканьями. Левину завидно стало за это здоровое веселье и хотѣлось принять участіе въ выраженіи этой радости жизни. Но онъ ничего не могъ сдѣлать и долженъ былъ лежать, и

смотрѣть, и слушать. Когда народъ съ пѣснью скрылся изъ вида и слуха, тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою тѣлесную праздность, за свою враждебность къ этому міру—охватила Левина.

Нѣкоторые изъ тѣхъ самыхъ мужиковъ, которые больше
всѣхъ съ нимъ спорили за сѣно,—тѣ, к
дѣлъ, или тѣ, которые хотѣли обмануть е
жики весело кланялись ему и очевид
могли имѣть къ нему никакого зла и н
раскаянія, но и воспоминанія о томъ,
мануть его. Все это потонуло въ м
труда. Богъ далъ день, Богъ далъ си
посвящены труду, и въ немъ самомъ н
трудъ? Какіе будутъ плоды труда? Это
ронния и ничтожныя.

Левинъ часто любовался на эту жиз
чувство зависти къ людямъ, живущим
нынче въ первый разъ, въ особенност
того, что онъ видѣлъ въ отношеніяхъ
его молодой женѣ, Левину въ первы
мысль о томъ, что отъ него зависитъ г
тягостную, праздную, искусственную л
рою онъ жилъ, на эту трудовую, чисту
ную жизнь.

Старикъ, сидѣвшій съ нимъ, уже дав
родъ весь разобрался. Ближніе уѣхали
бралась къ ужину и ночлегу въ лугу. Л
емый народомъ, продолжалъ лежать на
слушать и думать. Народъ, оставшійся
не спалъ почти всю короткую лѣтнюю

шался общій веселый говоръ и хохотъ за ужиномъ, потомъ опять пѣсни и смѣхъ.

Весь длинный трудовой день не оставилъ въ нихъ другаго слѣда, кромѣ веселости. Передъ утреннею зарей все затихло. Слышались только ночные звуки неумолкаемыхъ въ болотѣ лягушекъ и лошадей, фыркавшихъ по лугу въ поднявшемся передъ утромъ туманѣ. Очнувшись, Левинъ всталъ съ копны и, оглядѣвъ звѣзды, понялъ, что прошла ночь.

„Ну, такъ что же я сдѣлаю? Какъ я сдѣлаю это?" сказалъ онъ себѣ, стараясь выразить для самого себя все то, что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ эту короткую ночь. Все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ, раздѣлялось на три отдѣльные хода мысли. Одинъ—это было отреченіе отъ своей старой жизни, отъ своего ни къ чему ненужнаго образованія. Это отреченіе доставляло ему наслажденіе и было для него легко и просто. Другія мысли и представленія касались той жизни, которою онъ желалъ жить теперь. Простоту, чистоту, законность этой жизни онъ ясно чувствовалъ и былъ убѣжденъ, что онъ найдетъ въ ней то удовлетвореніе, успокоеніе и достоинство, отсутствіе которыхъ онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. Но третій рядъ мыслей вертѣлся на вопросѣ о томъ, какъ сдѣлать этотъ переходъ отъ старой жизни къ новой. И тутъ ничего яснаго ему не представлялось. „Имѣть жену? Имѣть работу и необходимость работы? Оставить Покровское? Купить землю? Приписаться въ общество? Жениться на крестьянкѣ? Какъ же я сдѣлаю это?—опять спрашивалъ онъ себя, и не находилъ отвѣта. — Впрочемъ, я не спалъ всю ночь, и я не могу дать себѣ яснаго отчета,— сказалъ онъ себѣ.— Я уясню послѣ. Одно вѣрно, что эта ночь рѣшила мою

судьбу. Всѣ мои прежнія мечты семейной жизни вздоръ, не то,—сказалъ онъ себѣ.—Все это гораздо проще и лучше...“

„Какъ красиво!—подумалъ онъ, глядя на странную, точно перламутровую раковину изъ бѣлыхъ барашковъ-облачковъ, остановившуюся надъ самою головой его на серединѣ неба.—Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта раковина? Недавно я смотрѣлъ на небо, и на немъ ничего не было—только двѣ бѣлыя полосы. Да, вотъ такъ-то незамѣтно измѣнились и мои взгляды на жизнь.“

Онъ вышелъ изъ луга и пошелъ по большой дорогѣ къ деревнѣ. Поднимался вѣтерокъ, и стало сѣро, мрачно. Наступила пасмурная минута, предшествующая обыкновенно разсвѣту, полной побѣдѣ свѣта надъ тьмой.

Пожимаясь отъ холода, Левинъ быстро шелъ, глядя на землю. „Это что? Кто-то ѣдетъ“, подумалъ онъ, услыхавъ бубенцы, и поднялъ голову. Въ сорока шагахъ отъ него, ему навстрѣчу, по той большой дорогѣ - муравкѣ, по которой онъ шелъ, ѣхала четверней карета съ важами. Дышловыя лошади жались отъ колей на дышло, но ловкій ямщикъ, бокомъ сидѣвшій на козлахъ, держалъ дышломъ по колеѣ, такъ что колеса бѣжали по гладкому.

Только это замѣтилъ Левинъ и, не думая о томъ, кто это можетъ ѣхать, разсѣянно взглянулъ въ карету.

Въ каретѣ дремала въ углу старушка, а у окна, видимо только - что проснувшись, сидѣла молодая дѣвушка, держась обѣими руками за ленточки бѣлаго чепчика. Свѣтлая и задумчивая, вся исполненная изящной и сложной внутренней, чуждой Левину жизни, она смотрѣла черезъ него на зарю восхода.

Въ то самое мгновеніе, какъ видѣніе это уже исчезало, правдивые глаза взглянули на него. Она узнала его, и удивленная радость освѣтила ея лицо.

Онъ не могъ ошибиться. Только одни на свѣтѣ были эти глаза. Только одно было на свѣтѣ существо, способное сосредоточивать для него весь свѣтъ и смыслъ жизни. Это была она. Это была Кити. Онъ понялъ, что она ѣхала въ Ергушово со станціи желѣзной дороги. И все то, что волновало Левина въ эту безсонную ночь, всѣ тѣ рѣшенія, которыя были приняты имъ, все вдругъ исчезло. Онъ съ отвращеніемъ вспомнилъ свои мечты женитьбы на крестьянкѣ. Тамъ только, въ этой, быстро удалявшейся и переѣхавшей на другую сторону дороги, каретѣ, тамъ только была возможность разрѣшенія столь мучительно тяготившей его въ послѣднее время загадки его жизни.

Она не выглянула больше. Звукъ рессоръ пересталъ быть слышенъ, чуть слышны стали бубенчики. Лай собакъ показалъ, что карета проѣхала и деревню,—и остались вокругъ пустыя поля, деревня впереди и онъ самъ, одинокій и чужой всему, одиноко идущій по заброшенной большой дорогѣ.

Онъ взглянулъ на небо, надѣясь найдти тамъ ту раковину, которою онъ любовался и которая олицетворяла для него весь ходъ мыслей и чувствъ нынѣшней ночи. На небѣ не было ничего болѣе похожаго на раковину. Тамъ, въ недосягаемой вышинѣ, совершилась уже таинственная перемѣна. Не было и слѣда раковины, а былъ ровный, разстилавшійся по цѣлой половинѣ неба, коверъ все умельчающихся и умельчающихся барашковъ. Небо поголубѣло и просіяло и съ тою же нѣжностью, но и съ тою же недосягаемостью отвѣчало на его вопрошающій взглядъ.

„Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ,—какъ ни хороша эта жизнь простая и трудовая, я не могу вернуться къ ней. Я люблю *ее*“.

XIII.

Никто, кромѣ самыхъ близкихъ людей къ Алексѣю Александровичу, не зналъ, что этотъ съ виду самый холодный и разсудительный человѣкъ имѣлъ одну, противорѣчившую общему складу его характера, слабость. Алексѣй Александровичъ не могъ равнодушно слышать и видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и онъ терялъ совершенно способность соображенія. Правитель его канцеляріи и секретарь знали это и предувѣдомляли просительницъ, чтобъ онѣ отнюдь не плакали, если не хотятъ испортить свое дѣло. „Онъ разсердится и не станетъ васъ слушать“, говорили они. И дѣйствительно, въ этихъ случаяхъ душевное разстройство, производимое въ Алексѣѣ Александровичѣ слезами, выражалось торопливымъ гнѣвомъ. „Я не могу ничего сдѣлать. Извольте идти вонъ!“ кричалъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ.

Когда, возвращаясь со скачекъ, Анна объявила ему о своихъ отношеніяхъ къ Вронскому и, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, закрывъ лицо руками, заплакала, Алексѣй Александровичъ, несмотря на вызванную въ немъ злобу къ ней, почувствовалъ въ то же время приливъ того душевнаго разстройства, которое на него всегда вроизводили слезы. Зная это и зная, что выраженіе въ эту минуту его чувствъ было бы несоотвѣтственно положенію, онъ старался удержать въ себѣ всякое проявленіе жизни, и потому не шевелился и не смотрѣлъ на нее. Отъ этого-то и происходило то странное выраженіе мертвенности на его лицѣ, которое такъ поразило Анну.

Когда они подъѣхали къ дому, онъ высадилъ ее изъ кареты и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, съ привычною учтивостью простился съ ней и произнесъ тѣ слова, которыя ни къ чему не обязывали его; онъ сказалъ, что завтра сообщитъ ей свое рѣшеніе.

Слова жены, подтвердившія его худшія сомнѣнія, произвели жестокую боль въ сердцѣ Алексѣя Александровича. Боль эта была усилена еще тѣмъ страннымъ чувствомъ физической жалости къ ней, которую произвели на него ея слезы. Но, оставшись одинъ въ каретѣ, Алексѣй Александровичъ, къ удивленію своему и радости, почувствовалъ совершенное освобожденіе и отъ этой жалости, и отъ мучившихъ его въ послѣднее время сомнѣній и страданій ревности.

Онъ испытывалъ чувство человѣка, выдернувшаго долго болѣвшій зубъ. Послѣ страшной боли и ощущенія чего-то огромнаго, больше самой головы, вытягиваемаго изъ челюсти, больной вдругъ, не вѣря еще своему счастію, чувствуетъ, что не существуетъ болѣе того, что такъ долго отравляло его жизнь, приковывало къ себѣ все вниманіе, и что онъ опять можетъ жить, думать и интересоваться не однимъ своимъ зубомъ. Это чувство испыталъ Алексѣй Александровичъ. Боль была странная и страшная, но теперь она прошла; онъ чувствовалъ, что можетъ опять жить и думать не объ одной женѣ.

„Безъ чести, безъ сердца, безъ религіи, испорченная женщина! Это я всегда зналъ и всегда видѣлъ, хотя и старался, жалѣя ее, обманывать себя“, сказалъ онъ себѣ. И ему дѣйствительно казалось, что онъ всегда это видѣлъ; онъ припоминалъ подробности ихъ прошедшей жизни, ко-

торыя прежде не казались ему чѣмъ-либо дурнымъ,—теперь эти подробности ясно показывали, что она всегда была испорченною. „Я ошибся, связавъ свою жизнь съ нею, но въ ошибкѣ моей нѣтъ ничего дурнаго, и потому я не могу быть несчастливъ. Виноватъ не я,—сказалъ онъ себѣ,—но она. Но мнѣ нѣтъ дѣла до нея. Она не существуетъ для меня...“

Все, что постигнетъ ее и сына, къ которому точно такъ же, какъ и къ ней перемѣнились его чувства, перестало занимать его. Одно, что занимало его теперь, это былъ вопросъ о томъ, какъ наилучшимъ, наиприличнѣйшимъ, удобнѣйшимъ для себя и, потому, справедливѣйшимъ образомъ отряхнуться отъ той грязи, которою она забрызгала его въ своемъ паденіи, и продолжать идти по своему пути дѣятельной, честной и полезной жизни.

„Я не могу быть несчастливъ отъ того, что презрѣнная женщина сдѣлала преступленіе; я только долженъ найдти наилучшій выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которое она ставитъ меня. И я найду его,—говорилъ онъ себѣ, хмурясь больше и больше.—Не я первый, не я послѣдній“. И, не говоря объ историческихъ примѣрахъ, начиная съ освѣженнаго въ памяти всѣхъ *Прекрасною Еленой* Менелая, цѣлый рядъ случаевъ современныхъ невѣрностей женъ мужьямъ высшаго свѣта возникъ въ воображеніи Алексѣя Александровича. „Дарьяловъ, Полтавскій, князь Карибановъ, графъ Паскудинъ, Драмъ... Да, и Драмъ, такой честный, дѣльный человѣкъ... Семеновъ, Чагинъ, Сигонинъ“, вспоминалъ Алексѣй Александровичъ. „Положимъ, какой-то неразумный ridicule падаетъ на этихъ людей, но я никогда не видѣлъ въ этомъ ничего кромѣ несчастія и

всегда сочувствовалъ ему“, сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, хотя это и было неправда, и онъ никогда не сочувствовалъ несчастіямъ этого рода, а тѣмъ выше цѣнилъ себя, чѣмъ чаще были примѣры женъ, измѣняющихъ своимъ мужьямъ. „Это—несчастіе, которое можетъ постигнуть всякаго. И это несчастіе постигло меня. Дѣло только въ томъ, какъ наилучшимъ образомъ перенести это положеніе“. И онъ сталъ перебирать подробности образа дѣйствій людей, находившихся въ такомъ же, какъ и онъ, положеніи.

„Дарьяловъ дрался на дуэли ..“

Дуэль въ юности особенно привлекала мысли Алексѣя Александровича именно потому, что онъ былъ физически робкій человѣкъ и хорошо зналъ это. Алексѣй Александровичъ безъ ужаса не могъ подумать о пистолетѣ, на него направленномъ, и никогда въ жизни не употреблялъ никакого оружія. Этотъ ужасъ смолоду часто заставлялъ его думать о дуэли и примѣривать себя къ положенію, въ которомъ нужно подвергать жизнь свою опасности. Достигнувъ успѣха и твердаго положенія въ жизни, онъ давно забылъ объ этомъ чувствѣ, но привычка чувства взяла свое, и страхъ за свою трусость и теперь оказался такъ силенъ, что Алексѣй Александровичъ долго и со всѣхъ сторонъ обдумывалъ и ласкалъ мыслью вопросъ о дуэли, хотя и впередъ зналъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ драться.

„Безъ сомнѣнія, наше общество еще такъ дико (не то, что въ Англіи), что очень многіе“—и въ числѣ этихъ многихъ были тѣ, мнѣніемъ которыхъ Алексѣй Александровичъ особенно дорожилъ,—посмотрятъ на дуэль съ хорошей стороны; но какой результатъ будетъ достигнутъ? По-

ложимъ, я вызову на дуэль, — продолжалъ про себя Алексѣй Александровичъ и, живо представивъ себѣ ночь, которую онъ проведетъ послѣ вызова, и пистолетъ на него направленный, онъ содрогнулся и понялъ, что никогда онъ этого не сдѣлаетъ, — положимъ, я вызову его на дуэль. Положимъ, меня научатъ,—продолжалъ онъ думать,— поставятъ, я пожму гашетку,—говорилъ онъ себѣ, закрывая глаза, и окажется, что я убилъ его..." сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ и потрясъ головой, чтобъ отогнать эти глупыя мысли. „Какой смыслъ имѣетъ убійство человѣка для того, чтобъ опредѣлить свое отношеніе къ преступной женѣ и сыну? Точно также я долженъ буду рѣшать, что долженъ дѣлать съ ней... Но, что еще вѣроятнѣе и что несомнѣнно будетъ, я буду убитъ или раненъ. Я, невиноватый человѣкъ, жертва—убитъ или раненъ. Еще безсмысленнѣе. Но мало этого: вызовъ на дуэль съ моей стороны будетъ поступокъ нечестный. Развѣ я не знаю впередъ, что мои друзья никогда не допустятъ меня до дуэли, не допустятъ того, чтобы жизнь государственнаго человѣка, нужнаго Россіи, подверглась опасности? Что же будетъ?... Будетъ то, что я, зная впередъ то, что никогда дѣло не дойдетъ до опасности, захотѣлъ только придать себѣ этимъ вызовомъ нѣкоторый ложный блескъ. Это нечестно, это фальшиво, это обманъ другихъ и самого себя. Дуэль немыслима, и никто не ждетъ ея отъ меня. Цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобъ обезпечить свою репутацію, нужную мнѣ для безпрепятственнаго продолженія своей дѣятельности". Служебная дѣятельность, и прежде въ глазахъ Алексѣя Александровича имѣвшая большое значеніе, теперь представлялась ему особенно значительною.

Обсудивъ и отвергнувъ дуэль, Алексѣй Александровичъ обратился къ разводу,— другому выходу, избранному нѣкоторыми изъ тѣхъ мужей, которыхъ онъ вспомнилъ. Перебирая въ воспоминаніи всѣ извѣстные случаи разводовъ (ихъ было очень много въ самомъ высшемъ, ему хорошо извѣстномъ обществѣ), Алексѣй Александровичъ не нашелъ ни одного, гдѣ бы цѣль развода была та, которую онъ имѣлъ въ виду. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мужъ уступалъ или продавалъ невѣрную жену, и та самая сторона, которая за вину не имѣла права на вступленіе въ бракъ, вступала въ вымышленныя, мнимо узаконенныя отношенія съ мнимымъ супругомъ. Въ своемъ же случаѣ Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что достиженіе законнаго, т.-е. такого развода, гдѣ была бы только отвергнута виновная жена,—невозможно. Онъ видѣлъ, что сложныя условія жизни, въ которыхъ онъ находился, не допускали возможности тѣхъ грубыхъ доказательствъ, которыхъ требовалъ законъ для уличенія преступности жены; видѣлъ то, что извѣстная утонченность этой жизни не допускала и примѣненія этихъ доказательствъ, еслибъ они и были, что примѣненіе этихъ доказательствъ уронило бы его въ общественномъ мнѣніи болѣе, чѣмъ ее.

Попытка развода могла привести только къ скандальному процессу, который былъ бы находкой для враговъ, для клеветы и униженія его высокаго положенія въ свѣтѣ. Главная же цѣль, опредѣленіе положенія съ наименьшимъ разстройствомъ, не достигалась и черезъ разводъ. Кромѣ того, при разводѣ, даже при попыткѣ развода, очевидно было, что жена разрывала сношенія съ мужемъ и соединялась съ своимъ любовникомъ. А въ душѣ Алексѣя Александровича, несмотря на полное, теперь, какъ ему казалось, пре-

зрительное равнодушіе къ женѣ, оставалось въ отношеніи къ ней одно чувство — нежеланіе того, чтобъ она безпрепятственно могла соединиться съ Вронскимъ, чтобы преступленіе ея было для нея выгодно. Одна мысль эта такъ раздражала Алексѣя Александровича, что, только представивъ себѣ это, онъ замычалъ отъ внутренней боли и приподнялся и перемѣнилъ мѣсто въ каретѣ, и долго послѣ того нахмуренный завертывалъ свои зябкія и костлявыя ноги пушистымъ пледомъ.

„Кромѣ формальнаго развода, можно было еще поступить какъ Карибановъ, Паскудинъ и этотъ добрый Драмъ, то-есть разъѣхаться съ женой“, продолжалъ онъ думать, успокоившись; но и эта мѣра представляла тѣ же неудобства позора, какъ и при разводѣ, и главное—это, точно такъ же, какъ и формальный разводъ, бросало его жену въ объятія Вронскаго. „Нѣтъ, это невозможно, невозможно!—опять принимаясь перевертывать свой пледъ, громко заговорилъ онъ.—Я не могу быть несчастливъ, но и она и онъ не должны быть счастливы“.

Чувство ревности, которое мучило его во время неизвѣстности, прошло въ ту минуту, когда ему съ болью былъ выдернутъ зубъ словами жены. Но чувство это измѣнилось другимъ,—желаніемъ, чтобъ она не только не торжествовала, но получила возмездіе за свое преступленіе. Онъ не признавалъ этого чувства, но въ глубинѣ души ему хотѣлось, чтобъ она пострадала за нарушеніе его спокойствія и чести. И вновь перебравъ условія дуэли, развода, разлуки, и вновь отвергнувъ ихъ, Алексѣй Александровичъ убѣдился, что выходъ былъ только одинъ—удержать ее при себѣ, скрывъ отъ свѣта случившееся и употребивъ всѣ зависящія мѣры

для прекращенія связи, и главное, — въ чемъ самому себѣ не признавался,— для наказанія ея. „Я долженъ объявить свое рѣшеніе, что, обдумавъ то тяжелое положеніе, въ которое она поставила семью, всѣ другіе выходы будутъ хуже для обѣихъ сторонъ, чѣмъ внѣшнее statu quo, и что таковое я согласенъ соблюдать, но подъ строгимъ условіемъ исполненія съ ея стороны моей воли, то есть прекращенія отношеній съ любовникомъ“. Въ подтвержденіе этого рѣшенія, когда оно уже было окончательно принято, Алексѣю Александровичу пришло еще одно важное соображеніе. „Только при такомъ рѣшеніи я поступаю и сообразно съ религіей,— сказалъ онъ себѣ,—только при этомъ рѣшеніи я не отвергаю отъ себя преступную жену, а даю ей возможность исправленія, и даже - какъ ни тяжело это мнѣ будетъ—посвящаю часть своихъ силъ на исправленіе и спасеніе ея“. Хотя Алексѣй Александровичъ и зналъ, что онъ не можетъ имѣть на жену нравственнаго вліянія, что изъ всей этой попытки исправленія ничего не выйдетъ, кромѣ лжи; хотя, переживая эти тяжелыя минуты, онъ и не подумалъ ни разу о томъ, чтобъ искать руководства въ религіи,—теперь, когда его рѣшеніе совпадало съ требованіями, какъ ему казалось, религіи, эта религіозная санкція его рѣшенія давала ему полное удовлетвореніе и отчасти успокоеніе. Ему было радостно думать, что и въ столь важномъ жизненномъ дѣлѣ никто не въ состояніи будетъ сказать, что онъ не поступилъ сообразно съ правилами той религіи, которой знамя онъ всегда держалъ высоко среди общаго охлажденія и равнодушія. Обдумывая дальнѣйшія подробности, Алексѣй Александровичъ не видѣлъ даже, почему его отношенія къ женѣ не могли оставаться такія же почти, какъ и прежде;

Безъ сомнѣнія, онъ никогда не будетъ въ состояніи возвратить ей своего уваженія; но не было и не могло быть никакихъ причинъ ему разстраивать свою жизнь и страдать вслѣдствіе того, что она была дурная и невѣрная жена. „Да, пройдетъ время, все устрояющее время, и отношенія возстановятся прежнія,—сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ,— то-есть возстановятся въ такой степени, что я не буду чувствовать разстройства въ теченіе своей жизни. Она должна быть несчастлива, но я не виноватъ, и потому не могу быть несчастливъ“.

XIV.

Подъѣзжая къ Петербургу, Алексѣй Александровичъ не только вполнѣ остановился на этомъ рѣшеніи, но и составилъ въ своей головѣ письмо, которое онъ напишетъ женѣ. Войдя въ швейцарскую, Алексѣй Александровичъ взглянулъ на письма и бумаги, принесенныя изъ министерства, и велѣлъ внести за собой въ кабинетъ.

— Отложить и никого не принимать, — сказалъ онъ на вопросъ швейцара съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, служившимъ признакомъ его хорошаго расположенія духа, ударяя на словѣ „не принимать“.

Въ кабинетѣ Алексѣй Александровичъ прошелся два раза и остановился у огромнаго письменнаго стола, на которомъ уже были зажжены впередъ вошедшимъ камердинеромъ шесть свѣчей, потрещалъ пальцами и сѣлъ, разбирая письменныя принадлежности. Положивъ локти на столъ, онъ склонилъ на бокъ голову, подумалъ съ минуту и началъ писать, ни одной секунды не останавливаясь. Онъ писалъ безъ обращенія къ ней и по-французски, употребляя мѣстоименіе

„вы“, не имѣющее того характера холодности, который оно имѣетъ на русскомъ языкѣ.

„При послѣднемъ разговорѣ нашемъ, я выразилъ вамъ мое намѣреніе сообщить свое рѣшеніе относительно предмета этого разговора. Внимательно обдумавъ все, я пишу теперь съ цѣлью исполнить это обѣщаніе. Рѣшеніе мое слѣдующее: каковы бы ни были ваши поступки, я не считаю себя въ правѣ разрывать тѣхъ узъ, которыми мы связаны властью свыше. Семья не можетъ быть разрушена по капризу, произволу или даже по преступленію одного изъ супруговъ, и наша жизнь должна идти, какъ она шла прежде. Это необходимо для меня, для васъ, нашего сына. Я вполнѣ увѣренъ, что вы раскаялись и раскаиваетесь въ томъ, что служитъ поводомъ настоящаго письма, и что вы будете содѣйствовать мнѣ въ томъ, чтобы вырвать съ корнемъ причину нашего раздора и забыть прошедшее. Въ противномъ случаѣ вы сами можете предположить то, что ожидаетъ васъ и вашего сына. Обо всемъ этомъ болѣе подробно надѣюсь переговорить при личномъ свиданіи. Такъ какъ время дачнаго сезона кончается, я просилъ бы васъ переѣхать въ Петербургъ какъ можно скорѣе, не позже вторника. Всѣ нужныя распоряженія для вашего переѣзда будутъ сдѣланы. Прошу васъ замѣтить, что я приписываю особенное значеніе исполненію этой моей просьбы“.

„А. Каренинъ“.

PS. „При этомъ письмѣ деньги, которыя могутъ понадобиться для вашихъ расходовъ“.

Онъ прочелъ письмо и остался имъ доволенъ, особенно тѣмъ, что онъ вспомнилъ приложить деньги; не было ни

жестокаго слова, ни упрека, но не было и снисходительности. Главное же — былъ золотой мостъ для возвращенія. Сложивъ письмо и загладивъ его большимъ, массивнымъ ножомъ слоновой кости и уложивъ въ конвертъ съ деньгами, онъ съ удовольствіемъ, которое всегда возбуждаемо было въ немъ обращеніемъ со своими хорошо устроенными письменными принадлежностями, позвонилъ.

— Передашь курьеру, чтобы завтра доставилъ Аннѣ Аркадьевнѣ на дачу,—сказалъ онъ и всталъ.

— Слушаю, ваше превосходительство. Чай въ кабинетъ прикажете?

Алексѣй Александровичъ велѣлъ подать чай въ кабинетъ и, играя массивнымъ ножомъ, пошелъ къ креслу, у котораго была приготовлена лампа и начатая французская книга о евгюбическихъ надписяхъ. Надъ кресломъ висѣлъ овальный, въ золотой рамѣ, прекрасно сдѣланный знаменитымъ художникомъ, портретъ Анны. Алексѣй Александровичъ взглянулъ на него. Непроницаемые глаза насмѣшливо и нагло смотрѣли на него, какъ въ тотъ послѣдній вечеръ ихъ объясненія. Невыносимо нагло и вызывающе подѣйствовалъ на Алексѣя Александровича видъ отлично сдѣланнаго художникомъ чернаго кружева на головѣ, черныхъ волосъ и бѣлой прекрасной руки съ безыменнымъ пальцемъ, покрытымъ перстнями. Поглядѣвъ на портретъ съ минуту, Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ такъ, что губы затряслись и произвели звукъ „брр", и отвернулся. Поспѣшно сѣвъ въ кресло, онъ раскрылъ книгу. Онъ попробовалъ читать, но никакъ не могъ возстановить въ себѣ весьма живаго прежде интереса къ евгюбическимъ надписямъ. Онъ смотрѣлъ въ книгу и думалъ о другомъ. Онъ думалъ

не о женѣ, но объ одномъ возникшемъ въ послѣднее время усложненіи въ его государственной дѣятельности, которое въ это время составляло главный интересъ его службы. Онъ чувствовалъ, что онъ глубже, чѣмъ когда-нибудь, вникалъ теперь въ это усложненіе, и что въ головѣ его нарождалась—онъ безъ самообольщенія могъ сказать—капитальная мысль, долженствующая распутать все это дѣло, возвысить его въ служебной карьерѣ, уронить его враговъ и потому принести величайшую пользу государству. Какъ только человѣкъ, установивъ чай, вышелъ изъ комнаты, Алексѣй Александровичъ всталъ и пошелъ къ письменному столу. Подвинувъ на середину портфель съ текущими дѣлами, онъ, съ чуть замѣтною улыбкой самодовольства, вынулъ изъ стойки карандашъ и погрузился въ чтеніе вытребованнаго имъ сложнаго дѣла, относившагося до предстоящаго усложненія. Усложненіе было такое: особенность Алексѣя Александровича, какъ государственнаго человѣка, та, ему одному свойственная, характерная черта, которую имѣетъ каждый выдвигающійся чиновникъ, та, которая вмѣстѣ съ его упорнымъ честолюбіемъ, сдержанностью, честностью и самоувѣренностью, сдѣлала его карьеру, состояла въ пренебреженіи къ бумажной оффиціальности, въ сокращеніи переписки, въ прямомъ, насколько возможно, отношеніи къ живому дѣлу и въ экономности. Случилось же, что въ знаменитой коммиссіи 2 іюня было выставлено дѣло объ орошеніи полей Зарайской губерніи, находившееся въ министерствѣ Алексѣя Александровича и представлявшее рѣзкій примѣръ неплодотворности расходовъ и бумажнаго отношенія къ дѣлу. Алексѣй Александровичъ зналъ, что это было справедливо. Дѣло орошенія

полей Зарайской губерніи было начато предшественникомъ предшественника Алексѣя Александровича. И дѣйствительно, на это дѣло было потрачено и тратилось очень много денегъ, и совершенно непроизводительно, и все дѣло это очевидно ни къ чему не могло привести. Алексѣй Александровичъ, вступивъ въ должность, тотчасъ же понялъ это и хотѣлъ было наложить руки на это дѣло; но въ первое время, когда онъ чувствовалъ себя еще не твердо, онъ зналъ, что это затрогивало слишкомъ много интересовъ и было неблагоразумно; потомъ же онъ, занявшись другими дѣлами, просто забылъ про это дѣло. Оно, какъ и всѣ дѣла, шло само собою, по силѣ инерціи. (Много людей кормилось этимъ дѣломъ, въ особенности одно очень нравственное и музыкальное семейство: всѣ дочери играли на струнныхъ инструментахъ. Алексѣй Александровичъ зналъ это семейство и былъ посаженымъ отцомъ у одной изъ старшихъ дочерей.) Поднятіе этого дѣла враждебнымъ министерствомъ было, по мнѣнію Алексѣя Александровича, не честно, потому что въ каждомъ министерствѣ были и не такія дѣла, которыхъ никто, по извѣстнымъ служебнымъ приличіямъ, не поднималъ. Теперь же если уже ему бросали эту перчатку, то онъ смѣло поднималъ ее и требовалъ назначенія особой коммиссіи для изученія и повѣрки трудовъ коммиссіи орошенія полей Зарайской губерніи; но за то уже онъ не давалъ никакого спуску и тѣмъ господамъ. Онъ требовалъ и назначенія еще особой коммиссіи по дѣлу объ устройствѣ инородцевъ. Дѣло объ устройствѣ инородцевъ было случайно поднято въ комитетѣ 2 іюня и съ энергіей поддерживаемо Алексѣемъ Александровичемъ, какъ нетерпящее отлагательства по плачевному со-

стоянію инородцевъ. Въ комитетѣ дѣло это послужило поводомъ къ пререканію нѣсколькихъ министерствъ. Министерство враждебное Алексѣю Александровичу доказывало, что положеніе инородцевъ было весьма цвѣтущее и что предполагаемое переустройство можетъ погубить ихъ процвѣтаніе, а если что̀ есть дурнаго, то это вытекаетъ только изъ неисполненія министерствомъ Алексѣя Александровича предписанныхъ закономъ мѣръ. Теперь Алексѣй Александровичъ намѣренъ былъ требовать: вопервыхъ, чтобы составлена была новая коммиссія, которой поручено бы было изслѣдовать на мѣстѣ состояніе инородцевъ; вовторыхъ, если окажется, что положеніе инородцевъ дѣйствительно таково, какимъ оно является изъ имѣющихся въ рукахъ комитета оффиціальныхъ данныхъ, то чтобы была назначена еще другая новая ученая коммиссія для изслѣдованія причинъ этого безотраднаго положенія инородцевъ съ точекъ зрѣнія: а) политической, б) административной, в) экономической, г) этнографической, д) матеріальной и е) религіозной; втретьихъ, чтобы были затребованы отъ враждебнаго министерства свѣдѣнія о тѣхъ мѣрахъ, которыя были въ послѣднее десятилѣтіе приняты этимъ министерствомъ для предотвращенія тѣхъ невыгодныхъ условій, въ которыхъ нынѣ находятся инородцы; и вчетвертыхъ, наконецъ, чтобы было потребовано отъ министерства объясненіе о томъ, почему оно, какъ видно изъ доставленныхъ въ комитетъ свѣдѣній, за №№ 17.015 и 18.308, отъ 5 декабря 1863 года и 7 іюня 1864, дѣйствовало прямо противоположно смыслу кореннаго и органическаго закона, т... ст. 18 и примѣчаніе къ статьѣ 36. Краска оживленія покрыла лицо Алексѣя Александровича, когда онъ быстро

писалъ себѣ конспектъ этихъ мыслей. Исписавъ листъ бумаги, онъ всталъ, позвонилъ и передалъ записочку къ правителю канцеляріи о доставленіи ему нужныхъ справокъ. Вставъ и пройдясь по комнатѣ, онъ опять взглянулъ на портретъ, нахмурился и презрительно улыбнулся. Почитавъ еще книгу о евгюбическихъ надписяхъ и возобновивъ интересъ къ нимъ, Алексѣй Александровичъ въ 11 часовъ пошелъ спать, и когда онъ, лежа въ постели, вспомнилъ о событіи съ женой, оно ему представилось уже совсѣмъ не въ такомъ мрачномъ видѣ.

XV.

Хотя Анна упорно и съ озлобленіемъ противорѣчила Вронскому, когда онъ говорилъ ей, что положеніе ея невозможно, она въ глубинѣ души считала свое положеніе ложнымъ, нечестнымъ, и всею душой желала измѣнить его. Возвращаясь съ мужемъ со скачекъ, въ минуту волненія она высказала ему все, и, несмотря на боль, испытанную ею при этомъ, она была рада этому. Послѣ того, какъ мужъ оставилъ ее, она говорила себѣ, что она рада, что теперь все опредѣлится и, по крайней мѣрѣ, не будетъ лжи и обмана. Ей казалось несомнѣннымъ, что теперь положеніе ея навсегда опредѣлится. Оно можетъ быть дурно, это новое положеніе, но оно будетъ опредѣленно, въ немъ не будетъ неясности и лжи. Та боль, которую она причинила себѣ и мужу, высказавъ эти слова, будетъ вознаграждена теперь тѣмъ, что все опредѣлится, думала она. Въ этотъ же вечеръ она увидалась съ Вронскимъ, но не сказала ему о томъ, что произошло между нею и мужемъ, хотя для того, чтобы положеніе опредѣлилось, надо было сказать ему.

Когда она проснулась на другое утро, первое, что представилось ей, были слова, которыя она сказала мужу, и слова эти ей показались такъ ужасны, что она не могла понять теперь, какъ она могла рѣшиться произнести эти странныя, грубыя слова, и не могла представить себѣ того, что изъ этого выйдетъ. Но слова были сказаны, и Алексѣй Александровичъ уѣхалъ, ничего не сказавъ. „Я видѣла Вронскаго и не сказала ему. Еще въ ту самую минуту, какъ онъ уходилъ, я хотѣла воротить его и сказать ему, но раздумала, потому что было странно, почему я не сказала ему въ первую минуту. Отчего я хотѣла и не сказала ему?“ И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ горячая краска стыда разлилась по ея лицу. Она поняла то, что ее удерживало отъ этого; она поняла, что ей было стыдно. Ея положеніе, которое казалось уясненнымъ вчера вечеромъ, вдругъ представилось ей теперь не только не уясненнымъ, но безвыходнымъ. Ей стало страшно за позоръ, о которомъ она прежде и не думала. Когда она только думала о томъ, что сдѣлаетъ ея мужъ, ей приходили самыя страшныя мысли. Ей приходило въ голову, что сейчасъ пріѣдетъ управляющій выгонять ее изъ дома, что позоръ ея будетъ объявленъ всему міру. Она спрашивала себя, куда она поѣдетъ, когда ее выгонятъ изъ дома, и не находила отвѣта.

Когда она думала о Вронскомъ, ей представлялось, что онъ не любитъ ее, что онъ уже начинаетъ тяготиться ею, что она не можетъ предложить ему себя, и она чувствовала враждебность къ нему за это. Ей казалось, что тѣ слова, которыя она сказала мужу и которыя она безпрестанно повторяла въ своемъ воображеніи, что она ихъ сказала всѣмъ, и что всѣ ихъ слышали. Она не могла рѣ-

шиться взглянуть въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ она жила. Она не могла рѣшиться позвать дѣвушку и еще меньше сойдти внизъ и увидать сына и гувернантку.

Дѣвушка, уже давно прислушивавшаяся у ея двери, вошла сама къ ней въ комнату. Анна вопросительно взглянула ей въ глаза и испуганно покраснѣла. Дѣвушка извинилась, что вошла, сказавъ, что ей показалось, что позвонили. Она принесла платье и записку. Записка была отъ Бетси. Бетси напоминала ей, что нынче утромъ къ ней съѣдутся Лиза Меркалова и баронесса Штольцъ со своими поклонниками, Калужскимъ и старикомъ Стремовымъ, на партію крокета. „Пріѣзжайте хоть посмотрѣть, какъ изученіе нравовъ. Я васъ жду“, кончала она.

Анна прочла записку и тяжело вздохнула.

— Ничего, ничего не нужно,—сказала она Аннушкѣ, перестанавливавшей флаконы и щетки на уборномъ столикѣ. — Поди, я сейчасъ одѣнусь и выйду. Ничего, ничего не нужно.

Аннушка вышла, но Анна не стала одѣваться, а сидѣла въ томъ же положеніи, опустивъ голову и руки, и изрѣдка содрогалась всѣмъ тѣломъ, желая какъ бы сдѣлать какой-то жестъ, сказать что-то, и опять замирая. Она безпрестанно повторяла: „Боже мой, Боже мой!“ Но ни „Боже“, ни „мой“ не имѣли для нея никакого смысла. Мысль искать своему положенію помощи въ религіи была для нея, несмотря на то, что она никогда не сомнѣвалась въ религіи, въ которой была воспитана, такъ же чужда, какъ искать помощи у самого Алексѣя Александровича. Она знала впередъ, что помощь религіи возможна только подъ условіемъ отреченія отъ того, что составляло для нея весь смыслъ

жизни. Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страхъ передъ новымъ, никогда не испытаннымъ ею душевнымъ состоянiемъ. Она чувствовала, что въ душѣ ея все начинаетъ двоиться, какъ двоятся иногда предметы въ усталыхъ глазахъ. Она не знала иногда, чего она боится, чего желаетъ. Боится ли она и желаетъ ли она того, что было, или того, что будетъ, и чего именно она желаетъ — она не знала.

„Ахъ, что я дѣлаю!“ сказала она себѣ, почувствовавъ вдругъ боль въ обѣихъ сторонахъ головы. Когда она опомнилась, она увидала, что держитъ обѣими руками свои волосы около висковъ и сжимаетъ ихъ. Она вскочила и стала ходить.

— Кофей готовъ, и мамзель съ Сережей ждутъ,—сказала Аннушка, вернувшись опять, и опять заставъ Анну въ томъ же положенiи.

— Сережа? Что Сережа? — оживляясь вдругъ, спросила Анна, вспомнивъ въ первый разъ за все утро о существованiи своего сына.

— Онъ провинился, кажется, — отвѣчала улыбаясь Аннушка.

— Какъ провинился?

— Персики у васъ лежали въ угольной; такъ, кажется, они потихонечку одинъ скушали.

Напоминанiе о сынѣ вдругъ вывело Анну изъ того безвыходнаго положенiя, въ которомъ она находилась. Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она взяла на себя въ послѣднiе годы, и съ радостью почувствовала, что въ томъ состоянiи, въ которомъ она находилась, у

ней есть держава, независимая отъ положенія, въ которое она станетъ къ мужу и къ Вронскому. Эта держава былъ сынъ. Въ какое бы положеніе она ни стала, она не можетъ покинуть сына. Пускай мужъ опозоритъ и выгонитъ ее, пускай Вронскій охладѣетъ къ ней и продолжаетъ вести свою независимую жизнь (она опять съ желчью и упрекомъ подумала о немъ), она не можетъ оставить сына. У ней есть цѣль жизни. И ей надо дѣйствовать,—дѣйствовать, чтобъ обезпечить это положеніе съ сыномъ, чтобы его не отняли у ней. Даже скорѣе, какъ можно скорѣе надо дѣйствовать, пока его не отняли у ней. Надо взять сына и уѣхать. Вотъ одно, что ей надо теперь дѣлать. Ей нужно было успокоиться и выдти изъ этого мучительнаго положенія. Мысль о прямомъ дѣлѣ, связывавшемся съ сыномъ, о томъ, чтобы сейчасъ же уѣхать съ нимъ куда-нибудь, дала ей это успокоеніе.

Она быстро одѣлась, сошла внизъ и рѣшительными шагами вошла въ гостиную, гдѣ, по обыкновенію, ожидали ее кофе и Сережа съ гувернанткой. Сережа, весь въ бѣломъ, стоялъ у стола подъ зеркаломъ и, согнувшись спиной и головой, съ выраженіемъ напряженнаго вниманія, которое она знала въ немъ и которымъ онъ былъ похожъ на отца, что-то дѣлалъ съ цвѣтами, которые онъ принесъ.

Гувернантка имѣла особенно строгій видъ. Сережа пронзительно, какъ это часто бывало съ нимъ, вскрикнулъ: „А, мама!“ и остановился въ нерѣшительности: идти ли къ матери здороваться и бросить цвѣты, или додѣлать вѣнокъ, и съ цвѣтами идти?

Гувернантка, поздоровавшись, длинно и опредѣлительно стала разсказывать проступокъ, сдѣланный Сережей, но

Анна не слушала ея; она думала о томъ, возьметъ ли она ее съ собой. „Нѣтъ, не возьму,—рѣшила.—Я уѣду одна съ сыномъ“.

— Да, это очень дурно,—сказала Анна и, взявъ сына за плечо, не строгимъ, а робкимъ взглядомъ, смутившимъ и обрадовавшимъ мальчика, смотрѣла на него и поцѣловала.—Оставьте его со мной,—сказала она удивленной гувернанткѣ и, не выпуская руки сына, сѣла за приготовленный съ кофеемъ столъ.

— Мама! Я... я... не...—сказалъ онъ, стараясь понять по ея выраженію, что ожидаетъ его за персикъ.

— Сережа,—сказала она, какъ только гувернантка вышла изъ комнаты,—это дурно, но ты не будешь больше дѣлать этого?... Ты любишь меня?

Она чувствовала, что слезы выступаютъ ей на глаза. „Развѣ я могу не любить его?—говорила она себѣ, вникая въ его испуганный и вмѣстѣ обрадованный взглядъ.—И неужели онъ будетъ за одно съ отцомъ, чтобы казнить меня? Неужели не пожалѣетъ меня?“ Слезы уже текли по ея лицу, и, чтобы скрыть ихъ, она порывисто встала и почти выбѣжала на террасу.

Послѣ грозовыхъ дождей послѣднихъ дней наступила холодная, ясная погода. При яркомъ солнцѣ, сквозившемъ сквозь обмытые листья, въ воздухѣ было холодно.

Она вздрогнула и отъ холода, и отъ внутренняго ужаса, съ новою силой охватившихъ ее на чистомъ воздухѣ.

— Поди, поди къ Mariette,—сказала она Сережѣ, вышедшему было за ней, и стала ходить по соломенному ковру террасы. „Неужели они не простятъ меня, не поймутъ, какъ это все не могло быть иначе?“ сказала она себѣ.

Остановившись и взглянувъ на колебавшіяся отъ вѣтра вершины осины съ обмытыми, ярко блистающими на холодномъ солнцѣ листьями, она поняла, что они не простятъ, что все и всѣ къ ней теперь будутъ безжалостны, какъ это небо, какъ эта зелень. И опять она почувствовала, что въ душѣ у ней начинало двоиться. „Не надо, не надо думать,—сказала она себѣ.—Надо собираться. Куда? Когда? Кого взять съ собой? Да, въ Москву, на вечернемъ поѣздѣ. Аннушка и Сережа, и только самыя необходимыя вещи. Но прежде надо написать имъ обоимъ“. Она быстро пошла въ домъ, въ свой кабинетъ, сѣла къ столу и написала мужу:

„Послѣ того, что произошло, я не могу болѣе оставаться въ вашемъ домѣ. Я уѣзжаю и беру съ собою сына. Я не знаю законовъ и потому не знаю, съ кѣмъ изъ родителей долженъ быть сынъ; но я беру его съ собой, потому что безъ него я не могу жить. Будьте великодушны, оставьте мнѣ его“.

До сихъ поръ она писала быстро и естественно, но призывъ къ его великодушію, котораго она не признавала въ немъ, и необходимость заключить письмо чѣмъ-нибудь трогательнымъ—остановили ее.

„Говорить о своей винѣ и своемъ раскаяніи я не могу, потому что“...

Опять она остановилась, не находя связи въ своихъ мысляхъ. „Нѣтъ,—сказала она себѣ,—ничего не надо“, и, разорвавъ письмо, переписала его, исключивъ упоминаніе о великодушіи, и запечатала.

Другое письмо надо было писать къ Вронскому. „Я объявила мужу“, писала она и долго сидѣла не въ силахъ будучи писать далѣе. Это было такъ грубо, такъ не женствен-

но. „И потомъ, что же могу я писать ему?“ сказала она себѣ. Опять краска стыда покрыла ея лицо, вспомнилось его спокойствіе, и чувство досады къ нему заставило ее разорвать на мелкіе клочки листокъ съ написанною фразой. „Ничего не нужно“, сказала она себѣ и, сложивъ бювар, пошла на верхъ, объявила гувернанткѣ и людямъ, что она ѣдетъ нынче въ Москву, и тотчасъ принялась за укладку вещей.

XVI.

По всѣмъ комнатамъ дачнаго дома ходили дворники, садовники и лакеи, вынося вещи. Шкафы и комоды были раскрыты; два раза бѣгали въ лавочку за бичевками; по полу валялась газетная бумага. Два сундука, мѣшки и увязанные пледы были снесены въ переднюю. Карета и два извощика стояли у крыльца. Анна, забывшая за работой укладки внутреннюю тревогу, укладывала, стоя передъ столомъ въ своемъ кабинетѣ, свой дорожный мѣшокъ, когда Аннушка обратила ея вниманіе на стукъ подъѣзжающаго экипажа. Анна взглянула въ окно и увидала у крыльца курьера Алексѣя Александровича, который звонилъ у входной двери.

— Поди, узнай, что такое, — сказала она и съ спокойною готовностью на все, сложивъ руки на колѣнахъ, сѣла на кресло. Лакей принесъ толстый пакетъ, надписанный рукою Алексѣя Александровича.

— Курьеру приказано привезти отвѣтъ,—сказалъ онъ.

— Хорошо, — сказала она и, какъ только онъ вышелъ, трясущимися пальцами разорвала письмо. Пачка заклеенныхъ въ бандерольке неперегнутыхъ ассигнацій выпала изъ него. Она высвободила письмо и стала читать съ конца. „Я сдѣлалъ приготовленія для переѣзда, я приписываю зна-

ченіе исполненію моей просьбы", прочла она. Она пробѣжала дальше, назадъ, прочла все, и еще разъ прочла письмо все съ начала. Когда она кончила, она почувствовала, что ей холодно и что надъ ней обрушилось такое страшное несчастіе, какого она не ожидала.

Она раскаивалась утромъ въ томъ, что она сказала мужу, и желала только одного, чтобъ эти слова были какъ бы не сказаны. И вотъ письмо это признавало слова несказанными и давало ей то, чего она желала. Но теперь это письмо представлялось ей ужаснѣе всего, что только она могла себѣ представить.

„Правъ, правъ! — проговорила она. — Разумѣется, онъ всегда правъ, онъ христіанинъ, онъ великодушенъ! Да, низкій, гадкій человѣкъ! И этого никто, кромѣ меня, не понимаетъ и не пойметъ; и я не могу растолковать. Они говорятъ: религіозный, нравственный, честный, умный человѣкъ; но они не видятъ, что я видѣла. Они не знаютъ, какъ онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь, душилъ все, что было во мнѣ живаго,—что онъ ни разу и не подумалъ о томъ, что я—живая женщина, которой нужна любовь. Не знаютъ, какъ на каждомъ шагу онъ оскорблялъ меня и оставался доволенъ собой. Я ли не старалась, всѣми силами старалась, найдти оправданіе своей жизни. Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Богъ меня сдѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить. И теперь что же? Убилъ бы онъ меня, убилъ бы его,—я все бы перенесла, я все бы простила, но нѣтъ, онъ...

„Какъ я не угадала того, что онъ сдѣлаетъ? Онъ сдѣ-

лаетъ то, что свойственно его низкому характеру. Онъ останется правъ, а меня, погибшую, еще хуже, еще ниже погубитъ"... „Вы сами можете предположить то, что ожидаетъ васъ и вашего сына", вспомнила она слова изъ письма. „Это—угроза, что онъ отниметъ сына, и, вѣроятно, по ихъ глупому закону это можно. Но развѣ я не знаю, зачѣмъ онъ говоритъ это? Онъ не вѣритъ и въ мою любовь къ сыну, или презираетъ (какъ онъ всегда и подсмѣивался), презираетъ это мое чувство, но онъ знаетъ, что я не брошу сына, не могу бросить сына, что безъ сына не можетъ быть для меня жизни даже съ тѣмъ, кого я люблю, но что, бросивъ сына и убѣжавъ отъ него, я поступлю какъ самая позорная, гадкая женщина—это онъ знаетъ, и знаетъ, что я не въ силахъ буду сдѣлать этого".

„Наша жизнь должна идти какъ прежде", вспомнила она другую фразу письма. „Эта жизнь была мучительна еще прежде, она была ужасна въ послѣднее время. Что же это будетъ теперь? И онъ знаетъ все это, знаетъ, что я не могу раскаиваться въ томъ, что я дышу, что я люблю, знаетъ, что кромѣ лжи и обмана изъ этого ничего не будетъ; но ему нужно продолжать мучить меня. Я знаю его, я знаю, что онъ, какъ рыба въ водѣ, плаваетъ и наслаждается во лжи. Но нѣтъ, я не доставлю ему этого наслажденія, я разорву эту его паутину лжи, въ которой онъ меня хочетъ опутать; пусть будетъ что̀ будетъ. Все лучше лжи и обмана.

„Но какъ? Боже мой, Боже мой! Была ли когда-нибудь женщина такъ несчастна, какъ я?..."

— Нѣтъ, разорву, разорву!—вскрикнула она, вскакивая и удерживая слезы. И она подошла къ письменному столу, чтобы написать ему другое письмо. Но она въ глубинѣ души

своей уже чувствовала, что она не въ силахъ будетъ ничего разорвать, не въ силахъ будетъ выдти изъ этого прежняго положенія, какъ оно ни ложно и ни безчестно.

Она сѣла къ письменному столу, но вмѣсто того, чтобы писать, сложивъ руки на столъ, положила на нихъ голову и заплакала, всхлипывая и колеблясь всею грудью, какъ плачутъ дѣти. Она плакала о томъ, что мечта ея объ уясненіи, опредѣленіи своего положенія разрушена навсегда. Она знала впередъ, что все останется по-старому, и даже гораздо хуже чѣмъ по-старому. Она чувствовала, что то положеніе въ свѣтѣ, которымъ она пользовалась и которое утромъ казалось ей столь ничтожнымъ, что это положеніе дорого ей, что она не будетъ въ силахъ промѣнять его на позорное положеніе женщины, бросившей мужа и сына и соединившейся съ любовникомъ; что, сколько бы она ни старалась, она не будетъ сильнѣе самой себя. Она никогда не испытаетъ свободы любви, а навсегда останется преступною женой, подъ угрозой ежеминутнаго обличенія, обманывающею мужа для позорной связи съ человѣкомъ чужимъ, независимымъ, съ которымъ она не можетъ жить одною жизнью. Она знала, что это такъ и будетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было такъ ужасно, что она не могла представить себѣ даже, чѣмъ это кончится. И она плакала, не удерживаясь, какъ плачутъ наказанныя дѣти.

Послышавшіеся шаги лакея заставили ее очнуться, и, скрывъ отъ него свое лицо, она притворилась, что пишетъ.

— Курьеръ проситъ отвѣта,—доложилъ лакей.

— Отвѣта? Да,—сказала Анна,—пускай подождетъ. Я позвоню.

„Что я могу писать?—думала она.—Что я могу рѣшить

одна? Что я знаю? Чего я хочу? Что я люблю?“ Опять она почувствовала, что въ душѣ ея начинаетъ двоиться. Она испугалась опять этого чувства и ухватилась за первый представившійся ей предлогъ дѣятельности, который могъ бы отвлечь ее отъ мыслей о себѣ. „Я должна видѣть Алексѣя (такъ она мысленно называла Вронскаго), онъ одинъ можетъ сказать мнѣ, что я должна дѣлать. Поѣду къ Бетси, можетъ быть тамъ я увижу его“, сказала она себѣ, совершенно забывъ о томъ, что вчера еще, когда она сказала ему, что не поѣдетъ къ княгинѣ Тверской, онъ сказалъ, что поэтому и онъ тоже не поѣдетъ. Она подошла къ столу, написала мужу: „Я получила ваше письмо. А.“—и, позвонивъ, отдала лакею.

— Мы не ѣдемъ,—сказала она вошедшей Аннушкѣ.

— Совсѣмъ не ѣдемъ?

— Нѣтъ, не раскладывайте до завтра, и карету оставить Я поѣду къ княгинѣ.

— Какое же платье приготовить?

XVII.

Общество партіи крокета, на которое княгиня Тверская приглашала Анну, должно было состоять изъ двухъ дамъ съ ихъ поклонниками. Двѣ дамы эти были главныя представительницы избраннаго новаго петербургскаго кружка, называвшіяся, въ подражаніе подражанію чему-то, les sept merveilles du monde. Дамы эти принадлежали къ кружку, правда, высшему, но совершенно враждебному тому, который посѣщала Анна. Кромѣ того, старый Стремовъ, одинъ изъ вліятельныхъ людей Петербурга, поклонникъ Лизы Меркаловой, былъ по службѣ врагъ Алексѣя Александровича.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Анна не хотѣла ѣхать, и къ этому ея отказу относились намеки записки княгини Тверской. Теперь же Анна, въ надеждѣ увидать Вронскаго, пожелала ѣхать.

Анна пріѣхала къ княгинѣ Тверской раньше другихъ гостей.

Въ то время, какъ она входила, лакей Вронскаго съ расчесанными бакенбардами, похожій на камеръ-юнкера, входилъ тоже. Онъ остановился у двери и, снявъ фуражку, пропустилъ ее. Анна узнала его и тутъ только вспомнила, что Вронскій вчера сказалъ, что не пріѣдетъ. Вѣроятно, онъ объ этомъ прислалъ записку.

Она слышала, снимая верхнее платье въ передней, какъ лакей, выговаривавшій даже *р* какъ камеръ-юнкеръ, сказалъ: „отъ графа княгинѣ“, и передалъ записку.

Ей хотѣлось спросить, гдѣ его баринъ. Ей хотѣлось вернуться назадъ и послать ему письмо, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней, или самой ѣхать къ нему. Но ни того, ни другаго, ни третьяго нельзя было сдѣлать: уже впереди слышались объявляющіе о ея пріѣздѣ звонки, и лакей княгини Тверской уже сталъ въ полуоборотъ у отворенной двери, ожидая ея прохода во внутреннія комнаты.

— Княгиня въ саду, сейчасъ доложатъ. Не угодно ли пожаловать въ садъ?—доложилъ другой лакей въ другой комнатѣ.

Положеніе нерѣшительности, неясности было все то же, какъ и дома,—еще хуже, потому что нельзя было ничего предпринять, нельзя было увидать Вронскаго, а надо было оставаться здѣсь, въ чужомъ, и столь противоположномъ ея настроенію, обществѣ; но она была въ туалетѣ, который, она знала, шелъ къ ней; она была не одна, вокругъ

была эта привычная торжественная обстановка праздности, и ей было легче, чѣмъ дома; она не должна была придумывать, что ей дѣлать. Все дѣлалось само собой. Встрѣтивъ шедшую къ ней Бетси въ бѣломъ, поразившемъ ее своею элегантностью, туалетѣ, Анна улыбнулась ей, какъ всегда. Княгиня Тверская шла съ Тушкевичемъ и родственницей-барышней, къ великому счастію провинціальныхъ родителей, проводившей лѣто у знаменитой княгини.

Вѣроятно, въ Аннѣ было что-нибудь особенное, потому что Бетси тотчасъ замѣтила это.

— Я дурно спала,—отвѣчала Анна, вглядываясь въ лакея, который шелъ имъ навстрѣчу и, по ея соображеніямъ, несъ записку Вронскаго.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали, — сказала Бетси. — Я устала и только-что хотѣла выпить чашку чаю, пока они пріѣдутъ. А вы бы пошли, — обратилась она къ Тушкевичу, — съ Машей попробовали бы крокетъ-гроундъ, тамъ, гдѣ подстригли. Мы съ вами успѣемъ по душѣ поговорить за чаемъ we'll have a cosy chat, не правда ли? — обратилась она къ Аннѣ съ улыбкой, пожимая ея руку, державшую зонтикъ.

— Тѣмъ болѣе, что я не могу пробыть у васъ долго, мнѣ необходимо къ старой Вреде. Я уже сто лѣтъ обѣщала, — сказала Анна, для которой ложь, чуждая ея природѣ, сдѣлалась не только проста и естественна въ обществѣ, но даже доставляла удовольствіе. Для чего она сказала это, чего она за секунду не думала, она никакъ бы не могла объяснить. Она сказала это по тому только соображенію, что такъ какъ Вронскаго не будетъ, то ей надо обезпечить свою свободу и попытаться какъ-нибудь увидать

его. Но почему она именно сказала про старую фрейлину Вреде, къ которой ей нужно было, какъ и ко многимъ другимъ, она не умѣла бы объяснить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ потомъ оказалось, она, придумывая самыя хитрыя средства для свиданія съ Вронскимъ, не могла придумать ничего лучшаго.

— Нѣтъ, я васъ не пущу ни за что, — отвѣчала Бетси, внимательно вглядываясь въ лицо Анны.—Право, я бы обидѣлась, еслибы не любила васъ. Точно вы боитесь, что мое общество можетъ компрометировать васъ. Пожалуйста, намъ чаю въ маленькую гостиную,—сказала она, какъ всегда, прищуривая глаза при обращеніи къ лакею.

Взявъ отъ него записку, она прочла ее.

— Алексѣй сдѣлалъ намъ ложный прыжокъ,—сказала она по-французски:—онъ пишетъ, что не можетъ быть,—прибавила она такимъ естественнымъ, простымъ тономъ, какъ будто ей никогда и не могло приходить въ голову, чтобы Вронскій имѣлъ для Анны какое-нибудь другое значеніе, кромѣ игры въ крокетъ. Анна знала, что Бетси все знаетъ, но слушая, какъ она при ней говорила о Вронскомъ, она всегда убѣждалась на минуту, что она ничего не знаетъ.

— А!—равнодушно сказала Анна, какъ бы мало интересуясь этимъ, и продолжала улыбаясь:— Какъ можетъ ваше общество компрометировать кого-нибудь?

Эта игра словами, это скрываніе тайны, какъ и для всѣхъ женщинъ, имѣло большую прелесть для Анны. И не небходимость скрывать, не цѣль, для которой скрывалось, но самый процессъ скрыванія увлекалъ ее.

— Я не могу быть католичнѣе папы,—сказала она.—Стремовъ и Лиза Меркалова—это сливки сливокъ общества. По-

томъ они приняты вездѣ, и *я*,—она особенно ударила на *я*,—никогда не была строга и нетерпима. Мнѣ просто некогда.

— Нѣтъ, вы не хотите можетъ-быть встрѣчаться со Стремовымъ? Пускай они съ Алексѣемъ Александровичемъ ломаютъ копья въ комитетѣ,—это насъ не касается. Но въ свѣтѣ — это самый любезный человѣкъ, какого только я знаю, и страстный игрокъ въ крокетъ. Вотъ вы увидите. И несмотря на смѣшное его положеніе стараго влюбленнаго въ Лизу, надо видѣть, какъ онъ выпутывается изъ этого смѣшнаго положенія! Онъ очень милъ. Сафо Штольцъ вы не знаете? Это новый, совсѣмъ новый тонъ.

Бетси говорила все это, а между тѣмъ по веселому, умному взгляду ея Анна чувствовала, что она понимаетъ отчасти ея положеніе и что-то затѣваетъ. Онѣ были въ маленькомъ кабинетѣ.

— Однако надо написать Алексѣю, — и Бетси сѣла за столъ, написала нѣсколько строкъ и вложила въ конвертъ.

— Я пишу, чтобъ онъ пріѣхалъ обѣдать. У меня одна дама къ обѣду остается безъ мужчины. Посмотрите, убѣдительно ли? Виновата, я на минутку васъ оставлю. Вы, пожалуйста, запечатайте и отошлите, — сказала она изъ двери,—а мнѣ надо сдѣлать распоряженіе.

Ни минуты не думая, Анна сѣла съ письмомъ Бетси къ столу и, не читая, приписала внизу: „Мнѣ необходимо васъ видѣть. Пріѣзжайте къ саду Вреде. Я буду тамъ въ 6 часовъ“. Она запечатала, и Бетси, вернувшись, при ней отдала письмо.

Дѣйствительно, за чаемъ, который имъ принесли на столикѣ-подносѣ, въ прохладную маленькую гостиную, между

двумя женщинами завязался a cosy chat, какой и обѣщала княгиня Тверская до пріѣзда гостей. Онѣ пересуживали тѣхъ, кого ожидали, и разговоръ остановился на Лизѣ Меркаловой.

— Она очень мила и всегда мнѣ была симпатична,—сказала Анна.

— Вы должны ее любить. Она бредитъ вами. Вчера она подошла ко мнѣ послѣ скачекъ и была въ отчаяніи, что не застала васъ. Она говоритъ, что вы настоящая героиня романа, и что еслибъ она была мужчиной, она бы надѣлала за васъ тысячу глупостей. Стремовъ ей говоритъ, что она и такъ ихъ дѣлаетъ.

— Но скажите, пожалуйста, я никогда не могла понять,—сказала Анна, помолчавъ нѣсколько времени и такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что она дѣлала не праздный вопросъ, но что то, что̀ она спрашивала, было для нея важнѣе, чѣмъ бы слѣдовало,—скажите пожалуйста, что такое ея отношеніе къ князю Калужскому, такъ называемому Мишкѣ? Я мало встрѣчала ихъ. Что это такое?

Бетси улыбнулась глазами и внимательно поглядѣла на Анну.

— Новая манера,—сказала она.—Онѣ всѣ избрали эту манеру. Онѣ забросили чепцы за мельницы. Но есть манера и манера, какъ ихъ забросить.

— Да; но какія же ея отношенія къ Калужскому?

Бетси неожиданно весело и неудержимо засмѣялась, что рѣдко случалось съ ней.

— Это вы захватываете область княгини Мягкой. Это вопросъ ужаснаго ребенка, — и Бетси видимо хотѣла, но не могла удержаться, и разразилась тѣмъ заразительнымъ

смѣхомъ, какимъ смѣются рѣдко смѣющіеся люди.—Надо у нихъ спросить,—проговорила она сквозь слезы смѣха.

— Нѣтъ, вы смѣетесь,—сказала Анна, тоже невольно заразившаяся смѣхомъ, — но я никогда не могла понять. Я не понимаю тутъ роли мужа.

— Мужъ? Мужъ Лизы Меркаловой носитъ за ней пледы и всегда готовъ къ услугамъ. А что тамъ дальше въ самомъ дѣлѣ, никто не хочетъ знать. Знаете, въ хорошемъ обществѣ не говорятъ и не думаютъ даже о нѣкоторыхъ подробностяхъ туалета. Такъ и это.

— Вы будете на праздникѣ Роландаки?—спросила Анна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Не думаю,—отвѣчала Бетси и, не глядя на свою пріятельницу, осторожно стала наливать маленькія прозрачныя чашки душистыхъ чаевъ. Подвинувъ чашку къ Аннѣ, она достала пахитоску и, вложивъ ее въ серебряную ручку, закурила.

— Вотъ видите ли, я въ счастливомъ положеніи,—уже безъ смѣха начала она, взявъ въ руку чашку.—Я понимаю васъ и понимаю Лизу. Лиза—это одна изъ тѣхъ наивныхъ натуръ, которыя, какъ дѣти, не понимаютъ, что хорошо и что дурно. По крайней мѣрѣ она не понимала, когда была очень молода. И теперь она знаетъ, что это непониманіе идетъ къ ней. Теперь она можетъ-быть нарочно не понимаетъ,—говорила Бетси съ тонкою улыбкой.—Но все-таки это ей идетъ. Видите ли, на одну и ту же вещь можно смотрѣть трагически и сдѣлать изъ нея мученье и—смотрѣть просто и даже весело. Можетъ-быть вы склонны смотрѣть на вещи слишкомъ трагически.

— Какъ бы я желала знать другихъ такъ, какъ я себя

знаю, — сказала Анна серьёзно и задумчиво.—Хуже ли я другихъ, или лучше? Я думаю, хуже.

— Ужасный ребенокъ, ужасный ребенокъ! — повторила Бетси.—Но вотъ и они.

XVIII.

Послышались шаги и мужской голосъ, потомъ женскій голосъ и смѣхъ, и вслѣдъ затѣмъ вошли ожидаемые гости: Сафо Штольцъ и сіяющій преизбыткомъ здоровья молодой человѣкъ, такъ называемый Васька. Видно было, что ему въ прокъ пошло питаніе кровяною говядиной, трюфелями и бургонскимъ. Васька поклонился дамамъ и взглянулъ на нихъ, но только на одну секунду. Онъ вошелъ за Сафо въ гостиную и по гостиной прошелъ за ней, какъ будто былъ къ ней привязанъ, и не спускалъ съ нея блестящихъ глазъ, какъ будто хотѣлъ съѣсть ее. Сафо Штольцъ была блондинка съ черными глазами. Она вошла маленькими, бойкими, на крутыхъ каблучкахъ туфель, шажками, и крѣпко, по-мужски, пожала дамамъ руки.

Анна ни разу не встрѣчала еще этой новой знаменитости и была поражена и ея красотою, и крайностью, до которой былъ доведенъ ея туалетъ, и смѣлостью ея манеръ. На головѣ ея, изъ своихъ и чужихъ, нѣжно золотистаго цвѣта волосъ, былъ сдѣланъ такой эшафодажъ прически, что голова ея равнялась, по величинѣ, стройно выпуклому и очень открытому спереди бюсту. Стремительность же впередъ была такова, что при каждомъ движеніи обозначались изъ-подъ платья формы колѣнъ и верхнія части ноги, и невольно представлялся вопросъ о томъ, гдѣ сзади, въ этой подстроенной колеблющейся горѣ, дѣйствительно кончается ея на-

стоящее, маленькое и стройное, столь обнаженное сверху и столь спрятанное сзади и внизу, тѣло.

Бетси поспѣшила познакомить ее съ Анной.

— Можете себѣ представить, мы чуть было не раздавили двухъ солдатъ,—тотчасъ же начала она разсказывать, подмигивая, улыбаясь и назадъ отдергивая свой хвостъ, который она сразу слишкомъ перекинула въ одну сторону.—Я ѣхала съ Васькой... Ахъ, да, вы не знакомы!—И она, назвавъ его фамилію, представила молодаго человѣка и, покраснѣвъ, звучно засмѣялась своей ошибкѣ, то-есть тому, что она незнакомой назвала его Васькой. Васька еще разъ поклонился Аннѣ, но ничего не сказалъ ей. Онъ обратился къ Сафо:—Пари проиграно. Мы прежде пріѣхали. Расплачивайтесь,—говорилъ онъ, улыбаясь.

Сафо еще веселѣе засмѣялась.

— Не теперь же,—сказала она.

— Все равно, я получу послѣ.

— Хорошо, хорошо. Ахъ, да!—вдругъ обратилась она къ хозяйкѣ,—хороша я: я и забыла... Я вамъ привезла гостя. Вотъ и онъ.

Неожиданный молодой гость, котораго привезла Сафо и котораго она забыла, былъ однако такой важный гость, что, несмотря на его молодость, обѣ дамы встали, встрѣчая его.

Это былъ новый поклонникъ Сафо. Онъ теперь, какъ и Васька, по пятамъ ходилъ за ней.

Вскорѣ пріѣхали князь Калужскій и Лиза Меркалова со Стремовымъ. Лиза Меркалова была худая брюнетка съ восточнымъ лѣнивымъ типомъ лица и прелестными, неизъяснимыми, какъ всѣ говорили, глазами. Характеръ ея тем-

наго туалета (Анна тотчасъ же замѣтила и оцѣнила это) былъ совершенно соотвѣтствующій ея красотѣ. Насколько Сафо была крута и подбориста, настолько Лиза была мягка и распущенна.

Но Лиза на вкусъ Анны была гораздо привлекательнѣе. Бетси говорила про нее Аннѣ, что она взяла на себя тонъ невѣдающаго ребенка, но когда Анна увидала ее, она почувствовала, что это была неправда. Она точно была невѣдающая, испорченная, но милая и безотвѣтная женщина. Правда, что тонъ ея былъ такой же, какъ и тонъ Сафо; такъ же, какъ и за Сафо, за ней ходили какъ пришитые и пожирали ее глазами два поклонника: одинъ—молодой, другой—старикъ; но въ ней было что-то такое, что было выше того, что ее окружало,—въ ней былъ блескъ настоящей воды бриліанта среди стеколъ. Этотъ блескъ свѣтился изъ ея прелестныхъ, дѣйствительно неизъяснимыхъ глазъ. Усталый и вмѣстѣ страстный взглядъ этихъ, окруженныхъ темнымъ кругомъ глазъ поражалъ своею совершенною искренностью. Взглянувъ въ эти глаза, каждому казалось, что онъ узналъ ее всю, и узнавъ, не могъ не полюбить. При видѣ Анны, все ея лицо вдругъ освѣтилось радостною улыбкой.

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть!—сказала она, подходя къ ней.—Я вчера на скачкахъ только-что хотѣла дойдти до васъ, а вы уѣхали. Мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ именно вчера. Не правда ли, это было ужасно?—сказала она, глядя на Анну своимъ взглядомъ, открывавшимъ, казалось, всю душу.

— Да, я никакъ не ожидала, что это такъ волнуетъ,—сказала Анна, краснѣя.

Общество поднялось въ это время, чтобъ идти въ садъ.

— Я не пойду,- сказала Лиза, улыбаясь и подсаживаясь къ Аннѣ.—Вы тоже не пойдете? Что за охота играть въ крокетъ!

— Нѣтъ, я люблю,—сказала Анна.

— Вотъ, вотъ какъ вы дѣлаете, что вамъ не скучно? На васъ взглянешь—весело. Вы живете, а я скучаю.

— Какъ скучаете? Да вы самое веселое общество Петербурга,—сказала Анна.

— Можетъ-быть тѣмъ, которые не нашего общества, еще скучнѣе; но намъ,—мнѣ навѣрно,—не весело, а ужасно, ужасно скучно.

Сафо, закуривъ папироску, ушла въ садъ съ двумя молодыми людьми. Бетси и Стремовъ остались за чаемъ.

— Какъ скучно!—сказала Бетси.—Сафо говоритъ, что они вчера очень веселились у васъ.

— Ахъ, такая тоска была!—сказала Лиза Меркалова.—Мы поѣхали всѣ ко мнѣ послѣ скачекъ. И все тѣ же, и все тѣ же! Все одно и то же. Весь вечеръ провалялись по диванамъ. Что же тутъ веселаго? Нѣтъ, какъ вы дѣлаете, чтобы вамъ не было скучно?—опять обратилась она къ Аннѣ.—Стоитъ взглянуть на васъ, и видишь—вотъ женщина, которая можетъ быть счастлива, несчастна, но не скучаетъ. Научите, какъ вы это дѣлаете?

— Никакъ не дѣлаю,—отвѣчала Анна, краснѣя отъ этихъ привязчивыхъ вопросовъ.

— Вотъ это лучшая манера,—вмѣшался въ разговоръ Стремовъ. Стремовъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, полусѣдой, еще свѣжій, очень некрасивый, но съ характернымъ и умнымъ лицомъ. Лиза Маркелова была племянница его жены, и онъ проводилъ всѣ свои свободные часы съ нею.

Встрѣтивъ Анну Каренину, онъ, по службѣ врагъ Алексѣя Александровича, какъ свѣтскій и умный человѣкъ, постарался быть съ нею, женой своего врага, особенно любезнымъ.

— „Никакъ“,—подхватилъ онъ, тонко улыбаясь:—это лучшее средство. Я давно вамъ говорю,—обратился онъ къ Лизѣ Меркаловой,—что для того, чтобы не было скучно, надо не думать, что будетъ скучно. Это все равно, какъ не надо бояться, что не заснешь, если боишься безсонницы. Это самое и сказала вамъ Анна Аркадьевна.

— Я бы очень рада была, еслибы сказала это, потому что это не только умно, это правда,—улыбаясь сказала Анна.

— Нѣтъ, вы скажите, отчего нельзя заснуть и нельзя не скучать?

— Чтобы заснуть, надо поработать, и чтобы веселиться, надо тоже поработать.

— Зачѣмъ же я буду работать, когда моя работа никому не нужна? А нарочно я притворяться и не умѣю, и не хочу.

— Вы неисправимы,—сказалъ Стремовъ, не глядя на нее, и опять обратился къ Аннѣ.

Рѣдко встрѣчая Анну, онъ не могъ ничего ей сказать, кромѣ пошлостей, но онъ говорилъ эти пошлости о томъ, когда она переѣзжаетъ въ Петербургъ, о томъ, какъ ее любитъ графиня Лидія Ивановна, съ такимъ выраженіемъ, которое показывало, что онъ отъ всей души желаетъ быть ей пріятнымъ и показать свое уваженіе и даже болѣе.

Вошелъ Тушкевичъ, объявивъ, что все общество ждетъ игроковъ въ крокетъ.

— Нѣтъ, не уѣзжайте, пожалуйста,—просила Лиза Меркалова, узнавъ, что Анна уѣзжаетъ. Стремовъ присоединился къ ней.

— Слишкомъ большой контрастъ,—сказалъ онъ,—ѣхать послѣ этого общества къ старухѣ Вреде. И потомъ для нея вы будете случаемъ позлословить, а здѣсь вы только возбудите другія, самыя хорошія и противоположныя злословію чувства,—сказалъ онъ ей.

Анна на минуту задумалась въ нерѣшительности. Лестныя рѣчи этого умнаго человѣка, наивная, дѣтская симпатія, которую выражала къ ней Лиза Меркалова, и вся эта привычная, свѣтская обстановка — все это было такъ легко, а ожидало ее такое трудное, что она съ минуту была въ нерѣшимости, не остаться ли, не отдалить ли еще тяжелую минуту объясненія? Но вспомнивъ, что̀ ожидаетъ ее одну дома, если она не приметъ никакого рѣшенія, вспомнивъ этотъ страшный для нея и въ воспоминаніи жестъ, когда она взялась обѣими руками за волосы, она простилась и уѣхала.

XIX.

Вронскій, несмотря на свою легкомысленную съ виду свѣтскую жизнь, былъ человѣкъ ненавидѣвшій безпорядокъ. Еще смолоду, бывши въ корпусѣ, онъ испыталъ униженіе отказа, когда онъ, запутавшись, попросилъ взаймы денегъ, и съ тѣхъ поръ онъ ни разу не ставилъ себя въ такое положеніе.

Для того, чтобы всегда вести свои дѣла въ порядкѣ, онъ, смотря по обстоятельствамъ, чаще или рѣже, разъ пять въ годъ, уединялся и приводилъ въ ясность всѣ свои дѣла. Онъ называлъ это посчитаться, или faire la lessive.

Проснувшись поздно на другой день послѣ скачекъ, Вронскій, не бреясь и не купаясь, одѣлся въ китель и, раз-

ложивъ на столѣ деньги, счета, письма, принялся за работу. Петрицкій, зная, что въ такомъ положеніи онъ бывалъ сердитъ, проснувшись и увидавъ товарища за письменнымъ столомъ, тихо одѣлся и вышелъ, не мѣшая ему.

Всякій человѣкъ, зная до малѣйшихъ подробностей всю сложность условій, его окружающихъ, невольно предполагаетъ, что сложность этихъ условій и трудность ихъ уясненія есть только его личная, случайная особенность, и никакъ не думаетъ, что другіе окружены такою же сложностью своихъ личныхъ условій, какъ и онъ самъ. Такъ и казалось Вронскому. И онъ не безъ внутренней гордости и не безъ основанія думалъ, что всякій другой давно бы запутался и принужденъ былъ бы поступать нехорошо, еслибы находился въ такихъ же трудныхъ условіяхъ. Но Вронскій чувствовалъ, что именно теперь ему необходимо учесться и уяснить свое положеніе, для того, чтобы не запутаться.

Первое, за что, какъ за самое легкое, взялся Вронскій, были денежныя дѣла. Выписавъ своимъ мелкимъ почеркомъ на почтовомъ листкѣ все, что онъ долженъ, онъ подвелъ итогъ и нашелъ, что онъ долженъ семнадцать тысячъ съ сотнями, которыя онъ откинулъ для ясности. Сосчитавъ деньги и банковую книжку, онъ нашелъ, что у него остается 1.800 руб., а полученія до Новаго года не предвидится. Перечтя списокъ долгамъ, Вронскій переписалъ его, подраздѣливъ на три разряда. Къ первому разряду относились долги, которые надо было сейчасъ же заплатить, или, во всякомъ случаѣ, для уплаты которыхъ надо было имѣть готовыя деньги, чтобы при требованіи не могло быть минуты замедленія. Такихъ долговъ было около четырехъ тычячъ: 1.500 р. за лошадь и 2.500 р. поручительство за молодаго товарища

Веневскаго, который при Вронскомъ проигралъ эти деньги шулеру. Вронскій тогда же хотѣлъ отдать деньги (онѣ были у него), но Веневскій и Яшвинъ настаивали на томъ, что заплатятъ они, а не Вронскій, который и не игралъ. Все это было прекрасно, но Вронскій зналъ, что въ этомъ грязномъ дѣлѣ, въ которомъ онъ хотя и принялъ участіе только тѣмъ, что взялъ на словахъ ручательство за Веневскаго, ему необходимо имѣть эти 2.500 р., чтобъ ихъ бросить мошеннику и не имѣть съ нимъ болѣе никакихъ разговоровъ. Итакъ, по этому первому важнѣйшему отдѣлу надо было имѣть 4.000 р. Во второмъ отдѣлѣ, восемь тысячъ, были менѣе важные долги. Это были долги преимущественно по скаковой конюшнѣ, поставщику овса и сѣна, англичанину, шорнику и т. д. По этимъ долгамъ надо было тоже раздать тысячи двѣ для того, чтобы быть совершенно спокойнымъ. Послѣдній отдѣлъ долговъ,—въ магазины, въ гостиницы и портному,—были такіе, о которыхъ нечего думать. Такъ что нужно было, по крайней мѣрѣ, 6.000 р. на текущіе расходы, а было только 1.800 р. Для человѣка со 100.000 р. дохода, какъ опредѣляли всѣ состояніе Вронскаго, такіе долги, казалось бы, не могли быть затруднительны; но дѣло въ томъ, что у него далеко не было этихъ 100.000 р. Огромное отцовское состояніе, приносившее одно до 200.000 р. годоваго дохода, было нераздѣльно между братьями. Въ то время, какъ старшій братъ женился, имѣя кучу долговъ, на княжнѣ Варѣ Чирковой, дочери декабриста безъ всякаго состоянія, Алексѣй уступилъ старшему брату весь доходъ съ имѣній отца, выговоривъ себѣ только 25.000 р. въ годъ. Алексѣй сказалъ тогда брату, что этихъ денегъ ему будетъ достаточно, пока онъ не женится,

чего, вѣроятно, никогда не будетъ. И братъ, командуя однимъ изъ самыхъ дорогихъ полковъ и только-что женившись, не могъ не принять этого подарка. Мать, имѣвшая свое отдѣльное состояніе, кромѣ выговоренныхъ 25.000 р., давала ежегодно Алексѣю еще тысячъ 20, и Алексѣй проживалъ ихъ всѣ. Въ послѣднее время мать, поссорившись съ нимъ за его связь и отъѣздъ изъ Москвы, перестала присылать ему деньги. И вслѣдствіе этого Вронскій, уже сдѣлавъ привычку жизни на 45.000 и получивъ въ этомъ году только 25.000 р., находился теперь въ затрудненіи. Чтобы выдти изъ этого затрудненія, онъ не могъ просить денегъ у матери. Послѣднее ея письмо, полученное имъ наканунѣ, тѣмъ въ особенности раздражило его, что въ немъ были намеки на то, что она готова была помогать ему для успѣха въ свѣтѣ и на службѣ, а не для жизни, которая скандализировала все хорошее общество. Желаніе матери купить его — оскорбило его до глубины души и еще болѣе охладило къ ней. Но онъ не могъ отречься отъ сказаннаго великодушнаго слова, хотя и чувствовалъ теперь, смутно предвидя нѣкоторыя случайности своей связи съ Карениной, что великодушное слово это было сказано легкомысленно, и что ему, не женатому, могутъ понадобиться всѣ сто тысячъ дохода. Но отречься нельзя было. Ему стоило только вспомнить братнину жену, вспомнить, какъ эта милая, славная Варя при всякомъ удобномъ случаѣ напоминала ему, что она помнитъ его великодушіе и цѣнитъ его, чтобы понять невозможность отнять назадъ данное. Это было такъ же невозможно, какъ прибить женщину, украсть или солгать. Было возможно и должно одно, на что Вронскій и рѣшился безъ минуты колебанія: занять

деньги у ростовщика, десять тысячъ, въ чемъ не можетъ быть затрудненія, урѣзать вообще свои расходы и продать скаковыхъ лошадей. Рѣшивъ это, онъ тотчасъ же написалъ записку Роландаки, посылавшему къ нему не разъ съ предложеніемъ купить у него лошадей. Потомъ послалъ за англичаниномъ и за ростовщикомъ и разложилъ по счетамъ тѣ деньги, которыя у него были. Окончивъ эти дѣла, онъ написалъ холодный и рѣзкій отвѣтъ матери. Потомъ, доставъ изъ бумажника три записки Анны, онъ перечелъ ихъ, сжегъ и, вспомнивъ свой вчерашній разговоръ съ нею, задумался.

XX.

Жизнь Вронскаго тѣмъ была особенно счастлива, что у него былъ сводъ правилъ, несомнѣнно опредѣляющихъ все, что должно и не должно дѣлать. Сводъ этихъ правилъ обнималъ очень малый кругъ условій, но за то правила были несомнѣнны, и Вронскій, никогда не выходя изъ этого круга, никогда ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что должно. Правила эти несомнѣнно опредѣляли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинамъ, но женщинамъ можно,—что обманывать нельзя никого, но мужа можно,—что нельзя прощать оскорбленій и можно оскорблять, и т. д. Всѣ эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомнѣнны, и, исполняя ихъ, Вронскій чувствовалъ, что онъ спокоенъ и можетъ высоко носить голову. Только въ самое послѣднее время, по поводу своихъ отношеній къ Аннѣ, Вронскій начиналъ чувствовать, что сводъ его правилъ не вполнѣ опредѣлялъ всѣ условія, и въ будущемъ представ-

лялись трудности и сомнѣнія, въ которыхъ Вронскій ужъ не находилъ руководящей нити.

Теперешнее отношеніе его къ Аннѣ и къ ея мужу было для него просто и ясно. Оно было ясно и точно опредѣлено въ сводѣ правилъ, которыми онъ руководствовался.

Она была порядочная женщина, подарившая ему свою любовь, и онъ любилъ ее, и потому она была для него женщина достойная такого же и еще бо̀льшаго уваженія, чѣмъ законная жена. Онъ далъ бы отрубить себѣ руку прежде, чѣмъ позволить себѣ словомъ, намекомъ, не только оскорбить ее, но не выказать ей того уваженія, на какое только можетъ расчитывать женщина.

Отношенія къ обществу тоже были ясны. Всѣ могли знать, подозрѣвать это, но никто не долженъ былъ смѣть говорить. Въ противномъ случаѣ онъ готовъ былъ заставить говорившихъ молчать и уважать несуществующую честь женщины, которую онъ любилъ.

Отношенія къ мужу были яснѣе всего. Съ той минуты, какъ Анна полюбила Вронскаго, онъ считалъ одно свое право на нее неотъемлемымъ. Мужъ былъ только излишнее и мѣшающее лицо. Безъ сомнѣнія, онъ былъ въ жалкомъ положеніи, но что же было дѣлать? Одно, на что имѣлъ право мужъ, это было на то, чтобы потребовать удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ, и на это Вронскій былъ готовъ съ первой минуты.

Но въ послѣднее время являлись новыя внутреннія отношенія между нимъ и ею, пугавшія Вронскаго своею неопредѣленностью. Вчера только она объяснила ему, что она беременна. И онъ почувствовалъ, что это извѣстіе и то, чего она ждала отъ него, требовало чего-то такого, что не

определено вполнѣ кодексомъ тѣхъ правилъ, которыми онъ руководствовался въ жизни. И дѣйствительно, онъ былъ взятъ врасплохъ и, въ первую минуту, когда она объявила о своемъ положеніи, сердце его подсказало ему требованіе оставить мужа. Онъ сказалъ это, но теперь, обдумывая, онъ видѣлъ ясно, что лучше было бы обойдтись безъ этого, и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря это себѣ, боялся, не дурно ли это.

„Если я сказалъ оставить мужа, то это значитъ соединиться со мной: готовъ ли я на это? Какъ я увезу ее теперь, когда у меня нѣтъ денегъ? Положимъ, это я могъ бы устроить... Но какъ я увезу ее, когда я на службѣ? Если я сказалъ это, то надо быть готовымъ на это, то-есть имѣть деньги и выдти въ отставку".

И онъ задумался. Вопросъ о томъ, выдти или не выдти въ отставку, привелъ его къ другому, тайному, ему одному извѣстному, едва ли не главному, хотя и затаенному интересу всей его жизни.

Честолюбіе было старинная мечта его дѣтства и юности, — мечта, въ которой онъ и себѣ не признавался, но которая была такъ сильна, что и теперь эта страсть боролась съ его любовью. Первые шаги его въ свѣтѣ и на службѣ были удачны, но два года тому назадъ онъ сдѣлалъ грубую ошибку. Онъ, желая выказать свою независимость и подвинуться, отказался отъ предложеннаго ему положенія, надѣясь, что отказъ этотъ придастъ ему большую цѣну; но оказалось, что онъ былъ слишкомъ смѣлъ, и его оставили; и, волей-неволей сдѣлавъ себѣ положеніе человѣка независимаго, онъ носилъ его весьма тонко и умно, держа себя такъ, какъ будто онъ ни на кого не сердится, не считалъ себя никѣмъ обиженнымъ и желаетъ только того,

чтобъ его оставили въ покоѣ, потому что ему весело. Въ сущности же ему еще съ прошлаго года, когда онъ уѣхалъ въ Москву, перестало быть весело. Онъ чувствовалъ, что это независимое положеніе человѣка, который все бы могъ, но ничего не хочетъ, уже начинаетъ сглаживаться, что многіе начинаютъ думать, что онъ ничего бы и не могъ, кромѣ того, какъ быть честнымъ и добрымъ малымъ. Надѣлавшая столько шума и обратившая общее вниманіе связь его съ Карениной, придавъ ему новый блескъ, успокоила на время точившаго его червя честолюбія, но недѣлю тому назадъ этотъ червь проснулся съ новою силой. Его товарищъ съ дѣтства, одного круга, одного общества, и товарищъ по корпусу, Серпуховской, одного съ нимъ выпуска, съ которымъ онъ соперничалъ и въ классѣ, и въ гимнастикѣ, и въ шалостяхъ, и въ мечтахъ честолюбія, на-дняхъ вернулся изъ Средней Азіи, получивъ тамъ два чина и отличіе, рѣдко даваемое столь молодымъ генераламъ.

Какъ только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, заговорили о немъ, какъ о вновь поднимающейся звѣздѣ первой величины. Ровесникъ Вронскому и однокашникъ, онъ былъ генералъ и ожидалъ назначенія, которое могло имѣть вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, а Вронскій былъ хоть и независимый, и блестящій, и любимый прелестною женщиной человѣкъ, но былъ только ротмистромъ, которому предоставляли быть независимымъ сколько ему угодно. „Разумѣется, я не завидую и не могу завидовать Серпуховскому; но его возвышеніе показываетъ мнѣ, что стоитъ выждать время, и карьера человѣка, какъ я, можетъ быть сдѣлана очень скоро. Три года тому назадъ онъ былъ въ томъ же положеніи, какъ и я. Выйдя въ отставку, я сожгу

свои корабли. Оставаясь на службѣ, я ничего ни теряю. Она сама сказала, что не хочетъ измѣнять своего положенія. А я съ ея любовью не могу завидовать Серпуховскому". И, закручивая медленнымъ движеніемъ усы, онъ всталъ отъ стола и прошелся по комнатѣ. Глаза его блестѣли особенно ярко, и онъ чувствовалъ то твердое, спокойное и радостное состояніе духа, которое находило на него всегда послѣ уясненія своего положенія. Все было, какъ и послѣ прежнихъ счетовъ, чисто и ясно. Онъ побрился, одѣлся, взялъ холодную ванну и вышелъ.

XXI.

— А я за тобой. Твоя стирка нынче долго продолжалась,— сказалъ Петрицкій.—Что-жъ, кончилось?

— Кончилось,—отвѣчалъ Вронскій, улыбаясь одними глазами и покручивая кончики усовъ, такъ осторожно, какъ будто послѣ того порядка, въ который приведены его дѣла, всякое слишкомъ смѣлое и быстрое движеніе можетъ его разрушить.

— Ты всегда послѣ этого точно изъ бани,—сказалъ Петрицкій.—Я отъ Грицки (такъ они звали полковаго командира), тебя ждутъ.

Вронскій, не отвѣчая, глядѣлъ на товарища, думая о другомъ.

— Да, это у него музыка?—сказалъ онъ прислушиваясь къ долетавшимъ до него знакомымъ звукамъ трубныхъ басовъ полекъ и вальсовъ.—Что за праздникъ?

— Серпуховской пріѣхалъ.

— Аа!—сказалъ Вронскій,—я и не зналъ.

Улыбка его глазъ заблестѣла еще ярче.

Разъ рѣшивъ самъ съ собою, что онъ счастливъ своею любовью, пожертвовавъ ей своимъ честолюбіемъ, — взявъ по крайней мѣрѣ на себя эту роль,—Вронскій уже не могъ чувствовать ни зависти къ Серпуховскому, ни досады на него за то, что онъ, пріѣхавъ въ полкъ, пришелъ не къ нему первому. Серпуховской былъ добрый пріятель, и онъ былъ радъ ему.

— А, я очень радъ.

Полковой командиръ, Деминъ, занималъ большой помѣщичій домъ. Все общество было на просторномъ нижнемъ балконѣ. На дворѣ, первое, что бросилось въ глаза Вронскому, были пѣсельники въ кителяхъ, стоявшіе подлѣ бочонка съ водкой, и здоровая, веселая фигура полковаго командира, окруженнаго офицерами: выйдя на первую ступень балкона, онъ громко, перекрикивая музыку, игравшую Офенбаховскую кадриль, что-то приказывалъ и махалъ стоявшимъ нѣсколько въ сторонѣ солдатамъ. Кучка солдатъ, вахмистръ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ подошли вмѣстѣ съ Вронскимъ къ балкону. Вернувшись къ столу, полковой командиръ опять вышелъ съ бокаломъ на крыльцо и провозгласилъ тостъ: „За здоровье нашего бывшаго товарища и храбраго генерала князя Серпуховскаго. Ура“.

За полковымъ командиромъ, съ бокаломъ въ рукѣ, улыбаясь, вышелъ и Серпуховской.

— Ты все молодѣешь, Бондаренко,—обратился онъ къ прямо передъ нимъ стоявшему, служившему вторую службу молодцеватому краснощекому вахмистру.

Вронскій три года не видалъ Серпуховскаго. Онъ возмужалъ, отпустивъ бакенбарды, но онъ былъ такой же стройный, не столько поражавшій красотой, сколько нѣжностью

и благородствомъ лица и сложенія. Одна перемѣна, которую замѣтилъ въ немъ Вронскій, было то тихое, постоянное сіяніе, которое устанавливается на лицахъ людей, имѣющихъ успѣхъ и увѣренныхъ въ признаніи этого успѣха всѣми. Вронскій зналъ это сіяніе и тотчасъ же замѣтилъ его на Серпуховскомъ.

Сходя съ лѣстницы, Серпуховской увидалъ Вронскаго. Улыбка радости освѣтила лицо Серпуховскаго. Онъ кивнулъ кверху головой, приподнялъ бокалъ, привѣтствуя Вронскаго и показывая этимъ жестомъ, что не можетъ прежде не подойдти къ вахмистру, который, вытянувшись, уже складывалъ губы для поцѣлуя,

— Ну вотъ и онъ!—вскрикнулъ полковой командиръ.—А мнѣ сказалъ Яшвинъ, что ты въ своемъ мрачномъ духѣ?

Серпуховской поцѣловалъ во влажныя и свѣжія губы молодца вахмистра и, обтирая ротъ платкомъ, подошелъ къ Вронскому.

— Ну, какъ я радъ!—сказалъ онъ, пожимая ему руку и отводя его въ сторону.

— Займитесь имъ!—крикнулъ Яшвину полковой командиръ, указывая на Вронскаго, и сошелъ внизъ къ солдатамъ.

— Отчего ты вчера не былъ на скачкахъ? Я думалъ увидать тамъ тебя,—сказалъ Вронскій, оглядывая Серпуховскаго.

— Я пріѣхалъ, но поздно. Виноватъ,—прибавилъ онъ и обратился къ адъютанту:—пожалуйста, отъ меня прикажите раздать, сколько выйдетъ на человѣка.

И онъ торопливо досталъ изъ бумажника три сторублевыя бумажки и покраснѣлъ.

— Вронскій! Съѣсть что-нибудь или пить?—спросилъ Яшвинъ.—Эй, давай сюда графу поѣсть! А вотъ это—пей.

Кутежъ у полковаго командира продолжался долго.

Пили очень много. Качали и подкидывали Серпуховскаго. Потомъ качали полковаго командира. Потомъ передъ пѣсельниками плясалъ самъ полковой командиръ съ Петрицкимъ. Потомъ полковой командиръ, уже нѣсколько ослабѣвъ, сѣлъ на дворѣ на лавку и началъ доказывать Яшвину преимущество Россіи передъ Пруссіей, особенно въ кавалерійской атакѣ, и кутежъ на минуту затихъ. Серпуховской вошелъ въ домъ, въ уборную, чтобъ умыть руки, и нашелъ тамъ Вронскаго; Вронскій обливался водой. Онъ, снявъ китель и подставивъ обросшую волосами красную шею подъ струю умывальника, растиралъ ее и голову руками. Окончивъ умываніе, Вронскій подсѣлъ къ Серпуховскому. Они оба тутъ же сѣли на диванчикъ, и между ними начался разговоръ, очень интересный для обоихъ.

— Я о тебѣ все зналъ черезъ жену,—сказалъ Серпуховской.—Я радъ, что ты часто видалъ ее.

— Она дружна съ Варей, и это единственныя женщины петербургскія, съ которыми мнѣ пріятно видѣться,—улыбаясь отвѣчалъ Вронскій. Онъ улыбался тому, что предвидѣлъ тему, на которую обратился разговоръ, и это было ему пріятно.

— Единственныя?—улыбаясь переспросилъ Серпуховской.

— Да, и я о тебѣ зналъ, но не только черезъ твою жену,—строгимъ выраженіемъ лица запрещая этотъ намекъ, сказалъ Вронскій.—Я очень радъ былъ твоему успѣху, но нисколько не удивленъ. Я ждалъ еще больше.

Серпуховской улыбнулся. Ему очевидно было пріятно это мнѣніе о немъ, и онъ не находилъ нужнымъ скрывать это.

— Я, напротивъ, признаюсь откровенно, ждалъ меньше.—

Но я радъ, очень радъ. Я честолюбивъ, это моя слабость, и я признаюсь въ ней.

— Можетъ быть ты бы не признавался, еслибы не имѣлъ успѣха,— сказалъ Вронскій.

— Не думаю,—опять улыбаясь, сказалъ Серпуховской.— Не скажу, чтобы не стоило жить безъ этого, но было бы скучно. Разумѣется, я можетъ быть ошибаюсь, но мнѣ кажется, что я имѣю нѣкоторыя способности къ той сферѣ дѣятельности, которую я избралъ, и что въ моихъ рукахъ власть, какая бы она ни была, если будетъ, то будетъ лучше, чѣмъ въ рукахъ многихъ мнѣ извѣстныхъ,—съ сіяющимъ сознаніемъ успѣха сказалъ Серпуховской.—И потому, чѣмъ ближе къ этому, тѣмъ я больше доволенъ.

— Можетъ-быть это такъ для тебя, но не для всѣхъ. Я тоже думалъ, а вотъ живу и нахожу, что не стóитъ жить только для этого,—сказалъ Вронскій.

— Вотъ оно! Вотъ оно!—смѣясь сказалъ Серпуховской.— Я уже началъ съ того, что я слышалъ про тебя, про твой отказъ... Разумѣется, я тебя одобрилъ. Но на все есть манера. И я думаю, что самый поступокъ хорошъ, но ты его сдѣлалъ не такъ, какъ надо.

— Что сдѣлано, то сдѣлано, а ты знаешь, я никогда не отрекаюсь отъ того, что сдѣлалъ. И потомъ мнѣ прекрасно.

— Прекрасно — на время. Но ты не удовлетворишься этимъ. Я твоему брату не говорю. Это—милое дитя, также какъ этотъ нашъ хозяинъ. Вонъ онъ!—прибавилъ онъ, прислушиваясь къ крику „ура“,—и ему весело, а тебя не это удовлетворяетъ.

— Я не говорю, чтобы удовлетворяло.

— Да, не это одно. Такіе люди, какъ ты, нужны.

— Кому?

— Кому? Обществу, Россіи. Россіи нужны люди, нужна партія, иначе все идетъ и пойдетъ къ собакамъ.

— То-есть что же? Партія Бертенева противъ русскихъ коммунистовъ?

— Нѣтъ,—сморщившись отъ досады за то, что его подозрѣваютъ въ такой глупости, сказалъ Серпуховской.— Tout ça est une blague. Это всегда было и будетъ. Никакихъ коммунистовъ нѣтъ. Но всегда людямъ интриги надо выдумать вредную, опасную партію. Это старая штука. Нѣтъ, нужна партія власти людей независимыхъ, какъ ты и я.

— Но почему же? — Вронскій назвалъ нѣсколько имѣющихъ власть людей. — Но почему же они не независимые люди?

— Только потому, что у нихъ нѣтъ или не было отъ рожденія независимости состоянія, не было имени, не было той близости къ солнцу, въ которой мы родились. Ихъ можно купить или деньгами, или лаской. И чтобъ имъ держаться, имъ надо выдумывать направленіе. И они проводятъ какую-нибудь мысль, направленіе, въ которое сами не вѣрятъ, которое дѣлаетъ зло; и все это направленіе есть только средство имѣть казенный домъ и столько-то жалованья. Cela n'est pas plus fin que ça, когда поглядишь въ ихъ карты. Можетъ-быть я хуже, глупѣе ихъ, хотя я не вижу, почему я долженъ быть хуже ихъ. Но у меня и у тебя есть уже навѣрное одно важное преимущество, то, что насъ труднѣе купить. И такіе люди болѣе чѣмъ когда-нибудь нужны.

Вронскій слушалъ внимательно, но не столько самое содержаніе словъ занимало его, сколько то отношеніе къ

дѣлу Серпуховскаго, уже думающаго бороться со властью и имѣющаго въ этомъ мірѣ уже свои симпатіи и антипатіи, тогда какъ для него были по службѣ только интересы эскадрона. Вронскій понялъ тоже, какъ могъ быть силенъ Серпуховской своею несомнѣнною способностью обдумывать, понимать вещи, своимъ умомъ и даромъ слова, такъ рѣдко встрѣчающимся въ той средѣ, въ которой онъ жилъ. И, какъ ни совѣстно это было ему, ему было завидно.

— Все-таки мнѣ недостаетъ для этого одной главной вещи,—отвѣчалъ онъ: — недостаетъ желанія власти. Это было, но прошло.

— Извини меня, это неправда,—улыбаясь сказалъ Серпуховской.

— Нѣтъ, правда, правда... теперь, чтобъ быть искреннимъ,—добавилъ Вронскій.

— Да, правда *теперь*—это другое дѣло; но это *теперь* будетъ не всегда.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Вронскій.

— Ты говоришь: *можетъ быть*,—продолжалъ Серпуховской, какъ будто угадавъ его мысли, — а я тебѣ говорю: *навѣрное*. И для этого я хотѣлъ тебя видѣть. Ты поступилъ такъ, какъ должно было. Это я понимаю, но *персеверировать* ты не долженъ. Я только прошу у тебя carte blanche. Я не покровительствую тебѣ... Хотя отчего же мнѣ и не покровительствовать тебѣ?—ты столько разъ мнѣ покровительствовалъ! Надѣюсь, что наша дружба стоитъ выше этого. Да,—сказалъ онъ нѣжно, какъ женщина, улыбаясь ему.— Дай мнѣ carte blanche, выходи изъ полка и я втяну тебя незамѣтно,

— Но ты пойми, мнѣ ничего не нужно,—сказалъ Вронскій,—какъ только то, чтобы все было, какъ было.

Серпуховской всталъ и сталъ противъ него.

— Ты сказалъ, чтобы все было, какъ было. Я понимаю, что это значить. Но слушай: мы—ровесники, можетъ-быть ты больше числомъ зналъ женщинъ, чѣмъ я.—Улыбка и жесты Серпуховскаго говорили, что Вронскій не долженъ бояться, что онъ нѣжно и осторожно дотронется до больнаго мѣста.—Но я женать, и повѣрь, что узнавъ одну свою жену (какъ кто-то писалъ), которую ты любишь, ты лучше узнаешь всѣхъ женщинъ, чѣмъ еслибы ты зналъ ихъ тысячи.

— Сейчасъ придемъ!—крикнулъ Вронскій офицеру, заглянувшему въ комнату и звавшему ихъ къ полковому командиру.

Вронскому хотѣлось теперь дослушать и узнать, что̀ Серпуховской скажетъ ему.

— И вотъ тебѣ мое мнѣніе. Женщины—это главный камень преткновенія въ дѣятельности человѣка. Трудно любить женщину и дѣлать что-нибудь. Для этого есть только одно средство съ удобствомъ, безъ помѣхи любить—это женитьба. Какъ бы, какъ бы тебѣ сказать, что я думаю,—говорилъ Серпуховской, любившій сравненія;—постой, постой!... Да, какъ нести fardeau и дѣлать что-нибудь руками можно только тогда, когда fardeau увязано на спину, а это—женитьба. И это я почувствовалъ женившись. У меня вдругъ опростались руки. Но безъ женитьбы тащить за собой этотъ fardeau,—руки будутъ такъ полны, что ничего нельзя дѣлать. Посмотри Мазанкова, Крупова. Они погубили свои карьеры изъ-за женщинъ.

— Какія женщины!—сказалъ Вронскій, вспоминая фран-

цуженку и актрису, съ которыми были въ связи названные два человѣка.

— Тѣмъ хуже: чѣмъ прочнѣе положеніе женщины въ свѣтѣ, тѣмъ хуже. Это все равно, какъ уже — не то что тащить fardeau руками, а вырывать его у другаго.

— Ты никогда не любилъ,—тихо сказалъ Вронскій, глядя передъ собой и думая объ Аннѣ.

— Можетъ быть. Но ты вспомни, что я сказалъ тебѣ. И еще: женщины всѣ матеріальнѣе мужчинъ. Мы дѣлаемъ изъ любви что-то огромное, а онѣ всегда terre-à-terre.

— Сейчасъ, сейчасъ!—обратился онъ къ вошедшему лакею. Но лакей не приходилъ ихъ звать опять, какъ онъ думалъ. Лакей принесъ Вронскому записку.

— Вамъ человѣкъ принесъ отъ княгини Тверской.

Вронскій распечаталъ письмо и вспыхнулъ.

— У меня голова заболѣла, я пойду домой,—сказалъ онъ Серпуховскому.

— Ну, такъ прощай. Даешь carte blanche?

— Послѣ поговоримъ, я найду тебя въ Петербургѣ.

XXII.

Былъ уже шестой часъ и потому, чтобы поспѣть во-время и вмѣстѣ съ тѣмъ не ѣхать на своихъ лошадяхъ, которыхъ всѣ знали, Вронскій сѣлъ въ извощичью карету Яшвина и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. Извощичья старая четырехмѣстная карета была просторна. Онъ сѣлъ въ уголъ, вытянулъ ноги на переднее мѣсто и задумался.

Смутное сознаніе той ясности, въ которую были приведены его дѣла, смутное воспоминаніе о дружбѣ и лести Серпуховскаго, считавшаго его нужнымъ человѣкомъ, и,

главное, ожиданіе свиданія — все соединялось въ общее впечатлѣніе радостнаго чувства жизни. Чувство это было такъ сильно, что онъ невольно улыбался. Онъ спустилъ ноги, заложилъ одну на колѣно другой и, взявъ ее въ руку, ощупалъ упругую икру ноги, зашибленной вчера при паденіи, и, откинувшись назадъ, вздохнулъ нѣсколько разъ всею грудью.

„Хорошо, очень хорошо!“ сказалъ онъ самъ себѣ. Онъ и прежде часто испытывалъ радостное сознаніе своего тѣла, но никогда онъ такъ не любилъ себя, своего тѣла, какъ теперь. Ему пріятно было чувствовать эту легкую боль въ сильной ногѣ, пріятно было мышечное ощущеніе движеній своей груди при дыханіи. Тотъ самый ясный и холодный августовскій день, который такъ безнадежно дѣйствовалъ на Анну, казался ему возбудительно оживляющимъ и освѣжалъ его разгорѣвшееся отъ обливація лицо и шею. Запахъ брильянтина отъ его усовъ казался ему особенно пріятнымъ на этомъ свѣжемъ воздухѣ. Все, что онъ видѣлъ въ окно карты, все, въ этомъ холодномъ чистомъ воздухѣ, на этомъ блѣдномъ свѣтѣ заката, было такъ же свѣжо, весело и сильно, какъ и онъ самъ: и крыши домовъ, блестящія въ лучахъ спускавшагося солнца, и рѣзкія очертанія заборовъ и угловъ построекъ, и фигуры изрѣдка встрѣчающихся пѣшеходовъ и экипажей, и неподвижная зелень деревьевъ и травъ, и поля съ правильно прорѣзанными бороздами картофеля, и косыя тѣни, падавшія отъ домовъ и отъ деревьевъ, и отъ кустовъ, и отъ самыхъ бороздъ картофеля. Все было красиво, какъ хорошенькій пейзажъ, только-что оконченный и покрытый лакомъ.

— Пошелъ, пошелъ!—сказалъ онъ кучеру, высунувшись

въ окно, и доставъ изъ кармана трехрублевую бумажку, сунулъ ее оглянувшемуся кучеру. Рука извощика ощупала что-то у фонаря, послышался свистъ кнута, и карета быстро покатилась по ровному шоссе.

„Ничего, ничего мнѣ не нужно, кромѣ этого счастія“, думалъ онъ, глядя на костяную шишечку звонка въ промежуткѣ между окнами и воображая себѣ Анну такою, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. „И чѣмъ дальше, тѣмъ больше я люблю ее. Вотъ и садъ казенной дачи Вреде. Гдѣ же она тутъ? Гдѣ? Какъ? Зачѣмъ она здѣсь назначила свиданіе и пишетъ въ письмѣ Бетси?“ подумалъ онъ теперь только; но думать было уже некогда. Онъ остановилъ кучера не доѣзжая до аллеи и, отворивъ дверцу, на ходу выскочилъ изъ кареты и пошелъ въ аллею, ведшую къ дому. Въ аллеѣ никого не было; но, оглянувшись направо, онъ увидалъ ее. Лицо ея было закрыто вуалемъ, но онъ обхватилъ радостнымъ взглядомъ особенное, ей одной свойственное движеніе походки, склона плечъ и постанова головы, и тотчасъ же будто электрическій токъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ съ новою силой почувствовалъ самого себя, отъ упругихъ движеній ногъ до движенія легкихъ при дыханіи, и что-то защекотало его губы.

Сойдясь съ нимъ, она крѣпко пожала его руку.

— Ты не сердишься, что я вызвала тебя? Мнѣ необходимо было тебя видѣть,— сказала она; и тотъ серьёзный и строгій складъ губъ, который онъ видѣлъ изъ-подъ вуаля, сразу измѣнилъ его душевное настроеніе.

— Я, сердиться! Но какъ ты пріѣхала, куда?

— Все равно,—сказала она, кладя свою руку на его,— пойдемъ, мнѣ нужно переговорить.

Онъ понялъ, что что-то случилось, и что свиданіе это не будетъ радостное. Въ присутствіи ея онъ не имѣлъ своей воли: не зная причины ея тревоги, онъ чувствовалъ уже, что та же тревога невольно сообщалась и ему.

— Что же, что?—спрашивалъ онъ, сжимая локтемъ ея руку и стараясь прочесть въ ея лицѣ ея мысли.

Она прошла молча нѣсколько шаговъ, собираясь съ духомъ, и вдругъ остановилась.

— Я не сказала тебѣ вчера,—начала она, быстро и тяжело дыша, — что, возвращаясь домой съ Алексѣемъ Александровичемъ, я объявила ему все... сказала, что я не могу быть его женой, что... и все сказала.

Онъ слушалъ ее, невольно склоняясь всѣмъ станомъ, какъ бы желая этимъ смягчить для нея тяжесть ея положенія. Но какъ только она сказала это, онъ вдругъ выпрямился, и лицо его приняло гордое и строгое выраженіе.

— Да, да, это лучше, тысячу разъ лучше! Я понимаю, какъ тяжело это было, — сказалъ онъ. Но она не слушала его словъ, она читала его мысли по выраженію лица. Она не могла знать, что выраженіе его лица относилось къ первой пришедшей Вронскому мысли—о неизбѣжности теперь дуэли. Ей никогда и въ голову не приходила мысль о дуэли, и поэтому это мимолетное выраженіе строгости она объяснила иначе.

Получивъ письмо мужа, она знала уже въ глубинѣ души, что все останется по-старому, что она не въ силахъ будетъ пренебречь своимъ положеніемъ, бросить сына и соединиться съ любовникомъ. Утро, проведенное у княгини Тверской, еще болѣе утвердило ее въ этомъ. Но свиданіе это все-таки было для нея чрезвычайно важно. Она надѣялась, что это свиданіе измѣнитъ ихъ положеніе и спасетъ

ее. Если онъ при этомъ извѣстіи рѣшительно, страстно, безъ минуты колебанія скажетъ ей: брось все и бѣги со мной! — она броситъ сына и уйдетъ съ нимъ. Но извѣстіе это не произвело въ немъ того, что она ожидала: онъ только чѣмъ-то какъ будто оскорбился.

— Мнѣ нисколько не тяжело было. Это сдѣлалось само собой, — сказала она раздражительно, — и вотъ... она достала письмо мужа изъ перчатки.

— Я понимаю, понимаю, — перебилъ онъ ее, взявъ письмо, но не читая его и стараясь ее успокоить, — я одного желалъ, я одного просилъ — разорвать это положеніе, чтобы посвятить свою жизнь твоему счастію.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это? — сказала она. — Развѣ я могу сомнѣваться въ этомъ? Еслибъ я сомнѣвалась...

— Кто это идетъ? — сказалъ вдругъ Вронскій, указывая на шедшихъ на встрѣчу двухъ дамъ: — можетъ-быть знаютъ насъ! — и онъ поспѣшно направился, увлекая ее за собою на боковую дорожку.

— Ахъ, мнѣ все равно! — сказала она. Губы ея задрожали, и ему показалось, что глаза ея со странною злобой смотрѣли на него изъ-подъ вуаля. — Такъ я говорю, что не въ этомъ дѣло, я не могу сомнѣваться въ этомъ; но вотъ что онъ пишетъ мнѣ. Прочти. — Она опять остановилась.

Опять, какъ и въ первую минуту при извѣстіи объ ея рызрывѣ съ мужемъ, Вронскій, читая письмо, невольно отдался тому естественному впечатлѣнію, которое вызывало въ немъ отношеніе къ оскорбленному мужу. Теперь, когда онъ держалъ въ рукахъ его письмо, онъ невольно представлялъ себѣ тотъ вызовъ, который, вѣроятно, нынче же или завтра онъ найдетъ у себя, и самую дуэль, во время ко-

торой онъ, съ тѣмъ самымъ холоднымъ и гордымъ выраженіемъ, которое и теперь было на его лицѣ, выстрѣливъ въ воздухъ, будетъ стоять подъ выстрѣломъ оскорбленнаго мужа. И тутъ же въ его головѣ мелькнула мысль о томъ, что̀ ему только-что говорилъ Серпуховской и что онъ самъ утромъ думалъ, — что лучше не связывать себя, — и онъ зналъ, что эту мысль онъ не можетъ передать ей.

Прочтя письмо, онъ поднялъ на нее глаза, и во взглядѣ его не было твердости. Она поняла тотчасъ же, что онъ уже самъ съ собой прежде думалъ объ этомъ. Она знала, что, что̀ бы онъ ни сказалъ ей, онъ скажетъ не все, что онъ думаетъ. И она поняла, что послѣдняя надежда ея была обманута. Это было не то, чего она ожидала.

— Ты видишь, что это за человѣкъ, — сказала она дрожащимъ голосомъ,—онъ...

— Прости меня, но я радуюсь этому,—перебилъ Вронскій.—Ради Бога, дай мнѣ договорить,—прибавилъ онъ, умоляя ее взглядомъ дать ему время объяснить свои слова.— Я радуюсь, потому что это не можетъ, никакъ не можетъ оставаться такъ, какъ онъ предполагаетъ.

— Почему же не можетъ?—сдерживая слезы, проговорила Анна, очевидно уже не приписывая никакого значенія тому, что онъ скажетъ. Она чувствовала, что судьба ея была рѣшена.

Вронскій хотѣлъ сказать, что послѣ неизбѣжной, по его мнѣнію, дуэли это не могло продолжаться, но сказалъ другое.

— Не можетъ продолжаться. Я надѣюсь, что теперь ты оставишь его. Я надѣюсь, — онъ смутился и покраснѣлъ,— что ты позволишь мнѣ устроить и обдумать нашу жизнь. Завтра. .—началъ было онъ.

Она не дала договорить ему.

— А сынъ?—вскрикнула она.—Ты видишь, что онъ пишетъ?—надо оставить его, а я не могу и не хочу сдѣлать это.

— Но, ради Бога, что же лучше: оставить сына, или продолжать это унизительное положеніе?

— Для кого унизительное положеніе?

— Для всѣхъ, и больше всего для тебя.

— Ты говоришь: унизительное... не говори этого. Эти слова не имѣютъ для меня смысла,—сказала она дрожащимъ голосомъ. Ей не хотѣлось теперь, чтобъ онъ говорилъ неправду. Ей оставалась одна его любовь, и она хотѣла любить его.—Ты пойми, что для меня, съ того дня, какъ я полюбила тебя, все перемѣнилось. Для меня одно и одно—это твоя любовь. Если она моя, то я чувствую себя такъ высоко, такъ твердо, что ничто не можетъ для меня быть унизительнымъ. Я горда своимъ положеніемъ, потому что... горда тѣмъ... горда...—Она не договорила, чѣмъ она была горда. Слезы стыда и отчаянія задушили ея голосъ. Она остановилась и зарыдала.

Онъ почувствовалъ тоже, что что-то поднимается въ его горлу, щиплетъ ему въ носу, и онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя готовымъ заплакать. Онъ не могъ бы сказать, что именно такъ тронуло его; ему было жалко ее, и онъ чувствовалъ, что не можетъ помочь ей, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что онъ виною ея несчастія, что онъ сдѣлалъ что-то нехорошее.

— Развѣ невозможенъ разводъ?—сказалъ онъ слабо. Она, не отвѣчая, покачала головой.—Развѣ нельзя взять сына и все-таки оставить его?

— Да; но это все отъ него зависитъ. Теперь я должна

ѣхать къ нему,—сказала она сухо. Ея предчувствіе, что все останется по-старому, не обмануло ея.

— Во вторникъ я буду въ Петербургѣ, и все рѣшится.

— Да, — сказала она. — Но не будемъ больше говорить про это.

Карета Анны, которую она отсылала и которой велѣла пріѣхать къ рѣшеткѣ сада Вреде, подъѣхала. Анна простилась съ Вронскимъ и уѣхала домой.

XXIII.

Въ понедѣльникъ было обычное засѣданіе коммиссіи 2-го іюля. Алексѣй Александровичъ вошелъ въ залу засѣданія, поздоровался съ членами и предсѣдателемъ, какъ и обыкновенно, и сѣлъ на свое мѣсто, положивъ руку на приготовленныя передъ нимъ бумаги. Въ числѣ этихъ бумагъ лежали и нужныя ему справки и набросанный конспектъ того заявленія, которое онъ намѣревался сдѣлать. Впрочемъ, ему и не нужны были справки. Онъ помнилъ все и не считалъ нужнымъ повторять въ своей памяти то, что онъ скажетъ. Онъ зналъ, что когда наступитъ время и когда онъ увидитъ передъ собой лицо противника, тщетно старающееся придать себѣ равнодушное выраженіе, рѣчь его выльется сама собой лучше, чѣмъ онъ могъ теперь приготовиться. Онъ чувствовалъ, что содержаніе его рѣчи было такъ велико, что каждое слово будетъ имѣть значеніе. Между тѣмъ, слушая обычный докладъ, онъ имѣлъ самый невинный, безобидный видъ. Никто не думалъ, глядя на его бѣлыя, съ напухшими жилами руки, такъ нѣжно, длинными пальцами, ощупывавшія оба края лежавшаго передъ нимъ листа бѣлой бумаги и на его, съ выраженіемъ усталости на бокъ скло-

венную голову, что сейчасъ изъ его устъ выльются такія рѣчи, которыя произведутъ страшную бурю, заставятъ членовъ кричать, перебивая другъ друга, и предсѣдателя требовать соблюденія порядка. Когда докладъ кончился, Алексѣй Александровичъ своимъ тихимъ, тонкимъ голосомъ объявилъ, что онъ имѣетъ сообщить нѣкоторыя свои соображенія по дѣлу объ устройствѣ инородцевъ. Вниманіе обратилось на него. Алексѣй Александровичъ откашлялся и, не глядя на своего противника, но избравъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ при произнесеніи своихъ рѣчей, первое сидѣвшее передъ нимъ лицо—маленькаго, смирнаго старичка, не имѣвшаго никогда никакого мнѣнія въ коммиссіи, началъ излагать свои соображенія. Когда дѣло дошло до кореннаго и органическаго закона, противникъ вскочилъ и началъ возражать. Стремовъ, тоже членъ коммиссіи и тоже задѣтый за живое, сталъ оправдываться,—и вообще произошло бурное засѣданіе; но Алексѣй Александровичъ восторжествовалъ, и его предложеніе было принято, были назначены три новыя коммиссіи, и на другой день въ извѣстномъ петербургскомъ кругу только и было рѣчи, что объ этомъ засѣданіи. Успѣхъ Алексѣя Александровича былъ даже больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

На другое утро, во вторникъ, Алексѣй Александровичъ, проснувшись, съ удовольствіемъ вспомнилъ вчерашнюю побѣду и не могъ не улыбнуться, хотя и желалъ казаться равнодушнымъ, когда правитель канцеляріи, желая польстить ему, сообщилъ о слухахъ, дошедшихъ до него, о происшедшемъ въ коммиссіи.

Занимаясь съ правителемъ канцеляріи, Алексѣй Александровичъ совершенно забылъ о томъ, что нынче былъ втор-

никъ, день назначенный имъ для пріѣзда Анны Аркадьевны, и былъ удивленъ и непріятно пораженъ, когда человѣкъ пришелъ доложить ему о ея пріѣздѣ.

Анна пріѣхала въ Петербургъ рано утромъ; за ней была выслана карета по ея телеграммѣ, и потому Алексѣй Александровичъ могъ знать о ея пріѣздѣ. Но когда онъ пріѣхала, онъ не встрѣтилъ ея. Ей сказали, что онъ еще не выходилъ и занимается съ правителемъ канцеляріи. Она велѣла сказать мужу, что пріѣхала, прошла въ свой кабинетъ и занялась разборомъ своихъ вещей, ожидая, что онъ придетъ къ ней. Но прошелъ часъ; онъ не приходилъ. Она вышла въ столовую, подъ предлогомъ распоряженія, и нарочно громко говорила, ожидая, что онъ придетъ сюда; но онъ не вышелъ, хотя она слышала, что онъ выходилъ къ дверямъ кабинета, провожая правителя канцеляріи. Она знала, что онь по обыкновенію скоро уѣдетъ по службѣ, и ей хотѣлось до этого видѣть его, чтобъ отношенія ихъ были опредѣлены.

Она прошлась по залѣ и съ рѣшимостью направилась къ нему. Когда она вошла въ его кабинетъ, онъ въ вицъ-мундирѣ, очевидно готовый къ отъѣзду, сидѣлъ у маленькаго стола, на который облокотилъ руки, и уныло смотрѣлъ передъ собой. Она увидала его прежде, чѣмъ онъ ее, и она поняла, что онъ думалъ о ней.

Увидавъ ее, онъ хотѣлъ встать, раздумалъ, потомъ лицо его вспыхнуло, чего никогда прежде не видала Анна, и онъ быстро всталъ и пошелъ ей навстрѣчу, глядя не въ глаза ей, а выше, на ея лобъ и прическу. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и попросилъ сѣсть.

— Я очень радъ, что вы пріѣхали,—сказалъ онъ, са-

дясь подлѣ нея, и очевидно желая сказать что-то, онъ запнулся. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ начать говорить, но останавливался. Несмотря на то, что, готовясь къ этому свиданью, она учила себя презирать и обвинять его, она не знала, что сказать ему, и ей было жалко его. И такъ молчаніе продолжалось довольно долго.—Сережа здоровъ?— сказалъ онъ и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: — я не буду обѣдать дома нынче, и сейчасъ мнѣ надо ѣхать.

— Я хотѣла уѣхать въ Москву,—сказала она.

— Нѣтъ, вы очень, очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали,—сказалъ онъ и опять умолкъ.

Видя, что онъ не въ силахъ самъ начать говорить, она начала сама:

— Алексѣй Александровичъ,—сказала она, взглядывая на него и не опуская глазъ подъ его устремленнымъ на ея прическу взоромъ,—я преступная женщина, я дурная женщина, но я то же, что я была, что я сказала вамъ тогда и пріѣхала сказать вамъ, что я не могу ничего перемѣнить.

— Я васъ не спрашивалъ объ этомъ,—сказалъ онъ вдругъ рѣшительно и съ ненавистью глядя ей прямо въ глаза,—я такъ и предполагалъ.—Подъ вліяніемъ гнѣва онъ видимо овладѣлъ опять вполнѣ всѣми своими способностями.—Но, какъ я вамъ говорилъ тогда и писалъ, — заговорилъ онъ рѣзкимъ, тонкимъ голосомъ,—я теперь повторяю, что я не обязанъ этого знать. Я игнорирую это. Не всѣ жены такъ добры, какъ вы, чтобы такъ спѣшить сообщать столь *пріятное* извѣстіе мужьямъ.—Онъ особенно ударилъ на словѣ „пріятное". — Я игнорирую до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не знаетъ этого, пока мое имя не опозорено. И потому я только предупреждаю васъ, что наши отношенія должны быть

такія, какія они всегда были, и что только въ томъ случаѣ, если вы *компрометируете* себя, я долженъ буду принять мѣры, чтобъ оградить свою честь.

— Но отношенія наши не могутъ быть такими, какъ всегда,—робкимъ голосомъ заговорила Анна, съ испугомъ глядя на него.

Когда она увидала опять эти спокойные жесты, услыхала этотъ пронзительный, дѣтскій и насмѣшливый голосъ, отвращеніе къ нему уничтожило въ ней прежнюю жалость и она только боялась, но во что бы то ни стало хотѣла уяснить свое положеніе.

— Я не могу быть вашею женой, когда я...—начала было она.

Онъ засмѣялся злымъ и холоднымъ смѣхомъ.

— Должно быть тотъ родъ жизни, который вы избрали, отразился на вашихъ понятіяхъ. Я настолько уважаю или презираю и то и другое,—я уважаю прошедшее ваше и презираю настоящее,—что я былъ далекъ отъ той интерпретаціи, которую вы дали моимъ словамъ.

Анна вздохнула и опустила голову.

— Впрочемъ не понимаю, какъ, имѣя столько независимости, какъ вы,—продолжалъ онъ разгорячась, — объявляя мужу прямо о своей невѣрности и не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, какъ кажется, вы находите предосудительнымъ исполненіе въ отношеніи къ мужу обязанности жены?

— Алексѣй Александровичъ! Что вамъ отъ меня нужно?

— Мнѣ нужно, чтобъ я не встрѣчалъ здѣсь этого человѣка и чтобы вы вели себя такъ, чтобы ни *свѣтъ*, ни *прислуга* не *могли* обвинять васъ... чтобы вы не видали его. Кажется, это не много. И за это вы будете пользоваться

правами честной жены, не исполняя ея обязанностей. Вотъ все, что я имѣю сказать вамъ. Теперь мнѣ время ѣхать. Я не обѣдаю дома.—Онъ всталъ и направился къ двери.

Анна встала тоже. Онъ, молча поклонившись, пропустилъ ее.

XXIV.

Ночь, проведенная Левинымъ на копнѣ, не прошла для него даромъ: то хозяйство, которое онъ велъ, опротивѣло ему и потеряло для него всякій интересъ. Несмотря на превосходный урожай, никогда не было или, по крайней мѣрѣ, никогда ему не казалось, чтобы было столько неудачъ и столько враждебныхъ отношеній между нимъ и мужиками, какъ нынѣшній годъ, и причина неудачъ и этой враждебности была теперь совершенно понятна ему. Прелесть, которую онъ испытывалъ въ самой работѣ, происшедшее вслѣдствіе того сближеніе съ мужиками, зависть, которую онъ испытывалъ къ нимъ, къ ихъ жизни, желаніе перейдти въ эту жизнь, которое въ эту ночь было для него уже не мечтою, но намѣреніемъ, подробности исполненія котораго онъ обдумывалъ, — все это такъ измѣнило его взглядъ на заведенное у него хозяйство, что онъ не могъ уже никакъ находить въ немъ прежняго интереса и не могъ не видѣть того непріятнаго отношенія своего къ работникамъ, которое было основой всего дѣла. Стада улучшенныхъ коровъ, такихъ же, какъ Пава, вся удобренная, вспаханная плугами земля, девять равныхъ полей, обсаженныхъ лозинами, девяносто десятинъ глубоко запаханнаго навоза, рядовыя сѣялки и т. п.—все это было прекрасно, еслибъ это дѣлалось только имъ самимъ или имъ съ товарищами, людьми сочувствующими ему. Но онъ ясно

видѣлъ теперь (работа его надъ книгой о сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ главнымъ элементомъ хозяйства долженъ былъ быть работникъ, много помогла ему въ этомъ),— онъ ясно видѣлъ теперь, что то хозяйство, которое онъ велъ, была только жестокая и упорная борьба между нимъ и работниками, въ которой на одной сторонѣ (на его сторонѣ) было постоянное напряженное стремленіе передѣлать все на считаемый лучшимъ образецъ, на другой же сторонѣ— естественный порядокъ вещей. И въ этой борьбѣ онъ видѣлъ, что при величайшемъ напряженіи силъ съ его стороны и безъ всякаго усилія и даже намѣренія съ другой— достигалось только то, что хозяйство шло ни въ чью, и совершенно напрасно портились прекрасныя орудія, прекрасная скотина и земля. Главное же, не только совершенно даромъ пропадала направленная на это дѣло энергія, но онъ не могъ не чувствовать теперь, когда смыслъ его хозяйства обнажился для него, что цѣль его энергіи была самая недостойная. Въ сущности, въ чемъ состояла борьба? Онъ стоялъ за каждый свой грошъ (и не могъ не стоять, потому что стоило ему ослабить энергію, и ему бы не достало денегъ расплачиваться съ рабочими), а они только стояли за то, чтобы работать спокойно и пріятно, то есть такъ, какъ они привыкли. Въ его интересахъ было то, чтобы каждый работникъ сработалъ какъ можно больше, притомъ чтобы не забывался, чтобы старался не сломать вѣялки, конныхъ граблей, молотилки, чтобъ онъ обдумывалъ то, что онъ дѣлаетъ; работнику же хотѣлось работать какъ можно пріятнѣе, съ отдыхомъ, и главное—беззаботно и забывшись, не размышляя. Въ нынѣшнее лѣто на каждомъ шагу Левинъ видѣлъ это. Онъ посылалъ ско-

сить клеверъ на сѣно, выбравъ плохія десятины, проросшія травой и полынью, негодныя на сѣмена,—ему скашивали подъ рядъ лучшія сѣменныя десятины, оправдываясь тѣмъ, что такъ приказалъ прикащикъ, и утѣшали его тѣмъ, что сѣно будетъ отличное; но онъ зналъ, что это происходило отъ того, что эти десятины было косить легче. Онъ посылалъ сѣноворошилку трясти сѣно,—ее ломали на первыхъ рядахъ, потому что скучно было мужику сидѣть на козлахъ подъ махающими надъ нимъ крыльями. И ему говорили: „не извольте безпокоиться, бабы живо растрясутъ". Плуги оказывались негодящимися, потому что работнику не приходило въ голову опустить поднятый рѣзецъ и, ворочая силòмъ, онъ мучилъ лошадей и портилъ землю,—и Левина просили быть покойнымъ. Лошадей запускали въ пшеницу, потому что ни одинъ работникъ не хотѣлъ быть ночнымъ сторожемъ, и, несмотря на приказаніе этого не дѣлать, работники чередовались стеречь ночное, и Ванька, проработавъ весь день, заснулъ и каялся въ своемъ грѣхѣ, говоря: „воля ваша". Трехъ лучшихъ телокъ окормили, потому что безъ водопоя выпустили на клеверную отаву, и никакъ не хотѣли вѣрить, что ихъ раздуло клеверомъ, а разсказывали въ утѣшеніе, какъ у сосѣда сто двѣнадцать головъ въ три дня выпало. Все это дѣлалось не потому, что кто-нибудь желалъ зла Левину или его хозяйству,—напротивъ, онъ зналъ, что его любили, считали простымъ бариномъ (чтò есть высшая похвала); но дѣлалось это только потому, что хотѣлось весело и беззаботно работать, и интересы его были имъ не только чужды и непонятны, но фатально противоположны ихъ самымъ справедливымъ интересамъ. Уже давно Левинъ чувствовалъ недовольство

своимъ отношеніемъ къ хозяйству. Онъ видѣлъ, что лодка его течетъ, но онъ не находилъ и не искалъ течи, можетъ-быть нарочно обманывая себя. (Ему бы ничего не оставалось, еслибъ онъ разочаровался въ ней.) Но теперь онъ не могъ болѣе себя обманывать. То хозяйство, которое онъ велъ, стало ему не только не интересно, но отвратительно, и онъ не могъ больше имъ заниматься.

Къ этому еще присоединилось присутствіе въ тридцати верстахъ отъ него Кити Щербацкой, которую онъ хотѣлъ и не могъ видѣть. Дарья Александровна Облонская, когда онъ былъ у нея, звала его пріѣхать,—пріѣхать съ тѣмъ, чтобы возобновить предложеніе ея сестрѣ, которая, какъ она давала чувствовать, теперь приметъ его. Самъ Левинъ, увидавъ Кити Щербацкую, понялъ, что онъ не переставалъ любить ее; но онъ не могъ ѣхать къ Облонскимъ, зная, что она тамъ. То, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе и она отказала ему, клало между нимъ и ею непреодолимую преграду. „Я не могу просить ее быть моей женой потому только, что она не можетъ быть женою того, кого она хотѣла“, говорилъ онъ самъ себѣ. Мысль объ этомъ дѣлала его холоднымъ и враждебнымъ къ ней. „Я не въ силахъ буду говорить съ нею безъ чувства упрека, смотрѣть на нее безъ злобы, и она только еще больше возненавидитъ меня, какъ и должно быть. И потомъ какъ я могу теперь, послѣ того, что мнѣ сказала Дарья Александровна, ѣхать къ нимъ? Развѣ я могу не показать, что я знаю то, что она сказала мнѣ? И я пріѣду съ великодушіемъ—простить, помиловать ее. Я передъ нею въ роли прощающаго и удостоивающаго ее своей любви!... Зачѣмъ мнѣ Дарья Александровна сказала это? Случайно бы я могъ увидать ее,

и тогда все бы сдѣлалось само собою, но теперь это невозможно, невозможно!“

Дарья Александровна прислала ему записку, прося у него дамскаго сѣдла для Кити. „Мнѣ сказали, что у васъ есть сѣдло,— писала она ему.—Надѣюсь, что вы привезете его сами“.

Этого уже онъ не могъ переносить. Ка́къ умная, деликатная женщина могла такъ унижать сестру! Онъ написалъ десять записокъ и всѣ разорвалъ, и послалъ сѣдло безъ всякаго отвѣта. Написать, что онъ пріѣдетъ — нельзя, потому что онъ не можетъ пріѣхать; написать, что онъ не можетъ пріѣхать, потому что что-нибудь мѣшаетъ, или онъ уѣзжаетъ—это еще хуже. Онъ послалъ сѣдло безъ отвѣта, и съ сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ что-то стыдное, на другой же день, передавъ все опостылѣвшее хозяйство прикащику, уѣхалъ въ дальній уѣздъ къ пріятелю своему Свіяжскому, около котораго были прекрасныя дупелиныя болота и который недавно писалъ ему, прося исполнить давнишнее намѣреніе побывать у него. Дупелиныя болота въ Суровскомъ уѣздѣ давно соблазняли Левина, но онъ за хозяйственными дѣлами все откладывалъ эту поѣздку. Теперь же онъ радъ былъ уѣхать и отъ сосѣдства Щербацкихъ, и, главное, отъ хозяйства, именно на охоту, которая во всѣхъ горестяхъ служила ему лучшимъ утѣшеніемъ.

XXV.

Въ Суровскій уѣздъ не было ни желѣзной, ни почтовой дороги, и Левинъ ѣхалъ на своихъ въ тарантасѣ.

На половинѣ дороги онъ остановился кормить у богатаго мужика. Лысый, свѣжій старикъ, съ широкою рыжею

бородой, сѣдою у щекъ, отворилъ ворота, прижавшись къ вереѣ, чтобы пропустить тройку. Указавъ кучеру мѣсто подъ навѣсомъ на большомъ, чистомъ и прибранномъ новомъ дворѣ съ обгорѣвшими сохами, старикъ попросилъ Левина въ горницу. Чисто одѣтая молодайка, въ калошкахъ на босу ногу, согнувшись подтирала полъ въ новыхъ сѣняхъ. Она испугалась вбѣжавшей за Левинымъ собаки и вскрикнула, но тотчасъ же засмѣялась своему испугу, узнавъ, что собака не тронетъ. Показавъ Левину засученною рукой на дверь въ горницу, она спрятала опять, согнувшись, свое красивое лицо и продолжала мыть.

— Самоваръ, что ли?—спросила она.

— Да, пожалуйста.

Горница была большая, съ голландскою печью и перегородкой. Подъ образами стоялъ раскрашенный узорами столъ, лавка и два стула. У входа былъ шкапчикъ съ посудой. Ставни были закрыты, мухъ было мало, и такъ чисто, что Левинъ позаботился о томъ, чтобы Ласка, бѣжавшая дорогой и купавшаяся въ лужахъ, не топтала полъ, и указалъ ей мѣсто въ углу, у двери. Оглядѣвъ горницу, Левинъ вышелъ на задній дворъ. Благовидная молодайка въ калошкахъ, качая пустыми ведрами на коромыслѣ, сбѣжала впереди его за водой къ колодцу.

— Живо у меня! — весело крикнулъ на нее старикъ и пошелъ къ Левину. — Что, сударь, къ Николаю Ивановичу Свіяжскому ѣдете? Тоже къ намъ заѣзжаютъ, — словоохотно началъ онъ, облокачиваясь на перила крыльца. Въ серединѣ разсказа старика объ его знакомствѣ съ Свіяжскимъ ворота опять заскрипѣли и на дворъ въѣхали работники съ поля, съ сохами и боронами. Запряженныя въ

сохи и бороны лошади были сытыя и крупныя. Работники очевидно были семейные: двое были молодые, въ ситцевыхъ рубахахъ и картузахъ; другіе двое были наемные, въ пасконныхъ рубахахъ, — одинъ старикъ, другой молодой малый.

Отойдя отъ крыльца, старикъ подошелъ къ лошадямъ и принялся распрягать.

— Что̀ это пахали?—спросилъ Левинъ.

— Картошки пропахивали. Тоже землицу держимъ. Ты, Ѳедотъ, мерина-то не пускай, а къ колодѣ поставь, иную запряжемъ.

— Что, батюшка, сошники-то я приказывалъ взять, принесъ, что ли?—спросилъ большой ростомъ, здоровенный малый, очевидно сынъ старика.

— Во... въ сѣняхъ, — отвѣчалъ старикъ, сматывая кругомъ снятыя возжи и бросая ихъ на земь.— Наладь поколѣ пообѣдаютъ.

Благовидная молодайка, съ полными, оттягивавшими ей плечи ведрами, прошла въ сѣни. Появились откуда-то еще бабы молодыя, красивыя, среднія и старыя некрасивыя, съ дѣтьми и безъ дѣтей.

Самоваръ загудѣлъ въ трубѣ; рабочіе и семейные, убравшись съ лошадьми, пошли обѣдать. Левинъ, доставъ изъ коляски свою провизію, пригласилъ съ собою старика напиться чаю.

— Да что, уже пили нынче,—сказалъ старикъ, очевидно съ удовольствіемъ принимая это предложеніе.— Нешто для компанія.

За чаемъ Левинъ узналъ всю исторію старикова хозяйства. Старикъ снялъ десять лѣтъ тому назадъ у помѣщи-

цы сто двадцать десятинъ, а въ прошломъ году купилъ ихъ, и снималъ еще триста у сосѣдняго помѣщика. Малую часть земли, самую плохую, онъ раздавалъ внаймы, а десятинъ сорокъ въ полѣ пахалъ самъ своею семьею и двумя наемными рабочими. Старикъ жаловался, что дѣло шло плохо. Но Левинъ понималъ, что онъ жаловался только изъ приличія, а что хозяйство его процвѣтало. Еслибы было плохо, онъ не купилъ бы по ста пяти рублей землю, не женилъ бы трехъ сыновей и племянника, не построился бы два раза послѣ пожаровъ—и все лучше, и лучше. Несмотря на жалобы старика, видно было, что онъ справедливо гордъ своимъ благосостояніемъ, гордъ своими сыновьями, племянникомъ, невѣстками, лошадьми, коровами, и въ особенности тѣмъ, что держится все это хозяйство. Изъ разговора со старикомъ Левинъ узналъ, что онъ былъ и не прочь отъ нововведеній. Онъ сѣялъ много картофеля, и картофель его, который Левинъ видѣлъ подъѣзжая, уже отцвѣталъ и завязывался, тогда какъ у Левина только зацвѣталъ. Онъ пахалъ подъ картофель плугою, какъ онъ называлъ плугъ, взятый у помѣщика. Онъ сѣялъ пшеницу. Маленькая подробность о томъ, что, пропалывая рожь, старикъ прополонною рожью кормилъ лошадей, особенно поразила Левина. Сколько разъ Левинъ, видя этотъ пропадающій прекрасный кормъ, хотѣлъ собирать его; но всегда это оказывалось невозможнымъ. У мужика же это дѣлалось, и онъ не могъ нахвалиться этимъ кормомъ.

— Чего же бабенкамъ дѣлать? Вынесутъ кучки на дорогу, а телѣга подъѣдетъ.

— Вотъ у насъ, помѣщиковъ, все плохо идетъ съ работниками,—сказалъ Левинъ, подавая ему стаканъ съ чаемъ.

— Благодаримъ,—отвѣчалъ старикъ, взялъ стаканъ, но отказался отъ сахара, указавъ на оставшійся обгрызанный имъ кусокъ.—Гдѣ же съ работниками вести дѣло?—сказалъ онъ.—Разоръ одинъ. Вотъ хоть бы Свіяжсковъ. Мы знаемъ, какая земля—макъ, а тоже не больно хвалится урожаемъ. Все недосмотръ!

— Да вотъ ты же хозяйничаешь съ работниками?

— Наше дѣло мужицкое. Мы до всего сами. Плохъ—и вонъ, и своими управимся.

— Батюшка, Финогенъ велѣлъ дегтю достать,—сказала вошедшая баба въ калошкахъ.

— Такъ то, сударь!—сказалъ старикъ вставая, перекрестился продолжительно, поблагодарилъ Левина и вышелъ.

Когда Левинъ вошелъ въ черную избу, чтобы вызвать своего кучера, онъ увидалъ всю семью мужчинъ за столомъ. Бабы прислуживали стоя. Молодой здоровенный сынъ, съ полнымъ ртомъ каши, что-то разсказывалъ смѣшное, и всѣ хохотали, и въ особенности весело баба въ калошкахъ, подливавшая щи въ чашку.

Очень можетъ быть, что благовидное лицо бабы въ калошкахъ много содѣйствовало тому впечатлѣнію благоустройства, которое произвелъ на Левина этотъ крестьянскій домъ, но впечатлѣніе это было такъ сильно, что Левинъ никогда не могъ отдѣлаться отъ него. И всю дорогу отъ старика до Свіяжскаго нѣтъ-нѣтъ и опять вспоминалъ объ этомъ хозяйствѣ, какъ будто что то въ этомъ впечатлѣніи требовало его особеннаго вниманія.

XXVI.

Свіяжскій былъ предводителемъ въ своемъ уѣздѣ. Онъ былъ пятью годами старше Левина и давно женатъ. Въ домѣ его жила молодая его свояченица, очень симпатичная Левину дѣвушка. И Левинъ зналъ, что Свіяжскій и его жена очень желали выдать за него эту дѣвушку. Онъ зналъ это несомнѣнно, какъ знаютъ это всегда молодые люди, такъ-называемые женихи, хотя никогда никому не рѣшился бы сказать этого, и зналъ тоже и то, что, несмотря на то, что онъ хотѣлъ жениться, несмотря на то, что по всѣмъ даннымъ эта весьма привлекательная дѣвушка должна была быть прекрасною женой, онъ такъ же мало могъ жениться на ней, даже еслибъ онъ и не былъ влюбленъ въ Кити Щербацкую, какъ улетѣть на небо. И это знаніе отравляло ему то удовольствіе, которое онъ надѣялся имѣть отъ поѣздки къ Свіяжскому.

Получивъ письмо Свіяжскаго съ приглашеніемъ на охоту, Левинъ тотчасъ же подумалъ объ этомъ, но, несмотря на это, рѣшилъ, что такіе виды на него Свіяжскаго есть только его, ни на чемъ не основанное, предположеніе, и потому онъ все-таки поѣдетъ. Кромѣ того, въ глубинѣ души ему хотѣлось испытать себя, примѣриться опять къ этой дѣвушкѣ. Домашняя же жизнь Свіяжскихъ была въ высшей степени пріятна, и самъ Свіяжскій, самый лучшій типъ земскаго дѣятеля, какой только зналъ Левинъ, былъ для Левина всегда чрезвычайно интересенъ.

Свіяжскій былъ одинъ изъ тѣхъ, всегда удивительныхъ для Левина, людей, разсужденіе которыхъ, очень послѣдовательное, хотя и никогда не самостоятельное, идетъ само

по себѣ, а жизнь, чрезвычайно опредѣленная и твердая въ своемъ направленіи, идетъ сама по себѣ, совершенно независимо и почти всегда въ разрѣзъ съ разсужденіемъ. Свияжскій былъ человѣкъ чрезвычайно либеральный. Онъ презиралъ дворянство и считалъ большинство дворянъ тайными, отъ робости только не выражавшимися крѣпостниками. Онъ считалъ Россію погибшею страной, въ родѣ Турціи, и правительство Россіи столь дурнымъ, что никогда не позволялъ себѣ даже серьёзно критиковать его дѣйствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и былъ образцовымъ дворянскимъ предводителемъ, и въ дорогу всегда надѣвалъ съ кокардой и съ краснымъ околышемъ фуражку. Онъ полагалъ, что жизнь человѣческая возможна только за границей, куда онъ и уѣзжалъ жить при первой возможности, а вмѣстѣ съ тѣмъ велъ въ Россіи очень сложное и усовершенствованное хозяйство и съ чрезвычайнымъ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ и зналъ все, что дѣлалось въ Россіи. Онъ считалъ русскаго мужика стоящимъ по развитію на переходной ступени отъ обезьяны къ человѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ на земскихъ выборахъ охотнѣе всѣхъ пожималъ руку мужикамъ и выслушивалъ ихъ мнѣнія. Онъ не вѣрилъ ни въ чохъ, ни въ смерть, но былъ очень озабоченъ вопросомъ улучшенія быта духовенства и сокращенія приходовъ, причёмъ особенно хлопоталъ, чтобы церковь осталась въ его селѣ.

Въ женскомъ вопросѣ онъ былъ на сторонѣ крайнихъ сторонниковъ полной свободы женщинъ, и въ особенности ихъ права на трудъ; но жилъ съ женою такъ, что всѣ любовались ихъ дружною бездѣтною семейною жизнью, и устроилъ жизнь своей жены такъ, что она ничего не дѣлала и не

могла дѣлать, кромѣ общей съ мужемъ заботы, какъ получше и повеселѣе провести время.

Еслибы Левинъ не имѣлъ свойства объяснять себѣ людей съ самой хорошей стороны, характеръ Свіяжскаго не представлялъ бы для него никакого затрудненія и вопроса; онъ бы сказалъ себѣ: „дуракъ или дрянь"—и все бы было ясно. Но онъ не могъ сказать *дуракъ*, потому что Свіяжскій былъ несомнѣнно не только очень умный, но очень образованный и необыкновенно просто носящій свое образованіе человѣкъ. Не было предмета, котораго бы онъ не зналъ; но онъ показывалъ свое знаніе только когда бывалъ вынуждаемъ къ этому. Еще меньше могъ Левинъ сказать, что онъ былъ дрянь, потому что Свіяжскій былъ несомнѣнно честный, добрый, умный человѣкъ, который весело, оживленно, постоянно дѣлалъ дѣло, высоко цѣнимое всѣми его окружающими, и уже навѣрное никогда сознательно не дѣлалъ и не могъ сдѣлать ничего дурнаго.

Левинъ старался понять, и не понималъ, и всегда какъ на живую загадку смотрѣлъ на него и на его жизнь.

Они были дружны съ Левинымъ, и поэтому Левинъ позволялъ себѣ допытывать Свіяжскаго, добираться до самой основы его взгляда на жизнь; но всегда это было тщетно. Каждый разъ, какъ Левинъ пытался проникнуть дальше открытыхъ для всѣхъ пріемныхъ комнатъ ума Свіяжскаго, онъ замѣчалъ, что Свіяжскій слегка смущался; чуть замѣтный испугъ выражался въ его взглядѣ, какъ будто онъ боялся, что Левинъ пойметъ его,—и онъ давалъ добродушный и веселый отпоръ.

Теперь, послѣ своего разочарованія въ хозяйствѣ, Левину особенно пріятно было побывать у Свіяжскаго. Не го-

воря о томъ, что на него просто весело дѣйствовалъ видъ этихъ счастливыхъ, довольныхъ собою и всѣми, голубковъ, ихъ благоустроеннаго гнѣзда, ему хотѣлось теперь, чувствуя себя столь недовольнымъ своею жизнью, добраться въ Свіяжскомъ до того секрета, который давалъ ему такую ясность, опредѣленность и веселость въ жизни. Кромѣ того, Левинъ зналъ, что онъ увидитъ у Свіяжскаго помѣщиковъ сосѣдей, и ему теперь особенно интересно было поговорить и послушать о хозяйствѣ тѣ самые разговоры объ урожаѣ, наймѣ рабочихъ и т. п , которые, Левинъ зналъ, принято считать чѣмъ-то очень низкимъ, но которые теперь для Левина казались одни важными. „Это можетъ-быть не важно было при крѣпостномъ правѣ, или не важно въ Англіи. Въ обоихъ случаяхъ самыя условія опредѣлены; но у насъ теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопросъ о томъ, какъ уложатся эти условія, есть единственный важный вопросъ въ Россіи", думалъ Левинъ.

Охота оказалась хуже, чѣмъ ожидалъ Левинъ. Болото высохло, и дупелей совсѣмъ не было. Онъ проходилъ цѣлый день и принесъ только три штуки, но за то принесъ, какъ и всегда съ охоты, отличный аппетитъ, отличное расположеніе духа и то возбужденное умственное состояніе, которымъ всегда сопровождалось у него сильное физическое движеніе. И на охотѣ, въ то время, когда онъ, казалось, ни о чемъ не думалъ, нѣтъ-нѣтъ и опять ему вспоминался старикъ со своею семьей, и впечатлѣніе это какъ будто требовало къ себѣ не только вниманія, но и разрѣшенія чего-то съ нимъ связаннаго.

Вечеромъ, за чаемъ, въ присутствіи двухъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ по какимъ-то дѣламъ опеки, завязался

тотъ самый интересный разговоръ, какого и ожидалъ Левинъ.

Левинъ сидѣлъ подлѣ хозяйки у чайнаго стола и долженъ былъ вести разговоръ съ нею и свояченицей, сидѣвшею противъ него. Хозяйка была круглолицая, бѣлокурая и невысокая женщина, вся сіяющая ямочками и улыбками. Левинъ старался черезъ нее выпытать рѣшеніе той для него важной загадки, которую представлялъ ея мужъ; но онъ не имѣлъ полной свободы мыслей, потому что ему было мучительно-неловко. Мучительно-неловко ему было отъ того, что противъ него сидѣла свояченица, въ особенномъ, для него, какъ ему казалось, надѣтомъ платьѣ, съ особеннымъ въ видѣ трапеціи вырѣзомъ на бѣлой груди; этотъ четвероугольный вырѣзъ, несмотря на то, что грудь была очень бѣлая, или особенно потому, что она была очень бѣлая, лишалъ Левина свободы мыслей. Онъ воображалъ себѣ, вѣроятно ошибочно, что вырѣзъ этотъ сдѣланъ на его счетъ, и считалъ себя не въ правѣ смотрѣть на него, и старался не смотрѣть на него, но чувствовалъ, что онъ виноватъ ужъ за одно то, что вырѣзъ сдѣланъ. Левину казалось, что онъ кого то обманываетъ, что ему слѣдуетъ объяснить что-то, но что объяснить этого никакъ нельзя, и потому онъ безпрестанно краснѣлъ, былъ безпокоенъ и неловокъ. Неловкость его сообщалась и хорошенькой свояченицѣ. Но хозяйка, казалось, не замѣчала этого и нарочно втягивала ее въ разговоръ.

— Вы говорите, — продолжала хозяйка начатый разговоръ,—что мужа не можетъ интересовать все русское. Напротивъ, онъ веселъ бываетъ за границей, но никогда такъ, какъ здѣсь. Здѣсь онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ.

Ему столько дѣла, и онъ имѣетъ даръ всѣмъ интересоваться. Ахъ, вы не были въ нашей школѣ!

— Я видѣлъ... Это плющемъ обвитый домикъ?

— Да, это Настино дѣло,—сказала она, указывая на сестру.

— Вы сами учите?—спросилъ Левинъ, стараясь смотрѣть мимо вырѣза, но чувствуя, что куда бы онъ ни смотрѣлъ въ ту сторону, онъ будетъ видѣть вырѣзъ.

— Да, я сама учила и учу, но у насъ прекрасная учительница. И гимнастику мы ввели.

— Нѣтъ, я благодарю, я не хочу больше чаю,—сказалъ Левинъ, и чувствуя, что онъ дѣлаетъ неучтивость, но не въ силахъ болѣе продолжать этотъ разговоръ, краснѣя всталъ.—Я слышу очень интересный разговоръ,—прибавилъ онъ и подошелъ къ другому концу стола, у котораго сидѣлъ хозяинъ съ двумя помѣщиками. Свіяжскій сидѣлъ бокомъ къ столу, облокоченною рукой поворачивая чашку, другою собирая въ кулакъ свою бороду и поднося ее къ носу и опять выпуская, какъ бы нюхая. Онъ блестящими черными глазами смотрѣлъ прямо на горячившагося помѣщика съ сѣдыми усами и видимо находилъ забаву въ его рѣчахъ. Помѣщикъ жаловался на народъ. Левину ясно было, что Свіяжскій знаетъ такой отвѣтъ на жалобы помѣщика, который сразу уничтожитъ весь смыслъ его рѣчи, но что по своему положенію онъ не можетъ сказать этого отвѣта и слушаетъ не безъ удовольствія комическую рѣчь помѣщика.

Помѣщикъ съ сѣдыми усами былъ очевидно закоренѣлый крѣпостникъ и деревенскій старожилъ, страстный сельскій хозяинъ. Признаки эти Левинъ видѣлъ и въ одеждѣ—старомодномъ, потертомъ сюртукѣ, видимо непривычномъ помѣщику, и въ его умныхъ, нахмуренныхъ глазахъ, и въ

складной русской рѣчи, и въ усвоенномъ, очевидно долгимъ опытомъ, повелительномъ тонѣ, и въ рѣшительныхъ движеніяхъ большихъ, красивыхъ, загорѣлыхъ рукъ съ однимъ старымъ обручальнымъ кольцомъ на безыменкѣ.

XXVII.

— Только еслибы не жалко бросить, чтò заведено... трудовъ положено много... махнулъ бы на все рукой, продалъ бы, поѣхалъ бы, какъ Николай Ивановичъ... *Елену* слушать,—сказалъ помѣщикъ съ освѣтившею его умное старое лицо пріятною улыбкой.

— Да вотъ не бросаете же,—сказалъ Николай Ивановичъ Свіяжскій,—стало-быть расчеты есть.

— Расчетъ одинъ, что дома живу, не покупное, не нанятое. Да еще все надѣешься, что образумится народъ. А то вѣрите ли,—это пьянство, распутство! Всѣ передѣлились, ни лошаденки, ни коровенки. Съ голоду дохнетъ, а возьмите его въ работники наймите,—онъ вамъ наровитъ напортить, да еще къ мировому судьѣ.

— За то и вы пожалуетесь мировому судьѣ, — сказалъ Свіяжскій.

— Я пожалуюсь? Да ни за что въ свѣтѣ! Разговоры такіе пойдутъ, что и не радъ жалобѣ! Вотъ на заводѣ—взяли задатки, ушли. Что-жъ мировой судья? Оправдалъ. Только и держится все волостнымъ судомъ да старшиной. Этотъ отпоретъ его по-старинному. А не будь этого,—бросай все, бѣги на край свѣта!

Очевидно помѣщикъ дразнилъ Свіяжскаго, но Свіяжскій не только не сердился, но видимо забавлялся этимъ.

— Да вотъ ведемъ же мы свое хозяйство безъ этихъ мѣръ, — сказалъ онъ улыбаясь, — я, Левинъ, они.

Онъ указалъ на другаго помѣщика.

— Да, у Михаила Петровича идетъ, а спросите ка — какъ? Это развѣ раціональное хозяйство? — сказалъ помѣщикъ, очевидно щеголяя словомъ „раціональное“.

— У меня хозяйство простое, — сказалъ Михаилъ Петровичъ. — Благодарю Бога. Мое хозяйство все, чтобы денежки къ осеннимъ податямъ были готовы. Приходятъ мужички: „батюшка, отецъ, вызволь!“ — ну, свои всѣ сосѣди мужики, жалко. Ну, дашь на первую треть, только скажешь: помнить, ребята, я вамъ помогъ, и вы помогите, когда нужда, — посѣвъ ли овсяный, уборка сѣна, жнитво, — ну, и выговоришь по скольку съ тягла. Тоже есть безсовѣстные и изъ нихъ, это правда.

Левинъ, зная давно эти патріархальные пріемы, переглянулся съ Свіяжскимъ и перебилъ Михаила Петровича, обращаясь опять къ помѣщику съ сѣдыми усами.

— Такъ вы какъ же полагаете? — спросилъ онъ: — какъ же теперь надо вести хозяйство?

— Да такъ же и вести, какъ Михаилъ Петровичъ: или отдать исполу, или внаймы мужикамъ; это можно, но только этимъ самымъ уничтожается общее богатство государства. Гдѣ земля у меня при крѣпостномъ трудѣ и хорошемъ хозяйствѣ приносила самъ-девять, она исполу принесетъ самъ-третей. Погубила Россію эмансипація!

Свіяжскій поглядѣлъ улыбающимися глазами на Левина и даже сдѣлалъ ему чуть-замѣтный насмѣшливый знакъ; но Левинъ не находилъ словъ помѣщика смѣшными, — онъ понималъ ихъ больше, чѣмъ онъ понималъ Свіяжскаго. Многое же изъ того, что дальше говорилъ помѣщикъ, доказы-

вая, почему Россія погублена эмансипаціей, показалось ему даже очень вѣрнымъ, для него новымъ и неопровержимымъ. Помѣщикъ, очевидно, говорилъ свою собственную мысль,— что такъ рѣдко бываетъ,—и мысль, къ которой онъ приведенъ былъ не желаніемъ занять чѣмъ нибудь праздный умъ, а мысль, которая выросла изъ условій его жизни, которую онъ высидѣлъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи и со всѣхъ сторонъ обдумалъ.

— Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что всякій прогрессъ совершается только властью,— говорилъ онъ, очевидно желая показать, что онъ не чуждъ образованію.— Возьмите реформы Петра, Екатерины, Александра. Возьмите европейскую исторію. Тѣмъ болѣе прогрессъ въ земледѣльческомъ быту. Хоть картофель—и тотъ вводился у насъ силой. Вѣдь сохой тоже не всегда пахали. Тоже ввели ее можетъ-быть при удѣлахъ, но навѣрно ввели силою. Теперь, въ наше время, мы, помѣщики, при крѣпостномъ правѣ вели свое хозяйство съ усовершенствованіями: и сушилки, и вѣялки, и возка навоза, и всѣ орудія,—все мы вводили своею властью, и мужики сначала противились, а потомъ подражали намъ. Теперь-съ, при уничтоженіи крѣпостнаго права, у насъ отняли власть,—то и хозяйство наше, гдѣ оно поднято на высокій уровень, должно опуститься къ самому дикому, первобытному состоянію. Такъ я понимаю.

— Да почему же? Если оно раціонально, то вы можете наймомъ вести его,—сказалъ Свіяжскій.

— Власти нѣтъ-съ. Кѣмъ я его буду вести, позвольте спросить?

„Вотъ она—рабочая сила, главный элементъ хозяйства“, подумалъ Левинъ.

— Рабочими.

— Рабочіе не хотятъ работать хорошо и работать хорошими орудіями. Рабочій нашъ только одно знаетъ—напиться какъ свинья, пьяный и испортитъ все, что вы ему дадите. Лошадей опоитъ, сбрую хорошую оборветъ, колесо шинованное смѣнитъ, пропьетъ, въ молотилку шкворень пустить, чтобы ее сломать. Ему тошно видѣть все, что не по его. Отъ этого и спустился весь уровень хозяйства. Земли заброшены, заросли полынями, или розданы мужикамъ, и гдѣ производили милліонъ, производятъ сотни тысячъ четвертей; общее богатство уменьшилось. Еслибы сдѣлали то же, да съ расчетомъ...

И онъ началъ развивать свой планъ освобожденія, при которомъ были бы устранены эти неудобства.

Левина не интересовало это, но, когда онъ кончилъ, Левинъ вернулся къ первому его положенію и сказалъ, обращаясь къ Свіяжскому и стараясь вызвать его на высказываніе своего серьёзнаго мнѣнія:

— То, что уровень хозяйства спускается и что при нашихъ отношеніяхъ къ рабочимъ нѣтъ возможности вести выгодно раціональное хозяйство, это совершенно справедливо,—сказалъ онъ.

— Я не нахожу,—уже серьёзно возразилъ Свіяжскій,—я только вижу то, что мы не умѣемъ вести хозяйство, и что, напротивъ, то хозяйство, которое мы вели при крѣпостномъ правѣ, не то что слишкомъ высоко, а слишкомъ низко. У насъ нѣтъ ни машинъ, ни рабочаго скота хорошаго, ни управленія настоящаго, ни считать мы не умѣемъ. Спросите у хозяина, онъ не знаетъ что̀ ему выгодно, что невыгодно.

— Итальянская бухгалтерія,—сказалъ иронически помѣ-

щикъ.—Тамъ какъ ни считай, какъ вамъ все перепортятъ, барыша не будетъ.

— Зачѣмъ же перепортятъ? Дрянную молотилку, россійскій топчачокъ вашъ, сломаютъ, а мою паровую не сломаютъ. Лошаденку рассейскую... какъ это?—таскайской породы, что за хвостъ таскать, вамъ испортятъ, а заведете першероновъ или хоть битюковъ,— ихъ не испортятъ. И такъ все. Намъ выше надо поднимать хозяйство.

— Да было бы изъ чего, Николай Иванычъ! Вамъ хорошо, а я сына въ университетѣ содержи, малыхъ въ гимназіи воспитывай,—такъ мнѣ першероновъ не купить.

— А на это банки.

— Чтобы послѣднее съ молотка продали?.. Нѣтъ, благодарю!

— Я не согласенъ, что нужно и можно поднять еще выше уровень хозяйства,—сказалъ Левинъ.—Я занимаюсь этимъ и у меня есть средства, а я ничего не могъ сдѣлать. Банки не знаю кому полезны. Я, по крайней мѣрѣ, на что ни затрачивалъ деньги въ хозяйствѣ, все съ убыткомъ: скотина—убытокъ, машины—убытокъ.

— Вотъ это вѣрно,—засмѣявшись даже отъ удовольствія, подтвердилъ помѣщикъ съ сѣдыми усами.

— И я не одинъ,—продолжалъ Левинъ:—я сошлюсь на всѣхъ хозяевъ, ведущихъ раціонально дѣло; всѣ, за рѣдкими исключеніями, ведутъ дѣло въ убытокъ. Ну, вы скажите, что ваше хозяйство... выгодно?—сказалъ Левинъ, и тотчасъ же во взглядѣ Свіяжскаго Левинъ замѣтилъ то мимолетное выраженіе испуга, которое онъ замѣчалъ, когда хотѣлъ проникнуть далѣе пріемныхъ комнатъ ума Свіяжскаго.

Кромѣ того, этотъ вопросъ со стороны Левина былъ не

совсѣмъ добросовѣстенъ. Хозяйка за чаемъ только-что говорила ему, что они нынче лѣтомъ приглашали изъ Москвы нѣмца, знатока бухгалтеріи, который за пятьсотъ рублей вознагражденія учелъ ихъ хозяйство и нашелъ, что оно приноситъ убытка 3.000 съ чѣмъ-то рублей. Она не помнила именно сколько, но, кажется, нѣмецъ высчиталъ до четверти копѣйки.

Помѣщикъ при упоминаніи о выгодахъ хозяйства Свіяжскаго улыбнулся, очевидно зная, какой могъ быть барышъ у сосѣда и предводителя.

— Можетъ-быть невыгодно, — отвѣчалъ Свіяжскій. — Это только доказываетъ—или что я плохой хозяинъ, или что я затрачиваю капиталъ на увеличеніе ренты.

— Ахъ, рента! — съ ужасомъ воскликнулъ Левинъ. — Можетъ-быть есть рента въ Европѣ, гдѣ земля стала лучше отъ положеннаго на нее труда, но у насъ вся земля становится хуже отъ положеннаго труда, т.-е. что ее выпашутъ, — стало-быть нѣтъ ренты.

— Какъ нѣтъ ренты? Это законъ.

— То мы внѣ закона: рента ничего для насъ не объяснитъ, а напротивъ запутаетъ. Нѣтъ, вы скажите, какъ ученіе о рентѣ можетъ быть...

— Хотите простокваши? Маша, пришли намъ сюда простокваши или малины, — обратился онъ къ женѣ. — Нынче замѣчательно поздно малина держится.

И въ самомъ пріятномъ расположеніи духа Свіяжскій всталъ и отошелъ, видимо предполагая, что разговоръ оконченъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Левину казалось, что онъ только начинается.

Лишившись собесѣдника, Левинъ продолжалъ разговоръ

съ помѣщикомъ, стараясь доказать ему, что все затрудненіе происходитъ отъ того, что мы не хотимъ знать свойствъ и привычекъ нашего рабочаго; но помѣщикъ былъ, какъ и всѣ люди самобытно и уединенно думающіе, тугъ къ пониманію чужой мысли и особенно пристрастенъ къ своей. Онъ настаивалъ на томъ, что русскій мужикъ есть свинья и любитъ свинство, и, чтобы вывести его изъ свинства, нужна власть, а ея нѣтъ, нужна палка, а мы стали такъ либеральны, что замѣнили тысячелѣтнюю палку вдругъ какими-то адвокатами и заключеніями, при которыхъ негодныхъ, вонючихъ мужиковъ кормятъ хорошимъ супомъ и высчитываютъ имъ кубическіе футы воздуха.

— Отчего вы думаете,—говорилъ Левинъ, стараясь вернуться къ вопросу,—что нельзя найдти такого отношенія къ рабочей силѣ, при которой работа была бы производительна?

— Никогда этого съ русскимъ народомъ не будетъ! Власти нѣтъ,—отвѣчалъ помѣщикъ.

— Какъ же новыя условія могутъ быть найдены? — сказалъ Свіяжскій, поѣвъ простокваши, закуривъ папирсссу и опять подойдя къ спорящимъ.—Всѣ возможныя отношенія къ рабочей силѣ опредѣлены и изучены, — сказалъ онъ. — Остатокъ варварства, первобытная община съ круговою порукой сама собой распадается, крѣпостное право уничтожилось, — остается только свободный трудъ, и формы его опредѣлены и готовы, и надо брать ихъ. Батракъ, поденный, фермеръ,—и изъ этого вы не выйдете.

— Но Европа недовольна этими формами.

— Недовольна и ищетъ новыхъ. И найдетъ вѣроятно.

— Я про то только и говорю, — отвѣчалъ Левинъ.—Почему же намъ не искать съ своей стороны?

— Потому что это все равно что придумывать вновь пріемы для постройки желѣзныхъ дорогъ. Они готовы, придуманы.

— Но если они намъ не приходятся, если они глупы? — сказалъ Левинъ.

И опять онъ замѣтилъ выраженіе испуга въ глазахъ Свіяжскаго.

— Да, это: „мы шапками закидаемъ", мы нашли то, чего ищетъ Европа! Все это я знаю, но извините меня, вы знаете ли все, что сдѣлано въ Европѣ по вопросу объ устройствѣ рабочихъ?

— Нѣтъ, плохо.

— Этотъ вопросъ занимаетъ теперь лучшіе умы въ Европѣ. Шульце-Деличское направленіе... Потомъ вся эта громадная литература рабочаго вопроса, самаго либеральнаго, Лассалевскаго направленія... Мильгаузенское устройство—это уже фактъ, вы вѣрно знаете.

— Я имѣю понятіе, но очень смутное.

— Нѣтъ, вы только говорите, вы вѣрно знаете все это не хуже меня. Я, разумѣется, не соціальный профессоръ, но меня это интересовало, и право, если васъ интересуетъ, вы займитесь.

— Но къ чему же они пришли?

— Виноватъ...

Помѣщики встали, и Свіяжскій, опять остановивъ Левина въ его непріятной привычкѣ заглядывать въ то, что сзади пріемныхъ комнатъ его ума, пошелъ провожать своихъ гостей.

XXVIII.

Левину невыносимо-скучно было въ этотъ вечеръ съ дамами: его, какъ никогда прежде, волновала мысль о томъ,

что то недовольство хозяйствомъ, которое онъ теперь испытывалъ, есть не исключительное его положеніе, а общее условіе, въ которомъ находится дѣло въ Россіи, что устройство какого-нибудь такого отношенія рабочихъ, гдѣ бы они работали какъ у мужика на половинѣ дороги, есть не мечта, а задача, которую необходимо рѣшить. И ему казалось, что задачу эту можно рѣшить и должно попытаться это сдѣлать.

Простившись съ дамами и обѣщавъ пробыть завтра еще цѣлый день, съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ ѣхать верхомъ осматривать интересный провалъ въ казенномъ лѣсу, Левинъ передъ сномъ зашелъ въ кабинетъ хозяина, чтобы взять книги о рабочемъ вопросѣ, которыя Свіяжскій предложилъ ему. Кабинетъ Свіяжскаго была огромная комната, обставленная шкапами съ книгами, и съ двумя столами,—однимъ массивнымъ письменнымъ, стоявшимъ по серединѣ комнаты, и другимъ круглымъ, уложеннымъ, звѣздою вокругъ лампы, послѣдними нумерами газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ. У письменнаго стола была стойка съ обозначенными золотыми ярлыками ящиками различнаго рода дѣлъ.

Свіяжскій досталъ книги и сѣлъ въ качающееся кресло.

— Что это вы смотрите?—сказалъ онъ Левину, который, остановившись у круглаго стола, переглядывалъ журналы.

— Ахъ да, тутъ очень интересная статья,—сказалъ Свіяжскій про журналъ, который Левинъ держалъ въ рукахъ.— Оказывается,—прибавилъ онъ съ веселымъ оживленіемъ,— что главнымъ виновникомъ раздѣла Польши былъ совсѣмъ не Фридрихъ... Оказывается...

И онъ, со свойственною ему ясностью, разсказалъ вкратцѣ эти новыя, очень важныя и интересныя открытія. Не-

смотря на то, что Левина занимала теперь больше всего мысль о хозяйствѣ, онъ, слушая хозяина, спрашивалъ себя: „Что тамъ въ немъ сидитъ? И почему, почему ему интересенъ раздѣлъ Польши?“ Когда Свіяжскій кончилъ, Левинъ невольно спросилъ: „Ну, такъ что же?“ Но ничего не было. Было только интересно то, что „оказывалось“. Но Свіяжскій не объяснилъ и не нашелъ нужнымъ объяснить, почему это было ему интересно.

— Да, но меня очень заинтересовалъ сердитый помѣщикъ,—вздохнувъ сказалъ Левинъ. — Онъ уменъ и много правды говорилъ.

— Ахъ, подите! Закоренѣлый тайный крѣпостникъ, какъ они всѣ!—сказалъ Свіяжскій.

— Коихъ вы предводитель...

— Да, только я ихъ предводительствую въ другую сторону,—смѣясь сказалъ Свіяжскій.

— Меня очень занимаетъ вотъ что,—сказалъ Левинъ:—онъ правъ, что дѣло наше, то-есть раціональнаго хозяйства, не идетъ, что идетъ только хозяйство ростовщическое, какъ у этого тихонькаго, или самое простое... Кто въ этомъ виноватъ?

— Разумѣется, мы сами. Да и потомъ не правда, что оно не идетъ. У Васильчикова идетъ.

— Заводъ...

— Но я все-таки не знаю, что васъ удивляетъ. Народъ стоитъ на такой низкой степени и матеріальнаго и нравственнаго развитія, что очевидно онъ долженъ противодѣйствовать всему, что ему чуждо. Въ Европѣ раціональное хозяйство идетъ потому, что народъ образованъ; стало быть, у насъ надо образовать народъ—вотъ и все.

— Но какъ же образовать народъ?

— Чтобъ образовать народъ, нужны три вещи: школы, школы и школы.

— Но вы сами сказали, что народъ стоитъ на низкой степени матеріальнаго развитія; чѣмъ же тутъ помогутъ школы?

— Знаете, вы напоминаете мнѣ анекдотъ о совѣтахъ больному. „Вы бы попробовали слабительное. Давали: хуже. Попробуйте піявки. Пробовали: хуже. Ну такъ ужъ только молитесь Богу. Пробовали: хуже“. Такъ и мы съ вами. Я говорю: политическая экономія, вы говорите: хуже. Я говорю: соціализмъ,—хуже. Образованіе,—хуже.

— Да чѣмъ же помогутъ школы?

— Дадутъ ему другія потребности.

— Вотъ этого я никогда не понималъ,—съ горячностью возразилъ Левинъ.— Какимъ образомъ школы помогутъ народу улучшить свое матеріальное состояніе? Вы говорите: школы, образованіе—дадутъ ему новыя потребности. Тѣмъ хуже, потому что онъ не въ силахъ будетъ удовлетворить имъ. А какимъ образомъ знанія сложенія и вычитанія, и катихизиса помогутъ ему улучшить свое матеріальное состояніе, я никогда не могъ понять. Я третьяго дня вечеромъ встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ и спросилъ ее, куда она идетъ? Она говоритъ: „къ бабкѣ ходила, на мальчика крикса напала, такъ носила лѣчить“. Я спросилъ: „какъ бабка лѣчитъ криксу?“ „Ребеночка къ курамъ на нашестъ сажаетъ и приговариваетъ что-то“.

— Ну вотъ, вы сами говорите! Чтобъ она не носила лѣчить криксу на нашестъ, для этого нужно ..—весело улыбаясь сказалъ Свіяжскій.

— Ахъ нѣтъ!—съ досадой сказалъ Левинъ:—это лѣченіе для меня только подобіе лѣченія народа школами. Народъ бѣденъ и необразованъ — это мы видимъ такъ же вѣрно, какъ баба видитъ криксу, потому что ребенокъ кричитъ. Но почему отъ этой бѣды бѣдности и необразованія помогутъ школы,—такъ же непонятно, какъ непонятно, почему отъ криксы помогутъ куры на нашестѣ. Надо помочь тому, отъ чего онъ бѣденъ.

— Ну, въ этомъ вы по крайней мѣрѣ сходитесь со Спенсеромъ, котораго вы такъ не любите; онъ говоритъ тоже, что образованіе можетъ быть слѣдствіемъ бо̀льшаго благосостоянія и удобства жизни, частыхъ омовеній, какъ онъ говоритъ, но не умѣнія читать и считать...

— Ну вотъ, я очень радъ, или напротивъ — очень не радъ, что сошелся со Спенсеромъ; только это я давно знаю. Школы не помогутъ, а поможетъ такое экономическое устройство, при которомъ народъ будетъ богаче, будетъ больше досуга,—и тогда будутъ и школы.

— Однако во всей Европѣ теперь школы обязательны.

— А какъ же вы сами согласны въ этомъ со Спенсеромъ?—спросилъ Левинъ.

Но въ глазахъ Свіяжскаго мелькнуло выраженіе испуга, и онъ, улыбаясь, сказалъ:

— Нѣтъ, эта крикса превосходна! Неужели вы сами слышали?

Левинъ видѣлъ, что такъ и не найдетъ онъ связи жизни этого человѣка съ его мыслями. Очевидно, ему совершенно было все равно, къ чему приведетъ его разсужденіе; ему нуженъ былъ только процессъ разсужденія. И ему непріятно было, когда процессъ разсужденія заводилъ его въ тупой

переулокъ. Этого только онъ не любилъ и избѣгалъ, переводя разговоръ на что-нибудь пріятно-веселое.

Всѣ впечатлѣнія этого дня, начиная со впечатлѣнія мужика на половинѣ дороги, которое служило какъ бы основнымъ базисомъ всѣхъ нынѣшнихъ впечатлѣній и мыслей, сильно взволновали Левина. Этотъ милый Свіяжскій, держащій при себѣ мысли только для общественнаго употребленія и очевидно имѣющій другія какія то, тайныя для Левина, основы жизни, — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ толпой, имя которой легіонъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ посредствомъ чуждыхъ ему мыслей; этотъ озлобленный помѣщикъ, совершенно правый въ своихъ разсужденіяхъ, вымученныхъ жизнью, но неправый своимъ озлобленіемъ къ цѣлому классу, и самому лучшему классу Россіи; собственное недовольство своею дѣятельностью и смутная надежда найдти поправку всему этому,—все это сливалось въ чувство внутренней тревоги и ожиданія близкаго разрѣшенія.

Оставшись въ отведенной ему комнатѣ, лежа на пружинномъ тюфякѣ, подкидывавшемъ неожиданно, при каждомъ движеніи, его руки и ноги, Левинъ долго не спалъ. Ни одинъ разговоръ со Свіяжскимъ, хотя и много умнаго было сказано имъ, не интересовалъ Левина; но доводы помѣщика требовали обсужденія. Левинъ невольно вспомнилъ всѣ его слова и поправлялъ въ своемъ воображеніи то, что онъ отвѣчалъ ему.

„Да, я долженъ былъ сказать ему. Вы говорите, что хозяйство наше не идетъ потому, что мужикъ ненавидитъ всѣ усовершенствованія и что ихъ надо вводить властью; но еслибы хозяйство совсѣмъ не шло безъ этихъ усовершенствованій, вы бы были правы; но оно идетъ только тамъ, гдѣ

рабочій дѣйствуетъ сообразно съ своими привычками, какъ у старика на половинѣ дороги. Ваше и наше общее недовольство хозяйствомъ доказываетъ, что виноваты мы, или рабочіе. Мы давно уже ломимъ по-своему, по-европейски, не спрашиваясь о свойствахъ рабочей силы. Попробуемъ признать рабочую силу не идеальною рабочею *силой*, а *русскимъ мужикомъ* съ его инстинктами и будемъ устраивать сообразно съ этимъ хозяйство. Представьте себѣ,—долженъ бы я былъ сказать ему,—что у васъ хозяйство ведется какъ у старика, что вы нашли средство заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ работы и нашли ту же середину въ усовершенствованіяхъ, которую они признаютъ, и вы, не истощая почвы, получите вдвое, втрое противъ прежняго. Раздѣлите пополамъ, отдайте половину рабочей силѣ: та разность, которая вамъ останется, будетъ больше, и рабочей силѣ достанется больше. А чтобы сдѣлать это, надо спустить уровень хозяйста и заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ хозяйства. Какъ это сдѣлать?—это вопросъ подробностей; но несомнѣнно, что это возможно".

Мысль эта привела Левина въ сильное волненіе. Онъ не спалъ половину ночи, обдумывая подробности для приведенія мысли въ исполненіе. Онъ не сбирался уѣзжать на другой день, но теперь рѣшилъ, что уѣдетъ рано утромъ домой. Кромѣ того, эта свояченица съ вырѣзомъ въ платьѣ производила въ немъ чувство подобное стыду и раскаянію въ совершённомъ дурномъ поступкѣ. Главное же—ему нужно было ѣхать, не откладывая: надо успѣть предложить мужикамъ новый проектъ прежде, чѣмъ посѣяно озимое, съ тѣмъ, чтобы сѣять его уже на новыхъ основаніяхъ. Онъ рѣшилъ перевернуть все прежнее хозяйство.

XXIX.

Исполненіе плана Левина представляло много трудностей; но онъ бился, сколько было силъ, и достигъ хотя и не того, чего онъ желалъ, но того, что онъ могъ, не обманывая себя, вѣрить, что дѣло это стóитъ работы. Одна изъ главныхъ трудностей была та, что хозяйство уже шло, что нельзя было остановить все и начать все съ начала, а надо было на ходу перелаживать машину.

Когда онъ, въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ домой, сообщилъ прикащику свои планы, прикащикъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился съ тою частью рѣчи, которая показывала, что все дѣлаемое до сихъ поръ было вздоръ и невыгодно. Прикащикъ сказалъ, что онъ давно говорилъ это, но что его не хотѣли слушать. Что же касалось до предложенія, сдѣланнаго Левинымъ,—принять участіе, какъ пайщику, вмѣстѣ съ работниками во всемъ хозяйственномъ предпріятіи, то прикащикъ на это выразилъ только большое уныніе и никакого опредѣленнаго мнѣнія, а тотчасъ заговорилъ о необходимости на-завтра свезти остальные снопы ржи и послать двоить, такъ что Левинъ почувствовалъ, что теперь не до этого.

Заговаривая съ мужиками о томъ же и дѣлая имъ предложенія сдачи на новыхъ условіяхъ земель, онъ тоже сталкивался съ тѣмъ главнымъ затрудненіемъ, что они были такъ заняты текущею работой дня, что имъ некогда было обдумывать выгоды и невыгоды предпріятія.

Наивный мужикъ, Иванъ скотникъ, казалось, понялъ вполнѣ предложенія Левина—принять съ семьей участіе въ выгодахъ скотнаго двора—и вполнѣ сочувствовалъ этому

предпріятіе. Но когда Левинъ внушалъ ему будущія выгоды, на лицѣ Ивана выражались тревога и сожалѣніе, что онъ не можетъ всего дослушать, и онъ поспѣшно находилъ себѣ какое-нибудь, не терпящее отлагательства, дѣло: или брался за вилы докидывать сѣно изъ денника, или наливать воду, или подчищать навозъ.

Другая трудность состояла въ непобѣдимомъ недовѣріи крестьянъ къ тому, чтобы цѣль помѣщика могла состоять въ чемъ-нибудь другомъ, кромѣ желанія обобрать ихъ, сколько можно. Они были твердо увѣрены, что настоящая цѣль его (что бы онъ ни сказалъ имъ) будетъ всегда въ томъ, чего онъ не скажетъ имъ. И сами они, высказываясь, говорили много, но никогда не говорили того, въ чемъ состояла ихъ настоящая цѣль. Кромѣ того (Левинъ чувствовалъ, что желчный помѣщикъ былъ правъ), крестьяне первымъ и неизмѣннымъ условіемъ какого бы то ни было соглашенія ставили то, чтобы они не были принуждаемы къ какимъ бы то ни было новымъ пріемамъ хозяйства и къ употребленію новыхъ орудій. Они соглашались, что плугъ пашетъ лучше, что скоропашка работаетъ успѣшнѣе, но они находили тысячи причинъ, почему нельзя было имъ употреблять ни то, ни другое, и хотя онъ и убѣжденъ былъ, что надо спустить уровень хозяйства, ему жалко было отказаться отъ усовершенствованій, выгода которыхъ была такъ очевидна. Но, несмотря на всѣ эти трудности, онъ добился своего, и къ осени дѣло пошло, или по крайней мѣрѣ ему такъ казалось.

Сначала Левинъ думалъ сдать все хозяйство, какъ оно было, мужикамъ, работникамъ и прикащику на новыхъ товарищескихъ условіяхъ, но очень скоро убѣдился, что

это невозможно, и рѣшился подраздѣлить хозяйство. Скотный дворъ, садъ, огородъ, покосы, поля, раздѣленныя на нѣсколько отдѣловъ, должны были составить отдѣльныя статьи. Наивный Иванъ скотникъ, лучше всѣхъ, казалось Левину, понявшій дѣло, подобравъ себѣ артель, преимущественно изъ своей семьи, сталъ участникомъ скотнаго двора. Дальнее поле, лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ пусками, было взято, съ помощью умнаго плотника, Ѳедора Рѣзунова, шестью семьями мужиковъ на новыхъ общественныхъ основаніяхъ, и мужикъ Шураевъ снялъ на тѣхъ же условіяхъ всѣ огороды. Остальное еще было по-старому, но эти три статьи были началомъ новаго устройства и вполнѣ занимали Левина.

Правда, что на скотномъ дворѣ дѣло шло до сихъ поръ не лучше, чѣмъ прежде, и Иванъ сильно противодѣйствовалъ теплому помѣщенію коровъ и сливочному маслу, утверждая, что коровѣ на холоду потребуется меньше корму, и что сметанное масло спорѣе, и требовалъ жалованья, какъ и встарину, и нисколько не интересовался тѣмъ, что деньги, получаемыя имъ, были не жалованье, а выдача впередъ доли барыша.

Правда, что компанія Ѳедора Рѣзунова не передвоила подъ посѣвъ плугами, какъ было уговорено, оправдываясь тѣмъ, что время коротко. Правда, мужики этой компаніи, хотя и условились вести это дѣло на новыхъ основаніяхъ, называли эту землю не общею, а испольною, и не разъ и мужики этой артели, и самъ Рѣзуновъ говорили Левину: „получили бы денежки за землю—и вамъ покойнѣе, и намъ бы развяза“. Кромѣ того, мужики эти все откладывали подъ разными предлогами условленную съ ними построй-

ку на этой землѣ скотнаго двора и риги и оттянули до зимы.

Правда, Шураевъ снятые имъ огороды хотѣлъ было раздать по мелочамъ мужикамъ. Онъ, очевидно, совершенно превратно и, казалось, умышленно-превратно понялъ условія, на которыхъ ему была сдана земля.

Правда, часто, разговаривая съ мужиками и разъясняя имъ всѣ выгоды предпріятія, Левинъ чувствовалъ, что мужики слушаютъ при этомъ только пѣніе его голоса и знаютъ твердо, что, что̀ бы онъ ни говорилъ, они не дадутся ему въ обманъ. Въ особенности чувствовалъ онъ это, когда говорилъ съ самымъ умнымъ изъ мужиковъ, Рѣзуновымъ, и замѣчалъ ту игру въ глазахъ Рѣзунова, которая ясно показывала и насмѣшку надъ Левинымъ, и твердую увѣренность, что если будетъ кто обманутъ, то ужъ никакъ не онъ, Рѣзуновъ.

Но, несмотря на все это, Левинъ думалъ, что дѣло шло и что, строго ведя счеты и настаивая на своемъ, онъ докажетъ имъ въ будущемъ выгоды такого устройства, и что тогда дѣло пойдетъ само собой.

Дѣла эти, вмѣстѣ съ остальнымъ хозяйствомъ, оставшимся на его рукахъ, вмѣстѣ съ работой кабинетною надъ своею книгой, такъ занимали все лѣто Левина, что онъ почти и не ѣздилъ на охоту. Онъ узналъ въ концѣ августа о томъ, что Облонскіе уѣхали въ Москву, отъ ихъ человѣка, привезшаго назадъ сѣдло. Онъ чувствовалъ, что, не отвѣтивъ на письмо Дарьи Александровны, своею невѣжливостью, о которой онъ безъ краски стыда не могъ вспоминать, онъ сжегъ свои карабли и никогда ужъ не поѣдетъ къ нимъ. Точно такъ же онъ поступилъ и со Сві-

яжскимъ, уѣхавъ не простившись. Но онъ къ нимъ тоже никогда не поѣдетъ. Теперь это ему было все равно. Дѣло новаго устройства своего хозяйства занимало его такъ, какъ еще ничто никогда въ жизни. Онъ перечиталъ книги, данныя ему Свіяжскимъ, и, выписавъ то, чего у него не было, перечиталъ и политико-экономическія и соціалистическія книги по этому предмету, но, какъ онъ и ожидалъ, ничего не нашелъ такого, что относилось бы до предпринятаго имъ дѣла. Въ политико-экономическихъ книгахъ, въ Миллѣ напримѣръ, котораго онъ изучалъ перваго, съ большимъ жаромъ, надѣясь всякую минуту найдти разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ, онъ нашелъ выведенные изъ положенія европейскаго хозяйства законы; но онъ никакъ не видѣлъ, почему эти законы, неприложимые къ Россіи, должны быть общіе. То же самое онъ видѣлъ и въ соціалистическихъ книгахъ: или это были прекрасныя, но неприложимыя фантазіи, которыми онъ увлекался еще бывши студентомъ,—или поправки, починки того положенія дѣла, въ которое поставлена была Европа и съ которымъ земледѣльческое дѣло въ Россіи не имѣло ничего общаго. Политическая экономія говорила, что законы, по которымъ развилось и развивается богатство Европы, суть законы всеобщіе и несомнѣнные. Соціалистическое ученіе говорило, что развитіе по этимъ законамъ ведетъ къ погибели. И ни то, ни другое не давало не только отвѣта, но ни малѣйшаго намека на то, что̀ ему, Левину, и всѣмъ русскимъ мужикамъ и землевладѣльцамъ дѣлать съ своими милліонами рукъ и десятинъ, чтобы онѣ были наиболѣе производительны для общаго благосостоянія.

Уже разъ взявшись за это дѣло, онъ добросовѣстно пере-

читывалъ все, что относилось къ его предмету, и намѣревался осенью ѣхать за границу, чтобъ изучить еще это дѣло на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы съ нимъ уже не случалось болѣе по этому вопросу того, что такъ часто случалось съ нимъ по различнымъ вопросамъ. Только начнетъ онъ, бывало, понимать мысль собесѣдника и излагать свою, какъ вдругъ ему говорятъ: „А Кауфманъ, а Джонсъ, а Дюбуа, а Мичели? Вы не читали ихъ? Прочтите: они разработали этотъ вопросъ“.

Онъ видѣлъ теперь ясно, что Кауфманъ и Мичели ничего не имѣютъ сказать ему. Онъ зналъ, чего онъ хотѣлъ. Онъ видѣлъ, что Россія имѣетъ прекрасныя земли, прекрасныхъ рабочихъ и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ у мужика на половинѣ дороги, рабочіе и земли производятъ много,—въ большинствѣ же случаевъ, когда по-европейски прикладывается капиталъ, производятъ мало, и что происходитъ это только отъ того, что рабочіе хотятъ работать и работаютъ хорошо однимъ имъ свойственнымъ образомъ, и что это противодѣйствіе не случайное, а постоянное, имѣющее основанія въ духѣ народа. Онъ думалъ, что русскій народъ, имѣющій призваніе заселять и обрабатывать огромныя незанятыя пространства, сознательно, до тѣхъ поръ, пока всѣ земли не заняты, держался нужныхъ для этого пріемовъ, и что эти пріемы совсѣмъ не такъ дурны, какъ это обыкновенно думаютъ. И онъ хотѣлъ доказать это теоретически въ книгѣ и на практикѣ въ своемъ хозяйствѣ.

XXX.

Въ концѣ сентября былъ свезенъ лѣсъ для постройки двора на отданной артели землѣ и было продано масло отъ

коровъ и раздѣленъ барышъ. Въ хозяйствѣ на практикѣ дѣло шло отлично, или по крайней мѣрѣ такъ казалось Левину. Для того же, чтобы теоретически разъяснить все дѣло и окончить сочиненіе, которое, сообразно мечтаніямъ Левина, должно было не только произвести переворотъ въ политической экономіи, но совершенно уничтожить эту науку и положить начало новой наукѣ—объ отношеніяхъ народа къ землѣ,—нужно было только съѣздить за границу и изучить на мѣстѣ все, что тамъ было сдѣлано въ этомъ направленіи, и найдти убѣдительныя доказательства, что все то, что тамъ сдѣлано,—не то, что нужно. Левинъ ждалъ только поставки пшеницы, чтобы получить деньги и ѣхать за границу. Но начались дожди, не дававшіе убрать оставшіеся въ полѣ хлѣба и картофель, и остановили всѣ работы и даже поставку пшеницы. По дорогамъ была непролазная грязь; двѣ мельницы снесло паводкомъ и погода все становилась хуже и хуже.

30 сентября показалось съ утра солнце, и, надѣясь на погоду, Левинъ сталъ рѣшительно готовиться къ отъѣзду. Онъ велѣлъ насыпать пшеницу, послалъ къ купцу приказщика, чтобы взять деньги, и самъ поѣхалъ по хозяйству, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія передъ отъѣздомъ.

Передѣлавъ однако всѣ дѣла, мокрый отъ ручьевъ, которые по кожану заливались то за шею, то за голенища, но въ самомъ бодромъ и возбужденномъ состояніи духа, Левинъ возвратился къ вечеру домой. Непогода къ вечеру разошлась еще хуже: крупа такъ больно стегала всю вымокшую, трясущую ушами и головой, лошадь, что она шла бокомъ; но Левину подъ башлыкомъ было хорошо и онъ весело поглядывалъ вокругъ себя то на мутные ручьи, бѣ-

жавшіе по колеямъ, то на нависшія на каждомъ оголенномъ сучкѣ капли, то на бѣлизну пятна нерастаявшей крупы на доскахъ моста, то на сочный, еще мясистый листъ вяза, который обвалился густымъ слоемъ вокругъ раздѣтаго дерева. Несмотря на мрачность окружающей природы, онъ чувствовалъ себя особенно возбужденнымъ. Разговоры съ мужиками въ дальней деревнѣ показывали, что они начинали привыкать къ своимъ новымъ отношеніямъ. Дворникъ-старикъ, къ которому онъ заѣзжалъ обсушиться, очевидно одобрялъ планъ Левина и самъ предлагалъ вступить въ товарищество по покупкѣ скота.

„Надо только упорно идти къ своей цѣли, и я добьюсь своего,—думалъ Левинъ,—а работать и трудиться есть изъ-за чего. Это дѣло не мое личное, а тутъ вопросъ объ общемъ благѣ. Все хозяйство, главное—положеніе всего народа совершенно должно измѣниться: вмѣсто бѣдности—общее богатство, довольство; вмѣсто вражды—согласіе и связь интересовъ. Однимъ словомъ, революція безкровная, но величайшая революція, сначала въ маленькомъ кругу нашего уѣзда, потомъ губерніи, Россіи, всего міра. Потому что мысль справедливая не можетъ не быть плодотворна. Да, это цѣль, изъ-за которой стоитъ работать. И то, что это я, Костя Левинъ, тотъ самый, который пріѣхалъ на балъ въ черномъ галстукѣ и которому отказала Щербацкая, и который такъ самъ для себя жалокъ и ничтоженъ,—это ничего не доказываетъ. Я увѣренъ, что Франклинъ чувствовалъ себя также ничтожнымъ и также не довѣрялъ себѣ, вспоминая себя всего. Это ничего не значитъ. И у него была, вѣрно, своя Агаѳья Михайловна, которой онъ повѣрялъ свои тайны“.

Въ такихъ мысляхъ Левинъ уже въ темнотѣ подъѣхалъ къ дому.

Прикащикъ, ѣздившій къ купцу, пріѣхалъ и привезъ часть денегъ за пшеницу. Условіе съ дворникомъ было сдѣлано, и по дорогѣ прикащикъ узналъ, что хлѣбъ вездѣ застоялся въ полѣ, такъ что неубранныя свои 160 копенъ были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что было у другихъ.

Пообѣдавъ, Левинъ сѣлъ, какъ и обыкновенно, съ книгой на кресло, и читая, продолжалъ думать о своей предстоящей поѣздкѣ въ связи съ книгою. Нынче ему особенно ясно представлялось все значеніе его дѣла, и сами собою складывались въ его умѣ цѣлые періоды, выражающіе сущность его мыслей. „Это надо записать,—подумалъ онъ.—Это должно составить краткое введеніе, которое я прежде считалъ ненужнымъ“. Онъ всталъ, чтобы идти къ письменному столу, и Ласка, лежавшая у его ногъ, потягиваясь, тоже встала и оглядывалась на него, какъ бы спрашивая, куда идти. Но записывать было некогда, потому что пришли начальники къ наряду, и Левинъ вышелъ къ нимъ въ переднюю.

Послѣ наряда, то-есть распоряженій по работамъ завтрашняго дня, и пріема всѣхъ мужиковъ, имѣвшихъ до него дѣла, Левинъ пошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за работу. Ласка легла подъ столъ; Агаѳья Михайловна съ чулкомъ усѣлась на своемъ мѣстѣ.

Пописавъ нѣсколько времени, Левинъ вдругъ съ необыкновенною живостью вспомнилъ Кити, ея отказъ и послѣднюю встрѣчу. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Да нечего скучать,—сказала ему Агаѳья Михайловна.— Ну, что вы сидите дома? Ѣхали бы на теплыя воды, благо собрались.

— Я и то ѣду послѣ-завтра, Агаѳья Михайловна. Надо дѣло кончить.

— Ну, какое ваше дѣло! Мало вы развѣ и такъ мужиковъ наградили! И то говорятъ: вашъ баринъ отъ царя за то милость получитъ. И чудно: что вамъ о мужикахъ заботиться?

— Я не о нихъ забочусь, я для себя дѣлаю.

Агаѳья Михайловна знала всѣ подробности хозяйственныхъ плановъ Левина. Левинъ часто со всѣми тонкостями излагалъ ей свои мысли и нерѣдко спорилъ съ нею и не соглашался съ ея объясненіями. Но теперь она совсѣмъ иначе поняла то, что онъ сказалъ ей.

— О своей душѣ, извѣстное дѣло, пуще всего думать надо,—сказала она со вздохомъ.—Вонъ Парѳенъ Денисычъ, даромъ-что неграмотный былъ, а такъ померъ, что дай Богъ всякому,—сказала она про недавно умершаго двороваго:—причастили, особоровали.

— Я не про то говорю,—сказалъ онъ:—я говорю, что я для своей выгоды дѣлаю. Мнѣ выгоднѣе, если мужики лучше работаютъ.

— Да ужъ вы какъ ни дѣлайте, онъ коли лѣнтяй, такъ все будетъ черезъ пень колоду валить. Если совѣсть есть, будетъ работать, а нѣтъ—ничего не сдѣлаешь.

— Ну, да вѣдь вы сами говорите, Иванъ лучше сталъ за скотиной ходить?

— Я одно говорю,—отвѣтила Агаѳья Михайловна, очевидно не случайно, но со строгою послѣдовательностью мысли:—жениться вамъ надо, вотъ что!

Упоминаніе Агаѳьи Михайловны о томъ самомъ, о чемъ онъ только-что думалъ, огорчило и оскорбило его. Левинъ нахмурился и, не отвѣчая ей, сѣлъ опять за свою работу,

повторивъ себѣ все то, что онъ думалъ о значеніи этой работы. Изрѣдка только онъ прислушивался въ тишинѣ къ звуку спицъ Агаѳьи Михайловны и, вспоминая то, о чемъ онъ не хотѣлъ вспоминать, опять морщился.

Въ девять часовъ послышался колокольчикъ и глухое колебаніе кузова по грязи.

— Ну вотъ къ вамъ и гости пріѣхали, не скучно будетъ,— сказала Агаѳья Михайловна, вставая и направляясь къ двери. Но Левинъ перегналъ ее. Работа его не шла теперь, и онъ былъ радъ какому бы то ни было гостю.

XXXI.

Сбѣжавъ до половины лѣстницы, Левинъ услыхалъ въ передней знакомый ему звукъ покашливанья; но онъ слышалъ его неясно изъ-за звука своихъ шаговъ и надѣялся, что онъ ошибся; потомъ онъ увидалъ и всю длинную, костлявую, знакомую фигуру, и казалось уже нельзя было обманываться, но все еще надѣялся, что онъ ошибается и что этотъ длинный человѣкъ, снимавшій шубу и откашливавшійся, былъ не братъ Николай.

Левинъ любилъ своего брата, но быть съ нимъ вмѣстѣ всегда было мученье. Теперь же, когда Левинъ, подъ вліяніемъ пришедшей ему мысли и напоминанія Агаѳьи Михайловны, былъ въ неясномъ запутанномъ состояніи, ему предстоящее свиданіе съ братомъ показалось особенно тяжелымъ. Вмѣсто гостя веселаго, здороваго, чужаго, который, онъ надѣялся, развлечетъ его въ его душевной неясности, онъ долженъ былъ видѣться съ братомъ, который понимаетъ его насквозь, который вызоветъ въ немъ всѣ

самыя задушевныя мысли, заставитъ его высказаться вполнѣ. А этого ему не хотѣлось.

Сердясь на самого себя за это гадкое чувство, Левинъ сбѣжалъ въ переднюю; какъ только онъ вблизи увидалъ брата, это чувство личнаго разочарованія тотчасъ же исчезло и замѣнилось жалостью. Какъ ни страшенъ былъ братъ Николай своей худобой и болѣзненностью прежде, теперь онъ еще похудѣлъ, еще изнемогъ. Это былъ скелетъ, покрытый кожей.

Онъ стоялъ въ передней, дергаясь длинною, худою шеей и срывая съ нея шарфъ, и странно-жалостно улыбался. Увидавъ эту улыбку, смиренную и покорную, Левинъ почувствовалъ, что судороги сжимаютъ ему горло.

— Вотъ, я пріѣхалъ къ тебѣ,—сказалъ Николай глухимъ голосомъ, ни на секунду не спуская глазъ съ лица брата.— Я давно хотѣлъ, да все нездоровилось. Теперь же я оченъ поправился,—говорилъ онъ, обтирая свою бороду большими худыми ладонями.

— Да, да!—отвѣчалъ Левинъ. И ему стало еще страшнѣе, когда онъ, цѣлуясь, почувствовалъ губами сухость тѣла брата и увидалъ вблизи его большіе, странно свѣтящіеся глаза.

За нѣсколько недѣль передъ этимъ, Константинъ Левинъ писалъ брату, что по продажѣ той маленькой части, которая оставалась у нихъ недѣленною въ домѣ, братъ имѣлъ получить теперь свою долю, около 2.000 рублей.

Николай сказалъ, что онъ пріѣхалъ теперъ получить эти деньги, и главное—побывать въ своемъ гнѣздѣ, дотронуться до земли, чтобы набраться, какъ богатыри, силы для предстоящей дѣятельности. Несмотря на увеличившуюся сутуловость, несмотря на поразительную съ его ростомъ ху-

добу, движенія его, какъ и обыкновенно, были быстры и порывисты. Левинъ повелъ его въ кабинетъ.

Братъ переодѣлся особенно старательно, чего прежде не бывало, причесалъ свои рѣдкіе, прямые волосы и, улыбаясь, пошелъ на верхъ.

Онъ былъ въ самомъ ласковомъ и веселомъ духѣ, какимъ въ дѣтствѣ его часто помнилъ Левинъ, онъ упомянулъ даже и о Сергѣѣ Ивановичѣ безъ злобы. Увидавъ Агаѳью Михайловну, онъ пошутилъ съ ней и распрашивалъ про старыхъ слугъ. Извѣстіе о смерти Парѳена Денисыча непріятно подѣйствовало на него. На лицѣ его выразился испугъ, но онъ тотчасъ же оправился.

— Вѣдь онъ ужъ старъ былъ,—сказалъ онъ и перемѣнилъ разговоръ. — Да, вотъ поживу у тебя мѣсяцъ, два, а потомъ въ Москву. Ты знаешь, мнѣ Мягковъ обѣщалъ мѣсто и я поступаю на службу. Теперь я устрою свою жизнь совсѣмъ иначе,—продолжалъ онъ.—Ты знаешь, я удалилъ эту женщину.

— Марью Николаевну? какъ, за что же?

— Ахъ, она гадкая женщина! Кучу непріятностей мнѣ сдѣлала.—Но онъ не разсказалъ, какія были эти непріятности. Онъ не могъ сказать, что онъ прогналъ Марью Николаевну за то, что чай былъ слабъ, главное же—за то, что она ухаживала за нимъ какъ за больнымъ.

— Потомъ, вообще, теперь я хочу совсѣмъ перемѣнить жизнь. Я, разумѣется, какъ и всѣ, дѣлалъ глупости, но состояніе—послѣднее дѣло, я его не жалѣю. Было бы здоровье, а здоровье, слава Богу, поправилось

Левинъ слушалъ и придумывалъ, но не могъ придумать, что сказать. Вѣроятно Николай почувствовалъ то же; онъ

сталъ распрашивать брата о дѣлахъ его, и Левинъ былъ радъ говорить о себѣ, потому что онъ могъ говорить не притворяясь. Онъ разсказалъ брату свои планы и дѣйствія.

Братъ слушалъ, но очевидно не интересовался этимъ.

Эти два человѣка были такъ сродны и близки другъ другу, что малѣйшее движеніе, тонъ голоса говорили для обоихъ больше, чѣмъ все, что можно сказать словами.

Теперь у нихъ обоихъ была одна мысль—болѣзнь и близость смерти Николая, подавлявшая все остальное. Но ни тотъ, ни другой не смѣли говорить о ней, и потому все, что бы они ни говорили, не выразивъ того, что̀ одно занимало ихъ,—все было ложь. Никогда Левинъ не былъ такъ радъ тому, что кончился вечеръ и надо было идти спать. Никогда ни съ какимъ постороннимъ, ни на какомъ оффиціальномъ визитѣ онъ не былъ такъ ненатураленъ и фальшивъ, какъ онъ былъ нынче. И сознаніе этой ненатуральности и раскаяніе въ ней его дѣлали еще болѣе ненатуральнымъ. Ему хотѣлось плакать надъ своимъ умирающимъ любимымъ братомъ, а онъ долженъ былъ слушать и поддерживать разговоръ о томъ, какъ онъ будетъ жить.

Такъ какъ въ домѣ было сыро и одна только комната топлена, то Левинъ уложилъ брата спать въ своей же спальнѣ за перегородкой.

Братъ легъ и — спалъ или не спалъ—но какъ больной ворочался, кашлялъ, и когда не могъ откашляться, что-то ворчалъ. Иногда, когда онъ тяжело вздыхалъ, онъ говорилъ: „Ахъ, Боже мой!“ Иногда, когда мокрота душила его, онъ съ досадой выговаривалъ: „А, чортъ!“ Левинъ долго не спалъ, слушая его. Мысли его были самыя разнообразныя, но конецъ всѣхъ мыслей былъ одинъ—смерть.

Смерть, неизбѣжный конецъ всего, въ первый разъ съ неотразимою силой представилась ему. И смерть эта, которая была тутъ, въ этомъ любимомъ братѣ, съ просонковъ стонущемъ и безразлично, по привычкѣ, призывающемъ то Бога, то чорта, была совсѣмъ не такъ далека, какъ ему прежде казалось. Она была и въ немъ самомъ, — онъ это чувствовалъ. Не нынче, такъ завтра, не завтра, такъ черезъ тридцать лѣтъ, развѣ не все равно? А что такое была эта неизбѣжная смерть, онъ не только не зналъ, не только никогда и не думалъ объ этомъ, но не умѣлъ и не смѣлъ думать объ этомъ.

„Я работаю, я хочу сдѣлать что-то, а я забылъ, что все кончится, что—смерть“.

Онъ сидѣлъ на кровати въ темнотѣ, скорчившись и обнявъ свои колѣни, и, сдерживая дыханіе отъ напряженія мысли, думалъ. Но чѣмъ болѣе онъ напрягалъ мысль, тѣмъ только яснѣе ему становилось, что это несомнѣнно такъ, что дѣйствительно онъ забылъ, просмотрѣлъ въ жизни одно маленькое обстоятельство, — то, что придетъ смерть и все кончится, что ничего и не стоило начинать, и что помочь этому никакъ нельзя. Да, это ужасно, но это такъ.

„Да вѣдь я живъ еще. Теперь-то что же дѣлать, что дѣлать?“ говорилъ онъ съ отчаяніемъ. Онъ зажегъ свѣчу, осторожно всталъ и пошелъ къ зеркалу и сталъ смотрѣть свое лицо и волосы. Да, въ вискахъ были сѣдые волосы. Онъ открылъ ротъ. Зубы задніе начинали портиться. Онъ обнажилъ свои мускулистыя руки. Да, силы много. Но и у Николеньки, который тамъ дышетъ остатками легкихъ, было тоже здоровое тѣло. И вдругъ ему вспомнилось, какъ они дѣтьми вмѣстѣ ложились спать и ждали

только того, чтобы Өедоръ Богданычъ вышелъ за дверь, чтобы кидать другъ въ друга подушками и хохотать, хохотать неудержимо, такъ что даже страхъ передъ Өедоромъ Богданычемъ не могъ остановить это черезъ край бившее и пѣнящееся сознаніе счастія жизни. „А теперь, эта скрившаяся, пустая грудь... и я, не знающій зачѣмъ и что со мной будетъ"...

— Кха! кха! А, чортъ! Что возишься, что ты не спишь?— окликнулъ его голосъ брата.

— Такъ, я не знаю, безсонница.

— А я хорошо спалъ, у меня теперь ужъ нѣтъ пота. Посмотри, пощупай рубашку, нѣтъ пота?

Левинъ пощупалъ, ушелъ за перегородку, потушилъ свѣчу, но долго еще не спалъ. Только-что ему немного уяснился вопросъ о томъ, какъ жить, какъ представился новый неразрѣшимый вопросъ—смерть.

„Ну онъ умираетъ, ну онъ умретъ къ веснѣ, ну какъ помочь ему? Что я могу сказать ему? Что я знаю про это? Я и забылъ, что это есть".

XXXII.

Левинъ уже давно сдѣлалъ замѣчаніе, что когда съ людьми бываетъ неловко отъ ихъ излишней уступчивости, покорности, то очень скоро сдѣлается невыносимо отъ ихъ излишней требовательности и придирчивости. Онъ чувствовалъ, что это случится и съ братомъ. И дѣйствительно, кротости брата Николая хватило не надолго. Онъ съ другаго же утра сталъ раздражителенъ и старательно придирался къ брату, затрогивая его за самыя больныя мѣста.

Левинъ чувствовалъ себя виноватымъ и не могъ попра-

вѣть этого. Онъ чувствовалъ, что еслибъ они оба не притворялись, а говорили то, что называется говорить по душѣ, т.-е. только то, что̀ они точно думаютъ и чувствуютъ, то они только бы смотрѣли въ глаза другъ другу, и Константинъ только бы говорилъ: „ты умрешь, ты умрешь!“ — а Николай только бы отвѣчалъ: „знаю, что умру; но боюсь, боюсь, боюсь!“ И больше бы ничего они не говорили, еслибы говорили только по душѣ. Но эдакъ нельзя было жить, и потому Константинъ пытался дѣлать то, что онъ всю жизнь пытался и не умѣлъ дѣлать, и то, что, по его наблюденію, многіе такъ хорошо умѣли дѣлать, и безъ чего нельзя жить: онъ пытался говорить не то, что думалъ, и постоянно чувствовалъ, что это выходило фальшиво, что братъ его ловитъ на этомъ и раздражается этимъ.

На третій день Николай вызвалъ брата высказать опять ему свой планъ, и сталъ не только осуждать его, но сталъ умышленно смѣшивать его съ коммунизмомъ.

— Ты только взялъ чужую мысль, но изуродовалъ ее, и хочешь прилагать къ неприложимому.

— Да я тебѣ говорю, что это не имѣетъ ничего общаго. Они отвергаютъ справедливость собственности, капитала, наслѣдственности, а я, не отрицая этого главнаго стимула (Левину было противно самому, что онъ употреблялъ такія слова, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ увлекся своею работой, онъ невольно сталъ чаще и чаще употреблять не русскія слова), хочу только регулировать трудъ.

— То-то и есть, ты взялъ чужую мысль, отрѣзалъ отъ нея все, что̀ составляетъ ея силу, и хочешь увѣрить, что это—что то новое,—сказалъ Николай, сердито дергаясь въ своемъ галстукѣ.

— Да моя мысль не имѣетъ ничего общаго...

— Тамъ,—злобно блестя глазами и иронически улыбаясь, говорилъ Николай Левинъ, — тамъ по крайней мѣрѣ есть прелесть, какъ бы сказать, геометрическая — ясности, несомнѣнности. Можетъ-быть это утопія. Но допустимъ, что можно сдѣлать изо всего прошедшаго tabula rasa: нѣтъ собственности, нѣтъ семьи, то и трудъ устроятся. Но у тебя ничего нѣтъ...

— Зачѣмъ ты смѣшиваешь? Я никогда не былъ коммунистомъ.

— А я былъ и нахожу, что это преждевременно, но разумно и имѣетъ будущность, какъ христіанство въ первые вѣка.

— Я только полагаю, что рабочую силу надо разсматривать съ естество испытательской точки зрѣнія, то есть изучить ее, признать ея свойства и...

— Да это совершенно напрасно. Эта сила сама находитъ, по степени своего развитія, извѣстный образъ дѣятельности. Вездѣ были рабы, потомъ metayers; и у насъ есть испольная работа, есть аренда, есть батрацкая работа,—чего же ты ищешь?

Левинъ вдругъ разгорячился при этихъ словахъ, потому что въ глубинѣ души онъ боялся, что это было правда,— правда то, что онъ хотѣлъ балансировать между коммунизмомъ и опредѣленными формами,—и что это едва ли было возможно.

— Я ищу средства работать производительно и для себя, и для рабочаго. Я хочу устроить...—отвѣчалъ онъ горячо.

— Ничего ты не хочешь устроить: просто, какъ ты всю жизнь жилъ, тебѣ хочется оригинальничать, показать, что ты не просто эксплуатируешь мужиковъ, а съ идеей.

— Ну, ты такъ думаешь,—и оставь!—отвѣчалъ Левинъ, чувствуя, что мускулъ лѣвой щеки его неудержимо прыгаетъ.

— Ты не имѣлъ и не имѣешь убѣжденій, а тебѣ только бы утѣшать свое самолюбіе.

— Ну и прекрасно, и оставь меня!

— И оставлю! и давно пора, и убирайся къ чорту! и очень жалѣю, что пріѣхалъ!

Какъ ни старался потомъ Левинъ успокоить брата, Николай ничего не хотѣлъ слышать, говорилъ, что гораздо лучше разъѣхаться, и Константинъ видѣлъ, что просто брату невыносима стала жизнь.

Николай уже совсѣмъ собрался уѣзжать, когда Константинъ опять прошелъ къ нему и ненатурально просилъ извинить, если чѣмъ-нибудь оскорбилъ его.

— А, великодушіе!—сказалъ Николай и улыбнулся.— Если тебѣ хочется быть правымъ, то могу доставить тебѣ это удовольствіе. Ты правъ; но я все-таки уѣду!

Передъ самымъ только отъѣздомъ Николай поцѣловался съ нимъ и сказалъ, вдругъ странно, серьёзно взглянувъ на брата:

— Все-таки, не поминай меня лихомъ, Костя!—и голосъ его дрогнулъ.

Это были единственныя слова, которыя были сказаны искренно. Левинъ понялъ, что̀ подъ этими словами подразумѣвалось: „ты видишь и знаешь, что я плохъ, и можетъ-быть мы больше не увидимся...“ Левинъ понялъ это, и слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ еще разъ поцѣловалъ брата, но ничего не могъ и не умѣлъ сказать ему.

На третій день послѣ отъѣзда брата и Левинъ уѣхалъ за границу. Встрѣтившись на желѣзной дорогѣ съ Щер-

бацкимъ, двоюроднымъ братомъ Кити, Левинъ очень удивилъ его своею мрачностью.

— Что съ тобой?—спросилъ его Щербацкій.

— Да ничего, такъ, веселаго на свѣтѣ мало.

— Какъ мало? Вотъ поѣдемъ со мной въ Парижъ вмѣсто какого-то Мюлуза. Посмотрите, какъ весело.

— Нѣтъ, ужъ я кончилъ. Мнѣ умирать пора.

— Вотъ такъ штука!—смѣясь сказалъ Щербацкій. — Я только приготовился начинать.

— Да и я такъ думалъ недавно, но теперь я знаю, что скоро умру.

Левинъ говорилъ то, что онъ истинно думалъ въ это послѣднее время. Онъ во всемъ видѣлъ только смерть или приближеніе къ ней. Но затѣянное имъ дѣло тѣмъ болѣе занимало его. Надо же было какъ-нибудь доживать жизнь, пока не пришла смерть. Темнота покрывала для него все; но именно вслѣдствіе этой темноты онъ чувствовалъ, что единственною руководительною нитью въ этой темнотѣ было его дѣло, и онъ изъ послѣднихъ силъ ухватился и держался за него.

АННА КАРЕНИНА

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Каренины, мужъ и жена, продолжали жить въ одномъ домѣ, встрѣчались каждый день, но были совершенно чужды другъ другу. Алексѣй Александровичъ за правило поставилъ каждый день видѣть жену для того, чтобы прислуга не имѣла права дѣлать предположенія, но избѣгалъ обѣдовъ дома. Вронскій никогда не бывалъ въ домѣ Алексѣя Александровича, но Анна видала его внѣ дома, и мужъ зналъ это.

Положеніе было мучительно для всѣхъ троихъ, и ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ былъ бы прожить и одного дня въ этомъ положеніи, еслибы не ожидалъ, что оно измѣнится, и что это только временное, горестное затрудненіе, которое пройдетъ. Алексѣй Александровичъ ждалъ, что страсть эта пройдетъ, какъ и все проходитъ, что всѣ про это забудутъ и имя его останется неопозореннымъ. Анна, отъ которой зависѣло это положеніе и для которой оно было

мучительнѣе всѣхъ, переносила его потому, что она не только ждала, но твердо была увѣрена, что все это очень скоро развяжется и уяснится. Она рѣшительно не знала, что̀ развяжетъ это положеніе, но твердо была увѣрена, что это что-то придетъ теперь очень скоро. Вронскій, невольно подчиняясь ей, тоже ожидалъ чего то независимаго отъ него, долженствовавшаго разъяснить всѣ затрудненія.

Въ срединѣ зимы Вронскій провелъ очень скучную недѣлю. Онъ былъ приставленъ къ пріѣхавшему въ Петербургъ иностранному принцу и долженъ былъ показывать ему достопримѣчательности Петербурга. Вронскій самъ былъ представителенъ; кромѣ того, обладалъ искусствомъ держать себя достойно-почтительно и имѣлъ привычку въ обращеніи съ такими лицами, потому онъ и былъ приставленъ къ принцу. Но обязанность его показалась ему очень тяжела. Принцъ желалъ ничего не упустить такого, про что дома у него спросятъ: видѣлъ ли онъ это въ Россіи; да и самъ желалъ воспользоваться, сколько возможно, русскими удовольствіями. Вронскій обязанъ былъ руководить его въ томъ и въ другомъ. По утрамъ они ѣздили осматривать достопримѣчательности, по вечерамъ участвовали въ національныхъ удовольствіяхъ. Принцъ пользовался необыкновеннымъ даже между принцами здоровьемъ; и гимнастикой, и хорошимъ уходомъ за своимъ тѣломъ, онъ довелъ себя до такой силы, что, несмотря на излишества, которымъ онъ предавался въ удовольствіяхъ, онъ былъ свѣжъ, какъ большой зеленый, глянцевитый голландскій огурецъ. Принцъ много путешествовалъ и находилъ, что одна изъ главныхъ выгодъ теперешней легкости путей сообщеній состоитъ въ доступности національныхъ удовольствій. Онъ

былъ въ Испаніи и тамъ давалъ серенады и сблизился съ испанкой, игравшею на мандолинѣ. Въ Швейцаріи убилъ *гемза*. Въ Англіи скакалъ въ красномъ фракѣ черезъ заборы и на пари убилъ 200 фазановъ. Въ Турціи былъ въ гаремѣ, въ Индіи ѣздилъ на слонѣ и теперь въ Россіи желалъ вкусить всѣхъ спеціально русскихъ удовольствій.

Вронскому, бывшему при немъ какъ бы главнымъ церемоніймейстеромъ, большаго труда стоило распредѣлять всѣ предлагаемыя принцу различными лицами русскія удовольствія. Были и рысаки, и блины, и медвѣжьи охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи съ русскимъ битьемъ посуды. И принцъ съ чрезвычайною легкостью усвоилъ себѣ русскій духъ, билъ подносы съ посудой, сажалъ на колѣни цыганку и казалось спрашивалъ: что же еще, или только въ этомъ и состоитъ весь русскій духъ?

Въ сущности изъ всѣхъ русскихъ удовольствій болѣе всего нравились принцу французскія актрисы, балетная танцовщица и шампанское съ бѣлою печатью. Вронскій имѣлъ привычку къ принцамъ, но — оттого ли, что онъ самъ въ послѣднее время перемѣнился, или отъ слишкомъ большой близости съ этимъ принцемъ — эта недѣля показалась ему страшно тяжела. Онъ всю эту недѣлю, не переставая, испытывалъ чувство подобное чувству человѣка, который былъ бы приставленъ къ опасному сумасшедшему, боялся бы сумасшедшаго и вмѣстѣ, по близости къ нему, боялся бы и за свой умъ. Вронскій постоянно чувствовалъ необходимость ни на секунду не ослаблять тона строгой оффиціальной почтительности, чтобы не быть оскорбленнымъ. Манера обращенія принца съ тѣми самыми лицами, которыя, къ удивленію Вронскаго, изъ кожи вонъ лѣзли,

чтобы доставлять ему русскія удовольствія, была презрительна. Его сужденія о русскихъ женщинахъ, которыхъ онъ желалъ изучать, не разъ заставляли Вронскаго краснѣть отъ негодованія. Главная же причина, почему принцъ былъ особенно тяжелъ Вронскому, была та, что онъ невольно видѣлъ въ немъ себя самого. И то, что̀ онъ видѣлъ въ этомъ зеркалѣ, не льстило его самолюбію. Это былъ очень глупый и очень самоувѣренный, и очень здоровый, и очень чистоплотный человѣкъ—и больше ничего. Онъ былъ джентльменъ, это была правда, и Вронскій не могъ отрицать этого. Онъ былъ ровенъ и не искателенъ съ высшими, былъ свободенъ и простъ въ обращеніи съ равными и былъ презрительно-добродушенъ съ низшими. Вронскій самъ былъ таковымъ и считалъ это большимъ достоинствомъ; но въ отношеніи принца онъ былъ низшій, и это презрительно-добродушное отношеніе къ нему возмущало его.

„Глупая говядина! неужели я такой?“ думалъ онъ.

Какъ бы то ни было, когда онъ простился съ нимъ на седьмой день, передъ отъѣздомъ его въ Москву, и получилъ благодарность, онъ былъ счастливъ, что избавился отъ этого неловкаго положенія и непріятнаго зеркала. Онъ простился съ нимъ на станціи, возвращаясь съ медвѣжьей охоты, гдѣ всю ночь у нихъ было представленіе русскаго молодечества.

II.

Вернувшись домой, Вронскій нашелъ у себя записку отъ Анны. Она писала: Я больна и несчастлива. Я не могу выѣзжать, но и не могу долѣе не видать васъ. Пріѣзжайте вечеромъ. Въ семь часовъ Алексѣй Александровичъ ѣдетъ на совѣтъ и пробудетъ до десяти“. Подумавъ съ минуту о стран-

ности того, что она зоветъ его прямо къ себѣ, несмотря на требованіе мужа не принимать его, онъ рѣшилъ, что поѣдетъ.

Вронскій былъ въ эту зиму произведенъ въ полковники, вышелъ изъ полка и жилъ одинъ. Позавтракавъ, онъ тотчасъ же легъ на диванъ, и въ пять минутъ воспоминанія безобразныхъ сценъ, видѣнныхъ имъ въ послѣдніе дни, перепутались и связались съ представленіемъ объ Аннѣ и мужикѣ-обкладчикѣ, который игралъ важную роль на медвѣжьей охотѣ; и Вронскій заснулъ. Онъ проснулся въ темнотѣ, дрожа отъ страха, и поспѣшно зажегъ свѣчу. — „Что такое? Что? Что такое страшное я видѣлъ во снѣ?... Да, да. Мужикъ - обкладчикъ, кажется, маленькій, грязный, со взъерошенною бородой, что-то дѣлалъ нагнувшись, и вдругъ заговорилъ по-французски какія-то странныя слова. Да, больше ничего не было во снѣ, — сказалъ онъ себѣ. — Но отчего же это было такъ ужасно?“ Онъ живо вспомнилъ опять мужика и тѣ непонятныя французскія слова, которыя произносилъ этотъ мужикъ, — и ужасъ пробѣжалъ холодомъ по его спинѣ.

„Что за вздоръ!“ подумалъ Вронскій и взглянулъ на часы.

Была уже половина девятаго. Онъ позвонилъ человѣка, поспѣшно одѣлся и вышелъ на крыльцо, совершенно забывъ про сонъ и мучаясь только тѣмъ, что опоздалъ. Подъѣзжая къ крыльцу Карениныхъ, онъ взглянулъ на часы и увидалъ, что было безъ десяти минутъ девять. Высокая, узенькая карета, запряженная парой сѣрыхъ, стояла у подъѣзда. Онъ узналъ карету Анны. „Она ѣдетъ ко мнѣ, — подумалъ Вронскій, — и лучше бы было. Непріятно мнѣ входить въ этотъ домъ. Но все равно; я не могу прятаться“, сказалъ онъ себѣ, и съ тѣми, усвоенными имъ съ дѣтства, пріемами человѣка, которому нечего стыдиться, Вронскій

вышелъ изъ саней и подошелъ къ двери. Дверь отворилась, и швейцаръ съ пледомъ на рукѣ подозвалъ карету. Вронскій, не привыкшій замѣчать подробности, замѣтилъ однако теперь удивленное выраженіе, съ которымъ швейцаръ взглянулъ на него. Въ самыхъ дверяхъ Вронскій почти столкнулся съ Алексѣемъ Александровичемъ. Рожокъ газа прямо освѣщалъ безкровное, осунувшееся лицо подъ черною шляпой и бѣлый галстукъ, блестѣвшій изъ-за бобра пальто. Неподвижные, тусклые глаза Каренина устремились на лицо Вронскаго. Вронскій поклонился, и Алексѣй Александровичъ, пожевавъ ртомъ, поднялъ руку къ шляпѣ и прошелъ. Вронскій видѣлъ, какъ онъ, не оглядываясь, сѣлъ въ карету, принялъ въ окно пледъ и бинокль и скрылся. Вронскій вошелъ въ переднюю. Брови его были нахмурены и глаза блестѣли злымъ и гордымъ блескомъ.

„Вотъ положеніе!—думалъ онъ.—Еслибъ онъ боролся, отстаивалъ свою честь, я бы могъ дѣйствовать, выразить свои чувства; но эта слабость или подлость... Онъ ставитъ меня въ положеніе обманщика, тогда какъ я не хотѣлъ и не хочу этимъ быть“.

Со времени своего объясненія съ Анной въ саду Вреде мысли Вронскаго измѣнились. Онъ, невольно покоряясь слабости Анны, которая отдавалась ему вся и ожидала только отъ него рѣшенія своей судьбы, впередъ покоряясь всему,— давно пересталъ думать, чтобы связь эта могла кончиться, какъ онъ думалъ тогда. Честолюбивые планы его опять отступили на задній планъ, и онъ, чувствуя, что вышелъ изъ того круга дѣятельности, въ которомъ все было опредѣлено, отдавался весь своему чувству, и чувство это все сильнѣе и сильнѣе привязывало его къ ней.

Еще въ передней онъ услыхалъ ея удаляющіеся шаги. Онъ понялъ, что она ждала его, прислушивалась, и теперь вернулась въ гостиную.

— Нѣтъ!—вскрикнула она, увидавъ его, и при первомъ звукѣ ея голоса слезы вступили ей въ глаза,—нѣтъ, если это будетъ такъ продолжаться, то это случится еще гораздо, гораздо прежде!

— Что, мой другъ?

— Что? Я жду, мучаюсь, часъ, два... Нѣтъ, я не буду!... Я не могу ссориться съ тобой. Вѣрно ты не могъ. Нѣтъ, не буду.

Она положила обѣ руки на его плечи и долго смотрѣла на него глубокимъ, восторженнымъ и вмѣстѣ испытующимъ взглядомъ. Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его. Она, какъ и при всякомъ свиданіи, сводила въ одно свое воображаемое представленіе о немъ (несравненно лучшее, невозможное въ дѣйствительности) съ нимъ, какимъ онъ былъ.

III.

— Ты встрѣтилъ его? — спросила она, когда они сѣли у стола подъ лампой. — Вотъ тебѣ наказаніе за то, что опоздалъ.

— Да, но какъ же? Онъ долженъ былъ быть въ совѣтѣ?

— Онъ былъ и вернулся, и опять поѣхалъ куда то. Но это ничего. Не говори про это. Гдѣ ты былъ? Все съ принцемъ?

Она знала всѣ подробности его жизни. Онъ хотѣлъ сказать, что не спалъ всю ночь и заснулъ, но, глядя на ея взволнованное и счастливое лицо, ему совѣстно стало. И

онъ сказалъ, что ему надо было ѣхать дать отчетъ объ отъѣздѣ принца.

— Но теперь кончилось? Онъ уѣхалъ?

— Слава Богу, кончилось. Ты не повѣришь, какъ мнѣ невыносимо было это.

— Отчего-жъ? Вѣдь это всегдашняя жизнь васъ всѣхъ молодыхъ мужчинъ,—сказала она, насупивъ брови, и взявшись за вязанье, которое лежало на столѣ, стала, не глядя на Вронскаго, выпрастывать изъ него крючокъ.

— Я уже давно оставилъ эту жизнь,—сказалъ онъ, удивляясь перемѣнѣ выраженія ея лица и стараясь проникнуть его значеніе.—И признаюсь,—сказалъ онъ, улыбкой выставляя свои плотные бѣлые зубы,—я въ эту недѣлю какъ въ зеркало смотрѣлся, глядя на эту жизнь, и мнѣ непріятно было.

Она держала въ рукахъ вязанье, но не вязала, а смотрѣла на него страннымъ, блестящимъ и недружелюбнымъ взглядомъ.

— Нынче утромъ Лиза заѣзжала ко мнѣ, — онѣ еще не боятся ѣздить ко мнѣ, несмотря на графиню Лидію Ивановну,—вставила она,—и разсказывала про вашъ аѳинскій вечеръ. Какая гадость!

— Я только хотѣлъ сказать, что...

Она перебила его.

— Это Thérèse была, которую ты зналъ прежде?

— Я хотѣлъ сказать...

— Какъ вы гадки, мужчины! Какъ вы не можете себѣ представить, что женщина этого не можетъ забыть, — говорила она, горячась все болѣе и болѣе и этимъ открывая ему причину своего раздраженія.—Особенно женщина,

которая не можетъ знать твоей жизни. Что я знаю? что я знала?—говорила она,—то, что ты скажешь мнѣ. А почемъ я знаю, правду ли ты говорилъ мнѣ?...

— Анна! Ты оскорбляешь меня. Развѣ ты не вѣришь мнѣ? Развѣ я не сказалъ тебѣ, что у меня нѣтъ мысли, которую я бы не открылъ тебѣ?

—Да, да,—сказала она, видимо стараясь отогнать ревнивыя мысли. — Но еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! Я вѣрю, вѣрю тебѣ... Такъ что ты говорилъ?

Но онъ не могъ сразу вспомнить того, что онъ хотѣлъ сказать. Эти припадки ревности, въ послѣднее время все чаще и чаще находившіе на нее, ужасали его и, какъ онъ ни старался скрыть это, охлаждали его къ ней, несмотря на то, что онъ зналъ, что причина ревности была любовь къ нему. Сколько разъ онъ говорилъ себѣ, что ея любовь была счастіе, и вотъ она любила его, какъ можетъ любить женщина, для которой любовь перевѣсила всѣ блага въ жизни,—и онъ былъ гораздо дальше отъ счастія, чѣмъ когда онъ поѣхалъ за ней изъ Москвы. Тогда онъ считалъ себя несчастливымъ, но счастіе было впереди; теперь же онъ чувствовалъ, что лучшее счастіе было уже назади. Она была совсѣмъ не та, какою онъ видѣлъ ее первое время. И нравственно и физически она измѣнилась къ худшему. Она вся расширѣла, и въ лицѣ ея въ то время, какъ она говорила объ актрисѣ, было злое, искажавшее его выраженіе. Онъ смотрѣлъ на нее какъ смотритъ человѣкъ на сорванный имъ и завядшій цвѣтокъ, въ которомъ онъ съ трудомъ узнаетъ красоту, за которую онъ сорвалъ и погубилъ его. И, несмотря на то, онъ чувствовалъ, что тогда, когда любовь его была сильнѣе, онъ могъ,

еслибы сильно захотѣлъ этого, вырвать эту любовь изъ своего сердца, — но теперь, когда, какъ въ эту минуту, ему казалось, что онъ не чувствовалъ любовь къ ней, онъ зналъ, что связь его съ ней не можетъ быть разорвана.

— Ну, ну, такъ что ты хотѣлъ сказать мнѣ про принца? Я прогнала, прогнала бѣса, — прибавила она. Бѣсомъ называлась между ними ревность. — Да, такъ что ты началъ говорить о принцѣ? Почему тебѣ такъ тяжело было?

— Ахъ, невыносимо! — сказалъ онъ, стараясь уловить нить потерянной мысли.—Онъ не выигрываетъ отъ близкаго знакомства. Если опредѣлить его, то это—прекрасно-выкормленное животное, какія на выставкахъ получаютъ первыя медали, и больше ничего,—говорилъ онъ съ досадой, заинтересовавшею ее.

— Нѣтъ, какъ же?—возразила она.—Все-таки онъ многое видѣлъ, образованъ?

— Это совсѣмъ другое образованіе, —ихъ образованіе. Онъ видно что и образованъ только для того, чтобъ имѣть право презирать образованіе, какъ они все презираютъ, кромѣ животныхъ удовольствій.

— Да вѣдь вы всѣ любите эти животныя удовольствія?— сказала она, и опять онъ замѣтилъ мрачный взглядъ, который избѣгалъ его.

— Что это ты такъ защищаешь его,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Я не защищаю, мнѣ совершенно все равно, но я думаю, что еслибы ты самъ не любилъ этихъ удовольствій, то ты могъ бы отказаться. А тебѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть на Терезу въ костюмѣ Евы...

— Опять, опять дьяволъ!—взявъ руку, которую она положила на столъ, и цѣлуя ее,—сказалъ Вронскій.

— Да, но я не могу! Ты не знаешь, какъ я измучилась, ожидая тебя! Я думаю, что я не ревнива. Я не ревнива; я вѣрю тебѣ, когда ты тутъ, со мной; но когда ты гдѣ-то одинъ ведешь свою непонятную мнѣ жизнь...

Она отклонилась отъ него, выпростала наконецъ крючокъ изъ вязанья, и быстро, съ помощью указательнаго пальца, стали накидываться одна за другой петли бѣлой, блестѣвшей подъ свѣтомъ лампы, шерсти, и быстро, нервически стала поворачиваться тонкая кисть въ шитомъ рукавчикѣ.

— Ну какъ же? гдѣ ты встрѣтилъ Алексѣя Александровича?—вдругъ ненатурально зазвенѣлъ ея голосъ.

— Мы столкнулись въ дверяхъ.

— И онъ такъ поклонился тебѣ?

Она вытянула лицо и, полузакрывъ глаза, быстро измѣнила выраженіе лица, сложила руки, и Вронскій въ ея красивомъ лицѣ вдругъ увидалъ то самое выраженіе лица, съ которымъ поклонился ему Алексѣй Александровичъ. Онъ улыбнулся, а она весело засмѣялась тѣмъ милымъ, груднымъ смѣхомъ, который былъ одною изъ главныхъ ея прелестей.

— Я рѣшительно не понимаю его,—сказалъ Вронскій.— Еслибы послѣ твоего объясненія на дачѣ онъ разорвалъ съ тобой, еслибъ онъ вызвалъ меня на дуэль, но этого я не понимаю: какъ онъ можетъ переносить такое положеженіе? Онъ страдаетъ, это видно.

— Онъ?—съ усмѣшкой сказала она.— Онъ совершенно доволенъ.

— За что мы всѣ мучаемся, когда все могло бы быть такъ хорошо?

— Только не онъ. Развѣ я не знаю его, эту ложь, которою онъ весь пропитанъ?... Развѣ можно, чувствуя что-нибудь, жить, какъ онъ живетъ со мной? Онъ ничего не понимаетъ, не чувствуетъ. Развѣ можетъ человѣкъ, который что-нибудь чувствуетъ, жить съ своею преступною женой въ одномъ домѣ? Развѣ можно говорить съ ней, говорить ей *ты*?

И опять она невольно представила его. „Ты, ma chère, ты, Анна!“

— Это не мужчина, не человѣкъ, это—кукла! Никто не знаетъ, но я знаю. О, еслибъ я была на его мѣстѣ, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую, какъ я,—а не говорила бы: ты, ma chère, Анна. Это не человѣкъ, это министерская машина. Онъ не понимаетъ, что я твоя жена, что онъ чужой, что онъ лишній... Не будемъ, не будемъ говорить!...

— Ты неправа и неправа, мой другъ,—сказалъ Вронскій, стараясь успокоить ее.—Но все равно, не будемъ о немъ говорить. Разскажи мнѣ, что ты дѣлала? Что съ тобой? Что такое эта болѣзнь и что сказалъ докторъ?

Она смотрѣла на него съ насмѣшливою радостью. Видимо она нашла еще смѣшныя и уродливыя стороны въ мужѣ и ждала времени, чтобъ ихъ высказать.

Но онъ продолжалъ:

— Я догадываюсь, что это не болѣзнь, а твое положеніе. Когда это будетъ?

Насмѣшливый блескъ потухъ въ ея глазахъ, но другая улыбка—знаніе чего-то неизвѣстнаго ему и тихой грусти—замѣнила ея прежнее выраженіе.

— Скоро, скоро. Ты говорилъ, что наше положеніе му-

чительно, что надо развязать его. Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ оно тяжело, что бы я дала за то, чтобы свободно и смѣло любить тебя! Я бы не мучилась и тебя не мучила бы своею ревностью... И это будетъ скоро, но не такъ, какъ мы думаемъ.

И при мысли о томъ, какъ это будетъ, она такъ показалась жалка самой себѣ, что слезы выступили ей на глаза, и она не могла продолжать. Она положила, блестящую подъ лампой кольцами и бѣлизной, руку на его рукавъ.

— Это не будетъ такъ, какъ мы думаемъ. Я не хотѣла тебѣ говорить этого, но ты заставилъ меня. Скоро, скоро все развяжется, и мы всѣ, всѣ успокоимся и не будемъ больше мучиться.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ, понимая ее.

— Ты спрашивалъ, когда?—Скоро. И я не переживу этого. Не перебивай!—И она заторопилась говорить:—Я знаю это, и знаю вѣрно. Я умру, и очень рада, что умру и избавлю себя и васъ.

Слезы потекли у нея изъ глазъ; онъ нагнулся къ ея рукѣ и сталъ цѣловать, стараясь скрыть свое волненіе, которое,— онъ зналъ,—не имѣло никакого основанія, но котораго онъ не могъ преодолѣть.

— Вотъ такъ, вотъ это лучше,—говорила она, пожимая сильнымъ движеніемъ его руку. — Вотъ одно, одно, что намъ осталось.

Онъ опомнился и поднялъ голову.

— Что за вздоръ! Что за безсмысленный вздоръ ты говоришь!

— Нѣтъ, это правда.

— Что, что правда?

— Что я умру. Я видѣла сонъ.

— Сонъ?—повторилъ Вронскій и мгновенно вспомнилъ своего мужика во снѣ.

— Да, сонъ,—сказала она.—Давно ужъ я видѣла этотъ сонъ. Я видѣла, что я вбѣжала въ свою спальню, что мнѣ нужно тамъ взять что-то, узнать что-то: ты знаешь, какъ это бываетъ во снѣ,—говорила она, съ ужасомъ, широко открывая глаза,—и въ спальнѣ, въ углу стоитъ что-то.

— Ахъ, какой вздоръ! Какъ можно вѣрить...

Но она не позволила себя перебить. То, что она говорила, было слишкомъ важно для нея.

— И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужикъ съ взъерошенною бородой, маленькій и страшный. Я хотѣла бѣжать, но онъ нагнулся надъ мѣшкомъ и руками что-то копошится тамъ...

Она представила, какъ онъ копошился въ мѣшкѣ. Ужасъ былъ на ея лицѣ. И Вронскій, вспоминая свой сонъ, чувствовалъ такой же ужасъ, наполнявшій его душу.

— Онъ копошится и приговариваетъ по-французски скоро-скоро и, знаешь, грассируетъ: Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir.. И я отъ страха захотѣла проснуться, проснулась, но я проснулась во снѣ. И стала спрашивать себя, что это значитъ? И Корней мнѣ говоритъ: „родами, родами умрете, родами, матушка“... И я проснулась...

— Какой вздоръ, какой вздоръ!—говорилъ Вронскій, но онъ самъ чувствовалъ, что не было никакой убѣдительности въ его голосѣ.

— Но не будемъ говорить. Позвони, я велю подать чаю. Да подожди, теперь не долго я...

Но вдругъ она остановилась. Выраженіе ея лица мгновенно измѣнилось. Ужасъ и волненіе вдругъ замѣнились

выраженіемъ тихаго, серьёзнаго и блаженнаго вниманія. Онъ не могъ понять значенія этой перемѣны. Она слышала въ себѣ движеніе новой жизни.

IV.

Алексѣй Александровичъ, послѣ встрѣчи у себя на крыльцѣ съ Вронскимъ, поѣхалъ, какъ и намѣренъ былъ, въ итальянскую оперу. Онъ отсидѣлъ тамъ два акта и видѣлъ всѣхъ, кого ему нужно было. Вернувшись домой, онъ внимательно осмотрѣлъ вѣшалку и, замѣтивъ, что военнаго пальто не было, по обыкновенію прошелъ къ себѣ. Но, противно обыкновенію, онъ не легъ спать и проходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету до трехъ часовъ ночи. Чувство гнѣва на жену, не хотѣвшую соблюдать приличій и исполнять единственное постановленное ей условіе — не принимать у себя своего любовника, не давало ему покоя. Она не исполнила его требованія, и онъ долженъ наказать ее и привести въ исполненіе свою угрозу — требовать развода и отнять сына. Онъ зналъ всѣ трудности, связанныя съ этимъ дѣломъ, но онъ сказалъ, что сдѣлаетъ это, и теперь онъ долженъ исполнить угрозу. Графиня Лидія Ивановна намекала ему, что это былъ лучшій выходъ изъ его положенія, и въ послѣднее время практика разводовъ довела это дѣло до такого усовершенствованія, что Алексѣй Александровичъ видѣлъ возможность преодолѣть формальныя трудности. Кромѣ того, бѣда одна не ходитъ, и дѣла объ устройствѣ инородцевъ и объ орошеніи полей Зарайской губерніи навлекли на Алексѣя Александровича такія непріятности по службѣ, что онъ все это послѣднее время находился въ крайнемъ раздраженіи.

Онъ не спалъ всю ночь, и гнѣвъ его, увеличиваясь въ какой-то огромной прогрессіи, дошелъ къ утру до крайнихъ предѣловъ. Онъ поспѣшно одѣлся и, какъ бы неся полную чашу гнѣва и боясь расплескать ее, боясь вмѣстѣ съ гнѣвомъ утратить энергію, нужную ему для объясненія съ женою, вошелъ къ ней, какъ только узналъ, что она встала.

Анна, думавшая, что она такъ хорошо знаетъ своего мужа, была поражена его видомъ, когда онъ вошелъ къ ней. Лобъ его былъ нахмуренъ и глаза мрачно смотрѣли впередъ себя, избѣгая ея взгляда; ротъ былъ твердо и презрительно сжатъ. Въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ звукѣ голоса его были рѣшительность и твердость, какихъ жена никогда не видала въ немъ. Онъ вошелъ въ комнату и, не поздоровавшись съ нею, прямо направился къ ея письменному столу и, взявъ ключи, отворилъ ящикъ.

— Что вамъ нужно?!—вскрикнула она.

— Письма вашего любовника,—сказалъ онъ.

— Ихъ здѣсь нѣтъ,—сказала она, затворя ящикъ; но по этому движенію онъ понялъ, что угадалъ вѣрно, и, грубо оттолкнувъ ея руку, быстро схватилъ портфель, въ которомъ онъ зналъ что она клала самыя нужныя бумаги. Она хотѣла вырвать портфель, но онъ оттолкнулъ ее.

— Сядьте, мнѣ нужно говорить съ вами!—сказалъ онъ, положивъ портфель подъ мышку и такъ напряженно прижавъ его локтемъ, что плечо его поднялось.

Она съ удивленіемъ и робостью молча глядѣла на него.

— Я сказалъ вамъ, что не позволю вамъ принимать вашего любовника у себя.

— Мнѣ нужно было видѣть его, чтобъ...

Она остановилась, не находя никакой выдумки.

— Не вхожу въ подробности о томъ, для чего женщинѣ нужно видѣть любовника.

— Я хотѣла, я только... — вспыхнувъ, сказала она. Эта его грубость раздражила ее и придала ей смѣлости. — Неужели вы не чувствуете, какъ вамъ легко оскорблять меня?— сказала она.

— Оскорблять можно честнаго человѣка и честную женщину, но сказать вору, что онъ воръ, есть только la constatation d'un fait.

— Этой новой черты жестокости я не знала еще въ васъ.

— Вы называете жестокостью то, что мужъ предоставляетъ женѣ свободу, давая ей честный кровъ именно только подъ условіемъ соблюденія приличій. Это жестокость?

— Это хуже жестокости, это—подлость, если уже вы хотите знать!—со взрывомъ злобы вскрикнула Анна и, вставъ, хотѣла уйдти.

— Нѣтъ! -закричалъ онъ своимъ пискливымъ голосомъ, который поднялся теперь еще нотой выше обыкновеннаго, и, схвативъ своими большими пальцами ее за руку такъ сильно, что красные слѣды остались на ней отъ браслета, который онъ прижалъ, насильно посадилъ ее на мѣсто.

— Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость,—это бросить мужа, сына, для любовника, и ѣсть хлѣбъ мужа!

Она нагнула голову. Она не только не сказала того, что она говорила вчера любовнику, что *онъ* ея мужъ, а мужъ лишній, — она и не подумала этого. Она чувствовала всю справедливость его словъ и только сказала тихо:

— Вы не можете описать мое положеніе хуже того, какъ я сама его понимаю; но зачѣмъ вы говорите все это?

— Зачѣмъ я говорю это, зачѣмъ?—продолжалъ отъ такъ же гнѣвно:—чтобы вы знали, что, такъ какъ вы не исполнили моей воли относительно соблюденія приличій, я приму мѣры, чтобы положеніе это кончилось.

— Скоро, скоро оно кончится и такъ,—проговорила она, и опять слезы, при мысли о близкой, теперь желаемой смерти, выступили ей на глаза.

— Оно кончится скорѣе, чѣмъ вы придумали съ своимъ любовникомъ! Вамъ нужно удовлетвореніе животной страсти...

— Алексѣй Александровичъ! Я не говорю, что это невеликодушно, но это не-порядочно—бить лежачаго.

— Да, вы только себя помните! Но страданія человѣка, который былъ вашимъ мужемъ, вамъ не интересны. Вамъ все равно, что вся жизнь его рушилась, что онъ пеле... педе... пелестрадалъ.

Алексѣй Александровичъ говорилъ такъ скоро, что онъ запутался и никакъ не могъ выговорить этого слова. Онъ выговорилъ его подъ конецъ *пелестрадалъ*. Ей стало смѣшно и тотчасъ стыдно за то, что ей могло быть что-нибудь смѣшно въ такую минуту. И въ первый разъ она на мгновеніе почувствовала за него, перенеслась въ него, и ей жалко стало его. Но что жъ она могла сказать или сдѣлать? Она опустила голову и молчала. Онъ тоже помолчалъ нѣсколько времени и заговорилъ потомъ уже менѣе пискливымъ, холоднымъ голосомъ, подчеркивая произвольно избранныя, не имѣющія никакой особенной важности слова.

— Я пришелъ вамъ сказать,—сказалъ онъ...

Она взглянула на него. „Нѣтъ, это мнѣ показалось,—подумала она, вспоминая выраженіе его лица, когда онъ за-

путался на словѣ *пелестрадалъ*,—нѣтъ, развѣ можетъ человѣкъ съ этими мутными глазами, съ этимъ самодовольнымъ спокойствіемъ чувствовать что-нибудь?"

— Я не могу ничего измѣнить,—прошептала она.

— Я пришелъ вамъ сказать, что я завтра уѣзжаю въ Москву и не вернусь болѣе въ этотъ домъ, и вы будете имѣть извѣстіе о моемъ рѣшеніи черезъ адвоката, которому я поручу дѣло развода. Сынъ же мой переѣдетъ къ сестрѣ,— сказалъ Алексѣй Александровичъ, съ усиліемъ вспоминая то, что онъ хотѣлъ сказать о сынѣ.

— Вамъ нуженъ Сережа, чтобы сдѣлать мнѣ больно,— проговорила она, изъ подлобья глядя на него.—Вы не любите его... Оставьте Сережу!

— Да, я потерялъ даже любовь къ сыну, потому что съ нимъ связано мое отвращеніе къ вамъ. Но я все-таки возьму его. Прощайте!

И онъ хотѣлъ уйдти, но теперь она задержала его.

— Алексѣй Александровичъ, оставьте Сережу!—прошептала она еще разъ.—Я болѣе ничего не имѣю сказать. Оставьте Сережу до моихъ... Я скоро рожу, оставьте его!

Алексѣй Александровичъ вспыхнулъ и, вырвавъ у нея руку, вышелъ молча изъ комнаты.

V.

Пріемная комната знаменитаго петербургскаго адвоката была полна, когда Алексѣй Александровичъ вошелъ въ нее. Три дамы: старушка, молодая и купчиха, три господина: одинъ—банкиръ-нѣмецъ, съ перстнемъ на пальцѣ, другой— купецъ съ бородой и третій—сердитый чиновникъ въ вицъмундирѣ съ крестомъ на шеѣ, очевидно давно уже ждали.

Два помощника писали на столахъ, скрипя перьями. Письменныя принадлежности, до которыхъ Алексѣй Александровичъ былъ охотникъ, были необыкновенно хороши. Алексѣй Александровичъ не могъ не замѣтить этого. Одинъ изъ помощниковъ, не вставая, прищурившись, сердито обратился къ Алексѣю Александровичу.

— Что вамъ угодно?

— Я имѣю дѣло до адвоката.

— Адвокатъ занятъ,—строго отвѣчалъ помощникъ, указывая перомъ на дожидавшихся, и продолжалъ писать.

— Не можетъ ли онъ найдти время?—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— У него нѣтъ свободнаго времени, онъ всегда занятъ. Извольте подождать.

— Такъ не потрудитесь ли подать мою карточку,—достойно сказалъ Алексѣй Александровичъ, видя необходимость открыть свое инкогнито.

Помощникъ взялъ карточку и, очевидно не одобряя ея содержанія, прошелъ въ дверь.

Алексѣй Александровичъ сочувствовалъ гласному суду въ принципѣ, но нѣкоторымъ подробностямъ его примѣненія у насъ онъ не вполнѣ сочувствовалъ, по извѣстнымъ ему высшимъ служебнымъ отношеніямъ, и осуждалъ ихъ, насколько онъ могъ осуждать что-либо высочайше утвержденное. Вся жизнь его протекла въ административной дѣятельности, и потому, когда онъ не сочувствовалъ чему-либо, то несочувствіе его было смягчено признаніемъ необходимости ошибокъ и возможности исправленія въ каждомъ дѣлѣ. Въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ онъ не одобрялъ тѣхъ условій, въ которыя была поставлена адвокатура. Но онъ до

сихъ поръ не имѣлъ дѣла до адвокатуры, и потому не одобрялъ ее только теоретически; теперь же неодобреніе его еще усилилось тѣмъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ получилъ въ пріемной адвоката.

— Сейчасъ выйдутъ, — сказалъ помощникъ, и дѣйствительно, черезъ двѣ минуты, въ дверяхъ показалась длинная фигура стараго правовѣда, совѣщавшагося съ адвокатомъ, и самого адвоката.

Адвокатъ былъ маленькій, коренастый, плѣшивый человѣкъ, съ черно-рыжеватою бородой, свѣтлыми длинными бровями и нависшимъ лбомъ. Онъ былъ нарядeнъ, какъ женихъ, отъ галстука и двойной цѣпочки до лаковыхъ ботинокъ. Лицо было умное, мужицкое, а нарядъ франтовской и дурнаго вкуса.

— Пожалуйте,—сказалъ адвокатъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу. И, мрачно пропустивъ мимо себя Каренина, онъ затворилъ дверь. — Не угодно ли? — Онъ указалъ на кресло у письменнаго, уложеннаго бумагами, стола, и самъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто, потирая маленькія руки съ короткими, обросшими бѣлыми волосами, пальцами и склонивъ на бокъ голову. Но только-что онъ успокоился въ своей позѣ, какъ надъ столомъ пролетѣла моль. Адвокатъ съ быстротой, которой нельзя бѣло ожидать отъ него, розналъ руки, поймалъ моль и опять принялъ прежнее положеніе.

— Прежде чѣмъ начать говорить о моемъ дѣлѣ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, удивленно прослѣдивъ глазами за движеніемъ адвоката,—я долженъ замѣтить, что дѣло, о которомъ я имѣю говорить съ вами, должно быть тайной.

Чуть замѣтная улыбка раздвинула рыжеватые нависшіе усы адвоката.

— Я бы не былъ адвокатомъ, еслибы не могъ сохранять тайны, ввѣренныя мнѣ. Но если вамъ угодно подтвержденіе...

Алексѣй Александровичъ взглянулъ на его лицо и увидалъ, что сѣрые умные глаза смѣются и какъ будто все уже знаютъ.

— Вы знаете мою фамилію?—продолжалъ Алексѣй Александровичъ.

— Знаю васъ и вашу полезную,—опять онъ поймалъ моль,—дѣятельность, какъ и всякій русскій,—сказалъ адвокатъ, наклонившись.

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ, сбираясь съ духомъ. Но, разъ рѣшившись, онъ уже продолжалъ своимъ пискливымъ голосомъ, не робѣя, не запинаясь и подчеркивая нѣкоторыя слова:

— Я имѣю несчастіе,—началъ Алексѣй Александровичъ,—быть обманутымъ мужемъ и желаю законно разорвать сношенія съ женою, то есть развестись, но притомъ такъ, чтобы сынъ не оставался съ матерью.

Сѣрые глаза адвоката старались не смѣяться, но они прыгали отъ неудержимой радости, и Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что тутъ была не одна радость человѣка, получающаго выгодный заказъ,—тутъ было торжество и восторгъ, былъ блескъ, похожій на тотъ зловѣщій блескъ, который онъ видалъ въ глазахъ жены.

— Вы желаете моего содѣйствія для совершенія развода?

— Да, именно, но долженъ предупредить васъ, что я рискую злоупотребить вашимъ вниманіемъ. Я пріѣхалъ толь-

ко предварительно посовѣтоваться съ вами. Я желаю развода, но для меня важны формы, при которыхъ онъ возможенъ. Очень можетъ быть, что если формы не совпадутъ съ моими требованіями, я откажусь отъ законнаго исканія.

— О, это всегда такъ,—сказалъ адвокатъ,—и это всегда въ вашей волѣ.

Адвокатъ опустилъ глаза на ноги Алексѣя Александровича, чувствуя, что видомъ своей неудержимой радости можетъ оскорбить кліента. Онъ посмотрѣлъ на моль, пролетавшую передъ его носомъ, и дернулся рукой, но не поймалъ ее, изъ уваженія къ положенію Алексѣя Александровича.

— Хотя въ общихъ чертахъ наши законоположенія объ этомъ предметѣ мнѣ извѣстны,—продолжалъ Алексѣй Александровичъ,—я бы желалъ знать вообще тѣ формы, въ которыхъ на практикѣ совершаются подобнаго рода дѣла.

— Вы желаете,—не поднимая глазъ, отвѣчалъ адвокатъ, не безъ удовольствія входя въ тонъ рѣчи своего кліента,—чтобъ я изложилъ вамъ всѣ пути, по которымъ возможно исполненіе вашего желанія?

И на подтвердительное наклоненіе головы Алексѣя Александровича онъ продолжалъ, изрѣдка только взглядывая мелькомъ на покраснѣвшее пятнами лицо Алексѣя Александровича.

— Разводъ по нашимъ законамъ, — сказалъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ неодобренія къ нашимъ законамъ, — возможенъ, какъ вамъ извѣстно, въ слѣдующихъ случаяхъ... Подождать! — обратился онъ къ высунувшемуся въ дверь помощнику, но все таки всталъ, сказалъ нѣсколько словъ и сѣлъ опять. — Въ слѣдующихъ случаяхъ: физическіе не-

достатки супруговъ, затѣмъ безвѣстная пятилѣтняя отлучка,—сказалъ онъ, загнувъ поросшій волосами короткій палецъ,—затѣмъ прелюбодѣяніе (это слово онъ произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ). Подраздѣленія слѣдующія (онъ продолжалъ загибать свои толстые пальцы, хотя случаи и подраздѣленія, очевидно, не могли быть классифицированы вмѣстѣ):—физическіе недостатки мужа или жены, затѣмъ прелюбодѣяніе мужа или жены. — Такъ какъ всѣ пальцы вышли, онъ ихъ всѣ разогнулъ и продолжалъ:— Это взглядъ теоретическій; но я полагаю, что вы сдѣлали мнѣ честь обратиться ко мнѣ для того, чтобъ узнать практическое приложеніе. И потому, руководствуясь антецедентами, я долженъ доложить вамъ, что случаи разводовъ всѣ приходятъ къ слѣдующимъ: физическихъ недостатковъ нѣтъ, какъ я могу понимать, и также безвѣстнаго отсутствія?...

Алексѣй Александровичъ утвердительно склонилъ голову.

— Приходятъ къ слѣдующимъ: прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ и уличеніе преступной стороны по взаимному соглашенію, и помимо такого соглашенія—уличеніе невольное. Долженъ сказать, что послѣдній случай рѣдко встрѣчается въ практикѣ,—сказалъ адвокатъ и, мелькомъ взглянувъ на Алексѣя Александровича, замолкъ, какъ продавецъ пистолетовъ, описавшій выгоды того и другаго оружія и ожидающій выбора своего покупателя. Но Алексѣй Александровичъ молчалъ, и потому адвокатъ продолжалъ:— Самое обычное и простое, разумное, я считаю, есть прелюбодѣяніе по взаимному соглашенію. Я бы не позволилъ себѣ такъ выразиться, говоря съ человѣкомъ неразвитымъ,— сказалъ адвокатъ,—но полагаю, что для васъ это понятно.

Алексѣй Александровичъ былъ однако такъ разстроенъ, что не сразу понялъ разумность прелюбодѣянія по взаимному соглашенію и выразилъ это недоумѣніе въ своемъ взглядѣ; но адвокатъ тотчасъ же помогъ ему:

— Люди не могутъ болѣе жить вмѣстѣ — вотъ фактъ. И если оба въ этомъ согласны, то подробности и формальности становятся безразличны. А съ тѣмъ вмѣстѣ это есть простѣйшее и вѣрнѣйшее средство.

Алексѣй Александровичъ вполнѣ понялъ теперь. Но у него были религіозныя требованія, которыя мѣшали допущенію этой мѣры.

— Это внѣ вопроса въ настоящемъ случаѣ, — сказалъ онъ.—Тутъ только одинъ случай возможенъ: уличеніе невольное, подтвержденное письмами, которыя я имѣю.

При упоминаніи о письмахъ адвокатъ поджалъ губы и произвелъ тонкій, соболѣзнующій и презрительный звукъ.

— Изволите видѣть, — началъ онъ: — дѣла этого рода рѣшаются, какъ вамъ извѣстно, духовнымъ вѣдомствомъ; отцы же протопопы въ дѣлахъ этого рода большіе охотники до мельчайшихъ подробностей, — сказалъ онъ съ улыбкой, показывающей сочувствіе вкусу протопоповъ.—Письма, безъ сомнѣнія, могутъ подтвердить отчасти, но улики должны быть добыты прямымъ путемъ, то есть свидѣтелями. Вообще же, если вы сдѣлаете мнѣ честь удостоить меня своимъ довѣріемъ, предоставьте мнѣ же выборъ тѣхъ мѣръ, которыя должны быть употреблены. Кто хочетъ результата, тотъ допускаетъ и средства.

— Если такъ...—вдругъ поблѣднѣвъ, началъ Алексѣй Александровичъ; но въ это время адвокатъ всталъ и опять вышелъ къ двери перебивавшему его помощнику.

— Скажите ей, что мы не на дешевыхъ товарахъ!—сказалъ онъ и возвратился къ Алексѣю Александровичу.

Возвращаясь къ мѣсту, онъ поймалъ незамѣтно еще одну моль. „Хорошъ будетъ мой репсъ къ лѣту!“ подумалъ онъ, хмурясь.

— Итакъ, вы изволили говорить...—сказалъ онъ.

— Я сообщу вамъ свое рѣшеніе письменно, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, вставая, и взялся за столъ. Постоявъ немного молча, онъ сказалъ: — Изъ словъ вашихъ я могу заключить, слѣдовательно, что совершеніе развода возможно. Я просилъ бы васъ сообщить мнѣ также, какія ваши условія.

— Возможно все, если вы предоставите мнѣ полную свободу дѣйствій, — не отвѣчая на вопросъ, сказалъ адвокатъ.—Когда я могу расчитывать получить отъ васъ извѣстія? —спросилъ адвокатъ, подвигаясь къ двери и блестя и глазами, и лаковыми сапожками.

— Черезъ недѣлю. Отвѣтъ же вашъ о томъ, принимаете ли вы на себя ходатайство по этому дѣлу и на какихъ условіяхъ, вы будете такъ добры сообщить мнѣ.

— Очень хорошо-съ.

Адвокатъ почтительно поклонился, выпустилъ изъ двери кліента и, оставшись одинъ, отдался своему радостному чувству. Ему стало такъ весело, что онъ, противно своимъ правиламъ, сдѣлалъ уступку торговавшейся барынѣ и пересталъ ловить моль, окончательно рѣшивъ, что къ будущей зимѣ надо перебить мебель бархатомъ, какъ у Сигонина.

VI.

Алексѣй Александровичъ одержалъ блестящую побѣду въ засѣданіи коммиссіи семнадцаго августа, но послѣдствія этой побѣды подрѣзали его. Новая коммиссія для изслѣдованія во всѣхъ отношеніяхъ быта инородцевъ была составлена и отправлена на мѣсто съ необычайною, возбуждаемою Алексѣемъ Александровичемъ, быстротой и энергіей. Черезъ три мѣсяца былъ представленъ отчетъ. Бытъ инородцевъ былъ изслѣдованъ въ политическомъ, административномъ, экономическомъ, этнографическомъ, матеріальномъ и религіозномъ отношеніяхъ. На всѣ вопросы были прекрасно изложены отвѣты, и отвѣты не подлежавшіе сомнѣнію, такъ какъ они не были произведеніемъ всегда подверженной ошибкамъ человѣческой мысли, но всѣ были произведеніемъ служебной дѣятельности. Отвѣты всѣ были результатами оффиціальныхъ данныхъ, донесеній губернаторовъ и архіереевъ, основанныхъ на донесеніяхъ уѣздныхъ начальниковъ и благочинныхъ, основанныхъ, съ своей стороны, на донесеніяхъ волостныхъ правленій и приходскихъ священниковъ; и потому всѣ эти отвѣты были несомнѣнны. Всѣ тѣ вопросы, о томъ напримѣръ, почему бываютъ неурожаи, почему жители держатся своихъ вѣрованій и т. п.,—вопросы, которые безъ удобства служебной машины не разрѣшаются и не могутъ быть разрѣшены вѣками, получили ясное, несомнѣнное разрѣшеніе. И рѣшеніе было въ пользу мнѣнія Алексѣя Александровича. Но Стремовъ, чувствуя себя задѣтымъ за живое въ послѣднемъ засѣданіи, употребилъ при полученіи донесеній коммиссіи неожиданную Алексѣемъ Александрови-

чемъ тактику. Стремовъ, увлекши за собой нѣкоторыхъ другихъ членовъ, вдругъ перешелъ на сторону Алексѣя Александровича и съ жаромъ не только защищалъ приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, предлагаемыхъ Каренинымъ, но и предлагалъ другія крайнія въ томъ же духѣ. Мѣры эти, усиленныя еще противъ того, что было основною мыслью Алексѣя Александровича, были приняты, и тогда обнажилась тактика Стремова. Мѣры эти, доведенныя до крайности, вдругъ оказались такъ глупы, что въ одно и то же время и государственные люди, и общественное мнѣніе, и умныя дамы, и газеты—все обрушилось на эти мѣры, выражая свое негодованіе и противъ самыхъ мѣръ, и противъ ихъ признаннаго отца, Алексѣя Александровича. Стремовъ же отстранился, дѣлая видъ, что онъ только слѣпо слѣдовалъ плану Каренина и теперь самъ удивленъ и возмущенъ тѣмъ, что сдѣлано. Это подрѣзало Алексѣя Александровича. Но, несмотря на падающее здоровье, несмотря на семейныя горести, Алексѣй Александровичъ не сдавался. Въ коммиссіи произошелъ расколъ. Одни члены, со Стремовымъ во главѣ, оправдывали свою ошибку тѣмъ, что они повѣрили ревизіонной, руководимой Алексѣемъ Александровичемъ коммиссіи, представившей донесеніе, и говорили, что донесеніе этой коммиссіи есть вздоръ и только исписанная бумага. Алексѣй Александровичъ съ партіей людей, видѣвшихъ опасность такого революціоннаго отношенія къ бумагамъ, продолжалъ поддерживать данныя, выработанныя ревизіонною коммиссіей. Вслѣдствіе этого въ высшихъ сферахъ и даже въ обществѣ все спуталось, и несмотря на то, что всѣхъ это крайне интересовало, никто не могъ понять, дѣйствительно ли бѣдствуютъ и погибаютъ ино-

родцы, или процвѣтаютъ. Положеніе Алексѣя Александровича, вслѣдствіе этого и отчасти вслѣдстіе павшаго на него презрѣнія за невѣрность его жены, стало весьма шатко. И въ этомъ положеніи Алексѣй Александровичъ принялъ важное рѣшеніе. Онъ, къ удивленію коммиссіи, объявилъ, что онъ будетъ просить разрѣшенія самому ѣхать на мѣсто для изслѣдованія дѣла. И, испросивъ разрѣшеніе, Алексѣй Александровичъ отправился въ дальнія губерніи.

Отъѣздъ Алексѣя Александровича надѣлалъ много шума, тѣмъ болѣе, что онъ при самомъ отъѣздѣ оффиціально возвратилъ при бумагѣ прогонныя деньги, выданныя ему на двѣнадцать лошадей для проѣзда до мѣста назначенія.

— Я нахожу, что это очень благородно,—говорила про это Бетси съ княгиней Мягкою:—зачѣмъ выдавать на почтовыхъ лошадей, когда всѣ знаютъ, что вездѣ теперь желѣзныя дороги?

Но княгиня Мягкая была несогласна и мнѣніе княгини Тверской даже раздражило ее.

— Вамъ хорошо говорить,—сказала она,—когда у васъ милліоны я не знаю какіе, а я очень люблю, когда мужъ ѣздитъ ревизовать лѣтомъ. Ему очень здорово и пріятно проѣхаться, а у меня ужъ такъ заведено, что на эти деньги у меня экипажъ и извощикъ содержатся.

Проѣздомъ въ дальнія губерніи Алексѣй Александровичъ остановился на три дня въ Москвѣ.

На другой день своего пріѣзда онъ поѣхалъ съ визитомъ къ генералъ-губернатору. На перекресткѣ у Газетнаго переулка, гдѣ всегда толпятся экипажи и извощики, Алексѣй Александровичъ вдругъ услыхалъ свое имя, выкрикиваемое такимъ громкимъ и веселымъ голосомъ, что

онъ не могъ не оглянуться. На углу тротуара, въ короткомъ модномъ пальто, съ короткою модною шляпой на бекрень, сіяя улыбкой бѣлыхъ зубовъ между красными губами, веселый, молодой, сіяющій, стоялъ Степанъ Аркадьевичъ, рѣшительно и настоятельно кричавшій и требовавшій остановки. Онъ держался одною рукой за окно остановившейся на углу кареты, изъ которой высовывались женская голова въ бархатной шляпѣ и двѣ дѣтскія головки, и улыбался, и манилъ рукой зятя. Дама улыбалась доброю улыбкой и тоже махала рукой Алексѣю Александровичу. Это была Долли съ дѣтьми.

Алексѣй Александровичъ никого не хотѣлъ видѣть въ Москвѣ, а менѣе всего брата своей жены. Онъ приподнялъ шляпу и хотѣлъ проѣхать, но Степанъ Аркадьевичъ велѣлъ его кучеру остановиться и подбѣжалъ къ нему черезъ снѣгъ.

— Ну, какъ не грѣхъ не прислать сказать! Давно ли? А я вчера былъ у Дюссо и вижу на доскѣ „Каренинъ", а мнѣ и въ голову не пришло, что это ты!—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, всовываясь съ головой въ окно кареты.—А то я бы зашелъ. Какъ я радъ тебя видѣть!—говорилъ онъ, похлопывая ногу объ ногу, чтобы отряхнуть съ нихъ снѣгъ.—Какъ не грѣхъ не дать знать!—повторилъ онъ.

— Мнѣ некогда было, я очень занятъ,—сухо отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ.

— Пойдемъ же къ женѣ, она такъ хочетъ тебя видѣть.

Алексѣй Александровичъ развернулъ пледъ, подъ которымъ были закутаны его зябкія ноги, и, выйдя изъ кареты, пробрался черезъ снѣгъ къ Дарьѣ Александровнѣ.

— Что же это, Алексѣй Александровичъ, за что вы насъ такъ обходите?—сказала Долли улыбаясь.

— Я очень занятъ былъ. Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ онъ тономъ, который ясно говорилъ, что онъ огорченъ этимъ.—Какъ ваше здоровье?

— Ну, что моя милая Анна?

Алексѣй Александровичъ промычалъ что-то и хотѣлъ уйдти. Но Степанъ Аркадьевичъ остановилъ его.

— А вотъ что мы сдѣлаемъ завтра. Долли, зови его обѣдать! Позовемъ Кознышева и Песцова, чтобъ его угостить московскою интеллигенціей.

— Такъ пожалуйста пріѣзжайте, — сказала Долли:—мы васъ будемъ ждать въ пять, шесть часовъ, если хотите. Ну что моя милая Анна? Какъ давно...

— Она здорова,—хмурясь промычалъ Алексѣй Александровичъ.—Очень радъ!—и онъ направился къ своей каретѣ.

— Будете?—прокричала Долли.

Алексѣй Александровичъ проговорилъ что-то, чего Долли не могла разслышать въ шумѣ двигавшихся экипажей.

— Я завтра заѣду!—прокричалъ ему Степанъ Аркадьевичъ.

Алексѣй Александровичъ сѣлъ въ карету и углубился въ нее такъ, чтобы не видать и не быть видимымъ.

— Чудакъ!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ женѣ и, взглянувъ на часы, сдѣлалъ передъ лицомъ движеніе рукой, означающее ласку женѣ и дѣтямъ, и молодецки пошелъ по тротуару.

— Стива, Стива!—закричала Долли покраснѣвъ.

Онъ обернулся.

— Мнѣ вѣдь нужно пальто Гришѣ купить и Танѣ. Дай же мнѣ денегъ!

— Ничего, ты скажи, что я отдамъ!—и онъ скрылся, весело кивнувъ головой проѣзжавшему знакомому.

VII.

На другой день было воскресенье. Степанъ Аркадьевичъ заѣхалъ въ Большой театръ на репетицію балета и передалъ Машѣ Чибисовой, хорошенькой, вновь поступившей по его протекціи танцовщицѣ, обѣщанные наканунѣ коральки, и за кулисой, въ денной темнотѣ театра, успѣлъ поцѣловать ея хорошенькое, просіявшее отъ подарка личико. Кромѣ подарка кораллковъ, ему нужно было условиться съ ней о свиданіи послѣ балета Объяснивъ ей, что ему нельзя быть къ началу балета, онъ обѣщался, что пріѣдетъ къ послѣднему акту и свезетъ ее ужинать. Изъ театра Степанъ Аркадьевичъ заѣхалъ въ Охотный рядъ, самъ выбралъ рыбу и спаржу къ обѣду, и въ 12 часовъ былъ уже у Дюссо, гдѣ ему нужно было быть у троихъ, какъ на его счастіе, стоявшихъ въ одной гостиницѣ: у Левина, остановившагося тутъ и недавно пріѣхавшаго изъ-за границы,—у новаго своего начальника, только-что поступившаго на это высшее мѣсто и ревизовавшаго Москву,—и у зятя Каренина, чтобы его непремѣнно привезти обѣдать.

Степанъ Аркадьевичъ любилъ пообѣдать, но еще болѣе любилъ дать обѣдъ,—небольшой, но утонченный и по ѣдѣ и питью, и по выбору гостей. Программа нынѣшняго обѣда ему очень понравилась: будутъ окуни живые, и спаржа, и la pièce de résistance—чудесный, но простой ростбивъ, и сообразныя вина: это изъ ѣды и питья. А изъ гостей будутъ Кити и Левинъ, и, чтобы незамѣтно это было, будетъ еще кузина и Щербацкій молодой, и la pièce de résistance изъ гостей—Кознышевъ Сергѣй и Алексѣй Александровичъ. Сергѣй Ивановичъ—москвичъ и философъ, Алексѣй Але-

ксандровичъ — петербуржецъ и практикъ, да позоветъ еще извѣстнаго чудака энтузіаста Песцова—либерала, говоруна, музыканта, историка и милѣйшаго пятидесятилѣтняго юношу, который будетъ соусъ или гарниръ къ Кознышеву и Каренину. Онъ будетъ раззадоривать и стравливать ихъ.

Деньги отъ купца за лѣсъ по второму сроку были получены и еще не издержаны, Долли была очень мила и добра послѣднее время, и мысль этого обѣда во всѣхъ отношеніяхъ радовала Степана Аркадьевича. Онъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Были два обстоятельства немножко непріятныя; но оба эти обстоятельства тонули въ морѣ добродушнаго веселья, которое волновалось въ душѣ Степана Аркадьевича. Эти два обстоятельства были: первое—то, что вчера онъ, встрѣтивъ на улицѣ Алексѣя Александровича, замѣтилъ, что онъ сухъ и строгъ съ нимъ, и сведя это выраженіе лица Алексѣя Александровича и то, что онъ не пріѣхалъ къ нимъ и не далъ знать о себѣ, съ тѣми толками, которые онъ слышалъ объ Аннѣ и Вронскомъ, Степанъ Аркадьевичъ догадался, что что-то не ладно между мужемъ и женою.

Это было одно непріятное. Другое немножко непріятное было то, что новый начальникъ, какъ всѣ новые начальники, имѣлъ ужъ репутацію страшнаго человѣка, встающаго въ 6 часовъ утра, работающаго какъ лошадь и требующаго такой же работы отъ своихъ подчиненныхъ. Кромѣ того, новый начальникъ этотъ еще имѣлъ репутацію медвѣдя въ обращеніи и былъ, по слухамъ, человѣкъ совершенно противоположнаго направленія тому, къ которому принадлежалъ прежній начальникъ и до сихъ поръ принадлежалъ самъ Степанъ Аркадьевичъ. Вчера Степанъ Ар-

кадьевичъ являлся по службѣ въ мундирѣ, и новый начальникъ былъ очень любезенъ и разговорился съ Облонскимъ какъ съ знакомымъ; поэтому Степанъ Аркадьевичъ считалъ своею обязанностью сдѣлать ему визитъ въ сюртукѣ. Мысль о томъ, что новый начальникъ можетъ нехорошо принять его, было это другое непріятное обстоятельство. Но Степанъ Аркадьевичъ инстинктивно чувствовалъ, что все *образуется* прекрасно. „Всѣ люди, всѣ человѣки, какъ и мы грѣшные: изъ чего злиться и ссориться?“ думалъ онъ, входя въ гостиницу.

— Здорово, Василій, — говорилъ онъ, въ шляпѣ на бекрень проходя по корридору и обращаясь къ знакомому лакею,—ты бакенбарды отпустилъ? Левинъ — 7-й нумеръ, а? Проводи пожалуйста. Да узнай, графъ Аничкинъ (это былъ новый начальникъ) приметъ ли?

— Слушаю-съ,—улыбаясь отвѣчалъ Василій.— Давно къ намъ не жаловали.

— Я вчера былъ, только съ другаго подъѣзда. Это 7-й?

Левинъ стоялъ съ тверскимъ мужикомъ по срединѣ номера и аршиномъ мѣрилъ свѣжую медвѣжью шкуру, когда вошелъ Степанъ Аркадьевичъ.

— А, убили?—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ.—Славная штука! Медвѣдица? Здравствуй, Архипъ!

Онъ пожалъ руку мужику и присѣлъ на стулъ, не снимая пальто и шляпы.

— Да сними же, посиди! — снимая съ него шляпу, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, мнѣ некогда, я только на одну секундочку, — отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ. Онъ распахнулъ пальто, но потомъ снялъ его и просидѣлъ цѣлый часъ, разговаривая

съ Левинымъ объ охотѣ и самыхъ задушевныхъ предметахъ.

— Ну, скажи же пожалуйста, что ты дѣлалъ за границей, гдѣ былъ? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, когда мужикъ вышелъ.

— Да я жилъ въ Германіи, въ Пруссіи, во Франціи, въ Англіи, но не въ столицахъ, а въ фабричныхъ городахъ, и много видѣлъ новаго. И радъ, что былъ.

— Да, я знаю твою мысль устройства рабочаго.

— Совсѣмъ нѣтъ: въ Россіи не можетъ быть вопроса рабочаго. Въ Россіи вопросъ отношенія рабочаго народа къ землѣ; онъ и тамъ есть, но тамъ это — починка испорченнаго, а у насъ...

Степанъ Аркадьевичъ внимательно слушалъ Левина.

— Да, да!—говорилъ онъ.—Очень можетъ быть, что ты правъ,—сказалъ онъ.—Но я радъ, что ты въ бодромъ духѣ: и за медвѣдями ѣздишь, и работаешь, и увлекаешься. А то мнѣ Щербацкій говорилъ,—онъ тебя встрѣтилъ,—что ты въ какомъ-то уныніи, все о смерти говоришь...

— Да что же?—я не перестаю думать о смерти, — сказалъ Левинъ. Правда, что умирать пора. И что все это вздоръ. Я по правдѣ тебѣ скажу: я мыслью своею и работой ужасно дорожу, но въ сущности... ты подумай объ этомъ: вѣдь весь этотъ міръ нашъ—это маленькая плѣсень, которая наросла на крошечной планетѣ. А мы думаемъ, что у насъ можетъ быть что нибудь великое,—мысли, дѣла! Все это песчинки.

— Да это, братъ, старо̀, какъ міръ!

— Старо̀... Но знаешь, когда это поймешь ясно, то какъ то все дѣлается ничтожно. Когда поймешь, что нынче-завтра

умрешь и ничего не останется, то такъ все ничтожно! И я считаю очень важною свою мысль, а она оказывается такъ же ничтожною,—еслибы даже исполнить ее,—какъ обойдти эту медвѣдицу. Такъ и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой, чтобы только не думать о смерти.

Степанъ Аркадьевичъ тонко и ласково улыбался, слушая Левина.

— Ну, разумѣется! Вотъ ты и пришелъ ко мнѣ: помнишь, ты нападалъ на меня за то, что я ищу въ жизни наслажденій?

— Не будь, о моралистъ, такъ строгъ!...

— Нѣтъ, все-таки въ жизни хорошее есть то...—Левинъ запутался.—Да я не знаю. Знаю только, что помремъ скоро.

— Зачѣмъ же скоро?

— И знаешь, прелести въ жизни меньше, когда думаешь о смерти, но спокойнѣе.

— Напротивъ, на-послѣдяхъ еще веселѣй.

— Ну, однако, мнѣ пора!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вставая десятый разъ.

— Да нѣтъ, посиди!—говорилъ Левинъ, удерживая его.— Теперь когда же увидимся? Я завтра ѣду.

— Я то хорошъ! Я за тѣмъ пріѣхалъ... Непремѣнно пріѣзжай нынче ко мнѣ обѣдать. Братъ твой будетъ. Каренинъ, мой зять, будетъ.

— Развѣ онъ здѣсь? — сказалъ Левинъ и хотѣлъ спросить про Кити. Онъ слышалъ, что она была въ началѣ зимы въ Петербургѣ у своей сестры, жены дипломата, и не зналъ, вернулась ли она или нѣтъ, но раздумалъ расспрашивать. „Будетъ, не будетъ – все равно“.

— Такъ пріѣдешь?

— Ну, разумѣется.

— Такъ въ пять часовъ и въ сюртукѣ.

И Степанъ Аркадьевичъ всталъ и пошелъ внизъ къ новому начальнику. Инстинктъ не обманулъ Степана Аркадьевича. Новый страшный начальникъ оказался весьма обходительнымъ человѣкомъ, и Степанъ Аркадьевичъ позавтракалъ съ нимъ и засидѣлся такъ, что только въ четвертомъ часу попалъ къ Алексѣю Александровичу.

VIII.

Алексѣй Александровичъ, вернувшись отъ обѣдни, проводилъ все утро дома. Въ это утро ему предстояло два дѣла: вопервыхъ, принять и направить отправлявшуюся въ Петербургъ и находившуюся теперь въ Москвѣ депутацію инородцевъ; вовторыхъ, написать обѣщанное письмо адвокату. Депутація, хотя и вызванная по инпціативѣ Алексѣя Александровича, представляла много неудобствъ и даже опасностей, и Алексѣй Александровичъ былъ очень радъ, что засталъ ее въ Москвѣ. Члены этой депутаціи не имѣли ни малѣйшаго понятія о своей роли и обязанности. Они были наивно увѣрены, что ихъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ излагать свои нужды и настоящее положеніе вещей, прося помощи правительства, и рѣшительно не понимали, что нѣкоторыя заявленія и требованія ихъ поддерживали враждебную партію и потому губили все дѣло. Алексѣй Александровичъ долго возился съ ними, написалъ имъ программу, изъ которой они не должны были выходить, и, отпустивъ ихъ, написалъ письма въ Петербургъ для направленія депутаціи. Главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ должна была быть графиня Лидія Ивановна. Она была спе-

ціалистка въ дѣлѣ депутацій, и никто, какъ она, не умѣлъ муссировать и давать настоящее направленіе депутаціямъ. Окончивъ это, Алексѣй Александровичъ написалъ и письмо адвокату. Онъ безъ малѣйшаго колебанія далъ ему разрѣшеніе дѣйствовать по его благоусмотрѣнію. Въ письмо онъ вложилъ три записки Вронскаго къ Аннѣ, которыя нашлись въ отнятомъ портфелѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Алексѣй Александровичъ выѣхалъ изъ дома съ намѣреніемъ не возвращаться въ семью, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ у адвоката и сказалъ хоть одному человѣку о своемъ намѣреніи, съ тѣхъ поръ особенно, какъ онъ перевелъ это дѣло жизни въ дѣло бумажное, онъ все больше и больше привыкалъ къ своему намѣренію и видѣлъ теперь ясно возможность его исполненія.

Онъ запечатывалъ конвертъ къ адвокату, когда услыхалъ громкіе звуки голоса Степана Аркадьевича. Степанъ Аркадьевичъ спорилъ со слугой Алексѣя Александровича и настаивалъ на томъ, чтобъ о немъ было доложено.

„Все равно,—подумалъ Алексѣй Александровичъ,—тѣмъ лучше: я сейчасъ объявлю о своемъ положеніи въ отношеніи къ его сестрѣ и объясню, почему я не могу обѣдать у него“.

— Проси! — громко проговорилъ онъ, сбирая бумаги и укладывая ихъ въ бюваръ.

— Ну, вотъ видишь ли, что ты врешь, и онъ дома!—отвѣтилъ голосъ Степана Аркадьевича лакею, не пускавшему его, и, на ходу снимая пальто, Облонскій вошелъ въ комнату. — Ну, я очень радъ, что засталъ тебя! Такъ я надѣюсь...—весело началъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Я не могу быть, — холодно, стоя и не сажая гостя, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

Алексѣй Александровичъ думалъ тотчасъ стать въ тѣ холодныя отношенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть съ братомъ жены, противъ которой онъ начиналъ дѣло развода; но онъ не расчитывалъ на то море добродушія, которое выливалось изъ береговъ въ душѣ Степана Аркадьевича.

Степанъ Аркадьевичъ широко открылъ свои блестящіе ясные глаза.

— Отчего ты не можешь? Что ты хочешь сказать? — съ недоумѣніемъ сказалъ онъ по французски. — Нѣтъ, ужъ это обѣщано. И мы всѣ расчитываемъ на тебя.

— Я хочу сказать, что не могу быть у васъ потому, что тѣ родственныя отношенія, которыя были между нами, должны прекратиться.

— Какъ? То есть какъ же? Почему? — съ улыбкой проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Потому что я начинаю дѣло развода съ вашею сестрой, моей женой. Я долженъ былъ...

Но Алексѣй Александровичъ еще не успѣлъ окончить своей рѣчи, какъ Степанъ Аркадьевичъ уже поступилъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. Степанъ Аркадьевичъ охнулъ и сѣлъ въ кресло.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, что̀ ты говоришь! — вскрикнулъ Облонскій, и страданіе выразилось на его лицѣ.

— Это такъ.

— Извини меня, я не могу и не могу этому вѣрить...

Алексѣй Александровичъ сѣлъ, чувствуя, что слова его не имѣли того дѣйствія, которое онъ ожидалъ, и что ему необходимо нужно будетъ объясниться, и что, какія бы ни были его объясненія, отношенія его къ шурину останутся тѣ же.

— Да, я поставленъ въ тяжелую необходимость требовать развода,—сказалъ онъ.

— Я одно скажу, Алексѣй Александровичъ. Я знаю тебя за отличнаго, справедливаго человѣка, знаю Анну,—извини меня, я не могу перемѣнить о ней мнѣнія,—за прекрасную, отличную женщину, и потому, извини меня, я не могу вѣрить этому. Тутъ есть недоразумѣніе,—сказалъ онъ.

— Да, еслибъ это было только недоразумѣніе...

— Позволь, я понимаю, — перебилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Но, разумѣется... Одно: не надо торопиться. Не надо, не надо торопиться!

— Я не торопился,—холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ,—а совѣтоваться въ такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ нельзя. Я твердо рѣшилъ.

— Это ужасно! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, тяжело вздохнувъ.—Я бы одно сдѣлалъ, Алексѣй Александровичъ. Умоляю тебя, сдѣлай это!—сказалъ онъ.—Дѣло еще не начато, какъ я понялъ. Прежде, чѣмъ ты начнешь дѣло, повидайся съ моею женой, поговори съ ней. Она любитъ Анну какъ сестру, любитъ тебя, и она удивительная женщина. Ради Бога, поговори съ ней! Сдѣлай мнѣ эту дружбу, я умоляю тебя.

Алексѣй Александровичъ задумался, и Степанъ Аркадьевичъ съ участіемъ смотрѣлъ на него, не прерывая его молчанія.

— Ты съѣздишь къ ней?

— Да я не знаю. Я потому не былъ у васъ. Я полагаю, что наши отношенія должны измѣниться.

— Отчего же? Я не вижу этого. Позволь мнѣ думать, что, помимо нашихъ родственныхъ отношеній, ты имѣешь

ко мнѣ, хотя отчасти, тѣ дружескія чувства, которыя я всегда имѣлъ къ тебѣ... И истинное уваженіе, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, пожимая его руку. — Еслибъ даже худшія предположенія твои были справедливы, я не беру и никогда не возьму на себя судить ту или другую сторону, и не вижу причины, почему наши отношенія должны измѣниться. Но теперь, сдѣлай это, пріѣзжай къ женѣ.

— Ну, мы разно смотримъ на это дѣло,—холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ. — Впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, почему же тебѣ не пріѣхать? Хоть нынче обѣдать? Жена ждетъ тебя. Пожалуйста, пріѣзжай. И главное, переговори съ ней. Она удивительная женщина. Ради Бога, на колѣняхъ умоляю тебя!

— Если вы такъ хотите этого, я пріѣду,—вздохнувъ сказалъ Алексѣй Александровичъ.

И, желая перемѣнить разговоръ, онъ спросилъ о томъ, что интересовало ихъ обоихъ, — о новомъ начальникѣ Степана Аркадьевича, еще не старомъ человѣкѣ, получившемъ вдругъ такое высокое назначеніе.

Алексѣй Александровичъ и прежде не любилъ графа Аничкина и всегда расходился съ нимъ во мнѣніяхъ, но теперь не могъ удержаться отъ понятной для служащихъ ненависти человѣка, потерпѣвшаго пораженіе на службѣ, къ человѣку, получившему повышеніе.

— Ну что, видѣлъ ты его? — сказалъ Алексѣй Александровичъ съ ядовитой усмѣшкой.

— Какже, онъ вчера былъ у насъ въ присутствіи. Онъ, кажется, знаетъ дѣло отлично и очень дѣятеленъ.

— Да, но на что направлена его дѣятельность? — сказалъ

Алексѣй Александровичъ. — На то ли, чтобы дѣлать дѣло, или передѣлывать то, что сдѣлано? Несчастіе нашего государства — это бумажная администрація, которой онъ достойный представитель.

— Право, я не знаю, что въ немъ можно осуждать. Направленія его я не знаю, но одно—онъ отличный малый,— отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Я сейчасъ былъ у него, и право, отличный малый. Мы позавтракали, и я его научилъ дѣлать, знаешь, это питье, вино съ апельсинами. Это очень прохлаждаетъ. И удивительно, что онъ не зналъ этого. Ему очень понравилось. Нѣтъ, право, онъ славный малый.

Степанъ Аркадьевичъ взглянулъ на часы.

— Ахъ, батюшки, ужъ пятый, а мнѣ еще къ Долговушину! Такъ, пожалуйста, пріѣзжай обѣдать. Ты не можешь себѣ представить, какъ ты меня огорчишь и жену.

Алексѣй Александровичъ проводилъ шурина совсѣмъ уже не такъ, какъ онъ его встрѣтилъ.

— Я обѣщалъ и пріѣду,—отвѣчалъ онъ уныло.

— Повѣрь, что я цѣню, и надѣюсь, ты не раскаешься,— отвѣчалъ, улыбаясь, Степанъ Аркадьевичъ.

И, на ходу надѣвая пальто, онъ задѣлъ рукой по головѣ лакея, засмѣялся и вышелъ.

— Въ пять часовъ, и въ сюртукѣ пожалуйста! — крикнулъ онъ еще разъ, возвращаясь къ двери.

IX.

Уже былъ шестой часъ, и уже нѣкоторые гости пріѣхали, когда пріѣхалъ и самъ хозяинъ. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ и Песцовымъ, которые въ одно время столкнулись у подъѣзда. Это были

два главные представители московской интеллигенціи, какъ называлъ ихъ Облонскій. Оба были люди уважаемые и по характеру и по уму. Они уважали другъ друга, но почти во всемъ были совершенно и безнадежно несогласны между собою—не потому, чтобъ они принадлежали къ противоположнымъ направленіямъ, но именно потому, что были одного лагеря (враги ихъ смѣшивали въ одно), но въ этомъ лагерѣ они имѣли каждый свой оттѣнокъ. А такъ какъ нѣтъ ничего неспособнѣе къ соглашенію какъ разномысліе въ полуотвлеченностяхъ, то они не только никогда не сходились во мнѣніяхъ, но привыкли уже давно, не сердясь, только посмѣиваться неисправимому заблужденію одинъ другаго.

Они входили въ дверь, разговаривая о погодѣ, когда Степанъ Аркадьевичъ догналъ ихъ. Въ гостиной сидѣли уже князь Александръ Дмитріевичъ Облонскій, молодой Щербацкій, Туровцынъ, Кити и Каренинъ.

Степанъ Аркадьевичъ тотчасъ же увидалъ, что въ гостиной безъ него дѣло идетъ плохо. Дарья Александровна, въ своемъ парадномъ сѣромъ шелковомъ платьѣ, очевидно озабоченная и дѣтьми, которыя должны обѣдать въ дѣтской одни, и тѣмъ, что мужа еще нѣтъ, не съумѣла безъ него хорошенько перемѣшать все это общество. Всѣ сидѣли, какъ поповны въ гостяхъ (какъ выражался старый князь), очевидно въ недоумѣніи, зачѣмъ они сюда попали, выжимая слова, чтобы не молчать. Добродушный Туровцынъ очевидно чувствовалъ себя не въ своей сферѣ, и улыбка толстыхъ губъ, съ которою онъ встрѣтилъ Степана Аркадьевича, какъ словами говорила: „Ну, братъ, засадилъ ты меня съ умными! Вотъ выпить и въ Château des fleurs — это по моей части“. Старый князь сидѣлъ молча, съ боку

поглядывая своими блестящими глазками на Каренина, и Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что онъ придумалъ уже какое-нибудь словцо, чтобъ отпечатать этого государственнаго мужа, на котораго, какъ на стерлядь, зовутъ въ гости. Кити смотрѣла на дверь, сбираясь съ силами, чтобы не покраснѣть при входѣ Константина Левина. Молодой Щербацкій, съ которымъ не познакомили Каренина, старался показать, что это нисколько его не стѣсняетъ. Самъ Каренинъ былъ, по петербургской привычкѣ на обѣдѣ съ дамами, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, и Степанъ Аркадьевичъ по его лицу понялъ, что онъ пріѣхалъ только чтобъ исполнить данное слово, и, присутствуя въ этомъ обществѣ, совершалъ тяжелый долгъ. Онъ-то былъ главнымъ виновникомъ холода, заморозившаго всѣхъ гостей до пріѣзда Степана Аркадьевича.

Войдя въ гостиную, Степанъ Аркадьевичъ извинился, объяснивъ, что былъ задержанъ тѣмъ княземъ, который былъ всегдашнимъ козломъ-искупителемъ всѣхъ его опаздываній и отлучекъ, и въ одну минуту всѣхъ перезнакомилъ и, сведя Алексѣя Александровича съ Сергѣемъ Кознышевымъ, подпустилъ имъ тему объ обрусеніи Польши, за которую они тотчасъ уцѣпились вмѣстѣ съ Песцовымъ. Потрепавъ по плечу Туровцына, онъ шепнулъ ему что-то смѣшное и подсадилъ его къ женѣ и къ князю. Потомъ сказалъ Кити о томъ, что она очень хороша сегодня, и познакомилъ Щербацкаго съ Каренинымъ. Въ одну минуту онъ такъ перемѣсилъ все это общественное тѣсто, что стала гостиная хоть куда, и голоса оживленно зазвучали. Одного Константина Левина не было. Но это было къ лучшему, потому что, выйдя въ столовую, Степанъ Аркадьевичъ къ

ужасу своему увидалъ, что портвейнъ и хересъ взяты отъ Депре, а не отъ Леве, и онъ, распорядившись послать кучера какъ можно скорѣе къ Леве, направился опять въ гостиную.

Въ столовой ему встрѣтился Константинъ Левинъ.

— Я не опоздалъ?

— Развѣ ты можешь не опоздать!—взявъ его подъ руку, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— У тебя много народа? Кто-да-кто?—невольно краснѣя, спросилъ Левинъ, обивая перчаткой снѣгъ съ шапки.

— Все свои. Кити тутъ. Пойдемъ же, я тебя познакомлю съ Каренинымъ.

Степанъ Аркадьевичъ, несмотря на свою либеральность, зналъ, что знакомство съ Каренинымъ не можетъ не быть лестно, и потому угощалъ этимъ лучшихъ пріятелей. Но въ эту минуту Константинъ Левинъ не въ состояніи былъ чувствовать всего удовольствія этого знакомства. Онъ не видалъ Кити послѣ памятнаго ему вечера, на которомъ онъ встрѣтилъ Вронскаго, если не считать ту минуту, когда онъ увидалъ ее на большой дорогѣ. Онъ въ глубинѣ души зналъ, что онъ ее увидитъ нынче здѣсь. Но онъ, поддерживая въ себѣ свободу мысли, старался увѣрить себя, что онъ не знаетъ этого. Теперь же, когда онъ услыхалъ, что она тутъ, онъ вдругъ почувствовалъ такую радость и вмѣстѣ такой страхъ, что ему захватило дыханіе, и онъ не могъ выговорить того, что хотѣлъ сказать.

„Какая, какая она? Та ли, какая была прежде, или та, какая была въ каретѣ? Что, если правду говорила Дарья Александровна? Отчего же и не правда?“ думалъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста познакомь меня съ Каренинымъ!—съ

трудомъ выговорилъ онъ, и отчаянно-рѣшительнымъ шагомъ вошелъ въ гостиную и увидѣлъ ее.

Она была ни такая, какъ прежде, ни такая, какъ была въ каретѣ; она была совсѣмъ другая.

Она была испуганная, робкая, пристыженная и оттого еще болѣе прелестная. Она увидала его въ то же мгновеніе, какъ онъ вошелъ въ комнату. Она ждала его. Она обрадовалась и смутилась отъ своей радости до такой степени, что была минута, именно та, когда онъ подходилъ къ хозяйкѣ и опять взглянулъ на нее, что и ей, и ему, и Долли, которая все видѣла, казалось, что она не выдержитъ и заплачетъ. Она покраснѣла, поблѣднѣла, опять покраснѣла и замерла, чуть вздрагивая губами, ожидая его. Онъ подошелъ къ ней, поклонился и молча протянулъ руку. Еслибы не легкое дрожаніе губъ и влажность, покрывавшая глаза и прибавившая имъ блеска, улыбка ея была бы почти спокойна, когда она сказала:

— Какъ мы давно не видались!—и она съ отчаянною рѣшительностью пожала своею холодною рукой его руку.

— Вы не видали меня, а я видѣлъ васъ,—сказалъ Левинъ, сіяя улыбкой счастія.—Я видѣлъ васъ, когда вы съ желѣзной дороги ѣхали въ Ергушово.

— Когда?—спросила она съ удивленіемъ.

— Вы ѣхали въ Ергушово,—говорилъ Левинъ, чувствуя, что онъ захлебывается отъ счастія, которое заливаетъ его душу. „И какъ я смѣлъ соединять мысль о чемъ-нибудь не невинномъ съ этимъ трогательнымъ существомъ! И да, кажется, правда то, что говорила Дарья Александровна", думалъ онъ.

Степанъ Аркадьевичъ взялъ его за руку и подвелъ къ Каренину.

— Позвольте васъ познакомить.—Онъ назвалъ ихъ имена.

— Очень пріятно опять встрѣтиться,—холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ, пожимая руку Левину.

— Вы знакомы?—съ удивленіемъ спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Мы провели вмѣстѣ три часа въ вагонѣ,—улыбаясь сказалъ Левинъ,—но вышли, какъ изъ маскарада, заинтригованные,—я, по крайней мѣрѣ.

— Вотъ какъ! Милости просимъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, указывая по направленію къ столовой.

Мужчины вышли въ столовую и подошли къ столу съ закуской, уставленному шестью сортами водокъ и столькими же сортами сыровъ съ серебряными лопаточками и безъ лопаточекъ, икрами, селедками, консервами разныхъ сортовъ и тарелками съ ломтиками французскаго хлѣба.

Мужчины стояли около пахучихъ водокъ и закусокъ, и разговоръ объ обрусеніи Польши между Сергѣемъ Иванычемъ Кознышевымъ, Каренинымъ и Песцовымъ затихалъ въ ожиданіи обѣда.

Сергѣй Ивановичъ, умѣвшій, какъ никто, для окончанія самаго отвлеченнаго и серьёзнаго спора неожиданно подсыпать аттической соли и этимъ измѣнять настроеніе собесѣдниковъ, сдѣлалъ это и теперь.

Алексѣй Александровичъ доказывалъ, что обрусеніе Польши можетъ совершиться только вслѣдствіе высшихъ принциповъ, которые должны быть внесены русскою администраціей.

Песцовъ настаивалъ на томъ, что одинъ народъ ассимилируетъ себѣ другой, только когда онъ гуще населенъ.

Кознышевъ признавалъ то и другое, но съ ограниченія-

ми. Когда же они выходили изъ гостиной, чтобы заключить разговоръ, Кознышевъ сказалъ, улыбаясь:

— Поэтому для обрусенія инородцевъ есть одно средство—выводить какъ можно больше дѣтей. Вотъ мы съ братомъ хуже всѣхъ дѣйствуемъ. А вы, господа женатые люди, въ особенности вы, Степанъ Аркадьевичъ, дѣйствуете вполнѣ патріотически; у васъ сколько?—обратился онъ, ласково улыбаясь хозяину и подставляя ему крошечную рюмочку.

Всѣ засмѣялись, и въ особенности весело Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, вотъ это самое лучшее средство!—сказалъ онъ, прожевывая сыръ и наливая какую-то особеннаго сорта водку въ подставленную рюмку. Разговоръ дѣйствительно прекратился на шуткѣ.

— Этотъ сыръ недуренъ. Прикажете?—говорилъ хозяинъ.—Неужели ты опять былъ на гимнастикѣ?—обратился онъ къ Левину, лѣвою рукой ощупывая его мышцу. Левинъ улыбнулся, напружилъ руку, и подъ пальцами Степана Аркадьевича какъ круглый сыръ поднялся стальной бугоръ изъ-подъ тонкаго сукна сюртука.

— Вотъ бицепсъ-то! Самсонъ!

— Я думаю надо имѣть большую силу для охоты на медвѣдей,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, имѣвшій самыя туманныя понятія объ охотѣ, намазывая сыръ и прорывая тоненькій, какъ паутина, мякишъ хлѣба.

Левинъ улыбнулся.

— Никакой. Напротивъ, ребенокъ можетъ убить медвѣдя,—сказалъ онъ, сторонясь съ легкимъ поклономъ передъ дамами, которыя съ хозяйкой подходили къ столу закусокъ.

— А вы убили медвѣдя, мнѣ говорили?—сказала Кити,

тщетно стараясь поймать вилкой непокорный, отскальзывающій грибъ и встряхивая кружевами, сквозь которыя бѣлѣла ея рука.—Развѣ у васъ есть медвѣди?—прибавила она, въ полъоборота повернувъ къ нему свою прелестную головку и улыбаясь.

Ничего казалось не было необыкновеннаго въ томъ, что она сказала, но какое невыразимое для него словами значеніе было въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи ея губъ, глазъ, руки, когда она говорила это! Тутъ была и просьба о прощеніи, и довѣріе къ нему, и ласка—нѣжная, робкая ласка, и обѣщаніе, и надежда, и любовь къ нему, въ которую онъ не могъ не вѣрить и которая душила его счастіемъ.

— Нѣтъ, мы ѣздили въ Тверскую губернію. Возвращаясь оттуда, я встрѣтился въ вагонѣ съ вашимъ бофреромъ, или вашего бофрера зятемъ,—сказалъ онъ съ улыбкой.—Это была смѣшная встрѣча.

И онъ весело и забавно разсказалъ, какъ онъ, не спавъ всю ночь, въ полушубкѣ ворвался въ отдѣленіе Алексѣя Александровича.

— Кондукторъ, противно пословицѣ, хотѣлъ по платью проводить меня вонъ; но тутъ ужъ я началъ выражаться высокимъ слогомъ, и... вы тоже,—сказалъ онъ, забывъ его имя и обращаясь къ Каренину,—сначала по полушубку хотѣли тоже изгнать меня, но потомъ заступились, за что я очень благодаренъ.

— Вообще весьма неопредѣленны права пассажировъ на выборъ мѣста,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, обтирая платкомъ концы своихъ пальцевъ.

— Я видѣлъ, что вы были въ нерѣшительности насчетъ меня,—добродушно улыбаясь, сказалъ Левинъ,—но я пото-

ропился начать умный разговоръ, чтобы загладить свой полушубокъ.

Сергѣй Ивановичъ, продолжая разговоръ съ хозяйкой и однимъ ухомъ слушая брата, покосился на него. „Что это съ нимъ нынче? Такимъ побѣдителемъ“, подумалъ онъ. Онъ не зналъ, что Левинъ чувствовалъ, что у него выросли крылья. Левинъ зналъ, что она слышитъ его слова и что ей пріятно его слышать. И это одно только занимало его. Не въ одной этой комнатѣ, но во всемъ мірѣ для него существовали только онъ, получившій для себя огромное значеніе и важность, и она. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ, отъ которой кружилась голова, и тамъ гдѣ-то внизу, далеко, были всѣ эти добрые, славные Каренины, Облонскіе и весь міръ.

Совершенно незамѣтно, не взглянувъ на нихъ, а такъ, какъ будто ужъ некуда было больше посадить, Степанъ Аркадьевичъ посадилъ Левина и Кити рядомъ.

— Ну, ты хоть сюда сядь,—сказалъ онъ Левину.

Обѣдъ былъ такъ же хорошъ, какъ и посуда, до которой былъ охотникъ Степанъ Аркадьевичъ. Супъ Мари-Луизъ удался прекрасно; пирожки крошечные, тающіе во рту, были безукоризненны. Два лакея и Матвѣй, въ бѣлыхъ галстукахъ, дѣлали свое дѣло съ кушаньемъ и виномъ незамѣтно, тихо и споро. Обѣдъ съ матеріальной стороны удался; не менѣе онъ удался и со стороны нематеріальной. Разговоръ, то общій, то частный, не умолкалъ и къ концу обѣда такъ оживился, что мужчины встали изъ-за стола, не переставая говорить, и даже Алексѣй Александровичъ оживился.

X.

Песцовъ любилъ разсуждать до конца и не удовлетворился словами Сергѣя Ивановича, тѣмъ болѣе, что онъ почувствовалъ несправедливость своего мнѣнія.

— Я никогда не разумѣлъ,—сказалъ онъ за супомъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу,—одну густоту населенія, но въ соединеніи съ основами, а не съ принципами.

— Мнѣ кажется,—неторопливо и вяло отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ,—что это одно и то же. По моему мнѣнію, дѣйствовать на другой народъ можетъ только тотъ, который имѣетъ высшее развитіе, который...

— Но въ томъ и вопросъ,—перебилъ своимъ басомъ Песцовъ, который всегда торопился говорить и казалось всегда всю душу полагалъ на то, о чемъ онъ говорилъ,—въ чемъ полагать высшее развитіе? Англичане, французы, нѣмцы—кто стоитъ на высшей степени развитія? Кто будетъ націонализировать одинъ другаго? Мы видимъ, что Рейнъ офранцузился, а нѣмцы не ниже стоятъ!—кричалъ онъ.—Тутъ есть другой законъ!

— Мнѣ кажется, что вліяніе всегда на сторонѣ истиннаго образованія,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, слегка поднимая брови.

— Но въ чемъ же мы должны полагать признаки истиннаго образованія?—сказалъ Песцовъ.

— Я полагаю, что признаки эти извѣстны,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Вполнѣ ли они извѣстны?—съ тонкою улыбкой вмѣшался Сергѣй Ивановичъ.—Теперь признано, что настоящее образованіе можетъ быть только чисто-классическое;

но мы видимъ ожесточенные споры той и другой стороны, и нельзя отрицать, чтобъ и противный лагерь не имѣлъ сильныхъ доводовъ въ свою пользу.

— Вы—классикъ, Сергѣй Ивановичъ. Прикажете краснаго?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Я не высказываю своего мнѣнія о томъ и другомъ образованіи,—съ улыбкой снисхожденія, какъ къ ребенку, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, подставляя свой стаканъ,—я только говорю, что обѣ стороны имѣютъ сильные доводы,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу.— Я классикъ по образованію, но въ спорѣ этомъ я лично не могу найдти своего мѣста. Я не вижу ясныхъ доводовъ, почему классическимъ наукамъ дано преимущество передъ реальными.

— Естественныя имѣютъ столь же педагогически-развивательное вліяніе,—подхватилъ Песцовъ.—Возьмите одну астрономію, возьмите ботанику, зоологію съ ея системой общихъ законовъ!

— Я не могу вполнѣ съ этимъ согласиться,—отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.—Мнѣ кажется, что нельзя не признать того, что самый процессъ изученія формъ языковъ особенно благотворно дѣйствуетъ на духовное развитіе. Кромѣ того, нельзя отрицать и того, что вліяніе классическихъ писателей въ высшей степени нравственное, тогда какъ, къ несчастію, съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ соединяются тѣ вредныя и ложныя ученія, которыя составляютъ язву нашего времени.

Сергѣй Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, но Песцовъ своимъ густымъ басомъ перебилъ его. Онъ горячо началъ доказывать несправедливость этого мнѣнія. Сергѣй Ивано-

вичъ спокойно дожидался слова, очевидно съ готовымъ побѣдительнымъ возраженіемъ.

— Но,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, тонко улыбаясь и обращаясь къ Каренину,—нельзя не согласиться, что взвѣсить вполнѣ всѣ выгоды и невыгоды тѣхъ и другихъ наукъ—трудно, и что вопросъ о томъ, какія предпочесть, не былъ бы рѣшенъ такъ скоро и окончательно, еслибы на сторонѣ классическаго образованія не было того преимущества, которое вы сейчасъ высказали: нравственнаго—disons le mot—анти-нигилистическаго вліянія.

— Безъ сомнѣнія.

— Еслибы не было этого преимущества анти-нигилистическаго вліянія на сторонѣ классическихъ наукъ, мы бы больше подумали, взвѣсили бы доводы обѣихъ сторонъ,—съ тонкою улыбкой говорилъ Сергѣй Ивановичъ,—мы бы дали просторъ тому и другому направленію. Но теперь мы знаемъ, что въ этихъ пилюляхъ классическаго образованія лежитъ цѣлебная сила анти-нигилизма, и мы смѣло предлагаемъ ихъ нашимъ паціентамъ... А что какъ нѣтъ и цѣлебной силы?—заключилъ онъ, высыпая аттическую соль.

При пилюляхъ Сергѣя Ивановича всѣ засмѣялись, и въ особенности громко и весело Туровцынъ, дождавшійся наконецъ того смѣшнаго, чего онъ только и ждалъ, слушая разговоръ.

Степанъ Аркадьевичъ не ошибся, пригласивъ Песцова. Съ Песцовымъ разговоръ умный не могъ умолкнуть ни на минуту. Только-что Сергѣй Ивановичъ заключилъ разговоръ своей шуткой, Песцовъ тотчасъ поднялъ новый.

— Нельзя согласиться даже съ тѣмъ,—сказалъ онъ,—чтобы правительство имѣло эту цѣль. Правительство очевидно

руководствуется общими соображеніями, оставаясь индифферентнымъ къ вліяніямъ, которыя могутъ имѣть принимаемыя мѣры. Напримѣръ, вопросъ женскаго образованія долженъ бы былъ считаться зловреднымъ, но правительство открываетъ женскіе курсы и университеты.

И разговоръ тотчасъ же перескочилъ на новую тему—женскаго образованія.

Алексѣй Александровичъ выразилъ мысль о томъ, что образованіе женщинъ обыкновенно смѣшивается съ вопросомъ о свободѣ женщинъ, и только поэтому можетъ считаться вреднымъ.

— Я, напротивъ, полагаю, что эти два вопроса неразрывно связаны,—сказалъ Песцовъ:—это ложный кругъ. Женщина лишена правъ по недостатку образованія, а недостатокъ образованія происходитъ отъ отсутствія правъ... Надо не забывать того, что порабощеніе женщинъ такъ велико и старо, что мы часто не хотимъ понимать ту пучину, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ,—говорилъ онъ.

— Вы сказали: права̀,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, дождавшись молчанія Песцова:—права̀ занимания должностей присяжныхъ, гласныхъ, предсѣдателей управъ, права̀ служащаго, члена парламента...

— Безъ сомнѣнія.

— Но если женщины, какъ рѣдкое исключеніе, и могутъ занимать эти мѣста, то, мнѣ кажется, вы неправильно употребили выраженіе „права“. Вѣрнѣе бы было сказать: обязанности. Всякій согласится, что, исполняя какую-нибудь должность присяжнаго, гласнаго, телеграфнаго чиновника, мы чувствуетъ, что исполняемъ обязанность. И потому вѣрнѣе выразиться, что женщины ищутъ обязанно-

стей, и совершенно законно. И можно только сочувствовать этому ихъ желанію помочь общему мужскому труду.

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ Алексѣй Александровичъ.—Вопросъ, я полагаю, состоитъ только въ томъ, способны ли онѣ къ этимъ обязанностямъ.

— Вѣроятно, будутъ очень способны,—вставилъ Степанъ Аркадьевичъ, — когда образованіе будетъ распространено между ними. Мы это видимъ...

— А пословица?—сказалъ князь, давно ужь прислушиваясь къ разговору и блестя своими маленькими насмѣшливыми глазами,—при дочеряхъ можно: волосъ дологъ...

— Точно такъ же думали о неграхъ до ихъ освобожденія!—сердито сказалъ Песцовъ.

— Я нахожу только страннымъ, что женщины ищутъ новыхъ обязанностей, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, — тогда какъ мы, къ несчастію, видимъ, что мужчины обыкновенно избѣгаютъ ихъ.

— Обязанности сопряжены съ правами; власть, деньги, почести: ихъ-то ищутъ женщины,—сказалъ Песцовъ.

— Все равно, что я бы искалъ права быть кормилицей и обижался бы, что женщинамъ платятъ, а мнѣ не хотятъ,—сказалъ старый князь.

Туровцынъ разразился громкимъ смѣхомъ, и Сергѣй Ивановичъ пожалѣлъ, что не онъ сказалъ это. Даже Алексѣй Александровичъ улыбнулся.

— Да, но мужчина не можетъ кормить,—сказалъ Песцовъ,—а женщина...

— Нѣтъ, англичанинъ выкормилъ на кораблѣ своего ребенка,—сказалъ старый князь, позволяя себѣ эту вольность разговора при своихъ дочеряхъ.

— Сколько такихъ англичанъ, столько же и женщинъ будетъ чиновниковъ,—сказалъ уже Сергѣй Ивановичъ.

— Да, но что же дѣлать дѣвушкѣ, у которой нѣтъ семьи?—вступился Степанъ Аркадьевичъ, вспоминая о Чибисовой, которую онъ все время имѣлъ въ виду, сочувствуя Песцову и поддерживая его.

— Если хорошенько разобрать исторію этой дѣвушки, то вы найдете, что эта дѣвушка бросила семью или свою, или сестрину, гдѣ бы она могла имѣть женское дѣло,—неожиданно вступая въ разговоръ, сказала съ раздражительностью Дарья Александровна, вѣроятно догадываясь, какую дѣвушку имѣлъ въ виду Степанъ Аркадьевичъ.

— Но мы стоимъ за принципъ, за идеалъ!—звучнымъ басомъ возражалъ Песцовъ.—Женщина хочетъ имѣть право быть независимою, образованною. Она стѣснена, подавлена сознаніемъ невозможности этого.

— А я стѣсненъ и подавленъ тѣмъ, что меня не примутъ въ кормилицы въ Воспитательный домъ,—опять сказалъ старый князь, къ великой радости Туровцына, со смѣху уронившаго спаржу толстымъ концомъ въ соусъ.

XI.

Всѣ принимали участіе въ общемъ разговорѣ, кромѣ Кити и Левина. Сначала, когда говорилось о вліяніи, которое имѣетъ одинъ народъ на другой, Левину невольно приходило въ голову то, что онъ имѣлъ сказать по этому предмету; но мысли эти, прежде для него очень важныя, какъ бы во снѣ мелькали въ его головѣ и не имѣли для него теперь ни малѣйшаго интереса. Ему даже странно казалось, зачѣмъ они такъ стараются говорить о томъ, что ни-

кому не нужно. Для Кити точно такъ же, казалось, должно бы быть интересно то, что они говорили о правахъ и образованіи женщинъ. Сколько разъ она думала объ этомъ, вспоминая о своей заграничной пріятельницѣ Варенькѣ, о ея тяжелой зависимости, сколько разъ думала про себя, что съ ней самой будетъ, если она не выйдетъ замужъ, и сколько разъ спорила объ этомъ съ сестрою. Но теперь это нисколько не интересовало ея. У нихъ шелъ свой разговоръ съ Левинымъ, и не разговоръ, а какое-то таинственное общеніе, которое съ каждою минутой все ближе связывало ихъ и производило въ обоихъ чувство радостнаго страха передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, въ которое они вступали.

Сначала Левинъ, на вопросъ Кити о томъ, какъ онъ могъ видѣть ее прошлаго года въ каретѣ, разсказалъ ей, какъ онъ шелъ съ покоса по большой дорогѣ и встрѣтилъ ее.

— Это было рано-рано утромъ. Вы, вѣрно, только проснулись. Maman ваша спала въ своемъ уголкѣ. Чудное утро было. Я иду и думаю: кто это четверней въ каретѣ? Славная четверка съ бубенчиками, и на мгновеніе вы мелькнули, и вижу я въ окно—вы сидите вотъ такъ, и обѣими руками держите завязки чепчика и о чемъ-то ужасно задумались, — говорилъ онъ улыбаясь. — Какъ бы я желалъ знать, о чемъ вы тогда думали? О важномъ?

„Не была ли растрепана?“ подумала она, но, увидавъ восторженную улыбку, которую вызывали въ его воспоминаніи эти подробности, она почувствовала, что, напротивъ, впечатлѣніе, произведенное ею, было очень хорошее. Она покраснѣла и радостно засмѣялась.—Право, не помню.

— Какъ хорошо смѣется Туровцынъ!—сказалъ Левинъ, любуясь на его влажные глаза и трясущееся тѣло.

— Вы давно его знаете?—спросила Кити.

— Кто его не знаетъ!

— И я вижу, что вы думаете, что онъ дурной человѣкъ?

— Не дурной, а ничтожный.

— И неправда. И поскорѣй не думайте больше такъ!—сказала Кити.—Я тоже была о немъ очень низкаго мнѣнія, но это... это—премилый и удивительно добрый человѣкъ. Сердце у него золотое.

— Какъ это вы могли узнать его сердце?

— Мы съ нимъ большіе друзья. Я очень хорошо знаю его. Прошлую зиму, вскорѣ послѣ того... какъ вы у насъ были,—сказала она съ виноватою и вмѣстѣ довѣрчивою улыбкой,—у Долли дѣти всѣ были въ скарлатинѣ и онъ зашелъ къ ней какъ-то. И можете себѣ представить,—говорила она шепотомъ,—ему такъ жалко стало ее, что онъ остался и сталъ помогать ей ходить за дѣтьми. Да, и три недѣли прожилъ у нихъ въ домѣ и какъ нянька ходилъ за дѣтьми.

— Я разсказываю Константину Дмитричу про Туровцына въ скарлатинѣ,—сказала она, перегнувшись къ сестрѣ.

— Да, удивительно, прелесть!—сказала Долли, взглядывая на Туровцына, чувствовавшаго, что говорили о немъ, и кротко улыбаясь ему. Левинъ еще разъ взглянулъ на Туровцына и удивился, какъ онъ прежде не понималъ всей прелести этого человѣка.

— Виноватъ, виноватъ, и никогда не буду больше дурно думать о людяхъ!—весело сказалъ онъ, искренно высказывая то, что онъ теперь чувствовалъ.

XII.

Въ затѣянномъ разговорѣ о правахъ женщинъ были щекотливые при дамахъ вопросы о неравенствѣ правъ въ бракѣ. Песцовъ во время обѣда нѣсколько разъ налеталъ на эти вопросы, но Сергѣй Ивановичъ и Степанъ Аркадьевичъ осторожно отклоняли его.

Когда же встали изъ-за стола и дамы вышли, Песцовъ, не слѣдуя за ними, обратился къ Алексѣю Александровичу и принялся высказывать главную причину неравенства. Неравенство супруговъ, по его мнѣнію, состояло въ томъ, что невѣрность жены и невѣрность мужа казнятся неравно и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ.

Степанъ Аркадьевичъ поспѣшно подошелъ къ Алексѣю Александровичу, предлагая курить.

— Нѣтъ, я не курю,—спокойно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ и, какъ бы умышленно желая показать, что онъ не боится этого разговора, обратился съ холодною улыбкой къ Песцову.

— Я полагаю, что основанія такого взгляда лежатъ въ самой сущности вещей,—сказалъ онъ и хотѣлъ пройдти въ гостиную; но тутъ вдругъ неожиданно заговорилъ Туровцынъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу.

— А вы изволили слышать о Прячниковѣ?—сказалъ Туровцынъ, оживленный выпитымъ шампанскимъ и давно ждавшій случая прервать тяготившее его молчаніе.—Вася Прячниковъ,—сказалъ онъ съ своею доброю улыбкой влажныхъ и румяныхъ губъ, обращаясь преимущественно къ главному гостю, Алексѣю Александровичу,—мнѣ нынче разсказывали, дрался на дуэли въ Твери съ Квытскимъ и убилъ его.

Какъ всегда кажется, что зашибаешь, какъ нарочно, именно больное мѣсто, такъ и теперь Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ, что на бѣду нынче каждую минуту разговоръ нападалъ на больное мѣсто Алексѣя Александровича. Онъ хотѣлъ опять отвести зятя, но самъ Алексѣй Александровичъ съ любопытствомъ спросилъ:

— За что дрался Прячниковъ?

— За жену. Молодцомъ поступилъ! Вызвалъ и убилъ!

— А!—равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ и, поднявъ брови, прошелъ въ гостиную.

— Какъ я рада, что вы пришли,—сказала ему Долли съ испуганною улыбкой, встрѣчая его въ проходной гостиной:—мнѣ нужно поговорить съ вами. Сядемте здѣсь.

Алексѣй Александровичъ, съ тѣмъ же выраженіемъ равнодушія, которое придавали ему приподнятыя брови, сѣлъ подлѣ Дарьи Александровны и притворно улыбнулся.

— Тѣмъ болѣе,—сказалъ онъ,—что и я хотѣлъ просить вашего извиненія и тотчасъ откланяться. Мнѣ завтра надо ѣхать.

Дарья Александровна была твердо увѣрена въ невинности Анны и чувствовала, что она блѣднѣетъ и губы ея дрожатъ отъ гнѣва на этого холоднаго, безчувственнаго человѣка, такъ покойно намѣревающагося погубить ея невиннаго друга.

— Алексѣй Александровичъ,—сказала она, съ отчаянною рѣшительностью глядя ему въ глаза.—Я спрашивала у васъ про Анну, вы мнѣ не отвѣчали. Что она?

— Она, кажется, здорова, Дарья Александровна,—не глядя на нее, отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

— Алексѣй Александровичъ, простите меня, я не имѣю

права... но я какъ сестру люблю и уважаю Анну; я прошу, умоляю васъ сказать мнѣ: что такое между вами, въ чемъ вы обвиняете ее?

Алексѣй Александровичъ поморщился и, почти закрывъ глаза, опустилъ голову.

— Я полагаю, что мужъ передалъ вамъ тѣ причины, почему я считаю нужнымъ измѣнить прежнія свои отношенія къ Аннѣ Аркадьевнѣ,—сказалъ онъ, не глядя ей въ глаза и недовольно оглядывая проходившаго черезъ гостиную Щербацкаго.

— Я не вѣрю, не вѣрю, не могу вѣрить этому!—сжимая передъ собой свои костлявыя руки, съ энергическимъ жестомъ проговорила Долли. Она быстро встала и положила свою руку на рукавъ Алексѣя Александровича. —Намъ помѣшаютъ здѣсь. Пойдемте сюда, пожалуйста.

Волненіе Долли дѣйствовало на Алексѣя Александровича. Онъ всталъ и покорно пошелъ за нею въ классную комнату. Они сѣли за столъ, обтянутый изрѣзанною перочинными ножами клеенкой.

— Я не вѣрю, не вѣрю этому!—проговорила Долли, стараясь уловить его избѣгающій ея взглядъ.

— Нельзя не вѣрить фактамъ, Дарья Александровна,—сказалъ онъ, ударяя на слово *фактамъ*.

— Но что же она сдѣлала?—проговорила Дарья Александровна.—Что именно она сдѣлала?

— Она презрѣла свои обязанности и измѣнила своему мужу. Вотъ что она сдѣлала,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! Нѣтъ, ради Бога, вы ошиблись,—говорила Долли, дотрогиваясь руками до висковъ и закрывая глаза.

Алексѣй Александровичъ холодно улыбнулся однѣми губами, желая показать ей и самому себѣ твердость своего убѣжденія; но эта горячая защита, хотя и не колебала его, растравляла его рану. Онъ заговорилъ съ бо́льшимъ оживленіемъ.

— Весьма трудно ошибиться, когда жена сама объявляетъ о томъ мужу,—объявляетъ, что восемь лѣтъ жизни и сынъ, что все это ошибка, и что она хочетъ жить съ начала,—сказалъ онъ сердито, сопя но́сомъ.

— Анна и—порокъ... Я не могу соединить, не могу вѣрить этому!

— Дарья Александровна, — сказалъ онъ, теперь прямо взглянувъ въ доброе, взволнованное лицо Долли и чувствуя, что языкъ его невольно развязывается.—Я бы дорого далъ, чтобы сомнѣніе еще было возможно. Когда я сомнѣвался, мнѣ было тяжело, но легче, чѣмъ теперь. Когда я сомнѣвался, то была надежда; но теперь нѣтъ надежды, и я все-таки сомнѣваюсь во всемъ. Я такъ сомнѣваюсь во всемъ, что ненавижу сына и иногда не вѣрю, что это мой сынъ. Я очень несчастливъ.

Ему не нужно было говорить этого. Дарья Александровна поняла это, какъ только онъ взглянулъ ей въ лицо, и ей стало жалко его, и вѣра въ невинность ея друга поколебалась въ ней.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! Но неужели это правда, что вы рѣшились на разводъ?

— Я рѣшился на послѣднюю мѣру. Мнѣ больше нечего дѣлать.

— Нечего дѣлать, нечего дѣлать...—проговорила она со слезами на глазахъ.—Нѣтъ, не нечего дѣлать!—сказала она.

— То-то и ужасно въ этомъ родѣ горя, что нельзя, какъ во всякомъ другомъ—въ потерѣ, въ смерти—нести крестъ, а тутъ нужно дѣйствовать,—сказалъ онъ, какъ будто угадывая ея мысль.—Нужно выйдти изъ того унизительнаго положенія, въ которое вы поставлены; нельзя жить втроемъ.

— Я понимаю, я очень понимаю это,—сказала Долли и опустила голову. Она помолчала, думая о себѣ, о своемъ семейномъ горѣ, и вдругъ энергическимъ жестомъ подняла голову и умоляющимъ жестомъ сложила руки.—Но постойте! Вы христіанинъ. Подумайте о ней! Что съ ней будетъ, если вы бросите ее?

— Я думалъ, Дарья Александровна, и много думалъ, — говорилъ Алексѣй Александровичъ. Лицо его покраснѣло пятнами, и мутные глаза глядѣли прямо на нее. Дарья Александровна теперь всею душой уже жалѣла его.—Я это самое сдѣлалъ послѣ того, какъ мнѣ объявленъ былъ ею же самой мой позоръ; я оставилъ все по старому. Я далъ возможность исправленія, я старался спасти ее. И что же? Она не исполнила самаго легкаго требованія — соблюденія приличій,—говорилъ онъ разгорячась. — Спасать можно человѣка, который не хочетъ погибать; но если натура вся такъ испорчена, развращена, что самая погибель кажется ей спасеніемъ, то что же дѣлать?

— Все, только не разводъ! — отвѣчала Дарья Александровна.

— Но что же все?

— Нѣтъ, это ужасно. Она будетъ ничьею женой, она погибнетъ.

— Что же я могу сдѣлать? — поднявъ плечи и брови, сказалъ Алексѣй Александровичъ. Воспоминаніе о послѣднемъ

проступкѣ жены такъ раздражило его, что онъ опять сталъ холоденъ, какъ и при началѣ разговора. — Я очень благодарю за ваше участіе, но мнѣ пора,—сказалъ онъ вставая.

— Нѣтъ, постойте! Вы не должны погубить ее. Постойте, я вамъ скажу про себя. Я вышла замужъ, и мужъ обманывалъ меня; въ злобѣ, ревности, я хотѣла все бросить, я хотѣла сама .. Но я опомнилась, и кто же?—Анна спасла меня. И вотъ я живу. Дѣти растутъ, мужъ возвращается въ семью и чувствуетъ свою неправоту, дѣлается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить.

Алексѣй Александровичъ слушалъ, но слова ея уже не дѣйствовали на него. Въ душѣ его опять поднялась вся злоба того дня, когда онъ рѣшился на разводъ. Онъ отряхнулся и заговорилъ пронзительнымъ, громкимъ голосомъ:

— Простить я не могу, и не хочу, и считаю несправедливымъ. Я для этой женщины сдѣлалъ все, и она затоптала все въ грязь, которая ей свойственна. Я не злой человѣкъ, я никогда никого не ненавидѣлъ, но ее я ненавижу всѣми силами души и не могу даже простить ее потому, что слишкомъ ненавижу за все то зло, которое она сдѣлала мнѣ!—проговорилъ онъ со слезами злобы въ голосѣ.

— Любите ненавидящихъ васъ...—стыдливо прошептала Дарья Александровна.

Алексѣй Александровичъ презрительно усмѣхнулся. Это онъ давно зналъ, но это не могло быть приложимо къ его случаю.

— Любите ненавидящихъ васъ, а любить тѣхъ, кого ненавидишь, нельзя. Простите, что я васъ разстроилъ. У каждаго своего горя достаточно!—И, овладѣвъ собой, Алексѣй Александровичъ спокойно простился и уѣхалъ.

XIII.

Когда встали изъ-за стола, Левину хотѣлось идти за Кити въ гостиную, но онъ боялся, не будетъ ли ей это непріятно по слишкомъ большой очевидности его ухаживанья за ней. Онъ остался въ кружкѣ мужчинъ, принимая участіе въ общемъ разговорѣ, и, не глядя на Кити, чувствовалъ ея движенія, ея взгляды и то мѣсто, на которомъ она была въ гостиной.

Онъ сейчасъ уже и безъ малѣйшаго усилія исполнялъ то обѣщаніе, которое онъ далъ ей всегда думать хорошо про всѣхъ людей и всегда всѣхъ любить. Разговоръ зашелъ объ общинѣ, въ которой Песцовъ видѣлъ какое-то особенное начало, называемое имъ хоровымъ началомъ. Левинъ былъ не согласенъ ни съ Песцовымъ, ни съ братомъ, который какъ-то, по-своему, и признавалъ и не признавалъ значеніе русской общины. Но онъ говорилъ съ ними, стараясь только помирить ихъ и смягчать ихъ возраженія. Онъ нисколько не интересовался тѣмъ, что онъ самъ говорилъ, еще менѣе тѣмъ, что они говорили, но только желалъ одного — чтобъ имъ и всѣмъ было хорошо и пріятно. Онъ зналъ теперь то, что одно важно. И это одно было сначала тамъ, въ гостиной, а потомъ стало подвигаться и остановилось у двери. Онъ, не оборачиваясь, почувствовалъ устремленный на себя взглядъ и улыбку, и не могъ не обернуться. Она стояла въ дверяхъ съ Щербацкимъ и смотрѣла на него.

— Я думалъ, вы къ фортепьянамъ идете?—сказалъ онъ, подходя къ ней. — Вотъ чего мнѣ недостаетъ въ деревнѣ: музыки.

— Нѣтъ, мы шли только за тѣмъ, чтобы васъ вызвать,

и благодарю, — сказала она, какъ подаркомъ, награждая его улыбкой,—что вы пришли. Что за охота спорить? Вѣдь никогда одинъ не убѣдитъ другаго.

— Да, правда,—сказалъ Левинъ, — большею частью бываетъ, что споришь горячо только оттого, что никакъ не можешь понять, что именно хочетъ доказать противникъ.

Левинъ часто замѣчалъ при спорахъ между самыми умными людьми, что послѣ огромныхъ усилій, огромнаго количества логическихъ тонкостей и словъ, спорящіе приходили наконецъ къ сознанію того, что то, что они долго бились доказать другъ другу, давнымъ-давно, съ начала спора, было извѣстно имъ, но что они любятъ разное и потому не хотятъ назвать того, что они любятъ, чтобы не быть оспоренными. Онъ часто испытывалъ, что иногда во время спора поймешь то, что любитъ противникъ, и вдругъ самъ полюбишь это самое, и тотчасъ согласишься, и тогда всѣ доводы отпадаютъ, какъ ненужные; а иногда испытывалъ наоборотъ; выскажешь наконецъ то, что любишь самъ и изъ-за чего придумываешь доводы, и если случится, что выскажешь это хорошо и искренно, то вдругъ противникъ соглашается и перестаетъ спорить. Это самое онъ хотѣлъ сказать.

Она сморщила лобъ, стараясь понять. Но только что онъ началъ объяснять, она уже поняла.

— Я понимаю: надо узнать, за что онъ споритъ, что онъ любитъ, тогда можно...

Она вполнѣ угадала и выразила его дурно выраженную мысль. Левинъ радостно улыбнулся: такъ ему поразителенъ былъ этотъ переходъ отъ запутаннаго многословнаго спора

съ Песцовымъ и братомъ—къ этому лаконическому и ясному, безъ словъ почти, сообщенію самыхъ сложныхъ мыслей.

Щербацкій отошелъ отъ нихъ, и Кити, подойдя къ разставленному карточному столу, сѣла и, взявъ въ руки мѣлокъ, стала чертить имъ по новому зеленому сукну расходящіеся круги.

Они возобновили разговоръ, шедшій за обѣдомъ: о свободѣ и занятіяхъ женщинъ. Левинъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Дарьи Александровны, что дѣвушка, не вышедшая замужъ, найдетъ себѣ дѣло женское въ семьѣ. Онъ подтверждалъ это тѣмъ, что ни одна семья не можетъ обойдтись безъ помощницы, что въ каждой бѣдной и богатой семьѣ есть и должны быть няньки, наемныя или родныя.

— Нѣтъ, — сказала Кити, покраснѣвъ, но тѣмъ смѣлѣе глядя на него своими правдивыми глазами: — дѣвушка можетъ быть такъ поставлена, что не можетъ безъ униженія войдти въ семью, а сама...

Онъ понялъ ее съ намека.

— О, да!—сказалъ онъ,—да, да, да, вы правы, вы правы!

И онъ понялъ все, что за обѣдомъ доказывалъ Песцовъ о свободѣ женщинъ, только тѣмъ, что видѣлъ въ сердцѣ Кити страхъ дѣвства и униженія, и любя ее, онъ почувствовалъ этотъ страхъ и униженіе, и сразу отрекся отъ своихъ доводовъ.

Наступило молчаніе. Она все чертила мѣломъ по столу. Глаза ея блестѣли тихимъ блескомъ. Подчиняясь ея настроенію, онъ чувствовалъ во всемъ существѣ своемъ все усиливающееся напряженіе счастія.

— Ахъ, я весь столъ исчертила! - сказала она и, положивъ мѣлокъ, сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла встать.

„Какъ же я останусь одинъ безъ нея?—съ ужасомъ подумалъ онъ и взялъ мѣлокъ. — Постойте, — сказалъ онъ, садясь къ столу.

— Я давно хотѣлъ спросить у васъ одну вещь.

Онъ глядѣлъ ей прямо въ ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вотъ, — сказалъ онъ и написалъ начальныя буквы; к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: „когда вы мнѣ отвѣтили: этого не можетъ быть, значило ли это — никогда, или тогда“? Не было никакой вѣроятности, чтобъ она могла понять эту сложную фразу; но онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, что жизнь его зависитъ отъ того, пойметъ ли она эти слова.

Она взглянула на него серьёзно, потомъ оперла нахмуренный лобъ на руку и стала читать. Изрѣдка она взглядывала на него, спрашивала у него взглядомъ: „то ли это, что я думаю?“

— Я поняла,—сказала она покраснѣвъ.

— Какое это слово?—сказалъ онъ, указывая на н, которымъ означало слово: *никогда.*

— Это слово значитъ *никогда,*—сказала она,—но это не правда!

Онъ быстро стеръ написанное, подалъ ей мѣлъ и всталъ. Она написала: Т, я, н, м, и, о.

Долли утѣшилась совсѣмъ отъ горя, причиненнаго ей разговоромъ съ Алексѣемъ Александровичемъ, когда она увидала эти двѣ фигуры: Кити съ мѣлкомъ въ рукахъ и съ улыбкой робкою и счастливою, глядящую вверхъ на Левина, и его красивую фигуру, нагнувшуюся надъ столомъ, съ горящими

глазами, устремленными то на столъ, то на нее. Онъ вдругъ просiялъ: онъ понялъ. Это значило: „тогда я не могла иначе отвѣтить“.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно, робко.

— Только тогда?

— Да,—отвѣчала ея улыбка.

— А те... А теперь?—спросилъ онъ.

— Ну, такъ вотъ прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала! — Она написала начальныя буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: „чтобы вы могли забыть и простить, что было“.

Онъ схватилъ мѣлъ напряженными, дрожащими пальцами и, сломавъ его, написалъ начальныя буквы слѣдующаго: „мнѣ нечего забывать и прощать, я не переставалъ любить васъ“.

Она взглянула на него съ остановившеюся улыбкой.

— Я поняла,—шепотомъ сказала она.

Онъ сѣлъ и написалъ длинную фразу. Она все поняла и, не спрашивая его: такъ ли?—взяла мѣлъ и тотчасъ же отвѣтила.

Онъ долго не могъ понять того, что она написала, и часто взглядывалъ въ ея глаза. На него нашло затмѣнiе отъ счастiя. Онъ никакъ не могъ подставить тѣ слова, какiя она разумѣла; но въ прелестныхъ сiяющихъ счастiемъ глазахъ ея онъ понялъ все, что ему нужно было знать. И онъ написалъ три буквы. Но онъ еще не кончилъ писать, а она уже читала за его рукой, и сама докончила и написала отвѣтъ: Да.

— Въ secretaire играете?—сказалъ старый князь, подходя.—Ну, поѣдемъ однако, если ты хочешь поспѣть въ театръ.

Левинъ всталъ и проводилъ Кити до дверей.

Въ разговорѣ ихъ все было сказано; было сказано, что она любитъ его и что скажетъ отцу и матери, что завтра онъ пріѣдетъ утромъ.

XIV.

Когда Кити уѣхала и Левинъ остался одинъ, онъ почувствовалъ такое безпокойство безъ нея и такое нетерпѣливое желаніе поскорѣе, поскорѣе дожить до завтрашняго утра, когда онъ опять увидитъ ее и навсегда соединится съ ней, что онъ испугался, какъ смерти, этихъ четырнадцати часовъ, которые ему предстояло провести безъ нея. Ему необходимо было быть и говорить съ кѣмъ-нибудь, чтобы не оставаться одному, чтобъ обмануть время. Степанъ Аркадьевичъ былъ бы для него самый пріятный собесѣдникъ, но онъ ѣхалъ, какъ онъ говорилъ, на вечеръ, въ дѣйствительности же въ балетъ. Левинъ только успѣлъ сказать ему, что онъ счастливъ и что онъ любитъ его и никогда, никогда не забудетъ того, что онъ для него сдѣлалъ. Взглядъ и улыбка Степана Аркадьевича показали Левину, что онъ понималъ, какъ должно, это чувство.

— Что-жъ, не пора умирать?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ умиленіемъ пожимая руку Левина.

— Ннаѣ-ѣтъ!—сказалъ Левинъ.

Дарья Александровна, прощаясь съ нимъ, тоже какъ бы поздравила его, сказавъ: „какъ я рада, что вы встрѣтились опять съ Кити, надо дорожить старыми дружбами". Левину непріятны были эти слова Дарьи Александровны. Она не могла понять, какъ все это было высоко и недоступно ей, и она не должна была смѣть упоминать объ этомъ. Левинъ

простился съ ними, но, чтобы не остаться одному, прицѣпился къ своему брату.

— Ты куда ѣдешь?

— Я въ засѣданіе.

— Ну и я съ тобой. Можно?

— Отчего же? поѣдемъ,—улыбаясь сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Что съ тобой нынче?

— Со мной? Со мной счастіе!—сказалъ Левинъ, опуская окно кареты, въ которой они ѣхали.—Ничего тебѣ?—а то душно. Со мной счастіе! Отчего ты не женился никогда?

Сергѣй Ивановичъ улыбнулся.

— Я очень радъ, она кажется славная дѣ...—началъ было Сергѣй Ивановичъ.

— Не говори, не говори, не говори!—закричалъ Левинъ, схвативъ его обѣими руками за воротникъ его шубы и запахивая его. „Она славная дѣвушка" были такія простыя, низменныя слова, столь несоотвѣтственныя его чувству.

Сергѣй Ивановичъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ, что съ нимъ рѣдко бывало.

— Ну все-таки можно сказать, что я очень радъ этому.

— Это можно завтра, завтра, и больше ничего! Ничего, ничего, молчаніе...—сказалъ Левинъ и, запахнувъ его еще разъ шубой, прибавилъ:—я тебя очень люблю! Что же, можно мнѣ быть въ засѣданіи?

— Разумѣется, можно.

— О чемъ у васъ нынче рѣчь?—спрашивалъ Левинъ, не переставая улыбаться.

Они пріѣхали въ засѣданіе. Левинъ слушалъ, какъ секретарь, запинаясь, читалъ протоколъ, котораго очевидно самъ не понималъ; но Левинъ видѣлъ по лицу этого секре-

таря, какой онъ былъ милый, добрый и славный человѣкъ. Это видно было по тому, какъ онъ мѣшался и конфузился, читая протоколъ. Потомъ начались рѣчи. Они спорили объ отчисленіи какихъ-то суммъ и о проведеніи какихъ-то трубъ, и Сергѣй Ивановичъ уязвилъ двухъ членовъ и что-то побѣдоносно долго говорилъ; и другой членъ, написавъ что-то на бумажкѣ, заробѣлъ сначала, но потомъ отвѣтилъ ему очень ядовито и мило. И потомъ Свіяжскій (онъ былъ тутъ же) тоже что-то сказалъ такъ красиво и благородно. Левинъ слушалъ ихъ и ясно видѣлъ, что ни этихъ отчисленныхъ суммъ, ни трубъ, ничего этого не было, и что они вовсе не сердились, а что они были всѣ такіе добрые, славные люди, и такъ все это хорошо, мило шло между ними. Никому они не мѣшали, и всѣмъ было пріятно. Замѣчательно было для Левина то, что они всѣ для него нынче были видны насквозь, и по маленькимъ, прежде незамѣтнымъ признакамъ онъ узнавалъ душу каждаго и ясно видѣлъ, что они всѣ были добрые. Въ особенности его, Левина, они всѣ чрезвычайно любили нынче. Это видно было по тому, какъ они говорили съ нимъ, какъ ласково, любовно смотрѣли на него даже всѣ незнакомые.

— Ну, что же, ты доволенъ? — спросилъ у него Сергѣй Ивановичъ.

— Очень. Я никакъ не думалъ, что это такъ интересно! Славно, прекрасно!

Свіяжскій подошелъ къ Левину и звалъ его къ себѣ чай пить. Левинъ никакъ не могъ понять и вспомнить, чѣмъ онъ былъ недоволенъ въ Свіяжскомъ, чего онъ искалъ отъ него. Онъ былъ умный и удивительно добрый человѣкъ.

— Очень радъ,—сказалъ онъ и спросилъ про жену и про

свояченицу. И по странной филіаціи мыслей, такъ какъ въ его воображеніи мысль о свояченицѣ Свіяжскаго связывалась съ бракомъ, ему представилось, что никому лучше нельзя разсказать своего счастія, какъ женѣ и свояченицѣ Свіяжскаго, и онъ очень былъ радъ ѣхать къ нимъ.

Свіяжскій распрашивалъ его про его дѣло въ деревнѣ, какъ и всегда не предполагая никакой возможности найдти что-нибудь не найденное въ Европѣ, и теперь это нисколько не непріятно было Левину. Онъ, напротивъ, чувствовалъ, что Свіяжскій правъ, что все это дѣло ничтожно, и видѣлъ удивительную мягкость и нѣжность, съ которою Свіяжскій избѣгалъ высказыванья своей правоты. Дамы Свіяжскаго были особенно милы. Левину казалось, что онѣ все уже знаютъ и сочувствуютъ ему, но не говорятъ только изъ деликатности. Онъ просидѣлъ у нихъ часъ, два, три, разговаривая о разныхъ предметахъ, но подразумѣвалъ одно то, что наполняло его душу, и не замѣчалъ того, что онъ надоѣлъ имъ ужасно и что имъ давно пора была спать. Свіяжскій проводилъ его до передней, зѣвая и удивляясь тому странному состоянію, въ которомъ былъ его пріятель. Былъ второй часъ. Левинъ вернулся въ гостиницу и испугался мысли о томъ, какъ онъ одинъ теперь съ своимъ нетерпѣніемъ проведетъ остающіеся ему еще десять часовъ. Неспавшій чередовой лакей зажегъ ему свѣчи и хотѣлъ уйдти, но Левинъ остановилъ его. Лакей этотъ, Егоръ, котораго прежде не замѣчалъ Левинъ, оказался очень умнымъ и хорошимъ, а главное—добрымъ человѣкомъ.

— Что же, трудно, Егоръ, не спать?

— Что дѣлать! Наша должность такая. У господъ покойнѣе; за то расчетовъ здѣсь больше.

Оказалось, что у Егора была семья, три мальчика и дочь швея, которую онъ хотѣлъ отдать замужъ за прикащика въ шорной лавкѣ.

Левинъ, по этому случаю, сообщилъ Егору свою мысль о томъ, что въ бракѣ главное дѣло—любовь, и что съ любовью всегда будешь счастливъ, потому что счастіе бываетъ только въ себѣ самомъ.

Егоръ внимательно выслушалъ и очевидно вполнѣ понялъ мысль Левина, но въ подтвержденіе ея онъ привелъ неожиданное для Левина замѣчаніе о томъ, что когда онъ жилъ у хорошихъ господъ, онъ всегда былъ своими господами доволенъ, и теперь вполнѣ доволенъ своимъ хозяиномъ, хотя онъ французъ.

„Удивительно добрый человѣкъ!“ думалъ Левинъ.

— Ну, а ты, Егоръ, когда женился, ты любилъ свою жену?

— Какъ же не любить,—отвѣчалъ Егоръ.

И Левинъ видѣлъ, что Егоръ находился тоже въ восторженномъ состояніи и намѣревается высказать всѣ свои задушевныя чувства.

— Моя жизнь тоже удивительная. Я съизмальства...—началъ онъ, блестя глазами, очевидно заразившись восторженностью Левина такъ же, какъ люди заражаются зѣвотой.

Но въ это время послышался звонокъ; Егоръ ушелъ, и Левинъ остался одинъ. Онъ почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, отказался отъ чая и ужина у Свіяжскихъ, но не могъ подумать объ ужинѣ. Онъ не спалъ прошлую ночь, но не могъ и думать о снѣ. Въ комнатѣ было свѣжо, но его душила жара. Онъ отворилъ обѣ форточки и сѣлъ на столъ противъ форточекъ. Изъ-за покрытой снѣгомъ крыши видны были узорчатый съ цѣпями крестъ и выше его —

поднимающійся треугольникъ созвѣздія Возничаго съ желтовато-яркою Капеллой. Онъ смотрѣлъ то на крестъ, то на звѣзду, вдыхалъ въ себя свѣжій морозный воздухъ, равномѣрно вбѣгающій въ комнату, и, какъ во снѣ, слѣдилъ за возникающими въ воображеніи образами и воспоминаніями. Въ четвертомъ часу онъ услыхалъ шаги по корридору и выглянулъ въ дверь. Это возвращался знакомый ему игрокъ Мяскинъ изъ клуба. Онъ шелъ мрачно, насупившись и откашливаясь. „Бѣдный, несчастный!“ подумалъ Левинъ, и слезы выступили ему на глаза отъ любви и жалости къ этому человѣку. Онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ, утѣшить его, но вспомнивъ, что онъ въ одной рубашкѣ, раздумалъ и опять сѣлъ къ форточкѣ, чтобы купаться въ холодномъ воздухѣ и глядѣть на этотъ, чудной формы, молчаливый, но полный для него значенія, крестъ и на возносящуюся желтояркую звѣзду. Въ седьмомъ часу зашумѣли полотеры, зазвонили къ какой-то службѣ, и Левинъ почувствовалъ, что начинаетъ зябнуть. Онъ затворилъ форточку, умылся, одѣлся и вышелъ на улицу.

XV.

На улицахъ еще было пусто. Левинъ пошелъ къ дому Щербацкихъ. Парадныя двери были заперты и все спало. Онъ пошелъ назадъ, вошелъ опять въ нумеръ и потребовалъ кофе. Денной лакей, уже не Егоръ, принесъ ему. Левинъ хотѣлъ вступить съ нимъ въ разговоръ, но лакею позвонили, и онъ ушелъ. Левинъ попробовалъ отпить кофе и положить калачъ въ ротъ, но ротъ его рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ калачомъ. Левинъ выплюнулъ калачъ, надѣлъ пальто и пошелъ опять ходить. Былъ деся-

тый часъ, когда онъ во второй разъ пришелъ къ крыльцу Щербацкихъ. Въ домѣ только-что встали, и поваръ шелъ за провизіей. Надо было прожить еще, по крайней мѣрѣ, два часа.

Всю эту ночь и утро Левинъ жилъ совершенно безсознательно и чувствовалъ себя совершенно изъятымъ изъ условій матеріальной жизни. Онъ не ѣлъ цѣлый день, не спалъ двѣ ночи, провелъ нѣсколько часовъ раздѣтый на морозѣ—и чувствовалъ себя не только свѣжимъ и здоровымъ, какъ никогда, но онъ чувствовалъ себя совершенно независимымъ отъ тѣла: онъ двигался безъ усилія мышцъ и чувствовалъ, что все можетъ сдѣлать. Онъ былъ увѣренъ, что полетѣлъ бы вверхъ или сдвинулъ бы уголъ дома, еслибъ это понадобилось. Онъ проходилъ остальное время по улицамъ, безпрестанно посматривая на часы и оглядываясь по сторонамъ.

И что онъ видѣлъ тогда, того послѣ уже онъ никогда не видалъ. Въ особенности дѣти, шедшія въ школу, голуби сизые, слетѣвшіе съ крыши на тротуаръ, и сайки, посыпанныя мукой, которыя выставила невидимая рука, тронули его. Эти сайки, голуби и два мальчика были неземныя существа. Все это случилось въ одно время: мальчикъ подбѣжалъ къ голубю и улыбаясь взглянулъ на Левина; голубь затрещалъ крыльями и отпорхнулъ, блестя на солнцѣ, между дрожащими въ воздухѣ пылинками снѣга, а изъ окошка пахнуло духомъ печенаго хлѣба и выставились сайки. Все это вмѣстѣ было такъ необычайно хорошо, что Левинъ засмѣялся и заплакалъ отъ радости. Сдѣлавъ большой кругъ по Газетному переулку и Кисловкѣ, онъ вернулся опять въ гостиницу и, положивъ передъ собой часы, сѣлъ,

ожидая двѣнадцати. Въ сосѣднемъ нумерѣ говорили что-то о машинахъ и обманѣ и кашляли утреннимъ кашлемъ. Они не понимали, что уже стрѣлка подходитъ къ двѣнадцати. Стрѣлка подошла. Левинъ вышелъ на крыльцо. Извощики очевидно все знали. Они съ счастливыми лицами окружили Левина, споря между собой и предлагая свои услуги. Стараясь не обидѣть другихъ извощиковъ и обѣщавъ съ тѣми тоже поѣздить, Левинъ взялъ одного и велѣлъ ѣхать къ Щербацкимъ. Извощикъ былъ прелестенъ въ бѣломъ, высунутомъ изъ-подъ кафтана и натянутомъ на налитой, красной, крѣпкой шеѣ, воротѣ рубахи. Сани у этого извощика были высокія, ловкія, такія, на какихъ Левинъ уже послѣ никогда не ѣздилъ, и лошадь была хороша и старалась бѣжать, но не двигалась съ мѣста. Извощикъ зналъ домъ Щербацкихъ и, особенно почтительно къ сѣдоку округливъ руки и сказавъ „тпрру“, осадилъ у подъѣзда. Швейцаръ Щербацкихъ навѣрное все зналъ. Это видно было по улыбкѣ его глазъ и по тому, какъ онъ сказалъ:

— Ну, давно не были, Константинъ Дмитріевичъ!

Не только онъ все зналъ, но онъ очевидно ликовалъ и дѣлалъ усилія, чтобы скрыть свою радость. Взглянувъ въ его старческіе милые глаза, Левинъ понялъ даже что-то еще новое въ своемъ счастіи.

— Встали?

— Пожалуйте! А то оставьте здѣсь,—сказалъ онъ улыбаясь, когда Левинъ хотѣлъ вернуться взять шапку. Это что-нибудь значило.

— Кому доложить прикажете?—спросилъ лакей.

Лакей былъ хотя и молодой и изъ новыхъ лакеевъ, франтъ, но очень добрый и хорошій человѣкъ, и тоже все понималъ.

— Княгинѣ... Князю... Княжнѣ...— сказалъ Левинъ.

Первое лицо, которое онъ увидалъ, была mademoiselle Linon. Она шла черезъ залу, и букольки, и лицо ея сіяли. Онъ только-что заговорилъ съ нею, какъ вдругъ за дверью послышался шорохъ платья, и mademoiselle Linon исчезла изъ глазъ Левина, и радостный ужасъ близости своего счастія сообщился ему. Mademoiselle Linon заторопилась и, оставивъ его, пошла къ другой двери. Только-что она вышла, быстрые-быстрые легкіе шаги зазвучали по паркету, и его счастіе, его жизнь, онъ самъ - лучшее его самого себя, то, чего онъ искалъ и желалъ такъ долго – быстро-быстро близилось къ нему. Она не шла, но какою-то невидимою силой неслась къ нему.

Онъ видѣлъ только ея ясные, правдивые глаза, испуганные той же радостью любви, которая наполняла и его сердце. Глаза эти свѣтились ближе и ближе, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ любви. Она остановилась подлѣ самого его, касаясь его. Руки ея поднялись и опустились ему на плечи.

Она сдѣлала все, что могла,—она подбѣжала къ нему и отдалась вся, робѣя и радуясь. Онъ обнялъ ее и прижалъ губы къ ея рту, искавшему его поцѣлуя.

Она тоже не спала всю ночь и все утро ждала его.

Мать и отецъ были безспорно согласны и счастливы ея счастіемъ. Она ждала его. Она первая хотѣла объявить ему свое и его счастіе. Она готовилась одна встрѣтить его, и радовалась этой мысли, и робѣла, и стыдилась, и сама не знала, что она сдѣлаетъ. Она слышала его шаги и голосъ и ждала за дверью, пока уйдетъ mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла. Она, не думая, не спрашивая себя, какъ и что, подошла къ нему и сдѣлала то, что она сдѣлала.

— Пойдемте къ мама!—сказала она, взявъ его за руку. Онъ долго ничего не могъ сказать, не столько потому, чтобъ онъ боялся словомъ испортить высоту своего чувства, сколько потому, что каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ сказать что-нибудь, вмѣсто словъ, онъ чувствовалъ, что у него вырвутся слезы счастія. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Неужели это правда?—сказалъ онъ наконецъ глухимъ голосомъ.—Я не могу вѣрить, что ты любишь меня!

Она улыбнулась этому „ты" и той робости, съ которою онъ взглянулъ на нее.

— Да!—значительно, медленно проговорила она.—Я такъ счастлива!

Она, не выпуская руки его, вошла въ гостиную. Княгиня, увидавъ ихъ, задышала часто и тотчасъ же заплакала, и тотчасъ же засмѣялась, и такимъ энергическимъ шагомъ, какого не ждалъ Левинъ, подбѣжала къ нимъ и, обнявъ голову Левину, поцѣловала его и обмочила его щеки слезами.

— Такъ все кончено! Я рада. Люби ее. Я рада... Кити!

— Скоро устроились! — сказалъ старый князь, стараясь быть равнодушнымъ; но Левинъ замѣтилъ, что глаза его были влажны, когда онъ обратился къ нему. — Я давно, всегда этого желалъ!—сказалъ князь, взявъ за руку Левина и притягивая его къ себѣ.—Я еще тогда, когда эта вѣтреница вздумала...

— Папа!—вскрикнула Кити и закрыла ему ротъ руками.

— Ну, не буду!—сказалъ онъ.—Я очень, очень... ра... Ахъ, какъ я глупъ!...

Онъ обнялъ Кити, поцѣловалъ ея лицо, руку, опять лицо и перекрестилъ ее.

И Левина охватило новое чувство любви къ этому, прежде

чуждому ему, человѣку, старому князю, когда онъ смотрѣлъ, какъ Кити долго и нѣжно цѣловала его мясистую руку.

XVI.

Княгиня сидѣла въ креслѣ молча и улыбаясь; князь сѣлъ подлѣ нея. Кити стояла у кресла отца, все не выпуская его руку. Всѣ молчали.

Княгиня первая назвала все словами и перевела всѣ мысли и чувства въ вопросы жизни. И всѣмъ одинаково странно и больно даже это показалось въ первую минуту.

— Когда же? Надо благословить и объявить. А когда же свадьба? Какъ ты думаешь, Александръ?

— Вотъ онъ, — сказалъ старый князь, указывая на Левина,—онъ тутъ главное лицо.

— Когда?—сказалъ Левинъ, краснѣя.—Завтра. Если вы меня спрашиваете, то, по моему, нынче благословить и завтра свадьба.

— Ну, полно, mon cher, глупости!

— Ну, черезъ недѣлю.

— Онъ точно сумасшедшій.

— Нѣтъ, отчего же?

— Да помилуй! — радостно улыбаясь этой поспѣшности, сказала мать. — А приданое?

„Неужели будетъ приданое и все это?—подумалъ Левинъ съ ужасомъ.—А впрочемъ, развѣ можетъ приданое, и благословеніе, и все это—развѣ это можетъ испортить мое счастіе? Ничто не можетъ испортить!“ Онъ взглянулъ на Кити и замѣтилъ, что ее нисколько, нисколько не оскорбила мысль о приданомъ. „Стало быть это нужно“, подумалъ онъ.

— Я вѣдь ничего не знаю, я только сказалъ свое желаніе,—проговорилъ онъ, извиняясь.

— Такъ мы разсудимъ. Теперь можно благословить и объявить. Это такъ.

Княгиня подошла къ мужу, поцѣловала его и хотѣла идти, но онъ удержалъ ее, обнялъ и нѣжно, какъ молодой влюбленный, нѣсколько разъ, улыбаясь, поцѣловалъ ее. Старики очевидно спутались на минутку и не знали хорошенько, они ли опять влюблены, или только дочь ихъ. Когда князь съ княгиней вышли, Левинъ подошелъ къ своей невѣстѣ и взялъ ее за руку. Онъ теперь овладѣлъ собой и могъ говорить, и ему много нужно было сказать ей. Но онъ сказалъ совсѣмъ не то, что нужно было.

— Какъ я зналъ, что это такъ будетъ! Я никогда не надѣялся, но въ душѣ я былъ увѣренъ всегда,—сказалъ онъ.— Я вѣрю, что это было предназначено.

— А я?—сказала она.—Даже тогда...—Она остановилась и опять продолжала, рѣшительно глядя на него своими правдивыми глазами,—даже тогда, когда я оттолкнула отъ себя свое счастіе. Я любила всегда васъ одного, но я была увлечена. Я должна сказать... Вы можете забыть это?

— Можетъ-быть это къ лучшему. Вы мнѣ должны простить многое. Я долженъ сказать вамъ...

Это было одно изъ того, что онъ рѣшилъ сказать ей. Онъ рѣшился сказать ей съ первыхъ же дней двѣ вещи: то, что онъ не такъ чистъ, какъ она, и другое — что онъ неверующій. Это было мучительно, но онъ считалъ, что долженъ сказать и то и другое.

— Нѣтъ, не теперь, послѣ!—сказалъ онъ.

— Хорошо, послѣ, но непремѣнно скажите. Я не боюсь ничего. Мнѣ нужно все знать. Теперь кончено.

Онъ досказалъ:—Кончено то, что вы возьмете меня, какой бы я ни былъ,—не откажетесь отъ меня, да?

— Да, да.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ mademoiselle Linon, которая, хотя и притворно, но нѣжно улыбаясь, пришла поздравить свою любимую воспитанницу. Еще она не вышла, какъ съ поздравленіемъ пришли слуги. Потомъ пріѣхали родные, и начался тотъ блаженный сумбуръ, изъ котораго Левинъ не выходилъ до другаго дня своей свадьбы. Левину было постоянно неловко, скучно, но напряженіе счастія шло все увеличиваясь. Онъ постоянно чувствовалъ, что отъ него требуется многое, чего онъ не знаетъ,—и онъ дѣлалъ все, что ему говорили, и все это доставляло ему счастіе. Онъ думалъ, что его сватовство не будетъ имѣть ничего похожаго на другія, что обычныя условія сватовства испортятъ его особенное счастіе; но кончилось тѣмъ, что онъ дѣлалъ то же, что другіе, и счастіе его отъ этого только увеличивалось и дѣлалось болѣе и болѣе особеннымъ, не имѣвшимъ и не имѣющимъ ничего подобнаго.

— Теперь мы поѣдимъ конфетъ,—говорила m-lle Linon и Левинъ ѣхалъ покупать конфеты.

— Ну, очень радъ,—сказалъ Свіяжскій.—Я вамъ совѣтую букеты брать у Ѳомина.

— А надо?—И онъ поѣхалъ къ Ѳомину.

Братъ говорилъ ему, что надо занять денегъ, потому что будетъ много расходовъ, подарки...

— А надо подарки?—И онъ скакалъ къ Фульда.

И у кондитера, и у Ѳомина, и у Фульда онъ видѣлъ, что

его ждали, что ему рады и торжествуютъ его счастіе такъ же, какъ и всѣ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло въ эти дни. Необыкновенно было то, что его всѣ не только любили, но и всѣ прежде несимпатичные, холодные, равнодушные люди, восхищаясь имъ, покорялись ему во всемъ, нѣжно и деликатно обходились съ его чувствомъ и раздѣляли его убѣжденіе, что онъ былъ счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, потому что невѣста его была верхъ совершенства. То же самое чувствовала и Кити. Когда графиня Нордстонъ позволила себѣ намекнуть о томъ, что она желала чего то лучшаго, то Кити такъ разгорячилась и такъ убѣдительно доказала, что лучше Левина ничего не можетъ быть на свѣтѣ, что графиня Нордстонъ должна была признать это и въ присутствіи Кити безъ улыбки восхищенія уже не встрѣчала Левина.

Объясненіе, обѣщанное имъ, было одно тяжелое событіе того времени. Онъ посовѣтовался со старымъ княземъ и, получивъ его разрѣшеніе, передалъ Кити свой дневникъ, въ которомъ было написано то, что мучило его. Онъ и писалъ этотъ дневникъ тогда въ виду будущей невѣсты. Его мучили двѣ вещи: его неневинность и невѣріе. Признаніе въ невѣріи прошло незамѣченнымъ. Она была религіозна, никогда не сомнѣвалась въ истинахъ религіи, но его внѣшнее невѣріе даже нисколько не затронуло ее. Она знала любовью всю его душу, и въ душѣ его она видѣла то, чего она хотѣла; а что такое состояніе души называется быть невѣрующимъ, это ей было все равно. Другое же признаніе заставило ее горько плакать.

Левинъ не безъ внутренней борьбы передалъ ей свой дневникъ. Онъ зналъ, что между нимъ и ею не можетъ и

не должно быть тайнъ, и потому онъ рѣшилъ, что такъ должно; но онъ не далъ себѣ отчета о томъ, какъ это можетъ подѣйствовать, онъ не перенесся въ нее. Только когда въ этотъ вечеръ онъ пріѣхалъ къ нимъ передъ театромъ, вошелъ въ ея комнату и увидѣлъ заплаканное, несчастное отъ непоправимаго, имъ произведеннаго горя, жалкое и милое лицо, онъ понялъ ту пучину, которая отдѣляла его позорное прошедшее отъ ея голубиной чистоты, и ужаснулся тому, что онъ сдѣлалъ.

— Возьмите, возьмите эти ужасныя книги!—сказала она, отталкивая лежавшія передъ ней на столѣ тетради.—Зачѣмъ вы дали ихъ мнѣ?... Нѣтъ, все-таки лучше,—прибавила она, сжалившись надъ его отчаяннымъ лицомъ.—Но это ужасно, ужасно!

Онъ опустилъ голову и молчалъ. Онъ ничего не могъ сказать.

— Вы не простите меня,—прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, я простила; но это ужасно!

Однако счастіе его было такъ велико, что это признаніе не нарушило его, а придало ему только новый оттѣнокъ. Она простила его; но съ тѣхъ поръ онъ еще болѣе считалъ себя недостойнымъ ея, еще ниже нравственно склонялся передъ нею и еще выше цѣнилъ свое незаслуженное счастіе.

XVII.

Невольно перебирая въ своемъ воспоминаніи впечатлѣнія разговоровъ, веденныхъ во время и послѣ обѣда, Алексѣй Александровичъ возвращался въ свой одинокій нумеръ. Слова Дарьи Александровны о прощеніи произвели въ немъ

только досаду. Приложеніе или неприложеніе христіанскаго правила къ своему случаю былъ вопросъ слишкомъ трудный, о которомъ нельзя было говорить слегка, и вопросъ этотъ былъ уже давно рѣшенъ Алексѣемъ Александровичемъ отрицательно. Изъ всего сказаннаго наиболѣе запали въ его воображеніе слова глупаго, добраго Туровцына; *Молодецки поступилъ, вызвалъ на дуэль и убилъ* Всѣ очевидно сочувствовали этому, хотя изъ учтивости и не высказали этого.

„Впрочемъ, это дѣло кончено, нечего думать объ этомъ", сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ. И думая только о предстоящемъ отъѣздѣ и дѣлѣ ревизіи, онъ вошелъ въ свой нумеръ и спросилъ у провожавшаго швейцара, гдѣ его лакей; швейцаръ сказалъ, что лакей только-что вышелъ. Алексѣй Александровичъ велѣлъ себѣ подать чаю, сѣлъ къ столу и, взявъ Фрума, сталъ соображать маршрутъ путешествія.

— Двѣ телеграммы, — сказалъ вернувшійся лакей, входя въ комнату.—Извините, ваше превосходительство, я только-что вышелъ.

Алексѣй Александровичъ взялъ телеграммы и распечаталъ. Первая телеграмма было извѣстіе о назначеніи Стремова на то самое мѣсто, котораго желалъ Каренинъ. Алексѣй Александровичъ бросилъ депешу и, покраснѣвъ, всталъ и сталъ ходить по комнатѣ: „Quos vult perdere dementat", сказалъ онъ, разумѣя подъ quos тѣ лица, которыя содѣйствовали этому назначенію. Ему не то было досадно, что не онъ получилъ это мѣсто, что его очевидно обошли, но ему непонятно, удивительно было, какъ они не видали, что болтунъ, фразёръ Стремовъ менѣе всякаго другаго спосо-

бенъ къ этому. Какъ они не видали, что они губили себя, свой prestige этимъ назначеніемъ!

„Что-нибудь еще въ этомъ родѣ“, сказалъ онъ себѣ желчно, открывая вторую депешу. Телеграмма была отъ жены. Подпись ея синимъ карандашомъ: „Анна“—первая бросилась ему въ глаза. „Умираю, прошу, умоляю пріѣхать. Умру съ прощеніемъ спокойнѣе“, прочелъ онъ. Онъ презрительно улыбнулся и бросилъ телеграму. Что это былъ обманъ и хитрость, въ этомъ, какъ ему казалось въ первую минуту, не могло быть никакого сомнѣнія.

„Нѣтъ обмана, передъ которымъ она бы остановилась. Она должна родить. Можетъ быть болѣзнь родовъ. Но какая же ихъ цѣль? Узаконить ребенка, компрометировать меня и помѣшать разводу,—думалъ онъ. — Но что-то тамъ сказано: умираю“... Онъ перечелъ телеграмму, и вдругъ прямой смыслъ того, что было сказано въ ней, поразилъ его.—„А если это правда?—сказалъ онъ себѣ.—Если правда, что, въ минуту страданій и близости смерти, она искренно раскаивается, и я, принявъ это за обманъ, откажусь пріѣхать? Это будетъ не только жестоко и всѣ осудятъ меня, но это будетъ глупо съ моей стороны“.

— Петръ, останови карету. Я ѣду въ Петербургъ,—сказалъ онъ лакею.

Алексѣй Александровичъ рѣшилъ, что поѣдетъ въ Петербургъ и увидитъ жену. Если ея болѣзнь есть обманъ, то онъ промолчитъ и уѣдетъ. Если она дѣйствительно больна при смерти и желаетъ его видѣть передъ смертью, то онъ проститъ ее, если застанетъ въ живыхъ, и отдастъ послѣдній долгъ, если пріѣдетъ слишкомъ поздно.

Всю дорогу онъ не думалъ больше о томъ, что̀ ему дѣлать.

Съ чувствомъ усталости и нечистоты, производимымъ ночью въ вагонѣ, въ раннемъ туманѣ Петербурга, Алексѣй Александровичъ ѣхалъ по пустынному Невскому и глядѣлъ передъ собою, не думая о томъ, чтò ожидало его. Онъ не могъ думать объ этомъ, потому что, представляя себѣ то, что будетъ, онъ не могъ отогнать предположенія о томъ, что смерть ея развяжетъ сразу всю трудность его положенія. Хлѣбники, лавки запертыя, ночные извощики, дворники, метущіе тротуары — мелькали въ его глазахъ, и онъ наблюдалъ все это, стараясь заглушить въ себѣ мысль о томъ, что ожидаетъ его и чего онъ не смѣетъ желать и все-таки желаетъ. Онъ подъѣхалъ къ крыльцу. Извощикъ и карета со спящимъ кучеромъ стояли у подъѣзда. Входя въ сѣни, Алексѣй Александровичъ какъ бы досталъ изъ дальняго угла своего мозга рѣшеніе и справился съ нимъ. Тамъ значилось: „Если обманъ, то презрѣніе спокойное и уѣхать. Если правда, то соблюсти приличія“.

Швейцаръ отворилъ дверь еще прежде, чѣмъ Алексѣй Александровичъ позвонилъ. Швейцаръ Петровъ, иначе Капитонычъ, имѣлъ странный видъ въ старомъ сюртукѣ, безъ галстука и въ туфляхъ.

— Что барыня?

— Вчера разрѣшились благополучно.

Алексѣй Александровичъ остановился и поблѣднѣлъ. Онъ ясно понялъ теперь, съ какою силой онъ желалъ ея смерти.

— А здоровье?

Карней въ утреннемъ фартукѣ сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Очень плохо, — отвѣчалъ онъ. — Вчера былъ докторскій съѣздъ, и теперь докторъ здѣсь.

— Возьми вещи, — сказалъ Алексѣй Александровичъ и,

испытывая нѣкоторое облегченіе отъ извѣстія, что есть все-таки надежда смерти, онъ вошелъ въ переднюю.

На вѣшалкѣ было военное пальто. Алексѣй Александрович замѣтилъ это и спросилъ:

— Кто здѣсь?

— Докторъ, акушерка и графъ Вронскій.

Алексѣй Александровичъ прошелъ во внутреннія комнаты.

Въ гостиной никого не было; изъ ея кабинета, на звукъ его шаговъ, вышла акушерка въ чепцѣ съ лиловыми лентами.

Она подошла къ Алексѣю Александровичу и, съ фамильярностью близости смерти, взявъ его за руку, повлекла въ спальню.

— Слава Богу, что вы пріѣхали! Только объ васъ и объ васъ...—сказала она.

— Дайте же льду скорѣе!—сказалъ изъ спальни повелительный голосъ доктора.

Алексѣй Александровичъ прошелъ въ ея кабинетъ. У ея стола, бокомъ къ спинкѣ, на низкомъ стулѣ, сидѣлъ Вронскій и, закрывъ лицо руками, плакалъ. Онъ вскочилъ на голосъ доктора, отнялъ руки отъ лица и увидалъ Алексѣя Александровича. Увидавъ мужа, онъ такъ смутился, что опять сѣлъ, втягивая голову въ плечи, какъ бы желая исчезнуть куда-нибудь; но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, поднялся и сказалъ:

— Она умираетъ. Доктора сказали, что нѣтъ надежды. Я весь въ вашей власти, но позвольте мнѣ быть тутъ... Впрочемъ, я въ вашей волѣ, я...

Алексѣй Александровичъ, увидавъ слезы Вронскаго, почувствовалъ приливъ того душевнаго разстройства, которое производилъ въ немъ видъ страданій другихъ людей, и,

отворачивая лицо, онъ, не дослушавъ его словъ, поспѣшно пошелъ къ двери. Изъ спальни слышался голосъ Анны, говорившій что-то. Голосъ ея былъ веселый, оживленный, съ чрезвычайно опредѣленными интонаціями. Алексѣй Александровичъ вошелъ въ спальню и подошелъ къ кровати. Она лежала повернувшись лицомъ къ нему. Щеки рдѣли румянцемъ, глаза блестѣли, маленькія бѣлыя руки высовывались изъ манжетъ кофты, играли угломъ одѣяла, перевивая его. Казалось, она была не только здорова и свѣжа, но въ наилучшемъ расположеніи духа. Она говорила скоро, звучно и съ необыкновенно правильными и прочувствованными интонаціями.

— Потому что Алексѣй,—я говорю про Алексѣя Александровича (какая странная, ужасная судьба, что оба Алексѣи, не правда ли?),—Алексѣй не отказалъ бы мнѣ. Я бы забыла, онъ бы простилъ... Да что жъ онъ не ѣдетъ? Онъ добръ, онъ самъ не знаетъ, какъ онъ добръ. Ахъ, Боже мой, какая тоска! Дайте мнѣ поскорѣе воды! Ахъ, это ей, дѣвочкѣ моей, будетъ вредно! Ну, хорошо, ну дайте ей кормилицу. Ну, я согласна, это даже лучше. Онъ пріѣдетъ, ему больно будетъ видѣть ее. Отдайте ее.

— Анна Аркадьевна, онъ пріѣхалъ. Вотъ онъ!—говорила акушерка, стараясь обратить на Алексѣя Александровича ея вниманіе.

— Ахъ, какой вздоръ!—продолжала Анна, не видя мужа.— Да дайте мнѣ ее, дѣвочку, дайте! Онъ еще не пріѣхалъ. Вы оттого говорите, что не проститъ, что вы не знаете его. Никто не зналъ. Одна я, и то мнѣ тяжело стало. Его глаза, надо знать, у Сережи точно такіе же, и я ихъ видѣть не могу отъ этого. Дали ли Сережѣ обѣдать? Вѣдь я

знаю, всѣ забудутъ. Онъ бы не забылъ. Надо Сережу перевести въ угольную и Mariette попросить съ нимъ лечь.

Вдругъ она сжалась, затихла и съ испугомъ, какъ будто ожидая удара, какъ будто защищаясь, подняла руки къ лицу. Она увидала мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заговорила она,—я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексѣй, подойди сюда. Я тороплюсь оттого, что мнѣ некогда, мнѣ осталось жить немного, сейчасъ начнется жаръ и я ничего ужъ не пойму. Теперь я понимаю, и все понимаю, я все вижу.

Сморщенное лицо Алексѣя Александровича приняло страдальческое выраженіе; онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ что-то сказать, но никакъ не могъ выговорить; нижняя губа его дрожала, но онъ все еще боролся съ своимъ волненіемъ и только изрѣдка взглядывалъ на нее. И каждый разъ, какъ онъ взглядывалъ, онъ видѣлъ глаза ея, которые смотрѣли на него съ такою умиленною и восторженною нѣжностью, какой онъ никогда не видалъ въ нихъ.

— Подожди, ты не знаешь... Постойте, постойте...— Она остановилась, какъ бы собиралась съ мыслями.—Да,— начинала она. — Да, да, да. Вотъ что я хотѣла сказать. Не удивляйся на меня. Я все та же... Но во мнѣ есть другая, я ея боюсь,—она—полюбила того,—и я хотѣла возненавидѣть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та—не я. Теперь я настоящая, я вся. Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него. Я и теперь чувствую, вотъ они, пуды на рукахъ, на ногахъ, на пальцахъ. Пальцы — вотъ какіе огромные! Но это все скоро кончится... Одно мнѣ нужно: ты прости меня, прости совсѣмъ! Я ужасна, но мнѣ няня говорила: святая мученица... какъ

ее звали?—она хуже была. И я поѣду въ Римъ, тамъ пустыня, и тогда я никому не буду мѣшать, только Сережу возьму и дѣвочку... Нѣтъ, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить. Нѣтъ, нѣтъ, уйди, ты слишкомъ хорошъ!—Она держала одною горячею рукой его руку, другою отталкивала его.

Душевное разстройство Алексѣя Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что онъ уже пересталъ бороться съ нимъ; онъ вдругъ почувствовалъ, что то, что онъ считалъ душевнымъ разстройствомъ, было, напротивъ, блаженное состояніе души, давшее ему вдругъ новое, никогда неиспытанное имъ счастіе. Онъ не думалъ, что тотъ христіанскій законъ, которому онъ всю жизнь свою хотѣлъ слѣдовать, предписывалъ ему прощать и любить своихъ враговъ; но радостное чувство любви и прощенія къ врагамъ наполнило его душу. Онъ стоялъ на колѣняхъ и, положивъ голову на сгибъ ея руки, которая жгла его огнемъ черезъ кофту, рыдалъ какъ ребенокъ. Она обняла его плѣшивѣющую голову, подвинулась къ нему и съ вызывающею гордостью подняла кверху глаза.

— Вотъ онъ, я знала! Теперь прощайте всѣ, прощайте... Опять они пришли, отчего они не уходятъ?... Да снимите же съ меня эти шубы!

Докторъ отнялъ ея руки, осторожно положилъ ее на подушку и накрылъ съ плечами. Она покорно легла навзничь и смотрѣла передъ собой сіяющимъ взглядомъ.

— Помни одно, что мнѣ нужно было одно прощеніе, и ничего больше я не хочу... Отчего-жъ *онъ* не придетъ?—заговорила она, обращаясь въ дверь къ Вронскому. — Подойди, подойди! Подай ему руку.

Вронскій подошелъ къ краю кровати и, увидавъ Анну, опять закрылъ лицо руками.

— Открой лицо, смотри на него. Онъ святой,—сказала она.—Да открой, открой лицо!—сердито заговорила она.—Алексѣй Александровичъ, открой ему лицо! Я хочу его видѣть.

Алексѣй Александровичъ взялъ руки Вронскаго и отвелъ ихъ отъ лица, ужаснаго по выраженію страданія и стыда, которые были на немъ.

— Подай ему руку. Прости его.

Алексѣй Александровичъ подалъ ему руку, не удерживая слезъ, которыя лились изъ его глазъ.

— Слава Богу, слава Богу, — заговорила она, — теперь все готово. Только немножко вытянуть ноги. Вотъ такъ, вотъ прекрасно. Какъ эти цвѣты сдѣланы безъ вкуса, совсѣмъ непохожи на фіалку, — говорила она, указывая на обои. — Боже мой, Боже мой! Когда это кончится? Дайте мнѣ морфину. Докторъ, дайте же морфину! О Боже мой, Боже мой!

И она заметалась на постели.

Докторъ и доктора говорили, что эта была родильная горячка, въ которой изо ста было 99 шансовъ что кончится смертью. Весь день былъ жаръ, бредъ и безпамятство. Къ полночи больная лежала безъ чувствъ и почти безъ пульса.

Ждали конца каждую минуту.

Вронскій уѣхалъ домой, но утромъ онъ пріѣхалъ узнать, и Алексѣй Александровичъ, встрѣтивъ его въ передней, сказалъ: „Оставайтесь, можетъ-быть она спроситъ васъ“,—

и самъ провелъ его въ кабинетъ жены. Къ утру опять началось волненіе, живость, быстрота мысли и рѣчи, и опять кончилось безпамятствомъ. На третій день было то же, и доктора сказали, что есть надежда. Въ этотъ день Алексѣй Александровичъ вышелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Вронскій, и, заперевъ дверь, сѣлъ противъ него.

— Алексѣй Александровичъ, — сказалъ Вронскій, чувствуя, что приближается объясненіе,—я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня! Какъ вамъ ни тяжело,—повѣрьте, что мнѣ еще ужаснѣе.

Онъ хотѣлъ встать. Но Алексѣй Александровичъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Я прошу васъ выслушать меня, это необходимо. Я долженъ вамъ объяснить свои чувства, тѣ, которыя руководили мной и будутъ руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете, что я рѣшился на разводъ и даже началъ это дѣло. Не скрою отъ васъ, что, начиная дѣло, я былъ въ нерѣшительности, я мучился, признаюсь вамъ, что желаніе мстить вамъ и ей преслѣдовало меня. Когда я получилъ телеграмму, я поѣхалъ сюда съ тѣми же чувствами,—скажу больше, я желалъ ея смерти. Но. .—Онъ помолчалъ въ раздумьи, открыть ли, или не открыть свое чувство. — Но я увидѣлъ ее и простилъ. И счастіе прощенія открыло мнѣ мою обязанность. Я простилъ совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берутъ кафтанъ. Молю Бога только о томъ, чтобъ Онъ не отнялъ у меня счастія прощенія!

Слезы стояли въ его глазахъ, и свѣтлый, спокойный взглядъ ихъ поразилъ Вронскаго.

— Вотъ мое положеніе. Вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта, я не покину ея, и никогда слова упрека не скажу вамъ,—продолжалъ Алексѣй Александровичъ.—Моя обязанность ясно начертана для меня: я долженъ быть съ ней, и буду. Если она пожелаетъ васъ видѣть, я дамъ вамъ знать, но теперь, я полагаю, вамъ лучше удалиться.

Онъ всталъ, и рыданія прервали его рѣчь. Вронскій тоже поднялся и, въ нагнутомъ, невыпрямленномъ состояніи, изъ подлобья глядѣлъ на него. Онъ не понималъ чувствъ Алексѣя Александровича, но онъ чувствовалъ, что это было что-то высшее и даже недоступное ему въ его міровоззрѣніи.

XVIII.

Послѣ разговора своего съ Алексѣмъ Александровичемъ Вронскій вышелъ на крыльцо дома Карениныхъ и остановился, съ трудомъ вспоминая, гдѣ онъ и куда ему надо идти или ѣхать. Онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ, униженнымъ, виноватымъ и лишеннымъ возможности смыть свое униженіе. Онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ той колеи, по которой онъ такъ гордо и легко шелъ до сихъ поръ. Всѣ казавшіеся столь твердыми, привычки и уставы его жизни вдругъ оказались ложными и неприложимыми. Обманутый мужъ, представлявшійся до сихъ поръ жалкимъ существомъ, случайною и нѣсколько комическою помѣхой его счастію, вдругъ ею самой былъ вызванъ, вознесенъ на внушающую подобострастіе высоту, и этотъ мужъ явился на этой высотѣ не злымъ, не фальшивымъ, не смѣшнымъ, но добрымъ, простымъ и величественнымъ. Этого не могъ не почувствовать Вронскій. Роли вдругъ измѣнились. Врон-

скій чувствовалъ его высоту и свое униженіе, его правоту и свою неправду. Онъ почувствовалъ, что мужъ былъ великодушенъ и въ своемъ горѣ, а онъ низокъ, мелоченъ въ своемъ обманѣ. Но это сознаніе своей низости передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ несправедливо презиралъ, составляло только малую часть его горя. Онъ чувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ теперь оттого, что страсть его къ Аннѣ, которая охлаждалась, ему казалось, въ послѣднее время, теперь, когда онъ зналъ, что навсегда потерялъ ее, стала сильнѣе, чѣмъ была когда-нибудь. Онъ увидалъ ее всю, во время ея болѣзни, узналъ ея душу, и ему казалось, что онъ никогда до тѣхъ поръ не любилъ ея. И теперь-то, когда онъ узналъ ее, полюбилъ, какъ должно было любить, онъ былъ униженъ передъ нею и потерялъ ее навсегда, оставивъ въ ней о себѣ одно постыдное воспоминаніе. Ужаснѣе же всего было то смѣшное, постыдное положеніе его, когда Алексѣй Александровичъ отдиралъ ему руки отъ его пристыженнаго лица. Онъ стоялъ на крыльцѣ дома Карениныхъ какъ потерянный и не зналъ что̀ дѣлать.

— Извощика прикажете?—спросилъ швейцаръ.

— Да, извощика.

Вернувшись домой послѣ трехъ безсонныхъ ночей, Вронскій, не раздѣваясь, легъ ничкомъ на диванъ, сложивъ руки и положивъ на нихъ голову. Голова его была тяжела. Представленія, воспоминанія и мысли самыя странныя съ чрезвычайною быстротой и ясностью смѣнялись одна другою: то это было лѣкарство, которое онъ наливалъ больной и перелилъ черезъ ложку, то бѣлыя руки акушерки, то странное положеніе Алексѣя Александровича на полу передъ кроватью.

„Заснуть! Забыть!“ сказалъ онъ себѣ, со спокойною увѣренностью здороваго человѣка въ томъ, что если онъ усталъ и хочетъ спать, то сейчасъ же и заснетъ. И дѣйствительно, въ то же мгновеніе въ головѣ стало путаться, и онъ сталъ проваливаться въ пропасть забвенія. Волны моря безсознательной жизни стали уже сходиться надъ его головой, какъ вдругъ точно сильнѣйшій зарядъ электричества былъ разряженъ въ него. Онъ вздрогнулъ такъ, что всѣмъ тѣломъ подпрыгнулъ на пружинахъ дивана, и, упершись руками, съ испугомъ вскочилъ на колѣни. Глаза его были широко открыты, какъ будто онъ никогда не спалъ. Тяжесть головы и вялость членовъ, которыя онъ испытывалъ за минуту, вдругъ исчезли.

„Вы можете затоптать въ грязь“, слышалъ онъ слова Алексѣя Александровича, и видѣлъ его передъ собой, и видѣлъ съ горячечнымъ румянцемъ и блестящими глазами лицо Анны, съ нѣжностью и любовью смотрящее не на него, а на Алексѣя Александровича; онъ видѣлъ свою, какъ ему казалось, глупую и смѣшную фигуру, когда Алексѣй Александровичъ отнялъ ему отъ лица руки. Онъ опять вытянулъ ноги и бросился на диванъ въ прежней позѣ и закрылъ глаза.

„Заснуть, заснуть!“ повторялъ онъ себѣ. Но съ закрытыми глазами онъ еще яснѣе видѣлъ лицо Анны такимъ, какое оно было въ памятный ему вечеръ до скачекъ.

„Этого нѣтъ, и не будетъ, и она желаетъ стереть это изъ своего воспоминанія. А я не могу жить безъ этого. Какъ же намъ помириться, какъ же намъ помириться?“ сказалъ онъ вслухъ и безсознательно сталъ повторять эти слова. Это повтореніе словъ удерживало возникновеніе новыхъ об-

разовъ и воспоминаній, которые, онъ чувствовалъ, толпились въ его головѣ. Но повтореніе словъ удержало воображеніе не надолго. Опять одна за другой стали представляться съ чрезвычайною быстротой лучшія минуты и вмѣстѣ съ ними недавнее униженіе. „Отними руки“, говоритъ голосъ Анны. Онъ отнимаетъ руки—и чувствуетъ пристыженное и глупое выраженіе своего лица.

Онъ все лежалъ, стараясь заснуть, хотя чувствовалъ, что не было ни малѣйшей надежды, и все повторялъ шепотомъ случайныя слова изъ какой-нибудь мысли, желая этимъ удержать возникновеніе новыхъ образовъ. Онъ прислушался—и услыхалъ страннымъ, сумасшедшимъ шепотомъ повторяемыя слова: „не умѣлъ цѣнить, не умѣлъ пользоваться. Не умѣлъ цѣнить, не умѣлъ пользоваться“.

„Что это? или я съ ума схожу?—сказалъ онъ себѣ.—Можетъ быть. Отчего же и сходятъ съ ума, отчего же и стрѣляются?—отвѣчалъ онъ самъ себѣ и, открывъ глаза, съ удивленіемъ увидѣлъ подлѣ своей головы шитую подушку работы Вари, жены брата. Онъ потрогалъ кисть подушки и попытался вспомнить о Варѣ, о томъ, когда онъ видѣлъ ее послѣдній разъ. Но думать о чемъ-нибудь постороннемъ было мучительно.—Нѣтъ, надо заснуть!—Онъ подвинулъ подушку и прижался къ ней головой, но надо было дѣлать усиліе, чтобы держать глаза закрытыми. Онъ вскочилъ и сѣлъ.—Это конечно для меня,—сказалъ онъ себѣ.—Надо обдумать, что̀ дѣлать, что осталось“. Мысль его быстро обѣжала жизнь внѣ его любви къ Аннѣ.

„Честолюбіе? Серпуховской? Свѣтъ? Дворъ?“ Ни на чемъ онъ не могъ остановиться. Все это имѣло смыслъ прежде, но теперь ничего этого уже не было. Онъ всталъ съ дива-

на, снялъ сюртукъ, выпустилъ ремень и, открывъ мохнатую грудь, чтобы дышать свободнѣе, прошелся по комнатѣ. „Такъ сходятъ съ ума,—повторилъ онъ,—и такъ стрѣляются, чтобы не было стыдно“, добавилъ онъ медленно.

Онъ подошелъ къ двери и затворилъ ее; потомъ, съ остановившимся взглядомъ и со стиснутыми крѣпко зубами, подошелъ къ столу, взялъ револьверъ, оглянулъ его, перевернулъ на заряженный стволъ и задумался. Минуты двѣ, опустивъ голову съ выраженіемъ напряженнаго усилія мысли, стоялъ онъ съ револьверомъ въ рукахъ неподвижно и думалъ. „Разумѣется“, сказалъ онъ себѣ, какъ будто логическій, продолжительный и ясный ходъ мысли привелъ его къ несомнѣнному заключенію. Въ дѣйствительности же это убѣдительное для него „разумѣется“ было только послѣдствіемъ повторенія точно такого же круга воспоминаній и представленій, черезъ который онъ прошелъ уже десятки разъ въ тотъ часъ времени. Тѣ же были воспоминанія счастія навсегда потеряннаго, то же представленіе безсмысленности всего предстоящаго въ жизни, то же сознаніе своего униженія. Та же была и послѣдовательность этихъ представленій и чувствъ.

„Разумѣется“, повторилъ онъ, когда въ третій разъ мысль его направилась опять къ тому же самому заколдованному кругу воспоминаній и мыслей, и, приложивъ револьверъ къ лѣвой сторонѣ груди и сильно дернувшись всей рукой, какъ бы вдругъ сжимая ее въ кулакъ, онъ потянулъ за гашетку. Онъ не слыхалъ звука выстрѣла, но сильный ударъ въ грудь сбилъ его съ ногъ. Онъ хотѣлъ удержаться за край стола, уронилъ револьверъ, пошатнулся и сѣлъ на землю, удивленно оглядываясь вокругъ себя. Онъ не узна-

валъ своей комнаты, глядя снизу на выгнутыя ножки стола, на корзинку для бумагъ и тигровую шкуру. Быстрые, скрипящіе шаги слуги, шедшаго по гостиной, заставили его опомниться. Онъ сдѣлалъ усиліе мысли и понялъ, что онъ на полу, и, увидавъ кровь на тигровой шкурѣ и у себя на рукѣ, понялъ, что онъ стрѣлялся.

„Глупо!... Не попалъ", проговорилъ онъ, шаря рукой за револьверомъ. Револьверъ былъ подлѣ него,—онъ искалъ дальше. Продолжая искать, онъ потянулся въ другую сторору и, не въ силахъ удержать равновѣсіе, упалъ, истекая кровью.

Элегантный слуга съ бакенбардами, неоднократно жаловавшійся своимъ знакомымъ на слабость своихъ нервовъ, такъ испугался, увидавъ лежавшаго на полу господина, что оставилъ его истекать кровью и убѣжалъ за помощью. Черезъ часъ, Варя, жена брата, пріѣхала и, съ помощью трехъ явившихся докторовъ, за которыми она послала во всѣ стороны и которые пріѣхали въ одно время, уложила раненаго на постель и осталась у него ходить за нимъ.

XIX.

Ошибка, сдѣланная Алексѣемъ Александровичемъ въ томъ, что онъ, готовясь на свиданіе съ женой, не обдумалъ той случайности, что раскаяніе ея будетъ искренно и онъ проститъ, а она не умретъ,—эта ошибка черезъ два мѣсяца послѣ его возвращенія изъ Москвы представилась ему во всей своей силѣ. Но ошибка, сдѣланная имъ, произошла не отъ того только, что онъ не обдумалъ этой случайности, а отъ того тоже, что онъ до этого дня свиданія съ умирающею женой не зналъ своего сердца. Онъ у постели больной жены

въ первый разъ въ жизни отдался тому чувству умиленнаго состраданія, которое въ немъ вызывали страданія другихъ людей и котораго онъ прежде стыдился, какъ вредной слабости; и жалость къ ней и раскаяніе въ томъ, что онъ желалъ ея смерти, и главное—самая радость прощенія сдѣлали то, что онъ вдругъ почувствовалъ не только утоленіе своихъ страданій, но и душевное спокойствіе, которыхъ онъ никогда прежде не испытывалъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что то самое, чтò было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости,—то, что казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ.

Онъ простилъ жену и жалѣлъ ее за ея страданія и раскаяніе. Онъ простилъ Вронскому и жалѣлъ его, особенно послѣ того, какъ до него дошли слухи объ его отчаянномъ поступкѣ. Онъ жалѣлъ и сына больше, чѣмъ прежде, и упрекалъ себя теперь за то, что слишкомъ мало занимался имъ. Но къ новорожденной маленькой дѣвочкѣ онъ испытывалъ какое-то особенное чувство—не только жалости, но и нѣжности. Сначала онъ изъ одного чувства состраданія занялся тою новорожденною слабенькою дѣвочкой, которая не была его дочь и которая была заброшена во время болѣзни матери и навѣрно умерла бы, еслибъ о ней не позаботился,—и самъ не замѣтилъ, какъ онъ полюбилъ ее. Онъ по нѣскольку разъ въ день ходилъ въ дѣтскую и подолгу сиживалъ тамъ, такъ что мормилица и няня, сперва робѣвшія передъ нимъ, привыкли къ нему. Онъ иногда по получасу молча глядѣлъ на спящее шафранно-красное, пушистое и сморщенное личико ребенка и наблюдалъ за движеніями хмурящагося лба и за пухлыми ручонками съ подвернутыми

пальцами, которыя задомъ ладоней терли глазенки и переносицу. Въ такія минуты въ особенности Алексѣй Александровичъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ и согласнымъ съ собой и не видѣлъ въ своемъ положеніи ничего необыкновеннаго, ничего такого, что бы нужно было измѣнить.

Но чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что какъ ни естественно теперь для него это положеніе, его не допустятъ оставаться въ немъ. Онъ чувствовалъ, что, кромѣ благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или еще болѣе властная сила, которая руководила его жизнью, и что эта сила не дастъ ему того смиреннаго спокойствія, котораго онъ желалъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ смотрѣли на него съ вопросительнымъ удивленіемъ, что не понимали его и ожидали отъ него чего то. Въ особенности онъ чувствовалъ непрочность и неестественность своихъ отношеній съ женою.

Когда прошло то размягченіе, произведенное въ ней близостью смерти, Алексѣй Александровичъ сталъ замѣчать, что Анна боялась его, тяготилась имъ и не могла смотрѣть ему прямо въ глаза. Она какъ будто что-то хотѣла и не рѣшалась сказать ему, и, тоже какъ бы предчувствуя, что ихъ отношенія не могутъ продолжаться, чего-то ожидала отъ него.

Въ концѣ февраля случилось, что новорожденная дочь Анны, названная тоже Анной, заболѣла. Алексѣй Александровичъ былъ утромъ въ дѣтской и, распорядившись послать за докторомъ, поѣхалъ въ министерство. Окончивъ свои дѣла, онъ вернулся домой въ четвертомъ часу. Войдя въ переднюю, онъ увидалъ красавца лакея въ галунахъ и медвѣжьей пелеринкѣ, державшаго бѣлую ротонду изъ американской собаки.

— Кто здѣсь?—спросилъ Алексѣй Александровичъ.

— Княгиня Елизавета Ѳедоровна Тверская,—съ улыбкой, какъ показалось Алексѣю Александровичу, отвѣчалъ лакей.

Во все это тяжелое время Алексѣй Александровичъ замѣчалъ, что свѣтскіе знакомые его, особенно женщины, принимали особенное участіе въ немъ и его женѣ. Онъ замѣчалъ во всѣхъ этихъ знакомыхъ съ трудомъ скрываемую радость чего-то, ту самую радость, которую онъ видѣлъ въ глазахъ адвоката и теперь въ глазахъ лакея. Всѣ какъ будто были въ восторгѣ, какъ будто выдавали кого-то замужъ. Когда его встрѣчали, то съ едва скрываемою радостью спрашивали объ ея здоровьѣ.

Присутствіе княгини Тверской и по воспоминаніямъ, связаннымъ съ нею, и по тому, что онъ вообще не любилъ ея, было непріятно Алексѣю Александровичу, и онъ пошелъ прямо въ дѣтскую. Въ первой дѣтской Сережа, лежа грудью на столѣ и положивъ ноги на стулъ, рисовалъ что-то, весело приговаривая. Англичанка, замѣнившая во время болѣзни Анны француженку, съ вязаньемъ миньярдизъ сидѣвшая подлѣ мальчика, поспѣшно встала, присѣла и дернула Сережу.

Алексѣй Александровичъ погладилъ рукой по волосамъ сына, отвѣтилъ на вопросъ гувернантки о здоровьѣ жены и спросилъ о томъ, что сказалъ докторъ о *baby*.

— Докторъ сказалъ, что ничего опаснаго нѣтъ, и прописалъ ванны, сударь.

— Но она все страдаетъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, прислушиваясь къ крику ребенка въ сосѣдней комнатѣ.

— Я думаю, что кормилица не годится, сударь,— рѣшительно сказала англичанка.

— Отчего вы думаете?—останавливаясь спросилъ онъ.

— Такъ было у графини Поль, сударь. Ребенка лѣчили, а оказалось, что просто ребенокъ голоденъ,—кормилица была безъ молока, сударь.

Алексѣй Александровичъ задумался и, постоявъ нѣсколько секундъ, вошелъ въ другую дверь. Дѣвочка лежала, откидывая головку, корчась на рукахъ кормилицы, и не хотѣла ни брать предлагаемую ей пухлую грудь, ни замолчать, несмотря на двойное шиканье кормилицы и няни, нагнувшейся надъ нею.

— Все не лучше?—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Очень безпокойны,—шепотомъ отвѣчала няня.

— Миссъ Эдвардъ говоритъ, что можетъ-быть у кормилицы молока нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Я и сама думаю, Алексѣй Александровичъ.

— Такъ что же вы не скажете?

— Кому жъ сказать? Анна Аркадьевна нездоровы все,—недовольно сказала няня.

Няня была старая слуга дома. И въ этихъ простыхъ словахъ ея Алексѣю Александровичу показался намекъ на его положеніе.

Ребенокъ кричалъ еще громче, закатываясь и хрипя. Няня, махнувъ рукой, подошла къ нему, взяла его съ рукъ кормилицы и принялась укачивать на ходу.

— Надо доктора попросить осмотрѣть кормилицу,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

Здоровая на видъ, нарядная кормилица, испугавшись, что ей откажутъ, проговорила себѣ что то подъ носъ и, запрятывая большую грудь, презрительно улыбнулась надъ сомнѣніемъ въ своей молочности. Въ этой улыбкѣ Але-

ксѣй Александровичъ тоже нашелъ насмѣшку надъ своимъ положеніемъ.

— Несчастный ребенокъ! — сказала няня, шикая на ребенка и продолжая ходить.

Алексѣй Александровичъ сѣлъ на стулъ и съ страдающимъ, унылымъ лицомъ смотрѣлъ на ходившую взадъ и впередъ няню.

Когда затихшаго наконецъ ребенка опустили въ глубокую кроватку, и няня, поправивъ подушечку, отошла отъ него, Алексѣй Александровичъ всталъ и, съ трудомъ ступая на цыпочки, подошелъ къ ребенку. Съ минуту онъ молчалъ и съ тѣмъ же унылымъ лицомъ смотрѣлъ на ребенка; но вдругъ улыбка, двинувъ его волоса и кожу на лбу, выступила ему на лицо, и онъ такъ же тихо вышелъ изъ комнаты.

Въ столовой онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему слугѣ послать опять за докторомъ. Ему досадно было на жену за то, что она не заботилась объ этомъ прелестномъ ребенкѣ, и въ томъ расположеніи досады на нее не хотѣлось идти къ ней, не хотѣлось тоже и видѣть княгиню Бетси, но жена могла удивиться, отчего онъ, по обыкновенію, не зашелъ къ ней, и потому онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, пошелъ въ спальню. Подходя по мягкому ковру къ дверямъ, онъ невольно услыхалъ разговоръ, котораго не хотѣлъ слышать.

— Еслибъ онъ не уѣзжалъ, я бы поняла вашъ отказъ и его тоже. Но вашъ мужъ долженъ быть выше этого, — говорила Бетси.

— Я не для мужа, а для себя не хочу. Не говорите этого!—отвѣчалъ взволнованный голосъ Анны.

— Да, но вы не можете не желать проститься съ человѣкомъ, который стрѣлялся изъ-за васъ...

— Отъ этого-то я и не хочу.

Алексѣй Александровичъ съ испуганнымъ и виноватымъ выраженіемъ остановился и хотѣлъ незамѣтно уйти назадъ. Но раздумавъ, что это было бы недостойно, онъ опять повернулся и, кашлянувъ, пошелъ къ спальнѣ. Голоса замолкли, и онъ вошелъ.

Анна въ сѣромъ халатѣ, съ коротко остриженными, густою щеткой вылѣзающими черными волосами на круглой головѣ, сидѣла на кушеткѣ. Какъ и всегда при видѣ мужа, оживленіе лица ея вдругъ исчезло; она опустила голову и безпокойно оглянулась на Бетси. Бетси, одѣтая по крайней послѣдней модѣ, въ шляпкѣ, гдѣ-то парившей надъ ея головой, какъ колпачокъ надъ лампой, и въ сизомъ платьѣ съ косыми рѣзкими полосами на лифѣ съ одной и на юбкѣ съ другой стороны, сидѣла рядомъ съ Анной, прямо держа свой плоскій высокій станъ, и, склонивъ голову, насмѣшливою улыбкой встрѣтила Алексѣя Александровича.

— А! — сказала она, какъ бы удивленная. — Я очень рада, что вы дома. Вы никуда не показываетесь, и я не видала васъ со времени болѣзни Анны. Я все слышала... ваши заботы. Да, вы удивительный мужъ! — сказала она съ значительнымъ и ласковымъ видомъ, какъ бы жалуя его орденомъ великодушія за его поступокъ съ женой.

Алексѣй Александровичъ холодно поклонился и, поцѣловавъ руку жены, спросилъ о ея здоровьѣ.

— Мнѣ кажется лучше, — сказала она, избѣгая его взгляда.

— Но у васъ какъ будто лихорадочный цвѣтъ лица,— сказалъ онъ, налегая на слово „лихорадочный".

— Мы разговорились съ нею слишкомъ,—сказала Бетси,— я чувствую, что это эгоизмъ съ моей стороны, и я уѣзжаю.

Она встала, но Анна, вдругъ покраснѣвъ, быстро схватила ея руку.

— Нѣтъ, побудьте пожалуйста. Мнѣ нужно сказать вамъ... нѣтъ, вамъ,—обратилась она къ Алексѣю Александровичу, и румянецъ покрылъ ей шею и лобъ.—Я не хочу и не могу имѣть отъ васъ ничего скрытаго,—сказала она.

Алексѣй Александровичъ потрещалъ пальцами и опустилъ голову.

— Бетси говорила, что графъ Вронскій желалъ быть у насъ, чтобы проститься передъ своимъ отъѣздомъ въ Ташкентъ.—Она не смотрѣла на мужа и очевидно торопилась высказать все, какъ это ни трудно было ей. — Я сказала, что я не могу принять его.

— Вы сказали, мой другъ, что это будетъ зависѣть отъ Алексѣя Александровича,—поправила ее Бетси.

— Да нѣтъ, я не могу его принять, и это ни къ чему не...—Она вдругъ остановилась и взглянула вопросительно на мужа (онъ не смотрѣлъ на нее). — Однимъ словомъ, я не хочу...

Алексѣй Александровичъ придвинулся и хотѣлъ взять ея руку.

Первымъ движеніемъ она отдернула свою руку отъ его влажной, съ большими надутыми жилами, руки, которая искала ея; но, видимо сдѣлавъ надъ собой усиліе, пожала его руку.

— Я очень благодарю васъ за ваше довѣріе, но...—ска-

залъ онъ, съ смущеніемъ и досадой чувствуя, что то, что̀ онъ легко и ясно могъ рѣшить самъ съ собою, онъ не можетъ обсуждать при княгинѣ Тверской, представлявшейся ему олицетвореніемъ той грубой силы, которая должна была руководить его жизнью въ глазахъ свѣта и мѣшала ему отдаваться своему чувству любви и прощенія. Онъ остановился, глядя на княгиню Тверскую.

— Ну, прощайте, моя прелесть, — сказала Бетси, вставая. Она поцѣловала Анну и вышла. Алексѣй Александровичъ провожалъ ее.

— Алексѣй Александровичъ! Я знаю васъ за истинно великодушнаго человѣка, — сказала Бетси, остановившись въ маленькой гостиной и особенно крѣпко пожимая ему еще разъ руку. — Я посторонній человѣкъ, но я такъ люблю ее и уважаю васъ, что я позволяю себѣ совѣтъ. Примите его. Алексѣй Вронскій есть олицетворенная честь, и онъ уѣзжаетъ въ Ташкентъ.

— Благодарю васъ, княгиня, за ваше участіе и совѣты. Но вопросъ о томъ, можетъ ли, или не можетъ жена принять кого-нибудь, она рѣшитъ сама.

Онъ сказалъ это, по привычкѣ съ достоинствомъ приподнявъ брови, и тотчасъ же подумалъ, что какія бы ни были слова, достоинства не могло быть въ его положеніи. И это онъ увидалъ по сдержанной, злой и насмѣшливой улыбкѣ, съ которою Бетси взглянула на него послѣ этой фразы.

XX.

Алексѣй Александровичъ поклонился Бетси въ залѣ и пошелъ къ женѣ. Она лежала, но, услыхавъ его шаги, посиѣш-

но сѣла въ прежнее положеніе и испуганно глядѣла на него. Онъ видѣлъ, что она плакала.

— Я очень благодаренъ за твое довѣріе ко мнѣ,—кротко повторилъ онъ по-русски, сказанную при Бетси по-французски, фразу и сѣлъ подлѣ нея. Когда онъ говорилъ по-русски и говорилъ ей „ты", это „ты" неудержимо раздражало Анну.—И очень благодаренъ за твое рѣшеніе. Я тоже полагаю, что такъ какъ онъ ѣдетъ, то и нѣтъ никакой надобности графу Вронскому пріѣзжать сюда. Впрочемъ...

— Да ужъ я сказала, такъ что же повторять? — вдругъ перебила его Анна съ раздраженіемъ, которое она не успѣла удержать. „Никакой надобности,—подумала она,—пріѣзжать человѣку проститься съ тою женщиной, которую онъ любитъ, для которой хотѣлъ погибнуть и погубилъ себя, и которая не можетъ жить безъ него. „Нѣтъ никакой надобности!" Она сжала губы и опустила блестящіе глаза на его руки съ напухшими жилами, которыя медленно потирали одна другую.

— Не будемъ никогда говорить про это,—прибавила она спокойнѣе.

— Я предоставилъ тебѣ рѣшить этотъ вопросъ, и я очень радъ видѣть...—началъ было Алексѣй Александровичъ.

— Что мое желаніе сходится съ вашимъ,—быстро докончила она, раздраженная тѣмъ, что онъ такъ медленно говоритъ, между тѣмъ какъ она знаетъ впередъ все, что̀ онъ скажетъ.

— Да, — подтвердилъ онъ, — и княгиня Тверская совершенно неумѣстно вмѣшивается въ самыя трудныя семейныя дѣла. Въ особенности она...

— Я ничему не вѣрю, что объ ней говорятъ, — быст-

ро сказала Анна, — я знаю, что она меня искренно любитъ.

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ и помолчалъ. Она тревожно играла кистями халата, взглядывая на него съ тѣмъ мучительнымъ чувствомъ физическаго отвращенія къ нему, за которое она упрекала себя, но котораго не могла преодолѣть. Она теперь желала только одного—быть избавленною отъ его постылаго присутствія.

— А я сейчасъ послалъ за докторомъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я здорова; зачѣмъ мнѣ доктора?

— Нѣтъ, маленькая кричитъ, и, говорятъ, у кормилицы молока мало.

— Для чего же ты не позволилъ мнѣ кормить, когда я умоляла объ этомъ? Все равно (Алексѣй Александровичъ понялъ, что значило это „все равно"), она ребенокъ и ее уморятъ.—Она позвонила и велѣла принести ребенка.— Я просила кормить, мнѣ не позволили, а теперь меня же упрекаютъ.

— Я не упрекаю...

— Нѣтъ, вы упрекаете! Боже мой, зачѣмъ я не умерла!—И она зарыдала.—Прости меня, я раздражена, я несправедлива,—сказала она, опомнившись.—Но уйди...

„Нѣтъ, это не можетъ такъ оставаться", рѣшительно сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, выйдя отъ жены.

Никогда еще невозможность въ глазахъ свѣта его положенія и ненависть къ нему его жены, и вообще могущество той грубой таинственной силы, которая, въ разрѣзъ съ его душевнымъ настроеніемъ, руководила его жизнью и требовала исполненія своей воли и измѣненія его отно-

шеній къ женѣ, не представлялись ему съ такою очевидностью, какъ нынче. Онъ ясно видѣлъ, что весь свѣтъ и жена требовали отъ него чего-то, но чего именно, онъ не могъ понять. Онъ чувствовалъ, что за это въ душѣ его поднималось чувство злобы, разрушавшее его спокойствіе и всю заслугу подвига. Онъ считалъ, что для Анны было бы лучше прервать сношенія съ Вронскимъ; но если они всѣ находятъ, что это невозможно, онъ готовъ былъ даже вновь допустить эти сношенія, только бы не срамить дѣтей, не лишаться ихъ и не измѣнять своего положенія. Какъ ни было это дурно, это было все-таки лучше, чѣмъ разрывъ, при которомъ она становилась въ безвыходное, позорное положеніе, а онъ самъ лишался всего, что любилъ. Но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ; онъ зналъ впередъ, что всѣ противъ него и что его не допустятъ сдѣлать то, что казалось ему теперь такъ естественно и хорошо, а заставятъ сдѣлать то, что дурно, но имъ кажется должнымъ.

XXI.

Еще Бетси не успѣла выдти изъ залы, какъ Степанъ Аркадьевичъ, только-что пріѣхавшій отъ Елисеева, гдѣ были получены свѣжія устрицы, встрѣтилъ ее въ дверяхъ.

— А, княгиня! вотъ пріятная встрѣча!—заговорилъ онъ.— А я былъ у васъ.

— Встрѣча на минуту, потому что я уѣзжаю,—сказала Бетси, улыбаясь и надѣвая перчатку.

— Постойте, княгиня, надѣвать перчатку, дайте поцѣловать вашу ручку. Ни за что я такъ не благодаренъ возвращенію старинныхъ модъ, какъ за цѣлованье рукъ.—Онъ поцѣловалъ руку Бетси.—Когда же увидимся?

— Вы не стóите,— отвѣчала Бетси, улыбаясь.

— Нѣтъ, я очень стóю, потому что я сталъ самый серьёзный человѣкъ. Я не только устраиваю свои, но и чужія семейныя дѣла,—сказалъ онъ съ значительнымъ выраженіемъ лица.

— Ахъ, я очень рада!—отвѣчала Бетси, тотчасъ же понявъ, что онъ говоритъ про Анну. И вернувшись въ залу, они стали въ углу.—Онъ уморитъ ее,—сказала Бетси значительнымъ шепотомъ.—Это невозможно, невозможно...

— Я очень радъ, что вы такъ думаете,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, покачивая головой съ серьёзнымъ и страдальчески-сочувственнымъ выраженіемъ лица,—я для этого пріѣхалъ въ Петербургъ.

— Весь городъ объ этомъ говоритъ,—сказала она.—Это невозможное положеніе. Она таетъ и таетъ. Онъ не понимаетъ, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не могутъ шутить своими чувствами. Одно изъ двухъ: или увези онъ ее, энергически поступи, или дай разводъ. А это душитъ ее.

— Да, да... именно...—вздыхая, говорилъ Облонскій.—Я за тѣмъ и пріѣхалъ. То-есть не собственно за тѣмъ... Меня сдѣлали камергеромъ,—ну, надобно благодарить. Но главное—надо устроить это.

— Ну, помогай вамъ Богъ!—сказала Бетси.

Проводивъ княгиню Бетси до сѣней, еще разъ поцѣловавъ ея руку выше перчатки, тамъ, гдѣ бьется пульсъ, и наврав ей еще такого неприличнаго вздору, что она уже не знала, сердиться ли ей, или смѣяться, Степанъ Аркадьевичъ пошелъ къ сестрѣ. Онъ засталъ ее въ слезахъ.

Несмотря на то брызжущее весельемъ расположеніе духа, въ которомъ онъ находился, Степанъ Аркадьевичъ тотчасъ

естественно перешелъ въ тотъ сочувствующій, поэтически-возбужденный тонъ, который подходилъ къ ея настроенію. Онъ спросилъ ее о здоровьѣ и какъ она провела утро.

— Очень, очень дурно. И день, и утро, и всѣ прошедшіе, и будущіе дни,—сказала она.

— Мнѣ кажется, ты поддаешься мрачности. Надо встряхнуться, надо прямо взглянуть на жизнь. Я знаю, что тяжело, но...

— Я слыхала, что женщины любятъ людей даже за ихъ пороки,—вдругъ начала Анна,—но я ненавижу его за его добродѣтель. Я не могу жить съ нимъ. Ты пойми, его видъ физически дѣйствуетъ на меня, я выхожу изъ себя. Я не могу, не могу жить съ нимъ. Что же мнѣ дѣлать? Я была несчастлива и думала, что нельзя быть несчастнѣе, но того ужаснаго состоянія, которое теперь испытываю, я не могла себѣ представить. Ты повѣришь ли, что я, зная, что онъ добрый, превосходный человѣкъ, что я ногтя его не стою, я все-таки ненавижу его. Я ненавижу его за его великодушіе. И мнѣ ничего не остается, кромѣ..

Она хотѣла сказать смерти, но Степанъ Аркадьевичъ не далъ ей договорить.

— Ты больна и раздражена,—сказалъ онъ;—повѣрь, что ты преувеличиваешь ужасно. Тутъ нѣтъ ничего такого страшнаго.

И Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Никто бы на мѣстѣ Степана Аркадьевича, имѣя дѣло съ такимъ отчаяніемъ, не позволилъ себѣ улыбнуться (улыбка показалась бы грубою), но въ его улыбкѣ было такъ много доброты и почти женской нѣжности, что улыбка его не оскорбляла, а смягчала и успокоивала. Его тихія успокоительныя рѣчи и улыбки

дѣйствовали смягчающе успокоительно, какъ миндальное масло. И Анна скоро почувствовала это.

— Нѣтъ, Стива,—сказала она.—Я погибла, погибла! Хуже чѣмъ погибла. Я еще не погибла, я не могу сказать, что все кончено,—напротивъ, я чувствую, что не кончено. Я—какъ натянутая струна, которая должна лопнуть. Но еще не кончено... и кончится страшно.

— Ничего, можно потихоньку спустить струну. Нѣтъ положенія, изъ котораго не было бы выхода.

— Я думала и думала. Только одинъ...

Опять онъ понялъ по ея испуганному взгляду, что этотъ одинъ выходъ, по ея мнѣнію, есть смерть, и онъ не далъ ей договорить.

— Нисколько,—сказалъ онъ,—позволь. Ты не можешь видѣть своего положенія, какъ я. Позволь мнѣ сказать откровенно свое мнѣніе.—Опять онъ осторожно улыбнулся своею миндальною улыбкой.—Я начну съ начала: ты вышла замужъ за человѣка, который на двадцать лѣтъ старше тебя. Ты вышла замужъ безъ любви, или не зная любви. Это была ошибка, положимъ.

— Ужасная ошибка!—сказала Анна.

— Но я повторяю: это совершившійся фактъ. Потомъ ты имѣла, скажемъ, несчастіе полюбить не своего мужа. Это—несчастіе; но это тоже совершившійся фактъ. И мужъ твой призналъ и простилъ это.—Онъ останавливался послѣ каждой фразы, ожидая ея возраженія, но она ничего не отвѣчала.—Это такъ. Теперь вопросъ въ томъ: можешь ли ты продолжать жить съ своимъ мужемъ? Желаешь ли ты этого? Желаетъ ли онъ этого?

— Я ничего, ничего не знаю.

— Но ты сама сказала, что ты не можешь переносить его.

— Нѣтъ, я не сказала. Я отрекаюсь. Я ничего не знаю и ничего не понимаю.

— Да, но позволь...

— Ты не можешь понять. Я чувствую, что лечу головой внизъ въ какую-то пропасть, но я не должна спасаться. И не могу.

— Ничего, мы подстелемъ и подхватимъ тебя. Я понимаю тебя, понимаю, что ты не можешь взять на себя, чтобы высказать свое желаніе, свое чувство.

— Я ничего, ничего не желаю... только, чтобы кончилось все.

— Но онъ видитъ это и знаетъ. И развѣ ты думаешь, что онъ не менѣе тебя тяготится этимъ? Ты мучишься, онъ мучится, и что же можетъ выйдти изъ этого? Тогда какъ разводъ развязываетъ все,—не безъ усилія высказалъ Степанъ Аркадьевичъ главную мысль и значительно посмотрѣлъ на нее.

Она ничего не отвѣчала и отрицательно покачала своею остриженною головой. Но по выраженію вдругъ просіявшаго прежнею красотой лица онъ видѣлъ, что она не желала этого только потому, что это казалось ей невозможнымъ счастіемъ.

— Мнѣ васъ ужасно жалко! И какъ бы я счастливъ былъ, еслибъ устроилъ это!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, уже смѣлѣе улыбаясь.—Не говори, не говори ничего! Еслибы Богъ далъ мнѣ только сказать такъ, какъ я чувствую. Я пойду къ нему.

Анна задумчивыми блестящими глазами посмотрѣла на него и ничего не сказала.

XXII.

Степанъ Аркадьевичъ, съ тѣмъ нѣсколько-торжественнымъ лицомъ, съ которымъ онъ садился въ предсѣдательское кресло въ своемъ присутствіи, вошелъ въ кабинетъ Алексѣя Александровича. Алексѣй Александровичъ, заложивъ руки за спину, ходилъ по комнатѣ и думалъ о томъ же, о чемъ Степанъ Аркадьевичъ говорилъ съ его женою.

— Я не мѣшаю тебѣ?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, при видѣ зятя вдругъ испытывая непривычное ему чувство смущенія. Чтобы скрыть это смущеніе, онъ досталъ только-что купленную съ новымъ способомъ открыванія папиросницу и, понюхавъ кожу, досталъ папироску.

— Нѣтъ. Тебѣ нужно что-нибудь?—неохотно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, мнѣ хотѣлось... мнѣ нужно по... да, нужно поговорить,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ удивленіемъ чувствуя непривычную робость.

Чувство это было такъ неожиданно и странно, что Степанъ Аркадьевичъ не повѣрилъ, что это былъ голосъ совѣсти, говорившій ему, что дурно то, что онъ былъ намѣренъ дѣлать. Степанъ Аркадьевичъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и поборолъ нашедшую на него робость.

— Надѣюсь, что ты вѣришь въ мою любовь къ сестрѣ и въ искреннюю привязанность и уваженіе къ тебѣ,—сказалъ онъ краснѣя.

Алексѣй Александровичъ остановился и ничего не отвѣчалъ, но лицо его поразило Степана Аркадьевича бывшимъ на немъ выраженіемъ покорной жертвы.

— Я намѣренъ былъ, я хотѣлъ поговорить о сестрѣ и о

вашемъ положеніи взаимномъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все еще борясь съ непривычною застѣнчивостью.

Алексѣй Александровичъ грустно усмѣхнулся, посмотрѣлъ на шурина и, не отвѣчая, подошелъ къ столу, взялъ съ него начатое письмо и подалъ шурину.

— Я, не переставая, думаю о томъ же. И вотъ что я началъ писать, полагая, что я лучше скажу письменно и что мое присутствіе раздражаетъ ее,—сказалъ онъ, подавая письмо.

Степанъ Аркадьевичъ взялъ письмо, съ недоумѣвающимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на тусклые глаза, неподвижно остановившіеся на немъ, и сталъ читать:

„Я вижу, что мое присутствіе тяготитъ васъ. Какъ ни тяжело мнѣ было убѣдиться въ этомъ, я вижу, что это такъ, и не можетъ быть иначе. Я не виню васъ, и Богъ мнѣ свидѣтель, что я, увидѣвъ васъ во время вашей болѣзни, отъ всей души рѣшился забыть все, что было между нами, и начать новую жизнь. Я не раскаиваюсь и никогда не раскаюсь въ томъ, что я сдѣлалъ; но я желалъ одного вашего блага, блага вашей души, и теперь я вижу, что не достигъ этого. Скажите мнѣ сами, что дастъ вамъ истинное счастіе и спокойствіе вашей душѣ. Я предаюсь весь вашей волѣ и вашему чувству справедливости“.

Степанъ Аркадьевичъ передалъ назадъ письмо и съ тѣмъ же недоумѣніемъ продолжалъ смотрѣть на зятя, не зная, что сказать. Молчаніе это было имъ обоимъ такъ неловко, что на губахъ Степана Аркадьевича произошло болѣзненное содроганіе въ то время, какъ онъ молчалъ, не спуская глазъ съ лица Каренина.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать ей,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, отвернувшись.

— Да, да...—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, не въ силахъ отвѣчать, такъ какъ слезы подступали ему къ горлу.— Да, да. Я понимаю васъ,—наконецъ выговорилъ онъ.

— Я желаю знать, чего она хочетъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я боюсь, что она сама не понимаетъ своего положенія. Она не судья,—оправляясь говорилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Она подавлена, именно подавлена твоимъ великодушіемъ. Если она прочтетъ это письмо, она не въ силахъ будетъ ничего сказать, она только ниже опуститъ голову.

— Да, но что же въ такомъ случаѣ: какъ объяснить?... какъ узнать ея желанія?

— Если ты позволяешь мнѣ сказать свое мнѣніе, то я думаю, что отъ тебя зависитъ указать прямо тѣ мѣры, которыя ты находишь нужными, чтобы прекратить это положеніе.

— Слѣдовательно, ты находишь, что его нужно прекратить?—перебилъ его Алексѣй Александровичъ.—Но какъ?— прибавилъ онъ, сдѣлавъ непривычный жестъ руками передъ глазами:—не вижу никакого возможнаго выхода.

— Во всякомъ положеніи есть выходъ, — сказалъ, вставая и оживляясь, Степанъ Аркадьевичъ.—Было время, когда ты хотѣлъ разорвать... Если ты убѣдишься теперь, что вы не можете сдѣлать взаимнаго счастія...

— Счастіе можно различно понимать. Но положимъ, что я на все согласенъ, я ничего не хочу. Какой же выходъ изъ нашего положенія?

— Если ты хочешь знать мое мнѣніе,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ тою же смягчающею, миндально-нѣжною улыбкой, съ которой онъ говорилъ съ Анной. Добрая улыб-

ка была такъ убѣдительна, что невольно Алексѣй Александровичъ, чувствуя свою слабость и подчиняясь ей, готовъ былъ вѣрить тому, что скажетъ Степанъ Аркадьевичъ. — Она никогда не выскажетъ этого. Но одно возможно, одного она можетъ желать,—продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ: — это — прекращенія отношеній и всѣхъ связанныхъ съ ними воспоминаній. По-моему, въ вашемъ положеніи необходимо уясненіе новыхъ взаимныхъ отношеній. И эти отношенія могутъ установиться только свободой обѣихъ сторонъ.

— Разводъ!—съ отвращеніемъ перебилъ Алексѣй Алексадпровичъ.

— Да, я полагаю, что разводъ. Да, разводъ, — краснѣя повторилъ Степанъ Аркадьевичъ. — Это во всѣхъ отношеніяхъ самый разумный выходъ для супруговъ, находящихся въ такихъ отношеніяхъ, какъ вы. Что же дѣлать, если супруги нашли, что жизнь для нихъ невозможна вмѣстѣ? Это всегда можетъ случиться.

Алексѣй Александровичъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза.

— Тутъ только одно соображеніе: желаетъ ли одинъ изъ супруговъ вступить въ другой бракъ? Если нѣтъ, такъ это очень просто,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ стѣсненія.

Алексѣй Александровичъ, сморщившись отъ волненія, проговорилъ что то самъ съ собой и ничего не отвѣчалъ. Все, что для Степана Аркадьевича оказалось такъ очень просто, тысячу тысячъ разъ обдумывалъ Алексѣй Александровичъ, и все это ему казалось не только не очень просто, но казалось вполнѣ невозможно. Разводъ, подробности котораго

онъ уже узналъ, теперь казался ему невозможнымъ, потому-что чувство собственнаго достоинства и уваженіе къ религіи не позволяли ему принять на себя обвиненіе въ фиктивномъ прелюбодѣяніи и еще менѣе допустить, чтобы жена, прощенная и любимая имъ, была уличена и опозорена. Разводъ представлялся невозможнымъ еще и по другимъ, еще болѣе важнымъ причинамъ.

Что будетъ съ сыномъ въ случаѣ развода? Оставить его съ матерью было невозможно. Разведенная мать будетъ имѣть свою незаконную семью, въ которой положеніе пасынка и воспитаніе его будутъ, по всей вѣроятности, дурны. Оставить его съ собою? Онъ зналъ, что это было бы мщеніемъ съ его стороны, а онъ не хотѣлъ этого. Но, кромѣ этого, всего невозможнѣе казался разводъ для Алексѣя Александровича потому, что, согласившись на разводъ, онъ этимъ самымъ губилъ Анну. Ему запало въ душу слово, сказанное Дарьей Александровной въ Москвѣ, о томъ, что, рѣшаясь на разводъ, онъ думаетъ о себѣ, а не думаетъ, что этимъ онъ губитъ ее безвозвратно. И онъ, связавъ это слово съ своимъ прощеніемъ, съ своею привязанностью къ дѣтямъ, теперь по-своему понималъ его. Согласиться на разводъ, дать ей свободу, значило въ его понятіи отнять у себя послѣднюю привязу къ жизни, дѣтей, которыхъ онъ любилъ, а у нея послѣднюю опору на пути добра, и ввергнуть ее въ погибель. Если она будетъ разведенною женой, онъ зналъ, что она соединится съ Вронскимъ, и связь эта будетъ незаконная и преступная, потому что женѣ, по смыслу закона церкви, не можетъ быть брака, пока мужъ живъ. „Она соединится съ нимъ, и черезъ годъ, два или онъ броситъ ее, или она вступитъ въ новую связь“, ду-

малъ Алексѣй Александровичъ. „И я, согласившись на незаконный разводъ, буду виновникомъ ея погибели“. Онъ все это обдумывалъ сотни разъ и былъ убѣжденъ, что дѣло развода не только не очень просто, какъ говорилъ его шуринъ, но совершенно невозможно. Онъ не вѣрилъ ни одному слову Степана Аркадьевича, на каждое слово его имѣлъ тысячи опроверженій, но онъ слушалъ его, чувствуя, что его словами выражается та могущественная грубая сила, которая руководитъ его жизнью и которой онъ долженъ будетъ покориться.

— Вопросъ только въ томъ, какъ, на какихъ условіяхъ ты согласишься сдѣлать разводъ. Она ничего не хочетъ, не смѣетъ просить тебя, она все предоставляетъ твоему великодушію.

„Боже мой, Боже мой! за что?“ подумалъ Алексѣй Александровичъ, вспомнивъ подробности развода, при которомъ мужъ бралъ вину на себя, и тѣмъ же жестомъ, какимъ закрывался Вронскій, закрылъ отъ стыда лицо руками.

— Ты взволнованъ, я это понимаю. Но если ты обдумаешь...

„И ударившему въ правую щеку подставь лѣвую, и снявшему кафтанъ отдай рубашку“, подумалъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, да!—вскрикнулъ онъ визгливымъ голосомъ,—я беру на себя позоръ, отдаю даже сына, но... но не лучше ли оставить это? Впрочемъ, дѣлай, что хочешь.

И онъ, отвернувшись отъ шурина, такъ чтобы тотъ не могъ видѣть его, сѣлъ на стулъ у окна. Ему было горько, ему было стыдно, но вмѣстѣ съ этимъ горемъ и стыдомъ онъ испытывалъ радость и умиленіе передъ высотой своего смиренія.

Степанъ Аркадьевичъ былъ тронутъ. Онъ помолчалъ.

— Алексѣй Александровичъ! повѣрь мнѣ, что она оцѣнитъ твое великодушіе,—сказалъ онъ.—Но видно это была воля Божія,—прибавилъ онъ, и сказавъ это, почувствовалъ, что это было глупо, и съ трудомъ удержалъ улыбку надъ своею глупостью.

Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но слезы остановили его.

— Это несчастіе роковое, и надо признать его. Я признаю это несчастіе совершившимся фактомъ и стараюсь помочь и ей, и тебѣ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

Когда Степанъ Аркадьевичъ вышелъ изъ комнаты зятя, онъ былъ тронутъ, но это не мѣшало ему быть довольнымъ тѣмъ, что онъ успѣшно совершилъ это дѣло, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Алексѣй Александровичъ не отречется отъ своихъ словъ. Къ этому удовольствію примѣшивалось еще и то, что ему пришла мысль, что когда это дѣло сдѣлается, онъ женѣ и близкимъ знакомымъ будетъ задавать вопросъ: „какая разница между мною и фельдмаршаломъ?—Фельдмаршалъ дѣлаетъ разводъ—и никому отъ того не лучше, а я сдѣлалъ разводъ—и троимъ стало лучше... Или: какое сходство между мной и фельдмаршаломъ?—Когда... Впрочемъ, придумаю лучше", сказалъ онъ себѣ съ улыбкой.

XXIII.

Рана Вронскаго была опасна, хотя она и миновала сердце. И нѣсколько дней онъ находился между жизнью и смертью. Когда въ первый разъ онъ былъ въ состояніи говорить, одна Варя, жена брата, была въ его комнатѣ.

— Варя!—сказалъ онъ, строго глядя на нее,—я выстрѣ-

лилъ въ себя нечаянно. И пожалуйста никогда не говори про это, и такъ скажи всѣмъ. А то это слишкомъ глупо!

Не отвѣчая на его слова, Варя нагнулась надъ нимъ и съ радостною улыбкой посмотрѣла ему въ лицо. Глаза были свѣтлые, не лихорадочные; но выраженіе ихъ было строгое.

— Ну, слава Богу!—сказала она.—Не больно тебѣ?

— Немного здѣсь.—Онъ указалъ на грудь.

— Такъ дай я перевяжу тебѣ.

Онъ, молча сжавъ свои широкія скулы, смотрѣлъ на нее, пока она перевязывала его. Когда она кончила, онъ сказалъ:

— Я не въ бреду... Пожалуйста сдѣлай, чтобы не было разговоровъ о томъ, что я выстрѣлилъ въ себя нарочно.

— Никто и не говоритъ. Только надѣюсь, что ты больше не будешь нечаянно стрѣлять, — сказала она съ вопросительной улыбкой.

— Должно-быть не буду, а лучше бы было...

И онъ мрачно улыбнулся.

Несмотря на эти слова и улыбку, которыя такъ испугали Варю, когда прошло воспаленіе и онъ сталъ оправляться, онъ почувствовалъ, что совершенно освободился отъ одной части своего горя. Онъ этимъ поступкомъ какъ будто смылъ съ себя стыдъ и униженіе, которые онъ прежде испытывалъ. Онъ могъ спокойно думать теперь объ Алексѣѣ Александровичѣ. Онъ признавалъ все великодушіе его, и уже не чувствовалъ себя униженнымъ. Онъ, кромѣ того, опять попалъ въ прежнюю колею жизни. Онъ видѣлъ возможность безъ стыда смотрѣть въ глаза людямъ и могъ жить, руководствуясь своими привычками. Одно, чего онъ не могъ вырвать изъ своего сердца, несмотря на то, что онъ не переставая боролся съ этимъ чувствомъ, это было доходящее

до отчаянія сожалѣніе о томъ, что онъ навсегда потерялъ ее. То, что онъ теперь, искупивъ передъ мужемъ свою вину, долженъ былъ отказаться отъ нея и никогда не остановиться впередъ между нею съ ея раскаяніемъ и ея мужемъ, было твердо рѣшено въ его сердцѣ; но онъ не могъ вырвать изъ своего сердца сожалѣнія о потерѣ ея любви, не могъ стереть въ воспоминаніи тѣ минуты счастія, которыя онъ зналъ съ ней, которыя такъ мало цѣнимы имъ были тогда и которыя во всей своей прелести преслѣдовали его теперь.

Серпуховской придумалъ ему назначеніе въ Ташкентъ, и Вронскій безъ малѣйшаго колебанія согласился на это предложеніе. Но чѣмъ ближе подходило время отъѣзда, тѣмъ тяжелѣе становилась ему та жертва, которую онъ приносилъ тому, что онъ считалъ должнымъ,

Рана его зажила, и онъ уже выѣзжалъ, дѣлая приготовленія къ отъѣзду въ Ташкентъ.

„Одинъ разъ увидать ее и потомъ зарыться, умереть“, думалъ онъ и, дѣлая прощальные визиты, высказалъ эту мысль Бетси. Съ этимъ его посольствомъ Бетси ѣздила къ Аннѣ и привезла ему отрицательный отвѣтъ.

„Тѣмъ лучше,—подумалъ Вронскій, получивъ это извѣстіе.—Это была слабость, которая погубила бы мои послѣднія силы“.

На другой день сама Бетси утромъ пріѣхала къ нему и объявила, что она получила черезъ Облонскаго положительное извѣстіе, что Алексѣй Александровичъ даетъ разводъ и что потому Вронскій можетъ видѣть Анну.

Не позаботясь даже о томъ, чтобы проводить отъ себя Бетси, забывъ всѣ свои рѣшенія, не спрашивая, когда можно, гдѣ мужъ, Вронскій тотчасъ же поѣхалъ къ Карени-

нымъ. Онъ взбѣжалъ на лѣстницу, никого и ничего не видя, и быстрымъ шагомъ, едва удерживаясь отъ бѣга, вошелъ въ ея комнату. И не думая, и не замѣчая того, есть кто въ комнатѣ или нѣтъ, онъ обнялъ ее и сталъ покрывать поцѣлуями ея лицо, руки и шею.

Анна готовилась къ этому свиданію, думала о томъ, что она скажетъ ему, но она ничего изъ этого не успѣла сказать; его страсть охватила ее. Она хотѣла утишить его, утишить себя, но уже было поздно. Его чувство сообщилось ей. Губы ея дрожали такъ, что долго она не могла ничего говорить.

— Да, ты овладѣлъ мною, и я твоя, — выговорила она наконецъ, прижимая къ своей груди его руки.

— Такъ должно было быть!—сказалъ онъ.—Пока мы живы, это должно быть. Я это знаю теперь.

— Это правда,—говорила она, блѣднѣя все болѣе и болѣе и обнимая его голову.—Все таки что-то ужасное есть въ этомъ послѣ всего, что было.

— Все пройдетъ, все пройдетъ, мы будемъ такъ счастливы! Любовь наша, еслибы могла усилиться, усилилась бы тѣмъ, что въ ней есть что-то ужасное, — сказалъ онъ, поднимая голову и открывая улыбкою свои крѣпкіе зубы.

И она не могла не отвѣтать улыбкой—не словамъ, а влюбленнымъ глазамъ его. Она взяла его руку и гладила ею себя по похолодѣвшимъ щекамъ и обстриженнымъ волосамъ.

— Я не узнаю тебя съ этими короткими волосами. Ты такъ похорошѣла. Мальчикъ. Но какъ ты блѣдна!

— Да, я очень слаба,—сказала она улыбаясь. И губы ея опять задрожали.

— Мы поѣдемъ въ Италію, ты поправишься,—сказалъ онъ.

— Неужели это возможно, чтобы мы были какъ мужъ съ женою, одни, своею семьей съ тобой?—сказала она, близко вглядываясь въ его глаза.

— Меня только удивляло, какъ это могло быть когда-нибудь иначе.

— Стива говоритъ, что *онъ* на все согласенъ, но я не могу принять *его* великодушіе,—сказала она, задумчиво глядя мимо лица Вронскаго.—Я не хочу развода, мнѣ теперь все равно. Я не знаю только, что онъ рѣшитъ объ Сережѣ.

Онъ не могъ никакъ понять, какъ могла она въ эту минуту свиданья думать и помнить о сынѣ, о разводѣ. Развѣ не все равно было?

— Не говори про это, не думай,—сказалъ онъ, поворачивая ея руку въ своей и стараясь привлечь къ себѣ ея вниманіе; но она все не смотрѣла на него.

— Ахъ, зачѣмъ я не умерла, лучше бы было! — сказала она, и безъ рыданій слезы потекли по обѣимъ щекамъ ея; но она старалась улыбаться, чтобы не огорчить его.

Отказаться отъ лестнаго и опаснаго назначенія въ Ташкентъ, по прежнимъ понятіямъ Вронскаго, было бы позорно и невозможно. Но теперь, не задумываясь ни на минуту, онъ отказался отъ него, и замѣтивъ въ высшихъ неодобреніе своего поступка, тотчасъ же вышелъ въ отставку.

Черезъ мѣсяцъ Алексѣй Александровичъ остался одинъ съ сыномъ на своей квартирѣ, а Анна съ Вронскимъ уѣхала за границу, не получивъ развода и рѣшительно отказавшись отъ него.

АННА КАРЕНИНА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Княгиня Щербацкая находила, что сдѣлать свадьбу до поста, до котораго оставалось пять недѣль, было невозможно, такъ какъ половина приданаго не могла поспѣть къ этому времени, но она не могла не согласиться съ Левинымъ, что послѣ поста было бы уже и слишкомъ поздно, такъ какъ старая родная тетка князя Щербацкаго была очень больна и могла скоро умереть, и тогда трауръ задержалъ бы еще свадьбу. И потому, рѣшивъ раздѣлить приданое на двѣ части — большое и малое приданое, княгиня согласилась сдѣлать свадьбу до поста. Она рѣшила, что малую часть приданаго она приготовитъ всю теперь, большое же вышлетъ послѣ, и очень сердилась на Левина за то, что онъ никакъ не могъ серьёзно отвѣтить ей, согласенъ ли онъ на это или нѣтъ. Это соображеніе было тѣмъ болѣе удобно, что молодые ѣхали тотчасъ послѣ

свадьбы въ деревню, гдѣ вещи большаго приданаго не будутъ нужны.

Левинъ продолжалъ находиться все въ томъ же состоянiи сумасшествiя, въ которомъ ему казалось, что онъ и его счастiе составляютъ главную и единственную цѣль всего существующаго, и что думать и заботиться теперь ему ни о чемъ не нужно, что все дѣлается и сдѣлается для него другими. Онъ даже не имѣлъ никакихъ плановъ и цѣлей для будущей жизни,—онъ предоставлялъ рѣшенiе этого другимъ, зная, что все будетъ прекрасно. Братъ его Сергѣй Ивановичъ, Степанъ Аркадьевичъ и княгиня руководили его въ томъ, что ему слѣдовало дѣлать. Онъ только былъ совершенно согласенъ на все, что ему предлагали. Братъ занялъ для него денегъ, княгиня посовѣтовала уѣхать изъ Москвы послѣ свадьбы. Степанъ Аркадьевичъ посовѣтовалъ ѣхать за границу. Онъ на все былъ согласенъ. „Дѣлайте что хотите, если вамъ это весело. Я счастливъ, и счастiе мое не можетъ быть ни больше, ни меньше, что бы вы ни дѣлали“, думалъ онъ. Когда онъ передалъ Кити совѣтъ Степана Аркадьевича ѣхать за границу, онъ очень удивился, что она не соглашалась на это, а имѣла насчетъ ихъ будущей жизни какiя-то свои опредѣленныя требованiя. Она знала, что у Левина есть дѣло въ деревнѣ, которое онъ любитъ. Она, какъ онъ видѣлъ, не только не понимала этого дѣла, но и не хотѣла понимать. Это не мѣшало ей однако считать это дѣло очень важнымъ. И потомъ она знала, что ихъ домъ будетъ въ деревнѣ, и желала ѣхать не за границу, гдѣ она не будетъ жить, а туда, гдѣ будетъ ихъ домъ. Это опредѣленно выраженное намѣренiе удивило Ле-

вина. Но такъ какъ ему было все равно, онъ тотчасъ же попросилъ Степана Аркадьевича, какъ будто это была его обязанность, ѣхать въ деревню и устроить тамъ все, что онъ знаетъ, съ тѣмъ вкусомъ, котораго у него такъ много.

— Однако послушай,—сказалъ разъ Степанъ Аркадьевичъ Левину, возвратившись изъ деревни, гдѣ онъ все устроилъ для пріѣзда молодыхъ,—есть у тебя свидѣтельство о томъ, что ты былъ на духу?

— Нѣтъ. А что?

— Безъ этого нельзя вѣнчать.

— Ай, ай, ай!—вскрикнулъ Левинъ.—Я вѣдь, кажется, уже лѣтъ девять не говѣлъ. Я и не подумалъ.

— Хорошъ!—смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—А меня же называешь нигилистомъ! Однако вѣдь это нельзя. Тебѣ надо говѣть.

— Когда же? Четыре дня осталось.

Степанъ Аркадьевичъ устроилъ и это. И Левинъ сталъ говѣть. Для Левина, какъ для человѣка невѣрующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ уважающаго вѣрованія другихъ людей, присутствіе и участіе во всякихъ церковныхъ обрядахъ было очень тяжело. Теперь, въ томъ чувствительномъ ко всему, размягченномъ состояніи духа, въ которомъ онъ находился, эта необходимость притворяться была Левину не только тяжела, но показалась совершенно невозможною. Теперь, въ состояніи своей славы, своего цвѣтенія, онъ долженъ будетъ или лгать, или кощунствовать. Онъ чувствовалъ себя не въ состояніи дѣлать ни того, ни другаго. Но, сколько онъ ни допрашивалъ Степана Аркадьевича, нельзя ли получить свидѣтельство не говѣя, Степанъ Аркадьевичъ объявилъ, что это невозможно.

— Да и что тебѣ стоитъ—два дня? И онъ премилый, умный старичокъ. Онъ тебѣ выдернетъ этотъ зубъ такъ, что ты и не замѣтишь.

Стоя у первой обѣдни, Левинъ попытался освѣжить въ себѣ юношескія воспоминанія того сильнаго религіознаго чувства, которое онъ пережилъ отъ шестнадцати до семнадцати лѣтъ. Но тотчасъ же убѣдился, что это для него совершенно невозможно. Онъ попытался смотрѣть на все это какъ на не имѣющій значенія пустой обычай, подобный обычаю дѣланія визитовъ; но почувствовалъ, что и этого онъ никакъ не могъ сдѣлать. Левинъ находился въ отношеніи къ религіи, какъ и большинство его современниковъ, въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Вѣрить онъ не могъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ твердо убѣжденъ въ томъ, чтобы все это было несправедливо. И поэтому, не будучи въ состояніи вѣрить въ значительность того, что онъ дѣлалъ, ни смотрѣть на это равнодушно, какъ на пустую формальность,—во все время этого говѣнья онъ испытывалъ чувство неловкости и стыда, дѣлая то, чего самъ не понимаетъ, и потому, какъ ему говорилъ внутренній голосъ, что-то лживое и нехорошее.

Во время службы онъ то слушалъ молитвы, стараясь приписывать имъ значеніе такое, которое бы не расходилось съ его взглядами, то, чувствуя, что онъ не можетъ понимать и долженъ осуждать ихъ, старался не слушать ихъ, а занимался своими мыслями, наблюденіями и воспоминаніями, которыя съ чрезвычайною живостью, во время этого празднаго стоянія въ церкви, бродили въ его головѣ.

Онъ отстоялъ обѣдню, всенощную и вечернія правила, и на другой день, вставъ раньше обыкновеннаго, не пивъ

чаю, пришелъ въ восемь часовъ утра въ церковь для слушанія утреннихъ правилъ и исповѣди.

Въ церкви никого не было, кромѣ нищаго солдата, двухъ старушекъ и церковно служителей.

Молодой дьяконъ, съ двумя рѣзко обозначавшимися половинками длинной спины подъ тонкимъ подрясникомъ, встрѣтилъ его, и тотчасъ же, подойдя къ столику у стѣны, сталъ читать правила. По мѣрѣ чтенія, въ особенности при частомъ и быстромъ повтореніи тѣхъ же словъ: „Господи помилуй“, которыя звучали какъ „помилосъ, помилосъ“, Левинъ чувствовалъ, что мысль его заперта и запечатана, и что трогать и шевелить ее теперь не слѣдуетъ, а то выйдетъ путаница,—и потому онъ, стоя позади дьякона, продолжалъ, не слушая и не вникая, думать о своемъ. „Удивительно много выраженія въ ея рукѣ“, думалъ онъ, вспоминая, какъ вчера они сидѣли у угловаго стола. Говорить имъ не о чемъ было, какъ всегда почти въ это время, и она, положивъ на столъ руку, раскрывала и закрывала ее, и сама засмѣялась, глядя на ея движеніе. Онъ вспомнилъ, какъ онъ поцѣловалъ руку и какъ потомъ разсматривалъ сходящіяся черты на розовой ладони.—„Опять помилосъ“, подумалъ Левинъ, крестясь, кланяясь и глядя на гибкое движеніе спины кланяющагося дьякона.—„Она взяла потомъ мою руку и разсматривала линіи: „у тебя славная рука“, сказала она“. И онъ посмотрѣлъ на свою руку и на короткую руку дьякона. „Да, теперь скоро кончится, думалъ онъ.—Нѣтъ, кажется опять сначала, —подумалъ онъ, прислушиваясь къ молитвамъ.— Нѣтъ, кончается; вотъ ужъ онъ кланяется въ землю. Это всегда передъ концомъ“.

Незамѣтно получивъ рукою въ плисовомъ обшлагѣ трех-

рублевую бумажку, дьяконъ сказалъ, что онъ запишетъ, и, бойко звуча новыми сапогами по плитамъ пустой церкви, прошелъ въ алтарь. Черезъ минуту онъ выглянулъ оттуда и поманилъ Левина. Запертая до сихъ поръ мысль зашевелилась въ головѣ Левина, но онъ поспѣшилъ отогнать ее. — „Какъ-нибудь устроится“, подумалъ онъ и пошелъ къ амвону. Онъ вошелъ на ступеньки и, повернувъ направо, увидалъ священника. Старичокъ священникъ, съ рѣдкою полусѣдою бородой, съ усталыми, добрыми глазами, стоялъ у аналоя и перелистывалъ требникъ. Слегка поклонившись Левину, онъ тотчасъ же началъ читать привычнымъ голосомъ молитвы. Окончивъ ихъ, онъ поклонился въ землю и обратился лицомъ къ Левину.

— Здѣсь Христосъ невидимо предстоитъ, принимая вашу исповѣдь, — сказалъ онъ, указывая на Распятіе.—Вѣруете ли вы во все то, чему учитъ насъ святая апостольская церковь?—продолжалъ священникъ, отворачивая глаза отъ лица Левина и складывая руки подъ эпитрахиль.

— Я сомнѣвался, я сомнѣваюсь во всемъ,—проговорилъ Левинъ непріятнымъ для себя голосомъ и замолчалъ.

Священникъ подождалъ нѣсколько секундъ, не скажетъ ли онъ еще чего, и, закрывъ глаза, быстрымъ владимірскимъ—на „о“—говоромъ сказалъ:

— Сомнѣнія свойственны слабости человѣческой, но мы должны молиться, чтобы милосердый Господь укрѣпилъ насъ. Какіе особенные грѣхи имѣете?—прибавилъ онъ безъ малѣйшаго премежутка, какъ бы стараясь не терять времени.

— Мой главный грѣхъ есть сомнѣніе. Я во всемъ сомнѣваюсь и большею частью нахожусь въ сомнѣніи.

— Сомнѣніе свойственно слабости человѣческой, — по-

вторилъ тѣ же слова священникъ.—Въ чемъ же преимущественно вы сомнѣваетесь?

— Я во всемъ сомнѣваюсь. Я сомнѣваюсь иногда даже въ существованіи Бога,—невольно сказалъ Левинъ и ужаснулся неприличію того, что онъ говорилъ. Но на священника слова Левина не произвели, какъ казалось, впечатлѣнія.

— Какія же могутъ быть сомнѣнія въ существованіи Бога?—съ чуть замѣтной улыбкой поспѣшно сказалъ онъ.

Левинъ молчалъ.

— Какое же вы можете имѣть сомнѣніе о Творцѣ, когда вы воззрите на творенія Его? — продолжалъ священникъ быстрымъ, привычнымъ говоромъ.—Кто же украсилъ свѣтилами сводъ небесный? Кто облекъ землю въ красоту ея? Какъ же безъ Творца?—сказалъ онъ, вопросительно взглянувъ на Левина.

Левинъ чувствовалъ, что неприлично было бы вступать въ философскія пренія со священникомъ, и потому сказалъ въ отвѣтъ только то, что̀ прямо относилось къ вопросу.

— Я не знаю,—сказалъ онъ.

— Не знаете? То какъ же вы сомнѣваетесь въ томъ, что Богъ сотворилъ все?—съ веселымъ недоумѣніемъ сказалъ священникъ.

— Я не понимаю ничего,—сказалъ Левинъ краснѣя и чувствуя, что слова его глупы, и что они не могутъ не быть глупы въ такомъ положеніи.

— Молитесь Богу и просите Его. Даже святые отцы имѣли сомнѣнія и просили Бога объ утвержденіи своей вѣры. Дьяволъ имѣетъ большую силу, и мы не должны подда-

ваться ему. Молитесь Богу, просите его. Молитесь Богу,— повторилъ онъ поспѣшно.

Священникъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ бы задумавшись.

— Вы, какъ я слышалъ, собираетесь вступить въ бракъ съ дочерью моего прихожанина и сына духовнаго, князя Щербацкаго? — прибавилъ онъ съ улыбкой. — Прекрасная дѣвица!

— Да,—краснѣя за священника, отвѣчалъ Левинъ. „Къ чему ему нужно спрашивать объ этомъ на исповѣди?“ подумалъ онъ.

И, какъ бы отвѣчая на его мысль, священникъ сказалъ ему.

— Вы собираетесь вступить въ бракъ, и Богъ можетъ-быть наградитъ васъ потомствомъ, не такъ ли? Что же, какое воспитаніе можете дать вы вашимъ малюткамъ, если не побѣдите въ себѣ искушеніе дьявола, влекущаго васъ къ невѣрію?—сказалъ онъ съ кроткою укоризной.—Если вы любите свое чадо, то вы, какъ добрый отецъ, не одного богатства, роскоши, почести будете желать своему дѣтищу; вы будете желать его спасенія, его духовнаго просвѣщенія свѣтомъ истины. Не такъ ли? Что же вы отвѣтите ему, когда невинный малютка спроситъ у васъ: „папаша! кто сотворилъ все, что прельщаетъ меня въ этомъ мірѣ — землю, воды, солнце, цвѣты, травы?“ Неужели вы скажете ему: „я не знаю?“ Вы не можете не знать, когда Господь Богъ по великой милости своей открылъ вамъ это. Или дитя ваше спроситъ васъ: „что ждетъ меня въ загробной жизни?“ Что вы скажете ему, когда вы ничего не знаете? Какъ же вы будете отвѣчать ему? Предоставите его прелести міра и дьявола? Это нехорошо!—сказалъ онъ и оста-

новился, склонивъ голову на бокъ и глядя на Левина добрыми, кроткими глазами

Левинъ ничего не отвѣчалъ теперь, не потому, что онъ не хотѣлъ вступать въ споръ со священникомъ, но потому, что никто ему не задавалъ такихъ вопросовъ, а когда малютки его будутъ задавать эти вопросы, еще будетъ время подумать, что отвѣчать.

— Вы вступаете въ пору жизни, — продолжалъ священникъ, — когда надо избрать путь и держаться его. Молитесь Богу, чтобъ Онъ по своей благости помогъ вамъ и помиловалъ, — заключилъ онъ. „Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами своего человѣколюбія, да проститъ тя, чадо...“—и, окончивъ разрѣшительную молитву, священникъ благословилъ и отпустилъ его.

Вернувшись въ этотъ день домой, Левинъ испытывалъ радостное чувство того, что неловкое положеніе кончилось, и кончилось такъ, что ему не пришлось лгать. Кромѣ того, у него осталось неясное воспоминаніе о томъ, что то, что говорилъ этотъ добрый и милый старичокъ, было совсѣмъ не такъ глупо, какъ ему показалось сначала, и что тутъ что-то есть такое, что нужно уяснить.

„Разумѣется, не теперь,—думалъ Левинъ,—но когда-нибудь послѣ“. Левинъ больше чѣмъ прежде чувствовалъ теперь, что въ душѣ у него что то неясно и нечисто, и что въ отношеніи къ религіи онъ находится въ томъ же самомъ положеніи, которое онъ такъ ясно видѣлъ и не любилъ въ другихъ и за которое онъ упрекалъ пріятеля своего, Свіяжскаго.

Проводя этотъ вечеръ съ невѣстой у Долли, Левинъ былъ особенно веселъ, и, объясняя Степану Аркадьевичу то воз-

бужденное состоянie, въ которомъ онъ находился, сказалъ, что ему весело какъ собакѣ, которую учили скакать черезъ обручъ и которая, понявъ наконецъ и совершивъ то, что отъ нея требуется, взвизгиваетъ и, махая хвостомъ, прыгаетъ отъ восторга на столы и окна.

II.

Въ день свадьбы Левинъ, по обычаю (на исполненiи всѣхъ обычаевъ строго настаивали княгиня и Дарья Александровна), не видалъ своей невѣсты и обѣдалъ у себя въ гостиницѣ со случайно собравшимися къ нему тремя холостяками: Сергѣй Ивановичъ, Катавасовъ, товарищъ по университету, теперь профессоръ естественныхъ наукъ, котораго, встрѣтивъ на улицѣ, Левинъ затащилъ къ себѣ, и Чириковъ—шаферъ, московскiй мировой судья, товарищъ Левина по медвѣжьей охотѣ. Обѣдъ былъ очень веселый. Сергѣй Ивановичъ былъ въ самомъ хорошемъ расположенiи духа и забавлялся оригинальностью Катавасова. Катавасовъ, чувствуя, что его оригинальность оцѣнена и понимаема, щеголялъ ею. Чириковъ весело и добродушно поддерживалъ всякiй разговоръ.

— Вѣдь вотъ, — говорилъ Катавасовъ, по привычкѣ, прiобрѣтенной на каѳедрѣ, растягивая свои слова, — какой былъ способный малый, нашъ прiятель Константинъ Дмитричъ. Я говорю про отсутствующихъ, потому что его ужъ нѣтъ. И науку любилъ тогда, по выходѣ изъ университета, интересы имѣлъ человѣческiе; теперь же одна половина его способностей направлена на то, чтобъ обманывать себя, а другая—чтобъ оправдывать этотъ обманъ.

— Болѣе рѣшительнаго врага женитьбы, какъ вы, я не видалъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, я не врагъ. Я другъ раздѣленія труда. Люди, которые дѣлать ничего не могутъ, должны дѣлать людей, а остальные—содѣйствовать ихъ просвѣщенію и счастію. Вотъ какъ я понимаю. Мѣшать два эти ремесла есть тьма охотниковъ, я не изъ ихъ числа.

— Какъ я буду счастливъ, когда узнаю, что вы влюбитесь!—сказалъ Левинъ.—Пожалуйста, позовите меня на свадьбу.

— Я влюбленъ уже.

— Да, въ каракатицу. Ты знаешь,—обратился Левинъ къ брату,—Михаилъ Семеновичъ пишетъ сочиненіе о питаніи и...

— Ну, ужъ не путайте! Это все равно о чемъ. Дѣло въ томъ, что я точно люблю каракатицу.

— Но она не помѣшаетъ вамъ любить жену.

— Она то не помѣшаетъ, да жена помѣшаетъ.

— Отчего же?

— А вотъ увидите. Вы вотъ хозяйство любите, охоту,—ну, посмотрите!

— А нынче Архипъ былъ, говорилъ, что лосей пропасть въ Прудномъ, и два медвѣдя,—сказалъ Чириковъ.

— Ну, ужъ вы ихъ безъ меня возьмете.

— Вотъ и правда,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Да и впередъ простись съ медвѣжьей охотой,—жена не пуститъ!

Левинъ улыбнулся. Представленіе, что жена его не пуститъ, было ему такъ пріятно, что онъ готовъ былъ навсегда отказаться отъ удовольствія видѣть медвѣдей.

— А вѣдь все-таки жалко, что этихъ двухъ медвѣдей безъ васъ возьмутъ. А помните въ Хапиловѣ послѣдній разъ? Чудная была бы охота,—сказалъ Чириковъ.

Левинъ не хотѣлъ его разочаровывать въ томъ, что гдѣ-нибудь можетъ быть что-нибудь хорошее безъ нея, и потому ничего не сказалъ.

— Недаромъ установился этотъ обычай прощаться съ холостою жизнью,— сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Какъ ни будь счастливъ, все-таки жаль свободы.

— А признайтесь, есть это чувство, какъ у Гоголевскаго жениха, что въ окошко хочется выпрыгнуть?

— Навѣрно есть, но не признается!—сказалъ Катавасовъ и громко захохоталъ.

— Что же, окошко открыто... Поѣдемъ сейчасъ въ Тверь! Одна медвѣдица, на берлогу можно идти. Право, поѣдемъ на пятичасовомъ! А тутъ какъ хотятъ,—сказалъ улыбаясь Чириковъ.

— Ну вотъ ей-Богу,—улыбаясь сказалъ Левинъ,—не могу найдти въ своей душѣ этого чувства сожалѣнія о своей свободѣ!

— Да у васъ въ душѣ такой хаосъ теперь, что ничего не найдете,—сказалъ Катавасовъ.—Погодите, какъ разберетесь немножко, то найдете!

— Нѣтъ, я бы чувствовалъ хотя немного, что кромѣ своего чувства... (онъ не хотѣлъ сказать при немъ любви) и счастія все-таки жаль потерять свободу... Напротивъ, я этой-то потерѣ свободы и радъ.

— Плохо! Безнадежный субъектъ!— сказалъ Катавасовъ.— Ну, выпьемъ за его исцѣленіе, или пожелаемъ ему только, чтобъ хоть одна сотая его мечтаній сбылась. И это ужъ будетъ такое счастіе, какого не бывало на землѣ!

Вскорѣ послѣ обѣда гости уѣхали, чтобъ успѣть переодѣться къ свадьбѣ.

Оставшись одинъ и вспоминая разговоры этихъ холостяковъ, Левинъ еще разъ спросилъ себя: есть ли у него въ душѣ это чувство сожалѣнія о своей свободѣ, о которомъ они говорили? Онъ улыбнулся при этомъ вопросѣ. „Свобода? Зачѣмъ свобода? Счастіе только въ томъ, чтобы любить и желать, думать ея желаніями, ея мыслями, то-есть никакой свободы,—вотъ это счастіе!“

„Но знаю ли я ея мысли, ея желанія, ея чувства?“ вдругъ шепнулъ ему какой-то голосъ. Улыбка исчезла съ его лица, и онъ задумался. И вдругъ на него нашло странное чувство. На него нашелъ страхъ и сомнѣніе,—сомнѣніе во всемъ.

„Что, какъ она не любитъ меня? Что, какъ она выходитъ за меня только для того, чтобы выдти замужъ? Что, если она сама не знаетъ того, что дѣлаетъ?—спрашивалъ онъ себя.—Она можетъ опомниться, и только выйдя замужъ пойметъ, что не любитъ и не могла любить меня...“ И странныя, самыя дурныя мысли о ней стали приходить ему. Онъ ревновалъ ее къ Вронскому, какъ годъ тому назадъ, какъ будто этотъ вечеръ, когда онъ видѣлъ ее съ Вронскимъ, былъ вчера. Онъ подозрѣвалъ, что она не все сказала ему. Онъ быстро вскочилъ. „Нѣтъ, это такъ нельзя!—сказалъ онъ себѣ съ отчаяніемъ.—Пойду къ ней, спрошу, скажу послѣдній разъ: мы свободны, и не лучше ли остановиться? Все лучше, чѣмъ вѣчное несчастіе, позоръ, невѣрность!!“ Съ отчаяніемъ въ сердцѣ и со злобой на всѣхъ людей, на себя, на нее, онъ вышелъ изъ гостиницы и поѣхалъ къ ней.

Онъ засталъ ее въ заднихъ комнатахъ. Она сидѣла на сундукѣ и о чемъ-то распоряжалась съ дѣвушкой, разбирая кучи разноцвѣтныхъ платьевъ, разложенныхъ на спинкахъ стульевъ и на полу.

— Ахъ!—вскрикнула она, увидавъ его и вся просіявъ отъ радости.—Какъ ты, какъ же вы?... (Доэтого послѣдняго дня она говорила ему то „ты“, то „вы“)? Вотъ не ждала! А я разбираю мои дѣвичьи платья, кому какое...

— А, это очень хорошо!—сказалъ онъ мрачно, глядя на дѣвушку.

— Уйди, Дуняша, я позову тогда,—сказала Кити.—Что съ тобой?—спросила она, рѣшительно говоря ему „ты“, какъ только дѣвушка вышла. Она замѣтила его странное лицо, взволнованное и мрачное, и на нее нашелъ страхъ.

— Кити! я мучаюсь. Я не могу одинъ мучиться,—сказалъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ, останавливаясь передъ ней и умоляюще глядя ей въ глаза. Онъ уже видѣлъ по ея любящему, правдивому лицу, что ничего не можетъ выдти изъ того, что онъ намѣренъ былъ сказать, но ему все-таки нужно было, чтобъ она сама разувѣрила его.—Я пріѣхалъ сказать, что еще время не ушло. Это все можно уничтожить и поправить.

— Что? Я ничего не понимаю. Что съ тобой?

— То, что я тысячу разъ говорилъ и не могу не думать... то, что я не стòю тебя. Ты не могла согласиться выдти за меня замужъ. Ты подумай. Ты ошиблась. Ты подумай хорошенько. Ты не можешь любить меня... Если... лучше скажи,—говорилъ онъ, не глядя на нее.—Я буду несчастливъ. Пускай всѣ говорятъ, чтò хотятъ; все лучше, чѣмъ несчастіе... Все лучше теперь, пока есть время...

— Я не понимаю,—испуганно отвѣчала она,—то-есть что ты хочешь отказаться... что не надо?

— Да, если ты не любишь меня.

— Ты съ ума сошелъ!—вскрикнула она, покраснѣвъ

отъ досады. Но лицо его было такъ жалко, что она удержала свою досаду и, сбросивъ платья съ кресла, пересѣла ближе къ нему.—Что ты думаешь? скажи все.

— Я думаю, что ты не можешь любить меня. За что ты можешь любить меня?

— Боже мой, что же я могу?...—сказала она и заплакала.

— Ахъ, что я сдѣлалъ! — вскрикнулъ онъ и, ставъ передъ ней на колѣни, сталъ цѣловать ея руки.

Когда княгиня черезъ пять минутъ вошла въ комнату, она нашла ихъ уже совершенно помирившимися. Кити не только увѣрила его, что она его любитъ, но даже,— отвѣчая на его вопросъ: за что она любитъ его, — объяснила ему, за что. Она сказала ему, что она любитъ его за то, что она понимаетъ его всего, за то, что она знаетъ, что онъ долженъ любить, и что все, что онъ любитъ, все хорошо. И это показалось ему вполнѣ ясно. Когда княгиня вошла къ нимъ, они рядомъ сидѣли на сундукѣ, разбирали платья и спорили о томъ, что Кити хотѣла отдать Дуняшѣ то коричневое платье, въ которомъ она была, когда Левинъ ей сдѣлалъ предложеніе, а онъ настаивалъ, чтобъ это платье никому не отдавать, а дать Дуняшѣ голубое.

— Какъ ты не понимаешь! Она—брюнетка, и ей не будетъ идти... У меня это все расчитано.

Узнавъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, княгиня полушуточно, полусерьёзно разсердилась и услала его домой одѣваться и не мѣшать Кити причесываться, такъ какъ Шарль сейчасъ пріѣдетъ.

— Она и такъ ничего не ѣстъ всѣ эти дни и подурнѣла, а ты еще ее разстраиваешь своими глупостями, — сказала она ему.—Убирайся, убирайся, любезный.

Левинъ, виноватый и пристыженный, но успокоенный, вернулся въ свою гостиницу. Его братъ, Дарья Александровна и Степанъ Аркадьевичъ, всѣ въ полномъ туалетѣ, уже ждали его, чтобы благословить образомъ. Медлить некогда было. Дарья Александровна должна была еще заѣхать домой, съ тѣмъ чтобы взять своего напомаженнаго и завитаго сына, который долженъ былъ везти образъ съ невѣстой. Потомъ одну карету надо было послать за шаферомъ, а другую, которая отвезетъ Сергѣя Ивановича, прислать назадъ... Вообще, соображеній весьма сложныхъ было очень много. Одно было несомнѣнно, что надо было не мѣшкать, потому что уже половина седьмаго.

Изъ благословенія образомъ ничего не вышло. Степанъ Аркадьевичъ сталъ въ комически-торжественную позу рядомъ съ женою, взялъ образъ и, велѣвъ Левину кланяться въ землю, благословилъ его съ доброю и насмѣшливою улыбкой и поцѣловалъ его троекратно; то же сдѣлала и Дарья Александровна, и тотчасъ же заспѣшила ѣхать и опять запуталась въ предначертаніяхъ движенія экипажей.

— Ну, такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: ты поѣзжай въ нашей каретѣ за нимъ, а Сергѣй Ивановичъ уже еслибы былъ такъ добръ заѣхать, а потомъ послать.

— Что же, я очень радъ.

— А мы сейчасъ съ нимъ пріѣдемъ. Вещи отправлены?— сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Отправлены,—отвѣчалъ Левинъ и велѣлъ Кузьмѣ подавать одѣваться.

III.

Толпа народа, въ особенности женщинъ, окружала освѣщенную для свадьбы церковь. Тѣ, которые не успѣли про-

никнуть въ средину, толпились около оконъ, толкаясь, споря и заглядывая сквозь рѣшетки.

Больше двадцати каретъ уже были разставлены жандармами вдоль по улицѣ. Полицейскій офицеръ, пренебрегая морозомъ, стоялъ у входа, сіяя своимъ мундиромъ. Безпрестанно подъѣзжали еще экипажи, и то дамы въ цвѣтахъ съ поднятыми шлейфами, то мужчины, снимая кепи или черную шляпу, вступали въ церковь. Въ самой церкви уже были зажжены обѣ люстры и всѣ свѣчи у мѣстныхъ образовъ. Золотое сіяніе на красномъ фонѣ иконостаса, и золоченая рѣзьба иконъ, и серебро паникадилъ и подсвѣчниковъ, и плиты пола, и коврики, и хоругви вверху у клиросовъ, и ступеньки амвона, и старыя почернѣвшія книги, и подрясники, и стихари—все было залито свѣтомъ. На правой сторонѣ теплой церкви, въ толпѣ фраковъ и бѣлыхъ галстуковъ, мундировъ и штофовъ, бархата, атласа, волосъ, цвѣтовъ, обнаженныхъ плечъ и рукъ, и высокихъ перчатокъ, шелъ сдержанный и оживленный говоръ, странно-отдававшійся въ высокомъ куполѣ. Каждый разъ, какъ раздавался пискъ отворяемой двери, говоръ въ толпѣ затихалъ, и всѣ оглядывались, ожидая видѣть входящихъ жениха и невѣсту. Но дверь уже отворялась болѣе чѣмъ десять разъ, и каждый разъ это былъ—или запоздавшій гость или гостья, присоединявшіеся къ кружку званыхъ направо, или зрительница, обманувшая или умилостивившая полицейскаго офицера, присоединявшаяся къ чужой толпѣ налѣво. И родные и посторонніе уже прошли черезъ всѣ фазы ожиданія.

Спачала полагали, что женихъ съ невѣстой сію минуту пріѣдутъ, не приписывая никакого значенія этому запозда-

нію. Потомъ стали чаще и чаще поглядывать на дверь, поговаривая о томъ, что не случилось ли чего-нибудь. Потомъ это опозданіе стало уже неловко, и родные и гости старались дѣлать видъ, что они не думаютъ о женихѣ и заняты своимъ разговоромъ.

Протодьяконъ, какъ бы напоминая о цѣнности своего времени, нетерпѣливо покашливалъ, заставляя дрожать стекла въ окнахъ. На клиросѣ слышны были то пробы голосовъ, то сморканіе соскучившихся пѣвчихъ. Священникъ безпрестанно высылалъ то дьячка, то дьякона узнать, не пріѣхалъ ли женихъ, и самъ, въ лиловой рясѣ и шитомъ поясѣ, чаще и чаще выходилъ къ боковымъ дверямъ, ожидая жениха. Наконецъ одна изъ дамъ, взглянувъ на часы, сказала: „однако это странно!“ и всѣ гости пришли въ безпокойство и стали громко выражать свое удивленіе и неудовольствіе. Одинъ изъ шаферовъ поѣхалъ узнать, что случилось. Кити въ это время, давно уже совсѣмъ готовая, въ бѣломъ платьѣ, длинномъ вуалѣ и вѣнкѣ померанцевыхъ цвѣтовъ, съ посаженой матерью и сестрой Львовой стояла въ залѣ Щербацкаго дома и смотрѣла въ окно, тщетно ожидая уже болѣе получаса извѣстія отъ своего шафера о пріѣздѣ жениха въ церковь.

Левинъ же, между тѣмъ, въ панталонахъ, но безъ жилета и фрака, ходилъ взадъ и впередъ по своему нумеру, безпрестанно высовываясь въ дверь и оглядывая коридоръ. Но въ корридорѣ не видно было того, кого онъ ожидалъ, и онъ, съ отчаяніемъ возвращаясь и взмахивая руками, относился къ спокойно курившему Степану Аркадьевичу.

— Былъ ли когда-нибудь человѣкъ въ такомъ ужасномъ дурацкомъ положеніи!—говорилъ онъ.

— Да, глупо,—подтвердилъ Степанъ Аркадьевичъ, смягчительно улыбаясь.—Но успокойся, сейчасъ привезутъ.

— Нѣтъ, какъ же!—со сдержаннымъ бѣшенствомъ говорилъ Левинъ.—И эти дурацкіе открытые жилеты! Невозможно!—говорилъ онъ, глядя на измятый перёдъ своей рубашки.—И что, какъ вещи увезли уже на желѣзную дорогу!—вскрикнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Тогда мою надѣнешь.

— И давно бы такъ надо.

— Не хорошо быть смѣшнымъ... Погоди, *образуется.*

Дѣло было въ томъ, что когда Левинъ потребовалъ одѣваться, Кузьма, старый слуга Левина, принесъ фракъ, жилетъ и все, что нужно было.

— А рубашка?—вскрикнулъ Левинъ.

— Рубашка на васъ,—съ спокойною улыбкой отвѣтилъ Кузьма.

Рубашки чистой Кузьма не догадался оставить, и, получивъ приказаніе все уложить и свезти къ Щербацкимъ, отъ которыхъ въ нынѣшній же вечеръ уѣзжали молодые, онъ такъ и сдѣлалъ, уложивъ все, кромѣ фрачной пары. Рубашка, надѣтая съ утра, была измята и невозможна съ открытой модой жилетовъ. Посылать къ Щербацкимъ было далеко. Послали купить рубашку. Лакей вернулся: все заперто,—воскресенье. Послали къ Степану Аркадьевичу, привезли рубашку; она была невозможно широка и коротка. Послали наконецъ къ Щербацкимъ разложить вещи. Жениха ждали въ церкви, а онъ, какъ запертый въ клѣткѣ звѣрь, ходилъ по комнатѣ, выглядывая въ корридоръ и съ ужасомъ и отчаяніемъ вспоминая, что̀ онъ наговорилъ Кити и что она можетъ теперь думать.

Наконецъ виноватый Кузьма, насилу переводя духъ, влетѣлъ въ комнату съ рубашкой.

— Только засталъ. Ужъ на ломоваго поднимали, — сказалъ Кузьма.

Черезъ три минуты, не глядя на часы, чтобы не растравлять раны, Левинъ бѣгомъ бѣжалъ по коррядору.

— Ужъ этимъ не поможешь,—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ съ улыбкой, неторопливо поспѣшая за нимъ.— *Образуется, образуется*... говорю тебѣ.

IV.

— Пріѣхали! — Вотъ онъ! — Который? — Помоложе - то, что-ль?—А она-то, матушка, ни жива, ни мертва!—заговорили въ толпѣ, когда Левинъ, встрѣтивъ невѣсту у подъѣзда, съ нею вмѣстѣ вошелъ въ церковь.

Степанъ Аркадьевичъ разсказалъ женѣ причину замедленія, и гости, улыбаясь, перешептывались между собой. Левинъ ничего и никого не замѣчалъ; онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на свою невѣсту.

Всѣ говорили, что она очень подурнѣла въ эти послѣдніе дни и была подъ вѣнцомъ далеко не такъ хороша, какъ обыкновенно; но Левинъ не находилъ этого. Онъ смотрѣлъ на ея высокую прическу съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ и бѣлыми цвѣтами, на высоко стоявшій оборчатый воротникъ, особенно дѣвственно закрывавшій съ боковъ и открывавшій спереди ея длинную шею и поразительно тонкую талію, и ему казалось, что она была лучше, чѣмъ когда-нибудь,—не потому, чтобъ эти цвѣты, этотъ вуаль, это выписанное изъ Парижа платье прибавляли что-нибудь къ ея красотѣ, но потому, что, несмотря на эту приготов-

ленную пышность наряда, выраженіе ея милаго лица, ея взгляда, ея губъ, было все тѣмъ же ея особеннымъ выраженіемъ невинной правдивости.

— Я думала уже, что ты хотѣлъ бѣжать,—сказала она и улыбнулась ему.

— Такъ глупо, что̀ со мной случилось, совѣстно говорить!—сказалъ онъ, краснѣя, и долженъ былъ обратиться къ подошедшему Сергѣю Ивановичу.

— Хороша твоя исторія съ рубашкой! — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, покачивая головой и улыбаясь.

— Да, да, — отвѣчалъ Левинъ, не понимая, о чемъ ему говорятъ.

— Ну, Костя, теперь надо рѣшить, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ притворно-испуганнымъ видомъ, — важный вопросъ. Ты именно теперь въ состояніи оцѣнить всю важность его. У меня спрашиваютъ: обожженныя ли свѣчи зажечь, или необожженныя? Разница десять рублей,—присовокупилъ онъ, собирая губы въ улыбку.—Я рѣшилъ, но боюсь, что ты не изъявишь согласія.

Левинъ понялъ, что это была шутка, но не могъ улыбнуться.

— Такъ какъ же, необожженныя или обожженныя?—вотъ вопросъ.

— Да, да, необожженныя.

— Ну, я очень радъ. Вопросъ рѣшенъ! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь.—Однако, какъ глупѣютъ люди въ этомъ положеніи,—сказалъ онъ Чирикову, когда Левинъ, растерянно поглядѣвъ на него, подвинулся къ невѣстѣ.

— Смотри, Кити, первая стань на коверъ,— сказала гра-

фиия Нордстонъ, подходя.— Хороши вы! — обратилась она къ Левину.

— Что, не страшно? —сказала Марья Дмитріевна, старая тетка.

— Тебѣ не свѣжо ли? Ты блѣдна. Постой, нагнись! —сказала сестра Кити, Львова, и, округливъ свои полныя, прекрасныя руки, съ улыбкою поправила ей цвѣты на головѣ.

Долли подошла, хотѣла сказать что-то, но не могла выговорить, заплакала и неестественно засмѣялась.

Кити смотрѣла на всѣхъ такими же отсутствующими глазами, какъ и Левинъ.

Между тѣмъ церковнослужители облачились, и священникъ съ дьякономъ вышли къ аналою, стоявшему въ притворѣ церкви. Священникъ обратился къ Левину, что-то сказавъ. Левинъ не разслушалъ того, что̀ сказалъ священникъ.

— Берите за руку невѣсту и ведите, — сказалъ шаферъ Левину.

Долго Левинъ не могъ понять, чего отъ него требовали. Долго поправляли его и хотѣли уже бросить, потому что онъ бралъ все не тою рукой или не за ту руку, когда онъ понялъ наконецъ, что надо было правою рукой, не перемѣняя положенія, взять ее за правую же руку. Когда онъ наконецъ взялъ невѣсту за руку какъ надо было, священникъ прошелъ нѣсколько шаговъ впереди ихъ и остановился у аналоя. Толпа родныхъ и знакомыхъ, жужжа говоромъ и шурша шлейфами, подвинулась за ними. Кто-то, нагнувшись, поправилъ шлейфъ невѣсты. Въ церкви стало такъ тихо, что слышалось паденіе капель воска.

Старичокъ-священникъ, въ камилавкѣ, съ блестящими серебромъ сѣдыми прядями волосъ, разобранными на двѣ

стороны за ушами, выпроставъ маленькія старческія руки изъ-подъ тяжелой серебряной съ золотымъ крестомъ на спинѣ ризы, перебиралъ что то у аналоя.

Степанъ Аркадьевичъ осторожно подошелъ къ нему, пошепталъ что-то и, подмигнувъ Левину, зашелъ опять назадъ.

Священникъ зажегъ двѣ украшенныя цвѣтами свѣчи, держа ихъ бокомъ въ лѣвой рукѣ, такъ что воскъ капалъ съ нихъ медленно, и повернулся лицомъ къ новоневѣстнымъ. Священникъ былъ тотъ же самый, который исповѣдывалъ Левина. Онъ посмотрѣлъ усталымъ и грустнымъ взглядомъ на жениха и невѣсту, вздохнулъ и, выпроставъ изъ-подъ ризы правую руку, благословилъ ею жениха, и такъ же, но съ оттѣнкомъ осторожной нѣжности, наложилъ сложенные персты на склоненную голову Кити. Потомъ онъ подалъ имъ свѣчи и, взявъ кадило, медленно отошелъ отъ нихъ.

„Неужели это правда?“ подумалъ Левинъ и оглянулся на невѣсту. Ему нѣсколько сверху виднѣлся ея профиль, и, по чуть-замѣтному движенію ея губъ и рѣсницъ, онъ зналъ, что она почувствовала его взглядъ. Она не оглянулась, но высокій оборчатый воротничокъ зашевелился, поднимаясь къ ея розовому маленькому уху. Онъ видѣлъ, что вздохъ остановился въ ея груди, и задрожала маленькая рука въ высокой перчаткѣ, державшая свѣчу.

Вся суета рубашки, опозданія, разговоръ съ знакомыми, родными, ихъ неудовольствіе, его смѣшное положеніе—все вдругъ исчезло, и ему стало радостно и страшно.

Красивый рослый протодьяконъ въ серебряномъ стихарѣ, со стоящими по сторонамъ, расчесанными, завитыми кудрями, бойко выступилъ впередъ и, привычнымъ жестомъ при-

поднявъ на двухъ пальцахъ орарь, остановился противъ священника.

„Бла-го сло-ви, владыко!“ медленно, одинъ за другимъ, колебля волны воздуха, раздались торжественные звуки.

„Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“, смиренно и пѣвуче отвѣтилъ старичокъ-священникъ, продолжая перебирать что-то на аналоѣ. И, наполняя всю церковь отъ оконъ до сводовъ, стройно и широко поднялся, усилился, остановился на мгновеніе и тихо замеръ полный аккордъ невидимаго клира.

Молились, какъ и всегда, о свышнемъ мирѣ и спасеніи, о синодѣ, о государѣ; молились и о нынѣ обручающихся рабѣ Божіемъ Константинѣ и Екатеринѣ.

„О еже ниспослатися имъ любви совершеннѣй, мирнѣй, и помощи, Господу помолимся“, какъ бы дышала вся церковь голосомъ протодьякона.

Левинъ слушалъ слова, и они поражали его. „Какъ они догадались, что помощи, именно помощи? — думалъ онъ, вспоминая всѣ свои недавніе страхи и сомнѣнія. — Что я знаю? что я могу въ этомъ страшномъ дѣлѣ,—думалъ онъ,— безъ помощи? Именно помощи мнѣ нужно теперь“.

Когда протодьяконъ кончилъ ектенью, священникъ обратился къ обручавшимся съ книгой:

„Боже вѣчный, разстоящіяся собравый въ соединеніе,— читалъ онъ кроткимъ пѣвучимъ голосомъ,—и союзъ любве положивый имъ неразрушимый, благословивый Исаака и Ревекку, наслѣдники я твоего обѣтованія показавый: Самъ благослови и рабы Твоя сія, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дѣло благое. Яко милостивый, и человѣколюбецъ Богъ еси, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и

Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ".— „Аминь", опять разлился въ воздухѣ невидимый хоръ.

„Разстоящіяся собравый въ соединеніе, и союзъ любве положивый...—какъ глубокомысленны эти слова и какъ соотвѣтственны тому, что чувствуешь въ эту минуту!—думалъ Левинъ.—Чувствуетъ ли она то же, что я?"

И, оглянувшись, онъ встрѣтилъ ея взглядъ.

И по выраженію этого взгляда онъ заключилъ, что она понимала то же, что и онъ. Но это было неправда,—она совсѣмъ почти не понимала словъ службы и даже не слушала ихъ во время обрученія. Она не могла слушать и понимать ихъ,—такъ сильно было то одно чувство, которое наполняло ея душу и все болѣе и болѣе усиливалось. Чувство это была радость полнаго совершенія того, что уже полтора мѣсяца совершилось въ ея душѣ и что въ продолженіе всѣхъ этихъ шести недѣль радовало и мучило ее. Въ душѣ ея, въ тотъ день, какъ она, въ своемъ коричневомъ платьѣ, въ залѣ Арбатскаго дома, подошла къ нему молча и отдалась ему,—въ душѣ ея въ этотъ день и часъ совершился полный разрывъ со всею прежнею жизнью, и началась совершенно другая, новая, совершенно неизвѣстная ей жизнь, въ дѣйствительности же продолжалась старая. Эти шесть недѣль были самое блаженное и самое мучительное для нея время. Вся жизнь ея, всѣ желанія, надежды, были сосредоточены на одномъ этомъ непонятномъ еще для нея человѣкѣ, съ которымъ связывало ее какое-то еще болѣе непонятное, чѣмъ самъ человѣкъ, то сближающее, то отталкивающее чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ она продолжала жить въ условіяхъ прежней жизни. Живя старою жизнью, она ужасалась на себя, на свое полное

непреодолимое равнодушіе ко всему своему прошедшему: къ вещамъ, къ привычкамъ, къ людямъ, любившимъ и любящимъ ее, къ огорченной этимъ равнодушіемъ матери, къ милому, прежде больше всего на свѣтѣ любимому, нѣжному отцу. То она ужасалась на это равнодушіе, то радовалась тому, что привело ее къ этому равнодушію. Ни думать, ни желать она ничего не могла внѣ жизни съ этимъ человѣкомъ; но этой новой жизни еще не было, и она не могла себѣ даже представить ее ясно. Было одно ожиданіе — страхъ и радость новаго и неизвѣстнаго. И теперь, вотъ-вотъ, ожиданіе, и неизвѣстность, и раскаяніе въ отреченіи отъ прежней жизни — все кончится, и начнется новое. Это новое не могло не быть страшно по своей неизвѣстности; но страшно или не страшно, оно уже совершилось еще шесть недѣль тому назадъ въ ея душѣ, теперь же только освящалось то, что давно уже сдѣлалось въ ея душѣ.

Повернувшись опять къ аналою, священникъ съ трудомъ поймалъ маленькое кольцо Кити и, потребовавъ руку Левина, надѣлъ на первый суставъ его пальца. „Обручается рабъ Божій Константинъ рабѣ Божіей Екатеринѣ". И, надѣвъ большое кольцо на розовый, маленькій, жалкій своею слабостью палецъ Кити, священникъ проговорилъ то же.

Нѣсколько разъ обручаемые хотѣли догадаться, что надо сдѣлать, и каждый разъ ошибались, и священникъ шепотомъ поправлялъ ихъ. Наконецъ, сдѣлавъ, что нужно было, перекрестивъ ихъ кольцами, онъ опять передалъ Кити большое, а Левину маленькое; опять они запутались, и два раза передавали кольцо изъ руки въ руку, и все-таки выходило не то, что требовалось.

Долли, Чириковъ и Степанъ Аркадьевичъ выступили впередъ поправить ихъ. Произошло замѣшательство, шепотъ и улыбки, но торжественно-умиленное выраженіе на лицахъ обручаемыхъ не измѣнилось; напротивъ, путаясь руками, они смотрѣли серьёзнѣе и торжественнѣе, чѣмъ прежде, и улыбка, съ которою Степанъ Аркадьевичъ шепнулъ, чтобы теперь каждый надѣлъ свое кольцо, невольно замерла у него на губахъ. Ему чувствовалось, что всякая улыбка оскорбитъ ихъ.

„Ты бо изъ начала создалъ еси мужескій полъ и женскій,—читалъ священникъ вслѣдъ за перемѣной колецъ,—и отъ Тебе сочетавается мужу жена, въ помощь и въ воспріятіе рода человѣча. Самъ убо, Господи Боже нашъ, пославый истину на наслѣдіе Твое и обѣтованіе Твое, на рабы Твоя отцы наша, въ коемждо родѣ и родѣ, избранныя Твоя: призри на раба Твоего Константина, и на рабу Твою Екатерину, и утверди обрученіе ихъ въ вѣрѣ и единомысліи, и истинѣ, и любви...“

Левинъ чувствовалъ все болѣе и болѣе, что всѣ его мысли о женитьбѣ, его мечты о томъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь, что все это было ребячество, и что это что-то такое, чего онъ не понималъ до сихъ поръ и теперь еще менѣе понимаетъ, хотя это и совершается надъ нимъ; въ груди его все выше и выше поднимались содроганія и непокорныя слезы выступали ему на глаза.

V.

Въ церкви была вся Москва, родные и знакомые. И во время обряда обрученія, въ блестящемъ освѣщеніи церкви, въ кругу разряженныхъ женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ

въ бѣлыхъ галстукахъ, фракахъ и мундирахъ, не переставалъ прилично тихій говоръ, который преимущественно затѣвали мужчины, между тѣмъ какъ женщины были поглощены наблюденіемъ всѣхъ подробностей столь всегда затрогивающаго ихъ священнодѣйствія.

Въ кружкѣ самомъ близкомъ къ невѣстѣ были ея двѣ сестры: Долли и старшая, спокойная красавица Львова, пріѣхавшая изъ-за границы.

— Что же это Мари въ лиловомъ, точно черное, на свадьбу?—говорила Корсунская.

— Съ ея цвѣтомъ лица одно спасеніе...—отвѣчала Друбецкая.—Я удивляюсь, зачѣмъ они вечеромъ сдѣлали свадьбу. Это купечество...

— Красивѣе. Я тоже вѣнчалась вечеромъ, — отвѣчала Корсунская и вздохнула, вспомнивъ о томъ, какъ мила она была въ этотъ день, какъ смѣшно былъ влюбленъ ея мужъ и какъ теперь все другое.

— Говорятъ, что кто больше десяти разъ бываетъ шаферомъ, тотъ не женится; я хотѣлъ десятый быть, чтобы застраховать себя, но мѣсто было занято,—говорилъ графъ Синявинъ хорошенькой княжнѣ Чарской, которая имѣла на него виды.

Чарская отвѣчала ему только улыбкой. Она смотрѣла на Кити, думая о томъ, какъ и когда она будетъ стоять съ графомъ Синявинымъ въ положеніи Кити, и какъ она тогда напомнитъ ему его теперешнюю шутку.

Щербацкій говорилъ старой фрейлинѣ Николаевой, что онъ намѣренъ надѣть вѣнецъ на шиньонъ Кити, чтобъ она была счастлива.

— Не надо было надѣвать шиньона, — отвѣчала Нико-

лаева, давно рѣшившая, что если старый вдовецъ, котораго она ловила, женится на ней, то свадьба будетъ самая простая.—Я не люблю этотъ фастъ.

Сергѣй Ивановичъ говорилъ съ Дарьей Дмитріевной, шутя увѣряя ее, что обычай уѣзжать послѣ свадьбы распространяется потому, что новобрачнымъ всегда бываетъ нѣсколько совѣстно.

— Братъ вашъ можетъ гордиться. Она чудо какъ мила. Я думаю вамъ завидно?

— Я уже это пережилъ, Дарья Дмитріевна, — отвѣчалъ онъ, и лицо его неожиданно приняло грустное и серьёзное выраженіе.

Степанъ Аркадьевичъ разсказывалъ свояченицѣ своей каламбуръ о разводѣ.

— Надо поправить вѣнокъ, — отвѣчала она, не слушая его.

— Какъ жаль, что она такъ подурнѣла, — говорила графиня Нордстонъ Львовой. — А все-таки онъ не стòитъ ея пальца. Не правда ли?

— Нѣтъ, онъ мнѣ очень нравится. Не оттого, что онъ будущій beau-frère,—отвѣчала Львова.—И какъ онъ хорошо себя держитъ! А это такъ трудно держать себя хорошо въ этомъ положеніи, не быть смѣшнымъ. А онъ не смѣшонъ, не натянутъ, онъ видно что тронутъ.

— Кажется, вы ждали этого?

— Почти. Она всегда его любила.

— Ну, будемъ смотрѣть, кто изъ нихъ прежде станетъ на коверъ. Я совѣтовала Кити.

— Все равно,—отвѣчала Львова,—мы всѣ покорныя жены, это у насъ въ породѣ.

— А я такъ нарочно первая стала съ Васильемъ. А вы, Долли?

Долли стояла подлѣ нихъ, слышала ихъ, но не отвѣчала. Она была растрогана. Слезы стояли у ней въ глазахъ, и она не могла бы ничего сказать не расплакавшись. Она радовалась на Кити и Левина; возвращаясь мыслью къ своей свадьбѣ, она взглядывала на сіяющаго Степана Аркадьевича, забывала все настоящее и помнила только свою первую невинную любовь. Она вспомнила не одну себя, но всѣхъ женщинъ близкихъ и знакомыхъ ей: она вспомнила о нихъ въ то единственное торжественное для нихъ время, когда онѣ, такъ же, какъ Кити, стояли подъ вѣнцомъ съ любовью, надеждой и страхомъ въ сердцѣ, отрекаясь отъ прошедшаго и вступая въ таинственное будущее. Въ числѣ этихъ всѣхъ невѣстъ, которыя приходили ей на память, она вспомнила и свою милую Анну, подробности о предполагаемомъ разводѣ которой она недавно слышала. И она также чистая стояла въ померанцевыхъ цвѣтахъ и вуалѣ. А теперь что? „Ужасно странно“, проговорила она.

Не однѣ сестры, пріятельницы и родныя слѣдили за всѣми подробностями священнодѣйствія, постороннія женщины, зрительницы, съ волненіемъ, захватывающимъ дыханіе, слѣдили, боясь упустить каждое движеніе, выраженіе лица жениха и невѣсты, и съ досадой не отвѣчали и часто не слыхали рѣчей равнодушныхъ мужчинъ, дѣлавшихъ шутливыя или постороннія замѣчанія.

— Что же такъ заплакана? Или по неволѣ идетъ?

— Чего же по неволѣ за такого молодца? Князь что ли?

— А это сестра въ бѣломъ атласѣ? Ну, слушай, какъ рявкнетъ дьяконъ: „да боится своего мужа“.

— Чудовскіе?

— Синодальные.

— Я лакея спрашивала. Говоритъ, сейчасъ везетъ къ себѣ въ вотчину. Богатъ—страсть, говорятъ. Затѣмъ и выдали.

— Нѣтъ, парочка хороша.

— А вотъ вы спорили, Марья Васильевна, что карналины въ отлетъ носятъ. Глянь-ка у той въ пюсовомъ, посланница говорятъ, съ какимъ подборомъ... Такъ, и опять этакъ.

— Экая милочка невѣста-то, какъ овечка убранная! А какъ ни говорите, жалко нашу сестру.

Такъ говорилось въ толпѣ зрительницъ, успѣвшихъ проскочить въ двери церкви.

VI.

Когда обрядъ обрученія окончился, церковнослужитель постлалъ передъ аналоемъ въ серединѣ церкви кусокъ розовой шелковой ткани, хоръ запѣлъ искусный и сложный псаломъ, въ которомъ басъ и теноръ перекликались между собою, и священникъ, оборотившись, указалъ обрученнымъ на разостланный розовый кусокъ ткани. Какъ ни часто и много слышали оба о примѣтѣ, что кто первый ступитъ на коверъ, тотъ будетъ главой въ семьѣ, ни Левинъ, ни Кити не могли объ этомъ вспомнить, когда они сдѣлали эти нѣсколько шаговъ. Они не слышали и громкихъ замѣчаній и споровъ о томъ, что, по наблюденію однихъ, онъ сталъ прежде, по мнѣнію другихъ—оба вмѣстѣ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о желаніи ихъ вступить въ бракъ, и не обѣщались ли они другимъ, и ихъ странно для нихъ самихъ звучавшихъ отвѣтовъ, началась новая служба. Кити слушала слова молитвы, желая понять ихъ смыслъ,

но не могла. Чувство торжества и свѣтлой радости по мѣрѣ совершенія обряда все больше и больше переполняло ея душу и лишало ее возможности вниманія.

Молились: „еже податися имъ цѣломудрію, и плоду чрева на пользу, о еже возвеселится имъ видѣніемъ сыновъ и дщерей“. Упоминалось о томъ, что Богъ сотворилъ жену изъ ребра Адама, „и сего ради оставитъ человѣкъ отца и матерь, и прилѣпится къ женѣ, будетъ два въ плоть едину“, и что „тайна сія велика есть“; просили, чтобы Богъ далъ имъ плодородіе и благословеніе, какъ Исааку и Ревеккѣ, Іосифу, Моисею и Сепфорѣ, и чтобъ они видѣли сыны сыновъ своихъ. „Все это прекрасно,—думала Кити, слушая эти слова, — все это и не можетъ быть иначе“, и улыбка радости, сообщавшаяся невольно всѣмъ смотрѣвшимъ на нее, сіяла на ея просвѣтлѣвшемъ лицѣ.

— Надѣньте совсѣмъ!—послышались совѣты, когда священникъ надѣлъ на нихъ вѣнцы и Щербацкій, дрожа рукою въ трехпуговочной перчаткѣ, держалъ высоко вѣнецъ надъ ея головой.

— Надѣньте!—прошептала она, улыбаясь.

Левинъ оглянулся на нее и былъ пораженъ тѣмъ радостнымъ сіяніемъ, которое было на ея лицѣ; и чувство это невольно сообщилось ему. Ему стало такъ же, какъ и ей, свѣтло и весело.

Имъ весело было слушать чтеніе посланія апостольскаго и раскатъ голоса протодьякона при послѣднемъ стихѣ, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ посторонней публикой. Весело было пить изъ плоской чаши теплое красное вино съ водой, и стало еще веселѣе, когда священникъ, откинувъ ризу и взявъ ихъ обѣ руки въ свою, повелъ ихъ при по-

рывахъ баса, выводившаго „Исаіе ликуй", вокругъ аналоя. Щербацкій и Чириковъ, поддерживавшіе вѣнцы, путаясь въ шлейфѣ невѣсты, тоже улыбаясь и радуясь чему-то, то отставали, то натыкались на вѣнчаемыхъ при остановкахъ священника. Искра радости, зажегшаяся въ Кити, казалось, сообщилась всѣмъ бывшимъ въ церкви. Левину казалось, что и священнику и протодьякону, также какъ и ему, хотѣлось улыбаться.

Снявъ вѣнцы съ головъ ихъ, священникъ прочелъ послѣднюю молитву и поздравилъ молодыхъ. Левинъ взглянулъ на Кити, и никогда онъ не видалъ ея до сихъ поръ такою. Она была прелестна тѣмъ новымъ сіяніемъ счастія, которое было на ея лицѣ. Левину хотѣлось сказать ей что-нибудь, но онъ не зналъ, кончилось ли. Священникъ вывелъ его изъ затрудненія. Онъ улыбнулся своимъ добрымъ ртомъ и тихо сказалъ: „поцѣлуйте жену, и вы поцѣлуйте мужа" и взялъ у нихъ изъ рукъ свѣчи.

Левинъ поцѣловалъ съ осторожностью ея улыбавшіяся губы, подалъ ей руку и, ощущая новую странную близость, пошелъ изъ церкви. Онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить, что это была правда. Только когда встрѣчались ихъ удивленные и робкіе взгляды, онъ вѣрилъ этому, потому что чувствовалъ, что они уже были одно.

Послѣ ужина, въ ту же ночь, молодые уѣхали въ деревню.

VII.

Вронскій съ Анною три мѣсяца уже путешествовали вмѣстѣ по Европѣ. Они объѣздили Венецію, Римъ, Неаполь, и только-что пріѣхали въ небольшой итальянскій городъ, гдѣ хотѣли поселиться на нѣкоторое время.

Красавецъ оберъ-кельнеръ, съ начинавшимся отъ шеи проборомъ въ густыхъ напомаженныхъ волосахъ, во фракѣ и съ широкою бѣлою батистовою грудью рубашки, со связкой брелокъ надъ округленнымъ брюшкомъ, заложивъ руки въ карманы, презрительно прищурившись, строго отвѣчалъ что-то остановившемуся господину. Услыхавъ съ другой стороны подъѣзда шаги, всходившіе на лѣстницу, оберъ-кельнеръ обернулся и, увидавъ русскаго графа, занимавшаго у нихъ лучшія комнаты, почтительно вынулъ руки изъ кармановъ и, наклонившись, объяснилъ, что курьеръ былъ и что дѣло съ наймомъ палаццо состоялось. Главный управляющій готовъ подписать условіе.

— А! Я очень радъ,—сказалъ Вронскій.—А госпожа дома или нѣтъ?

— Онѣ выходили гулять, но теперь вернулись, — отвѣчалъ кельнеръ.

Вронскій снялъ съ своей головы мягкую, съ большими полями шляпу и отеръ платкомъ потный лобъ и отпущенные до половины ушей волосы, зачесанные назадъ и закрывавшіе его лысину. И взглянувъ разсѣянно на стоявшаго еще и приглядывавшагося къ нему господина, онъ хотѣлъ пройдти.

— Господинъ этотъ русскій и спрашивалъ про васъ, — сказалъ оберъ-кельнеръ.

Со смѣшаннымъ чувствомъ досады, что никуда не уѣдешь отъ знакомыхъ, и желанія найдти хоть какое-нибудь развлеченіе отъ однообразія своей жизни Вронскій еще разъ оглянулся на отошедшаго и остановившагося господина, и въ одно и то же время у обоихъ просвѣтлѣли глаза.

— Голенищевъ!

— Вронскій!

Дѣйствительно, это былъ Голенищевъ, товарищъ Вронскаго по Пажескому корпусу. Голенищевъ въ корпусѣ принадлежалъ къ либеральной партіи, изъ корпуса вышелъ гражданскимъ чиномъ и нигдѣ не служилъ. Товарищи совсѣмъ разошлись по выходѣ изъ корпуса и встрѣтились послѣ только одинъ разъ.

При этой встрѣчѣ Вронскій понялъ, что Голенищевъ избралъ какую-то высокоумную либеральную дѣятельность и вслѣдствіе этого хотѣлъ презирать дѣятельность и званіе Вронскаго. Поэтому Вронскій при встрѣчѣ съ Голенищевымъ далъ ему тотъ холодный и гордый отпоръ, который онъ умѣлъ давать людямъ и смыслъ котораго былъ таковъ: „вамъ можетъ нравиться или не нравиться мой образъ жизни, но мнѣ это совершенно все равно: вы должны уважать меня, если хотите меня знать". Голенищевъ же былъ презрительно равнодушенъ къ тону Вронскаго. Эта встрѣча, казалось бы, еще больше должна была разобщить ихъ. Теперь же они просіяли и вскрикнули отъ радости, узнавъ другъ друга. Вронскій никакъ не ожидалъ, что онъ такъ обрадуется Голенищеву, но вѣроятно онъ самъ не зналъ, какъ ему было скучно. Онъ забылъ непріятное впечатлѣніе послѣдней встрѣчи, и съ открытымъ радостнымъ лицомъ протянулъ руку бывшему товарищу. Такое же выраженіе радости замѣнило прежнее тревожное выраженіе лица Голенищева.

— Какъ я радъ тебя встрѣтить!—сказалъ Вронскій, выставляя дружелюбною улыбкой свои крѣпкіе бѣлые зубы.

— А я слышу: Вронскій, но который—не зналъ. Очень, очень радъ!

— Войдемъ же. Ну, что ты дѣлаешь?

— Я уже второй годъ живу здѣсь. Работаю.

— А!—съ участіемъ сказалъ Вронскій.—Войдемъ же.

И по обычной привычкѣ русскихъ, вмѣсто того, чтобъ именно по-русски сказать то, что онъ хотѣлъ скрыть отъ слугъ, заговорилъ по-французски.

— Ты знакомъ съ Карениной? Мы вмѣстѣ путешествуемъ. Я къ ней иду, — по-французски сказалъ онъ, внимательно вглядывась въ лицо Голенищева.

— А! Я и не зналъ (хотя онъ зналъ),—равнодушно отвѣчалъ Голенищевъ.—Ты давно пріѣхалъ?—прибавилъ онъ.

— Я?... четвертый день,—отвѣтилъ Вронскій, еще разъ внимательно вглядываясь въ лицо товарища.

„Да, онъ порядочный человѣкъ и смотритъ на дѣло какъ должно", сказалъ себѣ Вронскій, понявъ значеніе выраженія лица Голенищева и перемѣны разговора. „Можно познакомить его съ Анной; онъ смотритъ какъ должно".

Вронскій въ эти три мѣсяца, которые онъ провелъ съ Анной за границей, сходясь съ новыми людьми, всегда задавалъ себѣ вопросъ о томъ, какъ это новое лицо посмотритъ на его отношенія къ Аннѣ, и большею частью встрѣчалъ въ мужчинахъ *какое должно* пониманіе. Но еслибъ его спросили, и спросили тѣхъ, которые понимали „какъ должно", въ чемъ состояло это пониманіе, и онъ и они были бы въ большомъ затрудненіи.

Въ сущности, понимавшіе, по мнѣнію Вронскаго, „какъ должно" никакъ не понимали этого, а держали себя, вообще, какъ держатъ себя благовоспитанные люди относительно всѣхъ сложныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ жизнь,—держали себя прилично, избѣгая намековъ и непріятныхъ вопросовъ. Они дѣлали видъ, что вполнѣ понимаютъ значеніе и смыслъ положенія, при-

знаютъ и даже одобряютъ его, но считаютъ неумѣстнымъ и лишнимъ объяснять все это.

Вронскій сейчасъ же догадался, что Голенищевъ былъ одинъ изъ такихъ, и потому вдвойнѣ былъ радъ ему. Дѣйствительно, Голенищевъ держалъ себя съ Карениной, когда былъ введенъ къ ней, такъ, какъ только Вронскій могъ желать этого. Онъ очевидно безъ малѣйшаго усилія избѣгалъ всѣхъ разговоровъ, которые могли бы повести къ неловкости.

Онъ не зналъ прежде Анны и былъ пораженъ ея красотой и еще болѣе тою простотой, съ которою она принимала свое положеніе. Она покраснѣла, когда Вронскій ввелъ Голенищева, и эта дѣтская краска, покрывшая ея открытое и красивое лицо, чрезвычайно понравилась ему. Но особенно понравилось ему то, что она тотчасъ же, какъ бы нарочно, чтобы не могло быть недоразумѣній при чужомъ человѣкѣ, назвала Вронскаго просто Алексѣемъ и сказала, что они переѣзжаютъ съ нимъ во вновь нанятый домъ, который здѣсь называютъ палаццо Это прямое и простое отношеніе къ своему положенію понравилось Голенищеву. Глядя на добродушно-веселую, энергическую манеру Анны, зная Алексѣя Александровича и Вронскаго, Голенищеву казалось, что онъ вполнѣ понимаетъ ее. Ему казалось, что онъ понимаетъ то, чего она никакъ не понимала: именно то, какъ она могла, сдѣлавъ несчастіе мужа, бросивъ его и сына и потерявъ добрую славу, чувствовать себя энергически веселою и счастливою.

— Онъ въ гидѣ есть, — сказалъ Голенищевъ про тотъ палаццо, который нанималъ Вронскій. — Тамъ прекрасный Тинторетто есть. Изъ его послѣдней эпохи.

— Знаете что? Погода прекрасная, пойдемте туда, еще разъ взглянемъ,—сказалъ Вронскій, обращаясь къ Аннѣ.

— Очень рада, я сейчасъ пойду надѣну шляпу. Вы говорите, что жарко?—сказала она, остановившись у двери и вопросительно глядя на Вронскаго. И опять яркая краска покрыла ея лицо.

Вронскій понялъ по ея взгляду, что она не знала, въ какихъ отношеніяхъ онъ хочетъ быть съ Голенищевымъ, и что она боится, такъ ли она вела себя, какъ онъ бы хотѣлъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее нѣжнымъ, продолжительнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не очень,—сказалъ онъ.

И ей показалось, что она все поняла, главное то, что онъ доволенъ ею; и, улыбнувшись ему, она быстрою походкой вышла изъ двери.

Пріятели взглянули другъ на друга, и въ лицахъ обоихъ произошло замѣшательство, какъ будто Голенищевъ, очевидно любовавшійся ею, хотѣлъ что-нибудь сказать о ней и не находилъ что, а Вронскій желалъ и боялся того же.

— Такъ вотъ какъ,—началъ Вронскій, чтобы начать какой-нибудь разговоръ.—Такъ ты поселился здѣсь? Такъ ты все занимаешься тѣмъ же? — продолжалъ онъ, вспоминая, что ему говорили, что Голенищевъ писалъ что-то...

— Да, я пишу вторую часть *Двухъ Началъ*, — сказалъ Голенищевъ, вспыхнувъ отъ удовольствія при этомъ вопросѣ,—то-есть, чтобы быть точнымъ, я не пишу еще, но подготовляю, собираю матеріалы. Она будетъ гораздо обширнѣе и захватитъ почти всѣ вопросы. У насъ, въ Россіи, не хотятъ понять, что мы наслѣдники Византіи, — началъ онъ длинное, горячее объясненіе.

Вронскому было сначала неловко за то, что онъ не зналъ и первой статьи о *Двухъ Началахъ*, про которую ему говорилъ авторъ какъ про что-то извѣстное. Но потомъ, когда Голенищевъ сталъ излагать свои мысли и Вронскій могъ слѣдить за нимъ, то, и не зная *Двухъ Началъ*, онъ не безъ интереса слушалъ его, такъ какъ Голенищевъ говорилъ хорошо. Но Вронскаго удивляло и огорчало то раздраженное волненіе, съ которымъ Голенищевъ говорилъ о занимавшемъ его предметѣ. Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ больше у него разгорались глаза, тѣмъ поспѣшнѣе онъ возражалъ мнимымъ противникамъ и тѣмъ тревожнѣе и оскорбленнѣе становилось выраженіе его лица. Вспоминая Голенищева худенькимъ, живымъ, добродушнымъ и благороднымъ мальчикомъ, всегда первымъ ученикомъ въ корпусѣ, Вронскій никакъ не могъ понять причины этого раздраженія и не одобрялъ его. Въ особенности ему не нравилось то, что Голенищевъ, человѣкъ хорошаго круга, становился на одну доску съ какими-то писаками, которые его раздражали, и сердился на нихъ. Стоило ли это того? Это не нравилось Вронскому, но, несмотря на то, онъ чувствовалъ, что Голенищевъ несчастливъ, и ему жалко было его. Несчастіе, почти умопомѣшательство, видно было въ этомъ подвижномъ, довольно красивомъ лицѣ въ то время, какъ онъ, не замѣчая даже выхода Анны, продолжалъ торопливо и горячо высказывать свои мысли.

Когда Анна вошла въ шляпѣ и накидкѣ и, быстрымъ движеніемъ красивой руки играя зонтикомъ, остановилась подлѣ него, Вронскій съ чувствомъ облегченія оторвался отъ пристально устремленныхъ на него жалующихся глазъ Голенищева, и съ новою любовью взглянулъ на свою пре-

лестную, полную жизни и радости, подругу, Голенищевъ съ трудомъ опомнился, и первое время былъ унылъ и мраченъ, но Анна, ласково расположенная ко всѣмъ (такою она была это время), скоро освѣжила его своимъ простымъ и веселымъ обращеніемъ. Попытавъ разные предметы разговора, она навела его на живопись, о которой онъ говорилъ очень хорошо, и внимательно слушала его. Они дошли пѣшкомъ до нанятаго дома и осмотрѣли его.

— Я очень рада одному, — сказала Анна Голенищеву когда они уже возвратились:—у Алексѣя будетъ atelier хороший. Непремѣнно ты возьми эту комнату,—сказала она Вронскому по-русски и говоря ему *ты*, такъ какъ она уже поняла, что Голенищевъ въ ихъ уединеніи сдѣлается близкимъ человѣкомъ и что передъ нимъ скрываться не нужно

— Развѣ ты пишешь?—сказалъ Голенищевъ, быстро оборачиваясь къ Вронскому.

— Да, я давно занимался и теперь немного началъ,— сказалъ Вронскій, краснѣя.

— У него большой талантъ,—сказала Анна съ радостною улыбкой.—Я, разумѣется, не судья. Но судьи знающі то же сказали.

VIII.

Анна, въ этотъ первый періодъ своего освобожденія быстраго выздоровленія, чувствовала себя непростительн счастливою и полною радости жизни. Воспоминаніе несчастія мужа не отравляло ея счастія. Воспоминаніе это, с одной стороны, было слишкомъ ужасно, чтобы думать немъ. Съ другой стороны, несчастіе ея мужа дало ей слишкомъ большое счастіе, чтобы раскаиваться. Воспоминан

обо всемъ, что случилось съ нею послѣ болѣзни: примиреніе съ мужемъ, разрывъ, извѣстіе о ранѣ Вронскаго, его появленіе, приготовленіе къ разводу, отъѣздъ изъ дома мужа, прощаніе съ сыномъ — все это казалось ей горячечнымъ сномъ, отъ котораго она проснулась одна съ Вронскимъ за границей. Воспоминаніе о злѣ, причиненномъ мужу, возбуждало въ ней чувство похожее на отвращеніе и подобное тому, какое испытывалъ бы тонувшій человѣкъ, оторвавшій отъ себя вцѣпившагося въ него человѣка. Человѣкъ этотъ утонулъ. Разумѣется, это было дурно, но это было единственное спасеніе, и лучше не вспоминать объ этихъ страшныхъ подробностяхъ.

Одно успокоительное разсужденіе о своемъ поступкѣ пришло ей тогда въ первую минуту разрыва, и когда она вспоминала теперь обо всемъ прошедшемъ, она вспоминала это одно разсужденіе. „Я неизбѣжно сдѣлала несчастіе этого человѣка,—думала она, — но я не хочу пользоваться этимъ несчастіемъ; я тоже страдаю, и буду страдать: я лишаюсь того, чѣмъ я болѣе всего дорожила,—я лишаюсь честнаго имени и сына. Я сдѣлала дурно, и потому не хочу счастія, не хочу развода, и буду страдать позоромъ и разлукой съ сыномъ“. Но какъ ни искренно хотѣла Анна страдать, она не страдала. Позора никакого не было. Съ тѣмъ тактомъ, котораго такъ много было у обоихъ, они за границей, избѣгая русскихъ дамъ, никогда не ставили себя въ фальшивое положеніе и вездѣ встрѣчали людей, которые притворялись, что вполнѣ понимали ихъ взаимное положеніе гораздо лучше, чѣмъ они сами понимали его. Разлука съ сыномъ, котораго она любила, и та не мучила ее первое время. Дѣвочка, его ребенокъ, была такъ мила и такъ при-

вязала къ себѣ Анну съ тѣхъ поръ, какъ у ней осталась одна эта дѣвочка, что Анна рѣдко вспоминала о сынѣ.

Потребность жизни, увеличенная выздоровленіемъ, была такъ сильна, и условія жизни были такъ новы и пріятны, что Анна чувствовала себя непростительно счастливою. Чѣмъ больше она узнавала Вронскаго, тѣмъ больше она любила его. Она любила его за его самого и за его любовь къ ней. Полное обладаніе имъ было ей постоянно радостно. Близость его ей была всегда пріятна. Всѣ черты его характера, который она узнавала больше и больше были для нея невыразимо милы. Наружность его, измѣнившаяся въ штатскомъ платьѣ, была для нея привлекательна, какъ для молодой влюбленной. Во всемъ, что онъ говорилъ, думалъ и дѣлалъ, она видѣла что-то особенно благородное и возвышенное. Ея восхищеніе передъ нимъ часто пугало ее самое: она искала и не могла найдти въ немъ ничего непрекраснаго. Она не смѣла показывать ему сознаніе своего ничтожества передъ нимъ. Ей казалось, что онъ, зная это, скорѣе можетъ разлюбить ее; а она ничего такъ не боялась теперь, хотя и не имѣла къ тому никакихъ поводовъ, какъ потерять его любовь. Но она не могла не быть благодарна ему за его отношеніе къ ней и не показывать, какъ она цѣнитъ это. Онъ, по ея мнѣнію имѣвшій такое опредѣленное призваніе къ государственно дѣятельности, въ которой долженъ былъ играть видну роль,—онъ пожертвовалъ честолюбіемъ для нея, никогд не показывая ни малѣйшаго сожалѣнія. Онъ былъ болѣ чѣмъ прежде любовно-почтителенъ къ ней, и мысль томъ, чтобъ она никогда не почувствовала неловкости св его положенія, ни на минуту не покидала его. Онъ, сто

мужественный человѣкъ, въ отношеніи ея не только никогда не противорѣчилъ, но не имѣлъ своей воли и былъ, казалось, только занятъ тѣмъ, какъ предупредить ея желанія. И она не могла не цѣнить этого, хотя эта самая напряженность его вниманія къ ней, эта атмосфера заботъ, которою онъ окружалъ ее, иногда тяготили ее.

Вронскій, между тѣмъ, несмотря на полное осуществленіе того, чего онъ желалъ такъ долго, не былъ вполнѣ счастливъ. Онъ скоро почувствовалъ, что осуществленіе его желанія доставило ему только песчинку изъ той горы счастія, которой онъ ожидалъ. Это осуществленіе показало ему ту вѣчную ошибку, которую дѣлаютъ люди, представляя себѣ счастіе осуществленіемъ желанія. Первое время послѣ того, какъ онъ соединился съ нею и надѣлъ штатское платье, онъ почувствовалъ всю прелесть свободы вообще, которой онъ не зналъ прежде, и свободы любви,— и былъ доволенъ, но не долго. Онъ скоро почувствовалъ, что въ душѣ его поднялось желаніе желаній—тоска. Независимо отъ своей воли, онъ сталъ хвататься за каждый мимолетный капризъ, принимая его за желаніе и цѣль. Шестнадцать часовъ дня надо было занять чѣмъ-нибудь, такъ какъ они жили за границей на совершенной свободѣ, внѣ того круга условій общественной жизни, который занималъ время въ Петербургѣ. Объ удовольствіяхъ холостой жизни, которыя въ прежнія поѣздки за границу занимали Вронскаго, нельзя было и думать, такъ какъ одна попытка такого рода произвела неожиданное и несоотвѣтствующее позднему ужину съ знакомыми уныніе въ Аннѣ. Сношеній съ обществомъ мѣстнымъ и русскимъ, при неопредѣленности ихъ положенія, тоже нельзя было имѣть. Осматрива-

ніе достопримѣчательностей, не говоря о томъ, что все уже было видано, не имѣло для него, какъ для русскаго и умнаго человѣка, той необъяснимой значительности, которую умѣютъ приписывать этому дѣлу англичане.

И какъ голодное животное хватаетъ всякій попадающійся предметъ, надѣясь найдти въ немъ пищу, такъ и Вронскій совершенно безсознательно хватался то за политику, то за новыя книги, то за картины.

Такъ какъ смолоду у него была способность къ живописи и такъ какъ онъ, не зная куда тратить свои деньги, началъ собирать гравюры,—онъ остановился на живописи, сталъ заниматься ею и въ нее положилъ тотъ незанятый запасъ желаній, который требовалъ удовлетворенія.

У него была способность понимать искусство и вѣрно, со вкусомъ подражать искусству, и онъ подумалъ, что у него есть то самое, что нужно для художника, и, нѣсколько времени поколебавшись, какой онъ выберетъ родъ живописи: религіозный, историческій, жанръ или реалистическій, онъ принялся писать. Онъ понималъ всѣ роды и могъ вдохновляться и тѣмъ и другимъ; но онъ не могъ себѣ представить того, чтобы можно было вовсе не знать, какіе есть роды живописи, и вдохновляться непосредственно тѣмъ, что есть въ душѣ, не заботясь, будетъ ли то, что онъ напишетъ, принадлежать къ какому нибудь извѣстному роду. Такъ какъ онъ не зналъ этого и вдохновлялся не непосредственно жизнью, а посредственно жизнью уже воплощенною искусствомъ, то онъ вдохновлялся очень быстро и легко, и такъ же быстро и легко достигалъ того, что то, что онъ писалъ, было очень похоже на тотъ родъ, которому онъ хотѣлъ подражать.

Болѣе всѣхъ другихъ родовъ ему нравился французскій,

граціозный и эффектный, и въ такомъ родѣ онъ началъ писать портретъ Анны, въ итальянскомъ костюмѣ, и портретъ этотъ казался ему и всѣмъ, кто его видѣлъ, очень удачнымъ.

IX.

Старый запущенный палаццо, съ высокими лѣпными плафонами и фресками на стѣнахъ, съ мозаичными полами, съ тяжелыми желтыми штофными гардинами на высокихъ окнахъ, вазами на консоляхъ и каминахъ, съ рѣзными дверями и съ мрачными залами, увѣшанными картинами,—палаццо этотъ, послѣ того какъ они переѣхали въ него, самою своею внѣшностью поддерживалъ во Вронскомъ пріятное заблужденіе, что онъ не столько русскій помѣщикъ, шталмейстеръ безъ службы, сколько просвѣщенный любитель и покровитель искусствъ, и самъ - скромный художникъ, отрекшійся отъ свѣта, связей, честолюбія для любимой женщины.

Избранная Вронскимъ роль, съ переѣздомъ въ палаццо, удалась совершенно, и, познакомившись черезъ посредство Голенищева съ нѣкоторыми интересными лицами, первое время онъ былъ спокоенъ. Онъ писалъ, подъ руководствомъ итальянскаго профессора живописи, этюды съ натуры и занимался средневѣковою итальянскою жизнью. Средневѣковая итальянская жизнь въ послѣднее время такъ прельстила Вронскаго, что онъ даже шляпу и пледъ черезъ плечо сталъ носить по-средневѣковски, что очень шло къ нему.

— А мы живемъ и ничего не знаемъ,—сказалъ разъ Вронскій пришедшему къ нимъ поутру Голенищеву.—Ты видѣлъ картину Михайлова?—сказалъ онъ, подавая ему только-что полученную утромъ русскую газету и указывая на статью о русскомъ художникѣ, жившемъ въ томъ же городѣ и окон-

чившемъ картину, о которой давно ходили слухи, и которая впередъ была куплена. Въ статьѣ были укоры правительству и академіи за то, что замѣчательный художникъ былъ лишенъ всякаго поощренія и помощи.

— Видѣлъ,—отвѣчалъ Голенищевъ.—Разумѣется, онъ не лишенъ дарованія, но совершенно фальшивое направленіе. Все то же Ивановско-Штраусовско-Ренановское отношеніе къ Христу и религіозной живописи.

— Что представляетъ картина?—спросила Анна.

— Христосъ передъ Пилатомъ. Христосъ представленъ евреемъ, со всѣмъ реализмомъ новой школы.

И вопросомъ о содержаніи картины наведенный на одну изъ самыхъ любимыхъ темъ своихъ, Голенищевъ началъ излагать:

— Я не понимаю, какъ они могутъ такъ грубо ошибаться. Христосъ уже имѣетъ свое опредѣленное воплощеніе въ искусствѣ великихъ стариковъ. Стало-быть, если они хотятъ изображать не Бога, а революціонера или мудреца, то пусть изъ исторіи берутъ Сократа, Франклина, Шарлоту Корде, но только не Христа. Они берутъ то самое лицо, которое нельзя брать для искусства, и потомъ...

— А что же, правда, что этотъ Михайловъ въ такой бѣдности?—спросилъ Вронскій, думая, что ему, какъ русскому меценату, несмотря на то, хороша ли или дурна картина, надо бы помочь художнику.

— Едва ли. Онъ портретистъ замѣчательный. Вы видѣли его портретъ Васильчиковой? Но онъ, кажется, не хочетъ больше писать портретовъ, и потому можетъ быть, что и точно онъ въ нуждѣ. Я говорю, что...

— Нельзя ли его попросить сдѣлать портретъ Анны Аркадьевны?—сказалъ Вронскій.

— Зачѣмъ мой? - сказала Анна. — Послѣ твоего я не хочу никакого портрета. Лучше Ани (такъ она звала свою дѣвочку). Вотъ и она,—прибавила она, взглянувъ въ окно на красавицу итальянку-кормилицу, которая вынесла ребенка въ садъ, и тотчасъ же незамѣтно оглянувшись на Вронскаго. Красавица-кормилица, съ которой Вронскій писалъ голову для своей картины, было единственное тайное горе въ жизни Анны. Вронскій писалъ съ нея, любовался ея красотой и средневѣковостью, и Анна не смѣла себѣ признаться, что она боится ревновать эту кормилицу, и потому особенно ласкала и баловала и ее, и ея маленькаго сына.

Вронскій взглянулъ тоже въ окно и въ глаза Анны и, тотчасъ же оборотившись къ Голенищеву, сказалъ:

— А ты знаешь этого Михайлова?

— Я его встрѣчалъ. Но онъ чудакъ и безъ всякаго образованія. Знаете, одинъ изъ этихъ дикихъ новыхъ людей, которые теперь часто встрѣчаются; знаете, изъ тѣхъ вольнодумцевъ, которые d'emblée воспитаны въ понятіяхъ невѣрія, отрицанія и матеріализма. Прежде, бывало,—говорилъ Голенищевъ, не замѣчая или не желая замѣтить, что и Аннѣ и Вронскому хотѣлось говорить,—прежде, бывало, вольнодумецъ былъ человѣкъ, который воспитался въ понятіяхъ религіи, закона, нравственности, и самъ борьбой и трудомъ доходилъ до вольнодумства; но теперь является новый типъ самородныхъ вольнодумцевъ, которые выростаютъ и не слыхавъ даже, что были законы нравственности, религіи, что были авторитеты, а которые прямо выростаютъ въ понятіяхъ отрицанія всего, т.-е. дикими. Вотъ онъ такой. Онъ сынъ, кажется, московскаго оберъ-лакея и не получилъ никакого образованія. Когда онъ поступилъ въ академію и сдѣлалъ

себѣ репутацію, онъ, какъ человѣкъ неглупый, захотѣлъ образоваться. И обратился къ тому, что ему казалось источникомъ образованія,—къ журналамъ. И понимаете, встарину человѣкъ, хотѣвшій образоваться, положимъ французъ, сталъ бы изучать всѣхъ классиковъ: и богослововъ, и трагиковъ, и историковъ, и философовъ, и, понимаете, весь трудъ умственный, который бы предстоялъ ему. Но у насъ теперь онъ прямо попалъ на отрицательную литературу, усвоилъ себѣ очень быстро весь экстрактъ науки отрицательной,—и готовъ. И мало того, лѣтъ двадцать тому назадъ онъ нашелъ бы въ этой литературѣ признаки борьбы съ авторитетами, съ вѣковыми воззрѣніями, онъ бы изъ этой борьбы понялъ, что было что-то другое; но теперь—онъ прямо попадаетъ на такую, въ которой даже не удостоиваютъ споромъ старинныя воззрѣнія, а прямо говорятъ: ничего нѣтъ, évolution, подборъ, борьба за существованіе,—и все. Я въ своей статьѣ...

— Знаете что,—сказала Анна, уже давно осторожно переглядывавшаяся съ Вронскимъ и знавшая, что Вронскаго не интересовало образованіе этого художника, а занимала только мысль помочь ему и заказать ему портретъ,—знаете что?—рѣшительно перебила она разговорившагося Голенищева.—Поѣдемте къ нему!

Голенищевъ опомнился и охотно согласился. Но такъ какъ художникъ жилъ въ дальнемъ кварталѣ, то рѣшили взять коляску.

Черезъ часъ Анна рядомъ съ Голенищевымъ и съ Вронскимъ на переднемъ мѣстѣ коляски подъѣхали къ новому некрасивому дому въ дальнемъ кварталѣ. Узнавъ отъ вышедшей къ нимъ жены дворника, что Михайловъ пускаетъ

въ свою студію, но что онъ теперь у себя на квартирѣ, въ двухъ шагахъ, они послали ее къ нему съ своими карточками, прося позволенія видѣть его картины.

X.

Художникъ Михайловъ, какъ и всегда, былъ за работой, когда ему принесли карточки графа Вронскаго и Голенищева. Утро онъ работалъ въ студіи надъ большою картиной. Придя къ себѣ, онъ разсердился на жену за то, что она не умѣла обойдтись съ хозяйкой, требовавшею денегъ.

— Двадцать разъ тебѣ говорилъ, не входи въ объясненія. Ты и такъ дура, а начнешь по-итальянски объясняться, то выйдешь тройная дура,—сказалъ онъ ей послѣ долгаго спора.

— Такъ ты не запускай, я не виновата. Еслибъ у меня были деньги...

— Оставь меня въ покоѣ, ради Бога! — вскрикнулъ со слезами въ голосѣ Михайловъ и, заткнувъ уши, ушелъ въ свою рабочую комнату за перегородкой и заперъ за собою дверь.—„Безтолковая!“ сказалъ онъ себѣ, сѣлъ за столъ и, раскрывъ папку, тотчасъ съ особеннымъ жаромъ принялся за начатый рисунокъ.

Никогда онъ съ такимъ жаромъ и успѣхомъ не работалъ, какъ когда жизнь его шла плохо и, въ особенности, когда онъ ссорился съ женой. „Ахъ! провалиться бы куда-нибудь!“ думалъ онъ, продолжая работать. Онъ дѣлалъ рисунокъ для фигуры человѣка, находящагося въ припадкѣ гнѣва. Рисунокъ былъ сдѣланъ прежде; но онъ былъ недоволенъ имъ. „Нѣтъ, тотъ былъ лучше... Гдѣ онъ?“ Онъ пошелъ къ женѣ и, насупившись, не глядя на нее, спросилъ у старшей дѣвочки: гдѣ та бумага, которую онъ далъ имъ? Бумага съ

брошеннымъ рисункомъ нашлась, но была испачкана и закапана стеариномъ. Онъ все таки взялъ рисунокъ, положилъ къ себѣ на столъ и отдалившись и прищурившись, сталъ смотрѣть на него. Вдругъ онъ улыбнулся и радостно взмахнулъ руками.

— Такъ, такъ! — проговорилъ онъ, и тотчасъ же, взявъ карандашъ, началъ быстро рисовать. Пятно стеарина давало человѣку новую позу.

Онъ рисовалъ эту новую позу, и вдругъ ему вспомнилось съ выдающимся подбородкомъ энергическое лицо купца, у котораго онъ бралъ сигары, и онъ это самое лицо, этотъ подбородокъ, нарисовалъ человѣку. Онъ засмѣялся отъ радости. Фигура вдругъ изъ мертвой, выдуманной, стала живая, и такая, которой нельзя уже было измѣнить. Фигура эта жила и была ясно и несомнѣнно опредѣлена. Можно было поправить рисунокъ сообразно съ требованіями этой фигуры, можно и должно даже было иначе разставить ноги, совсѣмъ перемѣнить положеніе лѣвой руки, откинуть волосы. Но, дѣлая эти поправки, онъ не измѣнялъ фигуры, а только откидывалъ то, что скрывало фигуру. Онъ какъ бы снималъ съ нея тѣ покровы, изъ-за которыхъ она не вся была видна; каждая новая черта только больше выказывала всю фигуру во всей ея энергической силѣ, такою, какою она явилась ему вдругъ отъ произведеннаго стеариномъ пятна. Онъ осторожно доканчивалъ фигуру, когда ему принесли карточки.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Онъ прошелъ къ женѣ.

— Ну полно, Саша, не сердись!—сказалъ онъ ей, робко и нѣжно улыбаясь.—Ты была виновата. Я былъ виноватъ.

Я все устрою. — И, помирившись съ женой, онъ надѣлъ оливковое съ бархатнымъ воротникомъ пальто и шляпу и пошелъ въ студію. Удавшаяся фигура уже была забыта имъ. Теперь его радовало и волновало посѣщеніе его студіи этими важными русскими, пріѣхавшими въ коляскѣ.

О своей картинѣ, той, которая стояла теперь на его мольбертѣ, у него въ глубинѣ души было одно сужденіе, — то, что подобной картины никто никогда не писалъ. Онъ не думалъ, чтобы картина его была лучше всѣхъ Рафаэлевыхъ, но онъ зналъ, что того, что онъ хотѣлъ передать въ этой картинѣ, никто никогда не передавалъ. Это онъ зналъ твердо и зналъ уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать ее; но сужденія людей, какія бы они ни были, имѣли для него все-таки огромную важность и до глубины души волновали его. Всякое замѣчаніе, самое ничтожное, показывающее, что судьи видятъ хоть маленькую часть того, что онъ видѣлъ въ этой картинѣ, до глубины души волновало его. Судьямъ своимъ онъ приписывалъ всегда глубину пониманія больше той, какую онъ самъ имѣлъ, и всегда ждалъ отъ нихъ чего-нибудь такого, чего онъ самъ не видалъ въ своей картинѣ. И часто въ сужденіяхъ зрителей, ему казалось, онъ находилъ это.

Онъ подходилъ быстрымъ шагомъ къ двери своей студіи, и, несмотря на его волненіе, мягкое освѣщеніе фигуры Анны, стоявшей въ тѣни подъѣзда и слушавшей горячо говорившаго ей что-то Голенищева и въ то же время очевидно желавшей оглядѣть подходящаго художника, поразило его. Онъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ, подходя къ нимъ, схватилъ и проглотилъ это впечатлѣніе, также какъ и подбородокъ купца, продававшаго сигары, и спряталъ его куда

то, откуда онъ вынетъ его, когда понадобится. Посѣтители, разочарованные уже впередъ разсказомъ Голенищева о художникѣ, еще болѣе разочаровались его внѣшностью. Средняго роста, плотный, съ вертлявою походкой, Михайловъ, въ своей коричневой шляпѣ, оливковомъ пальто и узкихъ панталонахъ, тогда какъ уже давно носили широкіе, въ особенности обыкновенностью своего широкаго лица и соединеніемъ выраженія робости и желанія соблюсти свое достоинство, произвелъ непріятное впечатлѣніе.

— Прошу покорно,—сказалъ онъ, стараясь имѣть равнодушный видъ, и войдя въ сѣни, досталъ ключъ изъ кармана и отперъ дверь.

XI.

Войдя въ студію, художникъ Михайловъ еще разъ оглянулъ гостей и отмѣтилъ въ своемъ воображеніи еще выраженіе лица Вронскаго, въ особенности его скулъ. Несмотря на то, что его художественное чувство не переставая работало, собирая себѣ матеріалъ, несмотря на то, что онъ чувствовалъ все большее и большее волненіе отъ того, что приближалась минута сужденій о его работѣ, онъ быстро и тонко изъ незамѣтныхъ признаковъ составлялъ себѣ понятіе объ этихъ трехъ лицахъ. Тотъ (Голенищевъ) былъ здѣшній русскій. Михайловъ не помнилъ ни его фамиліи, ни того, гдѣ встрѣтилъ его и что́ съ нимъ говорилъ. Онъ помнилъ только его лицо, какъ помнилъ всѣ лица, которыя онъ когда-либо видѣлъ; но онъ помнилъ тоже, что это было одно изъ лицъ, отложенныхъ въ его воображеніи въ огромный отдѣлъ фальшиво-значительныхъ и бѣдныхъ по выраженію. Большіе волосы и очень открытый лобъ давали

внѣшнюю значительность лицу, въ которомъ было одно маленькое, дѣтское, безпокойное выраженіе, сосредоточившееся надъ узкою переносицей. Вронскій и Каренина, по соображеніямъ Михайлова, должны были быть знатные и богатые русскіе, ничего не понимающіе въ искусствѣ, какъ и всѣ эти богатые русскіе, но прикидывавшіеся любителями и цѣнителями. „Вѣрно, уже осмотрѣли всю старину и теперь объѣзжаютъ студіи новыхъ, шарлатана нѣмца и дурака прерафаэлиста англичанина, и ко мнѣ пріѣхали только для полноты обозрѣнія", думалъ онъ. Онъ зналъ очень хорошо манеру дилетантовъ (чѣмъ умнѣе они были, тѣмъ хуже) осматривать студіи современныхъ художниковъ только съ тою цѣлью, чтобъ имѣть право сказать, что искусство пало, и что чѣмъ больше смотришь на новыхъ, тѣмъ болѣе видишь, какъ неподражаемы остались великіе древніе мастера. Онъ всего этого ждалъ, все это видѣлъ въ ихъ лицахъ, видѣлъ въ той равнодушной небрежности, съ которою они говорили между собой, смотрѣли на манекены и бюсты, и свободно прохаживались, ожидая того, чтобъ онъ открылъ картину. Но, несмотря на это, въ то время, какъ онъ перевертывалъ свои этюды, поднималъ сторы и снималъ простыню, онъ чувствовалъ сильное волненіе, и тѣмъ больше, что, несмотря на то что всѣ знатные и богатые русскіе должны были быть скоты и дураки въ его понятіи, и Вронскій, и въ особенности Анна—нравились ему.

— Вотъ, не угодно ли?—сказалъ онъ, вертлявою походкой отходя къ сторонѣ и указывая на картину.—Это увѣщаніе Пилатомъ, Матѳея глава XXVII,—сказалъ онъ, чувствуя, что губы его начинаютъ трястись отъ волненія. Онъ отошелъ и сталъ позади ихъ.

Въ тѣ нѣсколько секундъ, во время которыхъ посѣтители молча смотрѣли на картину, Михайловъ тоже смотрѣлъ на нее, и смотрѣлъ равнодушнымъ, постороннимъ глазомъ. Въ эти нѣсколько секундъ онъ впередъ вѣрилъ тому, что высшій справедливѣйшій судъ будетъ произнесенъ ими, именно этими посѣтителями, которыхъ онъ такъ презиралъ минуту тому назадъ. Онъ забылъ все то, что онъ думалъ о своей картинѣ прежде, въ тѣ три года, когда онъ писалъ ее; онъ забылъ всѣ тѣ ея достоинства, которыя были для него несомнѣнны, — онъ видѣлъ картину ихъ равнодушнымъ, постороннимъ, новымъ взглядомъ, и не видѣлъ въ ней ничего хорошаго. Онъ видѣлъ на первомъ планѣ досадовавшее лицо Пилата и спокойное лицо Христа, и на второмъ планѣ фигуры прислужниковъ Пилата и вглядывавшееся въ то, что происходило, лицо Іоанна. Всякое лицо, съ такимъ исканіемъ, съ такими ошибками, поправками, выросшее въ немъ съ своимъ особеннымъ характеромъ, каждое лицо, доставлявшее ему столько мученій и радости, и всѣ эти лица, столько разъ перемѣщаемыя для соблюденія общаго, всѣ оттѣнки колорита и тоновъ, съ такимъ трудомъ достигнутые имъ, все это вмѣстѣ теперь, глядя ихъ глазами, казалось ему пошлостью, тысячу разъ повторенною. Самое дорогое ему лицо, лицо Христа, средоточіе картины, доставившее ему такой восторгъ при своемъ открытіи, — все было потеряно для него, когда онъ взглянулъ на картину ихъ глазами. Онъ видѣлъ хорошо написанное (и то даже не хорошо, — онъ ясно видѣлъ теперь кучу недостатковъ) повтореніе тѣхъ безконечныхъ Христовъ Тиціана, Рафаэля, Рубенса, и тѣхъ же воиновъ и Пилата. Все это было пошло, бѣдно и старо, и даже дур-

но написано — пестро и слабо. Они будутъ правы, говоря притворно учтивыя фразы въ присутствіи художника, и жалѣя его и смѣясь надъ нимъ, когда останутся одни.

Ему стало слишкомъ тяжело это молчаніе (хотя оно продолжалось не болѣе минуты). Чтобы прервать его и показать, что онъ не взволнованъ, онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, обратился къ Голенищеву.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться, — сказалъ онъ ему, безпокойно оглядываясь то на Анну, то на Вронскаго, чтобы не проронить ни одной черты изъ выраженія ихъ лицъ.

— Какъ же! мы видѣлись у Росси, помните на этомъ вечерѣ, гдѣ декламировала эта итальянская барышня — новая Рашель? — свободно заговорилъ Голенищевъ, безъ малѣйшаго сожалѣнія отводя взглядъ отъ картины и обращаясь къ художнику.

Замѣтивъ, однако, что Михайловъ ждетъ сужденія о картинѣ, онъ сказалъ:

— Картина ваша очень подвинулась съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ видѣлъ ее. И какъ тогда, такъ и теперь меня необыкновенно поражаетъ фигура Пилата. Такъ понимаешь этого человѣка, добраго, славнаго малаго, но чиновника до глубины души, который не вѣдаетъ, что творитъ. Но мнѣ кажется...

Все подвижное лицо Михайлова вдругъ просіяло, глаза засвѣтились. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить отъ волненія, и притворился, что откашливается. Какъ ни низко онъ цѣнилъ способность пониманія искусства Голенищевымъ, какъ ни ничтожно было то справедливое замѣчаніе о вѣрности выраженія лица Пилата, какъ

чиновника, какъ ни обидно могло бы ему показаться высказыванiе перваго такого ничтожнаго замѣчанiя, тогда какъ не говорилось о важнѣйшихъ, Михайловъ былъ въ восхищенiи отъ этого замѣчанiя. Онъ самъ думалъ о фигурѣ Пилата то же, что сказалъ Голенищевъ. То, что это соображенiе было одно изъ миллiоновъ другихъ соображенiй, которыя, какъ Михайловъ твердо зналъ это, всѣ были бы вѣрны,—не уменьшило для него значенiя замѣчанiя Голенищева. Онъ полюбилъ Голенищева за это замѣчанiе и отъ состоянiя унынiя вдругъ перешелъ къ восторгу. Тотчасъ же вся картина его ожила передъ нимъ со всею невыразимою сложностью всего живаго. Михайловъ опять попытался сказать, что онъ такъ понималъ Пилата; но губы его непокорно тряслись, и онъ не могъ выговорить. Вронскiй и Анна тоже что-то говорили тѣмъ тихимъ голосомъ, которымъ, отчасти чтобы не оскорблять художника, отчасти чтобы не сказать громко глупость, которую такъ легко сказать, говоря объ искусствѣ, обыкновенно говорятъ на выставкахъ картинъ. Михайлову казалось, что картина и на нихъ произвела впечатлѣнiе. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Какъ удивительно выраженiе Христа!—сказала Анна. Изъ всего, что она видѣла, это выраженiе ей больше всего понравилось, и она чувствовала, что это центръ картины, и потому похвала эта будетъ прiятна художнику.— Видно, что ему жалко Пилата.

Это было опять одно изъ того миллiона вѣрныхъ соображенiй, которыя можно было найдти въ его картинѣ и въ фигурѣ Христа. Она сказала, что Ему жалко Пилата. Въ выраженiи Христа должно быть и выраженiе жалости, потому что въ немъ есть выраженiе любви, неземнаго спокой-

ствія, готовности къ смерти и сознанія тщеты словъ. Разумѣется, есть выраженіе чиновника въ Пилатѣ и жалости въ Христѣ, такъ какъ одинъ—олицетвореніе плотской, другой—духовной жизни. Все это и многое другое промелькнуло въ мысли Михайлова. И опять лицо его просіяло восторгомъ.

— Да, и какъ сдѣлана эта фигура, сколько воздуха! Обойдти можно,—сказалъ Голенищевъ, очевидно этимъ замѣчаніемъ показывая, что онъ не одобряетъ содержанія и мысли фигуры.

— Да, удивительное мастерство! — сказалъ Вронскій.— Какъ эти фигуры на заднемъ планѣ выдѣляются! Вотъ техника, — сказалъ онъ, обращаясь къ Голенищеву и этимъ намекая на бывшій между ними разговоръ о томъ, что Вронскій отчаивался пріобрѣсти эту технику.

— Да, да, удивительно!—подтвердили Голенищевъ и Анна. Несмотря на возбужденное состояніе, въ которомъ онъ находился, замѣчаніе о техникѣ больно заскребло на сердцѣ Михайлова, и онъ, сердито посмотрѣвъ на Вронскаго, вдругъ насупился. Онъ часто слышалъ это слово техника и рѣшительно не понималъ, что такое подъ этимъ разумѣли. Онъ зналъ, что подъ этимъ словомъ разумѣли механическую способность писать и рисовать, совершенно независимую отъ содержанія. Часто онъ замѣчалъ, какъ и въ настоящей похвалѣ, что технику противополагали внутреннему достоинству, какъ будто можно было написать хорошо то, что̀ было дурно. Онъ зналъ, что надо было много вниманія и осторожности для того, чтобы, снимая покровъ, не повредить самаго произведенія, и для того, чтобы снять всѣ покровы; но искусства писать—техники—тутъ никакой не было. Еслибы малому ребенку или его кухаркѣ также открылось то,

что̀ онъ видѣлъ, то и она съумѣла бы вылущить то, что она видитъ. А самый опытный и искусный живописецъ-техникъ одною механическою способностью не могъ бы написать ничего, еслибы ему не открылись прежде границы содержанія. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что если уже говорить о техникѣ, то нельзя было его хвалить за нее. Во всемъ, что̀ онъ писалъ и написалъ, онъ видѣлъ рѣжущіе ему глаза недостатки, происходившіе отъ неосторожности, съ которою онъ снималъ покровы и которыхъ онъ теперь уже не могъ исправить, не испортивъ всего произведенія. И почти на всѣхъ фигурахъ и лицахъ онъ видѣлъ еще остатки не вполнѣ снятыхъ покрововъ, портившіе картину.

— Одно, что̀ можно сказать, если вы позволите сдѣлать это замѣчаніе...—замѣтилъ Голенищевъ.

— Ахъ, я очень радъ и прошу васъ,—сказалъ Михайловъ, притворно улыбаясь.

— Это то, что Онъ у васъ человѣкобогъ, а не Богочеловѣкъ. Впрочемъ, я знаю, что вы этого и хотѣли.

— Я не могъ писать того Христа, котораго у меня нѣтъ въ душѣ,—сказалъ Михайловъ мрачно.

— Да, но въ такомъ случаѣ, если вы позволите сказать свою мысль... Картина ваша такъ хороша, что мое замѣчаніе не можетъ повредить ей, и потомъ это мое личное мнѣніе. У васъ это другое. Самый мотивъ другой. Но возьмемъ хоть Иванова. Я полагаю, что если Христосъ сведенъ на степень историческаго лица, то лучше было бы Иванову и избрать другую историческую тему, свѣжую, нетронутую.

— Но если это величайшая тема, которая представляется искусству?

— Если поискать, то найдутся другія. Но дѣло въ томъ, что искусство не терпитъ спора и разсужденій. А при картинѣ Иванова для вѣрующаго и для невѣрующаго является вопросъ: Богъ это или не Богъ?—и разрушаетъ единство впечатлѣнія.

— Почему же? Мнѣ кажется, что для образованныхъ людей,—сказалъ Михайловъ,—спора уже не можетъ существовать.

Голенищевъ не согласился съ этимъ и, держась своей первой мысли о единствѣ впечатлѣнія, нужнаго для искусства, разбилъ Михайлова.

Михайловъ волновался, но не умѣлъ ничего сказать въ защиту своей мысли.

XII.

Анна съ Вронскимъ уже давно переглядывались, сожалѣя объ умной говорливости своего пріятеля; наконецъ Вронскій перешелъ, не дожидаясь хозяина, къ другой небольшой картинѣ.

— Ахъ, какая прелесть! Что за прелесть! Чудо! Какая прелесть!—заговорили они въ одинъ голосъ.

„Что имъ такъ понравилось?“ подумалъ Михайловъ. Онъ и забылъ про эту, три года тому назадъ писанную, картину. Забылъ всѣ страданія и восторги, которые онъ пережилъ съ этою картиной, когда она нѣсколько мѣсяцевъ одна неотступно день и ночь занимала его,—забылъ, какъ онъ всегда забывалъ про оконченныя картины. Онъ не любилъ даже смотрѣть на нее и выставилъ только потому, что ждалъ англичанина, желавшаго купить ее.

— Это такъ, этюдъ давнишній,—сказалъ онъ.

— Какъ хорошо! — сказалъ Голенищевъ, тоже очевидно искренно подпавшій подъ прелесть картины.

Два мальчика въ тѣни ракиты ловили удочками рыбу. Одинъ старшій, только-что закинулъ удочку и старательно выводилъ поплавокъ изъ-за куста, весь поглощенный этимъ дѣломъ; другой, помоложе, лежалъ въ травѣ, облокотивъ спутанную бѣлокурую голову на руки и смотрѣлъ задумчивыми голубыми глазами на воду. О чемъ онъ думалъ?

Восхищеніе передъ этою его картиной шевельнуло въ Михайловѣ прежнее волненіе, но онъ боялся и не любилъ этого празднаго чувства къ прошедшему, и потому, хотя ему и радостны были эти похвалы, онъ хотѣлъ отвлечь посѣтителей къ третьей картинѣ.

Но Вронскій спросилъ: не продается ли картина? Для Михайлова теперь, взволнованнаго посѣтителями, рѣчь о денежномъ дѣлѣ была весьма непріятна.

— Она выставлена для продажи,—отвѣчалъ онъ, мрачно насупливаясь.

Когда посѣтители уѣхали, Михайловъ сѣлъ противъ картины Пилата и Христа и въ умѣ своемъ повторялъ то, что было сказано, и хотя и не сказано, но подразумѣваемо этими посѣтителями. И странно: то, что имѣло такой вѣсъ для него, когда они были тутъ и когда онъ мысленно переносился на ихъ точку зрѣнія, вдругъ потеряло для него всякое значеніе. Онъ сталъ смотрѣть на свою картину всѣмъ своимъ полнымъ художественнымъ взглядомъ и пришелъ въ то состояніе увѣренности въ совершенствѣ и потому въ значительности своей картины, которое нужно было ему для того исключающаго всѣ другіе интересы напряженія, при которомъ одномъ онъ могъ работать.

Нога Христа въ ракурсѣ все-таки была не то. Онъ взялъ палитру и принялся работать. Исправляя ногу, онъ безпрестанно всматривался въ фигуру Іоанна на заднемъ планѣ, которой посѣтители и не замѣтили, но которая, онъ зналъ, была верхъ совершенства. Окончивъ ногу, онъ хотѣлъ взяться за эту фигуру, но почувствовалъ себя слишкомъ взволнованнымъ для этого. Онъ одинаково не могъ работать, когда былъ холоденъ, какъ и тогда, когда былъ слишкомъ размягченъ и слишкомъ видѣлъ все. Была только одна ступень на этомъ переходѣ отъ холодности къ вдохновенію, на которой возможна была работа. А нынче онъ слишкомъ былъ взволнованъ. Онъ хотѣлъ закрыть картину, но остановился и, держа рукой простыню, блаженно улыбаясь, долго смотрѣлъ на фигуру Іоанна. Наконецъ, какъ бы съ грустью отрываясь, опустилъ простыню и, усталый, но счастливый, пошелъ къ себѣ.

Вронскій, Анна и Голенищевъ, возвращаясь домой, были особенно оживлены и веселы. Они говорили о Михайловѣ и его картинахъ. Слово *талантъ*, подъ которымъ они разумѣли прирожденную, почти физическую способность, независимую отъ ума и сердца, и которымъ они хотѣли назвать все, что переживаемо было художникомъ, особенно часто встрѣчалось въ ихъ разговорѣ, такъ какъ оно имъ было необходимо для того, чтобы называть то, о чемъ они не имѣли никакого понятія, но хотѣли говорить. Они говорили, что въ талантѣ ему нельзя отказать, но что талантъ его не могъ развиться отъ недостатка образованія—общаго несчастія нашихъ русскихъ художниковъ. Но картина мальчиковъ запала въ ихъ памяти, и нѣтъ-нѣтъ они возвращались къ ней.—Что за прелесть! Какъ это удалось ему, и какъ

просто! Онъ и не понимаетъ, какъ это хорошо. Да, надо не упустить и купить ее,—говорилъ Вронскій.

XIII.

Михайловъ продалъ Вронскому свою квартиру и согласился дѣлать портретъ Анны. Въ назначенный день онъ пришелъ и началъ работу.

Портретъ съ пятаго сеанса поразилъ всѣхъ, въ особенности Вронскаго, не только сходствомъ, но и особенною красотою. Странно было, какъ могъ Михайловъ найдти ту ея особенную красоту. „Надо было знать и любить ее, какъ я любилъ, чтобы найдти это самое милое ея душевное выраженіе“, думалъ Вронскій, хотя онъ по этому портрету только узналъ это самое милое ея душевное выраженіе. Но выраженіе это было такъ правдиво, что ему и другимъ казалось, что они давно знали его.

— Я сколько времени бьюсь и ничего не сдѣлалъ,—говорилъ онъ про свой портретъ,—а онъ посмотрѣлъ, и написалъ. Вотъ что значитъ техника.

— Это придетъ,—утѣшалъ его Голенищевъ, въ понятіи котораго Вронскій имѣлъ и талантъ и, главное, образованіе, дающее возвышенный взглядъ на искусство. Убѣжденіе Голенищева въ талантѣ Вронскаго поддерживалось еще и тѣмъ, что ему нужно было сочувствіе и похвалы Вронскаго его статьямъ и мыслямъ, и онъ чувствовалъ, что похвалы и поддержка должны быть взаимны.

Въ чужомъ домѣ и въ особенности въ палаццо у Вронскаго Михайловъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ у себя въ студіи. Онъ былъ непріязненно почтителенъ, какъ бы боясь сближенія съ людьми, которыхъ онъ не ува-

жалъ. Онъ называлъ Вронскаго „ваше сіятельство", и никогда, несмотря на приглашенія Анны и Вронскаго, не оставался обѣдать и не приходилъ иначе, какъ для сеансовъ. Анна была болѣе чѣмъ къ другимъ ласкова къ нему и благодарна за свой портретъ. Вронскій былъ съ нимъ болѣе чѣмъ учтивъ и очевидно интересовался сужденіемъ художника о своей картинѣ. Голенищевъ не пропускалъ случая внушать Михайлову настоящія понятія объ искусствѣ. Но Михайловъ оставался одинаково холоденъ ко всѣмъ. Анна чувствовала по его взгляду, что онъ любилъ смотрѣть на нее; но онъ избѣгалъ разговоровъ съ нею. На разговоры Вронскаго о его живописи онъ упорно молчалъ, и такъ же упорно молчалъ, когда ему показали картину Вронскаго, и очевидно тяготился разговорами Голенищева и не возражалъ ему.

Вообще Михайловъ, своимъ сдержаннымъ и непріятнымъ, какъ бы враждебнымъ отношеніемъ, очень не понравился имъ, когда они узнали его ближе. И они рады были, когда сеансы кончились, въ рукахъ ихъ остался прекрасный портретъ, а онъ пересталъ ходить.

Голенищевъ первый высказалъ мысль, которую всѣ имѣли, именно, что Михайловъ просто завидовалъ Вронскому.

— Положимъ, не завидуетъ, потому что у него *талантъ*; но ему досадно, что придворный и богатый человѣкъ, еще графъ (вѣдь они все это ненавидятъ), безъ особеннаго труда дѣлаетъ то же, если не лучше, чѣмъ онъ, посвятившій на это всю жизнь. Главное — образованіе, котораго у него нѣтъ.

Вронскій защищалъ Михайлова, но въ глубинѣ души онъ вѣрилъ этому, потому что, по его понятію, человѣкъ другаго, низшаго міра долженъ былъ завидовать.

Портретъ Анны,—одно и то же, и писанное съ натуры имъ и Михайловымъ, должно бы было показать Вронскому разницу, которая была между нимъ и Михайловымъ; но онъ не видалъ ея. Онъ только послѣ Михайлова пересталъ писать свой портретъ Анны, рѣшивъ, что это теперь было излишне. Картину же свою изъ средневѣковой жизни онъ продолжалъ. И онъ самъ, и Голенищевъ, и въ особенности Анна—находили, что она была очень хороша, потому что была гораздо болѣе похожа на знаменитыя картины, чѣмъ картина Михайлова.

Михайловъ между тѣмъ, несмотря на то, что портретъ Анны очень увлекъ его, былъ еще болѣе радъ, чѣмъ они, когда сеансы кончились, и ему не надо было больше слушать толки Голенищева объ искусствѣ и можно было забыть про живопись Вронскаго. Онъ зналъ, что нельзя было запретить Вронскому баловать живописью; онъ зналъ, что онъ и всѣ дилетанты имѣли полное право писать, что имъ угодно,—но ему было непріятно. Нельзя запретить человѣку сдѣлать себѣ большую куклу изъ воска и цѣловать ее. Но еслибъ этотъ человѣкъ съ куклой пришелъ и сѣлъ передъ влюбленнымъ и принялся ласкать свою куклу, какъ влюбленный ласкаетъ ту, которую онъ любитъ, то влюбленному было бы непріятно. Такое же непріятное чувство испытывалъ Михайловъ при видѣ живописи Вронскаго: ему было и смѣшно, и досадно, и жалко, и оскорбительно.

Увлеченіе Вронскаго живописью и средними вѣками продолжалось не долго. Онъ имѣлъ настолько вкуса къ живописи, что не могъ докончить своей картины. Картина остановилась. Онъ смутно чувствовалъ, что недостатки ея, мало замѣтные при началѣ, будутъ поразительны, если онъ

будетъ продолжать. Съ нимъ случилось то же, что̀ и съ Голенищевымъ, чувствующимъ, что ему нечего сказать, и постоянно обманывающимъ себя тѣмъ, что мысль не созрѣла, что онъ вынашиваетъ ее и готовитъ матеріалы. Но Голенищева это озлобило и измучило; Вронскій же не могъ обманывать и мучить себя и въ особенности озлобляться. Онъ, со свойственною ему рѣшительностью характера, ничего не объясняя и не оправдываясь, пересталъ заниматься живописью.

Но, безъ этого занятія, жизнь и его и Анны, удивлявшейся его разочарованію, показалась имъ такъ скучна въ итальянскомъ городѣ; палаццо вдругъ сталъ такъ очевидно старъ и грязенъ, такъ непріятно пригляделись пятна на гардинахъ, трещины на полахъ, отбитая штукатурка на карнизахъ, и такъ скученъ сталъ все одинъ и тотъ же Голенищевъ, итальянскій профессоръ и нѣмецъ путешественникъ, что надо было перемѣнить жизнь. Они рѣшили ѣхать въ Россію, въ деревню. Въ Петербургѣ Вронскій намѣревался сдѣлать раздѣлъ съ братомъ, а Анна повидать сына. Лѣто же они намѣревались прожить въ большомъ родовомъ имѣніи Вронскаго.

XIV.

Левинъ былъ женатъ третій мѣсяцъ. Онъ былъ счастливъ, но совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ. На каждомъ шагу онъ находилъ разочарованіе въ прежнихъ мечтахъ и новое неожиданное очарованіе. Онъ былъ счастливъ, но, вступивъ въ семейную жизнь, на каждомъ шагу видѣлъ, что это было совсѣмъ не то, что онъ воображалъ. На каждомъ шагу онъ испытывалъ то, что испыталъ бы человѣкъ,

любовавшійся плавнымъ, счастливымъ ходомъ лодочки по озеру, послѣ того, какъ онъ бы самъ сѣлъ въ эту лодочку. Онъ видѣлъ, что мало того, чтобы сидѣть ровно, не качаясь, надо еще соображаться, ни на минуту не забывая, куда плыть, что подъ ногами вода, и надо грести, и что непривычнымъ рукамъ больно, что только смотрѣть на это легко, а что дѣлать это хотя и очень радостно, но очень трудно.

Бывало холостымъ, глядя на чужую супружескую жизнь, на мелочныя заботы, ссоры, ревность, онъ только презрительно улыбался въ душѣ. Въ его будущей супружеской жизни не только не могло быть, по его убѣжденію, ничего подобнаго, но даже всѣ внѣшнія формы, казалось ему, должны были быть во всемъ совершенно непохожи на жизнь другихъ. И вдругъ, вмѣсто этого, жизнь его съ женою не только не сложилась особенно, а напротивъ вся сложилась изъ тѣхъ самыхъ ничтожныхъ мелочей, которыя онъ такъ презиралъ прежде, но которыя теперь, противъ его воли, получали необыкновенную и неопровержимую значительность. И Левинъ видѣлъ, что устройство всѣхъ этихъ мелочей совсѣмъ не такъ легко было, какъ ему казалось прежде. Несмотря на то, что Левинъ полагалъ, что онъ имѣетъ самыя точныя понятія о семейной жизни, онъ, какъ и всѣ мужчины, представлялъ себѣ невольно семейную жизнь только какъ наслажденіе любви, которой ничто не должно было препятствовать и отъ которой не должны были отвлекать мелкія заботы. Онъ долженъ былъ, по его понятію, работать свою работу и отдыхать отъ нея въ счастіи любви. Она должна была быть любима—и только. Но онъ, какъ и всѣ мужчины, забывалъ, что и ей надо работать. И

онъ удивлялся, какъ она, эта поэтическая, прелестная Китя, могла, въ первыя же не только недѣли, въ первые дни семейной жизни, думать, помнить и хлопотать о скатертяхъ, о мебели, о тюфякахъ для пріѣзжихъ, о подносѣ, о поварѣ, обѣдѣ и т. п. Еще бывши женихомъ, онъ былъ пораженъ тою опредѣленностью, съ которою она отказалась отъ поѣздки за границу и рѣшила ѣхать въ деревню, какъ будто она знала что то такое, чтò нужно, и кромѣ своей любви могла еще думать о постороннемъ. Это оскорбило его тогда, и теперь нѣсколько разъ ея мелочныя хлопоты и заботы оскорбляли его. Но онъ видѣлъ, что это ей необходимо. И онъ, любя ее, хотя и не понималъ зачѣмъ, хотя и посмѣивался надъ этими заботами, не могъ не любоваться ими. Онъ посмѣивался надъ тѣмъ, какъ она разставляла мебель, привезенную изъ Москвы, какъ убирала по-новому свою и его комнату, какъ вѣшала гардины, какъ распредѣляла будущее помѣщеніе для гостей, для Долли, какъ устраивала помѣщеніе своей новой дѣвушкѣ, какъ заказывала обѣдъ старику-повару, какъ входила въ препиранія съ Агаѳьей Михайловной, отстраняя ее отъ провизіи. Онъ видѣлъ, что старикъ-поваръ улыбался, любуясь ею и слушая ея неумѣлыя, невозможныя приказанія; видѣлъ, что Агаѳья Михайловна задумчиво и ласково покачивала головой на новыя распоряженія молодой барыни въ кладовой; видѣлъ, что Кити была необыкновенно мила, когда она, смѣясь и плача, приходила къ нему объявлять, что дѣвушка Маша привыкла считать ее барышней, и оттого ее никто не слушаетъ. Ему это казалось мило, но странно, и онъ думалъ, что лучше бы было безъ этого.

Онъ не зналъ того чувства перемѣны, которое она испы-

тывала послѣ того, какъ ей дома иногда хотѣлось капусты съ квасомъ или конфетъ, и ни того, ни другаго нельзя было имѣть, а теперь она могла заказать что̀ хотѣла, купить груды конфетъ, издержать сколько хотѣла денегъ и заказать какое хотѣла пирожное.

Она теперь съ радостью мечтала о пріѣздѣ Долли съ дѣтьми, въ особенности потому, что она для дѣтей будетъ заказывать любимое каждымъ пирожное, а Долли оцѣнитъ все ея новое устройство. Она сама не знала зачѣмъ и для чего, но домашнее хозяйство неудержимо влекло ее къ себѣ. Она, инстинктивно чувствуя приближеніе весны и зная, что будутъ и ненастные дни, вила, какъ умѣла, свое гнѣздо, и торопилась въ одно время и вить его, и учиться, какъ это дѣлать.

Эта мелочная озабоченность Кити, столь противоположная идеалу Левина возвышеннаго счастія перваго времени, было одно изъ разочарованій; и эта милая озабоченность, которой смысла онъ не понималъ, но не могъ не любить, было одно изъ новыхъ очарованій.

Другое разочарованіе и очарованіе были ссоры. Левинъ никогда не могъ себѣ представить, чтобы между нимъ и женою могли быть другія отношенія, кромѣ нѣжныхъ, уважительныхъ, любовныхъ, и вдругъ съ первыхъ же дней они поссорились, такъ что она сказала ему, что онъ не любитъ ея, любитъ себя одного, заплакала и замахала руками.

Первая эта ихъ ссора произошла отъ того, что Левинъ поѣхалъ на новый хуторъ и пробылъ полчаса долѣе, потому что хотѣлъ проѣхать ближнею дорогой и заблудился. Онъ ѣхалъ домой, только думая о ней, о ея любви, о своемъ счастіи, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ, тѣмъ боль-

ше разгоралась въ немъ нѣжность къ ней. Онъ вбѣжалъ къ комнату съ тѣмъ же чувствомъ, и еще сильнѣйшимъ чѣмъ то, съ какимъ онъ пріѣхалъ къ Щербацкимъ дѣлать предложеніе. И вдругъ его встрѣтило мрачное, никогда не виданное имъ въ ней выраженіе. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее; она оттолкнула его.

— Что ты?

— Тебѣ весело...—начала она, желая быть спокойно-ядовитою.

Но только-что она открыла ротъ, какъ слова упрековъ безсмысленной ревности, всего, что мучило ее въ эти полчаса, которые она неподвижно провела, сидя на окнѣ, вырвались у ней. Тутъ только въ первый разъ онъ ясно понялъ то, чего онъ не понималъ, когда послѣ вѣнца повелъ ее изъ церкви. Онъ понялъ, что она не только близка ему, но что онъ теперь не знаетъ, гдѣ кончается она и начинается онъ. Онъ понялъ это по тому мучительному чувству раздвоенія, которое онъ испытывалъ въ эту минуту. Онъ оскорбился въ первую минуту, но въ ту же секунду онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ быть оскорбленъ ею, что она была онъ самъ. Онъ испыталъ въ первую минуту чувство подобное тому, какое испытываетъ человѣкъ, когда, получивъ вдругъ сильный ударъ сзади, съ досадой и желаніемъ мести оборачивается, чтобы найдти виновнаго, и убѣждается, что это онъ самъ нечаянно ударилъ себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль.

Никогда онъ съ такою силой послѣ уже не чувствовалъ этого, но въ этотъ первый разъ онъ долго не могъ опомниться. Естественное чувство требовало отъ него—оправдаться, доказать ей вину ея; но доказать ей вину значило

еще болѣе раздражить ее и сдѣлать больше тотъ разрывъ, который былъ причиной всего горя. Одно привычное чувство влекло его къ тому, чтобы снять съ себя и на нее перенести вину; другое чувство, болѣе сильное, влекло къ тому, чтобы скорѣе, какъ можно скорѣе, не давая увеличиться происшедшему разрыву, загладить его. Оставаться съ такимъ несправедливымъ обвиненіемъ было мучительно, но, оправдавшись, сдѣлать ей больно было еще хуже. Какъ человѣкъ въ полуснѣ, томящійся болью, онъ хотѣлъ оторвать, отбросить отъ себя больное мѣсто, и, опомнившись, чувствовалъ, что больное мѣсто—онъ самъ. Надо было стараться только помочь больному мѣсту перетерпѣть, и онъ постарался это сдѣлать.

Они помирились. Она, сознавъ свою вину, но не высказавъ ея, стала нѣжнѣе къ нему, и они испытали новое, удвоенное счастіе любви. Но это не помѣшало тому, чтобы столкновенія эти не повторялись, и даже особенно часто, по самымъ неожиданнымъ и ничтожнымъ поводамъ. Столкновенія эти происходили часто отъ того, что они не знали еще, что̀ другъ для друга важно, и отъ того, что все это первое время они оба часто бывали въ дурномъ расположеніи духа. Когда одинъ былъ въ хорошемъ, а другой въ дурномъ, то миръ не нарушался; но когда оба случались въ дурномъ расположеніи, то столкновенія происходили изъ такихъ непонятныхъ, по ничтожности, причинъ, что они потомъ никакъ не могли вспомнить, о чемъ они ссорились. Правда, когда они оба были въ хорошемъ расположеніи духа, радость жизни ихъ удвоялась. Но все таки это первое время было тяжелое для нихъ время.

Во все это первое время особенно живо чувствовалась

натянутость, какъ бы подергиваніе въ ту и другую сторону той цѣпи, которою они были связаны. Вообще, тотъ медовой мѣсяцъ, то-есть мѣсяцъ послѣ свадьбы, отъ котораго, по преданію, ждалъ Левинъ столь многаго, былъ не только не медовымъ, но остался въ воспоминаніи ихъ обоихъ самымъ тяжелымъ и унизительнымъ временемъ ихъ жизни. Они оба одинаково старались въ послѣдующей жизни вычеркнуть изъ своей памяти всѣ уродливыя, постыдныя обстоятельства этого нездороваго времени, когда оба они рѣдко бывали въ нормальномъ настроеніи духа, рѣдко бывали сами собою.

Только на третій мѣсяцъ супружества, послѣ возвращенія ихъ изъ Москвы, куда они ѣздили на мѣсяцъ, жизнь ихъ стала ровнѣе.

XV.

Они только-что пріѣхали изъ Москвы и рады были своему уединенію. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола и писалъ. Она, въ томъ темно-лиловомъ платьѣ, которое она носила въ первые дни замужства и нынче опять надѣла, и которое было особенно памятно и дорого ему, сидѣла на диванѣ, на томъ самомъ кожаномъ старинномъ диванѣ, который стоялъ всегда въ кабинетѣ у дѣда и отца Левина, и шила broderie anglaise. Онъ думалъ и писалъ, не переставая радостно чувствовать ея присутствіе. Занятія его: и хозяйствомъ, и книгой, въ которой должны были быть изложены основанія новаго хозяйства, не были оставлены имъ; но какъ прежде эти занятія и мысли показались ему малы и ничтожны въ сравненіи съ мракомъ, покрывшимъ всю жизнь, такъ точно неважны и малы они казались теперь въ сравненіи съ тою, облитою яркимъ

свѣтомъ счастія, предстоящею жизнью. Онъ продолжалъ свои занятія, но чувствовалъ теперь, что центръ тяжести его вниманія перешелъ на другое, и что вслѣдствіе этого онъ совсѣмъ иначе и яснѣе смотритъ на дѣло. Прежде дѣло это было для него спасеніемъ отъ жизни. Прежде онъ чувствовалъ, что безъ этого дѣла жизнь его будетъ слишкомъ мрачна. Теперь же занятія эти ему были необходимы, чтобы жизнь не была слишкомъ однообразно свѣтла. Взявшись опять за свои бумаги, перечтя то, что было написано, онъ съ удовольствіемъ нашелъ, что дѣло стоило того, чтобы имъ заниматься. Многія изъ прежнихъ мыслей показались ему излишними и крайними, но многіе пробѣлы стали ему ясны, когда онъ освѣжилъ въ своей памяти все дѣло. Онъ писалъ теперь новую главу о причинахъ невыгоднаго положенія земледѣлія въ Россіи. Онъ доказывалъ, что бѣдность Россіи происходитъ не только отъ неправильнаго распредѣленія поземельной собственности и ложнаго направленія, но что этому содѣйствовала въ последнее время ненормально привитая Россіи внѣшняя цивилизація, въ особенности пути сообщенія, желѣзныя дороги, повлекшія за собою централизацію въ городахъ, развитіе роскоши, и вслѣдствіе того, въ ущербъ земледѣлію, развитіе фабричной промышленности, кредита и его спутника—биржевой игры. Ему казалось, что, при нормальномъ развитіи богатства въ государствѣ, всѣ эти явленія наступаютъ, только когда на земледѣліе положенъ уже значительный трудъ, когда оно стало въ правильныя, по крайней мѣрѣ въ опредѣленныя условія; что богатство страны должно расти равномѣрно, и въ особенности такъ, чтобы другія отрасли богатства не опережали земледѣлія; что со-

образно съ извѣстнымъ состояніемъ земледѣлія должны быть соотвѣтствующіе ему и пути сообщенія, и что при нашемъ неправильномъ пользованіи землей желѣзныя дороги, вызванныя не экономическою, но политическою необходимостью, были преждевременны и, вмѣсто содѣйствія земледѣлію, котораго ожидали отъ нихъ, опередивъ земледѣліе и вызвавъ развитіе промышленности и кредита, остановили его, и что потому такъ же, какъ одностороннее и преждевременное развитіе одного органа въ животномъ помѣшало бы его общему развитію, такъ для общаго развитія богатства въ Россіи кредитъ, пути сообщенія, усиленіе фабричной дѣятельности, несомнѣнно необходимые въ Европѣ, гдѣ они своевременны, у насъ только сдѣлали вредъ, отстранивъ главный очередной вопросъ устройства земледѣлія

Между тѣмъ, какъ онъ писалъ свое, она думала о томъ, какъ ненатурально внимателенъ былъ ея мужъ съ молодымъ княземъ Чарскимъ, который очень безтактно любезничалъ съ нею наканунѣ отъѣзда. „Вѣдь онъ ревнуетъ,—думала она.—Боже мой! какъ онъ милъ и глупъ. Онъ ревнуетъ меня! Еслибъ онъ зналъ, что они всѣ для меня какъ Петръ поваръ“, думала она, глядя съ страннымъ для себя чувствомъ собственности на его затылокъ и красную шею. „Хоть и жалко отрывать его отъ занятій (но онъ успѣетъ!), надо посмотрѣть его лицо; почувствуетъ ли онъ, что я смотрю на него? Хочу, чтобъ онъ оборотился... Хочу, ну!“ и она шире открыла глаза, желая этимъ усилить дѣйствіе взгляда.

— Да, они отвлекаютъ къ себѣ всѣ соки и даютъ ложный блескъ,—пробормоталъ онъ, остановившись писать, и чувствуя, что она глядитъ на него и улыбается, оглянулся.

— Что?–спросилъ онъ, улыбаясь и вставая.

„Оглянулся“, подумала она.

— Ничего, я хотѣла, чтобы ты оглянулся,—сказала она, глядя на него и желая догадаться, досадно ли ему или нѣтъ то, что она оторвала его.

— Ну, вѣдь какъ хорошо намъ вдвоемъ! Мнѣ то-есть,—сказалъ онъ, подходя къ ней и сіяя улыбкой счастія.

— Мнѣ такъ хорошо! Никуда не поѣду, особенно въ Москву.

— А о чемъ ты думала?

— Я?... Я думала... Нѣтъ, нѣтъ, иди пиши, не развлекайся,—сказала она, морща губы,—и мнѣ надо теперь вырѣзать вотъ эти дырочки, видишь?

Она взяла ножницы и стала вырѣзывать.

— Нѣтъ, скажи же, что?—сказалъ онъ, подсаживаясь къ ней и слѣдя за кругообразнымъ движеніемъ маленькихъ ножницъ.

— Ахъ, я что думала?... Я думала о Москвѣ, о твоемъ затылкѣ.

— За что именно мнѣ такое счастіе? Ненатурально. Слишкомъ хорошо,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Мнѣ, напротивъ, чѣмъ лучше, тѣмъ натуральнѣе.

— А у тебя косичка,—сказалъ онъ, осторожно поворачивая ея голову.

— Косичка. Видишь, вотъ тутъ. Нѣтъ, нѣтъ, мы дѣломъ занимаемся!

Занятіе уже не продолжалось, и они, какъ виноватые, отскочили другъ отъ друга, когда Кузьма вошелъ доложить, что чай поданъ.

— А изъ города пріѣхали?–спросилъ Левинъ у Кузьмы.

— Только-что пріѣхали, разбираются.

— Приходи же скорѣе,—сказала она ему, уходя изъ кабинета,—а то безъ тебя прочту письма. И давай въ четыре руки играть.

Оставшись одинъ и убравъ свои тетради въ новый купленный ею портфель, онъ сталъ умывать руки въ новомъ умывальникѣ съ новыми, все съ нею же появившимися элегантными принадлежностями. Левинъ улыбался своимъ мыслямъ и неодобрительно покачивалъ головой на эти мысли; чувство подобное раскаянію мучило его. Что-то стыдное, изнѣженное, Капуйское, какъ онъ себѣ называлъ это, было въ его теперешней жизни. „Жить такъ не хорошо,—думалъ онъ.—Вотъ скоро три мѣсяца, а я ничего почти не дѣлаю. Нынче почти въ первый разъ я взялся серьёзно за работу, и что же? Только началъ и бросилъ. Даже обычныя свои занятія—и тѣ я почти оставилъ. По хозяйству—и то я почти не хожу и не ѣзжу. То мнѣ жалко ее оставить, то я вижу, что ей скучно. А я-то думалъ, что до женитьбы жизнь такъ себѣ, кое-какъ, не считается, а что послѣ женитьбы начнется настоящая. А вотъ три мѣсяца скоро, и я никогда такъ праздно и безполезно не проводилъ время. Нѣтъ, это нельзя, надо начать. Разумѣется, она не виновата. Ее не въ чемъ было упрекнуть. Я самъ долженъ былъ быть тверже, выгородить свою мужскую независимость. А то этакъ можно самому привыкнуть и ее пріучить... Разумѣется, она не виновата“, говорилъ онъ себѣ.

Но трудно человѣку недовольному не упрекать кого-нибудь другаго, и того самаго, кто ближе всего ему, въ томъ, въ чемъ онъ недоволенъ. И Левину смутно приходило въ голову, что не то, что она сама виновата (виноватою она

ни въ чемъ не могла быть), но виновато ея воспитаніе, слишкомъ поверхностное и фривольное („этотъ дуракъ Чарскій: она, я знаю, хотѣла, но не умѣла остановить его“). „Да, кромѣ интереса къ дому (это есть у нея), кромѣ своего туалета и кромѣ broderie anglaise, у нея нѣтъ серьёзныхъ интересовъ. Ни интереса къ своему дѣлу, къ хозяйству, къ мужикамъ, ни къ музыкѣ, въ которой она довольно сильна, ни къ чтенію. Она ничего не дѣлаетъ и совершенно удовлетворена“. Левинъ въ душѣ осуждалъ это и не понималъ еще, что она готовилась къ тому періоду дѣятельности, который долженъ былъ наступить для нея, когда она будетъ въ одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будетъ носить, кормить и воспитывать дѣтей. Онъ не понималъ, что она чутьемъ знала это и, готовясь къ этому страшному труду, не упрекала себя въ минутахъ беззаботности и счастія любви, которыми она пользовалась теперь, весело свивая свое будущее гнѣздо.

XVI.

Когда Левинъ вошелъ на верхъ, жена его сидѣла у новаго серебрянаго самовара, за новымъ чайнымъ приборомъ, и, посадивъ у маленькаго столика старую Агаѳью Михайловну съ налитою ей чашкой чая, читала письмо отъ Долли, съ которою онѣ были въ постоянной и частой перепискѣ.

— Вишь, посадила меня ваша барыня, велѣла съ ней сидѣть,—сказала Агаѳья Михайловна, дружелюбно улыбаясь на Кити.

Въ этихъ словахъ Агаѳьи Михайловны Левинъ прочелъ развязку драмы, которая въ послѣднее время происходила между Агаѳьей Михайловной и Кити. Онъ видѣлъ, что,

несмотря на все огорченіе, причиненное Агаѳьѣ Михайловнѣ новою хозяйкой, отнявшею у нея бразды правленія, Кити все-таки побѣдила ее и заставила себя любить.

— Вотъ я и прочла твое письмо,—сказала Кити, подавая ему безграмотное письмо.—Это отъ той женщины, кажется, твоего брата...—сказала она.—Я не прочла. А это отъ моихъ и отъ Долли. Представь! Долли возила къ Сарматскимъ на дѣтскій балъ Гришу и Таню; Таня была маркизой.

Но Левинъ не слушалъ ея; онъ, покраснѣвъ, взялъ письмо отъ Марьи Николаевны, бывшей любовницы брата Николая, и сталъ читать его. Это было уже второе письмо отъ Марьи Николаевны. Въ первомъ письмѣ Марья Николаевна писала, что братъ прогналъ ее отъ себя безъ вины, и съ трогательною наивностью прибавляла, что хотя она опять въ нищетѣ, но ничего не проситъ, не желаетъ, а что только убиваетъ ее мысль о томъ, что Николай Дмитріевичъ пропадетъ безъ нея по слабости своего здоровья, и просила брата слѣдить за нимъ. Теперь она писала другое. Она нашла Николая Дмитріевича, опять сошлась съ нимъ въ Москвѣ и съ нимъ поѣхала въ губернскій городъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто на службѣ, но что тамъ онъ поссорился съ начальникомъ и поѣхалъ назадъ въ Москву, но дорогой такъ заболѣлъ, что едва ли встанетъ,—писала она. „Все о васъ поминали, да и денегъ больше нѣтъ“.

— Прочти, о тебѣ Долли пишетъ, — начала было Кити, улыбаясь; но вдругъ остановилась, замѣтивъ перемѣнившееся выраженіе лица мужа.

— Что ты? Что такое?

— Она мнѣ пишетъ, что Николай, братъ, при смерти. Я поѣду.

Лицо Кити вдругъ перемѣнилось. Мысли о Танѣ маркизой, о Долли—все это исчезло.

— Когда же ты поѣдешь?—сказала она.

— Завтра.

— И я съ тобой, можно?—сказала она.

— Кити! ну что это?—съ упрекомъ сказалъ онъ.

— Какъ что?—оскорбившись за то, что онъ какъ бы съ неохотой и досадой принимаетъ ея предложеніе. — Отчего же мнѣ не ѣхать? Я тебѣ не буду мѣшать. Я...

— Я ѣду потому, что мой братъ умираетъ, — сказалъ Левинъ.—Для чего ты...

— Для чего? Для того же, для чего и ты.

„И въ такую для меня важную минуту она думаетъ только о томъ, что ей будетъ скучно одной“, подумалъ Левинъ. И эта оговорка въ дѣлѣ такомъ важномъ разсердила его.

— Это невозможно,—сказалъ онъ строго.

Агаѳья Михайловна, видя, что дѣло доходитъ до ссоры, тихо поставила чашку и вышла. Кити даже не замѣтила ея. Тонъ, которымъ мужъ сказалъ послѣднія слова, оскорбилъ ее въ особенности тѣмъ, что онъ видимо не вѣрилъ тому, что она сказала.

— А я тебѣ говорю, что если ты поѣдешь, и я поѣду съ тобой, непремѣнно поѣду,—торопливо и гнѣвно заговорила она.—Почему невозможно? Почему ты говоришь, что невозможно?

— Потому, что ѣхать Богъ знаетъ куда, по какимъ дорогамъ, гостиницамъ. Ты стѣснять меня будешь,—говорилъ Левинъ, стараясь быть хладнокровнымъ.

— Нисколько. Мнѣ ничего не нужно. Гдѣ ты можешь, тамъ и я.

— Ну, уже по одному тому, что тамъ эта женщина, съ которою ты не можешь сближаться.

— Я ничего не знаю и знать не хочу, кто тамъ и что. Я знаю, что братъ моего мужа умираетъ, и мужъ ѣдетъ къ нему, и я ѣду съ мужемъ, чтобы...

— Кити, не разсердись! Но ты подумай, дѣло это такъ важно, что мнѣ больно думать, что ты смѣшиваешь чувство слабости, нежеланія остаться одной. Ну, тебѣ скучно будетъ одной,—ну, поѣзжай въ Москву.

— Вотъ ты *всегда* приписываешь мнѣ дурныя, подлыя мысли,—заговорила она со слезами оскорбленія и гнѣва.— Я ничего, ни слабости, ничего... Я чувствую, что мой долгъ быть съ мужемъ, когда онъ въ горѣ, но ты хочешь нарочно сдѣлать мнѣ больно, нарочно хочешь не понимать...

— Нѣтъ, это ужасно... быть рабомъ какимъ-то!—вскрикнулъ Левинъ, вставая и не въ силахъ болѣе удерживать своей досады. Но въ ту же секунду почувствовалъ, что онъ бьетъ самъ себя.

— Такъ зачѣмъ же ты женился? Былъ бы свободенъ. Зачѣмъ, если ты раскаиваешься?—заговорила она, вскочила и побѣжала въ гостиную.

Когда онъ пришелъ за ней, она всхлипывала отъ слезъ. Онъ началъ говорить, желая найдти тѣ слова, которыя могли бы не то что разубѣдить, но успокоить только ее. Но она не слушала его и ни съ чѣмъ не соглашалась. Онъ нагнулся къ ней и взялъ ея сопротивляющуюся руку. Онъ поцѣловалъ ея руку, поцѣловалъ ея волосы, опять поцѣловалъ руку,—она все молчала. Но когда онъ взялъ ее обѣими руками за лицо и сказалъ: „Кити!“ — вдругъ она опомнилась, поплакала и примирилась.

Было рѣшено ѣхать завтра вмѣстѣ. Левинъ сказалъ женѣ, что онъ вѣритъ, что она желала ѣхать только чтобы быть полезною, согласился, что присутствіе Марьи Николаевны при братѣ не представляетъ ничего неприличнаго, но въ глубинѣ души онъ ѣхалъ недовольный ею и собой. Онъ былъ недоволенъ ею за то, что она не могла взять на себя отпустить его, когда это было нужно (и какъ странно ему было думать, что онъ, такъ недавно еще не смѣвшій вѣрить тому счастію, что она можетъ полюбить его, — теперь чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что она слишкомъ любитъ его), и недоволенъ собой за то, что не выдержалъ характера. Еще болѣе онъ былъ въ глубинѣ души несогласенъ съ тѣмъ, что ей нѣтъ дѣла до той женщины, которая съ братомъ, и онъ съ ужасомъ думалъ о всѣхъ могущихъ встрѣтиться столкновеніяхъ. Ужъ одно, что его жена, его Кити, будетъ въ одной комнатѣ съ дѣвкой, заставляло его вздрагивать отъ отвращенія и ужаса.

XVII.

Гостиница губернскаго города, въ которой лежалъ Николай Левинъ, была одна изъ тѣхъ губернскихъ гостиницъ, которыя устраиваются по новымъ усовершенствованнымъ образцамъ, съ самыми лучшими намѣреніями чистоты, комфорта и даже элегантности, но которыя по публикѣ, посѣщающей ихъ, съ чрезвычайною быстротой превращаются въ грязные кабаки съ претензіей на современныя усовершенствованія, и дѣлаются этою самою претензіей еще хуже старинныхъ, просто грязныхъ гостиницъ. Гостиница эта уже пришла въ это состояніе: и солдатъ въ грязномъ мундирѣ, курящій папироску у входа, долженствовавшій изо-

бражать швейцара, и чугунная, сквозная, мрачная и неприятная лѣстница, и развязный половой въ грязномъ фракѣ, и общая зала съ пыльнымъ восковымъ букетомъ цвѣтовъ, украшающимъ столъ, и грязь, пыль и неряшество вездѣ, и вмѣстѣ какая-то новая современно желѣзно-дорожная самодовольная озабоченность этой гостиницы — произвели на Левиныхъ, послѣ ихъ молодой жизни, самое тяжелое чувство, въ особенности тѣмъ, что фальшивое впечатлѣніе, производимое гостиницей, никакъ не мирилось съ тѣмъ, что ожидало ихъ.

Какъ всегда, оказалось, что послѣ вопроса о томъ, въ какую цѣну имъ угодно нумеръ, ни одного хорошаго нумера не было: одинъ хорошій нумеръ былъ занятъ ревизоромъ желѣзной дороги, другой — адвокатомъ изъ Москвы, третій—княгинею Астафьевой изъ деревни. Оставался одинъ грязный нумеръ, рядомъ съ которымъ къ вечеру обѣщали опростать другой. Досадуя на жену за то, что сбывалось то, чего онъ ждалъ, именно то, что въ минуту пріѣзда, тогда, какъ у него сердце захватывало отъ волненія при мысли о томъ, что̀ съ братомъ, ему приходилось заботиться о ней, вмѣсто того, чтобы бѣжать тотчасъ же къ брату. Левинъ ввелъ жену въ отведенный имъ нумеръ.

— Иди, иди!—сказала она, робкимъ, виноватымъ взглядомъ глядя на него.

Онъ молча вышелъ изъ двери и тутъ же столкнулся съ Марьей Николаевной, узнавшей о его пріѣздѣ и не смѣвшей войдти къ нему. Она была точно такая же, какою онъ видѣлъ ее въ Москвѣ: то же шерстяное платье, и голыя руки и шея, и то же добродушно-тупое, нѣсколько пополнѣвшее, рябое лицо.

— Ну что? какъ онъ? что?

— Очень плохо. Не встаютъ. Они все ждали васъ. Они... Вы... съ супругой?

Левинъ не понялъ въ первую минуту того, что смущало ее, но она тотчасъ же разъяснила ему.

— Я уйду, я на кухню пойду, — выговорила она. — Они рады будутъ. Они слышали, и ихъ знаютъ и помнятъ за границей.

Левинъ понялъ, что она разумѣла его жену, и не зналъ что отвѣтить.

— Пойдемте, пойдемте! — сказалъ онъ.

Но только что онъ двинулся, дверь его нумера отворилась и Кити выглянула. Левинъ покраснѣлъ и отъ стыда, и отъ досады на свою жену, поставившую себя и его въ это тяжелое положеніе; но Марья Николаевна покраснѣла еще больше. Она вся сжалась и покраснѣла до слезъ, и ухвативъ обѣими руками концы платка, свертывала ихъ красными пальцами, не зная, что говорить и что дѣлать.

Первое мгновеніе Левинъ видѣлъ выраженіе жаднаго любопытства въ томъ взглядѣ, которымъ Кити смотрѣла на эту непонятную для нея ужасную женщину; но это продолжалось только одно мгновеніе.

— Ну что же? что же онъ? — обратилась она къ мужу и потомъ къ ней.

— Да нельзя же въ коридорѣ разговаривать! — сказалъ Левинъ, съ досадой оглядываясь на господина, который, подрагивая ногами, какъ будто по своему дѣлу шелъ въ это время по корридору.

— Ну, такъ войдите, — сказала Кити, обращаясь къ оправившейся Марьѣ Николаевнѣ; но, замѣтивъ испуганное ли-

цо мужа,—или идите, идите, и пришлите за мной,—сказала она и вернулась въ нумеръ. Левинъ пошелъ къ брату.

Онъ никакъ не ожидалъ того, что онъ увидалъ и почувствовалъ у брата. Онъ ожидалъ найдти то же состояніе самообманыванія, которое, онъ слыхалъ, такъ часто бываетъ у чахоточныхъ и которое такъ сильно поразило его во время осенняго пріѣзда брата. Онъ ожидалъ найдти физическіе признаки приближающейся смерти болѣе опредѣленными, бо́льшую слабость, бо́льшую худобу, но все-таки почти то же положеніе. Онъ ожидалъ, что самъ испытаетъ то же чувство жалости къ утратѣ любимаго брата и ужаса передъ смертью, которое онъ испыталъ тогда, но только въ большей степени. И онъ готовился на это; но нашелъ совсѣмъ другое.

Въ маленькомъ, грязномъ нумерѣ, заплеванномъ по раскрашеннымъ пано стѣнъ, за тонкою перегородкой котораго слышался говоръ, въ пропитанномъ удушливымъ запахомъ нечистомъ воздухѣ, на отодвинутой отъ стѣны кровати лежало покрытое одѣяломъ тѣло. Одна рука этого тѣла была сверхъ одѣяла, и огромная, какъ грабли, кисть этой руки непонятно была прикрѣплена къ тонкой и ровной отъ начала до средины длинной цѣвкѣ. Голова лежала бокомъ на подушкѣ. Левину видны были потные рѣдкіе волосы на вискахъ и обтянутый, точно прозрачный лобъ.

„Не можетъ быть, чтобъ это страшное тѣло былъ братъ Николай“, подумалъ Левинъ. Но онъ подошелъ ближе, увидалъ лицо и сомнѣніе уже стало невозможно. Несмотря на страшное измѣненіе лица, Левину стоило взглянуть въ эти живые, поднявшіеся на входившаго глаза, замѣтить легкое движеніе рта подъ слипшимися усами, чтобы понять ту страшную истину, что это мертвое тѣло было живой братъ.

Блестящіе глаза строго и укоризненно взглянули на входившаго брата. И тотчасъ этимъ взглядомъ установилось живое отношеніе между живыми. Левинъ тотчасъ же почувствовалъ укоризну въ устремленномъ на него взглядѣ и раскаяніе за свое счастіе.

Когда Константинъ взялъ его за руку, Николай улыбнулся. Улыбка была слабая, чуть замѣтная, и, несмотря на улыбку, строгое выраженіе глазъ не измѣнилось.

— Ты не ожидалъ меня найдти такимъ,—съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Да... нѣтъ,—говорилъ Левинъ, путаясь въ словахъ.—Какъ же ты не далъ знать прежде, то-есть во время еще моей свадьбы? Я наводилъ справки вездѣ.

Надо было говорить, чтобы не молчать, а онъ не зналъ, что говорить, тѣмъ болѣе, что братъ ничего не отвѣчалъ, а только смотрѣлъ, не спуская глазъ, и очевидно вникалъ въ значеніе каждаго слова. Левинъ сообщилъ брату, что жена его пріѣхала съ нимъ. Николай выразилъ удовольствіе, но сказалъ, что боится испугать ее своимъ положеніемъ. Наступило молчаніе. Вдругъ Николай зашевелился и началъ что-то говорить. Левинъ ждалъ чего-нибудь особенно-значительнаго и важнаго по выраженію его лица, но Николай заговорилъ о своемъ здоровьѣ. Онъ обвинялъ доктора, жалѣлъ, что нѣтъ московскаго знаменитаго доктора, и Левинъ понялъ, что онъ все еще надѣялся.

Выбравъ первую минуту молчанія, Левинъ всталъ, желая избавиться хоть на минуту отъ мучительнаго чувства, и сказалъ, что пойдетъ приведетъ жену.

— Ну, хорошо, а я велю подчистить здѣсь. Здѣсь грязно и воняетъ я думаю. Маша! убери здѣсь,—съ трудомъ ска-

залъ больной.—Да какъ уберешь, сама уйди,—прибавилъ онъ, вопросительно глядя на брата.

Левинъ ничего не отвѣтилъ. Выйдя въ корридоръ, онъ остановился. Онъ сказалъ, что приведетъ жену, но теперь, давъ себѣ отчетъ въ томъ чувствѣ, которое онъ испытывалъ, онъ рѣшилъ, что, напротивъ, постарается уговорить ее, чтобъ она не ходила къ больному. „За что ей мучиться какъ я?“ подумалъ онъ.

— Ну, что, какъ? — съ испуганнымъ лицомъ спросила Кити.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! Зачѣмъ ты пріѣхала?—сказалъ Левинъ.

Кити помолчала нѣсколько секундъ, робко и жалостно глядя на мужа; потомъ подошла и обѣими руками взялась за его локоть.

— Костя, сведи меня къ нему, намъ легче будетъ вдвоемъ. Ты только сведи меня, сведи меня пожалуйста и уйди,—заговорила она.—Ты пойми, что мнѣ видѣть тебя и не видѣть его тяжеле гораздо. Тамъ я могу быть можетъ-быть полезна тебѣ и ему. Пожалуйста, позволь!—умоляла она мужа, какъ будто счастіе жизни ея зависѣло отъ этого.

Левинъ долженъ былъ согласиться, и, оправившись и совершенно забывъ уже про Марью Николаевну, онъ опять съ Кити пошелъ къ брату.

Легко ступая и безпрестанно взглядывая на мужа и показывая ему храброе и сочувственное лицо, она вошла въ комнату больнаго и, неторопливо повернувшись, безшумно затворила дверь. Неслышными шагами она быстро подошла къ одру больнаго, и зайдя такъ, чтобъ ему не нужно было поворачивать головы, тотчасъ же взяла въ свою свѣ-

жую молодую руку остовъ его огромной руки, пожала ее, и съ той, только женщинамъ свойственною, неоскорбляющею и сочувствующею тихою оживленностью начала говорить съ нимъ.

— Мы встрѣчались, но не были знакомы въ Соденѣ,— сказала она.—Вы не думали, что я буду ваша сестра.

— Вы бы не узнали меня?—сказалъ онъ съ просіявшею при ея входѣ улыбкой.

— Нѣтъ, я узнала бы. Какъ хорошо вы сдѣлали, что дали намъ знать! Не было дня, чтобы Костя не вспоминалъ о васъ и не безпокоился.

Но оживленіе больнаго продолжалось недолго.

Еще она не кончила говорить, какъ на лицѣ его установилось опять строгое, укоризненное выраженіе зависти умирающаго къ живому.

— Я боюсь, что вамъ здѣсь не совсѣмъ хорошо,—сказала она, отворачиваясь отъ его пристальнаго взгляда и оглядывая комнату.—Надо будетъ спросить у хозяина другую комнату,—сказала она мужу,—и потомъ чтобы намъ ближе быть.

XVIII.

Левинъ не могъ спокойно смотрѣть на брата, не могъ быть самъ естественъ и спокоенъ въ его присутствіи. Когда онъ входилъ къ больному, глаза и вниманіе его безсознательно застилались, и онъ не видѣлъ и не различалъ подробностей положенія брата. Онъ слышалъ ужасный запахъ, видѣлъ грязь, безпорядокъ и мучительное положеніе, и стоны, и чувствовалъ, что помочь этому нельзя. Ему въ голову не приходило подумать, чтобы разобрать всѣ

подробности состоянія больнаго, подумать о томъ, какъ лежало тамъ подъ одѣяломъ это тѣло, какъ, сгибаясь, уложены были эти исхудалыя голени, кострецы, спина, и нельзя ли какъ-нибудь лучше уложить ихъ, сдѣлать что-нибудь, чтобы было хоть не лучше, но менѣе дурно. Его морозъ пробиралъ по спинѣ, когда онъ начиналъ думать о всѣхъ этихъ подробностяхъ. Онъ былъ убѣжденъ несомнѣнно, что ничего сдѣлать нельзя ни для продленія жизни, ни для облегченія страданій. Но сознаніе того, что онъ признаетъ всякую помощь невозможною, чувствовалось больнымъ и раздражало его. И потому Левину было еще тяжелѣе. Быть въ комнатѣ больнаго было для него мучительно, не быть—еще хуже. И онъ безпрестанно, подъ разными предлогами, выходилъ, и опять входилъ, не въ силахъ будучи оставаться однимъ.

Но Кити думала, чувствовала и дѣйствовала совсѣмъ не такъ. При видѣ больнаго ей стало жалко его. И жалость въ ея женской душѣ произвела совсѣмъ не то чувство ужаса и гадливости, которое она произвела въ ея мужѣ, а потребность дѣйствовать, узнать всѣ подробности его состоянія и помочь ему. И такъ какъ въ ней не было на малѣйшаго сомнѣнія, что она должна помочь ему, она не сомнѣвалась и въ томъ, что это можно, и тотчасъ же принялась за дѣло. Тѣ самыя подробности, одна мысль о которыхъ приводила ея мужа въ ужасъ, тотчасъ же обратили ея вниманіе. Она послала за докторомъ, послала въ аптеку, заставила пріѣхавшую съ ней дѣвушку и Марью Николаевну мести, стирать пыль, мыть, что-то сама обмывала, промывала, что-то подкладывала подъ одѣяло. Что-то по ея распоряженію вносили и уносили изъ комнаты больнаго Сама

она нѣсколько разъ ходила въ свой нумеръ, не обращая вниманія на проходившихъ ей навстрѣчу господъ, доставала и приносила простыни, наволочки, полотенцы, рубашки.

Лакей, подававшій въ общей залѣ обѣдъ инженерамъ, нѣсколько разъ съ сердитымъ лицомъ приходилъ на ея зовъ и не могъ не исполнить ея приказанія, такъ какъ она съ такою ласковою настоятельностью отдавала ихъ, что никакъ нельзя было уйдти отъ нея. Левинъ не одобрялъ этого всего; онъ не вѣрилъ, чтобъ изъ этого вышла какая-нибудь польза для больнаго. Болѣе же всего онъ боялся, чтобы больной не разсердился. Но больной, хотя казалось и былъ равнодушенъ къ этому, не сердился, а только стыдился, вообще же какъ будто интересовался тѣмъ, что она надъ нимъ дѣлала. Вернувшись отъ доктора, къ которому посылала его Кити, Левинъ, отворивъ дверь, засталъ больнаго въ ту минуту, какъ ему, по распоряженію Кити, перемѣняли бѣлье. Длинный бѣлый остовъ спины съ огромными, выдающимися лопатками и торчащими ребрами и позвонками былъ обнаженъ, и Марья Николаевна съ лакеемъ запутались въ рукавѣ рубашки и не могли направить въ него длинную висѣвшую руку. Кити, поспѣшно затворившая дверь за Левинымъ, не смотрѣла въ ту сторону; но больной застоналъ, и она быстро направилась къ нему.

— Скорѣе же,—сказала она.

— Да не ходите, — проговорилъ сердито больной, — я самъ...

— Что говорите?—переспросила Марья Николаевна.

Но Кити разслышала и поняла, что ему совѣстно и непріятно было быть обнаженнымъ при ней.

— Я не смотрю, не смотрю! — сказала она, поправляя

руку. — Марья Николаевна, а вы зайдите съ той стороны, поправьте,—прибавила она.

— Поди пожалуйста, у меня въ маленькомъ мѣшочкѣ стляночку,—обратилась она къ мужу, — знаешь, въ боковомъ карманчикѣ, принеси пожалуйста, а покуда здѣсь уберутъ совсѣмъ.

Вернувшись со стклянкой, Левинъ нашелъ уже больнаго уложеннымъ и все вокругъ него совершенно измѣненнымъ. Тяжелый запахъ замѣнился запахомъ уксуса съ духами, который, выставивъ губы и раздувъ румяныя щеки, Кити прыскала въ трубочку. Пыли нигдѣ не было видно, подъ кроватью былъ коверъ. На столѣ стояли аккуратно стклянки, графинъ и сложено было нужное бѣлье и работа broderie anglaise Кити. На другомъ столѣ, у кровати больнаго, было питье, свѣча и порошки. Самъ больной, вымытый и причесанный, лежалъ на чистыхъ простыняхъ, на высоко поднятыхъ подушкахъ, въ чистой рубашкѣ съ бѣлымъ воротникомъ около неестественно тонкой шеи, и, съ новымъ выраженіемъ надежды, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Кити.

Привезенный Левинымъ и найденный въ клубѣ докторъ былъ не тотъ, который лѣчилъ Николая Левина и которымъ тотъ былъ недоволенъ. Новый докторъ досталъ трубочку и прослушалъ больнаго, покачалъ головой, прописалъ лѣкарство и съ особенною подробностью объяснилъ сначала, какъ принимать лѣкарство, потомъ какую соблюдать діэту. Онъ совѣтовалъ яйца сырыя или чуть свареныя и сельтерскую воду съ парнымъ молокомъ извѣстной температуры. Когда докторъ уѣхалъ, больной что-то сказалъ брату; но Левинъ разслышалъ только послѣднія слова: „твоя Ка-

тя“; по взгляду же, съ которымъ онъ посмотрѣлъ на нее, Левинъ понялъ, что онъ хвалилъ ее. Онъ подозвалъ и Катю, какъ онъ звалъ ее.

— Мнѣ гораздо ужъ лучше, — сказалъ онъ. — Вотъ съ вами я бы давно выздоровѣлъ. Какъ хорошо! — Онъ взялъ ея руку и потянулъ ее къ своимъ губамъ, но, какъ бы боясь, что это ей непріятно будетъ, раздумалъ, выпустилъ и только погладилъ ее. Кити взяла эту руку обѣими руками и пожала ее.

— Теперь переложите меня на лѣвую сторону и идите спать,—проговорилъ онъ.

Никто не разслышалъ того, что онъ сказалъ, одна Кити поняла. Она понимала потому, что не переставая слѣдила мыслью за тѣмъ, что ему нужно было.

— На другую сторону,—сказала она мужу, — онъ спитъ всегда на той. Переложи его,—непріятно звать слугъ. Я не могу. А вы не можете? — обратилась она къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Я боюсь,—отвѣчала Марья Николаевна.

Какъ ни страшно было Левину обнять руками это страшное тѣло, взяться за тѣ мѣста подъ одѣяломъ, про которыя онъ хотѣлъ не знать, но, поддаваясь вліянію жены, Левинъ сдѣлалъ свое рѣшительное лицо, какое знала его жена, и, запустивъ руки, взялся, но, несмотря на свою силу, былъ пораженъ странною тяжестью этихъ изможженныхъ членовъ. Пока онъ поворачивалъ его, чувствуя свою шею обнятою огромной исхудалой рукой, Кити быстро, неслышно перевернула подушку, подбила ее и поправила голову больнаго и рѣдкіе его волоса, опять прилипшіе на вискѣ.

Больной удержалъ въ своей рукѣ руку брата. Левинъ

чувствовалъ, что онъ хочетъ что-то сдѣлать съ его рукой и тянетъ ее куда-то. Левинъ отдавался замирая. Да, онъ притянулъ ее къ своему рту и поцѣловалъ. Левинъ затрясся отъ рыданія и, не въ силахъ ничего выговорить, вышелъ изъ комнаты.

XIX.

„Скрылъ отъ премудрыхъ и открылъ дѣтямъ и неразумнымъ". Такъ думалъ Левинъ про свою жену, разговаривая съ ней въ этотъ вечеръ.

Левинъ думалъ о евангельскомъ изреченіи не потому, чтобъ онъ считалъ себя премудрымъ. Онъ не считалъ себя премудрымъ, но не могъ не знать, что онъ былъ умнѣе жены и Агаѳьи Михайловны, и не могъ не знать того, что когда онъ думалъ о смерти, онъ думалъ всѣми силами души. Онъ зналъ тоже, что многіе мужскіе большіе умы, мысли которыхъ объ этомъ онъ читалъ, думали объ этомъ и не знали одной сотой того, что знали объ этомъ его жена и Агаѳья Михайловна. Какъ ни различны были эти двѣ женщины, Агаѳья Михайловна и Катя, какъ ее называлъ братъ Николай и какъ теперь Левину было особенно пріятно называть ее, онѣ въ этомъ были совершенно похожи. Обѣ несомнѣнно знали, что такое была жизнь и что такое была смерть, и хотя никакъ не могли отвѣтить и не поняли бы даже тѣхъ вопросовъ, которые представлялись Левину, — обѣ не сомнѣвались въ значеніи этого явленія и совершенно одинаково, не только между собой, но раздѣляя этотъ взглядъ съ милліонами людей, смотрѣли на это. Доказательство того, что онѣ знали твердо, что такое была смерть, состояло въ томъ, что онѣ, ни секунды не со-

мнѣваясь, знали, какъ надо дѣйствовать съ умирающими, и не боялись ихъ. Левинъ же и другіе, хотя и многое могли сказать о смерти, очевидно не знали, потому что боялись смерти, и рѣшительно не знали что̀ дѣлать, когда люди умираютъ. Еслибы Левинъ былъ теперь одинъ съ братомъ Николаемъ, онъ бы съ ужасомъ смотрѣлъ на него и еще съ большимъ ужасомъ ждалъ, и больше ничего бы не умѣлъ сдѣлать.

Мало того, онъ не зналъ что̀ говорить, какъ смотрѣть, какъ ходить. Говорить о постороннемъ ему казалось оскорбительнымъ, нельзя; говорить о смерти, о мрачномъ—тоже нельзя. Молчать—тоже нельзя. „Смотрѣть,—онъ подумаетъ, что я изучаю его, боюсь; не смотрѣть,—онъ подумаетъ, что я о другомъ думаю. Ходить на цыпочкахъ,—онъ будетъ недоволенъ; на всю ногу—совѣстно". Кити же очевидно не думала и не имѣла времени думать о себѣ; она думала о немъ, потому что знала что-то, и все выходило хорошо. Она и про себя разсказывала, и про свою свадьбу, и улыбалась, и жалѣла, и ласкала его, и говорила о случаяхъ выздоровленія, и все выходило хорошо; стало-быть она знала. Доказательствомъ того, что дѣятельность ея и Агаѳьи Михайловны была не инстинктивная, животная, неразумная, было то, что, кромѣ физическаго ухода, облегченія страданій, и Агаѳья Михайловна и Кити требовали для умирающаго еще чего-то такого, болѣе важнаго, чѣмъ физическій уходъ, и чего-то такого, что̀ не имѣло ничего общаго съ условіями физическими. Агаѳья Михайловна, говоря объ умершемъ старикѣ, сказала: „Что-жъ, слава Богу, причастили, особоровали, дай Богъ каждому такъ умереть". Катя точно такъ же, кромѣ всѣхъ заботъ о бѣльѣ, пролеж-

нияхъ, питьѣ, въ первый же день успѣла уговорить больнаго въ необходимости причаститься и собороваться.

Вернувшись отъ больнаго на ночь въ свои два нумера, Левинъ сидѣлъ опустивъ голову, не зная что̀ дѣлать. Не говоря уже о томъ, чтобъ ужинать, устраиваться на ночлегъ, обдумывать, что они будутъ дѣлать, онъ даже и говорить съ женою не могъ: ему совѣстно было. Кити же, напротивъ, была дѣятельнѣе обыкновеннаго. Она даже была оживленнѣе обыкновеннаго. Она велѣла принести ужинать, сама разобрала вещи, сама помогла стлать постели и не забыла обсыпать ихъ персидскимъ порошкомъ. Въ ней было возбужденіе и быстрота соображенія, которыя появляются у мужчинъ предъ сраженіемъ, борьбой, въ опасныя и рѣшительныя минуты жизни,—тѣ минуты, когда разъ навсегда мужчина показываетъ свою цѣну и то, что все прошедшее его было не даромъ, а приготовленіемъ къ этимъ минутамъ.

Все дѣло спорилось у нея, и еще не было двѣнадцати, какъ всѣ вещи были разобраны чисто, аккуратно, какъ-то такъ особенно, что нумеръ сталъ похожъ на домъ, на ея комнаты; постели постланы, щетки, гребни, зеркальца выложены, салфеточки постланы.

Левинъ находилъ, что непростительно ѣсть, спать, говорить даже теперь, и чувствовалъ, что каждое движеніе его было неприлично. Она же разбирала щеточки, но дѣлала все это такъ, что ничего въ этомъ оскорбительнаго не было.

Ѣсть однако они ничего не могли, и долго не могли заснуть, и даже долго не ложились спать.

— Я очень рада, что уговорила его завтра собороваться,— говорила она, сидя въ кофточкѣ передъ своимъ складнымъ

зеркаломъ и расчесывая частымъ гребнемъ мягкіе, душистые волосы.—Я никогда не видала этого, но знаю, мама мнѣ говорила, что тутъ молитвы объ исцѣленіи...

— Неужели ты думаешь, что онъ можетъ выздоровѣть?—сказалъ Левинъ, глядя на постоянно закрывавшійся, какъ только она впередъ проводила гребень, узкій рядъ назади ея круглой головки.

— Я спрашивала доктора: онъ сказалъ, что онъ не можетъ жить больше трехъ дней. Но развѣ они могутъ знать? Я все-таки очень рада, что уговорила его,—сказала она, косясь на мужа изъ-за волосъ.—Все можетъ быть,—прибавила она съ тѣмъ особеннымъ, нѣсколько хитрымъ выраженіемъ, которое на ея лицѣ всегда бывало, когда она говорила о религіи.

Послѣ ихъ разговора о религіи, когда они были еще женихомъ и невѣстой, ни онъ, ни она никогда не затѣвали разговора объ этомъ, но она исполняла свои обряды посѣщенія церкви, молитвы, всегда съ одинаковымъ спокойнымъ сознаніемъ, что это такъ нужно. Несмотря на его увѣренія въ противномъ, она была твердо увѣрена, что онъ такой же, и еще лучше христіанинъ, чѣмъ она, и что все то, что онъ говоритъ объ этомъ, есть одна изъ его смѣшныхъ мужскихъ выходокъ, какъ то, что онъ говорилъ про broderie anglaise: будто добрые люди штопаютъ дыры, а она ихъ нарочно вырѣзываетъ, и т. п.

— Да вотъ эта женщина, Марья Николаевна, не умѣла устроить всего этого,—сказалъ Левинъ.—И... долженъ признаться, что я очень, очень радъ, что ты пріѣхала. Ты такая чистота, что...—Онъ взялъ ея руку и не поцѣловалъ цѣловать ея руку въ этой близости смерти ему казалось

непристойнымъ), а только пожалъ ее съ виноватымъ выраженіемъ, глядя въ ея просвѣтлѣвшіе глаза.

— Тебѣ бы такъ мучительно было одному,—сказала она и, поднявъ высоко руки, которыя закрывали ея покраснѣвшія отъ удовольствія щеки, свернула на затылкѣ косы и зашпилила ихъ.—Нѣтъ,—продолжала она,—она не знала... Я, къ счастію, научилась многому въ Соденѣ.

— Неужели тамъ такіе же были больные?

— Хуже.

— Для меня ужасно то, что я не могу не видѣть его какимъ онъ былъ молодымъ... Ты не повѣришь, какой онъ былъ прелестный юноша, но я не понималъ его тогда.

— Очень, очень вѣрю. Какъ я чувствую, мы бы дружны *были* съ нимъ,—сказала она и испугалась за то, что сказала, оглянулась на мужа, и слезы выступили ей на глаза.

— Да, *были бы*,—сказалъ онъ грустно.—Вотъ именно одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они не для этого міра.

— Однако, намъ много предстоитъ дней, надо ложиться,—сказала Кити, взглянувъ на свои крошечные часы.

XX.

Смерть.

На другой день больнаго причастили и соборовали. Во время обряда Николай Левинъ горячо молился. Въ большихъ глазахъ его, устремленныхъ на поставленный на ломберномъ, покрытомъ цвѣтною салфеткой, столѣ образъ, выражалась такая страстная мольба и надежда, что Левину было ужасно смотрѣть на это. Левинъ зналъ, что эта

страстная мольба и надежда сдѣлаютъ только еще тяжелѣе для него разлуку съ жизнью, которую онъ такъ любилъ. Левинъ зналъ брата и ходъ его мыслей; онъ зналъ, что невѣріе его произошло не потому, что ему легче было жить безъ вѣры, но потому, что шагъ за шагомъ современно-научныя объясненія явленій міра вытѣснили вѣрованія,— и потому онъ зналъ, что теперешнее возвращеніе его не было законное, совершившееся путемъ той же мысли, но было только временное, корыстное, съ безумною надеждой исцѣленія. Левинъ зналъ тоже, что Кити усилила эту надежду еще разсказами о слышанныхъ ею необыкновенныхъ исцѣленіяхъ. Все это зналъ Левинъ; и ему мучительно больно было смотрѣть на этотъ умоляющій, полный надежды взглядъ и на эту исхудалую кисть руки, съ трудомъ поднимающуюся и кладущую крестное знаменіе на туго-обтянутый лобъ, на эти выдающіяся плечи и хрипящую пустую грудь, которые уже не могли вмѣстить въ себѣ той жизни, о которой больной просилъ. Во время таинства Левинъ и дѣлалъ то, что онъ, невѣрующій, тысячу разъ дѣлалъ. Онъ говорилъ, обращаясь къ Богу: „сдѣлай, если Ты существуешь, то, чтобъ исцѣлился этотъ человѣкъ (вѣдь это самое повторялось много разъ), и Ты спасешь его и меня“.

Послѣ помазанія больному стало вдругъ гораздо лучше. Онъ не кашлялъ ни разу въ продолженіе часа, улыбался, цѣловалъ руку Кити, со слезами благодаря ее, и говорилъ, что ему хорошо, нигдѣ не больно и что онъ чувствуетъ аппетитъ и силу. Онъ даже самъ поднялся, когда ему принесли супъ, и попросилъ еще котлету. Какъ ни безнадеженъ онъ былъ, какъ ни очевидно было при взглядѣ на

него, что онъ не можетъ выздоровѣть, Левинъ и Кити находились этотъ часъ въ одномъ и томъ же счастливомъ и робкомъ, какъ бы не ошибиться, возбужденіи.

— Лучше? — Да, гораздо. — Удивительно!—Ничего нѣтъ удивительнаго.—Все-таки лучше,—говорили они шепотомъ, улыбаясь другъ другу.

Обольщеніе это было непродолжительно. Больной заснулъ спокойно, но черезъ полчаса кашель разбудилъ его. И вдругъ исчезли всѣ надежды и въ окружающихъ его и въ немъ самомъ. Дѣйствительность страданія, безъ сомнѣнія, даже безъ воспоминаній о прежнихъ надеждахъ, разрушила ихъ въ Левинѣ и Кити и въ самомъ больномъ.

Не понимая даже о томъ, чему онъ вѣрилъ полчаса назадъ, какъ будто совѣстно и вспоминать объ этомъ, онъ потребовалъ, чтобъ ему дали іоду для вдыханія, въ стклянкѣ, покрытой бумажкой съ проткнутыми дырочками. Левинъ подалъ ему банку, и тотъ же взглядъ страстной надежды, съ которою онъ соборовался, устремился теперь на брата, требуя отъ него подтвержденія словъ доктора о томъ, что вдыханія іода производятъ чудеса.

— Что, Кити нѣтъ?—прохрипѣлъ онъ, оглядываясь, когда Левинъ неохотно подтвердилъ слова доктора. — Нѣтъ, такъ можно сказать... Для нея я продѣлалъ эту комедію,— она такая милая; но уже намъ съ тобою нельзя обманывать себя. Вотъ этому я вѣрю,—сказалъ онъ и, сжимая стклянку костлявой рукой, сталъ дышать надъ ней.

Въ восьмомъ часу вечера Левинъ съ женой пилъ чай въ своемъ нумерѣ, когда Марья Николаевна, запыхавшись, прибѣжала къ нимъ. Она была блѣдна и губы ея дрожали. „Умираетъ!—прошептала она.—Я боюсь, сейчасъ умретъ“.

Оба побѣжали къ нему. Онъ, поднявшись, сидѣлъ, облокотившись рукой на кровати, согнувъ свою длинную спину и низко опустивъ голову.

— Что ты чувствуешь?—спросилъ шепотомъ Левинъ послѣ молчанія.

— Чувствую, что отправляюсь,—съ трудомъ, но съ чрезвычайною опредѣленностью, медленно выжимая изъ себя слова, проговорилъ Николай. Онъ не поднималъ головы, но только направлялъ глаза вверхъ, не достигая ими лица брата.—Катя, уйди!—проговорилъ онъ еще.

Левинъ вскочилъ и повелительнымъ шепотомъ заставилъ ее выдти.

— Отправляюсь,—сказалъ онъ опять.

— Почему ты думаешь?—сказалъ Левинъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Потому что отправляюсь,—какъ-будто полюбивъ это выраженіе, повторилъ онъ.—Конецъ.

Марья Николаевна подошла къ нему.

— Вы бы легли, вамъ легче,—сказала она.

— Скоро буду лежать,—тихо проговорилъ онъ,—мертвый,—сказалъ онъ насмѣшливо, сердито.—Ну, положите, коли хотите.

Левинъ положилъ брата на спину, сѣлъ подлѣ него и, не дыша, глядѣлъ на его лицо. Умирающій лежалъ, закрывъ глаза, но на лбу его изрѣдка шевелились мускулы, какъ у человѣка, который глубоко и напряженно думаетъ. Левинъ невольно думалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ, что такое совершается теперь въ немъ, но, несмотря на всѣ усилія мысли, чтобъ идти съ нимъ вмѣстѣ, онъ видѣлъ по выраженію этого спокойнаго, строгаго лица и игрѣ мускула надъ бровью,

что для умирающаго уясняется и уясняется то, что все такъ же темно остается для Левина...

— Да, да, такъ, — съ разстановкой, медленно проговорилъ умирающій. — Постойте. — Опять онъ помолчалъ. — Такъ!—вдругъ успокоительно протянулъ онъ, какъ будто все разрѣшилось для него.—О, Господи! —проговорилъ онъ и тяжело вздохнулъ.

Марья Николаевна пощупала его ноги. „Холодѣютъ", прошептала она.

Долго, очень долго, какъ показалось Левину, больной лежалъ неподвижно. Но онъ все еще былъ живъ и изрѣдка вздыхалъ. Левинъ уже усталъ отъ напряженія мысли. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на все напряженіе мысли, онъ не могъ понять то, что было *такъ*. Онъ чувствовалъ, что давно уже отсталъ отъ умирающаго. Онъ не могъ уже думать о самомъ вопросѣ смерти, но невольно ему приходили мысли о томъ, что теперь, сейчасъ, придется ему дѣлать: закрывать глаза, одѣвать, заказывать гробъ. И странное дѣло, онъ чувствовалъ себя совершенно холоднымъ и не испытывалъ ни горя, ни потери, ни еще меньше жалости къ брату. Если было у него чувство къ брату теперь, то скорѣе зависть за то знаніе, которое имѣетъ теперь умирающій, но котораго онъ не можетъ имѣть.

Онъ еще долго сидѣлъ такъ надъ нимъ, все ожидая конца. Но конецъ не приходилъ. Дверь отворилась, и показалась Кити. Левинъ всталъ, чтобъ остановить ее. Но въ то время, какъ онъ вставалъ, онъ услыхалъ движеніе мертвеца.

— Не уходи,—сказалъ Николай и протянулъ руку. Левинъ подалъ ему свою и сердито замахалъ женѣ, чтобъ она ушла.

Съ рукой мертвеца въ своей рукѣ онъ сидѣлъ полчаса,

часъ, еще часъ. Онъ теперь уже вовсе не думалъ о смерти. Онъ думалъ о томъ, что дѣлаетъ Кити? Кто живетъ въ сосѣднемъ нумерѣ? Свой ли домъ у доктора? Ему захотѣлось ѣсть и спать. Онъ осторожно выпросталъ руку и ощупалъ ноги. Ноги были холодны, но больной дышалъ. Левинъ опять на цыпочкахъ хотѣлъ выдти, но больной опять зашевелился и сказалъ „не уходи“ . . . .
. . . .
. . . .

Развѣло; положеніе больнаго было то же. Левинъ потихоньку выпросталъ руку, не глядя на умирающаго, ушелъ къ себѣ и заснулъ. Когда онъ проснулся, вмѣсто извѣстія о смерти брата, котораго онъ ждалъ, онъ узналъ, что больной пришелъ въ прежнее состояніе. Онъ опять сталъ садиться, кашлять, сталъ опять ѣсть, сталъ говорить, и опять перестал говорить о смерти, опять сталъ выражать надежду на выздоровленіе, и сдѣлался еще раздражительнѣе и и мрачнѣе, чѣмъ прежде. Никто, ни братъ, ни Кити не могли успокоить его. Онъ на всѣхъ сердился и всѣмъ говорилъ непріятности, всѣхъ упрекалъ въ своихъ страданіяхъ и требовалъ, чтобъ ему привезли знаменитаго доктора изъ Москвы. На всѣ вопросы, которые ему дѣлали о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ одинаково съ выраженіемъ злобы и упрека: страдаю ужасно, невыносимо!

Больной страдалъ все больше и больше, въ особенности отъ пролежней, которые нельзя уже было залѣчить, и все больше и больше сердился на окружающихъ, упрекая ихъ во всемъ, и въ особенности за то, что ему не привозили доктора изъ Москвы. Кити всячески старалась помочь ему, успокоить его; но все было напрасно, и Левинъ видѣлъ,

что она сама и физически и нравственно была измучена, хотя и не признавалась въ этомъ. То чувство смерти, которое было вызвано во всѣхъ его прощаніемъ съ жизнью въ ту ночь, когда онъ призвалъ брата, было разрушено. Всѣ знали, что онъ неизбѣжно и скоро умретъ, что онъ на половину мертвъ уже. Всѣ одного только желали, чтобъ онъ какъ можно скорѣе умеръ, и всѣ, скрывая это, давали ему изъ стклянки лѣкарства, искали лѣкарствъ, докторовъ, и обманывали его, и себя, и другъ друга. Все это была ложь, гадкая, оскорбительная и кощунственная ложь. И эту ложь, и по свойству своего характера, и потому что онъ больше всѣхъ любилъ умирающаго, Левинъ особенно больно чувствовалъ.

Левинъ, котораго давно занимала мысль о томъ, чтобы помирать братьевъ хотя передъ смертью, писалъ брату Сергѣю Ивановичу, и получивъ отъ него отвѣтъ, прочелъ это письмо больному. Сергѣй Ивановичъ писалъ, что не можетъ самъ пріѣхать, но въ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ прощенія у брата.

Больной ничего не сказалъ.

— Что же мнѣ написать ему?—спросилъ Левинъ. —Надѣюсь, ты не сердишься на него?

— Нѣтъ, нисколько!—съ досадой на этотъ вопросъ отвѣчалъ Николай.—Напиши ему, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ доктора.

Прошли еще мучительные три дня; больной былъ все въ томъ же положеніи. Чувство желанія его смерти испытывали теперь всѣ, кто только видѣлъ его, и лакеи гостиницы, и хозяинъ ея, и всѣ постояльцы, и докторъ, и Марья Николаевна, и Левинъ, и Кити. Только одинъ больной не

выражалъ этого чувства, а напротивъ сердился за то, что не привезли доктора, и продолжалъ принимать лѣкарство, и говорилъ о жизни. Только въ рѣдкія минуты, когда опіумъ заставлялъ его на мгновеніе забыться отъ непрестанныхъ страданій, онъ въ полуснѣ иногда говорилъ то, что сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, было въ его душѣ: „Ахъ, хоть бы одинъ конецъ!“ или: „когда это кончится!“

Страданія, равномѣрно увеличиваясь, дѣлали свое дѣло и приготовляли его къ смерти. Не было положенія, въ которомъ бы онъ не страдалъ; не было минуты, въ которую бы онъ забылся; не было мѣста, члена его тѣла, которые бы не болѣли, не мучили его. Даже воспоминанія, впечатлѣнія, мысли этого тѣла теперь уже возбуждали въ немъ такое же отвращеніе, какъ и самое тѣло. Видъ другихъ людей, ихъ рѣчи, свои собственныя воспоминанія—все это было для него только мучительно. Окружающіе чувствовали это и, безсознательно, не позволяли себѣ при немъ ни свободныхъ движеній, ни разговоровъ, ни выраженія своихъ желаній. Вся жизнь его сливалась въ одно чувство страданія и желанія избавиться отъ него.

Въ немъ очевидно совершался тотъ переворотъ, который долженъ былъ заставить его смотрѣть на смерть какъ на удовлетвореніе его желаній, какъ на счастіе. Прежде каждое отдѣльное желаніе, вызванное страданіемъ или лишеніемъ, какъ голодъ, усталость, жажда, удовлетворялись отправленіемъ тѣла, дававшимъ наслажденіе; но теперь лишеніе и страданіе не получали удовлетворенія, а попытка удовлетворенія вызывала новое страданіе. И потому всѣ желанія сливались въ одно—желаніе избавиться отъ всѣхъ страданій и ихъ источника—тѣла. Но для выраженія этого

желанія освобожденія не было у него словъ, и потому онъ не говорилъ объ этомъ, а по привычкѣ требовалъ удовлетворенія тѣхъ желаній, которыя уже не могли быть исполнены. „Переложите меня на другой бокъ, — говорилъ онъ и тотчасъ послѣ требовалъ, чтобъ его положили какъ прежде. — Дайте бульону. Унесите бульонъ. Разскажите что-нибудь, что вы молчите". И какъ только начинали говорить, онъ закрывалъ глаза и выражалъ усталость, равнодушіе и отвращеніе.

На десятый день послѣ пріѣзда въ городъ Кити заболѣла. У нея сдѣлалась головная боль, рвота, и она все утро не могла встать съ постели.

Докторъ объяснилъ, что болѣзнь произошла отъ усталости, волненія, и предписалъ ей душевное спокойствіе.

Послѣ обѣда, однако, Кити встала и пошла, какъ всегда, съ работой къ больному. Онъ строго посмотрѣлъ на нее, когда она вошла, и презрительно улыбнулся, когда она сказала, что была больна. Въ этотъ день онъ безпрестанно сморкался и жалобно стоналъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросила она его.

— Хуже,—съ трудомъ выговорилъ онъ.—Больно!

— Гдѣ больно?

— Вездѣ.

— Нынче кончится, посмотрите, — сказала Марья Николаевна, хотя и шепотомъ, но такъ, что больной, очень чуткій, какъ замѣчалъ Левинъ, долженъ былъ слышать ее. Левинъ зашикалъ на нее и оглянулся на больнаго. Николай слышалъ; но эти слова не произвели на него никакого впечатлѣнія. Взглядъ его былъ все тотъ же укоризненный и напряженный.

— Отчего вы думаете?—спросилъ Левинъ ее, когда она вышла за нимъ въ корридоръ.

— Сталъ обирать себя,—сказала Марья Николаевна.

— Какъ обирать?

— Вотъ такъ,—сказала она, обдергивая складки своего шерстяного платья. Дѣйствительно, Левинъ замѣтилъ, что во весь этотъ день больной хваталъ на себѣ и какъ будто хотѣлъ сдергивать что-то.

Предсказаніе Марьи Николаевны было вѣрно. Больной къ ночи уже былъ не въ силахъ поднимать рукъ и только смотрѣлъ передъ собой, не измѣняя внимательно сосредоточеннаго выраженія взгляда. Даже когда братъ или Кити наклонялись надъ нимъ, такъ чтобъ онъ могъ ихъ видѣть, онъ такъ же смотрѣлъ. Кити послала за священникомъ, чтобы читать отходную.

Пока священникъ читалъ отходную, умирающій не показывалъ никакого признака жизни; глаза были закрыты. Левинъ, Кити и Марья Николаевна стояли у постели. Молитва еще не была дочтена священникомъ, какъ умирающій потянулся, вздохнулъ и открылъ глаза. Священникъ, окончивъ молитву, приложилъ къ холодному лбу крестъ, потомъ медленно завернулъ его въ епитрахиль и, постоявъ еще молча минуты двѣ, дотронулся до похолодѣвшей и безкровной огромной руки.

— Кончился,—сказалъ священникъ и хотѣлъ отойдти; но вдругъ слипшіеся усы мертвеца шевельнулись, и ясно въ тишинѣ послышались изъ глубины груди опредѣленно-рѣзкіе звуки:

— Не совсѣмъ... Скоро.

И черезъ минуту лицо просвѣтлѣло, подъ усами высту-

нила улыбка и собравшіяся женщины озабоченно принялись убирать покойника.

Видъ брата и близость смерти возобновили въ душѣ Левина то чувство ужаса передъ неразгаданностью и вмѣстѣ близостью и неизбѣжностью смерти, которое охватило его въ тотъ осенній вечеръ, когда пріѣхалъ къ нему братъ. Чувство это теперь было еще сильнѣе, чѣмъ прежде; еще менѣе, чѣмъ прежде, онъ чувствовалъ себя способнымъ понять смыслъ смерти, и еще ужаснѣе представлялась ему ея неизбѣжность; но теперь, благодаря близости жены, чувство это не приводило его въ отчаяніе: онъ, несмотря на смерть, чувствовалъ необходимость жить и любить. Онъ чувствовалъ, что любовь спасла его отъ отчаянія, и что любовь эта подъ угрозой отчаянія становилась еще сильнѣе и чище.

Не успѣла на его глазахъ совершиться одна тайна смерти, оставшаяся неразгаданной, какъ возникла другая, столь же неразгаданная, вызывавшая къ любви и жизни.

Докторъ подтвердилъ свои предположенія насчетъ Кити. Нездоровье ея была беременность.

XXI.

Съ той минуты, какъ Алексѣй Александровичъ понялъ изъ объясненій съ Бетси и со Степаномъ Аркадьевичемъ, что отъ него требовалось только то, чтобъ онъ оставилъ свою жену въ покоѣ, не утруждая ея своимъ присутствіемъ, и что сама жена его желала этого, онъ почувствовалъ себя столь потеряннымъ, что не могъ ничего самъ рѣшить, не зналъ самъ, чего онъ хотѣлъ теперь, и, отдавшись въ

руки тѣхъ, которые съ такимъ удовольствіемъ занимались его дѣлами, на все отвѣчалъ согласіемъ. Только когда Анна уже уѣхала изъ его дома и англичанка прислала спросить его, должна ли она обѣдать съ нимъ или отдѣльно, онъ въ первый разъ понялъ ясно свое положеніе и ужаснулся ему.

Труднѣе всего въ этомъ положеніи было то, что онъ никакъ не могъ соединить и примирить своего прошедшаго съ тѣмъ, что̀ теперь было. Не то прошедшее, когда онъ счастливо жилъ съ женой, смущало его. Переходъ отъ того прошедшаго къ знанію о невѣрности жены онъ страдальчески пережилъ уже; состояніе это было тяжело, но было понятно ему. Еслибы жена тогда, объявивъ о своей невѣрности, ушла отъ него, онъ былъ бы огорченъ, несчастливъ, но онъ не былъ бы въ томъ для самого себя безвыходномъ, непонятномъ положеніи, въ какомъ онъ чувствовалъ себя теперь. Онъ не могъ теперь никакъ примирить свое недавнее прощеніе, свое умиленіе, свою любовь къ больной женѣ и чужому ребенку—съ тѣмъ, что теперь было, то-есть съ тѣмъ, что, какъ бы въ награду за все это, онъ теперь очутился одинъ, опозоренный, осмѣянный, никому ненужный и всѣми презираемый.

Первые два дня послѣ отъѣзда жены Алексѣй Александровичъ принималъ просителей, правителя дѣлъ, ѣздилъ въ комитетъ и выходилъ обѣдать въ столовую, какъ и обыкновенно. Не давая себѣ отчета, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ всѣ силы своей души напрягалъ въ эти два дня только на то, чтобъ имѣть видъ спокойный и даже равнодушный. Отвѣчая на вопросы о томъ, какъ распорядиться съ вещами и комнатами Анны Аркадьевны, онъ дѣлалъ

величайшія усилія надъ собой, чтобъ имѣть видъ человѣка, для котораго случившееся событіе не было непредвидѣннымъ и не имѣетъ въ себѣ ничего выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ событій, и онъ достигалъ своей цѣли: никто не могъ замѣтить въ немъ признаковъ отчаянія. Но на второй день послѣ отъѣзда, когда Корней подалъ ему счетъ изъ моднаго магазина, который забыла заплатить Анна, и доложилъ, что прикащикъ самъ тутъ, Алексѣй Александровичъ велѣлъ позвать прикащика.

— Извините, ваше превосходительство, что осмѣливаюсь безпокоить васъ. Но если прикажете обратиться къ ея превосходительству, то не благоволите ли сообщить ихъ адресъ.

Алексѣй Александровичъ задумался, какъ показалось прикащику, и вдругъ, повернувшись, сѣлъ къ столу. Опустивъ голову на руки, онъ долго сидѣлъ въ этомъ положеніи, нѣсколько разъ пытался заговорить и останавливался.

Понявъ чувства барина, Корней попросилъ прикащика придти въ другой разъ. Оставшись опять одинъ, Алексѣй Александровичъ понялъ, что онъ не въ силахъ болѣе выдерживать роль твердости и спокойствія. Онъ велѣлъ отложить дожидавшуюся карету, никого не велѣлъ принимать и не вышелъ обѣдать.

Онъ почувствовалъ, что ему не выдержать того всеобщаго напора презрѣнія и ожесточенія, которыя онъ ясно видѣлъ на лицѣ и этого прикащика, и Корнея, и всѣхъ безъ исключенія, кого онъ встрѣчалъ въ эти два дня. Онъ чувствовалъ, что не можетъ отвратить отъ себя ненависти людей, потому что ненависть эта происходила не отъ того, что онъ былъ дуренъ (тогда бы онъ могъ стараться быть лучше), но отъ того, что онъ постыдно и отвратительно не-

счастливъ. Онъ зналъ, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будутъ безжалостны къ нему. Онъ чувствовалъ, что люди уничтожатъ его, какъ собаки задушатъ истерзанную, визжащую отъ боли собаку. Онъ зналъ, что единственное спасеніе отъ людей—скрыть отъ нихъ свои раны, и онъ это безсознательно пытался дѣлать два дня, но теперь почувствовалъ себя уже не въ силахъ продолжать эту неравную борьбу.

Отчаяніе его еще усиливалось сознаніемъ, что онъ былъ совершенно одинокъ съ своимъ горемъ. Не только въ Петербургѣ у него не было ни одного человѣка, кому бы онъ могъ высказать все, что испытывалъ, кто бы пожалѣлъ его не какъ высшаго чиновника, не какъ члена общества, но просто какъ страдающаго человѣка; но и нигдѣ у него не было такого человѣка.

Алексѣй Александровичъ росъ сиротой. Ихъ было два брата. Отца они не помнили, мать умерла, когда Алексѣю Александровичу было десять лѣтъ. Состояніе было маленькое. Дядя Каренинъ, важный чиновникъ и когда-то любимецъ покойнаго императора, воспиталъ ихъ.

Окончивъ курсы въ гимназіи и университетѣ съ медалями, Алексѣй Александровичъ съ помощью дяди тотчасъ сталъ на видную служебную дорогу и съ той поры исключительно отдался служебному честолюбію. Ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни послѣ на службѣ Алексѣй Александровичъ не завязалъ ни съ кѣмъ дружескихъ отношеній. Братъ былъ самый близкій ему по душѣ человѣкъ, но онъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, жилъ всегда

за границей, гдѣ онъ и умеръ скоро послѣ женитьбы Алексѣя Александровича.

Во время его губернаторства, тетка Анны, богатая губернская барыня, свела хотя немолодаго уже человѣка, но молодаго губернатора, со своею племянницей и поставила его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ или высказаться, или уѣхать изъ города. Алексѣй Александровичъ долго колебался. Столько же доводовъ было тогда за этотъ шагъ, сколько и противъ, и не было того рѣшительнаго повода, который бы заставилъ его измѣнить своему правилу: воздерживаться въ сомнѣніи; но тетка Анны внушила ему черезъ знакомаго, что онъ уже компрометировалъ дѣвушку и что долгъ чести обязываетъ его сдѣлать предложеніе. Онъ сдѣлалъ предложеніе, и отдалъ невѣстѣ и женѣ все то чувство, на которое былъ способенъ.

Та привязанность, которую онъ испытывалъ къ Аннѣ, исключила въ его душѣ послѣднія потребности сердечныхъ отношеній къ людямъ. И теперь изо всѣхъ его знакомыхъ у него не было никого близкаго. Много было того, что называется связями, но дружескихъ отношеній не было. Было у Алексѣя Александровича много такихъ людей, которыхъ онъ могъ позвать къ себѣ обѣдать, попросить объ участіи въ интересовавшемъ его дѣлѣ, о протекціи какому-нибудь искателю, съ которыми онъ могъ обсуждать откровенно дѣйствія другихъ лицъ и высшаго правительства; но отношенія къ этимъ лицамъ были заключены въ одну твердо-опредѣленную обычаемъ и привычкой область, изъ которой невозможно было выйдти. Былъ одинъ университетскій товарищъ, съ которымъ онъ сблизился послѣ и съ которымъ онъ могъ бы поговорить о личномъ горѣ; но товарищъ этотъ былъ

попечителемъ въ дальнемъ учебномъ округѣ. Изъ лицъ же бывшихъ въ Петербургѣ ближе и возможнѣе всѣхъ были правитель канцеляріи и докторъ.

Михаилъ Васильевичъ Слюдинъ, правитель дѣлъ, былъ простой, умный, добрый и нравственный человѣкъ, и въ немъ Алексѣй Александровичъ чувствовалъ личное къ себѣ расположеніе; но пятилѣтняя служебная ихъ дѣятельность положила между ними преграду для душевныхъ объясненій.

Алексѣй Александровичъ, окончивъ подписку бумагъ, долго молчалъ, взглядывая на Михаила Васильевича, и нѣсколько разъ пытался, но не могъ заговорить. Онъ приготовилъ уже фразу: „вы слышали о моемъ горѣ?“ Но кончилъ тѣмъ, что сказалъ какъ и обыкновенно: — Такъ вы это приготовите мнѣ, —и съ тѣмъ отпустилъ его.

Другой человѣкъ былъ докторъ, который тоже былъ хорошо расположенъ къ нему; но между ними уже давно было молчаливымъ соглашеніемъ признано, что оба завалены дѣлами и обоимъ надо торопиться.

О женскихъ своихъ друзьяхъ и о первѣйшемъ изъ нихъ, о графинѣ Лидіи Ивановнѣ, Алексѣй Александровичъ не думалъ. Всѣ женщины, просто какъ женщины, были страшны и противны ему.

XXII.

Алексѣй Александровичъ забылъ о графинѣ Лидіи Ивановнѣ, но она не забыла его. Въ эту самую тяжелую минуту одинокаго отчаянія она пріѣхала къ нему и безъ доклада вошла въ его кабинетъ. Она застала его въ томъ положеніи, въ которомъ онъ сидѣлъ, опершись головой на обѣ руки.

— J'ai forcé la consigne, — сказала она, входя быстрыми шагами и тяжело дыша отъ волненія и быстраго движенія.— Я все слышала! Алексѣй Александровичъ, другъ мой!—продолжала она, крѣпко, обѣими руками пожимая его руку и глядя ему въ глаза своими прекрасными задумчивыми глазами.

Алексѣй Александровичъ, хмурясь, привсталъ и, выпроставъ отъ нея руку, подвинулъ ей стулъ.

— Не угодно ли, графиня? Я не принимаю, потому что я боленъ, графиня,—сказалъ онъ, и губы его задрожали.

— Другъ мой!— повторила графиня Лидія Ивановна, не спуская съ него глазъ, и вдругъ брови ея поднялись внутренними сторонами, образуя треугольникъ на лбу, некрасивое желтое лицо ея стало еще некрасивѣе; но Алексѣй Александровичъ почувствовалъ, что она жалѣетъ его и готова плакать. И на него нашло умиленіе: онъ схватилъ ея пухлую руку и сталъ цѣловать ее.

— Другъ мой! — сказала она прерывающимся отъ волненія голосомъ.—Вы не должны отдаваться горю. Горе ваше велико, но вы должны найдти утѣшеніе.

— Я разбитъ, я убитъ, я не человѣкъ болѣе! — сказалъ Алексѣй Александровичъ, выпуская ея руку, но продолжая глядѣть въ ея наполненные слезами глаза. — Положеніе мое тѣмъ ужасно, что я не нахожу нигдѣ, въ самомъ себѣ не нахожу точки опоры.

— Вы найдете опору, ищите ее не во мнѣ, хотя прошу васъ вѣрить въ мою дружбу, — сказала она со вздохомъ.— Опора наша есть любовь,—та любовь, которую Онъ завѣщалъ намъ. Бремя Его легко,— сказала она съ тѣмъ восторженнымъ взглядомъ, который такъ зналъ Алексѣй Александровичъ.—Онъ поддержитъ васъ и поможетъ вамъ.

Несмотря на то, что въ этихъ словахъ было то умиленіе передъ своими высокими чувствами и было то, казавшееся Алексѣю Александровичу излишнимъ, новое, восторженное, недавно распространившееся въ Петербургѣ мистическое настроеніе, Алексѣю Александровичу пріятно было это слышать теперь.

— Я слабъ. Я уничтоженъ. Я ничего не предвидѣлъ, и теперь ничего не понимаю.

— Другъ мой,—повторила Лидія Ивановна.

— Не потеря того, чего нѣтъ теперь, не это! — продолжалъ Алексѣй Александровичъ.—Я не жалѣю. Но я не могу не стыдиться передъ людьми за то положеніе, въ которомъ я нахожусь. Это дурно, но я не могу, я не могу.

— Не вы совершили тотъ высокій поступокъ прощенія, которымъ я восхищаюсь и всѣ, но Онъ, обитая въ вашемъ сердцѣ, — сказала графиня Лидія Ивановна, восторженно поднимая глаза,—и потому вы не можете стыдиться своего поступка.

Алексѣй Александровичъ нахмурился и, загнувъ руки, сталъ трещать пальцами.

— Надо знать всѣ подробности, — сказалъ онъ тонкимъ голосомъ.—Силы человѣка имѣютъ предѣлы, графиня, и я нашелъ предѣлъ своихъ. Цѣлый день нынче я долженъ былъ дѣлать распоряженія, распоряженія по дому, вытекавшія (онъ налегъ на слово *вытекавшія*) изъ моего новаго, одинокаго положенія. Прислуга, гувернантка, счеты... Этотъ мелкій огонь сжегъ меня, я не въ силахъ былъ выдержать. За обѣдомъ... я вчера едва не ушелъ отъ обѣда. Я не могъ перенести того, какъ сынъ мой смотрѣлъ на меня. Онъ не спрашивалъ меня о значеніи всего этого,

но онъ хотѣлъ спросить, и я не могъ выдержать этого взгляда. Онъ боялся смотрѣть на меня, но этого мало...— Алексѣй Александровичъ хотѣлъ упомянуть про счетъ, который принесли ему, но голосъ его задрожалъ, и онъ остановился. Про этотъ счетъ, на синей бумагѣ, за шляпку, ленты, онъ не могъ вспомнить безъ жалости къ самому себѣ.

— Я понимаю, другъ мой,—сказала графиня Лидія Ивановна. — Я все понимаю. Помощь и утѣшеніе вы найдете не во мнѣ, но я все-таки пріѣхала только за тѣмъ, чтобы помочь вамъ, если могу. Еслибъ я могла снять съ васъ всѣ эти мелкія унижающія заботы... Я понимаю, что нужно женское слово, женское распоряженіе. Вы поручаете мнѣ?

Алексѣй Александровичъ молча и благодарно пожалъ ея руку.

— Мы вмѣстѣ займемся Сережей. Я не сильна въ практическихъ дѣлахъ. Но я возьмусь, я буду ваша экономка. Не благодарите меня. Я дѣлаю это не сама...

— Я не могу не благодарить.

— Но, другъ мой, не отдавайтесь этому чувству, о которомъ вы говорили—стыдиться того, что есть высшая высота христіанина: *кто унижаетъ себя тотъ возвысится*. И благодарить меня вы не можете. Надо благодарить Его и просить Его о помощи. Въ Немъ одномъ мы найдемъ спокойствіе, утѣшеніе, спасеніе и любовь, — сказала она и, поднявъ глаза къ небу, начала молиться, какъ понялъ Алексѣй Александровичъ по ея молчанію.

Алексѣй Александровичъ слушалъ ее теперь, и тѣ выраженія, которыя прежде не то что были непріятны ему, а казались излишними, теперь показались естественны и утѣ-

шительны. Алексѣй Александровичъ не любилъ этотъ новый восторженный духъ. Онъ былъ вѣрующій человѣкъ, интересовавшійся религіей преимущественно въ политическомъ смыслѣ, и новое ученіе, позволявшее себѣ нѣкоторыя новыя толкованія, потому именно, что оно открывало двери спору и анализу, по принципу было непріятно ему. Онъ прежде относился холодно и даже враждебно къ этому новому ученію, и съ графиней Лидіей Ивановной, увлекавшеюся имъ, никогда не спорилъ, а старательно обходилъ молчаніемъ ея вызовы. Теперь же въ первый разъ онъ слушалъ ея слова съ удовольствіемъ и внутренно не возражалъ имъ.

— Я очень, очень благодаренъ вамъ и за дѣла, и за слова ваши,—сказалъ онъ, когда она кончила молиться.

Графиня Лидія Ивановна еще разъ пожала обѣ руки своего друга.

— Теперь я приступаю къ дѣлу,—сказала она съ улыбкой, помолчавъ и отирая съ лица остатки слезъ.—Я иду къ Сережѣ. Только въ крайнемъ случаѣ я обращусь къ вамъ.— И она встала и вышла.

Графиня Лидія Ивановна пошла на половину Сережи, и тамъ, обливая слезами щеки испуганнаго мальчика, сказала ему, что отецъ его святой и что мать его умерла.

Графиня Лидія Ивановна исполнила свое обѣщаніе. Она дѣйствительно взяла на себя всѣ заботы по устройству и веденію дома Алексѣя Александровича. Но она не преувеличивала, говоря, что она не сильна въ практическихъ дѣлахъ. Всѣ ея распоряженія надо было измѣнять, такъ какъ они были неисполнимы, и измѣнялись они Корнеемъ, камердинеромъ Алексѣя Александровича, который незамѣтно

для всѣхъ повелъ теперь весь домъ Каренина и спокойно и осторожно во время одѣванья барина докладывалъ ему, что было нужно. Но помощь Лидіи Ивановны все-таки была въ высшей степени дѣйствительна: она дала нравственную опору Алексѣю Александровичу въ сознаніи ея любви и уваженія къ нему, и въ особенности въ томъ, что, какъ ей утѣшительно было думать, она почти обратила его въ христіанство, то-есть изъ равнодушно- и лѣниво-вѣрующаго обратила его въ горячаго и твердаго сторонника того новаго объясненія христіанскаго ученія, которое распространилось въ послѣднее время въ Петербургѣ. Алексѣю Александровичу легко было убѣдиться въ этомъ объясненіи. Алексѣй Александровичъ такъ же, какъ и Лидія Ивановна и другіе люди, раздѣлявшіе ихъ воззрѣнія, былъ вовсе лишенъ глубины воображенія, той душевной способности, благодаря которой представленія, вызываемыя воображеніемъ, становятся такъ дѣйствительны, что требуютъ соотвѣтствія съ другими представленіями и съ дѣйствительностью. Онъ не видѣлъ ничего невозможнаго и несообразнаго въ представленіи о томъ, что смерть, существующая для невѣрующихъ, для него не существуетъ, и что такъ какъ онъ обладаетъ полнѣйшею вѣрой, судьей мѣры которой онъ самъ, то и грѣха уже нѣтъ въ его душѣ, и онъ испытываетъ здѣсь, на землѣ уже полное спасеніе.

Правда, что легкость и ошибочность этого представленія о своей вѣрѣ смутно чувствовались Алексѣю Александровичу, и онъ зналъ, что когда онъ, вовсе не думая о томъ, что его прощеніе есть дѣйствіе высшей силы, отдался этому непосредственному чувству, онъ испыталъ больше счастія, чѣмъ когда онъ, какъ теперь, каждую минуту думалъ,

что въ его душѣ живетъ Христосъ, и что подписывая бумаги, онъ исполняетъ Его волю; но для Алексѣя Александровича было необходимо такъ думать, ему было такъ необходимо въ его униженіи имѣть ту, хотя бы и выдуманную, высоту, съ которой онъ, презираемый всѣми, могъ бы презирать другихъ, что онъ держался, какъ за спасеніе, за свое мнимое спасеніе.

XXIII.

Графиня Лидія Ивановна очень молодою, восторженною дѣвушкой была выдана замужъ за богатаго, знатнаго, добродушнѣйшаго и распутнѣйшаго весельчака. На второй мѣсяцъ мужъ бросилъ ее, и на восторженныя ея увѣренія въ нѣжности отвѣчалъ только насмѣшкой и даже враждебностью, которую люди, знавшіе и доброе сердце графа и не видѣвшіе никакихъ недостатковъ въ восторженной Лидіи, никакъ не могли объяснить себѣ. Съ тѣхъ поръ,—хотя они не были въ разводѣ, они жили врозь,—когда мужъ и встрѣчался съ женою, то всегда относился къ ней съ неизмѣнною ядовитою насмѣшкой, причину которой нельзя было понять.

Графиня Лидія Ивановна давно уже перестала быть влюбленною въ мужа, но никогда съ тѣхъ поръ не переставала быть влюбленною въ кого-нибудь. Она была влюблена въ нѣсколькихъ вдругъ, и въ мужчинъ, и въ женщинъ; она бывало влюблена во всѣхъ почти людей, чѣмъ-нибудь особенно выдающихся. Она была влюблена во всѣхъ новыхъ принцессъ и принцевъ, вступавшихъ въ родство съ царскою фамиліей, была влюблена въ одного митрополита, одного викарнаго и одного священника. Была влюблена въ одного журналиста, въ трехъ славянъ, въ Комисарова, въ одного

министра, одного доктора, одного англійскаго миссіонера и въ Каренина. Всѣ эти любови, то ослабѣвая, то усиливаясь, не мѣшали ей въ веденія самыхъ распространенныхъ и сложныхъ придворныхъ и свѣтскихъ отношеній. Но съ тѣхъ поръ, какъ она, послѣ несчастія постигшаго Каренина, взяла его подъ свое особенное покровительство, съ тѣхъ поръ, какъ она потрудилась въ домѣ Каренина, заботясь о его благосостояніи, она почувствовала, что всѣ остальныя любови—не настоящія, а что она истинно влюблена теперь въ одного Каренина. Чувство, которое она теперь испытывала къ нему, казалось ей сильнѣе всѣхъ прежнихъ чувствъ. Анализуя свое чувство и сравнивая его съ прежними, она ясно видѣла, что не была бы влюблена въ Комисарова, еслибъ онъ не спасъ жизни государя, не была бы влюблена въ Ристичъ-Куджицкаго, еслибы не было славянскаго вопроса, но что Каренина она любила за него самого, за его высокую непонятую душу, за милый для нея тонкій звукъ его голоса, съ его протяжными интонаціями, за его усталый взглядъ, за его характеръ и мягкія бѣлыя руки съ напухшими жилами. Она не только радовалась встрѣчѣ съ нимъ, но она искала на его лицѣ признаковъ того впечатлѣнія, которое она производила на него. Она хотѣла нравиться ему не только рѣчами, но и всею своею особою. Она для него занималась теперь своимъ туалетомъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде. Она заставала себя на мечтаніяхъ о томъ, что было бы, еслибъ она не была замужемъ и онъ былъ бы свободенъ. Она краснѣла отъ волненія, когда онъ входилъ въ комнату; она не могла удержать улыбку восторга, когда онъ говорилъ ей пріятное.

Уже нѣсколько дней графиня Лидія Ивановна находи-

лась въ сильнѣйшемъ волненіи. Она узнала, что Анна съ Вронскимъ въ Петербургѣ. Надо было спасти Алексѣя Александровича отъ свиданія съ нею, надо было спасти его даже отъ мучительнаго знанія того, что эта ужасная женщина находится въ одномъ городѣ съ нимъ и что онъ каждую минуту можетъ встрѣтить ее.

Лидія Ивановна черезъ своихъ знакомыхъ развѣдывала о томъ, что намѣрены дѣлать эти *отвратительные люди*, какъ она называла Анну съ Вронскимъ, и старалась руководить въ эти дни всѣми движеніями своего друга, чтобъ онъ не могъ встрѣтить ихъ. Молодой адъютантъ, пріятель Вронскаго, черезъ котораго она получала свѣдѣнія и который черезъ графиню Лидію Ивановну надѣялся получить концессію, сказалъ ей, что они кончили свои дѣла и уѣзжаютъ на другой день. Лидія Ивановна уже стала успокоиваться, какъ на другое же утро ей принесли записку, почеркъ которой она съ ужасомъ узнала. Это былъ почеркъ Анны Карениной. Конвертъ былъ изъ толстой, какъ лубокъ, бумаги; на продолговатой желтой бумагѣ была огромная монограмма, и отъ письма пахло прекрасно.

— Кто принесъ?

— Коммиссіонеръ изъ гостиницы.

Графиня Лидія Ивановна долго не могла сѣсть, чтобы прочесть письмо. У ней отъ волненія сдѣлался припадокъ одышки, которой она была подвержена. Когда она успокоилась, она прочла слѣдующее французское письмо.

„Madame la Comtesse, — Христіанскія чувства, которыя наполняютъ ваше сердце, даютъ мнѣ, я чувствую, непростительную смѣлость писать вамъ. Я несчастна отъ разлуки съ сыномъ. Я умоляю о позволеніи видѣть его одинъ

разъ передъ моимъ отъѣздомъ. Простите меня, что я напоминаю вамъ о себѣ. Я обращаюсь къ вамъ, а не къ Алексѣю Александровичу, только потому, что не хочу заставить страдать этого великодушнаго человѣка воспоминаніемъ о себѣ. Зная вашу дружбу къ нему, вы поймете меня. Пришлете ли вы Сережу ко мнѣ, или мнѣ пріѣхать въ домъ въ извѣстный, назначенный часъ, или вы мнѣ дадите знать, когда и гдѣ я могу его видѣть внѣ дома? Я не предполагаю отказа, зная великодушіе того, отъ кого это зависитъ. Вы не можете себѣ представить ту жажду его видѣть, которую я испытываю, и потому не можете представить ту благодарность, которую во мнѣ возбудатъ ваша помощь".

„Анна".

Все въ этомъ письмѣ раздражило графиню Лидію Ивановну: и содержаніе, и намекъ на великодушіе, и въ особенности развязный, какъ ей показалось, тонъ.

— Скажи, что отвѣта не будетъ,—сказала графиня Лидія Ивановна, и тотчасъ, открывъ бюваръ, написала Алексѣю Александровичу, что надѣется видѣть его въ первомъ часу на поздравленіи во дворцѣ.

„Мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ и грустномъ дѣлѣ. Тамъ мы условимся, гдѣ. Лучше всего у меня, гдѣ я велю приготовить *вашъ* чай. Необходимо. Онъ налагаетъ крестъ, но Онъ даетъ и силы", прибавила она, чтобы хоть немного приготовить его.

Графиня Лидія Ивановна писала обыкновенно по двѣ и по три записки въ день Алексѣю Александровичу. Она любила этотъ процессъ сообщенія съ нимъ, имѣющій въ себѣ

элегантность и таинственность, какихъ не доставало въ ея личныхъ сношеніяхъ.

XXIV.

Поздравленіе кончилось. Уѣзжавшіе, встрѣчаясь, переговаривались о послѣдней новости дня, вновь полученныхъ наградахъ и перемѣщеніи важныхъ служащихъ.

— Какъ бы графинѣ Марьѣ Борисовнѣ—военное министерство, а начальникомъ бы штаба княгиню Ватковскую,—говорилъ, обращаясь къ высокой красавицѣ фрейлинѣ, спрашивавшей у него о перемѣщеніи, сѣдой старичокъ въ расшитомъ золотомъ мундирѣ.

— А меня въ адъютанты,—отвѣчала фрейлина улыбаясь.

— Вамъ ужъ есть назначеніе. Васъ по духовному вѣдомству. И въ помощники вамъ—Каренина.

— Здравствуйте, князь! — сказалъ старичокъ, пожимая руку подошедшему.

— Что вы про Каренина говорили?—сказалъ князь.

— Онъ и Путятовъ Александра Невскаго получили.

— Я думалъ, что у него ужъ есть.

— Нѣтъ. Вы взгляните на него,—сказалъ старичокъ, указывая расшитою шляпой на остановившагося въ дверяхъ залы, съ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ государственнаго совѣта, Каренина въ придворномъ мундирѣ съ новою красною лентой черезъ плечо.— Счастливъ и доволенъ, какъ мѣдный грошъ,—прибавилъ онъ, останавливаясь, чтобы пожать руку атлетически-сложенному красавцу-камергеру.

— Нѣтъ, онъ постарѣлъ,—сказалъ камергеръ.

— Отъ заботъ. Онъ теперь все проекты пишетъ. Онъ

теперь не отпустить несчастнаго, пока не изложитъ все по пунктамъ.

— Какъ постарѣлъ? Il fait des passions. Я думаю графиня Лидія Ивановна ревнуетъ его теперь къ женѣ.

— Ну что! Про графиню Лидію Ивановну пожалуйста не говорите дурнаго.

— Да развѣ это дурно, что она влюблена въ Каренина?

— А правда, что Каренина здѣсь?

— То-есть не здѣсь, во дворцѣ, а въ Петербургѣ. Я вчера встрѣтилъ ихъ съ Алексѣемъ Вронскимъ, bras dessus, bras dessous, на Морской.

— C'est un homme qui n'a pas...—началъ было камергеръ, но остановился, давая дорогу и кланяясь проходившей особѣ царской фамиліи.

Такъ, не переставая, говорили объ Алексѣѣ Александр вичѣ, осуждая его и смѣясь надъ нимъ, между тѣмъ какъ онъ, заступивъ дорогу пойманному имъ члену государственнаго совѣта и ни на минуту не прекращая своего изложенія, чтобы не упустить его, по пунктамъ излагалъ ему финансовый проектъ.

Почти въ одно и то же время, какъ жена ушла отъ Алексѣя Александровича, съ нимъ случилось и самое горькое для служащаго человѣка событіе—прекращеніе восходящаго служебнаго движенія. Прекращеніе это совершилось, и всѣ ясно видѣли это, но самъ Алексѣй Александровичъ не сознавалъ еще того, что карьера его кончена. Столкновеніе ли со Стремовымъ, несчастіе ли съ женой, или просто то, что Алексѣй Александровичъ дошелъ до предѣла, который ему былъ предназначенъ, но для всѣхъ въ нынѣшнемъ году стало очевидно, что служебное поприще его кончено Онъ еще зани-

малъ важное мѣсто, онъ былъ членомъ многихъ коммиссій и комитетовъ; но онъ былъ человѣкомъ, который весь вышелъ и отъ котораго ничего болѣе не ждутъ. Что бы онъ ни говорилъ, что бы ни предлагалъ, его слушали такъ, какъ будто то, что онъ предлагаетъ, давно уже извѣстно и есть то самое, что̀ ненужно. Но Алексѣй Александровичъ не чувствовалъ этого и, напротивъ того, будучи устраненъ отъ прямаго участія въ правительственной дѣятельности, яснѣе чѣмъ прежде видѣлъ теперь недостатки и ошибки въ дѣятельности другихъ, и считалъ своимъ долгомъ указывать на средства къ исправленію ихъ. Вскорѣ послѣ своей разлуки съ женой онъ началъ писать свою первую записку о новомъ судѣ, изъ безчисленнаго ряда никому ненужныхъ записокъ по всѣмъ отраслямъ управленія, которыя было суждено написать ему.

Алексѣй Александровичъ не только не замѣчалъ своего безнадежнаго положенія въ служебномъ мірѣ и не только не огорчался имъ, но больше чѣмъ когда-нибудь былъ доволенъ своею дѣятельностью.

„Женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ, неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу", говоритъ апостолъ Павелъ, и Алексѣй Александровичъ, во всѣхъ дѣлахъ руководившійся теперь Писаніемъ, часто вспоминалъ этотъ текстъ. Ему казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ остался безъ жены, онъ этими самыми проектами болѣе служилъ Господу, чѣмъ прежде.

Очевидное нетерпѣніе члена совѣта, желавшаго уйдти отъ него, не смущало Алексѣя Александровича; онъ пересталъ излагать только когда членъ, воспользовавшись проходомъ лица царской фамиліи, ускользнулъ отъ него.

Оставшись одинъ, Алексѣй Александровичъ опустилъ голову, собирая мысли, потомъ разсѣянно оглянулся и пошелъ къ двери, у которой надѣялся встрѣтить графиню Лидію Ивановну.

„И какъ они всѣ сильны и здоровы физически“, подумалъ Алексѣй Александровичъ, глядя на могучаго, съ расчесанными душистыми бакенбардами камергера и на красную шею затянутаго въ мундирѣ князя, мимо которыхъ ему надо было пройдти. „Справедливо сказано, что все въ мірѣ есть зло“, подумалъ онъ, косясь еще разъ на икры камергера.

Неторопливо передвигая ногами, Алексѣй Александровичъ съ обычнымъ видомъ усталости и достоинства поклонился этимъ господамъ, говорившимъ о немъ, и, глядя въ дверь, отыскивалъ глазами графиню Лидію Ивановну.

— А, Алексѣй Александровичъ! — сказалъ старичокъ, злобно блестя глазами въ то время, какъ Каренинъ поровнялся съ нимъ и холоднымъ жестомъ склонилъ голову.— Я васъ еще не поздравилъ,—сказалъ старичокъ, указывая на его новополученную ленту.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ —Какой нынче *прекрасный* день,—прибавилъ онъ, по своей привычкѣ особенно налегая на словѣ „прекрасный“.

Что они смѣялись надъ нимъ, онъ зналъ это, но онъ и не ждалъ отъ нихъ ничего кромѣ враждебности; онъ уже привыкъ къ этому.

Увидавъ воздымающіяся изъ корсета желтыя плечи графини Лидіи Ивановны, вошедшей въ дверь, и зовущіе къ себѣ прекрасные задумчивые глаза ея, Алексѣй Александровичъ улыбнулся, открывъ неувядающіе бѣлые зубы, и подошелъ къ ней.

Туалетъ Лидія Ивановны стоилъ ей большаго труда, какъ и всѣ ея туалеты въ это послѣднее время. Цѣль ея туалета была теперь совсѣмъ обратная той, которую она преслѣдовала тридцать лѣтъ тому назадъ. Тогда ей хотѣлось украсить себя чѣмъ-нибудь, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Теперь, напротивъ, она обязательно была такъ несоотвѣтственно годамъ и фигурѣ разукрашена, что заботилась лишь о томъ, чтобы противоположность этихъ украшеній съ ея наружностью была не слишкомъ ужасна. И въ отношеніи Алексѣя Александровича она достигла этого и казалась ему привлекательною. Для него она была единственнымъ островомъ не только добраго къ нему расположенія, но любви, среди моря враждебности и насмѣшки, которое окружало его.

Проходя сквозь строй насмѣшливыхъ взглядовъ, онъ естественно тянулся къ ея влюбленному взгляду, какъ растеніе къ свѣту.

— Поздравляю васъ,— сказала она ему, указывая глазами на ленту.

Сдерживая улыбку удовольствія, онъ пожалъ плечами, закрывъ глаза, какъ бы говоря, что это не можетъ радовать его. Графиня Лидія Ивановна знала хорошо, что это одна изъ его главныхъ радостей, хотя онъ и никогда не признается въ этомъ.

— Что нашъ ангелъ?—сказала графиня Лидія Ивановна, подразумѣвая Сережу.

— Не могу сказать, чтобъ я былъ вполнѣ доволенъ имъ,— поднимая брови и открывая глаза, сказалъ Алексѣй Александровичъ.—И Ситниковъ не доволенъ имъ. (Ситниковъ былъ педагогъ, которому было поручено свѣтское воспитаніе Сережи.) Какъ я говорилъ вамъ, есть въ немъ какая-

то холодность къ тѣмъ самымъ главнымъ вопросамъ, которые должны трогать душу всякаго человѣка и всякаго ребенка,—началъ излагать свои мысли Алексѣй Александровичъ, по единственному, кромѣ службы, интересовавшему его вопросу—воспитанію сына.

Когда Алексѣй Александровичъ съ помощью Лидіи Ивановны вновь вернулся къ жизни и дѣятельности, онъ почувствовалъ своею обязанностью заняться воспитаніемъ оставшагося на его рукахъ сына. Никогда прежде не занимавшись вопросами воспитанія, Алексѣй Александровичъ посвятилъ нѣсколько времени на теоретическое изученіе предмета. Прочтя нѣсколько книгъ антропологіи, педагогики и дидактики, Алексѣй Александровичъ составилъ себѣ планъ воспитанія, и, пригласивъ лучшаго петербургскаго педагога для руководства, приступилъ къ дѣлу. И дѣло это постоянно занимало его.

— Да, но сердце? Я вижу въ немъ сердце отца, и съ такимъ сердцемъ ребенокъ не можетъ быть дуренъ,—сказала Лидія Ивановна съ восторгомъ.

— Да, можетъ быть... Что до меня, то я исполняю свой долгъ. Это все, что я могу сдѣлать.

— Вы пріѣдете ко мнѣ, — сказала графиня Лидія Ивановна, помолчавъ:—намъ надо поговорить о грустномъ для васъ дѣлѣ. Я все бы дала, чтобъ избавить васъ отъ нѣкоторыхъ воспоминаній, но другіе не такъ думаютъ. Я получила отъ *нея* письмо. *Она* здѣсь, въ Петербургѣ.

Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ при упоминаніи о женѣ, но тотчасъ же на лицѣ его установилась та мертвая неподвижность, которая выражала совершенную безпомощность въ этомъ дѣлѣ.

— Я ждалъ этого,—сказалъ онъ.

Графиня Лидія Ивановна посмотрѣла на него восторженно, и слезы восхищенія передъ величіемъ его души выступили на ея глаза.

XXV.

Когда Алексѣй Александровичъ вошелъ въ маленькій, уставленный старинным фарфоромъ и увѣшанный портретами, уютный кабинетъ графини Лидіи Ивановны, самой хозяйки еще не было.

Она переодѣвалась.

На кругломъ столѣ была накрыта скатерть и стоялъ китайскій приборъ и серебряный спиртовой чайникъ. Алексѣй Александровичъ разсѣянно оглянулъ безчисленные знакомые портреты, украшавшіе кабинетъ, и, присѣвъ къ столу, раскрылъ лежавшее на немъ Евангеліе. Шумъ шелковаго платья графини развлекъ его.

— Ну вотъ, теперь мы сядемъ спокойно, — сказала графиня Лидія Ивановна, съ взволнованною улыбкой поспѣшно пролѣзая между столомъ и диваномъ, — и поговоримъ за нашимъ чаемъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ приготовленія графиня Лидія Ивановна, тяжело дыша и краснѣя, передала въ руки Алексѣя Александровича полученное ею письмо.

Прочтя письмо, онъ долго молчалъ.

— Я не полагаю, чтобъ я имѣлъ право отказать ей,— сказалъ онъ робко, поднявъ глаза.

— Другъ мой, вы ни въ комъ не видите зла!

— Я напротивъ вижу, что все есть зло. Но справедливо ли это...

Въ лицѣ его была нерѣшительность и исканіе совѣта, поддержки и руководства въ дѣлѣ, для него непонятномъ.

— Нѣтъ, — перебила его графиня Лидія Ивановна, — есть предѣлъ всему. Я понимаю безнравственность, — не совсѣмъ искренно сказала она, такъ какъ она никогда не могла понять того, что приводитъ женщинъ къ безнравственности,— но я не понимаю жестокости... къ кому же?— къ вамъ! Какъ оставаться въ томъ городѣ, гдѣ вы? Нѣтъ, вѣкъ живи, вѣкъ учись. И я учусь понимать вашу высоту и ея низость.

— А кто броситъ камень? — сказалъ Алексѣй Александровичъ, очевидно довольный своею ролью. — Я все простилъ и потому не могу лишать ея того, что есть потребность любви для нея,—любви къ сыну...

— Но любовь ли это, другъ мой? Искренно ли это? Положимъ, вы простили, вы прощаете; но имѣемъ ли мы право дѣйствовать на душу этого ангела? Онъ считаетъ ее умершею. Онъ молится за нее и проситъ Бога простить ея грѣхи. . И такъ лучше. А тутъ... что онъ будетъ думать?

— Я не думалъ объ этомъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, очевидно соглашаясь.

Графиня Лидія Ивановна закрыла лицо руками и помолчала. Она молилась.

— Если вы спрашиваете моего совѣта,—сказала она, помолившись и открывая лицо, — то я не совѣтую вамъ дѣлать этого. Развѣ я не вижу, какъ вы страдаете, какъ это раскрыло всѣ ваши раны? Но, положимъ, вы, какъ всегда, забываете о себѣ. Но къ чему же это можетъ повести? Къ новымъ страданіямъ съ вашей стороны, къ мученіямъ для ребенка? Если въ ней осталось что-нибудь человѣческое,

она сама не должна желать этого. Нѣтъ, я не колеблясь не совѣтую, и если вы разрѣшаете мнѣ, я напишу къ ней.

И Алексѣй Александровичъ согласился, и графиня Лидія Ивановна написала слѣдующее французкое письмо.

„Милостивая Государыня,

„Воспоминаніе о васъ для вашего сына можетъ повести къ вопросамъ съ его стороны, на которые нельзя отвѣчать, не возложивъ въ душу ребенка духа осужденія къ тому, что должно быть для него святыней, и потому прошу понять отказъ вашего мужа въ духѣ христіанской любви. Прошу Всевышняго о милосердіи къ вамъ“.

„Графиня Лидія“.

Письмо это достигло той затаенной цѣли, которую графиня Лидія Ивановна скрывала отъ самой себя. Оно до глубины души оскорбило Анну.

Съ своей стороны, Алексѣй Александровичъ, вернувшись отъ Лидіи Ивановны домой, не могъ въ этотъ день предаться своимъ обычнымъ занятіямъ и найдти то душевное спокойствіе вѣрующаго и спасеннаго человѣка, которое онъ чувствовалъ прежде.

Воспоминаніе о женѣ, которая такъ много была виновата передъ нимъ и передъ которою онъ былъ такъ святъ, какъ справедливо говорила ему графиня Лидія Ивановна, не должно было бы смущать его; но онъ не былъ спокоенъ: онъ не могъ понимать книги, которую онъ читалъ, не могъ отогнать мучительныхъ воспоминаній о своихъ отношеніяхъ къ ней, о тѣхъ ошибкахъ, которыя онъ, какъ ему теперь казалось, сдѣлалъ относительно ея. Воспоми-

наніе о томъ, какъ онъ принялъ, возвращаясь со скачекъ, ея признаніе въ невѣрности (то въ особенности, что онъ требовалъ отъ нея только внѣшняго приличія, а не вызвалъ на дуэль) какъ раскаяніе мучило его. Также мучило его воспоминаніе о письмѣ, которое онъ написалъ ей; въ особенности его прощеніе, никому ненужное, и его заботы о чужомъ ребенкѣ жгли его сердце стыдомъ и раскаяніемъ.

И точно такое же чувство стыда и раскаянія онъ испытывалъ теперь, перебирая все свое прошедшее съ нею и вспоминая неловкія слова, которыми онъ, послѣ долгихъ колебаній, сдѣлалъ ей предложеніе.

„Но въ чемъ же я виноватъ?“ говорилъ онъ себѣ. И этотъ вопросъ всегда вызывалъ въ немъ другой вопросъ— о томъ, иначе ли чувствуютъ, иначе ли любятъ, иначе ли женятся эти другіе люди, эти Вронскіе, Облонскіе... эти камергеры съ толстыми икрами. И ему представлялся цѣлый рядъ этихъ сочныхъ, сильныхъ, несомнѣвающихся людей, которые невольно всегда и вездѣ обращали на себя его любопытное вниманіе. Онъ отгонялъ отъ себя эти мысли, онъ старался убѣждать себя, что онъ живетъ не для здѣшней временной жизни, а для вѣчной, что въ душѣ его находятся миръ и любовь. Но то, что онъ въ этой временной, ничтожной жизни сдѣлалъ, какъ ему казалось, нѣкоторыя ничтожныя ошибки, мучило его такъ, какъ будто и не было того вѣчнаго спасенія, въ которое онъ вѣрилъ. Но искушеніе это продолжалось не долго, и скоро опять въ душѣ Алексѣя Александровича возстановилось то спокойствіе и та высота, благодаря которымъ онъ могъ забывать о томъ, чего не хотѣлъ помнить.

XXVI.

— Ну что, Капитонычъ? — сказалъ Сережа, румяный и веселый, возвратившись съ гулянья наканунѣ дня своего рожденія и отдавая свою сборчатую поддевку высокому, улыбающемуся на маленькаго человѣка съ высоты своего роста, старому швейцару.—Что, былъ сегодня подвязанный чиновникъ? Принялъ папа?

— Приняли. Только правитель вышли, я и доложилъ, — весело подмигнувъ, сказалъ швейцаръ. — Пожалуйте, я сниму.

— Сережа!—сказалъ славянинъ гувернеръ, остановясь въ дверяхъ, ведшихъ во внутреннія комнаты,—сами снимите.— Но Сережа, хотя и слышалъ слабый голосъ гувернера, не обратилъ на него вниманія. Онъ стоялъ, держась рукой за перевязь швейцара, и смотрѣлъ ему въ лицо.

— Что-жъ, и сдѣлалъ для него папа, что̀ надо?

Швейцаръ утвердительно кивнулъ головой.

Подвязанный чиновникъ, ходившій уже семь разъ о чемъ-то просить Алексѣя Александровича, интересовалъ и Сережу, и швейцара. Сережа засталъ его въ сѣняхъ и слышалъ, какъ онъ жалостно просилъ швейцара доложить о себѣ, говоря, что ему съ дѣтьми умирать приходится.

Съ тѣхъ поръ Сережа, другой разъ встрѣтивъ чиновника въ сѣняхъ, заинтересовался имъ.

— Что-жъ, очень радъ былъ?—спрашивалъ онъ.

— Какъ же не радъ! Чуть не прыгаетъ пошелъ отсюда.

— А что-нибудь принесли?—спросилъ Сережа, помолчавъ.

— Ну, сударь, — покачивая головой, шепотомъ сказалъ швейцаръ,—есть отъ графини.

Сережа тотчасъ понялъ, что то, о чемъ говорилъ швейцаръ, былъ подарокъ отъ графини Лидіи Ивановны къ его рожденію.

— Что ты говоришь? Гдѣ?

— Къ папѣ Корней внесъ. Должно хороша штучка!

— Какъ велико? Этакъ будетъ?

— Поменьше, да хороша.

— Книжка?

— Нѣтъ, штука. Идите, идите, Василій Лукичъ зоветъ,— сказалъ швейцаръ, слыша приближавшіеся шаги гувернера и осторожно расправляя ручку въ до половины снятой перчаткѣ, державшую его за перевязь, и подмигивая головой на Вунича.

— Василій Лукичъ, сію минуточку! — отвѣчалъ Сережа съ тою веселою и любящею улыбкой, которая всегда побѣждала исполнительнаго Василья Лукича.

Сережѣ было слишкомъ весело, слишкомъ все было счастливо, чтобъ онъ могъ не подѣлиться со своимъ другомъ-швейцаромъ еще семейною радостью, про которую онъ узналъ на гуляньи въ Лѣтнемъ саду отъ племянницы графини Лидіи Ивановны. Радость эта особенно важна казалась ему по совпаденію съ радостью чиновника и своей радостью о томъ, что принесли игрушки. Сережѣ казалось, что нынче такой день, въ который всѣ должны быть рады и веселы.

— Ты знаешь, папа получилъ Александра Невскаго?

— Какъ не знать! Ужъ пріѣзжали поздравлять.

— Что-жъ, онъ радъ?

— Какъ царской милости не радоваться! Значитъ, заслужилъ,—сказалъ швейцаръ строго и серьёзно.

Сережа задумался, вглядываясь въ изученное до малѣйшихъ подробностей лицо швейцара, въ особенности въ подбородокъ, висѣвшій между сѣдыми бакенбардами, который никто не видалъ кромѣ Сережи, смотрѣвшаго на него всегда не иначе какъ снизу.

— Ну, а твоя дочь давно была у тебя?

Дочь швейцара была балетная танцовщица.

— Когда же ходить по буднямъ? У нихъ тоже ученье. И вамъ ученье, сударь, идите.

Придя въ комнату, Сережа, вмѣсто того чтобы сѣсть за уроки, разсказалъ гувернеру свое предположеніе о томъ, что то, что принесли, должно быть машина.

— Какъ вы думаете?—спросилъ онъ.

Но Василій Лукичъ думалъ только о томъ, что надо учить урокъ грамматики для учителя, который придетъ въ два часа.

— Нѣтъ, вы мнѣ только скажите, Василій Лукичъ,—спросилъ онъ вдругъ, уже сидя за рабочимъ столомъ и держа въ рукахъ книгу, — что больше Александра Невскаго? Вы знаете, папа получилъ Александра Невскаго?

Василій Лукичъ отвѣчалъ, что больше Александра Невскаго есть Владиміръ.

— А выше?

— А выше всего Андрей Первозванный.

— А выше еще Андрея?

— Я не знаю.

— Какъ, и вы не знаете?—и Сережа, облокотившись на руки, углубился въ размышленія.

Размышленія его были самыя сложныя и разнообразныя. Онъ соображалъ о томъ, какъ отецъ его получитъ вдругъ и Владиміра и Андрея, и какъ онъ, вслѣдствіе этого, нынче

на урокѣ будетъ гораздо добрѣе, и какъ онъ самъ, когда будетъ большой, получитъ всѣ ордена, и то, что̀ выдумаютъ выше Андрея. Только-что выдумаютъ, а онъ заслужитъ. Они еще выше выдумаютъ, а онъ сейчасъ и заслужитъ.

Въ такихъ размышленіяхъ прошло время, когда учитель пришелъ; урокъ объ обстоятельствахъ времени и мѣста и образа дѣйствія былъ не готовъ, и учитель былъ не только не доволенъ, но и огорченъ. Это огорченіе учителя тронуло Сережу. Онъ чувствовалъ себя невиноватымъ за то, что не выучалъ урока; какъ бы онъ ни старался, онъ рѣшительно не могъ этого сдѣлать: покуда учитель толковалъ ему, онъ вѣрилъ и какъ будто понималъ, но какъ только онъ оставался одинъ, онъ рѣшительно не могъ вспомнить и понять, что коротенькое и такое понятное слово „вдругъ“ есть *обстоятельство образа дѣйствія*; но все-таки ему жалко было то, что онъ огорчилъ учителя.

Онъ выбралъ минуту, когда учитель молча смотрѣлъ въ книгу.

— Михаилъ Иванычъ, когда бываютъ ваши именины?— спросилъ онъ вдругъ.

— Вы бы лучше думали о своей работѣ, а именины никакого значенія не имѣютъ для разумнаго существа. Такой же день, какъ и другіе, въ которые надо работать.

Сережа внимательно посмотрѣлъ на учителя, на его рѣдкую бородку, на очки, которыя спустились ниже зарубки, бывшей на носу, и задумался такъ, что уже ничего не слыхалъ изъ того, что ему объяснялъ учитель. Онъ понималъ, что учитель не думаетъ того, что говоритъ,—онъ это чувствовалъ по тону, которымъ это было сказано. „Но для чего они всѣ сговорились это говорить все однимъ манеромъ,

все самое скучное и ненужное? Зачѣмъ онъ отталкиваетъ меня отъ себя, за что онъ не любитъ меня?“ спрашивалъ онъ себя съ грустью и не могъ придумать отвѣта.

XXVII.

Послѣ учителя былъ урокъ отца. Пока отецъ не приходилъ, Сережа сѣлъ къ столу, играя ножичкомъ, и сталъ думать. Въ числѣ любимыхъ занятій Сережи было отыскиванiе своей матери во время гулянья. Онъ не вѣрилъ въ смерть вообще и въ особенности въ ея смерть, несмотря на то, что Лидiя Ивановна сказала ему и отецъ подтвердилъ это, и потому, и послѣ того, какъ ему сказали, что она умерла, онъ во время гулянья отыскивалъ ее. Всякая женщина полная, грацiозная, съ темными волосами была его мать. При видѣ такой женщины въ душѣ его поднималось чувство нѣжности, такое, что онъ задыхался, и слезы выступали на глаза. И онъ вотъ-вотъ ждалъ, что она подойдетъ къ нему, подниметъ вуаль. Все лицо ея будетъ видно, она улыбнется, обниметъ его, онъ услышитъ ея запахъ, почувствуетъ нѣжность ея руки и заплачетъ счастливо, какъ онъ разъ вечеромъ легъ ей въ ноги и она щекотала его, а онъ хохоталъ и кусалъ ея бѣлую съ кольцами руку. Потомъ, когда онъ узналъ случайно отъ няни, что мать его не умерла, и отецъ съ Лидiей Ивановной объяснили ему, что она умерла для него, потому что она не хорошая (чему онъ уже никакъ не могъ вѣрить, потому что любилъ ее), онъ точно также отыскивалъ и ждалъ ее. Нынче въ Лѣтнемъ саду была одна дама въ лиловомъ вуалѣ, за которой онъ съ замиранiемъ сердца, ожидая, что это она, слѣдилъ въ то время, какъ она подходила къ

нимъ по дорожкѣ. Дама эта не дошла до нихъ и куда-то скрылась. Нынче сильнѣе чѣмъ когда-нибудь Сережа чувствовалъ приливы любви къ ней, и теперь забывшись, ожидая отца, изрѣзалъ весь край стола ножичкомъ, блестящими глазами глядя передъ собой и думая о ней.

— Папа идетъ!—развлекъ его Василій Лукичъ.

Сережа вскочилъ, подошелъ къ отцу и, поцѣловавъ его руку, поглядѣлъ на него внимательно, отыскивая признаковъ радости въ полученіи Александра Невскаго.

— Ты гулялъ хорошо? — сказалъ Алексѣй Александровичъ, садясь на свое кресло, подвигая къ себѣ книгу Ветхаго Завѣта и открывая ее. Несмотря на то, что Алексѣй Александровичъ не разъ говорилъ Сережѣ, что всякій христіанинъ долженъ твердо знать священную исторію, онъ самъ въ Ветхомъ Завѣтѣ часто справлялся съ книгой, и Сережа замѣтилъ это.

— Да, очень весело было, папа, — сказалъ Сережа, садясь бокомъ на стулѣ и качая его, что было запрещено.— Я видѣлъ Наденьку (Наденька была воспитывавшаяся у Лидіи Ивановны ея племянница). Она мнѣ сказала, что вамъ дали звѣзду новую. Вы рады, папа?

— Вопервыхъ, не качайся пожалуйста,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.—А вовторыхъ, дóрога не награда, а трудъ. И я желалъ бы, чтобы ты понималъ это. Вотъ если ты будешь трудиться, учиться для того, чтобы получить награду, то трудъ тебѣ покажется тяжелъ; но когда ты трудишься (говорилъ Алексѣй Александровичъ, вспоминая, какъ онъ поддерживалъ себя сознаніемъ долга при скучномъ трудѣ нынѣшняго утра, состоявшемъ въ подписаніи ста восемнадцати бумагъ) любя трудъ, ты въ немъ найдешь для себя награду.

Блестящіе нѣжностію и весельемъ глаза Сережи потухли и опустились подъ взглядомъ отца. Это былъ тотъ самый, давно знакомый тонъ, съ которымъ отецъ всегда относился къ нему и къ которому Сережа научился уже поддѣлываться. Отецъ всегда говорилъ съ нимъ, — такъ чувствовалъ Сережа,—какъ будто онъ обращался къ какому-то воображаемому имъ мальчику, одному изъ такихъ, какіе бываютъ въ книжкахъ, но совсѣмъ непохожему на Сережу. И Сережа всегда съ отцомъ старался притворяться этимъ самымъ книжнымъ мальчикомъ.

— Ты понимаешь это, я надѣюсь?—сказалъ отецъ.

— Да, папа,—отвѣчалъ Сережа, притворяясь воображаемымъ мальчикомъ.

Урокъ состоялъ въ выучиваніи наизусть нѣсколькихъ стиховъ изъ Евангелія и повтореніи начала Ветхаго Завѣта. Стихи изъ Евангелія Сережа зналъ порядочно, но въ ту минуту, какъ онъ говорилъ ихъ, онъ заглядѣлся на кость лба отца, которая загибалась такъ круто у виска, что онъ запутался, и конецъ одного стиха на одинаковомъ словѣ переставилъ къ началу другаго. Для Алексѣя Александровича было очевидно, что онъ не понималъ того, что говорилъ, и это раздражило его.

Онъ нахмурился и началъ объяснять то, что Сережа уже много разъ слышалъ и никогда не могъ запомнить, потому что слишкомъ ясно понималъ - въ родѣ того, что „вдругъ" есть обстоятельство образа дѣйствія. Сережа испуганнымъ взглядомъ смотрѣлъ на отца и думалъ только объ одномъ: заставитъ или нѣтъ отецъ повторить то, что онъ сказалъ, какъ это иногда бывало. И эта мысль такъ пугала Сережу, что онъ уже ничего не понималъ. Но отецъ не заставилъ

повторить и перешелъ къ уроку изъ Ветхаго Завѣта. Сережа разсказалъ хорошо самыя событія, но когда надо было отвѣчать на вопросы о томъ, что прообразовали нѣкоторыя событія, онъ ничего не зналъ, несмотря на то, что былъ уже наказанъ за этотъ урокъ. Мѣсто же, гдѣ онъ уже ничего не могъ сказать и мялся, и рѣзалъ столъ, и качался на стулѣ, было то, гдѣ ему надо было сказать о допотопныхъ патріархахъ. Изъ нихъ онъ никого не зналъ, кромѣ Еноха, взятаго живымъ на небо. Прежде онъ помнилъ имена, но теперь забылъ совсѣмъ, въ особенности потому, что Енохъ былъ любимое его лицо изъ всего Ветхаго Завѣта, и ко взятію Еноха живымъ на небо въ головѣ его привязывался цѣлый длинный ходъ мысли, которому онъ и предался теперь, остановившимися глазами глядя на цѣпочку часовъ отца и до половины застегнутую пуговицу жилета.

Въ смерть, про которую ему такъ часто говорили, Сережа не вѣрилъ совершенно. Онъ не вѣрилъ въ то, что любимые имъ люди могутъ умереть, и въ особенности въ то, что онъ самъ умретъ. Это было для него совершенно невозможно и непонятно. Но ему говорили, что всѣ умрутъ; онъ спрашивалъ даже людей, которымъ вѣрилъ, и тѣ подтверждали это: няня тоже говорила, хотя неохотно. Но Енохъ не умеръ, стало-быть не всѣ умираютъ. „И почему же и всякій не можетъ также заслужить передъ Богомъ и быть взятъ живымъ на небо?“ думалъ Сережа. Дурные, то-есть тѣ, которыхъ Сережа не любитъ, тѣ могли умереть, но хорошіе всѣ могутъ быть какъ Енохъ.

— Ну, такъ какіе же патріархи?

— Енохъ, Еносъ.

— Да ужъ это ты говорилъ. Дурно, Сережа, очень дур-

но. Если ты не стараешься узнать того, что нужнѣе всего для христіанина,—сказалъ отецъ, вставая,—то что же можетъ занимать тебя? Я недоволенъ тобой и Петръ Игнатьичъ (это былъ главный педагогъ) недоволенъ тобой... Я долженъ наказать тебя.

Отецъ и педагогъ были оба недовольны Сережей, и дѣйствительно, онъ учился очень дурно. Но никакъ нельзя было сказать, чтобъ онъ былъ неспособный мальчикъ. Напротивъ, онъ былъ много способнѣе тѣхъ мальчиковъ, которыхъ педагогъ ставилъ въ примѣръ Сережѣ. Съ точки зрѣнія отца, онъ не хотѣлъ учиться тому, чему его учили. Въ сущности же—онъ не могъ этому учиться. Онъ не могъ потому, что въ душѣ его были требованія болѣе для него обязательныя, чѣмъ тѣ, которыя заявляли отецъ и педагогъ. Эти требованія были въ противорѣчіи, и онъ прямо боролся съ своими воспитателями.—Ему было девять лѣтъ, онъ былъ ребенокъ; но душу свою онъ зналъ, она была дорога ему, онъ берегъ ее, какъ вѣко бережетъ глазъ, и безъ ключа любви никого не пускалъ въ свою душу. Воспитатели его жаловались, что онъ не хотѣлъ учиться, а душа его была переполнена жаждой познанія. И онъ учился у Капитоныча, у няни, у Наденьки, у Василія Лукича, а не у учителей. Та вода, которую отецъ и педагогъ ждали на свои колеса, давно уже просочилась и работала въ другомъ мѣстѣ.

Отецъ наказалъ Сережу, не пустивъ его къ Наденькѣ, племянницѣ Лидіи Ивановны; но это наказаніе оказалось къ счастію для Сережи. Василій Лукичъ былъ въ духѣ и показалъ ему какъ дѣлать вѣтряныя мельницы. Цѣлый вечеръ прошелъ за работой и мечтами о томъ, какъ можно

сдѣлать такую мельницу, чтобы на ней вертѣться: схватиться руками за крылья или привязать себя — и вертѣться. О матери Сережа не думалъ весь вечеръ, но, уложившись въ постель, онъ вдругъ вспомнилъ о ней и помолился своими словами о томъ, чтобы мать его завтра, къ его рожденію, перестала скрываться и пришла къ нему.

— Василій Лукичъ, знаете, о чемъ я лишнее не въ счетъ помолился?

— Чтобъ учиться лучше?

— Нѣтъ.

— Игрушки?

— Нѣтъ. Не угадаете. Отличное, но секретъ! Когда сбудется, я вамъ скажу. Не угадали?

— Нѣтъ, я не угадаю. Вы скажите, — сказалъ Василій Лукичъ, улыбаясь, что съ нимъ рѣдко бывало.—Ну, ложитесь, я тушу свѣчку.

— А мнѣ безъ свѣчки виднѣе то, что я вижу и о чемъ я молился. Вотъ, чуть было не сказалъ секретъ! — весело засмѣявшись, сказалъ Сережа.

Когда унесли свѣчу. Сережа слышалъ и чувствовалъ свою мать. Она стояла надъ нимъ и ласкала его любовнымъ взглядомъ. Но явились мельницы, ножикъ, все смѣшалось, и онъ заснулъ.

XXVIII.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Вронскій съ Анной остановились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ. Вронскій отдѣльно, въ нижнемъ этажѣ, Анна на верху съ ребенкомъ, кормилицей и дѣвушкой, въ большомъ отдѣленіи, состоящемъ изъ четырехъ комнатъ.

Въ первый же день пріѣзда Вронскій пріѣхалъ къ брату. Тамъ онъ засталъ пріѣхавшую изъ Москвы по дѣламъ мать. Мать и невѣстка встрѣтили его какъ обыкновенно; онѣ расспрашивали его о поѣздкѣ за границу, говорили объ общихъ знакомыхъ, но ни словомъ не упоминули о его связи съ Анной. Братъ же, на другой день пріѣхавъ утромъ къ Вронскому, самъ спросилъ его о ней, и Алексѣй Вронскій прямо сказалъ ему, что онъ смотритъ на свою связь съ Карениной какъ на бракъ; что онъ надѣется устроить разводъ, и тогда женится на ней, а до тѣхъ поръ считаетъ ее такою же своею женой, какъ и всякую другую жену, и проситъ его такъ передать матери о своей женѣ.

— Если свѣтъ не одобряетъ этого, то мнѣ все равно,— сказалъ Вронскій; — но если родные мои хотятъ быть въ родственныхъ отношеніяхъ со мною, то они должны быть въ такихъ же отношеніяхъ съ моей женой.

Старшій братъ, всегда уважавшій сужденія младшаго, не зналъ хорошенько, правъ ли онъ или нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не рѣшилъ этого вопроса; самъ же, съ своей стороны, ничего не имѣлъ противъ этого и вмѣстѣ съ Алексѣемъ пошелъ къ Аннѣ.

Вронскій при братѣ говорилъ, какъ и при всѣхъ, Аннѣ *вы* и обращался съ нею какъ съ близкою знакомой, но было подразумѣваемо, что братъ знаетъ ихъ отношенія, и говорилось о томъ, что Анна ѣдетъ въ имѣніе Вронскаго.

Несмотря на всю свою свѣтскую опытность, Вронскій, вслѣдствіе того новаго положенія, въ которомъ онъ находился, былъ въ страшномъ заблужденіи. Казалось, ему надо бы понимать, что свѣтъ закрытъ для него съ Анной; но теперь въ головѣ его родились какія-то неясныя сообра-

женія, что такъ было только встарину, а что теперь, при быстромъ прогрессѣ (онъ незамѣтно для себя теперь былъ сторонникомъ всякаго прогресса), что теперь взглядъ общества измѣнился, и что вопросъ о томъ, будутъ ли они приняты въ общество, еще не рѣшенъ. „Разумѣется,—думалъ онъ,—свѣтъ придворный не приметъ ея, но люди близкіе могутъ и должны понять это какъ слѣдуетъ“.

Можно просидѣть нѣсколько часовъ, поджавъ ноги въ одномъ и томъ же положеніи, если знаешь, что ничто не помѣшаетъ перемѣнить положеніе; но если человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ сидѣть такъ съ поджатыми ногами, то сдѣлаются судороги, ноги будутъ дергаться и тискаться въ то мѣсто, куда бы онъ хотѣлъ вытянуть ихъ. Это самое испытывалъ Вронскій относительно свѣта. Хотя онъ въ глубинѣ души зналъ, что свѣтъ закрытъ для нихъ, онъ пробовалъ, не измѣнится ли теперь свѣтъ, и не примутъ ли ихъ. Но онъ очень скоро замѣтилъ, что хотя свѣтъ былъ открытъ для него лично, онъ былъ закрытъ для Анны. Какъ въ игрѣ въ кошку-мышку, руки, поднятыя для него, тотчасъ же опускались передъ Анной.

Одна изъ первыхъ дамъ петербургскаго свѣта, которую увидѣлъ Вронскій, была его кузина Бетси.

— Наконецъ! — радостно встрѣтила она его. — А Анна? Какъ я рада! Гдѣ вы остановились? Я воображаю, какъ послѣ вашего прелестнаго путешествія вамъ ужасенъ нашъ Петербургъ; я воображаю вашъ медовый мѣсяцъ въ Римѣ. Что разводъ? Все это сдѣлали?

Вронскій замѣтилъ, что восхищеніе Бетси уменьшилось, когда она узнала, что развода еще не было.

— Въ меня кинутъ камень, я знаю,—сказала она,—но

я пріѣду къ Аннѣ; да, я непремѣнно пріѣду. Вы не долго пробудете здѣсь?

И дѣйствительно, она въ тотъ же день пріѣхала къ Аннѣ; но тонъ ея былъ уже совсѣмъ не тотъ, какъ прежде. Она очевидно гордилась своею смѣлостью и желала, чтобъ Анна оцѣнила вѣрность ея дружбы. Она пробыла не болѣе десяти минутъ, разговаривая о свѣтскихъ новостяхъ, и при отъѣздѣ сказала:

— Вы мнѣ не сказали, когда разводъ? Положимъ, я забросила свой чепецъ черезъ мельницу, но другіе поднятые воротники будутъ васъ бить холодомъ, пока вы не женитесь. И это такъ просто теперь. Ça se fait. Такъ вы въ пятницу ѣдете? Жалко, что мы больше не увидимся.

По тону Бетси Вронскій могъ бы понять, чего ему надо ждать отъ свѣта, но онъ сдѣлалъ еще попытку въ своемъ семействѣ. На мать свою онъ не надѣялся. Онъ зналъ, что мать, такъ восхищавшаяся Анной во время своего перваго знакомства, теперь была неумолима къ ней за то, что она была причиной разстройства карьеры сына. Но онъ возлагалъ большія надежды на Варю, жену брата. Ему казалось, что она не броситъ камня и съ простотой и рѣшительностью поѣдетъ къ Аннѣ и приметъ ее.

На другой же день по своемъ пріѣздѣ Вронскій поѣхалъ къ ней и, заставъ одну, прямо высказалъ свое желаніе.

— Ты знаешь, Алексѣй,—сказала она, выслушавъ его,—какъ я люблю тебя и какъ готова все для тебя сдѣлать; но я молчала, потому что знала, что не могу тебѣ и Аннѣ Аркадьевнѣ быть полезною, — сказала она, особенно старательно выговоривъ „Анна Аркадьевна“.—Не думай пожалуйста, чтобъ я осуждала. Никогда; можетъ-быть я на ея

мѣстѣ сдѣлала бы то же самое. Я не вхожу и не могу входить въ подробности, — говорила она, робко взглядывая на его мрачное лицо.—Но надо называть вещи по имени. Ты хочешь, чтобы я поѣхала къ ней, принимала ее и тѣмъ реабилитировала ее въ обществѣ; но ты пойми, что я *не могу* этого сдѣлать. У меня дочери растутъ, и я должна жить въ свѣтѣ для мужа. Ну, я пріѣду къ Аннѣ Аркадьевнѣ; она пойметъ, что я не могу ее звать къ себѣ или должна это дѣлать такъ, чтобъ она не встрѣтила тѣхъ, кто смотритъ иначе: это ее же оскорбитъ. Я не могу поднять ее...

— Да я не считаю, чтобъ она упала болѣе, чѣмъ сотни женщинъ, которыхъ вы принимаете! — еще мрачнѣе перебилъ ее Вронскій и молча всталъ, понявъ, что рѣшеніе невѣстки неизмѣнно.

— Алексѣй! не сердись на меня. Пожалуйста пойми, что я не виновата,—заговорила Варя, съ робкою улыбкой глядя на него.

— Я не сержусь на тебя,—сказалъ онъ такъ же мрачно,— но мнѣ больно вдвойнѣ. Мнѣ больно еще то, что это разрываетъ нашу дружбу. Положимъ, не разрываетъ, но ослабляетъ. Ты понимаешь, что и для меня это не можетъ быть иначе.

И съ этимъ онъ вышелъ отъ нея.

Вронскій понялъ, что дальнѣйшія попытки тщетны и что надо пробыть въ Петербургѣ эти нѣсколько дней какъ въ чужомъ городѣ, избѣгая всякихъ сношеній съ прежнимъ свѣтомъ, чтобы не подвергаться непріятностямъ и оскорбленіямъ, которыя были такъ мучительны для него. Одна изъ главныхъ непріятностей положенія въ Петербургѣ была

та, что Алексѣй Александровичъ и его имя, казалось, были вездѣ. Нельзя было ни о чемъ начать говорить, чтобы разговоръ не свернулся на Алексѣя Александровича, никуда нельзя было поѣхать, чтобы не встрѣтить его. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Вронскому, какъ кажется человѣку съ больнымъ пальцемъ, что онъ, какъ нарочно, обо все задѣваетъ этимъ самымъ больнымъ пальцемъ.

Пребываніе въ Петербургѣ казалось Вронскому еще тѣмъ тяжелѣе, что все это время онъ видѣлъ въ Аннѣ какое-то новое, непонятное для него, настроеніе. То она была какъ будто влюблена въ него, то она становилась холодна, раздражительна и непроницаема. Она чѣмъ-то мучилась и что-то скрывала отъ него, и какъ будто не замѣчала тѣхъ оскорбленій, которыя отравляли его жизнь и для нея, съ ея тонкостью пониманія, должны были быть еще мучительнѣе.

XXIX.

Одна изъ цѣлей поѣздки въ Россію для Анны было свиданіе съ сыномъ. Съ того дня, какъ она выѣхала изъ Италіи, мысль объ этомъ свиданіи не переставала волновать ее. И чѣмъ ближе она подъѣзжала къ Петербургу, тѣмъ радость и значительность этого свиданія представлялись ей больше и больше. Она и не задавала себѣ вопроса о томъ, какъ устроить это свиданіе. Ей казалось натурально и просто видѣть сына, когда она будетъ въ одномъ съ нимъ городѣ; но по пріѣздѣ въ Петербургъ ей вдругъ представилось ясно ея теперешнее положеніе въ обществѣ, и она поняла, что устроить свиданіе было трудно.

Она ужъ два дня жила въ Петербургѣ. Мысль о сынѣ ни на минуту не покидала ея, но она еще не видала сына.

Поѣхать прямо въ домъ, гдѣ можно было встрѣтиться съ Алексѣемъ Александровичемъ, она чувствовала что не имѣла права. Ее могли не пустить и оскорбить. Писать и входить въ сношенія съ мужемъ—ей было мучительно и подумать: она могла быть спокойна только когда не думала о мужѣ. Увидать сына на гуляньѣ, узнавъ, куда и когда онъ выходитъ, ей было мало: она такъ готовилась къ этому свиданію, ей столько нужно было сказать ему, ей такъ хотѣлось обнимать, цѣловать его. Старая няня Сережи могла помочь ей и научить ее. Но няня уже не находилась въ домѣ Алексѣя Александровича. Въ этихъ колебаніяхъ и въ розыскиваніяхъ няни прошло два дня.

Узнавъ о близкихъ отношеніяхъ Алексѣя Александровича къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ, Анна на третій день рѣшилась написать ей, стоившее ей большаго труда, письмо, въ которомъ она умышленно говорила, что разрѣшеніе видѣть сына должно зависѣть отъ великодушія мужа. Она знала, что если письмо покажутъ мужу, онъ, продолжая свою роль великодушія, не откажетъ ей.

Коммиссіонеръ, носившій письмо, передалъ ей самый жестокій и неожиданный ею отвѣтъ, что отвѣта не будетъ. Она никогда не чувствовала себя столь униженною, какъ въ ту минуту, когда, призвавъ коммиссіонера, услышала отъ него подробный разсказъ о томъ, какъ онъ дожидался и какъ потомъ ему сказали: отвѣта никакого не будетъ. Анна чувствовала себя униженною, оскорбленною, но она видѣла, что съ своей точки зрѣнія графиня Лидія Ивановна права. Горе ея было тѣмъ сильнѣе, что оно было одиноко. Она не могла и не хотѣла подѣлиться имъ съ Вронскимъ. Она знала, что для него, несмотря на то, что онъ былъ

главною причиной ея несчастія, вопросъ о свиданіи ея съ сыномъ покажется самою неважною вещью. Она знала, что никогда онъ не будетъ въ силахъ понять всей глубины ея страданія; она знала, что за его холодный тонъ, при упоминаніи объ этомъ, она возненавидитъ его. И она боялась этого больше всего на свѣтѣ и потому скрывала отъ него все, что касалось сына.

Просидѣвъ дома цѣлый день, она придумывала средства для свиданія съ сыномъ и остановилась на рѣшеніи написать мужу. Она уже сочиняла это письмо, когда ей принесли письмо Лидіи Ивановны. Молчаніе графини смирило и покорило ее, но письмо, все то, что она прочла между его строками, такъ раздражило ее, такъ ей возмутительна показалась эта злоба въ сравненіи съ ея страстною законною нѣжностью къ сыну, что она возмутилась противъ другихъ и перестала обвинять себя.

„Эта холодность—притворство чувства! —говорила она себѣ.—Имъ нужно было оскорбить меня и измучить ребенка, а я стану покоряться имъ... Ни за что! Она хуже меня. Я не лгу по крайней мѣрѣ“. И тутъ же она рѣшила, что завтра же, въ самый день рожденія Сережи, она поѣдетъ прямо въ домъ мужа, подкупитъ людей, будетъ обманывать, но во что бы ни стало увидитъ сына и разрушитъ этотъ безобразный обманъ, которымъ они окружили несчастнаго ребенка.

Она поѣхала въ игрушечную лавку, накупила игрушекъ и обдумала планъ дѣйствій. Она пріѣдетъ рано утромъ, въ 8 часовъ, когда Алексѣй Александровичъ еще, вѣрно, не вставалъ. Она будетъ имѣть въ рукахъ деньги, которыя дастъ швейцару и лакею, съ тѣмъ, чтобъ они пустили ее,

и, не поднимая вуаля, скажетъ, что она отъ крестнаго отца Сережи пріѣхала поздравить и что ей поручено поставить игрушки у кровати сына. Она не приготовила только тѣхъ словъ, которыя она скажетъ сыну. Сколько она ни думала объ этомъ, она ничего не могла придумать.

На другой день, въ 8 часовъ утра, Анна вышла одна изъ извощичьей кареты и позвонила у большаго подъѣзда своего бывшаго дома.

— Поди, посмотри, чего надо. Какая-то барыня, — сказалъ Капитонычъ, еще не одѣтый, въ пальто и калошахъ, выглянувъ въ окно на даму, покрытую вуалемъ, стоявшую у самой двери. Помощникъ швейца, незнакомый Аннѣ молодой малый, только-что отворилъ ей дверь, какъ она уже вошла въ нее и, вынувъ изъ муфты трехрублевую бумажку, поспѣшно сунула ему въ руку.

— Сережа... Сергѣй Алексѣичъ,—проговорила она и пошла было впередъ. Осмотрѣвъ бумажку, помощникъ швейцара остановилъ ее у другой стеклянной двери.

— Вамъ кого надо?—спросилъ онъ.

Она не слышала его словъ и ничего не отвѣчала.

Замѣтивъ замѣшательство неизвѣстной, самъ Капитонычъ вышелъ къ ней, пропустилъ въ двери и спросилъ, что ей угодно.

— Отъ князя Скородумова къ Сергѣю Алексѣевичу, — проговорила она.

— Они не встали еще, — внимательно приглядываясь, сказалъ швейцаръ.

Анна никакъ не ожидала, чтобы та совершенно неизмѣнившаяся обстановка передней того дома, гдѣ она жила девять лѣтъ, такъ сильно подѣйствовала на нее. Одно

за другимъ, воспоминанія радостныя и мучительныя поднялись въ ея душѣ, и она на мгновеніе забыла, зачѣмъ она здѣсь.

— Подождать изволите? — сказалъ Капитонычъ, снимая съ нея шубку.

— Снявъ шубку, Капитонычъ заглянулъ ей въ лицо, узналъ ее и молча низко поклонился ей.

—Пожалуйте, ваше превосходительство,—сказалъ онъ ей.

Она хотѣла что то сказать, но голосъ отказался произнести какіе нибудь звуки; съ виноватою мольбою взглянувъ на старика, она быстрыми легкими шагами пошла на лѣстницу. Перегнувшись весь впередъ и цѣпляясь калошами о ступени, Капитонычъ бѣжалъ за ней, стараясь перегнать ее.

— Учитель тамъ, можетъ, не одѣтъ. Я доложу.

Анна продолжала идти по знакомой лѣстницѣ, не понимая того, что говорилъ старикъ.

— Сюда, налѣво пожалуйте. Извините, что нечисто. Они теперь въ прежней диванной, — отпыхиваясь, говорилъ швейцаръ.—Позвольте, повремените, ваше превосходительство, я загляну,—говорилъ онъ и, обогнавъ ее, пріотворилъ высокую дверь и скрылся за нею. — Анна остановилась, ожидая. — Только проснулись, — сказалъ швейцаръ, опять выходя изъ двери.

И въ эту минуту, какъ швейцаръ говорилъ это, Анна услыхала звукъ дѣтскаго зѣванья. По одному голосу этого зѣванья она узнала сына и какъ живаго увидала его передъ собой.

— Пусти, пусти, поди!—заговорила она и вошла въ высокую дверь. Направо отъ двери стояла кровать и на кро-

вати сидѣлъ, поднявшись, мальчикъ въ одной растегнутой рубашечкѣ и, перегнувшись тѣльцемъ, потягиваясь, доканчивалъ зѣвокъ. Въ ту минуту, какъ губы его сходились вмѣстѣ, они сложились въ блаженно-сонную улыбку, и съ этою улыбкой онъ опять медленно и сладко повалился назадъ.

— Сережа!—прошептала она, неслышно подходя къ нему.

Во время разлуки съ нимъ и при томъ приливѣ любви, который она испытывала все это послѣднее время, она воображала его четырехлѣтнимъ мальчикомъ, какимъ она больше всего любила его. Теперь онъ былъ даже не такимъ, какъ она оставила его; онъ еще дальше сталъ отъ четырехлѣтняго, еще выросъ и похудѣлъ. Что это! Какъ худо его лицо, какъ коротки его волосы! Какъ длинны руки! Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ она оставила его! Но это былъ онъ, съ его формой головы, его губами, его мягкою шейкой и широкими плечиками.

— Сережа!—повторила она надъ самымъ ухомъ ребенка.

Онъ поднялся опять на локоть, поводилъ спутанною головой на обѣ стороны, какъ бы отыскивая что-то, и открылъ глаза. Тихо и вопросительно онъ поглядѣлъ нѣсколько секундъ на неподвижно-стоявшую передъ нимъ мать, потомъ вдругъ блаженно улыбнулся и, опять закрывъ слипающіеся глаза, повалился, но не назадъ, а къ ней, къ ея рукамъ.

— Сережа, мальчикъ мой милый!—проговорила она, задыхаясь и обнимая руками его пухлое тѣло.

— Мама!—проговорилъ онъ, двигаясь подъ ея руками, чтобы разными мѣстами тѣла касаться ея рукъ.

Сонно улыбаясь, все съ закрытыми глазами, онъ перехватился пухлыми ручонками отъ спинки кровати за ея

плечи, привалился къ ней, обдавая ее тѣмъ милымъ соннымъ запахомъ и теплотой, которые бываютъ только у дѣтей, и сталъ тереться лицомъ объ ея шею и плечи.

— Я зналъ,—открывая глаза, сказалъ онъ.—Нынче мое рожденіе. Я зналъ, что ты придешь. Я встану сейчасъ.

И, говоря это, онъ засыпалъ.

Анна жадно оглядывала его; она видѣла, какъ онъ выросъ и перемѣнился въ ея отсутствіе. Она узнавала и не узнавала его голыя, такія большія теперь, ноги, выпроставшіяся изъ одѣяла, узнавала эти похудѣлыя щеки, эти обрѣзанные, короткіе завитки волосъ на затылкѣ, въ который она такъ часто цѣловала его. Она ощупывала все это и не могла ничего говорить,—слезы душили ее.

— О чемъ же ты плачешь, мама?—сказалъ онъ, совершенно проснувшись.—Мама, о чемъ ты плачешь?—прокричалъ онъ плаксивымъ голосомъ.

— Я не буду плакать... Я плачу отъ радости. Я такъ давно не видала тебя. Я не буду, не буду,—сказала она, глотая слезы и отворачиваясь.—Ну, тебѣ одѣваться теперь пора,—оправившись, прибавила она помолчавъ, и, не выпуская его руки, сѣла у его кровати на стулъ, на которомъ было приготовлено платье.

— Какъ ты одѣваешься безъ меня? Какъ...—хотѣла она начать говорить просто и весело, но не могла, и опять отвернулась.

— Я не моюсь холодною водой, папа не велѣлъ. А Василія Лукича ты не видала? Онъ придетъ. А ты сѣла на мое платье!

И Сережа расхохотался. Она посмотрѣла на него и улыбнулась.

— Мама, душечка, голубушка!—закричалъ онъ, бросаясь опять къ ней и обнимая ее. Какъ будто онъ теперь только, увидавъ ея улыбку, ясно понялъ, что случилось.

— Это не надо,—говорилъ онъ, снимая съ нея шляпу. И, какъ будто вновь увидавъ ее безъ шляпы, онъ опять бросился цѣловать ее.

— Но что же ты думалъ обо мнѣ? Ты не думалъ, что я умерла?

— Никогда не вѣрилъ.

— Не вѣрилъ, другъ мой?

— Я зналъ, я зналъ!—повторялъ онъ свою любимую фразу и, схвативъ ея руку, которая ласкала его волосы, сталъ прижимать ее ладонью къ своему рту и цѣловать ее.

XXX.

Василій Лукичъ, между тѣмъ, не понимавшій сначала, кто была эта дама, и узнавъ изъ разговора, что это была та самая мать, которая бросила мужа и которую онъ не зналъ, такъ какъ поступилъ въ домъ уже послѣ нея, былъ въ сомнѣніи, войдти ли ему или нѣтъ, или сообщить Алексѣю Александровичу. Сообразивъ наконецъ то, что его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы поднимать Сережу въ опредѣленный часъ и что, поэтому, ему нечего разбирать, кто тамъ сидитъ, мать или другой кто, а нужно исполнять свою обязанность, онъ одѣлся, подошелъ къ двери и отворилъ ее.

Но ласки матери и сына, звуки ихъ голосовъ и то, что они говорили, все это заставило его измѣнить намѣреніе.

Онъ покачалъ головой и, вздохнувъ, затворилъ дверь.

„Подожду еще десять минутъ", сказалъ онъ себѣ откашливаясь и утирая слезы.

Между прислугой дома въ это же время происходило сильное волненіе. Всѣ узнали, что пріѣхала барыня, и что Капитонычъ пустилъ ее, и что она теперь въ дѣтской, а между тѣмъ баринъ всегда въ девятомъ часу самъ заходитъ въ дѣтскую, и всѣ понимали, что встрѣча супруговъ невозможна и что надо помѣшать ей. Корней, камердинеръ, сойдя въ швейцарскую, спрашивалъ, кто и какъ пропустилъ ее, и узнавъ, что Капитонычъ принялъ и проводилъ ее, выговаривалъ старику. Швейцаръ упорно молчалъ; но когда Корней сказалъ ему, что за это его согнать слѣдуетъ, Капитонычъ подскочилъ къ нему и, замахавъ руками передъ лицомъ Корнея, заговорилъ:

— Да, вотъ ты бы не впустилъ! Десять лѣтъ служилъ, да кромѣ милости ничего не видалъ, да ты бы пошелъ теперь да и сказалъ: пожалуйте, молъ, вонъ! Ты политику-то тонко понимаешь, такъ-то! Ты бы про себя помнилъ, какъ барина обирать, да енотовыя шубы таскать!

— Солдатъ!—презрительно сказалъ Корней и повернулся ко входившей нянѣ.—Вотъ судите, Марья Ефимовна: впустилъ, никому не сказалъ, — обратился къ ней Корней.—Алексѣй Александровичъ сейчасъ выйдутъ, пойдутъ въ дѣтскую.

— Дѣла, дѣла!—говорила няня.—Вы бы, Корней Васильевичъ, какъ-нибудь задержали его, барина-то, а я побѣгу, какъ-нибудь ее уведу. Дѣла, дѣла!

Когда няня вошла въ дѣтскую, Сережа разсказывалъ матери о томъ, какъ они упали вмѣстѣ съ Наденькой, покатившись съ горы, и три раза перекувырнулись. Она слу-

шала звуки его голоса, видѣла его лицо и игру выраженія, ощущала его руку, но не понимала того, что онъ говорилъ. Надо было уходить, надо было оставить его—только одно это и думала, и чувствовала она. Она слышала и шаги Василія Лукича, подходившаго къ двери и кашлявшаго, слышала и шаги подходившей няни; но сидѣла какъ окаменѣлая, не въ силахъ ни начать говорить, ни встать.

— Барыня, голубушка! — заговорила няня, подходя къ Аннѣ и цѣлуя ея руки и плечи.—Вотъ Богъ привелъ радость нашему новорожденному. Ничего-то вы не перемѣнились.

— Ахъ, няня, милая, я не знала, что ты въ домѣ, — на минуту очнувшись, сказала Анна.

— Я не живу, я съ дочерью живу, я поздравить пришла, Анна Аркадьевна, голубушка!

Няня вдругъ заплакала и опять стала цѣловать ея руку.

Сережа, сіяя глазами и улыбкой и держась одною рукой за мать, другою за няню, топоталъ по ковру жирными голыми ножками. Нѣжность любимой няни къ матери приводила его въ восхищеніе.

— Мама! Она часто ходитъ ко мнѣ, и когда придетъ ..— началъ было онъ, но остановился, замѣтивъ, что няня шепотомъ что-то сказала матери и что на лицѣ матери выразились испугъ и что-то похожее на стыдъ, что такъ не шло къ матери.

Она подошла къ нему.

— Милый мой!—сказала она.

Она не могла сказать *прощай*, но выраженіе ея лица сказало это, и онъ понялъ.—Милый, милый Кутикъ!—проговорила она имя, которымъ звала его маленькимъ,—ты не забудешь меня? Ты...—но больше она не могла говорить.

Сколько потомъ она придумывала словъ, которыя она могла сказать. А теперь она ничего не умѣла и не могла сказать. Но Сережа понялъ все, что она хотѣла сказать ему. Онъ понялъ, что она была несчастлива и любила его. Онъ понялъ даже то, что шепотомъ говорила няня. Онъ слышалъ слова: „всегда въ девятомъ часу", и онъ понялъ, что это говорилось про отца и что матери съ отцомъ нельзя встрѣчаться. Это онъ понималъ, но одного не могъ понять: почему на ея лицѣ показались испугъ и стыдъ?... Она не виновата, а боится его и стыдится чего-то. Онъ хотѣлъ сдѣлать вопросъ, который разъяснилъ бы ему это сомнѣніе, но не смѣлъ этого сдѣлать: онъ видѣлъ, что она страдаетъ, и ему было жаль ея. Онъ молча прижался къ ней и шепотомъ сказалъ:

— Еще не уходи. Онъ не скоро придетъ.

Мать отстранила его отъ себя, чтобы понять, то ли онъ думаетъ, что говоритъ, и въ испуганномъ выраженіи его лица она прочла, что онъ не только говорилъ объ отцѣ, но какъ бы спрашивалъ ее, какъ ему надо объ отцѣ думать.

— Сережа, другъ мой, — сказала она, — люби его, онъ лучше и добрѣе меня и я передъ нимъ виновата. Когда ты выростешь, ты разсудишь.

— Лучше тебя нѣтъ!...— съ отчаяніемъ закричалъ онъ сквозь слезы и, схвативъ ее за плечи, изо всѣхъ силъ сталъ прижимать ее къ себѣ дрожащими отъ напряженія руками.

— Душечка, маленькій мой! — проговорила Анна и заплакала такъ же слабо, по дѣтски, какъ плакалъ онъ.

Въ это время дверь отворилась и вошелъ Василій Лукичъ.

У другой двери послышались шаги, и няня испуганнымъ шепотомъ сказала: „идетъ"—и подала шляпу Аннѣ.

Сережа опустился въ постель и зарыдалъ, закрывъ лицо руками. Анна отняла эти руки, еще разъ поцѣловала его мокрое лицо и быстрыми шагами вышла въ дверь. Алексѣй Александровичъ шелъ ей навстрѣчу. Увидавъ ее, онъ остановился и наклонилъ голову.

Несмотря на то, что она только-что говорила, что онъ лучше и добрѣе ея, при быстромъ взглядѣ, который она бросила на него, охвативъ всю его фигуру со всѣми подробностями, чувства отвращенія и злобы къ нему и зависти за сына охватили ее. Она быстрымъ движеніемъ опустила вуаль и, прибавивъ шагу, почти выбѣжала изъ комнаты.

Она не успѣла и вынуть, и такъ и привезла домой тѣ игрушки, которыя она съ такою любовью и грустью выбирала вчера въ лавкѣ.

XXXI.

Какъ ни сильно желала Анна свиданія съ сыномъ, какъ ни давно думала о томъ и готовилась къ тому, она никакъ не ожидала, чтобъ это свиданіе такъ сильно подѣйствовало на нее. Вернувшись въ свое одинокое отдѣленіе въ гостиницѣ, она долго не могла понять, зачѣмъ она здѣсь. „Да, все это кончено, и я опять одна“, сказала она себѣ и, не снимая шляпы, сѣла на стоявшее у камина кресло. Уставившись неподвижными глазами на бронзовые часы, стоявшіе на столѣ между оконъ, она стала думать.

Дѣвушка-француженка, привезенная изъ-за границы, вошла предложить ей одѣваться. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на нее и сказала: „послѣ“. Лакей предложилъ кофе. „Послѣ“, сказала она.

Кормилица итальянка, убравъ дѣвочку, вошла съ нею

и поднесла ее Аннѣ. Пухлая, хорошо выкормленная дѣвочка, какъ всегда, увидавъ мать, подвернула перетянутыя ниточками голыя ручонки ладонями книзу и, улыбаясь беззубымъ ротикомъ, начала, какъ рыба поплавками, загребать ручонками, шурша ими по накрахмаленнымъ складкамъ вышитой юбочки. Нельзя было не улыбнуться, не поцѣловать дѣвочку, нельзя было не подставить ей палецъ, за который она ухватилась, взвизгивая и подрагивая всѣмъ тѣломъ; нельзя было не подставить ей губу, которую она, въ видѣ поцѣлуя, забрала въ ротикъ. И все эта сдѣлала Анна, и взяла ее на руки, и заставила ее попрыгать, и поцѣловала ея свѣжую щечку и оголенные локотки; но, при видѣ этого ребенка, ей еще яснѣе было, что то чувство, которое она испытывала къ ней, было даже не любовь въ сравненіи съ тѣмъ, что она чувствовала къ Сережѣ. Все въ этой дѣвочкѣ было мило, но все это почему-то не забирало за сердце. На перваго ребенка, хотя и отъ нелюбимаго человѣка, были положены всѣ силы любви, не получавшія удовлетворенія; дѣвочка была рождена въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и на нее не было положено и сотой доли тѣхъ заботъ, которыя были положены на перваго. Кромѣ того, въ дѣвочкѣ все было еще ожиданія, а Сережа былъ уже почти человѣкъ, и любимый человѣкъ; въ немъ уже боролись мысли, чувства; онъ понималъ, онъ любилъ, онъ судилъ ее, думала она, вспоминая его слова и взгляды. И она навсегда, не только физически, но духовно была разъединена съ нимъ, и поправить этого нельзя было.

Она отдала дѣвочку кормилицѣ, отпустила ее и открыла медальонъ, въ которомъ былъ портретъ Сережи, когда

онъ былъ почти того же возраста, какъ и дѣвочка. Она встала и, снявъ шляпу, взяла на столикѣ альбомъ, въ которомъ были фотографическія карточки сына въ другихъ возрастахъ. Она хотѣла сличить карточки и стала вынимать ихъ изъ альбома. Она вынула ихъ всѣ. Оставалась одна, послѣдняя, лучшая карточка. Онъ, въ бѣлой рубашкѣ, сидѣлъ верхомъ на стулѣ, хмурился глазами и улыбался ртомъ. Это было самое особенное, лучшее его выраженіе. Маленькими ловкими руками, которыя нынче особенно напряженно двигались своими бѣлыми тонкими пальцами, она нѣсколько разъ задѣвала за уголокъ карточки, но карточка срывалась, и она не могла достать ее. Разрѣзнаго ножика не было на столѣ, и она, вынувъ карточку, бывшую рядомъ (это была карточка Вронскаго, сдѣланная въ Римѣ, въ круглой шляпѣ и съ длинными волосами), ею вытолкнула карточку сына. „Да, вотъ онъ!" сказала она, взглянувъ на карточку Вронскаго, и вдругъ вспомнила, кто былъ причиной ея теперешняго горя. Она ни разу не вспомнила о немъ все это утро. Но теперь вдругъ, увидавъ это мужественное, благородное, столь знакомое и милое ей лицо, она почувствовала неожиданный приливъ любви къ нему.

„Да гдѣ же онъ? Какъ же онъ оставляетъ меня одну съ моими страданіями?" вдругъ съ чувствомъ упрека подумала она, забывая, что она сама скрывала отъ него все касавшееся сына. Она послала къ нему просить его придти къ ней сейчасъ же; съ замираніемъ сердца, придумывая слова, которыми она скажетъ ему все, и тѣ выраженія его любви, которыя утѣшатъ ее, она ждала его. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что у него гость, но

что онъ сейчасъ придетъ, и приказалъ спросить ее, можетъ ли она принять его съ пріѣхавшимъ въ Петербургъ княземъ Яшвинымъ. „Не одинъ придетъ, а со вчерашняго обѣда онъ не видалъ меня,—подумала она;—не такъ придетъ, чтобъ я могла все высказать ему, а придетъ съ Яшвинымъ"... И вдругъ ей пришла странная мысль: что, если онъ разлюбилъ ее?

И, перебирая событія послѣднихъ дней, ей казалось, что во всемъ она видѣла подтвержденіе этой страшной мысли: и то, что онъ вчера обѣдалъ не дома, и то, что онъ настоялъ на томъ, чтобъ они въ Петербургѣ остановились врозь, и то, что онъ даже теперь шелъ къ ней не одинъ, какъ бы избѣгая свиданія съ глазу на глазъ.

„Но онъ долженъ сказать мнѣ это. Мнѣ нужно знать это. Если я буду знать это, тогда я знаю, что я сдѣлаю", говорила она себѣ, не въ силахъ представить себѣ того положенія, въ которомъ она будетъ, убѣдившись въ его равнодушіи. Она думала, что онъ разлюбилъ ее, она чувствовала себя близкою къ отчаянію, и вслѣдствіе этого она почувствовала себя особенно возбужденною. Она позвонила дѣвушку и пошла въ уборную. Одѣваясь, она занялась больше, чѣмъ всѣ эти дни, своимъ туалетомъ, какъ будто онъ могъ, разлюбивъ ее, опять полюбить за то, что на ней будетъ то платье и та прическа, которыя больше шли къ ней.

Она услыхала звонокъ прежде, чѣмъ была готова.

Когда она вышла въ гостиную, не онъ, а Яшвинъ встрѣтилъ ее взглядомъ. Онъ разсматривалъ карточки ея сына, которыя она забыла на столѣ, и не торопился взглянуть на нее.

— Мы знакомы, — сказала она, кладя свою маленькую руку въ огромную руку конфузившагося (что такъ странно было при его громадномъ ростѣ и грубомъ лицѣ) Яшвина.— Знакомы съ прошлаго года, на скачкахъ. Дайте, — сказала она, быстрымъ движеніемъ отбирая отъ Вронскаго карточки сына, которыя онъ смотрѣлъ, и значительно, блестящими глазами взглядывая на него. —Нынѣшній годъ хороши были скачки? Вмѣсто этихъ, я смотрѣла скачки на Корсо въ Римѣ. Вы, впрочемъ, не любите заграничной жизни, —сказала она, ласково улыбаясь.—Я васъ знаю, и знаю всѣ ваши вкусы, хотя мало встрѣчалась съ вами.

— Это мнѣ очень жалко, потому что мои вкусы все больше дурные, — сказалъ Яшвинъ, закусывая свой лѣвый усъ.

Поговоривъ нѣсколько времени и замѣтивъ, что Вронскій взглянулъ часы, Яшвинъ спросилъ ее, долго ли пробудетъ еще въ Петербургѣ, и, разогнувъ свою огромную фигуру, взялся за кепи.

— Кажется, не долго,—сказала она съ замѣшательствомъ, взглянувъ на Вронскаго.

— Такъ и не увидимся больше?—сказалъ Яшвинъ, вставая и обращаясь къ Вронскому,—гдѣ ты обѣдаешь?

— Пріѣзжайте обѣдать ко мнѣ, — рѣшительно сказала Анна, какъ бы разсердившись на себя за свое смущеніе, но краснѣя, какъ всегда, когда выказывала передъ новымъ человѣкомъ свое положеніе.—Обѣдъ здѣсь нехорошъ, но по крайней мѣрѣ вы увидитесь съ нимъ. Алексѣй изо всѣхъ полковыхъ товарищей никого такъ не любитъ, какъ васъ.

— Очень радъ,—сказалъ Яшвинъ съ улыбкой, по которой Вронскій видѣлъ, что Анна очень понравилась ему.

Яшвинъ раскланялся и вышелъ. Вронскій остался позади.

— Ты тоже ѣдешь?—сказала она ему.

— Уже опоздалъ,—отвѣчалъ онъ.—Иди! Я сейчасъ догоню тебя,—крикнулъ онъ Яшвину.

Она взяла его за руку и, не спуская глазъ, смотрѣла на него, отыскивая въ мысляхъ, что̀ бы сказать, чтобъ удержать его.

— Постой, мнѣ кое-что надо сказать,—и взявъ его короткую руку, она прижала ее къ своей шеѣ. —Да, ничего, что я позвала его обѣдать?

— Прекрасно сдѣлала,—сказалъ онъ со спокойною улыбкой, открывая свои сплошные зубы и цѣлуя ея руку.

— Алексѣй, ты не измѣнился ко мнѣ?—сказала она, обѣими руками сжимая его руку.—Алексѣй, я измучилась здѣсь. Когда мы уѣдемъ?

— Скоро, скоро. Ты не повѣришь, какъ и мнѣ тяжела наша жизнь здѣсь,—сказалъ онъ и потянулъ свою руку.

— Ну, иди, иди!—съ оскорбленіемъ сказала она и быстро ушла отъ него.

XXXII.

Когда Вронскій вернулся домой, Анны не было еще дома. Вскорѣ послѣ него, какъ ему сказали, къ ней пріѣхала какая-то дама и она съ нею вмѣстѣ уѣхала. То, что она уѣхала, не сказавъ куда, то, что ея до сихъ поръ не было, то, что она утромъ еще ѣздила куда-то, ничего не сказавъ ему,—все это, вмѣстѣ со странно-возбужденнымъ выраженіемъ ея лица нынче утромъ и съ воспоминаніемъ того враждебнаго тона, съ которымъ она при Яшвинѣ почти вырвала изъ его рукъ карточки сына, заставило его

задуматься. Онъ рѣшилъ, что необходимо объясниться съ ней. И онъ ждалъ ее въ ея гостиной. Но Анна вернулась не одна, а привезла съ собой свою тетку, старую дѣву, княжну Облонскую. Это была та самая, которая пріѣзжала утромъ и съ которою Анна ѣздила за покупками. Анна какъ будто не замѣчала выраженія лица Вронскаго, озабоченнаго и вопросительнаго, и весело разсказывала ему, что она купила нынче утромъ. Онъ видѣлъ, что въ ней происходило что-то особенное: въ блестящихъ глазахъ, когда они мелькомъ останавливались на немъ, было напряженное вниманіе, и въ рѣчи и въ движеніяхъ была та нервная быстрота и грація, которыя въ первое время ихъ сближенія такъ прельщали его, а теперь тревожили и пугали.

Обѣдъ былъ накрытъ на четырехъ. Всѣ уже собрались, чтобы выйдти въ маленькую столовую, какъ пріѣхалъ Тушкевичъ съ порученіемъ къ Аннѣ отъ княгини Бетси. Княгиня Бетси просила извинить, что она не пріѣхала проститься; она была нездорова, но просила Анну пріѣхать къ ней между половиной седьмаго и девятью часами. Вронскій взглянулъ на Анну при этомъ опредѣленіи времени, показывавшемъ, что были приняты мѣры, чтобъ она никого не встрѣтила; но Анна какъ будто не замѣтила этого.

— Очень жалко, что я именно не могу между половиной седьмаго и девятью,—сказала она, чуть улыбаясь.

— Княгиня очень будетъ жалѣть.

— И я тоже.

— Вы, вѣрно, ѣдете слушать Патти?—сказалъ Тушкевичъ.

— Патти? Вы мнѣ даете мысль. Я поѣхала бы, еслибы можно было достать ложу.

— Я могу достать,—вызвался Тушкевичъ.

— Я бы очень, очень была вамъ благодарна. — сказала Анна.—Да не хотите ли съ нами обѣдать?

Вронскій пожалъ чуть замѣтно плечами. Онъ рѣшительно не понималъ, что дѣлала Анна. Зачѣмъ она привезла эту старую княжну, зачѣмъ оставляла обѣдать Тушкевича и, удивительнѣе всего, зачѣмъ посылала его за ложей? Развѣ возможно было думать, чтобы въ ея положеніи ѣхать въ абонементъ Патти, гдѣ будетъ весь ей знакомый свѣтъ? Онъ серьёзнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но она отвѣтила ему тѣмъ же вызывающимъ, не то веселымъ, не то отчаяннымъ взглядомъ, значенія котораго онъ не могъ понять. За обѣдомъ Анна была наступательно весела; она какъ будто кокетничала и съ Тушкевичемъ, и съ Яшвинымъ. Когда встали отъ обѣда и Тушкевичъ поѣхалъ за ложей, а Яшвинъ пошелъ курить, Вронскій сошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ себѣ. Посидѣвъ нѣсколько времени, онъ вбѣжалъ на верхъ. Анна уже была одѣта въ свѣтлое шелковое съ бархатомъ платье, которое она сшила въ Парижѣ, съ открытою грудью, и съ бѣлымъ дорогимъ кружевомъ на головѣ, обрамлявшимъ ея лицо и особенно выгодно выставлявшимъ ея яркую красоту.

— Вы точно поѣдете въ театръ?—сказалъ онъ, стараясь не смотрѣть на нее.

— Отчего же вы такъ испуганно спрашиваете? — вновь оскорбленная тѣмъ, что онъ не смотрѣлъ на нее, сказала она.—Отчего же мнѣ не ѣхать?

Она какъ будто не понимала значенія его словъ.

— Разумѣется, нѣтъ никакой причины, — нахмурившись, сказалъ онъ.

— Вотъ это самое я и говорю,—сказала она, умышленно

не понимая ироніи его тона и спокойно заворачивая длинную душистую перчатку.

— Анна, ради Бога, что съ вами?—сказалъ онъ, будя ее, точно такъ же, какъ говорилъ ей когда-то ея мужъ.

— Я не понимаю, о чемъ вы спрашиваете.

— Вы знаете, что нельзя ѣхать.

— Отчего? Я поѣду не одна. Княжна Варвара поѣхала одѣваться, она поѣдетъ со мной.

Онъ пожалъ плечами съ видомъ недоумѣнія и отчаянія.

— Но развѣ вы не знаете...—началъ было онъ.

— Да я не хочу знать! — почти вскрикнула она. — Не хочу. Раскаиваюсь я въ томъ, что сдѣлала? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И еслибъ опять то же, съ начала, то было бы то же. Для насъ—для меня и для васъ—важно только одно: любимъ ли мы другъ друга. А другихъ нѣтъ соображеній. Для чего мы живемъ здѣсь врозь и не видимся? Почему я не могу ѣхать? Я тебя люблю, и мнѣ все равно, — сказала она по-русски, съ особеннымъ, непонятнымъ ему блескомъ глазъ взглянувъ на него,—если ты не измѣнился. Отчего ты не смотришь на меня?

Онъ посмотрѣлъ на нее. Онъ видѣлъ всю красоту ея лица и наряда, всегда такъ шедшаго къ ней. Но теперь именно красота и элегантность ея были то самое, что раздражало его.

— Чувство мое не можетъ измѣниться, вы знаете, но я прошу не ѣздить, умоляю васъ, — сказалъ онъ опять по-французски, съ нѣжною мольбой въ голосѣ, но съ холодностью во взглядѣ.

Она не слышала словъ, но видѣла холодность взгляда, и съ раздраженіемъ отвѣчала:

— А я прошу васъ объявить, почему я не должна ѣхать.

— Потому, что это можетъ причинить вамъ то...—Онъ замялся.

— Ничего не понимаю. Яшвинъ n'est pas compromettant, и княжна Варвара ничѣмъ не хуже другихъ. А, вотъ и она!

XXXIII.

Вронскій въ первый разъ испытывалъ противъ Анны чувство досады, почти злобы, за ея умышленное непониманіе своего положенія. Чувство это усиливалось еще тѣмъ, что онъ не могъ выразить ей причину своей досады. Еслибъ онъ сказалъ ей прямо то, что онъ думалъ, то онъ сказалъ бы:

— Въ этомъ нарядѣ, съ извѣстной всѣмъ княжной появиться въ театрѣ—значило не только признать свое положеніе погибшей женщины, но и бросить вызовъ свѣту, т.-е. навсегда отречься отъ него.

Онъ не могъ сказать ей это. „Но какъ она можетъ не понимать этого, и что въ ней дѣлается?“ говорилъ онъ себѣ. Онъ чувствовалъ, какъ въ одно и то же время уваженіе его къ ней уменьшалось и увеличивалось сознаніе ея красоты.

Нахмуренный вернулся онъ въ свой номеръ и, подсѣвъ къ Яшвину, вытянувшему свои длинныя ноги на стулъ и пившему коньякъ съ сельтерской водой, велѣлъ себѣ подать того же.

— Ты говоришь: Могучій Ланковскаго. Это лошадь хорошая, и я совѣтую тебѣ купить, — сказалъ Яшвинъ, взглянувъ на мрачное лицо товарища.—У него вислозадина, но ноги и голова—желать лучше нельзя.

— Я думаю, что возьму,—отвѣчалъ Вронскій.

Разговоръ о лошадяхъ занималъ его, но ни на минуту онъ не забывалъ Анны, невольно прислушивался къ звукамъ шаговъ по корридору и поглядывалъ на часы на каминѣ.

— Анна Аркадьевна приказала доложить, что онѣ поѣхали въ театръ.

Яшвинъ, опрокинувъ еще рюмку коньяку въ шипящую воду, выпилъ и всталъ, застегиваясь.

— Что-жъ, поѣдемъ,—сказалъ онъ, чуть улыбаясь подъ усами и показывая этою улыбкой, что понимаетъ причину мрачности Вронскаго, но не придаетъ ей значенія.

— Я не поѣду,—мрачно отвѣчалъ Вронскій.

— А мнѣ надо, я обѣщалъ. Ну, до свиданія. А то пріѣзжай въ кресла, Красинскаго кресло возьми, — прибавилъ Яшвинъ, выходя.

— Нѣтъ, мнѣ дѣло есть.

„Съ женою забота, съ не-женою еще хуже“, подумалъ Яшвинъ, выходя изъ гостиницы.

Вронскій, оставшись одинъ, всталъ со стула и принялся ходить по комнатѣ.

„Да, нынче что? Четвертый абонементъ... Егоръ съ женою тамъ и мать, вѣроятно. Это значитъ, весь Петербургъ тамъ. Теперь она вошла, сняла шубу и вышла на свѣтъ. Тушкевичъ, Яшвинъ, княжна Варвара,—представлялъ онъ себѣ. — Что-жъ я то? Или я боюсь, или передалъ покровительство надъ ней Тушкевичу? Какъ ни смотри — глупо, глупо... И зачѣмъ она ставитъ меня въ это положеніе?“ сказалъ онъ, махнувъ рукой.

Этимъ движеніемъ онъ зацѣпилъ столикъ, на которомъ стояли сельтерская вода и графинъ съ коньякомъ, и чуть

не столкнулъ его. Онъ хотѣлъ подхватить, уронилъ и съ досады толкнулъ ногой столъ и позвонилъ.

— Если ты хочешь служить у меня, — сказалъ онъ вошедшему камердинеру,—то ты помни свое дѣло. Чтобъ этого не было. Ты долженъ убрать.

Камердинеръ, чувствуя себя невиноватымъ, хотѣлъ оправдываться, но, взглянувъ на барина, понялъ по его лицу, что надо только молчать, и, поспѣшно извиваясь, опустился на коверъ и сталъ разбирать цѣлыя и разбитыя рюмки и бутылки.

— Это не твое дѣло, пошли лакея убирать и приготовь мнѣ фракъ.

Вронскій вошелъ въ театръ въ половинѣ девятаго. Спектакль былъ во всемъ разгарѣ. Капельдинеръ, старичокъ, снялъ шубу съ Вронскаго и, узнавъ его, назвалъ „ваше сіятельство" и предложилъ ему не брать нумерка, а просто крикнуть Ѳедора. Въ свѣтломъ корридорѣ никого не было кромѣ капельдинера и двухъ лакеевъ съ шубами на рукахъ, слушавшихъ у двери. Изъ-за притворенной двери слышались звуки осторожнаго акомпанимента стаккато оркестра и одного женскаго голоса, который отчетливо выговаривалъ музыкальную фразу. Дверь отворилась, пропуская прошмыгнувшаго капельдинера, и фраза, подходившая къ концу, ясно поразила слухъ Вронскаго. Но дверь тотчасъ же затворилась, и Вронскій не слыхалъ конца фразы и каданса, но понялъ, по грому рукоплесканій изъ-за двери, что кадансъ кончился. Когда онъ вошелъ въ ярко освѣщенную люстрами и бронзовыми газовыми рожками залу, шумъ еще продолжался. На сценѣ пѣвица, блестя обнажен-

ными плечами и брилліантами, нагибаясь и улыбаясь, собирала съ помощью тенора, державшаго ее за руку, неловко перелетавшіе черезъ рампу букеты и подходила къ господину съ рядомъ по серединѣ блестѣвшихъ помадой волосъ, тянувшемуся длинными руками черезъ рампу съ какою-то вещью,—и вся публика въ партерѣ, какъ и въ ложахъ, суетилась, тянулась впередъ, кричала и хлопала. Капельмейстеръ на своемъ возвышеніи помогалъ въ передачѣ и оправлялъ свой бѣлый галстукъ. Вронскій вошелъ въ середину партера и, остановившись, сталъ оглядываться. Нынче менѣе, чѣмъ когда нибудь, обратилъ онъ вниманіе на знакомую, привычную обстановку, на сцену, на этотъ шумъ, на все это знакомое, неинтересное, пестрое стадо зрителей въ биткомъ-набитомъ театрѣ.

Тѣ же, какъ всегда, были по ложамъ какія-то дамы съ какими-то офицерами въ задахъ ложъ; тѣ же, Богъ знаетъ кто, разноцвѣтныя женщины, и мундиры, и сюртуки, та же грязная толпа въ райкѣ, и во всей этой толпѣ, въ ложахъ и въ первыхъ рядахъ, были человѣкъ сорокъ *настоящихъ* мужчинъ и женщинъ. И на эти оазисы Вронскій тотчасъ обратилъ вниманіе, и съ ними тотчасъ же вошелъ въ сношеніе.

Актъ кончился, когда онъ вошелъ, и потому онъ, не заходя въ ложу брата, прошелъ до перваго ряда и остановился у рампы съ Серпуховскимъ, который, согнувъ колѣно и постукивая каблукомъ въ рампу и издалека увидавъ его, подозвалъ къ себѣ улыбкой.

Вронскій еще не видалъ Анны, онъ нарочно не смотрѣлъ въ ея сторону. Но онъ зналъ по направленію взглядовъ, гдѣ она. Онъ незамѣтно оглядывался, но не искалъ ея:

ожидая худшаго, онъ искалъ глазами Алексѣя Александровича. На его счастіе, Алексѣя Александровича нынѣшній разъ не было въ театрѣ.

— Какъ въ тебѣ мало осталось военнаго!— сказалъ ему Серпуховской.—Дипломатъ, артистъ, вотъ этакое что-то.

— Да, я какъ домой вернулся, такъ надѣлъ фракъ,— отвѣчалъ Вронскій, улыбаясь и медленно вынимая бинокль.

— Вотъ въ этомъ я, признаюсь, тебѣ завидую. Я, когда возвращусь изъ-за границы и надѣваю это, — онъ тронулъ эксельбанты,—мнѣ жалко свободы.

Серпуховской уже давно махнулъ рукой на служебную дѣятельность Вронскаго, но любилъ его попрежнему, и теперь былъ съ нимъ особенно любезенъ.

— Жалко, ты опоздалъ къ первому акту.

Вронскій, слушая однимъ ухомъ, переводилъ бинокль съ бенуара на бель-этажъ и оглядывалъ ложи. Подлѣ дамы въ тюрбанѣ и плѣшиваго старичка, сердито мигавшаго въ стеклѣ подвигавшагося бинокля, Вронскій вдругъ увидалъ голову Анны, гордую, поразительно красивую и улыбающуюся въ рамкѣ кружевъ. Она была въ пятомъ бенуарѣ, въ двадцати шагахъ отъ него. Сидѣла она спереди и, слегка оборотившись, говорила что-то Яшвину. Постановъ ея головы на красивыхъ и широкихъ плечахъ и сдержанно-возбужденное сіяніе ея глазъ и всего лица напомнили ему ее такою совершенно, какою онъ увидѣлъ ее на балѣ въ Москвѣ. Но онъ совсѣмъ иначе теперь ощущалъ эту красоту. Въ чувствѣ его къ ней теперь не было ничего таинственнаго, и потому красота ея хотя и сильнѣе чѣмъ прежде привлекла его, вмѣстѣ съ тѣмъ теперь оскорбляла

его. Она не смотрѣла въ его сторону, но Вронскій чувствовалъ, что она уже видѣла его.

Когда Вронскій опять навелъ въ ту сторону бинокль, онъ замѣтилъ, что княжна Варвара особенно красна, неестественно смѣется и безпрестанно оглядывается на сосѣднюю ложу. Анна же, сложивъ вѣеръ и постукивая имъ по красному бархату, приглядывается куда-то, но не видитъ и очевидно не хочетъ видѣть того, что происходитъ въ сосѣдней ложѣ. На лицѣ Яшвина было то выраженіе, которое бывало на немъ, когда онъ проигрывалъ. Онъ, насупившись, засовывалъ все глубже и глубже въ ротъ свой лѣвый усъ и косился на ту же сосѣднюю ложу.

Въ ложѣ этой, слѣва, были Картасовы. Вронскій зналъ ихъ, и зналъ, что Анна съ ними была знакома. Картасова, худая, маленькая женщина, стояла въ своей ложѣ и, спиной оборотившись къ Аннѣ, надѣвала накидку, подаваемую ей мужемъ. Лицо ея было блѣдно и сердито, и она что-то взволнованно говорила. Картасовъ, толстый, плѣшивый господинъ, безпрестанно оглядываясь на Анну, старался успокоить жену. Когда жена вышла, мужъ долго медлилъ, отыскивая глазами взглядъ Анны и видимо желая ей поклониться. Но Анна, очевидно нарочно не замѣчая его, оборотившись назадъ, что-то говорила нагнувшемуся къ ней стриженою головой Яшвину. Картасовъ вышелъ не поклонившись, и ложа осталась пустою.

Вронскій не понялъ того, что именно произошло между Картасовыми и Анной, но онъ понялъ, что произошло что-то унизительное для Анны. Онъ понялъ это и по тому, что видѣлъ, и болѣе всего по лицу Анны, которая, онъ зналъ, собрала свои послѣднія силы, чтобы ведерживать взятую

на себя роль. И эта роль внѣшняго спокойствія вполнѣ удавалась ей. Кто не зналъ ея и ея круга, не слыхалъ всѣхъ выраженій соболѣзнованія, негодованія и удивленія женщинъ, что она позволила себѣ показаться въ свѣтѣ, и показаться такъ замѣтно въ своемъ кружевномъ уборѣ и со своей красотой, тѣ любовались спокойствіемъ и красотой этой женщины и не подозрѣвали, что она испытывала чувства человѣка, выставляемаго у позорнаго столба.

Зная, что что-то случилось, но не зная, что именно, Вронскій испытывалъ мучительную тревогу и, надѣясь узнать что-нибудь, пошелъ въ ложу брата. Нарочно выбравъ противоположный отъ ложи Анны пролетъ партера, онъ выходя столкнулся съ бывшимъ полковымъ командиромъ своимъ, говорившимъ съ двумя знакомыми. Вронскій слышалъ, какъ было произнесено имя Карениныхъ, и замѣтилъ, какъ поспѣшилъ полковой командиръ громко назвать Вронскаго, значительно взглянувъ на говорившихъ.

— А, Вронскій! когда же въ полкъ? Мы тебя не можемъ отпустить безъ пира. Ты самый коренной нашъ,—сказалъ полковой командиръ.

— Не успѣю, очень жалко, до другаго раза, — сказалъ Вронскій и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, въ ложу брата.

Старая графиня, мать Вронскаго, со своими стальными букольками, была въ ложѣ брата. Варя съ княжной Сорокиной встрѣтились ему въ корридорѣ бель-этажа.

Проводивъ княжну Сорокину до матери, Варя подала руку деверю и тотчасъ же начала говорить съ нимъ о томъ, что интересовало его. Она была взволнована такъ, какъ онъ рѣдко видалъ ее.

— Я нахожу, что это низко и гадко, и madame Карта-

сова не имѣла никакого права. Madame Каренина...—начала она.

— Да что? Я не знаю.

— Какъ, ты не слышалъ?

— Ты понимаешь, что я послѣдній объ этомъ услышу.

— Есть ли злѣе существо, какъ эта Картасова!

— Да что она сдѣлала?

— Мнѣ мужъ разсказалъ... Она оскорбила Каренину. Мужъ ея черезъ ложу сталъ говорить съ ней, а Картасова сдѣлала ему сцену. Она, говорятъ, громко сказала что-то оскорбительное и вышла.

— Графъ, ваша maman зоветъ васъ, — сказала княжна Сорокина, выглядывая изъ двери ложи.

— А я тебя все жду, — сказала ему мать, насмѣшливо улыбаясь.—Тебя совсѣмъ не видно.

Сынъ видѣлъ, что она не могла удержать улыбку радости.

— Здравствуйте, maman. Я шелъ къ вамъ,—сказалъ онъ холодно.

— Что же ты не идешь faire la cour à madame Karènine?—прибавила она, когда княжна Сорокина отошла. — Elle fait sensation. On oublie la Patti pour elle.

— Maman, я васъ просилъ не говорить мнѣ про это,— отвѣчалъ онъ хмурясь.

— Я говорю то, что говорятъ всѣ.

Вронскій ничего не отвѣтилъ и, сказавъ нѣсколько словъ княжѣ Сорокиной, вышелъ. Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ брата.

— А, Алексѣй!—сказалъ братъ. — Какая гадость! Дура, больше ничего... Я сейчасъ хотѣлъ къ ней идти. Пойдемъ вмѣстѣ.

Вронскій не слушалъ его. Онъ быстрыми шагами пошелъ внизъ; онъ чувствовалъ, что ему надо что-то сдѣлать, но не зналъ что. Досада на нее за то, что она ставила себя и его въ такое фальшивое положеніе, вмѣстѣ съ жалостью къ ней за ея страданія—волновали его. Онъ сошелъ внизъ въ партеръ и направился прямо къ бенуару Анны. У бенуара стоялъ Стремовъ и разговаривалъ съ нею.

— Теноровъ нѣтъ больше. Le moule en est brisé.

Вронскій поклонился ей и остановился, здороваясь со Стремовымъ.

— Вы, кажется, поздно пріѣхали и не слыхали лучшей аріи,—сказала Анна Вронскому, насмѣшливо, какъ ему показалось, взглянувъ на него.

— Я плохой цѣнитель, — сказалъ онъ, строго глядя на нее.

— Какъ князь Яшвинъ,—сказала она улыбаясь,—который находитъ, что Патти поетъ слишкомъ громко.

— Благодарю васъ,—сказала она, взявъ въ маленькую руку въ длинной перчаткѣ поднятую Вронскимъ афишу, и вдругъ въ это мгновеніе красивое лицо ея вздрогнуло. Она встала и пошла въ глубь ложи.

Замѣтивъ, что на слѣдующій актъ ложа ея осталась пустою, Вронскій, возбуждая шиканье затихшаго при звукахъ каватины театра, вышелъ изъ партера и поѣхалъ домой.

Анна уже была дома. Когда Вронскій вошелъ къ ней, она была въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ она была въ театрѣ. Она сидѣла на первомъ у стѣны креслѣ и смотрѣла передъ собой. Она взглянула на него и тотчасъ же приняла прежнее положеніе.

— Анна,—сказалъ онъ.

— Ты, ты виноватъ во всемъ!—вскрикнула она со слезами отчаянія и злости въ голосѣ, вставая.

— Я просилъ, я умолялъ тебя не ѣздить,—я зналъ, что тебѣ будетъ непріятно...

— Непріятно!—вскрикнула она,—ужасно! Сколько бы ни жила, я не забуду этого. Она сказала, что позорно сидѣть рядомъ со мной.

— Слова глупой женщины,—сказалъ онъ.—Но для чего рисковать, вызывать...

— Я ненавижу твое спокойствіе. Ты не долженъ былъ доводить меня до этого. Еслибы ты любилъ меня...

— Анна! къ чему тутъ вопросъ о моей любви...

— Да, еслибы ты любилъ меня, какъ я, еслибы ты мучился, какъ я...—сказала она, съ выраженіемъ испуга взглядывая на него.

Ему жалко было ея и все-таки досадно. Онъ увѣрялъ ее въ своей любви, потому что видѣлъ, что только одно это можетъ теперь успокоить ее, и не упрекалъ ея словами, но въ душѣ своей онъ упрекалъ ее.

И тѣ увѣренія въ любви, которыя ему казались такъ пошлы, что ему совѣстно было выговаривать ихъ, она впивала въ себя и понемногу успокоивалась. На другой день послѣ этого, совершенно примиренные, они уѣхали въ деревню.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

АННА КАРЕНИНА.

Томъ III.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайш. утвержден. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1889.

АННА КАРЕНИНА.

1873—1876.

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

АННА КАРЕНИНА

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Дарья Александровна проводила лѣто съ дѣтьми въ Покровскомъ, у сестры своей, Кити Левиной. Въ ея имѣніи домъ совсѣмъ развалился, и Левинъ съ женой уговорили ее провести лѣто у нихъ. Степанъ Аркадьевичъ очень одобрилъ это устройство. Онъ говорилъ, что очень сожалѣетъ, что служба мѣшаетъ ему провести съ семействомъ лѣто въ деревнѣ, что для него было бы высшимъ счастіемъ, и, оставаясь въ Москвѣ, пріѣзжалъ изрѣдка въ деревню на день и два. Кромѣ Облонскихъ со всѣми дѣтьми и гувернанткой, въ это лѣто гостила у Левиныхъ еще старая княгиня, считавшая своимъ долгомъ слѣдить за неопытною дочерью, находившеюся *въ такомъ положеніи*. Кромѣ того Варенька, заграничная пріятельница Кити, исполнила свое обѣщаніе— пріѣхать къ ней, когда Кити будетъ замужемъ—и гостила у своего друга. Все это были родные и друзья жены Левина. И хотя онъ всѣхъ ихъ любилъ, ему немного жалко

было своего Левинскаго міра и порядка, который былъ заглушаемъ этимъ наплывомъ „Щербацкаго элемента", какъ онъ говорилъ себѣ. Изъ его родныхъ гостилъ въ это лѣто у нихъ одинъ Сергѣй Ивановичъ, но и тотъ былъ не Левинскаго, а Кознышевскаго склада человѣкъ, такъ что Левинскій духъ совершенно уничтожался.

Въ Левинскомъ давно пустынномъ домѣ теперь было такъ много народа, что почти всѣ комнаты были заняты, и почти каждый день старой княгинѣ приходилось, садясь за столъ, пересчитывать всѣхъ и отсаживать тринадцатаго внука или внучку за особый столикъ. И для Кити, старательно занимавшейся хозяйствомъ, было не мало хлопотъ о пріобрѣтеніи куръ, индюшекъ, утокъ, которыхъ при лѣтнихъ аппетитахъ гостей и дѣтей выходило очень много.

Все семейство сидѣло за обѣдомъ. Дѣти Долли съ гувернанткой и Варенькой дѣлали планы о томъ, куда идти за грибами. Сергѣй Ивановичъ, пользовавшійся между всѣми гостями уваженіемъ къ его уму и учености, доходившимъ почти до поклоненія, удивилъ всѣхъ, вмѣшавшись въ разговоръ о грибахъ.

— И меня возьмите съ собой. Я очень люблю ходить за грибами,—сказалъ онъ, глядя на Вареньку:—я нахожу, что это очень хорошее занятіе.

— Что-жъ, мы очень рады,—покраснѣвъ, отвѣчала Варенька. Кити значительно переглянулась съ Долли. Предложеніе ученаго и умнаго Сергѣя Ивановича идти за грибами съ Варенькой подтверждало нѣкоторыя предположенія Кити, въ послѣднее время очень ее занимавшія. Она поспѣшила заговорить съ матерью, чтобы взглядъ ея не былъ замѣченъ. Послѣ обѣда Сергѣй Ивановичъ сѣлъ со

своею чашкою кофе у окна въ гостиной, продолжая начатый разговоръ съ братомъ и поглядывая на дверь, изъ которой должны были выдти дѣти, собиравшіяся за грибами. Левинъ присѣлъ на окнѣ возлѣ брата.

Кятя стояла подлѣ мужа, очевидно дожидаясь конца неинтересовавшаго ее разговора, чтобы сказать ему что-то.

— Ты во многомъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ женился, и къ лучшему,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, улыбаясь Кити и очевидно мало интересуясь начатымъ разговоромъ,—но остался вѣренъ своей страсти защищать самыя парадоксальныя темы.

— Катя, тебѣ не хорошо стоять,—сказалъ ей мужъ, подвигая ей стулъ и значительно глядя на нее.

— Ну, да впрочемъ и некогда,—прибавилъ Сергѣй Ивановичъ, увидавъ выбѣгавшихъ дѣтей.

Впереди всѣхъ, бокомъ, галопомъ, въ своихъ натянутыхъ чулкахъ, махая корзинкой и шляпой Сергѣя Ивановича, прямо на него бѣжала Таня.

Смѣло подбѣжавъ къ Сергѣю Ивановичу и блестя глазами, столь похожими на прекрасные глаза отца, она подала Сергѣю Ивановичу его шляпу и сдѣлала видъ, что хочетъ надѣть на него, робкою и нѣжною улыбкой смягчая свою вольность.

— Варенька ждетъ, сказала она, осторожно надѣвая на него шляпу, по улыбкѣ Сергѣя Ивановича увидавъ, что это было можно.

Варенька стояла въ дверяхъ, переодѣтая въ желтое ситцевое платье, съ повязаннымъ на головѣ бѣлымъ платкомъ.

— Иду, иду, Варвара Андреевна,—сказалъ Сергѣй Ива-

новичъ, допивая изъ чашки кофе и разбирая по карманамъ платокъ и сигарочницу.

— А что за прелесть моя Варенька, а?—сказала Кити мужу, какъ только Сергѣй Ивановичъ всталъ. Она сказала это такъ, что Сергѣй Ивановичъ могъ слышать ее, чего она очевидно хотѣла.—И какъ она красива, благородно красива!... Варенька!—прокричала Кити.—Вы будете въ мельничномъ лѣсу? Мы пріѣдемъ къ вамъ.

— Ты рѣшительно забываешь свое положеніе, Кити,—проговорила старая княгиня, поспѣшно выходя изъ двери.—Тебѣ нельзя такъ кричать.

Варенька, услыхавъ голосъ Кити и выговоръ ея матери, быстро, легкими шагами подошла къ Кити. Быстрота движеній, краска, покрывавшая оживленное лицо,—все показывало, что въ ней происходило что-то необыкновенное. Кити знала, что было это необыкновенное, и внимательно слѣдила за ней. Она теперь позвала Вареньку только затѣмъ, чтобы мысленно благословить ее на то важное событіе, которое, по мысли Кити, должно было совершиться нынче, послѣ обѣда, въ лѣсу.

— Варенька, я очень счастлива буду, если случится одна вещь,—шепотомъ сказала она, цѣлуя ее.

— А вы съ нами пойдете? — смутившись, сказала Варенька Левину, дѣлая видъ, что не слыхала того, что ей было сказано.

— Я пойду, но только до гумна и тамъ останусь.

— Ну что тебѣ за охота?—сказала Кити.

— Нужно новыя фуры взглянуть и учесть,—сказалъ Левинъ.—А ты гдѣ будешь?

— На террасѣ.

II.

На террасѣ собралось все женское общество. Оно и вообще любило сидѣть тамъ послѣ обѣда, но нынче тамъ было еще и дѣло. Кромѣ шитья распашенокъ и вязанья свивальниковъ, которымъ всѣ были заняты, нынче тамъ варилось варенье по новой для Агаѳьи Михайловнѣ методѣ, безъ прибавленія воды. Кити вводила эту новую методу, употреблявшуюся у нихъ дома. Агаѳья Михайловна, которой прежде поручено было это дѣло, считая, что то, что дѣлалось въ домѣ Левиныхъ, не могло быть дурно, все-таки налила воды въ клубнику и землянику, утверждая, что это невозможно иначе; она была уличена въ этомъ, и теперь варилась малина при всѣхъ, и Агаѳья Михайловна должна была быть приведена къ убѣжденію, что и безъ воды варенье выйдетъ хорошо.

Агаѳья Михайловна, съ разгоряченнымъ и огорченнымъ лицомъ, спутанными волосами и обнаженными по локоть худыми руками, кругообразно покачивала тазикъ надъ жаровней и мрачно смотрѣла на малину, отъ всей души желая, чтобъ она застыла и не проварилась. Княгиня, чувствуя, что на нее, какъ на главную совѣтницу по варкѣ малины, долженъ быть направленъ гнѣвъ Агаѳьи Михайловны, стараясь сдѣлать видъ, что она занята другимъ и не интересуется малиной, говорила о постороннемъ, но искоса поглядывала на жаровню.

— Я на дешевомъ товарѣ всегда платья дѣвушкамъ покупаю сама, — говорила княгиня, продолжая начатый разговоръ.—Не снять ли теперь пѣнокъ, голубушка? — прибавила она, обращаясь къ Агаѳьѣ Михайловнѣ. — Совсѣмъ

тебѣ не нужно это дѣлать самой, и жарко, — остановила она Кити.

— Я сдѣлаю,—сказала Долли и, вставъ, осторожно стала водить ложкой по пѣнящемуся сахару, изрѣдка, чтобъ отлѣпить отъ ложки приставшее къ ней, постукивая ею по тарелкѣ, покрытой уже разноцвѣтными, желторозовыми, съ подтекающимъ кровянымъ сиропомъ, пѣнками.

„Какъ они будутъ это лизать съ чаемъ!“ думала она о своихъ дѣтяхъ, вспоминая, какъ она сама, бывши ребенкомъ, удивлялась, что большіе не ѣдятъ самаго лучшаго—пѣнокъ.

— Стива говоритъ, что гораздо лучше давать деньги,— продолжала, между тѣмъ, Долли начатый занимательный разговоръ о томъ, какъ лучше дарить людей,—но...

— Какъ можно деньги! — въ одинъ голосъ заговорили княгиня и Кити.—Онѣ цѣнятъ это.

— Ну, я, напримѣръ, въ прошломъ году купила нашей Матренѣ Семеновнѣ не поплинъ, а въ родѣ этого,—сказала княгиня.

— Я помню, она въ ваши именины въ немъ была.

— Премиленькій узоръ... Такъ просто и благородно. Я сама хотѣла себѣ сдѣлать, еслибъ у ней не было. Въ родѣ какъ у Вареньки. Такъ мило и дешево.

— Ну, теперь кажется готово,—сказала Долли, спуская сиропъ съ ложки.

— Когда крендельками, тогда готово. Еще поварите, Агаѳья Михайловна.

— Эти мухи!—сердито сказала Агаѳья Михайловна.—Все то же будетъ,—прибавила она.

— Ахъ, какъ онъ милъ, не пугайте его! — неожиданно сказала Кити, глядя на воробья, который сѣлъ на це-

рила и, перевернувъ стерженёкъ малины, сталъ клевать его.

— Да, но ты бы подальше отъ жаровни,—сказала мать.

— A propos de Варенька,— сказала Кити по-французски, какъ онѣ и все время говорили, чтобъ Агаѳья Михайловна не понимала ихъ. Вы знаете, maman, что я нынче почему-то жду рѣшенія. Вы понимаете какого. Какъ бы хорошо было!

— Однако, какова мастерица сваха!—сказала Долли. — Какъ она осторожно и ловко сводитъ ихъ...

— Нѣтъ, скажите, maman, что вы думаете?

— Да что же думать? Онъ (*онъ* разумѣлся Сергѣй Ивановичъ) могъ всегда сдѣлать первую партію въ Россіи; теперь онъ ужъ не такъ молодъ, но все таки, я знаю, за него и теперь пошли бы многія... Она очень добрая, но онъ могъ бы...

— Нѣтъ, вы поймите, мама, почему для него и для нея лучше нельзя придумать. Первое—она прелесть! — сказала Кити, загнувъ одинъ палецъ.

— Она очень нравится ему, это вѣрно, — подтвердила Долли.

— Потомъ, онъ такое занимаетъ положеніе въ свѣтѣ, что ему ни состояніе, ни положеніе въ свѣтѣ его жены совершенно ненужны. Ему нужно одно — хорошую, милую жену, спокойную.

— Да, ужъ съ ней можно быть спокойнымъ,—подтвердила Долли.

— Третье, чтобъ она его любила. И это есть... То-есть это такъ бы хорошо было!.. Жду, что вотъ они явятся изъ лѣса и все рѣшится. Я сейчасъ увижу по глазамъ. Я бы такъ рада была! Какъ ты думаешь, Долли?

— Да ты не волнуйся. Тебѣ совсѣмъ не нужно волноваться,—сказала мать.

— Да я не волнуюсь, мама. Мнѣ кажется, что онъ нынче сдѣлаетъ предложеніе.

— Ахъ, это такъ странно, какъ и когда мужчина дѣлаетъ предложеніе... Есть какая-то преграда, и вдругъ она прорвется,—сказала Долли, задумчиво улыбаясь и вспоминая свое прошедше со Степаномъ Аркадьевичемъ.

— Мама, какъ вамъ папа сдѣлалъ предложеніе?—вдругъ спросила Кити.

— Ничего необыкновеннаго не было, очень просто, —отвѣчала княгиня, но лицо ея все просіяло отъ этого воспоминанія.

— Нѣтъ, но какъ?... Вы все-таки его любили, прежде чѣмъ вамъ позволили говорить?

Кити испытывала особенную прелесть въ томъ, что она съ матерью теперь могла говорить, какъ съ равною, объ этихъ самыхъ главныхъ вопросахъ жизни женщины.

— Разумѣется, любилъ; онъ ѣздилъ къ намъ въ деревню.

— Но какъ рѣшилось? Мама?

— Ты думаешь, вѣрно, что вы что-нибудь новое выдумали? Все одно и то же: рѣшилось глазами, улыбками...

— Какъ вы это хорошо сказали, мама! Именно глазами и улыбками,—подтвердила Долли.

— Но какія слова онъ говорилъ?

— Какія тебѣ Костя говорилъ?

— Онъ писалъ мѣломъ. Это было удивительно... Какъ это мнѣ давно кажется!—сказала она.

И три женщины задумались объ одномъ и томъ же. Кити первая прервала молчаніе. Ей вспомнилась вся эта по-

слѣдняя, передъ ея замужствомъ, зима и ея увлеченіе Вронскимъ.

— Одно... это прежняя пассія Вареньки,—сказала она, по естественной связи мысли вспомнивъ объ этомъ.—Я хотѣла сказать какъ-нибудь Сергѣю Ивановичу, приготовить его. Они всѣ мужчины,—прибавила она,—ужасно ревнивы къ нашему прошедшему.

— Не всѣ,—сказала Долли.—Ты это судишь по своему мужу. Онъ до сихъ поръ мучается воспоминаніемъ о Вронскомъ. Да? Правда вѣдь?

— Правда,—задумчиво улыбаясь глазами, отвѣчала Кити.

— Только я не знаю,—вступилась княгиня-мать за свое материнское наблюденіе за дочерью,—какое же твое прошедшее могло его безпокоить? Что Вронскій ухаживалъ за тобой?—это бываетъ съ каждою дѣвушкой.

— Ну, да не про это мы говоримъ,—покраснѣвъ сказала Кити.

— Нѣтъ, позволь,—продолжала мать,—и потомъ ты сама мнѣ не хотѣла позволить переговорить съ Вронскимъ. Помнишь?

— Ахъ, мама!—съ выраженіемъ страданія сказала Кити.

— Теперь васъ не удержишь... Отношенія твои и не могли зайдти дальше, чѣмъ должно; я бы сама вызвала его. Впрочемъ, тебѣ, моя душа, не годится волноваться. Пожалуйста, помни это и успокойся.

— Я совершенно спокойна, maman.

— Какъ счастливо вышло тогда для Кити, что пріѣхала Анна,—сказала Долли,—и какъ несчастливо для нея. Вотъ именно наоборотъ,—прибавила она, пораженная своею мыслью.—Тогда Анна такъ была счастлива, а Кити себя

считала несчастливой. Какъ совсѣмъ наоборотъ! Я часто о ней думаю.

— Есть о комъ думать! Гадкая, отвратительная женщина, безъ сердца, — сказала мать, не могшая забыть, что Кити вышла не за Вронскаго, а за Левина.

— Что за охота про это говорить!—съ досадой сказала Кити:—я объ этомъ не думаю и не хочу думать... И не хочу думать,—проговорила она, прислушиваясь къ знакомымъ шагамъ мужа по лѣстницѣ террасы.

— О чемъ это: и не хочу думать? — спросилъ Левинъ, входя на террасу.

Но никто не отвѣтилъ ему, и онъ не повторилъ вопроса.

— Мнѣ жалко, что я разстроилъ ваше женское царство,—сказалъ онъ, недовольно оглянувъ всѣхъ и понявъ, что говорили о чемъ-то такомъ, чего бы не стали говорить при немъ.

На секунду онъ почувствовалъ, что раздѣляетъ чувство Агаѳьи Михайловны, недовольство на то, что варятъ малину безъ воды, и вообще на чуждое Щербацкое вліяніе. Онъ улыбнулся однако и подошелъ къ Кити.

— Ну, что?—спросилъ онъ ее, съ тѣмъ самымъ выраженіемъ глядя на нее, съ которымъ теперь всѣ обращались къ ней.

— Ничего, прекрасно,—улыбаясь сказала Кити.—А у тебя какъ?

— Да втрое больше везутъ, чѣмъ телѣга. Такъ ѣхать за дѣтьми? Я велѣлъ закладывать.

— Что-жъ, ты хочешь Кити на линейкѣ везти? — съ упрекомъ сказала мать.

— Да вѣдь шагомъ, княгиня.

Левинъ никогда не называлъ княгиню maman, какъ это дѣлаютъ зятья, и это было непріятно княгинѣ. Но Левинъ, несмотря на то, что онъ очень любилъ и уважалъ княгиню, не могъ, не осквернивъ чувства къ своей умершей матери, называть ее такъ.

— Поѣдемте съ нами, maman,—сказала Кити.

— Не хочу я смотрѣть на эти безразсудства.

— Ну, я пѣшкомъ пойду. Вѣдь мнѣ здорово.—Кити встала, подошла къ мужу и взяла его за руку.

— Здорово, но все въ мѣру,—сказала княгиня.

— Ну что, Агаѳья Михайловна, готово варенье?—сказалъ Левинъ, улыбаясь Агаѳьѣ Михайловнѣ и желая развеселить ее.—Хорошо по-новому?

— Должно-быть хорошо. По-нашему переварено.

— Оно и лучше, Агаѳья Михайловна, не прокиснетъ, а то у насъ ледъ теперь ужъ растаялъ, а беречь негдѣ,—сказала Кити, тотчасъ же понявъ намѣреніе мужа и съ тѣмъ же чувствомъ обращаясь къ старухѣ.—За то ваше соленье такое, что мама говоритъ, нигдѣ такого не ѣдала,—прибавила она, улыбаясь и поправляя на ней косынку.

Агаѳья Михайловна посмотрѣла на Кити сердито.

— Вы меня не утѣшайте, барыня. Я вотъ посмотрю на васъ съ нимъ, мнѣ и весело,—сказала она, и это грубое выраженіе *съ нимъ*, а не *съ ними*, тронуло Кити.

— Поѣдемте съ нами за грибами, вы намъ мѣста́ покажете.—Агаѳья Михайловна улыбнулась, покачала головой, какъ бы говоря: „и рада бы посердиться на васъ, да нельзя“.

— Сдѣлайте, пожалуйста, по моему совѣту,—сказала старая княгиня:—сверхъ варенья положите бумажку и ромомъ намочите: и безо льда никогда плѣсени не будетъ.

III.

Кити была въ особенности рада случаю побыть съ глазу на глазъ съ мужемъ, потому что она замѣтила, какъ тѣнь огорченія пробѣжала на его, такъ живо все отражающемъ, лицѣ въ ту минуту, какъ онъ вошелъ на террасу и спросилъ, о чемъ говорили, и ему не отвѣчали.

Когда они пошли пѣшкомъ впередъ другихъ и вышли изъ виду дома на накатанную, пыльную и усыпанную ржаными колосьями и зернами дорогу, она крѣпче оперлась на его руку и прижала ее къ себѣ. Онъ уже забылъ о минутномъ непріятномъ впечатлѣніи и наединѣ съ нею испытывалъ теперь, когда мысль о ея беременности ни на минуту не покидала его, то, еще новое для него и радостное, совершенно чистое отъ чувственности наслажденіе близости къ любимой женщинѣ. Говорить было нечего, но ему хотѣлось слышать звукъ ея голоса, такъ же, какъ и взглядъ, измѣнившагося теперь при беременности. Въ голосѣ, какъ и во взглядѣ, была мягкость и серьёзность, подобная той, которая бываетъ у людей постоянно сосредоточенныхъ надъ однимъ любимымъ дѣломъ.

— Такъ ты не устанешь? Упирайся больше,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я такъ рада случаю побыть съ тобой наединѣ и признаюсь, какъ ни хорошо мнѣ съ ними, жалко нашихъ зимнихъ вечеровъ вдвоемъ.

— То было хорошо, а это еще лучше. Оба лучше,— сказалъ онъ, прижимая ея руку.

— Ты знаешь, про что мы говорили, когда ты вошелъ?

— Про варенье?

— Да, и про варенье; но потомъ... о томъ, какъ дѣлаютъ предложеніе.

— А!—сказалъ Левинъ, болѣе слушая звукъ ея голоса, чѣмъ слова, которыя она говорила, все время думая о дорогѣ, которая шла теперь лѣсомъ, и обходя тѣ мѣста, гдѣ бы она могла невѣрно ступить.

— И о Сергѣѣ Иванычѣ и Варенькѣ. Ты замѣтилъ?... Я очень желаю этого,—продолжала она.—Какъ ты объ этомъ думаешь?—И она заглянула ему въ лицо.

— Не знаю, что̀ думать,—улыбаясь отвѣчалъ Левинъ.— Сергѣй въ этомъ отношеніи очень страненъ для меня. Я вѣдь разсказывалъ...

— Да, что онъ былъ влюбленъ въ эту дѣвушку, которая умерла...

— Это было, когда я былъ ребенкомъ; я знаю это по преданіямъ. Я помню его тогда. Онъ былъ удивительно милъ. Но съ тѣхъ поръ я наблюдаю его съ женщинами: онъ любезенъ, нѣкоторыя ему нравятся, но чувствуешь, что онѣ для него просто люди, а не женщины.

— Да, но теперь съ Варенькой... Кажется, что-то есть...

— Можетъ-быть и есть... Но его надо знать... Онъ особенный, удивительный человѣкъ. Онъ живетъ одною духовною жизнью. Онъ слишкомъ чистый и высокой души человѣкъ.

— Какъ? Развѣ это унизитъ его?

— Нѣтъ, но онъ такъ привыкъ жить одною духовною жизнью, что не можетъ примириться съ дѣйствительностью, а Варенька все-таки дѣйствительность.

Левинъ уже привыкъ теперь смѣло говорить свою мысль, не давая себѣ труда облекать ее въ точныя слова; онъ зналъ, что жена, въ такія любовныя минуты, какъ теперь,

пойметъ, что онъ хочетъ сказать, съ намека, и она поняла его.

— Да, но въ ней нѣтъ этой дѣйствительности, какъ во мнѣ; я понимаю, что онъ меня никогда бы не полюбилъ. Она вся духовная.

— Ну нѣтъ, онъ тебя такъ любитъ, и мнѣ это всегда такъ пріятно, что мои тебя любятъ...

— Да, онъ ко мнѣ добръ, но...

— Но не такъ, какъ съ Николенькой покойнымъ... вы полюбили другъ друга,—докончилъ Левинъ.—Отчего не говорить?—прибавилъ онъ.—Я иногда упрекаю себя; кончится тѣмъ, что забудешь. Ахъ, какой былъ ужасный и прелестный человѣкъ... Да, такъ о чемъ же мы говорили?—помолчавъ сказалъ Левинъ.

— Ты думаешь, что онъ не можетъ влюбиться?—переводя на свой языкъ, сказала Кити.

— Не то, что не можетъ влюбиться,—улыбаясь сказалъ Левинъ, — но у него нѣтъ той слабости, которая нужна... Я всегда завидовалъ ему, и теперь даже, когда я такъ счастливъ, все-таки завидую.

— Завидуешь, что онъ не можетъ влюбиться?

— Я завидую тому, что онъ лучше меня,—улыбаясь сказалъ Левинъ.—Онъ живетъ не для себя. У него вся жизнь подчинена долгу. И потому онъ можетъ быть спокоенъ и доволенъ.

— А ты?—съ насмѣшливою, любовною улыбкой сказала Кити.

Она никакъ не могла бы выразить тотъ ходъ мыслей, который заставлялъ ее улыбаться; но послѣдній выводъ былъ тотъ, что мужъ ея, восхищающійся братомъ и уни-

жающій себя передъ нимъ, былъ неискрененъ. Китя знала, что эта неискренность его происходила отъ любви къ брату, отъ чувства совѣстливости за то, что онъ слишкомъ счастливъ, и въ особенности отъ неоставляющаго его желанія быть лучше,—она любила это въ немъ и потому улыбалась.

— А ты? Чѣмъ же недоволенъ?—спросила она съ тою же улыбкой.

Ея недовѣріе къ его недовольству собой радовало его, и онъ безсознательно вызывалъ ее на то, чтобъ она высказала причины своего недовѣрія.

— Я счастливъ, но недоволенъ собой...—сказалъ онъ.

— Такъ какъ же ты можешь быть недоволенъ, если ты счастливъ?

— То-есть... какъ сказать?... Я по душѣ ничего не желаю кромѣ того, чтобы вотъ ты не споткнулась. Ахъ, да вѣдь нельзя же такъ прыгать! — прервалъ онъ свой разговоръ упрекомъ за то, что она сдѣлала слишкомъ быстрое движеніе, переступая черезъ лежавшій на тропинкѣ сукъ. — Но когда я разсуждаю о себѣ и сравниваю себя съ другими, особенно съ братомъ, я чувствую, что я плохъ.

— Да чѣмъ же?—съ тою же улыбкой продолжала Кити,—развѣ ты то же не дѣлаешь для другихъ? И твои хутора, и твое хозяйство, и твоя книга?...

— Нѣтъ, я чувствую, и особенно теперь: ты виновата,—сказалъ онъ, прижавъ ея руку, — что это не то. Я дѣлаю это такъ, слегка. Еслибъ я могъ любить все это дѣло, какъ я люблю тебя, а то я послѣднее время дѣлаю какъ заданный урокъ...

— Ну, что ты скажешь про папа? — спросила Кити. —

Что-жъ, и онъ плохъ, потому что ничего не дѣлалъ для общаго дѣла?

— Онъ? — нѣтъ. Но надо имѣть ту простоту, ясность, доброту, какъ твой отецъ; а у меня есть ли это? Я не дѣлаю и—мучаюсь. Все это ты надѣлала. Когда тебя не было и не было еще *этого*, — сказалъ онъ со взглядомъ на ея животъ, который она поняла, —я всѣ свои силы клалъ на дѣло; а теперь не могу, и мнѣ совѣстно; я дѣлаю именно какъ заданный урокъ, я притворяюсь...

— Ну, а захотѣлъ бы ты сейчасъ промѣняться съ Сергѣемъ Ивановичемъ?—сказала Кити. — Захотѣлъ бы ты дѣлать это общее дѣло и любить этотъ заданный урокъ, какъ онъ, и только?

— Разумѣется нѣтъ,—сказалъ Левинъ.—Впрочемъ, я такъ счастливъ, что ничего не понимаю. А ты ужъ думаешь, что онъ нынче сдѣлаетъ предложеніе?—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— И думаю, и нѣтъ. Только мнѣ ужасно хочется. Вотъ постой.—Она нагнулась и сорвала на краю дороги дикую ромашку.—Ну, считай: сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ предложеніе,— сказала она, подавая ему цвѣтокъ.

— Сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ, — говорилъ Левинъ, обрывая бѣлые, узкіе, продороженные лепестки.

— Нѣтъ, нѣтъ! — схвативъ его за руку, остановила его Кити, съ волненіемъ слѣдившая за его пальцами.—Ты два оторвалъ.

— Ну, за то вотъ этотъ маленькій не въ счетъ, — сказалъ Левинъ, срывая коротенькій недоросшій лепестокъ.— Вотъ и линейка догнала насъ.

— Не устала ли ты, Кити?—прокричала княгиня.

— Нисколько.

— А то садись, если лошади смирны, и шагомъ.

Но не стоило садиться,—было уже близко, и всѣ пошли пѣшкомъ.

IV.

Варенька, въ своемъ бѣломъ платкѣ на черныхъ волосахъ, окруженная дѣтьми, добродушно и весело занятая ими и, очевидно, взволнованная возможностью объясненія съ нравящимся ей мужчиной, была очень привлекательна. Сергѣй Ивановичъ ходилъ рядомъ съ ней и не переставая любовался ею. Глядя на нее, онъ вспоминалъ всѣ тѣ милыя рѣчи, которыя онъ слышалъ отъ нея, все, что зналъ про нее хорошаго, и все болѣе и болѣе сознавалъ, что чувство, которое онъ испытывалъ къ ней, есть что-то особенное, испытанное имъ давно-давно, и одинъ только разъ, въ первой молодости. Чувство радости отъ близости къ ней, все усиливаясь, дошло до того, что, подавая ей въ ея корзинку найденный имъ огромный, на тонкомъ корнѣ съ завернувшимися краями, березовый грибъ, онъ взглянулъ ей въ глаза и, замѣтивъ краску радостнаго и испуганнаго волненія, покрывшую ея лицо, самъ смутился и улыбнулся ей молча такою улыбкой, которая слишкомъ много говорила.

„Если такъ,—сказалъ онъ себѣ,—я долженъ обдумать и рѣшить, а не отдаваться, какъ мальчикъ, увлеченію минуты“.

— Пойду теперь независимо отъ всѣхъ собирать грибы, а то мои пріобрѣтенія незамѣтны,—сказалъ онъ и пошелъ одинъ съ опушки лѣса, гдѣ они ходили по шелковистой низкой травѣ между рѣдкими старыми березами, въ середину лѣса, гдѣ между бѣлыми березовыми стволами сѣрѣли

стволы осины и темнѣли кусты орѣшника. Отойдя шаговъ сорокъ и зайдя за кустъ бересклета въ полномъ цвѣту съ его розово-красными сережками, Сергѣй Ивановичъ, зная, что его не видать, остановился. Вокругъ него было совершенно тихо. Только вверху березъ, подъ которыми онъ стоялъ, какъ рой пчелъ, неумолкаемо шумѣли мухи, и изрѣдка доносились голоса дѣтей. Вдругъ, недалеко съ края лѣса прозвучалъ контральтовый голосъ Вареньки, звавшій Гришу, и радостная улыбка выступила на лицо Сергѣя Ивановича. Сознавъ эту улыбку, Сергѣй Ивановичъ покачалъ неодобрительно головой на свое состояніе и, доставъ сигару, сталъ закуривать. Онъ долго не могъ зажечь спичку о стволъ березы. Нѣжная пленка бѣлой коры облѣпляла фосфоръ, и огонь тухъ. Наконецъ одна изъ спичекъ загорѣлась, и пахучій дымъ сигары колеблющеюся широкою скатертью опредѣленно потянулся впередъ и вверхъ надъ кустомъ подъ спускавшіяся вѣтки березы. Слѣдя глазами за полосой дыма, Сергѣй Ивановичъ пошелъ тихимъ шагомъ, обдумывая свое состояніе.

„Отчего же и нѣтъ? — думалъ онъ.—Еслибъ это была вспышка или страсть, еслибъ я испытывалъ только это влеченіе—это взаимное влеченіе (я могу сказать *взаимное*), но чувствовалъ бы, что оно идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ моей жизни,—еслибъ я чувствовалъ, что, отдавшись этому влеченію, я измѣняю своему призванію и долгу... но этого нѣтъ. Одно, что я могу сказать противъ, это то, что, потерявъ Marie, я говорилъ себѣ, что останусь вѣренъ ея памяти. Одно это я могу сказать противъ своего чувства... Это важно“, говорилъ себѣ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что это соображеніе для него

лично не могло имѣть никакой важности, а развѣ только портило въ глазахъ другихъ людей его поэтическую роль. „Но, кромѣ этого, сколько бы я ни искалъ, я ничего не найду, что бы сказать противъ моего чувства. Еслибъ я выбиралъ однимъ разумомъ, я ничего не могъ бы найти лучше!“

Сколько онъ ни вспоминалъ женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ, но не могъ вспомнить дѣвушки, которая бы до такой степени соединяла всѣ, именно всѣ качества, которыя онъ, холодно разсуждая, желалъ видѣть въ своей женѣ. Она имѣла всю прелесть и свѣжесть молодости, но не была ребенкомъ, и если любила его, то любила сознательно, какъ должна любить женщина: это было одно. Другое: она была не только далека отъ свѣтскости, но очевидно имѣла отвращеніе къ свѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ знала свѣтъ и имѣла всѣ тѣ пріемы женщины хорошаго общества, безъ которыхъ для Сергѣя Ивановича была немыслима подруга жизни. Третье: она была религіозна, и не какъ ребенокъ безотчетно-религіозна и добра, какою была, напримѣръ, Кити; но жизнь ея была основана на религіозныхъ убѣжденіяхъ. Даже до мелочей Сергѣй Ивановичъ находилъ въ ней все то, чего онъ желалъ отъ жены: она была бѣдна и одинока, такъ что она не приведетъ съ собой кучу родныхъ и ихъ вліяніе въ домъ мужа, какъ это онъ видѣлъ на Кити, а будетъ всѣмъ обязана мужу, чего онъ тоже всегда желалъ для своей будущей семейной жизни. И эта дѣвушка, соединявшая въ себѣ всѣ эти качества, любила его. Онъ былъ скроменъ, но не могъ не видѣть этого. И онъ любилъ ее. Одно соображеніе противъ — были его года. Но его порода долговѣчна, у него не было ни одного сѣ-

даго волоса, ему не давалъ никто сорока лѣтъ, и онъ помнилъ, что Варенька говорила, что только въ Россіи люди въ пятьдесятъ лѣтъ считаютъ себя стариками, а что во Франціи пятидесятилѣтній человѣкъ считаетъ себя dans la force de l'age, а сорокалѣтній—un jeune homme. Но что значилъ счетъ годовъ, когда онъ чувствовалъ себя молодымъ душой, какимъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ? Развѣ не молодость было то чувство, которое онъ испытывалъ теперь, когда, выйдя съ другой стороны опять на край лѣса, онъ увидѣлъ на яркомъ свѣтѣ косыхъ лучей солнца граціозную фигуру Вареньки, въ желтомъ платьѣ и съ корзинкой, шедшей легкимъ шагомъ мимо ствола старой березы, и когда это впечатлѣніе вида Вареньки слилось въ одно съ поразившимъ его своею красотой видомъ облитаго косыми лучами желтѣющаго овсянаго поля и, за полемъ, далекаго стараго лѣса, испещреннаго желтизною, тающаго въ синей дали? Сердце его радостно сжалось. Чувство умиленія охватило его. Онъ почувствовалъ, что рѣшился. Варенька, только-что присѣвшая, чтобы поднять грибъ, гибкимъ движеніемъ поднялась и оглянулась. Бросивъ сигару, Сергѣй Ивановичъ рѣшительными шагами направился къ ней.

V.

„Варвара Андреевна, когда я былъ еще очень молодъ, я составилъ себѣ идеалъ женщины, которую я полюблю и которую я буду счастливъ назвать своею женой. Я прожилъ длинную жизнь и теперь въ первый разъ встрѣтилъ въ васъ то, чего искалъ. Я люблю васъ и предлагаю вамъ руку“.

Сергѣй Ивановичъ говорилъ себѣ это въ то время, какъ

онъ былъ уже въ десяти шагахъ отъ Вареньки. Опустившись на колѣни и защищая руками грибъ отъ Гриши, она звала маленькую Машу.

— Сюда, сюда! Маленькіе! Много!—своимъ милымъ груднымъ голосомъ говорила она.

Увидавъ подходившаго Сергѣя Ивановича, она не поднялась и не перемѣнила положенія; но все говорила ему, что она чувствуетъ его приближеніе и радуется ему.

— Что, вы нашли что-нибудь?—спросила она изъ-за бѣлаго платка, поворачивая къ нему свое красивое, тихо улыбающееся лицо.

— Ни одного,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—А вы?

Она не отвѣчала ему, занятая дѣтьми, которыя окружали ее.

— Еще этотъ, подлѣ вѣтки,—указала она маленькой Машѣ маленькую сыроѣжку, перерѣзанную поперекъ своей упругой розовой шляпки сухою травинкой, изъ-подъ которой она выдиралась. Варенька встала, когда Маша, разломивъ на двѣ бѣлыя половинки, подняла сыроѣжку.—Это мнѣ дѣтство напоминаетъ,—прибавила она, отходя отъ дѣтей рядомъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ. Варенька видѣла, что онъ хотѣлъ говорить; она догадывалась о чемъ и замирала отъ волненія радости и страха. Они отошли такъ далеко, что никто уже не могъ бы слышать ихъ, но онъ все еще не начиналъ говорить. Вареньке лучше было молчать. Послѣ молчанія можно было легче сказать то, что они хотѣли сказать, чѣмъ послѣ словъ о грибахъ; но противъ своей воли, какъ будто нечаянно, Варенька сказала:

— Такъ вы ничего не нашли? Впрочемъ, въ серединѣ лѣса всегда меньше.

Сергѣй Ивановичъ вздохнулъ и ничего не отвѣчалъ. Ему было досадно, что она заговорила о грибахъ. Онъ хотѣлъ воротить ее къ первымъ словамъ, которыя она сказала о своемъ дѣтствѣ; но, какъ бы противъ воли своей, помолчавъ нѣсколько времени, сдѣлалъ замѣчаніе на ея послѣднія слова.

— Я слышалъ только, что бѣлые бываютъ преимущественно на краю, хотя и не умѣю отличить бѣлаго.

Прошло еще нѣсколько минутъ; они отошли еще дальше отъ дѣтей и были совершенно одни. Сердце Вареньки билось такъ, что она слышала удары его, и чувствовала, что краснѣетъ, блѣднѣетъ и опять краснѣетъ.

Быть женой такого человѣка, какъ Кознышевъ, послѣ своего положенія у госпожи Шталь представлялось ей верхомъ счастія. Кромѣ того, она почти была увѣрена, что она влюблена въ него. И сейчасъ это должно было рѣшиться. Ей страшно было. Страшно было и то, что̀ онъ скажетъ, и то, чего онъ не скажетъ.

Теперь или никогда надо было объясниться; это чувствовалъ и Сергѣй Ивановичъ. Все—во взглядѣ, въ румянцѣ, въ опущенныхъ глазахъ Вареньки—показывало болѣзненное ожиданіе. Сергѣй Ивановичъ видѣлъ это и жалѣлъ ее. Онъ чувствовалъ даже то, что ничего не сказать теперь значило оскорбить ее. Онъ быстро въ умѣ своемъ повторялъ себѣ всѣ доводы въ пользу своего рѣшенія. Онъ повторялъ себѣ и слова, которыми онъ хотѣлъ выразить свое предложеніе; но вмѣсто этихъ словъ, по какому-то неожиданно пришедшему ему соображенію, онъ вдругъ спросилъ:

— Какая же разница между бѣлымъ и березовымъ?

Губы Вареньки дрожали отъ волненія, когда она отвѣтила:

— Въ шляпкѣ почти нѣтъ разницы, но въ корнѣ.

И какъ только эти слова были сказаны, и онъ, и она поняли, что дѣло кончено, что то, что должно было быть сказано, не будетъ сказано,—и волненіе ихъ, дошедшее передъ этимъ до высшей степени, стало утихать.

— Березовый грибъ... корень его напоминаетъ двухдневную небритую бороду брюнета, — сказалъ уже покойно Сергѣй Ивановичъ.

— Да, это правда,—улыбаясь отвѣчала Варенька, и невольно направленіе ихъ прогулки измѣнилось. Они стали приближаться къ дѣтямъ. Варенькѣ было и больно, и стыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ она испытывала и чувство облегченія.

Возвратившись домой и перебирая всѣ доводы, Сергѣй Ивановичъ нашелъ, что онъ разсуждалъ неправильно. Онъ не могъ измѣнить памяти Marie.

— Тише, дѣти, тише!—даже сердито закричалъ Левинъ на дѣтей, становясь передъ женой, чтобы защитить ее, когда толпа дѣтей съ визгомъ радости разлетѣлась имъ на встрѣчу.

Послѣ дѣтей вышли изъ лѣсу и Сергѣй Ивановичъ съ Варенькой. Кити не нужно было спрашивать Вареньку; она, по спокойнымъ и нѣсколько пристыженнымъ выраженіямъ обоихъ лицъ поняла, что планы ея не сбылись.

— Ну, что? — спросилъ ее мужъ, когда они опять возвращались домой.

— Не беретъ,— сказала Кити, улыбкой и манерой говорить напоминая отца, что часто съ удовольствіемъ замѣчалъ въ ней Левинъ.

— Какъ не беретъ?

— Вотъ такъ,—сказала она, взявъ руку мужа, поднося ее ко рту и дотрогиваясь до нея нераскрытыми губами.—Какъ у архіерея руку цѣлуютъ.

— У кого же не беретъ?—сказалъ онъ смѣясь.

— У обоихъ. А надо, чтобы вотъ такъ...

— Мужики ѣдутъ...

— Нѣтъ, они не видали.

VI.

Во время дѣтскаго чая большіе сидѣли на балконѣ и разговаривали такъ, какъ будто ничего не случилось, хотя всѣ, въ особенности Сергѣй Ивановичъ и Варенька, очень хорошо знали, что случилось хотя и отрицательное, но очень важное обстоятельство. Они испытывали оба одинаковое чувство, подобное тому, какое испытываетъ ученикъ послѣ неудавшагося экзамена, оставшись въ томъ же классѣ, или навсегда исключенный изъ заведенія. Всѣ присутствующіе, чувствуя тоже, что что-то случилось, говорили еживленно о постороннихъ предметахъ. Левинъ и Кити чувствовали себя особенно счастливыми и любовными въ нынѣшній вечеръ. И что они были счастливы своею любовью, это заключало въ себѣ непріятный намекъ на тѣхъ, которые того же хотѣли и не могли, — и имъ было совѣстно.

— Попомните мое слово, Alexandre не пріѣдетъ,—сказала старая княгиня.

Нынче вечеромъ ждали съ поѣзда Степана Аркадьевича, и старый князь писалъ, что можетъ-быть и онъ пріѣдетъ.

— И я знаю отчего, — продолжала княгиня: — онъ говоритъ, что молодыхъ надо оставлять однихъ на первое время.

— Да папа и такъ насъ оставилъ. Мы его не видали,— сказала Кити. — И какіе же мы молодые?... мы уже такіе старые.

— Только если онъ не пріѣдетъ, и я прощусь съ вами, дѣти,—грустно вздохнувъ, сказала княгиня.

— Ну что вамъ, мама!—напали на нее обѣ дочери.

— Ты подумай, ему-то каково? Вѣдь теперь...

И вдругъ совершенно неожиданно голосъ старой княгини задрожалъ. Дочери замолчали и переглянулись. „Maman всегда найдетъ себѣ что-нибудь грустное“, сказали онѣ этимъ взглядомъ. Онѣ не знали, что какъ ни хорошо было княгинѣ у дочери, какъ она ни чувствовала себя нужною тутъ, ей было мучительно грустно и за себя и за мужа съ тѣхъ поръ, какъ они отдали замужъ послѣднюю любимую дочь, и гнѣздо семейное опустѣло.

— Что вамъ, Агаѳья Михайловна?—спросила вдругъ Кити остановившуюся съ таинственнымъ видомъ и значительнымъ лицомъ Агаѳью Михайловну.

— Насчетъ ужина.

— Ну, вотъ и прекрасно,—сказала Долли:—ты поди распоряжайся, а я пойду съ Гришей повторю его урокъ. А то онъ нынче ничего не дѣлалъ.

— Это мнѣ урокъ! Нѣтъ, Долли, я пойду, — вскочивъ проговорилъ Левинъ.

Гриша, уже поступившій въ гимназію, лѣтомъ долженъ былъ повторять уроки. Дарья Александровна, еще въ Москвѣ учившаяся съ сыномъ вмѣстѣ латинскому языку, прі-

ѣхавъ къ Левинымъ, за правило себѣ поставила повторять съ нимъ, хоть разъ въ день, уроки самые трудные изъ ариѳметики и латинскаго. Левинъ вызвался замѣнить ее; но мать, услыхавъ разъ урокъ Левина и замѣтивъ, что это дѣлается не такъ, какъ въ Москвѣ репетировалъ учитель, конфузясь и стараясь не оскорбить Левина, рѣшительно высказала ему, что надо проходить по книгѣ такъ, какъ учитель, и что она лучше будетъ опять сама это дѣлать. Левину досадно было и на Степана Аркадьевича за то, что по его безпечности не онъ, а мать занималась наблюденіемъ за преподаваніемъ, въ которомъ она ничего не понимала, и на учителей за то, что они такъ дурно учатъ дѣтей; но свояченицѣ онъ обѣщался вести ученіе, какъ она этого хотѣла. И онъ продолжалъ заниматься съ Гришей уже не по-своему, а по книгѣ, а потому неохотно и часто забывая время урока. Такъ было и нынче.

— Нѣтъ, я пойду, Долли, а ты сиди,—сказалъ онъ.—Мы все сдѣлаемъ по порядку, по книжкѣ. Только вотъ какъ Стива пріѣдетъ, мы на охоту уѣдемъ, тогда ужъ пропустимъ.

И Левинъ пошелъ къ Гришѣ.

То же самое сказала Варенька Кити. Варенька и въ счастливомъ, благоустроенномъ домѣ Левиныхъ съумѣла быть полезною.

— Я закажу ужинъ, а вы сидите,—сказала она и встала къ Агаѳьѣ Михайловнѣ.

— Да, да, вѣрно цыплятъ не нашли. Тогда своихъ...—сказала Кити

— Мы разсудимъ съ Агаѳьей Михайловной,—и Варенька скрылась съ нею.

— Какая милая дѣвушка!—сказала княгиня.

— Не милая, maman, а прелесть такая, какихъ не бываетъ.

— Такъ вы нынче ждете Степана Аркадьевича? — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, очевидно не желая продолжать разговоръ о Варенькѣ.—Трудно найдти двухъ свояковъ, менѣе похожихъ другъ на друга, — сказалъ онъ съ тонкою улыбкой:—одинъ подвижной, живущій только въ обществѣ, какъ рыба въ водѣ; другой, нашъ Костя, живой, быстрый, чуткій на все, но какъ только въ обществѣ, такъ или замретъ, или бьется безтолково, какъ рыба на землѣ.

— Да, онъ легкомысленъ очень,—сказала княгиня, обращаясь къ Сергѣю Ивановичу. — Я хотѣла именно просить васъ поговорить ему, что ей (она указала на Кити) невозможно оставаться здѣсь, а непремѣнно надо пріѣхать въ Москву. Онъ говоритъ: выписать доктора...

— Maman, онъ все сдѣлаетъ, онъ на все согласенъ, — съ досадой на мать за то, что она призываетъ въ этомъ дѣлѣ судьей Сергѣя Ивановича,—сказала Кити.

Въ серединѣ ихъ разговора, въ аллеѣ послышалось фырканье лошадей и звукъ колесъ по щебню.

Не успѣла еще Долли встать, чтобъ идти на встрѣчу мужу, какъ внизу, изъ окна комнаты, въ которой учился Гриша, выскочилъ Левинъ и ссадилъ Гришу.

— Это Стива! — изъ-подъ балкона крикнулъ Левинъ.— Мы кончили, Долли, не бойся! — прибавилъ онъ и, какъ мальчикъ, пустился бѣжать навстрѣчу экипажу.

— Is, ea, id; ejus, ejus, ejus,—кричалъ Гриша, подпрыгивая по аллеѣ.

— И еще кто то. Вѣрно папа!—прокричалъ Левинъ, остановившись у входа въ аллею. — Кити, не ходи по крутой лѣстницѣ, а кругомъ.

Но Левинъ ошибся, принявъ того, кто сидѣлъ въ коляскѣ, за стараго князя. Когда онъ приблизился къ коляскѣ, онъ увидалъ рядомъ со Степаномъ Аркадьевичемъ не князя, а красиваго полнаго молодаго человѣка, въ шотландскомъ колпачкѣ, съ длинными концами лентъ назади. Это былъ Васенька Весловскій, троюродный братъ Щербацкихъ, петербургско-московскій блестящій молодой человѣкъ, „отличнѣйшій малый и страстный охотникъ“, какъ его представилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Нисколько не смущенный тѣмъ разочарованіемъ, которое онъ произвелъ, замѣнивъ собою стараго князя, Весловскій весело поздоровался съ Левинымъ, напоминая прежнее знакомство, и подхвативъ въ коляску Гришу, перенесъ его черезъ пойнтера, котораго везъ съ собой Степанъ Аркадьевичъ.

Левинъ не сѣлъ въ коляску, а пошелъ сзади. Ему было немного досадно на то, что не пріѣхалъ старый князь, котораго онъ чѣмъ больше зналъ, тѣмъ больше любилъ; и на то, что явился этотъ Васенька Весловскій, человѣкъ совершенно чужой и лишній. Онъ показался ему еще тѣмъ болѣе чуждымъ и лишнимъ, что когда Левинъ подошелъ къ крыльцу, у котораго собралась вся оживленная толпа большихъ и дѣтей, онъ увидалъ, что Васенька Весловскій съ особенно ласковымъ и галантнымъ видомъ цѣлуетъ руку Кити.

— А мы cousins съ вашею женой, да и старые знакомые, — сказалъ Васенька Весловскій, опять крѣпко-крѣпко пожимая руку Левина.

— Ну что, дичь есть? — обратился къ Левину Степанъ Аркадьевичъ, едва поспѣвавшій каждому сказать привѣт-

ствіе.—Мы вотъ съ нимъ имѣемъ самыя жестокія намѣренія.—Какъ же, maman, онѣ съ тѣхъ поръ не были въ Москвѣ.—Ну, Таня, вотъ тебѣ!—Достань, пожалуйста, въ колягкѣ сзади, — на всѣ стороны говорилъ онъ. — Какъ ты посвѣжѣла, Долленька!—говорилъ онъ женѣ, еще разъ цѣлуя ея руку, удерживая ее въ своей и потрепливая сверху другою.

Левинъ, за минуту тому назадъ бывшій въ самомъ веселомъ расположеніи духа, теперь мрачно смотрѣлъ на всѣхъ, и все ему не нравилось.

„Кого онъ вчера цѣловалъ этими губами?“ думалъ онъ, глядя на нѣжности Степана Аркадьевича съ женой. Онъ посмотрѣлъ на Долли, и она тоже не понравилась ему.

„Вѣдь она не вѣритъ его любви. Такъ чему же она такъ рада? Отвратительно!“ думалъ Левинъ.

Онъ посмотрѣлъ на княгиню, которая такъ мила была ему минуту тому назадъ, и ему не понравилась та манера, съ которою она, какъ къ себѣ въ домъ, привѣтствовала этого Васеньку съ его лентами.

Даже Сергѣй Ивановичъ, который тоже вышелъ на крыльцо, показался ему непріятенъ тѣмъ притворнымъ дружелюбіемъ, съ которымъ онъ встрѣчалъ Степана Аркадьевича, тогда какъ Левинъ зналъ, что братъ его не любилъ и не уважалъ Облонскаго.

И Варенька—и та ему была противна тѣмъ, какъ она съ своимъ видомъ sainte nitouche знакомилась съ этимъ господиномъ, тогда какъ только и думала о томъ, какъ бы ей выдти замужъ.

И противнѣе всѣхъ была Кити тѣмъ, какъ она поддалась тому тону веселья, съ которымъ этотъ господинъ, какъ на

праздникъ для себя и для всѣхъ, смотрѣлъ на свой пріѣздъ въ деревню, и въ особенности непріятна была тою особенною улыбкой, которою она отвѣчала на его улыбки.

Шумно разговаривая, всѣ пошли въ домъ; но какъ только всѣ усѣлись, Левинъ повернулся и вышелъ.

Кити видѣла, что съ мужемъ что-то сдѣлалось. Она хотѣла улучить минуту поговорить съ нимъ наединѣ, но онъ поспѣшилъ уйдти отъ нея, сказавъ, что ему нужно въ контору. Давно уже ему хозяйственныя дѣла не казались такъ важны, какъ нынче. „Имъ тамъ все праздникъ,— думалъ онъ,—а тутъ дѣла не праздничныя, которыя не ждутъ и безъ которыхъ жить нельзя“.

VII.

Левинъ вернулся домой только тогда, когда послали звать его къ ужину. На лѣстницѣ стояли Кити съ Агаѳьей Михайловной, совѣщаясь о винахъ къ ужину.

— Да что вы такой fuss дѣлаете? Подать что̀ обыкновенно.

— Нѣтъ, Стива не пьетъ... Костя, подожди, что съ тобой?—заговорила Кити, поспѣвая за нимъ, но онъ безжалостно, не дожидаясь ея, ушелъ большими шагами въ столовую и тотчасъ же вступилъ въ общій оживленный разговоръ, который поддерживали тамъ Васенька Весловскій и Степанъ Аркадьевичъ.

— Ну что же, завтра ѣдемъ на охоту?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Пожалуйста, поѣдемъ, — сказалъ Весловскій, пересаживаясь бокомъ на другой стулъ и поджимая подъ себя жирную ногу.

— Я очень радъ, поѣдемъ. А вы охотились уже нынѣш-

ній годъ?—сказалъ Левинъ Весловскому, внимательно оглядывая его ногу, но съ притворною пріятностью, которую такъ знала въ немъ Кити и которая такъ не шла ему.— Дупелей, не знаю, найдемъ ли, а бекасовъ много. Только надо ѣхать рано. Вы не устанете? Ты не усталъ, Стива?

— Я усталъ? Никогда еще не уставалъ. Давайте не спать всю ночь! Пойдемте гулять!

— Въ самомъ дѣлѣ, давайте не спать! Отлично! — подтвердилъ Весловскій.

— О, въ этомъ мы увѣрены, что ты можешь не спать и другимъ не давать,—сказала Долли мужу съ тою чуть замѣтною ироніей, съ которою она теперь почти всегда относилась къ своему мужу. — А по-моему ужъ теперь пора... Я пойду; я не ужинаю.

— Нѣтъ, ты посиди, Долленька,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, переходя въ ея сторону за большимъ столомъ, на которомъ ужинали.—Я тебѣ еще сколько разскажу.

— Вѣрно ничего.

— А ты знаешь, Весловскій былъ у Анны. И онъ опять къ нимъ ѣдетъ. Вѣдь они всего въ семидесяти верстахъ отъ насъ. И я тоже непремѣнно съѣзжу. Весловскій, поди сюда!

Васенька перешелъ къ дамамъ и сѣлъ рядомъ съ Кити.

— Ахъ, разскажите пожалуйста, вы были у нея? Какъ она?— обратилась къ нему Дарья Александровна.

Левинъ остался на другомъ концѣ стола и, не переставая разговаривать съ княгиней и Варенькой, видѣлъ, что между Степаномъ Аркадьевичемъ, Долли, Кити и Весловскимъ шелъ оживленный и таинственный разговоръ. Мало того, что шелъ таинственный разговоръ, онъ видѣлъ въ лицѣ своей жены выраженіе серьёзнаго чувства, когда она, не спуская глазъ,

смотрѣла на красивое лицо Васеньки, что-то оживленно разсказывавшаго.

— Очень у нихъ хорошо, — разсказывалъ Васенька про Вронскаго и Анну. — Я, разумѣется, не беру на себя судить, но въ ихъ домѣ чувствуешь себя въ семьѣ.

— Что-жъ они намѣрены дѣлать?

— Кажется, на зиму хотятъ ѣхать въ Москву.

— Какъ бы хорошо намъ вмѣстѣ съѣхаться у нихъ! Ты когда поѣдешь?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ у Васеньки.

— Я проведу у нихъ іюль.

— А ты поѣдешь? — обратился Степанъ Аркадьевичъ къ женѣ.

— Я давно хотѣла, и непремѣнно поѣду,—сказала Долли.—Мнѣ ее жалко, и я знаю ее. Она прекрасная женщина. Я поѣду одна, когда ты уѣдешь, и никого этимъ не стѣсню. И даже лучше безъ тебя.

— И прекрасно,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—А ты, Кити?

— Я? Зачѣмъ я поѣду? — вся вспыхнувъ, сказала Кити и оглянулась на мужа.

— А вы знакомы съ Анной Аркадьевной? — спросилъ ее Весловскій.—Она очень привлекательная женщина.

— Да,—еще болѣе краснѣя, отвѣчала она Весловскому, встала и подошла къ мужу.

— Такъ ты завтра ѣдешь на охоту?—сказала она.

Ревность его въ эти нѣсколько минутъ, особенно по тому румянцу, который покрылъ ея щеки, когда она говорила съ Весловскимъ, уже далеко ушла. Теперь, слушая ея слова, онъ ихъ понималъ уже по-своему. Какъ ни странно было ему потомъ вспоминать объ этомъ, теперь ему казалось ясно,

что если она спрашиваетъ его, ѣдетъ ли онъ на охоту, то это интересуетъ ее только потому, чтобы знать, доставитъ ли онъ это удовольствіе Васенькѣ Весловскому, въ котораго она, по его понятіямъ, уже была влюблена.

— Да, я поѣду,—ненатуральнымъ, самому себѣ противнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ ей.

— Нѣтъ, лучше пробудьте завтра день, а то Долли не видала мужа совсѣмъ; а послѣ завтра поѣзжайте,—сказала Кити.

Смыслъ словъ Кити теперь уже переводился Левинымъ такъ: „Не разлучай меня съ *нимъ*. Что ты уѣдешь — мнѣ все равно, но дай мнѣ насладиться обществомъ этого прелестнаго молодаго человѣка“.

— Ахъ, если ты хочешь, то мы завтра пробудемъ, — съ особенной пріятностью отвѣчалъ Левинъ.

Васенька, между тѣмъ, нисколько и не подозрѣвая того страданія, которое причинялось его присутствіемъ, вслѣдъ за Кити всталъ отъ стола и, слѣдя за ней улыбающимся ласковымъ взглядомъ, пошелъ за нею.

Левинъ видѣлъ этотъ взглядъ. Онъ поблѣднѣлъ и съ минуту не могъ перевести дыханіе. „Какъ позволить себѣ смотрѣть такъ на мою жену!“ кипѣло въ немъ.

— Такъ завтра? Поѣдемъ пожалуйста,—сказалъ Васенька, присаживаясь на стулѣ и опять подворачивая ногу по своей привычкѣ.

Ревность Левина еще дальше ушла. Уже онъ видѣлъ себя обманутымъ мужемъ, въ которомъ нуждаются жена и любовникъ только для того, чтобы доставлять имъ удобства жизни и удовольствія... Но, несмотря на то, онъ любезно и гостепріимно расспрашивалъ Васеньку объ его охотахъ, ружьѣ, сапогахъ, и согласился ѣхать завтра

На счастіе Левина, старая княгиня прекратила его страданія тѣмъ, что сама встала и посовѣтовала Кити идти спать. Но и тутъ не обошлось безъ новаго страданія для Левина. Прощаясь съ хозяйкой, Васенька опять хотѣлъ поцѣловать ея руку, но Кити, покраснѣвъ, съ наивною грубостью, за которую ей потомъ выговаривала мать, сказала, отстраняя руку:

— Это у насъ не принято.

Въ глазахъ Левина Кити была виновата въ томъ, что она допустила такія отношенія, и еще больше виновата въ томъ, что такъ неловко показала, что они ей не нравятся:

— Ну, что за охота спать! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, послѣ выпитыхъ за ужиномъ нѣсколькихъ стакановъ вина пришедшій въ свое самое милое и поэтическое настроеніе. — Смотри, Кити, — говорилъ онъ, указывая на поднимавшуюся изъ-за липъ луну, — что за прелесть! Весловскій, вотъ когда серенаду. Ты знаешь, у него славный голосъ, мы съ нимъ спѣлись дорогой. Онъ привезъ съ собой прекрасные романсы, новые два. Съ Варварой Андреевной бы спѣть.

Когда всѣ разошлись, Степанъ Аркадьевичъ еще долго ходилъ съ Весловскимъ по аллеѣ, и слышались ихъ спѣвавшіеся на новомъ романсѣ голоса.

Слушая эти голоса, Левинъ насупившись сидѣлъ на креслѣ въ спальнѣ жены и упорно молчалъ на ея вопросы о томъ, что съ нимъ; но когда наконецъ она сама, робко улыбаясь, спросила: „Ужъ не что ли нибудь не понравилось тебѣ съ Весловскимъ?“ — его прорвало, и онъ высказалъ все. То, что онъ высказывалъ, оскорбляло его и потому еще больше его раздражало.

Онъ стоялъ передъ ней съ страшно-блестѣвшими изъ-подъ насупленныхъ бровей глазами и прижималъ къ груди сильныя руки, какъ будто напрягая всѣ силы свои, чтобъ удержать себя. Выраженіе лица его было бы сурово и даже жестоко, еслибъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ не выражало страданія, которое трогало ее. Скулы его тряслись и голосъ обрывался.

— Ты пойми, что я не ревную: это—мерзкое слово. Я не могу ревновать и вѣрить, чтобъ... Я не могу сказать, что я чувствую, но это ужасно... Я не ревную, но я оскорбленъ, униженъ тѣмъ, что кто-нибудь смѣетъ думать, смѣетъ смотрѣть на тебя такими глазами...

— Да какими глазами? — говорила Кити, стараясь какъ можно добросовѣстнѣе вспомнить всѣ рѣчи и жесты нынѣшняго вечера и всѣ ихъ оттѣнки.

Въ глубинѣ души она находила, что было что-то именно въ ту минуту, когда онъ перешелъ за ней на другой конецъ стола, но не смѣла признаться въ этомъ даже самой себѣ, тѣмъ болѣе не рѣшалась сказать это ему и усилить этимъ его страданіе.

— И что же можетъ быть привлекательнаго во мнѣ, какая я?...

— Ахъ! —вскрикнулъ онъ, хватаясь за голову. — Ты бы не говорила!... Значитъ, еслибы ты была привлекательна...

— Да нѣтъ, Костя, да постой, да послушай! — говорила она, съ страдальчески-соболѣзнующимъ выраженіемъ глядя на него.—Ну, что же ты можешь думать? Когда для меня нѣтъ людей, нѣту, нѣту!... Ну, хочешь ты, чтобъ я никого не видала?

Въ первую минуту ей была оскорбительна его ревность;

ей было досадно, что малѣйшее развлеченіе, и самое невинное, было ей запрещено; но теперь она охотно пожертвовала бы и не такими пустяками, а всѣмъ для его спокойствія, чтобъ избавить его отъ страданія, которое онъ испытывалъ.

— Ты пойми ужасъ и комизмъ моего положенія,—продолжалъ онъ отчаяннымъ шепотомъ,—что онъ у меня въ домѣ, что онъ ничего неприличнаго, собственно, вѣдь не сдѣлалъ, кромѣ этой развязности и поджиманія ногъ. Онъ считаетъ это самымъ хорошимъ тономъ, и потому я долженъ быть любезенъ съ нимъ.

— Но, Костя, ты преувеличиваешь,—говорила Кити, въ глубинѣ души радуясь той силѣ любви къ ней, которая выражалась теперь въ его ревности.

— Ужаснѣе всего то, что ты—какая ты всегда, и теперь, когда ты такая святыня для меня, мы такъ счастливы, такъ особенно счастливы, и вдругъ такая дрянь... Не дрянь, зачѣмъ я его браню? Мнѣ до него дѣла нѣтъ. Но за что мое, твое счастіе?...

— Знаешь, я понимаю, отчего это сдѣлалось, — начала Кити.

— Отчего, отчего?

— Я видѣла, какъ ты смотрѣлъ, когда мы говорили за ужиномъ.

— Ну да, ну да!—испуганно сказалъ Левинъ.

Она разсказала ему, о чемъ они говорили. И, разсказывая это, она задыхалась отъ волненія. Левинъ помолчалъ, потомъ пригляделся къ ея блѣдному, испуганному лицу и вдругъ схватился за голову.

— Катя, я измучилъ тебя! Голубчикъ, прости меня! Это

сумасшествіе! Катя, я кругомъ виноватъ. И можно ли было изъ такой глупости такъ мучиться?

— Нѣтъ, мнѣ тебя жалко.

— Меня, меня? Что я сумасшедшій... А тебя за что? Это ужасно думать, что всякій человѣкъ чужой можетъ разстроить наше счастіе.

— Разумѣется, это-то и оскорбительно...

— Нѣтъ, такъ я, напротивъ, оставлю его нарочно у насъ все лѣто и буду разсыпаться съ нимъ въ любезностяхъ,— говорилъ Левинъ, цѣлуя ея руки.—Вотъ увидишь. Завтра... Да, правда, завтра мы ѣдемъ.

VIII.

На другой день дамы еще не вставали, какъ охотничьи экипажи, катки и телѣжка стояли у подъѣзда, и Ласка, еще съ утра понявшая, что ѣдутъ на охоту, навизжавшись и напрыгавшись досыта, сидѣла на каткахъ подлѣ кучера, взволнованно и неодобрительно за промедленіе глядя на дверь, изъ которой все еще не выходили охотники. Первый вышелъ Васенька Весловскій въ большихъ новыхъ сапогахъ, доходившихъ до половины толстыхъ ляжекъ; въ зеленой блузѣ, подпоясанной новымъ, пахнущимъ кожей патронташемъ, и въ своемъ колпачкѣ съ лентами, и съ англійскимъ новенькимъ ружьемъ безъ антапокъ и перевязи. Ласка подскочила къ нему, попривѣтствовала его, попрыгавъ, спросила у него по-своему, скоро ли выйдутъ тѣ, но, не получивъ отъ него отвѣта, вернулась на свой постъ ожиданія и опять замерла, повернувъ на бокъ голову и настороживъ одно ухо. Наконецъ дверь съ грохотомъ отворилась, вылетѣлъ, кружась и повертываясь на

воздухѣ, Кракъ, половопѣгій понтеръ Степана Аркадьевича, и вышелъ самъ Степанъ Аркадьевичъ съ ружьемъ въ рукахъ и съ сигарой во рту. „Тубо, тубо, Кракъ!“ покрикивалъ онъ ласково на собаку, которая вскидывала ему лапы на животъ и грудь, цѣпляясь ими за ягдташъ. Степанъ Аркадьевичъ былъ одѣтъ въ поршни и подвертки, въ оборванные панталоны и короткое пальто. На головѣ была развалина какой-то шляпы, но ружье новой системы было игрушечка, и ягдташъ и патронташъ, хотя истасканные, были наилучшей доброты.

Васенька Весловскій не понималъ прежде этого настоящаго охотничьяго щегольства—быть въ отрепкахъ, но имѣть охотничью снасть самаго лучшаго качества. Онъ понялъ это теперь, глядя на Степана Аркадьевича, въ этихъ отрепкахъ сіявшаго своею элегантною, откормленною и веселою барскою фигурой, и рѣшилъ, что онъ къ слѣдующей охотѣ непремѣнно такъ устроится.

— Ну, а хозяинъ нашъ что?—спросилъ онъ.

— Молодая жена,—улыбаясь, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, и такая прелестная.

— Онъ уже былъ одѣтъ. Вѣрно, опять побѣжалъ къ ней.

Степанъ Аркадьевичъ угадалъ. Левинъ забѣжалъ опять къ женѣ спросить у нея еще разъ: простила ли она его за вчерашнюю глупость, и еще затѣмъ, чтобы попросить ее, чтобъ она была ради Христа осторожнѣе. Главное—отъ дѣтей была бы дальше,—они всегда могутъ толкнуть. Потомъ надо было еще разъ получить отъ нея подтвержденіе, что она не сердится на него за то, что онъ уѣзжаетъ на два дня, и еще просить ее непремѣнно прислать ему

записку завтра утромъ съ верховымъ, написать хоть только два слова, только чтобъ онъ могъ знать, что она благополучна.

Кити, какъ всегда, больно было на два дня разставаться съ мужемъ; но, увидавъ его оживленную фигуру, казавшуюся особенно большою и сильною въ охотничьихъ сапогахъ и бѣлой блузѣ, и какое-то непонятное ей сіяніе охотничьяго возбужденія, она изъ за его радости забыла свое огорченіе и весело простилась съ нимъ.

— Виноватъ, господа!—сказалъ онъ, выбѣгая на крыльцо.—Завтракъ положили? Зачѣмъ рыжаго направо? Ну, все равно. Ласка, брось, пошла сидѣть!

— Пусти въ холостое стадо,—обратился онъ къ скотнику, дожидавшемуся его у крыльца съ вопросомъ о валушкахъ.— Виноватъ, вотъ еще злодѣй идетъ.

Левинъ соскочилъ съ катковъ, на которые онъ уже сѣлъ было, къ рядчику плотнику, съ саженью шедшему къ крыльцу.

— Вотъ вчера не пришелъ въ контору, теперь меня задерживаетъ. Ну что?

— Прикажете еще поворотъ сдѣлать? Всего три ступеньки прибавить. И пригонимъ въ самый разъ. Много покойнѣе будетъ.

— Ты бы слушалъ меня,—съ досадой отвѣчалъ Левинъ.— Я говорилъ, установи тетивы и потомъ ступени врубай. Теперь не поправишь. Дѣлай, какъ я велѣлъ, руби новую.

Дѣло было въ томъ, что въ строящемся флигелѣ рядчикъ испортилъ лѣстницу, срубивъ ее отдѣльно и не разочтя подъемъ, такъ что ступени всѣ вышли покатыя, когда ее поставили на мѣсто. Теперь рядчикъ хотѣлъ, оставивъ ту же лѣстницу, прибавить три ступени.

— Много лучше будетъ.

— Да куда же она у тебя выйдетъ съ тремя ступенями?

— Помилуйте-съ, — съ презрительною улыбкой сказалъ плотникъ.—Въ самую тахту выйдетъ. Какъ, значитъ, возьмется снизу,—съ убѣдительнымъ жестомъ сказалъ онъ,—пойдетъ, пойдетъ и придетъ.

— Вѣдь три ступеньки и въ длину прибавятъ... Куда-жъ она придетъ?

— Такъ она значитъ снизу какъ пойдетъ, такъ и придетъ,—упорно и убѣдительно говорилъ рядчикъ.

— Подъ потолокъ и въ стѣну она придетъ.

— Помилуйте. Вѣдь снизу пойдетъ. Пойдетъ, пойдетъ и придетъ.

Левинъ досталъ шомполъ и сталъ по пыли рисовать ему лѣстницу.

— Ну, видишь?

— Какъ прикажете,—сказалъ плотникъ, вдругъ просвѣтлѣвъ глазами и очевидно понявъ наконецъ дѣло.—Видно, приходится новую рубить.

— Ну, такъ такъ и дѣлай, какъ велѣно,—крикнулъ Левинъ, садясь на катки.—Пошелъ! Собакъ держи, Филиппъ!

Левинъ испытывалъ теперь, оставивъ позади себя всѣ заботы семейныя и хозяйственныя, такое сильное чувство радости жизни и ожиданія, что ему не хотѣлось говорить. Кромѣ того, онъ испытывалъ то чувство сосредоточеннаго волненія, которое испытываетъ всякій охотникъ, приближаясь къ мѣсту дѣйствія. Если его что и занимало теперь, то лишь вопросы о томъ, найдутъ ли они что въ Колпенскомъ болотѣ, о томъ, какова окажется Ласка въ сравненіи съ Кракомъ, и какъ-то самому ему удастся стрѣлять нынче.

Какъ бы не осрамиться ему передъ новымъ человѣкомъ? Какъ бы Облонскій не обстрѣлялъ его?—тоже приходило ему въ голову.

Облонскій испытывалъ подобное же чувство и былъ тоже неразговорчивъ. Одинъ Васенька Весловскій не переставая весело разговаривалъ. Теперь, слушая его, Левину совѣстно было вспомнить, какъ онъ былъ неправъ къ нему вчера. Васенька былъ дѣйствительно славный малый, простой, добродушный и очень веселый. Еслибы Левинъ сошелся съ нимъ холостымъ, онъ бы сблизился съ нимъ. Было немножко непріятно Левину его праздничное отношеніе къ жизни и какая-то развязность элегантности. Какъ будто онъ признавалъ за собой высокое несомнѣнное значеніе за то, что у него были длинные ногти, и шапочка, и остальное соотвѣтствующее; но это можно было извинить за его добродушіе и порядочность. Онъ нравился Левину своимъ хорошимъ воспитаніемъ, отличнымъ выговоромъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ и тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ его міра.

Васенькѣ чрезвычайно понравилась степная, донская лошадь на лѣвой пристяжкѣ. Онъ все восхищался ею: „Какъ хорошо верхомъ на степной лошади скакать по степи, а? Не правда ли?“ говорилъ онъ. Что-то такое онъ представлялъ себѣ въ ѣздѣ на степной лошади дикое, поэтическое, изъ котораго ничего не выходило; но наивность его, въ особенности въ соединеніи съ его красотой, милою улыбкой и граціей движеній, была очень привлекательна. Оттого ли, что натура его была симпатична Левину, или потому, что Левинъ старался, въ искупленіе вчерашняго грѣха, найдти въ немъ все хорошее, Левину было пріятно съ нимъ.

Отъѣхавъ три версты, Весловскій вдругъ хватился си-

гаръ и бумажника и не зналъ, потерялъ ли ихъ, или оставилъ на столѣ. Въ бумажникѣ было триста семьдесятъ рублей, и потому нельзя было такъ оставить этого.

— Знаете что, Левинъ, я на этой донской пристяжной проскачу домой. Это будетъ отлично, а?—говорилъ онъ, уже готовясь влѣзать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—отвѣчалъ Левинъ, расчитавшій, что въ Васенькѣ должно быть не менѣе шести пудовъ вѣса.—Я кучера пошлю.

Кучеръ поѣхалъ на пристяжной, а Левинъ сталъ самъ править парой.

IX.

— Ну, какой же нашъ маршрутъ? Разскажи-ка хорошенько,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Планъ слѣдующій: теперь мы ѣдемъ до Гвоздева. Въ Гвоздевѣ болото дупелиное по сю сторону, а за Гвоздевымъ идутъ чудныя бекасиныя болота, и дупеля бываютъ. Теперь жарко, и мы къ вечеру (двадцать верстъ) пріѣдемъ и возьмемъ вечернее поле; переночуемъ, а уже завтра въ большія болота.

— А дорогой развѣ ничего нѣтъ?

— Есть; но задержимся, и жарко. Есть славныя два мѣстечка, да едва ли есть что.

Левину самому хотѣлось зайдти въ эти мѣстечки, но мѣстечки были отъ дома близкія, онъ всегда могъ взять ихъ, и мѣстечки были маленькія,—троимъ негдѣ стрѣлять. И потому онъ кривилъ душой, говоря, что едва ли есть что. Поровнявшись съ маленькимъ болотцемъ. Левинъ хотѣлъ проѣхать мимо, но опытный охотничій глазъ Степана Аркадьевича тотчасъ же разсмотрѣлъ видную съ дороги мочежину.

— Не заѣдемъ ли?—сказалъ онъ, указывая на болотце.

— Левинъ, пожалуйста, какъ отлично!—сталъ просить Васенька Весловскій, и Левинъ не могъ не согласиться.

Не успѣли они остановиться, какъ собаки, перегоняя одна другую, уже летѣли къ болоту.

— Кракъ! Ласка!...

Собаки вернулись.

— Втроемъ тѣсно будетъ, я побуду здѣсь,—сказалъ Левинъ, надѣясь, что они ничего не найдутъ кромѣ чибисовъ, которые поднялись отъ собакъ и, перекачиваясь на лету, жалобно плакали надъ болотомъ.

— Нѣтъ! Пойдемте, Левинъ, пойдемъ вмѣстѣ!—сказалъ Весловскій.

— Право, тѣсно. Ласка, назадъ!... Ласка! Вѣдь вамъ не нужно другой собаки?

Левинъ остался у линейки и съ завистью смотрѣлъ на охотниковъ. Охотники прошли все болотце. Кромѣ курочки и чибисовъ, изъ которыхъ одного убилъ Васенька, ничего не было въ болотѣ.

— Ну, вотъ видите, что я не жалѣлъ болота,—сказалъ Левинъ,—только время терять.

— Нѣтъ, все-таки весело. Вы видѣли?—говорилъ Васенька Весловскій, неловко взлѣзая на катки съ ружьемъ и чибисомъ въ рукахъ.—Какъ я славно убилъ этого! Не правда ли? Ну, скоро ли мы пріѣдемъ на настоящее?

Вдругъ лошади рванулись, Левинъ ударился головой о стволъ чьего то ружья и раздался выстрѣлъ. Выстрѣлъ собственно раздался прежде, но такъ показалось Левину. Дѣло было въ томъ, что Васенька Весловскій, спуская курки, жалъ одну гашетку, а придерживалъ другой курокъ. За-

рядъ влетѣлъ въ землю, никому не сдѣлавъ вреда. Степанъ Аркадьевичъ покачалъ головой и посмѣялся укоризненно Весловскому. Но Левинъ не имѣлъ духа выговорить ему. Вопервыхъ, всякій упрекъ показался бы вызваннымъ миновавшею опасностью и шишкой, которая вскочила на лбу у Левина; а вовторыхъ, Весловскій былъ такъ наивно огорченъ сначала и потомъ такъ смѣялся добродушно и увлекательно ихъ общему переполоху, что нельзя было самому не смѣяться.

Когда они подъѣхали ко второму болоту, которое было довольно велико и должно было взять много времени, Левинъ уговаривалъ не выходить. Но Весловскій опять упросилъ его. Опять, такъ какъ болото было узко, Левинъ, какъ гостепріимный хозяинъ, остался у экипажей.

Прямо съ прихода Кракъ потянулъ къ кочкамъ. Васенька Весловскій первый побѣжалъ за собакой. И не успѣлъ Степанъ Аркадьевичъ подойдти, какъ ужъ вылетѣлъ дупель. Весловскій сдѣлалъ промахъ, и дупель пересѣлъ въ некошенный лугъ. Весловскому предоставленъ былъ этотъ дупель. Кракъ опять нашелъ его, сталъ, и Весловскій убилъ его и вернулся къ экипажамъ.

— Теперь идите вы, а я побуду съ лошадьми, — сказалъ онъ.

Левина начинала разбирать охотничья зависть. Онъ передалъ вожжи Весловскому и пошелъ въ болото.

Ласка, уже давно жалобно визжавшая и жаловавшаяся на несправедливость, понеслась впередъ прямо къ надежному, знакомому Левину кочкарнику, въ который не заходилъ еще Кракъ.

— Что-жъ ты ее не остановишь?—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Она не спугнетъ,—отвѣчалъ Левинъ, радуясь на собаку и спѣша за нею.

Въ поискѣ Ласки, чѣмъ ближе и ближе она подходила къ знакомымъ кочкамъ, становилось больше и больше серьёзности. Маленькая болотная птичка только на мгновеніе развлекла ее. Она сдѣлала одинъ кругъ передъ кочками, начала другой и вдругъ вздрогнула и замерла.

— Иди, иди, Стива!—крикнулъ Левинъ, чувствуя, какъ сердце у него начинаетъ сильнѣе биться и какъ вдругъ, какъ будто какая-то задвижка отодвинулась въ его напряженномъ слухѣ, всѣ звуки, потерявъ мѣру разстоянія, безпорядочно, но ярко стали поражать его. Онъ слышалъ шаги Степана Аркадьевича, принимая ихъ за дальній топотъ лошадей, слышалъ хрупкій звукъ оторвавшагося съ кореньями угла кочки, на которую онъ наступилъ, принимая этотъ звукъ за полетъ дупеля. Слышалъ тоже сзади недалеко какое-то шлепанье по водѣ, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета.

Выбирая мѣсто для ноги, онъ подвигался къ собакѣ.

— Пиль!

Не дупель, а бекасъ вырвался изъ-подъ собаки. Левинъ повелъ ружьемъ, но въ то самое время, какъ онъ цѣлился, тотъ самый звукъ шлепанья по водѣ усилился, приблизился, и къ нему присоединился голосъ Весловскаго, что-то странно громко кричавшаго. Левинъ видѣлъ, что онъ беретъ ружьемъ сзади бекаса, но все-таки выстрѣлилъ.

Убѣдившись въ томъ, что сдѣланъ промахъ, Левинъ оглянулся и увидалъ, что лошади съ катками уже не на дорогѣ, а въ болотѣ.

Весловскій, желая видѣть стрѣльбу, заѣхалъ въ болото и увязилъ лошадей.

— И чортъ его носитъ!—проговорилъ про себя Левинъ, возвращаясь къ завязшему экипажу. — Зачѣмъ вы поѣхали?—сухо сказалъ онъ ему и, кликнувъ кучера, принялся выпрастывать лошадей.

Левину было досадно и то, что ему помѣшали стрѣлять, и то, что увязили его лошадей, и то, главное, что для того, чтобы выпростать лошадей, отпречь ихъ, ни Степанъ Аркадьевичъ, ни Весловскій не помогали ему и кучеру, такъ какъ не имѣли ни тотъ, ни другой ни малѣйшаго понятія, въ чемъ состоитъ запряжка. Ни слова не отвѣчая Васенькѣ на его увѣренія, что тутъ было совсѣмъ сухо, Левинъ молча работалъ съ кучеромъ, чтобы выпростать лошадей. Но потомъ, разогрѣвшись работой и увидавъ, какъ старательно-усердно Весловскій тащилъ катки за крыло, такъ что даже отломилъ его, Левинъ упрекнулъ себя за то, что онъ, подъ вліяніемъ вчерашняго чувства, былъ слишкомъ холоденъ къ Весловскому, и постарался особенною любезностію загладить свою сухость. Когда все было приведено въ порядокъ и экипажи выведены на дорогу, Левинъ велѣлъ достать завтракъ.

— Bon appétit—bonne conscience! Ce poulet va tomber jusqu'au fond de mes bottes,—говорилъ французскую прибауточку опять повеселѣвшій Васенька, доѣдая втораго цыпленка. — Ну, теперь бѣдствія наши кончились; теперь пойдетъ все благополучно. Только я за свою вину обязанъ сидѣть на козлахъ. Не правда ли, а? Нѣтъ, нѣтъ, я Автомедонъ. Посмотрите, какъ я васъ довезу!—отвѣчалъ онъ, не пуская возжи, когда Левинъ просилъ его пустить ку-

чера.—Нѣтъ, я долженъ свою вину искупить, и мнѣ прекрасно на козлахъ.—И онъ поѣхалъ.

Левинъ боялся немного, что онъ замучаетъ лошадей, особенно лѣваго, рыжаго, котораго онъ не умѣлъ держать; но невольно онъ подчинялся его веселью, слушалъ романсы, которые Весловскій, сидя на козлахъ, распѣвалъ всю дорогу, или разсказы и представленія въ лицахъ, какъ надо править по-англійски, four in hand; и они всѣ послѣ завтрака въ самомъ веселомъ расположеніи духа доѣхали до Гвоздевскаго болота.

X.

Васенька такъ шибко гналъ лошадей, что они пріѣхали къ болоту слишкомъ рано, такъ что было еще жарко.

Подъѣхавъ къ серьёзному болоту, главной цѣли поѣздки, Левинъ невольно подумывалъ о томъ, какъ бы ему избавиться отъ Васеньки и ходить безъ помѣхи. Степанъ Аркадьевичъ очевидно желалъ того же, и на лицѣ его Левинъ видѣлъ выраженіе озабоченности, которое всегда бываетъ у настоящаго охотника передъ началомъ охоты, и нѣкоторой свойственной ему добродушной хитрости.

— Какъ же мы пойдемъ? Болото отличное, я вижу, и ястреба̀,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, указывая на двухъ вившихся надъ осокой большихъ птицъ.—Гдѣ ястреба̀, тамъ навѣрное и дичь есть.

— Ну вотъ видите ли, господа,—сказалъ Левинъ, съ нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ подтягивая сапоги и осматривая пистоны на ружьѣ.—Видите эту осоку?—Онъ указалъ на темнѣвшій черною зеленью островокъ, въ огромномъ, раскинувшемся по правую сторону рѣки, до половины скошенномъ, мокромъ лугѣ.—Болото начинается вотъ здѣсь

прямо передъ нами, видите—гдѣ зеленѣе. Отсюда оно идетъ направо, гдѣ лошади ходятъ; тамъ кочки, дупеля бываютъ; и кругомъ этой осоки вонъ до того ольшанника и до самой мельницы. Вонъ тамъ... видишь?—гдѣ заливъ. Это лучшее мѣсто. Тамъ я разъ семнадцать бекасовъ убилъ. Мы разойдемся съ двумя собаками и въ разныя стороны, и тамъ у мельницы сойдемся.

— Ну, кто-жъ направо, кто налѣво?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Направо шире, идите вы вдвоемъ, а я налѣво,—беззаботно какъ будто сказалъ онъ.

— Прекрасно! мы его обстрѣляемъ. Ну, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ,—подхватилъ Васенька.

Левину нельзя было не согласиться, и они разошлись.

Только-что они вошли въ болото, обѣ собаки вмѣстѣ заискали и потянули къ ржавчинѣ. Левинъ зналъ этотъ поискъ Ласки, осторожный и неопредѣленный; онъ зналъ и мѣсто, и ждалъ табунка бекасовъ.

— Весловскій, рядомъ, рядомъ идите!—замирающимъ голосомъ проговорилъ онъ плескавшемуся сзади по водѣ товарищу, направленіе ружья котораго, послѣ нечаяннаго выстрѣла на Колпенскомъ болотѣ, невольно интересовало Левина.

— Нѣтъ, я васъ не буду стѣснять, вы обо мнѣ не думайте.

Но Левинъ невольно думалъ и вспоминалъ слова Кити, когда она отпускала его: „Смотрите, не застрѣлите другъ друга“. Ближе и ближе подходили собаки, минуя одна другую, каждая ведя свою нить; ожиданіе бекаса было такъ сильно, что чмоканье своего каблука, вытаскиваемаго изъ ржавчины, представлялось Левину крикомъ бекаса, и онъ схватывалъ и сжималъ прикладъ ружья.

Бацъ-бацъ! раздалось у него надъ ухомъ. Васенька выстрѣлилъ въ стадо утокъ, которыя вились надъ болотомъ, и далеко не въ мѣру налетѣли въ это время на охотниковъ. Не успѣлъ Левинъ оглянуться, какъ чмокнулъ одинъ бекасъ, другой, третій, и еще штукъ восемь поднялось одинъ за другимъ.

Степанъ Аркадьевичъ срѣзалъ одного въ тотъ самый моментъ, какъ онъ собирался начать свои зигзаги, и бекасъ комочкомъ упалъ въ трясину. Облонскій неторопливо повелъ за другимъ, еще низомъ летѣвшимъ къ осокѣ, и, вмѣстѣ со звукомъ выстрѣла, и этотъ бекасъ упалъ, и видно было, какъ онъ выпрыгивалъ изъ скошенной осоки, біясь уцѣлѣвшимъ бѣлымъ снизу крыломъ.

Левинъ не былъ такъ счастливъ: онъ ударилъ перваго бекаса слишкомъ близко и промахнулся; повелъ за нимъ, когда онъ уже сталъ подниматься, но въ это время вылетѣлъ еще одинъ изъ-подъ ногъ и развлекъ его, и онъ сдѣлалъ другой промахъ.

Покуда заряжали ружья, поднялся еще бекасъ, и Весловскій, успѣвшій зарядить другой разъ, пустилъ по водѣ еще два заряда мелкой дроби. Степанъ Аркадьевичъ подобралъ своихъ бекасовъ и блестящими глазами взглянулъ на Левина.

— Ну, теперь расходимся,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ и, прихрамывая на лѣвую ногу и держа ружье наготовѣ и посвистывая собакѣ, пошелъ въ одну сторону. Левинъ съ Весловскимъ пошли въ другую.

Съ Левинымъ всегда бывало такъ, что когда первые выстрѣлы были неудачны, онъ горячился, досадовалъ и стрѣлялъ цѣлый день дурно. Такъ было и нынче. Бекасовъ

оказалось очень много. Изъ-подъ собаки, изъ-подъ ногъ охотниковъ безпрестанно вылетали бекасы, и Левинъ могъ бы поправиться; но чѣмъ больше онъ стрѣлялъ, тѣмъ больше срамился передъ Весловскимъ, весело палившимъ въ мѣру и не въ мѣру, ничего не убивавшимъ и нисколько этимъ не смущавшимся. Левинъ торопился, не выдерживалъ, горячился все больше и больше и дошелъ до того уже, что, стрѣляя, почти не надѣялся, что убьетъ. Казалось и Ласка понимала это. Она лѣнивѣе стала искать, и точно съ недоумѣніемъ или укоризною оглядывалась на охотниковъ. Выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами. Пороховой дымъ стоялъ вокругъ охотниковъ, а въ большой просторной сѣткѣ ягдташа были только три легонькіе, маленькіе бекаса. И то одинъ изъ нихъ былъ убитъ Весловскимъ, и одинъ общій. Между тѣмъ по другой сторонѣ болота слышались не частые, но, какъ Левину казалось, значительные выстрѣлы Степана Аркадьевича, причемъ почти за каждымъ слышалось: „Кракъ, Кракъ, апортъ!"

Это еще болѣе волновало Левина. Бекасы не переставая вились въ воздухѣ надъ осокой. Чмоканье по землѣ и карканье въ вышинѣ не умолкая были слышны со всѣхъ сторонъ; поднятые прежде и носившіеся въ воздухѣ бекасы садились передъ охотниками. Вмѣсто двухъ ястребовъ, теперь десятки ихъ съ пискомъ вились надъ болотомъ.

Пройдя большую половину болота, Левинъ съ Весловскимъ добрались до того мѣста, по которому длинными полосками, упирающимися въ осоку, былъ раздѣленъ мужицкій покосъ, отмѣченный гдѣ протоптанными полосками, гдѣ прокошеннымъ рядкомъ. Половина изъ этихъ полосъ была уже скошена.

Хотя по нескошенному было мало надежды найдти столько же, сколько по скошенному, Левинъ обѣщалъ Степану Аркадьевичу сойдтись съ нимъ и пошелъ со своимъ спутникомъ дальше по прокошеннымъ и непрокошеннымъ полосамъ.

— Эй, охотники!—прокричалъ имъ одинъ изъ мужиковъ, сидѣвшихъ у отпряженной телѣги,—иди съ нами полудновать! Вино пить!

Левинъ оглянулся.

— Иди, ничаво!—прокричалъ съ краснымъ лицомъ веселый бородатый мужикъ, осклабляя бѣлые зубы и поднимая зеленоватый, блестящій на солнцѣ штофъ.

— Qu'est ce qu'ils disent?—спросилъ Весловскій.

— Зовутъ водку пить. Они, вѣрно, луга дѣлили. Я бы выпилъ,—не безъ хитрости сказалъ Левинъ, надѣясь, что Весловскій соблазнится водкой и уйдетъ къ нимъ.

— Зачѣмъ же они угощаютъ?

— Такъ, веселятся. Право, подойдите къ нимъ. Вамъ интересно.

— Allons, c'est curieux.

— Идите, идите, вы найдете дорогу на мельницу!—крикнулъ Левинъ, и оглянувшись, съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Весловскій, нагнувшись и спотыкаясь усталыми ногами и держа ружье въ вытянутой рукѣ, выбирался изъ болота къ мужикамъ.

— Иди и ты!—кричалъ мужикъ на Левина.—Нябось! Закусишь пирожка!

Левину сильно хотѣлось выпить водки и съѣсть кусокъ хлѣба. Онъ ослабѣлъ и чувствовалъ, что насилу выдираетъ заплетающіяся ноги изъ трясины, и онъ на минуту былъ въ сомнѣніи. Но собака стала. И тотчасъ вся усталость исчез-

ла, и онъ легко пошелъ по трясинѣ къ собакѣ. Изъ-подъ ногъ его вылетѣлъ бекасъ; онъ ударилъ и убилъ,—собака продолжала стоять.—Пиль!—изъ-подъ собаки поднялся другой. Левинъ выстрѣлилъ. Но день былъ несчастный; онъ промахнулся, и, когда пошелъ искать убитаго, то не нашелъ и его. Онъ излазилъ всю осоку, но Ласка не вѣрила, что онъ убилъ, и когда онъ посылалъ ее искать, притворялась, что ищетъ, но не искала.

И безъ Васеньки, котораго Левинъ упрекалъ въ своей неудачѣ, дѣло не поправилось. Бекасовъ было много и тутъ, но Левинъ дѣлалъ промахъ за промахомъ.

Косые лучи солнца были еще жарки; платье, насквозь промокшее отъ пота, липло къ тѣлу; лѣвый сапогъ, полный воды, былъ тяжелъ и чмокалъ; по испачканному пороховымъ осадкомъ лицу каплями скатывался потъ; во рту была горечь, въ носу запахъ пороха и ржавчины, въ ушахъ неперестающее чмоканье бекасовъ; до стволовъ нельзя было дотронуться, —такъ они разгорѣлись; сердце стучало быстро и коротко; руки тряслись отъ волненія; и усталыя ноги спотыкались и переплетались по кочкамъ и трясинѣ; но онъ все ходилъ и стрѣлялъ. Наконецъ, сдѣлавъ постыдный промахъ, онъ бросилъ на земь ружье и шляпу.

„Нѣтъ, надо опомниться!“ сказалъ онъ себѣ. Онъ, поднявъ ружье и шляпу, подозвалъ къ ногамъ Ласку и вышелъ изъ болота. Выйдя на сухое, онъ сѣлъ на кочку, разулся, вылилъ изъ сапога, потомъ подошелъ къ болоту, напился со ржавымъ вкусомъ воды, намочилъ разгорѣвшіеся стволы, и обмылъ себѣ лицо и руки. Освѣжившись, онъ двинулся опять къ тому мѣсту, куда пересѣлъ бекасъ, съ твердымъ намѣреніемъ не горячиться.

Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ, но было то же. Палецъ его прижималъ гашетку прежде, чѣмъ онъ бралъ на цѣль птицу. Все шло хуже и хуже.

У него было только пять штукъ въ ягдташѣ, когда онъ вышелъ изъ болота къ ольшаннику, гдѣ долженъ былъ сойтись со Степаномъ Аркадьевичемъ.

Прежде, чѣмъ увидать Степана Аркадьевича, онъ увидалъ его собаку. Изъ-подъ вывороченнаго корня ольхи выскочилъ Кракъ, весь черный отъ вонючей болотной тины, и съ видомъ побѣдителя обнюхался съ Лаской. За Кракомъ показалась въ тѣни ольхъ и статная фигура Степана Аркадьевича. Онъ шелъ навстрѣчу красный, распотѣвшій, съ разстегнутымъ воротомъ, все такъ же прихрамывая.

— Ну, что? Вы палили много!—сказалъ онъ, весело улыбаясь.

— А ты?—спросилъ Левинъ. Но спрашивать было не нужно, потому что онъ уже видѣлъ полный ягдташъ.

— Да, ничего.

У него было четырнадцать штукъ.

— Славное болото! Тебѣ, вѣрно, Весловскій мѣшалъ. Двумъ съ одной собакой неловко,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, смягчая свое торжество.

XI.

Когда Левинъ со Степаномъ Аркадьевичемъ пришли въ избу мужика, у котораго всегда останавливался Левинъ, Весловскій уже былъ тамъ. Онъ сидѣлъ въ серединѣ избы и, держась обѣими руками за лавку, съ которой его стаскивалъ солдатъ, братъ хозяйки, за облитые тиной сапоги, смѣялся своимъ заразительно-веселымъ смѣхомъ.

— Я только-что пришелъ. Ils ont été charmants. Представьте себѣ, напоили меня, накормили. Какой хлѣбъ, это чудо, délicieux! И водка... я никогда вкуснѣе не пилъ! И ни за что не хотѣли взять деньги. И все говорили: „не обсудись“, какъ-то.

— Зачѣмъ же деньги брать? Они васъ, значитъ, поштовали. Развѣ у нихъ продажная водка?—сказалъ солдатъ, стащивъ наконецъ съ почернѣвшимъ чулкомъ замокшій сапогъ.

Несмотря на нечистоту избы, загаженной сапогами охотниковъ и грязными, облизывавшимися собаками, на болотный и пороховой запахъ, которымъ она наполнилась, и на отсутствіе ножей и вилокъ, охотники напились чаю и поужинали съ такимъ вкусомъ, какъ ѣдятъ только на охотѣ. Умытые и чистые, они пошли въ подметенный сѣнной сарай, гдѣ кучера приготовили господамъ постели.

Хотя уже смерклось, никому изъ охотниковъ не хотѣлось спать.

Поколебавшись между воспоминаніями и разсказами о стрѣльбѣ, о собакахъ, о прежнихъ охотахъ, — разговоръ напалъ на заинтересовавшую всѣхъ тему. По случаю нѣсколько разъ уже повторенныхъ выраженій восхищенія Васеньки о прелести этого ночлега и запаха сѣна, о прелести сломанной телѣги (ему она казалась сломанною, потому что была снята съ передковъ), о добродушіи мужиковъ, напоившихъ его водкой, о собакахъ, лежавшихъ каждая у ногъ своего хозяина, Облонскій разсказалъ про прелесть охоты у Мальтуса, на которой онъ былъ прошлымъ лѣтомъ. Мальтусъ былъ извѣстный желѣзнодорожный богачъ. Степанъ Аркадьевичъ разсказывалъ, какія у этого Мальтуса были въ Тверской губерніи откуплены болота, и какъ сбе-

режены, и о томъ, какіе экипажи, догкарты, подвезли охотниковъ, и какая палатка съ завтракомъ была раскинута у болота.

— Не понимаю тебя,—сказалъ Левинъ, поднимаясь на своемъ сѣнѣ,—какъ тебѣ не противны эти люди? Я понимаю, что завтракъ съ лафитомъ очень пріятенъ, но неужели тебѣ не противна именно эта роскошь? Всѣ эти люди, какъ прежде наши откупщики, наживаютъ деньги такъ, что при наживѣ заслуживаютъ презрѣніе людей, пренебрегаютъ этимъ презрѣніемъ, а потомъ безчестно нажитымъ откупаются отъ прежняго презрѣнія.

— Совершенно справедливо! — отозвался Васенька Весловскій.—Совершенно! Разумѣется, Облонскій дѣлаетъ это изъ bonhomie, а другіе говорятъ: Облонскій же ѣздитъ...

— Нисколько!—Левинъ слышалъ, что Облонскій улыбался, говоря это:—я просто не считаю его болѣе безчестнымъ, чѣмъ кого бы то ни было изъ богатыхъ купцовъ и дворянъ. И тѣ и эти нажили одинаково трудомъ и умомъ.

— Да, но какимъ трудомъ? Развѣ это трудъ, чтобы добыть концессію и перепродать?

— Разумѣется, трудъ. Трудъ въ томъ смыслѣ, что еслибы не было его или другихъ ему подобныхъ, то и дорогъ бы не было.

— Но трудъ не такой, какъ трудъ мужика или ученаго.

— Положимъ; но трудъ въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его даетъ результатъ—дороги. Но вѣдь ты находишь, что дороги безполезны.

— Нѣтъ, это другой вопросъ; я готовъ признать, что онѣ полезны. Но всякое пріобрѣтеніе несоотвѣтственное положенному труду—нечестно.

— Да кто жъ опредѣлитъ соотвѣтствіе?

— Пріобрѣтеніе нечестнымъ путемъ, хитростью,— сказалъ Левинъ, чувствуя, что онъ не умѣетъ ясно опредѣлить черту между честнымъ и безчестнымъ: — такъ, какъ пріобрѣтеніе банкирскихъ конторъ, — продолжалъ онъ. — Это зло—пріобрѣтеніе громадныхъ состояній безъ труда, какъ это было при откупахъ—только перемѣнило форму. Le roi est mort, vive le roi! Только-что успѣли уничтожить откупа, какъ явились желѣзныя дороги, банки: тоже нажива безъ труда.

— Да, это все можетъ-быть вѣрно и остроумно... Лежать, Кракъ!—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ на чесавшуюся и ворочавшую все сѣно собаку, очевидно увѣренный въ справедливости своей темы, и потому спокойно и неторопливо.— Но ты не опредѣлилъ черты между честнымъ и безчестнымъ трудомъ. То, что я получаю жалованья больше, чѣмъ мой столоначальникъ, хотя онъ лучше меня знаетъ дѣло,— это безчестно?

— Я не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ скажу: то, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ, пять тысячъ, а нашъ хозяинъ-мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получитъ больше пятидесяти рублей, точно такъ же безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника, и что Мальтусъ получаетъ больше дорожнаго мастера? Напротивъ, я вижу какое-то враждебное, ни на чемъ не основанное отношеніе общества къ этимъ людямъ, и мнѣ кажется, что тутъ зависть...

— Нѣтъ, это несправедливо,—сказалъ Весловскій,—зависти не можетъ быть, а что-то есть нечистое въ этомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, позволь, —продолжалъ Левинъ. —Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Оно въ самомъ дѣлѣ: за что̀ мы ѣдимъ, пьемъ, охотимся, ничего не дѣлаемъ, а онъ вѣчно, вѣчно въ трудѣ? — сказалъ Васенька Весловскій, очевидно въ первый разъ въ жизни ясно подумавъ объ этомъ, и потому вполнѣ искренно.

— Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего имѣнія, —сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, какъ будто нарочно задиравшій Левина.

Въ послѣднее время между двумя свояками установилось какъ бы тайное враждебное отношеніе: какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ они были женаты на сестрахъ, между ними возникло соперничество въ томъ, кто лучше устроитъ свою жизнь, и теперь эта враждебность выражалась въ начавшемъ принимать личный оттѣнокъ разговорѣ.

— Я не отдаю потому, что никто этого отъ меня не требуетъ, и еслибы я хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать, — отвѣчалъ Левинъ, —и некому.

— Отдай этому мужику; онъ не откажется.

— Да, но какъ же я отдамъ его? Поѣду съ нимъ и совершу купчую?

— Я не знаю; но если ты убѣжденъ, что ты не имѣешь права...

— Я вовсе не убѣжденъ. Я, напротивъ, чувствую, что не имѣю права отдать, что у меня есть обязанности и къ землѣ, и къ семьѣ.

— Нѣтъ, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему ты не дѣйствуешь такъ?...

— Я и дѣйствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ, что я не буду стараться увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ между мною и имъ.

— Нѣтъ, ужъ извини меня, это парадоксъ.

— Да это что-то софистическое объясненіе,—подтвердилъ Весловскій. — А! хозяинъ, — сказалъ онъ мужику, который, скрипя воротами, входилъ въ сарай. — Что, не спишь еще?

— Нѣтъ, какой сонъ! Я думалъ, господа наши спятъ, да слышу гугорятъ. Мнѣ крюкъ взять тута. Не укуситъ она?— прибавилъ онъ, осторожно ступая босыми ногами.

— А ты гдѣ же спать будешь?

— Мы въ ночное.

— Ахъ, какая ночь!—сказалъ Весловскій, глядя на виднѣвшіеся при слабомъ свѣтѣ зари въ большой рамѣ отворенныхъ теперь воротъ край избы и отпряженныхъ катковъ. — Да слушайте, это женскіе голоса поютъ и, право, недурно. Это кто поетъ, хозяинъ?

— А это дворовыя дѣвки, тутъ рядомъ.

— Пойдемте, погуляемъ! Вѣдь не заснемъ. Облонскій, пойдемъ!

— Какъ бы это... и лежать и пойдти,—потягиваясь, отвѣчалъ Облонскій.—Лежать отлично.

— Ну, я одинъ пойду, — живо вставая и обуваясь, сказалъ Весловскій.—До свиданія, господа. Если весело, я васъ позову. Вы меня дичью угощали, и я васъ не забуду.

— Не правда ли, славный малый? — сказалъ Облонскій, когда Весловскій ушелъ и мужикъ за нимъ затворилъ ворота.

— Да, славный, — отвѣтилъ Левинъ, продолжая думать о предметѣ только-что бывшаго разговора. Ему казалось,

что онъ, насколько умѣлъ, ясно высказалъ свои мысли и чувства, а между тѣмъ оба они, люди не глупые и искренние, въ одинъ голосъ сказали, что онъ утѣшается софизмами. Это смущало его.

— Такъ, такъ-то, мой другъ. Надо одно изъ двухъ: или признавать, что настоящее устройство общества справедливо, и тогда отстаивать свои права; или признаваться, что пользуешься несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользоваться ими съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, еслибъ это было несправедливо, ты бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ я не могъ бы. Мнѣ главное—надо чувствовать, что я не виноватъ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ не пойдти ли?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, очевидно уставъ отъ напряженія мысли.—Вѣдь не заснемъ. Право, пойдемъ!

Левинъ не отвѣчалъ. Сказанное ими въ разговорѣ слово о томъ, что онъ дѣйствуетъ справедливо только въ отрицательномъ смыслѣ, занимало его. „Неужели только отрицательно можно быть справедливымъ?“ спрашивалъ онъ себя.

— Однако, какъ сильно пахнетъ свѣжее сѣно!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, приподнимаясь.—Не засну ни за что. Васенька что-то затѣялъ тамъ. Слышишь хохотъ и его голосъ? Не пойдти ли? Пойдемъ!

— Нѣтъ, я не пойду,—отвѣчалъ Левинъ.

— Неужели ты это тоже изъ принципа? — улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, отыскивая въ темнотѣ свою фуражку.

— Не изъ принципа, а зачѣмъ я пойду?

— А знаешь, ты себѣ надѣлаешь бѣдъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, найдя фуражку и вставая.

— Отчего?

— Развѣ я не вижу, какъ ты себя поставилъ съ женою? Я слышалъ, какъ у васъ вопросъ первой важности—поѣдешь ли ты или нѣтъ на два дня на охоту. Все это хорошо, какъ идиллія, но на цѣлую жизнь этого не хватитъ. Мужчина долженъ быть независимъ, у него есть свои, мужскіе, интересы. Мужчина долженъ быть мужественъ, — сказалъ Облонскій, отворяя ворота.

— То есть, что же: пойдти ухаживать за дворовыми дѣвками?—спросилъ Левинъ.

— Отчего же и не пойдти, если весело? Ça ne tire pas à conséquence. Женѣ моей отъ этого не хуже будетъ, а мнѣ будетъ весело. Главное дѣло—блюди святыню дома. Въ домѣ чтобы ничего не было. А рукъ себѣ не завязывай.

— Можетъ быть,—сухо сказалъ Левинъ и повернулся на бокъ.—Завтра рано надо идти, и я не бужу никого, и иду на разсвѣтѣ.

— Messieurs, venez vite!—послышался голосъ возвратившагося Весловскаго. — Charmante! Это я открылъ. Charmante, совершенная Гретхенъ, и мы съ ней ужъ познакомились. Право, прехорошенькая!—разсказывалъ онъ съ такимъ одобряющимъ видомъ, какъ будто именно для него сдѣлана она была хорошенькою, и онъ былъ доволенъ тѣмъ, кто приготовилъ это для него.

Левинъ притворился спящимъ, а Облонскій, надѣвъ туфли и закуривъ сигару, пошелъ изъ сарая, и скоро голоса ихъ затихли.

Левинъ долго не могъ спать. Онъ слышалъ, какъ его

лошади жевали сѣно, потомъ—какъ хозяинъ со старшимъ малымъ собирался и уѣхалъ въ ночное; потомъ слышалъ, какъ солдатъ укладывался спать съ другой стороны сарая съ племянникомъ, маленькимъ сыномъ хозяина; слышалъ, какъ мальчикъ тоненькимъ голоскомъ сообщилъ дядѣ свое впечатлѣніе о собакахъ, которыя казались мальчику страшными и огромными; потомъ, какъ мальчикъ распрашивалъ, кого будутъ ловить эти собаки, и какъ солдатъ хриплымъ и соннымъ голосомъ говорилъ ему, что завтра охотники пойдутъ въ болото и будутъ палить изъ ружей, и какъ потомъ, чтобъ отдѣлаться отъ вопросовъ мальчика, онъ сказалъ: „спи, Васька, спи, а то смотри“, и скоро самъ захрапѣлъ, и все затихло; только слышно было ржаніе лошадей и карканіе бекаса. „Неужели только отрицательно?—повторилъ онъ себѣ.—Ну, и что-жъ? я не виноватъ“. И онъ сталъ думать о завтрашнемъ днѣ.

„Завтра пойду рано утромъ и возьму на себя не горячиться. Бекасовъ пропасть. И дупеля есть. А приду домой, записка отъ Кити. Да, Стива пожалуй и правъ: я не мужественъ съ нею, я обабился. Но что-жъ дѣлать! Опять отрицательно!“

Сквозь сонъ онъ услыхалъ смѣхъ и веселый говоръ Весловскаго и Степана Аркадьевича. Онъ на мгновеніе открылъ глаза; луна взошла, и въ отворенныхъ воротахъ, ярко освѣщенные луннымъ свѣтомъ, они стояли, разговаривая. Что-то Степанъ Аркадьевичъ говорилъ про свѣжесть дѣвушки, сравнивая ее съ только-что вылупленнымъ свѣжимъ орѣшкомъ, и что то Весловскій, смѣясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ, повторялъ, вѣроятно сказанныя ему му-

жикомъ, слова: „Ты своей какъ можно домогайся!“ Левинъ сквозь сонъ проговорилъ:

— Господа, завтра чѣмъ свѣтъ!—и заснулъ.

XII.

Проснувшись на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей. Васенька, лежа на животѣ и вытянувъ одну ногу въ чулкѣ, спалъ такъ крѣпко, что нельзя было отъ него добиться отвѣта. Облонскій сквозь сонъ отказался идти такъ рано. Даже и Ласка, спавшая, свернувшись кольцомъ, въ краю сѣна, неохотно встала и лѣниво, одну за другой, вытягивала и расправляла свои заднія ноги. Обувшись, взявъ ружье и осторожно отворивъ скрипучую дверь сарая, Левинъ вышелъ на улицу. Кучера спали у экипажей, лошади дремали. Одна только лѣниво ѣла овесъ, раскидывая его храпомъ по колодѣ. На дворѣ еще было сѣро.

— Что рано такъ поднялся, касатикъ?—дружелюбно, какъ къ старому доброму знакомому, обратилась къ нему вышедшая изъ избы старуха-хозяйка.

— Да на охоту, тетушка! Тутъ пройду на болото?

— Прямо задами; нашими гумнами, милый человѣкъ, да коноплями; стежка тамъ.

Осторожно шагая босыми загорѣлыми ногами, старуха проводила Левина и откинула ему загородку у гумна.

— Прямо такъ и стеганешь въ болото. Наши ребята туда вечоръ погнали.

Ласка весело бѣжала впереди по тропинкѣ; Левинъ шелъ за нею быстрымъ, легкимъ шагомъ, безпрестанно поглядывая на небо. Ему хотѣлось, чтобы солнце не взошло прежде,

чѣмъ онъ дойдетъ до болота. Но солнце не мѣшкало. Мѣсяцъ, еще свѣтившій, когда онъ выходилъ, теперь только блѣстѣлъ, какъ кусокъ ртути; утреннюю зарницу, которую прежде нельзя было не видѣть, теперь надо было искать; прежде неопредѣленныя пятна на дальнемъ полѣ теперь уже ясны были видны. Это были ржаныя копны. Невидная еще безъ солнечнаго свѣта, роса въ душистой высокой коноплѣ, изъ которой выбраны были уже замашки, мочила ноги и блузу Левина выше пояса. Въ прозрачной тишинѣ утра слышны были малѣйшіе звуки. Пчелка со свистомъ пули пролетѣла мимо уха Левина. Онъ приглядѣлся и увидѣлъ еще другую и третью. Всѣ онѣ вылетали изъ-за плетня пчельника и надъ коноплей скрывались по направленію къ болоту. Стежка вывела прямо въ болото. Болото можно было узнать по парамъ, которые поднимались изъ него гдѣ гуще, гдѣ рѣже, такъ что осока и ракитовые кустики, какъ островки, колебались на этомъ парѣ. На краю болота и дороги мальчишки и мужики, стерегшіе ночное, лежали и передъ зарей всѣ спали подъ кафтанами. Недалеко отъ нихъ ходили три спутанныя лошади. Одна изъ нихъ гремѣла кандалами. Ласка шла рядомъ съ хозяиномъ, просясь впередъ и оглядываясь. Пройдя спавшихъ мужиковъ и поровнявшись съ первою мочежинкой, Левинъ осмотрѣлъ пистоны и пустилъ собаку. Одна изъ лошадей, сытый бурый третьякъ, увидавъ собаку, шарахнулся и, поднявъ хвостъ, фыркнулъ. Остальныя лошади тоже испугались и, спутанными ногами шлепая по водѣ и производя вытаскиваемыми изъ густой глины копытами звукъ подобный хлопанью, запрыгали изъ болота. Ласка остановилась, насмѣшливо посмотрѣвъ на лошадей и вопросительно на

Левина. Левинъ погладилъ Ласку и посвисталъ, въ знакъ того, что можно начинать.

Ласка весело и озабоченно побѣжала по колеблющейся подъ нею трясинѣ.

Вбѣжавъ въ болото, Ласка тотчасъ же, среди знакомыхъ ей запаховъ кореньевъ, болотныхъ травъ, ржавчины и чуждаго запаха лошадинаго помета, почувствовала разсѣянный по всему этому мѣсту запахъ птицы, той самой пахучей птицы, которая болѣе всѣхъ другихъ волновала ее. Коегдѣ по мху и лопушкамъ болотнымъ запахъ этотъ былъ очень силенъ, но нельзя было рѣшить, въ какую сторону онъ усиливался и ослабѣвалъ. Чтобы найдти направленіе, надо было отойдти дальше подъ вѣтеръ. Не чувствуя движенія своихъ ногъ, Ласка напряженнымъ галопомъ, такимъ, что при каждомъ прыжкѣ она могла остановиться, если встрѣтится необходимость, поскакала направо прочь отъ дувшаго съ востока предразсвѣтнаго вѣтерка, и повернулась на вѣтеръ. Вдохнувъ въ себя воздухъ расширенными ноздрями, она тотчасъ же почувствовала, что не слѣды только, а *они* сами были тутъ, передъ нею, и не одинъ, а много. Ласка уменьшила быстроту бѣга. Они были тутъ, но гдѣ именно, она не могла еще опредѣлить. Чтобы найдти это самое мѣсто, она начала уже кругъ, какъ вдругъ голосъ хозяина развлекъ ее. „Ласка, тутъ!“ сказалъ онъ, указывая ей въ другую сторону. Она постояла, спрашивая его, не лучше ли дѣлать, какъ она начала. Но онъ повторилъ приказаніе сердитымъ голосомъ, показывая въ залитый водою кочкарникъ, гдѣ ничего не могло быть. Она послушала его, притворясь, что ищетъ, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, излазила кочкарникъ и вернулась къ

прежнему мѣсту, и тотчасъ же опять почувствовала ихъ. Теперь, когда онъ не мѣшалъ ей, она знала, что дѣлать, и, не глядя себѣ подъ ноги и съ досадой спотыкаясь по высокимъ кочкамъ и попадая въ воду, но, справляясь гибкими, сильными ногами, начала кругъ, который все долженъ былъ объяснить ей. Запахъ *ихъ* все сильнѣе и сильнѣе, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе поражалъ ее, и вдругъ ей вполнѣ стало ясно, что одинъ изъ нихъ тутъ, за этою кочкой, въ пяти шагахъ передъ нею, и она остановилась и замерла всѣмъ тѣломъ. На своихъ низкихъ ногахъ она ничего не могла видѣть передъ собой, но она по запаху знала, что онъ сидѣлъ не далѣе пяти шаговъ. Она стояла, все больше и больше ощущая его и наслаждаясь ожиданіемъ. Напряженный хвостъ ея былъ вытянутъ и вздрагивалъ только въ самомъ кончикѣ. Ротъ ея былъ слегка раскрытъ, уши приподняты. Одно ухо заворотилось еще на бѣгу, и она тяжело, но осторожно дышала, и еще осторожнѣе оглянулась, больше глазами, чѣмъ головой, на хозяина. Онъ, съ его привычнымъ ей лицомъ, но всегда страшными глазами, шелъ спотыкаясь по кочкамъ, и необыкновенно тихо, какъ ей казалось. Ей казалось, что онъ шелъ тихо, а онъ бѣжалъ.

Замѣтивъ тотъ особенный поискъ Ласки, когда она прижималась вся къ землѣ, какъ будто загребала большими шагами задними ногами, и слегка раскрывая ротъ, Левинъ понялъ, что она тянула по дупелямъ, и, въ душѣ помолившись Богу, чтобы былъ успѣхъ, особенно на первую птицу, подбѣжалъ къ ней. Подойдя къ ней вплоть, онъ сталъ съ своей высоты смотрѣть передъ собою и увидалъ глазами то, что она видѣла носомъ. Въ проулочкѣ между кочками, на

разстоянія одной сажени, виднѣлся дупель. Повернувъ голову, онъ прислушивался. Потомъ, чуть расправивъ и опять сложивъ крылья, онъ, неловко вильнувъ задомъ, скрылся за уголъ.

— Пиль, пиль,—крикнулъ Левинъ, толкая въ задъ Ласку.

„Но я не могу идти, —думала Ласка.—Куда я пойду? Отсюда я чувствую ихъ, а если я двинусь впередъ, я ничего не пойму, гдѣ они и кто они". Но вотъ онъ толкнулъ ее колѣномъ и взволнованнымъ шепотомъ проговорилъ: „Пиль, Ласочка, пиль!"

„Ну, такъ если онъ хочетъ этого, я сдѣлаю, но я за себя уже не отвѣчаю теперь", подумала она, и со всѣхъ ногъ рванулась впередъ между кочекъ. Она ничего уже не чуяла теперь, а только видѣла и слышала, ничего не понимая.

Въ десяти шагахъ отъ прежняго мѣста, съ жирнымъ хорканьемъ и особеннымъ дупелинымъ выпуклымъ звукомъ крыльевъ, поднялся одинъ дупель. И вслѣдъ за выстрѣломъ тяжело шлепнулся бѣлою грудью о мокрую трясину. Другой не дождался и сзади Левина поднялся безъ собаки.

Когда Левинъ повернулся къ нему, онъ былъ уже далеко. Но выстрѣлъ досталъ его. Пролетѣвъ шаговъ двадцать, второй дупель поднялся кверху коломъ и кубаремъ, какъ брошенный мячикъ, тяжело упалъ на сухое мѣсто.

„Вотъ это будетъ толкъ!—думалъ Левинъ, запрятывая въ ягдташъ теплыхъ и жирныхъ дупелей.—А, Ласочка, будетъ толкъ?"

Когда Левинъ, зарядивъ ружье, тронулся дальше, солнце, хотя еще и не видно за тучками, уже взошло. Мѣсяцъ,

потерявъ весь блескъ, какъ облачко, бѣлѣлъ на небѣ; звѣздъ не видно было уже ни одной. Мочежинки, прежде серебрившіяся росой, теперь золотились. Ржавчина была вся янтарная. Синева травъ перешла въ желтоватую зелень. Болотныя птички копошились на блестящихъ росою и клавшихъ длинную тѣнь кустикахъ у ручья. Ястребъ проснулся и сидѣлъ на копнѣ, съ боку на бокъ поворачивая голову, недовольно глядя на болото. Галки летѣли въ поле, и босоногій мальчишка уже подгонялъ лошадей къ поднявшемуся изъ-подъ кафтана и почесывавшемуся старику. Дымъ отъ выстрѣловъ какъ молоко бѣлѣлъ по зелени травы.

Одинъ изъ мальчишекъ подбѣжалъ къ Левину.

— Дяденька, утки вчера туто были!—прокричалъ онъ ему и пошелъ за нимъ издалека.

И Левину, въ виду этого мальчика, выражавшаго свое одобреніе, было вдвойнѣ пріятно убить еще тутъ же разъ-за-разомъ трехъ бекасовъ.

XIII.

Охотничья примѣта, что если не упущенъ первый звѣрь и первая птица, то поле будетъ счастливо, оказалась справедливою.

Усталый, голодный, счастливый, Левинъ въ десятомъ часу утра, исходивъ верстъ тридцать, съ девятнадцатью штуками красной дичи и одною уткой, которую онъ привязалъ за поясъ, такъ какъ она уже не влѣзала въ ягдташъ, вернулся на квартиру. Товарищи его уже давно проснулись и успѣли проголодаться и позавтракать.

— Постойте, постойте, я знаю, что девятнадцать,—говорилъ Левинъ, пересчитывая во второй разъ неимѣющихъ

того значительнаго вида, какой они имѣли, когда вылетали, скрючившихся и ссохшихся, съ запекшеюся кровью, со свернутыми на бокъ головками, дупелей и бекасовъ.

Счетъ былъ вѣренъ, и зависть Степана Аркадьевича была пріятна Левину. Пріятно еще было ему то, что, вернувшись въ квартиру, онъ засталъ уже пріѣхавшаго посланнаго отъ Кити съ записочкой.

„Я совсѣмъ здорова и весела. Если ты за меня боишься, то можешь быть еще болѣе спокоенъ, чѣмъ прежде. У меня новый тѣлохранитель, Марья Власьевна (это была акушерка, новое, важное лицо въ семейной жизни Левина). Она пріѣхала меня провѣдать. Нашла меня совершенно здоровою, и мы оставили ее до твоего пріѣзда. Всѣ веселы, здоровы, и ты, пожалуйста, не торопись, а если охота хороша, останься еще день".

Эти двѣ радости: счастливая охота и записка отъ жены были такъ велики, что двѣ случившіяся послѣ охоты маленькія непріятности прошли для Левина легко. Одна состояла въ томъ, что рыжая пристяжная, очевидно переработавшая вчера, не ѣла корма и была скучна. Кучеръ говорилъ, что она надорвана.

— Вчера загнали, Константинъ Дмитричъ, — говорилъ онъ.—Какъ же, десять верстъ не путемъ гнали!

Другая непріятность, разстроившая въ первую минуту его хорошее расположеніе духа, но надъ которою онъ послѣ много смѣялся, состояла въ томъ, что изъ всей провизіи, отпущенной Кити въ такомъ изобиліи, что, казалось, нельзя было ее доѣсть въ недѣлю, ничего не осталось. Возвращаясь усталый и голодный съ охоты, Левинъ такъ опредѣленно мечталъ о пирожкахъ, что, подходя къ квартирѣ,

онъ слышалъ запахъ и вкусъ ихъ во рту, какъ Ласка чуяла дичь, и тотчасъ велѣлъ Филиппу подать себѣ. Оказалось, что не только пирожковъ, но и цыплятъ уже не было.

— Ну, ужъ аппетитъ!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ смѣясь, указывая на Васеньку Весловскаго.—Я не страдаю недостаткомъ аппетита, но это удивительно...

— Ну, что-жъ дѣлать!—сказалъ Левинъ, мрачно глядя на Весловскаго.—Филиппъ, такъ говядины дай.

— Говядину скушали, а кость собакамъ отдали,—отвѣчалъ Филиппъ.

Левину было такъ обидно, что онъ съ досадой сказалъ:— Хоть бы чего-нибудь мнѣ оставили!—и ему захотѣлось плакать.

— Такъ выпотроши же дичь,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ Филиппу, стараясь не смотрѣть на Васеньку,—и наложи крапивы. А мнѣ спроси хоть молока.

Уже потомъ, когда онъ наѣлся молока, ему стало совѣстно за то, что онъ высказалъ досаду чужому человѣку, и онъ сталъ смѣяться надъ своимъ голоднымъ озлобленіемъ.

Вечеромъ еще сдѣлали поле, въ которое и Весловскій убилъ нѣсколько штукъ, и въ ночь вернулись домой.

Обратный путь былъ такъ же веселъ, какъ и путь туда. Весловскій то пѣлъ, то вспоминалъ съ наслажденіемъ свои похожденія у мужиковъ, угостившихъ его водкой и сказавшихъ ему: не „обсудись“; то свои ночныя похожденія съ орѣшками и дворовою дѣвушкой, и мужикомъ, который спрашивалъ его: женатъ ли онъ, и узнавъ, что онъ не женатъ, сказалъ ему: „А ты на чужихъ женъ не зарься, а

пуще всего домогайся, какъ бы свою завести". Эти слова особенно смѣшили Весловскаго.

— Вообще я ужасно доволенъ нашею поѣздкой. А вы, Левинъ?

— Я очень доволенъ,—искренно говорилъ Левинъ, которому особенно радостно было не только не чувствовать той враждебности, которую онъ испыталъ дома къ Васенькѣ Весловскому, но, напротивъ, чувствовать къ нему самое дружеское расположеніе.

XIV.

На другой день, въ 10 часовъ, Левинъ, обходивъ уже хозяйство, постучался въ комнату, гдѣ ночевалъ Васенька.

— Entrez,—прокричалъ ему Весловскій.—Вы меня извините, я еще только мои ablutions кончилъ,—сказалъ онъ улыбаясь, стоя передъ нимъ въ одномъ бѣльѣ.

— Не стѣсняйтесь пожалуйста. — Левинъ присѣлъ къ окну.—Вы хорошо спали?

— Какъ убитый. А день какой нынче для охоты!

— Вы что пьете: чай или кофе?

— Ни то, ни другое. Я завтракаю. Мнѣ право совѣстно. Дамы, я думаю, уже встали? Пройтись теперь отлично. Вы мнѣ покажите лошадей.

Пройдясь по саду, побывавъ въ конюшнѣ и даже подѣлавъ вмѣстѣ гимнастику на баррахъ, Левинъ вернулся съ своимъ гостемъ домой и вошелъ съ нимъ въ гостиную.

— Прекрасно поохотились и сколько впечатлѣній!—сказалъ Весловскій, подходя къ Кити, которая сидѣла за самоваромъ. — Какъ жалко, что дамы лишены этихъ удовольствій.

„Ну что же, надо же ему какъ-нибудь говорить съ хозяйкой дома“, сказалъ себѣ Левинъ. Ему опять что-то показалось въ улыбкѣ, въ томъ побѣдительномъ выраженіи, съ которымъ гость обратился къ Кити...

Княгиня, сидѣвшая съ другой стороны стола съ Марьей Власьевной и Степаномъ Аркадьевичемъ, подозвала къ себѣ Левина и завела съ нимъ разговоръ о переѣздѣ въ Москву для родовъ Кити и приготовленіи квартиры. Для Левина какъ при свадьбѣ были непріятны всякія приготовленія, оскорбляющія своимъ ничтожествомъ величіе совершающагося, такъ еще болѣе оскорбительны казались приготовленія для будущихъ родовъ, время которыхъ какъ-то высчитывали по пальцамъ. Онъ старался все время не слышать этихъ разговоровъ о способѣ пеленанія будущаго ребенка, старался отворачиваться и не видѣть какихъ-то таинственныхъ безконечныхъ вязанныхъ полосъ, какихъ-то полотняныхъ треугольничковъ, которымъ приписывала особенную важность Долли, и т. п. Событіе рожденія сына (онъ былъ увѣренъ, что будетъ сынъ), которое ему обѣщали, но въ которое онъ все-таки не могъ вѣрить,—такъ оно казалось необыкновенно, — представлялось ему съ одной стороны столь огромнымъ и потому невозможнымъ счастіемъ, съ другой стороны — столь таинственнымъ событіемъ, что это воображаемое знаніе того, что будетъ, и вслѣдствіе того приготовленіе какъ къ чему-то обыкновенному, людьми же производимому, казалось ему возмутительно и унизительно.

Но княгиня не понимала его чувствъ и объясняла его неохоту думать и говорить про это легкомысліемъ и равнодушіемъ, а потому не давала ему покоя. Она поручала

Степану Аркадьевичу посмотрѣть квартиру и теперь подозвала къ себѣ Левина.

— Я ничего не знаю, княгиня Дѣлайте какъ хотите, — говорилъ онъ.

— Надо рѣшить, когда вы переѣдете.

— Я право не знаю. Я знаю, что родятся дѣтей миллiоны безъ Москвы и докторовъ, отчего же...

— Да если такъ...

— Да нѣтъ, какъ Кити хочетъ.

— Съ Кити нельзя про это говорить! Что-жъ, ты хочешь, чтобъ я напугала ее? Вотъ нынче весной Натали Голицына умерла отъ дурнаго акушера.

— Какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю, — сказалъ онъ мрачно.

Княгиня начала говорить ему, но онъ не слушалъ ея. Хотя разговоръ съ княгиней и разстраивалъ его, онъ сдѣлался мраченъ не отъ этого разговора, но отъ того, что̀ онъ видѣлъ у самовара.

„Нѣтъ, это невозможно", думалъ онъ, изрѣдка взглядывая на перегнувшагося къ Кити Васеньку, съ своею красивою улыбкой говорившаго ей что-то, и на нее, краснѣвшую и взволнованную.

Было нечистое что-то въ позѣ Васеньки, въ его взглядѣ, въ его улыбкѣ. Левинъ видѣлъ даже что то нечистое и въ позѣ и во взглядѣ Кити. И опять свѣтъ померкъ въ его глазахъ. Опять, какъ вчера, вдругъ, безъ малѣйшаго перехода, онъ почувствовалъ себя сброшеннымъ съ высоты счастiя, спокойствiя, достоинства, въ бездну отчаянiя, злобы и униженiя. Опять всѣ и все стали противны ему.

— Такъ и сдѣлайте, княгиня, какъ хотите, — сказалъ онъ опять, оглядываясь.

— Тяжела шапка Мономаха!—сказалъ ему шутя Степанъ Аркадьевичъ, намекая очевидно не на одинъ разговоръ съ княгиней, а на причину волненія Левина, которое онъ замѣтилъ.—Какъ ты нынче поздно, Долли!

Всѣ встали встрѣтить Дарью Александровну. Васенька всталъ на минуту только и, съ свойственнымъ новымъ молодымъ людямъ отсутствіемъ вѣжливости къ дамамъ, чуть поклонился и опять продолжалъ разговоръ, засмѣявшись чему-то.

— Меня замучила Маша. Она дурно спала и капризна нынче ужасно,—сказала Долли.

Разговоръ, затѣянный Васенькой съ Кити, шелъ опять о вчерашнемъ, объ Аннѣ и о томъ, можетъ ли любовь стать выше условій свѣта. Кити непріятенъ былъ этотъ разговоръ, и онъ волновалъ ее и самымъ содержаніемъ, и тѣмъ тономъ, которымъ онъ былъ веденъ, и въ особенности тѣмъ, что она знала ужъ, какъ это подѣйствуетъ на мужа. Но она слишкомъ была проста и невинна, чтобъ умѣть прекратить этотъ разговоръ, и даже для того, чтобы скрыть то внѣшнее удовольствіе, которое доставляло ей очевидное вниманіе этого молодаго человѣка. Она хотѣла прекратить этотъ разговоръ, но она не знала, что ей сдѣлать. Все, что бы она ни сдѣлала, она знала, будетъ замѣчено мужемъ и все перетолковано въ дурную сторону. И дѣйствительно, когда она спросила у Долли, что съ Машей, и Васенька, ожидая, когда кончится этотъ скучный для него разговоръ, принялся равнодушно смотрѣть на Долли, этотъ вопросъ показался Левину ненатуральною, отвратительною хитростью.

— Что же, поѣдемъ нынче за грибами?—спросила Долли.

— Поѣдемте, пожалуйста, и я поѣду,—сказала Кити и покраснѣла. Она хотѣла спросить Васеньку изъ учтивости, поѣдетъ ли онъ, и не спросила.—Ты куда, Костя?—спросила она съ виноватымъ видомъ у мужа, когда онъ рѣшительнымъ шагомъ проходилъ мимо нея. Это виноватое выраженіе подтвердило всѣ его сомнѣнія.

— Безъ меня пріѣхалъ машинистъ, я еще не видалъ его,—сказалъ онъ, не глядя на нее.

Онъ сошелъ внизъ, но не успѣлъ еще выдти изъ кабинета, какъ услыхалъ знакомые шаги жены, неосторожно быстро идущей къ нему.

— Что ты?—сказалъ онъ ей сухо.—Мы заняты.

— Извините меня,—обратилась она къ машинисту нѣмцу,—мнѣ нѣсколько словъ сказать мужу.

Нѣмецъ хотѣлъ уйдти, но Левинъ сказалъ ему:

— Не безпокойтесь.

— Поѣздъ въ три?—спросилъ нѣмецъ,—какъ бы не опоздать.

Левинъ не отвѣтилъ ему и самъ вышелъ съ женой.

— Ну, что вы мнѣ имѣете сказать?—проговорилъ онъ по-французски.

Онъ не смотрѣлъ на ея лицо и не хотѣлъ видѣть, что она, въ ея положеніи, дрожала всѣмъ лицомъ и имѣла жалкій, уничтоженный видъ.

— Я... я хочу сказать, что такъ нельзя жить, что это мученіе...—проговорила она.

— Люди тутъ въ буфетѣ,—сказалъ онъ сердито:—не дѣлайте сценъ.

— Ну, пойдемъ сюда!

Они стояли въ проходной комнатѣ. Кити хотѣла войдти въ сосѣднюю, но тамъ англичанка учила Таню.

— Ну, пойдемъ въ садъ!

Въ саду они наткнулись на мужика, чистившаго дорожку. И уже не думая о томъ, что мужикъ видитъ ея заплаканное, а его взволнованное лицо, не думая о томъ, что они имѣютъ видъ людей, убѣгающихъ отъ какого-то несчастія, они быстрыми шагами шли впередъ, чувствуя, что имъ надо высказаться и разубѣдить другъ друга, побыть однимъ вмѣстѣ и избавиться этимъ отъ того мученія, которое оба испытывали.

— Такъ нельзя жить! Это мученіе! Я страдаю, ты страдаешь. За что?—сказала она, когда они добрались наконецъ до уединенной лавочки, на углу липовой аллеи.

— Но ты одно скажи мнѣ: было въ его тонѣ неприличное, нечистое, унизительно-ужасное?—говорилъ онъ, становясь передъ ней опять въ ту же позу, съ кулаками передъ грудью, какъ онъ тогда ночью стоялъ передъ ней.

— Было,—сказала она дрожащимъ голосомъ.—Но, Костя, ты не видишь развѣ, что я не виновата? Я съ утра хотѣла такой тонъ взять, но эти люди... Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Какъ мы счастливы были!—говорила она, задыхаясь отъ рыданій, которыя поднимали все ея пополнѣвшее тѣло.

Садовникъ съ удивленіемъ видѣлъ, несмотря на то, что ничего не гналось за ними и что бѣжать не отъ чего было, и что ничего они особенно радостнаго не могли найдти на лавочкѣ,—садовникъ видѣлъ, что они вернулись домой мимо него съ успокоенными, сіяющими лицами.

XV.

Проводивъ жену на верхъ, Левинъ пошелъ на половину Долли. Дарья Александровна, съ своей стороны, была въ этотъ день въ большомъ огорченіи. Она ходила по комнатѣ и сердито говорила стоявшей въ углу и ревущей дѣвочкѣ:

— И будешь стоять весь день въ углу, и обѣдать будешь одна, и ни одной куклы не увидишь, и платья тебѣ новаго не сошью,—говорила она, не зная уже чѣмъ наказать ее. — Нѣтъ, это гадкая дѣвочка!—обратилась она къ Левину.—Откуда берутся у нея эти мерзкія наклонности?

— Да что же она сдѣлала?—довольно равнодушно сказалъ Левинъ, которому хотѣлось посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ, и поэтому досадно было, что онъ попалъ некстати.

— Они съ Гришей ходили въ малину, и тамъ .. я не могу даже сказать, что она дѣлала. Тысячу разъ пожалѣешь miss Elliot. Эта ни за чѣмъ не смотритъ, машина... Figurez vous, que la petite...

И Дарья Александровна разсказала преступленіе Маши.

— Это ничего не доказываетъ, это совсѣмъ не гадкія наклонности, это просто шалость,—успокоивалъ ее Левинъ.

— Но ты что-то разстроенъ? Ты зачѣмъ пришелъ? — спросила Долли.—Что тамъ дѣлается?

И въ тонѣ этого вопроса Левинъ слышалъ, что ему легко будетъ сказать то, что онъ былъ намѣренъ сказать.

— Я не былъ тамъ, я былъ одинъ въ саду съ Кити. Мы поссорились второй разъ съ тѣхъ поръ, какъ... Стива пріѣхалъ.

Долли смотрѣла на него умными, понимающими глазами.

— Ну скажи, руку на сердце, былъ ли .. не въ Кити,

а въ этомъ господинѣ... такой тонъ, который можетъ быть непріятенъ, — не непріятенъ, но ужасенъ, оскорбителенъ для мужа?

— То-есть... какъ тебѣ сказать... Стой, стой въ углу! — обратилась она къ Машѣ, которая, увидавъ чуть замѣтную улыбку на лицѣ матери, повернулась было. — Свѣтское мнѣніе было бы то, что онъ ведетъ себя какъ ведутъ себя всѣ молодые люди. Il fait la cour à une jeune et jolie femme, а мужъ свѣтскій долженъ быть только польщенъ этимъ.

— Да, да, — мрачно сказалъ Левинъ; — но ты замѣтила?

— Не только я, но Стива замѣтилъ. Онъ прямо послѣ чая мнѣ сказалъ: je crois que Весловскій fait un petit brin de cour à Кити.

— Ну, и прекрасно, теперь я спокоенъ. Я прогоню его, — сказалъ Левинъ.

— Что ты, съ ума сошелъ? — съ ужасомъ вскрикнула Долли. — Что ты, Костя, опомнись! — смѣясь сказала она. — Ну, можешь идти теперь къ Фанни, — сказала она Машѣ. — Нѣтъ, ужъ если ты хочешь, то я скажу Стивѣ. Онъ увезетъ его. Можно сказать, что ты ждешь гостей. Вообще, онъ намъ не къ дому.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ.

— Но ты поссоришься?...

— Нисколько. Мнѣ такъ это весело будетъ, — дѣйствительно весело блестя глазами, сказалъ Левинъ. — Ну, прости ее, Долли! Она не будетъ, — сказалъ онъ про маленькую преступницу, которая не шла къ Фанни и нерѣшительно стояла противъ матери, изъ подлобья ожидая и ища ея взгляда.

Мать взглянула на нее. Дѣвочка разрыдалась, зарылась

лицомъ въ колѣняхъ матери, и Долли положила ей на голову свою худую, нѣжную руку.

„И что общаго между нами и имъ?“ подумалъ Левинъ и пошелъ отыскивать Весловскаго.

Проходя черезъ переднюю, онъ велѣлъ закладывать коляску, чтобы ѣхать на станцію.

— Вчера рессора сломалась,—отвѣчалъ лакей.

— Ну, такъ тарантасъ, но скорѣе. Гдѣ гость?

— Они пошли въ свою комнату.

Левинъ засталъ Васеньку въ то время, какъ тотъ, разобравъ свои вещи изъ чемодана и разложивъ новые романсы, примѣривалъ краги, чтобъ ѣздить верхомъ.

Было ли въ лицѣ Левина что-нибудь особенное, или самъ Васенька почувствовалъ, что ce petit brin de cour, который онъ затѣялъ, былъ неумѣстенъ въ этой семьѣ, но онъ былъ нѣсколько (сколько можетъ быть свѣтскій человѣкъ) смущенъ входомъ Левина.

— Вы въ крагахъ верхомъ ѣздите?

— Да, это гораздо чище, — сказалъ Васенька, ставя жирную ногу на стулъ, застегивая нижній крючокъ и весело, добродушно улыбаясь.

Онъ былъ несомнѣнно добрый малый, и Левину жалко стало его и совѣстно за себя, хозяина дома, когда онъ подмѣтилъ робость во взглядѣ Васеньки.

На столѣ лежалъ обломокъ палки, которую они нынче утромъ вмѣстѣ сломали на гимнастикѣ, пробуя поднять забухшія барры. Левинъ взялъ въ руки этотъ обломокъ и началъ обламывать расщепившійся конецъ, не зная, какъ начать.

— Я хотѣлъ...—Онъ замолчалъ было, но вдругъ, вспо-

мнивъ Кити и все, что было, рѣшительно глядя ему въ глаза, сказалъ:—Я велѣлъ вамъ закладывать лошадей.

— То-есть какъ? — началъ съ удивленіемъ Васенька.— Куда же ѣхать?

— Вамъ... на желѣзную дорогу,—мрачно сказалъ Левинъ, щипля конецъ палки.

— Вы уѣзжаете, или что-нибудь случилось?

— Случилось, что я жду гостей, — сказалъ Левинъ, быстрѣе и быстрѣе обламывая сильными пальцами концы расщепившейся палки.—И не жду гостей, и нечего не случилось, но я прошу васъ уѣхать. Вы можете объяснить какъ хотите мою неучтивость.

Васенька выпрямился.

— Я прошу *васъ* объяснить мнѣ... — съ достоинствомъ сказалъ онъ, понявъ наконецъ.

— Я не могу вамъ объяснить, — тихо и медленно, стараясь скрыть дрожаніе своихъ скулъ, заговорилъ Левинъ.— И лучше вамъ не спрашивать.

И такъ какъ расщепившіеся концы были уже всѣ отломаны, Левинъ зацѣпился пальцами за толстые концы, разодралъ палку и старательно поймалъ падавшій конецъ.

Вѣроятно, видъ этихъ напряженныхъ рукъ, тѣхъ самыхъ мускуловъ, которые онъ нынче утромъ ощупывалъ на гимнастикѣ, и блестящихъ глазъ, тихій голосъ и дрожащія скулы—убѣдили Васеньку больше словъ. Онъ, пожавъ плечами и презрительно улыбнувшись, поклонился.

— Нельзя ли мнѣ видѣть Облонскаго?

Пожатіе плечъ и улыбка не раздражили Левина. „Что-жъ ему больше остается дѣлать?“ подумалъ онъ.

— Я сейчасъ пришлю его вамъ.

— Что это за безсмыслица!—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, узнавъ отъ пріятеля, что его выгоняютъ изъ дому, и найдя Левина въ саду, гдѣ онъ гулялъ, дожидаясь отъѣзда гостя.—Mais c'est ridicule! Какая тебя муха укусила? Mais c'est du dernier ridicule! Что же тебѣ показалось, если молодой человѣкъ...

Но мѣсто, въ которое Левина укусила муха, видно еще болѣло, потому-то онъ опять поблѣднѣлъ, когда Степанъ Аркадьевичъ хотѣлъ объяснять причину, и поспѣшно перебилъ его.

— Пожалуйста, не объясняй причины! Я не могу иначе. Мнѣ очень совѣстно передъ тобой и передъ нимъ. Но ему, я думаю, не будетъ большаго горя уѣхать, а мнѣ и моей женѣ его присутствіе непріятно.

— Но ему оскорбительно! Et puis c'est ridicule.

— А мнѣ и оскорбительно, и мучительно! И я ни въ чемъ не виноватъ, и мнѣ не зачѣмъ страдать.

— Ну, ужъ этого я не ждалъ отъ тебя! On peut être jaloux, mais à ce point, c'est du dernier ridicule!

Левинъ быстро повернулся и ушелъ отъ него въ глубь аллеи и продолжалъ одинъ ходить взадъ и впередъ. Скоро онъ услыхалъ грохотъ тарантаса и увидалъ изъ-за деревьевъ, какъ Васенька, сидя на сѣнѣ (на бѣду не было сидѣнья въ тарантасѣ) въ своей шотландской шапочкѣ, подпрыгивая по колчамъ, проѣхалъ по аллеѣ.

„Это что еще?“ подумалъ Левинъ, когда лакей, выбѣжавъ изъ дома, остановилъ тарантасъ. Это былъ машинистъ, про котораго совсѣмъ забылъ Левинъ. Машинистъ, раскланиваясь, что-то говорилъ Весловскому, потомъ влѣзъ въ тарантасъ, и они вмѣстѣ уѣхали.

Степанъ Аркадьевичъ и княгиня были возмущены поступкомъ Левина. И онъ самъ чувствовалъ себя не только ridicule въ высшей степени, но и виноватымъ кругомъ и опозореннымъ, но, вспоминая то, что̀ онъ и жена его перестрадали, онъ, спрашивая себя, какъ бы онъ поступилъ въ другой разъ, отвѣчалъ себѣ, что точно такъ же.

Несмотря на все это, къ концу этого дня всѣ, за исключеніемъ княгини, не прощавшей этотъ поступокъ Левину, сдѣлались необыкновенно оживлены и веселы, точно дѣти послѣ наказанія или большіе послѣ тяжелаго оффиціальнаго пріема, такъ что вечеромъ про изгнаніе Васеньки, въ отсутствіе княгини, говорилось какъ про давнишнее событіе. И Долли, имѣвшая отъ отца даръ смѣшно разсказывать, заставляла падать отъ смѣха Вареньку, когда она, третій и четвертый разъ, все съ новыми юмористическими прибавленіями, разсказывала, какъ она только-что собралась надѣть новыя ботинки для гостя и выходила ужъ въ гостиную, вдругъ услыхала грохотъ колымаги. И кто же въ колымагѣ?—самъ Васенька, и съ шотландскою шапочкой, и съ романсами, и съ крагами, сидитъ на сѣнѣ.

— Хоть бы ты карету велѣлъ запречь!... Нѣтъ, и потомъ слышу: „Постойте!“ Ну, думаю, сжалились. Смотрю—посадили къ нему толстаго нѣмца и повезли... И бантики мои пропали!...

XVI.

Дарья Александровна исполнила свое намѣреніе и поѣхала къ Аннѣ. Ей очень жалко было огорчить сестру и сдѣлать непріятное ея мужу; она понимала, какъ справедливы Левины, не желая имѣть никакихъ сношеній съ Вронскимъ;

но она считала своею обязанностью побывать у Анны и показать ей, что чувства ея не могутъ измѣниться, несмотря на перемѣну ея положенія.

Чтобы не зависѣть отъ Левиныхъ въ этой поѣздкѣ, Дарья Александровна послала въ деревню нанять лошадей; но Левинъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ къ ней съ выговоромъ.

— Почему же ты думаешь, что мнѣ непріятна твоя поѣздка? Да еслибы мнѣ и было это непріятно, то тѣмъ болѣе мнѣ непріятно, что ты не берешь моихъ лошадей, — говорилъ онъ.—Ты мнѣ ни разу не сказала, что ты рѣшительно ѣдешь. А нанимать на деревнѣ, вопервыхъ, непріятно для меня, а главное—они возьмутся, но не довезутъ. У меня лошади есть. И если ты не хочешь огорчить меня, то ты возьми моихъ.

Дарья Александровна должна была согласиться, и въ назначенный день Левинъ приготовилъ для свояченицы четверню лошадей и подставу, собравъ ее изъ рабочихъ и верховыхъ, очень некрасивую, но которая могла довезти Дарью Александровну въ одинъ день. Теперь, когда лошади нужны были и для уѣзжавшей княгини, и для акушерки, это было затруднительно для Левина, но, по долгу гостепріимства, онъ не могъ допустить Дарью Александровну нанимать изъ его дома лошадей, и кромѣ того зналъ, что двадцать рублей, которые просили съ Дарьи Александровны за эту поѣздку, были для нея очень важны; а денежныя дѣла Дарьи Александровны, находившіяся въ очень плохомъ положеніи, чувствовались Левиными какъ свои собственныя.

Дарья Александровна, по совѣту Левина, выѣхала до зари. Дорога была хороша, коляска покойна, лошади бѣжали весело, и на козлахъ, кромѣ кучера, сидѣлъ конторщикъ,

вмѣсто лакея, посланный Левинымъ для безопасности. Дарья Александровна задремала и проснулась только подъѣзжая уже къ постоялому двору, гдѣ надо было перемѣнять лошадей.

Напившись чаю у того самаго богатаго мужика-хозяина, у котораго останавливался Левинъ въ свою поѣздку къ Свіяжскому, и побесѣдовавъ съ бабами о дѣтяхъ и со старикомъ о графѣ Вронскомъ, котораго тотъ очень хвалилъ, Дарья Александровна въ 10 часовъ поѣхала дальше. Дома ей, за заботами о дѣтяхъ, никогда не бывало времени думать. За то уже теперь, на этомъ четырехчасовомъ переѣздѣ, всѣ прежде задержанныя мысли вдругъ столпились въ ея головѣ, и она передумала всю свою жизнь, какъ никогда прежде, и съ самыхъ разныхъ сторонъ. Ей самой странны были ея мысли. Сначала она думала о дѣтяхъ, о которыхъ, хотя княгиня, а главное Кити (она на нее больше надѣялась), обѣщала за ними смотрѣть, она все-таки безпокоилась. „Какъ бы Маша опять не начала шалить, Гришу какъ бы не ударила лошадь, да и желудокъ Лили какъ бы еще больше не разстроился". Но потомъ вопросы настоящаго стали смѣняться вопросами ближайшаго будущаго. Она стала думать о томъ, какъ въ Москвѣ надо на нынѣшнюю зиму взять новую квартиру, перемѣнить мебель къ гостиной и сдѣлать шубку старшей дочери. Потомъ стали представляться ей вопросы болѣе отдаленнаго будущаго: какъ она выведетъ дѣтей въ люди. „Дѣвочекъ еще ничего,— думала она,—но мальчики?"

„Хорошо, я занимаюсь Гришей теперь, но вѣдь это только оттого, что сама я теперь свободна, не рожаю. На Стиву, разумѣется, нечего расчитывать. И я съ помощью добрыхъ

людей выведу ихъ; но если опять роды...“ И ей пришла мысль о томъ, какъ несправедливо сказано, что проклятіе наложено на женщину, чтобы въ мукахъ родить чада. „Родить ничего, но носить — вотъ что̀ мучительно“, подумала она, представивъ себѣ свою послѣднюю беременность и смерть этого послѣдняго ребенка. И ей вспомнился разговоръ съ молодайкой на постояломъ дворѣ. На вопросъ, есть ли у нея дѣти, красивая молодайка весело отвѣчала:

— Была одна дѣвочка, да развязалъ Богъ, постомъ похоронила.

— Что-жъ, тебѣ очень жалко ее?—спросила Дарья Александровна.

— Чего жалѣть? У старика внуковъ и такъ много. Только забота. Ни тебѣ работать, ни что̀... Только связа одна.

Отвѣтъ этотъ показался Дарьѣ Александровнѣ отвратителенъ, несмотря на добродушную миловидность молодайки; но теперь она невольно вспомнила эти слова. Въ этихъ циническихъ словахъ была и доля правды.

„Да и вообще,— думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лѣтъ замужства,—беременность, тошнота, тупость ума, равнодушіе ко всему и главное—безобразіе. Кити, молоденькая, хорошенькая Кити, и та какъ подурнѣла, а я беременная дѣлаюсь безобразна, я знаю. Роды, страданія, безобразныя страданія, эта послѣдняя минута... потомъ кормленіе, эти безсонныя ночи, эти боли страшныя...“

Дарья Александровна вздрогнула отъ одного воспоминанія о боли треснувшихъ сосковъ, которую она испытывала почти съ каждымъ ребенкомъ. „Потомъ болѣзни дѣтей, этотъ страхъ вѣчный; потомъ воспитаніе, гадкія наклон-

ности (она вспомнила преступленіе маленькой Маши въ малинѣ), ученье, латынь... все это такъ непонятно и трудно. И сверхъ всего—смерть этихъ же дѣтей". И опять въ воображеніи ея возникло, вѣчно гнетущее ея материнское сердце, жестокое воспоминаніе смерти послѣдняго груднаго мальчика, умершаго крупомъ, его похороны, всеобщее равнодушіе передъ этимъ маленькимъ розовымъ гробикомъ, и своя, разрывающая сердце, одинокая боль передъ блѣднымъ лобикомъ съ вьющимися височками, передъ раскрытымъ и удивленнымъ ротикомъ, виднѣвшимся изъ гроба въ ту минуту, какъ его закрывали розовою крышечкой съ галуннымъ крестомъ.

„И все это зачѣмъ? Что-жъ будетъ изъ всего этого? То, что я, не имѣя ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вѣчно сердитая, ворчливая, сама измученная и другихъ мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь, и выростутъ несчастныя, дурно воспитанныя и нищія дѣти. И теперь, еслибы не лѣто у Левиныхъ, я не знаю какъ мы бы прожили. Разумѣется, Костя и Кити такъ деликатны, что намъ незамѣтно; но это не можетъ продолжаться. Пойдутъ у нихъ дѣти, имъ нельзя будетъ помогать намъ, они и теперь стѣснены. Что-жъ, папа, который себѣ почти ничего не оставилъ, будетъ помогать?... Такъ что и вывести дѣтей я не могу сама, а развѣ съ помощью другихъ, съ униженіемъ. Ну, да если предположимъ самое счастливое: дѣти не будутъ больше умирать и я кое-какъ воспитаю ихъ,—въ самомъ лучшемъ случаѣ они только не будутъ негодяи. Вотъ все, чего я могу желать. Изъ-за всего этого сколько мученій, трудовъ... Загублена вся жизнь!" Ей опять вспомнилось то, чтò сказала молодайка, и опять ей гадко

было вспомнить про это; но она не могла не согласиться, что въ этихъ словахъ была и доля грубой правды.

— Что, далеко ли, Михайла?—спросила Дарья Александровна у конторщика, чтобы развлечься отъ пугавшихъ ее мыслей.

— Отъ этой деревни, сказкваютъ, семь верстъ.

Коляска по улицѣ деревни съѣзжала на мостикъ. По мосту, звонко и весело переговариваясь, шла толпа веселыхъ бабъ со свитыми свяслами за плечами. Бабы пріостановились на мосту, любопытно оглядывая коляску. Всѣ обращенныя къ ней лица показались Дарьѣ Александровнѣ здоровыми, веселыми, дразнящими ее радостью жизни.

„Всѣ живутъ, всѣ наслаждаются жизнью,—продолжала думать Дарья Александровна, миновавъ бабъ, выѣхавъ въ гору и опять на рыси пріятно покачиваясь на мягкихъ рессорахъ старой коляски,—а я, какъ изъ тюрьмы выпущенная изъ міра, убивающаго меня заботами, только теперь опомнилась на мгновеніе. Всѣ живутъ: и эти бабы, и сестра Натали, и Варенька, и Анна, къ которой я ѣду,—только не я.

„А они нападаютъ на Анну. За что-жъ, развѣ я лучше? У меня, по крайней мѣрѣ, есть мужъ, котораго я люблю. Не такъ, какъ бы я хотѣла любить, но я его люблю, а Анна не любила своего. Въ чемъ же она виновата? Она хочетъ жить. Богъ вложилъ намъ это въ душу. Очень можетъ быть, что и я бы сдѣлала то же. И я до сихъ поръ не знаю, хорошо ли сдѣлала, что послушалась ея въ это ужасное время, когда она пріѣзжала ко мнѣ въ Москву. Я тогда должна была бросить мужа и начать жить съ начала. Я бы могла любить и быть любима по-настоящему. А теперь развѣ лучше? Я не уважаю его. Онъ мнѣ нуженъ, — думала она про

мужа, - и я терплю его. Развѣ это лучше? Я тогда еще могла нравиться, у меня оставалась моя красота“, продолжала думать Дарья Александровна, и ей хотѣлось посмотрѣться въ зеркало. У ней было дорожное зеркальце въ мѣшочкѣ, и ей хотѣлось достать его; но, посмотрѣвъ на спины кучера и покачивавшагося конторщика, она почувствовала, что ей будетъ совѣстно, если кто-нибудь изъ нихъ оглянется, и не стала доставать зеркала.

Но и не глядясь въ зеркало, она думала, что и теперь еще не поздно; и она вспомнила Сергѣя Ивановича, который былъ особенно любезенъ къ ней, пріятеля Стивы, добраго Туровцына, который вмѣстѣ съ ней ухаживалъ за ея дѣтьми во время скарлатины и былъ влюбленъ въ нее. И еще былъ одинъ совсѣмъ молодой человѣкъ, который, какъ ей шутя сказалъ мужъ, находилъ, что она красивѣе всѣхъ сестеръ. И самые страстные и невозможные романы представлялись Дарьѣ Александровнѣ. „Анна прекрасно поступила, и ужъ я никакъ не стану упрекать ее. Она счастлива, дѣлаетъ счастіе другаго человѣка, и не забита, какъ я, а вѣрно такъ же, какъ всегда, свѣжа, умна, открыта ко всему“, думала Дарья Александровна, и плутовская улыбка морщила ея губы, въ особенности потому, что, думая о романѣ Анны, параллельно съ нимъ Дарья Александровна воображала себѣ свой почти такой же романъ съ воображаемымъ собирательнымъ мужчиной, который былъ влюбленъ въ нее. Она такъ же, какъ Анна, признавалась во всемъ мужу. И удивленіе и замѣшательство Степана Аркадьевича при этомъ извѣстіи заставляли ее улыбаться.

Въ такихъ мечтаніяхъ она подъѣхала къ повороту съ большой дороги, шедшему къ Воздвиженскому.

XVII.

Кучеръ остановилъ четверню и оглянулся направо, на ржаное поле, на которомъ у телѣги сидѣли мужики. Конторщикъ хотѣлъ было соскочить, но потомъ раздумалъ и повелительно крикнулъ на мужика, маня его къ себѣ. Вѣтерокъ, который былъ на ѣздѣ, затихъ, когда остановились; слѣпни облѣпили сердито отбивавшихся отъ нихъ потныхъ лошадей. Металлическій, доносившійся отъ телѣги, звонъ отбоя по косѣ затихъ. Одинъ изъ мужиковъ поднялся и пошелъ къ коляскѣ.

— Ишь, разсохся! — сердито крикнулъ конторщикъ на медленно ступавшаго по колчамъ ненаѣзженной сухой дороги босыми ногами мужика.—Иди, что-ль!

Курчавый старикъ, повязанный по волосамъ лычкомъ, съ темною отъ пота горбатою спиной, ускоривъ шагъ, подошелъ къ коляскѣ и взялся загорѣлою рукой за крыло коляски.

— Воздвиженское, на барскій дворъ, къ графу?—повторилъ онъ.—Вотъ только изволокъ выйдешь, налѣво повертокъ, прямо по пришпекту, такъ и воткнешься. Да вамъ кого? Самого?

— А что, дома они, голубчикъ?—неопредѣленно сказала Дарья Александровна, не зная какъ даже у мужика спросить про Анну.

— Должно дома, — сказалъ мужикъ, переступая босыми ногами и оставляя по пыли ясный слѣдъ ступни съ пятью пальцами. — Должно дома,—повторилъ онъ, видимо желая разговориться. — Вчера гости еще пріѣхали. Гостей — страсть... Чего ты? — Онъ обернулся къ кричавшему ему

что-то отъ телѣги парню.—И то! Даве тутъ проѣхали всѣ верхами, жнею смотрѣть. Теперь должно дома. А вы чьи будете?...

— Мы дальніе, — сказалъ кучеръ, влѣзая на козлы.— Такъ недалече?

— Говорю, тутъ и есть. Какъ выѣдешь...—говорилъ онъ, перебирая рукой по крылу коляски.

Молодой, здоровый, коренастый парень подошелъ тоже.

— Что, работы нѣтъ ли насчетъ уборки?—спросилъ онъ.

— Не знаю, голубчикъ.

— Какъ, значитъ, возьмешь влѣво, такъ ты и упрешься,—говорилъ мужикъ, видимо неохотно отпуская проѣзжающихъ и желая поговорить.

Кучеръ тронулъ; но только-что они заворотили, какъ мужикъ закричалъ:—Стой! Эй, милой! Постой!—кричали два голоса. Кучеръ остановился.

— Сами ѣдутъ! Вотъ они!—прокричалъ мужикъ.—Вишь заваливаютъ! — проговорилъ онъ, указывая на четверыхъ верховыхъ и двухъ въ шарабанѣ, ѣхавшихъ по дорогѣ.

Это были Вронскій съ жокеемъ, Весловскій и Анна верхами, и княжна Варвара со Свіяжскимъ въ шарабанѣ. Они ѣздили кататься и смотрѣть дѣйствіе вновь привезенныхъ жатвенныхъ машинъ.

Когда экипажъ остановился, верховые поѣхали шагомъ. Впереди ѣхала Анна рядомъ съ Весловскимъ. Анна ѣхала спокойнымъ шагомъ на невысокомъ, плотномъ англійскомъ кобѣ со стриженою гривой и короткимъ хвостомъ. Красивая голова ея съ выбившимися черными волосами изъ-подъ высокой шляпы, ея полныя плечи, тонкая талія въ черной амазонкѣ и вся спокойная, граціозная посадка поразили Долли.

Въ первую минуту ей показалось неприлично, что Анна ѣздитъ верхомъ. Съ представленіемъ о верховой ѣздѣ для дамы въ понятіи Дарьи Александровны соединялось представленіе молодаго легкаго кокетства, которое, по ея мнѣнію, не шло къ положенію Анны; но когда она ее разсмотрѣла вблизи, она тотчасъ же примирилась съ ея верховою ѣздой. Несмотря на элегантность, все было такъ просто, спокойно и достойно—и въ позѣ, и въ одеждѣ, и въ движеніяхъ Анны, что ничего не могло быть естественнѣй.

Рядомъ съ Анной, на сѣрой разгоряченной кавалерійской лошади, вытягивая толстыя ноги впередъ и очевидно любуясь собой, ѣхалъ Васенька Весловскій въ шотландскомъ колпачкѣ съ развѣвающимися лентами, и Дарья Александровна не могла удержать веселую улыбку, узнавъ его. Сзади ихъ ѣхалъ Вронскій. Подъ нимъ была кровная темно-гнѣдая лошадь, очевидно разгорячившаяся на галопѣ. Онъ, сдерживая ее, работалъ поводомъ.

За нимъ ѣхалъ маленькій человѣкъ въ жокейскомъ костюмѣ. Свіяжскій съ княжной, въ новенькомъ шарабанѣ, на крупномъ, ворономъ рысакѣ, догоняли верховыхъ.

Лицо Анны, въ ту минуту, какъ она въ маленькой, прижавшейся къ углу старой коляски, фигурѣ узнала Долли, вдругъ просіяло радостною улыбкой. Она вскрикнула, дрогнула на сѣдлѣ и тронула лошадь галопомъ. Подъѣхавъ къ коляскѣ, она безъ помощи соскочила и, поддерживая амазонку, побѣжала навстрѣчу Долли.

— Я такъ и думала, и не смѣла думать. Вотъ радость! Ты не можешь представить себѣ мою радость!—говорила она, то прижимаясь лицомъ къ Долли и цѣлуя ее, то отстраняясь и съ улыбкой оглядывая ее.

— Вотъ радость, Алексѣй!—сказала она, оглянувшись на Вронскаго, сошедшаго съ лошади и подходившаго къ нимъ.

Вронскій, снявъ сѣрую высокую шляпу, подошелъ къ Долли.

— Вы не повѣрите, какъ мы рады вашему пріѣзду,—сказалъ онъ, придавая особенное значеніе произносимымъ словамъ и улыбкой открывая свои крѣпкіе бѣлые зубы.

Васенька Весловскій, не слѣзая съ лошади, снялъ свою шапочку и привѣтствовалъ гостью, радостно замахавъ лентами надъ головой.

— Это княжна Варвара,—отвѣчала Анна на вопросительный взглядъ Долли, когда подъѣхалъ шарабанъ.

— А!—сказала Дарья Александровна, и лицо ея невольно выразило неудовольствіе.

Княжна Варвара была тетка ея мужа и она давно знала ее и не уважала. Она знала, что княжна Варвара всю жизнь свою провела приживалкой у богатыхъ родственниковъ; но то, что она жила теперь у Вронскаго, у чужаго ей человѣка, оскорбило ее за родню мужа. Анна замѣтила выраженіе лица Долли и смутилась, покраснѣла, выпустила изъ рукъ амазонку и споткнулась на нее.

Дарья Александровна подошла къ остановившемуся шарабану и холодно поздоровалась съ княжной Варварой. Свіяжскій былъ тоже знакомый. Онъ спросилъ, какъ поживаетъ его чудакъ-пріятель съ молодою женой, и, осмотрѣвъ бѣглымъ взглядомъ не паристыхъ лошадей и съ заплатанными крыльями коляску, предложилъ дамамъ ѣхать въ шарабанѣ.

— А я поѣду въ этомъ вегикулѣ,—сказалъ онъ.—Лошадь смирная, и княжна отлично правитъ.

— Нѣтъ, оставайтесь какъ вы были,—сказала подошедшая Анна,—а мы поѣдемъ въ коляскѣ,—и, взявъ подъ руку Долли, увела ее.

У Дарьи Александровны разбѣгались глаза на этотъ элегантный, невиданный ею экипажъ, на этихъ прекрасныхъ лошадей, на эти элегантныя блестящія лица, окружавшія ее. Но болѣе всего ее поражала перемѣна, происшедшая въ знакомой и любимой Аннѣ. Другая женщина, менѣе внимательная, не знавшая Анны прежде и въ особенности не думавшая тѣхъ мыслей, которыя думала Дарья Александровна дорогой, и не замѣтила бы ничего особеннаго въ Аннѣ. Но теперь Долли была поражена тою временною красотой, которая только въ минуты любви бываетъ на женщинахъ, и которую она застала теперь на лицѣ Анны. Все въ ея лицѣ: опредѣленность ямочекъ щекъ и подбородка, складъ губъ, улыбка, которая какъ бы летала вокругъ лица, блескъ глазъ, грація и быстрота движеній, полнота звуковъ голоса, даже манера, съ которою она сердито-ласково отвѣтила Весловскому, спрашивавшему у нея позволенія сѣсть на ея коба, чтобы выучить его галопу съ правой ноги,—все было особенно привлекательно, и казалось, она сама знала это и радовалась этому.

Когда обѣ женщины сѣли въ коляску, на обѣихъ вдругъ нашло смущеніе. Анна смутилась отъ того внимательно вопросительнаго взгляда, которымъ смотрѣла на нее Долли; Долли—отъ того, что послѣ словъ Свіяжскаго о вегикулѣ ей невольно стало совѣстно за грязную старую коляску, въ которую сѣла съ нею Анна. Кучеръ Филиппъ и конторщикъ испытывали то же чувство. Конторщикъ, чтобы скрыть свое смущеніе, суетился, подсаживая дамъ, но Филиппъ ку-

черъ сдѣлался мрачеаъ и впередъ готовился не подчинить-ся этому внѣшнему превосходству. Онъ иронически улыбнулся, поглядѣвъ на воронаго рысака и уже рѣшивъ въ своемъ умѣ, что этотъ вороной въ шарабанѣ хорошъ только *на проминажъ* и не пройдетъ сорока верстъ въ жару въ одну упряжку.

Мужики всѣ поднялись отъ телѣги и любопытно и весело смотрѣли навстрѣчу гостьи, дѣлая свои замѣчанія.

— Тоже рады, давно не видались, — сказалъ курчавый старикъ, повязанный лычкомъ.

— Вотъ, дядя Герасимъ, воронаго жеребца бы снопы возить, живо бы!

— Глянь-ка. Эта въ порткахъ женщина?—сказалъ одинъ изъ нихъ, указывая на садившагося на дамское сѣдло Васеньку Весловскаго.

— Нѣ, мужикъ. Вишь какъ сигнулъ ловко!

— Что, ребята, спать, видно, не будемъ?

— Какой сонъ нынче! — сказалъ старикъ и скосясь поглядѣлъ на солнце.—Полдни, смотри, прошли! Бери крюки, заходи!

XVIII.

Анна смотрѣла на худое, измученное, съ засыпавшеюся въ морщинки пылью, лицо Долли и хотѣла сказать то, что̀ она думала, именно, что Долли похудѣла; но вспомнивъ, что она сама похорошѣла и что взглядъ Долли сказалъ ей это, она вздохнула и заговорила о себѣ.

— Ты смотришь на меня, — сказала она, — и думаешь, могу ли я быть счастлива въ моемъ положеніи? Ну, и что жъ? Стыдно признаться; но я... я непростительно-счастлива. Со мной случилось что-то волшебное, какъ сонъ, когда сдѣ-

лается страшно, жутко, и вдругъ проснешься и чувствуешь, что всѣхъ этихъ страховъ нѣтъ. Я проснулась. Я пережила мучительное, страшное, и теперь уже давно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, такъ счастлива!...—сказала она съ робкою улыбкой вопроса глядя на Долли.

— Какъ я рада!—улыбаясь сказала Долли, невольно холоднѣе, чѣмъ она хотѣла.—Я очень рада за тебя. Отчего ты не писала мнѣ?

— Отчего?... Оттого, что я не смѣла... ты забываешь мое положеніе.

— Мнѣ? не смѣла? Еслибы ты знала, какъ я... Я считаю...

Дарья Александровна хотѣла сказать свои мысли нынѣшняго утра, но почему-то ей теперь это показалось не у мѣста.

— Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Это что же, эти всѣ строенія? — спросила она, желая перемѣнить разговоръ и указывая на красныя и зеленыя крыши, виднѣвшіяся изъ-за зелени живыхъ изгородей акаціи и сирени.—Точно городокъ.

Но Анна не отвѣчала ей.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что же ты считаешь о моемъ положеніи, что ты думаешь, что?—спросила она.

— Я полагаю...—начала было Дарья Александровна, но въ это время Васенька Весловскій, наладивъ коба на галопъ съ правой ноги, грузно шлепаясь въ своей коротенькой жакеткѣ о замшу дамскаго сѣдла, прогалопировалъ мимо нихъ. „Идетъ, Анна Аркадьевна!“ прокричалъ онъ. Анна даже и не взглянула на него; но опять Дарьѣ Александровнѣ показалось, что въ коляскѣ неудобно начинать этотъ длинный разговоръ, и потому она сократила свою мысль.

— Я ничего не считаю,—сказала она,—а всегда любила тебя, а если любишь, то любишь всего человѣка, какой онъ есть, а не какимъ я хочу чтобъ онъ былъ.

Анна, отведя глаза отъ лица друга и сощурившись (это была новая привычка, которой не знала за ней Долли), задумалась, желая вполнѣ понять значеніе этихъ словъ. И, очевидно понявъ ихъ такъ, какъ хотѣла, она взглянула на Долли.

— Если у тебя есть грѣхи,—сказала она,—они всѣ простились бы тебѣ за твой пріѣздъ и эти слова.

И Долли видѣла, что слезы выступили ей на глаза. Она молча пожала руку Анны.

— Такъ что-жъ эти строенія? Какъ ихъ много! — послѣ минуты молчанія повторила она свой вопросъ.

— Это дома служащихъ, заводъ, конюшни, — отвѣчала Анна. — А это паркъ начинается. Все это было запущено, но Алексѣй все возобновилъ. Онъ очень любитъ это имѣніе, и, чего я никакъ не ожидала, онъ страстно увлекся хозяйствомъ. Впрочемъ, это такая богатая натура! За что ни возьмется, онъ все дѣлаетъ отлично. Онъ не только не скучаетъ, но онъ со страстью занимается. Онъ—какимъ я его знаю — онъ сдѣлался расчетливый, прекрасный хозяинъ, онъ даже скупъ въ хозяйствѣ,—но только въ хозяйствѣ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о десяткахъ тысячъ, онъ не считаетъ,—говорила она съ тою радостно-хитрою улыбкой, съ которою часто говорятъ женщины о тайныхъ, имъ однѣмъ открытыхъ, свойствахъ любимаго человѣка. — Вотъ видишь это большое строеніе?—это новая больница.— Я думаю, что это будетъ стоить больше ста тысячъ. Это его *dada* теперь. И знаешь, отчего это взялось? Мужики у него про-

сили уступить имъ дешевле луга, кажется, а онъ отказалъ, и я упрекнула его въ скупости. Разумѣется, не отъ этого, но все вмѣстѣ, онъ началъ эту больницу, чтобы показать, понимаешь, какъ онъ не скупъ. Если хочешь, c'est une petitesse; но я еще больше его люблю за это. А вотъ сейчасъ ты увидишь домъ. Это еще дѣдовскій домъ, и онъ ничего не измѣненъ снаружи.

— Какъ хорошъ! — сказала Долли, съ невольнымъ удивленіемъ глядя на прекрасный съ колоннами домъ, выступающій изъ разноцвѣтной зелени старыхъ деревьевъ сада.

— Не правда ли, хорошъ? И изъ дома, сверху, видъ удивительный.

Онѣ въѣхали въ усыпанный щебнемъ и убранный цвѣтникомъ дворъ, на которомъ два работника обкладывали взрыхленную цвѣточную клумбу необдѣланными ноздреватыми камнями и остановились въ крытомъ подъѣздѣ.

— А, они уже пріѣхали! — сказала Анна, глядя на верховыхъ лошадей, которыхъ только-что отводили отъ крыльца.—Не правда ли, хороша эта лошадь? Это—кобъ. Моя любимая. Подведи сюда и дайте сахару. Графъ гдѣ? — спросила она у выскочившихъ двухъ парадныхъ лакеевъ. — А, вонъ и онъ!—сказала она, увидѣвъ выходившаго навстрѣчу ей Вронскаго съ Весловскимъ.

— Гдѣ вы помѣстите княгиню? — сказалъ Вронскій по-французски, обращаясь къ Аннѣ, и не дождавшись отвѣта, еще разъ поздоровался съ Дарьей Александровной и теперь поцѣловалъ ея руку.—Я думаю, въ большой балконной?

— О, нѣтъ, это далеко! Лучше въ угловой, мы больше будемъ видѣться. Ну, пойдемъ, — сказала Анна, дававшая вынесенный ей лакеемъ сахаръ любимой лошади.

— Et vous oubliez votre devoir,—сказала она вышедшему тоже на крыльцо Весловскому.

— Pardon, j'en ai tout plein les poches,—улыбаясь отвѣчалъ онъ, опуская пальцы въ жилетный карманъ.

— Mais vous venez trop tard,—сказала она, обтирая платкомъ руку, которую ей намочила лошадь, бравшая сахаръ.

Анна обратилась къ Долли:—Ты надолго ли? На одинъ день? Это невозможно!

— Я такъ обѣщала, и дѣти...—сказала Долли, чувствуя себя смущенною и отъ того, что ей надо было взять мѣшочекъ изъ коляски, и отъ того, что она знала, что лицо ея должно быть очень запылено.

— Нѣтъ, Долли, душенька... Ну, увидимъ. Пойдемъ, пойдемъ!—и Анна повела Долли въ ея комнату.

Комната эта была не та парадная, которую предлагалъ Вронскій, а такая, за которую Анна сказала, что Долли извинитъ ее. И эта комната, за которую надо было извиняться, была преисполнена роскоши, въ какой никогда не жила Долли и которая напоминала ей лучшія гостиницы за границей.

— Ну, душенька, какъ я счастлива!—на минутку присѣвъ въ своей амазонкѣ подлѣ Долли, сказала Анна.—Разскажи же мнѣ про своихъ. Стиву я видѣла мелькомъ. Но онъ не можетъ разсказать про дѣтей. Что моя любимица Таня? Большая дѣвочка, я думаю?

— Да, очень большая,—коротко отвѣчала Дарья Александровна, сама удивляясь, что она такъ холодно отвѣчаетъ о своихъ дѣтяхъ.—Мы прекрасно живемъ у Левиныхъ,—прибавила она.

— Вотъ еслибъ я знала,—сказала Анна,—что ты меня

не призираешь... Вы бы всѣ пріѣхали къ намъ. Вѣдь Стива старый и большой другъ Алексѣя,—прибавила она и вдругъ покраснѣла.

— Да, но мы такъ хорошо...— смутясь отвѣчала Долли.

— Да впрочемъ, это я отъ радости говорю глупости. Одно, душенька, какъ я тебѣ рада!—сказала Анна, опять цѣлуя ее.—Ты еще мнѣ не сказала, какъ и что ты думаешь обо мнѣ, а я все хочу знать. Но я рада, что ты меня увидишь, какая я есть. Мнѣ, главное, не хотѣлось бы, чтобы думали, что я что-нибудь хочу доказать. Я ничего не хочу доказывать, я просто хочу жить,—никому не дѣлать зла, кромѣ себя. Это я имѣю право, не правда ли? Впрочемъ, это длинный разговоръ, и мы еще обо всемъ хорошо переговоримъ. Теперь пойду одѣваться, а тебѣ пришлю дѣвушку.

XIX.

Оставшись одна, Дарья Александровна взглядомъ хозяйки осмотрѣла свою комнату. Все, что она видѣла, подъѣзжая къ дому и проходя черезъ него, и теперь въ своей комнатѣ, все производило въ ней впечатлѣніе изобилія и щегольства и той новой европейской роскоши, про которыя она читала только въ англійскихъ романахъ, но никогда не видала еще въ Россіи и въ деревнѣ. Все было ново, начиная отъ французскихъ новыхъ обоевъ до ковра, которымъ была обтянута вся комната. Постель была пружинная съ матрасикомъ и съ особеннымъ изголовьемъ и канаусовыми наволочками на маленькихъ подушкахъ. Мраморный умывальникъ, туалетъ, кушетка, столы, бронзовые часы на каминѣ, гардины и портьеры, все это было дорогое и новое.

Пришедшая предложить свои услуги франтиха горничная въ прическѣ и платьѣ моднѣе, чѣмъ у Долли, была такая же новая и дорогая, какъ и вся комната. Дарьѣ Александровнѣ были пріятны ея учтивость, опрятность и услужливость, но было неловко съ ней; было совѣстно передъ ней за свою, какъ на бѣду, по ошибкѣ уложенную ей, заплатанную кофточку. Ей стыдно было за тѣ самыя заплатки и заштопанныя мѣста, которыми она такъ гордилась дома. Дома было ясно, что на шесть кофточекъ нужно было двадцать четыре аршина нансуку, по 65 коп., что составляло больше 15 рублей, кромѣ отдѣлки и работы, и эти 15 рублей были выгаданы. Но передъ горничной было не то что стыдно, а неловко.

Дарья Александровна почувствовала большое облегченіе, когда въ комнату вошла давнишняя ея знакомая, Аннушка. Франтиха горничная требовалась къ барынѣ, и Аннушка осталась съ Дарьей Александровной.

Аннушка была очевидно очень рада пріѣзду барыни и безъ умолку разговаривала. Долли замѣтила, что ей хотѣлось высказать свое мнѣніе насчетъ положенія барыни, въ особенности насчетъ любви и преданности графа къ Аннѣ Аркадьевнѣ, но Долли старательно останавливала ее, какъ только та начинала говорить объ этомъ.

— Я съ Анной Аркадьевной выросла, онѣ мнѣ дороже всего. Что-жъ, не намъ судить. А ужъ такъ, кажется, любить...

— Такъ пожалуйста, отдай вымыть, если можно,—перебивала ее Дарья Александровна.

— Слушаю-съ. У насъ на постирушечки двѣ женщины приставлены особо, а бѣлье все машиной. Графъ сами до всего доходятъ. Ужъ какой мужъ...

Долли была рада, когда Анна вошла къ ней и своимъ приходомъ прекратила болтовню Аннушки.

Анна переодѣлась въ очень простое батистовое платье. Долли внимательно осмотрѣла это простое платье. Она знала, что значитъ и за какія деньги пріобрѣтается эта простота.

— Старая знакомая,—сказала Анна, указывая на Аннушку.

Анна теперь уже не смущалась. Она была совершенно свободна и спокойна. Долли видѣла, что она теперь вполнѣ уже оправилась отъ того впечатлѣнія, которое произвелъ на нее пріѣздъ, и взяла на себя тотъ поверхностный, равнодушный тонъ, при которомъ какъ будто дверь въ тотъ отдѣлъ, гдѣ находились ея чувства и задушевныя мысли, была заперта.

— Ну, а что твоя дѣвочка, Анна?—спросила Долли.

— Анн? (такъ звала она дочь свою Анну). Здорова. Очень поправилась. Ты хочешь видѣть ее? Пойдемъ, я тебѣ покажу ее... Ужасно много было хлопотъ,—начала она разсказывать,—съ нянями. У насъ итальянка была кормилицей. Хорошая, но такъ глупа! Мы ее хотѣли отправить, но дѣвочка такъ привыкла къ ней, что все еще держимъ.

— Но какъ же вы устроились?...—начала-было Долли вопросъ о томъ, какое будетъ имя носить дѣвочка; но, замѣтивъ вдругъ нахмурившееся лицо Анны, она перемѣнила смыслъ вопроса.—Какъ же вы устроили, отняли ее уже?

Но Анна поняла.

— Ты не то хотѣла спросить? Ты хотѣла спросить про ея имя? Правда? Это мучаетъ Алексѣя. У ней нѣтъ имени. То-есть она—Каренина, — сказала Анна, сощуривъ глаза такъ, что только видны были сошедшіяся рѣсницы.—Впрочемъ,—вдругъ просвѣтлѣвъ лицомъ,—объ этомъ мы все

переговоримъ послѣ. Пойдемъ, я тебѣ покажу ее. Elle est très gentille. Она ползаетъ уже.

Въ дѣтской роскошь, которая во всемъ домѣ поражала Дарью Александровну, еще болѣе поразила ее. Тутъ были и тележечки, выписанныя изъ Англіи, и инструменты для обученія ходить, и нарочно устроенный диванъ въ родѣ билліарда, для ползанія, и качалки, и ванны особенныя, новыя. Все это было англійское, прочное и добротное и очевидно очень дорогое. Комната была большая, очень высокая и свѣтлая.

Когда онѣ вошли, дѣвочка въ одной рубашечкѣ сидѣла въ креслецѣ у стола и обѣдала бульономъ, которымъ она облила всю свою грудку. Дѣвочку кормила и, очевидно, съ ней вмѣстѣ сама ѣла дѣвушка русская, прислуживавшая въ дѣтской. Ни кормилицы, ни няни не было; онѣ были въ сосѣдней комнатѣ и оттуда слышался ихъ говоръ на странномъ французскомъ языкѣ, на которомъ онѣ только и могли между собой изъясняться.

Услыхавъ голосъ Анны, нарядная, высокая, съ непріятнымъ лицомъ и нечистымъ выраженіемъ, англичанка, поспѣшно потряхивая бѣлокурыми буклями, вошла въ дверь и тотчасъ же начала оправдываться, хотя Анна ни въ чемъ не обвиняла ее. На каждое слово Анны англичанка поспѣшно нѣсколько разъ приговаривала „yes, my lady“.

Чернобровая, черноволосая, румяная дѣвочка, съ крѣпенькимъ, обтянутымъ куриною кожей, краснымъ тѣльцемъ, несмотря на суровое выраженіе, съ которымъ она посмотрѣла на новое лицо, очень понравилась Дарьѣ Александровнѣ; она даже позавидовала ея здоровому виду. То, какъ ползала эта дѣвочка, тоже очень понравилось ей. Ни одинъ

изъ ея дѣтей такъ не ползалъ. Эта дѣвочка, когда ее посадили на коверъ и подоткнули сзади платьеце, была удивительно мила. Она, какъ звѣрокъ оглядываясь на большихъ своими блестящими черными глазами, очевидно радуясь тому, что ею любуются, улыбаясь и бокомъ держа ноги, энергически упиралась на руки и быстро подтягивала весь задокъ, и опять впередъ перехватывала ручонками.

Но общій духъ дѣтской и въ особенности англичанка очень не понравились Дарьѣ Александровнѣ. Только тѣмъ, что въ такую неправильную семью, какъ Аннина, не пошла бы хорошая, Дарья Александровна и объяснила себѣ то, что Анна, съ своимъ знаніемъ людей, могла взять къ своей дѣвочкѣ такую несимпатичную, нереспектабельную англичанку. Кромѣ того, тотчасъ же, по нѣсколькимъ словамъ, Дарья Александровна поняла, что Анна, кормилица, нянька и ребенокъ не сжились вмѣстѣ и что посѣщеніе матерью было дѣло необычное. Анна хотѣла достать дѣвочкѣ ея игрушку и не могла найдти ее.

Удивительнѣе же всего было то, что на вопросъ о томъ, сколько у ней зубовъ, Анна ошиблась и совсѣмъ не знала про два послѣдніе зуба.

— Мнѣ иногда тяжело, что я какъ лишняя здѣсь,—сказала Анна, выходя изъ дѣтской и занося свой шлейфъ, чтобы миновать стоявшія у двери игрушки.—Не то было съ первымъ.

— Я думала, напротивъ,—робко сказала Дарья Александровна.

— О, нѣтъ! Вѣдь ты знаешь, я его видѣла, Сережу,—сказала Анна сощурившись, точно вглядываясь во что-то далекое.—Впрочемъ, это мы переговоримъ послѣ. Ты не повѣришь, я точно голодная, которой вдругъ поставили

полный обѣдъ, и она не знаетъ за что взяться. Полный обѣдъ—это ты и предстоящіе мнѣ разговоры съ тобой, которыхъ я ни съ кѣмъ не могла имѣть, и я не знаю за какой разговоръ прежде взяться. Mais je ne vous ferai grâce de rien. Мнѣ все надо высказать.

— Да, надо тебѣ сдѣлать очеркъ того общества, которое ты найдешь у насъ,—начала она.—Начинаю съ дамъ. Княжна Варвара. Ты знаешь ее, и я знаю твое мнѣніе и Стивы о ней. Стива говоритъ, что вся цѣль ея жизни состоитъ въ томъ, чтобы доказать свое преимущество надъ тетушкой Катериной Павловной: это все правда; но она добрая, и я ей такъ благодарна. Въ Петербургѣ была минута, когда мнѣ былъ необходимъ un chaperon. Тутъ она подвернулась. Но, право, она добрая. Она много мнѣ облегчила мое положеніе. Я вижу, что ты не понимаешь всей тяжести моего положенія... тамъ, въ Петербургѣ,—прибавила она.—Здѣсь я совершенно спокойна и счастлива. Ну, да это послѣ. Надо перечислить. Потомъ Свіяжскій: онъ—предводитель, и онъ очень порядочный человѣкъ, но ему что то нужно отъ Алексѣя. Ты понимаешь, съ его состояніемъ, теперь, какъ мы поселились въ деревнѣ, Алексѣй можетъ имѣть большое вліяніе. Потомъ Тушкевичъ,—ты его видѣла, онъ былъ при Бетси. Теперь его отставили, и онъ пріѣхалъ къ намъ. Онъ, какъ Алексѣй говоритъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые очень пріятны, если ихъ принимать за то, чѣмъ они хотятъ казаться, et puis, il est comme il faut, какъ говоритъ княжна Варвара. Потомъ Весловскій... этого ты знаешь. Очень милый мальчикъ,—сказала она, и плутовская улыбка сморщила ея губы.—Что это за дикая исторія съ Левинымъ? Весловскій разсказывалъ Але-

ксѣю, и мы не вѣримъ. Il est très gentil et naif,—сказала она опять съ тою же улыбкой.—Мужчинамъ нужно развлеченіе, и Алексѣю нужна публика, поэтому я дорожу всѣмъ этимъ обществомъ. Надо, чтобъ у насъ было оживлено и весело и чтобъ Алексѣй не желалъ ничего новаго. Потомъ увидишь управляющаго. Нѣмецъ, очень хорошій и знаетъ свое дѣло. Алексѣй очень цѣнитъ его. Потомъ докторъ, молодой человѣкъ, не то, что совсѣмъ нигилистъ, но, знаешь, ѣстъ ножомъ... но очень хорошій докторъ. Потомъ архитекторъ... Une petite cour.

XX.

— Ну, вотъ вамъ и Долли, княжна, вы такъ хотѣли ее видѣть,—сказала Анна, вмѣстѣ съ Дарьей Александровной выходя на большую каменную террасу, на которой въ тѣни, за пяльцами, вышивая кресло для графа Алексѣя Кирилловича, сидѣла княжна Варвара.—Она говоритъ, что ничего не хочетъ до обѣда, но вы велите подать завтракать, а я пойду сыщу Алексѣя и приведу ихъ всѣхъ.

Княжна Варвара ласково и нѣсколько покровительственно приняла Долли и тотчасъ же начала объяснять ей, что она поселилась у Анны потому, что всегда любила ее больше, чѣмъ ея сестра, Катерина Павловна, та самая, которая воспитывала Анну, и что теперь, когда всѣ бросили Анну, она считала своимъ долгомъ помочь ей въ этомъ переходномъ, самомъ тяжеломъ періодѣ.

— Мужъ дастъ ей разводъ, и тогда я опять уѣду въ свое уединеніе, а теперь я могу быть полезна, и исполню свой долгъ, какъ мнѣ это ни тяжело,—не такъ, какъ другіе... И какъ ты мила, какъ хорошо сдѣлала, что пріѣхала! Они

живутъ совершенно какъ самые лучшіе супруги; ихъ будетъ судить Богъ, а не мы. А развѣ Бирюзовскій и Авеньева... А Самъ Никандровъ, а Васильевъ съ Мамоновой, а Лиза Нептунова... Вѣдь никто же ничего не говорилъ? И кончилось тѣмъ, что всѣ ихъ принимали... И потомъ c'est un intérieur si joli, si comme il faut. Tout-à-fait à l'anglaise. On se réunit le matin au breakfeast et puis on se sépare. Всякій дѣлаетъ что хочетъ до обѣда. Обѣдъ въ 7 часовъ. Стива очень хорошо сдѣлалъ, что прислалъ тебя. Ему надо держаться ихъ. Ты знаешь, онъ черезъ свою мать и брата все можетъ сдѣлать. Потомъ они дѣлаютъ много добра. Онъ не говорилъ тебѣ про свою больницу? Ce sera admirable,— все изъ Парижа.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ Анной, нашедшею общество мужчинъ въ билліардной и съ ними вмѣстѣ возвращавшеюся на террасу. До обѣда еще оставалось много времени, погода была прекрасная, и потому было предложено нѣсколько различныхъ способовъ провести эти остающіеся два часа. Способовъ проводить время было очень много въ Воздвиженскомъ и всѣ были не тѣ, какіе употреблялись въ Покровскомъ.

— Une partie de lown tennis,—улыбаясь своею красивою улыбкой, предложилъ Весловскій.—Мы опять съ вами, Анна Аркадьевна!

— Нѣтъ, жарко; лучше пройдти по саду и въ лодкѣ прокатиться, показать Дарьѣ Александровнѣ берега,—предложилъ Вронскій.

— Я на все согласенъ,—сказалъ Свіяжскій.

— Я думаю, что Долли пріятнѣе всего пройтись, не правда ли? А потомъ уже въ лодкѣ,—сказала Анна.

Такъ и было рѣшено. Весловскій и Тушкевичъ пошли въ купальню и тамъ обѣщали приготовить лодку и подождать.

Двумя парами пошли по дорожкѣ: Анна съ Свіяжскимъ и Долли съ Вронскимъ. Долли была нѣсколько смущена и озабочена тою совершенно новою для нея средой, въ которой она очутилась. Отвлеченно, теоретически, она не только оправдывала, но даже одобряла поступокъ Анны. Какъ вообще нерѣдко безукоризненно - нравственныя женщины, уставшія отъ однообразія нравственной жизни, она издалека не только извиняла преступную любовь, но даже завидовала ей. Кромѣ того, она сердцемъ любила Анну. Но въ дѣйствительности, увидавъ ее въ средѣ этихъ чуждыхъ для нея людей, съ ихъ новымъ для Дарьи Александровны хорошимъ тономъ, ей было неловко. Въ особенности непріятно ей было видѣть княжну Варвару, все прощавшую имъ за тѣ удобства, которыми она пользовалась.

Вообще, отвлеченно, Долли одобряла поступокъ Анны, но видѣть того человѣка, для котораго былъ сдѣланъ этотъ поступокъ, было ей непріятно. Кромѣ того, Вронскій никогда не нравился ей. Она считала его очень гордымъ и не видѣла въ немъ ничего такого, чѣмъ онъ могъ бы гордиться, кромѣ богатства. Но, противъ своей воли, онъ здѣсь, у себя дома, еще болѣе импонировалъ ей, чѣмъ прежде, и она не могла быть съ нимъ свободна. Она испытывала съ нимъ чувство подобное тому, которое она испытывала съ горничной за кофточку. Какъ передъ горничной ей было не то что стыдно, а неловко за заплатки, такъ и съ нимъ ей было постоянно не то что стыдно, а неловко за самоё себя. Долли чувствовала себя смущенною и искала предмета

разговора. Хотя она и считала, что съ его гордостью ему должны быть непріятны похвалы его дома и сада, она, не находя другаго предмета разговора, все-таки сказала ему, что ей очень понравился его домъ.

— Да, это очень красивое строеніе и въ хорошемъ, старинномъ стилѣ,—сказалъ онъ.

— Мнѣ очень понравился дворъ передъ крыльцомъ. Это было такъ?

— О, нѣтъ!—сказалъ онъ, и лицо его просіяло отъ удовольствія.—Еслибы вы видѣли этотъ дворъ нынче весной!

И онъ сталъ сначала осторожно, а потомъ болѣе и болѣе увлекаясь, обращать ея вниманіе на разныя подробности украшенія дома и сада. Видно было, что, посвятивъ много труда на улучшеніе и украшеніе своей усадьбы, Вронскій чувствовалъ необходимость похвастаться ими передъ новымъ лицомъ и отъ души радовался похваламъ Дарьи Александровны.

— Если вы хотите взглянуть на больницу и не устали, то это недалеко. Пойдемте,—сказалъ онъ, заглянувъ ей въ лицо, чтобъ убѣдиться, что ей точно было не скучно.— Ты пойдешь, Анна?—обратился онъ къ ней.

— Мы пойдемъ, не правда ли?—обратилась она къ Свіяжскому.—Mais il ne faut pas laisser le pauvre Весловскій et Тушкевичъ se morfondre là dans le bateau. Надо послать имъ сказать.

— Да, это памятникъ, который онъ ставитъ здѣсь,— сказала Анна, обращаясь къ Долли съ тою же хитрою знающею улыбкой, съ которою она прежде говорила о больницѣ.

— О, капитальное дѣло!—сказалъ Свіяжскій. Но, чтобы не показаться поддакивающимъ Вронскому, онъ тотчасъ же

прибавилъ слегка осудительное замѣчаніе.—Я удивляюсь однако, графъ,—сказалъ онъ,—какъ вы, такъ много дѣлая въ санитарномъ отношеніи для народа, такъ равнодушны къ школамъ.

— C'est devenu tellement commun les écoles,—сказалъ Вронскій.—Вы понимаете, не отъ этого, но такъ... я увлекся. Такъ сюда надо въ больницу,—обратился онъ къ Дарьѣ Александровнѣ, указывая на боковой выходъ изъ аллеи.

Дамы раскрыли зонтики и вышли на боковую дорожку. Пройдя нѣсколько поворотовъ и выйдя изъ калитки, Дарья Александровна увидала передъ собой на высокомъ мѣстѣ большое, красное, затѣйливой формы, уже почти оконченное строеніе. Еще не окрашенная желѣзная крыша ослѣпительно блестѣла на яркомъ солнцѣ. Подлѣ оконченнаго строенія выкладывалось другое, окруженное лѣсами, и рабочіе въ фартукахъ на подмосткахъ клали кирпичи, заливали изъ шаекъ кладку и ровняли правилами.

— Какъ быстро идетъ у васъ работа!—сказалъ Свіяжскій. — Когда я былъ въ послѣдній разъ, еще крыши не было.

— Къ осени будетъ все готово. Внутри ужъ почти все отдѣлано,—сказала Анна.

— А это что же новое?

— Это помѣщеніе для доктора и аптеки,—отвѣчалъ Вронскій, увидавъ подходившаго къ нему въ короткомъ пальто архитектора, и, извинившись передъ дамами, пошелъ ему навстрѣчу.

Обойдя творило, изъ котораго рабочіе набирали известку, онъ остановился съ архитекторомъ и что-то горячо сталъ говорить.

— Фронтонъ все выходитъ ниже,—отвѣтилъ онъ Аннѣ, которая спросила въ чемъ дѣло.

— Я говорила, что надо было фундаментъ поднять,—сказала Анна.

— Да, разумѣется, лучше бы было, Анна Аркадьевна,—сказалъ архитекторъ,—да ужъ упущено.

— Да, я очень интересуюсь этимъ,—отвѣчала Анна Свіяжскому, выразившему удивленіе къ ея знаніямъ по архитектурѣ.—Надо, чтобы новое строеніе соотвѣтствовало больницѣ. А оно придумано послѣ и начато безъ плана.

Окончивъ разговоръ съ архитекторомъ, Вронскій присоединился къ дамамъ и повелъ ихъ внутрь больницы.

Несмотря на то, что снаружи еще додѣлывали карнизы и въ нижнемъ этажѣ красили, въ верхнемъ уже почти все было отдѣлано. Пройдя по широкой чугунной лѣстницѣ на площадку, они вошли въ первую большую комнату. Стѣны были оштукатурены подъ мраморъ, огромныя цѣльныя окна были уже вставлены, только паркетный полъ былъ еще не конченъ, и столяры, строгавшіе поднятый квадратъ, оставили работу, чтобы, снявъ тесемки, придерживавшія ихъ волоса, поздороваться съ господами.

— Это пріемная,—сказалъ Вронскій.—Здѣсь будетъ пюпитръ, столъ, шкафъ и больше ничего.

— Сюда, здѣсь пройдемте. Не подходи къ окну!—сказала Анна, пробуя, высохла ли краска.—Алексѣй, краска уже высохла,—прибавила она.

Изъ пріемной они прошли въ коррндоръ. Здѣсь Вронскій показалъ имъ устроенную вентиляцію новой системы. Потомъ онъ показалъ ванны мраморныя, постели съ необыкновенными пружинами. Потомъ показалъ одну за другою па-

латы, кладовую, комнату для бѣлья, потомъ печи новаго устройства, потомъ тачки такія, которыя не будутъ производить шума, подвозя по корридору нужныя вещи, и много другаго. Свіяжскій оцѣнивалъ все, какъ человѣкъ знающій всѣ новыя усовершенствованія. Долли просто удивлялась невиданному ею до сихъ поръ и, желая все понять, обо всемъ подробно спрашивала, что̀ доставляло очевидное удовольствіе Вронскому.

— Да, я думаю, что это будетъ въ Россіи единственная вполнѣ правильно устроенная больница, — сказалъ Свіяжскій.

— А не будетъ у васъ родильнаго отдѣленія?—спросила Долли.—Это такъ нужно въ деревнѣ. Я часто...

Несмотря на свою учтивость, Вронскій перебилъ ее.

— Это не родильный домъ, но больница, и назначается для всѣхъ болѣзней, кромѣ заразительныхъ,—сказалъ онъ.—А вотъ это, взгляните...—и онъ подкатилъ къ Дарьѣ Александровнѣ вновь выписанное кресло для выздоравливающихъ.—Вы посмотрите. Онъ сѣлъ въ кресло и сталъ двигать его.—Онъ не можетъ ходить, слабъ еще, или болѣзнь ногъ, но ему нуженъ воздухъ,—и онъ ѣздитъ, катается...

Дарья Александровна всѣмъ интересовалась, все ей очень нравилось, но болѣе всего ей нравился самъ Вронскій съ этимъ натуральнымъ наивнымъ увлеченіемъ. „Да, это очень милый, хорошій человѣкъ“, думала она иногда, не слушая его, а глядя на него и вникая въ его выраженіе и мысленно переносясь въ Анну. Онъ такъ ей нравился теперь въ своемъ оживленіи, что она понимала, какъ Анна могла влюбиться въ него.

XXI.

— Нѣтъ, я думаю, княгиня устала, и лошади ее не интересуютъ,—сказалъ Вронскій Аннѣ, предложившей пройдти до коннаго завода, гдѣ Свіяжскій хотѣлъ видѣть новаго жеребца.—Вы подите, а я провожу княгиню домой, и мы поговоримъ,—сказалъ онъ,—если вамъ пріятно?—обратился онъ къ ней.

— Въ лошадяхъ я ничего не понимаю... и я очень рада,—сказала нѣсколько удивленная Дарья Александровна.

Она видѣла по лицу Вронскаго, что ему чего-то нужно было отъ нея. Она не ошиблась. Какъ только они вошли черезъ калитку опять въ садъ, онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, куда пошла Анна, и убѣдившись, что она не можетъ ни слышать, ни видѣть ихъ, началъ:

— Вы угадали, что мнѣ хотѣлось поговорить съ вами,—сказалъ онъ, смѣющимися глазами глядя на нее.—Я не ошибаюсь, что вы другъ Анны. Онъ снялъ шляпу и, доставъ платокъ, отеръ имъ свою плѣшивѣвшую голову.

Дарья Александровна ничего не отвѣтила и только испуганно поглядѣла на него. Когда она осталась съ нимъ наединѣ, ей вдругъ сдѣлалось страшно: смѣющіеся глаза и строгое выраженіе лица пугали ее.

Самыя разнообразныя предположенія того, о чемъ онъ сбирается говорить съ нею, промелькнули у нея въ головѣ: „онъ станетъ просить меня переѣхать къ нимъ гостить съ дѣтьми, и я должна буду отказать ему; или о томъ, чтобы я въ Москвѣ составила кругъ для Анны... Или не о Васенькѣ ли Весловскомъ и его отношеніяхъ къ Аннѣ? А можетъ-быть о Кити, о томъ, что онъ чувствуетъ себя ви-

новатымъ?“ Она предвидѣла все только непріятное, но не угадала того, о чемъ онъ хотѣлъ говорить съ ней.

— Вы имѣете такое вліяніе на Анну, она такъ любитъ васъ,—сказалъ онъ,—помогите мнѣ.

Дарья Александровна вопросительно - робко смотрѣла на его энергическое лицо, которое то все, то мѣстами выходило на просвѣтъ солнца въ тѣни липъ, то опять омрачалось тѣнью, и ожидала того, что онъ скажетъ дальше; но онъ, цѣпляя тростью за щебень, молча шелъ подлѣ нея.

— Если вы пріѣхали къ намъ,—вы, единственная женщина изъ прежнихъ друзей Анны,—я не считаю княжну Варвару,—то я понимаю, что вы сдѣлали это не потому, что вы считаете наше положеніе нормальнымъ, но потому, что вы, понимая всю тяжесть этого положенія, все такъ же любите ее и хотите помочь ей. Такъ ли я васъ понялъ?—спросилъ онъ, оглянувшись на нее.

— О, да,—складывая зонтикъ, отвѣтила Дарья Александровна,—но...

— Нѣтъ,—перебилъ онъ, и невольно забывшись, что онъ этимъ ставитъ въ неловкое положеніе свою собесѣдницу, остановился, такъ что и она должна была остановиться.— Никто больше и сильнѣе меня не чувствуетъ всей тяжести положенія Анны. И это понятно, если вы дѣлаете мнѣ честь считать меня за человѣка имѣющаго сердце. Я причиной этого положенія, и потому я чувствую его.

— Я понимаю,—сказала Дарья Александровна, невольно любуясь имъ, какъ онъ искренно и твердо сказалъ это.— Но именно потому, что вы себя чувствуете причиной, вы преувеличиваете, я боюсь,—сказала она.—Положеніе ея тяжело въ свѣтѣ, я понимаю.

— Въ свѣтѣ это адъ!—мрачно нахмурившись, быстро проговорилъ онъ.—Нельзя представить себѣ моральныхъ мученій хуже тѣхъ, которыя она пережила въ Петербургѣ въ двѣ недѣли... и я прошу васъ вѣрить этому.

— Да, но здѣсь, до тѣхъ поръ, пока ни Анна, ни вы не чувствуете нужды въ свѣтѣ...

— Свѣтъ!—съ презрѣніемъ сказалъ онъ.—Какую я могу имѣть нужду въ свѣтѣ?

— До тѣхъ поръ,—а это можетъ быть всегда,—вы счастливы и спокойны. Я вижу по Аннѣ, что она счастлива, совершенно счастлива, она успѣла уже сообщить мнѣ,—сказала Дарья Александровна, улыбаясь; и невольно, говоря это, она теперь усомнилась въ томъ, дѣйствительно ли Анна счастлива.

Но Вронскій, казалось, не сомнѣвался въ этомъ.

— Да, да,—сказалъ онъ.—Я знаю, что она ожила послѣ всѣхъ ея страданій; она счастлива. Она счастлива настоящимъ. Но я?... я боюсь того, что ожидаетъ насъ... Виноватъ, вы хотите идти?

— Нѣтъ, все равно.

— Ну, такъ сядемте здѣсь.

Дарья Александровна сѣла на садовую скамейку въ углу аллеи. Онъ остановился передъ ней.

— Я вижу, что она счастлива,—повторилъ онъ, и сомнѣніе въ томъ, счастлива ли она, еще сильнѣе поразило Дарью Александровну.—Но можетъ ли это такъ продолжаться? Хорошо ли, дурно ли мы поступили, это другой вопросъ; но жребій брошенъ,—сказалъ онъ, переходя съ русскаго на французскій языкъ,—и мы связаны на всю жизнь. Мы соединены самыми святыми для насъ узами люб-

ви. У насъ есть ребенокъ, у насъ могутъ быть еще дѣти. Но законъ и всѣ условія нашего положенія таковы, что являются тысячи компликацій, которыхъ она теперь, отдыхая душой послѣ всѣхъ страданій и испытаній, не видитъ и не хочетъ видѣть. И это понятно. Но я не могу не видѣть. Моя дочь по закону—не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана!—сказалъ онъ съ энергическимъ жестомъ отрицанія и мрачно-вопросительно посмотрѣлъ на Дарью Александровну.

Она ничего не отвѣчала и только смотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Завтра родится сынъ, мой сынъ, и онъ по закону—Каренинъ, онъ не наслѣдникъ ни моего имени, ни моего состоянія, и какъ бы мы счастливы ни были въ семьѣ, и сколько бы у насъ ни было дѣтей, между мною и ими нѣтъ связи. Они—Каренины. Вы поймите тягость и ужасъ этого положенія! Я пробовалъ про это говорить Аннѣ. Это раздражаетъ ее. Она не понимаетъ, и я не могу *ей* высказать все. Теперь посмотрите съ другой стороны. Я счастливъ, счастливъ ея любовью, но я долженъ имѣть занятія. Я нашелъ это занятіе, и горжусь этимъ занятіемъ, и считаю его болѣе благороднымъ, чѣмъ занятія моихъ бывшихъ товарищей при дворѣ и по службѣ. И уже безъ сомнѣнія не промѣняю этого дѣла на ихъ дѣло. Я работаю здѣсь, сидя на мѣстѣ, и я счастливъ, доволенъ, и намъ ничего болѣе не нужно для счастія. Я люблю эту дѣятельность. Cela n'est pas un pis-aller, напротивъ...

Дарья Александровна замѣтила, что въ этомъ мѣстѣ своего объясненія онъ путалъ, и не понимала хорошенько этого отступленія, но чувствовала, что разъ начавъ говорить о

своихъ задушевныхъ отношеніяхъ, о которыхъ онъ не могъ говорить съ Анной, онъ теперь высказывалъ все, и что вопросъ о его дѣятельности въ деревнѣ находился въ томъ же отдѣлѣ задушевныхъ мыслей, какъ и вопросъ о его отношеніяхъ къ Аннѣ.

— Итакъ, я продолжаю, — сказалъ онъ, очнувшись.— Главное же то, что, работая, необходимо имѣть убѣжденіе, что дѣлаемое не умретъ со мною, что у меня будутъ наслѣдники, а этого у меня нѣтъ. Представьте себѣ положеніе человѣка, который знаетъ впередъ, что дѣти его и любимой имъ женщины не будутъ его, а чьи-то, кого-то того, кто ихъ ненавидитъ и знать не хочетъ. Вѣдь это ужасно!

Онъ замолчалъ, очевидно въ сильномъ волненіи.

— Да, разумѣется, я это понимаю. Но что же можетъ Анна?—спросила Дарья Александровна.

— Да, это приводитъ меня къ цѣли моего разговора,— сказалъ онъ, съ усиліемъ успокоиваясь.—Анна можетъ: это зависитъ отъ нея... Даже для того, чтобы просить Государя объ усыновленіи, необходимъ разводъ. А это зависитъ отъ Анны. Мужъ ея согласенъ былъ на разводъ,—тогда вашъ мужъ совсѣмъ было устроилъ это,—и теперь, я знаю, онъ не отказалъ бы. Стоило бы только написать ему. Онъ прямо отвѣчалъ тогда, что если она выразитъ желаніе, онъ не откажетъ. Разумѣется,—сказалъ онъ мрачно,—это одна изъ этихъ фарисейскихъ жестокостей, на которыя способны только эти люди безъ сердца. Онъ знаетъ, какого мученія ей стоитъ всякое воспоминаніе о немъ, и, зная ее, требуетъ отъ нея письма. Я понимаю, что ей мучительно. Но причины такъ важны, что надо passer par-dessus toutes ces

finesses de sentiment. Il y va du bonheur et de l'existence d'Anne et de ses enfants. Я о себѣ не говорю, хотя мнѣ тяжело, очень тяжело,—сказалъ онъ съ выраженіемъ угрозы кому-то за то, что ему было тяжело.—Такъ вотъ, княгиня, я за васъ безсовѣстно хватаюсь, какъ за якорь спасенія. Помогите мнѣ уговорить ее писать ему и требовать развода!

— Да, разумѣется,—задумчиво сказала Дарья Александровна, вспомнивъ живо свое послѣднее свиданіе съ Алексѣемъ Александровичемъ.—Да, разумѣется,—повторила она рѣшительно, вспомнивъ Анну.

— Употребите ваше вліяніе на нее, сдѣлайте, чтобъ она написала. Я не хочу и почти не могу говорить съ нею про это.

— Хорошо, я поговорю. Но какъ же она сама не думаетъ?—сказала Дарья Александровна, вдругъ почему-то при этомъ вспоминая странную новую привычку Анны щуриться. И ей вспомнилось, что Анна щурилась именно когда дѣло касалось задушевныхъ сторонъ жизни. „Точно она на свою жизнь щурится, чтобы не все видѣть“, подумала Долли.—Непремѣнно, я для себя и для нея буду говорить съ ней,—отвѣчала Дарья Александровна на его выраженіе благодарности.

Они встали и пошли къ дому.

XXII.

Заставъ Долли уже вернувшеюся, Анна внимательно посмотрѣла ей въ глаза, какъ бы спрашивая о томъ разговорѣ, который она имѣла съ Вронскимъ, но не спросила словами.

— Кажется, ужъ пора къ обѣду,—сказала она.—Совсѣмъ мы не видались еще. Я расчитываю на вечеръ. Теперь надо идти одѣваться. Я думаю и ты тоже. Мы всѣ испачкались на постройкѣ.

Долли пошла въ свою комнату, и ей стало смѣшно. Одѣваться ей не во что было, потому что она уже надѣла свое лучшее платье; но чтобъ ознаменовать чѣмъ-нибудь свое приготовленіе къ обѣду, она попросила горничную обчистить ей платье, перемѣнила рукавчики и бантикъ и надѣла кружева на голову.

— Вотъ все, что я могла сдѣлать,—улыбаясь сказала она Аннѣ, которая въ третьемъ, опять въ чрезвычайно простомъ, платьѣ вышла къ ней.

— Да, мы здѣсь очень чопорны,—сказала она, какъ бы извиняясь за свою нарядность.—Алексѣй доволенъ твоимъ пріѣздомъ, какъ онъ рѣдко бываетъ чѣмъ-нибудь. Онъ рѣшительно влюбленъ въ тебя,—прибавила она. — А ты не устала?

До обѣда не было времени говорить о чемъ-нибудь. Войдя въ гостиную, они застали уже тамъ княжну Варвару и мужчинъ въ черныхъ сюртукахъ. Архитекторъ былъ во фракѣ. Вронскій представилъ гостьѣ доктора и управляющаго. Архитектора онъ познакомилъ съ нею еще въ больницѣ.

Толстый дворецкій, блестя круглымъ бритымъ лицомъ и крахмаленнымъ бантомъ бѣлаго галстука, доложилъ, что кушанье готово, и дамы поднялись. Вронскій попросилъ Свіяжскаго подать руку Аннѣ Аркадьевнѣ, а самъ подошелъ къ Долли. Весловскій прежде Тушкевича подалъ руку княжнѣ Варварѣ, такъ что Тушкевичъ съ управляющимъ и докторомъ пошли одни.

Обѣдъ, столовая посуда, прислуга, вино и кушанье не только соотвѣтствовали общему тону новой роскоши дома, но, казалось, были еще роскошнѣе и новѣе всего. Дарья Александровна наблюдала эту новую для себя роскошь и, какъ хозяйка, ведущая домъ,—хотя и не надѣясь ничего изъ всего видѣннаго примѣнить къ своему дому, такъ это все по роскоши было далеко выше ея образа жизни,—невольно вникала во всѣ подробности и задавала себѣ вопросъ, кто и какъ это все сдѣлалъ. Васенька Весловскій, ея мужъ и даже Свіяжскій и много людей, которыхъ она знала, никогда не думали объ этомъ и вѣрили на-слово тому, что всякій порядочный хозяинъ желаетъ дать почувствовать своимъ гостямъ, именно, что все, что такъ хорошо у него устроено, не стоило ему, хозяину, никакого труда, а сдѣлалось само собой. Дарья же Александровна знала, что само собой не бываетъ даже кашки къ завтраку дѣтямъ, и что потому, при такомъ сложномъ и прекрасномъ устройствѣ, должно было быть положено чье-нибудь усиленное вниманіе. И по взгляду Алексѣя Кирилловича, какъ онъ оглядѣлъ столъ и какъ сдѣлалъ знакъ головой дворецкому, и какъ предложилъ Дарьѣ Александровнѣ выборъ между ботвиньей и супомъ, она поняла, что все дѣлается и поддерживается заботами самого хозяина. Отъ Анны очевидно зависѣло все это не болѣе, какъ отъ Весловскаго. Она, Свіяжскій, княжна и Весловскій—были одинаково гости, весело пользующіеся тѣмъ, что для нихъ было приготовлено.

Анна была хозяйкой только по веденію разговора. И этотъ разговоръ, весьма трудный для хозяйки дома при небольшомъ столѣ, при лицахъ, какъ управляющій и ар-

хитектеръ, лицахъ совершенно другаго міра, старающихся не робѣть передъ непривычною роскошью и не могущихъ принимать долгаго участія въ общемъ разговорѣ,—этотъ трудный разговоръ Анна вела со своимъ обычнымъ тактомъ, естественностью и даже удовольствіемъ, какъ замѣчала Дарья Александровна.

Разговоръ зашелъ о томъ, какъ Тушкевичъ съ Весловскимъ одни ѣздили въ лодкѣ, и Тушкевичъ сталъ разсказывать про послѣднія гонки въ Петербургѣ въ Яхть-Клубѣ. Но Анна, выждавъ перерывъ, тотчасъ же обратилась къ архитектору, чтобы вывести его изъ молчанія.

— Николай Ивановичъ былъ пораженъ,—сказала она про Свіяжскаго,—какъ выросло новое строеніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь послѣдній разъ; но я сама каждый день бываю—и каждый день удивляюсь, какъ скоро идетъ.

— Съ его сіятельствомъ работать хорошо,—сказалъ съ улыбкой архитекторъ (онъ былъ съ сознаніемъ своего достоинства, почтительный и спокойный человѣкъ),—не то что имѣть дѣло съ губернскими властями. Гдѣ бы стопу бумаги исписали, я графу доложу, потолкуемъ, и въ трехъ словахъ.

— Американскіе пріемы,—сказалъ Свіяжскій улыбаясь.

— Да-съ, тамъ воздвигаются зданія раціонально...

Разговоръ перешелъ на злоупотребленія властей въ Соединенныхъ Штатахъ, но Анна тотчасъ же перевела его на другую тему, чтобы вызвать управляющаго изъ молчанія.

— Ты видѣла когда-нибудь жатвенныя машины?—обратилась она къ Дарьѣ Александровнѣ.—Мы ѣздили смотрѣть, когда тебя встрѣтили. Я сама въ первый разъ видѣла.

— Какъ же онѣ дѣйствують?—спросила Долли.

— Совершенно какъ ножницы. Доска и много маленькихъ ножницъ. Вотъ этакъ.

Анна взяла своими красивыми, бѣлыми, покрытыми кольцами руками ножикъ и вилку и стала показывать. Она очевидно видѣла, что изъ ея объясненія ничего не поймется; но зная, что она говоритъ пріятно и что руки ея красивы, она продолжала объясненіе.

— Скорѣе ножички перочинные, — заигрывая сказалъ Весловскій, не спускавшій съ нея глазъ.

Анна чуть замѣтно улыбнулась, но не отвѣчала ему. Не правда ли, Карлъ Ѳедоровичъ, что какъ ножницы? — обратилась она къ управляющему.

— O ja, — отвѣчалъ нѣмецъ. — Es ist ein ganz einfaches Ding, — и началъ объяснять устройство машины.

— Жалко, что она не вяжетъ. Я видѣлъ на Вѣнской выставкѣ, вяжетъ проволокой, — сказалъ Свіяжскій. — Тѣ выгоднѣе бы были.

— Es kommt drauf an... Der Preis vom Draht muss ausgerechnet werden. — И нѣмецъ, вызванный изъ молчанія, обратился къ Вронскому: — Das lässt sich ausrechnen, Erlaucht. — Нѣмецъ уже взялся было за карманъ, гдѣ у него былъ карандашъ въ книжечкѣ, въ которой онъ все вычислялъ, но вспомнивъ, что онъ сидитъ за обѣдомъ, и замѣтивъ холодный взглядъ Вронскаго, воздержался. — Zu complicirt, macht zu viel Klopot, — заключилъ онъ.

— Wünscht man Dochots, so hat man auch Klopots, — сказалъ Васенька Весловскій, подтрунивая надъ нѣмцемъ. — J'adore l'allemand, — обратился онъ опять съ той же улыбкой къ Аннѣ.

— Cessez! — сказала она ему шутливо-строго.

— А мы думали васъ застать на полѣ, Василій Семенычъ!—обратилась она къ доктору, человѣку болѣзненному,—вы были тамъ?

— Я былъ тамъ, но улетучился,—съ мрачною шутливостью отвѣчалъ докторъ.

— Стало быть, вы хорошій моціонъ сдѣлали?

— Великолѣпный!

— Ну, а какъ здоровье старухи? надѣюсь, что не тифъ?

— Тифъ не тифъ, а не въ авантажѣ обрѣтается.

— Какъ жаль!—сказала Анна и, отдавъ такимъ образомъ дань учтивости домочадцамъ, обратилась къ своимъ.

— А все-таки, по вашему разсказу построить машину трудно было бы, Анна Аркадьевна,—шутя сказалъ Свіяжскій.

— Нѣтъ, отчего же? — сказала Анна съ улыбкой, которая говорила, что она знала, что въ ея толкованіи устройства машины было что то милое, замѣченное и Свіяжскимъ. Эта новая черта молодаго кокетства непріятно поразила Долли.

— Но за то въ архитектурѣ знанія Анны Аркадьевны удивительны,—сказалъ Тушкевичъ.

— Какъ же, я слышалъ, вчера Анна Аркадьевна говорила: въ стробу и плинтусы,—сказалъ Весловскій.—Такъ я говорю?

— Ничего удивительнаго нѣтъ, когда столько видишь и слышишь,—сказала Анна.—А вы, вѣрно, не знаете даже, изъ чего дѣлаютъ дома?

Дарья Александровна видѣла, что Анна недовольна была тѣмъ тономъ игривости, который былъ между нею и Весловскимъ, но сама невольно впадала въ него.

Вронскій поступалъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не такъ,

какъ Левинъ. Онъ очевидно не приписывалъ болтовнѣ Весловскаго никакой важности, а напротивъ поощрялъ эти шутки.

— Да, ну скажите, Весловскій, чѣмъ соединяются камни?

— Разумѣется, цементомъ.

— Браво! А что такое цементъ?

— Такъ... въ родѣ размазни... нѣтъ, замазки,—возбуждая общій хохотъ, сказалъ Весловскій.

Разговоръ между обѣдавшими, за исключеніемъ погруженныхъ въ мрачное молчаніе доктора, архитектора и управляющаго, не умолкалъ, гдѣ скользя, гдѣ цѣпляясь и задѣвая кого-нибудь за живое. Одинъ разъ Дарья Александровна была задѣта за живое и такъ разгорячилась, что даже покраснѣла, и потомъ уже вспомнила, не сказано ли ею чего-нибудь лишняго и непріятнаго. Свіяжскій заговорилъ о Левинѣ, разсказывая его странныя сужденія о томъ, что машины только вредны въ русскомъ хозяйствѣ.

— Я не имѣю удовольствія знать этого господина Левина,—улыбаясь сказалъ Вронскій,—но вѣроятно онъ никогда не видалъ тѣхъ машинъ, которыя онъ осуждаетъ. А если видѣлъ и испытывалъ, то кое-какъ, и не заграничную, а какую-нибудь русскую. А какіе же тутъ могутъ быть взгляды?

— Вообще, турецкіе взгляды, — обратясь къ Аннѣ, съ улыбкой сказалъ Весловскій.

— Я не могу защищать его сужденій,—вспыхнувъ сказала Дарья Александровна, — но я могу сказать, что онъ очень образованный человѣкъ, и еслибъ онъ былъ тутъ, онъ бы вамъ зналъ что отвѣтить; но я не умѣю.

— Я его очень люблю, и мы съ нимъ большіе пріятели,—

добродушно улыбаясь, сказалъ Свіяжскій.—Mais pardon, il est un petit peu toqué; напримѣръ, онъ утверждаетъ, что и земство и мировые судьи—все не нужно, и ни въ чемъ не хочетъ участвовать.

— Это наше русское равнодушіе,—сказалъ Вронскій, наливая воду изъ ледянаго графина въ тонкій стаканъ на ножкѣ,—не чувствовать обязанностей, которыя налагаютъ на насъ наши права, и потому отрицать эти обязанности.

— Я не знаю человѣка болѣе строгаго въ исполненіи своихъ обязанностей,—сказала Дарья Александровна, раздраженная этимъ тономъ превосходства Вронскаго.

— Я, напротивъ,—продолжалъ Вронскій, очевидно почему-то затронутый за живое этимъ разговоромъ,—я, напротивъ, какимъ вы меня видите, очень благодаренъ за честь, которую мнѣ сдѣлали вотъ благодаря Николаю Иванычу (онъ указалъ на Свіяжскаго), избравъ меня почетнымъ мировымъ судьей. Я считаю, что для меня обязанность отправляться на съѣздъ, обсуждать дѣло мужика о лошади такъ же важна, какъ и все, что я могу сдѣлать. И буду за честь считать, если меня выберутъ гласнымъ. Я этимъ только могу отплатить за тѣ выгоды, которыми я пользуюсь, какъ землевладѣлецъ. Къ несчастію, не понимаютъ того значенія, которое должны имѣть въ государствѣ крупные землевладѣльцы.

Дарьѣ Александровнѣ странно было слушать, какъ онъ былъ спокоенъ въ своей правотѣ у себя за столомъ. Она вспомнила, какъ Левинъ, думающій противоположное, былъ такъ же рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ у себя за столомъ. Но она любила Левина и потому была на его сторонѣ.

— Такъ мы можемъ расчитывать на васъ, графъ, на

слѣдующій съѣздъ? — сказалъ Свіяжскій. — Но надо ѣхать раньше, чтобы восьмаго уже быть тамъ. Еслибы вы мнѣ сдѣлали честь пріѣхать ко мнѣ.

— А я немного согласна съ твоимъ beau-frère,—сказала Анна.—Только не такъ, какъ онъ,—прибавила она съ улыбкой.—Я боюсь, что въ послѣднее время у насъ слишкомъ много этихъ общественныхъ обязанностей. Какъ прежде чиновниковъ было такъ много, что для всякаго дѣла нуженъ былъ чиновникъ, такъ теперь—все общественные дѣятели. Алексѣй теперь здѣсь шесть мѣсяцевъ, и онъ ужъ членъ, кажется, пяти или шести разныхъ общественныхъ учрежденій: попечительство, судья, гласный, присяжный, конской что-то. Du train que cela va, все время уйдетъ на это. И я боюсь, что при такомъ множествѣ этихъ дѣлъ это только форма. Вы сколькихъ мѣстъ членъ, Николай Иванычъ?—обратилась она къ Свіяжскому:—кажется, больше двадцати?

Анна говорила шутливо, но въ тонѣ ея чувствовалось раздраженіе. Дарья Александровна, внимательно наблюдавшая Анну и Вронскаго, тотчасъ же замѣтила это. Она замѣтила тоже, что лицо Вронскаго при этомъ разговорѣ тотчасъ же приняло серьёзное и упорное выраженіе. Замѣтивъ это, и то, что княжна Варвара тотчасъ же, чтобы перемѣнить разговоръ, поспѣшно заговорила о петербургскихъ знакомыхъ, и вспомнивъ то, что некстати говорилъ Вронскій въ саду о своей дѣятельности, Долли поняла, что съ этимъ вопросомъ объ общественной дѣятельности связывалась какая-то интимная ссора между Анной и Вронскимъ.

Обѣдъ, вина, сервировка—все это было очень хорошо, но все это было такое, какое видѣла Дарья Александровна на званыхъ обѣдахъ и балахъ, отъ которыхъ она отвыкла, и

съ тѣмъ же характеромъ безличности и напряженности; и потому, въ обыкновенный день и въ маленькомъ кружкѣ, все это произвело на нее непріятное впечатлѣніе.

Послѣ обѣда посидѣли на террасѣ. Потомъ стали играть въ lawn tennis. Игроки, раздѣлившись на двѣ партіи, разстановились на тщательно выровненномъ и убитомъ *крокетграундѣ*, по обѣ стороны натянутой сѣтки съ золочеными столбиками. Дарья Александровна попробовала было играть, но долго не могла понять игры, а когда поняла, то такъ устала, что сѣла съ княжной Варварой и только смотрѣла на играющихъ. Партнеръ ея, Тушкевичъ, тоже отсталъ; но остальные долго продолжали игру. Свіяжскій и Вронскій оба играли очень хорошо и серьёзно. Они зорко слѣдили за кидаемымъ къ нимъ мячемъ, не торопясь и не мѣшкая, ловко подбѣгали къ нему, выжидали прыжокъ и, мѣтко и вѣрно поддавая мячъ ракетой, перекидывали за сѣтку. Весловскій игралъ хуже другихъ. Онъ слишкомъ горячился, но за то весельемъ своимъ одушевлялъ играющихъ. Его смѣхъ и крики не умолкали. Онъ снялъ, какъ и другіе мужчины, съ разрѣшенія дамъ, сюртукъ, и крупная красивая фигура его, въ бѣлыхъ рукавахъ рубашки, съ румянымъ потнымъ лицомъ, и порывистыя движенія—такъ и врѣзывались въ память.

Когда Дарья Александровна въ эту ночь легла спать, какъ только она закрывала глаза, она видѣла метавшагося по *крокетграунду* Васеньку Весловскаго.

Во время же игры Дарьѣ Александровнѣ было невесело. Ей не нравилось продолжавшееся при этомъ игривое отношеніе между Васенькой Весловскимъ и Анной, и та общая ненатуральность большихъ, когда они одни, безъ дѣтей, игра-

ютъ въ дѣтскую игру. Но чтобы не разстроить другихъ и какъ-нибудь провести время, она, отдохнувъ, опять присоединилась къ игрѣ и притворилась, что ей весело. Весь этотъ день ей все казалось, что она играетъ въ театрѣ, съ лучшими, чѣмъ она, актерами, и что ея плохая игра портитъ все дѣло.

Она пріѣхала съ намѣреніемъ пробыть два дня, если поживется. Но вечеромъ же, во время игры, она рѣшила, что уѣдетъ завтра. Тѣ мучительныя материнскія заботы, которыя она такъ ненавидѣла дорогой, теперь, послѣ дня проведеннаго безъ нихъ, представлялись ей уже въ другомъ свѣтѣ и тянули ее къ себѣ.

Когда, послѣ вечерняго чая и ночной прогулки въ лодкѣ, Дарья Александровна вошла одна въ свою комнату, сняла платье и сѣла убирать свои жидкіе волосы на ночь, она почувствовала большое облегченіе.

Ей даже непріятно было думать, что Анна сейчасъ придетъ къ ней. Ей хотѣлось побыть одной съ своими мыслями.

XXIII.

Долли уже хотѣла ложиться, когда Анна въ ночномъ костюмѣ вошла къ ней.

Въ продолженіе дня нѣсколько разъ Анна начинала разговоры о задушевныхъ дѣлахъ, и каждый разъ, сказавъ нѣсколько словъ, останавливалась. „Послѣ, наединѣ, все переговоримъ. Мнѣ столько нужно тебѣ сказать“, оворила она.

Теперь онѣ были наединѣ, и Анна не знала о чемъ говорить. Она сидѣла у окна, глядя на Долли и перебирая въ памяти всѣ тѣ, казавшіеся неистощимыми, запасы за-

душевныхъ разговоровъ, и не находила ничего. Ей казалось въ эту минуту, что все уже было сказано.

— Ну что, Кити?—сказала она, тяжело вздохнувъ и виновато глядя на Долли.—Правду скажи мнѣ, Долли, не сердится она на меня?

— Сердится? Нѣтъ!—улыбаясь сказала Дарья Александровна.

— Но ненавидитъ, презираетъ?

— О, нѣтъ! Но ты знаешь, это не прощается.

— Да, да,—отвернувшись и глядя въ открытое окно, сказала Анна.—Но я не была виновата. И кто виноватъ? Что такое виноватъ? Развѣ могло быть иначе? Ну, какъ ты думаешь, могло ли быть, чтобы ты не была жена Стивы?

— Право не знаю. Но вотъ что ты мнѣ скажи.

— Да, да, но мы не кончили про Кити. Она счастлива? Онъ прекрасный человѣкъ, говорятъ?

— Это мало сказать, что прекрасный. Я не знаю лучше человѣка.

— Ахъ, какъ я рада! Я очень рада! Мало сказать, что прекрасный человѣкъ...—повторила она.

Долли улыбнулась.

— Но ты мнѣ скажи про себя. Мнѣ съ тобой длинный разговоръ. И мы говорили съ...—Долли не знала, какъ его назвать. Ей было неловко назвать его и графомъ, и Алексѣемъ Кириллычемъ.

— Съ Алексѣемъ,—сказала Анна;—я знаю, что вы говорили. Но я хотѣла спросить тебя прямо, что ты думаешь обо мнѣ, о моей жизни?

— Какъ такъ вдругъ сказать? Я, право, не знаю.

— Нѣтъ, ты мнѣ все-таки скажи... Ты видишь мою

жизнь. Но ты не забудь, что ты видишь насъ лѣтомъ, когда ты пріѣхала, и мы не одни... Но мы пріѣхали раннею весной, жили совершенно одни и будемъ жить одни, и лучше этого я ничего не желаю. Но представь себѣ, что я живу одна безъ него, одна, а это будетъ... Я по всему вижу, что это часто будетъ повторяться, что онъ половину времени будетъ внѣ дома,—сказала она, вставая и присаживаясь къ Долли.—Разумѣется, —перебила она Долли, хотѣвшую возразить, —разумѣется, я насильно не удержу его. Я и не держу. Нынче скачки, его лошади скачутъ, онъ ѣдетъ. Очень рада. Но ты подумай обо мнѣ, представь себѣ мое положеніе... Да что говорить про это!—Она улыбнулась.—Такъ о чемъ же онъ говорилъ съ тобой?

— Онъ говорилъ о томъ, о чемъ я сама хочу говорить, и мнѣ легко быть его адвокатомъ: о томъ, нѣтъ ли возможности и нельзя ли...—Дарья Александровна запнулась,—исправить, улучшить твое положеніе... Ты знаешь, какъ я смотрю... Но все таки, если возможно, надо выдти замужъ...

— То-есть разводъ?—сказала Анна.—Ты знаешь, единственная женщина, которая пріѣхала ко мнѣ въ Петербургѣ, была Бетси Тверская? Ты вѣдь ее знаешь? Au fond c'est la femme la plus dépravée qui existe. Она была въ связи съ Тушкевичемъ, самымъ гадкимъ образомъ обманывая мужа. И она мнѣ сказала, что она меня знать не хочетъ, пока мое положеніе будетъ неправильно. Не думай, чтобъ я сравнивала... Я знаю тебя, душенька моя. Но я невольно вспомнила... Ну, такъ что же онъ сказалъ тебѣ?—повторила она.

— Онъ сказалъ, что страдаетъ за тебя и за себя. Мо-

жетъ-быть ты скажешь, что это эгоизмъ, но такой законный и благородный эгоизмъ! Ему хочется, вопервыхъ, узаконить свою дочь и быть твоимъ мужемъ, имѣть право на тебя.

— Какая жена, раба, можетъ быть до такой степени рабой, какъ я, въ моемъ положеніи?—мрачно перебила она.

— Главное же, что онъ хочетъ... хочетъ, чтобы ты не страдала.

— Это невозможно! Ну?

— Ну, и самое законное... онъ хочетъ, чтобы дѣти ваши имѣли имя.

— Какія же дѣти?—не глядя на Долли и щурясь, сказала Анна.

— Ани и будущія...

— Это онъ можетъ быть спокоенъ, у меня не будетъ больше дѣтей.

— Какъ же ты можешь сказать, что не будетъ?...

— Не будетъ потому, что я этого не хочу.

И, несмотря на все свое волненіе, Анна улыбнулась, замѣтивъ наивное выраженіе любопытства, удивленія и ужаса на лицѣ Долли.

— Мнѣ докторъ сказалъ послѣ моей болѣзни . . . .

. . . .

— Не можетъ быть! — широко открывъ глаза, сказала Долли. Для нея это было одно изъ тѣхъ открытій, слѣдствія и выводы которыхъ такъ огромны, что въ первую минуту только чувствуется, что сообразить всего нельзя, но что объ этомъ много и много придется думать.

Открытіе это, вдругъ объяснившее для нея всѣ тѣ непонятныя для нея прежде семьи, въ которыхъ было только

по одному и по два ребенка, вызвало въ ней столько мыслей, соображеній и противорѣчивыхъ чувствъ, что она ничего не имѣла сказать и только широко-раскрытыми глазами удивленно смотрѣла на Анну. Это было то самое, о чемъ она мечтала, но теперь узнавъ, что это возможно, она ужаснулась. Она чувствовала, что это было слишкомъ простое рѣшеніе слишкомъ сложнаго вопроса.

— N'est ce pas immoral? — только сказала она, помолчавъ.

— Отчего? Подумай, у меня выборъ изъ двухъ: или быть беременною, то есть больною, или быть другомъ, товарищемъ своего мужа,—все равно мужа,—умышленно поверхностнымъ и легкомысленнымъ тономъ сказала Анна.

— Ну да, ну да,—говорила Дарья Александровна, слушая тѣ самые аргументы, которые она сама себѣ приводила, и не находя въ нихъ болѣе прежней убѣдительности.

— Для тебя, для другихъ,—говорила Анна, какъ будто угадывая ея мысли,—еще можетъ быть сомнѣніе, но для меня... Ты пойми, я не жена; онъ любитъ меня до тѣхъ поръ, пока любитъ. И что-жъ, чѣмъ же я поддержу его любовь? Вотъ этимъ?

Она вытянула бѣлыя руки передъ животомъ.

Съ необыкновенною быстротой, какъ это бываетъ въ минуты волненія, мысли и воспоминанія толпились въ головѣ Дарьи Александровны. „Я,—думала она,—не привлекала къ себѣ Стиву; онъ ушелъ отъ меня къ другимъ, и та первая, для которой онъ измѣнилъ мнѣ, не удержала его тѣмъ, что она была всегда красива и весела. Онъ бросилъ ту и взялъ другую. И неужели Анна этимъ привлечетъ и удержитъ графа Вронскаго? Если онъ будетъ искать этого,

то найдетъ туалеты и манеры еще болѣе привлекательные и веселые. И какъ ни бѣлы, какъ ни прекрасны ея обнаженныя руки, какъ ни красивъ весь ея полный станъ, ея разгоряченное лицо изъ-за этихъ черныхъ волосъ, онъ найдетъ еще лучше, какъ ищетъ и находитъ мой отвратительный, жалкій и милый мужъ".

Долли ничего не отвѣчала и только вздохнула. Анна замѣтила этотъ вздохъ, выказывавшій несогласіе, и продолжала. Въ запасѣ у ней были еще аргументы, уже столь сильные, что отвѣчать на нихъ ничего нельзя было.

— Ты говоришь, что это нехорошо? Но надо разсудить, — продолжала она. — Ты забываешь мое положеніе. Какъ я могу желать дѣтей? Я не говорю про страданія,— я ихъ не боюсь,—подумай, кто будутъ мои дѣти? Несчастныя дѣти, которыя будутъ носить чужое имя. По самому своему рожденію они будутъ поставлены въ необходимость стыдиться матери, отца, своего рожденія.

— Да вѣдь для этого-то и нуженъ разводъ.

Но Анна не слушала ея. Ей хотѣлось договорить тѣ самые доводы, которыми она столько разъ убѣждала себя.

— Зачѣмъ же мнѣ данъ разумъ, если я не употреблю его на то, чтобы не производить на свѣтъ несчастныхъ?

Она посмотрѣла на Долли, но, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— Я бы всегда чувствовала себя виноватою передъ этими несчастными дѣтьми,—сказала она.—Если ихъ нѣтъ, то они не несчастны по крайней мѣрѣ, а если они несчастны, то я одна въ этомъ виновата.

Это были тѣ самые доводы, которые Дарья Александровна приводила самой себѣ; но теперь она слушала и не

понимала ихъ. „Какъ быть виноватою передъ существами не существующими?“ думала она. И вдругъ ей пришла мысль: могло ли быть въ какомъ нибудь случаѣ лучше для ея любимца Гриши, еслибъ онъ никогда не существовалъ? И это ей показалось такъ дико, такъ странно, что она помотала головой, чтобы разсѣять эту путаницу кружащихся сумасшедшихъ мыслей.

— Нѣтъ, я не знаю, это нехорошо, — только сказала она съ выраженіемъ гадливости на лицѣ.

— Да, но ты не забудь—что̀ ты и что̀ я... И, кромѣ того,—прибавила Анна, несмотря на богатство своихъ доводовъ и на бѣдность доводовъ Долли, какъ будто все-таки сознаваясь, что это нехорошо,—ты не забудь главное, что я теперь нахожусь не въ томъ положеніи, какъ ты. Для тебя вопросъ: желаешь ли ты не имѣть болѣе дѣтей; а для меня: желаю ли я имѣть ихъ. И это большая разница. Понимаешь, что я не могу этого желать въ моемъ положеніи?

Дарья Александровна не возражала. Она вдругъ почувствовала, что стала ужъ такъ далека отъ Анны, что между ними существуютъ вопросы, въ которыхъ онѣ никогда не сойдутся и о которыхъ лучше не говорить.

XXIV.

— Такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо устроить свое положеніе, если возможно,—сказала Долли.

— Да, если возможно,—сказала Анна вдругъ совершенно другимъ, тихимъ и грустнымъ голосомъ.

— Развѣ не возможенъ разводъ? Мнѣ говорили, что мужъ твой согласенъ...

— Долли! мнѣ не хочется говорить про это.

— Ну, не будемъ,—поспѣшила сказать Дарья Александровна, замѣтивъ выраженіе страданія на лицѣ Анны.— Я только вижу, что ты слишкомъ мрачно смотришь.

— Я?—нисколько. Я очень весела и довольна. Ты видѣла, je fais des passions. Весловскій...

— Да, если правду сказать, мнѣ не понравился тонъ Весловскаго,—сказала Дарья Александровна, желая перемѣнить разговоръ.

— Ахъ, нисколько! Это щекотитъ Алексѣя и больше ничего; но онъ мальчикъ и весь у меня въ рукахъ; ты понимаешь, я имъ управляю какъ хочу. Онъ все равно, что твой Гриша... Долли!—вдругъ перемѣнила она рѣчь,—ты говоришь, что я мрачно смотрю. Ты не можешь понимать. Это слишкомъ ужасно. Я стараюсь вовсе не смотрѣть.

— Но мнѣ кажется надо. Надо сдѣлать все, что можно.

— Но что же можно? Ничего. Ты говоришь, выдти замужъ за Алексѣя, и что я не думаю объ этомъ. Я не думаю объ этомъ!!—повторила она, и краска выступила ей на лицо. Она встала, выпрямила грудь, тяжело вздохнула и стала ходить своею легкою походкой взадъ и впередъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь.—Я не думаю? Нѣтъ дня и часа, когда бы я не думала и не упрекала себя за то, что̀ думаю, потому что мысли объ этомъ могутъ съ ума свести. Съ ума свести!—повторила она.—Когда я думаю объ этомъ, то я уже не засыпаю безъ морфина. Но хорошо. Будемъ говорить спокойно. Мнѣ говорятъ: разводъ. Вопервыхъ, *онъ* не дастъ мнѣ его,—*онъ* теперь подъ вліяніемъ графини Лидіи Ивановны.

Дарья Александровна, прямо вытянувшись на стулѣ, со

страдальчески сочувствующимъ лицомъ слѣдила, поворачивая голову, за ходившею Анной.

— Надо попытаться,—тихо сказала она.

— Положимъ, попытаться. Что это значитъ?—сказала она очевидно мысль, тысячу разъ передуманную и наизусть заученную.—Это значитъ, мнѣ, ненавидящей его, но все-таки признающей себя виноватою передъ нимъ,—и я считаю его великодушнымъ,—мнѣ унизиться писать ему .. Ну, положимъ, я сдѣлаю усиліе, сдѣлаю это. Или я получу оскорбительный отвѣтъ, или согласіе. Хорошо, я получила согласіе... —Анна въ это время была въ дальнемъ концѣ комнаты и остановилась тамъ, что-то дѣлая съ гардиной окна.—Я получу согласіе, а сы...сынъ? Вѣдь они мнѣ не отдадутъ его. Вѣдь онъ выроститъ, презирая меня, у отца, котораго я бросила. Ты пойми, что я люблю, кажется, равно, но обоихъ больше себя, два существа, Сережу и Алексѣя.

Она вышла на средину комнаты и остановилась передъ Долли, сжимая руками грудь. Въ бѣломъ пеньюарѣ фигура ея казалась особенно велика и широка. Она нагнула голову и изъ подлобья смотрѣла сіяющими мокрыми глазами на маленькую, худенькую и жалкую въ своей штопаной кофточкѣ и ночномъ чепчикѣ, всю дрожавшую отъ волненія, Долли.

— Только эти два существа я люблю, и одно исключаетъ другое. Я не могу ихъ соединить, а это мнѣ одно нужно. А если этого нѣтъ, то все равно,—все, все равно! И какъ-нибудь кончится, и потому я не могу, не люблю говорить про это. Такъ ты не упрекай меня, не суди меня ни въ чемъ. Ты не можешь со своею чистотой понять всего того, чѣмъ я страдаю.

Она подошла, сѣла радомъ съ Долли и, съ виноватымъ выраженіемъ вглядываясь въ ея лицо, взяла ее за руку.

— Что ты думаешь? Что ты думаешь обо мнѣ? Ты не презирай меня. Я не стою презрѣнія. Я именно несчастна. Если кто несчастенъ, такъ это я,—выговорила она и, отвернувшись отъ нея, заплакала.

Оставшись одна, Долли помолилась Богу и легла въ постель. Ей всею душой было жалко Анну въ то время, какъ она говорила съ ней; но теперь она не могла себя заставить думать о ней. Воспоминанія о домѣ и дѣтяхъ, съ особенною, новою для нея прелестью, въ какомъ-то новомъ сіяніи возникали въ ея воображеніи. Этотъ ея міръ показался ей теперь такъ дорогъ и милъ, что она ни за что не хотѣла внѣ его провести лишній день и рѣшила, что завтра непремѣнно уѣдетъ.

Анна между тѣмъ, вернувшись въ свой кабинетъ, взяла рюмку и накапала въ нее нѣсколько капель лѣкарства, въ которомъ важную часть составлялъ морфинъ, и, выпивъ и посидѣвъ нѣсколько времени неподвижно, съ успокоеннымъ и веселымъ духомъ пошла въ спальню.

Когда она вошла въ спальню, Вронскій внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ искалъ слѣдовъ того разговора, который, онъ зналъ, она, такъ долго оставаясь въ комнатѣ Долли, должна была имѣть съ нею. Но въ ея выраженіи, возбужденно-сдержанномъ и что-то скрывающемъ, онъ ничего не нашелъ, кромѣ, хотя и привычной ему, но все еще плѣняющей его, красоты, сознанія и желанія, чтобъ она на него дѣйствовала. Онъ не хотѣлъ спросить ее о томъ, что онѣ говорили, но надѣялся, что она сама скажетъ что-нибудь. Но она сказала только:

— Я рада, что тебѣ понравилась Долли. Не правда ли?

— Да вѣдь я ее давно знаю. Она очень добрая, кажется, mais excessivement terre-à-terre. Но все-таки я ей очень былъ радъ.

Онъ взялъ руку Анны и посмотрѣлъ ей вопросительно въ глаза.

Она, иначе понявъ этотъ взглядъ, улыбнулась ему.

На другое утро, несмотря на упрашиванія хозяевъ, Дарья Александровна собралась ѣхать. Кучеръ Левина, въ своемъ неновомъ кафтанѣ и полуямской шляпѣ, на разномастныхъ лошадяхъ, въ коляскѣ съ заплатанными крыльями, мрачно и рѣшительно въѣхалъ въ крытый, усыпанный пескомъ, подъѣздъ.

Прощаніе съ княжной Варварой, съ мужчинами, было непріятно Дарьѣ Александровнѣ. Пробывъ день, и она и хозяева ясно чувствовали, что они не подходятъ другъ къ другу и что имъ лучше не сходиться. Одной Аннѣ было грустно. Она знала, что теперь, съ отъѣздомъ Долли, никто уже не растревожитъ въ ея душѣ тѣ чувства, которыя поднялись въ ней при этомъ свиданіи. Тревожить эти чувства ей было больно; но она все-таки знала, что это была самая лучшая часть ея души и что эта часть ея души быстро заростала въ той жизни, которую она вела.

Выѣхавъ въ поле, Дарья Александровна испытала пріятное чувство облегченія, и ей хотѣлось спросить у людей, какъ имъ понравилось у Вронскаго, какъ вдругъ кучеръ Филиппъ самъ заговорилъ:

— Богачи-то - богачи, а овса всего три мѣры дали. До пѣтуховъ дочиста подобрали. Что-жъ три мѣры? — только закусить. Нынѣ овесъ у дворниковъ сорокъ пять копѣ-

екъ. У насъ, небось, пріѣзжимъ сколько поѣдятъ, столько даютъ.

— Скупой баринъ ..— подтвердилъ конторщикъ.

— Ну а лошади ихъ понравились тебѣ?—спросила Долли.

— Лошади — одно слово. И пища хороша. А такъ мнѣ скучно что-то показалось, Дарья Александровна, не знаю какъ вамъ,—сказалъ онъ, обернувъ къ ней свое красивое и доброе лицо.

— Да, мнѣ тоже. Что-жъ, къ вечеру доѣдемъ?

— Надо доѣхать.

Вернувшись домой и найдя всѣхъ вполнѣ благополучными и особенно милыми, Дарья Александровна съ большимъ оживленіемъ разсказывала про свою поѣздку, про то, какъ ее хорошо принимали, про роскошь и хорошій вкусъ жизни Вронскихъ, про ихъ увеселенія, и не давала никому слова сказать про нихъ.

— Надо знать Анну и Вронскаго,—я его больше узнала теперь,—чтобы понять, какъ они милы и трогательны,— теперь совершенно искренно говорила она, забывая то неопредѣленное чувство недовольства и неловкости, которое она испытывала тамъ.

XXV.

Вронскій и Анна все въ тѣхъ же условіяхъ, все такъ же, не принимая никакихъ мѣръ для развода, прожили все лѣто и часть осени въ деревнѣ. Было между ними рѣшено, что они никуда не поѣдутъ; но оба чувствовали, чѣмъ долѣе они жили одни, въ особенности осенью и безъ гостей, что они не выдержатъ этой жизни и что придется измѣнить ее.

Жизнь, казалось, была такая, какой лучше желать нель-

зя: былъ полный достатокъ, было здоровье, былъ ребенокъ и у обоихъ были занятія. Анна безъ гостей все такъ же занималась собою и очень много занималась чтеніемъ и романовъ, и серьёзныхъ книгъ, какія были въ модѣ. Она выписывала всѣ тѣ книги, о которыхъ съ похвалой упоминалось въ получаемыхъ ею иностранныхъ газетахъ и журналахъ, и съ тою внимательностью къ читаемому, которая бываетъ только въ уединеніи, прочитывала ихъ. Кромѣ того всѣ предметы, которыми занимался Вронскій, она изучила по книгамъ и спеціальнымъ журналамъ, такъ что часто онъ обращался прямо къ ней съ агрономическими, архитектурными, даже иногда коннозаводческими и спортсменскими вопросами. Онъ удивлялся ея знанію, памяти, и сначала, сомнѣваясь, желалъ подтвержденія, и она находила въ книгахъ то, о чемъ онъ спрашивалъ, и показывала ему.

Устройство больницы тоже занимало ее. Она не только помогала, но многое и устраивала, и придумывала сама. Но главная забота ея все таки была она сама,—она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько она можетъ замѣнить для него все, что онъ оставилъ. Вронскій цѣнилъ это, сдѣлавшееся единственною цѣлью ея жизни, желаніе— не только нравиться, но служить ему; но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяготился тѣми любовными сѣтями, которыми она старалась опутать его. Чѣмъ больше проходило время, чѣмъ чаще онъ видѣлъ себя опутаннымъ этими сѣтями, тѣмъ больше ему хотѣлось не то что выдти изъ нихъ, но попробовать, не мѣшаютъ ли онѣ его свободѣ. Еслибы не это все усиливающееся желаніе быть свободнымъ, не имѣть сцены каждый разъ, какъ ему надо было ѣхать въ городъ на съѣздъ, на бѣга, Вронскій былъ бы вполнѣ доволенъ

своею жизнью. Роль, которую онъ избралъ, роль богатаго землевладѣльца, изъ какихъ должно состоять ядро русской аристократіи, не только пришлась ему вполнѣ по вкусу, но теперь, послѣ того, какъ онъ прожилъ такъ полгода, доставляла ему все возрастающее удовольствіе. И дѣло его, все больше и больше занимая и втягивая его, шло прекрасно. Несмотря на огромныя деньги, которыхъ ему стоила больница, машины, выписанныя изъ Швейцаріи коровы и многое другое, онъ былъ увѣренъ, что онъ не разстраивалъ, а увеличивалъ свое состояніе. Тамъ, гдѣ дѣло шло до доходовъ, продажи лѣсовъ, хлѣба, шерсти, отдачи земель, Вронскій былъ крѣпокъ какъ кремень и умѣлъ выдерживать цѣну. Въ дѣлахъ большаго хозяйства, и въ этомъ и въ другихъ имѣніяхъ, онъ держался самыхъ простыхъ, нерискованныхъ пріемовъ и былъ въ высшей степени бережливъ и расчетливъ на хозяйственныя мелочи. Несмотря на всю хитрость и ловкость нѣмца, втягивавшаго его въ покупки и выставлявшаго всякій расчетъ такъ, что нужно было сначала гораздо больше, но сообразивъ, можно было сдѣлать то же и дешевле и тотчасъ же получить выгоду,— Вронскій не поддавался ему. Онъ выслушивалъ управляющаго, расспрашивалъ и соглашался съ нимъ, только когда выписываемое или устраиваемое было самое новое, въ Россіи еще неизвѣстное, могущее возбудить удивленіе. Кромѣ того, онъ рѣшался на большой расходъ только тогда, когда были лишнія деньги, и дѣлая этотъ расходъ, доходилъ до всѣхъ подробностей и настаивалъ на томъ, чтобъ имѣть самое лучшее за свои деньги. Такъ что по тому, какъ онъ повелъ дѣла, было ясно, что онъ не разстроилъ, а увеличилъ свое состояніе.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ были дворянскіе выборы въ Кашинской губерніи, гдѣ были имѣнія Вронскаго, Свіяжскаго, Кознышева, Облонскаго и маленькая часть Левина.

Выборы эти, по многимъ обстоятельствамъ и лицамъ, участвовавшимъ въ нихъ, обращали на себя общественное вниманіе. О нихъ много говорили и къ нимъ готовились. Московскіе, петербургскіе и заграничные жители, никогда не бывавшіе на выборахъ, съѣхались на эти выборы.

Вронскій давно уже обѣщалъ Свіяжскому ѣхать на нихъ.

Передъ выборами Свіяжскій, часто навѣщавшій Воздвиженское, заѣхалъ за Вронскимъ.

Наканунѣ еще этого дня, между Вронскимъ и Анной произошла почти ссора за эту предполагаемую поѣздку. Было самое скучное, тяжелое въ деревнѣ, осеннее время, и потому Вронскій, готовясь къ борьбѣ, со строгимъ и холоднымъ выраженіемъ, какъ онъ никогда прежде не говорилъ съ Анной, объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ. Но, къ его удивленію, Анна приняла это извѣстіе очень спокойно и спросила только, когда онъ вернется. Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, не понимая этого спокойствія. Она улыбнулась на его взглядъ. Онъ зналъ эту способность ея уходить въ себя и зналъ, что это бываетъ только тогда, когда она на что-нибудь рѣшилась про себя, не сообщая ему своихъ плановъ. Онъ боялся этого; но ему такъ хотѣлось избѣжать сцены, что онъ сдѣлалъ видъ и отчасти искренно повѣрилъ тому, чему ему хотѣлось вѣрить,—ея благоразумію.

— Надѣюсь, ты не будешь скучать?

— Надѣюсь,—сказала Анна.— Я вчера получила ящикъ книгъ отъ Готье. Нѣтъ, я не буду скучать.

„Она хочетъ взять этотъ тонъ, и тѣмъ лучше,—подумалъ онъ,—а то все одно и то же“.

И, такъ и не вызвавъ ее на откровенное объясненіе, онъ уѣхалъ на выборы. Это было еще въ первый разъ съ начала ихъ связи, что онъ разставался съ нею, не объяснившись до конца. Съ одной стороны это безпокоило его, съ другой стороны онъ находилъ, что это лучше. „Сначала будетъ, какъ теперь, что-то неясное, затаенное, а потомъ она привыкнетъ. Во всякомъ случаѣ я все могу отдать ей, но не свою мужскую независимость“, думалъ онъ.

XXVI.

Въ сентябрѣ Левинъ переѣхалъ въ Москву для родовъ Кити. Онъ уже жилъ безъ дѣла цѣлый мѣсяцъ въ Москвѣ, когда Сергѣй Ивановичъ, имѣвшій имѣніе въ Кашинской губерніи и принимавшій большое участіе въ вопросѣ предстоящихъ выборовъ, собрался ѣхать на выборы. Онъ звалъ съ собою и брата, у котораго былъ шаръ по Селезневскому уѣзду. Кромѣ этого, у Левина было въ Кашинѣ крайне нужное, для сестры его жившей за границей, дѣло по опекѣ и по полученію денегъ выкупа.

Левинъ все еще былъ въ нерѣшительности, но Кити, видѣвшая, что онъ скучаетъ въ Москвѣ, и совѣтовавшая ему ѣхать, помимо него, заказала ему дворянскій мундиръ, стоившій восемдесятъ рублей. И эти восемдесятъ рублей, заплаченные за мундиръ, были главною причиной, побудившей Левина ѣхать. Онъ поѣхалъ въ Кашинъ.

Левинъ былъ въ Кашинѣ уже шестой день, посѣщая каждый день собраніе и хлопоча по дѣлу сестры, которое все не ладилось. Предводители всѣ заняты были выборами, и

нельзя было добиться того самаго простаго дѣла, которое зависѣло отъ опеки. Другое же дѣло, полученіе денегъ, точно также встрѣчало препятствія. Послѣ долгихъ хлопотъ о снятіи запрещенія деньги были готовы къ выдачѣ; но нотаріусъ, услужливѣйшій человѣкъ, не могъ выдать талона, потому что нужна была подпись предсѣдателя, а предсѣдатель, не сдавъ должности, былъ на сессіи. Всѣ эти хлопоты, хожденіе изъ мѣста въ мѣсто, разговоры съ очень добрыми, хорошими людьми, понимающими вполнѣ непріятность положенія просителя, но не могущими пособить ему,— все это напряженіе, не дающее никакихъ результатовъ, производило въ Левинѣ чувство мучительное, подобное тому досадному безсилію, которое испытываешь во снѣ, когда хочешь употребить физическую силу. Онъ испытывалъ это часто, разговаривая со своимъ добродушнѣйшимъ повѣреннымъ. Этотъ повѣренный дѣлалъ, казалось, все возможное и напрягалъ всѣ свои силы, чтобы вывести Левина изъ затрудненія. „Вотъ что попробуйте,— не разъ говорилъ онъ:— съѣздите туда-то и туда то“, и повѣренный дѣлалъ цѣлый планъ, какъ обойдти то роковое начало, которое мѣшало всему. Но тотчасъ же прибавлялъ: „все-таки задержатъ; однако попробуйте“. И Левинъ пробовалъ, ходилъ, ѣздилъ. Всѣ были добры и любезны, но оказывалось, что обойденное выростало опять на концѣ и опять преграждало путь. Въ особенности было обидно то, что Левинъ не могъ никакъ понять, съ кѣмъ онъ борется, кому выгода отъ того, что его дѣло не кончается. Этого, казалось, никто не зналъ; не зналъ и повѣренный. Еслибъ Левинъ могъ понять, какъ онъ понималъ, почему подходить къ кассѣ на желѣзной дорогѣ нельзя иначе, какъ становясь въ рядъ, ему бы не

было обидно и досадно; но въ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ по дѣлу, никто не могъ объяснить ему, для чего они существуютъ.

Но Левинъ много измѣнился со времени своей женитьбы; онъ былъ терпѣливъ, и если не понималъ, для чего все это такъ устроено, то говорилъ себѣ, что, не зная всего, онъ не можетъ судить,—что, вѣроятно, такъ надобно,— и старался не возмущаться.

Теперь, присутствуя на выборахъ и участвуя въ нихъ, онъ старался также не осуждать, не спорить, а сколько возможно понять то дѣло, которымъ съ такою серьёзностью и увлеченіемъ занимались уважаемые имъ честные и хорошіе люди. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, Левину открылось столько новыхъ, серьёзныхъ сторонъ, прежде, по легкомысленному къ нимъ отношенію, казавшихся ничтожными, что и въ дѣлѣ выборовъ онъ предполагалъ и искалъ серьёзнаго значенія.

Сергѣй Ивановичъ объяснилъ ему смыслъ и значеніе предполагавшагося на выборахъ переворота. Губернскій предводитель, въ рукахъ котораго по закону находилось столько важныхъ общественныхъ дѣлъ: и опеки (тѣ самыя, отъ которыхъ страдалъ теперь Левинъ), и дворянскія огромныя суммы, и гимназіи—женская, мужская и военная, и народное образованіе по новому положенію, и наконецъ земство, — губернскій предводитель Снетковъ былъ человѣкъ стараго дворянскаго склада, прожившій огромное состояніе, добрый человѣкъ, честный въ своемъ родѣ, но совершенно непонимавшій потребностей новаго времени. Онъ во всемъ всегда держалъ сторону дворянства, онъ прямо противодѣйствовалъ распространенію народнаго образованія и придавалъ земству, долженствующему имѣть

такое громадное значеніе, сословный характеръ. Нужно было на его мѣсто поставить свѣжаго, современнаго, дѣльнаго человѣка, совершенно новаго, и повести дѣло такъ, чтобъ извлечь изъ всѣхъ дарованныхъ дворянству—не какъ дворянству, а какъ элементу земства—правъ тѣ выгоды самоуправленія, какія только могли быть извлечены. Въ богатой Кашинской губерніи, всегда шедшей во всемъ впереди другихъ, теперь набрались такія силы, что дѣло, поведенное здѣсь какъ слѣдуетъ, могло послужить образцомъ для другихъ губерній, для всей Россіи. И потому все дѣло имѣло большое значеніе. Предводителемъ на мѣсто Снеткова предполагалось поставить или Свіяжскаго, или еще лучше Невѣдовскаго, бывшаго профессора, замѣчательно умнаго человѣка и большаго пріятеля Сергѣя Ивановича.

Собраніе открылъ губернаторъ, который сказалъ рѣчь дворянамъ, чтобъ они выбирали должностныхъ лицъ не по лицепріятію, а по заслугамъ и для блага отечества, и что онъ надѣется, что кашинское благородное дворянство, какъ и въ прежніе выборы, свято исполнитъ свой долгъ и оправдаетъ высокое довѣріе монарха.

Окончивъ рѣчь, губернаторъ пошелъ изъ залы, и дворяне шумно и оживленно, нѣкоторые даже восторженно, послѣдовали за нимъ и окружили его въ то время, какъ онъ надѣвалъ шубу и дружески разговаривалъ съ губернскимъ предводителемъ. Левинъ, желая во все вникнуть и ничего не пропустить, стоялъ тутъ же въ толпѣ и слышалъ, какъ губернаторъ сказалъ: „Пожалуйста, передайте Марьѣ Ивановнѣ, что жена очень сожалѣетъ, что она ѣдетъ въ пріютъ“. И вслѣдъ затѣмъ дворяне весело разобрали шубы и всѣ поѣхали въ соборъ.

Въ соборѣ Левинъ, вмѣстѣ съ другими поднимая руку и повторяя слова протопопа, клялся самыми страшными клятвами исполнять все то, на что надѣялся губернаторъ. Церковная служба всегда имѣла вліяніе на Левина, и когда онъ произносилъ слова: цѣлую крестъ, и оглянулся на толпу этихъ молодыхъ и старыхъ людей, повторявшихъ то же самое, онъ почувствовалъ себя тронутымъ.

На второй и третій день шли дѣла о суммахъ дворянскихъ и о женской гимназіи, не имѣвшія, какъ объяснилъ Сергѣй Ивановичъ, никакой важности, и Левинъ, занятый своимъ хожденіемъ по дѣламъ, не слѣдилъ за ними. На четвертый день за губернскимъ столомъ шла повѣрка губернскихъ суммъ. И тутъ въ первый разъ произошло столкновеніе новой партіи со старою. Коммиссія, которой поручено было повѣрить суммы, доложила собранію, что суммы были всѣ въ цѣлости. Губернскій предводитель всталъ, благодаря дворянство за довѣріе, и прослезился. Дворяне громко привѣтствовали его и жали ему руку. Но въ это время одинъ дворянинъ изъ партіи Сергѣя Ивановича сказалъ, что онъ слышалъ, что коммиссія не повѣряла суммъ, считая повѣрку оскорбленіемъ губернскому предводителю. Одинъ изъ членовъ коммиссіи неосторожно подтвердилъ это. Тогда одинъ маленькій, очень молодой на видъ, но очень ядовитый господинъ сталъ говорить, что губернскому предводителю, вѣроятно, было бы пріятно дать отчетъ въ суммахъ, и что излишняя деликатность членовъ коммиссіи лишаетъ его этого нравственнаго удовлетворенія. Тогда члены коммиссіи отказались отъ своего заявленія, и Сергѣй Ивановичъ началъ логически доказывать, что надо или признать, что суммы ими повѣрены, или не повѣрены, и по-

дробно развилъ эту дилемму. Сергѣю Ивановичу возражалъ говорунъ противной партіи. Потомъ говорилъ Свіяжскій и опять ядовитый господинъ. Пренія шли долго и ничѣмъ не кончились Левинъ былъ удивленъ, что объ этомъ такъ долго спорили, въ особенности потому, что когда онъ спросилъ у Сергѣя Ивановича, предполагаетъ ли онъ, что суммы растрачены, Сергѣй Ивановичъ отвѣчалъ:

— О, нѣтъ! Онъ честный человѣкъ. Но этотъ старинный пріемъ отеческаго семейнаго управленія дворянскими дѣлами надо было поколебать.

На пятый день были выборы уѣздныхъ предводителей. Этотъ день былъ довольно бурный въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Въ Селезневскомъ уѣздѣ Свіяжскій былъ выбранъ безъ баллотированія единогласно, и у него въ этотъ день былъ обѣдъ.

XXVII.

На шестой день были назначены губернскіе выборы. Залы большія и малыя были полны дворянъ въ разныхъ мундирахъ. Многіе пріѣхали только къ этому дню. Давно невидавшіеся знакомые, кто изъ Крыма, кто изъ Петербурга, кто изъ за границы, встрѣчались въ залахъ. У губернскаго стола, подъ портретомъ государя, шли пренія.

Дворяне, и въ большей и малой залѣ, группировались лагерями, и по враждебности и недовѣрчивости взглядовъ, по замолкавшему при приближеніи чуждыхъ лицъ говору, по тому, что нѣкоторые, шепчась, уходили даже въ дальній корридоръ, было видно, что каждая сторона имѣла тайны отъ другой. По наружному виду дворяне рѣзко раздѣлялись на два сорта: на старыхъ и новыхъ. Старые были большею частью или въ дворянскихъ, старыхъ, застегну-

тыхъ мундирахъ, со шпагами и шляпами, или въ своихъ особенныхъ—флотскихъ, кавалерійскихъ, пѣхотныхъ—выслуженныхъ мундирахъ. Мундиры старыхъ дворянъ были сшиты по старинному, съ буфочками на плечахъ; они были очевидно малы, коротки въ таліяхъ и узки, какъ будто носители ихъ выросли изъ нихъ. Молодые же были въ дворянскихъ разстегнутыхъ мундирахъ, съ низкими таліями и широкихъ въ плечахъ, съ бѣлыми жилетами, или въ мундирахъ съ черными воротниками и лаврами, шитьемъ министерства юстиціи. Къ молодымъ же принадлежали придворные мундиры, кое-гдѣ украшавшіе толпу.

Но дѣленіе на молодыхъ и старыхъ не совпадало съ дѣленіемъ партій. Нѣкоторые изъ молодыхъ, по наблюденіямъ Левина, принадлежали къ старой партіи, и нѣкоторые, напротивъ, самые старые дворяне шептались со Свіяжскимъ и очевидно были горячими сторонниками новой партіи.

Левинъ стоялъ въ маленькой залѣ, гдѣ курили и закусывали, подлѣ группы своихъ, прислушиваясь къ тому, что̀ говорили, и тщетно напрягая свои умственныя силы, чтобы понять, что̀ говорилось. Сергѣй Ивановичъ былъ центромъ, около котораго группировались другіе. Онъ теперь слушалъ Свіяжскаго и Хлюстова, предводителя другаго уѣзда, принадлежащаго къ ихъ партіи. Хлюстовъ не соглашался идти со своимъ уѣздомъ просить Снеткова баллотироваться, а Свіяжскій уговаривалъ его сдѣлать это, и Сергѣй Ивановичъ одобрялъ этотъ планъ. Левинъ не понималъ, зачѣмъ было враждебной партіи просить баллотироваться того предводителя, котораго они хотѣли забаллотировать.

Степанъ Аркадьевичъ, только-что закусившій и выпившій, обтирая душистымъ батистовымъ съ каемками плат-

комъ ротъ, подошелъ къ нимъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ.

— Занимаемъ позицію,—сказалъ онъ, расправляя обѣ бакенбарды,—Сергѣй Ивановичъ!

И, прислушавшись къ разговору, онъ подтвердилъ мнѣніе Свіяжскаго.

— Довольно одного уѣзда, а Свіяжскій уже очевидно оппозиція,—сказалъ онъ—всѣмъ, кромѣ Левина, понятныя слова.

— Что, Костя, и ты вошелъ, кажется, во вкусъ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Левину, и взялъ его подъ руку. Левинъ и радъ былъ бы войдти во вкусъ, но не могъ понять, въ чемъ дѣло, и, отойдя нѣсколько шаговъ отъ говорившихъ, выразилъ Степану Аркадьевичу свое недоумѣніе, зачѣмъ было просить губернскаго предводителя.

— O sancta simplicitas!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ и кратко и ясно растолковалъ Левину въ чемъ дѣло.

Еслибы, какъ въ прошлые выборы, всѣ уѣзды просили губернскаго предводителя, то его выбрали бы всѣми бѣлыми. Этого не нужно было. Теперь же восемь уѣздовъ согласны просить; если же два откажутся просить, то Снетковъ можетъ отказаться отъ баллотировки. И тогда старая партія можетъ выбрать другаго изъ своихъ, такъ какъ расчетъ весь будетъ потерянъ. Но если только одинъ уѣздъ Свіяжскаго не будетъ просить, Снетковъ будетъ баллотироваться. Его даже выберутъ и нарочно переложатъ ему, такъ что противная партія собьется со счета, и когда выставятъ кандидата изъ нашихъ, они же ему переложатъ. Левинъ понялъ, но не совсѣмъ, и хотѣлъ еще сдѣлать нѣсколько вопросовъ, какъ вдругъ всѣ заговорили, зашумѣли и двинулись въ большую залу.

— Что такое? что? кого? — Довѣренность? кому? что? — Опровергаютъ? — Недовѣренность. — Флерова не допускаютъ. — Чтò же что подъ судомъ? Этакъ никого не допустятъ. Это подло. — Законъ! — слышалъ Левинъ съ разныхъ сторонъ и, вмѣстѣ со всѣми торопившимися куда-то и боявшимися что-то пропустить, направился въ большую залу и, тѣснимый дворянами, приблизился къ губернскому столу, у котораго что-то горячо спорили губернскій предводитель, Свіяжскій и другіе коноводы.

XXVIII.

Левинъ стоялъ довольно далеко. Тяжело, съ хрипомъ дышавшій подлѣ него одинъ дворянинъ и другой, скрипѣвшій толстыми подошвами, мѣшали ему ясно слышать. Онъ издалека слышалъ только мягкій голосъ предводителя, потомъ визгливый голосъ ядовитаго дворянина и потомъ голосъ Свіяжскаго. Они спорили, сколько онъ могъ понять, о значеніи статьи закона и о значеніи словъ: *находившагося подъ слѣдствіемъ*.

Толпа раздалась, чтобы дать дорогу подходившему къ столу Сергѣю Ивановичу. Сергѣй Ивановичъ, выждавъ окончанія рѣчи ядовитаго дворянина, сказалъ, что ему кажется, что вѣрнѣе всего было бы справиться со статьей закона, и попросилъ секретаря найдти статью. Въ статьѣ было сказано, что въ случаѣ разногласія надо баллотировать.

Сергѣй Ивановичъ прочелъ статью и сталъ объяснять ея значеніе, но тутъ одинъ высокій, толстый, сутуловатый, съ крашеными усами, въ узкомъ мундирѣ съ подпиравшимъ ему сзади шею воротникомъ, помѣщикъ перебилъ его. Онъ

подошелъ къ столу и, ударивъ по немъ перстнемъ, громко закричалъ:

— Баллотировать! На шары! Нечего разговаривать! На шары!

Тутъ вдругъ заговорило нѣсколько голосовъ, и высокій дворянинъ съ перстнемъ, все болѣе и болѣе озлобляясь, кричалъ громче и громче. Но нельзя было разобрать что̀ онъ говорилъ.

Онъ говорилъ то самое, что предлагалъ Сергѣй Ивановичъ; но очевидно онъ ненавидѣлъ его и всю его партію, и это чувство ненависти сообщилось всей партіи и вызвало отпоръ такого же, хотя и болѣе приличнаго озлобленія съ другой стороны. Поднялись крики и на минуту все смѣшалось, такъ что губернскій предводитель долженъ былъ просить о порядкѣ.

— Баллотировать, баллотировать! Кто дворянинъ, тотъ принимаетъ... Мы кровь проливаемъ... Довѣріе монарха... Не считать предводителя, онъ не прикащикъ... Да не въ томъ дѣло... Позвольте, на шары! Гадость!...—слышались озлобленные, неистовые крики со всѣхъ сторонъ. Взгляды и лица были еще озлобленнѣе и неистовѣе рѣчи. Они выражали непримиримую ненависть. Левинъ совершенно не понималъ, въ чемъ было дѣло, и удивлялся той страстности, съ которою разбирался вопросъ о томъ, баллотировать или не баллотировать мнѣніе о Флеровѣ. Онъ забывалъ, какъ ему потомъ разъяснилъ Сергѣй Ивановичъ, тотъ силлогизмъ, что для общаго блага нужно было свергнуть губернскаго предводителя; для сверженія же предводителя нужно было большинство шаровъ; для большинства же шаровъ нужно было дать Флерову право голоса; для призна-

вія же Флерова способнымъ надо было объяснить, какъ понимать статью закона.

— А одинъ голосъ можетъ рѣшить все дѣло, и надо быть серьёзнымъ и послѣдовательнымъ, если хочешь служить общественному дѣлу,—заключилъ Сергѣй Ивановичъ. Но Левинъ забылъ это, и ему было тяжело видѣть этихъ уважаемыхъ имъ хорошихъ людей въ такомъ непріятномъ, зломъ возбужденіи. Чтобъ избавиться отъ этого тяжелаго чувства, онъ, не дождавшись конца преній, ушелъ въ залу, гдѣ никого не было, кромѣ лакеевъ около буфета. Увидавъ хлопотавшихъ лакеевъ надъ перетиркой посуды и разстановкой тарелокъ и рюмокъ, увидавъ ихъ спокойныя, оживленныя лица, Левинъ испыталъ неожиданное чувство облегченія, точно изъ смрадной комнаты онъ вышелъ на чистый воздухъ. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, съ удовольствіемъ глядя на лакеевъ. Ему очень понравилось, какъ одинъ лакей съ сѣдыми бакенбардами, выказывая презрѣніе къ другимъ молодымъ, которые надъ нимъ подтрунивали, училъ ихъ, какъ надо складывать салфетки. Левинъ только что собирался вступить въ разговоръ со старымъ лакеемъ, какъ секретарь дворянской опеки, старичокъ, имѣвшій спеціальность знать всѣхъ дворянъ губерніи по имени и отчеству, развлекъ его.

— Пожалуйте, Константинъ Дмитричъ, — сказалъ онъ ему,—васъ братецъ ищутъ. Баллотируется мнѣніе.

Левинъ вошелъ въ залу, получилъ бѣленькій шарикъ и, вслѣдъ за братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ, подошелъ къ столу, у котораго стоялъ съ значительнымъ и ироническимъ лицомъ, собирая въ кулакъ бороду и нюхая ее, Свіяжскій. Сергѣй Ивановичъ вложилъ руку въ ящикъ, положилъ

куда-то свой шаръ и, давъ мѣсто Левину, остановился тутъ же. Левинъ подошелъ, но, совершенно забывъ въ чемъ дѣло и смутившись, обратился къ Сергѣю Ивановичу съ вопросомъ: „куда класть?“ Онъ спросилъ тихо, въ то время, какъ вблизи говорили, такъ что онъ надѣялся, что его вопросъ не услышатъ. Но говорившіе замолкли, и неприличный вопросъ его былъ услышанъ. Сергѣй Ивановичъ нахмурился.

— Это дѣло убѣжденія каждаго,—сказалъ онъ строго.

Нѣкоторые улыбнулись. Левинъ покраснѣлъ, поспѣшно сунулъ подъ сукно руку и положилъ направо, такъ какъ шаръ былъ въ правой рукѣ. Положивъ, онъ вспомнилъ, что надо было засунуть и лѣвую руку, и засунулъ ее, но уже поздно, и, еще болѣе сконфузившись, поскорѣе ушелъ въ самые задніе ряды.

— Сто двадцать шесть избирательныхъ! Девяносто восемь неизбирательныхъ! — прозвучалъ невыговаривающій букву *р* голосъ секретаря. Потомъ послышался смѣхъ: пуговица и два орѣха нашлись въ ящикѣ. Дворянинъ былъ допущенъ, и новая партія побѣдила.

Но старая партія не считала себя побѣжденною. Левинъ услыхалъ, что Снеткова просятъ баллотироваться, и увидалъ, что толпа дворянъ окружила губернскаго предводителя, который говорилъ что-то. Левинъ подошелъ ближе. Отвѣчая дворянамъ, Снетковъ говорилъ о довѣріи дворянства, о любви къ нему, которой онъ не стоитъ, ибо вся заслуга его состоитъ въ преданности дворянству, которому онъ посвятилъ двѣнадцать лѣтъ службы. Нѣсколько разъ онъ повторялъ слова: „служилъ, сколько было силъ, вѣрой и правдой, цѣню и благодарю“, и вдругъ остановился отъ

душившихъ его слезъ и вышелъ изъ залы. Происходили ли эти слезы отъ сознанія несправедливости къ нему, отъ любви къ дворянству, или отъ натянутости положенія, въ которомъ онъ находился, чувствуя себя окруженнымъ врагами, но волненіе сообщилось, большинство дворянъ было тронуто, и Левинъ почувствовалъ нѣжность къ Снеткову.

Въ дверяхъ губернскій предводитель столкнулся съ Левинымъ.

— Виноватъ, извините пожалуйста, — сказалъ онъ какъ незнакомому, но, узнавъ Левина, робко улыбнулся. Левину показалось, что онъ хотѣлъ сказать что-то, но не могъ отъ волненія. Выраженіе его лица и всей фигуры, въ мундирѣ, крестахъ и бѣлыхъ съ галунами панталонахъ, какъ онъ торопливо шелъ, напомнило Левину травимаго звѣря, который видитъ, что дѣло его плохо. Это выраженіе въ лицѣ предводителя было особенно трогательно Левину, потому что вчера только онъ по дѣлу опеки былъ у него дома и видѣлъ его во всемъ величіи добраго и семейнаго человѣка. Большой домъ со старою семейною мебелью; не щеголеватые, грязноватые, но почтительные старые лакеи, очевидно еще изъ прежнихъ крѣпостныхъ, не перемѣнившіе хозяина; толстая, добродушная жена въ чепчикѣ съ кружевами и турецкой шали, ласкавшая хорошенькую внучку, дочь дочери; молодчикъ сынъ, гимназистъ шестаго класса, пріѣхавшій изъ гимназіи и, здороваясь съ отцомъ, поцѣловавшій его большую руку; внушительныя ласковыя рѣчи и жесты хозяина,—все это вчера возбудило въ Левинѣ невольное уваженіе и сочувствіе. Левину трогателенъ и жалокъ былъ теперь этотъ старикъ, и ему хотѣлось сказать ему что-нибудь пріятное.

— Стало-быть, вы опять нашъ предводитель?—сказалъ онъ.

— Едва ли,—испуганно оглянувшись, сказалъ предводитель.—Я усталъ, ужъ старъ. Есть достойнѣе и моложе меня,—пусть послужатъ.

И предводитель скрылся въ боковую дверь.

Наступила самая торжественная минута. Тотчасъ надо было приступить къ выборамъ. Коноводы той и другой партіи по пальцамъ высчитывали бѣлые и черные.

Пренія о Флеровѣ дали новой партіи не только одинъ шаръ Флерова, но еще и выигрышъ времени, такъ что могли быть привезены три дворянина, кознями старой партіи лишенные возможности участвовать въ выборахъ. Двухъ дворянъ, имѣвшихъ слабость къ вину, напоили пьяными клевреты Снеткова, а у третьяго увезли мундирную одежду.

Узнавъ объ этомъ, новая партія успѣла, во время преній о Флеровѣ, послать на извощикѣ своихъ, обмундировать дворянина, и изъ двухъ напоенныхъ привезти одного въ собраніе.

— Одного привезъ, водой отлилъ, — проговорилъ ѣздившій за нимъ помѣщикъ, подходя къ Свіяжскому.—Ничего, годится.

— Не очень пьянъ, не упадетъ?—покачивая головой, сказалъ Свіяжскій.

— Нѣтъ, молодцомъ. Только бы тутъ не подпоили. . Я сказалъ буфетчику, чтобы не давалъ ни подъ какимъ видомъ.

XXIX.

Узкая зала, въ которой курили и закусывали, была полна дворянами. Волненіе все увеличивалось, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно безпокойство. Въ особенности сильно волновались коноводы, знающіе всѣ подробности и счетъ

всѣхъ шаровъ. Это были распорядители предстоящаго сраженія. Остальные же, какъ рядовые предъ сраженіемъ, хотя и готовились къ бою, но покамѣстъ искали развлеченій. Одни закусывали, стоя или присѣвъ къ столу; другіе ходили, куря папиросы, взадъ и впередъ по длинной комнатѣ и разговаривали съ давно не видѣнными пріятелями.

Левину не хотѣлось ѣсть, онъ не курилъ; сходиться со своими, то-есть съ Сергѣемъ Ивановичемъ, Степаномъ Аркадьевичемъ, Свіяжскимъ и другими, не хотѣлъ, потому что съ ними вмѣстѣ въ оживленной бесѣдѣ стоялъ Вронскій въ шталмейстерскомъ мундирѣ. Еще вчера Левинъ увидалъ его на выборахъ и старательно обходилъ, не желая съ нимъ встрѣтиться. Онъ подошелъ къ окну и сѣлъ, оглядывая группы и прислушиваясь къ тому, что̀ говорилось вокругъ него. Ему было грустно, въ особенности потому, что всѣ, какъ онъ видѣлъ, были оживлены, озабочены и заняты, и лишь онъ одинъ со старымъ-старымъ, беззубымъ старичкомъ во флотскомъ мундирѣ, шамкавшимъ губами, присѣвшимъ около него, былъ безъ интереса и безъ дѣла.

— Это такая шельма! Я ему говорилъ, такъ нѣтъ. Какъ же! Онъ въ три года не могъ собрать...—энергически говорилъ сутуловатый, невысокій помѣщикъ съ напомаженными волосами, лежавшими на вышитомъ воротникѣ его мундира, стуча крѣпко каблуками новыхъ, очевидно для выборовъ надѣтыхъ, сапогъ. И помѣщикъ, кинувъ недовольный взглядъ на Левина, круто повернулся.

— Да, нечистое дѣло, что̀ и говорить,—проговорилъ тоненькимъ голосомъ маленькій помѣщикъ.

Вслѣдъ за этими, цѣлая толпа помѣщиковъ, окружавшая толстаго генерала, поспѣшно приблизилась къ Левину. По-

мѣщики очевидно искали мѣста переговорить такъ, чтобъ ихъ не слышали.

— Какъ онъ смѣетъ говорить, что я велѣлъ украсть у него брюки! Онъ ихъ пропилъ, я думаю. Мнѣ плевать на него съ его княжествомъ! Онъ не смѣй говорить, это свинство!

— Да вѣдь позвольте! Они на статьѣ основываются,— говорили въ другой группѣ, — жена должна быть записана дворянкой.

— А чорта мнѣ въ статьѣ! Я говорю по душѣ. На то благородные дворяне. Имѣй довѣріе.

— Ваше превосходительство, пойдемъ, fine champagne.

Другая толпа слѣдомъ ходила за что-то громко кричавшимъ дворяниномъ: это былъ одинъ изъ трехъ напоенныхъ.

— Я Марьѣ Семеновнѣ всегда совѣтовалъ сдать въ аренду, потому что она не выгодаетъ, —пріятнымъ голосомъ говорилъ помѣщикъ съ сѣдыми усами, въ полковничьемъ мундирѣ стараго генеральнаго штаба. Это былъ тотъ самый помѣщикъ, котораго Левинъ встрѣтилъ у Свіяжскаго. Онъ тотчасъ узналъ его. Помѣщикъ тоже пригляделся къ Левину, и они поздоровались.

— Очень пріятно. Какъ же! Очень хорошо помню. Въ прошломъ году у Николая Ивановича, предводителя.

— Ну, какъ идетъ ваше хозяйство?—спросилъ Левинъ.

— Да все такъ же, въ убытокъ, - съ покорной улыбкой, но съ выраженіемъ спокойствія и убѣжденія, что это такъ и надо, отвѣчалъ помѣщикъ, останавливаясь подлѣ. — А вы какъ же въ нашу губернію попали?—спросилъ онъ. — Пріѣхали принять участіе въ нашемъ coup d'état? — сказалъ, онъ, твердо, но дурно выговаривая французскія слова.— Вся Россія съѣхалась: и камергеры, и чуть не министры.—

Онъ указалъ на представительную фигуру Степана Аркадьевича въ бѣлыхъ панталонахъ и камергерскомъ мундирѣ, ходившаго съ генераломъ.

— Я долженъ вамъ признаться, что я очень плохо понимаю значеніе дворянскихъ выборовъ,—сказалъ Левинъ.

Помѣщикъ посмотрѣлъ на него.

— Да что-жъ тутъ понимать? Значенія нѣтъ никакого. Упавшее учрежденіе, продолжающее свое движеніе только по силѣ инерціи. Посмотрите, мундиры и эти говорятъ вамъ: это собраніе мировыхъ судей, непремѣнныхъ членовъ и такъ далѣе, а не дворянъ.

— Такъ зачѣмъ вы ѣздите?—спросилъ Левинъ.

— По привычкѣ, одно. Потомъ... связи нужно поддержать. Нравственная обязанность въ нѣкоторомъ родѣ. А потомъ, если правду сказать, есть свой интересъ. Зять желаетъ баллотироваться въ непремѣнные члены; они люди небогатые, и нужно провести его. Вотъ эти господа зачѣмъ ѣздятъ?—сказалъ онъ, указывая на того ядовитаго господина, который говорилъ за губернскимъ столомъ.

— Это новое поколѣніе дворянства.

— Новое-то новое, но не дворянство. Это—землевладѣльцы, а мы—помѣщики. Они, какъ дворяне, налагаютъ сами на себя руки.

— Да вѣдь вы говорите, что это отжившее учрежденіе.

— Отжившее-то отжившее, а все бы съ нимъ надо обращаться поуважительнѣе. Хоть бы Снетковъ... Хороши мы, нѣтъ ли, мы тысячу лѣтъ росли. Знаете, придется если намъ передъ домомъ разводить садикъ, планировать, и растетъ у васъ на этомъ мѣстѣ столѣтнее дерево... Оно хотя и корявое и старое, а все вы для клумбочекъ цвѣточныхъ

не срубите старика, а такъ клумбочки распланируете, чтобы воспользоваться деревомъ. Его въ годъ не выростишь,— сказалъ онъ осторожно и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.—Ну, а ваше хозяйство какъ?

— Да нехорошо. Процентовъ пять.

— Да, но вы себя не считаете. Вы тоже вѣдь чего-нибудь стóите? Вотъ я про себя скажу. Я до тѣхъ поръ, пока не хозяйничалъ, получалъ на службѣ три тысячи. Теперь я работаю больше, чѣмъ на службѣ, и также, какъ вы, получаю пять процентовъ, и то дай Богъ. А свои труды задаромъ.

— Такъ зачѣмъ же вы это дѣлаете, если прямой убытокъ?

— А вотъ дѣлаешь! Что прикажете? Привычка и знаешь, что такъ надо. Больше вамъ скажу,—облокачиваясь объ окно и разговорившись, продолжалъ помѣщикъ,—сынъ не имѣетъ никакой охоты къ хозяйству. Очевидно ученый будетъ. Такъ что некому будетъ продолжать. А все дѣлаешь. Вотъ нынче садъ насадилъ.

— Да, да,—сказалъ Левинъ,—это совершенно справедливо. Я всегда чувствую, что нѣтъ настоящаго расчета въ моемъ хозяйствѣ, а дѣлаешь... Какую-то обязанность чувствуешь къ землѣ.

— Да вотъ я вамъ скажу,—продолжалъ помѣщикъ.— Сосѣдъ купецъ былъ у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. „Нѣтъ, говоритъ, Степанъ Васильевичъ, все у васъ въ порядкѣ идетъ, но садикъ въ забросѣ“. А онъ у меня въ порядкѣ. „На мой разумъ, я бы эту липу срубилъ. Только въ сокъ надо. Вѣдь ихъ тысяча липъ, изъ каждой два хорошихъ лубка выйдетъ. А нынче лубокъ въ цѣнѣ, иструбовъ бы липовенькихъ нарубилъ“.

— А на эти деньги онъ бы накупилъ скота, или землицу купилъ бы за безцѣнокъ и мужикамъ отдалъ бы въ наймы,—съ улыбкой докончилъ Левинъ, очевидно не разъ уже сталкивавшійся съ подобными расчетами.—И онъ составитъ себѣ состояніе. А вы и я—только дай Богъ намъ свое удержать и дѣтямъ оставить.

— Вы женаты, я слышалъ?—сказалъ помѣщикъ.

— Да,—съ гордымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Левинъ.— Да, это что-то странно,—продолжалъ онъ.—Такъ мы безъ расчета и живемъ, точно приставлены мы, какъ весталки древнія, блюсти огонь какой-то.

Помѣщикъ усмѣхнулся подъ бѣлыми усами.

— Есть изъ насъ тоже... вотъ хоть бы нашъ пріятель Николай Иванычъ, или теперь графъ Вронскій поселился, тѣ хотятъ промышленность агрономическую вести; но это до сихъ поръ, кромѣ какъ капиталъ убить, ни къ чему не ведетъ.

— Но для чего же мы не дѣлаемъ какъ купцы? На лубокъ не срубаемъ садъ?—возвращаясь къ поразившей его мысли, сказалъ Левинъ.

— Да вотъ, какъ вы сказали, огонь блюсти. А то—не дворянское дѣло. И дворянское дѣло наше дѣлается не здѣсь, на выборахъ, а тамъ, въ своемъ углу. Есть тоже свой сословный инстинктъ, что̀ должно, или не должно. Вотъ мужики тоже, посмотрю на нихъ другой разъ: какъ хорошій мужикъ, такъ хватаетъ земли нанять, сколько можетъ. Какая ни будь плохая земля, все пашетъ. Тоже безъ расчета. Прямо въ убытокъ.

— Такъ и мы,—сказалъ Левинъ.—Очень, очень пріятно было встрѣтиться,—прибавилъ онъ, увидавъ подходившаго къ нему Свіяжскаго.

— А мы вотъ встрѣтились въ первый разъ послѣ какъ у васъ,—сказалъ помѣщикъ,—да и заговорились.

— Что-жъ, побранили новые порядки?—съ улыбкой сказалъ Свіяжскій.

— Не безъ того.

— Душу отводили.

XXX.

Свіяжскій взялъ подъ руку Левина и пошелъ съ нимъ къ своимъ.

Теперь ужъ нельзя было миновать Вронскаго. Онъ стоялъ со Степаномъ Аркадьевичемъ и Сергѣемъ Ивановичемъ и смотрѣлъ прямо на подходившаго Левина.

— Очень радъ. Кажется, я имѣлъ удовольствіе встрѣтить .. у княгини Щербацкой,—сказалъ онъ, подавая руку Левину.

— Да, я очень помню нашу встрѣчу, — сказалъ Левинъ, и, багрово покраснѣвъ, тотчасъ же отвернулся и заговорилъ съ братомъ.

Слегка улыбнувшись, Вронскій продолжалъ говорить со Свіяжскимъ, очевидно не имѣя никакого желанія вступить въ разговоръ съ Левинымъ, но Левинъ, говоря съ братомъ, безпрестанно оглядывался на Вронскаго, придумывая о чемъ бы заговорить съ нимъ, чтобы загладить свою грубость.

— За чѣмъ же теперь дѣло?—спросилъ Левинъ, оглядываясь на Свіяжскаго и Вронскаго.

— За Снетковымъ. Надо, чтобъ онъ отказался или согласился,—отвѣчалъ Свіяжскій.

— Да что же онъ, согласился или нѣтъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что ни то, ни сё,—сказалъ Вронскій.

— А если откажется, кто же будетъ баллотироваться?— спросилъ Левинъ, поглядывая на Вронскаго.

— Кто хочетъ,—сказалъ Свіяжскій.

— Вы будете?—спросилъ Левинъ.

— Только не я,—смутившись и бросивъ испуганный взглядъ на стоявшаго подлѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ ядовитаго господина, сказалъ Свіяжскій.

— Такъ кто же? Невѣдовскій?—сказалъ Левинъ, чувствуя, что онъ запутался.

Но это было еще хуже. Невѣдовскій и Свіяжскій были два кандидата.

— Ужъ я-то ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ ядовитый господинъ.

Это былъ самъ Невѣдовскій. Свіяжскій познакомилъ съ нимъ Левина.

— Что, и тебя забрало за живое?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подмигивая Вронскому.—Это въ родѣ скачекъ. Пари можно.

— Да, это забираетъ за живое,—сказалъ Вронскій.—И разъ взявшись за дѣло, хочется его сдѣлать. Борьба!—сказалъ онъ, нахмурившись и сжавъ свои сильныя скулы.

— Что за дѣлецъ Свіяжскій! Такъ ясно у него все.

— О да,—разсѣянно сказалъ Вронскій.

Наступило молчаніе, во время котораго Вронскій,—такъ какъ надо же смотрѣть на что-нибудь,—посмотрѣлъ на Левина, на его ноги, на его мундиръ, потомъ на его лицо, и замѣтивъ мрачные, направленные на себя глаза, чтобы сказать что-нибудь, сказалъ:

— А какъ это вы—постоянный деревенскій житель и не мировой судья? Вы не въ мундирѣ мироваго судьи.

— Оттого, что я считаю, что мировой судъ есть дурацкое учрежденіе,—отвѣчалъ мрачно Левинъ, все время ждавшій случая разговориться съ Вронскимъ, чтобы загладить свою грубость при первой встрѣчѣ.

— Я этого не полагаю, напротивъ,—со спокойнымъ удивленіемъ сказалъ Вронскій.

— Это игрушка,—перебилъ его Левинъ.—Мировые судьи намъ не нужны. Я въ восемь лѣтъ не имѣлъ ни одного дѣла. А какое имѣлъ, то было рѣшено на-выворотъ. Мировой судья отъ меня въ сорока верстахъ. Я долженъ о дѣлѣ, которое стóитъ два рубля, посылать повѣреннаго, который стóитъ пятнадцать.

И онъ разсказалъ, какъ мужикъ укралъ у мельника муку, и когда мельникъ сказалъ ему это, то мужикъ подалъ искъ въ клеветѣ. Все это было не кстати и глупо, и Левинъ въ то время, какъ говорилъ, самъ чувствовалъ это.

— О, это такой оригиналъ!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ со своею самою миндальною улыбкой.—Пойдемте однако, кажется баллотируютъ...

И они разошлись.

— Я не понимаю,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, замѣтившій неловкую выходку брата,—я не понимаю, какъ можно быть до такой степени лишеннымъ всякаго политическаго такта. Вотъ чего мы, русскіе, не имѣемъ. Губернскій предводитель—нашъ противникъ, ты съ нимъ ami cochon и просишь его баллотироваться. А графъ Вронскій... я друга себѣ изъ него не сдѣлаю: онъ звалъ обѣдать, я не поѣду къ нему,—но онъ нашъ, зачѣмъ же дѣлать изъ него врага? Потомъ, ты спрашиваешь Невѣдовскаго, будетъ ли онъ баллотироваться. Это не дѣлается.

— Ахъ, я ничего не понимаю! И все это пустяки,—мрачно отвѣчалъ Левинъ.

— Вотъ ты говоришь, что все это пустяки, а возьмешься, такъ все путаешь.

Левинъ замолчалъ, и они вмѣстѣ вошли въ большую залу.

Губернскій предводитель, несмотря на то, что онъ чувствовалъ въ воздухѣ приготовляемый ему подлогъ, и несмотря на то, что не всѣ просили его, все-таки рѣшился баллотироваться. Все въ залѣ замолкло, секретарь громогласно объявилъ, что баллотируется въ губернскіе предводители ротмистръ гвардіи Михаилъ Степановичъ Снетковъ.

Уѣздные предводители заходили съ тарелочками, въ которыхъ были шары, отъ своихъ столовъ къ губернскому, и начались выборы.

— Направо клади,—шепнулъ Степанъ Аркадьевичъ Левину, когда онъ вмѣстѣ съ братомъ, вслѣдъ за предводителемъ, подошелъ къ столу. Но Левинъ забылъ теперь тотъ расчетъ, который объясняли ему, и боялся, не ошибся ли Степанъ Аркадьевичъ, сказавъ: „направо". Вѣдь Снетковъ былъ врагъ. Подойдя къ ящику, онъ держалъ шаръ въ правой, но подумавъ, что ошибся, передъ самымъ ящикомъ переложилъ шаръ въ лѣвую руку и очевидно потомъ положилъ налѣво. Знатокъ дѣла, стоявшій у ящика, по одному движенію локтя узнавшій, кто куда положитъ, недовольно поморщился. Ему не на чемъ было упражнять свою проницательность.

Все замолкло и послышался счетъ шаровъ. Потомъ одинокій голосъ провозгласилъ число избирательныхъ и неизбирательныхъ.

Предводитель былъ выбранъ значительнымъ большин-

ствомъ. Все зашумѣло и стремительно бросилось къ двери. Снетковъ вошелъ, и дворянство окружило его, поздравляя.

— Ну, теперь кончено?—спросилъ Левинъ у Сергѣя Ивановича.

— Только начинается, — улыбаясь, сказалъ за Сергѣя Ивановича Свіяжскій.—Кандидатъ предводителя можетъ получить больше шаровъ.

Левинъ совсѣмъ опять забылъ про это. Онъ вспомнилъ только теперь, что тутъ была какая-то тонкость, но ему скучно было вспоминать, въ чемъ она состояла. На него нашло уныніе и захотѣлось выбраться изъ этой толпы.

Такъ какъ никто не обращалъ на него вниманія, и онъ, казалось, никому не былъ нуженъ, онъ потихоньку направился въ маленькую залу, гдѣ закусывали, и почувствовалъ большое облегченіе, опять увидавъ лакеевъ. Старичокъ лакей предложилъ ему покушать, и Левинъ согласился. Съѣвъ котлетку съ фасолью и поговоривъ съ лакеемъ о прежнихъ господахъ, Левинъ, не желая входить въ залу, гдѣ ему было такъ непріятно, пошелъ пройтись на хоры.

Хоры были полны нарядныхъ дамъ, перегибавшихся черезъ перила и старавшихся не проронить ни одного слова изъ того, что говорилось внизу. Около дамъ сидѣли и стояли элегатные адвокаты, учителя гимназіи въ очкахъ и офицеры. Вездѣ говорилось о выборахъ и о томъ, какъ измучился предводитель и какъ хороши были пренія; въ одной группѣ Левинъ слышалъ похвалу своему брату. Одна дама говорила адвокату:

— Какъ я рада, что слышала Кознышева! Это стóитъ, чтобы поголодать. Прелесть! Какъ ясно и слышно все! Вотъ

у васъ въ судѣ никто такъ не говоритъ. Только одинъ Майдель, и то онъ далеко не такъ краснорѣчивъ.

Найдя свободное мѣсто у перилъ, Левинъ перегнулся и сталъ смотрѣть и слушать.

Всѣ дворяне сидѣли за перегородочками въ своихъ уѣздахъ. По серединѣ залы стоялъ человѣкъ въ мундирѣ и тонкимъ, громкимъ голосомъ провозглашалъ:

— Баллотируется въ кандидаты губернскаго предводителя дворянства штабъ-ротмистръ Евгеній Ивановичъ Апухтинъ!

Наступило мертвое молчаніе и послышался одинъ слабый старческій голосъ:

— Отказался!

— Баллотируется надворный совѣтникъ Петръ Петровичъ Боль,—начиналъ опять голосъ.

— Отказался!—раздался молодой визгливый голосъ.

Опять начиналось то же, и опять „отказался". Такъ продолжалось около часа. Левинъ, облокотившись на перила, смотрѣлъ и слушалъ. Сначала онъ удивлялся и хотѣлъ понять, что̀ это значило; потомъ убѣдившись, что понять этого онъ не можетъ, ему стало скучно. Потомъ, вспомнивъ все то волненіе и озлобленіе, которыя онъ видѣлъ на всѣхъ лицахъ, ему стало грустно: онъ рѣшился уѣхать и пошелъ внизъ. Проходя черезъ сѣни хоръ, онъ встрѣтилъ ходившаго взадъ и впередъ унылаго гимназиста съ подтекшими глазами. На лѣстницѣ же ему встрѣтилась пара: дама, быстро бѣжавшая на каблучкахъ, и легкій товарищъ прокурора.

— Я говорилъ вамъ, что не опоздаете,—сказалъ прокуроръ въ то время, какъ Левинъ посторонился, пропуская даму.

Левинъ уже былъ на выходной лѣстницѣ и доставалъ изъ жилетнаго кармана нумерокъ своей шубы, когда секретарь

поймалъ его.—Пожалуйте, Константинъ Дмитріевичъ, баллотируютъ.

Въ кандидаты баллотировался такъ рѣшительно отказавшійся Невѣдовскій.

Левинъ подошелъ къ двери въ залу: она была заперта. Секретарь постучался; дверь отворилась, и навстрѣчу Левину проюркнули два раскраснѣвшіеся помѣщика.

— Мочи моей нѣтъ, — сказалъ одинъ раскраснѣвшійся помѣщикъ.

Вслѣдъ за помѣщикомъ высунулось лицо губернскаго предводителя. Лицо это было страшно отъ изнеможенія и страха.

— Я тебѣ сказалъ, не выпускать!—крикнулъ онъ сторожу.

— Я впустилъ, ваше превосходительство!

— Господи!—и тяжело вздохнувъ, губернскій предводитель, устало шмыгая въ своихъ бѣлыхъ панталонахъ, опустивъ голову, пошелъ по серединѣ залы къ большому столу.

Невѣдовскому переложили, какъ и было расчитано, и онъ былъ губернскимъ предводителемъ. Многіе были веселы, многіе были довольны, счастливы, многіе въ восторгѣ, многіе недовольны и несчастливы. Губернскій предводитель былъ въ отчаяніи, котораго онъ не могъ скрыть. Когда Невѣдовскій пошелъ изъ залы, толпа окружила его и восторженно слѣдовала за нимъ, такъ же, какъ она слѣдовала въ первый день за губернаторомъ, открывшимъ выборы, и такъ же, какъ она, слѣдовала за Снетковымъ, когда тотъ былъ выбранъ.

XXXI.

Вновь избранный губернскій предводитель и многіе изъ торжествующей партіи новыхъ обѣдали въ этотъ день у Вронскаго.

Вронскій пріѣхалъ на выборы и потому, что ему было скучно въ деревнѣ и нужно было заявить свои права на свободу передъ Анной, и для того, чтобъ отплатить Свіяжскому поддержкой на выборахъ за всѣ его хлопоты для Вронскаго на земскихъ выборахъ, и болѣе всего для того, чтобы строго исполнить всѣ обязанности того положенія дворянина и землевладѣльца, которое онъ себѣ избралъ. Но онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ это дѣло выборовъ такъ заняло его, такъ забрало за живое, и чтобъ онъ могъ такъ хорошо дѣлать это дѣло. Онъ былъ совершенно новый человѣкъ въ кругу дворянъ, но очевидно имѣлъ успѣхъ и не ошибался, думая, что пріобрѣлъ уже вліяніе между дворянами. Вліянію его содѣйствовали: его богатство и знатность, прекрасное помѣщеніе въ городѣ, которое уступилъ ему старый знакомый, Ширковъ, занимавшійся финансовыми дѣлами и учредившій процвѣтающій банкъ въ Кашинѣ; отличный поваръ Вронскаго, привезенный изъ деревни; дружба съ губернаторомъ, который былъ товарищемъ, и еще покровительствуемымъ товарищемъ Вронскаго; а болѣе всего—простыя, ровныя ко всѣмъ отношенія, очень скоро заставившія большинство дворянъ измѣнить сужденіе о его мнимой гордости. Онъ чувствовалъ самъ, что, кромѣ этого шальнаго господина, женатаго на Кити Щербацкой, который à propos de bottes съ бѣшеной злобой наговорилъ ему кучу ни къ чему не идущихъ глупостей, каждый дворянинъ, съ которымъ онъ знакомился, дѣлался его сторонникомъ. Онъ ясно видѣлъ, и другіе признавали это, что успѣху Невѣдовскаго очень много содѣйствовалъ онъ. И теперь, у себя за столомъ, празднуя выборъ Невѣдовскаго, онъ испытывалъ пріятное чувство торжества за своего избранника. Са-

мые выборы такъ занимали его, что если онъ будетъ женатъ къ будущему трехлѣтію, онъ и самъ подумывалъ баллотироваться,—въ родѣ того, какъ послѣ выигрыша приза черезъ жокея ему захотѣлось скакать самому.

Теперь же праздновался выигрышъ жокея. Вронскій сидѣлъ въ головѣ стола, по правую руку его сидѣлъ молодой губернаторъ, свитскій генералъ. Для всѣхъ это былъ хозяинъ губерніи, торжественно открывавшій выборы, говорившій рѣчь и возбуждавшій и уваженіе и раболѣпность во многихъ, какъ видѣлъ Вронскій; для Вронскаго же это былъ Масловъ Катька,—такое у него было прозвище въ Пажескомъ корпусѣ,—конфузившійся передъ нимъ и котораго Вронскій старался mettre à son aise. По лѣвую руку сидѣлъ Невѣдовскій со своимъ юнымъ, непоколебимымъ и ядовитымъ лицомъ. Съ нимъ Вронскій былъ простъ и уважителенъ.

Свіяжскій переносилъ свою неудачу весело. Это даже не была неудача для него, какъ онъ и самъ сказалъ, съ бокаломъ обращаясь къ Невѣдовскому: лучше нельзя было найдти представителя того новаго направленія, которому должно послѣдовать дворянство. И потому все честное, какъ онъ сказалъ, стояло на сторонѣ нынѣшняго успѣха и торжествовало его.

Степанъ Аркадьевичъ былъ тоже радъ, что весело провелъ время и что всѣ довольны. За прекраснымъ обѣдомъ перебирались эпизоды выборовъ. Свіяжскій комически передалъ слезливую рѣчь предводителя и замѣтилъ, обращаясь къ Невѣдовскому, что его превосходительству придется избрать другую, болѣе сложную, чѣмъ слезы, повѣрку суммъ. Другой шутливый дворянинъ разсказалъ, какъ вы-

писаны были лакеи въ чулкахъ для бала губернскаго предводителя и какъ теперь ихъ придется отослать назадъ, если новый губернскій предводитель не дастъ бала съ лакеями въ чулкахъ.

Безпрестанно во время обѣда, обращаясь къ Невѣдовскому, говорили: „нашъ губернскій предводитель“ и „ваше превосходительство“.

Это говорилось съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ молодую женщину называютъ „madame“ и по имени мужа. Невѣдовскій дѣлалъ видъ, что онъ не только равнодушенъ, но и презираетъ это званіе, но очевидно было, что онъ счастливъ и держитъ себя подъ уздцы, чтобы не выразить восторга, неподобающаго той новой, либеральной средѣ, въ которой всѣ находились.

За обѣдомъ было послано нѣсколько телеграммъ людямъ интересовавшимся ходомъ выборовъ. И Степанъ Аркадьевичъ, которому было очень весело, послалъ Дарьѣ Александровнѣ телеграмму такого содержанія: „Невѣдовскій выбранъ двадцатью шарами. Поздравляю. Передай“. Онъ продиктовалъ ее вслухъ, замѣтивъ: „надо ихъ порадовать“. Дарья же Александровна, получивъ депешу, только вздохнула о рублѣ за телеграмму и поняла, что дѣло было въ концѣ обѣда. Она знала, что Стива имѣетъ слабость въ концѣ обѣдовъ „faire jouer le télégraphe“.

Все было, вмѣстѣ съ отличнымъ обѣдомъ и винами не отъ русскихъ виноторговцевъ, а прямо заграничной разливки, очень благородно, просто и весело. Кружокъ людей въ двадцать человѣкъ былъ подобранъ Свіяжскимъ изъ единомышленныхъ, либеральныхъ, новыхъ дѣятелей и вмѣстѣ остроумныхъ и порядочныхъ. Пили тосты, тоже полушут-

ливые, и за новаго губернскаго предводителя, и за губернатора, и за директора банка, и за „любезнаго нашего хозяина“.

Вронскій былъ доволенъ. Онъ никакъ не ожидалъ такого милаго тона въ провинціи.

Въ концѣ обѣда стало еще веселѣе. Губернаторъ просилъ Вронскаго ѣхать въ концертъ въ пользу *братіи*, который устраивала его жена, желающая съ нимъ познакомиться.

— Тамъ будетъ балъ, и ты увидишь нашу красавицу. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно.

— Not in my line, — отвѣчалъ Вронскій, любившій это выраженіе, но улыбнулся и обѣщалъ пріѣхать.

Уже передъ выходомъ изъ-за стола, когда всѣ закурили, камердинеръ Вронскаго подошелъ къ нему съ письмомъ на подносѣ.

— Изъ Воздвиженскаго съ нарочнымъ,—сказалъ онъ съ значительнымъ выраженіемъ.

— Удивительно, какъ онъ похожъ на товарища прокурора Свентицкаго,—сказалъ одинъ изъ гостей по-французски про камердинера въ то время, какъ Вронскій, хмурясь, читалъ письмо.

Письмо было отъ Анны. Еще прежде, чѣмъ онъ прочелъ письмо, онъ уже зналъ его содержаніе. Предполагая, что выборы кончатся въ пять дней, онъ обѣщалъ вернуться въ пятницу. Нынче была суббота, и онъ зналъ, что содержаніемъ письма были упреки въ томъ, что онъ не вернулся во̀время. Письмо, которое онъ послалъ вчера вечеромъ, вѣроятно не дошло еще.

Содержаніе было то самое, какъ онъ ожидалъ, но форма

была неожиданная и особенно непріятная ему. „Ани очень больна, докторъ говоритъ, что можетъ быть воспаленіе. Я одна теряю голову. Княжна Варвара не помощница, а помѣха. Я ждала тебя третьяго дня, вчера, и теперь посылаю узнать—гдѣ ты и что̀. Я сама хотѣла ѣхать, но раздумала, зная, что это будетъ тебѣ непріятно. Дай отвѣтъ какой-нибудь, чтобъ я знала что̀ дѣлать“.

Ребенокъ боленъ, а она сама хотѣла ѣхать. Дочь больна, и этотъ враждебный тонъ.

Это невинное веселье выборовъ и та мрачная, тяжелая любовь, къ которой онъ долженъ былъ вернуться, поразили Вронскаго своею противоположностью. Но надо было ѣхать, и онъ, по первому поѣзду, въ ночь, уѣхалъ къ себѣ.

XXXII.

Передъ отъѣздомъ Вронскаго на выборы, обдумавъ то, что тѣ сцены, которыя повторялись между ними при каждомъ его отъѣздѣ, могутъ только охладить, а не привязать его, Анна рѣшилась сдѣлать надъ собой всѣ возможныя усилія, чтобы спокойно переносить разлуку съ нимъ. Но тотъ холодный, строгій взглядъ, которымъ онъ посмотрѣлъ на нее, когда пришелъ объявить о своемъ отъѣздѣ, оскорбилъ ее, и еще онъ не уѣхалъ, какъ спокойствіе ея уже было разрушено.

Въ одиночествѣ, потомъ передумывая этотъ взглядъ, который выражалъ право на свободу, она пришла, какъ и всегда, къ одному — къ сознанію своего униженія. „Онъ имѣетъ право ѣхать, когда и куда онъ хочетъ. Не только уѣхать, но оставить меня. Онъ имѣетъ всѣ права, я не имѣю никакихъ. Но, зная это, онъ не долженъ былъ этого

дѣлать. Однако, что же онъ сдѣлалъ?... Онъ посмотрѣлъ на меня съ холоднымъ, строгимъ выраженіемъ. Разумѣется, это неопредѣлимо, неосязаемо, но этого не было прежде, и этотъ взглядъ многое значитъ,—думала она.—Этотъ взглядъ показываетъ, что начинается охлажденіе".

И хотя она убѣдилась, что начинается охлажденіе, ей все-таки нечего было дѣлать, нельзя было ни въ чемъ измѣнить своихъ отношеній къ нему. Точно такъ же, какъ прежде, одною любовью и привлекательностью она могла удержать его. И такъ же, какъ прежде, занятіями днемъ и морфиномъ по ночамъ она могла заглушать страшныя мысли о томъ, что̀ будетъ, если онъ разлюбитъ ее. Правда, было еще одно средство: не удерживать его,—для этого она не хотѣла ничего другаго, кромѣ его любви,—но сблизиться съ нимъ, быть въ такомъ положеніи, чтобъ онъ не покидалъ ея. Это средство было разводъ и бракъ. И она стала желать этого и рѣшилась согласиться въ первый разъ, какъ онъ, или Стива заговорятъ ей объ этомъ.

Въ такихъ мысляхъ она провела безъ него пять дней, тѣ самые, которые онъ долженъ былъ находиться въ отсутствіи.

Прогулки, бесѣды съ княжной Варварой, посѣщенія больницы, а главное—чтеніе, чтеніе одной книги за другой, занимали ея время. Но на шестой день, когда кучеръ вернулся безъ него, она почувствовала, что уже не въ силахъ ничѣмъ заглушать мысль о немъ и о томъ, что̀ онъ тамъ дѣлаетъ. Въ это самое время дочь ея заболѣла. Анна взялась ходить за нею, но и это не развлекло ея, тѣмъ болѣе, что болѣзнь не была опасна. Какъ она ни старалась, она не могла любить эту дѣвочку, а притворяться въ любви

она не могла. Къ вечеру этого дня, оставшись одна, Анна почувствовала такой страхъ за него, что рѣшилась было ѣхать въ городъ, но, раздумавъ хорошенько, написала то противорѣчивое письмо, которое получилъ Вронскій, и, не перечтя его, послала съ нарочнымъ. На другое утро она получила его письмо и раскаялась въ своемъ. Она съ ужасомъ ожидала повторенія того строгаго взгляда, который онъ бросилъ на нее уѣзжая, особенно когда онъ узнаетъ, что дѣвочка не была опасно больна. Но все таки она была рада, что написала ему. Теперь Анна ужъ признавалась себѣ, что онъ тяготится ею, что онъ съ сожалѣніемъ бросаетъ свою свободу, чтобы вернуться къ ней, и, несмотря на то, она рада была, что онъ пріѣдетъ. Пускай онъ тяготится, но будетъ тутъ съ нею, чтобъ она видѣла его, знала каждое его движеніе.

Она сидѣла въ гостиной, подъ лампой, съ новою книгой Тэна и читала, прислушиваясь къ звукамъ вѣтра на дворѣ и ожидая каждую минуту пріѣзда экипажа. Нѣсколько разъ ей казалось, что она слышала звуки колесъ, но она ошибалась; наконецъ послышались не только звуки колесъ, но и покрикъ кучера и глухой звукъ въ крытомъ подъѣздѣ. Даже княжна Варвара, дѣлавшая пасьянсъ, подтвердила это, и Анна, вспыхнувъ, встала, но вмѣсто того, чтобъ идти внизъ, какъ она прежде два раза ходила, она остановилась. Ей вдругъ стало стыдно за свой обманъ, но болѣе всего страшно за то, какъ онъ приметъ ее. Чувство оскорбленія уже прошло; она только боялась выраженія его неудовольствія. Она вспомнила, что дочь уже второй день была совсѣмъ здорова. Ей даже досадно стало на нее за то, что она оправилась какъ разъ въ то время, какъ было послано

письмо. Потомъ она вспомнила его, что онъ тутъ, весь, со своими руками, глазами. Она услыхала его голосъ. И забывъ все, радостно побѣжала ему на встрѣчу.

— Ну, что Анн? — робко сказалъ онъ снизу, глядя на сбѣгавшую къ нему Анну.

Онъ сидѣлъ на стулѣ и лакей стаскивалъ съ него теплый сапогъ.

— Ничего, ей лучше.

— А ты?—сказалъ онъ, отряхиваясь.

Она взяла его обѣими руками за руку и потянула ее къ своей таліи, не спуская съ него глазъ.

— Ну, я очень радъ,—сказалъ онъ, холодно оглядывая ее, ея прическу, ея платье, которое онъ зналъ что она надѣла для него.

Все это нравилось ему, но уже столько разъ нравилось! И то строго-каменное выраженіе, котораго она такъ боялаль, остановилось на его лицѣ.

— Ну, я очень радъ. А ты здорова?—сказалъ онъ, отеревъ платкомъ мокрую бороду и цѣлуя ея руку.

„Все равно,—думала она,—только бы онъ былъ тутъ; а когда онъ тутъ, онъ не можетъ, не смѣетъ не любить меня“.

Вечеръ прошелъ счастливо и весело при княжнѣ Варрарѣ, которая жаловалась ему, что Анна безъ него принимала морфинъ.

— Что-жъ дѣлать? Я не могла спать... Мысли мѣшали. При немъ я никогда не принимаю. Почти никогда.

Онъ разсказалъ про выборы, и Анна умѣла вопросами вызвать его на то самое, что веселило его, на его успѣхъ. Она разсказала ему все, что интересовало его дома. И всѣ свѣдѣнія ея были самыя веселыя.

Но поздно вечеромъ, когда они остались одни, Анна, видя что она опять вполнѣ овладѣла имъ, захотѣла стереть то тяжелое впечатлѣніе взгляда за письмо. Она сказала:

— А признайся, тебѣ досадно было получить письмо, и ты не повѣрилъ мнѣ?

Только-что она сказала это, она поняла, что какъ ни любовно онъ былъ расположенъ къ ней, онъ этого не простилъ ей.

— Да,—сказалъ онъ.—Письмо было такое странное. То Ани больна, то ты сама хотѣла пріѣхать.

— Это все была правда.

— Да я и не сомнѣваюсь.

— Нѣтъ, ты сомнѣваешься. Ты не доволенъ, я вижу.

— Ни одной минуты. Я только недоволенъ, это правда, тѣмъ, что ты какъ будто не хочешь допустить, что есть обязанности...

— Обязанности ѣхать въ концертъ...

— Но не будемъ говорить,—сказалъ онъ.

— Почему же не говорить?—сказала она.

— Я только хочу сказать, что могутъ встрѣтиться дѣла необходимыя. Вотъ теперь мнѣ надо будетъ ѣхать въ Москву, по дѣлу дома... Ахъ, Анна, почему ты такъ раздражительна? Развѣ ты не знаешь, что я не могу безъ тебя жить?

— А если такъ, — сказала Анна вдругъ измѣнившимся голосомъ,—то ты тяготишься этою жизнью... Да, ты пріѣдешь на день и уѣдешь, какъ поступаютъ...

— Анна, это жестоко. Я всю жизнь готовъ отдать...

Но она не слушала его.

— Если ты поѣдешь въ Москву, то и я поѣду. Я не останусь здѣсь. Или мы должны разойтись, или жить вмѣстѣ.

— Вѣдь ты знаешь, что это одно мое желаніе. Но для этого...

— Надо разводъ? Я напишу ему. Я вижу, что я не могу такъ жить... Но я поѣду съ тобою въ Москву.

— Точно ты угрожаешь мнѣ. Да я ничего такъ не желаю, какъ не разлучаться съ тобой,—улыбаясь сказалъ Вронскій.

Но не только холодный,—злой взглядъ человѣка, преслѣдуемаго и ожесточеннаго, блеснулъ въ его глазахъ, когда онъ говорилъ эти нѣжныя слова.

Она видѣла этотъ взглядъ и вѣрно угадала его значеніе. „Если такъ, то это несчастіе!“ говорилъ этотъ его взглядъ. Это было минутное впечатлѣніе, но она никогда уже не забывала его.

Анна написала письмо мужу, прося его о разводѣ, и въ концѣ ноября, разставшись съ княжной Варварой, которой надо было ѣхать въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Вронскимъ переѣхала въ Москву. Ожидая каждый день отвѣта Алексѣя Александровича и вслѣдъ за тѣмъ развода, они поселились теперь супружески, вмѣстѣ.

АННА КАРЕНИНА

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Левины жили уже третій мѣсяцъ въ Москвѣ. Уже давно прошелъ тотъ срокъ, когда по самымъ вѣрнымъ расчетамъ людей, знающихъ эти дѣла, Кити должна была родить; а она все еще носила, и ни почему не было замѣтно, чтобы время было ближе теперь, чѣмъ два мѣсяца назадъ. И докторъ, и акушерка, и Долли, и мать, и въ особенности Левинъ, безъ ужаса не могшій подумать о приближавшемся, начинали испытывать нетерпѣніе и безпокойство; одна Кити чувствовала себя совершенно спокойною и счастливою.

Она теперь ясно сознавала зарожденіе въ себѣ новаго чувства любви къ будущему, отчасти для нея уже настоящему ребенку, и съ наслажденіемъ прислушивалась къ этому чувству. Онъ теперь уже не былъ вполнѣ частью ея, а иногда жилъ и своею, независимою отъ нея жизнью. Часто ей бывало больно отъ этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось смѣяться отъ странной новой радости.

Всѣ, кого она любила, были съ нею, и всѣ были такъ

добры къ ней, такъ ухаживали за нею, такъ одно пріятное во всемъ представлялось ей, что еслибъ она не знала и не чувствовала, что это должно скоро кончиться, она бы и не желала лучшей и пріятнѣйшей жизни. Одно, что̀ портило ей прелесть этой жизни, было, что мужъ ея былъ не тотъ, какимъ она любила его и какимъ онъ бывалъ въ деревнѣ.

Она любила его спокойный, ласковый и гостепріимный тонъ въ деревнѣ. Въ городѣ же онъ постоянно казался безпокоенъ и на-сторожѣ, какъ будто боясь, чтобы кто-нибудь не обидѣлъ его и главное—ее. Тамъ, въ деревнѣ, онъ, очевидно зная себя на своемъ мѣстѣ, никуда не спѣшилъ и никогда не бывалъ незанятъ. Здѣсь, въ городѣ, онъ постоянно торопился, какъ бы не пропустить чего-то, а дѣлать ему было нечего. И ей было жалко его. Для другихъ, она знала, онъ не представлялся жалкимъ; напротивъ, когда Кити въ обществѣ смотрѣла на него, какъ иногда смотрятъ на любимаго человѣка, стараясь видѣть его какъ будто чужаго, чтобъ опредѣлить себѣ то впечатлѣніе, которое онъ производитъ на другихъ, она видѣла, со страхомъ даже для своей ревности, что онъ не только не жалокъ, но очень привлекателенъ своею порядочностью, нѣсколько старомодною, застѣнчивою вѣжливостью съ женщинами, своею сильною фигурой и особеннымъ, какъ ей казалось, выразительнымъ лицомъ. Но она видѣла его не извнѣ, а изнутри; она видѣла, что онъ здѣсь не настоящій; иначе она не могла опредѣлить себѣ его состояніе. Иногда она въ душѣ упрекала его за то, что онъ не умѣетъ жить въ городѣ; иногда же сознавалась, что ему дѣйствительно трудно было устроить здѣсь свою жизнь такъ, чтобы быть ею довольнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что ему было дѣлать? Въ карты онъ не любилъ играть. Въ клубъ не ѣздилъ. Съ веселыми мужчинами, въ родѣ Облонскаго, водиться, она уже знала теперь, что̀ значило... это значило пить и ѣхать послѣ питья куда-то. Она безъ ужаса не могла подумать, куда въ такихъ случаяхъ ѣздили мужчины. Ѣздить въ свѣтъ? Но она знала, что для этого надо находить удовольствіе въ сближеніи съ женщинами молодыми, и она не могла желать этого. Сидѣть дома съ нею, съ матерью, съ сестрами? Но, какъ ни были ей пріятны и веселы одни и тѣ же разговоры, — „Алины-Надины", какъ называлъ эти разговоры между сестрами старый князь, — она знала, что ему должно быть это скучно. Что же ему оставалось дѣлать? Продолжать писать свою книгу? Онъ и попытался это дѣлать, и ходилъ сначала въ библіотеку заниматься выписками и справками для своей книги; но, какъ онъ говорилъ ей, чѣмъ больше онъ ничего не дѣлалъ, тѣмъ меньше у него оставалось времени. И кромѣ того, онъ жаловался ей, что слишкомъ много разговаривалъ здѣсь о своей книгѣ и что потому всѣ мысли о ней спутались у него и потеряли интересъ.

Одна выгода этой городской жизни была та, что ссоръ здѣсь въ городѣ между ними никогда не было. Оттого ли, что условія городскія другія, или оттого, что они оба стали осторожнѣе и благоразумнѣе въ этомъ отношеніи, въ Москвѣ у нихъ не было ссоръ изъ-за ревности, которыхъ они такъ боялись, переѣзжая въ городъ.

Въ этомъ отношеніи случилось даже одно, очень важное для нихъ обоихъ событіе—именно встрѣча Кити съ Вронскимъ.

добры къ ней, такъ ухаживали за нею, такъ одно пріятное во всемъ представлялось ей, что еслибъ она не знала и не чувствовала, что это должно скоро кончиться, она бы и не желала лучшей и пріятнѣйшей жизни. Одно, что̀ портило ей прелесть этой жизни, было, что мужъ ея былъ не тотъ, какимъ она любила его и какимъ онъ бывалъ въ деревнѣ.

Она любила его спокойный, ласковый и гостепріимный тонъ въ деревнѣ. Въ городѣ же онъ постоянно казался безпокоенъ и на-сторо̀жѣ, какъ будто боясь, чтобы кто-нибудь не обидѣлъ его и главное—ее. Тамъ, въ деревнѣ, онъ, очевидно зная себя на своемъ мѣстѣ, никуда не спѣшилъ и никогда не бывалъ незанятъ. Здѣсь, въ городѣ, онъ постоянно торопился, какъ бы не пропустить чего-то, а дѣлать ему было нечего. И ей было жалко его. Для другихъ, она знала, онъ не представлялся жалкимъ; напротивъ, когда Кити въ обществѣ смотрѣла на него, какъ иногда смотрятъ на любимаго человѣка, стараясь видѣть его какъ будто чужаго, чтобъ опредѣлить себѣ то впечатлѣніе, которое онъ производитъ на другихъ, она видѣла, со страхомъ даже для своей ревности, что онъ не только не жалокъ, но очень привлекателенъ своею порядочностью, нѣсколько старомодною, застѣнчивою вѣжливостью съ женщинами, своею сильною фигурой и особеннымъ, какъ ей казалось, выразительнымъ лицомъ. Но она видѣла его не извнѣ, а изнутри; она видѣла, что онъ здѣсь не настоящій; иначе она не могла опредѣлить себѣ его состояніе. Иногда она въ душѣ упрекала его за то, что онъ не умѣетъ жить въ городѣ; иногда же сознавалась, что ему дѣйствительно трудно было устроить здѣсь свою жизнь такъ, чтобы быть ею довольнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что ему было дѣлать? Въ карты онъ не любилъ играть. Въ клубъ не ѣздилъ. Съ веселыми мужчинами, въ родѣ Облонскаго, водиться, она уже знала теперь, что̀ значило... это значило пить и ѣхать послѣ питья куда-то. Она безъ ужаса не могла подумать, куда въ такихъ случаяхъ ѣздили мужчины. Ѣздить въ свѣтъ? Но она знала, что для этого надо находить удовольствіе въ сближеніи съ женщинами молодыми, и она не могла желать этого. Сидѣть дома съ нею, съ матерью, съ сестрами? Но, какъ ни были ей пріятны и веселы одни и тѣ же разговоры, — „Алины-Надины“, какъ называлъ эти разговоры между сестрами старый князь, — она знала, что ему должно быть это скучно. Что же ему оставалось дѣлать? Продолжать писать свою книгу? Онъ и попытался это дѣлать, и ходилъ сначала въ библіотеку заниматься выписками и справками для своей книги; но, какъ онъ говорилъ ей, чѣмъ больше онъ ничего не дѣлалъ, тѣмъ меньше у него оставалось времени. И кромѣ того, онъ жаловался ей, что слишкомъ много разговаривалъ здѣсь о своей книгѣ и что потому всѣ мысли о ней спутались у него и потеряли интересъ.

Одна выгода этой городской жизни была та, что ссоръ здѣсь въ городѣ между ними никогда не было. Оттого ли, что условія городскія другія, или оттого, что они оба стали осторожнѣе и благоразумнѣе въ этомъ отношеніи, въ Москвѣ у нихъ не было ссоръ изъ-за ревности, которыхъ они такъ боялись, переѣзжая въ городъ.

Въ этомъ отношеніи случилось даже одно, очень важное для нихъ обоихъ событіе—именно встрѣча Кити съ Вронскимъ.

Старуха княгиня, Марья Борисовна, крестная мать Кити, всегда очень ее любившая, пожелала непремѣнно видѣть ее. Кити, никуда по своему положенію не ѣздившая, поѣхала съ отцомъ къ почтенной старухѣ и встрѣтила тамъ Вронскаго.

Кити при этой встрѣчѣ могла упрекнуть себя только въ томъ, что на мгновеніе, когда она узнала въ штатскомъ платьѣ столь знакомыя ей когда то черты, у ней прервалось дыханіе, кровь прилила къ сердцу и яркая краска, она чувствовала это, выступила на лицо. Но это продолжалось лишь нѣсколько секундъ. Еще отецъ, нарочно громко заговорившій съ Вронскимъ, не кончилъ своего разговора, какъ она была уже вполнѣ готова смотрѣть на Вронскаго, говорить съ нимъ, если нужно, точно такъ же, какъ она говорила съ княгиней Марьей Борисовной, и главное—такъ, чтобы все до послѣдней интонаціи и улыбки было одобрено мужемъ, котораго невидимое присутствіе она какъ будто чувствовала надъ собой въ эту минуту.

Она сказала съ нимъ нѣсколько словъ, даже спокойно улыбнулась на его шутку о выборахъ, которые онъ назвалъ „нашъ парламентъ". (Надо было улыбнуться, чтобы показать, что она поняла шутку.) Но тотчасъ же она отвернулась къ княгинѣ Марьѣ Борисовнѣ и ни разу не взглянула на него, пока онъ не всталъ, прощаясь; тутъ она посмотрѣла на него, но очевидно только потому, что неучтиво не смотрѣть на человѣка, когда онъ кланяется.

Она благодарна была отцу за то, что онъ ничего не сказалъ ей о встрѣчѣ съ Вронскимъ; но она видѣла по особенной нѣжности его послѣ визита, во время обычной прогулки, что онъ былъ доволенъ ею. Она сама была довольна

собою. Она никакъ не ожидала, чтобъ у нея нашлась эта сила задержать гдѣ то въ глубинѣ души всѣ воспоминанія прежняго чувства къ Вронскому, и не только казаться, но и быть къ нему вполнѣ равнодушною и спокойною.

Левинъ покраснѣлъ гораздо больше ея, когда она сказала ему, что встрѣтила Вронскаго у княгини Марьи Борисовны. Ей очень трудно было сказать это ему, но еще труднѣе было продолжать говорить о подробностяхъ встрѣчи, такъ какъ онъ не спрашивалъ ея, а только нахмурившись смотрѣлъ на нее.

— Мнѣ очень жаль, что тебя не было,—сказала она.— Не то, что тебя не было въ комнатѣ... я бы не была такъ естественна при тебѣ,—я теперь краснѣю гораздо больше, гораздо, гораздо больше,—говорила она, краснѣя до слезъ,— но что ты не могъ видѣть въ щелку.

Правдивые глаза сказали Левину, что она была довольна собою, и онъ, несмотря на то, что она краснѣла, тотчасъ же успокоился и сталъ расправшивать ее, чего только она и хотѣла. Когда онъ узналъ все, даже до той подробности, что она только въ первую секунду не могла не покраснѣть, то, что потомъ ей было такъ же просто и легко, какъ съ первымъ встрѣчнымъ, Левинъ совершенно повеселѣлъ и сказалъ, что онъ очень радъ этому, и теперь уже не поступитъ такъ глупо, какъ на выборахъ, а постарается при первой встрѣчѣ съ Вронскимъ быть какъ можно дружелюбнѣе.

— Такъ мучительно думать, что есть человѣкъ почти врагъ, съ которымъ тяжело встрѣчаться,—сказалъ Левинъ.— Я очень, очень радъ.

II.

— Такъ заѣзжай, пожалуйста, къ Болямъ,—сказала Кити мужу, когда онъ въ одиннадцать часовъ, передъ тѣмъ, какъ уѣхать изъ дома, зашелъ къ ней.—Я знаю, что ты обѣдаещь въ клубѣ, папа тебя записалъ. А утро что ты дѣлаешь?

— Я къ Катавасову только,—отвѣчалъ Левинъ.

— Что же такъ рано?

— Онъ обѣщалъ меня познакомить съ Метровымъ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о моей работѣ, это извѣстный ученый петербургскій,—сказалъ Левинъ.

— Да, это его статью ты такъ хвалилъ? Ну, а потомъ?—сказала Кити.

— Еще въ судъ можетъ-быть заѣду, по дѣлу сестры.

— А въ концертъ?—спросила она.

— Да что я поѣду одинъ!

— Нѣтъ, поѣзжай; тамъ даютъ эти новыя вещи... Это тебя такъ интересовало. Я бы непремѣнно поѣхала.

— Ну, во всякомъ случаѣ я заѣду домой передъ обѣдомъ,—сказалъ онъ, глядя на часы.

— Надѣнь же сюртукъ, чтобы прямо заѣхать къ графинѣ Боль.

— Да развѣ это непремѣнно нужно?

— Ахъ, непремѣнно! Онъ былъ у насъ. Ну что тебѣ стòитъ? Заѣдешь, сядешь, поговоришь пять минутъ о погодѣ, встанешь и уѣдешь.

— Ну, ты не повѣришь, я такъ отъ этого отвыкъ, что это-то мнѣ и совѣстно. Какъ это? Пришелъ чужой человѣкъ, сѣлъ, посидѣлъ безъ всякаго дѣла, имъ помѣшалъ, себя разстроилъ и ушелъ.

Китя засмѣялась.

— Да вѣдь ты дѣлалъ визиты холостымъ?—сказала она.

— Дѣлалъ, но всегда бывало совѣстно, а теперь такъ отвыкъ, что, ей-Богу, лучше два дня не обѣдать вмѣсто этого визита. Такъ совѣстно! Мнѣ все кажется, что они обидятся, скажутъ: зачѣмъ это ты приходилъ безъ дѣла?

— Нѣтъ, не обидятся. Ужъ я за это тебѣ отвѣчаю,—сказала Кити, со смѣхомъ глядя на его лицо. Она взяла его за руку.—Ну, прощай... Поѣзжай пожалуйста!

Онъ уже хотѣлъ уходить, поцѣловавъ руку жены, когда она остановила его.

— Костя, ты знаешь, что у меня ужъ остается только пятьдесятъ рублей?

— Ну что-жъ, я заѣду, возьму изъ банка. Сколько?—сказалъ онъ съ знакомымъ ей выраженіемъ неудовольствія.

— Нѣтъ, ты постой.—Она удержала его за руку.—Поговоримъ, меня это безпокоитъ. Я, кажется, ничего лишняго не плачу́, а деньги такъ и плывутъ. Что-нибудь мы не такъ дѣлаемъ.

— Нисколько,—сказалъ онъ, откашливаясь и глядя на нее изъ подлобья.

Это откашливаніе она знала. Это былъ признакъ его сильнаго недовольства—не на нее, а на самого себя. Онъ дѣйствительно былъ недоволенъ, но не тѣмъ, что денегъ вышло много, а что ему напоминаютъ то, о чемъ онъ, зная, что въ этомъ что-то неладно, желаетъ забыть.

— Я велѣлъ Соколову продать пшеницу и за мельницу взять впередъ. Деньги будутъ во всякомъ случаѣ.

— Нѣтъ, но я боюсь, что вообще много...

скимъ условіямъ, затрудненіе, которое въ деревнѣ потребовало бы столько личнаго труда и вниманія, Левинъ вышелъ на крыльцо и, кликнувъ извощика, сѣлъ и поѣхалъ на Никитскую. Дорогой онъ уже не думалъ о деньгахъ, а размышлялъ о томъ, какъ онъ познакомится съ петербургскимъ ученымъ, занимающимся соціологіей, и будетъ говорить съ нимъ о своей книгѣ.

Только въ самое первое время въ Москвѣ, тѣ странные деревенскому жителю, непроизводительные, но неизбѣжные расходы, которые потребовались отъ него со всѣхъ сторонъ, поражали Левина. Но теперь онъ уже привыкъ къ нимъ. Съ нимъ случилось въ этомъ отношеніи то, что̀, говорятъ, случается съ пьяницами: первая рюмка—коло̀мъ, вторая соколо̀мъ, а послѣ третьей—мелкими пташечками. Когда Левинъ размѣнялъ первую сторублевую бумажку на покупку ливрей лакею и швейцару, онъ невольно сообразилъ, что эти никому ненужныя ливреи,—но неизбѣжно необходимыя, судя по тому, какъ удивились княгиня и Кити при намекѣ, что безъ ливреи можно обойтись,—что эти ливреи будутъ стоить двухъ лѣтнихъ работниковъ, то-есть около трехсотъ рабочихъ дней отъ Святой до заговенья, и каждый день тяжкой работы съ ранняго утра до поздняго вечера,—и эта сторублевая бумажка еще шла коло̀мъ. Но слѣдующая, размѣненная на покупку провизіи къ обѣду для родныхъ, стоившей двадцать восемь рублей, хотя и вызвала въ Левинѣ воспоминаніе о томъ, что двадцать восемь рублей—это девять четвертей овса, который, потѣя и кряхтя, косили, вязали, молотили, вѣяли, подсѣвали и насыпали,—эта слѣдующая пошла все-таки легче. А теперь размѣниваемыя бумажки уже давно не вызывали такихъ сообра-

женій и летѣли мелкими пташечками. Соотвѣтствуетъ ли трудъ, положенный на пріобрѣтеніе денегъ, тому удовольствію, которое доставляетъ покупаемое на нихъ, это соображеніе ужъ давно было потеряно. Расчетъ хозяйственный о томъ, что есть извѣстная цѣна, ниже которой нельзя продать извѣстный хлѣбъ, тоже былъ забытъ. Рожь, цѣну на которую онъ такъ долго выдерживалъ, была продана пятьюдесятью копѣйками на четверть дешевле, чѣмъ за нее давали мѣсяцъ тому назадъ. Даже и расчетъ, что при такихъ расходахъ невозможно будетъ прожить весь годъ безъ долга, и этотъ расчетъ уже не имѣлъ никакого значенія. Только одно требовалось: имѣть деньги въ банкѣ, не спрашивая откуда онѣ, такъ чтобы знать всегда, на что̀ завтра купить говядины. И этотъ расчетъ до сихъ поръ у него соблюдался: у него всегда были деньги въ банкѣ. Но теперь деньги въ банкѣ вышли, и онъ не зналъ хорошенько, откуда взять ихъ. И это-то на минуту, когда Кити напомнила о деньгахъ, разстроило его; но ему некогда было думать объ этомъ. Онъ ѣхалъ, размышляя о Катавасовѣ и предстоящемъ знакомствѣ съ Метровымъ.

III.

Левинъ въ этотъ свой пріѣздъ сошелся опять близко съ бывшимъ товарищемъ по университету, профессоромъ Катавасовымъ, съ которымъ онъ не видался со времени своей женитьбы. Катавасовъ былъ ему пріятенъ ясностью и простотой своего міросозерцанія. Левинъ думалъ, что ясность міросозерцанія Катавасова вытекала изъ бѣдности его натуры, Катавасовъ же думалъ, что непослѣдовательность мысли Левина вытекала изъ недостатка дисциплины его

ума; но ясность Катавасова была пріятна Левину, и обиліе недисциплинированныхъ мыслей Левина было пріятно Катавасову, и они любили встрѣчаться и спорить.

Левинъ читалъ Катавасову нѣкоторыя мѣста изъ своего сочиненія, и они понравились ему. Вчера, встрѣтивъ Левина на публичной лекціи, Катавасовъ сказалъ ему, что извѣстный Метровъ, котораго статья такъ понравилась Левину, находится въ Москвѣ и очень заинтересованъ тѣмъ, что ему сказалъ Катавасовъ о работѣ Левина, и что Метровъ будетъ у него завтра, въ одиннадцать часовъ, и очень радъ познакомиться съ нимъ.

— Рѣшительно исправляетесь, батюшка, пріятно видѣть,—сказалъ Катавасовъ, встрѣчая Левина въ маленькой гостиной.—Я слышу звонокъ и думаю: не можетъ быть, чтобы вовремя... Ну что, каковы черногорцы? По породѣ воины.

— А что?—спросилъ Левинъ.

Катавасовъ въ короткихъ словахъ передалъ ему послѣднее извѣстіе и, войдя въ кабинетъ, познакомилъ Левина съ н высокимъ, плотнымъ, очень пріятной наружности человѣкомъ. Это былъ Метровъ. Разговоръ остановился на короткое время на политикѣ и на томъ, какъ смотрятъ въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ на послѣднія событія. Метровъ передалъ извѣстныя ему изъ вѣрнаго источника слова, будто бы сказанныя по этому случаю государемъ и однимъ изъ министровъ. Катавасовъ же слышалъ, тоже за вѣрное, что государь сказалъ совсѣмъ другое. Левинъ постарался придумать такое положеніе, въ которомъ и тѣ и другія слова могли быть сказаны, и разговоръ на эту тему прекратился.

— Да, вотъ написалъ почти книгу объ естественныхъ

условіяхъ рабочаго въ отношеніи къ землѣ,—сказалъ Катавасовъ.—Я не спеціалистъ, но мнѣ понравилось, какъ естественнику, то, что онъ не беретъ человѣчества, какъ чего-то внѣ зоологическихъ законовъ, а напротивъ, видитъ зависимость его отъ среды и въ этой зависимости отыскиваетъ законы развитія.

— Это очень интересно,—сказалъ Метровъ.

— Я собственно началъ писать сельско-хозяйственную книгу, но невольно, занявшись главнымъ орудіемъ сельскаго хозяйства, рабочимъ, — сказалъ Левинъ, краснѣя, — пришелъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ.

И Левинъ сталъ осторожно, какъ бы ощупывая почву, излагать свой взглядъ. Онъ зналъ, что Метровъ написалъ статью противъ общепринятаго политико-экономическаго ученія, но до какой степени онъ могъ надѣяться на сочувствіе въ немъ къ своимъ новымъ взглядамъ, онъ не зналъ и не могъ догадаться по умному и спокойному лицу ученаго.

— Но въ чемъ же вы видите особенныя свойства русскаго рабочаго?—сказалъ Метровъ,—въ зоологическихъ, такъ сказать, его свойствахъ, или въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится?

Левинъ видѣлъ, что въ вопросѣ этомъ уже высказывалась мысль, съ которою онъ былъ несогласенъ; но онъ продолжалъ излагать свою мысль, состоящую въ томъ, что русскій рабочій имѣетъ совершенно особенный отъ другихъ народовъ взглядъ на землю. И чтобы доказать это положеніе, онъ поторопился прибавить, что, по его мнѣнію, этотъ взглядъ русскаго народа вытекаетъ изъ сознанія имъ своего призванія заселить огромныя незанятыя пространства на востокѣ.

— Легко быть введену въ заблужденіе, дѣлая заключеніе объ общемъ призваніи народа,—сказалъ Метровъ, перебивая Левина. — Состояніе рабочаго всегда будетъ зависѣть отъ его отношенія къ землѣ и капиталу.

И, уже не давая Левину досказать свою мысль, Метровъ началъ излагать ему особенность своего ученія.

Въ чемъ состояла особенность его ученія, Левинъ не понялъ, потому что и не трудился понимать: онъ видѣлъ, что Метровъ, также какъ и другіе, несмотря на свою статью, въ которой онъ опровергалъ ученіе экономистовъ, смотрѣлъ все-таки на положеніе русскаго рабочаго только съ точки зрѣнія капитала, заработной платы и ренты. Хотя онъ и долженъ былъ признать, что въ восточной, самой большой части Россіи рента—еще нуль, что заработная плата выражается для девяти десятыхъ восьмидесяти-милліоннаго русскаго населенія только пропитаніемъ самихъ себя и что капиталъ еще не существуетъ иначе, какъ въ видѣ самыхъ первобытныхъ орудій; но онъ только съ этой точки зрѣнія разсматривалъ всякаго рабочаго, хотя во многомъ и не соглашался съ экономистами, и имѣлъ свою новую теорію о заработной платѣ, которую онъ изложилъ Левину.

Левинъ слушалъ неохотно и сначала возражалъ. Ему хотѣлось перебить Метрова, чтобы сказать свою мысль, которая, по его мнѣнію, должна была сдѣлать излишнимъ дальнѣйшее изложеніе. Но потомъ, убѣдившись, что они до такой степени различно смотрятъ на дѣло, что никогда не поймутъ другъ друга, онъ уже и не противорѣчилъ, а только слушалъ. Несмотря на то, что ему теперь ужъ вовсе не было интересно то, что̀ говорилъ Метровъ, онъ испытывалъ однако нѣкоторое удовольствіе, слушая его. Самолюбіе его

было польщено тѣмъ, что такой ученый человѣкъ такъ охотно, съ такимъ вниманіемъ и довѣріемъ къ знанію предмета Левинымъ, иногда однимъ намекомъ указывая на цѣлую сторону дѣла, высказывалъ ему свои мысли. Онъ приписывалъ это своему достоинству, не зная того, что Метровъ, переговоривъ со всѣми своими близкими, особенно охотно говорилъ объ этомъ предметѣ съ каждымъ новымъ человѣкомъ, да и вообще охотно говорилъ со всѣми о занимавшемъ его, неясномъ еще ему самому, предметѣ.

— Однако мы опоздаемъ,—сказалъ Катавасовъ, взглянувъ на часы, какъ только Метровъ кончилъ свое изложеніе.

— Да, нынче засѣданіе въ обществѣ любителей въ память пятидесятилѣтняго юбилея Свинтича,—сказалъ Катавасовъ на вопросъ Левина. — Мы собирались съ Петромъ Ивановичемъ. Я обѣщалъ прочесть объ его трудахъ по зоологіи. Поѣдемъ съ нами,—очень интересно.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ пора,—сказалъ Метровъ.—Поѣдемте съ нами, а оттуда, если угодно, ко мнѣ. Я бы очень желалъ послушать вашъ трудъ.

— Нѣтъ, что-жъ. Это такъ еще, не кончено. Но въ засѣданіе я очень радъ.

— Что-жъ, батюшка, слышали? Подалъ отдѣльное мнѣніе,— сказалъ Катавасовъ, въ другой комнатѣ надѣвавшій фракъ.

И начался разговоръ объ университетскомъ вопросѣ.

Университетскій вопросъ былъ очень важнымъ событіемъ въ эту зиму въ Москвѣ. Три старые профессора въ совѣтѣ не приняли мнѣнія молодыхъ; молодые подали отдѣльное мнѣніе. Мнѣніе это, по сужденію однихъ, было ужасное, по сужденію другихъ—было самое простое и справедливое мнѣніе, и профессора раздѣлились на двѣ партіи.

Одни, къ которымъ принадлежалъ Катавасовъ, видѣли въ противной сторонѣ подлый доносъ и обманъ, другіе— мальчишество и неуваженіе къ авторитетамъ. Левинъ, хотя и не принадлежавшій къ университету, нѣсколько разъ, уже въ свою бытность въ Москвѣ, слышалъ и говорилъ объ этомъ дѣлѣ и имѣлъ свое составленное на этотъ счетъ мнѣніе; онъ принялъ участіе въ разговорѣ, продолжавшемся и на улицѣ, пока всѣ трое дошли до зданія стараго университета.

Засѣданіе уже началось. У стола, покрытаго сукномъ, за который сѣли Катавасовъ и Метровъ, сидѣло шесть человѣкъ, и одинъ изъ нихъ, близко пригибаясь къ рукописи, читалъ что-то. Левинъ сѣлъ на одинъ изъ пустыхъ стульевъ, стоявшихъ вокругъ стола, и шепотомъ спросилъ у сидѣвшаго тутъ студента, что̀ читаютъ. Студентъ, недовольно оглядѣвъ Левина, сказалъ:

— Біографія.

Хотя Левинъ и не интересовался біографіей ученаго, но невольно слушалъ и узналъ кое-что интереснаго и новаго о жизни знаменитаго ученаго.

Когда чтецъ кончилъ, предсѣдатель поблагодарилъ его и прочелъ присланные ему стихи поэта Мента на этотъ юбилей и нѣсколько словъ въ благодарность стихотворцу. Потомъ Катавасовъ своимъ громкимъ, крикливымъ голосомъ прочелъ свою записку объ ученыхъ трудахъ юбиляра.

Когда Катавасовъ кончилъ, Левинъ посмотрѣлъ на часы, увидалъ, что уже второй часъ, и подумалъ, что онъ не успѣетъ до концерта прочесть Метрову свое сочиненіе, да теперь ему ужъ и не хотѣлось этого. Онъ во время чтенія думалъ тоже о бывшемъ разговорѣ. Ему теперь ясно было, что хотя мысли Метрова можетъ-быть и имѣютъ зна-

ченіе, но и его мысли также имѣютъ значеніе; мысли эти могутъ уясниться и привести къ чему-нибудь, только когда каждый будетъ отдѣльно работать на избранномъ пути, а изъ сообщенія этихъ мыслей ничего выдти не можетъ. И, рѣшившись отказаться отъ приглашенія Метрова, Левинъ въ концѣ засѣданія подошелъ къ нему. Метровъ познакомилъ Левина съ предсѣдателемъ, съ которымъ онъ говорилъ о политической новости. При этомъ Метровъ разсказалъ предсѣдателю то же, что онъ разсказывалъ Левину, а Левинъ сдѣлалъ тѣ же замѣчанія, которыя онъ уже дѣлалъ нынче утромъ, но для разнообразія высказалъ и свое новое мнѣніе, которое тутъ же пришло ему въ голову. Послѣ этого начался разговоръ опять объ университетскомъ вопросѣ. Такъ какъ Левинъ уже все это слышалъ, онъ поторопился сказать Метрову, что сожалѣетъ, что не можетъ воспользоваться его приглашеніемъ, раскланялся и поѣхалъ ко Львову.

IV.

Львовъ, женатый на Натали, сестрѣ Кити, всю свою жизнь провелъ въ столицахъ и за границей, гдѣ онъ и воспитывался, и служилъ дипломатомъ.

Въ прошломъ году онъ оставилъ дипломатическую службу, не по непріятности (у него никогда ни съ кѣмъ не бывало непріятностей), и перешелъ на службу въ дворцовое вѣдомство въ Москву для того, чтобы дать наилучшее воспитаніе своимъ двумъ мальчикамъ.

Несмотря на самую рѣзкую противоположность въ привычкахъ и во взглядахъ и на то, что Львовъ былъ старше Левина, они въ эту зиму очень сошлись и полюбили другъ друга.

Львовъ былъ дома, и Левинъ безъ доклада вошелъ къ нему.

Львовъ въ домашнемъ сюртукѣ съ поясомъ, въ замшевыхъ ботинкахъ сидѣлъ на креслѣ, и въ pince-nez съ синими стеклами читалъ книгу, стоявшую на пюпитрѣ, осторожно на отлетѣ держа красивою рукой до половины испепелившуюся сигару.

Прекрасное, тонкое и молодое еще лицо его, которому курчавые, блестящіе серебряные волосы придавали еще болѣе породистое выраженіе, просіяло улыбкой, когда онъ увидѣлъ Левина.

— Отлично! А я хотѣлъ къ вамъ посылать. Ну, что Кити? Садитесь сюда, спокойнѣе...—Онъ всталъ и подвинулъ качалку. — Читали послѣдній циркуляръ въ *Journal de St.-Pétersbourg*? Я нахожу прекрасно,—сказалъ онъ съ нѣсколько французскимъ акцентомъ.

Левинъ разсказалъ слышанное отъ Катавасова о томъ, что говорятъ въ Петербургѣ, и, поговоривъ о политикѣ, разсказалъ про свое знакомство съ Метровымъ и поѣздку въ засѣданіе. Львова это очень заинтересовало.

— Вотъ, я завидую вамъ, что у васъ есть входы въ этотъ интересный ученый міръ,—сказалъ онъ. И, разговорившись, какъ обыкновенно, тотчасъ же перешелъ на болѣе удобный ему французскій языкъ.—Правда, что мнѣ и некогда. Моя служба и занятія дѣтьми лишаютъ меня этого; а потомъ я не стыжусь сказать, что мое образованіе слишкомъ недостаточно.

— Этого я не думаю, — сказалъ Левинъ съ улыбкой и, какъ всегда, умиляясь на его низкое мнѣніе о себѣ, отнюдь не напущенное на себя изъ желанія казаться или даже быть скромнымъ, но совершенно искреннее.

— Ахъ, какъ же! Я теперь чувствую, какъ я мало образованъ. Мнѣ для воспитанія дѣтей даже нужно много освѣжить въ памяти и просто выучиться. Потому что мало того, чтобы были учителя, нужно, чтобы былъ наблюдатель, какъ въ вашемъ хозяйствѣ нужны работники и надсмотрщикъ. Вотъ я читаю, — онъ показалъ на грамматику Буслаева, лежавшую на пюпитрѣ,—требуютъ отъ Миши, и это такъ трудно... Ну, вотъ объясните мнѣ. Здѣсь онъ говоритъ...

Левинъ хотѣлъ объяснить ему, что понять этого нельзя, а надо учить; но Львовъ не соглашался съ нимъ.

— Да, вотъ вы надъ этимъ смѣетесь!

— Напротивъ, вы не можете себѣ представить, какъ, глядя на васъ, я всегда учусь тому, что̀ мнѣ предстоитъ, именно воспитанію дѣтей.

— Ну, ужъ учиться-то нечему,—сказалъ Львовъ.

— Я только знаю,—сказалъ Левинъ,—что я не видалъ лучше воспитанныхъ дѣтей, чѣмъ ваши, и не желалъ бы дѣтей лучше вашихъ.

Львовъ видимо хотѣлъ удержаться, чтобы не выказать своей радости, но такъ и просіялъ улыбкой.

— Только бы были лучше меня. Вотъ все, чего я желаю. Вы не знаете еще всего труда,—началъ онъ,—съ мальчиками, которые, какъ мои, были запущены этою жизнью за границей.

— Это все нагоните. Они такія способныя дѣти. Главное — нравственное воспитаніе. Вотъ чему я учусь, глядя на вашихъ дѣтей.

— Вы говорите, нравственное воспитаніе. Нельзя себѣ представить, какъ это трудно! Только-что вы побороли одну

сторону, другія выростаютъ, и опять борьба. Если не имѣть опоры въ религіи,—помните, мы съ вами говорили,—то никакой отецъ одпѣми своими силами безъ этой помощи не могъ бы воспитывать.

Интересовавшій всегда Левина разговоръ этотъ былъ прерванъ вошедшею, одѣтою уже для выѣзда, красавицей Натальей Александровной.

— А я не знала, что вы здѣсь,—сказала она, очевидно не только не сожалѣя, но даже радуясь, что перебила этотъ, давно извѣстный ей и наскучившій, разговоръ.

— Ну, что Кити? Я обѣдаю у васъ нынче. Вотъ что, Арсеній,—обратилась она къ мужу,—ты возьмешь карету...

И между мужемъ и женой началось сужденіе, какъ они проведутъ день. Такъ какъ мужу надо было ѣхать встрѣчать кого-то по службѣ, а женѣ въ концертъ и публичное засѣданіе юго-восточнаго комитета, то надо было много рѣшить и обдумать. Левинъ, какъ свой человѣкъ, долженъ былъ принимать участіе въ этихъ планахъ. Рѣшено было, что Левинъ поѣдетъ съ Натали въ концертъ и на публичное засѣданіе, а оттуда карету пришлютъ въ контору за Арсеніемъ, и онъ заѣдетъ за ней и свезетъ ее къ Кити; или же, если онъ не кончитъ дѣлъ, то пришлетъ карету и Левинъ поѣдетъ съ нею.

— Вотъ онъ меня портитъ,—сказалъ Львовъ женѣ,—увѣряетъ меня, что наши дѣти прекрасныя, когда я знаю, что въ нихъ столько дурнаго.

— Арсеній доходитъ до крайности, я всегда говорю,—сказала жена. — Если искать совершенства, то никогда не будешь доволенъ. И правду говоритъ папа, что когда насъ воспитывали, была одна крайность — насъ держали въ ан-

тресоляхъ, а родители жили въ бель-этажѣ; теперь напротивъ: родителей—въ чуланъ, а дѣтей—въ бель-этажъ. Родители ужъ теперь не должны жить, а все для дѣтей.

— Что-жъ, если это пріятнѣе?—сказалъ Львовъ, улыбаясь своей красивой улыбкой и дотрогиваясь до ея руки.—Кто тебя не знаетъ, подумаетъ, что ты не мать, а мачиха.

— Нѣтъ, крайность ни въ чемъ не хороша,—спокойно сказала Натали, укладывая его разрѣзной ножикъ на столъ въ опредѣленное мѣсто.

— Ну вотъ подите сюда, совершенныя дѣти, — сказалъ Львовъ входившимъ красавцамъ-мальчикамъ, которые, поклонившись Левину, подошли къ отцу, очевидно желая о чемъ-то спросить его.

Левину хотѣлось поговорить съ ними, послушать, что они скажутъ отцу, но Натали заговорила съ нимъ, и тутъ же вошелъ въ комнату товарищъ Львова по службѣ, Махотинъ, въ придворномъ мундирѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ встрѣчать кого-то, и начался ужъ неумолкаемый разговоръ о Герцеговинѣ, о княжнѣ Корзинской, о думѣ и скоропостижной смерти Апраксиной.

Левинъ и забылъ про данное ему порученіе. Онъ вспомнилъ уже выходя въ переднюю.

— Ахъ, Кити мнѣ поручила что-то переговорить съ вами объ Облонскомъ,—сказалъ онъ, когда Львовъ остановился на лѣстницѣ, провожая жену и его.

— Да, да, maman хочетъ, чтобы мы, les beaux-frères, напали на него,—сказалъ онъ, краснѣя.—И потомъ, почему же я?

— Такъ я же нападу на него,—улыбаясь, сказала Львова, дожидавшаяся конца разговора въ своей бѣлой собачьей ротондѣ.—Ну поѣдемте.

V.

Въ утреннемъ концертѣ давались двѣ очень интересныя вещи.

Одна была фантазія *Король Лиръ въ степи*, другая былъ квартетъ, посвященный памяти Баха. Обѣ вещи были новыя и въ новомъ духѣ, и Левину хотѣлось составить о нихъ свое мнѣніе. Проводивъ свояченицу къ ея креслу, онъ сталъ у колонны и рѣшился какъ можно внимательнѣе и добросовѣстнѣе слушать. Онъ старался не развлекаться и не портить себѣ впечатлѣнія, глядя на маханіе руками бѣлогалстучнаго капельмейстера, всегда такъ непріятно развлекающее музыкальное вниманіе, на дамъ въ шляпахъ, старательно для концерта завязавшихъ себѣ уши лентами, и на всѣ эти лица или ничѣмъ не занятыя, или занятыя самыми разнообразными интересами, но только не музыкой. Онъ старался избѣгать встрѣчъ со знатоками музыки и говорунами, а стоялъ, глядя внизъ передъ собой, и слушалъ.

Но чѣмъ болѣе онъ слушалъ фантазію *Короля Лира*, тѣмъ далѣе онъ чувствовалъ себя отъ возможности составить себѣ какое-нибудь опредѣленное мнѣніе. Безпрестанно начиналось, какъ будто собиралось музыкальное выраженіе чувства, но тотчасъ же оно распадалось на обрывки новыхъ началъ музыкальныхъ выраженій, а иногда просто на ничѣмъ, кромѣ прихоти композитора, не связанные, но чрезвычайно сложные звуки. Но и самые отрывки этихъ музыкальныхъ выраженій, иногда хорошихъ, были непріятны, потому что были совершенно неожиданны и ничѣмъ не приготовлены. Веселость, и грусть, и отчаяніе, и нѣжность, и торжество—являлись безъ всякаго на то права, точно чув-

ства сумасшедшаго. И такъ же, какъ у сумасшедшаго, чувства эти проходили неожиданно.

Левинъ во все время исполненія испытывалъ чувство глухаго, смотрящаго на танцующихъ. Онъ былъ въ совершенномъ недоумѣніи, когда кончилась пьеса, и чувствовалъ большую усталость отъ напряженнаго и ничѣмъ не вознагражденнаго вниманія. Со всѣхъ сторонъ послышались громкія рукоплесканія. Всѣ встали, заходили, заговорили. Желая разъяснить по впечатлѣнію другихъ свое недоумѣніе, Левинъ пошелъ ходить, отыскивая знатоковъ, и радъ былъ, увидавъ одного изъ извѣстныхъ знатоковъ въ разговорѣ со знакомымъ ему Песцовымъ.

— Удивительно!—говорилъ густой басъ Песцова.—Здравствуйте, Константинъ Дмитричъ. Въ особенности ὀбразно и скульптурно, такъ сказать, и богато красками то мѣсто, гдѣ вы чувствуете приближеніе Корделія, гдѣ женщина, das ewig Weibliche, вступаетъ въ борьбу съ рокомъ. Не правда ли?

— То-есть почему же тутъ Корделія? — робко спросилъ Левинъ, совершенно забывъ, что фантазія изображала короля Лира въ степи.

— Является Корделія... вотъ!—сказалъ Песцовъ, ударяя пальцами по атласной афишѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ, и передавая ее Левину.

Тутъ только Левинъ вспомнилъ заглавіе фантазіи и поспѣшилъ прочесть въ русскомъ переводѣ стихи Шекспира, напечатанные на оборотѣ афиши.

— Безъ этого нельзя слѣдить,—сказалъ Песцовъ, обращаясь къ Левину, такъ какъ собесѣдникъ его ушелъ и поговорить ему больше не съ кѣмъ было.

Въ антрактѣ, между Левинымъ и Песцовымъ завязался споръ о достоинствахъ и недостаткахъ Вагнеровскаго направленія музыки. Левинъ доказывалъ, что ошибка Вагнера и всѣхъ его послѣдователей въ томъ, что музыка хочетъ переходить въ область чужаго искусства, что также ошибается поэзія, когда описываетъ черты лица, что должна дѣлать живопись, и, какъ примѣръ такой ошибки, онъ привелъ скульптора, который вздумалъ высѣкать изъ мрамора тѣни поэтическихъ образовъ, возстающія вокругъ фигуры поэта на пьедесталѣ. „Тѣни эти такъ мало тѣни у скульптора, что онѣ даже держатся о лѣстницу", сказалъ Левинъ. Фраза эта понравилась ему, но онъ не понималъ, не говорилъ ли онъ прежде эту же самую фразу, и именно Песцову, и сказавъ это, онъ смутился.

Песцовъ же доказывалъ, что искусство одно, и что оно можетъ достигнуть высшихъ своихъ проявленій только въ соединеніи всѣхъ родовъ.

Второй нумеръ концерта Левинъ уже не могъ слушать. Песцовъ, остановившись подлѣ него, почти все время говорилъ съ нимъ, осуждая эту пьесу за ея излишнюю, приторную, напущенную простоту и сравнивая ее съ простотой прорафаэлитовъ въ живописи. При выходѣ Левинъ встрѣтилъ еще много знакомыхъ, съ которыми онъ поговорилъ и о политикѣ, и о музыкѣ, и объ общихъ знакомыхъ, между прочимъ встрѣтилъ графа Боля, про визитъ которому онъ совсѣмъ забылъ.

— Ну, такъ поѣзжайте сейчасъ, — сказала ему Львова, которой онъ передалъ это, — можетъ - быть васъ не примутъ, а потомъ заѣзжайте за мной въ засѣданіе. Вы застанете еще.

VI.

— Можетъ-быть не принимаютъ?—сказалъ Левинъ, входя въ сѣни дома графини Боль.

— Принимаютъ, пожалуйте,—сказалъ швейцаръ, рѣшительно снимая съ него шубу.

„Экая досада,—думалъ Левинъ, со вздохомъ снимая одну перчатку и расправляя шляпу.—Ну зачѣмъ я иду? Ну что мнѣ съ ними говорить?“

Проходя черезъ первую гостиную, Левинъ встрѣтилъ въ дверяхъ графиню Боль, съ озабоченнымъ и строгимъ лицомъ что-то приказывавшую слугѣ. Увидавъ Левина, она улыбнулась и попросила его въ слѣдующую маленькую гостиную, изъ которой слышались голоса. Въ этой гостиной сидѣли на креслахъ двѣ дочери графини и знакомый Левину московскій полковникъ. Левинъ подошелъ къ нимъ, поздоровался и сѣлъ подлѣ дивана, держа шляпу на колѣнѣ.

— Какъ здоровье вашей жены? Вы были въ концертѣ? Мы не могли. Мама должна была быть на панихидѣ.

— Да, я слышалъ... Какая скоропостижная смерть!—сказалъ Левинъ.

Пришла графиня, сѣла на диванъ и спросила тоже про жену и про концертъ.

Левинъ отвѣтилъ и повторилъ вопросъ про скоропостижность смерти Апраксиной.

— Она всегда, впрочемъ, была слабаго здоровья.

— Вы были вчера въ оперѣ?

— Да, я былъ.

— Очень хороша была Лукка.

— Да, очень хороша,—сказалъ онъ и началъ, такъ какъ ему совершенно было все равно, что̀ о немъ подумаютъ, повторять то, что̀ сотни разъ слышалъ объ особенности таланта пѣвицы. Графиня Боль притворялась, что слушала. Потомъ, когда онъ достаточно поговорилъ и замолчалъ, полковникъ, молчавшій до сихъ поръ, началъ говорить. Полковникъ заговорилъ тоже про оперу и про освѣщеніе. Наконецъ, сказавъ про предполагаемую folle journée у Тюрина, полковникъ засмѣялся, зашумѣлъ, всталъ и ушелъ. Левинъ тоже всталъ, но по лицу графини онъ замѣтилъ, что ему еще не пора уходить. Еще минуты двѣ надо. Онъ сѣлъ.

Но такъ какъ онъ все думалъ о томъ, какъ это глупо, то и не находилъ предмета разговора и молчалъ.

— Вы не ѣдете на публичное засѣданіе? Говорятъ, очень интересно,—начала графиня.

— Нѣтъ, я обѣщалъ моей belle soeur заѣхать за ней,—сказалъ Левинъ.

Наступило молчаніе. Мать съ дочерью еще разъ переглянулись.

„Ну, кажется, теперь пора“, подумалъ Левинъ, и всталъ. Дамы пожали ему руку и просили передать mille choses женѣ.

Швейцаръ спросилъ его, подавая шубу: — Гдѣ изволите стоять?—и тотчасъ же записалъ въ большую, хорошо переплетенную книжку.

„Разумѣется, мнѣ все равно, но все-таки совѣстно и ужасно глупо“, подумалъ Левинъ, утѣшая себя тѣмъ, что всѣ это дѣлаютъ, и поѣхалъ въ публичное засѣданіе комитета, гдѣ онъ долженъ былъ найдти свояченицу, чтобы съ ней вмѣстѣ ѣхать домой.

Въ публичномъ засѣданіи комитета было много народа и почти все общество. Левинъ засталъ еще обзоръ, который, какъ всѣ говорили, былъ очень интересенъ. Когда кончилось чтеніе обзора, общество сошлось, и Левинъ встрѣтилъ и Свіяжскаго, звавшаго его нынче вечеромъ непремѣнно въ общество сельскаго хозяйства, гдѣ будетъ читаться знаменитый докладъ, и Степана Аркадьевича, который только-что пріѣхалъ съ бѣговъ, и еще много другихъ знакомыхъ, и Левинъ еще поговорилъ и послушалъ разныя сужденія о засѣданіи, о новой пьесѣ и о процессѣ. Но, вѣроятно вслѣдствіе усталости вниманія, которую онъ начиналъ испытывать, онъ ошибся, говоря о процессѣ, и ошибка эта потомъ нѣсколько разъ съ досадой вспоминалась ему. Говоря о предстоящемъ наказаніи иностранцу, судившемуся въ Россіи, и о томъ, какъ было бы неправильно наказать его высылкой за границу, Левинъ повторилъ то, что онъ слышалъ вчера въ разговорѣ отъ одного знакомаго.

— Я думаю, что выслать его за границу все равно, что наказать щуку, пустивъ ее въ воду,—сказалъ Левинъ. Уже потомъ онъ вспомнилъ, что эта, какъ будто выдаваемая имъ за свою, мысль, услышанная имъ отъ знакомаго, была изъ басни Крылова, и что знакомый повторилъ эту мысль изъ фельетона газеты.

Заѣхавъ со свояченицей домой и заставъ Кити веселою и благополучною, Левинъ поѣхалъ въ клубъ.

VII.

Левинъ пріѣхалъ въ клубъ въ самое время. Вмѣстѣ съ нимъ подъѣзжали гости и члены. Левинъ не былъ въ клубѣ

очень давно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ еще, по выходѣ изъ университета, жилъ въ Москвѣ и ѣздилъ въ свѣтъ. Онъ помнилъ клубъ, внѣшнія подробности его устройства, но совсѣмъ забылъ то впечатлѣніе, которое онъ въ прежнее время испытывалъ въ клубѣ. Но только-что, въѣхавъ на широкій, полукруглый дворъ и слѣзши съ извощика, онъ вступилъ на крыльцо и навстрѣчу ему швейцаръ въ перевязи беззвучно отворилъ дверь и поклонился; только-что онъ увидалъ въ швейцарской калоши и шубы членовъ, сообразившихъ, что менѣе труда снимать калоши внизу, чѣмъ вносить ихъ на верхъ; только-что онъ услыхалъ таинственный, предшествующій ему звонокъ и увидалъ, входя по отлогой, ковровой лѣстницѣ, статую на площадкѣ и въ верхнихъ дверяхъ третьяго состарѣвшагося знакомаго швейцара въ клубной ливреѣ, не торопливо и не медля отворявшаго дверь и оглядывавшаго гостя,—Левина охватило давнишнее впечатлѣніе клуба, впечатлѣніе отдыха, довольства и приличія.

— Пожалуйте шляпу,—сказалъ швейцаръ Левину, забывшему правило клуба оставлять шляпы въ швейцарской.— Давно не бывали. Князь вчера еще записали васъ. Князя Степана Аркадьевича нѣту еще.

Швейцаръ зналъ не только Левина, но и всѣ его связи и родство, и тотчасъ же упомянулъ о близкихъ ему людяхъ.

Пройдя первую проходную залу съ ширмами и направо перегороженную комнату, гдѣ сидитъ фруктовщикъ, Левинъ, перегнавъ медленно шедшаго старика, вошелъ въ шумѣвшую народомъ столовую.

Онъ прошелъ вдоль почти занятыхъ уже столовъ, оглядывая гостей. То тамъ, то сямъ попадались ему самые

разнообразные—и старые и молодые, и едва знакомые и близкіе люди. Ни одного не было сердитаго и озабоченнаго лица. Всѣ, казалось, оставили въ швейцарской съ шапками свои тревоги и заботы и собирались неторопливо пользоваться матеріальными благами жизни. Тутъ былъ и Свіяжскій, и Щербацкій, и Невѣдовскій, и старый князь, и Вронскій, и Сергѣй Ивановичъ.

— А, что-жъ опоздалъ? — улыбаясь сказалъ князь, подавая ему руку черезъ плечо.—Что Кити?—прибавилъ онъ, поправляя салфетку, которую заткнулъ себѣ за пуговицу жилета.

— Ничего, здорова; онѣ втроемъ дома обѣдаютъ.

— А, Алины-Надины. Ну, у насъ мѣста нѣтъ. А иди къ тому столу, да занимай скорѣе мѣсто,—сказалъ князь и, отвернувшись, осторожно принялъ тарелку съ ухою изъ налимовъ.

— Левинъ, сюда! — крикнулъ нѣсколько дальше добродушный голосъ. Это былъ Туровцынъ. Онъ сидѣлъ съ молодымъ военнымъ, и подлѣ нихъ были два перевернутые стула. Левинъ съ радостью подошелъ къ нимъ. Онъ и всегда любилъ добродушнаго кутилу Туровцына, — съ нимъ соединялось воспоминаніе объясненія съ Кити,—но нынче, послѣ всѣхъ напряженно умныхъ разговоровъ, добродушный видъ Туровцына былъ ему особенно пріятенъ.

— Это вамъ и Облонскому. Онъ сейчасъ будетъ.

Очень прямо державшійся военный, съ веселыми, всегда смѣющимися глазами, былъ петербуржецъ Гагинъ. Туровцынъ познакомилъ ихъ.

— Облонскій вѣчно опоздаетъ.

— А, вотъ и онъ!

— Ты только-что пріѣхалъ?—сказалъ Облонскій, быстро подходя къ нимъ.—Здорово. Пилъ водку? Ну, пойдемъ!

Левинъ всталъ и пошелъ съ нимъ къ большому столу, уставленному водками и самыми разнообразными закусками. Казалось, изъ двухъ десятковъ закусокъ можно было выбрать что̀ было по вкусу, но Степанъ Аркадьевичъ потребовалъ какую-то особенную, и одинъ изъ стоявшихъ ливрейныхъ лакеевъ тотчасъ принесъ требуемое. Они выпили по рюмкѣ и вернулись къ столу.

Сейчасъ же, еще за ухой, Гагину подали шампанскаго, и онъ велѣлъ наливать въ четыре стакана. Левинъ не отказался отъ предлагаемаго вина и спросилъ другую бутылку. Онъ проголодался и ѣлъ и пилъ съ большимъ удовольствіемъ; но еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ принималъ участіе въ веселыхъ и простыхъ разговорахъ собесѣдниковъ. Гагинъ, понизивъ голосъ, разсказалъ новый петербургскій анекдотъ, и анекдотъ, хотя неприличный и глупый, былъ такъ смѣшонъ, что Левинъ расхохотался такъ громко, что на него оглянулись сосѣди.

— Это въ томъ же родѣ, какъ: „я этого-то и терпѣть не могу!“ Ты знаешь?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.— Ахъ, это прелесть! Подай еще бутылку!—сказалъ онъ лакею и началъ разсказывать.

— Петръ Ильичъ Виновскій просятъ,—перебилъ старичокъ лакей Степана Аркадьевича, поднося два тоненькіе стакана доигрывающаго шампанскаго и обращаясь къ Степану Аркадьевичу и къ Левину. Степанъ Аркадьевичъ взялъ стаканъ и, переглянувшись на другой конецъ стола съ плѣшивымъ, рыжимъ, усатымъ мужчиной, помахалъ ему, улыбаясь, головой.

— Кто это?—спросилъ Левинъ.

— Ты его у меня встрѣтилъ разъ, помнишь? Добрый малый.

Левинъ сдѣлалъ то же, что̀ Степанъ Аркадьевичъ, и взялъ стаканъ.

Анекдотъ Степана Аркадьевича былъ тоже очень забавенъ. Левинъ разсказалъ свой анекдотъ, который тоже понравился. Потомъ зашла рѣчь о лошадяхъ, о бѣгахъ нынѣшняго дня и о томъ, какъ лихо Атласный Вронскаго выигралъ первый призъ. Левинъ не замѣтилъ, какъ прошелъ обѣдъ.

— А, вотъ и они! — въ концѣ уже обѣда сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, перегибаясь черезъ спинку стула и протягивая руку шедшему къ нему Вронскому съ высокимъ гвардейскимъ полковникомъ. Въ лицѣ Вронскаго свѣтилось тоже общее клубное веселое добродушіе. Онъ весело облокотился на плечо Степану Аркадьевичу, что-то шепча ему, и съ тою же веселою улыбкой протянулъ руку Левину.

— Очень радъ встрѣтиться, — сказалъ онъ. — А я васъ тогда искалъ на выборахъ, но мнѣ сказали, что вы уже уѣхали,—сказалъ онъ ему.

— Да, я въ тотъ же день уѣхалъ. Мы только-что говорили о вашей лошади. Поздравляю васъ, — сказалъ Левинъ.—Это очень быстрая ѣзда.

— Да, вѣдь у васъ тоже лошади.

— Нѣтъ, у моего отца были; но я помню и знаю.

— Ты гдѣ обѣдалъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Мы за вторымъ столомъ, за колоннами.

— Его поздравляли,—сказалъ высокій полковникъ.—Второй императорскій призъ; кабы мнѣ такое счастіе въ кар-

ты, какъ ему на лошадей.— Ну, что же золотое время терять? Я иду въ инфернальную, — сказалъ полковникъ и отошелъ отъ стола.

— Это Яшвинъ,—отвѣчалъ Туровцыну Вронскій и присѣлъ на освободившееся подлѣ нихъ мѣсто. Выпивъ предложенный бокалъ, онъ спросилъ бутылку. Подъ вліяніемъ ли клубнаго впечатлѣнія, или выпитаго вина, Левинъ разговорился съ Вронскимъ о лучшей породѣ скота и былъ очень радъ, что не чувствуетъ никакой враждебности къ этому человѣку. Онъ даже сказалъ ему, между прочимъ, что слышалъ отъ жены, что она встрѣтила его у княгини Марьи Борисовны.

— Ахъ, княгиня Марья Борисовна, это прелесть!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ и разсказалъ про нее анекдотъ, который всѣхъ насмѣшилъ. Въ особенности Вронскій такъ добродушно расхохотался, что Левинъ почувствовалъ себя совсѣмъ примиреннымъ съ нимъ.

— Что-жъ, кончили?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вставая и улыбаясь.—Пойдемъ!

VIII.

Выйдя изъ-за стола, Левинъ, чувствуя, что у него на ходьбѣ особенно правильно и легко мотаются руки, пошелъ съ Гагинымъ черезъ высокія комнаты къ билліардной. Пройдя черезъ большую залу, онъ столкнулся съ тестемъ.

— Ну, что? Какъ тебѣ нравится нашъ храмъ праздности?—сказалъ князь, взявъ его подъ руку.—Пойдемъ, пройдемся.

— Я и то хотѣлъ походить, посмотрѣть. Это интересно.

— Да, тебѣ интересно. Но мнѣ интересъ ужъ другой,

чѣмъ тебѣ. Ты вотъ смотришь на этихъ старичковъ,—сказалъ онъ, указывая на сгорбленнаго члена съ отвислою губой, который, чуть передвигая ноги въ мягкихъ сапогахъ, прошелъ имъ навстрѣчу, — и думаешь, что они такъ и родились шлюпиками.

— Какъ шлюпиками?

— Ты вотъ и не знаешь этого названія. Это нашъ клубный терминъ. Знаешь, какъ яйца катаютъ? Такъ когда много катаютъ, то сдѣлается шлюпикъ. Такъ и нашъ братъ: ѣздишь-ѣздишь въ клубъ—и сдѣлаешься шлюпикомъ. Да, вотъ ты смѣешься, а нашъ братъ уже смотритъ, когда самъ въ шлюпики попадетъ. Ты знаешь князя Чеченскаго? — спросилъ князь, и Левинъ видѣлъ по лицу, что онъ собирается разсказать что-то смѣшное.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, какъ же! Ну, князь Чеченскій, извѣстный. Ну, все равно. Вотъ онъ всегда на билліардѣ играетъ. Онъ еще года три тому назадъ не былъ въ шлюпикахъ и храбрился. И самъ другихъ шлюпиками называлъ. Только пріѣзжаетъ онъ разъ, а швейцаръ нашъ... ты знаешь, Василій?— ну, этотъ толстый. Онъ бонмотистъ большой. Вотъ и спрашиваетъ князь Чеченскій у него: „ну что, Василій, кто да кто пріѣхалъ? А шлюпики есть?“ А онъ ему говоритъ: „вы третій“. Да, брать, такъ-то!

Разговаривая и здороваясь со встрѣчавшимися знакомыми, Левинъ съ княземъ прошелъ всѣ комнаты: большую, гдѣ стояли уже столы и играли въ небольшую игру привычные партнеры, — диванную, гдѣ играли въ шахматы и сидѣлъ Сергѣй Ивановичъ, разговаривая съ кѣмъ-то, — билліардную, гдѣ на изгибѣ комнаты у дивана составилась

веселая партія съ шампанскимъ, въ которой участвовалъ Гагинъ; заглянули и въ инфернальную, гдѣ у одного стола, за который уже сѣлъ Яшвинъ, толпилось много придерживавшихъ. Стараясь не шумѣть, они вошли и въ темную читальную, гдѣ подъ лампами съ абажурами сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ съ сердитымъ лицомъ, перехватывавшій одинъ журналъ за другимъ, и плѣшивый генералъ, углубленный въ чтеніе. Вошли и въ ту комнату, которую князь называлъ умною. Въ этой комнатѣ трое господъ горячо спорили о послѣдней политической новости.

— Князь, пожалуйте, готово, — сказалъ одинъ изъ его партнеровъ, найдя его тутъ, и князь ушелъ. Левинъ посидѣлъ, послушалъ, но, вспомнивъ всѣ разговоры нынѣшняго утра, ему вдругъ стало ужасно скучно. Онъ поспѣшно всталъ и пошелъ искать Облонскаго и Туровцына, съ которыми было весело.

Туровцынъ сидѣлъ съ кружкой питья на высокомъ диванѣ въ билліардной, а Степанъ Аркадьевичъ съ Вронскимъ о чемъ-то разговаривали у двери, въ дальнемъ углу комнаты.

— Она не то что скучаетъ, но эта неопредѣленность, нерѣшительность положенія, — слышалъ Левинъ и хотѣлъ поспѣшно отойдти, но Степанъ Аркадьевичъ подозвалъ его.

— Левинъ!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, и Левинъ замѣтилъ, что у него на глазахъ были не слезы, а влажность, какъ это всегда бывало у него или когда онъ выпилъ, или когда онъ расчувствовался. Нынче было то и другое.—Левинъ, не уходи,—сказалъ онъ и крѣпко сжалъ его руку за локоть, очевидно ни за что не желая выпустить его.

— Это мой искренній, едва ли не лучшій другъ, — сказалъ онъ Вронскому. — Ты для меня тоже еще болѣе бли-

зокъ и дорогъ. И я хочу и знаю, что вы должны быть дружны и близки, потому что вы оба хорошіе люди.

— Что-жъ, намъ остается только поцѣловаться,—добродушно шутя, сказалъ Вронскій, подавая руку.

Онъ быстро взялъ протянутую руку и крѣпко пожалъ ее.

— Я очень, очень радъ,—сказалъ Левинъ, пожимая его руку.

— Человѣкъ, бутылку шампанскаго,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— И я очень радъ,—сказалъ Вронскій.

Но, несмотря на желаніе Степана Аркадьевича и ихъ взаимное желаніе, имъ говорить было нечего, и оба это чувствовали.

— Ты знаешь, что онъ не знакомъ съ Анной?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ Вронскому.—И я непремѣнно хочу свозить его къ ней. Поѣдемъ, Левинъ!

— Неужели?—сказалъ Вронскій.—Она будетъ очень рада. Я бы сейчасъ поѣхалъ домой,—прибавилъ онъ,—но Яшвинъ меня безпокоитъ и я хочу побыть тутъ, пока онъ кончитъ.

— А что, плохо?

— Все проигрываетъ, и я только одинъ могу его удержать.

— Такъ что-жъ, пирамидку? Левинъ, будешь играть? Ну и прекрасно,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Ставь пирамидку,—обратился онъ къ маркеру.

— Давно готово,—отвѣчалъ маркеръ, уже уставившій въ треугольникъ шары и для развлеченія перекатывавшій красный.

— Ну, давайте.

Послѣ партіи Вронскій и Левинъ подсѣли къ столу Гагина, и Левинъ сталъ, по предложенію Степана Аркадье-

вича, держать на тузы. Вронскій то сидѣлъ у стола, окруженный безпрестанно подходившими къ нему знакомыми, то ходилъ въ инфернальную провѣдывать Яшвина. Левинъ испытывалъ пріятный отдыхъ отъ умственной усталости утра. Его радовало прекращеніе враждебности съ Вронскимъ, и впечатлѣніе спокойствія, приличія и удовольствія не оставляло его.

Когда партія кончилась, Степанъ Аркадьевичъ взялъ Левина подъ руку.

— Ну, такъ поѣдемъ къ Аннѣ? Сейчасъ, а? Она дома. Я давно ей обѣщалъ привезти тебя. Ты куда собирался вечеромъ?

— Да никуда особенно. Я обѣщалъ Свіяжскому въ общество сельскаго хозяйства. Пожалуй, поѣдемъ,—сказалъ Левинъ.

— Отлично, ѣдемъ! Узнай, пріѣхала ли моя карета,—обратился Степанъ Аркадьевичъ къ лакею.

Левинъ подошелъ къ столу, заплатилъ проигранные имъ на тузы сорокъ рублей, заплатилъ, какимъ-то таинственнымъ образомъ извѣстные старичку-лакею, стоявшему у притолки, расходы по клубу и, особенно размахивая руками, пошелъ по всѣмъ заламъ къ выходу.

IX.

— Облонскаго карету!—сердитымъ басомъ прокричалъ швейцаръ. Карета подъѣхала, и оба сѣли. Только первое время, пока карета выѣзжала изъ воротъ клуба, Левинъ продолжалъ испытывать впечатлѣніе клубнаго покоя, удовольствія и несомнѣнной приличности окружающаго; но какъ только карета выѣхала на улицу и онъ почувствовалъ

качку экипажа по неровной дорогѣ, услыхалъ сердитый крикъ встрѣчнаго извощика, увидѣлъ при неяркомъ освѣщеніи красную вывѣску кабака и лавочки,—впечатлѣніе это разрушилось, и онъ началъ обдумывать свои поступки и спросилъ себя, хорошо ли онъ дѣлаетъ, что ѣдетъ къ Аннѣ. Что скажетъ Кити? Но Степанъ Аркадьевичъ не далъ ему задуматься и, какъ бы угадывая его сомнѣнія, разсѣялъ ихъ.

— Какъ я радъ,—сказалъ онъ,—что ты узнаешь ее. Ты знаешь, Долли давно этого желала. И Львовъ былъ же у нея и бываетъ. Хоть она мнѣ и сестра,—продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ,—я смѣло могу сказать, что это замѣчательная женщина. Вотъ ты увидишь. Положеніе ея очень тяжело, въ особенности теперь.

— Почему же въ особенности теперь?

— У насъ идутъ переговоры съ ея мужемъ о разводѣ. И онъ согласенъ; но тутъ есть затрудненія относительно сына, и дѣло это, которое должно было кончиться давно уже, вотъ тянется три мѣсяца. Какъ только будетъ разводъ, она выйдетъ за Вронскаго. Какъ это глупо, этотъ старый обычай круженія, Исаія ликуй, въ который никто не вѣритъ и который мѣшаетъ счастію людей!—вставилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Ну, и тогда ихъ положеніе будетъ опредѣлено, какъ мое, какъ твое.

— Въ чемъ же затрудненіе?—сказалъ Левинъ.

— Ахъ, это длинная и скучная исторія! Все это такъ неопредѣленно у насъ. Но дѣло въ томъ, она, ожидая этого развода въ Москвѣ, гдѣ всѣ его и ее знаютъ, живетъ три мѣсяца, никуда не выѣзжаетъ, никого не видаетъ изъ женщинъ, кромѣ Долли,—потому что, понимаешь ли, она не хочетъ, чтобы къ ней ѣздили изъ милости; эта дура княж-

на Варвара—и та уѣхала, считая это неприличнымъ. Такъ вотъ, въ этомъ положеніи другая женщина не могла бы найдти въ себѣ рессурсовъ, она же... вотъ ты увидишь, какъ она устроила свою жизнь, какъ она спокойна, достойна. Налѣво, въ переулокъ, противъ церкви!—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ, перегибаясь въ окно кареты.—Фу, какъ жарко!—сказалъ онъ, несмотря на 12 градусовъ мороза, распахивая еще больше свою и такъ распахнутую шубу.

— Да вѣдь у ней дочь, вѣрно она ею занята?—сказалъ Левинъ.

— Ты, кажется, представляешь себѣ всякую женщину только самкой, une couveuse,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Занята, то непремѣнно дѣтьми. Нѣтъ, она прекрасно воспитываетъ ее, кажется, но про нее не слышно. Она занята, вопервыхъ, тѣмъ, что пишетъ. Ужъ я вижу, что ты иронически улыбаешься, но напрасно. Она пишетъ дѣтскую книгу и никому не говоритъ про это, но мнѣ читала, и я давалъ рукопись Воркуеву... знаешь? —этотъ издатель и самъ онъ писатель, кажется. Онъ знаетъ толкъ, и онъ говоритъ, что это замѣчательная вещь. Но ты думаешь, что это женщина-авторъ?—нисколько. Она прежде всего женщина съ сердцемъ, ты вотъ увидишь. Теперь у ней дѣвочка англичанка и цѣлое семейство, которымъ она занята.

— Что-жъ, это филантропическое что-нибудь?

— Вотъ ты все сейчасъ хочешь видѣть дурное. Не филантропическое, а сердечное. У нихъ, то-есть у Вронскаго, былъ треперъ англичанинъ, мастеръ своего дѣла, но пьяница. Онъ совсѣмъ запилъ, delirium tremens, и семейство брошено. Она увидала ихъ, помогла, втянулась, и теперь все семейство на ея рукахъ,—да не такъ, свысока, день-

гами, а она сама готовитъ мальчиковъ по-русски въ гимназію, а дѣвочку взяла къ себѣ. Да вотъ ты увидишь ее.

Карета въѣхала на дворъ, и Степанъ Аркадьевичъ громко позвонилъ у подъѣзда, у котораго стояли сани.

И не спросивъ у отворившаго дверь артельщика, дома ли, Степанъ Аркадьевичъ вошелъ въ сѣни. Левинъ шелъ за нимъ, все болѣе и болѣе сомнѣваясь въ томъ, хорошо или дурно онъ дѣлаетъ.

Посмотрѣвшись въ зеркало, Левинъ замѣтилъ, что онъ красенъ, но онъ былъ увѣренъ, что не пьянъ, и пошелъ по ковровой лѣстницѣ вверхъ за Степаномъ Аркадьевичемъ. На верху, у поклонившагося, какъ близкому человѣку, лакея Степанъ Аркадьевичъ спросилъ, кто у Анны Аркадьевны, и получилъ отвѣтъ, что господинъ Воркуевъ.

— Гдѣ они?

— Въ кабинетѣ.

Пройдя небольшую столовую съ темными деревянными стѣнами, Степанъ Аркадьевичъ съ Левинымъ по мягкому ковру вошли въ полутемный кабинетъ, освѣщенный одною съ небольшимъ темнымъ абажуромъ лампой. Другая лампа рефракторъ горѣла на стѣнѣ и освѣщала большой, во весь ростъ, портретъ женщины, на который Левинъ невольно обратилъ вниманіе. Это былъ портретъ Анны, дѣланный въ Италіи Михайловымъ. Въ то время, какъ Степанъ Аркадьевичъ заходилъ за трельяжъ и говорившій мужской голосъ замолкъ, Левинъ смотрѣлъ на портретъ, въ блестящемъ освѣщеніи выступавшій изъ рамы, и не могъ оторваться отъ него. Онъ даже забылъ, гдѣ былъ, и не слушая того, что говорилось, не спускалъ глазъ съ удивительнаго портрета. Это была не картина, а живая прелестная

женщина съ черными вьющимися волосами, обнаженными плечами и руками и задумчивою полуулыбкой на покрытыхъ нѣжнымъ пушкомъ губахъ, побѣдительно и нѣжно смотрѣвшая на него смущавшими его глазами. Только потому она была не живая, что она была красивѣе, чѣмъ можетъ быть живая.

— Я очень рада,—услыхалъ онъ вдругъ подлѣ себя голосъ, очевидно обращенный къ нему, голосъ той самой женщины, которою онъ любовался на портретѣ. Анна вышла ему навстрѣчу изъ-за трельяжа, и Левинъ увидѣлъ въ полусвѣтѣ кабинета ту самую женщину портрета, въ темномъ, разноцвѣтно-синемъ платьѣ, не въ томъ положеніи, не съ тѣмъ выраженіемъ, но на той самой высотѣ красоты, на которой она была уловлена художникомъ на портретѣ. Она была менѣе блестяща въ дѣйствительности, но за то въ живой было что-то такое новое, привлекательное, чего не было на портретѣ.

X.

Она встала ему навстрѣчу, не скрывая своей радости увидать его. И въ томъ спокойствіи, съ которымъ она протянула ему маленькую и энергическую руку, познакомила его съ Воркуевымъ и указала на рыжеватую, хорошенькую дѣвочку, которая тутъ же сидѣла за работой, назвавъ ее своею воспитанницей, были знакомые и пріятные Левину пріемы женщины большаго свѣта, всегда спокойной и естественной.

— Очень, очень рада,—повторила она, и въ устахъ ея для Левина эти простыя слова почему-то получили особенное значеніе.—Я васъ давно знаю и люблю и по дружбѣ со Стивой, и за вашу жену... я знала ее очень мало вре-

мени, но она оставила во мнѣ впечатлѣніе прелестнаго цвѣтка... именно цвѣтка. И она ужъ скоро будетъ матерью!

Она говорила свободно и неторопливо, изрѣдка переводя свой взглядъ съ Левина на брата, и Левинъ чувствовалъ, что впечатлѣніе, произведенное имъ, было хорошее, и ему съ нею тотчасъ же стало легко, просто и пріятно, какъ будто онъ съ дѣтства зналъ ее.

— Мы съ Иваномъ Петровичемъ помѣстились въ кабинетѣ Алексѣя,—сказала она, отвѣчая Степану Аркадьевичу на его вопросъ, можно ли курить,—именно затѣмъ, чтобы курить,—и, взглянувъ на Левина, вмѣсто вопроса: куритъ ли онъ?—подвинула къ себѣ черепаховый портъ-сигаръ и вынула пахитоску.

— Какъ твое здоровье нынче?—спросилъ ее братъ.

— Ничего. Нервы какъ всегда.

— Не правда ли, необыкновенно хорошо?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, замѣтивъ, что Левинъ взглядывалъ на портретъ.

— Я не видалъ лучше портрета.

— И необыкновенно похоже, не правда ли? — сказалъ Воркуевъ.

Левинъ поглядѣлъ съ портрета на оригиналъ. Особенный блескъ освѣтилъ лицо Анны въ то время, какъ она почувствовала на себѣ его взглядъ. Левинъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть свое смущеніе, хотѣлъ спросить, давно ли она видѣла Дарью Александровну; но въ то же время Анна заговорила:

— Мы сейчасъ говорили съ Иваномъ Петровичемъ о послѣднихъ картинахъ Ващенкова. Вы видѣли ихъ?

— Да, я видѣлъ,—отвѣчалъ Левинъ.

— Но виновата, я васъ перебила, вы хотѣли сказать..

Левинъ спросилъ, давно ли она видѣла Долли.

— Вчера она была у меня, она очень разсержена за Гришу на гимназію. Латинскій учитель, кажется, несправедливъ былъ къ нему.

— Да, я видѣлъ картины. Онѣ мнѣ не очень понравились,—вернулся Левинъ къ начатому ею разговору.

Левинъ говорилъ теперь совсѣмъ уже не съ тѣмъ ремесленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ которымъ онъ разговаривалъ въ это утро. Всякое слово въ разговорѣ съ нею получало особенное значеніе. И говорить съ ней было пріятно, еще пріятнѣе было слушать ее.

Анна говорила не только естественно, умно, но умно и небрежно, не приписывая никакой цѣны своимъ мыслямъ, а придавая большую цѣну мыслямъ собесѣдника.

Разговоръ зашелъ о новомъ направленіи искусства, о новой иллюстраціи Библіи французскимъ художникомъ. Воркуевъ обвинялъ художника въ реализмѣ, доведенномъ до грубости. Левинъ сказалъ, что французы довели условность въ искусствѣ какъ никто, и что поэтому они особенную заслугу видятъ въ возвращеніи къ реализму. Въ томъ, что они уже не лгутъ, они видятъ поэзію.

Никогда еще ни одна умная вещь, сказанная Левинымъ, не доставляла ему такого удовольствія, какъ эта. Лицо Анны вдругъ все просіяло, когда она вдругъ сцѣнила эту мысль. Она засмѣялась.

— Я смѣюсь,—сказала она,—какъ смѣешься, когда увидишь очень похожій портретъ. То, что вы сказали, совершенно характеризуетъ французское искусство теперь, и живопись, и даже литературу: Sola, Daudet. Но можетъ-быть

это всегда такъ бываетъ, что строятъ свои conceptions изъ выдуманныхъ, условныхъ фигуръ, а потомъ—всѣ combinaisons сдѣланы, выдуманныя фигуры надоѣли и начинаютъ придумывать болѣе натуральныя, справедливыя фигуры.

— Вотъ это совершенно вѣрно!—сказалъ Воркуевъ.

— Такъ вы были въ клубѣ?—обратилась она къ брату.

„Да, да, вотъ женщина!“ думалъ Левинъ, забывшись и упорно глядя на ея красивое, подвижное лицо, которое теперь вдругъ совершенно перемѣнилось. Левинъ не слыхалъ, о чемъ она говорила, перегнувшись къ брату, но онъ былъ пораженъ перемѣной ея выраженія. Прежде столь прекрасное въ своемъ спокойствіи, ея лицо вдругъ выразило странное любопытство, гнѣвъ и гордость. Но это продолжалось только одну минуту. Она сощурялась, какъ бы вспоминая что-то.

— Ну да, впрочемъ, это никому не интересно,—сказала она и обратилась къ англичанкѣ.

— Please order the tea in the drawing-room.

Дѣвочка поднялась и вышла.

— Ну что же, она выдержала экзаменъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Прекрасно. Очень способная дѣвочка и милый характеръ.

— Кончится тѣмъ, что ты ее будешь любить больше своей.

— Вотъ мужчина говоритъ. Въ любви нѣтъ больше и меньше. Люблю дочь одною любовью, ее другою.

— Я вотъ говорю Аннѣ Аркадьевнѣ,—сказалъ Воркуевъ,—что еслибъ она положила хоть одну сотую той энергіи на общее дѣло воспитанія русскихъ дѣтей, которую она

кладетъ на эту англичанку, Анна Аркадьевна сдѣлала бы большое, полезное дѣло.

— Да, вотъ что хотите, я не могла. Графъ Алексѣй Кирилловичъ очень поощрялъ меня (произнося слова *графъ Алексѣй Кирилловичъ*, она просительно-робко взглянула на Левина, и онъ невольно отвѣчалъ ей почтительнымъ и утвердительнымъ взглядомъ)... поощрялъ меня заняться школой въ деревнѣ. Я ходила нѣсколько разъ. Онѣ очень милы, но я не могла привязаться къ этому дѣлу. Вы говорите: энергію... Энергія основана на любви. А любовь не откуда взять, приказать нельзя. Вотъ я полюбила эту дѣвочку, сама не знаю зачѣмъ.

И она опять взглянула на Левина. И улыбка, и взглядъ ея—все говорило ему, что она къ нему только обращаетъ свою рѣчь, дорожа его мнѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ зная, что они понимаютъ другъ друга.

— Я совершенно это понимаю,—отвѣчалъ Левинъ.—На школу и вообще на подобныя учрежденія нельзя положить сердца, и думаю, что отъ этого именно эти филантропическія учрежденія даютъ всегда такъ мало результатовъ.

Она помолчала, потомъ улыбнулась:—Да, да,—подтвердила она.—Я никогда не могла. Je n'ai pas le coeur assez large, чтобы полюбить цѣлый пріютъ съ гаденькими дѣвочками. Cela ne m'a jamais réussi. Столько есть женщинъ, которыя изъ этого сдѣлали себѣ position sociale. И теперь тѣмъ болѣе,—сказала она съ грустнымъ, довѣрчивымъ выраженіемъ обращаясь по внѣшности къ брату, но очевидно только къ Левину.—И теперь, когда мнѣ такъ нужно какое-нибудь занятіе, я не могу.—И вдругъ нахмурившись (Левинъ понялъ, что она нахмурилась на самоё себя—за то, что го-

воритъ про себя), она перемѣнила разговоръ.—Я знаю про васъ,—сказала она Левину,—что вы плохой гражданинъ, и я васъ защищала какъ умѣла.

— Какъ же вы меня защищали?

— Смотря по нападеніямъ. Впрочемъ, не угодно ли чаю?— Она поднялась и взяла въ руку переплетенную сафьянную книгу.

— Дайте мнѣ, Анна Аркадьевна, — сказалъ Воркуевъ, указывая на книгу.—Это очень стоитъ того.

— О нѣтъ, это все такъ неотдѣланно.

— Я ему сказалъ,—обратился Степанъ Аркадьевичъ къ сестрѣ, указывая на Левина.

— Напрасно сдѣлалъ. Мое писаніе—это въ родѣ тѣхъ корзиночекъ и рѣзьбы, которыя мнѣ продавала, бывало, Лиза Мерцалова изъ остроговъ. Она завѣдывала острогами въ этомъ обществѣ,—обратилась она къ Левину.—И эти несчастные дѣлали чудеса терпѣнія.

И Левинъ увидалъ еще новую черту въ этой, такъ необыкновенно понравившейся ему женщинѣ. Кромѣ ума, граціи, красоты, въ ней была правдивость. Она отъ него не хотѣла скрывать всей тяжести своего положенія. Сказавъ это, она вздохнула, и лицо ея, вдругъ принявъ строгое выраженіе, какъ бы окаменѣло. Съ такимъ выраженіемъ на лицѣ она была еще красивѣе, чѣмъ прежде, но это выраженіе было новое; оно было внѣ того, сіяющаго счастіемъ и рождающаго счастіе круга выраженій, которыя были уловлены художникомъ на портретѣ. Левинъ посмотрѣлъ еще разъ на портретъ и на ея фигуру, какъ она, взявъ руку брата, проходила съ нимъ въ высокія двери, и почувствовалъ къ ней нѣжность и жалость, удивившія его самого.

Она попросила Левина и Воркуева пройдти въ гостиную, а сама осталась поговорить о чемъ-то съ братомъ. „О разводѣ, о Вронскомъ, о томъ, что онъ дѣлаетъ въ клубѣ, обо мнѣ?“ думалъ Левинъ. И его такъ волновалъ вопросъ о томъ, что она говоритъ со Степаномъ Аркадьевичемъ, что онъ почти не слушалъ того, что разсказывалъ ему Воркуевъ о достоинствахъ написаннаго Анною Аркадьевной романа для дѣтей.

За чаемъ продолжался тотъ же пріятный, полный содержанія разговоръ. Не только не было ни одной минуты, чтобы надо было отыскивать предметъ для разговора, но, напротивъ, чувствовалось, что не успѣваешь сказать того, что хочешь, и охотно удерживаешься, слушая, что говоритъ другой. И все, что ни говорили, не только она сама, но Воркуевъ, Степанъ Аркадьевичъ,—все получало, какъ казалось Левину, благодаря ея вниманію и замѣчаніямъ, особенное значеніе.

Слѣдя за интереснымъ разговоромъ, Левинъ все время любовался ею—и красотой ея, и умомъ, образованностью, и, вмѣстѣ, простотой и задушевностью. Онъ слушалъ, говорилъ—и все время думалъ о ней, о ея внутренней жизни, стараясь угадать ея чувства. И, прежде такъ строго осуждавшій ее, онъ теперь, по какому то странному ходу мыслей, оправдывалъ ее и вмѣстѣ жалѣлъ, и боялся, что Вронскій не вполнѣ понимаетъ ее. Въ одиннадцатомъ часу, когда Степанъ Аркадьевичъ поднялся, чтобъ уѣзжать (Воркуевъ еще раньше уѣхалъ), Левину показалось, что онъ только-что пріѣхалъ. Левинъ съ сожалѣніемъ тоже всталъ.

— Прощайте,—сказала она, удерживая его за руку и глядя ему въ глаза притягивающимъ взглядомъ. — Я очень рада, que la glace est rompue.

Она выпустила его руку и прищурилась.

— Передайте вашей женѣ, что я люблю ее какъ прежде, и что если она не можетъ простить мнѣ мое положеніе, то я желаю ей никогда не прощать меня. Чтобы простить, надо пережить то, что я пережила, а отъ этого избави ее Богъ.

— Непремѣнно, да, я передамъ… — краснѣя говорилъ Левинъ.

XI.

„Какая удивительная, милая и жалкая женщина“, думалъ онъ, выходя со Степаномъ Аркадьевичемъ на морозный воздухъ.

— Ну, что? Я говорилъ тебѣ,—сказалъ ему Степанъ Аркадьевичъ, видя, что Левинъ былъ совершенно побѣжденъ.

— Да,—задумчиво отвѣчалъ Левинъ, — необыкновенная женщина! Не то что умна, но сердечная удивительно. Ужасно жалко ее!

— Теперь, Богъ дастъ, скоро все устроится. Ну то-то, впередъ не суди,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, отворяя дверцы кареты.—Прощай, намъ не по дорогѣ.

Не переставая думать объ Аннѣ, о всѣхъ тѣхъ самыхъ простыхъ разговорахъ, которые были съ нею, и вспоминая при этомъ всѣ подробности выраженія ея лица, все болѣе и болѣе входя въ ея положеніе и чувствуя къ ней жалость, Левинъ пріѣхалъ домой.

Дома Кузьма передалъ Левину, что Катерина Александровна здоровы, что недавно только уѣхали отъ нихъ сестрицы, и подалъ два письма. Левинъ тутъ же, въ передней,

чтобы потомъ не развлекаться, прочелъ ихъ. Одно было отъ Соколова, прикащика. Соколовъ писалъ, что пшеницу нельзя продать, даютъ только пять съ половиной рублей, а денегъ больше взять неоткудова. Другое письмо было отъ сестры. Она упрекла его за то, что дѣло ея все еще не было сдѣлано.

„Ну, продадимъ за пять съ полтиной, коли не даютъ больше,—тотчасъ же съ необыкновенною легкостью рѣшилъ Левинъ первый вопросъ, прежде казавшійся ему столь труднымъ —Удивительно, какъ здѣсь все время занято,—подумалъ онъ о второмъ письмѣ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ сестрой за то, что до сихъ поръ не сдѣлалъ того, о чемъ она просила его.—Нынче опять не поѣхалъ въ судъ, но нынче ужъ точно было некогда“. И рѣшивъ, что онъ это непремѣнно сдѣлаетъ завтра, пошелъ къ женѣ. Идя къ ней, Левинъ воспоминаніемъ быстро пробѣжалъ весь проведенный день. Всѣ событія дня были разговоры,—разговоры, которые онъ слушалъ и въ которыхъ участвовалъ. Всѣ разговоры были о такихъ предметахъ, которыми онъ, еслибы былъ одинъ и въ деревнѣ, никогда бы не занялся, а здѣсь они были очень интересны. И всѣ разговоры были хорошіе; только въ двухъ мѣстахъ было не совсѣмъ хорошо. Одно то, что онъ сказалъ про щуку, другое, что было что-то *не то* въ нѣжной жалости, которую онъ испытывалъ къ Аннѣ.

Левинъ засталъ жену грустною и скучающею. Обѣдъ трехъ сестеръ удался бы очень весело, но потомъ его ждали, всѣмъ стало скучно, сестры разъѣхались, и она осталась одна.

— Ну, а ты что дѣлалъ?—спросила она, глядя ему въ

глаза, что-то особенно подозрительно блестѣвшіе. Но, чтобы не помѣшать ему все разсказать, она скрыла свое вниманіе и съ одобрительною улыбкой слушала его разсказъ о томъ, какъ онъ провелъ вечеръ.

— Ну, я очень радъ былъ, что встрѣтилъ Вронскаго. Мнѣ очень легко и просто было съ нимъ. Понимаешь, теперь я постараюсь никогда не видаться съ нимъ, но чтобъ эта неловкость была кончена...—сказалъ онъ, и вспомнивъ, что онъ, *стараясь никогда не видаться*, тотчасъ же поѣхалъ къ Аннѣ, онъ покраснѣлъ.—Вотъ мы говоримъ, что народъ пьетъ; не знаю, кто больше пьетъ: народъ, или наше сословіе; народъ хоть въ праздникъ, но...

Но Кити не интересно было разсужденіе о томъ, какъ пьетъ народъ. Она видѣла, что онъ покраснѣлъ, и желала знать, почему.

— Ну, потомъ гдѣ-жъ ты былъ?

— Стива ужасно упрашивалъ меня поѣхать къ Аннѣ Аркадьевнѣ.

И, сказавъ это, Левинъ покраснѣлъ еще больше, и сомнѣнія его о томъ, хорошо ли или дурно онъ сдѣлалъ, поѣхавъ къ Аннѣ, были окончательно разрѣшены. Онъ зналъ теперь, что этого не надо было дѣлать.

Глаза Кити особенно раскрылись и блеснули при имени Анны; но, сдѣлавъ усиліе надъ собой, она скрыла свое волненіе и обманула его.

— А!—только сказала она.

— Ты вѣрно не будешь сердиться, что я поѣхалъ. Стива просилъ, и Долли желала этого,—продолжалъ Левинъ.

— О, нѣтъ,—сказала она, но въ глазахъ ея онъ видѣлъ усиліе надъ собой, не обѣщавшее ему ничего добраго.

— Она очень милая, очень, очень жалкая, хорошая женщина, — говорилъ онъ, разсказывая про Анну, ея занятія и про то, чтò она велѣла сказать.

— Да, разумѣется, она очень жалкая, — сказала Кити, когда онъ кончилъ. — Отъ кого ты письмо получилъ?

Онъ сказалъ ей и, повѣривъ ея спокойному тону, пошелъ раздѣваться.

Вернувшись, онъ засталъ Кити на томъ же креслѣ. Когда онъ подошелъ къ ней, она взглянула на него и зарыдала.

— Что, что? — спрашивалъ онъ, ужъ зная впередъ *что*.

— Ты влюбился въ эту гадкую женщину, она обворожила тебя. Я видѣла по твоимъ глазамъ. Да, да! Что-жъ можетъ выдти изъ этого? Ты въ клубѣ пилъ, пилъ, игралъ и потомъ поѣхалъ... къ кому? Нѣтъ, уѣдемъ... Завтра я уѣду.

Долго Левинъ не могъ успокоить жену. Наконецъ онъ успокоилъ ее, только признавшись, что чувство жалости въ соединеніи съ виномъ сбили его, и онъ поддался хитрому вліянію Анны, и что онъ будетъ избѣгать ея. Одно, въ чемъ онъ искреннѣе всего признавался, было то, что живя такъ долго въ Москвѣ, за одними разговорами, ѣдой и питьемъ, онъ ошалѣлъ. Они проговорили до трехъ часовъ ночи. Только въ три часа ночи настолько примирились, что могли заснуть.

XII.

Проводивъ гостей, Анна, не садясь, стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Хотя она безсознательно (какъ она дѣйствовала въ это послѣднее время въ отношеніи ко всѣмъ молодымъ мужчинамъ) цѣлый вечеръ дѣлала все возможное

для того, чтобы возбудить въ Левинѣ чувство любви къ себѣ, и хотя она знала, что она достигла этого, насколько это возможно въ отношеніи къ женатому честному человѣку и въ одинъ вечеръ, и хотя онъ очень понравился ей (несмотря на рѣзкое различіе, съ точки зрѣнія мужчины, между Вронскимъ и Левинымъ, она, какъ женщина, видѣла въ нихъ то самое общее, за что Кити полюбила и Вронскаго, и Левина),—какъ только онъ вышелъ изъ комнаты, она перестала думать о немъ.

Одна и одна мысль неотвязно въ разныхъ видахъ преслѣдовала ее. „Если я такъ дѣйствую на другихъ, на этого семейнаго, любящаго человѣка, отчего же *онъ* такъ холоденъ ко мнѣ?... И не то что холоденъ, онъ любитъ меня, я это знаю, но что-то новое теперь раздѣляетъ насъ. Отчего нѣтъ его цѣлый вечеръ? Онъ велѣлъ сказать со Стивой, что не можетъ оставить Яшвина и долженъ слѣдить за его игрой. Что за дитя Яшвинъ? Но положимъ, что правда,—онъ никогда не говоритъ неправды,—но въ этой правдѣ есть другое. Онъ радъ случаю показать мнѣ, что у него есть другія обязанности. Я это знаю, я съ этимъ согласна; но зачѣмъ доказывать мнѣ это? Онъ хочетъ доказать мнѣ, что его любовь ко мнѣ не должна мѣшать его свободѣ. Но мнѣ не нужны доказательства, мнѣ нужна любовь. Онъ бы долженъ былъ понять всю тяжесть этой жизни моей здѣсь въ Москвѣ. Развѣ я живу? Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается и оттягивается. Отвѣта опять нѣтъ! И Стива говоритъ, что онъ не можетъ ѣхать къ Алексѣю Александровичу. А я не могу писать еще. Я ничего не могу дѣлать, ничего начинать, ничего измѣнять, я сдерживаю себя, жду, выдумывая себѣ заба-

вы: семейство англичанина, писаніе, чтеніе,—но все это только обманъ, все это тотъ же морфинъ. Онъ бы долженъ пожалѣть меня", говорила она, чувствуя, какъ слезы жалости о себѣ выступаютъ ей на глаза.

Она услыхала порывистый звонокъ Вронскаго и поспѣшно утерла эти слезы, и не только утерла слезы, но сѣла къ лампѣ и развернула книгу, притворившись спокойною. Надо было показать ему, что она недовольна тѣмъ, что онъ не вернулся, какъ обѣщалъ, — только недовольна,—но никакъ не показывать ему своего горя и, главное, жалости о себѣ. Ей можно было жалѣть о себѣ, но не ему о ней. Она не хотѣла борьбы, упрекала его за то, что онъ хотѣлъ бороться, но невольно сама становилась въ положеніе борьбы.

— Ну, ты не скучала?—сказалъ онъ, оживленно и весело подходя къ ней.—Что за страшная страсть—игра!

— Нѣтъ, я не скучала и давно ужъ выучилась не скучать. Стива былъ и Левинъ.

— Да, они хотѣли къ тебѣ ѣхать. Ну, какъ тебѣ понравился Левинъ?—сказалъ онъ, садясь подлѣ нея.

— Очень. Они недавно уѣхали. Что же сдѣлалъ Яшвинъ?

— Былъ въ выигрышѣ, семнадцать тысячъ. Я его звалъ. Онъ совсѣмъ было ужъ поѣхалъ. Но вернулся опять и теперь въ проигрышѣ.

— Такъ для чего же ты оставался?—спросила она, вдругъ поднявъ на него глаза. Выраженіе ея лица было холодное и непріязненное.—Ты сказалъ Стивѣ, что останешься, чтобъ увезти Яшвина. А ты оставилъ же его.

То же выраженіе холодной готовности къ борьбѣ выразилось и на его лицѣ.

— Вопервыхъ, я его ничего не просилъ передавать тебѣ; вовторыхъ, я никогда не говорю неправды. А главное, я хотѣлъ остаться, и остался,—сказалъ онъ, хмурясь.—Анна, зачѣмъ, зачѣмъ?—сказалъ онъ послѣ минуты молчанія, перегибаясь къ ней, и открылъ руку, надѣясь, что она положитъ въ нее свою.

Она была рада этому вызову къ нѣжности. Но какая-то странная сила зла не позволяла ей отдаться своему влеченію, какъ будто условія борьбы не позволяли ей покориться.

— Разумѣется, ты хотѣлъ остаться, и остался. Ты дѣлаешь все, что ты хочешь. Но зачѣмъ ты говоришь мнѣ это? Для чего?—говорила она, все больше разгорячаясь.—Развѣ кто-нибудь оспариваетъ твои права? Но ты хочешь быть правымъ, и будь правъ.

Рука его закрылась, онъ отклонился, и лицо его приняло еще болѣе, чѣмъ прежде, упорное выраженіе.

— Для тебя это дѣло упрямства,—сказала она, пристально поглядѣвъ на него и вдругъ найдя названіе этому раздражавшему ее выраженію лица,—именно упрямства. Для тебя вопросъ, останешься ли ты побѣдителемъ со мной, а для меня...—Опять ей стало жалко себя, и она чуть не заплакала.—Еслибы ты зналъ, въ чемъ для меня дѣло. Когда я чувствую, какъ теперь, что ты враждебно, именно враждебно, относишься ко мнѣ, еслибы ты зналъ, что это для меня значитъ! Еслибы ты зналъ, какъ я близка къ несчастію въ эти минуты, какъ я боюсь, боюсь себя!—И она отвернулась, скрывая рыданія.

— Да о чемъ ты?—сказалъ онъ, ужаснувшись передъ выраженіемъ ея отчаянія и опять перегнувшись къ ней и взявъ

ея руку и цѣлуя ее.—За что? Развѣ я ищу развлеченія внѣ дома? Развѣ я не избѣгаю общества женщинъ?

— Еще бы!—сказала она.

— Ну скажи, что я долженъ дѣлать, чтобы ты была покойна? Я все готовъ сдѣлать для того, чтобы ты была счастлива,—говорилъ онъ, тронутый ея отчаяніемъ,—чего же я не сдѣлаю, чтобъ избавить тебя отъ горя какого-то, какъ теперь, Анна!—сказалъ онъ.

— Ничего, ничего!—сказала она.—Я сама не знаю: одинокая ли жизнь, нервы... Ну, не будемъ говорить. Что-жъ бѣга, ты мнѣ не разсказалъ?—спросила она, стараясь скрыть торжество побѣды, которая все-таки была на ея сторонѣ.

Онъ спросилъ ужинать и сталъ разсказывать ей подробности бѣговъ, но въ тонѣ, во взглядахъ его, все болѣе и болѣе дѣлавшихся холодными, она видѣла, что онъ не простилъ ей ея побѣду, что то чувство упрямства, съ которымъ она боролась, опять устанавливалось въ немъ. Онъ былъ къ ней холоднѣе, чѣмъ прежде, какъ будто онъ раскаивался въ томъ, что покорился. И она, вспомнивъ тѣ слова, которыя дали ей побѣду, именно: „я близка къ ужасному несчастію и боюсь себя“, поняла, что оружіе это опасно и что его нельзя будетъ употребить другой разъ. А она чувствовала, что рядомъ съ любовью, которая связывала ихъ, установился между ними злой духъ какой-то борьбы, котораго она не могла изгнать ни изъ его, ни, еще менѣе, изъ своего сердца.

XIII.

Нѣтъ такихъ условій, къ которымъ человѣкъ не могъ бы привыкнуть, въ особенности если онъ видитъ, что всѣ окру-

жающіе его живутъ такъ же. Левинъ не повѣрилъ бы три мѣсяца тому назадъ, что могъ бы заснуть спокойно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ былъ нынче; чтобы, живя безцѣльною, безтолковою жизнью, притомъ жизнью сверхъ средствъ, послѣ пьянства (иначе онъ не могъ назвать того, что было въ клубѣ), нескладныхъ дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, въ котораго когда-то была влюблена жена, и еще болѣе нескладной поѣздки къ женщинѣ, которую нельзя было иначе назвать, какъ потерянною, и послѣ увлеченія своего этою женщиной и огорченія жены,—чтобы при этихъ условіяхъ онъ могъ заснуть спокойно. Но, подъ вліяніемъ усталости, безсонной ночи и выпитаго вина, онъ заснулъ крѣпко и спокойно.

Въ пять часовъ скрипъ отворенной двери разбудилъ его. Онъ вскочилъ и оглянулся Кити не было на постели подлѣ него. Но за перегородкой былъ движущійся свѣтъ, и онъ услышалъ ея шаги.

— Что?... что?...—проговорилъ онъ съ просонья.—Кити! Что?

— Ничего,—сказала она, со свѣчой въ рукѣ выходя изъ-за перегородки.—Мнѣ нездоровилось,—сказала она, улыбаясь особенно милою и значительною улыбкой.

— Что? началось, началось? — испуганно проговорилъ онъ,—надо послать,—и онъ торопливо сталъ одѣваться.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она, улыбаясь и удерживая его рукой.—Навѣрное ничего. Мнѣ нездоровилось только немного. Но теперь прошло.

И она, подойдя къ кровати, потушила свѣчу, легла и затихла. Хотя ему и подозрительна была тишина ея какъ будто сдерживаемаго дыханія и болѣе всего—выраженіе

особенной нѣжности и возбужденности, съ которою она, выходя изъ-за перегородки, сказала ему: „ничего“,—ему такъ хотѣлось спать, что онъ сейчасъ же заснулъ. Только ужъ потомъ онъ вспомнилъ тишину ея дыханія и понялъ все, что происходило въ ея дорогой, милой душѣ въ то время, какъ она, не шевелясь, въ ожиданіи величайшаго событія въ жизни женщины, лежала подлѣ него. Въ семь часовъ его разбудило прикосновеніе ея руки къ плечу и тихій шепотъ. Она какъ будто боролась между жалостью разбудить его и желаніемъ говорить съ нимъ.

— Костя, не пугайся. Ничего. Но кажется... Надо послать за Лизаветой Петровной.

Свѣча опять была зажжена. Она сидѣла на кровати и держала въ рукѣ вязанье, которымъ она занималась послѣдніе дни.

— Пожалуйста не пугайся, ничего. Я не боюсь нисколько,—увидавъ его испуганное лицо, сказала она и прижала его руку къ своей груди, потомъ къ своимъ губамъ.

Онъ поспѣшно вскочилъ, не чувствуя себя и не спуская съ нея глазъ, надѣлъ халатъ и остановился, все глядя на нее. Надо было идти, но онъ не могъ оторваться отъ ея взгляда. Онъ ли не любилъ ея лица, не зналъ ея выраженія, ея взгляда, но онъ никогда не видалъ ее такою. Какъ гадокъ и ужасенъ онъ представлялся себѣ, вспомнивъ вчерашнее огорченіе ея, передъ нею, какою она была теперь! Зарумянившееся лицо ея, окруженное выбившимися изъ-подъ ночнаго чепчика мягкими волосами, сіяло радостью и рѣшимостью.

Какъ ни мало было неестественности и условности въ общемъ характерѣ Кити, Левинъ былъ все-таки пораженъ

тѣмъ, что обнажалось теперь передъ нимъ, когда вдругъ всѣ покровы были сняты и самое ядро ея души свѣтилось въ ея глазахъ. И въ этой простотѣ и обнаженности, она, та самая, которую онъ любилъ, была еще виднѣе. Она, улыбаясь, смотрѣла на него; но вдругъ брови ея дрогнули, она подняла голову и, быстро подойдя къ нему, взяла его за руку и вся прижалась къ нему, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ. Она страдала и какъ будто жаловалась ему на свои страданія. И ему въ первую минуту по привычкѣ показалось, что онъ виноватъ. Но во взглядѣ ея была нѣжность, которая говорила, что она не только не упрекаетъ его, но любитъ за эти страданія. „Если не я, то кто же виноватъ въ этомъ?“ невольно подумалъ онъ, отыскивая виновника этихъ страданій, чтобы наказать его; но виновника не было. Она страдала, жаловалась и торжествовала этими страданіями, и радовалась ими, и любила ихъ. Онъ видѣлъ, что въ душѣ ея совершалось что-то прекрасное, но что?—онъ не могъ понять. Это было выше его пониманія.

— Я послала къ мама. А ты поѣзжай поскорѣй за Лизаветой Петровной... Костя!... Ничего, прошло.

Она отошла отъ него и позвонила.

— Ну, вотъ иди теперь, Паша идетъ. Мнѣ ничего.

И Левинъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что она взяла вязанье, которое она принесла ночью, и опять стала вязать.

Въ то время, какъ Левинъ выходилъ въ одну дверь, онъ слышалъ, какъ въ другую входила дѣвушка. Онъ остановился у двери и слышалъ, какъ Кити отдавала подробныя приказанія дѣвушкѣ и сама съ нею стала передвигать кровать.

Онъ одѣлся и, пока закладывали лошадей, такъ какъ извозчиковъ еще не было, опять вбѣжалъ въ спальню и не на цыпочкахъ, а на крыльяхъ, какъ ему казалось. Двѣ дѣвушки озабоченно переставнавливали что-то въ спальнѣ. Кити ходила и вязала, быстро накидывая петли, и распоряжалась.

— Я сейчасъ ѣду къ доктору. За Лизаветой Петровной поѣхали, но я еще заѣду. Не нужно ли что? Да, къ Долли?

Она посмотрѣла на него, очевидно не слушая того, что онъ говорилъ.

— Да, да. Иди,—быстро проговорила она, хмурясь и махая на него рукой.

Онъ уже выходилъ въ гостиную, какъ вдругъ жалостный, тотчасъ же затихшій стонъ раздался изъ спальни. Онъ остановился и долго не могъ понять.

„Да, это она“, сказалъ онъ самъ себѣ и, схватившись за голову, побѣжалъ внизъ.

— Господи помилуй! прости, помоги! — твердилъ онъ какъ-то вдругъ неожиданно пришедшія на уста ему слова. И онъ, невѣрующій человѣкъ, повторялъ эти слова не одними устами. Теперь, въ эту минуту, онъ зналъ, что всѣ не только сомнѣнія его, но та невозможность по разуму вѣрить, которую онъ зналъ въ себѣ, нисколько не мѣшаютъ ему обращаться къ Богу. Все это теперь, какъ прахъ, слетѣло съ его души. Къ кому же ему было обращаться, какъ не къ Тому, въ чьихъ рукахъ онъ чувствовалъ себя, свою душу и свою любовь?

Лошадь не была еще готова, но, чувствуя въ себѣ особенное напряженіе и физическихъ силъ и вниманія къ тому, что предстояло дѣлать, чтобы не потерять ни одной ми-

нуты, онъ, не дожидаясь лошади, вышелъ пѣшкомъ и приказалъ Кузьмѣ догонять себя.

На углу онъ встрѣтилъ спѣшившаго ночнаго извощика. На маленькихъ санкахъ, въ бархатномъ салопѣ, повязанная платкомъ, сидѣла Лизавета Петровна. „Слава Богу, слава Богу!“—проговорилъ онъ, съ восторгомъ узнавъ ея, теперь имѣвшее особенно серьёзное, даже строгое выраженіе, маленькое бѣлокурое лицо. Не приказывая останавливаться извощику, онъ побѣжалъ назадъ рядомъ съ нею.

— Такъ часа два, не больше? — спросила она.—Вы застанете Петра Дмитріевича, только не торопите его. Да возьмите опіуму въ аптекѣ.

— Такъ вы думаете, что можетъ быть благополучно? Господи помилуй и помоги!—проговорилъ Левинъ, увидавъ свою выѣзжавшую изъ воротъ лошадь. Вскочивъ въ сани рядомъ съ Кузьмой, онъ велѣлъ ѣхать къ доктору.

XIV.

Докторъ еще не вставалъ, а лакей сказалъ, что „поздно легли и не приказали будить, а встанутъ скоро“. Лакей чистилъ ламповыя стекла и казался очень занятъ этимъ. Эта внимательность лакея къ стекламъ и равнодушіе къ совершавшемуся у Левина сначала изумили его, но тотчасъ, одумавшись, онъ понялъ, что никто не знаетъ и не обязанъ знать его чувствъ, и что тѣмъ болѣе надо дѣйствовать спокойно, обдуманно и рѣшительно, чтобы пробить эту стѣну равнодушія и достигнуть своей цѣли. „Не торопиться и ничего не упускать“, говорилъ себѣ Левинъ, чувствуя все большій и большій подъемъ физическихъ силъ и вниманія ко всему тому, что предстояло сдѣлать.

Узнавъ, что докторъ еще не вставалъ, Левинъ изъ разныхъ плановъ, представлявшихся ему, остановился на слѣдующемъ: Кузьмѣ ѣхать съ запиской къ другому доктору, а самому ѣхать въ аптеку за опіумомъ, а если, когда онъ вернется, докторъ еще не встанетъ, то, подкупивъ лакея или насильно, если тотъ не согласится, будить доктора во что бы то ни стало.

Въ аптекѣ худощавый провизоръ, съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ лакей чистилъ стекла, печаталъ облаткой порошки для дожидавшагося кучера и отказалъ въ опіумѣ. Стараясь не торопиться и не горячиться, назвавъ имена доктора и акушерки и объяснивъ, для чего нуженъ опіумъ, Левинъ сталъ убѣждать его. Провизоръ спросилъ по нѣмецки совѣта, отпустить ли, и получивъ изъ за перегородки согласіе, досталъ пузырекъ, воронку, медленно отлилъ изъ большаго въ маленькій, наклеилъ ярлычокъ, запечаталъ, несмотря на просьбы Левина не дѣлать этого, и хотѣлъ еще завертывать. Этого Левинъ уже не могъ выдержать; онъ рѣшительно вырвалъ у него изъ рукъ пузырекъ и побѣжалъ въ большія стеклянныя двери. Докторъ не вставалъ еще, и лакей, занятый теперь постилкой ковра, отказался будить. Левинъ, не торопясь, досталъ десятирублевую бумажку и, медленно выговаривая слова, но и не теряя времени, подалъ ему бумажку и объяснилъ, что Петръ Дмитріевичъ (какъ великъ и значителенъ казался теперь Левину прежде столь неважный Петръ Дмитріевичъ!) обѣщалъ быть во всякое время, что онъ навѣрно не разсердится, и потому, чтобы онъ будилъ сейчасъ.

Лакей согласился, пошелъ на верхъ и попросилъ Левина въ пріемную.

Левину слышно было за дверью, какъ кашлялъ, ходилъ, мылся и что-то говорилъ докторъ. Прошло минуты три; Левину казалось, что прошло больше часа. Онъ не могъ болѣе дожидаться.

— Петръ Дмитріевичъ, Петръ Дмитріевичъ!—умоляющимъ голосомъ заговорилъ онъ въ отворенную дверь.—Ради Бога, простите меня. Примите меня, какъ есть. Уже болѣе двухъ часовъ...

— Сейчасъ, сейчасъ! — отвѣчалъ голосъ, и Левинъ съ изумленіемъ слышалъ, что докторъ говорилъ это улыбаясь.

— На одну минутку.

— Сейчасъ.—Прошло еще двѣ минуты, пока докторъ надѣвалъ сапоги, и еще двѣ минуты, пока докторъ надѣвалъ платье и чесалъ голову.

— Петръ Дмитріевичъ! — жалостнымъ голосомъ началъ было опять Левинъ, но въ это время вышелъ докторъ, одѣтый и причесанный. „Нѣтъ совѣсти у этихъ людей,—подумалъ Левинъ.—Чесаться, пока мы погибаемъ!“

— Доброе утро!—подавая ему руку и точно дразня его своимъ спокойствіемъ, сказалъ ему докторъ.—Не торопитесь. Ну-съ?

Стараясь какъ можно быть обстоятельнѣе, Левинъ началъ разсказывать всѣ ненужныя подробности о положеніи жены, безпрестанно перебивая свой разсказъ просьбами о томъ, чтобы докторъ сейчасъ же съ нимъ поѣхалъ.

— Да вы не торопитесь. Вѣдь вы не знаете. Я не нуженъ навѣрное, но я обѣщалъ и, пожалуй, пріѣду. Но спѣху нѣтъ. Вы садитесь, пожалуйста, не угодно ли кофею?

Левинъ посмотрѣлъ на него, спрашивая взглядомъ, смѣется ли онъ надъ нимъ? Но докторъ и не думалъ смѣяться.

— Знаю-съ, знаю,—сказалъ докторъ улыбаясь,—я самъ семейный человѣкъ; но мы, мужья, въ эти минуты самые жалкіе люди. У меня есть паціентка, такъ ея мужъ при этомъ всегда убѣгаетъ въ конюшню.

— Но какъ вы думаете, Петръ Дмитріевичъ? Вы думаете, что можетъ быть благополучно?

— Всѣ данныя за благополучный исходъ.

— Такъ вы сейчасъ пріѣдете?—сказалъ Левинъ, со злобой глядя на слугу, вносившаго кофей.

— Черезъ часикъ.

— Нѣтъ, ради Бога!

— Ну, такъ дайте кофею напьюсь.

Докторъ взялся за кофей. Оба помолчали.

— Однако, турокъ-то бьютъ рѣшительно. Вы читали вчерашнюю телеграмму? — сказалъ докторъ, пережевывая булку.

— Нѣтъ, я не могу!—сказалъ Левинъ вскакивая,—такъ черезъ четверть часа вы будете?

— Черезъ полчаса.

— Честное слово?

Когда Левинъ вернулся домой, онъ съѣхался съ княгиней, и они вмѣстѣ подошли къ двери спальни. У княгини были слезы на глазахъ и руки ея дрожали. Увидавъ Левина, она обняла его и заплакала.

— Ну что, душенька Лизавета Петровна, — сказала она, хватая за руку вышедшую имъ на встрѣчу, съ сіяющимъ и озабоченнымъ лицомъ, Лизавету Петровну.

— Идетъ хорошо, — сказала она, — уговорите ее лечь. Легче будетъ.

Съ той минуты, какъ онъ проснулся и понялъ, въ чемъ

дѣло, Левинъ приготовился на то, чтобы, не размышляя, не предусматривая ничего, заперевъ всѣ мысли и чувства, твердо, не разстраивая жену, а напротивъ успокоивая и поддерживая ея храбрость, перенести то, что̀ предстоитъ ему. Не позволяя себѣ даже думать о томъ, что̀ будетъ, чѣмъ это кончится, судя по распросамъ о томъ, сколько это обыкновенно продолжается, Левинъ въ воображенія своемъ приготовился терпѣть и держать свое сердце въ рукахъ часовъ пять, и ему это казалось возможно. Но когда онъ вернулся отъ доктора и увидалъ опять ея страданія, онъ чаще и чаще сталъ повторять: „Господи, прости, помоги“, вздыхать и поднимать голову кверху, и почувствовалъ страхъ, что не выдержитъ этого, расплачется или убѣжитъ,—такъ мучительно ему было. А прошелъ только часъ.

Но послѣ этого часа прошелъ еще часъ, два, три, всѣ пять часовъ, которые онъ ставилъ себѣ самымъ дальнимъ срокомъ терпѣнія, и положеніе было все то же; и онъ все терпѣлъ, потому что больше дѣлать было нечего, какъ терпѣть, каждую минуту думая, что онъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ терпѣнія и что сердце его вотъ-вотъ сейчасъ разорвется отъ сострадания.

Но проходили еще минуты, часы и еще часы, и чувства его страданія и ужаса росли и напрягались еще болѣе.

Всѣ тѣ обыкновенныя условія жизни, безъ которыхъ нельзя себѣ ничего представить, не существовали болѣе для Левина. Онъ потерялъ сознаніе времени. То минуты, — тѣ минуты, когда она призывала его къ себѣ и онъ держалъ ее за потную, то сжимающую съ необыкновенною силой, то отталкивающую его руку, — казались ему часами, то часы казались ему минутами. Онъ былъ удивленъ, когда Лизавета

Петровна попросила его зажечь свѣчу за ширмами, и онъ узналъ, что было уже пять часовъ вечера. Еслибъ ему сказали, что теперь только десять часовъ утра, онъ такъ же мало былъ бы удивленъ. Гдѣ онъ былъ въ это время, онъ такъ же мало зналъ, какъ и то, когда что̀ было. Онъ видѣлъ ея воспаленное, то недоумѣвающее и страдающее, то улыбающееся и успокоивающее его лицо. Онъ видѣлъ и княгиню, красную, напряженную, съ распустившимися буклями сѣдыхъ волосъ и въ слезахъ, которыя она усиленно глотала, кусая губы; видѣлъ и Долли, и доктора, курившаго толстыя папиросы, и Лизавету Петровну, съ твердымъ, рѣшительнымъ и успокоивающимъ лицомъ, и стараго князя, гуляющаго по залѣ съ нахмуреннымъ лицомъ. Но какъ они приходили и выходили, гдѣ они были, онъ не зналъ. Княгиня была то съ докторомъ въ спальнѣ, то въ кабинетѣ, гдѣ очутился накрытый столъ; то не она была, а была Долли. Потомъ Левинъ помнилъ, что его посылали куда-то. Разъ его послали перенести столъ и диванъ. Онъ съ усердіемъ сдѣлалъ это, думая, что это для нея нужно, и потомъ только узналъ, что это онъ для себя готовилъ ночлегъ. Потомъ его посылали къ доктору въ кабинетъ спрашивать что-то. Докторъ отвѣтилъ и потомъ заговорилъ о безпорядкахъ въ думѣ. Потомъ посылали его въ спальню къ княгинѣ принесть образъ въ серебряной золоченой ризѣ, и онъ со старою горничной княгини лазилъ на шкапчикъ доставать и разбилъ лампадку, и горничная княгини успокоивала его о женѣ и о лампадкѣ, и онъ принесъ образъ и поставилъ въ головахъ Кити, старательно засунувъ его за подушки. Но гдѣ, когда и зачѣмъ это все было, онъ не зналъ. Онъ не понималъ тоже, почему княгиня брала его

за руку и, жалостно глядя на него, просила успокоиться, и Долли уговаривала его поѣсть и уводила изъ комнаты, и даже докторъ серьёзно и съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ на него и предлагалъ капель.

Онъ зналъ и чувствовалъ только, что то, что̀ совершалось, было подобно тому, что̀ совершалось годъ тому назадъ въ гостиницѣ губернскаго города на одрѣ смерти брата Николая. Но то было горе, — это была радость. Но и то горе и эта радость одинаково были внѣ всѣхъ обычныхъ условій жизни, были въ этой обычной жизни какъ будто отверстія, сквозь которыя показывалось что-то высшее. И одинаково тяжело, мучительно наступало совершающееся, и одинаково непостижимо, при созерцаніи этого высшаго, поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде, и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею.

„Господи, прости и помоги!“ не переставая твердилъ онъ себѣ, несмотря на столь долгое и казавшееся полнымъ отчужденіе, чувствуя, что онъ обращается къ Богу точно такъ же довѣрчиво и просто, какъ и во времена дѣтства и первой молодости.

Все это время у него были два раздѣльныя настроенія. Одно – внѣ ея присутствія, съ докторомъ, курившимъ одну толстую папироску за другою и тушившимъ ихъ о край полной пепельницы, съ Долли, и съ княземъ, гдѣ шла рѣчь объ обѣдѣ, о политикѣ, о болѣзни Марьи Петровны, и гдѣ Левинъ вдругъ на минуту совершенно забывалъ, что̀ происходило, и чувствовалъ себя точно проснувшимся, и другое настроеніе—въ ея присутствіи, у ея изголовья, гдѣ сердце хотѣло разорваться и все не разрывалось отъ состраданія, и онъ не переставая молился Богу. И каждый разъ,

когда изъ минуты забвенія его выводилъ долетавшій изъ спальни крикъ, онъ подпадалъ подъ то же самое странное заблужденіе, которое въ первую минуту нашло на него: каждый разъ, услыхавъ крикъ, онъ вскакивалъ, бѣжалъ оправдываться, вспоминалъ дорогой, что онъ не виноватъ, и ему хотѣлось защитить, помочь. Но, глядя на нее, онъ опять видѣлъ, что помочь нельзя, и приходилъ въ ужасъ и говорилъ: „Господи, прости и помоги!“ И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе становились оба настроенія: тѣмъ спокойнѣе, совершенно забывая ее, онъ становился внѣ ея присутствія, и тѣмъ мучительнѣе становились и самыя ея страданія, и чувство безпомощности передъ ними. Онъ вскакивалъ, желалъ убѣжать куда-нибудь, а бѣжалъ къ ней.

Иногда, когда опять и опять она призывала его, онъ обвинялъ ее. Но, увидавъ ея покорное, улыбающееся лицо и услыхавъ слова: „Я измучила тебя“,—онъ обвинялъ Бога; но, вспомнивъ о Богѣ, онъ тотчасъ просилъ простить и помиловать.

XV.

Онъ не зналъ, поздно ли, рано ли. Свѣчи уже всѣ догорали. Долли только-что была въ кабинетѣ и предложила доктору прилечь. Левинъ сидѣлъ, слушая разсказы доктора о шарлатанѣ-магнетизерѣ, и смотрѣлъ на пепелъ его папироски. Былъ періодъ отдыха, и онъ забылся. Онъ совершенно забылъ о томъ, что̀ происходило теперь. Онъ слушалъ разсказъ доктора и понималъ его. Вдругъ раздался крикъ ни на что не похожій. Крикъ былъ такъ страшенъ, что Левинъ даже не вскочилъ, но, не переводя дыханія, испуганно-вопросительно посмотрѣлъ на доктора. Докторъ

склонилъ голову на бокъ, прислушиваясь, и одобрительно улыбнулся. Все было такъ необыкновенно, что ужъ ничто не поражало Левина. „Вѣрно такъ надо“, подумалъ онъ и продолжалъ сидѣть. Чей это былъ крикъ? Онъ вскочилъ, на цыпочкахъ вбѣжалъ въ спальню, обошелъ Лизавету Петровну, княгиню и сталъ на свое мѣсто, у изголовья. Крикъ затихъ, но что-то перемѣнилось теперь,—что̀, онъ не видѣлъ и не понималъ, и не хотѣлъ видѣть и понимать. Но онъ видѣлъ это по лицу Лизаветы Петровны: лицо Лизаветы Петровны было строго и блѣдно и все такъ же рѣшительно хотя челюсти ея немного подрагивали и глаза ея были пристально устремлены на Кити. Воспаленное, измученное лицо Кити, съ прилипшею къ потному лицу прядью волосъ, было обращено къ нему и искало его взгляда. Поднятыя руки просили его рукъ. Схвативъ потными руками его холодныя руки, она стала прижимать ихъ къ своему лицу.

— Не уходи, не уходи! Я не боюсь, я не боюсь!—быстро говорила она.—Мама, возьмите серьги. Онѣ мнѣ мѣшаютъ. Ты не боишься? Скоро, скоро, Лизавета Петровна...

Она говорила быстро, быстро, и хотѣла улыбнуться. Но вдругъ лицо ея исказилось, она оттолкнула его отъ себя.

— Нѣтъ, это ужасно! Я умру, умру! Поди, поди!—закричала она, и опять послышался тотъ же ни на что не похожій крикъ.

Левинъ схватился за голову и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ничего, ничего, все хорошо!—проговорила ему вслѣдъ Долли.

Но, что̀ бы они ни говорили, онъ зналъ, что теперь все погибло. Прислонившись головой къ притолкѣ, онъ стоялъ въ сосѣдней комнатѣ и слышалъ чей-то никогда неслыхан-

ный имъ визгъ, ревъ, и онъ зналъ, что это кричало то, что было прежде Кити. Уже ребенка онъ давно не желалъ. Онъ теперь ненавидѣлъ этого ребенка. Онъ даже не желалъ теперь ея жизни, онъ желалъ только прекращенія этихъ ужасныхъ страданій.

— Докторъ! Что-жъ это? Что-жъ это? Боже мой!—сказалъ онъ, хватая за руку вошедшаго доктора.

— Кончается,—сказалъ докторъ. И лицо доктора было такъ серьёзно, когда онъ говорилъ это, что Левинъ понялъ *кончается* въ смыслѣ „умираетъ“.

Не помня себя, онъ вбѣжалъ въ спальню. Первое, что онъ увидалъ, это было лицо Лизаветы Петровны. Оно было еще нахмуреннѣе и строже. Лица Кити не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ оно было прежде, было что-то страшное и по виду напряженія и по звуку выходившему оттуда. Онъ припалъ головой къ дереву кровати, чувствуя, что сердце его разрывается. Ужасный крикъ не умолкалъ, онъ сдѣлался еще ужаснѣе и, какъ бы дойдя до послѣдняго предѣла ужаса, вдругъ затихъ. Левинъ не вѣрилъ своему слуху, но нельзя было сомнѣваться: крикъ затихъ, и слышались тихая суетня, шелестъ и торопливыя дыханія, и ея прерывающійся, живой и нѣжный, счастливый голосъ тихо произнесъ: „кончено“.

Онъ поднялъ голову. Безсильно опустивъ руку на одѣяло, необычайно прекрасная и тихая, она безмолвно смотрѣла на него, и хотѣла и не могла улыбнуться.

И вдругъ, изъ того таинственнаго и ужаснаго, нездѣшняго міра, въ которомъ онъ жилъ эти двадцать два часа, Левинъ мгновенно почувствовалъ себя перенесеннымъ въ прежній, обычный міръ, но сіяющій теперь такимъ новымъ

свѣтомъ счастія, что онъ не перенесъ его. Натянутыя струны всѣ сорвались. Рыданія и слезы радости, которыхъ онъ никакъ не предвидѣлъ, съ такою силой поднялись въ немъ, колебля все его тѣло, что долго мѣшали ему говорить.

Упавъ на колѣни передъ постелью, онъ держалъ передъ губами руку жены и цѣловалъ ее, и рука эта слабымъ движеніемъ пальцевъ отвѣчала на его поцѣлуи. А между тѣмъ тамъ, въ ногахъ постели, въ ловкихъ рукахъ Лизаветы Петровны, какъ огонекъ надъ свѣтильникомъ, колебалась жизнь человѣческаго существа, котораго никогда прежде не было и которое такъ же, съ тѣмъ же правомъ, съ тою же значительностью для себя, будетъ жить и плодить себѣ подобныхъ.

— Живъ! Живъ! Да еще мальчикъ! Не безпокойтесь!— услыхалъ Левинъ голосъ Лизаветы Петровны, шлепавшей дрожавшею рукой спину ребенка.

— Мама, правда?—сказалъ голосъ Кити.

Только всхлипыванья княгини отвѣчали ей.

И среди молчанія, какъ несомнѣнный отвѣтъ на вопросъ матери, послышался голосъ совсѣмъ другой, чѣмъ всѣ сдержанно говорившіе голоса въ комнатѣ. Это былъ смѣлый, дерзкій, ничего не хотѣвшій соображать, крикъ непонятно откуда явившагося новаго человѣческаго существа.

Прежде, еслибы Левину сказали, что Кити умерла и что онъ умеръ съ нею вмѣстѣ, и что у нихъ дѣти ангелы, и что Богъ тутъ передъ ними,— онъ ничему бы не удивился; но теперь, вернувшись въ міръ дѣйствительности, онъ дѣлалъ большія усилія мысли, чтобы понять, что она жива, здорова, и что такъ отчаянно визжавшее существо есть сынъ его. Кити была жива, страданія кончились. И онъ былъ

невыразимо счастливъ. Это онъ понималъ и этимъ былъ вполнѣ счастливъ. Но ребенокъ? Откуда, зачѣмъ, кто онъ?... Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ этой мысли. Это казалось ему чѣмъ-то излишнимъ, избыткомъ, къ которому онъ долго не могъ привыкнуть.

XVI.

Въ десятомъ часу, старый князь, Сергѣй Ивановичъ и Степанъ Аркадьевичъ сидѣли у Левина и, поговоривъ о родильницѣ, разговаривали и о постороннихъ предметахъ. Левинъ слушалъ ихъ и, невольно при этихъ разговорахъ вспоминая прошедшее, то, что было до нынѣшняго утра, вспоминалъ и себя, какимъ онъ былъ вчера до этого. Точно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Онъ чувствовалъ себя на какой-то недосягаемой высотѣ, съ которой онъ старательно спускался, чтобы не обидѣть тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ. Онъ говорилъ и не переставая думалъ о женѣ, о подробностяхъ ея теперешняго состоянія, и о сынѣ, къ мысли о существованіи котораго онъ старался пріучить себя. Весь міръ женскій, получившій для него новое, неизвѣстное ему значеніе послѣ того, какъ онъ женился, теперь въ его понятіяхъ поднялся такъ высоко, что онъ не могъ воображеніемъ обнять его. Онъ слушалъ разговоръ о вчерашнемъ обѣдѣ въ клубѣ и думалъ: „Что теперь дѣлается съ ней, заснула ли? Какъ ей? Что она думаетъ? Кричитъ ли сынъ Дмитрій?“ И въ серединѣ разговора, въ серединѣ фразы, онъ вскочилъ и пошелъ изъ комнаты.

— Пришли мнѣ сказать, можно ли къ ней, — сказалъ князь.

— Хорошо, сейчасъ,—отвѣчалъ Левинъ и, не останавливаясь, пошелъ къ ней.

Она не спала и тихо разговаривала съ матерью, дѣлая планы о будущихъ крестинахъ.

Убранная, причесанная, въ нарядномъ чепчикѣ съ чѣмъ-то голубымъ, выпроставъ руки на одѣяло, она лежала на спинѣ и, встрѣтивъ его взглядомъ, взглядомъ притягивала къ себѣ. Взглядъ ея, и такъ свѣтлый, еще болѣе свѣтлѣлъ по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней. На ея лицѣ была та самая перемѣна отъ земнаго къ неземному, которая бываетъ на лицѣ покойниковъ; но тамъ прощаніе, здѣсь встрѣча. Опять волненіе, подобное тому, какое онъ испытывалъ въ минуту родовъ, подступило ему къ сердцу. Она взяла его руку и спросила, спалъ ли онъ. Онъ не могъ отвѣчать и отворачивался, убѣдясь въ своей слабости.

— А я забылась, Костя!—сказала она ему.—И мнѣ такъ хорошо теперь.

Она смотрѣла на него, но вдругъ выраженіе ея измѣнилось.

— Дайте мнѣ его, — сказала она, услыхавъ пискъ ребенка.—Дайте, Лизавета Петровна, и онъ посмотритъ.

— Ну вотъ, пускай папа посмотритъ,—сказала Лизавета Петровна, поднимая и поднося что то красное, странное и колеблющееся. — Постойте, мы прежде уберемся, — и Лизавета Петровна положила это колеблющееся и красное на кровать, стала развертывать и завертывать ребенка, однимъ пальцемъ поднимая и переворачивая его и чѣмъ-то посыпая.

Левинъ, глядя на это крошечное, жалкое существо, дѣлалъ тщетныя усилія, чтобы найдти въ своей душѣ какіенибудь признаки къ нему отеческаго чувства. Онъ чувство-

валъ къ нему только гадливость. Но когда его обнажили и мелькнули тоненькія-тоненькія ручки, ножки, шафранныя, тоже съ пальчиками, и даже съ большимъ пальцемъ, отличающимся отъ другихъ, и когда онъ увидалъ, какъ, точно мягкія пружинки, Лизавета Петровна прижимала эти таращившіяся ручки, заключая ихъ въ полотняныя одежды,— на него нашла такая жалость къ этому существу и такой страхъ, что она повредитъ ему, что онъ удержалъ ее за руку.

Лизавета Петровна засмѣялась.

— Не бойтесь, не бойтесь!

Когда ребенокъ былъ убранъ и превращенъ въ твердую куколку, Лизавета Петровна перекачнула его, какъ бы гордясь своею работой, и отстранилась, чтобы Левинъ могъ видѣть сына во всей его красотѣ.

Кити, не спуская глазъ, косясь смотрѣла туда же.— Дайте, дайте!—сказала она и даже поднялась было.

— Что вы, Катерина Александровна, это нельзя такія движенія! Погодите, я подамъ. Вотъ мы папашѣ покажемся, какіе мы молодцы!

И Лизавета Петровна подняла къ Левину на одной рукѣ (другая только пальцами подпирала качающійся затылокъ) это странное, качающееся и прячущее свою голову за края пеленки красное существо. Но были тоже носъ, косившіеся глаза и чмокающія губы.

— Прекрасный ребенокъ! — сказала Лизавета Петровна.

Левинъ съ огорченіемъ вздохнулъ. Этотъ прекрасный ребенокъ внушалъ ему только чувство гадливости и жалости. Это было совсѣмъ не то чувство, котораго онъ ожидалъ.

Онъ отвернулся, пока Лизавета Петровна устраивала его къ непривычной груди.

Вдругъ смѣхъ заставилъ его поднять голову. Это Кити засмѣялась. Ребенокъ взялся за грудь.

— Ну, довольно, довольно!—говорила Лизавета Петровна, но Кити не отпускала его. Онъ заснулъ на ея рукахъ.

— Посмотри теперь, — сказала Кити, поворачивая къ нему ребенка такъ, чтобы онъ могъ видѣть его. Личико старческое вдругъ еще болѣе сморщилось и ребенокъ чихнулъ.

Улыбаясь и едва удерживая слезы умиленія, Левинъ поцѣловалъ жену и вышелъ изъ темной комнаты.

Что̀ онъ испытывалъ къ этому маленькому существу, было совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Ничего веселаго и радостнаго не было въ этомъ чувствѣ; напротивъ, это былъ новый мучительный страхъ. Это было сознаніе новой области уязвимости. И это сознаніе было такъ мучительно первое время, страхъ за то, чтобы не пострадало это безпомощное существо, былъ такъ силенъ, что изъ за него и не замѣтно было странное чувство безсмысленной радости и даже гордости, которое онъ испыталъ, когда ребенокъ чихнулъ.

XVII.

Дѣла Степана Аркадьевича находились въ дурномъ положеніи.

Деньги за двѣ трети лѣса были уже прожиты, и, за вычетомъ десяти процентовъ, онъ забралъ у купца почти все впередъ за послѣднюю треть. Купецъ больше не давалъ денегъ, тѣмъ болѣе, что въ эту зиму Дарья Александровна, въ первый разъ прямо заявивъ права на свое состояніе, отказалась расписаться на контрактѣ въ полученіи денегъ

за послѣднюю треть лѣса. Все жалованье уходило на домашніе расходы и на уплату мелкихъ непереводившихся долговъ. Денегъ совсѣмъ не было.

Это было непріятно, неловко и не должно было такъ продолжаться, по мнѣнію Степана Аркадьевича. Причина этого, по его понятію, состояла въ томъ, что онъ получалъ слишкомъ мало жалованья. Мѣсто, которое онъ занималъ, было, очевидно, очень хорошо пять лѣтъ тому назадъ, но теперь ужъ было не то. Петровъ, директоромъ банка, получалъ 12 000. Свентицкій, членомъ общества, получалъ 17.000. Митинъ, основавъ банкъ, получалъ 50.000. „Очевидно я заснулъ и меня забыли", думалъ про себя Степанъ Аркадьевичъ. И онъ сталъ прислушиваться, приглядываться, и къ концу зимы высмотрѣлъ мѣсто очень хорошее и повелъ на него атаку сначала изъ Москвы, черезъ тетокъ, дядей, пріятелей, а потомъ, когда дѣло созрѣло, весной самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ теперь, всѣхъ размѣровъ, отъ 1.000 до 50.000 въ годъ жалованья, стало больше, чѣмъ прежде было, теплыхъ, взяточныхъ мѣстъ; это было мѣсто члена отъ коммиссіи соединеннаго агентства кредитно взаимнаго баланса южно-желѣзныхъ дорогъ и банковыхъ учрежденій. Мѣсто это, какъ и всѣ такія мѣста, требовало такихъ огромныхъ знаній и дѣятельности, которыя трудно было соединить въ одномъ человѣкѣ. А такъ какъ человѣка, соединяющаго эти качества, не было, то все-таки лучше было, чтобы мѣсто это занималъ честный, чѣмъ нечестный человѣкъ. А Степанъ Аркадьевичъ былъ не только человѣкъ честный (безъ ударенія), но онъ былъ честный человѣкъ (съ удареніемъ), съ тѣмъ особеннымъ значеніемъ, которое въ Мо-

сквѣ имѣетъ это слово, когда говорятъ: честный дѣятель, честный писатель, честный журналъ, честное учрежденіе, честное направленіе, и которое означаетъ не только то, что человѣкъ или учрежденіе не безчестны, но и то, что они способны при случаѣ подпустить шпильку правительству. Степанъ Аркадьевичъ вращался въ Москвѣ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ введено было это слово, считался тамъ честнымъ человѣкомъ, и потому имѣлъ болѣе, чѣмъ другіе, правъ на это мѣсто.

Мѣсто это давало отъ семи до десяти тысячъ въ годъ, и Облонскій могъ занимать его, не оставляя своего казеннаго мѣста. Оно зависѣло отъ двухъ министерствъ, отъ одной дамы и отъ двухъ евреевъ, и всѣхъ этихъ людей, хотя они были уже подготовлены, Степану Аркадьевичу нужно было видѣть въ Петербургѣ. Кромѣ того, Степанъ Аркадьевичъ обѣщалъ сестрѣ Аннѣ добиться отъ Каренина рѣшительнаго отвѣта о разводѣ. И, выпросивъ у Долли пятьдесятъ рублей, онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Сидя въ кабинетѣ Каренина и слушая его проектъ о причинахъ дурнаго состоянія русскихъ финансовъ, Степанъ Аркадьевичъ выжидалъ только минуты, когда тотъ кончитъ, чтобы заговорить о своемъ дѣлѣ и объ Аннѣ.

— Да, это очень вѣрно, — сказалъ онъ, когда Алексѣй Александровичъ, снявъ pince nez, безъ котораго онъ не могъ читать теперь, вопросительно посмотрѣлъ на бывшаго шурина,—это очень вѣрно въ подробностяхъ, но все-таки принципъ нашего времени—свобода.

— Да, но я выставляю другой принципъ, обнимающій принципъ свободы, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, ударяя на словѣ „обнимающій“ и надѣвая опять pince-nez, чтобы

вновь прочесть слушателю то мѣсто, гдѣ это самое было сказано.

И, перебравъ красиво написанную, съ огромными полями рукопись, Алексѣй Александровичъ вновь прочелъ убѣдительное мѣсто.

— Я не хочу протекціонной системы не для выгоды частныхъ лицъ, но для общаго блага, и для низшихъ и для высшихъ классовъ одинаково,—говорилъ онъ, поверхъ pince-nez глядя на Облонскаго.—Но *они* не могутъ понять этого, *они* заняты только личными интересами и увлекаются фразами.

Степанъ Аркадьевичъ зналъ, что когда Каренинъ началъ говорить о томъ, что̀ дѣлаютъ и думаютъ *они,* тѣ самые, которые не хотѣли принимать его проектовъ и были причиной всего зла въ Россіи, что тогда уже близко было къ концу, и потому охотно отказался теперь отъ принципа свободы и вполнѣ согласился. Алексѣй Александровичъ замолкъ, задумчиво перелистывая свою рукопись.

— Ахъ, кстати,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ,—я тебя хотѣлъ попросить при случаѣ, когда ты увидишься съ Поморскимъ, сказать ему словечко о томъ, что я бы очень желалъ занять открывающееся мѣсто члена коммиссіи отъ соединеннаго агентства кредитно-взаимнаго баланса южно-желѣзныхъ дорогъ. Степану Аркадьевичу названіе этого мѣста, столь близкаго его сердцу, уже было привычно и онъ, не ошибаясь, быстро выговаривалъ его.

Алексѣй Александровичъ распросилъ, въ чемъ состояла дѣятельность этой новой коммиссіи, и задумался. Онъ соображалъ, нѣтъ ли въ дѣятельности этой коммиссіи чего-нибудь противоположнаго его проектамъ. Но такъ какъ

дѣятельность этого новаго учрежденія была очень сложна и проекты его обнимали очень большую область, онъ не могъ сразу сообразить этого и, снимая pince-nez, сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, я могу сказать ему; но для чего ты собственно желаешь занять это мѣсто?

— Жалованье хорошее, до девяти тысячъ, а мои средства...

— Девять тысячъ,—повторилъ Алексѣй Александровичъ и нахмурился. Высокая цифра этого жалованья напоминала ему, что съ этой стороны предполагаемая дѣятельность Степана Аркадьевича была противна главному смыслу его проектовъ, всегда клонившихся къ экономіи.

— Я нахожу, и написалъ объ этомъ записку, что въ наше время эти огромныя жалованья суть признаки ложной экономической assiette нашего управленія.

— Да какъ же ты хочешь?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Ну, положимъ, директоръ банка получаетъ десять тысячъ,—вѣдь онъ стóитъ этого. Или инженеръ получаетъ двадцать тысячъ. Живое дѣло, какъ хочешь!

— Я полагаю, что жалованье есть плата за товаръ, и оно должно подлежать закону требованія и предложенія. Если же назначеніе жалованья отступаетъ отъ этого закона, какъ, напримѣръ, когда я вижу, что выходятъ изъ института два инженера, оба одинаково знающіе и способные, и одинъ получаетъ сорокъ тысячъ, а другой довольствуется двумя тысячами; или что въ директоры банковъ общества опредѣляютъ съ огромнымъ жалованьемъ правовѣдовъ, гусаровъ, не имѣющихъ никакихъ особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній,—я заключаю, что жалованье назначается не по закону требованія и предложенія, а прямо по лицепріятію.

И тутъ есть злоупотребленіе, важное само по себѣ и вредно отзывающееся на государственной службѣ. Я полагаю...

Степанъ Аркадьевичъ поспѣшилъ перебить зятя.

— Да, но ты согласись, что открывается новое, несомнѣнно полезное учрежденіе. Какъ хочешь, живое дѣло! Дорожатъ въ особенности тѣмъ, чтобы дѣло ведено было честно,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ удареніемъ.

Но московское значеніе *честнаго* было непонятно для Алексѣя Александровича.

— Честность есть только отрицательное свойство,—сказалъ онъ.

— Но ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе все-таки,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ,—замолвивъ словечко Поморскому... такъ, между разговоромъ...

— Да вѣдь это больше отъ Болгаринова зависитъ, кажется,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Болгариновъ съ своей стороны совершенно согласенъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, краснѣя. Степанъ Аркадьевичъ краснѣлъ при упоминаніи о Болгариновѣ потому, что онъ въ этотъ же день утромъ былъ у еврея Болгаринова, и визитъ этотъ оставилъ въ немъ непріятное воспоминаніе.

Степанъ Аркадьевичъ твердо зналъ, что дѣло, которому онъ хотѣлъ служить, было новое, живое и честное дѣло; но нынче утромъ, когда Болгариновъ очевидно нарочно заставилъ его два часа дожидаться съ другими просителями въ пріемной, ему вдругъ стало неловко.

То ли ему было неловко, что онъ, потомокъ Рюрика, князь Облонскій, ждалъ два часа въ пріемной у жида, или то, что въ первый разъ въ жизни онъ не слѣдовалъ при-

мѣру предковъ, служа правительству, а выступалъ на ново поприще, но ему было очень неловко. Въ эти два часа ожиданія у Болгаринова, Степанъ Аркадьевичъ, бойко прохаживаясь по пріемной, расправляя бакенбарды, вступая въ разговоръ съ другими просителями и придумывая каламбуръ, который онъ скажетъ о томъ, какъ онъ у жида дожидался, старательно скрывалъ отъ другихъ и даже отъ себя испытываемое чувство.

Но ему во все это время было неловко и досадно, онъ самъ не зналъ отчего,—оттого ли, что ничего не выходило изъ каламбура: „было дѣло *до жида*, и я *дожида*-лся“, или отъ чего-нибудь другаго. Когда же наконецъ Болгариновъ съ чрезвычайною учтивостью принялъ его, очевидно торжествуя его униженіемъ, и почти отказалъ ему, Степанъ Аркадьевичъ поторопился какъ можно скорѣе забыть это. И, теперь только вспомнивъ, покраснѣлъ.

XVIII.

— Теперь у меня еще дѣло, и ты знаешь какое: объ Аннѣ,—сказалъ, помолчавъ немного и стряхнувъ съ себя это непріятное впечатлѣніе, Степанъ Аркадьевичъ.

Какъ только Облонскій произнесъ имя Анны, лицо Алексѣя Александровича совершенно измѣнилось: вмѣсто прежняго оживленія, оно выразило усталость и мертвенность.

— Что собственно вы хотите отъ меня?—повертываясь на креслѣ и защелкивая свой pince-nez, сказалъ онъ.

— Рѣшенія, какого-нибудь рѣшенія, Алексѣй Александровичъ. Я обращаюсь къ тебѣ теперь...—„не какъ къ оскорбленному мужу“, хотѣлъ сказать Степанъ Аркадьевичъ, но,

побоявшись испортить этимъ дѣло, замѣнилъ это словами: — не какъ къ государственному человѣку (что вышло не кстати), а просто какъ къ человѣку, и доброму человѣку и христіанину. Ты долженъ пожалѣть ее,—сказалъ онъ.

— То есть въ чемъ же собственно? — тихо сказалъ Каренинъ.

— Да, пожалѣть ее. Еслибы ты ее видѣлъ, какъ я,—я провелъ всю зиму съ нею,—ты бы сжалился надъ нею. Положеніе ея ужасно, именно ужасно.

— Мнѣ казалось, — отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ болѣе тонкимъ, почти визгливымъ голосомъ, — что Анна Аркадьевна имѣетъ все то, чего она сама хотѣла.

— Ахъ, Алексѣй Александровичъ, ради Бога не будемъ дѣлать рекриминацій! Что прошло, то прошло, и ты знаешь, чего она желаетъ и ждетъ,—развода.

— Но я полагалъ, что Анна Аркадьевна отказывается отъ развода въ томъ случаѣ, если я потребую обязательства оставить мнѣ сына. Я такъ и отвѣчалъ, и думалъ, что дѣло это кончено. Я считаю его оконченнымъ, — взвизгнулъ Алексѣй Александровичъ.

— Но, ради Бога, не горячись,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, дотрогиваясь до колѣнки зятя. — Дѣло не кончено. Если ты позволишь мнѣ рекапитюлировать, дѣло было такъ: когда вы разстались, ты былъ великъ, какъ можно быть великодушнымъ: ты отдавалъ ей все—свободу, разводъ даже. Она оцѣнила это,—нѣтъ, ты не думай, именно оцѣнила,—до такой степени, что въ эти первыя минуты, чувствуя свою вину передъ тобой, она не обдумала и не могла обдумать всего. Она отъ всего отказалась. Но дѣйствительность, время—показали, что ея положеніе мучительно и невозможно.

— Жизнь Анны Аркадьевны не можетъ интересовать меня, —перебилъ Алексѣй Александровичъ, поднимая брови.

— Позволь мнѣ не вѣрить, — мягко возразилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Положеніе ея и мучительно для нея, и безъ всякой выгоды для кого бы то ни было. Она заслужила его, ты скажешь. Она знаетъ это и не проситъ тебя,—она прямо говоритъ, что она ничего не смѣетъ просить. Но я, мы всѣ родные, всѣ любящіе ее просимъ, умоляемъ тебя. За что она мучается? Кому отъ этого лучше?

— Позвольте, вы, кажется, ставите меня въ положеніе обвиняемаго,—проговорилъ Алексѣй Александровичъ.

— Да нѣтъ, да нѣтъ, нисколько, ты пойми меня, — опять дотрогиваясь до его руки, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что это прикосновеніе смягчаетъ зятя.—Я только говорю одно: ея положеніе мучительно, и оно можетъ быть облегчено тобой, и ты ничего не потеряешь. Я тебѣ все такъ устрою, что ты не замѣтишь. Вѣдь ты обѣщалъ.

— Обѣщаніе дано было прежде. И я полагалъ, что вопросъ о сынѣ рѣшалъ дѣло. Кромѣ того, я надѣялся, что у Анны Аркадьевны достанетъ великодушія...—съ трудомъ, трясущимися губами, выговорилъ поблѣднѣвшій Алексѣй Александровичъ.

— Она предоставляетъ все твоему великодушію. Она проситъ, умоляетъ объ одномъ—вывести ее изъ того невозможнаго положенія, въ которомъ она находится. Она уже не проситъ сына. Алексѣй Александровичъ, ты добрый человѣкъ. Войди на мгновеніе въ ея положеніе. Вопросъ развода для нея, въ ея положеніи, вопросъ жизни и смерти. Еслибы ты не обѣщалъ прежде, она бы помирилась съ сво-

нимъ положеніемъ, жила бы въ деревнѣ. Но ты обѣщалъ, она написала тебѣ и переѣхала въ Москву. И вотъ въ Москвѣ, гдѣ каждая встрѣча ей ножъ въ сердце, она живетъ шесть мѣсяцевъ, съ каждымъ днемъ ожидая рѣшенія. Вѣдь это все равно, что приговореннаго къ смерти держать мѣсяцы съ петлей на шеѣ, обѣщая можетъ-быть смерть, можетъ-быть помилованіе. Сжалься надъ ней, и потомъ я берусь все такъ устроить... Vos scrupules...

— Я не говорю объ этомъ, объ этомъ...—гадливо перебилъ его Алексѣй Александровичъ. — Но можетъ-быть я обѣщалъ то, чего я не имѣлъ права обѣщать.

— Такъ ты отказываешь въ томъ, что обѣщалъ?

— Я никогда не отказывалъ въ исполненіи возможнаго, но я желаю имѣть время обдумать, насколько обѣщанное возможно.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ! — вскакивая, заговорилъ Облонскій, — я не хочу вѣрить этому! Она такъ несчастна, какъ только можетъ быть несчастна женщина, и ты не можешь отказать въ такой...

— Насколько обѣщанное возможно. Vous professez d'être un libre penseur. Но я, какъ человѣкъ вѣрующій, не могу въ такомъ важномъ дѣлѣ поступить противно христіанскому закону.

— Но въ христіанскихъ обществахъ и у насъ, сколько я знаю, разводъ допущенъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Разводъ допущенъ и нашею церковью. И мы видимъ...

— Допущенъ, но не въ этомъ смыслѣ.

— Алексѣй Александровичъ, я не узнаю тебя, — помолчавъ, сказалъ Облонскій.— Не ты ли (и мы ли не оцѣнили этого?) все простилъ и, движимый именно христіанскимъ

чувствомъ, готовъ былъ всѣмъ пожертвовать? Ты самъ сказалъ: отдать кафтанъ, когда берутъ рубашку, и теперь. .

— Я прошу, вдругъ вставая на ноги, блѣдный и съ трясущеюся челюстью, пискливымъ голосомъ заговорилъ Алексѣй Александровичъ,—прошу васъ прекратить, прекратить... этотъ разговоръ.

— Ахъ, нѣтъ! Ну, прости, прости меня, если я огорчилъ тебя,—сконфуженно улыбаясь, заговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, протягивая руку, — но я все-таки, какъ посолъ, только передавалъ свое порученіе.

Алексѣй Александровичъ подалъ свою руку, задумался и проговорилъ:

— Я долженъ обдумать и поискать указаній. Послѣзавтра я дамъ вамъ рѣшительный отвѣтъ,—сообразивъ что-то, сказалъ онъ.

XIX.

Степанъ Аркадьевичъ хотѣлъ уже уходить, когда Корней пришелъ доложать:

— Сергѣй Алексѣевичъ!

— Кто это Сергѣй Алексѣевичъ? — началъ было Степанъ Аркадьевичъ, но тотчасъ же вспомнилъ.

— Ахъ, Сережа! — сказалъ онъ. — „Сергѣй Алексѣевичъ"... Я думалъ, директоръ департамента. Анна и просила меня повидать его,—вспомнилъ онъ.

И онъ вспомнилъ то робкое, жалостное выраженіе, съ которымъ Анна, отпуская его, сказала: „Все-таки ты увидишь его. Узнай подробно, гдѣ онъ, кто при немъ. И Стива... еслибы возможно... Вѣдь возможно?" Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что означало это: „еслибы возможно",—

еслибы возможно сдѣлать разводъ такъ, чтобъ отдать ей сына... Теперь Степанъ Аркадьевичъ видѣлъ, что объ этомъ и думать нечего, но все-таки радъ былъ увидѣть племянника.

Алексѣй Александровичъ напомнилъ шурину, что сыну никогда не говорятъ про мать и что онъ проситъ его ни слова ни упоминать про нее.

— Онъ былъ очень боленъ послѣ того свиданія съ матерью, которое мы не предусмотрѣли,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.—Мы боялись даже за его жизнь. Но разумное лѣченіе и морскія купанья лѣтомъ исправили его здоровье, и теперь я, по совѣту доктора, отдалъ его въ школу. Дѣйствительно, вліяніе товарищей оказало на него хорошее дѣйствіе, и онъ совершенно здоровъ и учится хорошо.

— Экой молодецъ сталъ! И то не Сережа, а цѣлый Сергѣй Алексѣевичъ!—улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, глядя на бойко и развязно вошедшаго красиваго, широкаго мальчика въ синей курточкѣ и длинныхъ панталонахъ. Мальчикъ имѣлъ видъ здоровый и веселый. Онъ поклонился дядѣ, какъ чужому, но, узнавъ его, покраснѣлъ и, точно обиженный и разсерженный чѣмъ-то, поспѣшно отвернулся отъ него. Мальчикъ подошелъ къ отцу и подалъ ему записку о баллахъ, полученныхъ въ школѣ.

— Ну, это порядочно,—сказалъ отецъ,—можешь идти.

— Онъ похудѣлъ и выросъ, и пересталъ быть ребенкомъ, а сталъ мальчишкой; я это люблю,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Да ты момнишь меня?

Мальчикъ быстро оглянулся на отца.

— Помню, mon oncle,—отвѣчалъ онъ, оглянулся на дядю и опять потупился.

Дядя подозвалъ мальчика и взялъ его за руку.

— Ну, что-жъ, какъ дѣла?—сказалъ онъ, желая разговориться и не зная что̀ сказать.

Мальчикъ, краснѣя и не отвѣчая, осторожно потягивалъ свою руку изъ руки дяди. Какъ только Степанъ Аркадьевичъ выпустилъ его руку, онъ, какъ птица, выпущенная на волю, вопросительно взглянувъ на отца, быстрымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Сережа видѣлъ въ послѣдній разъ свою мать. Съ того времени онъ никогда не слыхалъ болѣе про нее. И въ этотъ же годъ онъ былъ отданъ въ школу, и узналъ и полюбилъ товарищей. Тѣ мечты и воспоминанія о матери, которыя послѣ свиданія съ нею сдѣлали его больнымъ, теперь уже не занимали его. Когда онѣ приходили, онъ старательно отгонялъ ихъ отъ себя, считая ихъ стыдными и свойственными только дѣвочкамъ, а не мальчику и товарищу. Онъ зналъ, что между отцомъ и матерью была ссора, разлучившая ихъ, зналъ, что ему суждено оставаться съ отцомъ, и старался привыкнуть къ этой мысли.

Увидать дядю, похожаго на мать, ему было непріятно, потому что это вызывало въ немъ тѣ самыя воспоминанія, которыя онъ считалъ стыдными. Это было ему тѣмъ болѣе непріятно, что по нѣкоторымъ словамъ, которыя онъ слышалъ, дожидаясь у двери кабинета, и въ особенности по выраженію лица отца и дяди, онъ догадывался, что между ними должна была идти рѣчь о матери. И, чтобы не осуждать того отца, съ которымъ онъ жилъ и отъ котораго

зависѣлъ, и, главное, не предаваться чувствительности, которую онъ считалъ столь унизительною, Сережа старался не смотрѣть на этого дядю, пріѣхавшаго нарушать его спокойствіе, и не думалъ про то, что̀ онъ напоминалъ.

Но когда, вышедшій вслѣдъ за нимъ, Степанъ Аркадьевичъ, увидавъ его на лѣстницѣ, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, какъ онъ въ школѣ проводитъ время между классами, Сережа, внѣ присутствія отца, разговорился съ нимъ.

— У насъ теперь идетъ желѣзная дорога,—сказалъ онъ, отвѣчая на его вопросъ. Это видите ли какъ: двое садятся на лавку. Это пассажиры. А одинъ становится стоя на лавку же. И всѣ запрягаются. Можно и руками, можно и поясами, и пускаются чрезъ всѣ залы. Двери уже впередъ отворяются. Ну, и тутъ кондукторомъ очень трудно быть!

— Это который стоя?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь.

— Да, тутъ надо и смѣлость, и ловкость, особенно какъ вдругъ остановятся, или кто-нибудь упадетъ.

— Да, это не шутка, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ грустью вглядываясь въ эти оживленные, материнскіе глаза, теперь ужъ не ребячьи, не вполнѣ уже невинные. И хотя онъ и обѣщалъ Алексѣю Александровичу не говорить про Анну, онъ не вытерпѣлъ.

— А ты помнишь мать?—вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не помню,—быстро проговорилъ Сережа и, багрово покраснѣвъ, потупился. И уже дядя ничего болѣе не могъ добиться отъ него.

Славянинъ гувернеръ черезъ полчаса нашелъ своего воспитанника на лѣстницѣ и долго не могъ понять—злится онъ, или плачетъ.

— Что-жъ, вѣрно ушиблись, когда упали?—сказалъ гувернеръ.—Я говорилъ, что это опасная игра. И надо сказать директору.

— Еслибъ и ушибся, такъ никто бы не замѣтилъ. Ужъ это навѣрно.

— Ну такъ что же?

— Оставьте меня! Помню, не помню... Какое ему дѣло? Зачѣмъ мнѣ помнить?... Оставьте меня въ покоѣ!—обратился онъ уже не къ гувернеру, а ко всему свѣту.

XX.

Степанъ Аркадьевичъ, какъ и всегда, не праздно проводилъ время въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ дѣлъ: развода сестры и мѣста, ему, какъ и всегда, нужно было освѣжиться, какъ онъ говорилъ, послѣ московской затхлости.

Москва, несмотря на свои cafés chantants и омнибусы, была все-таки стоячее болото. Это всегда чувствовалъ Степанъ Аркадьевичъ. Поживъ въ Москвѣ, особенно въ близости съ семьей, онъ чувствовалъ что падаетъ духомъ. Поживя долго безвыѣздно въ Москвѣ, онъ доходилъ до того, что начиналъ безпокоиться дурнымъ расположеніемъ и упреками жены, здоровьемъ, воспитаніемъ дѣтей, мелкими интересами своей службы; даже то, что у него были долги, безпокоило его. Но стоило только пріѣхать и пожить въ Петербургѣ, въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, гдѣ жили, именно жили, а не прозябали, какъ въ Москвѣ, и тотчасъ всѣ мысли эти исчезали и таяли какъ воскъ отъ лица огня.

Жена?... Нынче только онъ говорилъ съ княземъ Чеченскимъ. У князя Чеченскаго была жена и семья—взрослые

нажи дѣти, и была другая, незаконная семья, отъ которой тоже были дѣти. Хотя первая семья тоже была хороша, князь Чеченскій чувствовалъ себя счастливѣе во второй семьѣ. И онъ возилъ своего старшаго сына во вторую семью и разсказывалъ Степану Аркадьевичу, что онъ находитъ это полезнымъ и развивающимъ для сына. Что бы на это сказали въ Москвѣ?

Дѣти?... Въ Петербургѣ дѣти не мѣшали жить отцамъ. Дѣти воспитывались въ заведеніяхъ, и не было этого распространяющагося въ Москвѣ (Львовъ, напримѣръ) дикаго понятія, что дѣтямъ—всю роскошь жизни, а родителямъ— одинъ трудъ и заботы. Здѣсь понимали, что человѣкъ обязанъ жить для себя, какъ долженъ жить образованный человѣкъ.

Служба?... Служба здѣсь тоже не была та упорная, безнадежная лямка, которую тянули въ Москвѣ; здѣсь былъ интересъ въ службѣ. Встрѣча, услуга, мѣткое слово, умѣнье представлять въ лицахъ разныя штуки—и человѣкъ вдругъ дѣлалъ карьеру, какъ Брянцевъ, котораго вчера встрѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ и который былъ первый сановникъ теперь. Эта служба имѣла интересъ.

Въ особенности же петербургскій взглядъ на денежныя дѣла успокоительно дѣйствовалъ на Степана Аркадьевича. Бартнянскій, проживающій по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ, по тому train, который онъ велъ, сказалъ ему объ этомъ вчера замѣчательное слово.

Передъ обѣдомъ, разговорившись, Степанъ Аркадьевичъ сказалъ Бартнянскому:

— Ты, кажется, близокъ съ Мордвинскимъ; ты мнѣ можешь оказать услугу,—скажи ему пожалуйста за меня сло-

вечко. Есть мѣсто, которое бы я хотѣлъ занять... членомъ агентства...

— Ну, я все равно не запомню... Только что тебѣ за охота въ эти желѣзнодорожныя дѣла съ жидами?... Какъ хочешь, все-таки гадость.

Степанъ Аркадьевичъ не сказалъ ему, что это было живое дѣло,—Бартнянскій бы не понялъ этого.

— Деньги нужны, жить нечѣмъ.

— Живешь же?

— Живу, но долги.

— Что ты? Много?—съ соболѣзнованіемъ сказалъ Бартнянскій.

— Очень много, тысячъ двадцать.

Бартнянскій весело расхохотался.

— О, счастливый человѣкъ!—сказалъ онъ.—У меня полтора милліона, и ничего нѣтъ, и, какъ видишь, жить еще можно!

И Степанъ Аркадьевичъ не на однихъ словахъ, а на дѣлѣ видѣлъ справедливость этого. У Живахова было триста тысячъ долгу—и ни копѣйки за душой, и онъ жилъ же, да еще какъ! Графа Кривцова давно уже всѣ отпѣли, а онъ содержалъ двухъ. Петровскій прожилъ пять милліоновъ—и жилъ все точно такъ же, и даже завѣдывалъ финансами и получалъ двадцать тысячъ жалованья. Но, кромѣ этого, Петербургъ физически пріятно дѣйствовалъ на Степана Аркадьевича. Онъ молодилъ его. Въ Москвѣ онъ поглядывалъ иногда на сѣдину, засыпалъ послѣ обѣда, потягивался, шагомъ, тяжело дыша, входилъ на лѣстницу, скучалъ съ молодыми женщинами, не танцовалъ на балахъ. Въ Петербургѣ же онъ всегда чувствовалъ десять лѣтъ съ костей.

Онъ испытывалъ въ Петербургѣ то же, что говорилъ ему вчера еще шестидесятилѣтній князь Облонскій, Петръ, только-что вернувшійся изъ-за границы.

— Мы здѣсь не умѣемъ жить,—говорилъ Петръ Облонскій. —Повѣришь ли, я провелъ лѣто въ Баденѣ,—ну, право, я чувствовалъ себя совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Увижу женщину молоденькую—и мысли... Пообѣдаешь, выпьешь слегка—сила, бодрость. Пріѣхалъ въ Россію, надо было къ женѣ, да еще въ деревню,—ну, не повѣришь, черезъ двѣ недѣли надѣлъ халатъ, пересталъ одѣваться къ обѣду. Какое о молоденькихъ думать!—совсѣмъ сталъ старикъ. Только душу спасать остается. Поѣхалъ въ Парижъ—опять оправился.

Степанъ Аркадьевичъ точно ту же разницу чувствовалъ, какъ и Петръ Облонскій. Въ Москвѣ онъ такъ опускался, что въ самомъ дѣлѣ, еслибы пожить тамъ долго, дошелъ бы, чего добраго, и до спасенія души; въ Петербургѣ же онъ чувствовалъ себя опять порядочнымъ человѣкомъ.

Между княгиней Бетси Тверской и Степаномъ Аркадьевичемъ существовали давнишнія, весьма странныя отношенія. Степанъ Аркадьевичъ всегда шутя ухаживалъ за ней и говорилъ ей, тоже шутя, самыя неприличныя вещи, зная, что это болѣе всего ей нравится. На другой день послѣ своего разговора съ Каренинымъ Степанъ Аркадьевичъ, заѣхавъ къ ней, чувствовалъ себя столь молодымъ, что въ этомъ шуточномъ ухаживаньи и враньѣ зашелъ нечаянно такъ далеко, что ужъ не зналъ какъ выбраться назадъ, такъ какъ, къ несчастію, она не только не нравилась, но противна была ему. Тонъ же этотъ установился потому, что онъ очень нравился ей. Такъ что онъ уже былъ очень радъ

пріѣзду княгини Мягкой, прекратившей ихъ уединеніе вдвоемъ.

— А, и вы тутъ,—сказала она, увидавъ его.—Ну, что ваша бѣдная сестра? Вы не смотрите на меня такъ,—прибавила она.—Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ набросились на нее, всѣ тѣ, которые хуже ея во сто тысячъ разъ, я нахожу, что она сдѣлала прекрасно. Я не могу простить Вронскому, что онъ не далъ мнѣ знать, когда она была въ Петербургѣ. Я бы поѣхала къ ней и съ ней повсюду. Пожалуйста, передайте ей отъ меня мою любовь. Ну, разскажите же мнѣ про нее.

— Да, ея положеніе тяжело, она...—началъ было разсказывать Степанъ Аркадьевичъ, въ простотѣ душевной принявъ за чистую монету слова княгини Мягкой: „разскажите про вашу сестру". Княгиня Мягкая тотчасъ же по своей привычкѣ перебила его и стала сама разсказывать.

— Она сдѣлала то, что всѣ, кромѣ меня, дѣлаютъ, но скрываютъ; а она не хотѣла обманывать, и сдѣлала прекрасно. И еще лучше сдѣлала, потому что бросила этого полоумнаго вашего зятя. Вы меня извините. Всѣ говорили, что онъ уменъ, уменъ, одна я говорила, что онъ глупъ. Теперь, когда онъ связался съ Лидіей Ивановной и съ Landau, всѣ говорятъ, что онъ полоумный, и я бы и рада не соглашаться со всѣми, но на этотъ разъ не могу.

— Да объясните мнѣ пожалуйста, — сказалъ Степанъ Аркадьевчъ,—что это такое значитъ? Вчера я былъ у него по дѣлу сестры и просилъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ не далъ мнѣ отвѣта и сказалъ, что подумаетъ, а нынче утромъ я вмѣсто отвѣта получилъ приглашеніе на нынѣшній вечеръ къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

— Ну такъ, такъ! — съ радостью заговорила княгиня Мягкая.—Они спросятъ у Landau, что онъ скажетъ.

— Какъ у Landau? Зачѣмъ? Что такое Landau?

— Какъ, вы не знаете Jules Landau le fameux, Jules Landau, le clairvoyant? Онъ тоже полоумный, но отъ него зависитъ судьба вашей сестры. Вотъ что происходитъ отъ жизни въ провинціи, вы ничего не знаете. Landau, видите ли, commis былъ въ магазинѣ въ Парижѣ и пришелъ къ доктору. У доктора въ пріемной онъ заснулъ и во снѣ сталъ всѣмъ больнымъ давать совѣты. И удивительные совѣты. Потомъ Юрія Мелединскаго — знаете, больнаго? — жена узнала про этого Landau и взяла его къ мужу. Онъ мужа ея лѣчитъ. И никакой пользы ему не сдѣлалъ, по-моему, потому что онъ все такой же разслабленный, но они въ него вѣруютъ и возятъ съ собой. И привезли въ Россію. Здѣсь всѣ на него набросились, и онъ всѣхъ сталъ лѣчить. Графиню Беззубову вылѣчилъ, и она такъ полюбила его, что усыновила.

— Какъ усыновила?

— Такъ, усыновила. Онъ теперь не Landau больше, а графъ Беззубовъ. Но дѣло не въ томъ, а Лидія,—я ее очень люблю, но у нея голова не на мѣстѣ,—разумѣется, накинулась теперь на этого Landau, и безъ него ни у нея, ни у Алексѣя Александровича ничего не рѣшается, и поэтому судьба вашей сестры теперь въ рукахъ этого Landau, иначе графа Беззубова.

XXI.

Послѣ прекраснаго обѣда и большаго количества коньяку, выпитаго у Бартнянскаго, Степанъ Аркадьевичъ, только

немного опоздавъ противъ назначеннаго времени, входилъ къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

— Кто еще у графини? французъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ швейцара, оглядывая знакомое пальто Алексѣя Александровича и странное, наивное пальто съ застежками.

— Алексѣй Александровичъ Каренинъ и графъ Беззубовъ,—строго отвѣчалъ швейцаръ.

„Княгиня Мягкая угадала,—подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, входя на лѣстницу.—Странно! Однако хорошо было бы сблизиться съ ней. Она имѣетъ огромное вліяніе. Если она замолвитъ словечко Поморскому, то уже вѣрно“.

Было еще совершенно свѣтло на дворѣ, но въ маленькой гостиной графини Лидіи Ивановны съ опущенными шторами уже горѣли лампы.

У круглаго стола, подъ лампой, сидѣли графиня и Алексѣй Александровичъ, о чемъ-то тихо разговаривая. Невысокій, худощавый человѣкъ съ женскимъ тазомъ, съ вогнутыми въ колѣнкахъ ногами, очень блѣдный, красивый, съ блестящими прекрасными глазами и длинными волосами, лежавшими на воротникѣ его сюртука, стоялъ на другомъ концѣ, оглядывая стѣну съ портретами. Поздоровавшись съ хозяйкой и съ Алексѣемъ Александровичемъ, Степанъ Аркадьевичъ невольно взглянулъ еще разъ на незнакомаго человѣка.

— Monsieur Landau! — обратилась къ нему графиня, съ поразившею Облонскаго мягкостью и осторожностью. И она познакомила ихъ.

Landau поспѣшно оглянулся, подошелъ и, улыбнувшись, вложилъ въ протянутую руку Степана Аркадьевича неподвижную потную руку и тотчасъ же опять отошелъ и сталъ

смотрѣть на портреты. Графиня и Алексѣй Александровичъ значительно переглянулись.

— Я очень рада видѣть васъ, въ особенности нынче,— сказала графиня Лидія Ивановна, указывая Степану Аркадьевичу мѣсто подлѣ Каренина.

— Я васъ познакомила съ нимъ какъ съ Landau,—сказала она тихимъ голосомъ, взглянувъ на француза и потомъ тотчасъ на Алексѣя Александровича,—но онъ, собственно, графъ Беззубовъ, какъ вы, вѣроятно, знаете. Только онъ не любитъ этого титула.

— Да, я слышалъ, — отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ;— говорятъ, онъ совершенно исцѣлилъ графиню Беззубову.

— Она была нынче у меня, она такъ жалка! — обратилась графиня къ Алексѣю Александровичу. Разлука эта для нея ужасна. Для нея это такой ударъ!

— А онъ положительно ѣдетъ?—спросилъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, онъ ѣдетъ въ Парижъ. Онъ вчера слышалъ голосъ, —сказала графиня Лидія Ивановна, глядя на Степана Аркадьевича.

— Ахъ, голосъ! — повторилъ Облонскій, чувствуя, что надо быть какъ можно осторожнѣе въ этомъ обществѣ, въ которомъ происходитъ, или должно происходить, что-то особенное, къ чему онъ не имѣетъ еще ключа.

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго графиня Лидія Ивановна, какъ бы приступая къ главному предмету разговора, съ тонкою улыбкой сказала Облонскому.

— Я васъ давно знаю и очень рада узнать васъ ближе. Les amis de nos amis sont nos amis. Но для того, чтобы быть другомъ, надо вдумываться въ состояніе души друга,

а я боюсь, что вы этого не сдѣлаете въ отношеніи къ Алексѣю Александровичу. Вы понимаете, о чемъ я говорю, сказала она, поднимая свои прекрасные, задумчивые глаза.

— Отчасти, графиня, я понимаю, что положеніе Алексѣя Александровича... — сказалъ Облонскій, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло и потому желая оставаться въ общемъ.

— Перемѣна не во внѣшнемъ положеніи,—строго сказала графиня Лидія Ивановна, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдя влюбленнымъ взглядомъ за вставшимъ и перешедшимъ къ Landau Алексѣемъ Александровичемъ,—сердце его измѣнилось, ему дано новое сердце, и я боюсь, что вы не вполнѣ вдумались въ ту перемѣну, которая произошла въ немъ.

— То-есть я въ общихъ чертахъ могу представить себѣ эту перемѣну. Мы всегда были дружны, и теперь...—отвѣчая нѣжнымъ взглядомъ на взглядъ графини, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, соображая, съ которымъ изъ двухъ министровъ она ближе, чтобы знать, о комъ изъ двухъ придется просить ее.

— Та перемѣна, которая произошла въ немъ, не можетъ ослабить его чувства любви къ ближнимъ; напротивъ, перемѣна, которая произошла въ немъ, должна увеличить любовь. Но я боюсь, что вы не понимаете меня. Не хотите ли чаю?—сказала она, указывая глазами на лакея, подававшаго на подносѣ чай.

— Не совсѣмъ, графиня. Разумѣется, его несчастіе...

— Да, несчастіе, которое стало высшимъ счастіемъ, когда сердце стало новое, исполнилось имъ,—сказала она, влюбленно глядя на Степана Аркадьевича.

„Я думаю, что можно будетъ попросить замолвить обоимъ“, думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— О, конечно, графиня, — сказалъ онъ; — но я думаю, что эти перемѣны такъ интимны, что никто, даже самый близкій человѣкъ, не любитъ говорить.

— Напротивъ! Мы должны говорить и помогать другъ другу.

— Да, безъ сомнѣнія; но бываетъ такая разница убѣжденій, и притомъ... — съ мягкою улыбкой сказалъ Облонскій.

— Не можетъ быть разницы въ дѣлѣ святой истины.

— О да, конечно, но... — и, смутившись, Степанъ Аркадьевичъ замолчалъ. Онъ понялъ, что дѣло шло о религіи.

— Мнѣ кажется, онъ сейчасъ заснетъ, — значительнымъ шепотомъ проговорилъ Алексѣй Александровичъ, подходя къ Лидіи Ивановнѣ.

Степанъ Аркадьевичъ оглянулся. Landau сидѣлъ у окна, облокотившись на ручку и спинку кресла, опустивъ голову. Замѣтивъ обращенные на него взгляды, онъ поднялъ голову и убынулся дѣтски-наивною улыбкой.

— Не обращайте вниманія, — сказала Лидія Ивановна и легкимъ движеніемъ подвинула стулъ Алексѣю Александровичу. — Я замѣчала... — начала она что-то, какъ въ комнату вошелъ лакей съ письмомъ. Лидія Ивановна быстро пробѣжала записку и, извинившись, съ чрезвычайною быстротой написала, отдала отвѣтъ и вернулась къ столу. — Я замѣчала, — продолжала она начатый разговоръ, — что москвичи, въ особенности мужчины, самые равнодушные къ религіи люди.

— О нѣтъ, графиня, мнѣ кажется, что москвичи имѣютъ репутацію быть самыми твердыми, — отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ,

— Да, насколько я понимаю, вы, къ сожалѣнію, изъ

равнодушныхъ,—съ усталою улыбкой, обращаясь къ нему, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Какъ можно быть равнодушнымъ! — сказала Лидія Ивановна.

— Я въ этомъ отношеніи не то что равнодушенъ, но въ ожиданіи,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ своею самою смягчающею улыбкой.—Я не думаю, чтобы для меня наступило время этихъ вопросовъ.

Алексѣй Александровичъ и Лидія Ивановна переглянулись.

— Мы не можемъ знать никогда, наступило или нѣтъ для насъ время,—сказалъ Алексѣй Александровичъ строго.—Мы не должны думать о томъ, готовы ли мы или не готовы: благодать не руководствуется человѣческими соображеніями; она иногда не сходитъ на трудящихся и сходитъ на неприготовленныхъ, какъ на Савла.

— Нѣтъ, кажется не теперь еще,—сказала Лидія Ивановна, слѣдившая въ это время за движеніями француза. Landau всталъ и подошелъ къ нимъ.

— Вы мнѣ позволите слушать?—спросилъ онъ.

— О да, я не хотѣла вамъ мѣшать,—нѣжно глядя на него, сказала Лидія Ивановна,—садитесь съ нами.

— Надо только не закрывать глазъ, чтобы не лишиться свѣта,—продолжалъ Алексѣй Александровичъ.

— Ахъ, еслибы вы знали то счастіе, которое мы испытываемъ, чувствуя всегдашнее Его присутствіе въ своей душѣ! — сказала графиня Лидія Ивановна, блаженно улыбаясь.

— Но человѣкъ можетъ чувствовать себя неспособнымъ иногда подняться на эту высоту, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, чувствуя, что онъ кривитъ душою, признавая

религіозную высоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшаясь признаться въ своемъ свободомысліи передъ особой, которая однимъ словомъ Поморскому можетъ доставить ему желаемое мѣсто.

— То-есть, вы хотите сказать, что грѣхъ мѣшаетъ ему?— сказала Лидія Ивановна. Но это ложное мнѣніе. Грѣха нѣтъ для вѣрующихъ, грѣхъ уже искупленъ. Pardon,— прибавила она, глядя на опять вошедшаго съ другой запиской лакея. Она прочла и на словахъ отвѣтила: „завтра у великой княгини, скажите“.—Для вѣрующихъ нѣтъ грѣха,— продолжала она разговоръ.

— Да, но вѣра безъ дѣлъ мертва есть,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вспомнивъ эту фразу изъ Катихизиса, одной улыбкой уже отстаивая свою независимость.

— Вотъ оно, изъ посланія апостола Іакова, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, съ нѣкоторымъ упрекомъ обращаясь къ Лидіи Ивановнѣ, очевидно какъ о дѣлѣ, о которомъ они не разъ уже говорили.—Сколько вреда сдѣлало ложное толкованіе этого мѣста! Ничто такъ не отталкиваетъ отъ вѣры, какъ это толкованіе. „У меня нѣтъ дѣлъ, я не могу вѣрить“, тогда какъ это нигдѣ не сказано. А сказано обратное.

— Трудиться для Бога, трудами, постомъ спасать душу,— съ гадливымъ презрѣніемъ сказала графиня Лидія Ивановна:—это дикія понятія нашихъ монаховъ... Тогда какъ это нигдѣ не сказано. Это гораздо проще и легче,—прибавила она, глядя на Облонскаго съ тою самою ободряющею улыбкой, съ которой она при дворѣ ободряла молодыхъ, смущенныхъ новою обстановкой, фрейлинъ.

— Мы спасены Христомъ, пострадавшимъ за насъ. Мы

спасены вѣрой,—одобряя взглядомъ ея слова, подтвердилъ Алексѣй Александровичъ.

— Vous comprenez l'anglais?—спросила Лидія Ивановна и, получивъ утвердительный отвѣтъ, встала и начала перебирать на полочкѣ книги.

— Я хочу прочесть Safe and Happy, или Under the wing!—сказала она, вопросительно взглянувъ на Каренина. И, найдя книгу и опять сѣвъ на мѣсто, она открыла ее.—Это очень коротко. Тутъ описанъ путь, которымъ пріобрѣтается вѣра, и то счастіе, превыше всего земнаго, которое при этомъ наполняетъ душу. Человѣкъ вѣрующій не можетъ быть несчастливъ, потому что онъ не одинъ. Да вотъ вы увидите.—Она собралась уже читать, какъ опять вошелъ лакей. — Бороздина? Скажите, завтра въ два часа. Да,—сказала она, заложивъ пальцемъ мѣсто въ книгѣ и со вздохомъ взглянувъ передъ собой задумчивыми прекрасными глазами.—Вотъ какъ дѣйствуетъ вѣра настоящая. Вы знаете Санину Мари? Вы знаете ея несчастіе? — она потеряла единственнаго ребенка. Она была въ отчаяніи. Ну, и что жъ? Она нашла этого друга, и она благодаритъ Бога теперь за смерть своего ребенка. Вотъ счастіе, которое даетъ вѣра!

— О, да, это очень...—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, довольный тѣмъ, что будутъ читать и дадутъ ему немножко опомниться. „Нѣтъ, ужъ видно лучше ни о чемъ не просить нынче,—думалъ онъ,—только бы, не напутавъ, выбраться отсюда“.

— Вамъ будетъ скучно,—сказала графиня Лидія Ивановна, обращаясь къ Landau, вы не знаете по англійски, но это коротко.

— О, я пойму,— сказалъ съ тою же улыбкой Landau и закрылъ глаза.

Алексѣй Александровичъ и Лидія Ивановна значительно переглянулись, и началось чтеніе.

XXII.

Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ себя совершенно озадаченнымъ тѣми новыми для него странными рѣчами, которыя онъ слышалъ. Усложненность петербургской жизни вообще возбудительно дѣйствовала на него, выводя изъ московскаго застоя; но эти усложненія онъ любилъ и понималъ въ сферахъ ему близкихъ и знакомыхъ; въ этой же чуждой средѣ онъ былъ озадаченъ, ошеломленъ и не могъ всего обнять. Слушая графиню Лидію Ивановну и чувствуя устремленные на себя красивые, наивные или плутовскіе,—онъ самъ не зналъ,—глаза Landau, Степанъ Аркадьевичъ начиналъ испытывать какую-то особенную тяжесть въ головѣ.

Самыя разнообразныя мысли путались у него въ головѣ. „Мари Санина радуется, что у ней умеръ ребенокъ... Хорошо бы покурить теперь... Чтобы спастись, нужно только вѣрить, и монахи не знаютъ, какъ это надо дѣлать, знаетъ графиня Лидія Ивановна... И отчего у меня такая тяжесть въ головѣ? Отъ коньяку или отъ того, что ужъ очень все это странно? Я все-таки до сихъ поръ ничего, кажется, неприличнаго не сдѣлалъ. Но все таки просить ее ужъ нельзя. Говорятъ, что они заставляютъ молиться. Какъ бы меня не заставили. Это ужъ будетъ слишкомъ глупо. И что за вздоръ она читаетъ, а выговариваетъ хорошо. Landau—Беззубовъ отчего онъ Беззубовъ?“ Вдругъ Степанъ Аркадье-

вичъ почувствовалъ, что нижняя челюсть его неудержимо начинаетъ заворачиваться въ зѣвокъ. Онъ поправилъ бакенбарды, скрывая зѣвокъ, и встряхнулся. Но вслѣдъ за этимъ онъ почувствовалъ, что уже спитъ и собирается храпѣть. Онъ очнулся въ ту минуту, какъ голосъ графини Лидіи Ивановны сказалъ: „онъ спитъ“.

Степанъ Аркадьевичъ испуганно очнулся, чувствуя себя виноватымъ и уличеннымъ. Но тотчасъ же онъ утѣшился, увидавъ, что слова: „онъ спитъ“—относились не къ нему, а къ Landau. Французъ заснулъ такъ же, какъ Степанъ Аркадьевичъ. Но сонъ Степана Аркадьевича, какъ онъ думалъ, обидѣлъ бы ихъ (впрочемъ онъ и этого не думалъ, такъ ужъ ему все казалось страннымъ), а сонъ Landau обрадовалъ ихъ чрезвычайно, особенно графиню Лидію Ивановну.

— Mon ami, - сказала Лидія Ивановна, осторожно, чтобы не шумѣть, занося складки своего шелковаго платья и въ возбужденіи своемъ называя уже Каренина не Алексѣемъ Александровичемъ, а „mon ami“,—donnez lui la main. Vous voyez? Шш!...—зашикала она на вошедшаго опять лакея.— Не принимать.

Французъ спалъ или притворялся что спитъ, прислонивъ голову къ спинкѣ кресла, и потною рукой, лежавшею на колѣнѣ, дѣлалъ слабыя движенія, какъ будто ловя что-то. Алексѣй Александровичъ всталъ, хотѣлъ осторожно, но зацѣпивъ за столъ, подошелъ и положилъ свою руку въ руку француза. Степанъ Аркадьевичъ всталъ тоже и, широко отворяя глаза, желая разбудить себя, если онъ спитъ, смотрѣлъ то на того, то на другаго. Все это было на яву. Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ, что у него въ головѣ становится все болѣе и болѣе нехорошо.

— Que la personne qui est arrivée la dernière, celle qui demande, qu'elle—sorte. Qu'elle sorte! — проговорилъ французъ, не открывая глазъ.

— Vous m'excuserez, mais vous voyez... Revenez vers dix heures, encore mieux demain.

— Qu'elle sorte!—нетерпѣливо повторилъ французъ.

— C'est moi, n'est ce pas?—И, получивъ утвердительный отвѣтъ, Степанъ Аркадьевичъ, забывъ и о томъ, что онъ хотѣлъ просить Лидію Ивановну, забывъ и о дѣлѣ сестры, съ однимъ желаніемъ поскорѣе выбраться отсюда, вышелъ на цыпочкахъ и, какъ изъ зараженнаго дома, выбѣжалъ на улицу и долго разговаривалъ и шутилъ съ извощикомъ, желая привести себя поскорѣе въ чувства.

Во французскомъ театрѣ, котораго онъ засталъ послѣдній актъ, и потомъ у татаръ за шампанскимъ, Степанъ Аркадьевичъ отдышался немножко на свойственномъ ему воздухѣ. Но все-таки въ этотъ вечеръ ему было очень не по себѣ.

Вернувшись домой къ Петру Облонскому, у котораго онъ остановился въ Петербургѣ, Степанъ Аркадьевичъ нашелъ записку отъ Бетси. Она писала ему, что очень желаетъ докончить начатый разговоръ и проситъ его пріѣхать завтра. Едва онъ успѣлъ прочесть эту записку и поморщиться надъ ней, какъ внизу послышались грузные шаги людей, несущихъ что-то тяжелое.

Степанъ Аркадьевичъ вышелъ посмотрѣть. Это былъ помолодѣвшій Петръ Облонскій. Онъ былъ такъ пьянъ, что не могъ войдти на лѣстницу; но онъ велѣлъ себя поставить на ноги, увидавъ Степана Аркадьевича, и уцѣпившись за него, пошелъ съ нимъ въ его комнату и тамъ сталъ ему

разсказывать про то, какъ онъ провелъ вечеръ, и тутъ же заснулъ.

Степанъ Аркадьевичъ былъ въ упадкѣ духа, что рѣдко случалось съ нимъ, и долго не могъ заснуть. Все, что̀ онъ ни вспоминалъ, все было гадко, но гаже всего, точно что-то постыдное, вспоминался ему вечеръ у графини Лидіи Ивановны.

На другой день онъ получилъ отъ Алексѣя Александровича положительный отказъ въ разводѣ Анны и понялъ, что рѣшеніе это было основано на томъ, что̀ вчера сказалъ французъ въ своемъ настоящемъ или притворномъ снѣ.

XXIII.

Для того, чтобы предпринять что-нибудь въ семейной жизни, необходимы или совершенный раздоръ между супругами, или любовное согласіе. Когда же отношенія супруговъ неопредѣленны и нѣтъ ни того, ни другаго, никакое дѣло не можетъ быть предпринято.

Многія семьи по годамъ остаются на старыхъ мѣстахъ, постылыхъ обоимъ супругамъ, только потому, что нѣтъ ни полнаго раздора, ни согласія.

И Вронскому и Аннѣ московская жизнь, въ жару и пыли, когда солнце свѣтило уже не по-весеннему, а по-лѣтнему, и всѣ деревья на бульварахъ уже давно были въ листьяхъ, и листья уже были покрыты пылью, была невыносима; но они, не переѣзжая въ Воздвиженское, какъ это давно было рѣшено, продолжали жить въ опостылѣвшей имъ обоимъ Москвѣ, потому что въ послѣднее время согласія не было между ними.

Раздраженіе, раздѣлявшее ихъ, не имѣло никакой внѣш-

ней причины, и всѣ попытки объясненія не только не устраняли, но увеличивали его. Это было раздраженіе внутреннее, имѣвшее для нея основаніемъ уменьшеніе его любви, для него—раскаяніе въ томъ, что онъ поставилъ себя ради нея въ тяжелое положеніе, которое она, вмѣсто того чтобъ облегчать, дѣлаетъ еще болѣе тяжелымъ. Ни тотъ, ни другой не высказывали причины своего раздраженія, но они считали другъ друга неправыми и при каждомъ предлогѣ старались доказать это другъ другу.

Для нея весь онъ, со всѣми его привычками, мыслями, желаніями, со всѣмъ его душевнымъ и физическимъ складомъ, былъ одно — любовь къ женщинамъ, и эта любовь, по ея чувству, должна была быть вся сосредоточена на ней одной. Любовь эта уменьшилась,—слѣдовательно, по ея разсужденію, онъ долженъ былъ часть любви перенести на другихъ, или на другую женщину,—и она ревновала. Она ревновала его не къ какой-нибудь женщинѣ, а къ уменьшенію его любви. Не имѣя еще предмета для ревности, она отыскивала его. По малѣйшему намеку она переносила свою ревность съ одного предмета на другой. То она ревновала его къ тѣмъ грубымъ женщинамъ, съ которыми, благодаря своимъ холостымъ связямъ, онъ такъ легко могъ войдти въ сношенія; то она ревновала его къ свѣтскимъ женщинамъ, съ которыми онъ могъ встрѣтиться; то она ревновала его къ воображаемой дѣвушкѣ, на которой онъ хотѣлъ, разорвавъ съ ней связь, жениться. И эта послѣдняя ревность болѣе всего мучила ее, въ особенности потому, что онъ самъ неосторожно въ откровенную минуту сказалъ ей, что его мать такъ мало понимаетъ его, что позволила себѣ уговаривать его жениться на княжнѣ Сорокиной.

И, ревнуя его, Анна негодовала на него и отыскивала во всемъ поводы къ негодованію. Во всемъ, что̀ было тяжелаго въ ея положеніи, она обвиняла его. Мучительное состояніе ожиданія, которое она, между небомъ и землей, прожила въ Москвѣ, медленность и нерѣшительность Алексѣя Александровича, свое уединеніе, — она все приписывала ему. Еслибъ онъ любилъ, онъ понималъ бы всю тяжесть ея положенія и вывелъ бы ее изъ него. Въ томъ, что она жила въ Москвѣ, а не въ деревнѣ, онъ же былъ виноватъ. Онъ не могъ жить, зарывшись въ деревнѣ, какъ она того хотѣла. Ему необходимо было общество, и онъ поставилъ ее въ это ужасное положеніе, тяжесть котораго онъ не хотѣлъ понимать. И опять онъ же былъ виноватъ въ томъ, что она на вѣки разлучена съ сыномъ.

Даже тѣ рѣдкія минуты нѣжности, которыя наступали между ними, не успокоивали ея: въ нѣжности его теперь она видѣла оттѣнокъ спокойствія, увѣренности, которыхъ не было прежде и которыя раздражали ее.

Были уже сумерки. Анна одна, ожидая его возвращенія съ холостаго обѣда, на который онъ поѣхалъ, ходила взадъ и впередъ по его кабинету (комната, гдѣ менѣе былъ слышенъ шумъ мостовой) и во всѣхъ подробностяхъ передумывала выраженія вчерашней ссоры. Возвращаясь все назадъ отъ памятныхъ оскорбительныхъ словъ спора къ тому, что̀ было ихъ поводомъ, она добралась наконецъ до начала разговора. Она долго не могла повѣрить тому, чтобы раздоръ начался съ такого безобиднаго, не близкаго ничьему сердцу разговора. А дѣйствительно это было такъ. Все началось съ того, что онъ посмѣялся надъ женскими гимназіями, считая ихъ ненужными, а она заступилась за

нихъ. Онъ неуважительно отнесся къ женскому образованію вообще и сказалъ, что Ганна, покровительствуемая Анной англичанка, вовсе не нуждалась въ знаніи физики.

Это раздражило Анну. Она видѣла въ этомъ презрительный намекъ на свои занятія. И она придумала и сказала такую фразу, которая бы отплатила ему за сдѣланную ей боль.

— Я не жду того, чтобы вы помнили меня, мои чувства, какъ можетъ ихъ помнить любящій человѣкъ, но я ожидала просто деликатности,—сказала она.

И дѣйствительно, онъ покраснѣлъ отъ досады и что-то сказалъ непріятное. Она не помнила, что̀ она отвѣтила ему, но только тутъ къ чему-то онъ, очевидно съ желаніемъ тоже сдѣлать ей больно, сказалъ:

— Мнѣ не интересно ваше пристрастіе къ этой дѣвочкѣ, это правда, потому что я вижу, что оно ненатурально.

Эта жестокость его, съ которою онъ разрушалъ міръ, съ такимъ трудомъ состроенный ею себѣ, чтобы переносить свою тяжелую жизнь, эта несправедливость его, съ которою онъ обвинялъ ее въ притворствѣ, въ ненатуральности, взорвали ее.

— Очень жалѣю, что одно грубое и матеріальное вамъ понятно и натурально,—сказала она и вышла изъ комнаты.

Когда вчера вечеромъ онъ пришелъ къ ней, они не поминали о бывшей ссорѣ, но оба чувствовали, что ссора заглажена, а не прошла.

Нынче онъ цѣлый день не былъ дома, и ей было такъ одиноко и тяжело чувствовать себя съ нимъ въ ссорѣ, что она хотѣла все забыть, простить и примириться съ нимъ, хотѣла обвинить себя и оправдать его.

„Я сама виновата. Я раздражительна, я безсмысленно ревнива. Я примирюсь съ нимъ, и уѣдемъ въ деревню, тамъ я буду спокойнѣе“, говорила она себѣ.

„Ненатурально“, вспомнила она вдругъ болѣе всего оскорбившее ее не столько слово, сколько намѣреніе сдѣлать ей больно. „Я знаю, что̀ онъ хотѣлъ сказать,—онъ хотѣлъ сказать: ненатурально, не любя свою дочь, любить чужаго ребенка. Что̀ онъ понимаетъ въ любви къ дѣтямъ, въ моей любви къ Сережѣ, которымъ я для него пожертвовала? Но это желаніе сдѣлать мнѣ больно! Нѣтъ, онъ любитъ другую женщину, это не можетъ быть иначе“.

И увидавъ, что, желая успокоить себя, она совершила опять столько разъ уже пройденный ею кругъ и вернулась къ прежнему раздраженію, она ужаснулась на самоё себя. „Неужели нельзя? Неужели я не могу взять на себя?—сказала она себѣ и начала опять съ начала.—Онъ правдивъ, онъ честенъ, онъ любитъ меня. Я люблю его, на-дняхъ выйдетъ разводъ. Чего же еще нужно? Нужно спокойствіе, довѣріе, и я возьму на себя. Да, теперь, какъ онъ пріѣдетъ, я скажу, что я была виновата, хотя я и не была виновата,—и мы уѣдемъ“.

И чтобы не думать болѣе и не поддаваться раздраженію, она позвонила и велѣла внести сундуки для укладки вещей въ деревню.

Въ десять часовъ Вронскій пріѣхалъ.

XXIV.

— Что-жъ, было весело?—спросила она, съ виноватымъ и кроткимъ выраженіемъ на лицѣ выходя къ нему навстрѣчу.

— Какъ обыкновенно, — отвѣчалъ онъ, тотчасъ же, по

одному взгляду на нее, понявъ, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ расположенiй. Онъ уже привыкъ къ этимъ переходамъ, и нынче былъ особенно радъ ему, потому что самъ былъ въ самомъ хорошемъ расположенiи духа.

— Что я вижу! Вотъ это хорошо! — сказалъ онъ, указывая на сундуки въ передней.

— Да, надо ѣхать. Я ѣздила кататься, и такъ хорошо, что въ деревню захотѣлось. Вѣдь тебя ничто не задерживаетъ?

— Только одного желаю. Сейчасъ я приду и поговоримъ, только переодѣнусь. Вели чаю дать.

И онъ пошелъ въ свой кабинетъ.

Было что то оскорбительное въ томъ, что онъ сказалъ: „вотъ это хорошо", какъ говорятъ ребенку, когда онъ пересталъ капризничать, и еще болѣе была оскорбительна та противоположность между ея виноватымъ и его самоувѣреннымъ тономъ; и она на мгновенiе почувствовала въ себѣ подвимающееся желанiе борьбы; но, сдѣлавъ усилiе надъ собой, она подавила его и встрѣтила Вронскаго такъ же весело.

Когда онъ вышелъ къ ней, она разсказала ему, отчасти повторяя приготовленныя слова, свой день и свои планы на отъѣздъ.

— Знаешь, на меня нашло почти вдохновенiе, — говорила она. — Зачѣмъ ждать здѣсь развода? Развѣ не все равно въ деревнѣ? Я не могу больше ждать. Я не хочу надѣяться, не хочу ничего слышать про разводъ. Я рѣшила, что это не будетъ больше имѣть влiянiя на мою жизнь. И ты согласенъ?

— О, да! — сказалъ онъ, съ безпокойствомъ взглянувъ въ ея взволнованное лицо.

— Что же вы тамъ дѣлали? Кто былъ? — сказала она, помолчавъ.

Вронскій назвалъ гостей. — Обѣдъ былъ прекрасный, и гонка лодокъ, и все это довольно было мило, но въ Москвѣ не могутъ безъ ridicule. Явилась какая-то дама, учительница плаванья шведской королевы, и показывала свое искусство.

— Какъ? плавала?—хмурясь, спросила Анна.

— Въ какомъ-то красномъ costume de natation, старая, безобразная. Такъ когда же ѣдемъ?

— Что за глупая фантазія! Что же, она особенно какъ-нибудь плаваетъ?—не отвѣчая, сказала Анна.

— Рѣшительно ничего особеннаго. Я и говорю, глупо ужасно. Такъ когда же ты думаешь ѣхать?

Анна встряхнула головой, какъ бы желая отогнать непріятную мысль.

— Когда ѣхать? Да чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Завтра не успѣемъ. Послѣ-завтра.

— Да... нѣтъ, постой. Послѣ-завтра — воскресенье, мнѣ надо быть у maman,—сказалъ Вронскій, смутившись, потому что, какъ только онъ произнесъ имя матери, онъ почувствовалъ на себѣ пристальный, подозрительный взглядъ. Смущеніе его подтвердило ей ея подозрѣнія. Она вспыхнула и отстранилась отъ него. Теперь уже не учительница шведской королевы, а княжна Сорокина, которая жила въ подмосковной деревнѣ вмѣстѣ съ графиней Вронской, представилась Аннѣ.

— Ты можешь поѣхать завтра?—сказала она.

— Да нѣтъ же! По дѣлу, по которому я ѣду... довѣренности и деньги не получатся завтра,—отвѣчалъ онъ.

— Если такъ, то мы не уѣдемъ совсѣмъ.

— Да отчего же?

— Я не поѣду позднѣе. Въ понедѣльникъ или никогда!

— Почему же?—какъ бы съ удивленіемъ сказалъ Вронскій.—Вѣдь это не имѣетъ смысла!

— Для тебя это не имѣетъ смысла, потому что до меня тебѣ никакого дѣла нѣтъ. Ты не хочешь понять моей жизни. Одно, что меня занимало здѣсь — Ганна. Ты говоришь, что это притворство. Ты вѣдь говорилъ вчера, что я не люблю дочь, а притворяюсь, что люблю эту англичанку, что это ненатурально; я бы желала знать, какая жизнь для меня здѣсь можетъ быть натуральна!

На мгновеніе она очнулась и ужаснулась тому, что измѣнила своему намѣренію. Но и зная, что она губитъ себя, она не могла воздержаться, не могла не показать ему, какъ онъ былъ неправъ, не могла покориться ему.

— Я никогда не говорилъ этого; я говорилъ, что не сочувствую этой внезапной любви.

— Отчего ты, хвастаясь своею прямотой, не говоришь правду?

— Я никогда не хвастаюсь и никогда не говорю неправду,—сказалъ онъ тихо, удерживая поднимавшійся въ немъ гнѣвъ.—Очень жаль, если ты не уважаешь...

— Уваженіе выдумали для того, чтобы скрывать пустое мѣсто, гдѣ должна быть любовь. А если ты больше не любишь меня, то лучше и честнѣе это сказать.

— Нѣтъ, это становится невыносимо!—вскрикнулъ Вронскій, вставая со стула. И, остановившись передъ ней, онъ медленно выговорилъ:—Для чего ты испытываешь мое терпѣніе?—сказалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто могъ

бы сказать еще многое, но удерживался. — Оно имѣетъ предѣлы.

— Что вы хотите этимъ сказать? — вскрикнула она, съ ужасомъ вглядываясь въ ясное выраженіе ненависти, которое было во всемъ лицѣ и въ особенности въ жестокихъ, грозныхъ глазахъ.

—Я хочу сказать... — началъ было онъ, но остановился.— Я долженъ спросить, чего вы отъ меня хотите?

— Чего я могу хотѣть? Я могу хотѣть только того, чтобы вы не покинули меня, какъ вы думаете, — сказала она, понявъ все то, чего онъ не досказалъ.—Но этого я не хочу, это второстепенно. Я хочу любви, а ея нѣтъ. Стало-быть, все кончено.

Она направилась къ двери.

— Постой! По...стой! — сказалъ Вронскій, не раздвигая мрачной складки бровей, но останавливая ее за руку.—Въ чемъ дѣло? Я сказалъ, что отъѣздъ надо отложить на три дня, ты мнѣ на это сказала, что я лгу, что я не честный человѣкъ.

— Да, и повторяю, что человѣкъ, который попрекаетъ меня, что онъ всѣмъ пожертвовалъ для меня,--сказала она, вспоминая слова еще прежней ссоры,—что это хуже, чѣмъ нечестный человѣкъ, это человѣкъ безъ сердца.

— Нѣтъ, есть границы терпѣнію! — вскрикнулъ онъ и быстро выпустилъ ея руку.

„Онъ ненавидитъ меня, это ясно,—подумала она и молча, не оглядываясь, невѣрными шагами вышла изъ комнаты.— Онъ любитъ другую женщину, это еще яснѣе,—говорила она себѣ, входя въ свою комнату.--Я хочу любви, а ея нѣтъ. Стало-быть, все кончено,—повторила она сказанныя ею слова,—и надо кончить“.

„Но какъ?“ спросила она себя и сѣла на кресло передъ зеркаломъ.

Мысли о томъ, куда она поѣдетъ теперь—къ теткѣ ли, у которой она воспитывалась, къ Долли, или просто одна за границу, и о томъ, что *онъ* дѣлаетъ теперь одинъ въ кабинетѣ, окончательная ли это ссора, или возможно еще примиреніе, и о томъ, что теперь будутъ говорить про нее всѣ ея петербургскія бывшія знакомыя, какъ посмотритъ на это Алексѣй Александровичъ, и много другихъ мыслей о томъ, что̀ будетъ теперь, послѣ разрыва, приходили ей въ голову, но она не всею душой отдавалась этимъ мыслямъ. Въ душѣ ея была какая-то неясная мысль, которая одна интересовала ее, но она не могла ее сознать. Вспомнивъ еще разъ объ Алексѣѣ Александровичѣ, она вспомнила и время своей болѣзни послѣ родовъ, и то чувство, которое тогда не оставляло ее. „Зачѣмъ я не умерла?“ вспомнились ей тогдашнія ея слова и тогдашнее ея чувство. И она вдругъ поняла то, что было въ ея душѣ. Да, это была та мысль, которая одна разрѣшала все. „Да, умереть!..“

„И стыдъ и позоръ Алексѣя Александровича, и Сережи, и мой ужасный стыдъ—все спасается смертью. Умереть—и онъ будетъ раскаиваться, будетъ жалѣть, будетъ любить, будетъ страдать за меня“. Съ остановившеюся улыбкой сострадапія къ себѣ она сидѣла на креслѣ, снимая и надѣвая кольца съ лѣвой руки, живо, съ разныхъ сторонъ, представляя себѣ его чувства послѣ ея смерти.

Приближающіеся шаги, его шаги, развлекли ее. Какъ бы занятая укладываніемъ своихъ колецъ, она не обратилась даже къ нему.

Онъ подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, сказалъ:

— Анна, поѣдемъ послѣ-завтра, если хочешь. Я на все согласенъ.

Она молчала.

— Что же?—спросилъ онъ.

— Ты самъ знаешь,—сказала она, и въ ту же минуту, не въ силахъ удерживаться болѣе, она зарыдала.

— Брось меня, брось! — выговаривала она между рыданіями.—Я уѣду завтра. Я больше сдѣлаю... Кто я?—развратная женщина, камень на твоей шеѣ. Я не хочу мучить тебя, не хочу! Я освобожу тебя. Ты не любишь, ты любишь другую!

Вронскій умолялъ ее успокоиться и увѣрялъ, что нѣтъ признака основанія ея ревности, что онъ никогда не переставалъ и не перестанетъ любить ее, что онъ любитъ больше, чѣмъ прежде.

— Анна, за что такъ мучить себя и меня? — говорилъ онъ, цѣлуя ея руки. Въ лицѣ его теперь выражалась нѣжность, и ей казалось, что она слышала ухомъ звукъ слезъ въ его голосѣ и на рукѣ своей чувствовала ихъ влагу. И мгновенно отчаянная ревность Анны перешла въ отчаянную, страстную нѣжность; она обнимала его, покрывала поцѣлуями его голову, шею, руки.

XXV.

Чувствуя, что примиреніе было полное, Анна съ утра оживленно принялась за приготовленія къ отъѣзду. Хотя и не было рѣшено, ѣдутъ ли они въ понедѣльникъ или во вторникъ, такъ какъ оба вчера уступали одинъ другому, Анна дѣятельно приготовлялась къ отъѣзду, чувствуя себя теперь совершенно равнодушною къ тому, что они ѣдутъ

днемъ раньше или позже. Она стояла въ своей комнатѣ надъ открытымъ сундукомъ, отбирая вещи, когда онъ, уже одѣтый, раньше обыкновеннаго вошелъ къ ней.

— Я сейчасъ съѣзжу къ maman, она можетъ прислать мнѣ деньги черезъ Егорова. И завтра я готовъ ѣхать,— сказалъ онъ.

Какъ ни хорошо она была настроена, упоминаніе о поѣздкѣ на дачу кольнуло ее.

— Нѣтъ, я и сама не успѣю,—сказала она и тотчасъ же подумала: „стало быть, можно было устроиться такъ, чтобы сдѣлать, какъ я хотѣла". Нѣтъ, какъ ты хотѣлъ, такъ и дѣлай. Иди въ столовую, я сейчасъ приду, только отобрать эти ненужныя вещи,—сказала она, передавая на руку Аннушки, на которой уже лежала гора тряпокъ, еще что-то.

Вронскій ѣлъ свой бифстексъ, когда она вошла въ столовую.

— Ты не повѣришь, какъ мнѣ опостылѣли эти комнаты,—сказала она, садясь подлѣ него къ своему кофею.—Ничего нѣтъ ужаснѣе этихъ chambres garnies. Нѣтъ выраженія лица въ нихъ, нѣтъ души. Эти часы, гардины, главное обои — кошмаръ. Я думаю о Воздвиженскомъ, какъ объ обѣтованной землѣ. Ты не отсылаешь еще лошадей?

— Нѣтъ, онѣ пойдутъ послѣ насъ. А ты куда-нибудь ѣдешь?

— Я хотѣла съѣздить къ Вильсонъ. Мнѣ ей свезти платья. Такъ рѣшительно завтра?—сказала она веселымъ голосомъ, но вдругъ лицо ея измѣнилось.

Камердинеръ Вронскаго пришелъ спросить росписку на телеграмму изъ Петербурга. Ничего не было особеннаго въ

полученія Вронскимъ депеши, но онъ, какъ бы желая скрыть что-то отъ нея, сказалъ, что росписка въ кабинетѣ, и поспѣшно обратился къ ней:

— Непремѣнно завтра я все кончу.

— Отъ кого депеша?—спросила она, не слушая его.

— Отъ Стивы,—отвѣчалъ онъ неохотно.

— Отчего же ты не показалъ мнѣ? Какая же можетъ быть тайна между Стивой и мной?

Вронскій воротилъ камердинера и велѣлъ принесть депешу.

— Я не хотѣлъ показывать, потому что Стива, имѣетъ страсть телеграфировать... Что-жъ телеграфировать, когда ничего не рѣшено?

— О разводѣ?

— Да; но онъ пишетъ: ничего еще не могъ добиться. На дняхъ обѣщалъ рѣшительный отвѣтъ. Да вотъ прочти.

Дрожащими руками Анна взяла депешу и прочла то самое, что̀ сказалъ Вронскій. Въ концѣ еще было прибавлено: „надежды мало, но я сдѣлаю все возможное и невозможное“.

— Я вчера сказала, что мнѣ совершенно все равно, когда я получу, и даже получу ли разводъ,—сказала она покраснѣвъ. — Не было никакой надобности скрывать отъ меня. „Такъ онъ можетъ скрыть и скрываетъ отъ меня свою переписку съ женщинами“, подумала она.

— А Яшвинъ хотѣлъ пріѣхать нынче утромъ съ Войтовымъ,—сказалъ Вронскій.—Кажется, что онъ выигралъ съ Пѣвцова все, и даже больше того, что̀ тотъ можетъ заплатить, около шестидесяти тысячъ.

— Нѣтъ,—сказала она, раздражаясь тѣмъ, что онъ такъ очевидно этою перемѣной разговора показывалъ ей, что она

раздражена,—почему же ты думаешь, что это извѣстіе такъ интересуетъ меня, что надо даже скрывать? Я сказала, что не хочу объ этомъ думать, и желала бы, чтобы ты этимъ такъ же мало интересовался, какъ и я.

— Я интересуюсь потому, что люблю ясность, — сказалъ онъ.

— Ясность не въ формѣ, а въ любви,—сказала она, все болѣе и болѣе раздражаясь не словами, а тономъ холоднаго спокойствія, съ которымъ онъ говорилъ.—Для чего ты желаешь этого?

„Боже мой! опять о любви“, подумалъ онъ морщась.

— Вѣдь ты знаешь, для чего: для тебя и для дѣтей, которыя будутъ,—сказалъ онъ.

— Дѣтей не будетъ.

— Это очень жалко,—сказалъ онъ.

— Тебѣ это нужно для дѣтей, а обо мнѣ ты не думаешь?— сказала она, совершенно забывъ и не слыхавъ, что онъ сказалъ *для тебя* и для дѣтей.

Вопросъ о возможности имѣть дѣтей былъ давно спорный и раздражавшій ее. Его желаніе имѣть дѣтей она объясняла себѣ тѣмъ, что онъ не дорожитъ ея красотой.

— Ахъ, я сказалъ: для тебя. Болѣе всего для тебя,— морщась точно отъ боли, повторилъ онъ, — потому что я увѣренъ, что большая доля твоего раздраженія происходитъ отъ неопредѣленности положенія.

„Да, вотъ онъ пересталъ теперь притворяться и видна вся его холодная ненависть ко мнѣ“, подумала она, не слушая его словъ, но съ ужасомъ вглядываясь въ того холоднаго и жестокаго судью, который, дразня ее, смотрѣлъ изъ его глазъ.

— Причина не та,—сказала она,—и я даже не понимаю, какъ причиной моего, какъ ты называешь, раздраженія можетъ быть то, что я нахожусь совершенно въ твоей власти. Какая же тутъ неопредѣленность положенія? Напротивъ!

— Очень жалѣю, что ты не хочешь понять, — перебилъ онъ ее, съ упорствомъ желая высказать свою мысль:—неопредѣленность состоитъ въ томъ, что тебѣ кажется, что я свободенъ.

— Насчетъ этого ты можешь быть совершенно спокоенъ, — сказала она и, отвернувшись отъ него, стала пить кофей.

Она подняла чашку, отставивъ мизинецъ, и поднесла ее ко рту. Отпивъ нѣсколько глотковъ, она взглянула на него и по выраженію его лица ясно поняла, что ему противны были рука и жестъ, и звукъ, который она производила губами.

— Мнѣ совершенно все равно, что думаетъ твоя мать и какъ она хочетъ женить тебя,—сказала она, дрожащею рукой ставя чашку.

— Но мы не объ этомъ говоримъ.

— Нѣтъ, объ этомъ самомъ. И повѣрь, что для меня женщина безъ сердца, будь она старуха или не старуха, твоя мать или чужая, не интересна и я ее знать не хочу.

— Анна, я прошу тебя не говорить неуважительно о моей матери.

— Женщина, которая не угадала сердцемъ, въ чемъ лежитъ счастіе и честь ея сына, у той нѣтъ сердца.

— Я повторяю свою просьбу не говорить неуважительно о матери, которую я уважаю,—сказалъ онъ, возвышая голосъ и строго глядя на нее.

Она не отвѣчала. Пристально глядя на него, на его лицо, руки, она вспомнила со всѣми подробностями сцену вчерашняго примиренія и его страстныя ласки. „Эти, точно такія же, ласки онъ расточалъ, и будетъ, и хочетъ расточать другимъ женщинамъ!“ думала она.

— Ты не любишь мать. Это все фразы, фразы и фразы! — съ ненавистью глядя на него, сказала она.

— А если такъ, то надо...

— Надо рѣшиться, и я рѣшилась, — сказала она и хотѣла уйдти, но въ это время въ комнату вошелъ Яшвинъ. Анна поздоровалась съ нимъ и остановилась.

Зачѣмъ, когда въ душѣ у нея была буря и она чувствовала, что стоитъ на поворотѣ жизни, который можетъ имѣть ужасныя послѣдствія, — зачѣмъ ей въ эту минуту надо было притворяться передъ чужимъ человѣкомъ, который рано или поздно узнаетъ же все, — она не знала; но, тотчасъ же смиривъ въ себѣ внутреннюю бурю, она сѣла и стала говорить съ гостемъ.

— Ну, что ваше дѣло, получили долгъ? — спросила она Яшвина.

— Да ничего; кажется, что не получу всего, а въ середу надо ѣхать. А вы когда? — сказалъ Яшвинъ, жмурясь поглядывая на Вронскаго и очевидно догадываясь о происшедшей ссорѣ.

— Кажется, послѣ-завтра, — сказалъ Вронскій.

— Вы, впрочемъ, уже давно собираетесь.

— Но теперь уже рѣшительно, — сказала Анна, глядя прямо въ глаза Вронскому такимъ взглядомъ, который говорилъ ему, чтобы онъ и не думалъ о возможности примиренія.

— Неужели же вамъ не жалко этого несчастнаго Пѣвцова?—продолжала она разговоръ съ Яшвинымъ.

— Никогда не спрашивалъ себя, Анна Аркадьевна, жалко или не жалко. Вѣдь мое все состояніе тутъ,—онъ показалъ на боковой карманъ,—и теперь я богатый человѣкъ; а нынче поѣду въ клубъ и можетъ-быть выйду нищемъ. Вѣдь кто со мной садится, тоже хочетъ оставить меня безъ рубашки, а я его. Ну, и мы боремся, и въ этомъ-то удовольствіе.

— Ну, а еслибы вы были женаты,—сказала Анна,—каково бы вашей женѣ?

Яшвинъ засмѣялся.

— Затѣмъ, видно, и не женился, и никогда не сбирался.

— А Гельсингфорсъ? — сказалъ Вронскій, вступая въ разговоръ, и взглянулъ на улыбнувшуюся Анну. Встрѣтивъ его взглядъ, лицо Анны вдругъ приняло холодно-строгое выраженіе, какъ будто она говорила ему: „не забыто. Все то же“.

— Неужели вы были влюблены?—сказала она Яшвину.

— О, Господи! сколько разъ! Но, понимаете, одному можно сѣсть за карты, но такъ, чтобы всегда встать, когда придетъ время rendez vous. А мнѣ можно заниматься любовью, но такъ, чтобы вечеромъ не опоздать къ партіи. Такъ я и устраиваю.

— Нѣтъ, я не про то спрашиваю, а про настоящее.— Она хотѣла сказать *Гельсингфорсъ*, но не хотѣла сказать слово, сказанное Вронскимъ.

Пріѣхалъ Войтовъ, покупавшій жеребца; Анна встала и вышла изъ комнаты.

Передъ тѣмъ, какъ уѣзжать изъ дома, Вронскій вошелъ къ ней. Она хотѣла притвориться, что ищетъ что-нибудь

на столѣ, но устыдившись притворства, прямо взглянула ему въ лицо холоднымъ взглядомъ.

— Что вамъ надо?—спросила она его по-французски.

— Взять аттестатъ на Гамбету; я продалъ его,- сказалъ онъ такимъ тономъ, который выражалъ яснѣе словъ: „объясняться мнѣ некогда и ни къ чему не поведетъ".

„Я ни въ чемъ не виноватъ передъ нею,—думалъ онъ.— Если она хочетъ себя наказывать, tant pis pour elle". Но, выходя, ему показалось, что она сказала что-то, и сердце его вдругъ дрогнуло отъ состраданія къ ней.

— Что, Анна?—спросилъ онъ.

— Я ничего,—отвѣчала она такъ же холодно и спокойно.

„А ничего, такъ tant pis", подумалъ онъ опять похолодѣвъ, повернулся и пошелъ. Выходя, онъ въ зеркало увидалъ ея лицо—блѣдное, съ дрожащими губами. Онъ и хотѣлъ остановиться и сказать ей утѣшительное слово, но ноги вынесли его изъ комнаты прежде, чѣмъ онъ придумалъ что̀ сказать. Цѣлый этотъ день онъ провелъ внѣ дома, и когда пріѣхалъ поздно вечеромъ, дѣвушка сказала ему, что у Анна Аркадьевны болитъ голова и она просила не входить къ ней.

XXVI.

Никогда еще не проходило дня въ ссорѣ. Нынче это было въ первый разъ. И эта была не ссора. Это было очевидное признаніе въ совершенномъ охлажденіи. Развѣ можно было взглянуть на нее такъ, какъ онъ взглянулъ, когда входилъ въ комнату за аттестатомъ,—посмотрѣть на нее, видѣть, что сердце ея разрывается отъ отчаянія, и пройдти молча съ этимъ равнодушно-спокойнымъ лицомъ? Онъ не

то что охладѣлъ къ ней, но онъ ненавидѣлъ ее, потому что любилъ другую женщину,—это было ясно.

И вспоминая всѣ тѣ жестокія слова, которыя онъ сказалъ, Анна придумывала еще тѣ слова, которыя онъ очевидно желалъ и могъ сказать ей, и все болѣе и болѣе раздражалась.

„Я васъ не держу,—могъ сказать онъ.—Вы можете идти куда хотите. Вы не хотѣли разводиться съ вашимъ мужемъ, вѣроятно, чтобы вернуться къ нему. Вернитесь. Если вамъ нужны деньги, я дамъ вамъ. Сколько нужно вамъ рублей?“

Всѣ самыя жестокія слова, которыя могъ сказать грубый человѣкъ, онъ сказалъ ей въ ея воображеніи, и она не прощала ихъ ему, какъ будто онъ дѣйствительно сказалъ ихъ.

„А развѣ не вчера только онъ клялся въ любви, онъ, правдивый и честный человѣкъ? Развѣ я не отчаявалась напрасно уже много разъ?“ вслѣдъ за тѣмъ говорила она себѣ.

Весь день этотъ, за исключеніемъ поѣздки къ Вильсонъ, которая заняла у нея два часа, Анна провела въ сомнѣніяхъ о томъ, все ли кончено, или есть надежда примиренія, и надо ли ей сейчасъ уѣхать, или еще разъ увидать его. Она ждала его цѣлый день, и вечеромъ, уходя въ свою комнату, приказавъ передать ему, что у нея голова болитъ, загадала себѣ: „если онъ придетъ, несмотря на слова горничной, то значитъ онъ еще любитъ. Если же нѣтъ, то значитъ все кончено, и тогда я рѣшу, что мнѣ дѣлать!...“

Она вечеромъ слышала остановившійся стукъ его коляски, его звонокъ, его шаги и разговоръ съ дѣвушкой: онъ повѣрилъ тому, что ему сказали, не хотѣлъ больше ничего узнавать и пошелъ къ себѣ. Стало-быть, все было кончено.

И смерть, какъ единственное средство возстановить въ

его сердцѣ любовь къ ней, наказать его и одержать побѣду въ той борьбѣ, которую поселившійся въ ея сердцѣ злой духъ велъ съ нимъ, ясно и живо представилась ей.

Теперь было все равно: ѣхать или не ѣхать въ Воздвиженское, получить или не получить отъ мужа разводъ, — все было не нужно. Нужно было одно — наказать его.

Когда она налила себѣ обычный пріемъ опіума и подумала о томъ, что стоило только выпить всю стклянку, чтобы умереть, ей показалось это такъ легко и просто, что она опять съ наслажденіемъ стала думать о томъ, какъ онъ будетъ мучиться, раскаиваться и любить ея память, когда уже будетъ поздно. Она лежала въ постели съ открытыми глазами, глядя при свѣтѣ одной догоравшей свѣчи на лѣпной карнизъ потолка и на захватывающую часть его тѣнь отъ ширмы, и живо представляла себѣ, что̀ онъ будетъ чувствовать, когда ея уже не будетъ, и она будетъ для него только одно воспоминаніе. „Какъ могъ я сказать ей эти жестокія слова?—будетъ говорить онъ. — Какъ могъ я выйти изъ комнаты, не сказавъ ей ничего? Но теперь ея ужъ нѣтъ. Она навсегда ушла отъ насъ. Она тамъ...“ Вдругъ тѣнь ширмы заколебалась, захватила весь карнизъ, весь потолокъ, другія тѣни съ другой стороны рванулись ей навстрѣчу; на мгновеніе тѣни сбѣжали, но потомъ съ новою быстротой надвинулись, поколебались, слились, и все стало темно... „Смерть!“ подумала она. И такой ужасъ нашелъ на нее, что она долго не могла понять, гдѣ она, и долго не могла дрожащими руками найдти спички и зажечь другую свѣчу вмѣсто той, которая догорѣла и потухла. „Нѣтъ, все—только жить! Вѣдь я люблю его. Вѣдь онъ любитъ меня! Это было и пройдетъ“, говорила она, чувствуя,

что слезы радости возвращенія къ жизни текли по ея щекамъ. И чтобы спастись отъ своего страха, она поспѣшно пошла въ кабинетъ къ нему.

Онъ спалъ въ кабинетѣ крѣпкимъ сномъ. Она подошла къ нему и, сверху освѣщая его лицо, долго смотрѣла на него. Теперь, когда онъ спалъ, она любила его такъ, что при видѣ его не могла удержать слезъ нѣжности; но она знала, что еслибъ онъ проснулся, то онъ посмотрѣлъ бы на нее холоднымъ, сознающимъ свою правоту взглядомъ, и что прежде, чѣмъ говорить ему о своей любви, она должна бы была доказать ему, какъ онъ былъ виноватъ передъ нею. Она, не разбудивъ его, вернулась къ себѣ и послѣ втораго пріема опіума къ утру заснула тяжелымъ, неполнымъ сномъ, во все время котораго она не переставала чувствовать себя.

Утромъ страшный кошмаръ, нѣсколько разъ повторявшійся ей въ сновидѣніяхъ, еще до связи съ Вронскимъ, представился ей опять и разбудилъ ее. Старичокъ съ взлохмаченною бородой что-то дѣлалъ, нагнувшись надъ желѣзомъ, приговаривая безсмысленныя французскія слова, и она, какъ и всегда при этомъ кошмарѣ (что̀ и составляло его ужасъ), чувствовала, что мужичокъ этотъ не обращаетъ на нее вниманія, но дѣлаетъ это какое-то страшное дѣло въ желѣзѣ—надъ нею. И она проснулась въ холодномъ поту.

Когда она встала, ей, какъ въ туманѣ, вспомнился вчерашній день.

„Была ссора. Было то, что бывало уже нѣсколько разъ. Я сказала, что у меня голова болитъ, и онъ не входилъ. Завтра мы ѣдемъ, надо видѣть его и готовиться къ отъ-

ѣзду", сказала она себѣ. И узнавъ, что онъ въ кабинетѣ, она пошла къ нему. Проходя по гостиной, она услыхала, что у подъѣзда остановился экипажъ, и взглянувъ въ окно, увидала карету, изъ которой высовывалась молодая дѣвушка въ лиловой шляпкѣ, что-то приказывая звонившему лакею. Послѣ переговоровъ въ передней, кто то вошелъ на верхъ, и рядомъ съ гостиной послышались шаги Вронскаго. Онъ быстрыми шагами сходилъ по лѣстницѣ. Анна опять подошла къ окну. Вотъ онъ вышелъ безъ шляпы на крыльцо и подошелъ къ каретѣ. Молодая дѣвушка въ лиловой шляпкѣ передала ему пакетъ. Вронскій, улыбаясь, сказалъ ей что-то. Карета отъѣхала; онъ быстро вбѣжалъ назадъ по лѣстницѣ.

Туманъ, застилавшій все въ ея душѣ, вдругъ разсѣялся. Вчерашнія чувства съ новою болью защемили больное сердце. Она не могла понять теперь, какъ она могла унизиться до того, чтобы пробыть цѣлый день съ нимъ въ его домѣ. Она вошла къ нему въ кабинетъ, чтобъ объявить ему свое рѣшеніе.

— Это Сорокина съ дочерью заѣзжала и привезла мнѣ деньги и бумаги отъ maman. Я вчера не могъ получить... Какъ твоя голова, лучше?—сказалъ онъ спокойно, не желая видѣть и понимать мрачнаго и торжественнаго выраженія ея лица.

Она молча, пристально смотрѣла на него, стоя посреди комнаты. Онъ взглянулъ на нее, на мгновеніе нахмурился и продолжалъ читать письмо. Она повернулась и медленно пошла изъ комнаты. Онъ еще могъ вернуть ее, но она дошла до двери, онъ все молчалъ, и слышенъ былъ только звукъ шуршанія перевертываемаго листа бумаги.

— Да, кстати,—сказалъ онъ въ то время, какъ она была уже въ дверяхъ, — завтра мы ѣдемъ рѣшительно? Не правда ли?

— Вы, но не я,—сказала она, оборачиваясь къ нему.

— Анна, этакъ невозможно жить...

— Вы, но не я,—повторила она.

— Это становится невыносимо!

— Вы... вы раскаетесь въ этомъ,—сказала она и вышла.

Испуганный тѣмъ отчаяннымъ выраженіемъ, съ которымъ были сказаны эти слова, онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать за нею, но, опомнившись, опять сѣлъ и, крѣпко сжавъ зубы, нахмурился. Эта неприличная, какъ онъ находилъ, угроза чего-то раздражила его. „Я пробовалъ все,—подумалъ онъ; — остается одно—не обращать вниманія“—и онъ сталъ собираться ѣхать въ городъ и опять къ матери, отъ которой надо было получить подпись на довѣренности.

Она слышала звуки его шаговъ по кабинету и столовой. У гостиной онъ остановился. Но онъ не повернулъ къ ней, онъ только отдалъ приказаніе о томъ, чтобъ отпустили безъ него Войтову жеребца. Потомъ она слышала, какъ подали коляску, какъ отворилась дверь, и онъ вышелъ опять. Но вотъ онъ опять вошелъ въ сѣни, и кто-то взбѣжалъ на верхъ. Это камердинеръ вбѣгалъ за забытыми перчатками. Она подошла къ окну и видѣла, какъ онъ, не глядя, взялъ перчатки и, тронувъ рукой спину кучера, что-то сказалъ ему. Потомъ, не глядя въ окна, онъ сѣлъ въ свою обычную позу въ колясκѣ, заложивъ ногу на ногу, и, надѣвая перчатку, скрылся за угломъ.

XXVII.

„Уѣхалъ! Кончено!“ сказала себѣ Анна, стоя у окна; и, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, впечатлѣнія мрака при потухшей свѣчѣ и страшнаго сна, сливаясь въ одно, холоднымъ ужасомъ наполнили ея сердце.

„Нѣтъ, этого не можетъ быть!—вскрикнула она и, перейдя комнату, крѣпко позвонила. Ей такъ страшно было теперь оставаться одной, что не дожидаясь прихода человѣка, она пошла навстрѣчу ему.

— Узнайте, куда поѣхалъ графъ,—сказала она.

Человѣкъ отвѣчалъ, что графъ поѣхалъ въ конюшни.

— Они приказали доложить, что если вамъ угодно выѣхать, то коляска сейчасъ вернется.

— Хорошо. Постойте. Сейчасъ я напишу записку. Пошлите Михайлу съ запиской въ конюшни. Поскорѣе.

Она сѣла и написала:

„Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради Бога пріѣзжай, мнѣ страшно“.

Она запечатала и отдала человѣку.

Она боялась оставаться одна теперь и, вслѣдъ за человѣкомъ, вышла изъ комнаты и пошла въ дѣтскую.

„Что-жъ, это не то, это не онъ! Гдѣ его голубые глаза, милая и робкая улыбка?“ была первая мысль ея, когда она увидала свою пухлую, румяную дѣвочку съ черными вьющимися волосами, вмѣсто Сережи, котораго она, при запутанности своихъ мыслей, ожидала видѣть въ дѣтской. Дѣвочка, сидя у стула, упорно и крѣпко хлопала по немъ пробкой и безсмысленно глядѣла на мать двумя смородинами—черными глазами. Отвѣтивъ англичанкѣ, что она

совсѣмъ здорова и что завтра уѣзжаетъ въ деревню, Анна подсѣла къ дѣвочкѣ и стала передъ нею вертѣть пробку съ графина. Но громкій, звонкій смѣхъ ребенка и движеніе, которое она сдѣлала бровью, такъ живо ей напомнили Вронскаго, что, удерживая рыданія, она поспѣшно встала и вышла. „Неужели все кончено? Нѣтъ, это не можетъ быть,—думала она.— Онъ вернется. Но какъ онъ объяснитъ мнѣ эту улыбку, это оживленіе послѣ того, какъ онъ говорилъ съ ней? Но и не объяснитъ, все-таки повѣрю. Если я не повѣрю, то мнѣ остается одно,—а я не хочу“.

Она посмотрѣла на часы. Прошло двѣнадцать минутъ. „Теперь ужъ онъ получилъ записку и ѣдетъ назадъ. Недолго, еще десять минутъ... Но что, если онъ не пріѣдетъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть. Надо, чтобы онъ не видѣлъ меня съ заплаканными глазами. Я пойду умоюсь. Да, да причесалась ли я или нѣтъ?—спросила она себя. И не могла вспомнить. Она ощупала голову рукой.—Да, я причесана, но когда, рѣшительно не помню“. Она даже не вѣрила своей рукѣ и подошла къ трюмо, чтобъ увидать, причесана ли она въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ? Она была причесана и не могла вспомнить, когда она это дѣлала. „Кто это?—думала она, глядя въ зеркало на воспаленное лицо со странно-блестящими глазами испуганно смотрѣвшими на нее.—Да это я“, вдругъ поняла она, и, оглядывая себя всю, она почувствовала вдругъ на себѣ его поцѣлуи и, содрогаясь, двинула плечами. Потомъ подняла руку къ губамъ и поцѣловала ее.

„Что это, я съ ума схожу“, и она пошла въ спальню, гдѣ Аннушка убирала комнату.

— Аннушка,—сказала она, останавливаясь передъ ней и глядя на горничную, сама не зная что скажетъ ей.

— Къ Дарьѣ Александровнѣ вы хотѣли ѣхать,—какъ бы понимая, сказала горничная.

— Къ Дарьѣ Александровнѣ? Да, я поѣду.

„Пятнадцать минутъ туда, пятнадцать назадъ. Онъ ѣдетъ уже, онъ пріѣдетъ сейчасъ". Она вынула часы и посмотрѣла на нихъ. „Но какъ онъ могъ уѣхать, оставивъ меня въ такомъ положеніи? Какъ онъ можетъ жить, не примирившись со мною?" Она подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу. По времени онъ уже могъ вернуться. Но расчетъ могъ быть невѣренъ, и она вновь стала вспоминать, когда онъ уѣхалъ, и считать минуты.

Въ то время, какъ она отходила къ большимъ часамъ, чтобы повѣрить свои, кто-то подъѣхалъ. Взглянувъ изъ окна, она увидала его коляску. Но никто не шелъ на лѣстницу, и внизу слышны были голоса. Это былъ посланный, вернувшійся въ коляскѣ. Она сошла къ нему.

— Графа не застали. Они уѣхали на Нижегородскую дорогу.

— Что тебѣ? Что...—обратилась она къ румяному, веселому Михайлѣ, подававшему ей назадъ ея записку.

„Да вѣдь онъ не получилъ ея", вспомнила она.

— Поѣзжай съ этою же запиской въ деревню къ графинѣ Вронской, знаешь?... и тотчасъ же привези отвѣтъ,—сказала она посланному.

„А я сама, что же я буду дѣлать?—подумала она.—Да, я поѣду къ Долли, это правда, а то я съ ума сойду. Да, я могу еще телеграфировать". И она написала депешу:

„Мнѣ необходимо переговорить, сейчасъ пріѣзжайте".

Отославъ телеграмму, она пошла одѣваться. Уже одѣтая и въ шляпѣ, она опять взглянула въ глаза потолстѣвшей спокойной Аннушкѣ. Явное состраданіе было видно въ этихъ маленькихъ, добрыхъ, сѣрыхъ глазахъ.

— Аннушка, милая, что мнѣ дѣлать?—рыдая проговорила Анна, безпомощно опускаясь на кресло.

— Что же такъ безпокоиться, Анна Аркадьевна! Вѣдь это бываетъ. Вы поѣзжайте, разсѣетесь,—сказала горничная.

— Да, я поѣду,—опоминаясь и вставая, сказала Анна.— А если безъ меня будетъ телеграмма, прислать къ Дарьѣ Александровнѣ... нѣтъ, я сама вернусь.

„Да, не надо думать, надо дѣлать что-нибудь, ѣхать, главное уѣхать изъ этого дома“, сказала она, съ ужасомъ прислушиваясь къ страшному клокотанью, происходившему въ ея сердцѣ, и поспѣшно вышла и сѣла въ коляску.

— Куда прикажете?—спросилъ Петръ передъ тѣмъ, какъ садиться на козлы.

— На Знаменку, къ Облонскимъ.

XXVIII.

Погода была ясная. Все утро шелъ частый, мелкій дождикъ, и теперь недавно прояснило. Желѣзныя кровли, плиты тротуаровъ, голыши мостовой, колеса и кожи, мѣдь и жесть экипажей—все ярко блестѣло на майскомъ солнцѣ. Было три часа и самое оживленное время на улицахъ.

Сидя въ углу покойной коляски, чуть покачивавшейся своими упругими рессорами на быстромъ ходу сѣрыхъ, Анна, при несмолкаемомъ грохотѣ колесъ и быстро смѣняющихся впечатлѣніяхъ на чистомъ воздухѣ, вновь перебирая событія послѣднихъ дней, увидала свое положеніе совсѣмъ

инымъ, чѣмъ какимъ оно казалось ей дома. Теперь и мысль о смерти не казалась ей болѣе такъ страшна и ясна, и самая смерть не представлялась болѣе неизбѣжною. Теперь она упрекала себя за то униженіе, до котораго она спустилась. „Я умоляю его простить меня. Я покорилась ему. Признала себя виноватою. Зачѣмъ? Развѣ я не могу жить безъ него?“ И, не отвѣчая на вопросъ, какъ она будетъ жить безъ него, она стала читать вывѣски. „Контора и складъ. Зубной врачъ... Да, я скажу Долли все. Она не любитъ Вронскаго. Будетъ стыдно, больно, но я все скажу ей. Она любитъ меня, и я послѣдую ея совѣту. Я не покорюсь ему; я не позволю ему воспитывать себя... Филипповъ, калачи. Говорятъ, что они возятъ тѣсто въ Петербургъ. Вода московская такъ хороша. А мытищенскіе колодцы и блины“. И она вспомнила, какъ давно, давно, когда ей было еще семнадцать лѣтъ, она ѣздила съ теткой къ Троицѣ. „На лошадяхъ еще. Неужели это была я, съ красными руками? Какъ многое изъ того, что̀ тогда мнѣ казалось такъ прекрасно и недоступно, стало ничтожно, а то, что̀ было тогда, теперь на-вѣки недоступно! Повѣрила ли бы я тогда, что я могу дойдти до такого униженія? Какъ онъ будетъ гордъ и доволенъ, получивъ мою записку! Но я докажу ему... Какъ дурно пахнетъ эта краска. Зачѣмъ они все красятъ и строятъ?“ „Моды и уборы“, читала она. Мужчина поклонился ей. Это былъ мужъ Аннушки. „Наши паразиты“, вспомнила она, какъ это говорилъ Вронскій. „Наши? Почему наши? Ужасно то, что нельзя вырвать съ корнемъ прошедшаго. Нельзя вырвать, но можно скрыть память о немъ. И я скрою“. И тутъ она вспомнила о прошедшемъ съ Алексѣемъ Александровичемъ, о томъ, какъ она изгла-

дила его изъ своей памяти. „Долли подумаетъ, что я оставляю втораго мужа, и что я поэтому навѣрное неправа. Развѣ я хочу быть правой? Я не могу!“ проговорила она, и ей захотѣлось плакать. Но она тотчасъ же стала думать о томъ, чему могли такъ улыбаться эти двѣ дѣвушки. „Вѣрно о любви? Онѣ не знаютъ, какъ это невесело, какъ низко... Бульваръ и дѣти. Три мальчика бѣгутъ, игра въ лошадки. Сережа! И я все потеряю, и не возвращу его. Да, все потеряю, если онъ не вернется. Онъ можетъ быть опоздалъ на поѣздъ и уже вернулся теперь. Опять хочешь униженія!—сказала она самой себѣ.—Нѣтъ, я войду къ Долли и прямо скажу ей: я несчастна, я стòю того, я виновата, но я все-таки несчастна, помоги мнѣ. Эти лошади, эта коляска,—какъ я отвратительна себѣ въ этой коляскѣ,—все его; но я больше не увижу ихъ“.

Придумывая тѣ слова, въ которыхъ она все скажетъ Долли, и умышленно растравляя свое сердце, Анна вошла на лѣстницу.

— Есть кто-нибудь?—спросила она въ передней.

— Катерина Александровна Левина,—отвѣчалъ лакей.

„Кити, та самая Кити, въ которую былъ влюбленъ Вронскій!—подумала Анна,—та самая, про которую онъ вспоминалъ съ любовью. Онъ жалѣетъ, что не женился на ней. А обо мнѣ онъ вспоминаетъ съ ненавистью, жалѣетъ, что сошелся со мной“.

Между сестрами, въ то время, какъ пріѣхала Анна, шло совѣщаніе о кормленіи. Долли одна вышла встрѣтить гостью, въ эту минуту мѣшавшую ихъ бесѣдѣ.

— А, ты не уѣхала еще? Я хотѣла сама быть у тебя,—сказала она,—нынче я получила письмо отъ Стивы.

— Мы тоже получила депешу,—отвѣчала Анна, оглядываясь, чтобъ увидать Кити.

— Онъ пишетъ, что не можетъ понять, чего именно хочетъ Алексѣй Александровичъ, но что онъ не уѣдетъ безъ отвѣта.

— Я думала, у тебя есть кто-то. Можно прочесть письмо?

— Да, Кити,—смутившись сказала Долли,—она въ дѣтской осталась. Она была очень больна.

— Я слышала. Можчо прочесть письмо?

— Я сейчасъ принесу. Но онъ не отказываетъ; напротивъ, Стива надѣется,—сказала Долли, останавливаясь въ дверяхъ.

— Я не надѣюсь, да и не желаю,—сказала Анна.

„Что-жъ это, Кити считаетъ для себя унизительнымъ встрѣтиться со мной?—думала Анна, оставшись одна.—Можетъ-быть она и права. Но не ей, той, которая была влюблена въ Вронскаго, не ей показывать мнѣ это, хотя это и правда. Я знаю, что меня въ моемъ положеніи не можетъ принимать ни одна порядочная женщина. Я знаю, что съ той первой минуты я пожертвовала ему всѣмъ. И вотъ награда! О, какъ я ненавижу его! И зачѣмъ я пріѣхала сюда? Мнѣ еще хуже, еще тяжелѣе!“ Она слышала изъ другой комнаты голоса переговаривавшихся сестеръ. „И что-жъ я буду говорить теперь Долли? Утѣшать Кити тѣмъ, что я несчастна, подчиняться ея покровительству? Нѣтъ, да и Долли ничего не пойметъ. И мнѣ нечего говорить ей. Интересно было бы только видѣть Кити и показать ей, какъ я всѣхъ и все презираю, какъ мнѣ все равно теперь“.

Долли вошла съ письмомъ. Анна прочла и молча передала его.

— Я все это знала,—сказала она.—И это меня нисколько не интересуетъ.

— Да отчего же? Я, напротивъ, надѣюсь,—сказала Долли, съ любопытствомъ глядя на Анну. Она никогда не видала ее въ такомъ странномъ раздраженномъ состояніи.—Ты когда ѣдешь?—спросила она.

Анна сощурившись смотрѣла передъ собой и не отвѣчала ей.

— Что жъ Кити прячется отъ меня?—сказала она, глядя на дверь и краснѣя.

— Ахъ, какіе пустяки! Она кормитъ, и у нея не ладится дѣло, я ей совѣтовала... Она очень рада. Она сейчасъ придетъ,—неловко, не умѣя говорить неправду, говорила Долли.—Да вотъ и она.

Узнавъ, что пріѣхала Анна, Кити не хотѣла выходить, но Долли уговорила ее. Собравшись съ силами, Кити вышла, и краснѣя, подошла къ ней и подала руку.

— Я очень рада,—сказала она дрожащимъ голосомъ.

Кити была смущена тою борьбой, которая происходила въ ней между враждебностью къ этой дурной женщинѣ и желаніемъ быть снисходительною къ ней; но какъ только она увидала красивое, симпатичное лицо Анны, вся враждебность тотчасъ же исчезла.

— Я бы не удивилась, еслибы вы и не хотѣли встрѣтиться со мной. Я ко всему привыкла. Вы были больны? Да, вы перемѣнилась,—сказала Анна.

Кити чувствовала, что Анна враждебно смотритъ на нее. Она объясняла эту враждебность неловкимъ положеніемъ, въ которомъ теперь чувствовала себя передъ ней прежде покровительствовавшая ей Анна, и ей стало жалко ее.

Онѣ поговорили про болѣзнь, про ребенка, про Стиву, но, очевидно, ничто не интересовало Анну.

— Я заѣхала проститься съ тобой, —сказала она, вставая.

— Когда же вы ѣдете?

Но Анна опять, не отвѣчая, обратилась къ Кити.

— Да, я очень рада, что увидала васъ,—сказала она съ улыбкой.—Я слышала о васъ столько со всѣхъ сторонъ, даже отъ вашего мужа. Онъ былъ у меня, и онъ мнѣ очень понравился,—очевидно съ дурнымъ намѣреніемъ прибавила она.—Гдѣ онъ?

— Онъ въ деревню поѣхалъ,—краснѣя сказала Кити.

— Кланяйтесь ему отъ меня, непремѣнно кланяйтесь.

— Непремѣнно!—наивно повторила Кити, соболѣзнующе глядя ей въ глаза.

— Такъ прощай, Долли!—И, поцѣловавъ Долли и пожавъ руку Кити, Анна поспѣшно вышла.

— Все такая же и такъ же привлекательна. Очень хороша!—сказала Кити, оставшись одна съ сестрой.—Но что-то жалкое есть въ ней, ужасно жалкое!

— Нѣтъ, нынче въ ней что-то особенное,—сказала Долли.—Когда я ее провожала, въ передней мнѣ показалось, что она хочетъ плакать.

XXIX.

Анна сѣла въ коляску въ еще худшемъ состояніи, чѣмъ то, въ какомъ она была, уѣзжая изъ дома. Къ прежнимъ мученіямъ присоединилось теперь чувство оскорбленія и отверженности, которое она ясно почувствовала при встрѣчѣ съ Кити.

— Куда прикажете? Домой?—спросилъ Петръ.

— Да, домой,—сказала она, теперь и не думая о томъ, куда она ѣдетъ.

„Какъ онѣ, какъ на что-то страшное, непонятное и любопытное, смотрѣли на меня. О чемъ онъ можетъ съ такимъ жаромъ разсказывать другому?—думала она, глядя на двухъ пѣшеходовъ. — Развѣ можно другому разсказать то, что чувствуешь? Я хотѣла разсказывать Долли, и хорошо что не разсказала. Какъ бы она рада была моему несчастію! Она бы скрыла это; но главное чувство было бы радость о томъ, что я наказана за тѣ удовольствія, въ которыхъ она завидовала мнѣ. Кити—та еще бы болѣе была рада. Какъ я ее всю вижу насквозь! Она знаетъ, что я больше, чѣмъ обыкновенно, любезна была къ ея мужу. И она ревнуетъ и ненавидитъ меня. И презираетъ еще. Въ ея глазахъ я—безнравственная женщина. Еслибъ я была безнравственная женщина, я бы могла влюбить въ себя ея мужа, еслибы хотѣла. Да я и хотѣла... Вотъ этотъ доволенъ собой", подумала она о толстомъ, румяномъ господинѣ, проѣхавшемъ навстрѣчу, принявшемъ ее за знакомую, приподнявшемъ лоснящуюся шляпу надъ лысою, лоснящеюся головой и потомъ убѣдившемся, что онъ ошибся. „Онъ думалъ, что онъ меня знаетъ. А онъ знаетъ меня такъ же мало, какъ кто бы то ни было на свѣтѣ знаетъ меня. Я сама не знаю. Я знаю свои аппетиты, какъ говорятъ французы. Вотъ имъ хочется этого грязнаго мороженаго Это они знаютъ навѣрное", думала она, глядя на двухъ мальчиковъ, остановившихъ мороженника, который снималъ съ головы кадку и утиралъ концомъ полотенца потное лицо. „Всѣмъ намъ хочется сладкаго, вкуснаго. Нѣтъ конфектъ, то грязнаго мороженаго. И Кити

также: не Вронскій, то Левинъ. И она завидуетъ мнѣ, и ненавидитъ меня. И всѣ мы ненавидимъ другъ друга: я—Кити, Кити—меня. Вотъ это правда. Тютькинъ coiffeur. Je me fais coiffer par Тютькинъ.. Я это скажу ему, когда онъ пріѣдетъ", подумала она и улыбнулась. Но въ ту же минуту она вспомнила, что ей некому теперь говорить ничего смѣшнаго. „Да и ничего смѣшнаго, веселаго нѣтъ. Все гадко. Звонятъ къ вечернѣ, и купецъ этотъ какъ аккуратно крестится, точно боится выронить что то. Зачѣмъ эти церкви, этотъ звонъ и эта ложь?—Только для того, чтобы скрыть, что мы всѣ ненавидимъ другъ друга, какъ эти извощики, которые такъ злобно бранятся. Яшвинъ говоритъ: онъ хочетъ меня оставить безъ рубашки, а я—его. Вотъ это правда!"

На этихъ мысляхъ, которыя завлекли ее такъ, что она перестала даже думать о своемъ положеніи, ее застала остановка у крыльца своего дома. Увидавъ вышедшаго ей навстрѣчу швейцара, она только вспомнила, что посылала записку и телеграмму.

— Отвѣтъ есть?—спросила она.

— Сейчасъ посмотрю,—отвѣчалъ швейцаръ и, взглянувъ на конторкѣ, досталъ и подалъ ей квадратный тонкій конвертъ телеграммы. „Я не могу пріѣхать раньше десяти часовъ. Вронскій", прочла она.

— А посланный не возвращался?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ швейцаръ.

„А, если такъ, то я знаю, чтò мнѣ дѣлать", сказала она, и чувствуя поднимающійся въ себѣ неопредѣленный гнѣвъ и потребность мести, она взбѣжала на верхъ. „Я сама поѣду къ нему. Прежде, чѣмъ навсегда уѣхать, я скажу

ему все. Никогда никого не ненавидѣла я такъ, какъ этого человѣка!“ думала она. Увидавъ его шляпу на вѣшалкѣ, она содрогнулась отъ отвращенія. Она не соображала того, что его телеграмма была отвѣтъ на ея телеграмму, и что онъ не получалъ еще ея записки. Она представляла его себѣ теперь спокойно разговаривающимъ съ матерью и съ Сорокиной и радующимся ея страданіямъ. „Да, надобно ѣхать скорѣе“, сказала она себѣ, еще не зная, куда ѣхать. Ей хотѣлось поскорѣе уйдти отъ тѣхъ чувствъ, которыя она испытывала въ этомъ ужасномъ домѣ. Прислуга, стѣны, вещи въ этомъ домѣ — все вызывало въ ней отвращеніе и злобу и давило ее какою то тяжестью.

„Да, надо ѣхать на станцію желѣзной дороги, а если нѣтъ, то поѣхать туда и уличить его“. Анна посмотрѣла въ газетахъ росписаніе поѣздовъ. Вечеромъ отходитъ въ 8 часовъ 2 минуты. „Да, я поспѣю“. Она велѣла заложить другихъ лошадей и занялась укладкой въ дорожную сумку необходимыхъ на нѣсколько дней вещей. Она знала, что не вернется болѣе сюда. Она смутно рѣшила себѣ въ числѣ тѣхъ плановъ, которые приходили ей въ голову, и то, что послѣ того, что̀ произойдетъ тамъ на станціи, или въ имѣніи графини, она поѣдетъ по Нижегородской дорогѣ до перваго города и останется тамъ.

Обѣдъ стоялъ на столѣ; она подошла, понюхала хлѣбъ и сыръ, и убѣдившись, что запахъ всего съѣстнаго ей противенъ, велѣла подавать коляску и вышла. Домъ уже бросалъ тѣнь черезъ всю улицу и былъ ясный, еще теплый на солнцѣ вечеръ. И провожавшая ее съ вещами Аннушка, и Петръ, клавшій вещи въ коляску, и кучеръ, очевидно

недовольный, — всѣ были противны ей и раздражали ее своими словами и движеніями.

— Мнѣ тебя не нужно, Петръ.

— А какъ же билетъ?

— Ну, какъ хочешь, мнѣ все равно,—съ досадой сказала она.

Петръ вскочилъ на козлы и, подбоченившись, приказалъ ѣхать на вокзалъ.

XXX.

„Вотъ она опять! Опять я понимаю все", сказала себѣ Анна, какъ только коляска тронулась и, покачиваясь, загремѣла по мелкой мостовой, и опять одно за другимъ стали смѣняться впечатлѣнія.

„Да, о чемъ послѣднемъ я такъ хорошо думала", старалась вспомнить она. „Тютькинъ coiffeur? Нѣтъ, не то. Да, про то, что̀ говоритъ Яшвинъ: борьба за существованіе и ненависть—одно, что̀ связываетъ людей... Нѣтъ, вы напрасно ѣдете", мысленно обратилась она къ компаніи въ колявкѣ четверней, которая очевидно ѣхала веселиться за городъ. „И собака, которую вы везете съ собой, не поможетъ вамъ. Отъ себя не уйдете". Кинувъ взглядъ въ ту сторону, куда оборачивался Петръ, она увидала полумертво-пьянаго фабричнаго съ качающеюся головой, котораго везъ куда-то городовой. „Вотъ этотъ — скорѣе", подумала она. „Мы съ графомъ Вронскимъ также не нашли этого удовольствія, хотя и много ожидали отъ него". И Анна обратила теперь въ первый разъ тотъ яркій свѣтъ, при которомъ она видѣла все, на свои отношенія съ нимъ, о которыхъ прежде она избѣгала думать. „Чего онъ искалъ во

мнѣ? Любви не столько, сколько удовлетворенія тщеславія“. Она вспомнила его слова, выраженіе лица его, напоминавшее покорную лягавую собаку, въ первое время ихъ связи. И все теперь подтверждало это. „Да, въ немъ было торжество тщеславнаго успѣха. Разумѣется, была и любовь, но бо̀льшая доля была гордость успѣха. Онъ хвастался мной. Теперь это прошло. Гордиться нечѣмъ. Не гордиться, а стыдиться. Онъ взялъ отъ меня все, что̀ могъ, и теперь я не нужна ему. Онъ тяготится мною и старается не быть въ отношеніи меня безчестнымъ. Онъ проговорился вчера: онъ хочетъ развода и женитьбы, чтобы сжечь свои корабли. Онъ любитъ меня, но какъ? The zest is gone. Этотъ хочетъ всѣхъ удивить и очень доволенъ собой,—подумала она, глядя на румянаго прикащика, ѣхавшаго на манежной лошади.— Да, того вкуса ужъ нѣтъ для него во мнѣ. Если я уѣду отъ него, онъ въ глубинѣ души будетъ радъ“.

Это было не предположеніе, — она ясно видѣла это въ томъ пронзительномъ свѣтѣ, который открывалъ ей теперь смыслъ жизни и людскихъ отношеній.

„Моя любовь все дѣлается страстнѣе и себялюбивѣе, а его все гаснетъ и гаснетъ, и вотъ отчего мы расходимся,— продолжала она думать.—И помочь этому нельзя. У меня все въ немъ одномъ, и я требую, чтобъ онъ весь больше и больше отдавался мнѣ. А онъ все больше и больше хочетъ уйдти отъ меня. Мы именно шли навстрѣчу до связи, а потомъ неудержимо расходимся въ разныя стороны. И измѣнить этого нельзя. Онъ говоритъ мнѣ, что я безсмысленно ревнива, и я сама говорила себѣ, что я безсмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, а я недовольна. Но...“ она закрыла ротъ и перемѣстилась въ коляскѣ отъ

волненія, возбужденнаго въ ней пришедшею ей вдругъ мыслью. „Еслибъ я могла быть чѣмъ-нибудь, кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ его ласки; но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ. И я этимъ желаніемъ возбуждаю въ немъ отвращеніе, а онъ во мнѣ—злобу, и это не можетъ быть иначе. Развѣ я не знаю, что онъ не сталъ бы обманывать меня, что онъ не имѣетъ видовъ на Сорокину, что онъ не влюбленъ въ Кити, что онъ не измѣнитъ мнѣ? Я все это знаю, но мнѣ отъ этого не легче. Если онъ, не любя меня, изъ *долга* будетъ добръ, нѣженъ ко мнѣ, а того не будетъ, чего я хочу,—да это хуже въ тысячу разъ даже чѣмъ злоба: это—адъ! А это-то и есть. Онъ ужъ давно не любитъ меня. А гдѣ кончается любовь, тамъ начинается ненависть... Этихъ улицъ я совсѣмъ не знаю. Горы какія-то, и все дома, дома. И въ домахъ все люди, люди. Сколько ихъ, конца нѣтъ, и всѣ ненавидятъ другъ друга... Ну, пусть я придумаю себѣ то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. Ну? Я получаю разводъ, Алексѣй Александровичъ отдаетъ мнѣ Сережу и я выхожу замужъ за Вронскаго“. Вспомнивъ объ Алексѣѣ Александровичѣ, она тотчасъ съ необыкновенною живостью представила себѣ его какъ живаго передъ собой, съ его кроткими, безжизненными, потухшими глазами, синими жилами на бѣлыхъ рукахъ, интонаціями и трескомъ пальцевъ, и вспомнивъ то чувство, которое было между ними и которое тоже называлось любовью, вздрогнула отъ отвращенія. „Ну, я получу разводъ и буду женой Вронскаго. Что же, Кити перестанетъ такъ смотрѣть на меня, какъ она смотрѣла нынче? Нѣтъ. А Сережа перестанетъ спрашивать или думать о моихъ двухъ мужьяхъ? А между мною и Вронскимъ какое же

я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь... не счастіе уже, а только не мученье? Нѣтъ и нѣтъ!—отвѣтила она себѣ теперь безъ малѣйшаго колебанія.—Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я дѣлаю его несчастіе, онъ мое, и передѣлать ни его, ни меня нельзя. Всѣ попытки были сдѣланы, винтъ свинтился... Да, нищая съ ребенкомъ. Она думаетъ, что жалко ея. Развѣ всѣ мы не брошены на свѣтъ затѣмъ только, чтобы ненавидѣть другъ друга и, потому, мучить себя и другихъ?... Гимназисты идутъ—смѣются. Сережа?—вспомнила она.—Я тоже думала, что любила его, и умилялась надъ своею нѣжностью. А жила я безъ него, промѣняла же его на другую любовь и не жаловалась на этотъ промѣнъ, пока удовлетворялась тою любовью. И она съ отвращеніемъ вспомнила про то, что называла тою любовью. И ясность, съ которою она видѣла теперь свою и всѣхъ людей жизнь, радовала ее. „Такъ и я, и Петръ, и кучеръ Ѳедоръ, и этотъ купецъ, и всѣ тѣ люди, которые живутъ тамъ по Волгѣ, куда приглашаютъ эти объявленія, и вездѣ, и всегда", думала она, когда уже подъѣхала къ низкому строенію Нижегородской станціи и къ ней навстрѣчу выбѣжали артельщики.

— Прикажете до Обираловки?—сказалъ Петръ.

Она совсѣмъ забыла, куда и зачѣмъ она ѣхала, и только съ большимъ усиліемъ могла понять вопросъ.

— Да,—сказала она ему, подавая кошелекъ съ деньгами, и, взявъ на руку маленькій красный мѣшочекъ, вышла изъ коляски.

Направляясь между толпой въ залу перваго класса, она понемногу припомнила всѣ подробности своего положенія и тѣ рѣшенія, между которыми она колебалась. И опять то

надежда, то отчаяніе по старымъ наболѣвшимъ мѣстамъ стали растравлять раны ея измученнаго, страшно трепетавшаго сердца. Сидя на звѣздообразномъ диванѣ въ ожиданіи поѣзда, она, съ отвращеніемъ глядя на входившихъ и выходившихъ (всѣ они были противны ей), думала то о томъ, какъ она пріѣдетъ на станцію, напишетъ ему записку, и что̀ она напишетъ ему, то о томъ, какъ онъ теперь жалуется матери (не понимая страданій) на свое положеніе, и какъ она войдетъ въ комнату и что̀ она скажетъ ему. То она думала о томъ, какъ жизнь могла бы быть еще счастлива, и какъ мучительно она любитъ и ненавидитъ его, и какъ страшно бьется ея сердце.

XXXI.

Раздался звонокъ, прошли какіе-то молодые мужчины, уродливые, и наглые, и торопливые, и вмѣстѣ внимательные къ тому впечатлѣнію, которое они производили; прошелъ и Петръ черезъ залу въ своей ливреѣ и штиблетахъ, съ тупымъ животнымъ лицомъ, и подошелъ къ ней, чтобы проводить ее до платформы. Шумные мужчины затихли, когда она проходила мимо нихъ по платформѣ, и одинъ что-то шепнулъ о ней другому,—разумѣется, что-нибудь гадкое. Она поднялась на высокую ступеньку, и сѣла одна въ купе на пружинный, испачканный, когда-то бѣлый диванъ. Мѣшокъ, вздрогнувъ на пружинахъ, улегся. Петръ съ дурацкой улыбкой приподнялъ у окна въ знакъ прощанья свою шляпу съ галуномъ, наглый кондукторъ захлопнулъ дверь и щеколду. Дама, уродливая, съ турнюромъ (Анна мысленно раздѣла эту женщину и ужаснулась на ея безобразіе), и дѣвочка, ненатурально смѣясь, пробѣжали внизу.

— У Катерины Андреевны, все у нея, ma tante! — прокричала дѣвочка.

„Дѣвочка — и та изуродована и кривляется“, подумала Анна. Чтобы не видать никого, она быстро встала и сѣла къ противоположному окну въ пустомъ вагонѣ. Испачканный уродливый мужикъ въ фуражкѣ, изъ-подъ которой торчали спутанные волосы, прошелъ мимо этого окна, нагибаясь къ колесамъ вагона. „Что-то знакомое въ этомъ безобразномъ мужикѣ“, подумала Анна. И вспомнивъ свой сонъ, она, дрожа отъ страха, отошла къ противоположной двери. Кондукторъ отворилъ дверь, впуская мужа съ женой.

— Вамъ выдти угодно?

Анна не отвѣчала. Кондукторъ и входившіе не замѣтили подъ вуалью ужаса на ея лицѣ. Она вернулась въ свой уголъ и сѣла. Чета сѣла съ противоположной стороны, внимательно, но скрытно оглядывая ея платье. И мужъ и жена казались отвратительны Аннѣ. Мужъ спросилъ: позволитъ ли она курить, очевидно не для того, чтобы курить, но чтобы заговорить съ нею. Получивъ ея согласіе, онъ заговорилъ съ женой по-французски о томъ, что ему еще менѣе, чѣмъ курить, нужно было говорить. Они говорили, притворяясь, глупости, только для того, чтобы она слышала. Анна ясно видѣла, какъ они надоѣли другъ другу и какъ ненавидятъ другъ друга. И нельзя было не ненавидѣть такихъ жалкихъ уродовъ.

Послышался второй звонокъ и вслѣдъ за нимъ передвиженіе багажа, шумъ, крикъ, смѣхъ. Аннѣ было такъ ясно, что никому нечему было радоваться, что этотъ смѣхъ раздражалъ ее до боли, и ей хотѣлось заткнуть уши, чтобы не слыхать его. Наконецъ прозвенѣлъ третій звонокъ,

раздался свистокъ, визгъ паровика, рванулась цѣпь, и мужъ перекрестился. „Интересно бы спросить у него, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ“, со злобой взглянувъ на него, подумала Анна. Она смотрѣла мимо дамы въ окно на точно какъ будто катившихся назадъ людей, провожавшихъ поѣздъ и стоявшихъ на платформѣ. Равномѣрно вздрагивая на стыкахъ рельсовъ, вагонъ, въ которомъ сидѣла Анна, прокатился мимо платформы, каменной стѣны, диска, мимо другихъ вагоновъ; колеса плавнѣе и маслянѣе, съ легкимъ звономъ зазвучали по рельсамъ; окно освѣтилось яркимъ вечернимъ солнцемъ, и вѣтерокъ заигралъ занавѣской. Анна забыла о своихъ сосѣдяхъ въ вагонѣ и, на легкой качкѣ ѣзды, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, опять стала думать:

„Да, на чемъ я остановилась? На томъ, что я не могу придумать положенія, въ которомъ жизнь не была бы мученіемъ, что всѣ мы созданы затѣмъ, чтобы мучиться, и что мы всѣ знаемъ это, и всѣ придумываемъ средства какъ бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же дѣлать?“

— На то данъ человѣку разумъ, чтобъ избавиться отъ того, что̀ его безпокоитъ,—сказала по-французски дама, очевидно довольная своею фразой и гримасничая языкомъ.

Эти слова какъ будто отвѣтили на мысль Анны.

„Избавиться отъ того, что̀ безпокоитъ“, повторила Анна. И, взглянувъ на краснощекаго мужа и худую жену, она поняла, что болѣзненная жена считаетъ себя непонятою женщиной, и мужъ обманываетъ ее и поддерживаетъ въ ней это мнѣніе о себѣ. Анна какъ будто видѣла ихъ исторію и всѣ закоулки ихъ души, перенеся свѣтъ на нихъ.

Но интереснаго тутъ ничего не было, и она продолжала свою мысль.

„Да, очень безпокоитъ меня, и на то данъ разумъ, чтобъ избавиться; стало-быть, надо избавиться. Отчего же не потушить свѣчу, когда смотрѣть больше не на что, когда гадко смотрѣть на все это? Но какъ? Зачѣмъ этотъ кондукторъ пробѣжалъ по жердочкѣ, зачѣмъ они кричатъ, эти молодые люди, въ томъ вагонѣ? Зачѣмъ они говорятъ, зачѣмъ они смѣются? Все неправда, все ложь, все обманъ, все зло!“...

Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, Анна вышла въ толпѣ другихъ пассажировъ и, какъ отъ прокаженныхъ сторонясь отъ нихъ, остановилась на платформѣ, стараясь вспомнить, зачѣмъ она сюда пріѣхала и что̀ намѣрена была дѣлать. Все, что ей казалось возможно прежде, теперь такъ трудно было сообразить, особенно въ шумящей толпѣ всѣхъ этихъ безобразныхъ людей, не оставлявшихъ ее въ покоѣ. То артельщики подбѣгали къ ней, предлагая ей свои услуги, то молодые люди, стуча каблуками по доскамъ платформы и громко разговаривая, оглядывали ее, то встрѣчные сторонились не въ ту сторону. Вспомнивъ, что она хотѣла ѣхать дальше, если нѣтъ отвѣта, она остановила одного артельщика и спросила, нѣтъ ли тутъ кучера съ запиской къ графу Вронскому.

— Графъ Вронскій? Отъ нихъ сейчасъ тутъ были. Встрѣчали княгиню Сорокину съ дочерью. А кучеръ какой изъ себя?

Въ то время, какъ она говорила съ артельщикомъ, кучеръ Михайла, румяный, веселый, въ синей щегольской поддевкѣ и цѣпочкѣ, очевидно гордый тѣмъ, что онъ такъ

хорошо исполнилъ порученіе, подошелъ къ ней и подалъ записку. Она распечатала, и сердце ея сжалось еще прежде, чѣмъ она прочла.

„Очень сожалѣю, что записка не застала меня. Я буду въ десять часовъ“, небрежнымъ почеркомъ писалъ Вронскій...

„Такъ! Я этого ждала!“ сказала она себѣ съ злою усмѣшкой.

— Хорошо, такъ поѣзжай домой,—тихо проговорила она, обращаясь къ Михайлѣ. Она говорила тихо, потому что быстрота біенія сердца мѣшала ей дышать. „Нѣтъ, я не дамъ тебѣ мучить себя!“ подумала она, обращаясь съ угрозой не къ нему, не къ самой себѣ, а къ тому, кто заставлялъ ее мучиться, и пошла по платформѣ мимо станціи.

Двѣ горничныя, ходившія по платформѣ, загнули назадъ головы, глядя на нее, что-то соображая вслухъ о ея туалетѣ: „настоящія“, сказали онѣ о кружевѣ, которое было на ней. Молодые люди не оставляли ее въ покоѣ. Они опять, заглядывая ей въ лицо и со смѣхомъ крича что-то ненатуральнымъ голосомъ, прошли мимо. Начальникъ станціи, проходя, спросилъ, ѣдетъ ли она? Мальчикъ-продавецъ квасу не спускалъ съ нея глазъ. „Боже мой, куда мнѣ?“ все дальше и дальше уходя по платформѣ, думала она. У конца она остановилась. Дамы и дѣти, встрѣтившія господина въ очкахъ и громко смѣявшіяся и говорившія, замолкли, оглядывая ее, когда она поровнялась съ ними. Она ускорила шагъ и отошла отъ нихъ къ краю платформы. Подходилъ товарный поѣздъ. Платформа затряслась, и ей показалось, что она ѣдетъ опять.

И вдругъ, вспомнивъ о раздавленномъ человѣкѣ въ день

ея первой встрѣчи съ Вронскимъ, она поняла, что ей надо дѣлать. Быстрымъ легкимъ шагомъ спустившись по ступенькамъ, которыя шли отъ водокачки къ рельсамъ, она остановилась подлѣ вплоть мимо ея проходящаго поѣзда. Она смотрѣла на низъ вагоновъ, на винты и цѣпи и на высокія чугунныя колеса медленно катившагося перваго вагона, и глазомѣромъ старалась опредѣлить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будетъ противъ нея.

„Туда!—говорила она себѣ, глядя въ тѣнь вагона, на смѣшанный съ углемъ песокъ, которымъ были засыпаны шпалы,—туда, на самую середину, и я накажу его, и избавлюсь отъ всѣхъ и отъ себя“.

Она хотѣла упасть подъ поровнявшійся съ нею серединою первый вагонъ, но красный мѣшочекъ, который она стала снимать съ руки, задержалъ ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать слѣдующаго вагона. Чувство подобное тому, которое она испытывала, когда купаясь готовилась войдти въ воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жестъ крестнаго знаменія вызвалъ въ душѣ ея цѣлый рядъ дѣвичьихъ и дѣтскихъ воспоминаній, и вдругъ мракъ, покрывавшій для нея все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновеніе со всѣми своими свѣтлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глазъ съ колесъ подходящаго втораго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поровнялась съ нею, она откинула красный мѣшочекъ и, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки и легкимъ движеніемъ, какъ бы готовясь тотчасъ же встать, опустилась на колѣна. И въ то же мгновеніе она ужаснулась тому, что дѣлала. „Гдѣ

я? Что я дѣлаю? Зачѣмъ?“ Она хотѣла подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову и потащило за спину. „Господи, прости мнѣ все!“ проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичокъ, приговаривая что-то, работалъ надъ желѣзомъ. И свѣча, при которой она читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхнула болѣе яркимъ чѣмъ когда-нибудь свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла.

АННА КАРЕНИНА

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Прошло почти два мѣсяца. Была уже половина жаркаго лѣта, а Сергѣй Ивановичъ только теперь собрался выѣхать изъ Москвы.

Въ жизни Сергѣя Ивановича происходили за это время свои событія. Уже съ годъ тому назадъ была кончена его книга, плодъ шестилѣтняго труда, озаглавленная: *Опытъ обзора основъ и формъ государственности въ Европѣ и въ Россіи.* Нѣкоторые отдѣлы этой книги и введеніе были печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ, и другія части были читаны Сергѣемъ Ивановичемъ людямъ своего круга, такъ что мысли этого сочиненія не могли быть уже совершенной новостью для публики; но все-таки Сергѣй Ивановичъ ожидалъ, что книга его появленіемъ своимъ должна будетъ произвести серьёзное впечатлѣніе на общество и если не переворотъ въ наукѣ, то, во всякомъ случаѣ, сильное волненіе въ ученомъ мірѣ.

Книга эта, послѣ тщательной отдѣлки, была издана въ прошломъ году и разослана книгопродавцамъ.

Ни у кого не спрашивая о ней, неохотно и притворно-равнодушно отвѣчая на вопросы своихъ друзей о томъ, какъ идетъ книга, не спрашивая даже книгопродавцевъ, какъ покупается она, Сергѣй Ивановичъ зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ первымъ впечатлѣніемъ, какое произведетъ его книга въ обществѣ и въ литературѣ.

Но прошла недѣля, другая, третья, и въ обществѣ не было замѣтно никакого впечатлѣнія; друзья его, спеціалисты и ученые, иногда, очевидно изъ учтивости, заговаривали о ней. Остальные же его знакомые, не интересуясь книгой ученаго содержанія, вовсе не говорили съ нимъ о ней. И въ обществѣ, въ особенности теперь занятомъ другимъ, было совершенное равнодушіе. Въ литературѣ тоже въ продолженіе мѣсяца не было ни слова о книгѣ.

Сергѣй Ивановичъ расчитывалъ до подробности время нужное на написаніе рецензіи; но прошелъ мѣсяцъ, другой, было то же молчаніе.

Только въ *Сѣверномъ Жукѣ*, въ шуточномъ фельетонѣ о пѣвцѣ Драбанти, спавшемъ съ голоса, было кстати сказано нѣсколько презрительныхъ словъ о книгѣ Кознышева, показывавшихъ, что книга эта уже давно осуждена всѣми и предана на всеобщее посмѣяніе.

Наконецъ, на третій мѣсяцъ, въ серьёзномъ журналѣ появилась критическая статья. Сергѣй Ивановичъ зналъ и автора статьи. Онъ встрѣтилъ его разъ у Голубкова.

Авторъ статьи былъ очень молодой и больной фельето-

нистъ, очень бойкій, какъ писатель, но чрезвычайно мало-образованный и робкій въ отношеніяхъ личныхъ.

Несмотря на совершенное презрѣніе свое къ автору, Сергѣй Ивановичъ съ совершеннымъ уваженіемъ приступилъ къ чтенію статьи. Статья была ужасна.

Очевидно, фельетонистъ понялъ всю книгу такъ, какъ невозможно было понять ее. Но онъ такъ ловко подобралъ выписки, что для тѣхъ, которые не читали книгу (а очевидно, почти никто не читалъ ее), совершенно было ясно, что вся книга была не что иное какъ наборъ высокопарныхъ словъ, да еще не кстати употребленныхъ (что̀ показывали вопросительные знаки), и что авторъ книги былъ человѣкъ совершенно невѣжественный. И все это было такъ остроумно, что Сергѣй Ивановичъ и самъ бы не отказался отъ такого остроумія; но это-то и было ужасно.

Несмотря на совершенную добросовѣстность, съ которою Сергѣй Ивановичъ провѣрялъ справедливость доводовъ рецензента, онъ ни на минуту не остановился на недостаткахъ и ошибкахъ, которые были осмѣиваемы, но тотчасъ же невольно онъ до малѣйшихъ подробностей сталъ вспоминать свою встрѣчу и разговоръ съ авторомъ статьи.

„Не обидѣлъ ли я его чѣмъ-нибудь?“ спрашивалъ себя Сергѣй Ивановичъ.

И вспомнивъ, какъ онъ при встрѣчѣ поправилъ этого молодаго человѣка въ выказывавшемъ его невѣжество словѣ, Сергѣй Ивановичъ нашелъ объясненіе смысла статьи.

Послѣ этой статьи наступило мертвое — и печатное, и изустное—молчаніе о книгѣ, и Сергѣй Ивановичъ видѣлъ, что его шестилѣтнее произведеніе, выработанное съ такою любовью и трудомъ, прошло безслѣдно.

Положеніе Сергѣя Ивановича было еще тяжелѣе отъ того, что, окончивъ книгу, онъ не имѣлъ болѣе кабинетной работы, занимавшей прежде большую часть его времени.

Сергѣй Ивановичъ былъ уменъ, образованъ, здоровъ, дѣятеленъ и не зналъ куда употребить свою дѣятельность. Разговоры въ гостиныхъ, съѣздахъ, собраніяхъ, комитетахъ, вездѣ, гдѣ можно было говорить, занимали часть его времени; но онъ, давнишній городской житель, не позволялъ себѣ уходить всему въ разговоры, какъ это дѣлалъ его неопытный братъ, когда бывалъ въ Москвѣ; оставалось еще много досуга и умственныхъ силъ.

На его счастіе, въ это самое тяжелое для него по причинѣ неудачи его книги время, на смѣну вопросовъ иновѣрцевъ, американскихъ друзей, самарскаго голода, выставки, спиритизма, сталъ славянскій вопросъ, прежде только тлѣвшійся въ обществѣ, и Сергѣй Ивановичъ, и прежде бывшій однимъ изъ возбудителей этого вопроса, весь отдался ему.

Въ средѣ людей, къ которымъ принадлежалъ Сергѣй Ивановичъ, въ это время ни о чемъ другомъ не говорили и не писали, какъ о сербской войнѣ. Все то, что дѣлаетъ обыкновенно праздная толпа, убивая время, дѣлалось теперь въ пользу славянъ. Балы, концерты, обѣды, спичи, дамскіе наряды, пиво, трактиры—все свидѣтельствовало о сочувствіи къ славянамъ.

Со многимъ изъ того, что говорили и писали по этому случаю, Сергѣй Ивановичъ былъ несогласенъ въ подробностяхъ. Онъ видѣлъ, что славянскій вопросъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ модныхъ увлеченій, которыя всегда, смѣняя одно другое, служатъ обществу предметомъ занятія;

видѣлъ и то, что много было людей съ корыстными, тщеславными цѣлями, занимавшихся этимъ дѣломъ. Онъ признавалъ, что газеты печатали много ненужнаго и преувеличеннаго, съ одною цѣлью обратить на себя вниманіе и перекричать другихъ. Онъ видѣлъ, что при этомъ общемъ подъемѣ общества выскочили впередъ и кричали громче другихъ всѣ неудавшіеся и обиженные: главнокомандующіе безъ армій, министры безъ министерствъ, журналисты безъ журналовъ, начальники партій безъ партизановъ. Онъ видѣлъ, что много тутъ было легкомысленнаго и смѣшнаго; но онъ видѣлъ и признавалъ несомнѣнный, все разроставшійся энтузіазмъ, соединившій въ одно всѣ классы общества, которому нельзя было не сочувствовать. Рѣзня единовѣрцевъ и братьевъ-славянъ вызвала сочувствіе къ страдающимъ и негодованіе къ притѣснителямъ. И геройство сербовъ и черногорцевъ, борющихся за великое дѣло, породило во всемъ народѣ желаніе помочь своимъ братьямъ— уже не словомъ, а дѣломъ.

Но притомъ было другое, радостное для Сергѣя Ивановича, явленіе: это было проявленіе общественнаго мнѣнія. Общество опредѣленно выразило свое желаніе. Народная душа получила выраженіе, какъ говорилъ Сергѣй Ивановичъ. И чѣмъ болѣе онъ занимался этимъ дѣломъ, тѣмъ очевиднѣе ему казалось, что это было дѣло, долженствующее получить громадные размѣры, составить эпоху.

Онъ посвятилъ всего себя на служеніе этому великому дѣлу и забылъ думать о своей книгѣ.

Все время его теперь было занято, такъ что онъ не успѣвалъ отвѣчать на всѣ обращаемыя къ нему письма и требованія.

Проработавъ всю весну и часть лѣта, онъ только въ іюлѣ мѣсяцѣ собрался поѣхать въ деревню къ брату.

Онъ ѣхалъ и отдохнуть на двѣ недѣли, и въ самой святая-святыхъ народа, въ деревенской глуши, насладиться видомъ того поднятія народнаго духа, въ которомъ онъ и всѣ столичные и городскіе жители были вполнѣ убѣждены. Катавасовъ, давно собиравшійся исполнить данное Левину обѣщаніе побывать у него, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ.

II.

Едва Сергѣй Ивановичъ съ Катавасовымъ успѣли подъѣхать къ особенно оживленной нынче народомъ станціи Курской желѣзной дороги и, выйдя изъ кареты, осмотрѣть подъѣзжавшаго сзади съ вещами лакея, какъ подъѣхали и добровольцы на четырехъ извощикахъ. Дамы съ букетами встрѣтили ихъ и, въ сопровожденіи хлынувшей за ними толпы, вошли на станцію.

Одна изъ дамъ, встрѣчавшихъ добровольцевъ, выходя изъ залы, обратилась къ Сергѣю Ивановичу.

— Вы тоже пріѣхали проводить?—спросила она по-французски.

— Нѣтъ, я самъ ѣду, княгиня, отдохнуть къ брату. А вы всегда провожаете?—съ чуть замѣтной улыбкой сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да нельзя же!—отвѣчала княгиня.—Правда, что отъ насъ отправлено ужъ восемьсотъ? Мнѣ не вѣрилъ Мальвинскій.

— Больше восьмисотъ. Если считать тѣхъ, которые отправлены не прямо изъ Москвы, уже болѣе тысячи,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ну вотъ. Я и говорила!—радостно подхватила дама.— И вѣдь правда, что пожертвовано теперь около милліона?

— Больше, княгиня.

— А какова нынѣшняя телеграмма? Опять разбили турокъ.

— Да, я читалъ,—отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ. Они говорили о послѣдней телеграммѣ, подтверждавшей то, что три дня сряду турки были разбиты на всѣхъ пунктахъ и бѣжали и что на-завтра ожидалось рѣшительное сраженіе.

— Ахъ, да, знаете, одинъ молодой человѣкъ прекрасный просился. Не знаю, почему сдѣлали затрудненіе. Я хотѣла просить васъ, я его знаю, напишите пожалуйста записку. Онъ отъ графини Лидіи Ивановны присланъ.

Расспросивъ подробности, которыя знала княгиня о просившемся молодомъ человѣкѣ, Сергѣй Ивановичъ, пройдя въ первый классъ, написалъ записку къ тому, отъ кого это зависѣло, и передалъ княгинѣ.

— Вы знаете, графъ Вронскій, извѣстный... ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ, — сказала княгиня съ торжествующею и многозначительною улыбкой, когда онъ опять нашелъ ее и передалъ ей записку.

— Я слышалъ, что онъ ѣдетъ, но не зналъ, когда. Съ этимъ поѣздомъ?

— Я видѣла его. Онъ здѣсь; одна мать провожаетъ его. Все-таки это лучше, что онъ могъ сдѣлать.

— О да, разумѣется.

Въ то время, какъ они говорили, толпа хлынула мимо нихъ къ обѣденному столу. Они тоже подвинулись и услыхали громкій голосъ одного господина, который съ бокаломъ въ рукѣ говорилъ рѣчь добровольцамъ. „Послужить за вѣ-

ру, за человѣчество, за братьевъ нашихъ,—все возвышая голосъ, говорилъ господинъ.—На великое дѣло благословляетъ васъ матушка Москва. *Живіо!*“ громко и слезно заключилъ онъ.

Всѣ закричали *живіо!* и еще новая толпа хлынула въ залу и чуть не сбила съ ногъ княгиню.

— А, княгиня, каково!—сіяя радостной улыбкой, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ появившійся въ серединѣ толпы.—Не правда ли, славно, тепло сказалъ? Браво!... И Сергѣй Ивановичъ! Вотъ вы бы сказали отъ себя такъ... нѣсколько словъ, знаете, ободреніе; вы такъ это хорошо...—прибавилъ онъ съ нѣжной, уважительной и осторожной улыбкой, слегка за руку подвигая Сергѣя Ивановича.

— Нѣтъ, я ѣду сейчасъ.

— Куда?

— Въ деревню къ брату,—отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Такъ вы жену мою увидите. Я писалъ ей, но вы прежде увидите; пожалуйста скажите, что меня видѣли и что all right. Она пойметъ. А впрочемъ, скажите ей, будьте добры, что я назначенъ членомъ коммиссіи соединеннаго... Ну, да она пойметъ! Знаете, les petites misères de la vie humaine,—какъ бы извиняясь, обратился онъ къ княгинѣ.—А Мягкая-то—не Лиза, а Бибишъ—посылаетъ-таки тысячу ружей и двѣнадцать сестеръ. Я вамъ говорилъ?

— Да, я слышалъ,—неохотно отвѣчалъ Кознышевъ.

— А жаль, что вы уѣзжаете,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Завтра мы даемъ обѣдъ двумъ отъѣзжающимъ—Димеръ-Бартнянскій изъ Петербурга и нашъ Весловскій Гриша. Оба ѣдутъ. Весловскій недавно женился. Вотъ молодецъ! Не правда ли, княгиня?—обратился онъ къ дамѣ.

Княгиня, не отвѣчая, посмотрѣла на Кознышева. Но то, что Сергѣй Ивановичъ и княгиня какъ будто желали отдѣлаться отъ него, нисколько не смущало Степана Аркадьевича. Онъ, улыбаясь, смотрѣлъ то на перо шляпы княгини, то по сторонамъ, какъ будто припоминая что-то. Увидавъ проходившую даму съ кружкой, онъ подозвалъ ее къ себѣ и положилъ пятирублевую бумажку.

— Не могу видѣть этихъ кружекъ спокойно, пока у меня есть деньги,—сказалъ онъ.—А какова нынѣшняя депеша? Молодцы черногорцы!

— Что вы говорите! — вскрикнулъ онъ, когда княгиня сказала ему, что Вронскій ѣдетъ въ этомъ поѣздѣ. На мгновеніе лицо Степана Аркадьевича выразило грусть, но черезъ минуту, когда, слегка подрагивая на каждой ногѣ и расправляя бакенбарды, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ Вронскій, Степанъ Аркадьевичъ уже вполнѣ забылъ свои отчаянныя рыданія надъ трупомъ сестры и видѣлъ во Вронскомъ только героя и стараго пріятеля.

— Со всѣми его недостатками нельзя не отдать ему справедливости,—сказала княгиня Сергѣю Ивановичу, какъ только Облонскій отошелъ отъ нихъ.—Вотъ именно вполнѣ русская, славянская натура! Только я боюсь, что Вронскому непріятно будетъ его видѣть. Какъ ни говорите, меня трогаетъ судьба этого человѣка. Поговорите съ нимъ дорогой,—сказала княгиня.

— Да, можетъ быть, если придется.

— Я никогда не любила его. Но это выкупаетъ многое. Онъ не только ѣдетъ самъ, но эскадронъ ведетъ на свой счетъ.

— Да, я слышалъ.

Послышался звонокъ. Всѣ затолпились къ дверямъ.

— Вотъ онъ!—проговорила княгиня, указывая на Вронскаго въ длинномъ пальто и въ черной, съ широкими полями шляпѣ, шедшаго подъ руку съ матерью. Облонскій шелъ подлѣ него, что-то оживленно говоря.

Вронскій, нахмурившись, смотрѣлъ передъ собою, какъ будто не слыша того, что говоритъ Степанъ Аркадьевичъ.

Вѣроятно, по указанію Облонскаго, онъ оглянулся въ ту сторону, гдѣ стояли княгиня и Сергѣй Ивановичъ, и молча приподнялъ шляпу. Постарѣвшее и выражавшее страданіе лицо его казалось окаменѣлымъ.

Выйдя на платформу, Вронскій молча, пропустивъ мать, скрылся въ отдѣленіи вагона.

На платформѣ раздавалось *Боже царя храни*, потомъ крики: *ура* и *живіо*. Одинъ изъ добровольцевъ, высокій, очень молодой человѣкъ съ ввалившеюся грудью, особенно замѣтно кланялся, махая надъ головой войлочною шляпой и букетомъ. За нимъ высовывались, кланяясь тоже, два офицера и пожилой человѣкъ съ большой бородой въ засаленной фуражкѣ.

III.

Простившись съ княгиней, Сергѣй Ивановичъ вмѣстѣ съ подошедшимъ Катавасовымъ вошелъ въ битком-набитый вагонъ, и поѣздъ тронулся.

На Царицынской станціи поѣздъ былъ встрѣченъ стройнымъ хоромъ молодыхъ людей, пѣвшихъ *Славься*. Опять добровольцы кланялись и высовывались, но Сергѣй Ивановичъ не обращалъ на нихъ вниманія; онъ столько имѣлъ дѣлъ съ добровольцами, что уже зналъ ихъ общій типъ,

и это не интересовало его. Катавасовъ же, за своими учеными занятіями не имѣвшій случая наблюдать добровольцевъ, очень интересовался ими и распрашивалъ про нихъ Сергѣя Ивановича.

Сергѣй Ивановичъ посовѣтовалъ ему пройдти во второй классъ поговорить самому съ ними. На слѣдующей станціи Катавасовъ исполнилъ этотъ совѣтъ.

На первой остановкѣ онъ перешелъ во второй классъ и познакомился съ добровольцами. Они сидѣли въ углу вагона, громко разговаривая и очевидно зная, что вниманіе пассажировъ и вошедшаго Катавасова обращено на нихъ. Громче всѣхъ говорилъ высокій, со впалою грудью юноша. Онъ очевидно былъ пьянъ и разсказывалъ про какую-то случившуюся въ ихъ заведеніи исторію. Противъ него сидѣлъ уже не молодой офицеръ въ австрійской военной фуфайкѣ гвардейскаго мундира. Онъ улыбаясь слушалъ разсказщика и останавливалъ его. Третій, въ артиллерійскомъ мундирѣ, сидѣлъ на чемоданѣ подлѣ нихъ. Четвертый спалъ.

Вступивъ въ разговоръ съ юношей, Катавасовъ узналъ, что это былъ богатый московскій купецъ, промотавшій большое состояніе до двадцати двухъ лѣтъ. Онъ не понравился Катавасову тѣмъ, что былъ изнѣженъ, избалованъ и слабъ здоровьемъ; онъ очевидно былъ увѣренъ, въ особенности теперь, выпивъ, что онъ совершаетъ геройскій поступокъ, и хвастался самымъ непріятнымъ образомъ.

Другой, отставной офицеръ, тоже произвелъ непріятное впечатлѣніе на Катавасова. Это былъ, какъ видно, человѣкъ попробовавшій всего. Онъ былъ и на желѣзной дорогѣ, и управляющимъ, и самъ заводилъ фабрики, и гово-

рилъ обо всемъ, безъ всякой надобности и не впопадъ употребляя ученыя слова.

Третій, артиллеристъ, напротивъ, очень понравился Катавасову. Это былъ скромный, тихій человѣкъ, очевидно преклонявшійся и передъ знаніемъ отставнаго гвардейца, и передъ геройскимъ самопожертвованіемъ купца, и самъ о себѣ ничего не говорившій. Когда Катавасовъ спросилъ его, что его побудило ѣхать въ Сербію, онъ скромно отвѣчалъ:

— Да что-жъ, всѣ ѣдутъ. Надо тоже помочь и сербамъ. Жалко.

— Да, въ особенности вашихъ артиллеристовъ тамъ мало,—сказалъ Катавасовъ.

— Я вѣдь не долго служилъ въ артиллеріи, можетъ и въ пѣхоту или въ кавалерію назначатъ.

— Какъ же въ пѣхоту, когда нуждаются въ артиллеристахъ болѣе всего?—сказалъ Катавасовъ, соображая по годамъ артиллериста, что онъ долженъ быть уже въ значительномъ чинѣ.

— Я не много служилъ въ артиллеріи, я юнкеромъ въ отставкѣ,—сказалъ онъ и началъ объяснять, почему онъ не выдержалъ экзамена.

Все это вмѣстѣ произвело на Катавасова непріятное впечатлѣніе, и когда добровольцы вышли на станцію выпить, Катавасовъ хотѣлъ въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь повѣрить свое невыгодное впечатлѣніе. Одинъ проѣзжающій старичокъ въ военномъ пальто все время прислушивался къ разговору Катавасова съ добровольцами. Оставшись съ нимъ одинъ на одинъ, Катавасовъ обратился къ нему.

— Да, какое разнообразіе положеній всѣхъ этихъ людей, отправляющихся туда,—неопредѣленно сказалъ Катавасовъ,

желая высказать свое мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣдать мнѣніе старичка.

Старичокъ былъ военный, дѣлавшій двѣ кампаніи. Онъ зналъ, что такое военный человѣкъ, и по виду и разговору этихъ господъ, по ухарству, съ которымъ они прикладывались къ фляжкѣ дорогой, онъ считалъ ихъ за плохихъ военныхъ. Кромѣ того, онъ былъ житель уѣзднаго города, и ему хотѣлось разсказать, какъ изъ его города пошелъ одинъ солдатъ безсрочный, пьяница и воръ, котораго никто уже не бралъ въ работники. Но, по опыту зная, что при теперешнемъ настроеніи общества опасно высказывать мнѣніе противное общему, и въ особенности осуждать добровольцевъ, онъ тоже высматривалъ Катавасова.

— Что-жъ, тамъ нужны люди,—сказалъ онъ, смѣясь глазами. И они заговорили о послѣдней военной новости, и оба другъ передъ другомъ скрыли свое недоумѣніе о томъ, съ кѣмъ на-завтра ожидается сраженіе, когда турки, по послѣднему извѣстію, разбиты на всѣхъ пунктахъ. И такъ, оба не высказавъ своего мнѣнія, они разошлись.

Катавасовъ, войдя въ свой вагонъ, невольно кривя душою, разсказалъ Сергѣю Ивановичу свои наблюденія надъ добровольцами, изъ которыхъ оказалось, что они были отличные ребята.

На большой станціи въ городѣ опять пѣніе и крики встрѣтили добровольцевъ, опять явились съ кружками сборщицы и сборщики, и губернскія дамы поднесли букеты добровольцамъ и пошли за ними въ буфетъ; но все это было уже гораздо слабѣе и меньше, чѣмъ въ Москвѣ.

IV.

Во время остановки въ губернскомъ городѣ Сергѣй Ивановичъ не пошелъ въ буфетъ, а сталъ ходить взадъ и впередъ по платформѣ.

Проходя въ первый разъ мимо отдѣленія Вронскаго, онъ замѣтилъ, что окно было задернуто. Но проходя въ другой разъ, онъ увидалъ у окна старую графиню. Она подозвала къ себѣ Кознышева.

— Вотъ ѣду, провожаю его до Курска,—сказала она.

— Да, я слышалъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, останавливаясь у ея окна и заглядывая въ него.—Какая прекрасная черта съ его стороны!—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Вронскаго въ отдѣленіи не было.

— Да, послѣ его несчастія что-жъ ему было дѣлать?

— Какое ужасное событіе!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ахъ, что я пережила! Да заходите... Ахъ, что я пережила!—повторила она, когда Сергѣй Ивановичъ вошелъ и сѣлъ съ ней рядомъ на диванѣ.—Этого нельзя себѣ представить! Шесть недѣль онъ не говорилъ ни съ кѣмъ и ѣлъ только тогда, когда я умоляла его. И ни одной минуты нельзя было оставить его одного. Мы отобрали все, чѣмъ онъ могъ убить себя; мы жили въ нижнемъ этажѣ, но нельзя было ничего предвидѣть. Вѣдь вы знаете, онъ уже стрѣлялся разъ изъ-за нея же,—сказала она, и брови старушки нахмурились при этомъ воспоминаніи.— Да, она кончила, какъ и должна была кончить такая женщина. Даже смерть она выбрала подлую, низкую,

— Не намъ судить, графиня,—со вздохомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—но я понимаю, какъ для васъ это было тяжело.

— Ахъ, не говорите! Я жила у себя въ имѣніи и онъ былъ у меня. Приносятъ записку. Онъ написалъ отвѣтъ и отослалъ. Мы ничего не знали, что она тутъ же была на станціи. Вечеромъ, я только ушла къ себѣ, мнѣ моя Мери говоритъ, что на станціи дама бросилась подъ поѣздъ. Меня какъ что-то ударило! Я поняла, что это была она. Первое, что я сказала: не говорить ему. Но они уже сказали ему. Кучеръ его тамъ былъ и все видѣлъ. Когда я прибѣжала въ его комнату, онъ былъ уже не свой, страшно было смотрѣть на него. Онъ ни слова не сказалъ и поскакалъ туда. Ужъ я не знаю, что тамъ было, но его привезли какъ мертваго. Я бы не узнала его. Prostration complète, говорилъ докторъ. Потомъ началось почти бѣшенство... Ахъ, что говорить!—сказала графиня, махнувъ рукой.—Ужасное время! Нѣтъ, какъ ни говорите, дурная женщина. Ну что это за страсти, какія-то отчаянныя! Это все что-то особенное доказать. Вотъ она и доказала. Себя погубила и двухъ прекрасныхъ людей—своего мужа и моего несчастнаго сына.

— А что ея мужъ?—спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Онъ взялъ ея дочь. Алеша въ первое время на все былъ согласенъ. Но теперь его ужасно мучаетъ, что онъ отдалъ чужому человѣку свою дочь. Но взять назадъ слово онъ не можетъ. Каренинъ пріѣзжалъ на похороны. Но мы старались, чтобы онъ не встрѣтился съ Алешой. Для него, для мужа, это все таки легче,—она развязала его... Но бѣдный сынъ мой отдался весь ей. Бросилъ все, карьеру, меня, и тутъ-то она еще не пожалѣла его, а нарочно убила его совсѣмъ. Нѣтъ, какъ ни говорите, самая смерть ея—смерть гадкой женщины, безъ религіи. Прости меня Богъ,

но я не могу не ненавидѣть память ея, глядя на погибель сына.

— Но теперь какъ онъ?

— Это Богъ намъ помогъ—эта сербская война. Я—старый человѣкъ, ничего въ этомъ не понимаю, но ему Богъ это послалъ. Разумѣется, мнѣ, какъ матери, страшно; и главное, говорятъ, ce n'est pas très bien vu a Pétersbourg. Но что же дѣлать! Одно это могло его поднять. Яшвинъ—его пріятель—онъ все проигралъ и собрался въ Сербію. Онъ заѣхалъ къ нему и уговорилъ его. Теперь это занимаетъ его. Вы пожалуйста поговорите съ нимъ, мнѣ хочется его развлечь. Онъ такъ грустенъ. Да на бѣду еще у него зубы разболѣлись. А вамъ онъ будетъ очень радъ. Пожалуйста поговорите съ нимъ: онъ ходитъ съ этой стороны.

Сергѣй Ивановичъ сказалъ, что онъ очень радъ, и перешелъ на другую сторону поѣзда.

V.

Въ косой вечерней тѣни кулей, наваленныхъ на платформѣ, Вронскій въ своемъ длинномъ пальто и надвинутой шляпѣ, съ руками въ карманахъ, ходилъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, на двадцати шагахъ быстро поворачиваясь. Сергѣю Ивановичу, когда онъ подходилъ, показалось, что Вронскій его видитъ, но притворяется невидящимъ. Сергѣю Ивановичу это было все равно. Онъ стоялъ выше всякихъ личныхъ счетовъ съ Вронскимъ.

Въ эту минуту Вронскій въ глазахъ Сергѣя Ивановича былъ важный дѣятель для великаго дѣла, и Кознышевъ считалъ своимъ долгомъ поощрить его и ободрить. Онъ подошелъ къ нему.

Вронскій остановился, вглядѣлся, узналъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу Сергѣю Ивановичу, крѣпко, крѣпко пожалъ его руку.

— Можетъ-быть вы и не желали со мной видѣться,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—но не могу ли я вамъ быть полезнымъ?

— Ни съ кѣмъ мнѣ не можетъ быть такъ мало непріятно видѣться, какъ съ вами,—сказалъ Вронскій.—Извините меня. Пріятнаго въ жизни мнѣ нѣтъ.

— Я понимаю, и хотѣлъ предложить вамъ свои услуги,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, вглядываясь въ очевидно страдающее лицо Вронскаго.—Не нужно ли вамъ письмо къ Ристичу, къ Милану?

— О нѣтъ!—какъ будто съ трудомъ понимая, сказалъ Вронскій.—Если вамъ все равно, то будемте ходить. Въ вагонахъ такая духота. Письмо? Нѣтъ, благодарю васъ; для того, чтобъ умереть, не нужно рекомендацій. Нешто къ туркамъ... — сказалъ онъ, улыбнувшись однимъ ртомъ. Глаза продолжали имѣть сердито-страдающее выраженіе.

— Да, но вамъ можетъ быть легче вступить въ сношенія, которыя все-таки необходимы, съ человѣкомъ приготовленнымъ. Впрочемъ, какъ хотите. Я очень радъ былъ услышать о вашемъ рѣшеніи. И такъ ужъ столько нападковъ на добровольцевъ, что такой человѣкъ, какъ вы, поднимаетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи.

— Я, какъ человѣкъ,—сказалъ Вронскій,—тѣмъ хорошъ, что жизнь для меня ничего не стóитъ. А что физической энергіи во мнѣ довольно, чтобы врубиться въ каре и смять или лечь,—это я знаю. Я радъ тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мнѣ не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится.—И онъ сдѣлалъ нетерпѣ-

ливое движеніе скулей отъ неперестающей, ноющей боли зуба, мѣшавшей ему даже говорить съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ онъ хотѣлъ.

— Вы возродитесь, предсказываю вамъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя себя тронутымъ.—Избавленіе своихъ братьевъ отъ ига есть цѣль достойная и смерти, и жизни. Дай вамъ Богъ успѣха внѣшняго,—внутренняго мира,—прибавилъ онъ и протянулъ руку.

Вронскій крѣпко пожалъ протянутую руку Сергѣя Ивановича.

— Да, какъ орудіе, я могу годиться на что-нибудь, Но, какъ человѣкъ, я — развалина,—съ разстановкой проговорилъ онъ.

Щемящая боль крѣпкаго зуба, наполнявшая слюною его ротъ, мѣшала ему говорить. Онъ замолкъ, вглядываясь въ колеса медленно и гладко подкатывавшагося по рельсамъ тендера.

И вдругъ совершенно другая—не боль, а общая мучительная внутренняя неловкость заставила его забыть на мгновеніе боль зуба. При взглядѣ на тендеръ и на рельсы, подъ вліяніемъ разговора съ знакомымъ, съ которымъ онъ не встрѣчался послѣ своего несчастія, ему вдругъ вспомнилась *она*, то-есть то, что оставалось еще отъ нея, когда онъ какъ сумасшедшій вбѣжалъ въ казарму желѣзно-дорожной станціи: на столѣ казармы, безстыдно растянутое посреди чужихъ, окровавленное тѣло, еще полное недавней жизни; закинутая назадъ уцѣлѣвшая голова съ своими тяжелыми косами и вьющимися волосами на вискахъ и на прелестномъ лицѣ, съ полуоткрытымъ румянымъ ртомъ, застывшее странное, жалкое въ губахъ и ужасное въ остано-

вившихся не закрытыхъ глазахъ выраженіе, какъ бы словами выговаривавшее то страшное слово,—о томъ, что онъ раскается,—которое она во время ссоры сказала ему.

И онъ старался вспомнить ее такою, какою она была тогда, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее тоже на станціи, таинственною, прелестной, любящею, ищущею и дающею счастіе, а не жестоко-мстительною, какою она вспоминалась ему въ послѣднюю минуту. Онъ старался вспоминать лучшія минуты съ нею; но эти минуты были навсегда отравлены. Онъ помнилъ ея только торжествующую, свершившуюся угрозу никому ненужнаго, но неизгладимаго раскаянія. Онъ пересталъ чувствовать боль зуба, и рыданія искривили его лицо.

Пройдя молча два раза подлѣ кулей и овладѣвъ собой, онъ спокойно обратился къ Сергѣю Ивановичу.

— Вы не имѣли телеграммы послѣ вчерашней? Да, разбиты въ третій разъ, но на-завтра ожидается рѣшительное сраженіе.

И, поговоривъ еще о провозглашеніи королемъ Милана и объ огромныхъ послѣдствіяхъ, которыя это можетъ имѣть, они разошлись по своимъ вагонамъ послѣ втораго звонка.

VI.

Не зная, когда ему можно будетъ выѣхать изъ Москвы, Сергѣй Ивановичъ не телеграфировалъ брату, чтобы высылать за нимъ. Левина не было дома, когда Катавасовъ и Сергѣй Ивановичъ, на тарантасикѣ, взятомъ на станціи, запыленные какъ арапы, въ 12-мъ часу дня подъѣхали къ крыльцу покровскаго дома. Кити, сидѣвшая на балконѣ съ отцомъ и сестрой, узнала деверя и сбѣжала внизъ встрѣтить его.

— Какъ вамъ не совѣстно не дать знать, — сказала она, подавая руку Сергѣю Ивановичу и подставляя ему лобъ.

— Мы прекрасно доѣхали и васъ не безпокоили,—отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я такъ пыленъ, что боюсь дотронуться. Я былъ такъ занятъ, что и не зналъ, когда вырвусь. А вы, по-старому,—сказалъ онъ, улыбаясь, наслаждаетесь тихимъ счастіемъ внѣ теченій въ своемъ тихомъ затонѣ. Вотъ и нашъ пріятель Ѳедоръ Васильевичъ собрался наконецъ.

— Но я не негръ, я вымоюсь—буду похожъ на человѣка,—сказалъ Катавасовъ съ своею обычною шутливостью, подавая руку и улыбаясь особенно блестящими изъ-за чернаго лица зубами.

— Костя будетъ очень радъ. Онъ пошелъ на хуторъ. Ему бы пора придти.

— Все занимается хозяйствомъ. Вотъ именно въ затонѣ,—сказалъ Катавасовъ.—А намъ въ городѣ кромѣ сербской войны ничего не видно. Ну, какъ мой пріятель относится? Вѣрно что-нибудь не какъ люди?

— Да онъ такъ, ничего, какъ всѣ,—нѣсколько сконфуженно, оглядываясь на Сергѣя Ивановича, отвѣчала Кити.—Такъ я пошлю за нимъ. А у насъ папа гоститъ. Онъ недавно изъ-за границы пріѣхалъ.

И, распорядившись послать за Левинымъ и о томъ, чтобы провести запыленныхъ гостей умываться, одного въ кабинетъ, другаго въ бывшую Доллину комнату, и о завтракѣ гостямъ, она, пользуясь правомъ быстрыхъ движеній, которыхъ она была лишена во время своей беременности, вбѣжала на балконъ.

— Это Сергѣй Ивановичъ и Катавасовъ, профессоръ,— сказала она.

— Охъ, въ жаръ тяжело!—сказалъ князь.

— Нѣтъ, папа, онъ очень милый и Костя его очень любитъ,—какъ будто упрашивая его о чемъ-то, улыбаясь сказала Кити, замѣтившая выраженіе насмѣшливости на лицѣ отца.

— Да я ничего.

— Ты поди, душенька, къ нимъ,—обратилась Кити къ сестрѣ,—и займи ихъ. Они видѣли Стиву на станціи, онъ здоровъ. А я побѣгу къ Митѣ. Какъ на бѣду, не кормила ужъ съ самаго чая. Онъ теперь проснулся и, вѣрно, кричитъ.—И она, чувствуя приливъ молока, скорымъ шагомъ пошла въ дѣтскую.

Дѣйствительно, она не то что угадала (связь ея съ ребенкомъ не была еще порвана), она вѣрно узнала, по приливу молока у себя, недостатокъ пищи у него.

Она знала, что онъ кричитъ, еще прежде, чѣмъ она подошла къ дѣтской. И дѣйствительно, онъ кричалъ. Она услыхала его голосъ и прибавила шагу. Но чѣмъ скорѣе она шла, тѣмъ громче онъ кричалъ. Голосъ былъ хорошій, здоровый, только голодный и нетерпѣливый.

— Давно, няня, давно?—поспѣшно говорила Кити, садясь на стулъ и приготовляясь къ кормленію. — Да дайте же мнѣ его скорѣе. Ахъ, няня, какая вы скучная... ну, послѣ чепчикъ завяжете!

Ребенокъ надрывался отъ жаднаго крика.

— Да нельзя же, матушка,—сказала Агаѳья Михайловна, почти всегда присутствовавшая въ дѣтской.—Надо въ порядкѣ его убрать. Агу, агу!—распѣвала она надъ нимъ, не обращая вниманія на мать.

Няня понесла ребенка къ матери. Агаѳья Михайловна шла за нимъ съ распустившимся отъ нѣжности лицомъ.

— Знаетъ, знаетъ. Вотъ вѣрьте Богу, матушка Катерина Александровна, узналъ меня!—перекрикивала Агаѳья Михайловна ребенка.

Но Кити не слушала ея словъ. Ея нетерпѣніе шло такъ же возрастая, какъ и нетерпѣніе ребенка.

Отъ нетерпѣнія дѣло долго не могло уладиться. Ребенокъ хваталъ не то, что надо, и сердился.

Наконецъ, послѣ отчаяннаго задыхающагося вскрика, пустаго захлебыванія, дѣло уладилось, и мать и ребенокъ одновременно почувствовали себя успокоенными, и оба затихли.

— Однако и онъ, бѣдняжка, весь въ поту,—шепотомъ сказала Кити, ощупывая ребенка.—Вы почему же думаете, что онъ узнаетъ? — прибавила она, косясь на плутовски, какъ ей казалось, смотрѣвшіе изъ-подъ надвинувшагося чепчика глаза ребенка, на равномѣрно отдувавшіяся щечки и на его ручку съ красною ладонью, которою онъ выдѣлывалъ кругообразныя движенія. — Не можетъ быть! Ужъ еслибъ узнавалъ, такъ меня бы узналъ, — сказала Кити на утвержденіе Агаѳьи Михайловны и улыбнулась.

Она улыбнулась тому, что хотя она и говорила, что онъ не можетъ узнавать, сердцемъ она знала, что не только онъ узнаетъ Агаѳью Михайловну, но что онъ все знаетъ и понимаетъ, и знаетъ и понимаетъ еще много такого, чего никто не знаетъ, и что она, мать, сама узнала и стала понимать только благодаря ему. Для Агаѳьи Михайловны, для няни, для дѣда, для отца даже, Митя былъ живое существо, требующее за собой только матеріальнаго ухода;

но для матери онъ уже давно былъ нравственное существо, съ которымъ уже была цѣлая исторія духовныхъ отношеній.

— А вотъ проснется, Богъ дастъ, сами увидите. Какъ вотъ этакъ сдѣлаю, онъ такъ и просіяетъ, голубчикъ. Такъ и просіяетъ, какъ денекъ ясный,—говорила Агаѳья Михайловна.

— Ну, хорошо, хорошо, тогда увидимъ,—прошептала Катя.—Теперь идите, онъ засыпаетъ.

VII.

Агаѳья Михайловна вышла на цыпочкахъ; няня спустила стору, выгнала мухъ изъ-подъ кисейнаго полога кроватки, и шершня, бившагося о стекла рамы, и сѣла, махая березовою вянущею вѣткой надъ матерью и ребенкомъ.

— Жара-то, жара!... Хоть бы Богъ дождичка далъ,—проговорила она.

— Да, да, шшш... — только отвѣчала Катя, слегка покачиваясь и нѣжно прижимая, какъ будто перетянутую въ кисти ниточкой, пухлую ручку, которою Митя все слабо махалъ, то закрывая, то открывая глазки. Эта ручка смущала Катю: ей хотѣлось поцѣловать эту ручку, но она боялась сдѣлать это, чтобы не разбудить ребенка. Ручка наконецъ перестала двигаться и глаза закрылись. Только изрѣдка, продолжая свое дѣло, ребенокъ, приподнимая свои длинныя, загнутыя рѣсницы, взглядывалъ на мать, въ полусвѣтѣ казавшимися черными, влажными глазами. Няня перестала махать и задремала. Съ верху послышался раскатъ голоса стараго князя и хохотъ Катавасова.

„Вѣрно разговорились безъ меня,—думала Катя,—а все-

таки досадно, что Кости нѣтъ. Вѣрно опять зашелъ на пчельникъ. Хоть и грустно, что онъ часто бываетъ тамъ, я все-таки рада. Это развлекаетъ его. Теперь онъ сталъ все веселѣе и лучше, чѣмъ весною. А то онъ былъ такъ мраченъ и такъ мучился, что мнѣ становилось страшно за него. И какой онъ смѣшной!“ прошептала она улыбаясь.

Она знала, что̀ мучило ея мужа. Это было его невѣріе. Несмотря на то, что еслибы у нея спросили, полагаетъ ли она, что въ будущей жизни онъ, если не повѣритъ, будетъ погубленъ, она бы должна была согласиться, что онъ будетъ погубленъ,—его невѣріе не дѣлало ея несчастія; и она, признававшая то, что для невѣрующаго не можетъ быть спасенія, и любя болѣе всего на свѣтѣ душу своего мужа, съ улыбкой думала о его невѣріи и говорила сама себѣ, что онъ смѣшной.

„Для чего онъ цѣлый годъ все читаетъ философіи какія-то?—думала она.—Если это все написано въ этихъ книгахъ, то онъ можетъ понять ихъ. Если же неправда тамъ, то зачѣмъ ихъ читать? Онъ самъ говоритъ, что желалъ бы вѣрить. Такъ отчего же онъ не вѣритъ? Вѣрно отъ того, что много думаетъ? А много думаетъ отъ уединенія. Все одинъ, одинъ. Съ нами нельзя ему всего говорить. Я думаю, гости эти будутъ пріятны ему, особенно Катавасовъ. Онъ любитъ разсуждать съ нимъ,—подумала она и тотчасъ же перенеслась мыслью къ тому, гдѣ удобнѣе положить спать Катавасова,—отдѣльно, или вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ. И тутъ ей вдругъ пришла мысль, заставившая ее вздрогнуть отъ волненія и даже встревожить Митю, который за это строго взглянулъ на нее.—Прачка, кажется, не приносила еще бѣлья, а для гостей постель-

ное бѣлье все въ расходѣ. Если не распорядиться, то Агаѳья Михайловна подастъ Сергѣю Ивановичу стеленное бѣлье", и при одной мысли объ этомъ кровь бросилась въ лицо Кити.

„Да, я распоряжусь,—рѣшила она и, возвращаясь къ прежнимъ мыслямъ, вспомнила, что что-то важное душевное было не додумано еще, и она стала вспоминать, что̀.— Да, Костя невѣрующій", опять съ улыбкой вспомнила она.

„Ну, невѣрующій! Лучше пускай онъ будетъ всегда такой, чѣмъ какъ мадамъ Шталь, или какою я хотѣла быть тогда за границей. Нѣтъ, онъ уже не станетъ притворяться".

И недавняя черта его доброты живо возникла передъ ней. Двѣ недѣли тому назадъ было получено кающееся письмо Степана Аркадьевича къ Долли. Онъ умолялъ ее спасти его честь, продать ея имѣніе, чтобы заплатить его долги. Долли была въ отчаяніи, ненавидѣла мужа, презирала, жалѣла, рѣшилась развестись, отказать, но кончила тѣмъ, что согласилась продать часть своего имѣнія. Послѣ этого Кити съ невольною улыбкой умиленія вспомнила сконфуженность своего мужа, его неоднократные неловкіе подходы къ занимавшему его дѣлу, и какъ онъ наконецъ, придумавъ одно единственное средство, не оскорбивъ, помочь Долли,—предложилъ Кити отдать ей свою часть имѣнія, о чемъ она прежде не догадалась.

„Какой же онъ невѣрующій? Съ его сердцемъ, съ этимъ страхомъ огорчить кого-нибудь, даже ребенка! Все для другихъ, ничего для себя. Сергѣй Ивановичъ такъ и думаетъ, что это обязанность Кости—быть его прикащикомъ. Тоже и сестра. Теперь Долли съ дѣтьми на его опекѣ. Всѣ

эти мужики, которые каждый день приходятъ къ нему, какъ будто онъ обязанъ имъ служить“.

„Да, только будь такимъ, какъ твой отецъ, только такимъ“, проговорила она, передавая Митю нянѣ и притрогиваясь губой къ его щекѣ.

VIII.

Съ той минуты, какъ, при видѣ любимаго умирающаго брата, Левинъ въ первый разъ взглянулъ на вопросы жизни и смерти сквозь тѣ новыя, какъ онъ называлъ ихъ, убѣжденія, которыя незамѣтно для него, въ періодъ отъ двадцати до тридцати-четырехъ лѣтъ, замѣнили его дѣтскія и юношескія вѣрованія,—онъ ужаснулся не столько смерти, сколько жизни безъ малѣйшаго знанія о томъ, откуда, для чего, зачѣмъ и что она такое. Организмъ, разрушеніе его, неистребимость матеріи, законъ сохраненія силы, развитіе— были тѣ слова, которыя замѣнили ему прежнюю вѣру. Слова эти и связанныя съ ними понятія были очень хороши для умственныхъ цѣлей; но для жизни они ничего не давали, и Левинъ вдругъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который промѣнялъ бы теплую шубу на кисейную одежду и который въ первый разъ на морозѣ несомнѣнно не разсужденіями, а всѣмъ существомъ своимъ убѣдился бы, что онъ все равно что голый и что онъ неминуемо долженъ мучительно погибнуть.

Съ той минуты, хотя и не отдавая себѣ въ томъ отчета и продолжая жить попрежнему, Левинъ не переставалъ чувствовать этотъ страхъ за свое незнаніе.

Кромѣ того, онъ смутно чувствовалъ, что то, что̀ онъ называлъ своими убѣжденіями, было не только не знаніе, но

что это былъ такой складъ мысли, при которомъ невозможно было знаніе того, что ему нужно было.

Первое время, женитьба, новыя радости и обязанности, указанныя имъ, совершенно заглушили эти мысли; но въ послѣднее время, послѣ родовъ жены, когда онъ жилъ въ Москвѣ безъ дѣла, Левину чаще и чаще, настоятельнѣе и настоятельнѣе сталъ представляться требовавшій разрѣшенія вопросъ.

Вопросъ для него состоялъ въ слѣдующемъ: „если я не признаю тѣхъ отвѣтовъ, которые даетъ христіанство на вопросы моей жизни, то какіе я признаю отвѣты?“ И онъ никакъ не могъ найдти во всемъ арсеналѣ своихъ убѣжденій не только какихъ-нибудь отвѣтовъ, но ничего похожаго на отвѣтъ.

Онъ былъ въ положеніи человѣка, отыскивающаго пищу въ игрушечныхъ и оружейныхъ лавкахъ.

Невольно, безсознательно для себя, онъ теперь во всякой книгѣ, во всякомъ разговорѣ, во всякомъ человѣкѣ, искалъ отношенія къ этимъ вопросамъ и разрѣшенія ихъ.

Болѣе всего его при этомъ изумляло и разстраивало то, что большинство людей его круга и возраста, замѣнивъ, какъ и онъ, прежнія вѣрованія такими же, какъ и онъ, новыми убѣжденіями, не видѣли въ этомъ никакой бѣды, и были совершенно довольны и спокойны. Такъ что, кромѣ главнаго вопроса, Левина мучили еще другіе вопросы: искренны ли эти люди? не притворяются ли они? или не иначе ли какъ-нибудь—яснѣе, чѣмъ онъ—понимаютъ они тѣ отвѣты, которые даетъ наука на занимающіе его вопросы? И онъ старательно изучалъ и мнѣнія этихъ людей, и книги, которыя выражали эти отвѣты.

Одно, что̀ онъ нашелъ съ тѣхъ поръ, какъ вопросы эти стали занимать его, было то, что онъ ошибался, предполагая, по воспоминаніямъ своего юношескаго университетскаго круга, что религія ужъ отжила свое время и что ея болѣе не существуетъ. Всѣ хорошіе по жизни близкіе ему люди вѣрили. И старый князь, и Львовъ, такъ полюбившійся ему, и Сергѣй Ивановичъ, и всѣ женщины вѣрили, и жена его вѣрила такъ, какъ онъ вѣрилъ въ первомъ дѣтствѣ, и девяносто девять сотыхъ русскаго народа, весь тотъ народъ, жизнь котораго внушала ему наибольшее уваженіе, вѣрили.

Другое было то, что, прочтя много книгъ, онъ убѣдился, что люди, раздѣлявшіе съ нимъ одинакія воззрѣнія, ничего другаго не подразумѣвали подъ ними, и что они, ничего не объясняя, только отрицали тѣ вопросы, безъ отвѣта на которые онъ чувствовалъ что не могъ жить, а старались разрѣшить совершенно другіе, не могущіе интересовать его вопросы, какъ напримѣръ о развитіи организмовъ, о механическомъ объясненіи души и т. п.

Кромѣ того, во время родовъ жены съ нимъ случилось необыкновенное для него событіе. Онъ, невѣрующій, сталъ молиться, и въ ту минуту, какъ молился, вѣрилъ. Но прошла эта минута, и онъ не могъ дать этому тогдашнему настроенію никакого мѣста въ своей жизни.

Онъ не могъ признать, что онъ тогда зналъ правду, а теперь ошибается, потому что, какъ только онъ начиналъ думать спокойно объ этомъ, все распадалось въ дребезги; не могъ признать и того, что онъ тогда ошибался, потому что дорожилъ тогдашнимъ душевнымъ настроеніемъ, а признавая его данью слабости, онъ бы осквернилъ тѣ минуты.

Онъ былъ въ мучительномъ разладѣ съ самимъ собою и напрягалъ всѣ душевныя силы, чтобы выдти изъ него.

IX.

Мысли эти томили и мучили его то слабѣе, то сильнѣе, но никогда не покидали его. Онъ читалъ и думалъ, и чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ дальше чувствовалъ себя отъ преслѣдуемой имъ цѣли.

Въ послѣднее время въ Москвѣ и въ деревнѣ, убѣдившись, что въ матеріалистахъ онъ не найдетъ отвѣта, онъ перечиталъ и вновь прочелъ и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля и Шопенгауера—тѣхъ философовъ, которые не матеріалистически объясняли жизнь.

Мысли казались ему плодотворны, когда онъ или читалъ, или самъ придумывалъ опроверженія противъ другихъ ученій, въ особенности противъ матеріалистическаго; но какъ только онъ читалъ или самъ придумывалъ разрѣшеніе вопросовъ, такъ всегда повторялось одно и то же. Слѣдуя данному опредѣленію неясныхъ словъ, какъ *духъ*, *воля*, *свобода*, *субстанція*, нарочно вдаваясь въ ту ловушку словъ, которую ставили ему философы или онъ самъ себѣ, онъ начиналъ какъ будто что-то понимать. Но стоило забыть искусственный ходъ мысли и изъ жизни вернуться къ тому, что удовлетворяло, когда онъ думалъ, слѣдуя данной нити, и вдругъ вся эта искусственная постройка заваливалась, какъ карточный домъ, и ясно было, что постройка была сдѣлана изъ тѣхъ же перестановленныхъ словъ, независимо отъ чего то болѣе важнаго въ жизни, чѣмъ разумъ.

Одно время, читая Шопенгауера, онъ подставилъ на мѣсто его *воли*—*любовь*, и эта новая философія дня на два,

пока онъ не отстранился отъ нея, утѣшала его; но она точно также завалилась, когда онъ потомъ изъ жизни взглянулъ на нее, и оказалась кисейною, негрѣющею одеждой.

Братъ Сергѣй Ивановичъ посовѣтовалъ ему прочесть богословскія сочиненія Хомякова. Левинъ прочелъ второй томъ сочиненій Хомякова и, несмотря на оттолкнувшій его сначала полемическій, элегантный и остроумный тонъ, былъ пораженъ въ нихъ ученіемъ о церкви. Его поразила сначала мысль о томъ, что постиженіе божественныхъ истинъ не дано человѣку, но дано совокупности людей, соединенныхъ любовью — церкви. Его обрадовала мысль о томъ, какъ легче повѣрить въ существующую, теперь живущую церковь, составляющую всѣ вѣрованія людей, имѣющую во главѣ Бога, и потому святую и непогрѣшимую, и отъ нея уже принять вѣрованія въ Бога, въ твореніе, въ паденіе, въ искупленіе, чѣмъ начинать съ Бога, далекаго, таинственнаго Бога, творенія и т. д. Но, прочтя потомъ исторію церкви католическаго писателя и исторію церкви православнаго писателя и увидавъ, что обѣ церкви, непогрѣшимыя по сущности своей, отрицаютъ одна другую, онъ разочаровался и въ Хомяковскомъ ученіи о церкви, и это зданіе разсыпалось такимъ же прахомъ, какъ и философскія постройки.

Всю эту весну онъ былъ не свой человѣкъ и пережилъ ужасныя минуты.

„Безъ знанія того, что́ я такое и зачѣмъ я здѣсь, нельзя жить. А знать я этого не могу,—слѣдовательно, нельзя жить“, говорилъ себѣ Левинъ.

„Въ безконечномъ времени, въ безконечности матеріи, въ безконечномъ пространствѣ выдѣляется пузырекъ-орга-

низмъ, и пузырекъ этотъ подержится и лопнетъ, и пузырекъ этотъ—я".

Это была мучительная неправда, но это былъ единственный, послѣдній результатъ вѣковыхъ трудовъ мысли человѣческой въ этомъ направленія.

Это было то послѣднее вѣрованіе, на которомъ строились всѣ, почти во всѣхъ отрасляхъ, изысканія человѣческой мысли. Это было царствующее убѣжденіе, и Левинъ изъ всѣхъ другихъ объясненій, какъ все-таки болѣе ясное, невольно, самъ не зная когда и какъ, усвоилъ именно это.

Но это не только была неправда, это была жестокая насмѣшка какой-то злой силы,—злой, противной и такой, которой нельзя было подчиняться.

Надо было избавиться отъ этой силы. И избавленіе было въ рукахъ каждаго. Надо было прекратить эту зависимость отъ зла. И было одно средство—смерть.

И счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться.

Но Левинъ не застрѣлился, не повѣсился, а продолжалъ жить.

X.

Когда Левинъ думалъ о томъ, что̀ онъ такое и для чего онъ живетъ, онъ не находилъ отвѣта и приходилъ въ отчаяніе; но когда онъ переставалъ спрашивать себя объ этомъ, онъ какъ будто зналъ, и что онъ такое и для чего живетъ, потому что твердо и опредѣленно дѣйствовалъ и жилъ; даже въ это послѣднее время онъ гораздо тверже и опредѣленнѣе жилъ, чѣмъ прежде.

Вернувшись въ началѣ іюня въ деревню, онъ вернулся и къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Хозяйство сельское, отношенія съ мужиками и сосѣдями, домашнее хозяйство, дѣла сестры и брата, которыя были у него на рукахъ, отношенія съ женою, родными, заботы о ребенкѣ, новая, пчелиная, охота, которою онъ увлекся съ нынѣшней весны, занимали все его время.

Дѣла эти занимали его не потому, чтобъ онъ оправдывалъ ихъ для себя какими-нибудь общими взглядами, какъ онъ это дѣлывалъ прежде; напротивъ, теперь, съ одной стороны разочаровавшись неудачей прежнихъ предпріятій для общей пользы, съ другой стороны слишкомъ занятый своими мыслями и самымъ количествомъ дѣлъ, которыя со всѣхъ сторонъ наваливались на него, онъ совершенно оставилъ всякія соображенія объ общей пользѣ, и дѣла эти занимали его только потому, что ему казалось, что онъ долженъ былъ дѣлать то, что онъ дѣлалъ,—что онъ не могъ иначе.

Прежде (это началось почти съ дѣтства и все росло до полной возмужалости), когда онъ старался сдѣлать что-нибудь такое, что сдѣлало бы добро для всѣхъ, для человѣчества, для Россіи, для всей деревни,—онъ замѣчалъ, что мысли объ этомъ были пріятны, но сама дѣятельность всегда бывала нескладная, не было полной увѣренности въ томъ, что дѣло необходимо нужно, и сама дѣятельность, казавшаяся сначала столь большою, все уменьшаясь и уменьшаясь, сходила на *нѣтъ*; теперь же, когда онъ, послѣ женитьбы, сталъ болѣе и болѣе ограничиваться жизнью для себя,—онъ, хотя не испытывалъ болѣе никакой радости при мысли о своей дѣятельности, чувствовалъ увѣренность, что

дѣло его необходимо, видѣлъ, что оно спорится гораздо лучше, чѣмъ прежде, и что оно все становится больше и больше.

Теперь онъ, точно противъ воли, все глубже и глубже врѣзывался въ землю, какъ плугъ, такъ что ужъ и не могъ выбраться, не отворотивъ борозды.

Жить семьѣ такъ, какъ привыкли жить отцы и дѣды, то-есть въ тѣхъ же условіяхъ образованія и въ тѣхъ же воспитывать дѣтей, было несомнѣнно нужно. Это было такъ же нужно, какъ обѣдать, когда ѣсть хочется; и для этого такъ же нужно, какъ приготовить обѣдъ, нужно было вести хозяйственную машину въ Покровскомъ такъ, чтобы были доходы. Такъ же несомнѣнно, какъ нужно отдать долгъ, нужно было держать родовую землю въ такомъ положеніи, чтобы сынъ, получивъ ее въ наслѣдство, сказалъ такъ же спасибо отцу, какъ Левинъ говорилъ спасибо дѣду за все то, что онъ настроилъ и насадилъ. И для этого нужно было не отдавать землю въ наймы, а самому хозяйничать, держать скотину, навозить поля, сажать лѣса.

Нельзя было не дѣлать дѣлъ Сергѣя Ивановича, сестры, всѣхъ мужиковъ, ходившихъ за совѣтами и привыкшихъ къ этому, какъ нельзя бросить ребенка, котораго держишь уже на рукахъ. Нужно было позаботиться объ удобствахъ приглашенной свояченицы съ дѣтьми и жены съ ребенкомъ, и нельзя было не быть съ ними хоть малую часть дня.

И все это, вмѣстѣ съ охотой за дичью и новой пчелиной охотой, наполняло всю ту жизнь Левина, которая не имѣла для него никакого смысла, когда онъ думалъ.

Но кромѣ того, что Левинъ твердо зналъ, *что̀* ему надо дѣлать, онъ точно такъ же зналъ, *какъ* ему надо все это дѣлать и какое дѣло важнѣе другаго.

Онъ зналъ, что нанимать рабочихъ надо было какъ можно дешевле; но брать въ кабалу ихъ, давая впередъ деньги, дешевле, чѣмъ они стоятъ, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать въ безкормицу мужикамъ солому можно было, хотя и жалко было ихъ; но постоялый дворъ и питейный, хотя они и доставляли доходъ, надо было уничтожить. За порубку лѣсовъ надо было взыскивать сколь возможно строже, но за загнанную скотину нельзя было брать штрафовъ, и, хотя это и огорчало караульщиковъ и уничтожало страхъ, нельзя было не отпускать загнанную скотину.

Петру, платившему ростовщику десять процентовъ въ мѣсяцъ, нужно было дать взаймы, чтобы выкупить его; но нельзя было спустить и отсрочить оброкъ мужикамъ-неплательщикамъ. Нельзя было пропустить прикащику то, что лужокъ не былъ скошенъ и трава пропала задаромъ; но нельзя было и косить восемьдесятъ десятинъ, на которыхъ былъ посаженъ молодой лѣсъ. Нельзя было простить работнику, ушедшему въ рабочую пору домой потому, что у него отецъ умеръ,—какъ ни жалко было его,—и надо было расчесть его дешевле за прогульные, дорогіе мѣсяцы; но нельзя было и не выдавать мѣсячины старымъ, ни на что ненужнымъ дворовымъ.

Левинъ зналъ тоже, что, возвращаясь домой, надо было прежде всего идти къ женѣ, которая была нездорова, а мужикамъ, дожидавшимся его уже три часа, можно было еще подождать; и зналъ, что, несмотря на все удовольствіе, испытываемое имъ при сажаніи роя, надо было лишиться этого удовольствія и, предоставивъ старику безъ себя сажать рой, пойдти толковать съ мужиками, нашедшими его на пчельникѣ.

Хорошо ли, дурно ли онъ поступалъ, онъ не зналъ, и не только не сталъ бы теперь доказывать, но избѣгалъ разговоровъ и мыслей объ этомъ.

Разсужденія приводили его въ сомнѣніе и мѣшали ему видѣть, что̀ должно и что̀ не должно. Когда же онъ не думалъ, а жилъ, онъ не переставая чувствовалъ въ душѣ своей присутствіе непогрѣшимаго судьи, рѣшавшаго, который изъ двухъ возможныхъ поступковъ лучше и который хуже, и какъ только онъ поступалъ не такъ, какъ надо, онъ тотчасъ же чувствовалъ это.

Такъ онъ жилъ, не зная и не видя возможности знать, что̀ онъ такое и для чего живетъ на свѣтѣ, и мучаясь этимъ незнаніемъ до такой степени, что боялся самоубійства, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо прокладывая свою особенную, опредѣленную дорогу въ жизни.

XI.

Въ тотъ день, какъ Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ въ Покровское, Левинъ находился въ одномъ изъ своихъ самыхъ мучительныхъ дней.

Было самое спѣшное, рабочее время, когда во всемъ народѣ проявляется такое необыкновенное напряженіе самопожертвованія въ трудѣ, какое не проявляется ни въ какихъ другихъ условіяхъ жизни и которое высоко цѣнимо бы было, еслибы люди, проявляющіе эти качества, сами цѣнили ихъ, еслибъ оно не повторялось каждый годъ и еслибы послѣдствія этого напряженія не были такъ просты.

Скосить и сжать рожь и овесъ и свезти, докосить луга, передвоить паръ, обмолотить сѣмена и посѣять озимое — все это кажется просто и обыкновенно; а чтобы успѣть

сдѣлать все это, надо, чтобы отъ стараго до малаго всѣ деревенскіе люди работали, не переставая, въ эти три-четыре недѣли втрое больше, чѣмъ обыкновенно, питаясь квасомъ, лукомъ и чернымъ хлѣбомъ, молотя и возя снопы по ночамъ и отдавая сну не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. И каждый годъ это дѣлается по всей Россіи.

Проживя большую часть жизни въ деревнѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ, Левинъ всегда въ рабочую пору чувствовалъ, что это общее народное возбужденіе сообщается и ему.

Съ утра онъ ѣздилъ на первый посѣвъ ржи, на овесъ, который возили въ скирды, и, вернувшись домой къ вставанію жены и свояченицы, напился съ ними кофею и ушелъ пѣшкомъ на хуторъ, гдѣ должны были пустить вновь установленную молотилку для приготовленія сѣмянъ.

Цѣлый этотъ день Левинъ, разговаривая съ прикащикомъ и мужиками и дома разговаривая съ женою, съ Долли, съ дѣтьми ея, съ тестемъ, думалъ объ одномъ и одномъ, что̀ занимало его въ это время, помимо хозяйственныхъ заботъ, и во всемъ искалъ отношенія къ своему вопросу: „что же я такое? и гдѣ я? и зачѣмъ я здѣсь?“

Стоя въ холодкѣ вновь покрытой риги, съ необсыпавшимся еще пахучимъ листомъ лещиноваго рѣшетника, прижатаго къ облупленнымъ свѣжимъ осиновымъ слегамъ соломенной крыши, Левинъ глядѣлъ то сквозь открытыя ворота, въ которыхъ толклась и играла сухая и горькая пыль молотьбы, на освѣщенную горячимъ солнцемъ траву гумна и свѣжую солому, только-что вынесенную изъ сарая, то на пестроголовыхъ, бѣлогрудыхъ ласточекъ, съ присвистомъ влетавшихъ подъ крышу и, трепля крыльями, останавли-

вавшихся въ просвѣтахъ воротъ, то на народѣ, копошившійся въ темной и пыльной ригѣ, и думалъ странныя мысли.

„Зачѣмъ все это дѣлается?—думалъ онъ.—Зачѣмъ я тутъ стою, заставляю ихъ работать? Изъ чего они всѣ хлопочутъ и стараются показать при мнѣ свое усердіе? Изъ чего бьется эта старуха Матрена, моя знакомая? (Я лѣчилъ ее, когда на пожарѣ на нее упала матица)“, думалъ онъ, глядя на худую бабу, которая, двигая граблями зерно, напряженно ступала черно-загорѣлыми босыми ногами по неровному жесткому току. „Тогда она выздоровѣла, но не нынче - завтра, черезъ десять лѣтъ, ее закопаютъ, и ничего не останется ни отъ нея, ни отъ этой щеголихи въ красной паневѣ, которая такимъ ловкимъ, нѣжнымъ движеніемъ отбиваетъ изъ мякины колосъ. И ее закопаютъ, и пѣгаго мерина этого очень скоро“, думалъ онъ, глядя на тяжело-носящую брюхомъ и часто-дышащую раздутыми ноздрями лошадь, переступающую по двигающемуся изъ-подъ нея наклонному колесу. „И ее закопаютъ, и Ѳедора подавальщика, съ его курчавой, полной мякины бородой и прорванной на бѣломъ плечѣ рубашкой, закопаютъ. А онъ разрываетъ снопы и что-то командуетъ, и кричитъ на бабъ, и быстрымъ движеніемъ поправляетъ ремень на маховомъ колесѣ. И главное—не только ихъ, но меня закопаютъ, и ничего не останется. Къ чему?“

Онъ думалъ это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глядѣлъ на часы, чтобы расчесть, сколько обмолотятъ въ часъ. Ему нужно было это знать, чтобы, судя по этому, задать урокъ на день.

„Скоро ужъ часъ, а только начали третью копну“, подумалъ Левинъ, подошелъ къ подавальщику и, перекрикивая грохотъ машины, сказалъ ему, чтобъ онъ рѣже пускалъ.

— Помногу подаешь, Өедоръ! Видишь—запирается, оттого не споро. Разравнивай!

Почернѣвшій отъ липнувшей къ потному лицу пыли, Өедоръ прокричалъ что-то въ отвѣтъ, но все дѣлалъ не такъ, какъ хотѣлось Левину.

Левинъ, подойдя къ барабану, отстранилъ Өедора и самъ взялся подавать.

Проработавъ до обѣда мужицкаго, до котораго уже оставалось недолго, онъ вмѣстѣ съ подавальщикомъ вышелъ изъ риги и разговорился, остановившись подлѣ сложеннаго на току для сѣмянъ, аккуратнаго желтаго скирда сжатой ржи.

Подавальщикъ былъ изъ дальней деревни, изъ той, въ которой Левинъ прежде отдавалъ землю на артельномъ началѣ. Теперь она была отдана дворнику въ наймы.

Левинъ разговорился съ подавальщикомъ Өедоромъ объ этой землѣ и спросилъ, не возьметъ ли землю на будущій годъ Платонъ, богатый и хорошій мужикъ той же деревни.

— Цѣна дорога, Платону не выручить, Константинъ Дмитричъ,—отвѣчалъ мужикъ, выбирая колосья изъ потной пазухи.

— Да какъ же Кирилловъ выручаетъ?

— Митюхѣ (такъ презрительно назвалъ мужикъ дворника), Константинъ Дмитричъ, какъ не выручить! Этотъ нажметъ, да свое выберетъ. Онъ христіанина не пожалѣетъ. А дядя Өоканычъ (такъ онъ звалъ старика Платона) развѣ станетъ драть шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спуститъ. Анъ и не доберетъ. Тоже человѣкомъ.

— Да зачѣмъ же онъ будетъ спускать?

— Да такъ, значитъ — люди разные: одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть бы Митюха, только

брюхо набиваетъ, а Ѳоканычъ — правдивый старикъ. Онъ для души живетъ, Бога помнитъ.

— Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ?—почти вскрикнулъ Левинъ.

— Извѣстно какъ,—по правдѣ, по-Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка...

— Да, да, прощай!—проговорилъ Левинъ, задыхаясь отъ волненія, и повернувшись, взялъ свою палку и быстро пошелъ прочь къ дому. При словахъ мужика о томъ, что Ѳоканычъ живетъ для души, по правдѣ, по-Божью, не ясныя, но значительныя мысли толпою какъ будто вырвались откуда-то изъ-заперти, и всѣ, стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ.

XII.

Левинъ шелъ большими шагами по большой дорогѣ, прислушиваясь не столько къ своимъ мыслямъ (онъ не могъ еще разобрать ихъ), сколько къ душевному состоянію, прежде никогда имъ не испытанному.

Слова, сказанныя мужикомъ, произвели въ его душѣ дѣйствіе электрической искры, вдругъ преобразившей и сплотившей въ одно цѣлый рой разрозненныхъ, безсильныхъ отдѣльныхъ мыслей, никогда не перестававшихъ занимать его. Мысли эти, незамѣтно для него самого, занимали его и въ то время, когда онъ говорилъ объ отдачѣ земли.

Онъ чувствовалъ въ своей душѣ что-то новое и съ наслажденіемъ ощупывалъ это новое, не зная еще, что̀ это такое.

„Не для нуждъ своихъ жить, а для Бога. Для какого Бога? И что̀ можно сказать безсмысленнѣе того, что̀ онъ

сказалъ? Онъ сказалъ, что не надо жить для своихъ нуждъ, т.-е. что не надо жить для того, что̀ мы понимаемъ, къ чему насъ влечетъ, чего намъ хочется, а надо жить для чего-то непонятнаго, для Бога, котораго никто ни понять, ни опредѣлить не можетъ. И что же? Я не понялъ этихъ безсмысленныхъ словъ Өедора? А понявъ, усомнился въ ихъ справедливости, нашелъ ихъ глупыми, неясными, неточными?

„Нѣтъ, я понялъ его, и совершенно такъ, какъ онъ понимаетъ, понялъ вполнѣ и яснѣе, чѣмъ я понимаю что-нибудь въ жизни, и никогда въ жизни не сомнѣвался и не могу усомниться въ этомъ. И не я одинъ, а всѣ, весь міръ одно это вполнѣ понимаютъ и въ одномъ этомъ не сомнѣваются и всегда согласны.

„А я искалъ чудесъ, жалѣлъ, что не видалъ чуда, которое бы убѣдило меня. Чудо матеріальное соблазнило бы меня. А вотъ чудо единственно возможное, постоянно существующее, со всѣхъ сторонъ окружающее меня, и я не замѣчалъ его!

„Өедоръ говоритъ, что Кирилловъ дворникъ живетъ для брюха. Это понятно и разумно. Мы всѣ, какъ разумныя существа, не можемъ иначе жить, какъ для брюха. И вдугъ тотъ же Өедоръ говоритъ, что для брюха жить дурно, а надо жить для правды, для Бога, и я съ намека понимаю его! И я, и милліоны людей, жившихъ вѣка тому назадъ и живущихъ теперь, мужики, нищіе духомъ и мудрецы, думавшіе и писавшіе объ этомъ, своимъ неяснымъ языкомъ говорящіе то же,—мы всѣ согласны въ этомъ одномъ: для чего надо жить и что̀ хорошо. Я со всѣми людьми имѣю только одно твердое, несомнѣнное и ясное знаніе; и знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ,— оно внѣ его, и

не имѣетъ никакихъ причинъ, и не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

„Если добро имѣетъ причину, оно уже не добро; если оно имѣетъ послѣдствіе—награду, оно тоже не добро. Стало-быть, добро—внѣ цѣпи причинъ и послѣдствій.

„И его-то я знаю, и всѣ мы знаемъ.

„Какое же можетъ быть чудо больше этого?

„Неужели я нашелъ разрѣшеніе всего, неужели кончены теперь мои страданія?“ думалъ Левинъ, шагая по пыльной дорогѣ, не замѣчая ни жару, ни усталости и испытывая чувство утоленія долгаго страданія. Чувство это было такъ радостно, что оно казалось ему невѣроятнымъ. Онъ задыхался отъ волненія и, не въ силахъ идти дальше, сошелъ съ дороги въ лѣсъ и сѣлъ въ тѣни осинъ на нескошенную траву. Онъ снялъ съ потной головы шляпу и легъ, облокотившись на руку, на сочную, лопушистую лѣсную траву.

„Да, надо уяснить себѣ и понять“, думалъ онъ, пристально глядя на несмятую траву, которая была передъ нимъ, и слѣдя за движеніями зеленой букашки, поднимавшейся по стеблю пырея и задерживаемой въ своемъ подъемѣ листомъ снытки. „Что я открылъ?—спросилъ онъ себя, отворачивая листъ снытки, чтобы онъ не мѣшалъ букашкѣ, и пригибая другую траву, чтобы букашка перешла на нее.—Что радуетъ меня? Что я открылъ?

„Я ничего не открылъ. Я только узналъ то, что̀ я знаю. Я понялъ ту силу, которая не въ одномъ прошедшемъ дала мнѣ жизнь, но теперь даетъ мнѣ жизнь. Я освободился отъ обмана, я узналъ хозяина.

„Прежде я говорилъ, что въ моемъ тѣлѣ, въ тѣлѣ этой

травы и этой букашки (вотъ она не захотѣла на траву, расправила крылья и улетѣла) совершается по физическимъ, химическимъ, физіологическимъ законамъ обмѣнъ матеріи. А во всѣхъ насъ, вмѣстѣ съ осинами, и съ облаками, и съ туманными пятнами, совершается развитіе. Развитіе изъ чего, во что? Безконечное развитіе и борьба... Точно могутъ быть какое-нибудь направленіе и борьба въ безконечномъ! И я удивлялся, что, несмотря на самое большое напряженіе мысли по этому пути, мнѣ все-таки не открывается смыслъ жизни, смыслъ моихъ побужденій и стремленій. Теперь же я говорю, что я знаю смыслъ моей жизни: жить для Бога, для души. И смыслъ этотъ, несмотря на свою ясность, таинствененъ и чудесенъ. Таковъ же и смыслъ всего существующаго. Да, гордость", сказалъ онъ себѣ, переваливаясь на животъ и начиная завязывать узломъ стебли травъ, стараясь не сломать ихъ.

„И не только гордость ума, а глупость ума. А главное— плутовство, именно плутовство ума. Именно мошенничество ума", повторилъ онъ.

И онъ вкратцѣ повторилъ самъ себѣ весь ходъ своей мысли за эти послѣдніе два года, начало котораго была ясная, очевидная мысль о смерти при видѣ любимаго безнадежно-больнаго брата.

Въ первый разъ тогда понявъ ясно, что для всякаго человѣка и для него впереди ничего не было, кромѣ страданія, смерти и вѣчнаго забвенія, онъ рѣшилъ, что такъ нельзя жить, что надо или объяснить свою жизнь такъ, чтобы она не представлялась злой насмѣшкой какого-то дьявола, или застрѣлиться.

Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго, а продолжалъ

жить, мыслить и чувствовать, и даже въ это самое время женился и испыталъ много радостей, и былъ счастливъ, когда не думалъ о значеніи своей жизни.

Что-жъ это значило?—Это значило, что онъ жилъ хорошо, но думалъ дурно.

Онъ жилъ (не сознавая этого) тѣми духовными истинами, которыя онъ всосалъ съ молокомъ, а думалъ—не только не признавая этихъ истинъ, но старательно обходя ихъ.

Теперь ему ясно было, что онъ могъ жить только благодаря тѣмъ вѣрованіямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ.

„Чтò бы я былъ такое и какъ бы прожилъ свою жизнь, еслибы не имѣлъ этихъ вѣрованій, не зналъ, что надо жить для Бога, а не для своихъ нуждъ? Я бы грабилъ, лгалъ, убивалъ. Ничего изъ того, что составляетъ главныя радости моей жизни, не существовало бы для меня". И, дѣлая самыя большія усилія воображенія, онъ все-таки не могъ представить себѣ того звѣрскаго существа, которое бы былъ онъ самъ, еслибы не зналъ того, для чего онъ жилъ.

„Я искалъ отвѣта на мой вопросъ. А отвѣта на мой вопросъ не могла дать мысль,—она несоизмѣрима съ вопросомъ. Отвѣтъ мнѣ дала сама жизнь, въ моемъ знаніи того, что хорошо и что дурно. А знаніе это я не пріобрѣлъ ничѣмъ, но оно дано мнѣ вмѣстѣ со всѣми, *дано* потому, что я ни откуда не могъ взять его.

„Откуда взялъ я это? Разумомъ что ли дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ мѣшающихъ

удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другаго не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно.

XIII.

И Левину вспомнилась недавняя сцена съ Долли и ея дѣтьми. Дѣти, оставшись одни, стали жарить малину на свѣчахъ и лить молоко фантаномъ въ ротъ. Мать, заставъ ихъ на дѣлѣ, при Левинѣ стала внушать имъ, какого труда стоятъ большимъ то, что они разрушаютъ, и то, что трудъ этотъ дѣлается для нихъ, что если они будутъ бить чашки, то имъ не изъ чего будетъ пить чай, а если будутъ разливать молоко, то имъ нечего будетъ ѣсть и они умрутъ съ голода.

И Левина поразило то спокойное, унылое недовѣріе, съ которымъ дѣти слушали эти слова матери. Они только были огорчены тѣмъ, что прекращена ихъ занимательная игра, и не вѣрили ни слову изъ того, что говорила мать. Они и не могли вѣрить, потому что не могли себѣ представить всего объема того, чѣмъ они пользуются, и потому не могли представить себѣ, что то, что они разрушаютъ, есть то самое, чѣмъ они живутъ.

„Это все само собой,—думали они,—и интереснаго и важнаго въ этомъ ничего нѣтъ, потому что это всегда было и будетъ. И всегда все одно и то же. Объ этомъ намъ думать нечего, это готово; а намъ хочется выдумать что-нибудь свое и новенькое. Вотъ мы выдумали въ чашку положить малину и жарить ее на свѣчкѣ, а молоко лить фонтаномъ прямо въ ротъ другъ другу. Это весело и ново, и ничѣмъ не хуже, чѣмъ пить изъ чашекъ.

„Развѣ не то же самое дѣлаемъ мы, дѣлалъ я, разумомъ

отыскивая значеніе силъ природы и смыслъ жизни человѣка?“ продолжалъ онъ думать.

„И развѣ не то же дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ мысли страннымъ, несвойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію того, что онъ давно знаетъ, и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить бы не могъ? Развѣ не видно ясно въ развитіи теоріи каждаго философа, что онъ впередъ знаетъ такъ же несомнѣнно, какъ и мужикъ Ѳедоръ, и ничуть не яснѣе его, главный смыслъ жизни, и только сомнительнымъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что всѣмъ извѣстно?

„Ну-ка, пустить однихъ дѣтей, чтобъ они сами пріобрѣли, сдѣлали посуду, подоили молоко и т. д. Стали бы они шалить? Они бы съ голоду померли. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями, безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго.

„Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!

„Мы только разрушаемъ, потому что мы духовно сыты. Именно дѣти!

„Откуда у меня радостное, общее съ мужикомъ знаніе, которое одно даетъ мнѣ спокойствіе души? Откуда взялъ я это?

„Я, воспитанный въ понятіи Бога, христіаниномъ, наполнивъ всю свою жизнь тѣми духовными благами, которыя дало мнѣ христіанство, преисполненный весь и живущій этими благами,—я, какъ дѣти, не понимая ихъ, разрушаю, то-есть хочу разрушить то, чѣмъ я живу. А какъ только наступаетъ важная минута жизни, какъ дѣти, когда имъ холодно и голодно, я иду къ Нему, и еще менѣе, чѣмъ дѣти, которыхъ мать бранитъ за ихъ дѣтскія шалости, я чув-

ствую, что мои дѣтскія попытки съ жиру бѣситься не зачитываются мнѣ.

„Да, то, что я знаю, я знаю не разумомъ, а это дано мнѣ, открыто мнѣ, и я знаю это сердцемъ, вѣрою въ то главное, что исповѣдуетъ церковь.

„Церковь? Церковь?“ повторилъ себѣ Левинъ, перелегъ на другую сторону и, облокотившись на руку, сталъ глядѣть въ даль, на сходившее съ той стороны къ рѣкѣ стадо.

„Но могу ли я вѣрить во все, что исповѣдуетъ церковь?“ думалъ онъ, испытывая себя и придумывая все то, что могло разрушить его теперешнее спокойствіе. Онъ нарочно сталъ вспоминать тѣ ученія церкви, которыя болѣе всего всегда казались ему странными и соблазняли его, „Твореніе? А я чѣмъ же объяснялъ существованіе? Существованіемъ? Ничѣмъ? — Дьяволъ и грѣхъ.—А чѣмъ я объясняю зло?... Искупитель?...

„Но я ничего, ничего не знаю, и не могу знать, какъ только то, что мнѣ сказано вмѣстѣ со всѣми“.

И ему теперь казалось, что не было ни одного изъ вѣрованій церкви, которое бы нарушало главное—вѣру въ Бога, въ добро, какъ единственное назначеніе человѣка.

Подъ каждое вѣрованіе церкви могло быть подставлено вѣрованіе въ служеніе правдѣ вмѣсто нуждъ. И каждое не только не нарушало этого, но было необходимо для того, чтобы совершалось то главное, постоянно проявляющееся на землѣ чудо, состоящее въ томъ, чтобы возможно было каждому, вмѣстѣ съ милліонами разнообразнѣйшихъ людей, мудрецовъ и юродивыхъ, дѣтей и стариковъ, со всѣми—съ мужикомъ, со Львовымъ, съ Кити, съ нищими и царями—понимать несомнѣнно одно и то же и слагать ту жизнь души, для которой одной стóитъ жить и которую одну мы цѣнимъ.

Лежа на спинѣ, онъ смотрѣлъ теперь на высокое, безоблачное небо. „Развѣ я не знаю, что это — безконечное пространство, и что оно не круглый сводъ? Но, какъ бы я ни щурился и ни напрягалъ свое зрѣніе, я не могу видѣть его не круглымъ и не ограниченнымъ, и, несмотря на свое значеніе о безконечномъ пространствѣ, я несомнѣнно правъ; когда я вижу твердый голубой сводъ, я болѣе правъ, чѣмъ когда я напрягаюсь видѣть дальше его“.

Левинъ пересталъ уже думать и только какъ бы прислушивался къ таинственнымъ голосамъ, о чемъ-то радостно и озабоченно переговаривавшимся между собой.

„Неужели это вѣра?—подумалъ онъ, боясь вѣрить своему счастію.—Боже мой, благодарю Тебя!“ проговорилъ онъ, проглатывая поднимавшіяся рыданія и вытирая обѣими руками слезы, которыми полны были его глаза.

XIV.

Левинъ смотрѣлъ передъ собой и видѣлъ стадо, потомъ увидалъ свою телѣжку, запряженную воронымъ, и кучера, который, подъѣхавъ къ стаду, поговорилъ что-то съ пастухомъ; потомъ онъ, уже вблизи отъ себя, услыхалъ звукъ колесъ и фырканье сытой лошади; но онъ такъ былъ поглощенъ своими мыслями, что онъ и не подумалъ о томъ, зачѣмъ ѣдетъ къ нему кучеръ.

Онъ вспомнилъ это только тогда, когда кучеръ, уже совсѣмъ подъѣхавъ къ нему, окликнулъ его.

— Барыня послали. Пріѣхали братецъ и еще какой то баринъ.

Левинъ сѣлъ въ телѣжку и взялъ возжи.

Какъ бы пробудившись отъ сна, Левинъ долго не могъ

опомниться. Онъ оглядывалъ сытую лошадь, взмылившуюся между ляжками и на шеѣ, гдѣ терлись поводки, оглядывалъ Ивана кучера, сидѣвшаго подлѣ него, и вспоминалъ о томъ, что онъ ждалъ брата, что жена, вѣроятно, безпокоится его долгимъ отсутствіемъ, и старался догадаться, кто былъ гость, пріѣхавшій съ братомъ. И братъ, и жена, и неизвѣстный гость представлялись ему теперь иначе, чѣмъ прежде. Ему казалось, что теперь отношенія со всѣми людьми уже будутъ другія.

„Съ братомъ теперь не будетъ той отчужденности, которая всегда была между нами,— споровъ не будетъ; съ Кити никогда не будетъ ссоръ; съ гостемъ, кто бы онъ ни былъ, буду ласковъ и добръ; съ людьми, съ Иваномъ— все будетъ другое“.

Сдерживая на тугихъ возжахъ фыркающую отъ нетерпѣнія и просящую хода добрую лошадь, Левинъ оглядывался на сидѣвшаго подлѣ себя Ивана, не знавшаго, что дѣлать своими, оставшимися безъ работы, руками и безпрестанно прижимавшаго свою отдувавшуюся рубашку, и искалъ предлога для начала разговора съ нимъ. Онъ хотѣлъ сказать, что напрасно Иванъ высоко подтянулъ черезсѣдельню, но это было похоже на упрекъ, а ему хотѣлось любовнаго разговора. Другаго же ничего ему не приходило въ голову.

— Вы извольте вправо взять, а то пень, — сказалъ кучеръ, поправляя за возжу Левина.

— Пожалуйста не трогай и не учи меня! — сказалъ Левинъ, раздосадованный этимъ вмѣшательствомъ кучера. Точно такъ же, какъ и всегда, вмѣшательство привело его въ досаду, и онъ тотчасъ же съ грустью почувствовалъ, какъ ошибочно было его предположеніе о томъ, чтобы

душевное настроеніе могло тотчасъ же измѣнить его въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

Не доѣзжая съ четверть версты до дома, Левинъ увидалъ бѣгущихъ ему на встрѣчу Гришу и Таню.

— Дядя Костя! И мама идетъ, и дѣдушка, и Сергѣй Ивановичъ, и еще кто-то,—говорили они, влѣзая на телѣжку.

— Да кто?

— Ужасно страшный! И вотъ такъ руками дѣлаетъ,— сказала Таня, поднимаясь въ телѣжкѣ и передразнивая Катавасова.

— Да старый или молодой?—смѣясь спрашивалъ Левинъ, которому представленіе Тани напоминало кого-то.

„Ахъ, только бы не непріятный человѣкъ!“ подумалъ Левинъ.

Только загнувъ за поворотъ дороги и увидавъ шедшихъ навстрѣчу, Левинъ узналъ Катавасова, въ соломенной шляпѣ, шедшаго точно такъ размахивая руками, какъ представляла Таня.

Катавасовъ очень любилъ говорить о философіи, имѣя о ней понятіе отъ естественниковъ, никогда не занимавшихся философіей, и въ Москвѣ Левинъ въ послѣднее время много спорилъ съ нимъ.

И одинъ изъ такихъ разговоровъ, въ которомъ Катавасовъ очевидно думалъ, что онъ одержалъ верхъ, было первое, что вспомнилъ Левинъ, узнавъ его.

„Нѣтъ, ужъ спорить и легкомысленно высказывать свои мысли ни за что не буду“, подумалъ онъ.

Выйдя изъ телѣжки и поздоровавшись съ братомъ и Катавасовымъ, Левинъ спросилъ про жену.

— Она перенесла Митю въ Колокъ (это былъ лѣсъ около

дома). Хотѣла устроить его тамъ, а то въ домѣ жарко,— сказала Долли. Левинъ всегда отсовѣтывалъ женѣ носить ребенка въ лѣсъ, находя это опаснымъ, и извѣстіе это было ему непріятно.

— Носится съ нимъ изъ мѣста въ мѣсто,—улыбаясь сказалъ князь.—Я ей совѣтовать попробовать снести его на ледникъ.

— Она хотѣла придти на пчельникъ. Она думала, что ты тамъ. Мы туда идемъ,—сказала Долли.

— Ну, что ты дѣлаешь? — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, отставая отъ другихъ и ровняясь съ братомъ.

— Да ничего особеннаго. Какъ всегда, занимаюсь хозяйствомъ,—отвѣчалъ Левинъ.—Что же, ты надолго? Мы такъ давно ждали.

— Недѣлки на двѣ. Очень много дѣла въ Москвѣ.

При этихъ словахъ глаза братьевъ встрѣтились, и Левинъ, несмотря на всегдашнее и теперь особенно сильное въ немъ желаніе быть въ дружескихъ и, главное, простыхъ отношеніяхъ съ братомъ, почувствовалъ, что ему неловко смотрѣть на него. Онъ опустилъ глаза и не зналъ что̀ сказать.

Перебирая предметы разговора такіе, какіе были бы пріятны Сергѣю Ивановичу и отвлекли бы его отъ разговора о сербской войнѣ и славянскаго вопроса, о которомъ онъ намекалъ упоминаніемъ о занятіяхъ въ Москвѣ, Левинъ заговорилъ о книгѣ Сергѣя Ивановича.

— Ну что, были рецензіи о твоей книгѣ?—спросилъ онъ.

Сергѣй Ивановичъ улыбнулся на умышленность вопроса.

— Никто не занятъ этимъ, и я менѣе другихъ,—сказалъ онъ.—Посмотрите, Дарья Александровна, будетъ дождикъ,— прибавилъ онъ, указывая зонтикомъ на показавшіяся надъ макушами осинъ бѣлыя тучки.

И довольно было этихъ словъ, чтобы то, не враждебное, но холодное отношеніе другъ къ другу, котораго Левинъ такъ хотѣлъ избѣжать, опять установилось между братьями.

Левинъ подошелъ къ Катавасову.

— Какъ хорошо вы сдѣлали, что вздумали пріѣхать!— сказалъ онъ ему.

— Давно собирался. Теперь побесѣдуемъ, посмотримъ. Спенсера прочли?

— Нѣтъ, не дочелъ, — сказалъ Левинъ.—Впрочемъ, мнѣ онъ не нуженъ теперь.

— Какъ такъ? Это интересно. Отчего?

— То-есть я окончательно убѣдился, что разрѣшенія занимающихъ меня вопросовъ я не найду въ немъ и ему пододобныхъ. Теперь...

Но спокойное и веселое выраженіе лица Катавасова вдругъ поразило его, и ему такъ стало жалко своего настроенія, которое онъ очевидно нарушалъ этимъ разговоромъ, что онъ, вспомнивъ свое намѣреніе, остановился.

— Впрочемъ, послѣ поговоримъ,—прибавилъ онъ.—Если на пчельникъ, то сюда, по этой тропинкѣ,—обратился онъ ко всѣмъ.

Дойдя по узкой тропинкѣ до нескошенной полянки, покрытой съ одной стороны сплошной яркой Иванъ-да-Марьей, среди которой часто разрослись темно-зеленые, высокіе кусты чемерицы, Левинъ помѣстилъ своихъ гостей въ густой свѣжей тѣни молодыхъ осинокъ, на скамейкѣ и обрубкахъ, нарочно приготовленныхъ для посѣтителей пчельника, боящихся пчелъ, а самъ пошелъ на осѣкъ, чтобы принести дѣтямъ и большимъ хлѣба, огурцовъ и свѣжаго меда.

Стараясь дѣлать какъ можно меньше быстрыхъ движе-

ній и прислушиваясь къ пролетавшимъ все чаще и чаще мимо него пчеламъ, онъ дошелъ по тропинкѣ до избы. У самыхъ сѣней одна пчела завизжала, запутавшись ему въ бороду, но онъ осторожно выпросталъ ее. Войдя въ тѣнистыя сѣни, онъ снялъ со стѣны повѣшенную на колышкѣ свою сѣтку и, надѣвъ ее и засунувъ руки въ карманы, вошелъ на огороженный пчельникъ, въ которомъ правильными рядами, привязанные къ кольямъ лычками, стояли среди выкошеннаго мѣста всѣ знакомые ему, каждый съ своей исторіей, старые ульи, а по стѣнкамъ плетня молодые, посаженные въ нынѣшнемъ году. Передъ летками ульевъ рябили въ глазахъ кружащіеся и толкущіеся на одномъ мѣстѣ, играющіе пчелы и трутни, и среди нихъ, все въ одномъ направленіи, туда, въ лѣсъ, на цвѣтущую липу, и назадъ къ ульямъ, пролетали рабочія пчелы со взяткой и за взяткой.

Въ ушахъ не перставая отзывались разнообразные звуки то занятой дѣломъ, быстро пролетающей рабочей пчелы, то трубящаго, празднующаго трутня, то встревоженныхъ, оберегающихъ отъ врага свое достояніе, сбирающихся жалить пчелъ-караульщицъ. На той сторонѣ ограды старикъ строгалъ обручъ и не видалъ Левина. Левинъ, не окликая его, остановился на серединѣ пчельника.

Онъ радъ былъ случаю побыть одному, чтобы опомниться отъ дѣйствительности, которая уже успѣла такъ принизить его настроеніе.

Онъ вспомнилъ, что уже успѣлъ разсердиться на Ивана, выказать холодность брату и легкомысленно поговорить съ Катавасовымъ.

„Неужели это было только минутное настроеніе, и оно пройдетъ, не оставивъ слѣда?“ подумалъ онъ.

Но въ ту же минуту, вернувшись къ своему настроенію, онъ съ радостью почувствовалъ, что что-то новое и важное произошло въ немъ. Дѣйствительность только на время застилала то душевное спокойствіе, которое онъ нашелъ, но оно было цѣло въ немъ.

Точно такъ же, какъ пчелы, теперь вившіяся вокругъ него, угрожавшія ему и развлекавшія его, лишали его полнаго физическаго спокойствія, заставляли его сжиматься, избѣгая ихъ, такъ точно заботы, обступивъ его съ той минуты, какъ онъ сѣлъ въ тележку, лишали его свободы душевной, но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ былъ среди нихъ. Какъ, несмотря на пчелъ, тѣлесная сила была вся цѣла въ немъ, такъ и цѣла была вновь сознанная имъ его духовная сила.

XV.

— А ты знаешь, Костя, съ кѣмъ Сергѣй Ивановичъ ѣхалъ сюда?—сказала Долли, одѣливъ дѣтей огурцами и медомъ:—съ Вронскимъ! Онъ ѣдетъ въ Сербію.

— Да еще не одинъ, а эскадронъ ведетъ на свой счетъ!—сказалъ Катавасовъ.

— Это ему идетъ,—сказалъ Левинъ.—А развѣ все ѣдутъ еще добровольцы?—прибавилъ онъ, взглянувъ на Сергѣя Ивановича.

Сергѣй Ивановичъ, не отвѣчая, осторожно вынималъ ножомъ тупикомъ изъ чашки, въ которой лежалъ угломъ бѣлый сотъ меду, влипшую въ подтекшій медъ живую еще пчелу.

— Да еще какъ! Вы бы видѣли, что вчера было на станціи!—сказалъ Катавасовъ, звонко перекусывая огурецъ.

— Ну, это-то какъ понять? Ради Христа, объясните мнѣ, Сергѣй Ивановичъ, куда ѣдутъ всѣ эти добровольцы, съ

кѣмъ они воюютъ?—спросилъ старый князь, очевидно продолжая разговоръ, начавшійся еще безъ Левина.

— Съ турками,—спокойно улыбаясь, отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ, выпроставши безпомощно двигавшую ножками, почернѣвшую отъ меда пчелу и ссаживая ее съ ножа на крѣпкій осиновый листокъ.

— Да кто же объявилъ войну туркамъ? Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Ивановна съ мадамъ Шталь?

— Никто не объявлялъ войны, а люди сочувствуютъ страданіямъ ближнихъ и желаютъ помочь имъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Но князь говоритъ не о помощи,—сказалъ Левинъ, заступаясь за тестя,—а объ войнѣ. Князь говоритъ, что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

— Костя, смотри, это пчела! Право, насъ искусаютъ!—сказала Долли, отмахиваясь отъ осы.

— Да это и не пчела, это оса,—сказалъ Левинъ.

— Ну-съ, ну-съ, какая ваша теорія?—сказалъ съ улыбкой Катавасовъ Левину, очевидно вызывая его на споръ.—Почему частные люди не имѣютъ права?

— Да моя теорія та: война, съ одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говорю уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбѣжно. Съ другой стороны, и по наукѣ и по здравому смыслу, въ государственныхъ дѣлахъ, въ особенности въ дѣлѣ войны, граждане отрекаются отъ своей личной воли.

Сергѣй Ивановичъ и Катавасовъ съ готовыми возраженіями заговорили въ одно время.

— Въ томъ-то и штука, батюшка, что могутъ быть случаи, когда правительство не исполняетъ воли гражданъ, и тогда общество заявляетъ свою волю,—сказалъ Катавасовъ.

Но Сергѣй Ивановичъ, очевидно, не одобрялъ этого возраженія. Онъ нахмурился на слова Катавасова и сказалъ другое.

— Напрасно ты такъ ставишь вопросъ. Тутъ нѣтъ объявленія войны, а просто выраженіе человѣческаго, христіанскаго чувства. Убиваютъ братьевъ, единокровныхъ и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣрцевъ, а просто дѣтей, женщинъ, стариковъ; чувство возмущается, и русскіе люди бѣгутъ, чтобы помочь прекратить эти ужасы. Представь себѣ, что ты бы шелъ по улицѣ и увидалъ бы, что пьяные бьютъ женщину или ребенка; я думаю, ты не сталъ бы спрашивать, объявлена или не объявлена война этому человѣку, а ты бы бросился на него и защитилъ бы обижаемаго,

— Но не убилъ бы,—сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты бы убилъ.

— Я не знаю. Еслибы я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному; но впередъ сказать я не могу. И такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, и не можетъ быть.

— Можетъ-быть для тебя нѣтъ. Но для другихъ оно есть,—недовольно хмурясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.— Въ народѣ живы преданія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ „нечестивыхъ агарянъ“. Народъ услыхалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ.

— Можетъ быть,—уклончиво сказалъ Левинъ,—но я не вижу; я—самъ народъ, и я не чувствую этого.

— Вотъ и я,—сказалъ князь.—Я жилъ за границей, читалъ газеты и, признаюсь, еще до болгарскихъ ужасовъ, никакъ не понималъ, почему всѣ русскіе такъ вдругъ полюбили братьевъ-славянъ, а я никакой къ нимъ любви не чувствую. Я очень огорчался, думалъ, что я—уродъ, или что такъ Карлсбадъ на меня дѣйствуетъ. Но, пріѣхавъ сюда, я успокоился; я вижу, что и кромѣ меня есть люди интересующіеся только Россіей, а не братьями-славянами. Вотъ и Константинъ.

— Личныя мнѣнія тутъ ничего не значатъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—нѣтъ дѣла до личныхъ мнѣній, когда вся Россія—народъ выразилъ свою волю.

— Да, извините меня, я этого не вижу. Народъ и знать не знаетъ,—сказалъ князь.

— Нѣтъ, папа, какъ же нѣтъ? А въ воскресенье въ церкви?—сказала Долли, прислушиваясь къ разговору.—Дай, пожалуйста, полотенце,—сказала она старику, съ улыбкой смотрѣвшему на дѣтей.—Ужъ не можетъ быть, чтобы всѣ...

— Да что же въ воскресенье въ церкви? Священнику велѣли прочесть. Онъ прочелъ. Они ничего не поняли, вздыхали, какъ при всякой проповѣди,—продолжалъ князь.— Потомъ имъ сказали, что вотъ собираютъ на душеспасительное дѣло въ церкви,—ну, они вынули по копѣйкѣ и дали, а на что, они сами не знаютъ.

— Народъ не можетъ не знать; сознаніе своихъ судебъ всегда есть въ народѣ, и въ такія минуты, какъ нынѣшнія, оно выясняется ему,—утвердительно сказалъ Сергѣй Ивановичъ, взглядывая на старика-пчельника.

Красивый старикъ, съ черною съ просѣдью бородой и густыми серебряными волосами, неподвижно стоялъ, держа чашку съ медомъ, ласково и спокойно, съ высоты своего роста, глядя на господъ, очевидно ничего не понимая и не желая понимать.

— Это такъ точно,—значительно покачивая головой,—сказалъ онъ на слова Сергѣя Ивановича.

— Да вотъ спросите у него. Онъ ничего не знаетъ и не думаетъ,—сказалъ Левинъ. — Ты слышалъ, Михайлычъ, объ войнѣ,—обратился онъ къ нему,—вотъ что въ церкви читали? Ты что же думаешь, надо намъ воевать за христіанъ?

— Что-жъ намъ думать? Александръ Николаевичъ, императоръ, насъ обдумалъ, онъ насъ и обдумаетъ во всѣхъ дѣлахъ. Ему виднѣй. Хлѣбушка не принесть ли еще? Парнишкѣ еще дать?—обратился онъ къ Дарьѣ Александровнѣ, указывая на Гришу, который доѣдалъ корку.

— Мнѣ не нужно спрашивать,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—мы видѣли и видимъ сотни и сотни людей, которые бросаютъ все, чтобы послужить правому дѣлу, приходятъ со всѣхъ концовъ Россіи и прямо и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль. Они приносятъ свои гроши, или сами идутъ, и прямо говорятъ зачѣмъ. Что же это значитъ?

— Значитъ, по-моему,—сказалъ начинавшій горячиться Левинъ,—что въ восьмидесяти-милліонномъ народѣ всегда найдутся не сотни, какъ теперь, а десятки тысячъ людей, потерявшихъ общественное положеніе, безшабашныхъ людей, которые всегда готовы... въ шайку Пугачова, въ Хиву, въ Сербію...

— Я тебѣ говорю, что не сотни и не люди безшабаш-

ные, а лучшіе представители народа,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ будто онъ защищалъ послѣднее свое достояніе. — А пожертвованія? Тутъ ужъ прямо весь народъ выражаетъ свою волю.

— Это слово „народъ“ такъ неопредѣленно,—сказалъ Левинъ. — Писаря волостные, учителя и изъ мужиковъ одинъ на тысячу, можетъ - быть, знаютъ, о чемъ идетъ дѣло. Остальные же восемьдесятъ милліоновъ, какъ Михайлычъ, не только не выражаютъ своей воли, но не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ имъ надо бы выражать свою волю. Какое же мы имѣемъ право говорить, что это воля народа?

XVI.

Опытный въ діалектикѣ Сергѣй Ивановичъ, не возражая, тотчасъ же перенесъ разговоръ въ другую область.

— Да если ты хочешь ариѳметическимъ путемъ узнать духъ народа, то, разумѣется, достигнуть этого очень трудно. И подача голосовъ не введена у насъ, и не можетъ быть введена, потому что не выражаетъ воли народа; но для этого есть другіе пути. Это чувствуется въ воздухѣ, это чувствуется сердцемъ. Не говорю уже о тѣхъ подводныхъ теченіяхъ, которыя двинулись въ стоячемъ морѣ народа и которыя ясны для всякаго непредубѣжденнаго человѣка; взгляни на общество въ тѣсномъ смыслѣ. Всѣ разнообразнѣйшія партіи міра интеллигенціи, столь враждебныя прежде, всѣ слились въ одно. Всякая рознь кончилась, всѣ общественные органы говорятъ одно и одно, всѣ почуяли стихійную силу, которая захватила ихъ и несетъ въ одномъ направленіи.

— Да, это газеты всѣ одно говорятъ,—сказалъ князь.—Это правда. Да ужъ такъ-то все одно, что точно лягушки передъ грозой. Изъ за нихъ и не слыхать ничего.

— Лягушки ли, не лягушки, — я газетъ не издаю и защищать ихъ не хочу; но я говорю о единомысліи въ мірѣ интеллигенціи,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, обращаясь къ брату. Левинъ хотѣлъ отвѣчать, но старый князь перебилъ его.

— Ну, про это единомысліе еще другое можно сказать,— сказалъ князь. — Вотъ у меня зятекъ, Степанъ Аркадьевичъ, вы его знаете. Онъ теперь получаетъ мѣсто члена отъ комитета коммиссіи и еще что-то, я не помню. Только дѣлать тамъ нечего,—что-жъ, Долли, это не секретъ! — а 8.000 жалованья. Попробуйте, спросите у него, полезна ли его служба, онъ вамъ докажетъ, что самая нужная. И онъ правдивый человѣкъ, но нельзя же не вѣрить въ пользу восьми тысячъ.

— Да, онъ просилъ меня передать о полученіи мѣста Дарьѣ Александровнѣ,—недовольно сказалъ Сергѣй Ивановичъ, полагая, что князь говоритъ не кстати.

— Такъ-то и единомысліе газетъ. Мнѣ это растолковали: какъ только война, то имъ вдвое дохода. Какъ же имъ не считать, что судьбы народа и славянъ... и все это?

— Я не люблю газетъ многихъ, но это несправедливо,— сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я только бы одно условіе поставилъ,—продолжалъ князь.—Alphonse Karr прекрасно это писалъ передъ войной съ Пруссіей: „Вы считаете, что война необходима? Прекрасно. Кто проповѣдуетъ войну, — въ особый, передовой легіонъ, и на штурмъ, въ атаку, впереди всѣхъ!“.

— Хороши будутъ редакторы!—громко засмѣявшись, сказалъ Катавасовъ, представивъ себѣ знакомыхъ ему редакторовъ въ этомъ избранномъ легіонѣ.

— Да что-жъ, они убѣгутъ,—сказала Долли,—только помѣшаютъ.

— А коли побѣгутъ, такъ сзади картечью, или казаковъ съ плетьми поставить,— сказалъ князь.

— Да это шутка, и нехорошая шутка, извините меня, князь,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я не вижу, чтобы это была шутка, что...—началъ было Левинъ, но Сергѣй Ивановичъ перебилъ его.

— Каждый членъ общества призванъ дѣлать свойственное ему дѣло,—сказалъ онъ.—И люди мысли исполняютъ свое дѣло, выражая общественное мнѣніе. И единодушное и полное выраженіе общественнаго мнѣнія есть заслуга прессы и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное явленіе. Двадцать лѣтъ тому назадъ мы бы молчали, а теперь слышенъ голосъ русскаго народа, который готовъ встать какъ одинъ человѣкъ и готовъ жертвовать собой для угнетенныхъ братьевъ; это—великій шагъ и задатокъ силы.

— Но вѣдь не жертвовать только, а убивать турокъ,—робко сказалъ Левинъ.—Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для своей души, а не для убійства,—прибавилъ онъ, невольно связывая разговоръ съ тѣми мыслями, которыя такъ его занимали.

— Какъ для души? Это, понимаете, для естественника затруднительное выраженіе. Что же это такое душа?—улыбаясь сказалъ Катавасовъ.

— Ахъ, вы знаете!

— Вотъ, ей-Богу, ни малѣйшаго понятія не имѣю!—съ громкимъ смѣхомъ сказалъ Катавасовъ.

— Я не миръ, а мечъ принесъ, говоритъ Христосъ,—съ своей стороны возразилъ Сергѣй Ивановичъ, просто, какъ будто самую понятную вещь, приводя то самое мѣсто изъ Евангелія, которое всегда болѣе всего смущало Левина.

— Это такъ точно,—опять повторилъ старикъ, стоявшій около нихъ, отвѣчая на случайно брошенный на него взглядъ.

— Нѣтъ, батюшка, разбиты, разбиты, совсѣмъ разбиты!—весело прокричалъ Катавасовъ.

Левинъ покраснѣлъ отъ досады, не на то, что онъ былъ разбитъ, а на то, что онъ не удержался и сталъ спорить.

„Нѣтъ, мнѣ нельзя спорить съ ними,—подумалъ онъ;—на нихъ непроницаемая броня, а я голый“.

Онъ видѣлъ, что брата и Катавасова убѣдить нельзя, и еще менѣе видѣлъ возможности самому согласиться съ ними. То, что они проповѣдывали, была та самая гордость ума, которая чуть не погубила его. Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что десятки людей, въ числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право на основаніи того, что имъ разсказывали сотни проходившихъ въ столицы краснобаевъ-добровольцевъ, говорить, что они съ газетами выражаютъ волю и мысль народа, и такую мысль, которая выражается во мщеніи и убійствѣ. Онъ не могъ согласиться съ этимъ потому, что и не видѣлъ выраженія этихъ мыслей въ народѣ, въ средѣ котораго онъ жилъ, и не находилъ этихъ мыслей въ себѣ (а онъ не могъ себя ничѣмъ другимъ считать, какъ однимъ изъ людей, составляющихъ русскій народъ), а главное—потому, что онъ вмѣстѣ съ народомъ не

зналъ, не могъ знать того, въ чемъ состоитъ общее благо, но твердо зналъ, что достиженіе этого общаго блага возможно только при строгомъ исполненіи того закона добра, который открытъ каждому человѣку, и потому не могъ желать войны и проповѣдывать для какихъ бы то ни было общихъ цѣлей. Онъ говорилъ вмѣстѣ съ Михайловичемъ и народомъ, выразившимъ свою мысль въ преданіи о призваніи Варяговъ: „Княжите и владѣйте нами. Мы радостно обѣщаемъ полную покорность. Весь трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя, но не мы судимъ и рѣшаемъ“. А теперь народъ, по словамъ Сергѣй Ивановичей, отрекался отъ этого купленнаго такой дорогою цѣной права.

Ему хотѣлось еще сказать, что если общественное мнѣніе есть непогрѣшимый судья, то почему революція, коммуна не такъ же законны, какъ и движеніе въ пользу славянъ? Но все это были мысли, которыя ничего не могли рѣшить. Одно несомнѣнно можно было видѣть—это то, что въ настоящую минуту споръ раздражалъ Сергѣя Ивановича, и потому спорить было дурно; и Левинъ замолчалъ и обратилъ вниманіе гостей на то, что тучки собрались и что отъ дождя лучше идти домой.

XVII.

Князь и Сергѣй Ивановичъ сѣли въ телѣжку и поѣхали; остальное общество, ускоривъ шагъ, пѣшкомъ пошло домой.

Но туча, то бѣлѣя, то чернѣя, такъ быстро надвигалась, что надо было еще прибавить шага, чтобы до дождя поспѣть домой. Передовыя ея, низкія и черныя, какъ дымъ съ копотью, облака съ необыкновенною быстротой бѣжали по не-

бу. До дома еще было шаговъ двѣсти, а уже поднялся вѣтеръ и всякую секунду можно было ждать ливня.

Дѣти съ испуганнымъ и радостнымъ визгомъ бѣжали впереди. Дарья Александровна, съ трудомъ борясь съ своими, облѣпившими ея ноги, юбками, уже не шла, а бѣжала, не спуская съ глазъ дѣтей. Мужчины, придерживая шляпы, шли большими шагами. Они были уже у самаго крыльца, какъ большая капля ударилась и разбилась о край желѣзнаго жолоба. Дѣти и за ними большіе съ веселымъ говоромъ вбѣжали подъ защиту крыши.

— Катерина Александровна?—спросилъ Левинъ у встрѣтившей ихъ въ передней Агаѳьи Михайловны съ платками и пледами.

— Мы думали, съ вами,—сказала она.

— А Митя?

— Въ Колкѣ, должно быть, и няня съ ними.

Левинъ схватилъ пледы и побѣжалъ въ Колокъ.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени туча уже настолько надвинулась своей серединой на солнце, что стало темно, какъ въ затменіе. Вѣтеръ упорно, какъ бы настаивая на своемъ, останавливалъ Левина, и, обрывая листья и цвѣтъ съ липъ, и безобразно, и странно оголяя бѣлые сучья березъ, нагибалъ все въ одну сторону: акаціи, цвѣты, лопухи, траву и макушки деревьевъ. Работавшія въ саду дѣвки съ визгомъ пробѣжали подъ крышу людской. Бѣлый занавѣсъ проливнаго дождя уже захватилъ весь дальній лѣсъ и половину ближняго поля и быстро подвигался къ Колку. Сырость дождя, разбивавшагося на мелкія капли, слышалась въ воздухѣ.

Нагибая впередъ голову и борясь съ вѣтромъ, который

вырывалъ у него платки, Левинъ уже подбѣгалъ къ Колку, и уже видѣлъ что-то бѣлѣющееся за дубомъ, какъ вдругъ все вспыхнуло, загорѣлась вся земля, и какъ будто надъ головой треснулъ сводъ небесъ. Открывъ ослѣпленные глаза, Левинъ сквозь густую завѣсу дождя, отдѣлившую его теперь отъ Колка, съ ужасомъ увидалъ прежде всего странно измѣнившую свое положеніе зеленую макушку знакомаго ему дуба въ середннѣ лѣса. „Неужели разбило?“ едва успѣлъ подумать Левинъ, какъ, все убыстряя и убыстряя движеніе, макушка дуба скрылась за другими деревьями, и онъ услыхалъ трескъ упавшаго на другія деревья большаго дерева.

Свѣтъ молніи, звукъ грома и ощущеніе мгновенно обданнаго холодомъ тѣла слились для Левина въ одно впечатлѣніе ужаса.

— Боже мой, Боже мой, чтобъ не на нихъ! — проговорилъ онъ.

И хотя онъ тотчасъ же подумалъ о томъ, какъ безсмысленна его просьба о томъ, чтобъ они не были убиты дубомъ, который уже упалъ теперь, онъ повторилъ ее, зная, что лучше этой безсмысленной молитвы онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Добѣжавъ до того мѣста, гдѣ они бывали обыкновенно, онъ не нашелъ ихъ.

Они были на другомъ концѣ лѣса, подъ старою липой, и звали его. Двѣ фигуры въ темныхъ платьяхъ (онѣ прежде были въ свѣтлыхъ), нагнувшись, стояли надъ чѣмъ-то. Это были Кити и няня. Дождь уже переставалъ и начинало свѣтлѣть, когда Левинъ подбѣжалъ къ нимъ. У няни низъ платья былъ сухъ, но на Кити платье промокло

насквозь и всю облѣпляло ее. Хотя дождя уже не было, онѣ все еще стояли въ томъ же положеніи, въ которое онѣ стали, когда разразилась гроза. Обѣ стояли, нагнувшись надъ телѣжкой съ зеленымъ зонтикомъ.

— Живы? Цѣлы? Слава Богу,—проговорилъ онъ, шлепая по неубравшейся водѣ сбивавшеюся, полною воды, ботинкой и подбѣгая къ нимъ.

Румяное и мокрое лицо Кити было обращено къ нему и робко улыбалось изъ-подъ измѣнившей форму шляпы.

— Ну, какъ тебѣ не совѣстно! Я не понимаю, какъ можно быть такъ неосторожной!—съ досадой напалъ онъ на жену.

— Я, ей Богу, не виновата. Только-что хотѣли уйти, тутъ онъ развозился. Надо было его перемѣнить. Мы только-что...—стала извиняться Кити.

Митя былъ цѣлъ, сухъ и не переставая спалъ.

— Ну, слава Богу, я не знаю, что говорю!

Собрали мокрыя пеленки; няня вынула ребенка и понесла его. Левинъ шелъ подлѣ жены, виновато за свою досаду, потихоньку отъ няни, пожимая ея руку.

XVIII.

Въ продолженіе всего дня, за самыми разнообразными разговорами, въ которыхъ онъ какъ бы только одной внѣшней стороной своего ума принималъ участіе, Левинъ, несмотря на разочарованіе въ перемѣнѣ, долженствовавшей произойти въ немъ, не переставалъ радостно слышать полноту своего сердца.

Послѣ дождя было слишкомъ мокро, чтобы идти гулять; притомъ же и грозовыя тучи не сходили съ горизонта и

то тамъ, то здѣсь проходили, гремя и чернѣя, по краямъ неба. Все общество провело остатокъ дня дома.

Споровъ болѣе не затѣвалось, — напротивъ, послѣ обѣда всѣ были въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Катавасовъ сначала смѣшилъ дамъ своими оригинальными шутками, которыя всегда такъ нравились при первомъ знакомствѣ съ нимъ, но потомъ, вызванный Сергѣемъ Ивановичемъ, разсказалъ очень интересныя свои наблюденія о различіи характеровъ и даже физіономій самокъ и самцовъ комнатныхъ мухъ и объ ихъ жизни. Сергѣй Ивановичъ тоже былъ веселъ, и за чаемъ, вызванный братомъ, изложилъ свой взглядъ на будущность восточнаго вопроса, и такъ просто и хорошо, что всѣ заслушались его.

Только одна Кити не могла дослушать его,—ее позвали мыть Митю.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода Кити и Левина вызвали къ ней въ дѣтскую.

Оставивъ свой чай и тоже сожалѣя о перерывѣ интереснаго разговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоясь о томъ, зачѣмъ его звали, такъ какъ это случалось только при важныхъ случаяхъ, Левинъ пошелъ въ дѣтскую.

Несмотря на то, что недослушанный планъ Сергѣя Ивановича о томъ, какъ освобожденный сорока-милліонный міръ славянъ долженъ вмѣстѣ съ Россіей начать новую эпоху въ исторіи, очень заинтересовалъ его, какъ нѣчто совершенно новое для него, несмотря на то, что и любопытство и безпокойство о томъ, зачѣмъ его звали, тревожили его,—какъ только онъ остался одинъ, выйдя изъ гостиной, онъ тотчасъ же вспомнилъ свои утреннія мысли. И всѣ эти соображенія о значеніи славянскаго элемента во всемірной

исторіи показались ему такъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось въ его душѣ, что онъ мгновенно забылъ все это и перенесся въ то самое настроеніе, въ которомъ былъ нынче утромъ.

Онъ не вспоминалъ теперь, какъ бывало прежде, всего хода мысли (этого не нужно было ему). Онъ сразу перенесся въ то чувство, которое руководило имъ, которое было связано съ этими мыслями, и нашелъ въ душѣ своей это чувство еще болѣе сильнымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ прежде. Теперь съ нимъ не было того, что бывало при прежнихъ придумываемыхъ успокоеніяхъ, когда надо было возстановить весь ходъ мысли для того, чтобы найти чувство. Теперь, напротивъ, чувство радости и успокоенія было живѣе, чѣмъ прежде, а мысль не поспѣвала за чувствомъ.

Онъ шелъ черезъ террасу и смотрѣлъ на выступавшія двѣ звѣзды на потемнѣвшемъ уже небѣ и вдругъ вспомнилъ: „Да, глядя на небо, я думалъ о томъ, что сводъ, который я вижу, не есть неправда, и при этомъ что-то я не додумалъ, что-то я скрылъ отъ себя,—подумалъ онъ.—Но, что̀ бы тамъ ни было, возраженія не можетъ быть. Сто̀итъ подумать—и все разъяснится!“

Уже входя въ дѣтскую, онъ вспомнилъ, что такое было то, что онъ скрылъ отъ себя. Это было то, что если главное доказательство Божества есть Его откровеніе о томъ, что есть добро, то почему это откровеніе ограничивается одною христіанскою церковью? Какое отношеніе къ этому откровенію имѣютъ вѣрованія буддистовъ, магометанъ, тоже исповѣдующихъ и дѣлающихъ добро?

Ему казалось, что у него есть отвѣтъ на этотъ вопросъ;

но онъ не успѣлъ еще самъ себѣ выразить его, какъ вошелъ въ дѣтскую.

Кити стояла съ засученными рукавами у ванны надъ полоскавшимся въ ней ребенкомъ и, заслышавъ шаги мужа, повернувъ къ нему лицо, улыбкой звала его къ себѣ. Одною рукой она поддерживала подъ голову плавающаго на спинѣ и корячившаго ножонками пухлаго ребенка, другою она, равномѣрно напрягая мускулы, выжимала на него губку.

— Ну вотъ, посмотри, посмотри! — сказала она, когда мужъ подошелъ къ ней.—Агаѳья Михайловна права. Узнаетъ.

Дѣло шло о томъ, что Митя съ нынѣшняго дня, очевидно, несомнѣнно уже узнавалъ всѣхъ своихъ.

Какъ только Левинъ подошелъ къ ваннѣ, ему тотчасъ же былъ представленъ опытъ, и опытъ вполнѣ удался. Кухарка, нарочно для этого призванная, нагнулась къ ребенку. Онъ нахмурился и отрицательно замоталъ головой. Кити нагнулась къ нему, онъ просіялъ улыбкой, уперся ручками въ губку и запрукалъ губами, производя такой довольный и странный звукъ, что не только Кити и няня, но и Левинъ пришелъ въ неожиданное восхищеніе.

Ребенка вынули на одной рукѣ изъ ванны, окатили водой, окутали простыней, вытерли и, послѣ пронзительнаго крика, подали матери.

— Ну, я рада, что ты начинаешь любить его,—сказала Кити мужу, послѣ того, какъ она, съ ребенкомъ у груди, спокойно усѣлась на привычномъ мѣстѣ.—Я очень рада. А то это меня уже начинало огорчать. Ты говорилъ, что ничего къ нему не чувствуешь.

— Нѣтъ, развѣ я говорилъ, что я не чувствую? Я только говорилъ, что я разочаровался.

— Какъ, въ немъ разочаровался?

— Не то, что разочаровался въ немъ, а въ своемъ чувствѣ; я ждалъ больше. Я ждалъ, что, какъ сюрпризъ, распустится во мнѣ новое, пріятное чувство. И вдругъ—вмѣсто этого—гадливость, жалость...

Она внимательно слушала его черезъ ребенка, надѣвая на тонкіе пальцы кольца, которыя она снимала, чтобы мыть Митю.

— И главное, что гораздо больше страха и жалости, чѣмъ удовольствія. Нынче, послѣ этого страха во время грозы, я понялъ, какъ я люблю его.

Кити просіяла улыбкой.

— А ты очень испугался?—сказала она.—И я тоже, но мнѣ теперь больше страшно, какъ ужъ прошло. Я пойду посмотрѣть дубъ. А какъ милъ Катавасовъ! Да и вообще цѣлый день было такъ пріятно. И ты съ Сергѣемъ Ивановичемъ такъ хорошъ, когда ты захочешь... Ну, иди къ нимъ. А то послѣ ванны здѣсь всегда жарко и паръ.

XIX.

Выйдя изъ дѣтской и оставшись одинъ, Левинъ тотчасъ же опять вспомнилъ ту мысль, въ которой было что-то неясно.

Вмѣсто того, чтобы идти въ гостиную, изъ которой слышны были голоса, онъ остановился на террасѣ и, облокотившись на перила, сталъ смотрѣть на небо.

Уже совсѣмъ стемнѣло, и на югѣ, куда онъ смотрѣлъ, не было тучъ. Тучи стояли съ противной стороны. Оттуда вспыхивала молнія и слышался дальній громъ. Левинъ прислушивался къ равномѣрно падающимъ съ липъ въ саду

каплямъ и смотрѣлъ на знакомый ему треугольникъ звѣздъ и на проходящій въ серединѣ его млечный путь съ его развѣтвленіемъ. При каждой вспышкѣ молніи, не только млечный путь, но и яркія звѣзды исчезали, но, какъ только потухала молнія, опять, какъ будто брошенныя какой-то мѣткою рукой, появлялись на тѣхъ же мѣстахъ.

„Ну, что же смущаетъ меня?“ сказалъ себѣ Левинъ, впередъ чувствуя, что разрѣшеніе его сомнѣній, хотя онъ не знаетъ еще его, ужъ готово въ его душѣ.

„Да, одно очевидное, несомнѣнное проявленіе Божества — это законы добра, которые явлены міру откровеніемъ и которые я чувствую въ себѣ, и въ признаніи которыхъ я не то что соединяюсь, а волею-неволею соединенъ съ другими людьми въ одно общество вѣрующихъ, которое называютъ церковью. Ну, а евреи, магометане, конфуціанцы, буддисты—что же они такое?“—задалъ онъ себѣ тотъ самый вопросъ, который и казался ему опаснымъ. —Неужели эти сотни милліоновъ людей лишены того лучшаго блага, безъ котораго жизнь не имѣетъ смысла?—Онъ задумался, но тотчасъ же поправилъ себя.—Но о чемъ же я спрашиваю? — сказалъ онъ себѣ.—Я спрашиваю объ отношеніи къ Божеству всѣхъ разнообразныхъ вѣрованій всего человѣчества. Я спрашиваю объ общемъ проявленіи Бога для всего міра со всѣми этими туманными пятнами. Что же я дѣлаю? Мнѣ лично, моему сердцу открыто несомнѣнно знаніе, непостижимое разумомъ, а я упорно хочу разумомъ и словами выразить это знаніе.

„Развѣ я не знаю, что звѣзды не ходятъ?—спросилъ онъ себя, глядя на измѣнившую уже свое положеніе къ высшей вѣткѣ березы яркую планету. — Но я, глядя на движеніе

звѣздъ, не могу представлять себѣ вращенія земли, и я правъ, говоря, что звѣзды ходятъ.

„И развѣ астрономы могли бы понять и вычислить что-нибудь, еслибы они принимали въ расчетъ всѣ сложныя разнообразныя движенія земли? Всѣ удивительныя заключенія ихъ о разстояніяхъ, вѣсѣ, движеніяхъ и возмущеніяхъ небесныхъ тѣлъ основаны только на видимомъ движеніи свѣтилъ вокругъ неподвижной земли, на томъ самомъ движеніи, которое теперь передо мной и которое было такимъ для милліоновъ людей въ продолженіе вѣковъ и было и будетъ всегда одинаково, и всегда можетъ быть повѣрено. И точно такъ же, какъ праздны и шатки были бы заключенія астрономовъ, не основанныя на наблюденіяхъ видимаго неба, по отношенію къ одному меридіану и одному горизонту, такъ праздны и шатки были бы и мои заключенія, не основанныя на томъ пониманіи добра, которое для всѣхъ всегда было и будетъ одинаково и которое открыто мнѣ христіанствомъ, и всегда въ душѣ моей можетъ быть повѣрено. Вопроса же о другихъ вѣрованіяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Божеству я не имѣю права и возможности рѣшить".

— А, ты не ушелъ?—сказалъ вдругъ голосъ Кити, шедшей тѣмъ же путемъ въ гостиную.—Что, ты ничѣмъ не разстроенъ?—сказала она, внимательно вглядываясь при свѣтѣ звѣздъ въ его лицо.

Но она все-таки не разсмотрѣла бы его лица, еслибъ опять молнія, скрывшая звѣзды, не освѣтила его. При свѣтѣ молніи она разсмотрѣла все его лицо и, увидавъ, что онъ спокоенъ и радостенъ, улыбнулась ему.

„Она понимаетъ,—думалъ онъ, — она знаетъ, о чемъ я

думаю. Сказать ей или нѣтъ? Да, я скажу ей". Но въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ начать говорить, она заговорила тоже.

— Вотъ что, Костя! Сдѣлай одолженіе,—сказала она,—поди въ угловую и посмотри, какъ Сергѣю Ивановичу все устроили. Мнѣ неловко. Поставили ли новый умывальникъ?

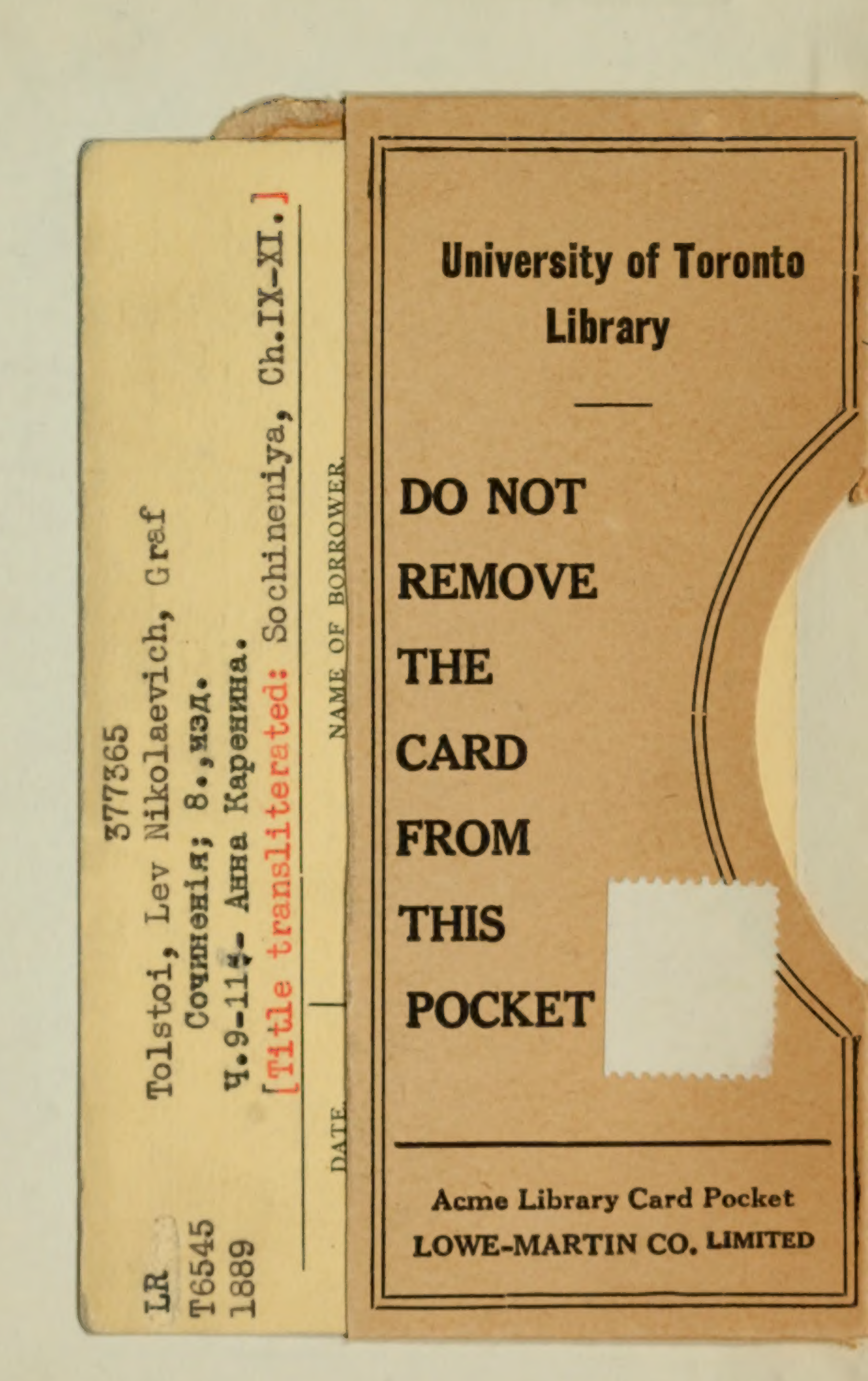
— Хорошо, я пойду непремѣнно,—сказалъ Левинъ, вставая и цѣлуя ее.

„Нѣтъ, не надо говорить,—подумалъ онъ, когда она прошла впередъ его.—Это тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами.

„Это новое чувство не измѣнило меня, не осчастливило, не просвѣтило вдругъ, какъ я мечталъ, — такъ же, какъ и чувство къ сыну. Никакого сюрприза тоже не было. А вѣра не вѣра, я не знаю что это такое, но чувство это такъ же незамѣтно вошло страданіями и твердо засѣло въ душѣ.

„Такъ же буду сердиться на Ивана кучера, такъ же буду спорить, буду некстати высказывать свои мысли, такъ же будетъ стѣна между святая-святыхъ моей души и другими, даже женой моей, такъ же буду обвинять ее за свой страхъ и раскаиваться въ этомъ, такъ же буду не понимать разумомъ, зачѣмъ я молюсь, и буду молиться; но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо отъ всего, что можетъ случиться со мной, каждая минута ея — не только не безсмысленна, какъ была прежде, но имѣетъ несомнѣнный смыслъ добра, который я властенъ вложить въ нее.

КОНЕЦЪ.

LR
T6545
1889
377365
Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf
Сочиненія; 8., изд.
Ч.9-11.- Анна Каренина.
[Title transliterated: Sochineniya, Ch.IX-XI.]
DATE
NAME OF BORROWER.
University of Toronto Library
DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED